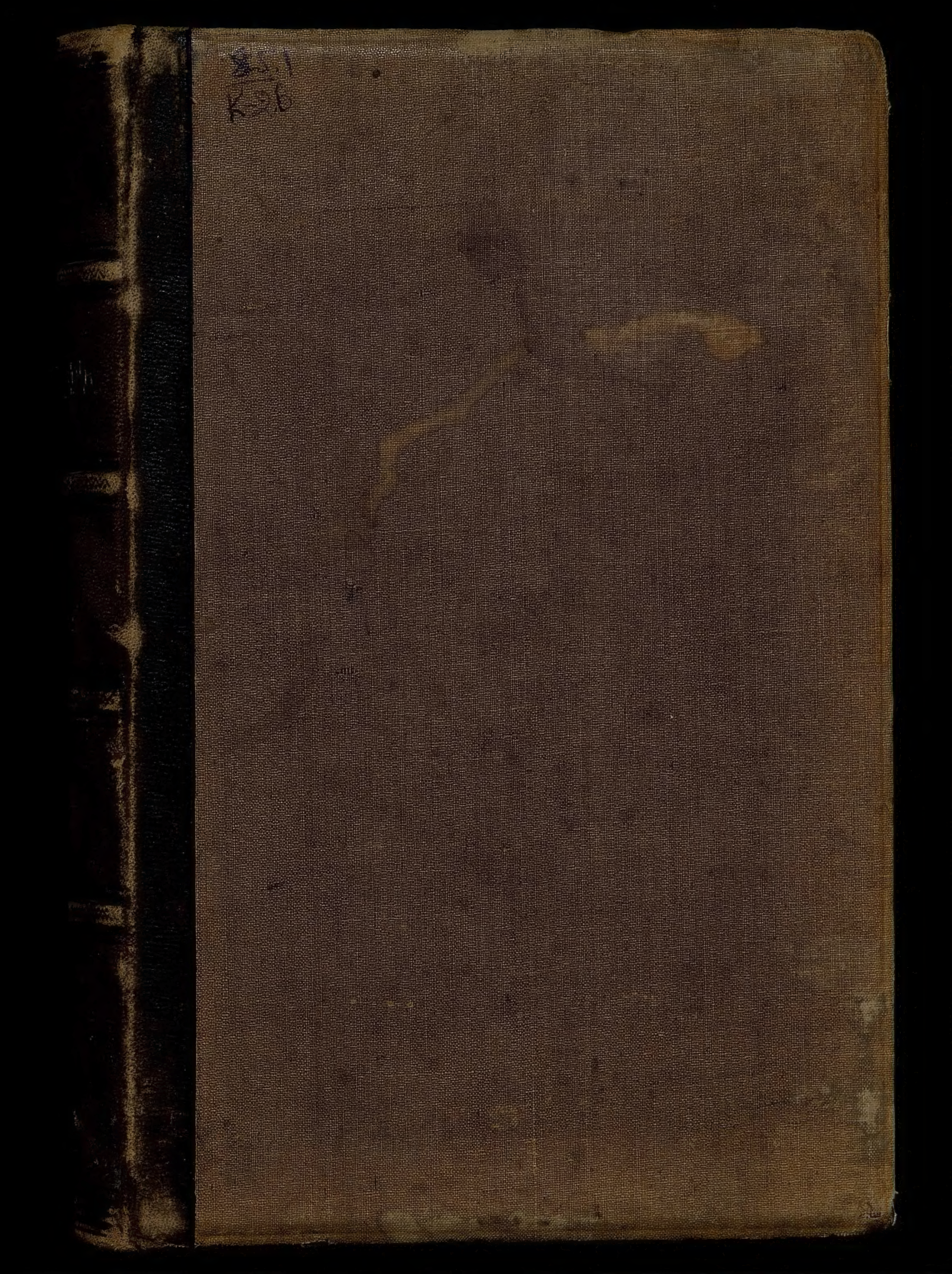


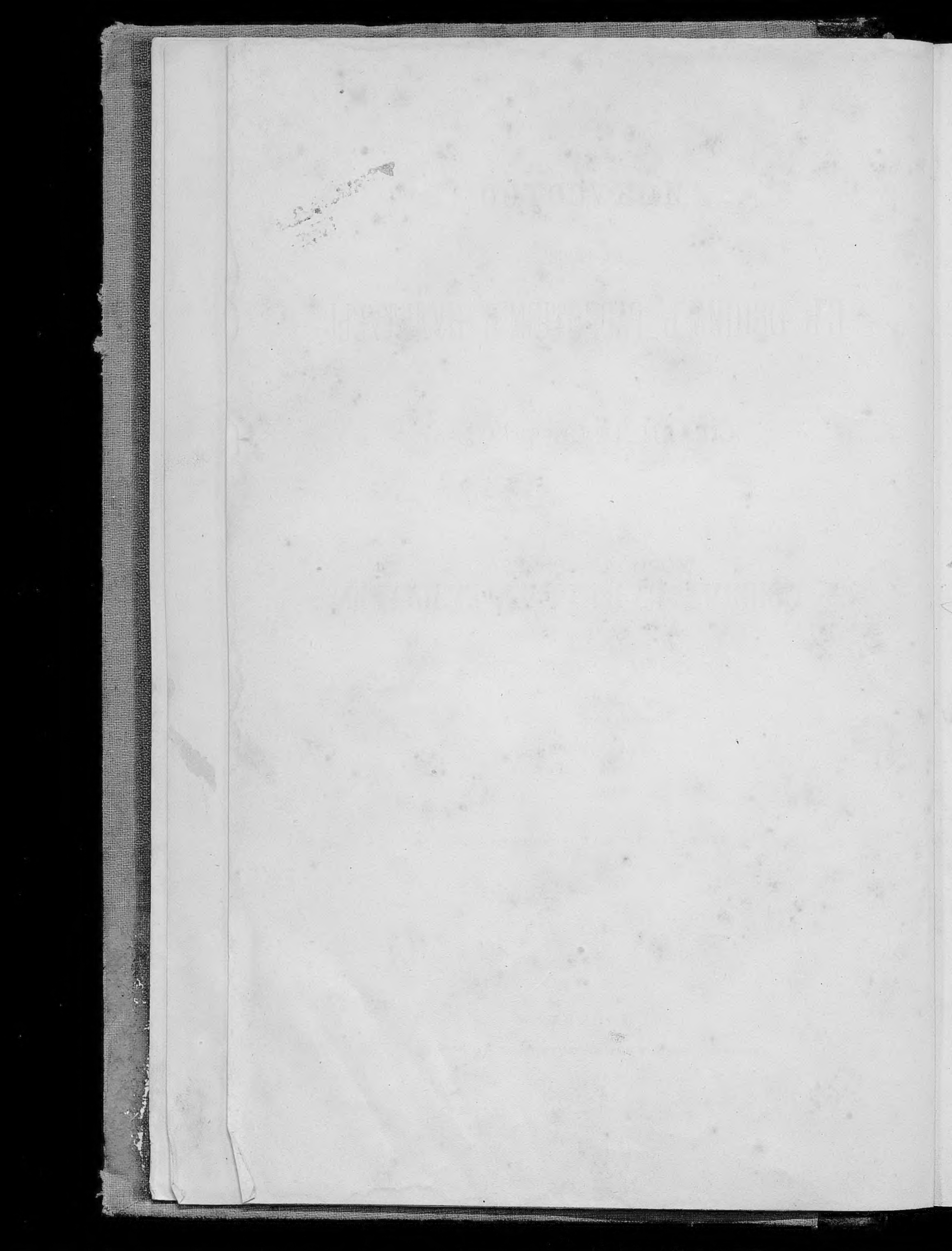
9

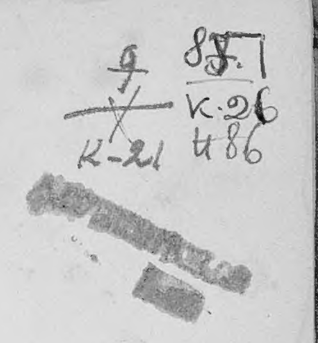
ИСКУССТВО

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ РАЗВИТІЕМЪ КУЛЬТУРЫ

И ИДЕАЛЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.





ИСКУССТВО

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ РАЗВИТІЕМЪ КУЛЬТУРЫ

И

ИДЕАЛЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

сочиненіе

МОРИЦА КАРРЬЕРА.

Переводъ Е. Корша.

ТОМЪ II.

ЭЛЛАДА И РИМЪ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К. У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.

1871.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаю друзьямъ своимъ первый опытъ исторіи греческаго и римскаго духа, первый опытъ развитія всѣхъ искусствъ въ общей связи ихъ между собою, а также въ связи съ жизнію, съ религіей и съ наукой въ эпоху классической древности. Подобно предъидущему тому моего труда, представившему самые ранніе зачатки культуры и картину Востока, и этотъ задается двойною цѣлію: вопервыхъ, изложить ясно и живо благонадежные добытки научныхъ розысканій для обширнѣйшаго круга людей съ общимъ образованіемъ, а вовторыхъ, доставить возможность и знатокамъ частныхъ сферъ этой области оглянуть ее за одинъ разъ въ цѣломъ, оглянуть стройное согласіе многоразличныхъ ея подробностей, всмотрѣться въ законы ея постепеннаго сложенія и видообразованья, — вообще же попытать, насколько удастся теперь общая картина духовнаго космоса. Все это вмѣстѣ можно пожалуй назвать и философіей исторіи съ эстетической точки зрѣнья: тутъ на первомъ планѣ идея прекраснаго, искусство, но она всегда разсматривается въ органической связи съ государствомъ и съ религіей, отчего все многоразличіе ея формъ является естественнымъ выраженіемъ своеобразнаго содержанья и извѣстныхъ опредѣленныхъ помысловъ.

То, что̀ я излагаю въ этомъ томѣ, я, за немногими исключеніями, все видѣлъ или перечиталъ самъ; бо̀льшую часть описываемаго я даже нарочно

пересмотрѣлъ снова, чтобы передать читателю возможно-свѣжее впечатлѣніе; собственныя сужденія старался я критически провѣрить на томъ, что̀ сдѣлано до меня лучшими учеными каждымъ по его части. Нѣкоторые желали при этомъ ближайшихъ ссылокъ на источники; но кому онѣ нужны, тотъ вдоволь найдетъ ихъ въ превосходныхъ руководствахъ: по археологіи искусства—Отфрида Мюллера, по греческой и римской литературѣ — Бернгарди. Съ меня достаточно было допускать въ строительный матерьялъ моего сочиненія только то, что̀ по зрѣломъ изслѣдованіи я признавалъ за лучшее; а еслибъ мнѣ пришлось давать еще каждый разъ отчетъ въ своемъ выборѣ и оспоривать тѣ взгляды, которые я считаю менѣе удовлетворительными, то я далеко перешелъ бы за предѣлы предначертаннаго мною плана. Очень интересно было бы написать критическую исторію всѣхъ взглядовъ на мастерскія античныя произведенія, изложить поступательный ходъ ихъ обслѣдованія и обсужденья; это показало бы намъ, какъ въ теченіе вѣковъ Греки постепенно выдвигались на первый планъ изъ-за Римлянъ, какъ отдѣльные писатели ихъ то выступали вдругъ на свѣтъ, то скрывались опять въ тѣнь забвенія, какъ вообще мѣнялись воззрѣнія на различныхъ художниковъ, на то или другое замѣчательное произведеніе, какъ наконецъ выработался мало по малу нынѣшній на это взглядъ. Но такая обработка взглядовъ на классическую древность потребовала бы для себя одной гораздо больше мѣста, нежели я могъ удѣлить его цѣлой всемірной исторіи искусствъ, и я прошу критиковъ не забывать при оцѣнкѣ настоящаго отдѣла моей книги, что я имѣлъ въ виду именно лишь такую исторію. Отъ этого зависитъ и то, сколько я давалъ у себя простора той или другой частности, смотря по общечеловѣческому ея значенью. Что̀ знаменуетъ особую ступень духовнаго развитія, то конечно подробнѣй и излагалось.

Со временъ Фосса и Ф. А. Вольфа много сдѣлано превосходнаго по части передачи на нѣмецкій языкъ древнихъ поэтовъ и прозаиковъ; напомню только о двухъ переводныхъ библіотекахъ въ Штуттгартѣ, объ именахъ такихъ образцовъ въ этомъ дѣлѣ, какъ Тýдихумъ, Ви́дамъ, Ми́нквицъ, До̀нneръ, Дрòйзенъ, Гéрцбергъ, Гейзе, Шёлль, Тёйффель. Тамъ гдѣ привожу я мѣста изъ древнихъ, я обыкновенно держусь котораго нибудь изъ этихъ мастеровъ; иное же сообразно своей цѣли стараюсь передать и самъ, или дозволяю себѣ иногда отмѣны противъ своихъ предшествен-

никовъ, на которыя хотя особенно и не указываю, да однакожь и не желаю навязать ихъ ни кому другому. Вообще я думаю, что въ такихъ случаяхъ надо дѣлать собственный свой переводъ про себя, но всегда сличать его съ прежними, и за тѣмъ держаться уже того, чтó выйдетъ всего удачнѣй.

Если на Востокѣ человѣческій духъ еще слишкомъ часто подчинялся владычеству природы, то въ Греціи и въ Римѣ онъ пришелъ съ нимъ въ равновѣсіе; новая пора началась за тѣмъ углубленіемъ духа въ самого себя, постепеннымъ возвышеніемъ его надъ природой. Естественный идеалъ человѣчества осуществился въ классической древности; идеалъ внутренняго чувства, сердца, вступилъ во всемірную исторію съ личностью Христа и съ появленіемъ новоарійскихъ народовъ (Славянъ, Кельтовъ, Германцевъ *); и если мы говоримъ потомъ о царствѣ духа, какъ о цѣли стремленій новѣйшаго человѣчества, то мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, чтобы духъ былъ безъестественъ или безсердеченъ, точно такъ же какъ вовсе не думаемъ отрицать сердце у древности, или духъ у средневѣковой эпохи: во всѣхъ подобныхъ опредѣленіяхъ дѣло идетъ лишь объ указаніи на то, чѣмъ рѣшительно знаменуется извѣстное время, чтó составляетъ ядро и вѣнецъ, вершину и цвѣтъ даннаго быторазвитія. Такъ, напримѣръ, Греція совершила славные политическіе подвиги, Римъ произвелъ высокія поэтическія и архитектоническія созданья, и не смотря на то мы все-таки должны сказать, что здѣсь всемірное величіе народа и высшую сферу его дѣятельности составляютъ право и государство, а въ Греціи—искусство; все подчинено этому высшему, все получаетъ отъ него особый пошибъ; цѣлесообразное, полезное ставится въ Римѣ въ такую же точно связь съ добромъ, какъ въ Элладѣ прекрасное, хотя впрочемъ и у Римлянъ мощно заявилъ себя смыслъ формъ, хотя и Греки очень хорошо умѣли оцѣнить блага жизни и свободы по внутреннему ихъ содержанію.

На Востокѣ, начиная съ Египта, общимъ дѣломъ и выраженіемъ народностей, верховоднымъ такъ-сказать искусствомъ, была архитектура,

---

*) Въ предисловіи ко второй части авторъ упомянулъ тутъ собственно объ однихъ Германцахъ. Но такъ какъ онъ исправилъ потомъ односторонность этого выраженія въ предисловіи къ слѣдующему тому, то мы предпочитаемъ воспользоваться его позднѣйшею поправкою уже и здѣсь. Прим. Перев.

эта первая побѣда духа надъ массою; въ классической древности играетъ ту же роль пластика. Своеобразность ея проникаетъ не только архитектуру и живопись, но даже поэзію и музыку; она проявляется въ характерѣ великихъ людей, въ строѣ общественной жизни и въ религіи. Далѣе, историческое значеніе классической древности вижу я еще и въ томъ, что культуру свою начинаетъ она не исперва, не сначала, а къ наслѣдію, вынесенному изъ арійской прародины, притращиваетъ и по содержанію и по формѣ добытки Египта, Вавилона, Малой Азіи, заканчивая собой такимъ образомъ гармонически все дохристіанское образованье. Въ Греціи совершилось это идеальнымъ путемъ, а Римъ далъ потомъ всеобщей культурѣ реальную основу покореніемъ міра своему владычеству. Народно-эллинскій элементъ усвоенъ былъ Римлянами на столько, насколько онъ оказался всепригоднымъ, и черезъ это именно стали они посредствующимъ звеномъ между Греціей и новымъ временемъ. Для меня главнымъ дѣломъ было уловить оригинальный характеръ Грековъ и Римлянъ въ общемъ потокѣ человѣческаго развитія и обрисовать его какъ живой членъ слагающагося организма исторіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Начало и развитіе пластики и живописи.

Персидскія войны; Аѳины во время Перикла и ихъ паденіе.

Прозаическое искусство; ораторы и историки.

Философія духа.

Драма.

А. ЕЯ РАЗВИТІЕ И ПОШИБЪ ВООБЩЕ.

Б. ТРАГЕДІЯ.

а) Эсхилъ.

б) Софоклъ.

в) Эврипидъ и другіе трагики.

Постройки изваянія и живопись *)

Новая Комедія и идиллія; александрійская литература; философія.

РИМЪ. Стр. 333—484.

Коренныя черты Римлянства.

Древніе Италійцы.

Этруски.

Римъ въ эпоху царей.

Республика до начала міродержавства.

---

*) Въ заголовкѣ текста слово: живопись опущено по недосмотру переводчика.

~~~
~~~

ЭЛЛАДА.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

Пріютное убѣжище нашелъ ты себѣ, странникъ, въ нашемъ доброконномъ краю,
Въ Колонѣ, что́ такъ ярко бѣлѣетъ еще и́зъ дали,
Гдѣ стаи голосистыхъ соловьевъ заливаются то́мной пѣснью въ зеленыхъ дубровахъ,
Гнѣздясь въ темномъ плющѣ и въ заповѣдно́й чащѣ бога,
Отягченной плодами, недоступной ни солнцу, ни вѣтрамъ,
Гдѣ въ сладкомъ упоеніи шумно ликуетъ Діонизъ
Съ толпою богинь, своихъ пѣ́стуницъ.

Подъ небесной росой непрерывно цвѣтетъ здѣсь нарциссъ въ пышныхъ гроздьяхъ,
Искони вѣнчавшій васъ обѣихъ,
Богини великія *, и рядомъ желтѣетъ шафранъ золотистый; а вѣчно-бьющіе ключи
Безъ устали наполняютъ русло Кефисса,
И каждый день вновь углубляетъ онъ эту землю,
Орошая чистой влагою широкіе луга,
Гдѣ раздолье Музамъ водить хороводы,
Гдѣ такъ любо и золотовожжей Афродитѣ. **

Есть здѣсь одно растеніе — не слыхать чтобъ оно водилось въ Азіи,
Ни на обширномъ дорійскомъ островѣ Пелопса, —
Растенье дикое, самородное,
Вражьимъ копьямъ на страхъ ***,
Плодится оно у насъ само собой и блещетъ чудной зеленью.
И не истребить вовѣкъ вѣтвистой, густолистой нашей маслины
Ни юношѣ, ни старцу насильственной рукою:
Самъ Зевсъ Ма́слинникъ блюдетъ ее окомъ милости,
И Аѳина сторожитъ огнеметнымъ взоромъ.

---

* Деметру и Персефону, которыя обыкновенно изображались въ нарциссовыхъ вѣнкахъ.
** Афродита правитъ золотыми вожжами запряженныхъ въ колесницу ея голубей.
*** Маслина въ Акрополѣ, сожженная до тла Ксерксомъ, на другой же день пустила молодой отпрыскъ; Архидамъ, овладѣвъ Аѳинами, не посмѣлъ коснуться заповѣдныхъ маслинъ.

Еще одну славу, и самую притомъ свѣтлую, долженъ я причесть за своей родиной:
Это подлинно особый даръ великаго бога *,
Главная ея гордость, — кони и мореплаванье!
О Кронидъ, ты вѣдь надѣлилъ ее этимъ:
Царь Посейдонъ, не здѣсь ли впервые наложилъ ты ретивому коню
Смиряющія удила?
И отъ тебя же идетъ быстродвижное, сподручное весло,
Что такъ дивно прядаетъ по морю подъ пляску стоногой вереницы Нереидъ! **

Мы въ правѣ повторить въ радостный привѣтъ самимъ себѣ софокловскій этотъ хоръ (изъ «Эдипа въ Колонѣ»), вступая теперь, среди поисковъ своихъ за памятниками изящнаго, на чудную эллинскую почву. Здѣсь встрѣчаетъ насъ не обширная и сплошь одинаковая рѣчная область, обусловливающая всегда болѣе или менѣе однообразный бытъ для жителей; противоположность многосуставчатой суши и врѣзывающихся въ нее морскихъ бухтъ и заливовъ, опоясанныхъ горами внутреннихъ долинъ и каймой вездѣ открытыхъ береговъ съ обступившими ихъ островами, представляетъ такую пеструю разнохарактерность, такую быстросмѣнную череду тверди и перекатной морской зыби, суровыхъ хребтовъ и плодоносныхъ низинъ или очаровательныхъ побережій, что на пространствѣ нѣсколькихъ градусовъ широты намъ предстаетъ здѣсь чудное, нигдѣ не виданное разнообразіе климата: на сѣверѣ есть буковые лѣса, заносимые зимой снѣжною мятелью, середняя полоса украшена вѣчно-зеленѣющими деревьями, а на югѣ въ эѳирно-прозрачномъ воздухѣ качается уже стройная пальма и благоухаютъ померанцы и лимоны цѣлыми рощами; тамъ на вышинѣ пасетъ стадо горный пастухъ, а внизу досужій земледѣлъ собираетъ пшеницу, вино и оливковое масло въ изобиліи. Природа вызываетъ человѣка на трудъ и на обмѣнъ его произведеній, и щедро вознаграждаетъ за эту дѣятельность. На востокѣ одинъ полуостровъ выдвинулся обокъ съ другимъ въ море, и съ каждаго изъ разсѣянныхъ въ промежуткѣ островковъ корабельщику виденъ всегда другой, а за нимъ третій, пока не достигнетъ онъ малоазійскаго берега и не найдетъ тамъ почти той же самой обстановки что и у себя дома. Подобно островамъ замкнуты въ себѣ и своебытно обособлены разные края Эллады, но всѣ въ то же время и легко доступны; по этимъ живымъ указаніямъ природы населеніе распалось на колѣна или небольшія племена, на волости или мѣстные союзы, оживляемые каждый преобладающей наклонностью къ тому или другому роду самобытнаго существованія. Они соединяются въ общину, въ одинъ городъ, находятъ въ немъ удовлетвореніе своимъ потребностямъ, защищаютъ въ немъ свою свободу. И при всей многочисленности такихъ отдѣльныхъ союзовъ, въ нихъ тѣмъ не менѣе царитъ одинъ общій духъ; всѣ они единятся живой, постоянно обновляющейся связью одного общаго имъ слова, котораго совокупность только еще выигрываетъ отъ особенныхъ преимуществъ каждаго от-

* Посейдонъ, также покровитель Аѳинъ, не только надѣлилъ ихъ удобными пристанями для мореходства: ударомъ своего трезубца онъ вывелъ изъ земли коня и научилъ Аѳинянъ править этимъ животнымъ. Оттого и слыли они доброконными.

** Пятьдесятъ дочерей морского божества, Нерея: вотъ почему вереница ихъ зовется стоногою.

дѣльнаго нарѣчія; что́ бы ни произвела совершеннаго та либо другая мѣстность по особому ея свойству, все это, какъ частный, близко подходящій звукъ, тотчасъ же вливается въ гармонію цѣлаго.

Но природа дружески идетъ навстрѣчу не только любви къ свободѣ и гражданственности, но такъ же точно и навстрѣчу эстетическому чувству. Формы и краски предстаютъ взорамъ Эллина въ дивной силѣ и неистощимомъ обиліи; онѣ будятъ и питаютъ въ немъ природную созерцательность и охоту воспроизводить свои созерцанья. «Вліяніе самого неба должно оживлять тѣ сѣмена, изъ которыхъ предстоитъ произрости искусству, а Греція «была для этихъ сѣмянъ можно-сказать избранною почвою.» Такъ выражался еще Винкельманъ, а всѣ новѣйшія описанія дѣйствительно приводятъ насъ къ тому, что нѣтъ ни одного края который бы соединялъ въ себѣ до такой степени красоты всѣхъ различныхъ странъ Европы. Спускаясь изъ коневодныхъ равнинъ Ѳессаліи по берегу Пенея въ Темпейскую долину, путникъ какъ будто ударомъ волшебнаго жезла вдругъ переносится изъ благословенныхъ пажитей сѣверной Германіи въ самую среду роскошныхъ чаръ италійской природы, а черезъ часъ дальнѣйшей ѣзды той же самой долиною, его внезапно обступаетъ громадой величавыхъ утесовъ суровая, истинно-альпійская страна. Природа является здѣсь пластическою художницей, умѣющей мирно сопоставить кротость съ дикостью и придать смѣло возносящимся горамъ стройныя очертанія и размашисто-мягкіе изгибы; а за тѣмъ тутъ же манитъ она взоръ на широкое раздолье моря съ его вѣчнымъ прибоемъ, образующимъ у матерого берега все новыя теченія, все новые перекаты зыби. Надъ обширной синевою водъ подымаются зеленые лѣса и поляны, высятся въ голубое небо туманно-блестящіе верхи горъ, и начиная съ свѣжей утренней зари вплоть до знойно-теплаго вечера солнце вызываетъ вездѣ плѣнительные оттѣнки, такіе яркіе и воздушно-легкіе, такіе разнотонные и вмѣстѣ переливчатые, что упоенный ими глазъ едва можетъ на нихъ налюбоваться и вслѣдъ за тѣмъ всегда опять отдыхаетъ съ новымъ услажденіемъ на дивной красотѣ твердыхъ формъ, какъ бы затонувшихъ въ этомъ чарующемъ вполнѣ обворожительномъ фонѣ. Ктому же и тѣло человѣка, сильное и гибкое, свободно здѣсь отъ всякой лишней полноты; оно опредѣленно въ своихъ формахъ, но все же однако съ такой мѣрою, что явственное расчлененіе частей ни мало не въ ущербъ объединяющей округлости въ цѣломъ. По мнѣнію одного изъ даровитѣйшихъ естествовѣдовъ нашего времени, Карла Снелля, пластика природы впервые только въ Грекѣ достигла высшей своей закопченности. Въ дѣтскую пору человѣчества мы находимъ еще слишкомъ явный перевѣсъ природы надъ духомъ; внѣшнія вліянія и условія слишкомъ сильно отпечатлѣваются въ народномъ характерѣ; въ позднѣйшее же время зрѣлая выработка внутренняго міра мысли легко чрезмѣру сосредоточивается сама въ себѣ и теряетъ свою природную свѣжесть въ слишкомъ искусственной, натянутой постановкѣ отношеній: только въ Греціи встрѣчаемъ мы первобытную гармонію чувственнаго съ духовнымъ, и душа непосредственно раскрывается тамъ въ прекрасной тѣлесности. Грекъ обработываетъ землю и ея произведенія, а это прямо наводитъ его на необходимость содѣйствія со стороны общества и на необходимость постоянныхъ съ нимъ сношеній, такъ какъ вѣдь только общество можетъ удовлетворить и

его нужды и его потребность въ удовольствіяхъ. Онъ не только захватываетъ въ свою пользу тѣ плоды, какіе предлагаетъ ему почва, но самъ ростить ихъ и воздѣлываетъ, самъ переработываетъ данный матерьялъ по своей мысли и своимъ цѣлямъ. Онъ кладетъ на природу культурный отпечатокъ, но еще безъ многосложной обстановки новаго времени, безъ той лѣстницы посредствующихъ работъ, которая на нашихъ фабрикахъ и заводахъ допускаетъ единичное лицо до выдѣлки только однѣхъ частностей, никогда не давая ему овладѣть цѣлымъ; работа Грека идетъ на открытомъ воздухѣ, и трудящаяся личность, всегда имѣя передъ глазами цѣлое произведеніе, естественно радуется своему находчивому искусству въ его выполненіи.

Эллины одарены художественностью болѣе всѣхъ прочихъ арійскихъ племенъ. Мудрующее глубокомысліе и мечтательная фантастика Индійцевъ мѣшали имъ услаждаться настоящимъ, отнимали у нихъ чутье дѣйствительности, которому суждено было такъ ясно и полномѣрно развиться у Грековъ; но мужественная ихъ энергія не столь исключительно обращена на право, на государство и на властительство, какъ было это напримѣръ въ Римѣ; война скорѣе служила имъ средствомъ добыть себѣ мирный досугъ, благопріятный для художественной и ученой дѣятельности. Личная независимость, задушевность внутренняго чувства сильнѣе даютъ себя знать у Германцевъ; но зато и развитіе послѣднихъ идетъ гораздо медленнѣй, и подобно тому какъ Персы, тоже по преимуществу направленные къ нравственнымъ интересамъ, постепенно образовывались подъ ассирійскимъ, греческимъ и наконецъ могаммеданскимъ вліяніемъ, такъ точно и германская особенность проявила себя вполнѣ только уже по соединеніи съ христіанствомъ, испытавъ потомъ воспитательное дѣйствіе всей классической древности и принявъ въ ней за образецъ себѣ Грековъ. Богатый отъ природы эллинскій духъ не замыкается отъ чужеземныхъ вліяній, но при этомъ развивается съ полной своеобразностью и претворяетъ въ собственную плоть и кровь всѣ какіе бы то ни было данные матерьялы, сообщая имъ форму своей собственной организаціи.

Можно уразумѣть эллинство только изъ понятія о природномъ идеалѣ: это естественный обликъ духа въ полной его законченности. Грекъ всюду онагляживаетъ себѣ идеалъ, и въ любомъ естественномъ обликѣ чаетъ и провидитъ духовное содержанье. Фантазія даетъ ему Аріаднину нить для прохода перепутаннымъ лабиринтомъ жизни, царящій въ мірѣ разумъ предчувствуетъ и постигаетъ онъ изъ гармоническаго согласія его порядковъ и формъ съ своимъ собственнымъ художественнымъ геніемъ, въ устахъ поэтовъ религіозная истина переходитъ въ видимый обликъ, и тогда какъ напримѣръ христіанскіе догматики напрягаютъ всѣ силы мысленно постичь, какимъ образомъ мирятся въ Богѣ правосудіе и милость благодати, Грекъ Фидій разрѣшаетъ эту загадку пластически, вполнѣ убѣдивъ ликомъ Зевса непосредственное созерцаніе въ той истинѣ, что верховное могущество есть вмѣстѣ и верховная благость. Пластика, занимающая средину между всѣми изобразительными искусствами, проявляющая сосредоточенный въ самомъ себѣ духъ во всей полнотѣ его тѣлесности, не дозволяющая массѣ, какъ дѣлаетъ то архитектура, дѣйствовать именно своей массою, а также и не

дающая одного лишь отраженія вещей, какъ съ другой стороны дѣлаетъ живопись, но одушевляющая самое вещество и насыщающая идеальность реальностью, — пластика, которая невсилахъ изобразить ничего проявляющагося помимо отвержденной формы, но которая и не предоставляетъ ни одной черты шаткому намеку, гадательному предчувствію, а напротивъ даетъ сподручному ей содержанью полное всегда обличіе, отовсюда явственную форму, — именно пластика и есть искусство наиболѣе отвѣчающее эллинскому характеру; здѣсь достигла она высшаго своего цвѣта, здѣсь дала тонъ не только всѣмъ прочимъ художествамъ, но можно сказать — совокупному строю жизни, и правообычаю отдѣльныхъ лицъ, и всему общественному побыту, мало этого — самой даже наукѣ. Поэтому въ греческомъ искусствѣ предстаютъ намъ пластически-идеализованными религія и исторія народа, и обѣ носятъ на себѣ отпечатокъ высшей чувственной красоты. Человѣкъ, какъ естественный организмъ духа, — предметъ пластики по преимуществу; въ человѣческомъ образѣ мыслилъ и созерцалъ Грекъ не только боговъ своихъ, но и бившій около него ключъ, и дерево зеленѣвшее у него передъ глазами, и солнце свѣтившее надъ его головой; потому-что и во всемъ этомъ онъ видѣлъ строгозаконное дѣйствіе внутренней силы, и одушевляя ключъ, дерево, солнце, воображалъ ихъ себѣ подобными человѣку. Такъ природа совлекалась своей внѣшности и вводилась въ сферу божества, какъ откровеніе духовнаго и вѣчнаго начала, а боги, въ свою очередь, выходили живыми характерами, отнюдь не масками для готовыхъ уже понятій, но личностями, ростущими вмѣстѣ съ народнымъ сознаніемъ, проявляющими свою идею не во внѣшнихъ признакахъ, не въ частныхъ какихъ-либо примѣтахъ, но въ совокупности облика, и притомъ такъ, что послѣдній выходилъ живою связью всѣхъ отдѣльныхъ чертъ, всѣхъ единичныхъ дѣйствій и движеній. Вотъ какимъ образомъ человѣкъ сталъ для Эллина мѣрою всему на свѣтѣ — по выраженію одного древняго еще мыслителя, и вотъ отчего одинъ современный намъ философъ могъ дать сказанію объ Эдипѣ слѣдующее знаменитое истолкованіе: Грекъ призванъ разрѣшить ту задачу, какую представлялъ Востокъ; онъ приводитъ къ сознанію и осуществляетъ то, чтó всегда оставалось тамъ темнымъ, — гуманную, человѣчную сторону всѣхъ житейскихъ отношеній; разгадка Сфинксова вопроса — именно и есть человѣкъ.

Быть полнымъ, цѣльнымъ человѣкомъ въ равновѣсіи духовной природы съ чувственной, быть слѣдовательно изящнымъ, — вотъ что составляло задачу каждаго Грека; для этого гимнастика должна была укрѣплять тѣло, а музыка — дѣлать гибче душу, очищать и стройно согласовать между собой природные ея побуды. Не наемные гладіаторы, какъ въ Римѣ, выходятъ здѣсь на кровавую потѣху передъ жадною до зрѣлищъ толпой, но самые красивые, сильные и ловкіе юноши и зрѣлые мужи добровольно сходятся изъ разныхъ городовъ и волостей на состязаніе въ Олимпію, чтобы поспорить между собой за первенство въ силѣ, быстротѣ, находчивости, и весь свободный народъ видитъ и чувствуетъ почетъ себѣ въ лицѣ побѣдителя; этого мало — вдохновенный пѣвецъ готовъ тутъ же увѣнчать его безсмертьемъ. Когда во время Ксерксова похода на Грецію, сынъ Артабана, Тритантахмъ, узналъ что наградою въ Олимпіи служитъ только масличная вѣтвь, а вовсе не какія-нибудь драгоцѣнности, онъ, по словамъ Геродота, воскликнулъ: «Ай, ай, на

«кого ведешь ты насъ воевать! — на людей, которые бьются не изъ-за со-«кровищъ, а изъ-за одной доблести!»

И пластическія натуры, цѣльные вполнѣ люди были всѣ эти ораторы, воины, мудрецы и поэты. Какъ полна достоинства осанка и какъ граціозно драпированъ плащъ у этого осѣненнаго шлемомъ Перикла, когда могучимъ словомъ своимъ онъ по волѣ правитъ сердца и умы народа, и съ какимъ удивленіемъ передаютъ потомъ другъ другу граждане, что левъ-человѣкъ разъ даже улыбнулся: такую важность наводила на него обыкновенно заботливая дума о государственныхъ дѣлахъ! Отецъ трагедіи, Эсхилъ, похваляетъ въ сочиненной имъ для себя надгробной надписи крѣпость руки своей давшей себя знать Персамъ и Мидянамъ при Мараѳонѣ и Саламинѣ, а трагика Софокла Аѳиняне могли выбрать въ полководцы уже за одно то, что въ драмѣ про Антигону онъ высказалъ такія благородныя мысли о любви и справедливости. Когда же знаменитый старецъ съ геніальнымъ юношей вздумали состязаться за первую награду, то для рѣшенія спора между ними призываютъ только-что воротившихся изъ похода десятерыхъ военачальниковъ. Сократъ доказалъ всю сообразительность, всю находчивость своего яснаго ума и въ полномъ разгарѣ боя, и на пиру за чаркою вина, передъ мятежною толпой народа и при послѣднемъ прощаніи съ близкими. Діогенъ бросаетъ даже и свой ковшъ, увидѣвъ что мальчикъ на улицѣ пьетъ пригоршнею; однажды признавъ независимость духа отъ внѣшностей, онъ хотѣлъ доказать эту мысль своимъ собственнымъ примѣромъ: отъ побѣдоноснаго царя-героя не хочетъ онъ ни какихъ другихъ милостей кромѣ того чтобъ онъ не застѣнялъ ему солнца, а Александръ въ свою очередь готовъ бы быть Діогеномъ, не будь онъ только Александръ, — онъ хотѣлъ бы подобно ему освободиться изъ-подъ всякой зависимости отъ міра, не будь онъ призванъ покорить міръ и имъ править. Аристидъ, Ѳемистоклъ, Кимонъ, Периклъ, Алкивіадъ, какъ живо воплощаютъ они въ себѣ образъ мыслей и стремленія своего времени, всего аѳинскаго народа, который сегодня въ одномъ изъ нихъ, а завтра—въ другомъ услаждается своимъ собственнымъ идеаломъ, и потому каждаго готовъ возвеличить въ его очередь, каждаго избрать въ вожди своей свободы!

Изъ самаго предназначенія Греціи, воспроизвесть природный идеалъ, слѣдуетъ само собой, что и жизнь и искусство направлены здѣсь къ осуществленію личности не столько въ ея своеобразномъ единственномъ характерѣ, сколько во всеобщемъ типѣ или въ родовомъ пошибѣ. Эллину по душѣ именно эта образцовая, нормальная сторона, а отнюдь не какая либо своебытная частность. Характеръ въ свое совокупности далеко вѣдь не то что та или другая характерная черта отдѣльно. Это столько же относится къ греческимъ ликамъ боговъ, сколько и къ поэтическимъ индивидуальностямъ въ эпосѣ и драмѣ. Притомъ художникъ вполнѣ зависѣлъ здѣсь отъ тѣхъ побытовъ, какіе сложились и выработались своеобразно у различныхъ племенъ и которые вездѣ заявляютъ свою силу, начиная отъ государственнаго строя и отъ храмоздательства вплоть до особаго тона флейты и до діалектическихъ особенностей молви или говора. На эти племенныя особенности Грекъ смотрѣлъ какъ на восполнявшія другъ друга стилеразличія, и всегда готовъ былъ воспользоваться ими съ тѣмъ, чтобы смотря по свойству избраннаго пред-

мета употребить ихъ какъ наиболѣе подходящую, соотвѣтственную ему форму. И іонійскій и дорійскій діалектъ оба достигли письменной литературной обработки, и какъ первымъ изъ нихъ народный духъ высказался въ эпосѣ, а послѣднимъ въ лирикѣ, то поэтическая форма пріобрѣла себѣ такимъ образомъ свойственное ей нарѣчное (діалектическое) выраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ общій характеръ или пошибъ стиля, котораго нормы придерживался любой поэтъ, къ какому бы ни принадлежалъ онъ городу (по жительству или по рожденью). Съ извѣстнымъ родомъ поэзіи соединялся искони и извѣстный родъ музыкальнаго напѣва, а плясовыя тѣлодвиженія прямо онагляживали то внутреннее настроенье, какое открывалось уху въ словахъ и звукахъ.

Этому пластическому чувству красоты, этому тонкому чутью формы удивляемся мы у Грековъ; по его милости и стали они нашими учителями, нашимъ высокимъ образцомъ. Трезвомысленный Аристотель не хотѣлъ допустить иныхъ пѣсень при обученіи молодежи вовсе не по безнравственности ихъ содержанія, а только по извращенности, неправильности ихъ музыкальныхъ формъ; и когда у него все-таки возникаютъ иногда сомнѣнія насчетъ справедливости столь привычнаго древнимъ рабства, онъ старается угомонить ихъ высказывая полную увѣренность что Греки вѣдь гораздо прекраснѣе и потому ужь отъ природы благороднѣе варваровъ, что и Греки въ свою очередь готовы были бы пойдти въ услуженіе, явись между ними люди высшей породы, такіе же величественные и изящные каковы напримѣръ лики боговъ. Сопоставимъ съ этимъ слова Вильгельма Гумбольдта въ письмѣ къ Ф. Г. Велькеру: «Что кто ни говори о красотѣ и величіи Рамаяны, Магабга-«раты, Нибелунговъ, но тутъ все же недостаетъ именно того, въ чемъ за-«ключается вся прелесть греческаго эпоса, чего невозможно высказать од-«нимъ словомъ, но что такъ глубоко, такъ безконечно отзывается въ душѣ, «что и въ самыя тяжкія и въ самыя веселыя минуты жизни, въ счастливѣй-«шія и прискорбнѣйшія ея катастрофы,—право, я думаю, даже и въ смертный «часъ,—нѣсколько стиховъ Гомера, будь это хоть корабельный его списокъ, «дали бы мнѣ сильнѣе почувствовать возможность перехода изъ человѣчно-«сти въ божественность, (а далѣе этого не способно вѣдь идти человѣче-«ское чувство, выше не подымется ни одинъ земной порывъ), нежели какое «бы то ни было произведеніе всякаго другого народа въ мірѣ».

Въ то время когда Шиллеръ проводилъ съ Гумбольдтомъ мыслеобильнѣйшіе дни своей жизни и когда — какъ истый, и здѣсь опять, представитель своего народа—онъ почерпалъ въ школѣ Грековъ мѣру и изящество формы для своихъ собственныхъ природныхъ силъ, Шиллеръ выразился объ нихъ такъ: «Полные формы и содержанія, настоящіе философы и вмѣстѣ насто-«ящіе пластики, чрезвычайно тонкіе и вмѣстѣ энергически-могучіе, соеди-«няютъ они свѣжую молодость фантазіи со всей зрѣлостью ума въ одну «дивную человѣчность. При тогдашнемъ вполнѣ прекрасномъ пробужденіи «духовныхъ силъ, умъ и чувства не строго подѣлились еще въ своей об-«ласти; ни какой раздоръ еще не успѣлъ вызвать ихъ на враждебную «эту размежевку. Поэзія не любезничала еще съ остроуміемъ, а умозрѣніе «не срамило себя хитрыми уловками; обѣ стороны могли въ случаѣ нужды «обмѣниваться ролями, потому что каждая чествовала посвоему одну и ту

«же завѣтную правду. Сколь ни высоко восходилъ разумъ, онъ всегда любовно тянулъ за собой матерію, и какъ ни тонко онъ дѣлилъ и различалъ, «онъ никогда не доходилъ въ этомъ до искаженія. Онъ, правда, разлагалъ «человѣческую природу и разбрасывалъ ее просвѣтленною въ дивномъ кругу «своихъ божествъ, но отнюдь не рвалъ ея при этомъ въ клочки, а только иначе смыкалъ и смѣшивалъ составныя ея части: оттого въ любомъ «единичномъ божествѣ мы и найдемъ всегда тѣмъ не менѣе цѣлостную человѣчность».

Такую всецѣлость нераздробнаго духа, такое единство въ разнообразіи живыхъ силъ признавали и восхваляли величайшіе мыслители древности какъ особый даръ эллинскаго народа. Стремленіе къ наживѣ, умѣнье выгодно пользоваться земными благами, говоритъ Платонъ въ «Республикѣ», достались въ удѣлъ Финикіянамъ, храбрость одушевляетъ Ѳракійцевъ и Скиѳовъ; у Грековъ же къ искусному употребленію внѣшнихъ вещей и къ мужественной отвагѣ присоединяется еще любознательность, отчетливое разумѣніе, и благодаря этому все что они ни дѣлаютъ всегда дѣлается ими отъ всей души. А Аристотель въ своей «Политикѣ» замѣчаетъ о сѣверныхъ народахъ, что при всей храбрости ихъ, имъ недостаетъ ни разумѣнія, ни искусства, такъ что хотя они и остаются вольными и независимыми, однако при этомъ чужды всякаго государственнаго порядка; у Азіатовъ есть пожалуй и знанія, и искусства, но они далеко не такъ мужественны, а потому и осуждены на рабство; но Эллины живутъ всрединѣ между этими двумя группами народовъ и надѣлены преимуществами обѣихъ: они храбры и разсудительны, такъ что умѣютъ отстоять свою свободу и урядить общественный свой бытъ, они способны властвовать надъ всѣми другими племенами, если бъ только соединились въ одно цѣлое. Периклъ говоритъ у Ѳукидида объ Аѳинахъ, этой Элладѣ по преимуществу: «Мы любимъ изящное, но безъ пустого блеска, безъ расточительной роскоши; мы любимъ углубляться въ мудрость, но не позволяемъ ей доводить насъ до бездѣлья; мы смѣлы и бойки, но отдаемъ себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ; мы дѣйствуемъ сознательно тамъ, гдѣ у другихъ отвага зависитъ отъ малообразованности; мы умѣемъ обсудить что трудно и что пріятно, а между тѣмъ не отступаемъ передъ опасностью, и напротивъ всегда готовы встрѣтить ее отпоромъ».

Эта прирожденная гармонія духовной стороны съ чувственною, это могучее и жизнерадное вмѣстѣ настроеніе придаетъ эллинству какой-то вѣчно-юный характеръ, и если Гегель называетъ его юношескимъ дѣломъ человѣчества,—дѣломъ, которое началъ поэтическій юноша Ахиллъ, а закончилъ настоящій юноша Александръ Великій, то мы въ правѣ прибавить къ этому что, подобно Ахиллу, Элладѣ данъ былъ выборъ между Ѳоіею и безсмертіемъ, и что долгому, но бездѣятельному и безславному благоденствію предпочла она короткій и цвѣтущій вѣкъ, преисполненный борьбы, чести и нескончаемаго величія. Быстро протекла эта весенняя пора человѣчества, но успѣвъ произвести и оставить по себѣ навсегда цѣлую бездну изящнаго.

Греки развились не подъ строгимъ самовластіемъ природы, а напротивъ въ ладахъ и въ мирѣ съ нею, подъ благотворнымъ ея возбужденіемъ; но съ другой стороны они не достигли еще властительной надъ самою природой,

чистой духовности: подобно тому и свобода ихъ, правда, заключала въ себѣ внѣшнюю независимость (отсутствіе чужевластья), энергическое саморазвитіе народныхъ стихій, но была въ то же время и безусловной покорностью единичнаго лица передъ отечественнымъ закономъ, установленнымъ общей волею, была полнымъ примкновеніемъ къ правообычаю отцовъ, а вовсе еще не той (истинно-свободной) нравственностью, которая рѣшается самосознательно и по личному преимущественно убѣжденью, признаетъ надъ собой судьею одну только свою совѣсть и стремится урядить всю жизнь свою на основаніи глубочайшихъ завѣтовъ души. Но, надо сказать, правообычай отцовъ былъ у Грековъ прекрасенъ, благороденъ, и человѣкъ дѣйствительно наслаждался въ немъ свободою. «Мы не привычны къ этому по законамъ нашимъ», отвѣчаютъ Греки на понужденіе поклониться въ ноги Ксерксу. Два Спартанца, Сперѳій и Вулидъ, добровольно явились къ Персамъ изъ родного города чтобы принесть себя въ жертву за двухъ персидскихъ бирючей, которыхъ умертвилъ тамъ разъяренный народъ, услыхавъ что они требуютъ покорности. Одинъ сатрапъ совѣтовалъ имъ, по его примѣру, рѣшительно предаться царю и устроить тѣмъ навсегда свое счастіе. «Каждый домогается того что́ ему вѣдомо, возразили они на совѣтъ: ты не знаешь что́ такое свобода, а еслибъ узналъ ее, то навѣрно пошелъ бы за нее съ нами на́ смерть.»

Государствомъ была у нихъ городская община; участвовавшій въ ней гражданинъ считался живымъ членомъ свободнаго цѣлаго, которое служило ему нормою всего существованія; онъ долженъ былъ примкнуть къблагоустройству вольной общины и въ ней находить подобающій ему кругъ свободы. Человѣкъ весь исчезалъ въ гражданинѣ, или, по ученію Платона и Аристотеля, человѣкъ собственно и существуетъ для государства, граждане принадлежатъ не сами себѣ, а городу. Напротивъ, по христіанскому воззрѣнію, законъ существуетъ ради человѣка, а отнюдь не наоборотъ; у Германцевъ каждое отдѣльное лицо само по себѣ свободно и самостоятельно, и союзъ заключается только для обезпеченія внѣшнихъ благъ всѣмъ составляющимъ его личностямъ, и для достиженія ими благъ идеальныхъ, — для того чтобъ каждая изъ нихъ могла свободно развить свою особенную сущность. Государство должно охранять миръ дома и семьи, а за тѣмъ каждый уже ищетъ и находитъ себѣ въ ней особаго рода счастье, и притомъ посво́ему; для Эллина же, напротивъ, первымъ дѣломъ была площадь, общественная жизнь: тамъ только были для него и честь и радость. За это требовались отъ него жертвы, кажущіяся намъ теперь невыносимыми, которыя мы предоставляемъ только свободному порыву восторженнаго одушевленія, тогда какъ Эллинъ несъ ихъ всегда охотно, поддавался гнету ихъ доброй волею. Гражданская доблесть, гражданское величіе, — вотъ главныя силы античнаго міра; это и придаетъ ему такой мужественный по́шибъ, и въ изящныя формы облечена здѣсь преимущественно внѣшняя, уличная только жизнь. Греки не углублялись въ завѣтные тайники сердца, въ кроткую мягкость задушевныхъ чувствъ; вѣчно-женственное начало * едва у нихъ проглядывало, если когда и пробивалось наружу; женщины оставались

* Такъ поэтически подсмотрѣнное Гёте въ побытѣ міра христіанскаго.

въ домашней тиши, не являяясь еще поэтической стороною общества; женская любовь не составляла еще главную прелесть жизни, не была основнымъ тономъ поэзіи. Пламенная дружба людей зрѣлыхъ лѣтъ къ подростающимъ юношамъ столько же способствовала воспитанію къ прекрасному и разжигала общее соревнованіе къ благороднымъ и великимъ дѣламъ, сколько, съ другой стороны, доводила до противоестественнаго разврата. Міробоязнь, самоистязательство и стараніе заморить чувственность, какія мы видѣли у брамановъ и буддистовъ, остались совершенно чужды здоровому греческому характеру; но тѣмъ не менѣе онъ не достигъ еще и высшаго просвѣтлѣнія природы, нравственнаго освященія чувственныхъ побудовъ печатью истинной любви. Только освободившись отъ природы, какъ безусловной владычицы, духъ можетъ примириться съ нею и идти къ той имъ же установляемой гармоніи, которая всегда предстаетъ ему желанной цѣлью.

Какъ государство было для человѣка высшимъ и главнымъ въ жизни, такъ и общенародный характеръ естественно давалъ мѣру для всякаго отдѣльнаго лица; въ этой мѣрѣ послѣднее и вырабатывалось для общества публичнымъ воспитаніемъ или, пожалуй, общественность вырабатывалась въ любомъ единичномъ человѣкѣ. Смыслъ къ типическимъ чертамъ, помимо всѣхъ мелкихъ особенностей, естественно велъ за собой преобладаніе общихъ нормъ, формъ идеальныхъ передъ тѣми, которыя выражаютъ только индивидуальную характерность; умѣренность была основнымъ закономъ всего греческаго нравоученія, блюсти во всемъ мѣру считалось за лучшее и въ жизни, какъ и въ искусствѣ. Темная глубина или туманный кругозоръ сѣвера, безмѣрная фантастическая роскошь Индіи или расплывчатая многообразность симитскаго Востока, оставались всегда чужды и противны Грекамъ; они вездѣ ищутъ, вездѣ любятъ ясность формы, точную опредѣленность, они боятся чудовищнаго и избѣгаютъ преувеличеній, урядливый ихъ умъ умѣетъ все держать въ предѣлахъ соразмѣрности. То же надо сказать и объ ихъ нравственномъ строѣ мыслей. Не заноситься въ счастіи, не малодушничать въ бѣдѣ, но хранить въ сердцѣ благоговѣйную покорность къ вышнимъ божескимъ опредѣленіямъ, — вотъ что слыло истинно-эллинскимъ, въ чемъ видѣли прямое отличіе Грека отъ варвара.

Вѣдь и Эллины считали себя за избранный, исключительно призванный къ свободѣ народъ, который поэтому собственно одинъ и имѣетъ полное право на историческое существованіе; идея человѣчества, всеобщей человѣческой любви, являлась только въ видѣ темнаго чаянія духовному взору самыхъ великихъ и мудрыхъ Грековъ. Если свободный гражданинъ хотѣлъ всего себя посвятить дѣловой общественной жизни, то разумѣется всѣ промыслы, всѣ потребности частнаго обихода слѣдовало обезпечить какимъ-нибудь другимъ образомъ. Дѣйствительно, всякое рукомесло, производимое изъ платы или за вознагражденіе, считалось недостойнымъ благороднаго, не только рабскимъ, но и унизительно-пошлымъ; Греки отнюдь не понимали нравственности труда, а потому и не умѣли основать на его организаціи самое расчлененіе своихъ общинъ. Воспитаніе вело ихъ къ стройному развитію тѣлесныхъ и умственныхъ силъ, къ умѣнью держать себя благородно и вольно, какъ бы для соблюденія внѣшняго во всемъ изящества, а отнюдь не для того, чтобы въ своемъ особомъ жизненномъ положеніи и отвѣчающимъ ему своеобразнымъ

трудомъ принести съ своей стороны какую-нибудь пользу: имѣть досугъ для политической дѣятельности и для духовныхъ наслажденій, — вотъ чего хотѣлось Грекамъ. Племенная гордыня навела ихъ на ту мысль, что отъ природы есть вольные и подневольные люди, что варваровъ, которые и у себя дома покоряются деспоту, образованные Эллины въ полномъ правѣ дѣлать своими рабами, что, держа ихъ въ услуженіи, они какъ бы даютъ имъ часть въ своемъ разумѣ и въ своей волѣ. Болѣе утонченный эллинскій духъ считалъ непозволительнымъ порабощать военноплѣнныхъ родичей: относительно ихъ суровое право силы уступало мѣсто благоволѣнію; но невольничество иноземцевъ казалось правомѣрнымъ даже Аристотелю, и по этому именно поводу мы встрѣчаемъ у него слѣдующія замѣчательныя слова: Для работы и промысловъ, служащихъ къ удовлетворенію жизненныхъ потребностей, необходимы орудія. Невольникъ только одушевленное орудіе и поэтому онъ заслуживаетъ предпочтенія передъ всѣми другими: живой помощникъ способенъ вѣдь замѣнить нѣсколько орудій. Еслибъ каждое орудіе по волѣ мастера или по собственному предчувствію могло выполнять урочную работу, подобно тому какъ сами собой двигались искусственныя произведенія Дедала или какъ Гефестовы треножники произвольно совершали свой священный трудъ, еслибъ такъ же точно ходили сами собой и ткацкіе челноки, еслибъ плектры сами собой ударяли по лирѣ, то ни мастеру не нужно было бы помощниковъ, ни хозяину — рабовъ. — Въ наше время прогрессъ культуры заявилъ себя несомнѣнно тѣмъ, что наука подчинила человѣку природу познакомивъ его съ ея законами и давъ ему, на основаніи ихъ, полную возможность направлять дѣйствіе ея силъ сообразно съ его цѣлями; у насъ есть паровая машина приводящая въ движеніе сотни веретенъ, которыя прядутъ какъ бы сами собою; у насъ есть механическіе станки, которые сами собой ткутъ; а этимъ снимается съ человѣка тяжкая работа и каждому открывается путь къ свободѣ и духовному достоинству. Но при обзорѣ Греціи намъ не надо позабывать темной тѣни, лежащей въ основѣ свѣтлаго образа благословенной этой страны, да не терять изъ виду и того неизбѣжнаго разлада, въ какой неудержимо зрѣющій разумъ долженъ былъ прійдти съ порожденнымъ фантазіею многобожіемъ и тѣмъ самымъ внести разрывъ въ глубину религіозной жизни. Тѣмъ не менѣе Сократъ, которому Аѳины поднесли отраву, явился уже пророкомъ новой будущности.

Сама исторія греческаго искусства предстаетъ намъ въ ходѣ своего развитія подобіемъ естественнаго организма: пластическій смыслъ народа добивается вездѣ чистой мѣры, твердой формы; типы и законы стиля возникаютъ изъ духа цѣлаго съ инстинктивнымъ могуществомъ; ихъ держатся и поэты, и художники; индивидуальность развертывается только въ ихъ предѣлахъ, точно такъ же какъ она не властна выйдти изъ предѣла порядковъ и родовъ физической природы; эпосъ, лирика, драма являются послѣдовательно, такъ что каждый изъ этихъ видовъ литературы выражаетъ собой опредѣленную ступень образованія, и одинъ слѣдуетъ за другимъ, какъ требуетъ того самый ходъ эстетической идеи. Каждый новый мастеръ своего дѣла бережетъ добытки своихъ предмѣстниковъ, и въ чемъ разъ удалось достигнуть совершенства, за то крѣпко держатся впослѣдствіи; поэтому, особенно въ пластикѣ, оказывается возможность производить отличныя вещи

въ теченіе многихъ сряду вѣковъ. Природный идеалъ, природный обликъ духа въ полномъ цвѣтѣ красоты знаменуетъ собой положеніе эллинства во всемірномъ развитіи: вотъ отчего оно и классично.

ДОГОМЕРОВСКІЯ ВРЕМЕНА.

Древнѣйшій памятникъ греческаго духа, гомеровская поэзія, — въ то же время одно изъ самыхъ великолѣпныхъ созданій человѣчества; такое совершенство необходимо предполагаетъ предшествовавшее ему долгое развитіе, которое мы и хотимъ изобразить здѣсь въ немногихъ главныхъ чертахъ.

Припомнимъ еще разъ, что и до раздѣла своего, въ первобытномъ общеніи, Арійцы были уже не дикимъ, а правообычнымъ народомъ, положившимъ начало дальнѣйшему быторазвитію. Семейная жизнь, земледѣліе, размолъ зерноваго хлѣба, ткацкое производство, все это обозначается у нихъ сплошь одними и тѣми же словами; въ свѣтломъ небѣ чествуется божество, и на ряду съ этимъ единымъ богомъ появились уже Солнце и Земля, Денница, духи свѣта и демоны тьмы; естественные процессы понимаются уже какъ дѣла и приключенія личныхъ существъ и передаются какъ таковыя въ пѣсняхъ. Кельты, Славяне и Германцы отдѣлились уже отъ общаго ствола, когда новое еще племя въ свою очередь задумало отойдти на западъ, оставивъ за собою только тѣхъ древнихъ родичей, которые, не выходя изъ Азіи, образовали тамъ послѣ иранскую и индійскую вѣтви. Племя это кажется на многіе вѣка водворилось въ Малой Азіи, ознакомилось тамъ съ винною лозой и маслиной, затѣмъ въ большей части своего состава перешло въ Европу и распалось здѣсь на Грековъ и Италиковъ, разселившись по обоимъ полуостровамъ, охватывающимъ съ востока и съ запада Адріатическое море, а впослѣдствіи съизнова духовно срослось въ неразрывную какъ бы чету древне-классическихъ народовъ. Домашнюю жизнь племя это, еще собща, выработало ощутительно далѣе; ей дано было идеальное средоточіе въ богинѣ домашняго очага, Гестіи или Вестѣ, которая стала потомъ знаменіемъ и хранительницей не только политическаго центра (державнаго города), но и центра вселенной. Преобладавшій въ первоарійскомъ языкѣ звукъ *a* распался на *o*, *a*, *э*, и представилъ этимъ большее звукообиліе и тончайшія средства обозначенія какъ для помысловъ и чувствъ, такъ и для организаціи языка съ помощью словоизгибовъ или звукоотмѣнъ во флексіи. Обокъ съ поэтическимъ одушевленіемъ вещей пріурочкою ихъ къ мужскому или женскому роду, успѣлъ уже заявить себя и болѣе трезвый, здравый взглядъ на предметное, дѣйствительное содержанье. Мало этого: такъ какъ теперь обращено было вниманіе и на ясную вразумительность соотношеній, обознача-

емыхъ флективными окончаніями словъ, и вмѣстѣ на легкость и благозвучность произношенія, то двоякое это соображеніе побудило перенесть удареніе или акцентъ на одинъ изъ трехъ послѣднихъ слоговъ, отнюдь не терпя его далѣе, такъ что здѣсь очевидна уже такая сила формового смысла, которая, не стѣсняясь ни чѣмъ индивидуально значительнымъ, все подчиняетъ одному общему порядку и, путемъ внѣшняго закона, заставляетъ даже частное внутреннее содержаніе покоряться требованіямъ общей цѣлесообразности и красоты.

Этотъ формовой смыслъ, это тонкое чутье формы обѣ племенныя вѣтви удержали за собой при своемъ раздѣленіи, но одна изъ нихъ, римская, прилагала его болѣе практически, а другая, греческая, — эстетически. И первымъ художественнымъ дѣломъ Грековъ была отчеканка языка. По справедливому замѣчанію Эрнста Курціуса, которому мы слѣдуемъ здѣсь и въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ подробностяхъ, сравнительно со всѣми другими языками того же корня, на эллинскій должны мы смотрѣть какъ на художественное произведеніе, по причинѣ господствующаго въ немъ чувства соразмѣрности и совершенства звуковъ, ясности формъ, строгозаконности и органическаго строя. Все матеріальное насквозь проникнуто здѣсь духомъ, мертвенной массы не осталось рѣшительно ни въ чемъ, обойдены всякій излишекъ, всякая ненужная обстоятельность; искуснымъ употребленіемъ немногихъ относительно средствъ дѣлается очень многое; этотъ языкъ похожъ на вполнѣ выработанное тѣло гимнаста, гдѣ каждая мышца, каждое сухожилье служатъ свою службу, гдѣ все превратилось въ силу и жизненность. Пускай въ богатствѣ формъ онъ такъ же точно не выдержитъ сравненія съ Санскритомъ, какъ и растительность по берегу Эврота съ пригангскою; зато онъ яснѣе, проще и, посредствомъ предлоговъ и частицъ, способенъ передавать мельчайшіе оттѣнки и соотношенія мыслей. Всего удивительнѣе онъ тамъ, гдѣ наиболѣе открываются въ самомъ языкѣ духъ и дѣятельность, — именно въ глаголѣ. Легкими звукоотмѣнами обозначаетъ онъ отношенія времени; одного удлинненія гласной (ἔλιπον ἔλειπον) довольно для того чтобъ отличить продолжающееся отъ завершившагося прошлаго; удлинненіе же гласной, связывающей корень съ личнымъ окончаніемъ, означаетъ сослагательное наклоненіе, и естественно полагаетъ разницу между оговорочнымъ, условнымъ способомъ выраженія и рѣшительнымъ, безусловнымъ. Возможное, представляемое въ мысли, желаемое—не то вѣдь что дѣйствительное: Греки берутъ окончанія историческихъ временъ, вводятъ въ нихъ звукъ *ι* и образуютъ этимъ желательное наклоненіе; звукъ же *ι* имѣетъ корневое значеніе «идти», и стало-быть выражаетъ движеніе желающей души отъ наличнаго къ чему-либо иному. Желаніе противостоитъ присущему, наличному, возможное противостоитъ дѣйствительному; поэтому желательное наклоненіе допускаетъ историческія только времена, обозначающія то что неприсуще, тогда-какъ наклоненіе условное, которое относится къ присутствію говорящаго, имѣетъ напротивъ окончанія главныхъ временъ. Если въ образованіяхъ такого рода, которыя сами собой наводятъ говорящаго на вполнѣ отчетливый способъ выраженья, на правильную работу мысли, на развитыя представленія, мы видимъ, до какой степени Греки надѣлены были отъ природы философскими способностями, то не менѣе ясно обнаруживается и по-

этическій даръ этого народа въ легкости его словосложенія и словосочиненья: тутъ занимаетъ онъ настоящую середину между строгой бережливостью латинскаго и тѣмъ сгроможденіемъ понятій и образовъ, какимъ отличаются долговязыя индійскія словосочетанья, и который Греки допускаютъ иногда только въ шутку, съ цѣлію произвести комическій эффектъ. Въ словоокончаніяхъ слышится притомъ утонченное музыкальное чувство. Не заботясь ни о взаимномъ соотвѣтствіи исходнаго звука въ одномъ словѣ съ начальнымъ звукомъ слѣдующаго, ни объ относительной легкости или затруднительности выговора, Латинъ, такъ же какъ и Нѣмецъ, ставитъ каждое слово особнякомъ, и только уже поэту или оратору предоставляется впослѣдствіи обратить нѣкоторое вниманіе на благозвучіе и плавность словопорядка; въ Санскритѣ, напротивъ, предшествующія буквы видоизмѣняются по послѣдующимъ, которыхъ вліяніе приноситъ такимъ образомъ въ жертву мягкой полнозвучности ясную опредѣленность формы и безусловно подчиняетъ все единичное гармоніи цѣлаго, какъ бы сплавливая его въ послѣднемъ. Греки же допускаютъ при сочетаніи словъ легковразумительныя звукоуподобленія; но за каждымъ единичнымъ словомъ удерживаютъ его самостоятельность, его окончаніе, соблюдая лишь то правило, чтобы слова всегда оканчивались или гласными, или же такими согласными, которыя не представляютъ ни какой трудности, ни какого неблагозвучія для выговора слѣдующаго за тѣмъ слова: таковы согласныя ν, ρ, ς (н, р, с).

Противоположность іонизма съ доризмомъ, равно какъ и извѣстное между ними сближеніе, являются и въ жизни, и въ искусствѣ Грековъ важнымъ моментомъ историческаго развитія: это же отражается или, пожалуй, даже еще и предобразуется въ ихъ языкѣ. Онъ въ сущности единъ, и составляетъ общую взаимную связь всѣхъ Эллиновъ, но онъ оттѣненъ нарѣчіями, и изъ первоначальнаго единства, наиболѣе сохранившагося въ эолійскомъ діалектѣ, возникли разновидности іонійскаго и дорійскаго. Одинъ родъ звуковъ преобладаетъ въ горахъ, другой — въ равнинахъ и у̑ моря; скоро изглаживающіяся здѣсь особенности, тамъ напротивъ остаются въ полной силѣ: дорійское нарѣчіе вообще говоря суровѣе и изначала свойственно было горцамъ, которые, что́ бы они ни дѣлали, привыкли дѣла́ть съ извѣстнымъ усиліемъ и съ замѣтнымъ напряженіемъ мышцъ. Въ ихъ полныхъ и широкихъ звукахъ явственно слышится грудь, укрѣпленная горнымъ воздухомъ и горскимъ бытомъ; краткость въ формѣ и выраженіи — особая черта ихъ нарѣчія, какъ оно и прилично такому племени, у котораго среди труженической и простобытной жизни нѣтъ ни досуга, ни охоты терять по́пусту лишнія слова. Характеръ доризма выступаетъ еще явственнѣй въ противоположности къ іонійскому складу рѣчи, господствующей по преимуществу въ растянутыхъ приморскихъ окраинахъ. Здѣсь живется гораздо привольнѣе, благодаря бо́льшему удобству ко всякимъ промысламъ и бо́льшему разнообразію внѣшнихъ возбужденій. Привольность эта выражается въ рѣчи замѣтнымъ смягченіемъ дыхательныхъ звуковъ, ослабляемыхъ особенно при столкновеніи; *т* смягчается въ *с*; звуки для облегченія выговора образуются не въ самой глубинѣ зева и не въ горлѣ. Языкъ плавенъ, будучи растянутъ гласными, которыя или звучатъ отдѣльно рядомъ, или сливаются въ двугласныя. Сами гласныя сравнительно мягче, но тоньше, — чаще *е* (э) и *у* нежели

а и *о*. Какъ въ формахъ языка, такъ и въ формахъ выраженія обнаруживается неохотно стѣсняющая себя развязность, широковѣщательность. Въ сравненіи съ жилистымъ, скуднымъ на рѣчь доризмомъ, который строго держится только за самое необходимое, мы находимъ здѣсь гораздо больше полноты, даже извѣстный преизбытокъ формъ, которымъ языкъ пользуется съ самоуслажденіемъ. Во всемъ допускается болѣе свободы, вездѣ замѣтна бо́льшая подвижность и перемѣнность звуковъ.

Прибавимъ къ этому, что истинно удивительное богатство частицъ давало говорящему возможность не только обозначать соотношенія вещей самымъ утонченнымъ образомъ, но еще и заносить въ рѣчь отзывъ собственнаго своего настроенія, ясно отражать въ ней малѣйшіе его переходы и оттѣнки. Такое орудіе какъ греческій языкъ пробудило бы въ народѣ говорливость и краснорѣчіе, не будь даже само оно ихъ произведеніемъ. Гомеръ просто называетъ людей говорящими; его герои умѣютъ вполнѣ раскрыть свои чувства, взаимно умаслить, убѣдить другъ друга доводами, тогда какъ въ такихъ же случаяхъ сѣверный эпосъ проходитъ безмолвіемъ цѣлыя бури въ глубинѣ души и едва даетъ ихъ замѣтить какимъ нибудь взрывомъ внѣшней дѣятельности или нѣсколькими словами неудержной страсти. Ораторъ влечетъ за собой цѣлое народное собраніе, и въ жизни Сократа, въ писаніяхъ Платона представляется намъ такое искусство вести бесѣду, какое не повторимо уже никогда; оно могло выработаться до этой степени единственно лишь въ томъ краѣ, гдѣ умственная гимнастика во всегдашней готовности и необыкновенной гибкости рѣчи столько же воздѣлывалась и цѣнилась сама по себѣ, какъ и гимнастика тѣлесная.

Въ эпоху юношескаго роста и полнаго своебытнаго расцвѣта эллинизма не находимъ мы ни какой разницы между обиходнымъ и письменнымъ языкомъ; поэты и философы говорили одной рѣчью съ народомъ, который придавалъ имъ свою ключевую свѣжесть, а они сообщали ему зато блескъ и глубину. Каждое нарѣчіе выработалось для тѣхъ именно родовъ литературы, которые были болѣе по душѣ тому или другому племени: — іонійское — для эпоса и исторіи, дорійское — для лирики и выраженія мыслей, такъ что даже иноплеменные писатели, какъ наприм. Геродотъ или Пиндаръ, всегда употребляли соотвѣтственное извѣстному стилю нарѣчіе. И если у Пиндара господствовала уже самосознательная свобода въ сліяніи одного говора съ другимъ, то Аттика представляетъ намъ этотъ общій сплавъ въ окончательномъ совершенствѣ; тамъ пользовались всѣми добытыми сокровищами эллинскихъ нарѣчій съ необыкновенной разборчивостью и вполнѣ установили языкъ общаго образованія въ стихахъ и въ прозѣ.

Выше упомянутое мною чу́вство формальной красоты всего замѣчательнѣе обнаружилось въ поэзіи. Главное удареніе стали болѣе и болѣе переносить на окончанія, которыя по множеству лежащихъ въ нихъ соотношеній не дозволительно уже было проглатывать, то-есть выговаривать вскользь, такъ что вслѣдствіе того акцентъ удалялся болѣе и болѣе отъ корневого слога: ἄγαθος говорили Эолійцы, строго держась корня; ἀγαθός произносили всѣ другіе Греки. Когда такимъ образомъ и обиходный языкъ, ради ясности и благозвучія, отошелъ уже отъ слогоударенія, соотвѣтственнаго внутрен-

нему смыслу, когда онъ такъ-сказать овнѣшнился, то поэзія могла строго провести этотъ внѣшній распорядокъ и опредѣлить расчлененіе рѣчи по долготамъ и краткостямъ соразмѣрно времени, потребному для произнесенія удлиненной или простой гласной, а также и нѣсколькихъ согласныхъ вдругъ. Нѣмцы, сообразно духовной сосредоточенности своей природы, ударяютъ всегда на корневые слоги, въ которыхъ собственно воплотилось значеніе мысли или понятія, а окончанія произносятъ безъ акцента; вздумай они ввести въ поэзіи другой способъ удареній, они порушили бы свою рѣчь и сдѣлали бы ее непонятною; поэтому они не столько измѣряютъ, сколько взвѣшиваютъ слоги, упирая на нихъ болѣе или менѣе сообразно смыслу; метрика ихъ имѣетъ въ виду одно удареніе, акцентъ, а не количественность его, не долготу протяженія.* Греческая же поэзія художественно оформила самую тѣлесность языка, чисто внѣшнюю его оболочку; пластика его ритмовъ, гибкость стопоразмѣровъ изумительна; ни одному народу въ мірѣ не далось такъ музыкально раскрыть передъ слушателемъ всѣ смутные переливы чувства въ долготахъ и краткостяхъ, въ восходящемъ или нисходящемъ, быстромъ или медлительномъ, идущемъ наперекоръ или напротивъ подладчивомъ звукопаденіи. Чувство красоты поразительно заявляетъ себя здѣсь даже иногда въ ущербъ мысли, духовному содержанію. Слова, образуемыя посредствомъ короткихъ гласныхъ, наприм. *θεός*, *ἀγαθός*, *καλός*, богъ, добрый, прекрасный, если только не слѣдуетъ за ними согласная въ ближайшемъ словѣ, произносятся легко и быстро, какъ краткости, сколько бы ни были они вѣски по смыслу, и одно лишь развѣ выраженіе чтеца можетъ освѣтить ихъ особеннымъ образомъ.

Вмѣстѣ съ выработкой греческаго языка закладывались и первоначальныя основы миѳологіи. Корни и здѣсь возводятъ насъ къ древнѣйшей общеарійской эпохѣ, поклонявшейся тому свѣтлому богу неба, котораго и Эллины подъ именемъ Зевса признавали за верховное и общее всѣмъ божество. Ему воздавалось всенародное чествованіе въ Додонѣ, этой древнѣйшей святынѣ цѣлаго племени, на которую уже и гомеровскій Ахиллъ смотрѣлъ какъ на нѣчто досточтимое изстари, о которой упоминаетъ уже и роспись народовъ, вошедшая въ книгу Бытія. Она зовется пеласгійскою, а имя это не означаетъ вѣдь собственно ничего чуждаго Грекамъ; оно придается первичной порѣ ихъ существованія, тому общему ихъ быту, который предшествовалъ подѣлу этого народа на разныя племена, и слѣдовательно былъ еще равно близокъ и италійскому. Тамъ внимали Зевсовымъ велѣніямъ подъ шелестъ посвященнаго ему дуба, и чествовали его не въ храмахъ, а еще въ лѣсу. Свѣтлая, Діона или Гера, богиня неба, владычица собственно звѣздной тверди, какъ Зевсъ былъ по преимуществу владыкой дня, стояла обокъ съ нимъ, женственною его половиной, а равно и Деметра, Мать-Земля, такъ-какъ вѣдь небо оплодотворяетъ землю въ своихъ объятіяхъ. По этой же причинѣ Зевсу воздвигали алтари на высяхъ горъ.

---

* Хотя въ русскомъ языкѣ акцентъ гораздо подвижнѣе и переходчивѣй нежели въ нѣмецкомъ, но свойственное ему стопосложеніе также основано просто на удареніи, помимо всякой количественной его мѣры; оно также не метрическое, а тоническое.

Прим. перев.

Мы знаемъ что, еще до подѣла Грековъ съ Индійцами, въ солнцѣ и деннпцѣ, въ лучахъ свѣта, въ вѣтрахъ и облакахъ небесныхъ видѣли духовныя существа, ратующія противъ силъ тьмы и мрака; но въ Ведахъ мы застаемъ религіозное творчество на первыхъ порахъ его дѣятельности: то и дѣло смѣняются еще имена, образы, отношенія боговъ между собою, черты ихъ не сложились еще въ твердую, постоянную форму личности; и вотъ, — чего, судя по этому, надлежало бы намъ ожидать въ пеласгійскую эпоху, то самое и подтверждаетъ Геродотъ, повѣствуя что тогда молились богамъ безъ опредѣленнаго еще имени, называли ихъ только урядчиками всего сущаго и подателями всякихъ благъ. Этотъ неустановившійся, текучій элементъ вѣры снискалъ прочную себѣ форму только уже въ предгомеровскія времена. Зевсъ является теперь дожденосцемъ, тучегономъ, молніевержцемъ, громникомъ; но гроза, въ значеніи борьбы вышнихъ силъ, теперь уже на заднемъ планѣ, она отодвинута въ прошлое и превращена въ разсказъ о томъ какъ богъ угомонилъ мятежныхъ Титановъ, заперъ ихъ въ темное нутро земли и установилъ общій порядокъ въ природѣ. Чѣмъ яснѣе олицетворяется Зевсъ, тѣмъ болѣе выступаетъ обокъ съ нимъ всеобъемлющій сводъ нѣба, подъ именемъ Урана, но не доходя здѣсь, какъ Варуна рядомъ съ Индрою у Индійцевъ, до глубокаго нравственнаго развитія основной своей идеи. Напротивъ, голубое небо, съ эѳирной его свѣжестью, съ его незапятнанной чистотой, скоро произвело на Грековъ впечатлѣніе непорочнаго дѣвства, и дѣвственная Паллада, въ цѣломудренной красѣ своей, стала тогда обруку съ Зевсомъ; она воображалась любимою его дочерью, а въ идеальномъ смыслѣ — богиней яснаго духа, свѣтлаго ума, которой существо предстаетъ наглядно въ ясной синевѣ неба. Она метаетъ молнійное копье въ темную мглу грозовой тучи, побѣждаетъ чудовищную стѣнь ея, Горгону, и черезъ это становится передовою ратницей боговъ и людей. Роса небесная, падающая на землю въ ясныя вѣдь только ночи, — щедрое ея даяніе. Съ дальнѣйшимъ ходомъ исторической жизни становится она градозаступницей, основательницей всего созидаемаго по внушенью Музъ, даятельницей всякаго умѣнья и житейской мудрости. На ряду съ нею чествовалось солнце подъ видомъ цвѣтущаго юноши, пускающаго лучи свои какъ стрѣлы изъ лука противъ ночныхъ чудищъ, родного сына небесъ, вдругъ выходящаго изъ темноты или изъ укрыва. Въ качествѣ поборателя всякихъ страшилъ называли его Персеемъ, Беллерофонтомъ, Аполлономъ, и съ теченіемъ времени послѣднее это имя постепенно упрочилось за нимъ навсегда, а носители двухъ первыхъ зачислены при немъ, какъ солнобогѣ по преимуществу, солнечными богатырями, героями; въ качествѣ лучезарнаго, свѣтящаго, называли его также Фаэтономъ, который ежедневно подвечеръ опускается въ бездну моря, или Геліосомъ Гиперіономъ, то-есть ходящимъ надъ нами солнцемъ, откуда произошли опять еще двѣ подручныя богу личности, когда самъ онъ сталъ преимущественно слыть духовнымъ божествомъ, просвѣтителемъ и умирителемъ душъ омраченныхъ тяжкимъ недоумѣніемъ или горемъ, внушителемъ прорицаній и пѣснопѣнія. Старозавѣтный складъ молитвы у Гомера именуетъ отца Зевса, Аѳину и Аполлона, всѣхъ въ совокупности. Зевсъ остается сначала до конца общимъ божествомъ всего эллинскаго народа, но Дорійцы сознавали высшую силу преимущественно въ Аполлонѣ, а аттическіе Іонійцы въ Палладѣ: такъ по духовной

особенности каждаго изъ этихъ племенъ отразилось оно въ зеркалѣ ихъ души какъ ея же истый, существенный характеръ.

Первые лучи солнца, приносившіе съ собой день или проглядывавшіе изъ-за облаковъ послѣ бури, являлись уже и первоарійской эпохѣ спасительными геніями, въ нихъ и тогда уже видѣли благодатную помощь всесильныхъ боговъ. Индійцы и Греки называютъ ихъ близнецами-всадниками, которые на бѣлыхъ коняхъ въ бѣломъ одѣяніи или же на золотой колесницѣ спѣшатъ выручать смертныхъ, гонимыхъ непогодой на морѣ, окруженныхъ опасностями въ бою или постигнутыхъ другими бѣдами. Греки воображали себѣ ихъ сыновьями Зевса, свѣтлаго неба,—Діоскурами; Гиларію веселую, Фебу лучезарную придавали имъ въ супруги. Особенно чествовали ихъ въ Лакедемонѣ; но уже у Гомера низошли они съ небесъ въ богатырскую былину и стали сыновями перваго спартанскаго царя Тиндарея; ихъ признавали въ созвѣздіи Близнецовъ и вѣрили что какъ ночь смѣняется днемъ, такъ и они одинъ день живутъ на бѣломъ свѣтѣ, а другой проводятъ въ преисподней. Они слыли образцомъ молодецкой удали и тѣснаго побратимства по оружію. Равно и сестра ихъ, Зевсова дочь, Гелена (Елена), перешла изъ лика божествъ въ богатырское сказаніе; она—Селена, богиня луны, бѣлоручица, свѣтлое око ночи; храмъ ея въ Лакедемонѣ стоялъ обокъ съ храмомъ солнобога; миловидная эта богиня стала потомъ прекраснѣйшею изъ женъ. Въ Аргосѣ богиня луны называлась Іо, бродячая, корова небесная, чьи рога напоминаетъ лунный серпъ; и она сошла съ неба на землю. Гораздо общѣе было поклоненіе Артемидѣ, какъ сестрѣ Аполлона, этому свѣту и оку ночи, этой дѣвственной факелоносицѣ, прекраснѣйшей изо всѣхъ богинь (Каллистѣ). Она покровительница лѣсной дичи и сама въ то же время охотница; срочныя исчезновенія луны навели людей на мысль, что богиня въ это время скрывается въ темной чащѣ лѣса, а Аркадцы думали притомъ что она уходитъ въ боръ подъ видомъ черной медвѣдицы.

Вѣтеръ, который гонитъ облачныхъ коровъ неба и собираетъ этимъ благодатный нивамъ дождь, но который уноситъ также человѣческія души на небо и вообще служитъ богамъ гонцомъ между горними селеніями и землею, — вѣтеръ является у древнихъ Индійцевъ въ песьемъ образѣ. Греки, совершенно отнявши у боговъ звѣриную форму и сохранивъ воспоминаніе объ ней только въ разсказахъ про оборотней, сдѣлали изъ пастуха облачныхъ коровъ вмѣстѣ и плодотворнаго дожденосца, и верховнаго пастыря всѣхъ стадъ земныхъ, блюстителя границъ, вѣстника боговъ, стража и вожака душъ заживо и по смерти. Я согласенъ съ Дункеромъ что Панъ, пастырь, вожакъ, блюститель, одно изъ первоначальныхъ прозвищъ божества, превращено потомъ въ его сына, котораго такъ чествовали пастухи Аркадіи и котораго позднѣйшая военно-городская культура низвела, въ качествѣ типа этихъ пастуховъ, на степень смѣшного отчасти мужичества. Агни, котораго Арійцы признавали искони за царящую въ огнѣ вышнюю силу, предстаетъ намъ у Грековъ въ трехъ различныхъ видахъ. Гефестъ—собственно огонь, метаемый Зевсомъ въ видѣ молніи съ неба на землю, или горящій въ вулканахъ, воображаемыхъ чѣмъ-то вродѣ подземныхъ кузницъ; огнебогъ слыветъ притомъ хитрымъ художникомъ, производящимъ и научающимъ произ-

водить всѣ тѣ работы, которыя даются людямъ только съ помощью огня. Прàмати встрѣчается въ Ведахъ какъ одно изъ прозвищъ Агни, а Матгои называется тамъ веретено, которымъ, быстро вертя его въ отверстіи деревянной чурки, добываютъ огонь; этотъ первоначальный огневзгнетъ превратился теперь въ огнехищника, и какъ у Грековъ слово μανθάνω, означавшее сперва хищеніе, захватъ, получило потомъ смыслъ духовнаго усвоенія, изученья, то отсюда вышелъ постепенно Промеѳей, предусмотрительный, все обдумывающій заранѣе, образующій людей по аналогіи со взгнетомъ огня и съ плотскимъ зарожденіемъ человѣка. Онъ же и жертвоприносецъ, основатель всякаго богослуженія, и какъ ни глубокомысленно впослѣдствіи сложился его миѳъ, мы все-таки не должны терять изъ виду этой простой, первоначальной ему основы. Наконецъ огонь домашняго очага, какъ средоточіе всего дома и семейной жизни, представился фантазіи въ образѣ чистой женственности, и Гестія сдѣлалась покровительницей не только этого огня, не только цѣлаго домохозяйства, но и всякаго государственнаго общежитія.

Первобытные Арійцы вовсе не знали еще моря; тогда какъ душѣ побережныхъ и островныхъ Грековъ оно должно было предстать во всемъ своемъ могуществѣ и великолѣпіи. Не диво что впервые возбужденная имъ мысль думала найдти въ немъ не только источникъ всякой жизни, но и родоначальника боговъ. Какъ Зевсъ выдѣлился изъ всеобъемлющаго неба, Урана, такъ изъ землеобъемлющаго Океана выдѣлился повелитель воднаго міра, Посейдонъ. Онъ поднялъ изъ воды всѣ земли и, когда вздумаетъ, колеблетъ ихъ бурнымъ своимъ натискомъ; онъ даятель всѣхъ благъ, какими море надѣляетъ человѣка, но онъ же проявляетъ въ буряхъ и грозный гнѣвъ свой. Волны—бѣлогривые его кони; его властію бьютъ изъ-подъ земли безчисленные ключи. Какъ родныя его дочери, всѣ ключи эти — Нимфы; рѣки же олицетворяются въ видѣ юношей, въ видѣ бородатыхъ мужей, но иногда представляются онѣ и въ старозавѣтномъ бычьемъ обликѣ.

Мать-общая-кормилица-земля возведена подъ именемъ Деметры (Димитры) въ богиню земледѣлія и неразлучнаго съ нимъ правообычая и бытового порядка; такъ она выходитъ и блюстительницей брака, который по древнимъ аттическимъ зарокамъ или формуламъ заключался именно для «вынашки» отличныхъ (благородныхъ) дѣтей. Но плоды и виноградъ посылаетъ Діонизъ, богъ естественнаго обилія и всякаго просвѣтленія природы, онъ даетъ въ винѣ восторженное упоеніе, онъ разрѣшаетъ душу отъ заботъ и печалей.

Кромѣ такихъ своеобразныхъ зачатковъ миѳа на общеарійскомъ основаніи, мы съ весьма раннихъ поръ находимъ здѣсь и другіе элементы, сообщенные Эллинамъ древнѣйшими культурными народами. Открыто, что іероглифъ, которымъ въ надписяхъ эпохи Птолемеевъ означались Греки, встрѣчается уже и на памятникахъ 18-й династіи, изъ чего должно заключить что въ 15-мъ и 14-мъ вѣкахъ до Р. Х., вслѣдъ за изгнаніемъ семитскихъ Гиксовъ, въ Дельтѣ водворились іонскіе поселенцы и завязали въ Египтѣ промышленныя и торговыя дѣла. Давно уже, съ другой стороны, извѣстно что о ту самую пору Финикіяне явились торговымъ и судоходнымъ народомъ въ Средиземномъ морѣ; они занимались ловлею багрянки между прочимъ и вдоль гре-

ческихъ береговъ, заводили въ тамошнихъ бухтахъ поселенія, добывали изъ лѣсовъ деревья, а изъ горъ металлы, вымѣнивали ихъ на свой собственный товаръ и черезъ это познакомили Грековъ съ мѣрою и вѣсомъ, а также и съ письменными знаками, съ своей буквицей. Никогда не пускались они изъ дому въ море безъ кумировъ, и Сидонцы, напримѣръ, чествовали въ своихъ колоніяхъ аскалонскую богиню Астарту, а Тиряне — своего городского бога, Мелькарта. Изъ Астарты вышла у Грековъ Афродита; служеніе ей развилось на двухъ близкихъ къ Финикіи островахъ, Кипрѣ и Паѳосѣ. Еще и Пиндаръ (чуть не тысячу лѣтъ спустя) поетъ о коринѳскихъ жрицахъ, которыя были вмѣстѣ и любодѣйками. Богиня любви была также и богиней красоты, потому что любовь зажигается красою. А Мелькартъ входитъ въ греческій миѳъ подъ именемъ Меликерта и сливается потомъ съ Иракломъ (Геркулесомъ). Проглатывающій дѣтей своихъ Кроносъ, чудовищный Минотавръ—тотъ же вѣдь опять Молохъ Финикіянъ. Тезей, поборовъ Минотавра, освобождаетъ Аѳины отъ тяжкой дани, обязательной поставки на жертву чудищу людей; онъ одолѣваетъ также Амазонокъ, жрицъ Астарты, вооруженныхъ помужски; Тезей — вообще представитель побѣдоносной борьбы, которую около 1200-хъ годовъ Іонійцы вели противъ вторгнувшихся къ нимъ Финикіянъ. Греки завершили собой культуру древности во всемірноисторическомъ значеніи; вотъ почему брали они вездѣ лучшее у всѣхъ другихъ народовъ, но брали какъ беретъ животный организмъ, который потребляетъ цвѣтъ и плодъ растеній, но питаясь ими, въ то же время и преобразуетъ ихъ усвоеніемъ *. Греки, подобно Индійцамъ, народъ фантазіи, и подобно имъ поздно доходятъ они до исторіи въ собственномъ смыслѣ слова; поэзія овладѣваетъ у нихъ матерьяломъ преданія, и оттого созданія ея не пустая какая-нибудь игра: уто́чныя нити дѣйствительности вездѣ явно прохватываютъ пеструю ткань этихъ произведеній. Такъ Ираклъ знаменуетъ намъ побѣдоносные успѣхи культуры, удачную борьбу человѣка съ природою; къ воспоминаніямъ о какомъ-то славномъ микенскомъ богатырѣ прививаются здѣсь солнечный миѳъ Арійцевъ и битвы съ драконами (съ гидрой), солнечный миѳъ Симитовъ и побѣда надъ немейскимъ львомъ; возложеніе на себя героемъ женской одежды идетъ прямо изъ малоазійскаго понятія о двуполыхъ божествахъ въ одномъ и томъ же обликѣ, самосожженіе—явный опять слѣдъ богосказанія Симитовъ и даже богатырскаго ихъ побыта. Разростающаяся былина вплетаетъ этого героя въ предпріятія и другихъ потомъ богатырей: онъ является Аргонавтомъ, онъ помогаетъ Теламону раззорить Трою, и гдѣ ни стояли прежде храмы и памятные столпы Мелькарта, вплоть до Кадикскаго (Гибральтарскаго) пролива, онъ, сказываютъ намъ, прошелъ вездѣ, и вездѣ основывалъ города, вездѣ сооружалъ столпы и храмы. Преодолѣвъ смерть, онъ возвращается изъ преисподней, подымается изъ зимней мглы обновленнымъ краснымъ солнышкомъ и добываетъ себѣ золотое яблоко жизни. Неутомимый, многоопытный борецъ, онъ становится первообразомъ борцовъ эллинскаго народа, покровителемъ ихъ гимнастики, основателемъ ихъ бое-

---

* Конечно не было никогда племени такъ тонко-разборчиваго и вмѣстѣ такъ небрезгливаго на чужое, какъ іонійское.

выхъ игръ. Онъ носитъ на себѣ тяготу земли, онъ не щадитъ трудовъ для блага сочеловѣковъ, въ своей готовности на службу другимъ онъ является богопреданнымъ героемъ, онъ умѣетъ и смирить себя, умѣетъ покаяться тамъ, гдѣ погрѣшилъ, увлеченный порывомъ дикой страсти; этимъ онъ болѣе и болѣе входитъ въ нравственную область и становится образцомъ человѣка, заслуживающаго себѣ борьбою и долготерпѣніемъ безсмертіе и небесный удѣлъ.

На кораблѣ Арго, который и въ гомеровскія времена былъ еще такъ близокъ сердцу Эллиновъ, сосредоточились воспоминанія и былины про тѣ мореплаванія, которыми Греки съ весьма давнихъ поръ успѣли связать края Запада съ Востокомъ. Что съ Востока пришла къ нимъ культура, это свидѣтельствуетъ миѳъ о Кадмѣ. Онъ братъ ѣздящей на быкѣ сидонской богини, Европы, мрачной Астарты; онъ змѣеубивецъ и принесъ съ собой въ Грецію бронзовое оружіе вмѣстѣ съ письменами; въ Кадмейѣ, финикійской крѣпостцѣ близъ Ѳивъ, и въ позднѣйшія уже времена чествовалась Афродита въ качествѣ бранелюбивой богини; а Гармонія, съ которою Кадмъ сочетался бракомъ послѣ упорной борьбы, — символъ порядка, связаннаго съ мирной жизнію, — слыветъ дочерью бога ратей отъ богини любви.

На подобный же союзъ указываетъ въ свою очередь и критская былина. Миносъ, впервые учредившій тамъ греческій государственный нарядъ, именуется сыномъ Зевса и Европы, плодомъ соединенія эллинскаго начала съ финикійскимъ. На высотахъ возносили молитвы къ пеласгійскому Зевсу, разсказывая объ немъ, будто, въ образѣ быка, онъ похитилъ чествуемую въ приморскихъ городахъ богиню, которая вѣдь и сама сидитъ на солнечномъ быкѣ. Сказаніе о ковачахъ металла, Дактиляхъ и Тельхинахъ, основано на славѣ финикійской техники, да притомъ Эллины переносятъ въ Критъ и родоначальника ихъ собственнаго пластическаго искусства, Дедала ваятеля. Здѣсь впервые положенъ предѣлъ морскому разбою, особенно имѣвшему въ виду захватъ людей; здѣсь водворенъ государственный, правомѣрный порядокъ, — за что держится и Ѳукидидъ какъ за сущность всего этого преданія, — и герой, кому приписывались столь великія дѣла, возведенъ потомъ въ праведные судьи надъ мертвыми. — Кажется на островѣ же Критѣ Зевсъ, первоначально единый и вѣчный богъ, обращенъ былъ въ сына Кроноса (т. е. Времени). Зевсъ Кроніонъ очень древнее божество, и Велькеръ въ сынѣ Времени мѣтко разгадалъ сына Вѣчности, предвѣчнаго бога. Только уже изъ этого слова, думалъ онъ, выведено потомъ олицетвореніе времени въ видѣ Кроноса и родительское отношеніе его къ Зевсу: въ супруги Кроносу придали малоазійскую естественную богиню Рею, и весь оргіастическій (разгульный) ихъ культъ обнаруживаетъ явные слѣды семитства. Но для имени Кроносъ представляется словопроизводство, объясняющее его намъ какъ завершителя, все приводящаго къ созрѣву; онъ—богъ жатвы, изображаемый поэтому съ серпомъ (или косой), и такъ какъ солнечный зной въ одно и то же время ускоряетъ жатву и вмѣстѣ губитъ всякую растительность, то въ этомъ отношеніи Кроносъ былъ до того близокъ къ финикійскому Молоху, что Греки дѣйствительно могли признать одного въ другомъ. Если въ Критѣ эллинское служеніе Зевсу шло обокъ съ финикійскимъ чествованіемъ Молоха, то нѣтъ ни чего мудренаго и въ томъ, что Зевса сдѣлали сыномъ Молоха-Кроноса. Какъ

Озирисъ, такъ и Мелькартъ оба сперва нисходятъ въ область смерти, а потомъ воскресаютъ; подобно тому и въ Критѣ показывали Зевсову могилу. Впрочемъ вѣдь и первоарійской эпохѣ принадлежитъ мысль, что свѣтлый богъ весны удаляется на зиму въ горныя дебри, въ преисподнюю, а за тѣмъ побѣдоносно выходитъ оттуда съ обновленнымъ сіяніемъ.

Помѣсь арійскихъ стихій съ симитскими представляютъ намъ также края Малой Азіи; кромѣ Финикіянъ проникали туда въ 13-мъ вѣкѣ и Ассирійцы, а Гомеръ не полагаетъ однакожь ни какой разницы между троянскою и ахейскою культурой; поэтому когда рѣчь идетъ о малоазійскихъ переселенцахъ въ Элладу, ихъ считаютъ не за чужихъ, а за своихъ же близкихъ, и даже нѣкоторые царственные роды Греціи не обинуясь производятъ оттуда, связываютъ напримѣръ Пелопидовъ съ Танталомъ. Самое живое общеніе существовало тогда у малоазійскихъ Грековъ съ европейскими, въ особенности у Іонійцевъ между собою. Греки, пришедшіе изъ Азіи сухимъ путемъ, кромѣ Додоны, водворились первоначально еще на Олимпѣ, гдѣ подъ водительствомъ дорійскаго племени успѣли развить своебытное образованье. Оттого многоверхій Олимпъ и слылъ у нихъ родиной древнихъ баяновъ, которые впервые стали славословить боговъ; ключи его источали напитокъ вдохновенья, и геніи или нимфы тѣхъ ключей, Музы, возбуждали и одушевляли пѣвцовъ, а не то и сами славили боговъ пѣснями; вотъ почему съ древнѣйшихъ уже временъ Олимпъ завсегда считался божеской горою. Съ расширеніемъ культуры, и жилища Музъ продвинулись потомъ до Геликона и до Парнасса, гдѣ также продолжали дѣйствовать баяны-жрецы послѣ того какъ наплывъ болѣе суровыхъ вторженцевъ оттѣснилъ Дорянъ далѣе къ югу. У подошвы Парнасса основанъ былъ первый союзъ окрестныхъ родовъ или Амфиктіоновъ, скрѣплявшійся однимъ общимъ святилищемъ, которое поддерживало и общій гражданскій урядъ. Особенно чествовали они свѣтобога Аполлона, а это служеніе, постепенно отрѣшаясь отъ физической природы, восходило болѣе и болѣе въ нравственную область и уже рано нашло себѣ общее средоточіе въ Дельфахъ, откуда впослѣдствіи его жрецы такъ значительно вліяли на историческія судьбы Эллиновъ. Въ честь богамъ торжественно справлялись общіе праздники, междуплеменныя сношенія были ограждены безопасностью, и здѣсь-то впервые возникло общенародное имя Эллиновъ. Эти зачатки государственности и правообычая Дорійцы разнесли потомъ на югъ. Грубая суровость другихъ племенъ, быть-можетъ совершенно инородныхъ первожильцевъ, повела къ разсказамъ о звѣроподобныхъ людяхъ или Кентаврахъ, которые однакожь были преодолѣны силою.

Подъ финикійскимъ вліяніемъ разросся и разбогатѣлъ городъ Орхоменъ; тамъ духъ эллинства соорудилъ въ честь Харитамъ первое святилище; богини влажной и плодучей природы, раскрывающей всю благодать свою по веснѣ, онѣ постепенно сдѣлались даятельницами всего прекраснаго и милаго, и оттого примкнули наконецъ близко къ Музамъ.

На одной горнокаменной плоскости въ Аттикѣ, для охраны пожитковъ и стадъ, выстроена была крѣпостца Кекропія; ее приписывали родоначальнику Аѳинянъ, Кекропсу; дочерьми его слыли сестры-росницы, — первоначально олицетворенія росы и яснаго воздуха, а быть-можетъ и прозвища самой

Паллады; сынъ плодучей земли, Эрехоей, былъ отданъ имъ Палладою на воспитаніе: она, богиня грозы, дѣвственная владычица эоира, расточала вѣдь дары свои и въ росѣ. Ясно, что источникъ культуры видѣли здѣсь въ земледѣліи, но отсутствіе историческихъ преданій возмѣстили поэзіей. Уже рано возникла связь двухъ общинъ, аоинской и элевзинской, а вскорѣ осоюзилась и вся Аттика подъ водительствомъ Аоинъ, къ которымъ другія мѣстечки того края примкнули тѣснѣе чѣмъ обыкновенно въ Греціи земства приставали къ главнымъ городамъ; но они не были покорены силой какъ въ Лаконіи, а просто сошлись живыми членами въ одно цѣлое. Представителемъ того властительскаго рода, который уладилъ для Аоинъ это объединеніе, былъ Тезей, и былина сдѣлала его за то сыномъ іоническаго моребога. Появленіе воинственнаго рода въ челѣ всѣхъ естественно ведетъ за собой то слѣдствіе, что къ нáбольшему примыкаютъ охочіе и имовитые притомъ люди, а мирные земледѣльцы предоставляютъ имъ носить оружіе и быть дружинниками своего вождя какъ въ дѣлѣ, такъ и въ совѣтѣ; возвышаясь такимъ образомъ на поприщѣ славы и почести и обогащаясь добычей, они скоро становятся исключительной, опричной знатью; былина и сказываетъ что будто бы Тезей подѣлилъ народъ на благородныхъ и простыхъ свóбодовъ. Молва, будто онъ потомъ сложилъ съ себя царскій вѣнецъ и учредилъ демократію, возникла на его счетъ только тогда, когда демократія расцвѣла уже въ самомъ дѣлѣ. Напротивъ въ битвахъ его съ Амазонками предстаетъ намъ поэтически-прикрашенная картина изгнанія финикійской силы и религіи возмужавшимъ тогда духомъ Аоинянъ; да то же обнаруживаетъ и разсказъ о томъ, какъ онъ поборолъ быкочеловѣка, Минотавра, и освободилъ свою родину отъ дани обреченныхъ ему въ жертву семи мальчиковъ и дѣвочекъ; но отсюда не слѣдъ еще выводить похода Аоинянъ на острова Критъ, такъ какъ вѣдь быка Тезей одолѣваетъ же и въ Мараоонѣ. Вообще іонійское сказаніе ставитъ его все болѣе и болѣе обокъ съ Иракломъ. Этотъ юноша сворачиваетъ гору камень, подъ которымъ лежалъ мечь его отца, и очищаетъ весь сплошь край отъ чудовищъ и дикихъ разбойниковъ; онъ участникъ всѣхъ великихъ предпріятій богатырскаго времени, — и похода Аргонавтовъ, и боя съ Кентаврами. Такъ какъ Делосъ рано сталъ средоточіемъ народныхъ сношеній подъ мирнымъ и хранительнымъ покровомъ культа Аполлону, то онъ не только прослылъ родиною бога, но сохранилось преданіе, что туда заходилъ быдто бы Тезей и, въ память благополучнаго возврата своего съ острова Крита, учредилъ тамъ боевыя игры, гдѣ побѣдителю вручалась пальмовая вѣтвь.

Первымъ кориноскимъ владыкою называютъ Сизифа, сына непосѣднаго вѣтробога, Эола. Сизифъ — живой образъ безпрестанно взбѣгающей и спадающей морской волны, которой тщетное стараніе поднять на кручу всегда снова скатывающійся камень еще у Гомера представляется уже адской карою за хитрые Сизифовы обманы и вмѣстѣ символомъ той житейской хлопотни, которая лишена всякой идеальной цѣли. Кориноъ вѣдь морю былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Сынъ Сизифа — Главкъ, блистательный, также опять морское божество, отецъ восходящаго изъ глуби морской солнца, которое мчится на крылатомъ облачномъ конѣ, Пегасѣ, и убиваетъ демона тьмы, почему и зовется Беллерофонтомъ, то-есть побѣдителемъ Беллера (Веллера), — Веретры или Вритры Персовъ и Индійцевъ, какъ выходитъ и по закону перe-

движки звуковъ. Боги сплошь становятся племенными героями: такъ въ Аргосѣ Данаиды первоначально были нимфы изсякающихъ лѣтомъ ключей, отчего онѣ и черпаютъ воду изъ глубины ситами; а впослѣдствіи эти богини превратились въ царевень. Внукомъ Данаю является Персей, бывшій сперва сыномъ небеснаго бога, чей золотой дождь проникъ даже и въ подземную тьму, гдѣ скрыта была Даная.

Если Тезей знаменуетъ собой переходъ отъ патріархальнаго быта къ богатырскому и если, какъ мы знаемъ, богатырство отразилось въ эпосѣ, то теперь другой вопросъ, какова была поэзія предшествовавшей ему первичной эпохи. Когда съ доступной намъ блистательной высоты, на которой стоятъ Гомеръ и Гезіодъ, мы обратимъ взоры къ времени, подготовлявшему богатую эту жатву, когда вникнемъ въ тѣ созданія, которыя необходимо должны были ей предшествовать, мы тотчасъ же увидимъ, что съ одной стороны поэтическому духу надлежало черезъ сплавъ естественнаго элемента съ нравственнымъ такъ человѣчно выработать лики боговъ, что эпосу было бы уже сруки воспользоваться ими, распредѣлить ихъ по степени и чину и связать въ одно цѣлое, а съ другой стороны пѣснь должна уже была сопровождать жизнь самого народа, воспринимать событія и отзываться на нихъ подобно тому, какъ мы видимъ это во всей греческой исторіи. Исходною же точкой поэзіи, тѣмъ, что ее движетъ и настраиваетъ, была разумѣется душа, высказывающая свои скорбныя и радостныя чувства, свои порыванія къ божественному, небесному; но греческій складъ ума не дозволяетъ ей ограничиваться только внутреннимъ ея міромъ, утопать въ блаженствѣ сонныхъ его грезъ; стремясь къ созерцанію и къ наглядности, онъ побуждаетъ ее высказывать свои чувства изображеніемъ тѣхъ самыхъ предметовъ, которые ихъ вызвали.

Догадка эта подтвердится намъ и преданіемъ, если мы только не выпустимъ изъ виду того что миѳическая рѣчь воплощаетъ общія черты народной жизни и все совершаемое массами въ единичныхъ лицахъ и событіяхъ. Вѣдь и для Аристотеля жрецы и баяны давней старины все еще одно и то же; блюстители общихъ святынь были вмѣстѣ и урядчиками богослуженія, и слово н о м о с ъ, уставъ, законъ, такъ же точно выражало чинъ религіознаго обряда какъ и чинъ пѣснопѣнія. Такъ истымъ жрецомъ-баяномъ выступаетъ Орфей, укрощающій своей лирою даже дикихъ животныхъ, и поэзія является у него тою первою формой духовной жизни, которая распространяетъ нравственное образованіе; но онъ въ то же время и товарищъ Аргонавтамъ, такъ какъ пѣсня (главный его даръ) повѣдываетъ міру о народныхъ подвигахъ и событіяхъ. И если Ѳракію называютъ отчизной и его и Ѳамирида *, то мы должны принять это за указаніе на мѣстность вокругъ Олимпа, который ни-

* Другой ѳракійскій пѣвецъ и киѳаристъ, о которомъ шло очень поучительное сказаніе: оставшись побѣдителемъ на дельфійскихъ играхъ, онъ вызвалъ на состязаніе самихъ Музъ съ условіемъ, что если онъ получитъ награду, то воспользуется прелестями ихъ, каждой поочереди, а если будетъ побѣжденъ, то предоставляетъ Музамъ сдѣлать съ нимъ чтó угодно. Музы одержали верхъ и, въ наказаніе за безстыдный вызовъ, ослѣпили Ѳамарида, отняли у него голосъ и разбили его киѳару.

когда бы не прослылъ въ вѣрѣ Эллиновъ горой боговъ и жилищемъ Музъ, не стой у подошвы его колыбель религіозной поэзіи. Эвмольпиды, руководившіе служеніемъ Деметрѣ, назывались краснопѣвцами; этотъ жрецепѣвческій родъ, которому въ Аттикѣ отвѣчали Памфиды, возводилъ себя къ родоначальнику Эвмольпу*, а имя послѣдняго точно такъ же оказывается чистымъ олицетвореніемъ, какъ и въ имени Музея олицетворены занятія Музъ. Пѣвецъ Оленъ слылъ первымъ пророкомъ Аполлона, и разсказываютъ, что у Парнасскаго хребта Филаммонъ впервые образовалъ хоръ дѣвственницъ, славившій рожденіе этого бога. Если впослѣдствіи изобрѣтатель игры на флейтѣ, демонъ Марсіасъ, и побѣжденъ играющимъ на лютнѣ Аполлономъ, то все же однако вліяніе шумной музыки Фригійцевъ на греческую обнаруживается въ томъ, что преданіе указываетъ на какого-то Марсіасова ученика, Олимпа, и приписываетъ ему пѣсни въ честь боговъ, складомъ подходящія къ фригійскимъ.

Напротивъ того Линъ, Іалемъ, Гименей—все олицетворенія разнаго рода пѣсень. Заплачка Лина въ Малой Азіи, пѣснь Манероса у Египтянъ (см. I, 169), провожаютъ поблекшую красу природы въ видѣ умирающаго юноши. Гомеръ описываетъ сборъ винограда, какъ онъ изображенъ на Ахилловомъ щитѣ: тамъ мальчикъ нѣжнымъ голосомъ распѣваетъ Линосъ, извлекая при этомъ сладостные звуки у киѳары, а юноши и дѣвицы, несущіе зрѣлый виноградъ, идутъ подъ тактъ его пѣсни, подхватывая ее громкимъ взвизгомъ или восклúкомъ. Припѣвъ этотъ въ Малой Азіи звучалъ ай лепу, увы намъ! а у Грековъ оно переходило въ ай лине, и отсюда вывели что будто онъ поется въ честь Лину. Заунывный тонъ вообще по душѣ народу и на югѣ; до сихъ поръ простой припѣвъ, какимъ мальчикъ, собирая маслины въ горахъ подъ Римомъ, заканчиваетъ протяжно свою пѣснь, трогателенъ до такой степени что подчасъ вызываетъ слёзы. Іалемъ—печальная также пѣсня, гименей напротивъ свадебная, веселая. Дружно гудятъ флейты и киѳары, а молодежь пускается въ плясъ, когда подъ громкій напѣвъ гименея новобрачную ведутъ при свѣтѣ факеловъ по улицамъ,—какъ въ томъ же самомъ мѣстѣ повѣствуетъ Гомеръ. Шествіе такого рода называется комосъ, и Гезіодъ описываетъ пѣніе гименея при брачномъ ходѣ такимъ образомъ, что веселые хоры юношей и дѣвицъ, одни подъ звукъ киѳары, другія подъ звукъ флейты, сопровождаютъ его плясками. Хоромъ первоначально называлось плясовое мѣсто, плясовище, а потомъ уже и круговой на немъ плясъ (хороводъ); пляшущіе сами не поютъ, а только наглядно выражаютъ возбуждаемое или рисуемое пѣснью настроенье своими движеніями и жестами. Это—совокупное дѣйствіе музыкальнаго и пластическаго искусствъ вмѣстѣ, то самое, что мы находимъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ и что въ драмѣ получаетъ окончательное свое завершеніе; здѣсь оно является въ своемъ первоначальномъ ядрѣ, съ тѣмъ чтобы вполнѣ развернуться впослѣдствіи. О такихъ мимическихъ представленіяхъ подъ звуки пѣсень упоминаютъ особенно въ культѣ Аполлону.

---

* Памфиды въ свою очередь производили себя отъ древнеаттическаго пѣвца Памфа.

Далѣе Гомеръ же говоритъ еще о пеанахъ. Это были радостные гимны благодарности, надежды, упованія. Ихъ пѣли или весело встрѣчая весну, или вслѣдъ за какимъ-нибудь счастливо покончeннымъ дѣломъ, по принесеніи жертвы и подъ звонъ заздравныхъ чашъ въ честь боговъ. Онъ упоминаетъ также о ѳреносѣ, плачѣ по умершемъ, который затягиваютъ пѣвчіе, а подхватываютъ стоны и вопли осиротѣвшихъ, — женщинъ разумѣется по преимуществу. Въ пеанѣ богамъ и въ плачѣ по усопшихъ людяхъ сама собою выступаетъ похвальба ихъ подвигамъ; въ этихъ зачаткахъ естественной поэзіи предстаютъ намъ въ нераздѣльномъ еще единствѣ эпическіе и лирическіе элементы, которые потомъ отрѣшаются и вырабатываются, каждый родъ независимо отъ другого. Близкимъ подобіемъ этой первобытной поэзіи Грековъ обладаемъ мы въ индійскихъ Ведахъ, принадлежащихъ тому же почти времени, сохранившихся чуть ли не съ 14-го вѣка и подробно мною описанныхъ (I, 294—320) потому, что къ намъ доходитъ въ нихъ не только голосъ пред-эпической поры въ Индіи, но и вообще живой памятникъ ранней истинно-человѣчной ступени развитія, свидѣтельство цѣлой міровой эпохи. У Грековъ здѣсь также раскрывается процессъ сложенія миѳологіи и первое начало богатырской пѣсни. И подобно тому какъ изъ ведійскихъ стиховъ развилась слока, изъ жреческихъ пѣснопѣній въ Греціи постепенно возникнетъ и пріобрѣтетъ твердую свою мѣру гекзаметръ, стихъ состоящій изъ двухъ половинъ, о трехъ повышеньяхъ голоса каждая. Сила мѣры и очарованіе красоты съ весьма раннихъ поръ могущественно дѣйствовали на душу. И мы смѣло можемъ привести сужденіе Павсанія о древнѣйшей поэзіи гимновъ, что она пожалуй уступала Гомеровской въ изяществѣ языка, но конечно превосходила ее глубиной религіознаго чувства. Однако если она и облекала въ странныя, еще не покорныя мысли слова свои задушевныя чаянія безконечнаго, это не даетъ намъ права заключать о существованіи тогда какихъ бы то ни было тайноученій и мистерій; догадкѣ такого рода противорѣчитъ не только совершенное молчаніе объ нихъ Гомера, но и то въ особенности обстоятельство, что о внутренней духовной силѣ примирительной жертвы, объ очищеніи совѣсти и соединенныхъ съ этимъ священнодѣйствіяхъ встрѣчаемъ мы нѣкоторое понятіе только уже въ погезіодовскія времена; это именно и представляетъ намъ дальнѣйшее развитіе культовъ Аполлону и Діонизу. Дошедшіе до насъ орфическіе гимны всѣ до одного подложные и принадлежатъ позднѣйшимъ орфикамъ *. Вотъ почему Ульрици говоритъ: «Если мы только не выпустимъ изъ виду подлинно древнихъ понятій и пред- «ставленій, то окажется что тогдашніе жрецы и пѣснопѣвцы были крайне «далеки отъ позднѣйшихъ философскихъ тонкостей и мудрованій, отъ поэзіи, «нарочно игравшей въ таинства, отъ затѣйливыхъ созданій жадной до чудесъ «фантазіи, а равно и отъ изліяній скрытой чувственности и мечтательно- «заносчивыхъ порывовъ; напротивъ, подъ наптіемъ самыхъ простыхъ, но «неодолимо-сильныхъ ощущеній веселья и скорби, радостнаго удивленія и «благоговѣйнаго трепета, проникнутые до глубины души таинственнымъ «чаяніемъ безконечнаго и неизрекомаго, живо помня представленія, разсказы

* Думавшимъ поддѣлаться подъ старинный ладъ.

«и преданія отцовъ, славословили они вышнія силы и словесно выражали «свои чувства и понятія образомъ и подобіемъ въ лирико-эпическихъ стихахъ, «развивая этимъ далѣе религію, да вмѣстѣ и поэзію Эллиновъ, — первую «больше въ антропоморопко-нравственномъ смыслѣ, хотя еще и при чув«ственномъ часто способѣ изложенія,—послѣднюю въ смыслѣ подготовки къ «прекрасному расцвѣту эпическаго искусства. Въ такомъ именно дальнѣй«шемъ развивѣ религіи и поэзіи по пути къ антропоморфизму и эпикѣ заклю«чалась вѣщая мудрость древнѣйшихъ жреце-пѣвцовъ, такъ-какъ вѣдь при «этомъ они только слѣдовали врожденному влеченію эллинскаго духоразвитія, «которое и въ религіозномъ отношеніи на столько же выше восточнаго слу«женія природѣ, на сколько человѣкъ и его существо,—эта сосредоточенная «вершина природы, всѣхъ ея элементовъ и живыхъ силъ,—превышаетъ по«слѣднюю духовнымъ значеніемъ благодаря непосредственной связи своей «съ божественнымъ началомъ. Не отпаденіемъ отъ чего-то лучшаго и вѣр«нѣйшаго, но прямымъ прогрессомъ къ истинѣ, къ высшему и духовному «былъ антропоморфизмъ греческаго религіознаго образованія, при всей чув«ственности его внѣшняго склада и воззрѣнія; и не въ восточномъ служеніи «природѣ физической, и не въ мистической мудрости индійскихъ и египетскихъ «жрецовъ, а именно въ эллинской апоѳеозѣ природы человѣка лежалъ истори«ческій переходъ отъ язычества къ христіанскому ученію, которое отрѣшась отъ «всякаго чествованія внѣшней природы, возвело одну изъ силъ души человѣче«ской, любовь, какъ первоначало духа, въ тріединое и единственное Божество.» Вѣдь глубочайшій, задушевный побудъ всего миѳологическаго міросозерцанія развѣ не чаяніе той истины, что одна самость, самочувствующая и самосознающая себя жизнь, есть первоначальное, дѣйствительное и полноцѣнное бытіе, какимъ постигается оно душой только въ ея же собственныхъ нѣдрахъ? Вотъ отчего она полагаетъ его въ основу и явленіямъ природы, видитъ въ нихъ его откровеніе, или его созданья и дѣла, и впадаетъ здѣсь въ пріятное заблужденіе только тѣмъ однимъ, что судя по многоразличію видимаго міра воображаетъ себѣ единое вѣчное существо цѣлымъ рядомъ особыхъ личностей, услаждается и вполнѣ довольствуется мыслію что всѣ процессы и измѣненія дѣйствительности зависятъ отъ свободной воли этихъ личностей, тогда какъ наука ищетъ тому подлинной обосновки въ природѣ или существѣ вещей и въ законѣ общаго міропорядка.

Въ эту доисторическую пору эллинства, подъ исходъ 2-го тысячелѣтія предъ Р. Х. выработалась уже наконецъ та разность двухъ его племенъ, на взаимодѣйствіи которой основанъ органическій процессъ его исторіи; вслѣдъ за тѣмъ въ Гомеровской поэзіи раскрывается полный цвѣтъ іонизма. А іонизмъ и обокъ съ нимъ доризмъ знаменуютъ въ коренныхъ чертахъ своихъ начала свободы и порядка, самобытной индивидуальности и властвующей надъ нею общественной силы, жизни нараспашку вмѣстѣ съ радованіемъ внѣшней обстановкою и сосредоточенной въ себѣ силы души,—начала, которыхъ выработка и взаимное соприкновеніе дали вѣдь типическую форму всему человѣчному, и которые осуществились въ Элладѣ именно такъ, что первое взяло перевѣсъ у Іонійцевъ, а второе у Дорійцевъ, оба разумѣется на основаніи природныхъ свойствъ Грека вообще и въ предѣлахъ положенной и доступной ему мѣры. Дорійцы выбираютъ себѣ внутренція

части края и замыкаются отовнѣ; Іонійцы заняли доступные всѣмъ острова и побережья; они столько же бойки, подвижны, наклонны къ новизнѣ, какъ напротивъ первые крѣпко держатся старозавѣтныхъ преданій. Отеческій обычай— для Дорійца законъ, онъ вполнѣ подчиняетъ личность государству и дѣлаетъ изъ послѣдняго самоцѣльное художественное произведеніе; Іоніецъ ищетъ удовлетворенія особымъ своимъ потребностямъ въ наслажденіи благами жизни, въ упражненіи своихъ силъ, и ждетъ отъ общества чтобы оно доставило ему на это способы; онъ хочетъ чтобы общественныя дѣла велись волею всѣхъ гражданъ по ихъ собственному усмотрѣнію, онъ любитъ силу слова и довѣряетъ ей, онъ учреждаетъ демократію, тогда какъ дорійское государство составляетъ замкнутая въ себѣ аристократія. Доріецъ, съ сродною ему степенностью, вездѣ имѣетъ въ виду нравственность и практическіе результаты; Іоніецъ лелѣетъ искусства и науку ради красоты и любознательности. Доріецъ любитъ полновѣсную краткость рѣчи, Іоніецъ всегда готовъ отдаться привольному ея обилію. Безпредубѣжденно, съ яснымъ настроеніемъ души смотритъ Іоніецъ на природу и на дѣйствительность, и оттого скоро доходитъ въ искусствѣ до созданія прекраснаго эпоса, тогда какъ Доріецъ выражаетъ важно-религіозный духъ свой въ лирикѣ, но въ лирикѣ хоровой, повѣдывающей общіе помыслы и чувствованія народа. Архитектура, дѣло совокупной греческой народности и выраженіе ея общаго самосознанья, выходитъ своеобразнымъ созданіемъ дорійскаго характера, а пластика, видообразованіе индивидуальностей, является болѣе сродной іонійскому. Съ одной стороны, чувство собственнаго достоинства даже и при строгой зависимости отъ цѣлаго, сила воли, но вмѣстѣ съ этимъ жесткость и наконецъ омертвѣніе; съ другой—то же чувство при полной свободѣ, бойкая предпріимчивость, но вмѣстѣ съ тѣмъ баловство и необузданность, а вслѣдствіе ихъ — внутреннее растлѣніе: такимъ предстаетъ намъ характеръ обоихъ племенъ въ исторіи; они ростутъ благодаря тому что сила каждаго возвышается обоюднымъ напряженіемъ и что въ совокупномъ ходѣ греческой жизни всегда одно возбуждается и дополняется другимъ. Подобно тому какъ тяжелый на подъемъ характеръ Египтянъ явился на Востокѣ прямой противоположностью подвижной фантазіи Симитовъ, такая жь почти разница выступила опять и здѣсь, но въ предѣлахъ одного и того же эллинства, которое именно благодаря ей развернулось такъ богато и гармонично.

Около 1300-хъ годовъ Финикійцы основали поселенія на Родосѣ и Критѣ; надо полагать что лѣтъ пятьдесятъ спустя они распространили ихъ и въ Элладу. Тамъ, по удобнымъ равнинамъ, уже нашли они земледѣліе и борьбу этой зачинавшейся культуры съ хищными пастушескими горцами, а съ тѣмъ вмѣстѣ—явную необходимость возводить на малодоступныхъ высотахъ крѣпкія ограды для защиты святыни и имущества. Таковы л а р и с с ы или каменные острожки Пеласговъ съ грубыми киклопскими стѣнами изъ сложенныхъ подъ рядъ и нагроможденныхъ въ вышину крупныхъ неотесанныхъ каменьевъ, которыхъ промежутки заполнялись мелкими. Въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній сряду проникали финикійскіе элементы въ греческую религію, или же объ нихъ сложились здѣсь такія воспоминанія, которыя вошли потомъ въ богатырскія былины. Эллины научились у Финикіянъ разнымъ техническимъ подѣлкамъ; еще и у Гомера отъ нихъ идутъ лучшее царское оружіе

и драгоцѣннѣйшая утварь. Вѣроятно, отъ нихъ же пришла въ Грецію и та правильная кладка изъ тесанаго плитняку, какою отличаются тамъ другія очень древнія стѣны; ассирійскій стиль обличаютъ также трубчатые львиные хвосты на Микенскихъ воротахъ и украшенія колоннъ такъ-называемой сокровищницы Атрея. Такія художественныя преданія могли сохраниться и тогда, когда пожалуй еще до исхода 11-го вѣка объединеніе и возстаніе Аттики сломило господство Финикіянъ и когда около 1000-хъ годовъ греческіе мореходы овладѣли посредствомъ колоній островами и торговлею. Самыя эти борьбы пробудили воинственный духъ народа, а потому нѣтъ причины сомнѣваться и въ междоусобіяхъ, дважды доводившихъ Аргивянъ до похода противъ Ѳивъ, или считать неисторическимъ то событіе, что пелопоннезскіе и ѳессалійскіе мореходы побѣдоносно выполнили изъ Микенъ одно общее предпріятіе противъ малоазіатскаго берега и что посредствомъ деревяннаго коня, то-есть просто съ помощію кораблей, взятъ былъ у Троянцевъ ихъ главный городъ.

Что въ Микенахъ, передъ дорійскимъ нашествіемъ, существовало могучее царство Ахеянъ, это доказывается сверхъ-того и развалинами, которыя намъ прійдется еще поближе разсмотрѣть, какъ древнѣйшіе памятники строительнаго и пластическаго искусства. Боговъ первоначально чествовали еще не въ храмахъ, и какъ поставленный на могильномъ курганѣ каменный столбъ напоминалъ о погребенномъ подъ нимъ человѣкѣ, такъ пожалуй и тотъ колоннообразный камень, о которомъ Павсаній упоминаетъ въ Орхоменѣ, въ Фарахъ, могъ замѣнять собою божескій кумиръ; первымъ шагомъ далѣе была попытка видообразовать голову, что́ Греки удержали потомъ для-Гермовъ и въ позднѣйшій періодъ художественности.

Стѣны тиринской крѣпости, въ которой стояла будто бы колыбель Иракла, были выстроены какъ нельзя проще; огромные каменные брусья, каждый до 12-ти футовъ въ длину, накладывались одинъ на другой въ томъ видѣ какъ ихъ выломали. Ворота выведены такимъ образомъ, что нутреные камни съ обѣихъ сторонъ идутъ вверхъ все сближающимися выступами, а потомъ связываются каменною перекладиной, надъ которой для облегченія тяжести продѣланъ сквозной треугольникъ замыкающійся опять брусомъ. Стѣна въ 25 футовъ толщиной, но по нутру ея устроенъ во многихъ мѣстахъ ходъ, внизу шириной въ 5 футовъ, а вверху все у́же, вплоть до совершенной смычки обѣихъ сторонъ. Киклопскимъ называютъ Греки все чудовищное, гигантское; однакожь новѣйшіе этимологи наклонны признавать въ этомъ имени скорѣе круговую, кольцеобразную, киклическую постройку. Въ Микенахъ, сверхъ употребленія тесанаго камня, прогрессъ замѣтенъ еще въ томъ, что теска тамъ многогранная и камни пригнаны въ ребро такъ что они взаимно гнетутся и подпираются, а между тѣмъ сѣтчатая игра пазовыхъ линій пріятно дѣйствуетъ и на глазъ. Къ главнымъ воротамъ ведетъ здѣсь проходъ въ 50 футовъ длиною; верхній брусъ, въ 15 футовъ длины, соединяетъ наклонные другъ къ другу косяки, а въ треугольномъ полѣ надъ самымъ брусомъ и теперь еще привѣтствуетъ путника слѣдующій рельефъ: посереди на постаментѣ колонна, символъ хранителя воротъ и твердыни, Аполлона; она толще вверху нежели внизу, съ мягко-вздутою ка-

пителью и двумя абаками, изъ которыхъ нижняя украшена щиткомъ; двѣ львицы, по одной съ каждой стороны, опираются передними лапами на постаментъ колонны, тѣла ихъ изображены въ профиль, а (несуществующія уже) головы свободно выступаютъ наружу. Это древнѣйшее въ Европѣ пластическое произведеніе, геральдически-строгое въ очертаньи, выполненное твердо и выразительно. «Гомеровскія пѣснопѣнія придаютъ высшее освяще-«ніе славы, нѣмымъ этимъ стѣнамъ, а стѣны въ свою очередь живо сви-«дѣтельствуютъ намъ о Гомерѣ; онѣ доказываютъ что былъ нѣкогда Ага-«мемнонъ, да было много храбрыхъ еще и до него.» (Эрнстъ Курціусъ).

Въ Микенахъ, такъ же какъ и въ Орхоменѣ, есть круглыя подземныя постройки, которыя обыкновенно именуютъ сокровищницами. Надъ круглой площадью основанія высятся одинъ надъ другимъ кольцеобразные ряды камней, так что верхній всегда немного продвинутъ передъ нижнимъ внутрь, и всѣ вмѣстѣ, выровненные въ видѣ свода, сходятся наконецъ высокимъ куполомъ. Снаружи промежутки большихъ камней забиты мелкими, а поверхъ всего слой земляной насыпи окончательно закрѣпляетъ постройку. Въ камняхъ есть гвоздевыя пробоины, найдены также остатки металлическихъ листовъ, и едва ли можно сомнѣваться что внутренность зданія была по симитскому обычаю одѣта бронзой, такъ какъ, съ другой стороны, Софоклъ говоритъ о мѣдяной храминѣ, куда спрятали Данаю, а Гомеръ упоминаетъ о бронзовой обивкѣ стѣнъ въ Алкиноевой горницѣ. Изъ главнаго покоя, имѣющаго 40 футовъ въ поперечникѣ и до 50-ти высоты, узкій ходъ ведетъ къ изсѣченной въ скалѣ боковой каморѣ. Входныя ворота построены точно такъ же какъ и оградныя; возлѣ нихъ лежатъ остатки колоннъ, подножіе съ отдутымъ валомъ и стержень украшенный зигзаговыми чертами подобно одеждамъ ассирійскихъ царей. Стиль отдаетъ чѣмъ то совершенно азіатскимъ; все зданіе въ совокупности было величаво и роскошно на удивленіе; горнокаменный покой предназначался кажется служить царю усыпальницей, тогда какъ въ большой ротондѣ сохранялись оружіе и драгоцѣнныя вещи. Отъ нагроможденья каменныхъ глыбъ мы видимъ стало-быть переходъ къ правильной кладкѣ тесанаго камня, которая, какъ говоритъ Эврипидъ, производилась по финикійской мѣрѣ; видимъ также и эллинскій способъ многоугольной постройки, гдѣ, первичные пріемы зодчества получаютъ уже художественный типъ; видимъ, наконецъ, что Эллины употребляютъ для своихъ цѣлей азіатскіе мотивы и формы, какъ Персы дѣлали это въ Персеполѣ. Духъ Грековъ изначала доказываетъ свое историческое значеніе и геніальность свою тѣмъ, что охотно принимаетъ добытые вчужѣ элементы образованія, но всегда ведетъ ихъ далѣе, насквозь пропитываетъ своимъ собственнымъ существомъ и такимъ образомъ вноситъ отъ себя оригинальный вкладъ въ общую связь всемірно-историческаго развитія.

ГОМЕРЪ.

Борьбы земледѣловъ съ дикими горцами, Эллиновъ въ Финикіянами, а также и отдѣльныхъ греческихъ волостей между собою, наконецъ смѣлыя предпріятія на морѣ, пробудили воинственный духъ народа, придали вождямъ новую силу и значеніе и возвысили надъ трудовой массою войнолюбивую знать. Около 1000-го года предъ Р. Х. насталъ вѣкъ такого общаго движенія, которое помогло выработкѣ племенныхъ особенностей и завоеванію себѣ каждымъ племенемъ прочнаго, осѣдлаго жила: онъ ознаменовался вторженіемъ Дорійцевъ въ Пелопоннезъ и тѣмъ важнымъ событіемъ, что вытѣсненные изъ Эллады Ахеяне и Іонійцы овладѣли островами и побережьями Малой Азіи. Движеніе это совершилось не въ такихъ обширныхъ предѣлахъ, въ какихъ происходили индійскія усобицы или какія обняло великое переселеніе Германцевъ, но какъ тамъ, такъ точно и здѣсь, оно было богатырскою эпохою народа, вступленіемъ его во всемірную исторію, и такъ же выразилось эпическою поэзіей. Это была не одиночная лишь большая война, а длившаяся нѣсколько поколѣній самодѣятельность разныхъ волостей и ратей, благодаря которой и основался постепенно новый бытъ; оружіемъ была завоевана и отстояна земля, и суша и море были поприщемъ блистательныхъ дѣяній. Для охраны общаго достоянія и общей святыни служили обведенныя стѣнами крѣпостцы или кремли. Рабы, военноплѣнные Эллины или чужеродцы и потомки вытѣсненнаго изъ края прежняго населенія работали на господъ, которые въ качествѣ людей имовитыхъ и охочихъ къ оружію, составляли благородное сословіе знати. Предводителемъ ихъ былъ царь. Онъ совѣтуется съ ними, созываетъ народъ на сходку чтобы объявить ему свою волю или намѣренье, которое всегда и рѣшаетъ дѣло, но онъ тѣмъ не менѣе любитъ опереться на народное согласіе. Царь—поставленный Зевсомъ пастырь народовъ, онъ долженъ блюсти миръ внутри и править людьми кротко какъ добрый домохозяинъ. Жена—уважаемая хозяйка въ домѣ, бракъ считается священнымъ, семейное чувство и взаимное дружелюбіе ведутъ за собой человѣчность нравообычаевъ, которая и въ чужакѣ радушно видитъ гостя, которая и послѣдняго нищаго ставитъ подъ защиту боговъ. Но насиліе и самоуправство водились часто, и на семьѣ лежала обязанность кровомщенія, отъ котораго можно было однакожь откупиться вирою, если только убійца не бѣжалъ въ чужой край. Судъ происходилъ гласно, приговоръ постановлялся самимъ царемъ или значительными людьми по обычаю и справедливости. Знатный долженъ быть увѣтливъ. Война въ охоту ему какъ состязаніе въ богатырской силѣ, и наградой побѣдѣ служитъ слава, да еще и съ добычею. Главнымъ оружіемъ были щитъ и копье, на битву шли въ шлемѣ, панцырѣ и поножахъ; вождь ѣхалъ въ ратной колесницѣ. По честью мужу слыло не одно оружіе, а также и слово, умная и складная вмѣстѣ рѣчь. Царь долженъ быть вождемъ душъ, долженъ влавствовать надъ свободными.

Поэзія не утратила своей жреческой обязанности, но пріобрѣла новое содержаніе и форму съ тѣхъ поръ какъ стала сопровождать богатырскую эту жизнь и украшать своими пѣснями не одни лишь жертвоприношенія, но также и веселые пиры героевъ. Тутъ надо было славить и ратные подвиги настоящаго и память доблестныхъ предковъ, и чѣмъ болѣе пѣсня излагала пережитыхъ всѣми событій, чѣмъ болѣе высказывало она то что у каждаго было на душѣ, тѣмъ скорѣй могла себѣ ждать сочувствія, но зато тѣмъ выше цѣнилась и художественность изложенія, тѣмъ просвѣтленнѣе должна была выступать картина дѣйствительности. На событіи изъ собственной своей жизни пытаетъ Одиссей Демодока, вѣрно ли онъ передастъ его по порядку какъ слѣдуетъ, и отрадой наполняется сердце слушателя, когда пѣснь разсказчика отозвалась благозвучіемъ безсмертныхъ*. Пѣвецъ чтится всѣми какъ надѣленный особой милостью боговъ, онъ поетъ что̀ внушитъ ему самъ Зевсъ или Муза. Агамемнонъ, разлучаясь съ супругой, оставляетъ ее подъ охраною пѣвца. Къ родовой въ семьѣ передачѣ пѣнія присоединяется школа, гдѣ даровитая молодежь идетъ по стопамъ учителя пѣснопѣвца; занятіе поэзіей ведется не въ одиночку, а всегда артелью, обществомъ, и поэтъ—не изобрѣтатель, а только хранитель завѣтнаго преданья. Но преданіе еще не исторія, оно просто былина. Оно запоминаетъ только тѣ вещи, которыя имѣютъ какое-нибудь значенье для юнаго именно человѣчества, и дороги притомъ по свѣжему впечатлѣнію ихъ на̀ душу, которое фантазія тотчасъ же и облекаетъ въ форму. Такимъ образомъ дѣйствительность берется ею со стороны непосредственно говорящей смыслу человѣка, то-есть со стороны открывающейся въ ней полносильной для всѣхъ истины, все равно обнаруживается ли тутъ извѣстный законъ жизни или какая нибудь коренная сила души; идея и событіе созерцаются въ полной ихъ неразрывности, и оттого, безъ всякаго преднамѣреннаго разсчета, внѣшняя оболочка органически прилаживается къ внутреннему смыслу, маловажное совсѣмъ опускается, а главное напротивъ усиливается и расширяется. И какъ религіозное чувство тѣсно связываетъ все земное съ божественнымъ, то въ возникающемъ такимъ образомъ безъ всякой надумки (рефлекціи) истинно самородномъ сказаніи всегда выражается какая-нибудь божественная мысль, идея, или пожалуй какое-нибудь дѣйствіе вышней силы, и религіозное сознаніе само обрѣтаетъ при этомъ наглядные образы для своихъ внутреннихъ опытовъ. Такъ какъ красота основана на живомъ совнѣдреніи идеальнаго съ реальнымъ, то собственно она, а вовсе не фактическая вѣрность, является господствующимъ началомъ или организующею цѣлью сказанія, которое поэтому, какъ истое порожденіе фантазіи, само идетъ навстрѣчу искусству.

На острова и на малоазійскіе берега стали теперь прибывать поселенцы со всѣхъ концовъ Эллады, и по мѣрѣ соприкосновенія и помѣси племенъ естественно соприкасались и перемѣшивались ихъ сказанія. Если здѣсь, на только что лишь завоеванной почвѣ, шелъ въ народѣ разсказъ о грозномъ походѣ греческихъ владыкъ противъ крѣпкой твердыни Троянцевъ

---

* То-есть складомъ просвѣтленной истины.

и о связанныхъ съ нимъ приключеніяхъ на морѣ, то онъ самъ собою долженъ былъ выйдти зеркаломъ и образцомъ современнаго ему быта, и не мудрено что онъ по преимуществу овладѣлъ сердцами слушателей, что сталъ общимъ средоточіемъ, къ которому любое племя прикрѣпляло своего героя, что въ него заносились и вновь пережитыя событія, что воспѣтое имъ дѣло разрослось во всенародное, въ которомъ весь народъ впервые созналъ самъ себя, въ миѳическій образъ эллинства побѣдоносно ратующаго съ Востокомъ. Потомки Атрея властвовали надъ Эолійцами, водворившимися тогда въ Митиленѣ и Кимѣ; ихъ сказанія, которыхъ историческая основа подтверждается постройками, выдвинулись на первый планъ, и оттого Агамемнонъ поставленъ во главу похода на Трою. Къ нему присоединенъ старый аргосскій герой, Діомедъ, а также и Несторъ, въ которомъ вожди разныхъ іонійскихъ поселеній чествовали племенного своего героя; пѣвцы придали ему по преимуществу многоопытную старческую мудрость и необыкновенную сладость рѣчи. Эврисакиды въ Аттикѣ выводили себя отъ Эврисака, сына Аякса Саламинскаго; Эврисакъ значитъ «широщитный», а это могло быть поводомъ къ тому, что Аяксу приданъ страшный щитъ и съ нимъ особенная сила сопротивленія, несокрушимая стойкость въ битвѣ. Ѳессалійскіе переселенцы всѣхъ далѣе проникли въ Малую Азію, и оттого герой ихъ Ахиллесъ вышелъ храбрымъ скоробѣжцемъ, копьеметомъ всѣхъ опережающимъ въ полѣ. Онъ притомъ наводитъ насъ и на слѣдъ естественнаго миѳа. Онъ вѣдь сынъ Пелея, котораго всего ближе объяснить себѣ горнымъ духомъ Пеліона; съ нимъ сочетается богиня свѣтло-зыбкихъ морскихъ струй, среброногая Ѳетида; какъ сынъ моря и горы, да согласно и своему имени (ахе, aqua, вода), является онъ питомцемъ горныхъ кентавровъ, потокомъ рѣзво и быстро сбѣгающимъ въ долину, свѣжимъ молодымъ богатыремъ, столько же прекраснымъ, какъ и смѣлымъ, который однакожь по краткомъ теченіи изсякаетъ; и вотъ, любимецъ всѣхъ Нереидъ, вездѣ хранительно окружавшихъ его заодно съ матерью, онъ подконецъ оплаканъ ими въ жалобной пѣснѣ, какъ ясно показали это Велькеръ, Форхгаммеръ и Преллеръ. «Тебя породили утесы крутые и свѣтлоблестящее море», такъ еще и у Гомера обращается къ нему Патроклъ; но естественная основа отступила и здѣсь на задній планъ, точно такъ какъ и у Елены, богини мѣсяца или Селены, такъ же какъ и у солнобога Зигфрида, и на новой почвѣ выработалась уже поэтически личность героя сообразно новопережитымъ опытамъ его чтителей. Изворотливость, хитрость, готовность на всякія похожденія, все что прилично моряку и что по преимуществу развивается на морѣ, нашло себѣ представителя въ Одиссеѣ, этомъ подкрылышѣ Аѳины, который, какъ мужъ зрѣлаго ума, вскорѣ сталъ обокъ съ богатыремъ-юношей, полнымъ восторженнаго героизма; на немъ сосредоточились потомъ былины мореходовъ, а возвратъ его былъ изукрашенъ древнемиѳическимъ сказаніемъ про бога весны, какъ послѣ долгой зимней отлучки тотъ воротился изъ преисподней сначала ни кѣмъ не узнанный, какъ перебилъ неотвязныхъ жениховъ своей жены и овладѣлъ наконецъ благополучно своимъ царствомъ. Такъ какъ владыки Тевкровъ, съ которыми пришлось бороться новосельцамъ въ Малой Азіи, вели родъ свой отъ Гектора и Энея, то оба эти лица сами собой напрашивались въ троянскіе герои, и послѣдній вѣроятно уже и прежде стоялъ какъ-нибудь въ связи съ

богинею, а первый, въ качествѣ ратоборца за родину, явился достойнымъ прославленія живому патріотическому чувству.

Характеры и подвиги какъ этихъ такъ и многихъ другихъ личностей установились въ пѣснопѣніи черезъ многія поколѣнья: Гомеръ вездѣ предполагаетъ ихъ извѣстными и даетъ намъ заглянуть какъ будто бы въ цѣлый лѣсъ сказаній; Ахиллъ самъ поетъ у него богатырскую пѣсню, а Пенелопа и еще прежде Одиссей, выслушиваютъ отъ пѣвцовъ былины про участь возвращающихся изъ похода героевъ: какъ бы иначе могли и мужъ и жена сказать, что ихъ слава достигаетъ неба? Такъ думалъ разумѣется самъ Гомеръ, и взглядъ его наивно высказался ихъ устами.

То же самое должно замѣтить и о богахъ. Опытныя религіозныя познанія опираются теперь все болѣе на человѣческую жизнь, а уже не на природу; антропоморфизмъ становится рѣшительно преобладающимъ, такъ что Пиндаръ былъ наконецъ въ правѣ сказать: «И люди, и боги, всѣ одно отродье, всѣ получили дыханіе отъ одной матери; но насъ подѣляетъ съ вышними различная совсѣмъ сила: намъ выпало на долю ничтожество, тогда какъ вѣчно простоитъ мѣдяное небо, непоколебимое жилище боговъ».

Теперь стали представлять себѣ божества заступниками героизма, и своимъ участіемъ въ богатырскихъ борьбахъ они сами приняли богатырскій отпечатокъ, а характерные ихъ облики выступили въ болѣе твердыхъ очертаньяхъ. Побужденія, волнующія человѣческую грудь, такъ же точно управляютъ и небожителями; руководя судьбами смертныхъ, стоя во главѣ семей и государствъ, боги слывутъ вышними нравственными силами по преимуществу, безъ упраздненія однако же естественной основы миѳа; основа эта иногда противорѣчитъ духовному содержанію, но всего чаще сливается съ нимъ дружно въ стройную пластическую красоту. Зевсъ, Гера, Аѳина, Аполлонъ, потомъ высоко чествуемый у Іонянъ Посейдонъ, всѣ особенно призываются Ахейцами; Троянамъ покровительствуютъ Аполлонъ и Афродита, то-есть симитскіе солнобогъ и богиня порожденія и любви, вступившіе теперь въ кругъ Олимпійцевъ. Многое, какъ напримѣръ священный бракъ Зевса съ Герою, совершающійся вѣдь о каждой веснѣ, или ссора и шумъ у небожителей, то-есть просто всякая гроза на небѣ, разсказываются здѣсь въ видѣ однократнаго событія, а борьба свѣтобога съ силами тьмы отодвинута въ далекое прошлое и является только уже давно законченнымъ покореніемъ буйныхъ титаническихъ порывовъ строгозаконному порядку природы. Тутъ пробудилось и религіозное мышленіе: оно совокупляетъ отдѣльныя божескія личности въ одно общее царство боговъ подъ верховною державой Зевса; и какъ само человѣчество вступаетъ въ новую эпоху міра, такъ точно и во всемъ его окружающемъ замѣчается выходъ изъ темноты на дневной свѣтъ: вода, Океанъ, является материнскимъ лономъ всего сущаго, даже первоисточникомъ самихъ боговъ, а старобытные ихъ облики, Уранъ и Гея, то-есть Небо и Земля, теперь обратились въ предковъ тѣхъ божескихъ личностей, которыя выработались въ сознаніи уже только позже.

И здѣсь носителями новаго развитія, обокъ съ жрецами, являются выдѣляющіеся отъ нихъ теперь пѣвцы; куда бы ни пришли они, какъ художникамъ и вмѣстѣ врачамъ, вездѣ готова имъ радушная встрѣча, хороводныя

пляски съ пѣснями украшаютъ собой даже царскіе пиры. Когда пѣвцы славили при этомъ подвиги предковъ, нельзя чтобъ въ былевую ткань не забѣгали сами собой нити современности, какъ скоро въ веселящей душу пѣснѣ приходилось выставить для примѣра свѣтлые жизненные образцы. Не даромъ вѣдь ужь и Гомеръ называетъ новѣйшую пѣсню что ни есть пріятною. Пѣсня подготовляется струнною игрой (прелюдіей) на киоарѣ, и передаетъ, какъ прямо сказано въ Одиссеѣ и какъ оно вездѣ бываетъ на первой ступени эпической поэзіи, какое-нибудь единичное приключенье или крупное событіе, тѣмъ легче изложимое въ своемъ основаніи, ходѣ и цѣли, что всѣ дальнѣйшія связи его съ бытовой обстановкою хорошо извѣстны слушателямъ и что пѣвецъ играетъ здѣсь только роль устъ, складно высказывающихъ то, что въ сущности каждому и безъ того извѣстно. Пѣсни эти, въ небольшомъ объемѣ, наглядно представляютъ что-нибудь дѣйствительное, живущее въ сознаніи; это всегда разсказъ о такихъ дѣлахъ, которыя выражаютъ собой извѣстную идею. Пѣвецъ рисуетъ характеры ихъ поступками и рѣчами; они у него говорятъ, и такимъ образомъ прямо открываютъ свои стремленія, свой образъ чувствъ и мыслей. Пѣсни слагаются не для чтенія, а собствендля устной передачи полнымъ одушевленія и художественнаго чутья пѣвцомъ; онѣ ввѣряются не письму, а только воспріимчивой памяти сердца, и на память же воспроизводятся; тутъ какъ для заученнаго наизусть, такъ и для самостоятельныхъ къ нему дополненій, потребно неослабное творчество со стороны пѣвца, отъ котораго зависитъ притомъ плавность содержанія и формы. Но съ другой стороны дѣло много облегчалось тѣмъ, что міросозерцаніе было вѣдь одинаковое и всѣмъ общее *, за предѣлы котораго единичныя личности не выступали еще сами по себѣ никогда; изъ предлагаемаго слушателямъ въ первый разъ они удерживали только то что имъ нравилось, такъ что личность поэта, субъективная его особенность совершенно тутъ изглаживалась, стиралась, а сохранялась въ цѣлости одна только чистая объективность изложенія. Въ томъ видѣ какъ дѣла людскія сохраняются фантазіей, они уже и есть пѣсня; пѣвецъ тотъ, кто выскажетъ эту пѣсню другимъ; она живетъ неразрывно съ нимъ, ни дать ни взять какъ рѣчь съ говорящимъ человѣкомъ; она только тогда и есть, когда поется; самое воспроизведеніе ея можно назвать лишь новымъ творчествомъ изъ глубины охваченнаго ею духа; народъ знакомъ съ этими пѣснями какъ дѣти со сказками, и какъ дѣти же онъ хочетъ чтобы ихъ повторяли ему вновь и вновь. Пѣвецъ самъ не понимаетъ откуда берутся у него слова и образы, ихъ посылаетъ ему Муза, а онъ только ея орудіе, ея органъ.

Какъ изъ матерьяла, потребности и духовнаго направленья слагается для архитектуры извѣстной эпохи особый стиль, такъ точно совокупнымъ дѣйствіемъ пѣвцовъ слагается онъ и для народнаго эпоса; стиль этотъ, какъ выраженіе всѣмъ общаго строя поэзіи, поддерживаетъ любую отдѣльную личность

---

* Отсутствіемъ этого именно условія въ позднѣйшія времена вполнѣ объясняется невозможность для какого бы то ни было поэтическаго генія создать что нибудь подходящее къ этимъ былинамъ стараго времени по тому истинно всеобщему дѣйствію, какое производили онѣ на цѣлый народъ.

и разработывается собща, цѣлымъ сословіемъ пѣвцовъ или баяновъ. Такимъ образомъ новое прививается къ завѣщанному преданіемъ, причемъ одинъ тонъ, одинъ типъ подчиняетъ себѣ все. Отсюда урочное повтореніе извѣстныхъ прилагательныхъ, оборотовъ рѣчи, описаній однихъ и тѣхъ же героевъ и вещей. Словорасположеніе просто, предложенія сами по себѣ кратки и одно съ другимъ связаны, языкъ естественъ, но въ то же время и замѣтно подвышенъ противъ просторѣчья. Единство настроенія въ поэтѣ, единство идеи, событія въ содержаніи, требуютъ единства и въ стихѣ; но онъ самъ въ себѣ настолько разнообразенъ, что ускореннымъ или замедленнымъ, воспаряющимъ или понижающимся ходомъ можетъ удобно слѣдить какъ за движеніями души, такъ и за оборотами передаваемаго предмета. Греки говорятъ что гекзаметру научила сама природа. Онъ довольно просторенъ для того, чтобы вмѣстить въ себѣ обширное созерцанье, и въ то же время расчлененъ цезурами (передышками); владѣть имъ вообще легко, онъ коренится въ духѣ эллинскаго слова и однакожь возвышается надъ обиходнымъ просторѣчіемъ; онъ соединяетъ свободу и порядокъ не внѣшнимъ только образомъ, то-есть не въ строгоуряженныхъ лишь частяхъ, предоставляемыхъ за тѣмъ полнѣйшему произволу, онъ напротивъ слаживаетъ ихъ между собою, но на почвѣ твердаго закона даетъ волю игрѣ индивидуальныхъ силъ; не отнимая ни чего у тактовъ, онъ смыкаетъ ихъ такими словами, которыя перехватываютъ изъ одного въ другой, и допустивъ въ себѣ на самой серединѣ борьбу словоокончанія съ окончаніемъ стопы,—борьбу, усѣкающую то спондей, то дактиль, онъ потомъ наверстываетъ все это примирительнымъ заключеніемъ. Отсюда происходитъ та богатая его тональность, которая удобно примѣняется ко всякому содержанію и которую такъ художественно воспѣлъ А. В. Шлегель. Аристотель хвалитъ въ героическомъ стопосложеніи сплошную непрерывность, совершенную равномѣрность и удивительное при томъ пареніе.

Въ предѣлахъ этой естественной поэзіи, которая скорѣе можно сказать ростетъ сама собой, нежели кѣмъ-либо создается, возникаетъ движеніе впередъ, прогрессъ къ художественной выработкѣ, благодаря тому что извѣстные поэты пытаются связать вмѣстѣ разныя похожденія одного и того же героя, разныя частности одного и того же многимъ общаго подвига. Происходитъ ли имя рапсода отъ умѣнья подбирать и сплачивать разсѣянныя эти черты, или же выраженіемъ ῥάπτειν ἀοιδήν означалось только искусство снизывать стихи въ непрерывный потокъ эпоса, дѣло оттого ни мало не измѣняется, и все-таки существуетъ разница между тѣмъ, кто одушевленно произноситъ передъ собравшимся народомъ обширное поэтическое созданіе, и скромнымъ простымъ пѣвцомъ, поющимъ небольшія богатырскія пѣсни только въ одиночку. Поверху пѣсень и притомъ очевидно пользуясь ими какъ матерьяломъ, предстаетъ намъ въ Греціи, какъ и у Индійцевъ, второю ступенью эпической поэзіи подробная эта былина или повѣсть, излагающая уже разнообразное цѣлое. Таковы были потомъ Аристеи, пѣсни о подвигахъ того либо другого крупнаго героя, слагавшіяся для соисканія наградъ; таковы были Носты, поэтическіе разсказы о приключеніяхъ котораго-нибудь изъ участниковъ троянской войны при возвратѣ его на родину.

Въ подобнаго рода вещахъ могло уже показать себя особенное искусство

поэта; по ихъ поводу могли происходить такія состязанія между пѣвцами, о какихъ упоминаетъ Гомеръ и какіе, по словамъ позднѣйшихъ писателей, бывали при общественныхъ празднествахъ вездѣ, куда простерлась греческая образованность. Если пѣвецъ старозавѣтнаго гимна въ честь Аполлону делійскому обращается къ дѣвицамъ съ призывомъ, чтобъ на вопросъ, кто имъ всѣхъ больше понравился, онѣ отвѣчали: «Слѣпецъ изъ Хіоса», то этотъ призывъ истолкованъ былъ такъ, что подъ хіосскимъ слѣпцомъ здѣсь должно разумѣть самого Гомера. Слѣпцы, какъ носители народныхъ пѣсенъ, появляются также въ другихъ мѣстахъ, неоднократно и въ гомеровскихъ поэмахъ. Что пѣвцы Греціи вообще смотрѣли на міръ яснымъ, открытымъ взоромъ, это мы видимъ изъ множества произведеній въ которыхъ, по замѣчанію Фридриха Шлегеля, природа изображена такъ свѣжо, такъ бойко, съ такой теплотою, съ такой широкой свободою въ крупныхъ ея чертахъ и съ любовной можно-сказать точностью даже еще и въ самыхъ мелкихъ. Слѣпота стало-быть означаетъ здѣсь только погруженную въ себя душу, которая, вполнѣ отрѣшась отъ внѣшнихъ вещей, вся обратилась въ созерцаніе міра своихъ внутреннихъ образовъ.

Такъ подготовили мы наконецъ почву для Гомера, и заодно съ Греками видимъ въ немъ тотъ организующій геній, который среди полножизненнаго избытка народныхъ пѣсень, рапсодій и богатырскихъ былинъ, съ высокою художественностью овладѣваетъ тѣми двумя ликами, въ которыхъ всего великолѣпнѣе и богаче открыло себя эллинство и со стороны богорадной своей юности и со стороны многоумнаго мужества, и дѣлаетъ ихъ средоточіемъ двухъ обширныхъ поэмъ, въ которыя могло войдти все важнѣйшее и прекраснѣйшее изъ прошлаго, и надъ расширеніемъ которыхъ могли вдоволь потрудиться слѣдующія поколѣнія. Онъ не изобрѣлъ содержанья, но разработалъ его художнически, онъ не основалъ и стиль, но довелъ его до совершенства.

Сравнительно-старшимъ и первоначальнымъ произведеніемъ представляется Иліада. Въ томъ видѣ какъ она до насъ дошла, недавно, по слѣдамъ геніальныхъ разысканій Фридриха Августа Вольфа, Лахманнъ разложилъ ее на отдѣльныя пѣсни и самымъ рѣшительнымъ образомъ уперся на томъ, что кто тотчасъ же не ощутитъ большой разницы между этими пѣснями, кто способенъ вѣрить что подобныя части могутъ въ самомъ дѣлѣ принадлежать одному и тому же художественному эпосу, тому лучше совсѣмъ не браться за критику, да оставить въ покоѣ и эпическую поэзію: онъ, по мнѣнію Лахманна, такъ слабъ, что ему тутъ ровно ни чего не понять. Ульрици, въ своей исторіи греческой поэзіи, утверждаетъ напротивъ что всякъ, у кого есть хоть какое-нибудь чутье художественной соразмѣрности, необходимо найдетъ поэму отвѣчающею всѣмъ требованіямъ художественнаго эпоса; но что конечно нельзя малымъ дѣтямъ выяснить всего того, что возрастный прозрѣваетъ однимъ взглядомъ. Какъ рѣшить это противорѣчіе? Лахманнъ вполнѣ правъ относительно тѣхъ, кто читаетъ Гомера, какъ Виргилія или Тасса; Гомеръ стоитъ въ самой средѣ народнаго пѣснопѣнія, и въ Иліаду съ самаго начала вошли цѣликомъ или внесены были послѣ готовыя уже пѣсни; при всей бережи основныхъ ея чертъ и даннаго ей однажды тона, она чрезъ устную передачу все-таки значительно измѣнялась въ частныхъ

подробностяхъ, но именно общій ея тонъ могъ не смотря на то удержать свое единство, разумѣется благодаря тому что опирался на широкую основу народнаго пѣснопѣнія; да потомъ, здѣсь точно такъ же какъ и въ пластикѣ, при выполненіи ею божественныхъ идеаловъ, Греки очевидно вовсе не гнались за оригинальностью, а напротивъ цѣлыя столѣтія вѣрно сохраняли то, въ чемъ разъ удалось достигнуть совершенства. Но гораздо бо́льшимъ чудомъ нежели поэтъ, измыслившій Иліаду по формѣ и содержанію, было бы то дивное событіе, что разныя независимо другъ отъ друга возникшія пѣсни сами собой сплелись въ одно органическое цѣлое или были бы такъ сопоставлены какимъ-нибудь простымъ сборщикомъ, потому что вѣдь органическая цѣлость всегда требуетъ единой, изнутри заждущей души. Изъ сравнительной исторіи литературъ индійской и германской мы видимъ ясно, что обокъ съ краткими пѣснями и потомъ за ними вслѣдъ возникаютъ болѣе обширныя, художественно обдѣланныя поэмы, какъ напримѣръ Наль и Дамаянти, первое зерно борьбы Куруевцевъ съ Пандуевцами, начальная основа Рамаяны, или былина о Хримгильдиной мести, о Кудрунѣ, которыя потомъ являются какъ бы центрами, привлекающими къ себѣ сродственные элементы, расширяются эпизодами и многоразлично видоизмѣняются въ тѣ времена, когда нѣтъ еще ни письменности, ни печати для распространенія поэзіи, когда, какъ вѣрно замѣчаетъ Вольфъ, отрѣшить стихотворство отъ пѣнія и устной передачи и положить его на нѣмыя буквы только для чтенія значило бы просто отнять у поэзіи всякую живую силу, всякій живой духъ.

Геніальному взгляду великаго поэта суждено было прозрѣть въ Ахиллѣ, въ его гнѣвѣ и возвеличеніи средоточіе троянской войны. Онъ уклоняется отъ битвы, и Троянцы вездѣ выходятъ побѣдителями, богатыри ихъ блистательно выдвигаются впередъ; онъ вступился опять въ борьбу, и вотъ Ахейцы спасены отъ бѣдствія, и смерть главнаго защитника Иліона, Гектора, несомнѣнно предвѣщаетъ скорую гибель этой твердыни. Таковъ былъ первый планъ Ахиллеиды. Но поэтъ, воспѣвавшій брань царей, долженъ былъ имѣть въ виду продолженіе и послѣдній исходъ дѣла, и разъ допустивши Зевса обѣщать матери богатыря прославленіе ея сына, онъ уже заранѣе долженъ былъ навѣрно знать, какъ именно это совершится; сомнѣніе на этотъ счетъ было для него тѣмъ невозможнѣе, что издавна установилось сказаніе о побѣдѣ Ахилла надъ Гекторомъ въ отместку за смерть Патрокла. Такимъ образомъ намъ предстаетъ уже обширнѣйшая эпическая поэма, которой главными составными частями являются первая, за тѣмъ осьмая и одиннадцатая вплоть до двадцать второй пѣсни Иліады, по крайней мѣрѣ въ основныхъ своихъ чертахъ. Прекраснымъ ближайшимъ дополненіемъ и примирительнымъ напослѣдокъ заключеньемъ снабдилъ ее благородный обычай Грековъ требовавшій особеннаго почета умершимъ: таковы надгробныя игры въ честь Патрокла и выдача Пріаму Гекторова тѣла, при чемъ доблестный Ахиллъ обнаруживаетъ такую мягкую человѣчность. Тонъ послѣдней этой пѣсни отличается большимъ своеобразіемъ. Сославшись на примѣръ Гёте, мы могли бы напомнить что одинъ и тотъ же поэтъ, трудясь въ теченіе цѣлой жизни надъ какимъ-нибудь обширнымъ произведеніемъ, заканчиваетъ его подъ старость не въ томъ настроеніи и не въ томъ стилѣ, въ какихъ началъ смолоду. Но мы готовы допустить здѣсь пожалуй и участіе другого совсѣмъ поэта. Еще

скорѣе видна дѣятельность сторонней руки во вносѣ посольства къ Ахиллу въ пѣснь девятую: сколько ни представляетъ она прекраснаго, на нее нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека дальше; напротивъ даже положительно высказывается, что Ахиллу не было дано ни какого удовлетворенія. Десятая пѣснь, ночная встрѣча Одиссея и Діомеда съ Долономъ, также стоитъ внѣ всякой связи съ общимъ содержаніемъ; это приключеніе очевидно взято изъ богатырскихъ былинъ и сохранилось намъ тутъ подъ флагомъ Гомера. Но, по вѣрному замѣчанію Грота, * Ахиллеида превратилась въ Иліаду, то-есть въ общую картину всей троянской войны, преимущественно вводомъ въ нее второй пѣсни по седьмую. Не мудрено было сообразить что съ удаленіемъ Ахилла представлялась возможность вывесть на первомъ планѣ и въ полномъ блескѣ разныхъ другихъ богатырей, и вотъ съ этой-то точки зрѣнія примкнуты сюда описанія созыва Агамемнономъ войскъ и разстановки ихъ Несторомъ въ боевой порядокъ, Менелаевъ поединокъ съ Парисомъ, характеристика Еленой греческихъ вождей передъ думою троянскихъ старѣйшинъ, не говоря уже о помѣщенномъ еще дальше перечисленіи греческихъ судовъ, хотя все это такія вещи, которыя гораздо лучше было разсказать въ первый годъ войны нежели въ девятый. Въ священномъ сказаніи объ Аргосѣ Діомедъ былъ тѣсно связанъ съ Палладой Аѳиной, какъ ея щитоносецъ, оборонитель Палладіона: пѣснь объ его подвигахъ, о томъ какъ богиня побуждаетъ его биться даже и съ богами, внесена была въ поэму пятою, а это вѣроятно повліяло въ свою очередь и на позднѣйшія битвы Ахилла, въ которыхъ участіе боговъ доведено было до сверхчеловѣческихъ размѣровъ, такъ что вышло наконецъ преувеличеннымъ и скучнымъ. Два дивно-прекрасныхъ эпизода представляетъ намъ шестая пѣснь, — обмѣнъ оружія у Главка съ Діомедомъ и прощанье Гектора. Седмая даетъ поединокъ между Аяксомъ и Гекторомъ и крайне запоздавшую картину окопныхъ работъ, которыя Грекамъ слѣдовало бы, разумѣется, предпринять сначала. Дѣло въ томъ, что разростъ Ахиллеиды въ Иліаду шелъ конечно исподволь, но тѣмъ не менѣе совершился подъ наитіемъ Гомеровскаго генія и естественно слылъ у Грековъ созданіемъ одной высокой личности, которая, какъ племенной герой, стала для нихъ представителемъ всего пѣвческаго рода. Основательное изложеніе различныхъ составныхъ частей и позднѣйшихъ за тѣмъ вносокъ въ гомеровскій эпосъ недавно представилъ въ своей «Исторіи Греческой литературы» Бернгарди (ч. II, стр. 129—144), опираясь на предшествовавшія разысканія Вольфа и Германа, Лахманна и Кёхли.

Гораздо болѣе плана и единства въ Одиссеѣ; она явилась позже Иліады и едва ли даже и по замыслу принадлежитъ одному съ ней пѣвцу, а по исполненію это навѣрно дѣло другого отличнаго поэта, близко впрочемъ сродственнаго первому: да и почему бы не могли участвовать въ общенародномъ созданіи разные почти одинаково великіе таланты, какъ было это въ Индіи и въ Германіи? Особенности въ языкѣ, въ самой даже миѳологіи, указываютъ въ Одиссеѣ на другое поколѣнье; содержаніе взято изъ другого совсѣмъ круга, и съ поля битвъ переноситъ насъ къ домашнему очагу, съ моря предпочтительно

* Знаменитаго новѣйшаго историка Греціи.

на сушу. Боги неослабно блюдутъ право, дѣйствуютъ дружнѣе заодно, руководятъ своихъ любимцевъ подъ какимъ-нибудь человѣческимъ обликомъ; на землѣ изъ ряда войнъ и усобицъ возникъ миръ; поэтъ явно услаждается зрѣлищемъ вполнѣ обезпеченнаго быта и рисуетъ его намъ въ чертогахъ греческихъ царей. Тонъ и поэтическій ладъ Одиссеіи, кромѣ пошловатой двадцати четвертой пѣсни, выдержаннѣе сравнительно съ Иліадою, которая подчасъ возносится выше, развертывается великолѣпнѣе, но за то въ другихъ мѣстахъ выходитъ гораздо блѣднѣе и незавершеннѣе. Уже и въ первичномъ своемъ замыслѣ Одиссеія не ограничивалась какъ видно однимъ подборомъ разсѣянныхъ тамъ и сямъ сказаній, но съ самаго начала совмѣстила многолѣтнія дѣла героя въ періодъ нѣсколькихъ недѣль: Одиссей, по отходѣ отъ Калипсина острова и по прибытіи къ Феакамъ, разсказываетъ тамъ свои прежнія похожденія, за тѣмъ возвращается на родину, стакивается съ сыномъ и съ вѣрною прислугой, приходитъ къ себѣ въ домъ подъ видомъ нищаго, выдерживаетъ со славой испытаніе въ состязательной стрѣльбѣ изъ лука, которою искони велось добывать себѣ невѣсту,—стрѣльбѣ, извѣстной еще и въ Индіи и напоминающей также Зигфрида съ Брунгильдой,—а потомъ избиваетъ жениховъ и находитъ опять свою преданную супругу. Уже александрійскіе критики сообразили что поэма оканчивается 296-мъ стихомъ 23-й пѣсни и считали все остальное позднѣйшей прибавкою; но сочинителю послѣдней захотѣлось непремѣнно вывесть еще на сцену примиреніе героя съ народомъ и съ роднею жениховъ, а также и свиданіе его съ престарѣлымъ родителемъ. Послѣ того какъ изъ Ахиллеиды вышла Иліада, не мудрено что и къ Одиссеѣ надумались приплести разсказы о возвращеніи изъ-подъ Трои нѣкоторыхъ другихъ богатырей. Нельзя при этомъ не назвать въ высшей степени счастливою ту уловку, что насъ заранѣе вводятъ въ домъ Одиссея, еще отсутствующаго, что потомъ сынъ его, Телемахъ, отправляется на развѣдки о пропавшемъ, что это ведетъ къ знакомству съ Несторомъ и съ Менелаемъ, при чемъ ни на минуту не теряется однако изъ виду и Одиссей, пока онъ снова самъ не выступаетъ дѣятельно на сцену. Такъ поэма возвращается къ начальной своей точкѣ, въ Итаку, и самая гибель жениховъ выходитъ нравственно овиновленной послѣ того какъ мы уже знаемъ какъ дико они буйствовали, какъ между прочимъ умышляли на жизнь Телемаха. Сколько былины и народныя пѣсни ни подготовили матерьяла для картины Одиссеевыхъ похожденій—а что это именно такъ было, говоритъ вѣдь самъ поэтъ, отзываясь о своемъ героѣ и о Пенелопѣ, что слава изъ достигла вышняго неба, или заставляя Демодока пѣть о ссорѣ Одиссея съ Ахиллесомъ и о деревянномъ конѣ-Троеборцѣ,—сколько ни разнообразенъ былъ весь этотъ матерьялъ, онъ впаялся однако въ строй цѣлаго гораздо ладнѣе и слѣды побочныхъ вставокъ здѣсь гораздо менѣе замѣтны чѣмъ даже въ тѣхъ частяхъ Иліады, которыя мы признаемъ за основныя черты Ахиллеиды.

Иліада предстаетъ намъ какимъ-то пророчественнымъ миѳомъ всей греческой исторіи. Эллада достигаетъ самосознанія благодаря лишь борьбѣ съ Востокомъ; она состоитъ изъ цѣлаго ряда вольныхъ республикъ, соединенныхъ между собой добровольными только узами, какъ самостоятельные герои въ Иліадѣ связаны одною только общей цѣлью. Въ состязаніи отдѣльныхъ членовъ союза развертывается прекрасный цвѣтъ цѣлаго, но борьба между собой зна-

чительнѣйшихъ державъ, какъ здѣсь вражда Ахилла съ Агамемнономъ, становится пагубною для народа въ Пелопоннезской войнѣ; за тѣмъ еще разъ наступаетъ совокупленіе всѣхъ силъ Греціи и побѣда ея надъ Азіей подъ водительствомъ Александра. Насколько ея исторія представляетъ развитіе живого ростка во всей его природной своеобразности и со всѣми зависящими отъ того переходами, на столько же чисто и вполнѣ отразился въ эпосѣ этотъ народный характеръ и его жизненное предназначеніе. Въ Ахиллѣ превознесена воодушевленная и свыше одаренная сила юности; но тутъ же глубокое чувство мѣры, свойственное Эллинамъ, обнаруживается тѣмъ, что чрезмѣрное въ его поступкахъ становится трагическимъ, что самъ Ахиллъ платитъ утратой друга за тѣ бѣдствія, которыя навлекъ онъ множеству неповинныхъ своимъ гнѣвомъ на Агамемнона; и чѣмъ же потомъ возвеличивается геройская его личность? — полнымъ очищеніемъ благородныхъ своихъ чувствъ, возвышеніемъ духа надъ всѣми земными благами, рѣшеніемъ принести въ жертву жизнь изъ-за долга и идеала, величайшая награда за претерпѣнныя несправедливости: въ то время какъ уже ни кто изъ Эллиновъ не дерзалъ противустать Троянцамъ, онъ вышелъ на стѣну, и однимъ своимъ появленіемъ, однимъ зычнымъ своимъ кликомъ, навелъ такой ужасъ на одерзчавшихъ враговъ что сталъ спасителемъ своему народу.

И Одиссейя представляетъ намъ водительство и промышленіе свыше въ исторіи человѣческой, обнаруживаетъ нравственный міропорядокъ въ карѣ постигающей несчастіе, а въ душѣ самого героя раскрываетъ благоразумную сдержанность отъ всякихъ заносчивыхъ порывовъ. Здѣсь находимъ мы притомъ образецъ такого культурнаго народа, который съ необыкновенной силою духа и съ зоркой, осмотрительною отвагой побѣдоносно одолѣваетъ всѣ преграды, поставляемыя ему варварствомъ. И какъ ни часто сравнивали жизнь людскую съ странствіемъ, ни кто конечно не провелъ этой мысли въ такомъ глубокодумномъ и очаровательномъ разсказѣ какъ греческій эпикъ, который въ образѣ возвращающагося изъ-подъ Трои богатыря рисуетъ намъ стремленіе души къ настоящей ея родинѣ, ея борьбы съ соблазнами и напастьми земного міра; и когда могучій страстотерпецъ достигаетъ наконецъ родного берега, онъ бережно выносится на сушу спящимъ, потому что возвратъ изъ омута житейскихъ треволненій подобенъ вѣдь пробужденію отъ сна, а мытарства эти, послѣ того какъ ихъ мужественно перетерпишь, остаются въ воспоминаніи матерьяломъ для фантазіи, отрадою для насъ самихъ, да и для другихъ намъ подобныхъ. Мы видимъ какъ грубая физическая сила Киклоповъ преодолѣвается сообразительностью и мужествомъ; мы видимъ у Лотофаговъ спокойную нѣгу жизни съ ея усладами, изъ за которыхъ такъ часто позабываются всѣ высшія цѣли; мы видимъ какъ чувственность постепенно обращаетъ человѣка въ животное, пока чарующая власть Киркеи не отниметъ у него и послѣдней искры божества; мы видимъ въ Скиллѣ и Харибдѣ двѣ крайности, и видимъ какая нужна необыкновенная твердость чтобы провести между ними свой корабль; мы слышимъ пѣніе Сиренъ, увлекательный, серебряный голосъ честолюбія, на который правда залѣплены воскомъ уши у пошляковъ, но которому даже и благородный человѣкъ способенъ внимать безнаказанно развѣ лишь накрѣпко привязавшись къ мачтѣ своей вѣрности идеѣ, отечеству и любви. Вмѣстѣ съ Дёйтингеромъ готовы мы

признать даже и въ побѣдѣ Киконовъ ту опасность, какая обыкновенно грозитъ человѣку, когда послѣ первой удачи онъ предается слишкомъ беззаботному усыпленію; а въ спокойствіи и ясности души, которыя даются только зрѣлымъ опытомъ, мы видимъ ниспосылаемый свыше попутный вѣтеръ, послѣ того какъ богъ морей угомонилъ наконецъ всѣ бури и связанныя отдалъ ихъ во власть многоиспытанному страннику. Но алчность освобождаетъ ихъ, разнуздывая вмѣстѣ съ ними всѣ страсти, и спасеніе снова опять отдаляется. Тутъ настаетъ еще одинъ искусъ, самый конечно тяжкій: даже и крайняя нужда, даже и смертельный голодъ не должны доводить насъ до нарушенія воли божеской, мы не должны приносить святыню, быковъ Солнца, въ жертву какой бы то ни было земной потребности; снятыя съ нихъ кожи подымаютъ ревъ, и нечестивыхъ святотатцевъ поражаетъ молнія. Но кто хочетъ взять жизнь съ бою, тотъ долженъ при случаѣ и не щадить ея, тотъ долженъ умѣть заглянуть въ глаза смерти среди ужасовъ самой преисподней; путь къ свѣту лежитъ чрезъ непроглядный ея мракъ. А когда и послѣ этого надвинетъ на насъ гроза судьбы съ новымъ еще бѣдствіемъ, тогда явная милость боговъ пошлетъ намъ во спасеніе перевязь Левкоеи. Задача жизни человѣческой въ томъ вѣдь и состоитъ, чтобъ мы заслужили блага даруемыя небомъ, чтобы мы самодѣятельно осуществили все то что̀ заложено въ насъ природою, чтобы мы сами добыли предназначенное намъ достоянье; вотъ почему и Одиссей долженъ опять новою борьбой добывать себѣ и царство и подругу, и только тогда вступаетъ онъ наконецъ въ мирное и привольное обладаніе этими благами. Вся исторія не что иное какъ возвратъ къ первоначальному, но возвратъ путемъ разума и свободы.

И эта идеальная основа гомеровской поэзіи вылилась вся до̀чиста въ картинѣ внѣшнихъ явленій, въ наглядномъ изображеніи данной дѣйствительности. Прекрасная чувственность или чувственная красота, — вотъ господствующій ея типъ. И все внутреннее достоинство, всѣ умственныя и сердечныя качества людей раскрываются въ ихъ могучей или граціозной тѣлесности: бурная, ни чѣмъ неудержимая храбрость Ахилла проявляется въ быстротѣ его ногъ, а нравственная стойкость Аякса въ несокрушимой тѣлесной его силѣ; герой самый идеальный—въ то же время и прекраснѣйшій. Поэтъ весь распустился во внѣшней жизни, но зато жизнь эта блещетъ юностью и одушевлена внутреннимъ чувствомъ, во всемъ складѣ ея насквозь виденъ пробуждающійся духъ. Право уже заявляетъ свою силу, но не въ прочныхъ еще гражданскихъ учрежденіяхъ; какъ чуется оно въ глубинѣ души, такъ и высказываютъ его судьи, такъ и осуществляютъ герои; воспринявъ, усвоивъ справедливость своей волею, они ставятъ себѣ за славу и за честь крѣпко водворить ее въ божьемъ мірѣ. Просто и велико то чистое человѣчество, которое представляетъ намъ начало третьей пѣсни въ Одиссеѣ. Царственный старецъ Несторъ съ своими подвластными только что принесъ богамъ жертву на берегу моря, и въ то время какъ они жарятъ мясо для общей трапезы, подходитъ бѣлопарусный корабль разсѣкая синія волны, изъ него выходитъ Телемахъ вмѣстѣ съ богиней мудрости, сопровождающей его подъ видомъ Ментора, и одинъ изъ Несторовыхъ сыновей гостепріимно вводитъ незнакомцевъ, стелитъ имъ овчины подъ сидѣньѣ, наполняетъ золотой

кубокъ виномъ и отхлебнувъ напередъ самъ и пожавъ руку странникамъ, подаетъ его богинѣ съ слѣдующимъ привѣтомъ:

Странникъ, ты долженъ призвать Посейдона владыку: вы нынѣ
Прибыли къ намъ на великій праздникъ его; совершивши
Здѣсь, какъ обычай велитъ, передъ нимъ возліянье съ молитвой,
Ты и товарищу кубокъ съ напиткомъ божественно-чистымъ
Дай; онъ, я думаю, молится также богамъ, поелику
Всѣ мы, люди, имѣемъ въ богахъ благодѣтельныхъ нужду.
Онъ же моложе тебя и, конечно, ровесникъ со мною;
Вотъ почему я и кубокъ тебѣ напередъ предлагаю.

(Перев. Жуковскаго).

Что за наглядная картина! Такъ точно и вся жизнь вообще предстаетъ намъ законченнымъ въ себѣ цѣлымъ. Вещи внѣшняго міра стоятъ къ человѣку въ ближайшемъ соотношеніи, онѣ насквозь проникнуты его душою: Одиссей самъ строитъ себѣ корабль, самъ низыблемо утверждаетъ брачное ложе на пнѣ срубленной маслины и мастеритъ вокругъ него опочивальню, что и служитъ женѣ его вѣрнымъ признакомъ что пришлецъ изъ дальнихъ странъ дѣйствительно супругъ ея, а не чужой; державный жезлъ царь выточилъ самъ себѣ и самъ же себѣ стряпаетъ онъ ѣства; между лицами и окружающею ихъ утварью не видно замедляющаго посредства со стороны, сообщенія у нихъ самыя прямыя. Читая Гомера, Гегель не могъ довольно этимъ нарадоваться; онъ не перестаетъ хвалить поэта за то, что у него вездѣ проглядываетъ задушевное довольство каждымъ первымъ открытіемъ, каждымъ свѣжимъ пріобрѣтеньемъ, каждымъ добыткомъ новой какой-нибудь услады; что человѣкъ у него всегда такъ чутокъ къ ловкости и силѣ своей собственной руки или къ присущей ему смѣтливости и смышленности, что онъ тотчасъ же во всемъ найдется и за все умѣетъ взяться какъ бывалый. Не то чтобы творческая фантазія дѣйствовала здѣсь съ обдуманнымъ выборомъ; поэзія—только зеркало отражающее блестящую поэтическую дѣйствительность, пѣснь—мелодическій голосъ вѣка. Мы можемъ допустить здѣсь то самое и насчетъ людскихъ дѣлъ, что такъ охотно допускаемъ вразсужденіи природы: ея картины у Гомера представляются намъ, жителямъ сѣвера, залитыми лучезарнымъ свѣтомъ воображенья, а между тѣмъ, перенесшись на югъ съ его поэзіею въ рукахъ или въ памяти, мы всегда бываемъ изумлены той поразительной вѣрностью, съ какою онъ схватываетъ и наглядно передаетъ и цѣлое, и мельчайшую подробность. Правдивость и идущій изъ нея ясный взглядъ на жизнь, который прозрѣваетъ глубочайшую суть вещей въ ихъ внѣшнемъ явленіи и наивно даетъ настоящую цѣну имъ въ выраженіи услады или довольства,—вотъ на чемъ основано человѣческое величіе поэта и его столь естественная художественность.

Единство народнаго эпоса не то, что замкнутое въ себѣ единство животнаго организма (готовое можно сказать искони); это, напротивъ, развертывающееся лишь въ постепенномъ своемъ ходѣ единство растительнаго организма, гдѣ стволъ пускаетъ отъ себя вѣтви и листы, которые, собственно не походя другъ на друга, а сложенные между тѣмъ по одному пошибу, сидятъ какъ бы самобытными растеньями на одной всѣмъ имъ общей

почвѣ и, благодаря единодѣйственной въ нихъ образовательной силѣ, всѣ напослѣдокъ сходятся прекрасной купою въ одинъ завершающій вѣнецъ. Такъ и у Гомера всего отраднѣе это неистощимое обиліе частностей, вездѣ прыщущее здоровой, самобытной жизнью; любой изъ героевъ является у него въ полномъ своеобразіи, и вы видите, тутъ не опущена ни одна характерная черта. Когда Пелей наказываетъ отъѣзжающему сыну: «всегда быть первымъ на дѣло и стараться вездѣ опередить другихъ», то Менетій, въ свою очередь тутъ же признаетъ и за своимъ Патрокломъ особое преимущество: Ахиллъ крѣпче силою, а Патроклъ полонъ тихой сообразительности; потому и слѣдуетъ ему всегда братски помогать другу добрымъ совѣтомъ. О какомъ бы ни повѣствовалъ Гомеръ подвигѣ, какой бы ни описывалъ характеръ, онъ тутъ для него и главное, онъ посвящаетъ имъ всю силу своего таланта, и оттого любому отданъ у него весь должный почетъ, хотя бы при обзорѣ цѣлаго и оказалось, что другіе характеры и подвиги превознесены еще выше этого. Причиной то именно обстоятельство, что художественно организующій геній поэта нашелъ передъ собой цѣлую бездну отдѣльныхъ пѣсень готовымъ матерьяломъ для своего зданія, что все современное и все слѣдовавшее за нимъ поколѣнье прививало лучшіе свои добытки къ великому произведенію мастера, стараясь какъ можно ближе подладить ему въ тонъ. Вотъ почему я несогласенъ съ Отфридомъ Мюллеромъ чтобы особенной похвалы въ Гомерѣ заслуживала всегдашняя готовность его на новые вымыслы, которыми онъ такъ пріятно насъ изумляетъ, и умѣнье пользоваться замедляющими моментами, чтобы тѣмъ болѣе усилить въ насъ и потомъ вдругъ удовлетворить напряженное въ высшей степени ожиданіе: вѣдь многоголосность народнаго пѣнія сама по себѣ представляла бездну разнообразнѣйшихъ мотивовъ, бездну особыхъ концепцій любой частной подробности, и все это мало по малу переходило въ эпосъ (да притомъ еще обыкновенно только лучшее, на выборъ). Отсюда происходитъ иногда явное излишество. Такъ напримѣръ первымъ и простымъ изображеніемъ смерти Патрокла вѣроятно было то, что онъ палъ подъ копьемъ Гектора; потомъ какое-нибудь пророческое слово объ Ахиллѣ, что ему суждено сгибнуть отъ руки божеской и вмѣстѣ человѣческой, было перенесено на его побратима, а другой пѣвецъ разсказалъ, какъ именно одолѣли его Аполлонъ и Эвфорбъ; и наконецъ все это было не совсѣмъ-то ловко связано воедино.

Та предметность, объективность, какой требуетъ эпосъ, какъ отвѣчающій пластическому искусству родъ поэзіи, также дается сама собой въ тѣ времена, которыхъ органическимъ произведеніемъ вышли гомеровскія пѣсни. Ребяческій смыслъ, открытая всему юность, не углубились еще въ тайники сердечныхъ чувствъ, въ завѣтную субъективность духа; онѣ живутъ однимъ внѣшнимъ созерцаніемъ, и въ художественной изобразительности проявляютъ себя передачей внѣшнихъ только явленій. Поэтъ еще не порознилъ себя въ сознаніи отъ своего предмета, онъ весь въ него переходитъ, весь съ нимъ сливается; онъ собственно ничего не выдумалъ, онъ поетъ лишь то что испыталъ; міросозерцаніе его—просто откровеніе общенароднаго сознанія, въ томъ видѣ какъ послѣднее отразилось въ душѣ поэта. Онъ народный поэтъ, созданіе его—результатъ цѣлой эпохи, только стройно слаженный, сгармонированный художническимъ геніемъ. Какъ въ дѣйстви-

тельной исторіи совершилась воля Зевса, такъ самъ Зевсъ или Муза и передаетъ ее въ уста пѣвцу. Повторяющій пѣвецъ снова воспроизводитъ отъ себя пѣсню, и не надивится самъ, какъ свѣжо выходитъ она у него изъ тайника памяти на ясный свѣтъ сознанья, какъ въ порожденіи ея нераздѣльно участвуютъ и воспоминаніе, и вдохновенье. Когда душа Гомера затронута за́живо, онъ не самъ высказываетъ свое чувство, а влагаетъ свои ощущенія и мысли въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ, и послѣднее передаетъ ихъ кому-нибудь изъ сосѣдей, какъ будто бы они дѣйствительно принадлежали къ повѣсти. Или: когда Гекторъ торжествуетъ въ Ахилловомъ оружіи, тогда мысль о близкой его смерти высказывается самимъ Зевсомъ; печальная важность, съ какой тучегонитель покачалъ при этомъ головой, наводитъ трогательную грусть на настроеніе какъ пѣвца, такъ и слушателя, которые оба теперь знаютъ, что̀ неизбѣжно совершится далѣе. Гомеръ стоитъ еще въ естественной, первобытной гармоніи съ своимъ предметомъ; позднѣйшіе поэты художнически подлаживаютъ къ ней свое уже независимое отъ нея внутреннее чувство. Правило чтобъ эпикъ исчезалъ за своимъ созданіемъ и чтобы оно развертывалось передъ нами вполнѣ объективно и самостоятельно,—Гомеръ выполняетъ по природному влеченью. Его субъективность узнаемъ мы только изъ его произведенія. Въ Одиссеѣ и Пенелопѣ открываются намъ изобрѣтательность его ума, преданная вѣрность его сердца; его собственное мужество угадываемъ мы въ ратной удали Ахилла; сквозьслезная улыбка Андромахи выдаетъ всю искренность ея души, а чисто-дѣтская простота малютки Астіанакса видна въ томъ невольномъ трепетѣ, какой наводитъ на него косматый гребень отцовскаго шлема. Развѣ не собственнымъ патріотизмомъ одушевляетъ поэтъ своихъ героевъ, когда Гекторъ мимо всякихъ толкованій птичьяго полета возносится вдругъ къ свободному помыслу: «Для насъ полносильно одно только знаменье: спасти отчизну?» Развѣ не его собственная любовь къ родинѣ внушаетъ Одиссею такое смертельное желаніе увидѣть передъ собой дымъ отчаго жилья? Развѣ не его собственная человѣчность выдвигаетъ даже и въ свинопасѣ Эвмеѣ божественную сторону человѣческой природы, его вѣрность и непоколебимое мужество? Развѣ не его глубокое сочувствіе ко всему живому выводитъ передъ нами старую собаку Аргуса, которая и полуослѣпшими глазами узнаетъ еще хозяина, а тотъ украдкой отираетъ невольно навернувшуюся слезу.

Но то-то особенно и мило, то-то и единственно у Гомера, что природа вполнѣ сочеталась у него съ художествомъ; послѣднее непосредственно и безнадумно творитъ прекрасное, развертывая его органически какъ сама природа, а эта, всилу эстетическаго направленія всего духа народнаго, дѣйствуетъ въ свою очередь какъ истый художникъ. По естественному своему закону поэзія, въ противоположность пластикѣ и живописи, изображаетъ прекрасное только въ звучащихъ одно за другимъ словахъ, въ непрерывномъ потокѣ времени, а не въ пространствѣ — посредствомъ видимыхъ формъ спокойно лежащихъ другъ возлѣ друга, что̀, разумѣется, и отводитъ ей въ удѣлъ собственно лишь изображеніе подвижной жизни. Гомеръ исполнялъ этотъ законъ безсознательно; предшествовавшія ему богатырскія пѣсни были вѣдь разсказы о событіяхъ, о подвигахъ, и характеры раскрывались въ

нихъ только словами и дѣломъ (а не описаніемъ); онъ такъ себѣ это и усвоилъ, только развилъ во всей чистотѣ далѣе, съ полной самоувѣренностью разумнаго инстинкта. Въ его-то именно созданіяхъ Лессингъ открылъ этотъ естественный законъ поэзіи. Гомеръ нигдѣ не даетъ преемственныхъ изображеній того, что существуетъ одновременно и что въ такомъ случаѣ представало бы вѣдь душѣ только враздробь, а не въ совокупномъ взаимодѣйствіи всѣхъ частей съ одного разу, какъ мы видимъ это напримѣръ въ живописи; напротивъ, онъ всегда выводитъ передъ нами прогрессивное поступательное дѣйствіе, но вплощаетъ въ него при этомъ характерныя черты тѣхъ предметовъ и лицъ, на которыхъ оно держится. Для описанія Ахиллова щита онъ переноситъ насъ въ мастерскую многохитраго Огнебога и заставляетъ его по порядку производить всѣ работы у насъ же на глазахъ. Онъ не описываетъ какъ вооружены его герои, но ведетъ насъ въ ихъ шатеръ въ то время когда имъ надо вооружаться, и тутъ мы сами видимъ какъ они облекаются въ латы и поножи, какъ подвязываютъ подъ ступни блестящія подошвы и на голову надѣваютъ косматый шеломъ. Онъ не описываетъ кораблей въ частности, только вообще называетъ ихъ быстрыми, чернобокими, красноносыми; но съемку съ якоря, отплытіе, отдачу парусовъ, причалъ къ берегу изображаетъ во всѣхъ отдѣльныхъ моментахъ дѣйствія. Пандаръ прилаживаетъ лукъ, вынимаетъ стрѣлу изъ колчана, кладетъ ее на тетиву, натягиваетъ вплоть до самой груди, и когда лукъ изогнулся въ дугу, тогда скрипнулъ рогъ, звякнула тетива, и легкая стрѣла понеслась къ цѣли. Стрѣльба изъ лука передается черта въ черту, въ постепенномъ развитіи, и тутъ же какъ бы самъ собою выступаетъ передъ нами образъ лука. Въ Одиссеѣ Пенелопа идетъ принести завѣтный мужнинъ лукъ. Она всходитъ на верхъ, беретъ тамъ мѣдный ключъ съ ручкою изъ слоновой кости, а потомъ спускается къ кладовой, гдѣ хранились царскія драгоцѣнности. Тамъ становится на дубовый порогъ, снимаетъ ремень съ замочной скважины, вставляетъ ключъ и отталкиваетъ засовъ; съ визгомъ распахнулись передъ ней двери; она подходитъ къ стѣнѣ, тянется кверху на цыпочкахъ и снимаетъ наконецъ съ гвоздя блестящій лукъ. Сопровождая Пенелопу въ этомъ поискѣ, мы вполнѣ знакомимся со всею ея обстановкой. Поэтъ тѣмъ главное и достигаетъ наглядности, что передаетъ все дѣйствіе шагъ за шагомъ, безъ прыжковъ, набрасывая такимъ образомъ въ преемственныхъ чертахъ полный очеркъ, совершенно живой обликъ предмета. Широкій объемъ эпоса зависитъ отъ этой точной передачи подробностей, которая въ свою очередь прямо вытекаетъ изъ спокойно-созерцательнаго настроенія души, допускающаго предметъ овладѣть ею на всемъ просторѣ. Мы находимъ это постепенное сцѣпленіе частностей въ картинѣ битвъ, гдѣ паденье друга увлекаетъ въ отместную борьбу близкаго ему товарища, гдѣ одинъ ударъ всегда обусловленъ другимъ; мы находимъ его и въ краткости того времени, какимъ, при всей длиннотѣ своей, ограничиваются Иліада и Одиссея: вѣдь въ теченіе немногихъ дней и Ахиллъ и Одиссей выполняютъ всю предназначенную имъ судьбу отъ разсвѣта до звѣздной ночи. — И замѣтьте, сколь ни сродна поэзіи Гомера чувственная красота, онъ нигдѣ не вдается въ подробное описаніе Ахилла, Елены, Афродиты; потому что слово не довольно опредѣленно для выраженія единичныхъ особенностей, да притомъ и безсильно по-

казать стройный подладъ каждой части къ цѣлому. Но когда Аполлонъ и Гермесъ горятъ желаніемъ, даже и среди общаго смѣха боговъ, даже и въ гораздо крѣпчайшихъ узахъ нежели Аресъ, понѣжиться у груди богини любви, или когда при взглядѣ на Елену даже и старики не пеняютъ Ахеянамъ съ Троянцами за то, что они терпятъ десять лѣтъ всѣ ратныя напасти изъ-за такой женщины, мы познаемъ красоту по дѣйствію ея на душу, и наша собственная фантазія невольно порывается нарисовать ея образъ.

Какъ дума есть бесѣда человѣка съ собственной душою, такъ точно внутреннее его чувство высказывается въ дѣйствіяхъ, или всякое настроеніе его обличается тѣмъ именно образомъ, которымъ оно было вызвано. Въ привѣтственной рѣчи Одиссея сама Навсикая и то впечатлѣніе, какое она произвела на него, предстаютъ намъ живо, когда онъ превозноситъ счастіе ея родителей, жениха ведущаго ее къ хороводной пляскѣ, когда онъ сравниваетъ ее съ стройной делосской пальмою; разсказомъ о своихъ бѣдахъ мотивируетъ онъ просьбу о покровительствѣ, а въ его пожеланіи царевнѣ всѣхъ земныхъ благъ предстаетъ намъ цѣлая картина домашняго счастія, то-есть удовлетворенной со всѣхъ сторонъ любви. Андромаха даетъ ясно разумѣть что Гекторъ для нея все—однимъ воспоминаніемъ своимъ объ отцѣ и братьяхъ загубленныхъ Ахилломъ; и ея будущность тутъ же рисуется въ глазахъ мужа картиною: всего горче для него то, что плачущую уведетъ къ себѣ какой-нибудь Ахеецъ, лишитъ ее свѣтлыхъ дней свободы, и въ Аргосѣ будетъ она ходить по уроку вокругъ ткацкаго станка другой женщины или черезъ силу носить ей воду про домашній обиходъ.

Наглядность рѣчи еще болѣе выигрываетъ отъ обилія столько же живописныхъ, сколько и благозвучныхъ прилагательныхъ и отъ множества удачныхъ сравненій. Какъ Зевсъ съ вершинъ Иды озираетъ въ одно время, здѣсь—ратную борьбу Ахеянъ съ Троянцами, тамъ — мирную жизнь Ѳракіянъ и Конедойцевъ (Гиппомолговъ), такъ точно и вольный взглядъ пѣвца разгуливаетъ надъ цѣлымъ міромъ и бойкій его умъ пользуется всѣми жизненными сферами, чтобы лучше освѣтить одну другою. Здѣсь богиня отмахиваетъ стрѣлу отъ любимаго богатыря, какъ мать отгоняетъ отъ уснувшаго ребенка неотвязную муху; тамъ уравниваетъ она битву между двумя ратями, какъ плотникъ ровняетъ свою работу подъ отвѣсъ. Иногда и духовная сторона служитъ для живѣйшаго изображенія чувственной: такъ напримѣръ боги снуютъ какъ мысли многостранствовавшаго путника, который мгновенно переносится умомъ то въ одну мѣстность, то въ другую; но обыкновенно видимая природа предстаетъ отраженіемъ человѣческихъ дѣлъ и дѣйствій: тутъ поэтъ ведетъ насъ и подъ звѣздное небо, и къ волнующемуся взморью, въ среду бурь и снѣжныхъ вьюгъ, равно какъ и подъ сѣнь цвѣтущихъ деревьевъ; животная жизнь съ свойственными ей борьбами всего чаще служитъ подобіемъ для быта героевъ и случайнаго ихъ положенія. И поэтъ не ограничивается только мѣткимъ указаніемъ какой-нибудь одиночной черты сходства и рѣдко сливаетъ образъ съ предметомъ въ одно метафорическое цѣлое (какъ напримѣръ въ томъ случаѣ, когда раненый, верхомъ на поразившемъ его копьѣ, отправляется въ Гадесъ, или когда о Парисѣ говорится, что онъ достоинъ каменнаго одѣянія, то-есть побіенія камнями); но по боль-

шой части вполнѣ вырисовываетъ образъ, какъ самостоятельное дѣйствіе или явленіе, независимо отъ его предмета, такъ что онъ выходитъ въ разсказѣ такимъ же въ маломъ видѣ самобытнымъ цѣлымъ, каковъ этотъ разсказъ въ совокупномъ эпосѣ. Тутъ до послѣдней мелочи оправдывается слово Шиллера, что цѣль эпическаго поэта—истина, зачерпнутая изъ самой глубины; эта цѣль присуща уже каждой точкѣ его движенія; вотъ почему мы и не спѣшимъ нетерпѣливо ни къ какой дальнѣйшей цѣли, а съ любовью останавливаемся на каждомъ шагу, сохраняя при томъ вполнѣ свободное настроенье. Этому съ своей стороны содѣйствуютъ опять-таки и сравненія: въ неугомонную толчею людскихъ дѣлъ они вносятъ успокоивающій ликъ равнодушной природы и въ то же время придаютъ особенную рельефность всему значительному. Такимъ образомъ гомеровскія пѣснопѣнія представляютъ полную картину міра; жизнь природы обступаетъ насъ во всей ея свѣжести, и мы слѣдимъ здѣсь человѣка среди мира и на войнѣ, дома и на площади, съ перваго дыханія у груди матери вплоть до погребальнаго костра, —мало того, мы провожаемъ его даже въ преисподнюю, гдѣ злые находятъ себѣ заслуженную кару, а тѣни добрыхъ услаждаются отголоскомъ своего земного существованія, или переносятся на острова блаженныхъ, какъ мы узнаемъ изъ слѣдующихъ, уже разъ приведенныхъ нами, стиховъ:

Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встрѣтишь судьбы въ многоконномъ Аргосѣ;
Ты за предѣлы земли, на поля Элисейскія будешь
Посланъ богами, (туда гдѣ живетъ Радамантъ златовласый,
Гдѣ пробѣгаютъ свѣтло безпечальные дни человѣка,
Гдѣ ни метелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не бываетъ,
Гдѣ сладкошумно летающій вѣетъ Зефиръ, Океаномъ
Съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ блаженнымъ),
Ибо—супругъ ты Елены и зять громовержца Зевеса.

Когда съ высоты горъ Грекъ явственно видѣлъ передъ собой два моря, когда подъ чистымъ прозрачнымъ небомъ взоръ его съ одного острова могъ различать другой, то понятно что это будило въ немъ чувство пространственнаго порядка, изощряло чувство легкообзорности и ясности. Надо притомъ сказать что гомеровскія пѣснопѣнія всѣ вращаются въ близко-знакомомъ, родственномъ пѣвцу мірѣ. Нѣтъ въ нихъ почти ни одного города, который не оказывался бы хорошо извѣстною ему мѣстностью, какъ очевидно изъ постоянноупотребляемыхъ прилоговъ, обозначающихъ гдѣ именно стоитъ городъ, край ли моря, въ долинѣ-ли какой-нибудь рѣки, или у скалистаго, волнообъятаго мыса. Замѣтивъ это, Лотце прибавляетъ: Міръ представалъ Грекамъ совсѣмъ не въ томъ видѣ какъ нашимъ праотцамъ, обитателямъ лѣсистаго нутреного края; Рейнъ и Дунай тянулись по немъ двумя одиночными серебряными нитями, которыя однѣ только и проливаютъ еще свѣтъ на пѣсню о Нибелунгахъ; но удалитъ отъ нихъ богатырей какой нибудь походъ, и неясность географическихъ созерцаній тотчасъ застѣняетъ повѣдываемыя событія чуть не безпроглядной ночью.

Но особенно въ типахъ человѣческихъ характеровъ выявляются просто и со всей пластической полнотой коренныя, главныя черты нашей жизни. Са-

мимъ женщинамъ дается свободное и прекрасное вмѣстѣ положеніе, достоинство ихъ признано, и, опираясь на силу благородныхъ нравовъ, вліятельно распоряжаются онѣ въ домѣ, какъ напримѣръ Арета, Алкиноева жена. Дочь ихъ, Навсикая, блещетъ очаровательной прелестью чистаго и простодушнѣйшаго дѣвства. Съ провинностью самой Елены невольно примиряетъ ея раскаянье, и мы видимъ, она пользуется общимъ уваженіемъ. Но, въ качествѣ супруги и матери, Андромаха выдается искренностью своей любви и глубиною неутѣшной горести, а Пенелопа своей терпѣливо уповающей вѣрностью и замѣчательной находчивостью; первая представляетъ дивный женскій противень мужскому типу доблестнаго ратоборца за отчизну, Гектора, точно такъ же какъ вторая болѣе подходитъ къ природѣ хитроумнаго Одиссея. Въ кругу мужчинъ является однако въ Иліадѣ между прочимъ и отвратительный злословникъ Ѳерситъ, а въ Одиссеѣ—подлый и вѣроломный служитель, не говоря уже о буйной молодежи въ лицѣ развратныхъ жениховъ. Мы при случаѣ упоминали о разныхъ герояхъ Иліады, но это не помѣшаетъ намъ еще ближе разсмотрѣть, какъ богато надѣлилъ поэтъ Ахилла: какъ благородный этотъ юноша совмѣщаетъ въ могучей душѣ своей пылъ гнѣва за нанесенное ему безчестіе съ трогательной скорбію по другѣ, какъ, разсвирѣпѣвъ въ бою, онъ становится до того страшнымъ, что самъ поэтъ укорительно подмѣчаетъ въ немъ чудовищные замыслы, и однакожь въ глубинѣ души герой все-таки хранитъ врожденную ему кротость, наслѣдіе матери: даже и на щитѣ своемъ въ изображенія нещадныхъ битвъ онъ вноситъ тихія картины мира. Онъ столько же всѣхъ прекраснѣе, сколько и сильнѣе; но вмѣсто долголѣтняго земного наслажденія онъ великодушно выбралъ себѣ вѣчную славу, и въ виду смерти не раскаивается въ своемъ выборѣ, но добровольно жертвуетъ собой долгу дружбы; радость жизнію слилась у него съ отвагою на смерть. Удалившись на время отъ побоищъ, онъ сидитъ у моря и жаждетъ ратныхъ кликовъ, пыла битвъ; тутъ хватается онъ за лиру и поетъ другу своему, Патроклу, богатырскую пѣснь, отводя себѣ этимъ душу, а Агамемнону онъ (черезъ Одиссея) велитъ сказать: Добрый и честный человѣкъ всегда любитъ свою жену, и нѣжно ее лелѣетъ. Сколь ни тяжко онъ оскорбленъ, благородное сердце удерживаетъ его отъ возврата на родину, онъ не хочетъ покинуть соплеменниковъ; ему становится жалко ихъ въ бѣдѣ; онъ желаетъ чтобы не было вовсе ссоръ ни между людьми, ни между богами, чтобы навѣки исчезъ гнѣвъ, который вначалѣ слаще мягко текущаго въ ротъ меда, а потомъ свирѣпствуетъ въ груди губительнымъ огнемъ. Этотъ могучій богатырь, говоря о печальномъ возвращеніи товарища, высланнаго для развѣдокъ, нѣжно уподобляетъ его маленькой дѣвочкѣ, что съ плачемъ бѣжитъ за матерью, и, хватаясь за ея платье, слезно просится на ручки. Любимецъ боговъ всегда готовъ исполнить ихъ велѣнія, хотя бы для этого пришлось побороть собственное свое сердце: оттого онъ и достоинъ славы, вѣнчающей его благородное чело. Обокъ съ этимъ боговдохновеннымъ героемъ, очаровывающимъ юношеской откровенностью, который смерть ненавидитъ того, кто говоритъ не такъ какъ мыслитъ, — обокъ съ нимъ стоитъ не менѣе богато одаренный Одиссей, образецъ завзятаго Грека, который, благодаря сообразительности и уму, при соотвѣтственныхъ имъ мужествѣ и силѣ, способенъ благополучно выбраться изъ

всѣхъ возможныхъ опасностей, умѣетъ всегда найдтись въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ и преодолѣть всѣ случайныя затрудненья. Если Ахиллъ прекраснѣйшій, то Одиссей конечно умнѣйшій изъ Ахейцевъ, но онъ при этомъ отличается также тѣлесной силой и ловкостью, онъ мастеръ напрячь лукъ, бросить дискъ, онъ любого одолѣетъ въ борьбѣ и въ бѣгѣ. У него особенно развиты голова и грудь: оттого онъ кажется выше—сидя, и тогда какъ Менелай прямо выскажетъ въ немногихъ словахъ что-нибудь важное, Одиссей сначала вдумчиво опуститъ взоры и неподвижно держитъ въ рукѣ свой жезлъ, а потомъ когда голосъ наконецъ вырвется у него изъ груди, слова полетятъ какъ крутимыя мятелью снѣжные хлопья, и хитро́ обдуманная рѣчь невольно увлечетъ слушателя. Онъ всегда поступаетъ смотря по обстоятельствамъ, но отнюдь не теряетъ изъ виду своей цѣли, и замысливъ что-нибудь доброе, тутъ же умѣетъ пріискать лучшія для того средства. Дикости, превосходству физической силы противопоставляетъ онъ хитрость; онъ, съ одной стороны, столько же сообразителенъ и настойчивъ, сколько, съ другой, готовъ на всякія похожденія благодаря своей удалой природѣ; ему хочется повидать людскіе города, познать смыслъ и обычаи жителей; эта эллинская любознательность мирится въ немъ съ вѣрностью измлада-выбранной женѣ, съ преданностью родному краю; и ни прелести Киркеи, ни посулы Калипсо надѣлить его безсмертіемъ и вѣчной юностью, не увлекутъ его на измѣну роднѣ и супругѣ. Не только, прижимая наконецъ къ сердцу Пенелопу и Телемаха, заливается онъ радостными слезами; онъ плачетъ навзрыдъ, увидавъ опять своихъ вѣрныхъ служанокъ и узнавъ ихъ еще каждую, не смотря на долгую разлуку. Такъ неистощимая сила ума зиждется у него на глубокомъ сердечномъ чувствѣ; вѣдь обруку съ хитростью идетъ у него всегда честная правдивость, искренная богобоязнь: онъ, конечно, радъ своей побѣдѣ, но всегда считаетъ за грѣхъ торжествовать надъ трупами одолѣнныхъ непріятелей. Эта сдержанность, это смиряющее душу благочестіе, эти чисто-эллинскія свойства, сохраняютъ ему расположеніе богини мудрости, всегдашней помощницы и заступницы героя.

Чисто-эллинскимъ также духомъ вѣетъ отъ той жалостности, той грусти, какою проникнута вся молодецкая, бранная удаль Иліады, какая высказывается напримѣръ въ предчувствіи Ахилломъ своего конца, или Гекторомъ—гибели святого Иліона, когда падетъ самъ Пріамъ и съ нимъ весь народъ царя-копьевержца. А Главкъ говоритъ Діомеду:

Листьямъ въ дубравахъ древеснымъ подобны сыны человѣковъ;
Вѣтеръ одни по землѣ развѣваетъ, другіе дубрава,
Вновь расцвѣтая, рождаетъ; и съ новой весной возростаютъ.
Такъ вѣдь и люди: одни нарождаются, тѣ погибаютъ.

Даже самъ Зевсъ изрекаетъ слово, полное горькаго соболѣзнованія: «Едва ли изъ всего живущаго на землѣ найдется что-нибудь жалче человѣка».

Тоже слышится опять и въ Одиссеѣ. Бѣдные смертные! Какую надежду подаетъ имъ даже и загробная жизнь, если Ахиллъ желалъ бы лучше быть батракомъ у мелкаго землевладѣльца, нежели царить надъ всѣмъ сонмомъ покойниковъ? Да радуется же человѣкъ краснымъ солнцемъ, пока оно

ему свѣтитъ. Пусть держится онъ крѣпко за тотъ часъ, про который онъ можетъ сказать вмѣстѣ съ Одиссеемъ:

Сладко вниманье свое намъ склонять къ пѣснопѣвцу, который,
Слухъ нашъ плѣняя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ.
Я же скажу что великая нашему сердцу утѣха,
Видѣть какъ цѣлой страной обладаетъ веселье, какъ всюду
Сладко пируютъ въ домахъ пѣснопѣвцамъ внимая, какъ гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
Пышно покрытыми, какъ изъ кратеръ животворный напитокъ
Льетъ виночерпій и въ кубкахъ его опѣненныхъ разноситъ.
Думаю я что для сердца ни что быть утѣшнѣй не можетъ!

(Одиссейя, IX, 2—11, перев. Жуковскаго).

Это отблескъ раздольнаго житья-бытья боговъ, которымъ вообще вѣдь такъ легко живется. Мы видѣли какъ оформились боги въ греческомъ сознаніи, какъ эпопея вплела ихъ преимущественно въ исторію людского рода, въ качествѣ всегдашнихъ ея вождей, и какъ, благодаря этому, нравственная сторона пересилила въ нихъ физическую, такъ что они вышли уже болѣе владыками души, нежели силами вещественной природы. Всѣмъ извѣстное мѣсто у Геродота говоритъ не то, чтобы поэты Гомеръ и Гезіодъ создали Грекамъ божества ихъ; оно приписываетъ пѣвцамъ только созданіе ѳеогоніи, исторіи боговъ, распредѣленіе между ними названій, почета и обязанностей, что напоминаетъ слова самого Гезіода о томъ, какъ, принявъ верховное господство, Зевсъ разверсталъ боговъ въ достоинствѣ и почестяхъ. Миѳологическій матерьялъ былъ на лицо; поэзія развернула его далѣе и придала общую связь тому, что прежде являлось только въ отрывкахъ. При великомъ передвиженіи эллинскихъ племенъ вошли во взаимное соприкосновеніе не только богатырскія былины, но также и мѣстныя сказанья о богахъ, которые выступили теперь цѣлымъ сонмомъ подъ предержащей властью Зевса, бывшаго древнеэллинскимъ божествомъ съ незапамятнаго времени, такъ что позднѣйшая эпоха легко могла видѣть въ нихъ его же только откровенія, олицетворенія различныхъ его свойствъ и силъ. Какъ Гомеръ связываетъ одну съ другой богатырскія пѣсни, такъ же точно совокупляетъ онъ въ одно цѣлое и миѳологическія преданія, и изо всего этого только то и вошло въ общее сознаніе Грековъ, что закрѣпилось его пѣснями, такъ какъ онѣ вскорѣ сдѣлались основною книгою всей эллинской культуры, ея библіей, и въ нихъ всего лучше высказался народный духъ. Боги не созданія поэтовъ, но дѣло въ томъ что творческая фантазія видообразуетъ, оформливаетъ религіозную идею, что поэты усматриваютъ божескую дѣятельность въ повѣдываемой ими исторіи; они не измышляютъ миѳа, но берутъ его какъ данный природой матерьялъ, и разрабатываютъ потомъ художнически-свободно. Они не связаны ни какимъ догматомъ, они сами толкователи религіозныхъ настроеній своего народа, и толкуютъ ихъ именно какъ поэты, то-есть не въ строго-опредѣленныхъ понятіяхъ, не съ помощью разсудочныхъ доводовъ, а посредствомъ живыхъ образовъ и той убѣдительной силы, какая присуща онагляживающей красотѣ. Многоголосная эта пѣснь различно излагаетъ даже самую исторію, даже взаимную связь боговъ между собою; но этѣ разности не смущаютъ религіознаго сознанія, которое

держится прежде всего за идею и принимаетъ миѳъ съ тою именно поэтическою вѣрою, какой онъ требуетъ.

Какъ скоро божественность понимается уже не столько какъ сила властная надъ физической природою и открывающаяся въ ея предпочтительно явленіяхъ, а чествуется помимо и даже выше ихъ какъ самосознательная духовная мощь и владычица людской жизни; тогда нельзя уже болѣе прикрѣплять ее къ небу, къ солнцу или къ морю, нельзя изображать ее ихъ символомъ; для нея нуженъ теперь образъ личнаго духа, образъ человѣческій, но который, изъ-за придаваемой ему божественности, возвышается надъ матерьяльнымъ существованіемъ и слишкомъ ограниченною его обстановкой: онъ созерцается какъ завершенный въ себѣ первообразъ, прототипъ. Еще и въ гомеровскихъ поэмахъ встрѣчаются первобытныя попытки выразить божественное начало въ человѣческомъ образѣ возведеніемъ его до гигантскихъ, чудовищныхъ размѣровъ, хоть и не въ ущербъ тому болѣе идеальному характеру, какой обнаруживаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ его мощь: такъ что напримѣръ отъ упавшихъ на чело кудрей Зевса или отъ легкаго манія его бровей весь Олимпъ трясется въ основаніяхъ, даже и тогда когда богъ изъявляетъ этими знаками свое милостивое одобренье. Зевсъ — тучегонитель, громовержецъ, но онъ же надѣляетъ человѣка и жребіемъ; онъ—всевидящій, но тѣмъ не менѣе избираетъ себѣ для сѣдалищъ дальноглядныя выси горъ; онъ въ особенности полонъ милосердія и благости, тогда какъ супруга его, Гера, представляетъ собой строгій міровой законъ и требуетъ его соблюденья, а въ качествѣ богини брака настаиваетъ на карѣ прелюбодѣянію и на совершенномъ истребленіи города, защищающаго дѣло прелюбодѣя. Чествуемые Малоазійцами боги солнца и женственной природы приняты были Греками въ сонмъ ихъ собственныхъ боговъ, подъ именемъ Аполлона и Афродиты; но они такъ и остались хранителями Троянцевъ, тогда какъ племенныя іонійскія божества, Аѳина и Посейдонъ или Гера аргосская, всегда держатъ сторону Грековъ. Противоположность эта исчезаетъ уже однако въ Одиссеѣ, гдѣ вообще меньше миѳологіи и больше религіознаго чувства.

Всевластный первоначально Зевсъ отдаетъ теперь часть своего существа двумъ братьямъ, — преисподній міръ Аидесу, а море Посейдону; но если первый изъ нихъ слыветъ также и подземнымъ Зевсомъ, то отсюда ясно, что извѣстная сторона дѣятельности одного и того же божескаго существа только отмѣчена здѣсь особымъ именемъ и чествуется за особую личность. Земля и высокій Олимпъ общи всѣмъ богамъ въ совокупности, первая — какъ сфера ихъ дѣйствій, послѣдній — какъ мѣсто сборища.

Пробужденіе умственной стороны эллинства особенно даетъ себя знать въ Аѳинѣ, руководящей людской родъ какъ олицетворенная божеская мудрость, какъ высшее провидѣніе; даже и ходъ ратной борьбы рѣшается ею, то есть сообразительнымъ только геніемъ: дикая свалка битвы —дѣло Ареса.

Въ виду того, что поэтическій духъ свято хранитъ вѣру въ религіозную идею и въ признанныя народнымъ чувствомъ силы небесныя, но, свободно обдѣлывая ихъ по внутреннимъ своимъ опытамъ и сообразно внѣшнимъ явленьямъ, смѣло вводитъ въ свой разсказъ высшія эти существа, какъ ближайшихъ участниковъ, — въ виду этого Шеллингъ въ правѣ былъ сказать, что

политеизмъ уже перестаетъ здѣсь быть предметомъ суевѣрія, а дѣлается предметомъ поэтическаго, и обдуманнаго даже разъясненья. «Первобыт-«ной важности и строгости въ этихъ образованіяхъ уже нѣтъ; въ нихъ «осталось одно только смягченное величіе. Греческія божества являются «именно тѣмъ, чѣмъ съ высшей точки зрѣнія души, просвѣтленной знаніемъ «или поэзіей, должны казаться вещи чувственнаго міра; они дѣйствительно «только явленія, только плоды высшаго воображенья, и могутъ имѣть при-«тязаніе на ту же лишь развѣ степень истины, какую мы приписываемъ «поэтическимъ созданіямъ. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы можно было по-«честь за такія же точно созданія и ихъ; подобное чисто-поэтическое лишь «значеніе могло пожалуй завершить собою весь этотъ процессъ, но отнюдь «не было его началомъ. Эти облики возникли не изъ нѣдръ поэзіи, а «только просвѣтлились ею; сама поэзія впервые возникаетъ только съ ними «и въ нихъ». Сколь ни вѣрно послѣднее это замѣчанье, я не могу не оговорить предшествующій ему взглядъ напоминаніемъ, что чисто поэтическая дѣйствительность божескихъ обликовъ наступила вѣдь только уже подконецъ древняго міра, у Виргилія и Овидія, а вовсе еще не у Гомера и Гезіода. Для послѣднихъ боги имѣютъ и религіозную реальность, отнимаемую у нихъ Шеллингомъ; собственно-реальный элементъ не затонулъ еще здѣсь безслѣдно; онъ является внутреннимъ ядромъ, сущностью, но именно такою, которая облеклась тогда для человѣка въ поэтическую форму, и къ этимъ формамъ греческій духъ отнюдь не прилѣплялся съ тупымъ суевѣріемъ, а напротивъ всегда хранилъ чувство своей власти надъ ними и даже дозволялъ себѣ слегка ими потѣшиться.

Что всякій благой и совершенный даръ нисходитъ свыше, какъ особенная милость божія, что воля боговъ управляетъ міромъ, распоряжается природою, караетъ зло и споспѣшествуетъ добру,—это убѣжденіе неослабно живетъ въ душѣ Гомера; онъ вѣритъ въ могущество боговъ надъ людьми, онъ вѣритъ что все великое и прекрасное исполняется только совмѣстнымъ дѣйствіемъ божества съ человѣкомъ. Оттого пѣвецъ поетъ свою пѣснь всилу Зевсова вдохновенія или по внушенью музы, оттого Паллада Аоина вездѣ является Одиссею надежною помощницей, и когда Ахиллъ раздумываетъ самъ съ собой, отдаться ли ему вполнѣ гнѣву, или обуздать волнующую его страсть, то опять та же самая богиня—зримая только ему, стало быть только внутренно—треплетъ его ласково по русымъ кудрямъ и унимаетъ пылкое его сердце. Въ этой силѣ самообладанія видится поэту торжество всемірной воли надъ индивидуальной, единичною. Поэтъ самъ тотъ провидецъ, которому язва въ станѣ Грековъ представляется карой гнѣвнаго бога за обиду, нанесенную его жрецу. Опытъ, почерпаемый изъ міра явленій, связываетъ онъ съ идеею, истолковываетъ себѣ первый послѣднею и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ для идеи, для божественной сущности Аполлона, новый открывающій ее разсказъ. Поэтъ не постигнулъ бы дѣйствительности въ глубочайшей ея основѣ, не изображай онъ ее въ непосредственной связи съ божествомъ, какъ откровеніе вышней силы. Признавая вездѣ перстъ Божій, онъ въ то же время предоставляетъ богамъ своимъ, сообразно индивидуальности каждаго, личное и видимое участіе въ человѣческихъ дѣлахъ; онъ и выводитъ ихъ всего охотнѣе въ человѣческомъ же образѣ, какъ опредѣленную, характерную лич-

ность; и не великая ли въ самомъ дѣлѣ истина, что мы сами служимъ орудіями и средствами для выполненія того, что́ суждено отвѣка. Это міросозерцаніе—завѣтная святыня для поэта, но къ изложенію любого отдѣльнаго случая приступаетъ онъ со всею поэтической свободой. На естественный же законъ эпоса онъ былъ наведенъ своимъ стремленіемъ онаглядить въ исторіи людского рода божественное міроводительство; на этомъ основано въ его поэзіи все сверхчувственное и чудесное, и вотъ отчего даже и теперь увлекаетъ насъ очарованіе его пѣсни, хотя мы и не вѣримъ въ реальность этихъ особенныхъ боговъ и ихъ многоразличныхъ проявленій. Духовное чудо воли божіей, совершающейся въ круговоротѣ людскихъ дѣлъ, недоступный чувствамъ элементъ нравственнаго міропорядка, — вотъ что долженъ представлять намъ каждый настоящій эпосъ; а Гомеръ представилъ это самымъ чувственно-нагляднымъ образомъ.

Шеллингъ называетъ его удивительнѣйшимъ явленіемъ цѣлой древности, мессіей язычества, которое имъ какъ будто бы и завершилось. «Никогда, говорить онъ, не сіяютъ земля и небо такимъ лучезарнымъ блескомъ, какъ послѣ бури, грозы и безконечныхъ дождей, когда они выступятъ какъ бы вновь воссозданными, перерожденными. Такъ и у Гомера ощущаемъ мы, какъ въ «цѣломъ, такъ и въ частяхъ, свѣжую, здоровую молодость только-что освободившагося человѣчества; все чудовищное, безформенное оттѣснено прочь, «и передъ нами развернутъ прекрасный міръ чистыхъ обликовъ. Но пусто и «жалко всякое удивленіе Гомеру, не основанное на темномъ чувствѣ всего «прошлаго, которое имъ порѣшено; потому что именно это прошлое и даетъ «имъ такую силу, ту высшую знаменательность, какая свойственна греческимъ богамъ и по которой каждый невольно долженъ тотчасъ же признать «ихъ общезначительными существами.»

Культъ боговъ, описываемый Гомеромъ, очень простъ; упоминаются кумиры и храмы, но алтарь стоитъ еще обыкновенно близъ священной рощи. Каждый одиночка приноситъ жертву за себя, домохозяинъ за семью, царь за весь народъ. Часть жертвеннаго животнаго сожигается въ честь богамъ, несравненно бо́льшій остатокъ изготовляется на трапезу людямъ, но къ ней приглашены и божества, которымъ, въ знакъ предполагаемаго ихъ присутствія, творятся возліянья. Радостно служитъ человѣкъ своимъ богамъ, просвѣтленнымъ первообразамъ его собственной природы, которые поэтому и не требуетъ отъ него ни самоотверженности, ни отреченія отъ міра, а напротивъ хотятъ самоотстойчивости, силы и, съ нею, мѣры. Благодаря здоровому нравственному чувству, человѣчность и тутъ развертывается, говоря вообще, очень свѣжо и наивно.

Троянскую войну обыкновенно относятъ къ концу 12-го вѣка предъ Р. Х. Іоняне начали селиться въ Пелопоннезѣ около 1000-хъ годовъ, а съ 950-хъ совершается занятіе малоазійскаго берега Іонянами и Эолійцами; эпопея сопровождаетъ эти событія и развивается въ-теченіе трехъ поколѣній, если, по Геродотову указанію, мы поставимъ Гомера лѣтъ за 400 ранѣе его, приблизительно—около 850-го года. Сами Греки расходятся здѣсь въ своихъ догадкахъ на полтысячелѣтія; прямыхъ извѣстій о личности поэта нѣтъ ни какихъ, мѣсто ихъ заступаютъ одни миѳы. Если не менѣе семи го-

родовъ оспоривали другъ у друга его рожденіе, то конечно гораздо большее число мѣстностей внесло вкладъ свой въ составъ его произведеній; онъ, повидимому былъ Іоніецъ, родомъ изъ Смирны, хотя школѣ Гомеридовъ на островѣ Хіосѣ и выпало на долю тщательно блюсти и разработывать далѣе его пѣсни. Онѣ сначала не были записаны,—это можемъ мы почесть теперь окончательно рѣшеннымъ,—а ввѣрялись памяти родовыхъ пѣвцовъ, которые произносили ихъ передъ народомъ къ торжественныхъ случаяхъ; и если Аѳиняне выслушивали на одномъ и томъ же праздникѣ до девяти трагедій и по три сатирическихъ драмы, то нѣтъ сомнѣнія что Грекамъ доставало напряженнаго вниманья и для того чтобъ съ наслажденіемъ прослушать цѣлую Иліаду или Одиссейю. Около 700-хъ годовъ до Р. Х. началась запись, письменная редакція, по вмѣстѣ и разбивка поэмъ на отдѣльныя пѣсни рапсодами, пока наконецъ Солонъ и Писистратиды не обратили вниманія на то, чтобы онѣ снова передавались цѣликомъ и въ опредѣленномъ порядкѣ на Панаѳинейскихъ праздникахъ и были возстановлены въ полныхъ и исправныхъ спискахъ. Если онѣ и распространены потомъ какими нибудь добавками, то послѣднія всегда вѣдь приноравливались къ наличному составу поэмъ, и общій тонъ, духъ, міросозерцаніе цѣлаго оставались въ сущности все тѣже, какъ впервые высказали ихъ великіе геніи. Между началомъ и художественнымъ завершеніемъ этихъ созданій не легло ни новой какой-нибудь религіи, ни рѣшительнаго переворота въ нравахъ и образованіи, какъ случилось это у Индійцевъ и Германцевъ: весь организмъ поэмъ слагался путемъ непрерывнаго естественнаго роста.

Эллинство сознало само себя и вполнѣ осмыслилось въ гомеровской поэзіи, оно нашло въ ней себѣ голосъ для всѣхъ будущихъ поколѣній. Всилу своей правды и красоты стала она основаніемъ всей позднѣйшей культуры, и притомъ не одной только поэтической: на нее оперлись и пластика, и исторія, и народная религія, и житейская мудрость; а что въ первоначальной этой основѣ такъ превосходно выразилась первобытная гармонія природы съ искусствомъ, это именно и сдѣлало Грековъ тѣмъ художественнымъ народомъ, которому мы невольно должны удивляться. Гомеръ, говоритъ Платонъ, образовалъ всю Элладу. По словамъ самихъ древнихъ, Гомеромъ питались всѣ слѣдовавшіе за нимъ великіе умы, какъ океаномъ питаются всѣ ключи и рѣки. Есть одна эпиграмма въ Антологіи, донынѣ сохранившая свое полное значеніе:

И вверхъ по рѣкѣ временъ, и внизъ вѣчно звучитъ единственная пѣснь Гомера;
Каждый олимпійскій вѣнокъ —прямое его достояніе.
Долго думала и создавала природа, а когда наконецъ создала,
То успокоилась и молвила: довольно міру одного Гомера.

Какъ самородное и вмѣстѣ художественное совершенство эпоса, гомеровскія пѣснопѣнія имѣютъ общечеловѣческое значенье, точно такъ же какъ обладаютъ имъ въ своемъ родѣ первая книга Моисея или Псалмы. Въ этомъ смыслѣ это уже не своебытное лишь произведеніе одного эллинства, взятаго само по себѣ отдѣльно, но эллинства какъ члена всего человѣчества, выразившаго здѣсь опредѣленную ступень духовнаго развитія въ соотвѣтственной

художественной формѣ и съ такой неподражаемой законченностью, которая сдѣлала ихъ навѣки достояніемъ всѣхъ временъ и всѣхъ послѣдующихъ культурныхъ народовъ.

КИКЛИКИ И ГОМЕРИДЫ.

Въ гомеровскихъ пѣснопѣніяхъ признали мы завершившееся въ теченіе двухъ столѣтій выраженіе народнаго духа Грековъ, ихъ религіознаго міросозерцанія, ихъ художественнаго, не перехватывающаго за дѣйствительность, но лишь идеализующаго ее, смысла, и въ самую среду этого постепеннаго сложенія мы поставили организаторскій геній, сохранивъ за нимъ и присвоенное ему имя, и всю подобающую ему честь. Съ радостнымъ сочувствіемъ приняла Эллада эти созданія, и великимъ законодателямъ, Ликургу и Солону, приписываютъ ту заслугу, что они положили ихъ въ основаніе дальнѣйшему развитію. Но само собой разумѣется, съ завершеніемъ Иліады и Одиссеи не погрузилась же поэтическая способность въ многовѣковой глубокій сонъ, да и не всѣ же сплошь богатырскія сказанія вошли въ составъ двухъ этихъ большихъ произведеній. Напротивъ, у слушателей должно было возникнуть желаніе, чтобы такъ же какъ разрушеніе Трои пересказаны были самое происхожденіе троянской войны, возвратъ и другихъ героевъ, кромѣ Одессея, да потомъ и конецъ жизни какъ его самого, такъ равно Ахилла, Аякса и т. д., а поэты въ свою очередь не могли не увлечься мыслью собрать многоразличныя преданія, сохранившіяся въ пѣсняхъ и мѣстныхъ разсказахъ, и слагать по гомеровымъ слѣдамъ дополнительныя къ нему эпопеи, или воспѣвать такіе сюжеты, какъ наприм. борьба изъ-за Өивъ, подвиги Тезея и Иракла. Этимъ именно занимались киклическіе поэты, которыхъ череда идетъ отъ начала Олимпіадъ (за 777 лѣтъ до Р. Х.); какъ планеты вращаются они вкругъ гомеровскаго солнца и знаменуютъ собой переходъ отъ общенародной пѣсни къ литературѣ, къ личному сочинительству. Трудно вточности опредѣлить что именно нашли они готовымъ и сколько прибавили къ тому изъ своей собственной фантазіи. Для возстановки произведеній ихъ по отрывкамъ и по извѣстіямъ древнихъ, въ особенности по Прокловымъ, всѣхъ болѣе сдѣлалъ Велькеръ; мы едва ли ошибемся предположивъ что у нихъ на первомъ планѣ былъ интересъ содержанія, и принявъ, согласно Аристотелевымъ намекамъ, что рядъ разнообразныхъ событій какъ въ троянской, такъ и въ өиванской войнѣ, а равно и въ жизни какого ни наесть отдѣльнаго героя, они связывали не какъ истые художники — нравственною идеей, а скорѣе только единствомъ того или другого происшествія, того или другого лица. И германская средневѣковая эпоха представляетъ намъ подобныя же попытки изложить обширный народный эпосъ, былину о Св. чашѣ, въ сокращенныхъ пересказахъ.

Иліада и Одиссеія стоятъ посередн; передъ ними, между и послѣ нихъ размѣстились въ сравнительно ближайшемъ сосѣдствѣ произведенія Стасина, Арктина, Лесха, Эвгаммона.

Стасинъ,по словамъ сказанія,—зять Гомеру,который въ приданое за своей дочерью назначилъ будто бы планъ поэмы. Но его надуманность, рефлексія, выдаетъ въ немъ писателя по крайней мѣрѣ цѣлымъ вѣкомъ моложе. Онъ родомъ былъ Кипрянинъ, и смѣлое участіе принимаемое въ сюжетѣ его богинею Кипра, воинственною Афродитой, пожалуй и подало поводъ назвать его произведеніе Кипріями. Оно начинается просьбою Земли, чтобы Зевсъ посбавилъ чрезмѣрную для нея тягость человѣческаго рода; тогда Зевсъ насильно овладѣваетъ Немезидою, возмездницей, богинею всеуравнивающей судьбы, и порождаетъ съ ней Елену. Красотѣ ея суждено обратиться въ гибель героямъ; потому Эрида, олицетвореніе раздоровъ и сваръ, бросаетъ на брачномъ торжествѣ Пелея и Ѳетиды яблоко, съ надписью «Прекраснѣйшей», а кипрская богиня обѣщаетъ за него Парису Елену. Потомъ идетъ разсказъ о похищеніи красавицы, о вооруженіяхъ Грековъ, о приносѣ въ жертву Ифигеніи, о первой порѣ троянской войны, о томъ что Ахиллу суждено такъ же губить людей мужеской силою, какъ Елена губитъ ихъ женскою красой; онъ и она встрѣчаются чудесныхъ образомъ по волѣ Ѳетиды и Афродиты. Наконецъ самъ Зевсъ замышляетъ ссору Ахилла съ Агамемнономъ, которая должна унесть столь много жертвъ. Такимъ образомъ поэма эта выходила предсѣніемъ Иліады.

Милетянецъ Арктинъ слыветъ ученикомъ Гомера и жилъ подобно Стасину около начала Олимпіадъ; онъ чуть ли еще не ранѣе послѣдняго взялся продолжить Иліаду вплоть до окончанія Троянской войны и выполнилъ это въ двухъ разныхъ поэмахъ, изъ которыхъ одна называлась Эѳіопидой, другая—Иліуперсисъ (разрушеніе Иліона). Особенно первая обнаруживаетъ въ немъ изобрѣтательный и высокопарный талантъ; нельзя не пожалѣть, что отъ нея остались одни только извлеченія. Отфридъ Мюллеръ указалъ на древнія скульптуры, гдѣ съ одной стороны Андромаха тоскуетъ надъ пепельной урной Гектора, а съ другой Пріамъ радушно встрѣчаетъ пришедшихъ къ нему на помощь Амазонокъ. Этимъ именно начиналъ Арктинъ, и воинственныя дѣвы сильно утѣсняли Ахейцевъ, пока Ахиллъ не ринулся въ битву съ ихъ царицей, Пенѳесилеей; поразивъ ее на̀ смерть, онъ только тутъ вглядѣлся въ чудную ея красу и горько сѣтовалъ, сжимая умирающую въ объятіяхъ. Ѳерсита, который вздумалъ подтрунить надъ этимъ, убиваетъ онъ на мѣстѣ кулакомъ; приноситъ за то жертву Аполлону, и Одиссей очищаетъ его отъ кровопролитія, — это уже погомеровскій религіозный обычай. За тѣмъ является сынъ Денницы, лучезарный Мемнонъ, съ своими Эѳіопами. Ахиллъ уклоняется отъ битвы съ нимъ, зная что, если тотъ погибнетъ, не сдобровать и ему; но когда сынъ Нестора, Антилохъ, замѣнившій ему друга Патрокла, палъ отъ руки Мемнона, заслоняя отъ него престарѣлаго отца, Ахиллъ не можетъ воздержать чувства подобающей за то мести; мотивъ Иліады явно здѣсь повторяется. Когда побѣдоносный герой подступилъ наконецъ и къ Скейскимъ воротамъ, Аполлонъ наводитъ стрѣлу Париса на единственно-уязвимую у Ахилла пяту. Среди страшнаго побоища Ахейцы выручаютъ наконецъ его

его тѣло, которое беретъ на руки Аяксъ. Θетида прямо съ погребальнаго костра переноситъ любимаго сына на островъ Левкею. Аяксъ съ Одиссеемъ ссорятся за его оружіе, и когда оно присуждено послѣднему, Аяксъ съ отчаянія умерщвляетъ себя самъ.

Разрушеніе Иліона, кромѣ Арктина, разсказалъ еще, два поколѣнія спустя, Лесхъ; у обоихъ были подъ руками своеобразные источники, а встрѣчавшійся иногда недостатокъ дѣйствительныхъ преданій они восполняли силой воображенія. Виргилій слѣдовалъ преимущественно Арктину. Поэма Лесха называлась малой Иліадою и передавала въ особенности исторію Филоктета. Басня о деревянномъ конѣ, которою уже Демодокъ въ Одиссеѣ аллегорически обстановилъ Троянскую былину, встрѣчалась какъ у Арктина, такъ и у Лесха. Изъ обоихъ этихъ произведеній александрійскіе грамматики составили, кажется, родъ сводпаго описанія, которое ни чего не повторяя, не опустило однакожь ни чего существеннаго. Далѣе къ Одиссеѣ вели такъ-называемые «Посты» или возвратныя странствія, изображавшія въ особенности судьбы Атридовъ по завоеваніи Трои. Менелай достигаетъ отчаго дома только тогда, когда Орестъ уже отомстилъ за умерщвленнаго родителя. Сюда же вплетены были похожденія другихъ героевъ, Діомеда, Нестора, Кальхаса, а также и смерть Аякса Локрійскаго. Агіадъ, изъ Трезены, сочинилъ поэму объ этомъ въ пяти пѣсняхъ.—Авторомъ Телегоніи, завершившей Одиссею и весь циклъ «возвратныхъ странствій», слыветъ Эвгаммонъ Киренянинъ, который писалъ не ранѣе 570-хъ годовъ. Древнеарійское сказаніе о борьбѣ отца съ сыномъ перенесъ онъ на Телегона, сына Одиссея и Киркеи, который будто бы пустился въ поиски за отцомъ; но въ это самое время Одиссей прибылъ домой изъ Θеспротіи, куда онъ попалъ по заповѣди Тирезія, чтобы отыскать такую глушь, гдѣ люди вовсе еще и не вѣдаютъ моря. Оба встрѣтились въ Итакѣ случайнымъ образомъ и узнали другъ друга только уже тогда, когда отецъ былъ на смерть пораненъ сыномъ.

Въ Иліадѣ говорится о взятіи Θивъ удавшемся только при вторичномъ походѣ Эпигонамъ, то-есть новопарожденнымъ, послѣ того какъ отцы ихъ всѣ до одного изгибли въ первой войнѣ; къ Эпигонамъ вѣдь принадлежали Діомедъ и Сθенелъ; Оиванду (поэму объ этомъ взятіи) приписывали даже самому Гомеру. Блестящій и богатый сюжетъ былъ обработанъ въ достойномъ его стилѣ, такъ что и по отзыву Павсанія автору принадлежитъ второе по Гомерѣ мѣсто. Пѣснь объ Эпигонахъ, примыкала къ Оивандѣ, въ видѣ второй части, а эпосъ объ Эдипѣ по всей вѣроятности предшествовалъ ей. Въ характерахъ и поступкахъ господствуетъ здѣсь еще болѣе необузданной дикости и титанической отваги чѣмъ у Гомера; но всѣ смуты, всѣ борьбы между богами и между людьми рѣшаются вышнимъ судомъ Зевса, и погибель, предопредѣленная имъ всякому нечестію и всякой гордынѣ, съ самаго начала грозитъ изъ-дали въ видѣ оракулова прорицанія. И тутъ изъ существеннаго ядра древнѣйшей поэмы какъ будто бы выросли, или пожалуй прильнули къ нему позже, въ качествѣ предшествующаго звена – Эдипъ, и въ качествѣ послѣдующаго—Эпигоны. По мнѣнію Велькера, Θиванда начинается пиромъ въ домѣ аргосскаго царя Адраста. Къ нему однажды ночью явились безпомощными бѣглецами Тидей въ кабаньей, Полиникъ въ львиной шкурѣ, и онъ принялъ

ихъ потому что ему заповѣдано было свыше отдать дочерей своихъ за кабана и за льва. Полиникъ же—одинъ изъ сыновей Эдипа, которымъ отецъ предсказалъ со всей демоническою силой отчаго проклятія, что мечемъ прійдется имъ дѣлить между собой наслѣдство. Полиникъ настаиваетъ идти войной противъ Өивъ; Адрастъ созвалъ для этого свою дружину и пригласилъ между прочимъ брата своего, провидца Амфіарая, который отсовѣтовалъ походъ, но на бѣду онъ еще заранѣе обязался, при всякомъ разногласіи съ Адрастомъ, подчиняться приговору жены его, Эрифилы, а та, привлеченная золотымъ ожерельемъ на Полиникову сторону, рѣшила что Амфіараю слѣдуетъ участвовать въ предпріятіи, хотя онъ и ясно видитъ въ немъ противленіе волѣ боговъ. Полные дерзости идутъ семеро аргосскихъ богатырей на битву, и самъ Зевсъ поражаетъ своимъ перуномъ Капанея, когда тотъ вопреки явной волѣ боговъ осмѣлился взобраться на Кадмову твердыню. Для рѣшенія спора условливаются на поединокъ между враждующими братьями; но тутъ оба Эдиповы сына падаютъ сраженные другъ другомъ, и тогда возобновляется опять общій бой, въ которомъ Тидей проглатываетъ мозгъ одного изъ убитыхъ непріятелей и вслѣдствіе того теряетъ обѣщанное ему Аѳиной безсмертіе. Передъ Амфіараемъ Зевсъ, въ своей благости, разверзаетъ землю и хранительно принимаетъ провидца въ ея нѣдра, да возвѣщаетъ онъ прорицаніями изъ глубины ея вѣчную волю судебъ. Спасается одинъ Адрастъ для того чтобы впослѣдствіи вмѣстѣ съ потомствомъ падшихъ богатырей овладѣть Өивами.

Были также поэтическія жизнеописанія Иракла и Тезея. О Язонѣ упоминалось повидимому въ коринѳскихъ пѣсняхъ. А всему этому предшествовали еще пѣсни о борьбахъ боговъ съ Гигантами и Титанами, равно и поэма о происхожденіи самихъ боговъ, чѣмъ этотъ кругъ іонійскихъ эпическихъ пѣсень примыкалъ къ дорійскому циклу Гезіода; тогда какъ съ другой стороны поэзія переходила отчасти въ дѣятельность логографовъ, излагавшихъ древнія преданія и повѣрья уже не стихами, а прозою, и подготовлявшихъ такимъ образомъ исторіографію, настоящее бытописанье.

Къ гомеровскимъ твореніямъ пріурочивали также и гимны, называвшіеся у древнихъ Проэміями или Введеньями, потому что это были воззванія къ какому-нибудь богу, которыми рапсоды начинали свою декламацію; обширнѣйшія изъ нихъ славили еще то божество, въ честь котораго на праздникахъ устроивалось пѣвческое состязаніе; въ нихъ разсказываются миѳы, и стиль ихъ совершенно эпическій. Они стоятъ внѣ всякой связи съ жертвенными гимнами и молитвами жрецовъ. Да и принадлежатъ они вовсе не однимъ хіосскимъ гомеридамъ: разность идей и языка доказываетъ несомнѣннымъ образомъ, что они возникли въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ отъ Гомера до войнъ съ Персами. Въ гимнѣ Аполлону соединены вмѣстѣ два,—одинъ делосскому, другой пиѳійскому. Первый пѣлся на праздникѣ въ Делосѣ однимъ хіосскимъ слѣпцомъ, котораго даже Өукидидъ принималъ за Гомера; онъ описываетъ рожденіе бога на островѣ Делосѣ. Второй славитъ низложеніе пиѳійскаго дракона и основаніе святилища въ Дельфахъ. Менѣе старобытенъ по своему тону гимнъ въ честь Гермеса, въ которомъ древнеарійское сказаніе о томъ, какъ Вѣтробогъ похищаетъ облачныхъ коровъ у Солнца, соединено съ другимъ—объ изобрѣтеніи лиры тѣмъ способомъ, что на черепаху на-

тянуты были семь струнъ. Такъ какъ семиструнная лира введена Θерпандромъ на островѣ Лесбосѣ только послѣ 30-й олимпіады, то самый гимнъ едва ли можетъ быть старѣе, и вѣроятно тамъ онъ и возникъ. Онъ проникнутъ той игриво-простодушной легкостью, соединенной съ лукавствомъ, какою отзывается уже и пѣснь объ Аресѣ съ Афродитой въ Одиссеѣ. Насчетъ гимна Афродитѣ полагаютъ что онъ пѣлся въ честь царей Энеева дома, родомъ съ горы Иды; онъ разсказываетъ какъ Афродита сблизилась съ Анхизомъ и обѣщала родить ему сына, будущаго владыку троянскаго. «Очаровательна, «говоритъ Ульрици, картина, какъ золотая Афродита, исполненная по волѣ «Зевса любви къ смертному, спѣшитъ сквозь горную чащу къ усадьбѣ «Анхиза, окруженная стаями хищныхъ лѣсныхъ звѣрей, которые такъ и «идутъ за ней слѣдомъ, только повиливая отъ страстнаго пыла хвостами; «какъ она является потомъ герою подъ видомъ цѣломудренной дѣвушки, ра«спаляетъ его пламенемъ неудержныхъ желаній и, улыбаясь потихоньку всто«рону, идетъ за нимъ будто съ застѣнчивой робостью на брачное ложе. То«нокъ и замысловатъ вплетенный сюда миѳъ, какъ богиня Эосъ испраши«ваетъ похищенному ею Оитону безсмертіе, чтобы вовѣкъ неслаждаться его «любовью и красой, но забываетъ испросить ему при этомъ и вѣчную моло«дость; и вотъ, когда наконецъ лѣта убѣлили шелковистые его кудри и ли«шили всѣ члены его крѣпости, она все еще ухаживаетъ за нимъ въ своемъ «чертогѣ и угощаетъ его амврозіей. Въ такихъ образахъ, залитыхъ чистымъ «блескомъ беззакрытной еще естественности, въ созданіяхъ такого простаго «и высокопоэтическаго духа, нельзя не признать пѣвца-гомерида» (пѣвца по замышленію Гомерову). — Про гимнъ въ честь Деметрѣ, излагающій древнее сказанье объ Элевзисѣ, и про гимнъ Діонизу, упомянемъ мы дальше.

ГЕЗІОДЪ.

Съ Гезіодомъ поэзія изъ рыцарски-дружинныхъ круговъ спускается въ кругъ мужичій; ея предметомъ становятся теперь не битвы, не мореплаванья, не веселье разгульной жизни, а трудъ, земледѣліе, правомѣрный урядъ быта и нравовъ въ связи съ закономъ естества; фантазія перестаетъ быть просвѣтляющимъ зеркаломъ великолѣпной дѣйствительности, напротивъ — душа больше оттѣсняется сама въ себя зрѣлищемъ напастей и неправдъ на бѣломъ свѣтѣ, и за тѣмъ, путемъ благочестія, справедливости, прилежанія и твердой надежды на могущество святой воли боговъ, выходитъ съ торжествомъ изъ-подъ невыносимаго гнета. Поэзія, черезъ это, принимаетъ практическое направленіе; она не вся уходитъ на усладу однимъ наглядным изображеніемъ, а обращается уже и къ думѣ, къ размышленію; она стано-

вится бѣднѣе и трезвѣе, но вмѣстѣ и задушевнѣе, да пріобрѣтаетъ сверхъ-того такое религіозное достоинство, которое дѣлаетъ ее столь же хорошимъ средствомъ народнаго образованія, какимъ была и гомеровская. Тутъ необходимо выступаетъ уже субъективность поэта; пѣснь внушаютъ ему вѣдь пережитые имъ самимъ горькіе опыты. Гезіодъ въ своихъ «Трудахъ и Дняхъ» разсказываетъ, что отецъ его отъ бѣдности ушелъ изъ эолійскаго города Кима въ Малой Азіи, и переселился въ Аскру, что въ Беотіи, гдѣ лиха зима, плохо лѣто, да и вообще хорошаго нѣтъ ни чего. Гезіодъ былъ мастеръ на пѣснопѣніе: при погребальныхъ играхъ царя Амфидама на островѣ Эвбеѣ онъ своимъ гимномъ заслужилъ призъ и посвятилъ за то треножникъ Музамъ на Геликонѣ. Родной братъ Персъ обидѣлъ его при дѣлежѣ наслѣдства, а жадные до подарковъ цари утвердили обидчика во владѣніи. Вотъ что собственно и внушило ему дальнѣйшія его пѣсни. Онъ устремляетъ помыслы души на божественный міропорядокъ, блюдущій право и правосудіе, и давшій твердый законъ естества, котораго человѣкъ долженъ держаться во всякой своей работѣ; провозвѣстіе этого двойного вѣчнаго устава придаетъ его пѣснѣ почти жреческое освященіе, а нравственныя его изреченія полны ядреной и вѣской народной мудрости. Но сочиненіе и органическая расчленовка его поэмы, этого древнѣйшаго эпоса вдумывающагося уже ума, слабы и неудачны, что въ свою очередь крайне затрудняетъ рѣшеніе, насколько она сохранилась въ первобытномъ видѣ, на сколько собственная рука автора и быть-можетъ не одна чужая распространили ее потомъ вставками.

Беотію заняли пришлые Арнейцы; обокъ съ царями и знатью, чьи поля обработывались военноплѣнными, стояло вольное земледѣльческое сословіе; но общественными дѣлами исключительно завѣдывали первые. Гезіодъ жилъ до водворенія аристократіи (725 г.) и послѣ Гомера; его стало-быть должно отнести къ 800 мъ годамъ или же къ самому началу лѣтосчисленія по олимпіадамъ. Это ни мало не исключаетъ для него возможности сообщить намъ относительно вѣрованій и правовъ многое такое, что по своей старобытности носитъ на себѣ догомеровскій характеръ; такъ-какъ среди описываемаго имъ земледѣльческаго быта въ Элладѣ патріархальный элементъ сохранился лучше нежели у подвижныхъ Іонійцевъ въ богатырскую ихъ эпоху, и притомъ еще въ новозанятой странѣ.

Ядро «Трудовъ и Дней» составляетъ такимъ образомъ двоякій увѣтъ, во-первыхъ царскимъ судьямъ — быть справедливыми, а во-вторыхъ своему брату поселянину — работать вмѣсто того чтобъ тягаться и спорить; и къ этому примыкаетъ потомъ картина трудовъ въ связи съ временами года,— землепашества, винодѣлія, судоходства; далѣе идетъ переборъ дней счастливыхъ и черныхъ; все это переплетено житейскими правилами въ пословицахъ и другими относительно религіозныхъ обрядовъ; вставлены наконецъ миѳы объ эпохахъ міра и о Промеѳеѣ.

Есть двоякаго рода борьба—такъ начинается поэма,—неподобный раздоръ, сутяжничество, и потомъ благотворное состязательство между собой художниковъ и рабочихъ. Убѣгай перваго, о Персъ, и держись всегда праваго пути дѣятельности! Какъ она нужна, мотивировано двумя упомянутыми миѳами. Что въ честь богамъ при жертвоприношеніи сожигаются жиръ и кости, а большая

часть жертвы, именно мясо, оставляется для людей, — этому давали тотъ прекрасный смыслъ, что жертвоприношеніе только символъ благородной преданности воли; да того же вѣдь хотѣлъ и самъ Зевсъ. Но оно могло бы пожалуй быть просто дѣломъ хитраго своекорыстія; въ этомъ-то именно смыслѣ Гезіодъ видитъ въ немъ обманъ со стороны Промеѳея, и говоритъ что въ наказаніе за то у людей отнятъ былъ огонь, но что Промеѳей похитилъ его снова. За тѣмъ создана «всѣмъ одаренная женщина», Пандора, и послана въ подарокъ людямъ; ее принялъ Эпимеѳей («Крѣпкій заднимъ умомъ»), братъ «Предусмотрителя», Промеѳея; и вотъ она сняла крышку съ сосуда, въ которомъ были заперты людскія заботы и страданія,—всѣ они вылетѣли вонъ, осталась одна надежда. Нѣсколько подробнѣе и не безъ нѣкоторыхъ отмѣнъ изложено то же самое въ Ѳеогоніи. Промеѳей, прикрывъ мясо и жиръ бычачьимъ сычугомъ и положивъ рядомъ съ ними костей и жиру, проситъ Зевса выбрать себѣ на жертву, что ему слюбится; Зевсъ за похищеніе огня приковываетъ его къ каменному столбу, и орелъ ежедневно терзаетъ ему печень, пока не выручилъ его изъ бѣды Ираклъ; люди же надѣлены женщиной Пандорою, олицетвореніемъ чарующей напасти: женщины изводятъ всякое добро, ни чего не производя сами, и только причиняя мужчинамъ бездну горя и заботъ. Въ поэмѣ «Труды и Дни» положена однако разница между негодною и разумною женщиной, и послѣдняя названа величайшимъ для насъ благомъ.

Въ картинѣ золотого вѣка Гезіодъ рисуетъ, согласно исконному преданію, райское состояніе беззаботнаго блаженства и богоугодной жизни, и говоритъ что люди этого времени обратились въ добрыхъ демоновъ обтекающихъ землю, охраняющихъ человѣка, блюдущихъ за правдою и неправдой, въ подателей всѣхъ возможныхъ благъ, которые, прикрывшись воздушной ризою, витаютъ изъ одной страны въ другую. Здѣсь продолжается еще то вѣрованіе въ духовъ, какое существовало въ первоарійскую эпоху; люди окружены парящими душами предковъ, которыя, будучи и искерва дѣтьми неба, сдѣлались теперь опять духами свѣта и воздуха, съ сохраненіемъ только своей нравственной природы. Такимъ образомъ они выходятъ чѣмъ-то среднимъ и посредствующимъ между богами и людьми, чѣмъ еще болѣе укрѣплялась вѣра въ то, что каждая душа есть нѣчто демоническое, что она причастна божеской природѣ и силѣ. Демоны, по корневому смыслу слова,—различающіе, разлагающіе, а также слѣдовательно урядающіе и вѣщіе; понятіе духа въ отличіе отъ природы Греки означаютъ словомъ демонъ, какъ Римляне — словомъ нуменъ (numen). Отчего и какъ покончился золотой вѣкъ, Гезіодъ не объясняетъ, а прямо ставитъ вслѣдъ за нимъ серебряный: поколѣніе его жило правда безъ труда въ чувственномъ довольствѣ, но зато изнѣжилось, зазналось и дошло до непочтенія къ богамъ, такъ что Зевсъ вскорѣ истребилъ его. Тогда онъ создалъ изъ крѣпкой ясени третье поколѣніе, называемое бронзовымъ или мѣднымъ, потому что вся утварь у него была бронзовая, да и сами люди были воинственны и жестки. Но они не знали еще ни желѣза, ни земледѣлія. Они погибли отъ своихъ собственныхъ рукъ, благодаря взаимной враждѣ и смертоубійству. Теперь живетъ желѣзное поколѣніе, которое уже знакомо съ желѣзомъ и должно производить всѣ тяжкія работы при его помощи; вездѣ царитъ право сильнаго, го-

сподствуетъ несправедливость, а вѣрность и стыдъ (совѣстливость) исчезли безъ слѣда;—поэтъ желалъ бы жить раньше или позже. Между мѣднымъ и желѣзнымъ вѣкомъ вставлены у него богатыри, благородные и справедливые герои, но они всѣ пали подъ Ѳивами и Троей и отошли за тѣмъ на блаженные острова.

Сказаніе о Промеѳеѣ считаю я здѣсь позднѣйшею приставкой; обзоромъ четырехъ вѣковъ міра хорошо бы овиисословливалась необходимость труда, если бы объ немъ шла рѣчь вслѣдъ за этимъ, но тутъ идетъ вдругъ обращеніе къ держащимъ судъ царямъ, чтобы они не полагались на одну свою силу, не кидались какъ ястребъ на растерзанье соловья, что такъ дѣлаютъ только животныя, а у людей право должно быть выше силы, такъ-какъ Зевсово всевидящее око блюдетъ міръ, и такъ-какъ дѣлая зло другимъ, мы наносимъ его самимъ себѣ: за кривдой слѣдуетъ напасть, а за правдой—всякое преуспѣяніе. Поэтому и Персъ обязанъ держаться правды. Ко злу ведетъ короткій путь нечестія, а по дорогѣ къ добродѣтели положено богами вдоволь пота, и тропа къ ней въ началѣ очень трудна, но на высотѣ становится гораздо легче. Лѣнь прямо ненавистна богамъ, а трудъ—угодное имъ дѣло, и наградой ему служитъ благосостояніе. Люди должны чисто и цѣломудренно приносить богамъ жертвы, блюсти доброе сосѣдство между собою, навѣщать другъ друга и оказывать взаимную помощь, помня что порядокъ всегда лучше безрядицы. Этимъ держится доброе домостроеніе, а прилежаніемъ спорится всякое дѣло.

Далѣе идетъ наставленіе о томъ, какъ работы селянина должны приноравливаться къ порядку природы, къ чередѣ годовыхъ временъ. Картины вообще умѣренны, онѣ вырисовываются немногими наглядными чертами: крикъ журавля изъ-подъ облаковъ возвѣщаетъ пору посѣва, но еще и первый зовъ кукушки изъ-подъ зеленѣющей листвы дуба можетъ принесть счастье запоздалому пахарю. Всего подробнѣе описана зима, при чемъ кажется слѣдуетъ допустить не мало позднѣйшихъ прибавокъ. Утренняя пора ставится для работы самой благопріятною; когда же въ полдень затянетъ трескучую свою пѣсню кузнечикъ, хорошо отыскать тѣнистую скалу, и тамъ кубкомъ добраго вина освѣжить себѣ душу. Потомъ говорится о винодѣліи и о судоходствѣ ради обмѣна добытыхъ произведеній. Далѣе идутъ хорошіе совѣты насчетъ брака и семейной жизни, а за тѣмъ поэтъ переходитъ къ многоразличнымъ обрядамъ, которые напоминаютъ намъ какъ еще и въ Индіи патріархальные нравы и обычаи были до послѣдней мелочи и съ крайнимъ притомъ суевѣріемъ разработаны и отверждены въ правилахъ жреческихъ уставовъ. Утромъ нельзя возливать богамъ вино, не умывши напередъ рукъ начисто; за трапезой не должно стричь ногтей, не слѣдуетъ ни чѣмъ осквернять источниковъ, не слѣдуетъ никогда мочиться ночью, и т. д. Къ этому присоединенъ перечетъ дней, особенно счастливыхъ для разныхъ предпріятій. Человѣкъ, соблюдающій всѣ эти обрядности, ведетъ себя похвально и остается неповиненъ передъ лицомъ боговъ.

Поэма эта изображаетъ стало-быть земледѣльческую культуру внутреннихъ частей Греціи, и въ глазахъ ея доблесть или добродѣтель уже не радостное удовлетвореніе природныхъ побудовъ, а напротивъ трудъ и борьба, но вмѣстѣ и торжество надъ житейскимъ горемъ-нуждою, при чемъ надежною опорой

труженику служатъ справедливость и богобоязненность. Это именно поднятіе угнетенной души, это провозвѣстіе божественнаго міропорядка, правящаго и природой и человѣчествомъ, вызвали у поэта его пѣсню; и хотя она не удалась ему въ смыслѣ органическаго цѣлаго, все же однако надобно сказать, что личное и частное хорошо связано въ ней со всеобщимъ, а послѣднее оживлено и онагляжено этой связью своей съ тѣмъ. Гомеръ — поэтъ свѣтско-рыцарскій, Гезіодъ—жреце-мужицкій. Вотъ почему и могло примкнуть къ его имени то жреческое стихотворство, которое воздѣлывалось служеніемъ музамъ Геликона.

Вмѣстѣ съ родами свѣтской знати и многія семьи жрецовъ въ древней Греціи вели свое происхожденіе отъ боговъ и героевъ; онѣ хранили религіозныя преданія въ ихъ первобытно-поэтическихъ формахъ, они славили родоначальниковъ и старались внести порядокъ и связь въ разнообразные облики и миѳы боговъ и героевъ. Они стали размышлять о томъ, какъ все возникаетъ и за тѣмъ проходитъ, о первопричинѣ бытія и о путяхъ жизнеразвитія; но они размышляли еще миѳологистически, съ помощію однихъ образовъ, а не посредствомъ понятій; если же гдѣ и возникали у нихъ понятія, то они сейчасъ же принимались за реальныя существа и, разумѣется, олицетворялись. Накопилась бездна мѣстныхъ сказаній и мѣстныхъ культовъ; надо было выдѣлить изъ этого то, что могло почесться общезначительнымъ, полносильнымъ для всего сплошь народа, надо было внести въ это многоразличіе какую-нибудь единительную связь. Если вначалѣ божественный элементъ преимущественно усматривался въ явленіяхъ внѣшней природы, то со времени дорійскаго нашествія и возникнувшихъ тогда богатырскихъ пѣсень постигли вышнюю эту силу въ судьбахъ самихъ людей и даже придали ей вполнѣ-человѣчный отпечатокъ. Индѣ, какъ напримѣръ у Зевса или у Аѳины, новое содержаніе и новая форма развились органически изъ первоначальной основы; но часто новая идея подъ новымъ именемъ получала и самостоятельный вмѣстѣ видъ, сохранявшій правда какъ бы нѣчто общее съ первобытнымъ, но послѣдній все же оставался при этомъ въ сторонѣ или по крайней отступалъ на задній планъ передъ своимъ преемникомъ. Такъ Аполлонъ сдѣлался духовнымъ богомъ, вѣщимъ, примиряющимъ, вождемъ музъ; въ немъ уцѣлѣло еще воспоминаніе о свѣтѣ и веснѣ; но если первоначально онъ прямо назывался также солнцемъ или «ходящимъ надъ нами богомъ», то теперь Геліосъ и Гиперіонъ принимались уже за особую отъ него личность. Послѣ того какъ самъ народъ борьбою положилъ основу своей настоящей исторической жизни, послѣ того какъ онъ достигъ сознанія, что и благоустройство міра зависитъ отъ обузданія непомѣрныхъ силъ, всегда готовыхъ опять вновь прорваться землетрясеніями и бурями, — старозавѣтный естественный миѳъ о борьбѣ свѣтлыхъ боговъ съ силами тьмы обратился теперь въ сказаніе о томъ, какъ новѣйшіе, духовные, человѣчные боги утвердили свое владычество преодолѣніемъ Титановъ, въ которыхъ таятся отчасти прежнія естественныя божества, только ниспровергнутыя или отодвинутыя на задній планъ продолжительною духовною работой, при переворотѣ, постепенно измѣнившемъ народное чувство и воззрѣніе; торжество высшей культуры стало въ миѳѣ торжествомъ покровительныхъ ей боговъ, которые благодаря ей же собственно и снискали свою форму, выработались въ своемъ характерѣ.

Все это покончено еще до Гомера. Однакожь и онъ называетъ Зевса отцомъ боговъ и людей, и когда Плеяды пѣли въ Додонѣ: Зевсъ былъ, есть и будетъ, то этимъ онѣ прилагали ему вѣчность, да тотъ же самый смыслъ лежитъ также въ еврейскомъ имени Іагве (Сый) и въ египетскомъ н у к-п у н у к ъ, то-есть: я есмь тотъ кто есть, которое придается верховному божеству въ Книгѣ Мертвыхъ. Нуженъ былъ геніальный взглядъ Велькера, чтобы открыть этотъ же опять смыслъ и въ имени Кроніонъ, которое искони, да обыкновенно еще и у Гомера, употреблялось или въ связи съ Зевсовымъ или на его мѣсто. Кроносъ (Хроносъ)—время, Кроніонъ — сынъ времени; Велькеръ беретъ это въ такомъ же значеніи, въ какомъ, говоря о сынахъ мудрости или коварства, мы просто разумѣемъ мудрыхъ или коварныхъ; восточная рѣчь въ особенности, какъ впрочемъ и народный поэтическій языкъ вообще, зачастую выражаютъ то либо другое свойство отцомъ или матерью, то-есть присущее именуютъ прирожденнымъ. Всегда длящееся время Эллины не различаютъ отъ вѣчности. «Имя Кроніонъ, говоритъ Велькеръ, ста«рѣе всего дошедшаго до насъ отъ греческой древности, въ немъ сохранился «исконный завѣтъ прошлаго, оно звучало наподобіе кабаллистическаго Эль«Оламъ, «Ветхій Денми» (Даніилъ 7, 13 и 9, 22), то-есть довре́менный, «предвѣчный богъ, таинственный источникъ всего сущаго, котораго и Тер«пандръ воспѣваетъ въ словахъ: Зевсъ, всему начало и всему вершина».— Уже и въ Ведахъ богъ небесъ названъ мудрымъ сыномъ времени, и толкуется это въ смыслѣ вѣчно длящагося его существа. Прозвище: сынъ вѣчности, Кроніонъ, присовокупляетъ свойство всегдашняго бытія къ имени Зевса,— первоначально лишь свѣтлаго, всеобъемлющаго неба. Въ этой безконечности своей чествуется онъ также еще какъ морской и какъ хѳоническій Зевсъ, то-есть владыка преисподней или, точнѣе, владыка Земли, пріемницы всѣхъ усопшихъ, но вмѣстѣ и породительницы изъ нѣдръ своихъ всякой жизни, всѣхъ возможныхъ богатствъ. Вотъ почему одинъ древній кумиръ Аргосской твердыни представлялъ Зевса треглазымъ (Зевсъ-Тріопасъ), верховнымъ блюстителемъ всѣхъ трехъ царствъ (неба, земли съ ея нѣдрами, и моря съ его пучиной). Но когда пріобрѣли самостоятельность Посейдонъ и Гадесъ, тогда изъ Кроніона выдѣлился также особо и Кронъ, въ качествѣ бога времени. Онъ все ведетъ къ созрѣву, онъ богъ жатвъ: отъ этого серпъ является его принадлежностью; но онъ же вѣдь и тотъ солнечный зной, отъ котораго все зрѣетъ: вотъ почему въ Критѣ онъ совпалъ съ финикійскимъ Молохомъ, и въ служеніе ему перешли нѣкоторые элементы отъ послѣдняго. Изъ восточнаго миѳа рожденіе и смерть были перенесены здѣсь на небожителей, и если праздновали не одно только рожденіе Аполлона, но и вообще дни рожденія всѣхъ дѣтей Зевсовыхъ, боговъ, то для Критянъ точно такъ же рождался и умиралъ самъ Зевсъ, — умиралъ для того чтобы возродиться снова. Нельзя однако допустить, чтобы Греки сначала почитали верховнымъ божествомъ Урана, за тѣмъ нѣкоторое время—Кроноса, и только уже послѣ — Зевса; Зевсъ, лучезарный богъ неба, былъ вѣдь всеобщимъ богомъ и въ первоарійскія еще времена, онъ былъ имъ съ самаго начала и для Эллиновъ, тогда какъ Уранъ и Кроносъ получили свое значеніе только уже изъ его сущности и собственно изъ-за него, бывъ приданы заднимъ числомъ ему въ предки. Если и говорить о преемственности въ поли-

теизмѣ, то развѣ въ томъ только смыслѣ, что культъ извѣстныхъ боговъ былъ сравнительно болѣе общепризнанъ, въ большемъ почетѣ у тѣхъ или другихъ лицъ и племенъ, смотря по субъективнымъ отношеніямъ ихъ жизненной обстановки. Такъ дорійская культура до персидскихъ войнъ преимущественно связана съ Аполлономъ, а аѳинское образованіе со временъ Солона примкнуло къ Аѳинѣ; Діонизъ возвеличенъ въ мистеріяхъ и въ драмѣ, тогда какъ онъ остается почти невѣдомымъ эпосу. Главнымъ дѣломъ Кроноса былъ праздникъ жатвы, день истиннаго раздолья, когда и чернорабочій допускался до равенства съ хозяиномъ: не мудрено что изъ одушевителя строгопатріархальныхъ отношеній онъ сдѣлался потомъ божествомъ райской поры Золотого Вѣка. Я вполнѣ согласенъ съ Аристотелемъ, что у древнихъ эллинскихъ поэтовъ верховнымъ и велевластнымъ существомъ являются не такіе первичные элементы какъ Ночь, Уранъ, Хаосъ или Океанъ, а именно Зевсъ; первое порождающее начало было для нихъ и высшимъ, и вмѣстѣ лучшимъ. Сотвореніе міра мыслію и волей независимаго отъ природы духа было, правда, неизвѣстно Эллинамъ; духовный элементъ открывался имъ въ своей дѣятельности только заодно и вмѣстѣ съ естественной его основой, а не то чтобы онъ выходилъ изъ нея только уже какъ нѣчто позднѣйшее. Вотъ почему космогонія Ферекида кажется мнѣ прямо эллинской: Зевсъ, какъ первичное начало стоитъ въ ней во главѣ всего міроздательства; время и земное вещество — у него подъ рукой; онъ раздѣляетъ твердь отъ влаги и превращается въ Эроса, въ единящую любовь, для того чтобы дать богамъ и міру ихъ обличіе.

Безспорно, и уму Грековъ сама собой представлялась та мысль, что всякое конечное рожденіе идетъ изъ мрака къ свѣту, всякое развитіе — отъ несовершенства къ совершенству; но дѣло въ томъ что съ міромъ тѣсно соединялись для нихъ сами боги, а потому жреческое умозрѣніе видѣло и въ нихъ живую череду такихъ же постепенныхъ улучшеній. Боги являлись Грекамъ мірозиждущими силами, космогоническій элементъ шелъ нераздѣльно съ ѳеогоническимъ: «боги и смертные люди отъ единаго вышли всѣ корня», говоритъ Гезіодъ. Надо впрочемъ сказать, что космогеніи и ѳеогеніи въ древности впервые были выработаны Финикійцами, и подобно тому какъ нѣкоторыя божескія существа перешли изъ языческаго Симитства въ религію Эллиновъ, такъ точно развилась подъ его вліяніемъ и исторія боговъ у Гезіода. Но дѣйствительно ли самъ авторъ «Трудовъ и Дней» сочинилъ эту миѳологическую поэму, или же она была примкнута къ его имени школой жреческихъ пѣвцовъ, процвѣтавшей у Геликона? составлена ли она изъ первоначально-разныхъ частей, или впослѣдствіи распространена добавками? рѣшить это останется навсегда трудною задачей.

Вступленіе начинаетъ похвалою Музамъ, разсказываетъ какъ съ Олимпа перешли онѣ на Геликонъ, какъ призвали Гезіода къ поэзіи, и всячески ихъ прославляетъ; очевидно что передъ нами здѣсь собраніе гимновъ, а не одна отдѣльная какая-нибудь пѣснь. Въ милѣйшемъ между собой согласіи повѣдываютъ музы о прошломъ, настоящемъ и будущемъ, и храмина могучаго громовержца отзывается свѣтлою улыбкой на эти звуки, развертывающіеся нѣжно и мягко какъ молодыя лиліи. А вздумаютъ онѣ почтить кого-либо

изъ смертныхъ владыкъ, на кого привѣтно взглянули при рожденіи, у того такъ и закаплетъ съ языка медвяная роса, для всего найдетъ онъ тотчасъ же мѣткое слово, и обо всемъ разсудитъ по справедливости. Милостію Музъ странствуютъ пѣвцы изъ края въ край. И если у кого уязвленная душа поетъ скорбію, а пѣвецъ станетъ при немъ славить подвиги богатырей и боговъ Олимпа, то благоволеніе небожителей повернетъ омраченное горемъ сердце, и какъ-разъ забудетъ оно печаль свою.

Собственно поэма открывается тѣмъ, что сперва-наперво былъ хаосъ, зіяющая пучина, безразличная основа бытія и развитія; отсюда возникла широкогрудая Земля, твердое сѣдалище всего сущаго, а въ глубинахъ ея— бездна, темный Тартаръ, но вмѣстѣ возникъ позывъ и духъ любви, прекраснѣйшій изо всѣхъ боговъ, Эросъ. Вѣроятно, любовь, какъ зиждущее начало жизни, славилась въ богослужебныхъ гимнахъ Эросу, чествуемому въ Ѳеспіи. Изъ хаоса родилась мгла бездны и ночь, простершаяся надъ Землею; отъ сочетанія ихъ произошли эѳиръ и день: то-есть свѣтъ выходитъ изъ мрака. Земля сама родитъ себѣ небо, чтобъ было чему обнять ее, родитъ горы и глубь морскую. Земля и Небо, Уранъ и Гея,—боги первобытнаго времени; Зевсъ и Діона — боги Пелазговъ. Индійскій Варуна одноименецъ съ греческимъ Ураномъ; надо поэтому полагать, что еще до раздѣла Эллиновъ съ Индійцами небо, какъ «всеобымецъ», отрѣшилось отъ Зевса, бога свѣта и грозы. Дѣтьми Неба и Земли Гезіодъ называетъ Титановъ, страшныя природныя могуты, стремящіяся къ опредѣленному складу или видообразованію, которыя сначала выходятъ наружу, а потомъ опять замыкаются въ нутро земли, пока не наступилъ наконецъ правильный кругооборотъ всего сущаго, когда господствомъ овладѣлъ младшій изъ Титановъ, Кроносъ. Между Титанами встрѣчаемъ мы Океана и Ѳемиду, властвующихъ надъ прѣсной плодотворною водой, отъ которыхъ подымается дождикъ, но, падая опять съ высоты, питаетъ ключи и потоки, а большими рѣками возвращается къ своему первоисточнику; тутъ же мы видимъ и свѣточи неба, отъ которыхъ произошли солнце, мѣсяцъ и денница. Далѣе, дѣтьми Урана и Геи называются сторукіе Гиганты, олицетворенія морскихъ буруновъ, и Киклопы, которыхъ имена: Молнія, Громъ, Вшибъ, обличаютъ въ нихъ грозовыя силы; первоначально были это вѣроятно солнечные великаны, съ однимъ солнцемъ во лбу вмѣсто двухъ глазъ; небесная грозовая кузница впослѣдствіи перенесена въ огнедышащія горы. Чрезмѣрные потуги первобытнаго міра на производительность должны же были уняться, чтобы дать наконецъ мѣсто болѣе стройному порядку вещей. Этотъ переходъ изображается на восточный ладъ обезмуженіемъ (оскопленіемъ) Урана. Гея снабжаетъ Кроноса мѣднымъ серпомъ, и когда Уранъ, приведя Ночь, любовно расположился съ Геею на брачномъ ложѣ, Кроносъ вдругъ выскочилъ изъ своего потайника, урѣзалъ отцу мошонку и далеко ее забросилъ. «Есть извѣстное величіе «именно въ томъ, что безпощадная и беззастѣнчивая, но строгая вмѣстѣ дикость поэмы, не отступающая и передъ величайшимъ ужасомъ, про«думана такъ полно и глубоко, и выражена съ такой грубой прямизною; въ «Гезіодовой Ѳеогоніи предстаютъ намъ какъ бы первыя движенія тѣхъ «исполинскихъ фигуръ, которымъ суждено было выработаться впослѣдствіи «до ужасающей красоты древняго стиля въ трагическомъ искусствѣ».

(Фридрихъ Шлегель). Изъ капель злодѣйски пролитой крови возникли духи мести, Эринніи, а брошенный въ море членъ Урана покрывается бѣлой пѣною, и изъ волнъ выходитъ опѣненная Афродита, въ сопровожденіи Эроса и Гимероса, любви и страстнаго вожделѣнья. И у Гомера эта кипрская богиня включена уже въ сонмъ боговъ, но только въ качествѣ дочери Зевса отъ Діоны.

Теперь, когда Эринніи внесли въ міръ олицетворенное проклятіе, въ свою очередь и Ночь порождаетъ изъ темнаго своего лона неизбѣжный жребій, тихую смерть, сонъ и грезы, позоръ и злосчастіе, старость, обманъ и раздоръ, а также богинь судьбы, Мойръ или Парокъ, и Немезиду, силу мѣры, всѣхъ одѣляющую поровну. Понятія и естественныя силы стоятъ здѣсь олицетворенныя рядомъ, бокъ-о-бокъ: тутъ есть и боги, чествуемые культомъ, и простыя олицетворенія жреческихъ помысловъ и думъ; такъ въ числѣ Титановъ находимъ мы и Мнемозину, воспоминаніе, и Ѳемиду, правоучрежденіе. А въ число дѣтей раздора, Эриды, поставлены голодъ, тяжкій трудъ, скорбь, измѣна, убійство и наконецъ клятва. Рядомъ съ этимъ морская пучина, Понтъ, порождаетъ Нерея, а у него опять дочери Нереиды, дѣвы волнъ, чьи имена, здѣсь точно такъ же какъ и у Гомера, выражаютъ въ милѣйшихъ, просвѣтляющихъ звукахъ веселую, шумно-подвижную, блестящую морскую жизнь, охватывающую всѣ побережья. Но и ужасы моря въ свою очередь находятъ себѣ олицетвореніе, а вслѣдъ за ними идетъ племя чудищъ, съ которымъ неустанно бьются такіе чудо-богатыри, какъ Ираклъ и Персей. Стиксъ, то-есть именно вода, что сочится въ нѣдрахъ горъ, всегда пробираясь въ глубь, къ центру, и Палладъ-вѣятель совокупляются какъ силы тяготѣнія и верженья, для того чтобъ породить присущія Зевсу крѣпость и мощь. — Подробно описанный праздникъ Гекаты по всей вѣроятности — вставка позднѣйшихъ Орфиковъ; Геката—богиня луны, сродственная Артемидѣ, дальнометкая; имя это пріурочиваетъ ее къ богу солнца, Фебу. Она слыветъ единственной дочерью свѣтлаго титана, Перса, и звѣздной ночи, Астеріи; она властвуетъ въ небѣ, на морѣ и на землѣ, въ совѣтѣ, на судѣ и въ битвѣ; она благотворна корабельщикамъ и пастухамъ и покровительствуетъ дѣтямъ: очевидно, ея почитатели возводятъ ее во всевластную богиню судьбы.

Кроносъ вступаетъ въ брачный союзъ съ Реею; по соединеніи съ нимъ этой естественной богини Малоазійцевъ, Гестія, Деметра, Гера, Гадесъ, Посейдонъ и Зевсъ становятся дѣтьми новой четы. Но Кроносъ пожиралъ ихъ какъ только они рождались, и лишь на мѣсто Зевса успѣли ловко подложить ему камень. Чадородный и чадоѣдный Кроносъ является образомъ кругооборота природы и времени. Превыше его сталъ духъ, владыка духовной жизни въ ея существенномъ составѣ и прогрессивномъ развитіи, — именно Зевсъ, на чью сторону и перешли теперь отчасти прежніе боги; съ остальными же пришлось вести ужасную борьбу, заключившуюся торжествомъ Олимпійцевъ; побѣжденные Титаны были заперты въ глубокое нутро земли, въ темный Тартаръ, гдѣ корень и конецъ всему сущему. При описаніи борьбы Гезіодъ обнаруживаетъ мало искусства въ богатырской поэзіи; это какая-то дикая сумятица землетрясеній, грозъ и бурь, безъ всякой ясно-величавой обформки.

Нагляднѣе картина битвы Зевса съ Тифеемъ, въ которомъ олицетворенъ волканъ: сто драконьихъ головъ съ сверкающими глазами и облизывающимися языками, ревутъ и воютъ около чудовища, которое, изрыгая пламя, зажгло бы непремѣнно и землю и небесный сводъ, не разгроми его Зевсъ своей молніей; еще и отъ издыхавшаго лилась огненная рѣка, какъ потокъ расплавленнаго металла.

Передъ битвою боговъ упоминается о Титанѣ Япетѣ, который именемъ такъ близко подходитъ къ Яфету, библейскому праотцу Арійцевъ; съ одною изъ дочерей Океана порождаетъ онъ двѣ братскія четы,—Атласа съ Менётіемъ, то-есть страстотерпца и строптивца, да Промеѳея съ Эпимеѳеемъ, то-есть обдумывающаго заранѣе и надумывающагося послѣ. Въ нихъ довольно ясно символизованы противоположности людскихъ характеровъ со стороны воли и ума.

Побѣдоносные боги предлагаютъ у Гезіода верховную власть Зевсу, а онъ мудро распредѣляетъ между ними ихъ обязанности и подобающій каждому почетъ. За тѣмъ снова придается ему цѣлая вереница божествъ въ сыновья и дочери; порожденіемъ ихъ онъ на дѣлѣ раскрываетъ свою собственную идею и становится учредителемъ какъ естественнаго, такъ и нравственнаго міропорядка. Онъ вступаетъ въ бракъ съ Метидой, мудростью, которую всю принимаетъ потомъ въ свои нѣдра, и только благодаря этому различаетъ наконецъ добро отъ зла. Далѣе брачится онъ съ Ѳемидой, правоучрежденіемъ, а она родитъ ему трехъ Горъ,—Эвномію (благочиніе), Дике (справедливость), Ирину (миръ); онѣ представляютъ собой порядокъ въ природѣ, храня череду часовъ и годовыхъ временъ, но онѣ же ведутъ къ преуспѣянію и все духовное. Ѳемида родитъ ему далѣе Мойръ или Паркъ, хотя онѣ прежде и названы дочерями Ночи; онѣ блюдутъ людскіе жребіи и прядутъ нити нашей судьбы. Въ третій разъ Зевсъ сочетался съ Эвриномою, дальневластною, повадливою дочерью Моря, и отъ этой связи божескаго духа съ неистощимымъ обиліемъ природы произошли Хариты, Граціи, которыя, услаждаясь сами окружающимъ ихъ радушнымъ привѣтомъ и обаяніемъ, охотно надѣляютъ этими дарами и земной міръ; блескъ, веселость, цвѣтущая жизнь (Аглая, Эвфросина, Талія), — въ этихъ именахъ высказывается и существо ихъ и ихъ дѣятельность, которая вся проходитъ въ переливахъ звука и блеска по зыбкимъ волнамъ эѳира и воздуха, лелѣя каждый зародышъ жизни и прекрасно возводя его къ свободному разросту. Деметра, мать-земля, даритъ Зевсу дочь Персефону, которая становится супругой бога преисподней, и слѣдовательно далеко уходитъ отъ родителей, но ежегодно празднуетъ свое возвращеніе одѣвая природу въ цвѣтистый уборъ весны. Зевсъ соединяется потомъ съ Мнемозиной, съ памятью, или съ самохранительной духовной силой воспоминанья, на которой основаны вѣдь всякая связь сознанія, всякій прогрессъ, все историческое вообще; она-то и становится матерью музъ, создательницъ и владычицъ искусства, науки, любого духовнаго наслажденія. Съ Латоной, сокровенною, то-есть съ темной ночью, Зевсъ порождаетъ еще Аполлона и Артемиду, которые, подобно солнцу и мѣсяцу, въ братскомъ союзѣ освѣщаютъ день и ночь, какъ духовные свѣтоносцы новой эпохи міра. Въ постоянный бракъ Зевсъ вступаетъ

съ Герою, которая уже вѣдь изначала стоитъ обокъ съ небеснымъ владыкой какъ богиня Земли и всего ея великолѣпія; онъ — теперь творческій духъ, входящій въ лоно природы, всегда присущій ей, но въ то же время и самобытно надъ нею властный. Гера—блюстительница супружеской вѣрности и всѣхъ неразлучныхъ съ нею благъ; Геба, богиня вѣчной юности, Аресъ, богъ битвъ,—ея дѣти. Изъ головы Зевса, проглотившаго Метиду *, родилась Паллада Аѳина, воинственная богиня мудрости и изобрѣтательности, олицетвореніе дѣятельной уже мысли. Сыномъ Зевса и Маіи, чье имя напоминаетъ магію, или обаятельныя чары воображенья, былъ Гермесъ или Эрмій, пекущійся объ индивидуальномъ благѣ всѣхъ людей, гонецъ боговъ снующій между небомъ и землею на посылкахъ, пастырь душъ человѣческихъ и въ жизни и по смерти. Наконецъ, отъ Семелы родился Зевсу увеселитель Діонизъ, богъ вина, а также возбуждаемаго имъ въ сердцѣ одушевленія и просвѣтленія природы; а отъ Алкмены — Ираклъ, настоящее подобіе отца на землѣ, богатырь, завоевавшій себѣ добровольной службою мѣсто на Олимпѣ, гдѣ сочетаютъ его съ богиней юности, и онъ проводитъ блаженные дни, великій даже и между богами.

Такимъ образомъ весь сонмъ божествъ, выработанный въ теченіе вѣковъ и въ разныхъ мѣстахъ фантазіею Грековъ изъ единства божеской идеи и изъ обилія физическихъ и нравственныхъ явленій жизни, былъ опять соединенъ съ первоединымъ, какъ ихъ общимъ владыкою и отцомъ. Гезіодъ говоритъ также о богиняхъ, которыя сочетались смертнымъ и породили отъ нихъ героевъ. Ему сверхъ-того приписывали еще одну поэму, славившую тѣхъ смертныхъ женъ, которыя, благодаря любви къ нимъ боговъ, въ свою очередь дали жизнь героямъ. Поэма эта, произведеніе его преемниковъ, называлась Эойе по начальнымъ словамъ разныхъ ея отдѣловъ, которые всѣ начинались со словъ ἢ οἵη (то-есть: или какъ); напримѣръ: Особенно славны такія женщины, какъ Алкмена, или какъ Антіопа, или какъ Коронида. Гезіоду же приписывали небольшія эпическія картины, въ родѣ свадьбы Пелея съ Ѳетидою. До насъ дошла одна такая пѣснь — о борьбѣ Кикна съ Иракломъ, извѣстная по вставленному въ нее описанію Ираклова щита, явно въ подражаніе прекрасному мѣсту объ Ахилловомъ щитѣ въ Иліадѣ, съ тою однакожъ разницей, что у Гомера видимъ свободное творчество фантазіи, а гораздо позднѣйшій поэтъ просто держится за наличную дѣйствительность и упоминаетъ только о такихъ украшеніяхъ, какія сплошь изображались тогда греческими художниками на вазахъ или въ бронзовыхъ рельефахъ.

Гезіодъ вездѣ трезвѣе и поучительнѣе Гомера; сочиненія его, въ томъ видѣ какъ они сохранились, со стороны формы очень не равны, и вообще не столько важны для насъ поэтическимъ изяществомъ, сколько глубиной и обиліемъ содержанья относительно религіи, нравовъ и житейской мудрости; Греки завершаютъ имъ кругъ своей эпической поэзіи, присоединяя къ эпосу дѣла и подвига эпосъ мысли или вдумчиваго соображенія.

И Гомеръ и Гезіодъ, оба вѣруютъ въ нравственный міропорядокъ. Зевсъ

---

* Мудрость еще недѣятельную, или скорѣе только еще праздную силу мудрости.

не связанъ у нихъ слѣпымъ рокомъ; онъ самъ установилъ въ мірѣ законъ и самъ его поддерживаетъ; судьба же—то и есть, что имъ суждено, во всемъ совершаются его предопредѣленіе и воля. Немезида — эллинское названіе божественнаго распорядка, та сила мѣры, которая каждому даетъ подобающій удѣлъ. Въ сердцѣ человѣка отражается она священной робостью, богобоязнію, охраняющей его отъ гордыни, но оставляющей ему въ бѣдѣ и горѣ надежду на лучшее и упованіе на справедливость божества. Только благодать нравственной силы, для которой Немезида становится средоточіемъ внутренняго богосознанія и которая по тому самому видитъ въ совѣсти основу всякой вѣры, — только эта высшая благодать и могла раскрыть передъ Эллиномъ его эпосъ и его драму, могла довесть и ту и другую въ его рукахъ до такого изящнаго совершенства. На это Бунзенъ справедливо обратилъ вниманіе. Нравственная сила вдохновляла и оспособливала Грека найдти тайну красоты, возможной лишь для чистѣйшаго чувства мѣры. Эта же строгомѣрная сдержанность дозволила ему учредить и отстоять свою гражданскую свободу.

АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА. ОЛИМПІЯ И ДЕЛЬФЫ.

Многовластіе не доброе дѣло, пѣлъ Гомеръ, да будетъ одинъ владыкой. Ратные походы, переселенія, которыми разныя племена насильно добыли себѣ новыя жилища,—все это возвысило и укрѣпило власть вождей, первенствовавшихъ смѣтливымъ умомъ, храбростью и богатствомъ; однако они оставались еще въ живой связи съ народной общиной, съ вѣчемъ, и около нихъ стоялъ кругъ знатныхъ людей, также отличавшихся богатствомъ и воинской доблестью. При покореніи какой-нибудь новой земли, царь раздавалъ лучшее добро своей дружинѣ, а не то и все прежнее населеніе ставилось въ крѣпостное или же оброчное отношеніе къ завоевателямъ; покоренные должны были работать на господъ, а тѣ, благодаря этому, пріобрѣтали досугъ для тѣлеснаго и духовнаго развитія и для занятій общественными дѣлами. Царь ни чего не могъ предпринять помимо ихъ, и какъ владѣніе его было невелико, то нельзя ему было опереться на другія области, да не существовало притомъ и жречества, которое могло бы ему пособить, союзъ же съ крѣпостнымъ или оброчнымъ людомъ противъ знати былъ дѣломъ слишкомъ ненадежнымъ и рискованнымъ. Такимъ образомъ верховная власть перешла къ нѣсколькимъ знатнымъ родамъ, и мѣсто монархіи заступила мало по малу аристократія. Аристотель говоритъ: «Когда увеличилось число спо-«собныхъ, и по городамъ оказалось много такихъ людей, которые не усту-«пали (правителю) въ умѣлости, то они не могли уже переносить цар-«ской власти, а старались учредить общественную справу и установили сво-

«бодную республику». Послѣднимъ великимъ царемъ былъ Фейдонъ (Фидонъ) Аргосскій, который на короткое время поставилъ родной городъ свой во главѣ Пелопоннеза и ввелъ въ Греціи мѣру, монету и вѣсъ примѣнительно къ финикійскимъ (около 750 г.).

На Востокѣ, какъ и въ богатырскую эпоху вообще, государство было дѣломъ единовластителя; теперь, въ общественной, республиканской его формѣ, оно стало дѣломъ знатный людей, которые хотятъ жить не каждый самъ по себѣ, а въ свободномъ между собой союзѣ; ихъ было еще мало, да и государство не выходило за предѣлы города и волости, такъ что составлявшіе его люди знали другъ друга лично и дѣйствовали всѣ собща; цѣлое было невелико, но оно было дѣломъ совокупныхъ своихъ членовъ: на ихъ дѣятельность опирался весь составъ его и все дальнѣйшее развитіе; забота и трудъ на пользу отечества были правомъ и обязанностью всѣхъ значительныхъ людей, которые не предавались одному лишь наслажденію своимъ достаткомъ, но находили нравственную пищу для своихъ практическихъ стремленій въ попеченіи о благѣ общественномъ.

Міросозерцаніе Эллиновъ оставалось эстетическимъ и здѣсь, въ томъ именно отношеніи, что они вовсе не различали благородства мыслей и чувствъ отъ благородства крови, и думали что знатное происхожденіе прямо ведетъ за собой тѣлесную крѣпость, а послѣдняя неразрывно связана съ прекрасною душой. Съ свойственнымъ имъ добромысліемъ они тотчасъ же и выставили себѣ это нравственною задачей: благорожденный человѣкъ долженъ на дѣлѣ осуществить то, что заложено въ немъ отъ природы, долженъ тѣлесной силою, мужествомъ, доблестью и великодушіемъ возвышаться надъ всѣмъ прочимъ рядовымъ людомъ; свободный отъ заботъ объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей, онъ долженъ весь посвящать себя государству, и стоять даже и въ глубинѣ души выше всего низкаго и пошлаго. Благороднымъ надлежало своей дѣятельностью вырабатывать и двигать государство. Если у поселянина, ремесленника и купца не было досуга посвятить себя республикѣ, если они не могли дать своимъ дѣтямъ нужнаго къ тому образованія, то послѣднее обязанъ былъ пріобрѣсть себѣ благородный, и свободу отъ матерьяльнаго труда обращать на пользу права и общаго благоденствія. Этотъ взглядъ правда и тутъ остался еще чисто внѣшнимъ, такъ какъ въ трудѣ изъ-за наживы или платы Греки видѣли нѣчто унизительное, полагая что онъ невольно прививаетъ душѣ корысть и обрекаетъ ее на служеніе низкимъ, земнымъ цѣлямъ. Благородный же, думали они, долженъ устремлять взоръ къ богамъ; ему не слѣдъ ограничиваться однимъ ратнымъ дѣламъ, онъ долженъ заявлять свое благородство успѣхами на всѣхъ поприщахъ свободной (безмездной) дѣятельности и находить мѣру и назначеніе своей воли въ отдачѣ себя цѣлому. Вотъ почему и воспитывали его въ богобоязни. Но боги были не не отъ міра сего, не таковы чтобы для приближенія къ нимъ надлежало отречься отъ всего мірского и умертвить въ себѣ чувственность; напротивъ они нѣдрились и царили въ мірѣ всѣмъ своимъ существомъ, и человѣкъ могъ уподобиться имъ только раскрывая повозможности свою природу для жизни полномѣрной и полносильной. Пѣніе и музыка должны были настроивать душу его къ порядку и гармоніи; богатыри ста-

раго времени сдѣлались нравственными образцами для настоящей эпохи. Каждому юношѣ надлежало не только мастерски владѣть оружіемъ, но и вообще сдѣлать свое тѣло вполнѣ соотвѣтственнымъ выраженіемъ души; для этого въ гимназіяхъ постепенно упражняли его въ напругѣ силъ, въ быстротѣ, въ ловкости, вырабатывая всѣ стороны физической его природы, чтобы она была готовымъ всегда орудіемъ воли, да вмѣстѣ изящна и сама въ себѣ. Въ прекрасномъ тѣлѣ, по мнѣнію Эллиновъ, должна была проявляться благородная душа; добръ и изященъ вмѣстѣ долженъ быть человѣкъ на всемъ раздольѣ своей духовной и чувственной жизни.

Особенно въ дорійскихъ волостяхъ процвѣтала эта аристократія души и тѣла, а здѣсь опять преимущественно и всего долѣе въ Спартѣ, что̀, разумѣется, отозвалось большей сравнительно жесткостью къ покореннымъ туземцамъ. Ликургъ положилъ тамъ конецъ внутренней усобицѣ съ удержаніемъ двухъ царскихъ родовъ, въ двоевластіи которыхъ уладилась борьба партій и вмѣстѣ была ограничена исключительность верховнаго единодержавія. Цари были военачальниками и предсѣдательствовали въ верховной думѣ, которую законодатель составилъ изъ тридцати родовыхъ старшинъ, а роды, въ свою очередь, были распредѣлены на три племенныхъ или поколѣнныхъ союза. Царь былъ связанъ мнѣніемъ старшинской думы или сената, но и послѣдній во всѣхъ важныхъ дѣлахъ долженъ былъ обращаться къ рѣшенію народнаго схода; такъ-какъ народу, то-есть здѣсь—совокупности всѣхъ знатныхъ, принадлежало право сходиться міромъ и рѣшать. Изъ блюстителей порядка и закона Эфоры постепенно сдѣлались настоящими вождями республики: ихъ выбирали изъ среды всѣхъ гражданъ. Какъ Ликургъ вообще не выдумалъ своихъ законовъ, а только привелъ въ ясный порядокъ и опредѣленныя правила дорійскій обычай и все то, къ чему пришли историческимъ путемъ, такъ точно и землю раздѣлилъ онъ не всѣмъ поровну, а скорѣе только ровнѣе распредѣлилъ родовые участки и оказалъ этимъ справедливость небогатымъ (многочленнымъ) родамъ. Дорійскіе завоеватели не могли жить въ покоренномъ краѣ порознь; имъ необходимо было сидѣть вмѣстѣ и силою оружія держать подвластныхъ въ повиновеніи. Городъ сохранялъ характеръ военнаго стана, изъ котораго онъ первоначально возникъ; одношатерники не разбивались и въ мирное время, держа по прежнему свои общіе столы (оставаясь однокашниками). Тѣлесными упражненіями спозаранку подготовляли всѣхъ мальчиковъ къ военному дѣлу; спозаранку пріучали каждаго изъ нихъ стоять за всѣхъ и всѣхъ за каждаго. Мѣсто богатырскаго единоборства на ратныхъ колесницахъ заступили здѣсь сомкнутые ряды щитоносныхъ копейщиковъ. Оттого, передъ выходомъ на битву, Спартанцы и приносили жертвы Эросу и Музамъ, да удержитъ богъ любви въ одномъ неразрывномъ строѣ братски-связанныхъ мужей и юношей, да напоминаютъ имъ богини пѣсней изреченія поэтовъ, да хранятъ онѣ въ войскѣ порядокъ и ритмъ движенія. И какъ гимназіи были настоящею военною школой, такъ сообразно этому и война пріобрѣла характеръ военной игры, карусельной потѣхи. Вмѣсто простыхъ плащей, изъ суровья, ратники надѣвали въ походъ красныя полукафтанья, огромный щитъ чистился на́свѣтло, шлемы украшались вѣнками, громко раздавалась музыка: желѣзу, какъ поетъ Алкманъ, дружно вторили сладкозвучныя киѳары. И какъ тѣломъ, такъ точно и душой, Спартанцы

всегда готовы были на битву; немногословная рѣчь ихъ отличалась полносмысленной и мѣткой краткостью.

Ликургъ поставилъ свое государство въ тѣсную связь съ Дельфами и Олимпіей, и обѣ эти мѣстности сдѣлались съ тѣхъ поръ средоточіями эллинской жизни, откуда двойная нить идеальнаго единства охватывала отдаленныя другъ отъ друга колѣна и города. Мы знаемъ, тамъ бывали состязанія пѣвцовъ и состязанія мужей въ борьбѣ и бѣгѣ, такія же, о какихъ при торжественныхъ случаяхъ говорятъ Иліада и Одиссейя. Состязанія эти были искони любы всѣмъ Эллинамъ, а теперь подъ владычествомъ дорійскаго побыта, они обратились въ постоянный, правильно уряженный обычай: на подготовкѣ къ нимъ основалось все воспитаніе, и строгая покорность уставамъ потѣшной борьбы сдѣлалась обязательной въ полномъ смыслѣ слова *. На берегу Алфея, въ укромной, обрамленной лѣсистыми холмами Олимпійской долинѣ, стоялъ Зевсовъ алтарь, гдѣ Элейцы приносили жертвы и увеселялись при этомъ военными играми; въ 766-мъ году присоединились къ нимъ Спартанцы, а вслѣдъ за тѣмъ и другіе Греки, такъ что съ той поры каждое четырехлѣтіе справлялся здѣсь общенародный праздникъ. И не изъ одной только собственной Греціи стекались сюда цѣлыя толпы; многочисленныя колоніи уже разбросали вѣдь греческихъ поселенцевъ не только по малоазійскимъ островамъ, но также во всей южной Италіи, въ сѣверной Африкѣ, край Чернаго моря и по южному берегу Франціи, такъ что жизнью греческой охвачена была обширная полоса поморья. Съ начала 7-го вѣка жертвоприношенія и военныя игры передъ алтаремъ общенароднаго божества стали дѣломъ всѣхъ сплошь Эллиновъ; отовсюда собиралась туда самая ловкая, красивая и сильная молодежь, съ тѣмъ чтобы избранные борцы, одержавшіе побѣду у себя дома, здѣсь, какъ представители родныхъ своихъ городовъ, состязались уже за высшую награду. Къ спору въ быстротѣ и продолжительности бѣга, присоединились собственно борьба, а потомъ скачка на коняхъ и ристаніе на колесницахъ. Побѣдитель получалъ въ награду масличный вѣнокъ; спорили не изъ за-барыша, а изъ-за чести, и «божественные гимны, поетъ Пиндаръ, «нисходили на того, чью голову безошибочно-правдивый судъ Эллиновъ вѣн«чалъ по древнему завѣту Иракла сизоотливной масличной вѣтвью, прекра«снѣйшимъ памятникомъ Олимпійскихъ игръ». Земляки побѣдителя, сами осчастливленные его успѣхомъ, съ ликованіемъ вели его къ алтарю, подъ звуки Архилоховой пѣсни въ честь Ираклу: «Тенелла, Тенелла! Слава тебѣ, «Ираклъ, въ полномъ блескѣ побѣды, слава тебѣ и Іолаю, во имя ратныхъ «копій! Слава тебѣ въ блескѣ побѣды, Тенелла, Тенелла!» При возвращеніи въ родной городъ, его встрѣчали тамъ торжественнымъ шествіемъ; его статуя стояла въ олимпійской рощѣ; жизнь его, окруженная всеобщимъ почетомъ, слыла божественной и въ мирѣ, и въ войнѣ, такъ что даже и самъ Платонъ видѣлъ въ ней образецъ земного благополучія.

Если, по словамъ Пиндара, олимпійскія игры настолько же превосходили блескомъ всѣ прочія, какъ золото сіяетъ передъ другими металлами и солнце

---

* И въ этомъ видна опять столь характерная у Грековъ черта свободнаго самоподчиненія изъ-за высшей какой-нибудь цѣли.

передъ прочими звѣздами, такъ что Греки съ нихъ начинали свое лѣтосчисленіе, то все же однако сильно посѣщались и игры пиѳійскія, истмійскія, немейскія. На время праздниковъ водворялся божій миръ; обмѣнъ мыслей, чувствъ, обычаевъ сопровождался обмѣномъ товаровъ и мѣстныхъ произведеній каждаго края. Люди искусства и науки правда не вступали въ состязаніе своими трудами, но они искали и находили здѣсь воспріимчивыя сердца, уносившія съ собой живую память о духовномъ наслажденіи и далеко распространявшія его славу. А то, что побѣдѣ тѣлесной силы и ловкости придавалось столь высокое значенье, что къ ней такъ восторженно стремились, одни чтобы достичь ея, другіе чтобъ хоть на нее полюбоваться,—это опять-таки обличаетъ намъ характеръ эллинскаго міросозерцанія, прозрѣвавшаго внутреннее во внѣшнемъ, не рознившаго духовной стороны отъ чувственной и предполагавшаго въ здоровомъ тѣлѣ благородную всегда душу. Благое и прекрасное сливалось для него въ одно, и упражнявшая тѣло гимназія воспитывала вмѣстѣ и нравственную доблесть. Кто выходилъ на состязаніе, тотъ долженъ былъ пользоваться доброю славой, не носить на себѣ укора ни въ чемъ предосудительномъ. Онъ творилъ молитву вынимая жребій, назначавшій гдѣ именно ему стать; полученную награду онъ признательно посвящалъ милостивому богу. Гражданская доблесть, рѣшимость на всякія жертвы для государства, готовность и способность нести оружіе, были для Эллина нераздѣльны между собою; онъ учился борьбѣ въ школѣ для того, чтобы потомъ бороться за отечество. Высшею ему наградой былъ почетъ. Это самое и Лукіанъ влагаетъ въ уста древнему Солону: «Слава, неразлучная съ гимнастическою побѣдой, выше всего въ мірѣ для побѣдителя. Когда посмотришь, какія массы людей стекаются на эти праздники, чтобы самимъ увидѣть состязанія, какъ биткомъ набиты всѣ мѣста, какъ превозносятъ борцовъ, а побѣдителей ставятъ наравнѣ съ богами, — тогда станетъ ясно, что не даромъ мы тратимъ столько прилежнаго труда на подобныя упражненія. Чтó за высокое наслажденіе смотрѣть на храбрую отвагу юношей, на удивительный складъ и красоту ихъ обнаженныхъ тѣлъ, на ихъ необычайную ловкость, неодолимую силу, смѣлость и честолюбіе, на неукротимость ихъ души и на неутомимую ревность къ достиженію побѣды! Тутъ конца нѣтъ похваламъ и одобреніямъ. А когда молодежь увидитъ тотъ почетъ, какого удостоены отличившіеся, когда имена ихъ возглашаются на услышаніе всѣмъ Эллинамъ, то естественно рвеніе ихъ къ дѣлу еще больше отъ того возростаетъ. Можно, послѣ этого, вообразить, какъ покажутъ себя въ борьбѣ за родину, женъ, дѣтей и святыню, словомъ—за всѣ истинныя блага жизни, тѣ кто бьется съ такимъ пламеннымъ одушевленіемъ безоружный и нагой изъ-за какой-нибудь масличной вѣтви».

Но эти состязанія о первенствѣ въ силѣ икрасѣ, привлекавшія къ себѣ всѣ племена народа, были вмѣстѣ и богослуженіемъ, въ которомъ благороднѣйшія личности приносили міродержцу каждая плодъ своихъ трудовъ. Праздникъ былъ религіозный, но культъ—свѣтлый, душерадный въ высшей степени; народъ вкушалъ жертвенную трапезу, такъ-какъ боги не требовали вѣдь никакого тяжкаго воздержанія, а напротивъ полнаго раздолья жизни, возвышенія души къ небеснымъ силамъ, какъ ея же олицетвореннымъ идеаламъ и щедрымъ подателямъ всѣхъ возможныхъ благъ. И какъ совокупность полноправ-

ныхъ людей (то-есть мужей, а не мýжиковъ) составляла государство, такъ и здѣсь цѣлые хоры тянулись ко храму и къ алтарю, чтобы едиными устами вмѣстѣ славословить боговъ пѣснями. Главное дѣло было высказать сильно возбужденныя на ту пору нравственныя движенія души. Уже и слѣпой хіосскій пѣвецъ славилъ праздникъ Аполлону въ Делосѣ, какъ общее всѣмъ Іонійцамъ торжество, и при этомъ выразился, что кто увидитъ ихъ во всей красѣ собравшимися на такой праздникъ, тотъ сочтетъ ихъ, пожалуй, свободными отъ старости и смерти, и радостно встрепенется его сердце при видѣ этого сонма мужчинъ и прекрасно опоясанныхъ женщинъ, при видѣ ихъ богатствъ и кораблей. А у Пиндара сами небожители называютъ островъ Делосъ блестящею звѣздой темной земли. На кручи мысовъ, ясно выникающихъ изъ глубины морской при свѣтѣ утренняго солнца, видѣли сидящимъ самого свѣтобога весны. Онъ чистъ, и къ нему не должна подходить никакая скверна. Уже и эпосъ зналъ въ немъ бога-мстителя всѣхъ нечестій, но вмѣстѣ и бога миротворца; теперь въ немъ преимущественно видѣли этотъ умиряющій элементъ. Кто запятналъ себя убійствомъ и кровью и этимъ подпадалъ власти темныхъ силъ, тотъ особенно нуждался въ искупленіи и долженъ былъ принести кровную жертву какъ за душу убитаго, такъ и въ разрѣшеніе своей собственной. Всевидящій богъ, кому явно даже все тайное, требуетъ исповѣди и покаянія; наружное очищеніе водою и сѣрнымъ куревомъ—символъ внутренняго. Шло повѣрье, что богъ Аполлонъ, умертвивъ змѣя Пиѳона, далъ первообразъ очищенія и совершилъ обрядъ его надъ самимъ собой. Кроткая ясность этого бога успокоивала бурю въ душѣ обращавшагося къ нему грѣшника; звукъ лиры его вливалъ гармонію во всякое глубокò встревоженное сердце. Музыка дополняла въ воспитаніи гимнастику; она мѣшала чувству одичать, она умягчала силу и незамѣтно вела душу къ стройному согласію, къ мѣрѣ, порядку и спокойствію въ движеньи. Дорійцы преимущественно отдавались культу Аполлона въ этомъ нравственномъ его углубленіи. Они крѣпко держались завѣтныхъ обрядовъ, которыми Греки, подобно всѣмъ вообще Арійцамъ, посвящали Вѣчному всю свою жизнь, связывая съ нимъ каждое ея событіе. И если изъ жрецовъ-баяновъ стараго времени поэты въ Греціи тотчасъ выдвинулись передъ жрецами, и если между народомъ и ликомъ небесныхъ силъ не стало здѣсь никакого особаго сословія, а жертвы приносились царями, знатью, самими общинами, и миѳъ прямо выработался поэзіей, такъ что ни какая духовная каста не могла забрать въ руки свои власть, то, съ другой стороны, Греки избѣгли также и опасности крайняго омірченія, опасности распустить вѣру въ произвольную игру воображенья; поэты дали вѣщее свое слово строго-благочестнымъ настроеніямъ души, и тѣмъ именно сохранили силу надъ сердцами народа, что восторженно высказывали самыя завѣтныя чувства и думы самыя глубокія; за то и ихъ собственные вымыслы, примыкая всегда къ нити миѳическаго преданія, снискивали отъ того такую степень вѣроятности, что казались дѣйствительной былью. Религія была дѣломъ совѣсти каждаго отдѣльнаго лица, отправленіе богослужебныхъ обрядовъ было правомъ каждаго свободнаго человѣка. Но между знатью существовали извѣстные роды, въ которыхъ знаніе и отправленіе этихъ обрядовъ шло отъ предковъ изстари и которые совершали ихъ для освященія общественныхъ торжествъ и начинаній; такіе роды были

блюстителями отеческихъ обычаевъ и нравовъ въ государствѣ, заботились о воздаваніи богамъ подобающей имъ чести, но не измышляли ни какихъ догматовъ и сами не составляли отдѣльнаго въ обществѣ сословія.

Весь міръ въ глазахъ благочестивой души былъ откровеніемъ божіимъ, все видимое являлось обличіемъ незримаго; небесное было вездѣ близко человѣку, и природа стояла въ такой тѣсной связи съ нравственнымъ порядкомъ, что отъ первой можно было заключать о послѣднемъ, и наоборотъ. Боги даютъ знаменія своей воли, а человѣкъ долженъ внимательно слѣдить за ними и ихъ себѣ истолковывать; настоящее чревато будущимъ, какъ само оно въ свою очередь плодъ минувшаго: кто вполнѣ и вѣрно прозрѣваетъ настоящее, тому ближе постичь въ немъ и будущность. Греки вѣрили въ это отъ души, и подобно тому какъ жертвы поддерживали ихъ живое общеніе съ божествами, такъ точно дѣтскому смыслу ихъ казалось совершенно естественнымъ, что небесныя явленія, полетъ птицъ между небомъ и землею или шумъ вѣтра въ листвѣ священныхъ рощъ были знаменіемъ судебъ вѣчнаго промысла, предуказаніемъ того, что опредѣлено свыше. Главное было истолковать эти знаменія правдиво и мудромысленно, и Греки не даромъ сочли за напрасный трудъ приводить это искусство въ форму систематическаго ученія; они предоставили его живому преданію, чествуя въ провидцѣ боговдохновенное лицо, которому милость всевидящаго бога открывала очи для прозрѣнія въ таинственную глубь сущаго. Они уже возвышались этимъ надъ суевѣрной зависимостью отъ однихъ внѣшнихъ только примѣтъ, отъ физическихъ явленій, взятыхъ сами по себѣ отдѣльно; внутри собственной груди ощущалось наитіе высшей нравственной мощи, и изумительную въ самомъ дѣлѣ вѣру давали вѣдь обыкновенно только предсказанію, опиравшемуся на такія сердечныя настроенья, въ которыхъ человѣкъ мнилъ видѣть неодолимую для конечнаго духа силу безконечнаго, вполнѣ имъ овладѣвавшую и приводившую его въ восторгъ.

Духовный свѣтобогъ, Аполлонъ, первый открылъ людямъ вѣчныя правды Зевса, судьбоуставную волю небесныхъ боговъ, какъ онъ же опять и примирилъ съ ними грѣшниковъ. Еще въ первой половинѣ 9-го вѣка существовалъ Аполлоновскій оракулъ въ укромной горнокаменной долинѣ близъ Парнаса въ Дельфахъ. Устами дѣвицъ либо женщинъ, сидѣвшихъ надъ земной разсѣлиной на треножникѣ, давалъ прорицанія свои богъ; но то, что онѣ возвѣщали въ припадкѣ изступленнаго ясновидѣнія, не поддавалось ихъ собственной мысли: только уже жрецы выводили изъ ихъ словъ, что именно изречено богомъ. Пятеро мужей завѣдывали этимъ святилищемъ и избирали какъ пиоію, такъ и пророковъ, толкователей ея откровеній. Путемъ многовѣковаго преданія распространился отсюда этотъ «углубленный» Аполлоновъ культъ, и чѣмъ болѣе къ пиоійскимъ праздникамъ или по какимъ-нибудь особымъ дѣламъ стекалось сюда эллинскихъ посланцевъ, тѣмъ ближе дельфійскіе жрецы узнавали внутреннія отношенія разныхъ областей Греціи, тѣмъ плотнѣе смыкался центръ духовной жизни. Спартанцы и Аѳиняне, Коринѳяне и Ѳиванцы признавали въ себѣ здѣсь членовъ одного и того же народа; здѣсь сложился миѳъ объ общемъ происхожденіи ихъ отъ Девкаліона, отъ его сына, Эллина, и отъ Эллиновыхъ опять сыновей и внуковъ; шло по-

вѣрье что пуповой камень земли обозначенъ здѣсь тѣми самыми орлами, которымъ Зевсъ велѣлъ летѣть, одному съ востока, другому съ запада, пока они не встрѣтятся на этомъ именно мѣстѣ.

Ошибочно полагать что дельфійскій оракулъ предсказывалъ въ особенности только одно будущее; напротивъ, всего чаще дѣло шло о томъ чтобы добыть себѣ какое-нибудь указаніе, какой-нибудь рѣшительный совѣтъ въ случаѣ сомнѣній или недоумѣній, узнать какъ именно поступить въ данныхъ обстоятельствахъ сообразно божьей волѣ. Тутъ не слѣдуетъ предполагать ни сверхъестественнаго чуда, ни обмана со стороны жрецовъ въ цвѣтущую пору дельфійскаго прорицалища: жрецы вопервыхъ углублялись въ созерцаніе своей нравственной идеи о духовномъ божествѣ, и изъ глубины совѣсти почерпали откровеніе того, что благо и справедливо, а вовторыхъ они были въ связи со всѣми державами Греціи, знали всѣ ихъ отношенья, да притомъ имѣли большой запасъ собственныхъ опытовъ, живыхъ воспоминаній о томъ, на сколько въ подобныхъ же обстоятельствахъ оказывалъ пользы тотъ или другой совѣтъ, ими данный; сопоставляя ясное соображеніе дѣйствительности съ нравственными требованіями религіи, они прислушивались вмѣстѣ съ тѣмъ къ голосу жрицы и истолковывали ея слова или связывали ихъ въ изреченіе, которое часто выражалось символически или въ видѣ притчи, такъ что самъ вопрошающій долженъ былъ еще выяснить себѣ его собственнымъ размышленіемъ. Въ тѣхъ случаяхъ когда неумѣстное любопытство прямо хотѣло знать о будущемъ, отвѣтъ давался двусмысленный. Сообразимъ хоть одно то, что законодатели обыкновенно испрашивали въ Дельфахъ подтвержденія лучшимъ своимъ уставамъ и что отсюда собственно исходило высшее руководительство обширнѣйшею колонизаціей, и мы тогда поймемъ, какое благодѣтельное дѣйствіе производилъ оракулъ, вливая въ души довѣріе и мужество для выполненія того или другого замысла, какъ богоугоднаго дѣла. Самое духовное (этическое) изъ всѣхъ эллинскихъ богослуженій, Аполлоново, простирало отсюда свое облагороживающее вліяніе на весь сплошь народъ, и мѣроположное, нормирующее—на поэтовъ. Оракулъ положительно вмѣнялъ въ ничто одну внѣшнюю религіозность, если она не принималась горячо къ сердцу. Доброму довольно и одной капли святой воды изъ кастальскаго источника, но коснѣющій во злѣ не омоетъ грѣховъ своихъ и цѣлымъ океаномъ. Познавай самого себя! Блюди мѣру! Вотъ золотыя слова, какими надпись на храмѣ Аполлона призывала каждаго входящаго богомольца къ самооглядкѣ и къ самообладанію. Въ нихъ заключалась вся сущность эллинской этики, и тѣ семь мудрецовъ, въ лицѣ которыхъ древность чтила благороднѣйшихъ законодателей людской жизни, потому что въ краткихъ и полновѣсныхъ изреченіяхъ они совмѣстили и весь обильный запасъ своего опыта, и неподкупный голосъ своей совѣсти, — эти мудрецы дѣйствовали и поучали въ духѣ дельфійскаго святилища. По словамъ Алкея, чтобы возвѣстить Эллинамъ право и законъ, Аполлонъ принесся въ Дельфы на колесницѣ, запряженной лебедями, а Тиртей приводитъ прорицаніе его Спартанцамъ: Говорите только прекрасное, творите одни добрыя дѣла, вы будете свободны и счастливы! Мѣсто естественнаго оракула заступилъ духовный, прорицательство отъ богини земли, Геи, перешло къ Аполлону; мѣсто знаменій заступили изреченія, полныя нравственной мудрости слова.

Возникающія изъ глубины человѣческой природы завѣтныя чаянія души соединились здѣсь съ ясностью сознанія. Такимъ образомъ дозволительно сравнить дельфійскаго оракула съ пророчествомъ у Евреевъ; такъ какъ вѣдь и онъ способствовалъ очищенію и развитію религіозныхъ и нравственныхъ идей, и онъ подавалъ народу благіе совѣты относительно земной жизни, указывая ему въ то же время на вѣчную; Платонъ и Плутархъ свидѣтельствуютъ оба, что оттуда шли прекраснѣйшія и лучшія религіозныя учрежденія, зачатки святилищъ, освященіе гражданскихъ уставовъ и новыхъ государствъ, что именно оттуда Эллины получили въ такомъ множествѣ тѣ высокія блага, которыя нельзя назвать случайными, а можно приписать только одной волѣ Провидѣнья. И если въ большіе праздники не только что дѣла бога воспѣвались въ эпическихъ гимнахъ, но хоры высказывали притомъ и чувства народныя; да — мало этого — избранный юноша представлялъ даже лично самое божество, какъ убиваетъ оно дракона, и потомъ совершалъ надъ собой очищеніе за грѣхъ пролитой при томъ крови, чтобы представить въ образецъ людямъ собственный наглядный примѣръ, то нельзя не заключить отсюда что Дельфы были вмѣстѣ и пріютомъ для зачатковъ лирической и драматической поэзіи. Мѣсто это навсегда осталось священнымъ, и мы охотно присоединимъ свой голосъ къ пѣсни Эврипида, которую поетъ у него Іонъ:

Вотъ, въ лучезарной колесницѣ четвероконкѣ
Заблисталъ уже надъ земнымъ кругомъ Геліосъ,
А звѣзды бѣгутъ въ заповѣдную сѣнь ночи
Скрываясь передъ небеснымъ сіяніемъ.
Недоступные верхи Парнаса,
Ласкаемые пробудившимся днемъ, горятъ какъ жаръ
Усладительно для взора смертныхъ.
Отрадный запахъ мирты
Несется благовоннымъ облакомъ въ выси храма,
А Дельфійка сидитъ уже на священномъ сѣдалищѣ
И поетъ эллинскому народу прорицаніе,
Бурно внушенное ей Аполлономъ.
О Дельфійцы, слуги Аполлоновы,
Идите вы къ серебрянымъ струямъ Касталіи
И, искупавшись въ росѣ кристальнаго потока,
Вступите чистые во храмъ,
Гдѣ, посвящая голосъ свой однимъ лишь звукамъ спасенія,
Дайте жаждущимъ вопрошателямъ бога
Внять изъ благосклонныхъ устъ
Только спасительные совѣты!

ЭЛЕВЗИСЪ.

Боги полеводства и винодѣлія чествовались изначала какъ высшія благотворныя существа, открывавшія въ жизни природы свою власть и силу; рѣдко вовлекаясь въ кругъ богатырства и богатырской поэзіи, они вслѣдствіе того и не получили такого вполнѣ человѣкообразнаго отпечатка. Но когда

въ Аттикѣ стало на ноги все вольное простонародіе, тогда поднялся и культъ этихъ божествъ; къ нему примкнулъ вскорѣ цѣлый рядъ новыхъ помысловъ, и онъ принялъ въ себя такія значительныя вліянія съ Востока, что его можно поистинѣ назвать завершеніемъ язычества. Деметра, мать-земля, явилась богинею сѣва или всходовъ, подательницей и защитницей связанной съ земледѣліемъ культуры, покровительницей брачныхъ узъ и чистой семейной жизни: въ этомъ именно смыслѣ праздновали ей въ Ѳесмофоріяхъ. Зелень всходовъ, все весеннее убранство, — это дочь земли; и когда пожелтѣетъ трава, поблекнутъ цвѣты, и все разнесутъ безпощадныя бури, тогда естественно сочувствовать горю матери,—горю, которое впрочемъ каждая весна снова обращаетъ въ веселье и радость. Миѳъ представляетъ это такъ, что въ то время какъ дѣвственная Кора безмятежно рвала въ полѣ цвѣты, ее вдругъ похитилъ богъ преисподней, и Деметра съ тоской и плачемъ принялась искать дочери; Зевсъ обѣщаетъ ей наконецъ возвратъ утраченной, но Кора, съѣвъ яблоко, символъ брачнаго союза, стала уже супругой бога смерти, Персефоной, а потому она отпускается къ матери только весной, съ тѣмъ чтобы осенью опять воротиться къ мужу. Лоно земли, пріемлющее въ темную глубину свою мертвыхъ, есть въ то же время и мѣстилище плодородія; оно тайникъ множества сокровищъ и источникъ множества богатствъ; да притомъ къ мысли о весеннемъ возрожденіи природы такъ легко прививается надежда на наше собственное возрожденіе или воскресенье.

Первобытные Арійцы разсказываютъ объ исчезновеніи бога солнца и весны, объ его спускѣ въ преисподнюю или объ удаленіи въ горную дебрь и о побѣдоносномъ оттуда возвратѣ. Аполлонъ зимою далеко отъ Дельфъ и возвращается опять только на́ весну; а съ другой стороны стихотворецъ Паніазидъ говоритъ что всѣ боги вынуждены служить Гадесу и преодолѣвать ужасы смерти:

Терпѣла ихъ и Деметра, терпѣлъ и сильный Гефестъ,
Терпѣлъ Посейдонъ, терпѣлъ Аполлонъ дальнометный.
Всѣ они цѣлый безконечный годъ несли службу подземному богу, —
Самъ строптивый Аресъ, и тотъ несъ ее, потому что такова была воля Зевса.

Изъ очистительнаго торжества въ храмѣ Аѳины очевидно, что и эта богиня слыла умершею и за тѣмъ воскресшею въ третій день; символъ жизни ея, лампада, угасала какъ бы сама собой, и зажигалась потомъ снова посредствомъ зажигательнаго зеркала или искры добытой треніемъ двухъ деревянныхъ чурокъ.

Малоазійскіе Семиты во всемъ кругооборотѣ природы видѣли рожденіе и смерть или временный сонъ своихъ боговъ: громкимъ плачемъ сопровождали они ихъ исчезновеніе, страданіе и кончину, дикимъ радостнымъ крикомъ встрѣчали потомъ ихъ возвратъ. (I, 221 и слѣд.). Прекрасно сказалъ объ этомъ Дёллингеръ: «По всей верхней Азіи распространилась «религія, которой главными фигурами были великая богиня природы, мать «всѣхъ живыхъ существъ, и богъ, связанный съ нею какъ супругъ, люби«мецъ или сынъ, но при этомъ обреченный страданію и смерти. Люди рано «обратили вниманіе на то, какъ и въ собственной ихъ жизни, да и во всей

«вообще природѣ, уже съ зачатіемъ и рожденіемъ неразлучны боли и стра-«данья, какъ всѣ въ мірѣ существа взаимно истребляютъ другъ друга, что-«бы продлить свою жизнь на чужой счетъ, какъ смерть всегда производитъ «новые побѣги жизни и какъ растеніе извлекаетъ себѣ наилучшую пищу изъ «тлѣна и перегноя животнаго; этотъ-то неумолимый, вездѣвластный законъ «возникновенія смерти изъ жизни, и наоборотъ, своимъ сильнымъ дѣйствіемъ «на фантазію именно и вызвалъ тѣ божественные облики съ сопринадлеж-«нымъ конечно мномъ. Какъ самъ человѣкъ чувствовалъ что онъ постав-«ленъ въ вѣчный кругооборотъ жизни и смерти, какъ ему весь міръ ка-«зался храмомъ и вмѣстѣ могилою, алтаремъ и въ то же время гробомъ, «такъ и не выступавшій изъ области природы богъ его долженъ былъ то «жить, то умирать, и если ему приносили въ жертву лучшія и драгоцѣннѣйшія «изъ живыхъ тварей, то и самъ онъ долженъ былъ падать жертвою велико-«му закону смерти», — но съ тѣмъ, прибавимъ мы въ свою очередь, чтобы преодолѣть его въ себѣ самомъ и побѣдоносно опять воскреснуть. Аттесъ, Агдесдисъ, Адонисъ, Озирисъ — собственно олицетвореніе одной и той же сущности; Кибела, Астарта, Изида — также; и то что миѳъ говорилъ объ одномъ изъ этихъ лицъ легко могло быть перенесено на другое, материн-скую скорбь Деметры легко было сопоставить съ печалью Изиды, отыски-вающей умерщвленнаго мужа и горько по немъ плачущей: вотъ почему гре-ческое богосказаніе такъ много почерпнуло изъ симитскихъ и египетскихъ источниковъ.

То же самое произошло и съ богомъ вина. Въ винѣ сокъ и сила земной жизни достигаютъ можно-сказать огненнаго просвѣтленія; оно окрыляетъ ду-шу, освобождая ее отъ бремени заботъ, а если и покоритъ когда своей вла-сти, то все же поднимаетъ при этомъ отвагой опьяненія; оно наконецъ откры-ваетъ начисто всю правду. Съ винодѣліемъ тѣсно связаны кроткая весе-лость обычая и вольный просторъ образованья. Вотъ почему Греки и чест-вовали въ Діонисѣ (Вакхѣ) благодатную силу природы, молодецки - удалое божество ликующее въ радостные дни винограднаго сбора и раскупорки пер-выхъ бочекъ новодоспѣтаго вина, при чемъ славили бога какъ освободи-теля и вдохновителя смертныхъ; привольный шумъ праздника естественно доходитъ до пьянаго разгула, и, благодаря этому, проникли въ Грецію и ор-гіастическій культъ Малой Азіи чрезъ прилежащіе къ ней острова, и изступ-ленное торжество Менадъ изъ дальней Ѳракіи. Лирическая возбужденность чувства шла навстрѣчу этому настроенію сама сама собой и невольно про-рывалась въ поэтическихъ изліяніяхъ; вакхическое вдохновенье, породившее первый зачатокъ драмы, сильнѣе выражало и радость и горе, было вообще гораздо могучѣе, восторженнѣй аполлоновскаго, представлявшаго скорѣе эле-ментъ духовной ясности въ художественномъ творчествѣ, элементъ противо-положный безотчетному вдохновенію, или изступленному опьянѣнью. Сборъ винограда приходился какъ-нарочно къ концу умирающаго года, и виноградная лоза страдала вѣдь подъ гнетомъ тисковъ, сокъ ея заключался потомъ въ бочку какъ въ гробовой ящикъ и хранился подъ землею до тѣхъ поръ, когда можно было вынесть на свѣтъ божій перебродившій напитокъ; подобно тому и Діонисъ слылъ возродившимся: по смерти его матери Зевсъ принялъ сиро-

ту въ самого себя; — вотъ какимъ образомъ онъ вышелъ наконецъ пострадавшимъ, умершимъ и воскресшимъ богомъ.

На островѣ Критѣ миѳы Озириса и Адониса впервые слились съ Діонисовыми; тамъ, подъ именемъ Загрея, признали въ немъ сына Зевса и Персефоны; тамъ, подобно Озирису, былъ онъ умерщвленъ и измельченъ въ куски, растерзанъ Титанами; но Аполлонъ собралъ и похоронилъ разбросанные члены, Аѳина принесла трепетное еще сердце отцу Зевсу, который велѣлъ Деметрѣ облечь его новымъ тѣломъ, а Титановъ разгромилъ за ихъ злодѣяніе. Во Ѳракіи шло повѣрье, что веснобогъ Діонисъ, осиливаемый въ постоянно возобновляющейся борьбѣ, низвергается въ первоисточникъ всякой жизни, — море, а по происшествіи зимы снова оттуда выходитъ. Критянскій миѳъ распространенъ въ Греціи Орфиками, которые въ приписываемыхъ древнему барду пѣснопѣніяхъ вообще старались болѣе выдвинуть общую пантеическую жизнь природы въ противень многочисленному сонму человѣкообразныхъ боговъ. По словамъ ихъ космогоніи, изъ хаоса возникло вселенское яйцо, а изъ него вышелъ міробразующій Эротъ (любовь); но Зевсъ проглотилъ его вмѣстѣ со вселенною, чтобы развернуть ее потомъ изъ самого себя, такъ что онъ является всерождающимъ, —началомъ, срединою и концомъ всего. Или, какъ говоритъ еще Ферекидъ, самъ Зевсъ обратился въ Эрота чтобы сложить міръ въ любви и стройномъ согласіи; для этого надъ развѣсистымъ (крылатымъ) дубомъ соткалъ онъ широкую-преширокую пелену, изъ которой развилъ потомъ землю и море. Тутъ почти самъ собою представляется домыселъ, что измельченіе въ куски Загрея не что иное какъ раздробъ божественной сущности на множество конечныхъ явленій, изъ которыхъ выходитъ опять верховнымъ единствомъ міровая, вселенская душа. Орфики, говоря о міротвореніи, охотно пускали въ дѣло образъ сосуда со смѣсью многоразличнѣйшихъ стихій, или образъ ткани, въ которой переплетены разнообразнѣйшія нити. Но настоящій міръ они вовсе не считали за совершенный; одинъ изъ стихотворцевъ ихъ говоритъ объ изначальномъ духѣ: «Улыбкою породилъ ты боговъ, а слезы твои—это люди-горемыки.» Міръ для нихъ—изорванное божество, въ немъ господствуетъ рознь и свара, душа ввергнута въ него какъ въ темницу, да освободится она отъ плотскихъ узъ постепеннымъ очищеніемъ и восхожденьемъ; конецъ и цѣль всѣхъ вещей — блаженный покой, царство Діониса.—Во время Писистратидовъ орфическое это богословіе привелъ въ систему и изложилъ письменно Ономакритъ; самъ Орфей былъ воспрославленъ особымъ миѳомъ: могучая сила его звуковъ не только двигала деревья и скалы, но обаяла даже и власти преисподней, когда, исполненный любви къ умершей женѣ своей, онъ сошелъ за нею въ царство тѣней. Благодаря этому онъ сдѣлался и въ таинствахъ (мистеріяхъ) тѣмъ первообразомъ, въ которомъ видѣли силу любви, торжествующей даже надъ самой смертью. Но далѣе особенно важно было то, что у Египтянъ съ миѳомъ Озириса связывалась вѣра въ безсмертіе. Богъ, сдѣлавшись незримымъ, становится теперь судьею и владыкой мертвецовъ; блаженные входятъ въ его царствіе и раздѣляютъ съ нимъ усладу жизни безконечной. Вѣрованіе въ неразрушимость души и въ загробное возмездіе преимущественно выработалось въ Египтѣ, и сами греческіе философы признаютъ себя въ этомъ учениками египетскихъ жрецовъ. Надежда на безсмертіе даетъ вѣдь и здѣшней жизни

гораздо высшее, впервые собственно-духовное значенье, и внести съ этой вѣрою въ сердца народа прочную утѣху, твердое упованіе, настоящую чистоту и радость было главнымъ дѣломъ элевзинскихъ таинствъ, которыя вскорѣ настолько же превзошли всѣ другіе таинственные культы и священнодѣйствія, насколько Аѳиняне вообще отличались образованностью среди прочихъ Грековъ.

Уже старобытный полуэпическій гимнъ Деметрѣ преимущественно воспѣваетъ похищеніе ея дочери, ея материнскую скорбь и радостное за тѣмъ свиданье съ Корой; въ этомъ миѳѣ страда, смерть и возрожденіе представляются какъ общій всѣмъ удѣлъ. Богиня, поступивъ въ домъ царя Келея прислужницею и няней, хотѣла уготовить малюткѣ Демофоону земное безсмертіе и оградить его отъ старческихъ недуговъ; она натирала его амвросіей, и по ночамъ, тайкомъ отъ родителей, клала на огонь, чтобы выжечь изъ него все смертное; но мать ребенка, Метанара, однажды подсмотрѣла это и подняла громкій плачъ. Деметра вынула малютку изъ огня, объявилась богинею и тотчасъ же исчезла. Всегдашняя жизнь на землѣ утрачена такимъ образомъ по малодушію и стала съ тѣхъ поръ невозможна, но такъ какъ избранное дитя разъ уже покоилось на рукахъ Деметры, то она даритъ ему за это вѣчный почетъ и учреждаетъ такія священнодѣйствія, которыя родятъ въ насъ надежду на лучшее и безконечное бытіе въ грядущемъ. Однако жизнь должна сама пройдти смертью, чтобы одолѣть ее. Что и божества смерти даруютъ жизнь, что есть пробужденіе отъ подземной тьмы къ новому опять свѣту,—это изображалось спускомъ въ преисподнюю и выходомъ оттуда богини Коры; кругооборотъ природы давался человѣку въ наглядное ручательство, что и для него произойдетъ изъ смерти новая жизнь. Страшная богиня смерти Персефона превращается въ красу-дѣвицу, надѣляющую землю убранствомъ вешнихъ цвѣтовъ. Хоронимое въ землю сѣмя, всходитъ свѣжими росточками; оно стало символомъ человѣка котораго также хоронятъ въ землю какъ бы для посѣва вѣчности;—пшеничное зерно должно умереть чтобы принести плодъ свой,—сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи, какъ говорятъ апостолы Іоаннъ и Павелъ конечно не безъ отношенія къ этой древней вѣрѣ Эллиновъ.

Прежде всего необходимо однако замѣтить то, что въ таинствахъ или мистеріяхъ не преподавалось ни какого рѣшительно ученія, а тѣмъ менѣе имѣлось въ виду привить его соображающей мысли посредствомъ умозаключеній; здѣсь напротивъ, въ чисто-эллинскомъ духѣ, одно эстетическое созерцаніе рѣшало и открывало загадочную тайну бытія путемъ, прямо и настоятельно дѣйствующимъ на чувство. Представлялось религіозное сценическое зрѣлище, и народъ вовлекался въ него непосредственно какъ предварительнымъ священнодѣйствіемъ, такъ и живымъ участіемъ въ сопровождавшихъ его хоровыхъ пѣсняхъ; изъ среды скорби, окружающей обыкновенно смерть, и изъ ужасовъ (наглядно представляемой) темной ночи, возникало вдругъ свѣтлое сіяніе, и въ немъ являлся отрадный образъ вѣчнаго нескончаемаго блаженства: вотъ отчего элевзинское святилище слыло вмѣстѣ и самымъ ужаснымъ и самымъ утѣшительнымъ; страхъ и надежда, печаль и радость слѣдовали одно за другимъ то сильно потрясая, то сладко успокоивая возбужденную душу. Въ судьбѣ боговъ человѣкъ видѣлъ первообразъ собственной своей

участи, и символы физической жизни чувственно удостовѣряли его въ томъ, что вполнѣ овладѣвало его воображеніемъ, что открывалось задушевному его чаянію. Аристотель положительно говоритъ, что посвященные ни чего тамъ не изучали, но испытывали нѣчто въ самихъ себѣ и становились способны къ высшему настроенію. То была богослужебная драма, которая, какъ художественное цѣлое, производила на сердце одушевительное дѣйствіе искусства. Вотъ къ чему подготовляли таинства, и пріобрѣтенное черезъ нихъ настроеніе надо было хранить неприкосновенною святыней, не выдавать на потѣху въ пошлой, обыденной болтовнѣ.

Элевзиніи праздновались нѣсколько дней сряду и были дѣломъ всенароднымъ, общественнымъ; во главѣ ихъ стояли жрецы изъ рода Эвмольпидовъ, то-есть краснопѣвцевъ, и назывались гіерофантами, святынеказцами, такъ-какъ тутъ главное было не въ наученіи, а въ томъ чтобы наглядно показать. Все вмѣстѣ составляло расчлененную на нѣсколько дѣйствій драму; каждое изъ нихъ было обставлено жертвоприношеніями, торжественными ходами, очищеніями и пѣснями.

Малыя таинства предшествовали великимъ за цѣлое полугодіе, они были подготовкою къ нимъ при самомъ началѣ весны. Тутъ представлялось какъ мистическій Діонисъ былъ порожденъ Зевсомъ и Персефоною, растерзанъ Титанами, но потомъ возсоединенъ богами, оживленъ и положенъ къ грудямъ Деметры. Торжество открывалось возгласомъ, да ни кто отъ нечистыхъ не приблизится къ священнодѣйствію. И хотя, при суевѣрномъ часто отношеніи Эллиновъ ко внѣшности, чистота и нечистота конечно принимались здѣсь иногда во внѣшнемъ только смыслѣ, тѣмъ не менѣе Аристофанъ подтверждаетъ то убѣжденіе, что солнце и отрадный свѣтъ принадлежатъ однимъ посвященнымъ и тѣмъ кто богобоязненно ведетъ себя какъ противъ чужестранцевъ, такъ и противъ согражданъ. Напомнимъ здѣсь кстати и изреченіе Пиѳіи:

Чистый сердцемъ вступай въ святой храмъ чистѣйшаго бога,
Члены тѣла омывъ дѣвственной влагой ключа.
Доброму капли одной достаточно для очищенья,
Злому жь не смоетъ грѣховъ и обильный водой Океанъ.

Великія Элевзиніи происходили въ сентябрѣ. Первый день ихъ посвящался только общему сбору богомольцевъ. На слѣдующій глашатай призывалъ торжественно идти для очищенія къ морю. Во храмъ можно было вступать только съ чистыми руками и съ не менѣе чистою душой. Въ преддворіи приносилась жертва, а всѣмъ вновь посвящаемымъ раздавались красныя повязки. Представляли за тѣмъ вопервыхъ похищеніе Прозерпины: передъ красою-дѣвицей, рвавшею цвѣты, вдругъ раскрывалась глубокая пропасть, и Гадесъ уводилъ ее въ царство тьмы. Потомъ являлась, ища дочери, горестная Деметра. Народъ сочувствовалъ ей и въ свою очередь также пускался въ поиски. Съ плачемъ, съ факелами въ рукахъ блуждали всѣ зрители по холмамъ и долинамъ Элевзиса; на мегарской дорогѣ видѣли они своими глазами тотъ камень скорбей, на которомъ богиня долго сидѣла безъ улыбки; сами отдыхали у того дѣвственнаго ключа, гдѣ дочери Келея нашли ее; они постились вмѣстѣ съ нею

и съ нею же вкушали потомъ освященныхъ яствъ и питья. Но зато тамъ, гдѣ, по преданію, Бавбонъ и Ямба тѣшили богиню грубыми шутками и коверканьемъ, то же самое дѣлали теперь и богомольцы.

Послѣ этого шли въ глубину храма, которой темныя пространства были освѣщены факелами. Жрецъ показывалъ предстоящимъ священную утварь, гробовой ящикъ и корзину для плодовъ; чередованіе смерти съ жизнію онаглядивали здѣсь перекладкою изъ корзины въ ящикъ, а потомъ изъ ящика въ корзину, вѣчно-зеленаго миртоваго вѣнка, колеса, означающаго круговоротъ жизни, яблока Гесперидъ—символа безсмертія, и наконецъ изображенія дѣтородныхъ частей. Возсоединеніе Деметры съ дочерью представлялось потомъ такъ, что Деметра будто бы нисходитъ въ преисподнюю; за нею и всѣ посвященные спускались въ подземелья храма. «Начиналось, говоритъ Плутархъ, многотруднымъ и тщетнымъ блужданіемъ въ потьмахъ по опаснымъ переходамъ; за тѣмъ наступали разные ужасы, страхъ и трепетъ; человѣка отъ боязни бросало въ холодный потъ, онъ приходилъ въ совершенное отчаянье; новичкамъ казалось что они на одинъ шагъ отъ смерти.» Это былъ образъ блужданій и мытарствъ души, которая сама не знаетъ своей цѣли; она должна ощутить весь ужасъ своего уничтоженія, всю напасть грозящаго ей вѣчнаго суда. Тутъ являлись призраки преисподней, факелы Эриннії вдругъ неожиданно мерцали и внезапно исчезали опять въ темной мглѣ. За этимъ слѣдовала наконецъ одушевляющая картина, — высшее освященіе. «Изъ мрака проливался чудный свѣтъ, мелодическіе голоса звучали невѣсть откуда, взору открывались ясныя поляны и луга, на которыхъ весело шли хороводныя пляски; торжественное впечатлѣніе произносимыхъ тутъ священныхъ словъ усиливалось тѣмъ, что каждый передъ собою видѣлъ.» Посвященнымъ раздавали по одному безмолвно срѣзываемому колосу: — въ плодѣ завершившейся вполнѣ жизни вручали имъ зерно будущей. Наконецъ получали они вѣнокъ побѣды и совершенной зрѣлости, и, освободясь душой, присоединялись къ сонму блаженныхъ и чистыхъ.

Тогда они возвращались опять на божій свѣтъ и, среди громкаго ликованія въ торжественномъ шествіи, приносили изъ Аѳинъ въ Элевзисъ ликъ Діониса, который помѣщали рядомъ съ возсоединенными богинями. Встрѣча эта праздновалась цѣлую ночь плясками при свѣтѣ факеловъ. Бога величали лучезарною звѣздой ночного праздника; факелъ означалъ свѣтъ жизни, побороющій ночь смерти, ея тьму. Плодоприносную царицу Деметру также славили пѣснями, и посвященные, радуясь принятому ими свѣту, пускались въ честь ея въ хороводный плясъ. Такъ всѣ искусства дѣйствовали совокупными силами, чтобы отъ страха и напряженнаго состоянія довести душу до отраднаго раздолья и, послѣ разныхъ потрясеній, развернуть передъ ней картину блаженнаго бытія, которую она должна была нерушимо хранить въ тайникѣ религіозной вѣры. Но этого зрѣлища сподобливались одни посвященные; непосвященные оставались и здѣсь, какъ оставаться имъ всегда, погрязшими въ тину праздной чувственности, или же предавались вполнѣ безцѣльному занятію, нося воду въ продырявленную кадь. Но трикраты блаженными называетъ Софоклъ тѣхъ смертныхъ, которые удостоились элевзинскаго посвященія; потому что ихъ ждетъ блаженство въ загробномъ мірѣ, тогда какъ для

другихъ тамъ только одно бѣдствіе. Благочестіе посвященныхъ не умираетъ съ ними, добродѣтель ихъ навѣки остается въ цѣлости. Пиндаръ въ свою очередь поетъ, что посвященные знаютъ и конецъ жизни и богодарованное ея начало.

Итакъ, не формальнымъ поученіемъ, не умственными доводами, а художественнымъ представленіемъ и собственнымъ переживомъ или соучастіемъ зрителей, насаждалось это вѣдѣніе въ ихъ чувство и созерцаніе. Позднѣйшіе мыслители могли пожалуй разъяснять себѣ прообразовательный смыслъ картины; но для истаго Грека смыслъ былъ всегда присущъ образу, лежалъ непосредственно въ немъ самомъ. Плутархъ говоритъ что миѳъ Загрея знаменуетъ душу міра, одѣвающуюся все въ новые тѣлесные облики; переходъ ея въ конечныя вещи изображался, по его словамъ, въ видѣ расторженія, разрыва на клочки. Другимъ мнился въ этомъ жребіи души человѣческой: земная жизнь, заточающая душу въ тѣло, вовлекающая въ омутъ чувственныхъ увлеченій, развѣ не рветъ ее на каждомъ шагу въ клочки, и только уже смертію возсоединяется она съ нераздѣльнымъ бытіемъ божескимъ. Вотъ почему Орфики, даже отчасти наперекоръ эллинскому взгляду, называли тѣло гробомъ или могилою души. Не усвоивая себѣ въ частности всѣхъ соображеній и толковъ Шеллинга о мистеріяхъ, мы можемъ однако согласиться съ нимъ въ замѣчаніи насчетъ дѣйствія ихъ на внутреннее чувство: «Все, «что въ людской жизни есть горькаго и тяжкаго, все то претерпѣлъ и богъ; «вотъ откуда поговорка: всякій посвященный безпечаленъ. Кому въ самомъ «дѣлѣ охота жаловаться на обычныя бѣды жизни, послѣ того какъ онъ ви«дѣлъ великія судьбы цѣлаго и тотъ неизбѣжный путь, которымъ само бо«жество должно было пройдти къ нескончаемой вѣчной славѣ? И отзывъ «Аристотеля о трагедіи, что возбуждая въ высшей степени соболѣзнованіе «и страхъ, она именно очищаетъ и освобождаетъ душу отъ этихъ слабостей «(ощущаемыхъ людьми всего больше въ отношеніи къ самимъ себѣ и своей «собственной долѣ), — такой отзывъ еще ближе можно примѣнить къ таин«ствамъ, гдѣ изображеніе страданій божества возвышало душу надъ всякимъ «соболѣзнованіемъ и страхомъ передъ людскими напастьми.»

По мнѣнію Цицерона, изо всего прекраснаго, чѣмъ міръ обязанъ Аѳинамъ, нѣтъ ничего выше тѣхъ мистерій, которыя привели суровое человѣчество къ человѣчности, какъ истинные початки жизни, (initia), посвящавшіе въ ея таинственное значенье, и которыя научали не только безпечально жить, но и умирать съ упованіемъ на лучшую будущность. Велькеръ сообщаетъ еще отзывъ позднѣйшаго аѳинскаго учителя, Сипатра, который указалъ особенно на то, что освященіе души въ мистеріяхъ наводило на мысль о близкомъ сродствѣ ея съ божескимъ началомъ и порождало въ ней стремленіе къ добродѣтели. Элевзинскія таинства неоспоримо принадлежатъ къ числу тѣхъ явленій, которыми древній міръ подготовлялся къ христіанству. Бёкъ въ одной изъ рѣчей своихъ говоритъ: «Только самые преисполненные чаянія миѳы со«хранялись и до поздней поры въ мистеріяхъ, которыя, въ связи съ освяще«ніями путемъ очистительныхъ обрядовъ, открывали, правда не поученіемъ, «но благоговѣйнымъ созерцаньемъ, свѣтлую и отрадную проглядь изъ земной, «конечной жизни въ жизнь загробную и безконечную. Какъ ни сильно іеро-

«фанты напослѣдяхъ противоборствовали христіанству, все же далеко не «лишенъ основанія тотъ домыселъ, что уцѣлѣвшія въ таинствахъ благород-«нѣйшія и чистѣйшія формы миѳа обратились въ пользу самому христіанскому «ученію и сдѣлали воспріимчивѣй къ нему сердца.» Тутъ можно поставить ихъ на одну доску съ философіей: эстетическимъ и религіознымъ путемъ давали они народу то, что для мыслящихъ головъ открывалось путемъ науки. Для уразумѣнія элевзинскихъ таинствъ необходимо одно, — видѣть въ миѳологіи не пустую баснію, а религію, то-есть истину въ оболочкѣ фантазіи. Видимый міръ явленій для нея откровеніе и символъ незримой силы и сущности, чувственное — только притча духовнаго. Но какъ Греки потому именно и стали народомъ искусства, что жили преимущественно нагляднымъ созерцаніемъ, то чуткая душа ихъ могла совершенно удовлетворяться полнымъ смысла и фантазіи сценическимъ представленіемъ даже и тамъ, гдѣ для насъ необходимо убѣжденіе путемъ умственныхъ доводовъ. Художественно устроенное празднество открывало имъ идею въ тѣхъ образахъ и настроеніяхъ, которые они усвоивали себѣ на всю жизнь какъ упованіе въ вѣчность, завѣренное разъ навсегда внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ.

ПЕРЕХОДЪ КЪ ЛИРИКѢ; ХОРОВОЕ ПѢНІЕ, ЯМБЪ, ЭЛЕГІЯ, ЭПИГРАММА И БАСНЯ. АРХИЛОХЪ И СОЛОНЪ

Изъ путъ вседержавной необходимости, которыми связала человѣка природа, онъ выбивается понемногу на свободу, на вольный просторъ; изъ-подъ гнета чужевластія (авторитета) онъ доходитъ до личной самостоятельности; онъ мало по малу сознаетъ самого себя, свою особенность, свои внутреннія чувства, и хочетъ теперь высказать то что̀ у него за душой. Сначала онъ живетъ въ одномъ почти внѣшнемъ мірѣ, въ созерцаніи, а потому началомъ поэзіи и является всегда эпосъ; затѣмъ онъ обращается къ міру внутреннему, видитъ въ своей субъективности средоточіе и родникъ жизни, и пѣснь его становится уже вѣщимъ голосомъ собственной его души; всѣ внѣшніе предметы имѣютъ для него настолько лишь значенія, насколько они находятъ себѣ отзывъ въ его сердцѣ, или насколько изображаютъ внутреннія его состоянія: однимъ словомъ, настаетъ лирика. Она не отдается спокойному созерцанію готовой передъ ней наличности, или того, что̀ уже прошло; напротивъ, это поэзія настоящаго и непосредственное изліяніе души, взволнованной горемъ или радостью, внутренней борьбой или чувствомъ своего блаженства. Такой органическій, вполнѣ естественный ходъ развитія находимъ мы

у Эллиновъ. Но, по сродному имъ характеру, созерцательность и предметность господствуютъ у нихъ и въ лирикѣ; чувство, личный взглядъ все-таки льнутъ прежде всего къ событіямъ, и картина послѣднихъ предшествуетъ выраженію сердечныхъ ощущеній или помогаетъ ихъ яснѣе онаглядить; внѣшній міръ, правда, представляется въ неразрывной связи съ сердцемъ, но, выходя изъ сердца, лучъ поэзіи все-таки бьетъ прямо на этотъ міръ; задушевная область, съ ея думами и порывами, съ ея чаяніями и томленьями, съ ея безконечностью и таинственною глубиной, съ ея чудесами, кручиной и блаженствомъ, съ ея завѣтною единственностью, съ дивной теплотою преданной любви, не предстаетъ еще сама по себѣ отдѣльно, какъ у позднѣйшихъ лириковъ, Гафиза, Клопштока или Гёте; преимущественно одни еще тотько общія религіозныя чуства, участіе къ общественнымъ дѣламъ, или современные опыты и событія вызываютъ у человѣка пѣсню, и такъ-какъ онъ упираетъ на нихъ прямо и непосредственно или онагляживаетъ въ нихъ душевныя свои настроенья, то пѣснь во всякомъ случаѣ принимаетъ отъ того не столько личный сколько объективный типъ. Вотъ почему лирическая поэзія любитъ здѣсь соединяться не только съ музыкой, но и съ пляской, и ритмъ взволнованной души высказывается не въ одномъ ритмѣ звуковъ, но равномѣрно и въ ритмѣ тѣлодвиженій. Чистымъ эллинствомъ проникнуто замѣчаніе Плутарха: что извѣстное выраженіе Симонида, назвавшаго поэзію говорящею живописью, можно примѣнить и къ орхестикѣ, то-есть поэзію назвать говорящимъ плясомъ, а послѣдній — безмолвною поэзіей. Ульрици, наименовавъ орхестику музыкой движеній, сюда же вообще относитъ и коренящійся въ духѣ древнихъ Грековъ перевѣсъ начала формальной изобразительности и чувственной красоты надъ чисто-духовнымъ содержаніемъ искусства. Такъ-какъ содержаніе не столько выходитъ здѣсь изъ свободнаго существа и мысли внутренняго человѣка, сколько дается ему впечатлѣніями извнѣ; такъ-какъ эллинская душа болѣе удовлетворяется блестящею, свѣтлою, хоть правда и нравственно-благоустроенною, дѣйствительностью земного міра, а не сосредоточивается сама въ себѣ или не ищетъ высшей цѣли и вдохновенія въ надмірномъ безконечномъ или въ богоисполненной вѣчности, то естественно что она ставитъ всего выше красоту и вообще значеніе внѣшней формы: оттого сами древніе дѣлятъ свою лирику не иначе какъ по стихоразмѣрамъ, и особенно стараются сохранить во всей чистотѣ и точности ихъ доброурядный строй и затѣйливое стопосложеніе. Эстетическое чувство формы вѣрно руководитъ ихъ распознавать въ ямбѣ поступательное, восходящее движеніе отъ краткости звука къ долготѣ; въ анапестѣ движеніе это доходитъ до храбраго натиска: потому ямбъ вначалѣ становится стихомъ бичующей сатиры, а послѣ служитъ обычнымъ языкомъ дѣйствія въ драмѣ, тогда какъ анапестъ возбуждаетъ душу воиновъ въ боевыхъ пѣсняхъ. Спадающій, нисходящій, размѣръ трохея выражаетъ, напротивъ, вдумчивое созерцаніе, которое въ спондеѣ какъ бы сдерживается, медлитъ, а въ дактилѣ выливается съ большею быстротой; въ кретикѣ (–́ ◡ –́), въ хоріямбѣ, (–́ ◡ ◡ –́) движеніе идетъ круговоротомъ, всегда поднимаясь опять къ исходной точкѣ, откуда оно началось. Наконецъ, вполнѣ сообразно съ эллинскимъ характеромъ, преобладаніе цѣлой духовной совокупности, то-есть общественныхъ элементовъ надъ всѣмъ личнымъ и субъективнымъ, всегда заявляетъ

себя и особенностью стиля, которая, отвѣчая то дорійскому, то эолійскому, то іонійскому взгляду на вещи, обнаруживается въ своеобразіи звуковъ, стихоразмѣровъ и самихъ предметовъ изложенія, а между тѣмъ даже и со стороны всякаго другого эллинскаго племени принимается за художественную форму, наиболѣе пригодную для передачи какого-нибудь извѣстнаго рода содержанья.

Замѣчательно что стилистическій законъ всегда особенно связывалъ Дорійцевъ, ихъ лирика всего менѣе была дѣломъ индивидуальности, и сплошь посвященная религіозному и политическому быту, выработалась, какъ общенародный голосъ, въ видѣ хорового пѣнія. Послѣднее развилось изъ естественной поэзіи первобытнаго жречества и пріобрѣло въ неразрывной связи съ музыкой такія постоянныя формы, что ихъ прямо называли закономъ (νόμος). Почти нѣтъ вовсе стихотворцевъ, извѣстныхъ по имени: до такой степени они были только голосомъ народнаго сознанья. Музыкантъ Ѳалетъ чуть ли не первый вывелъ хоровое пѣніе изъ предѣловъ завѣтнаго гексаметра на просторъ болѣе свободныхъ ритмовъ, которые однако по прежнему оставались такъ же просты, какъ и степенныя вообще мелодіи; оперпшсь такимъ образомъ на народный элементъ, онъ сталъ художественнымъ основателемъ дорійскаго стиля. Поэзія была прежде всего посвящена религіи; здѣсь примкнула она къ культу Аполлона и служила нравственному его духу, стремилась настроить и поднять къ нему сердца. Въ хорахъ не столько можно было описывать самыя дѣла небожителей, сколько выражать существенный смыслъ ихъ и невольныя ощущенія людей, которые приближались къ ихъ святилищу съ жаждой примиренія или съ радостной благодарностью. Миѳы перетолковывались и преобразовывались здѣсь въ нравственномъ смыслѣ; слагателями ихъ оставались поэты, сохранявшіе за собой полную свободу и не связанные ни какими догматами и уставами жрецовъ. Такимъ образомъ одно изъ божествъ душевнаго міра, Эротъ, олицетвореніе любви, особенно прославлялось лириками, и смотря по взгляду на него каждый придавалъ ему различное происхожденье. Актей, имѣя въ виду мимолетность и внезапность любви, дѣлаетъ его сыномъ Зефира и быстрой какъ вѣтеръ, лѣпоногой богини Ириды; а Сафо называетъ его сыномъ неба и земли, знаменуя этимъ и всемогущество любви и сліяніе въ ней земного съ небеснымъ, духовнаго съ чувственнымъ. Напротивъ, по словамъ Симонида, Эротъ сынъ богини красоты, Афродиты и воинственнаго Ареса, — прямое указаніе на бурный приступъ любви и на борьбу, неразлучную съ этой страстью; у другихъ онъ слыветъ сыномъ Зевса, сыномъ Музы, — также очень мѣткое прозвище: фантазія вѣдь такъ часто порождаетъ юношескую любовь, что не даромъ Англичане окрестили ее ф а н т а з і е й (fancy).

Платонъ признаетъ въ дорійскомъ напѣвѣ характеръ мужества, готоваго на раны и на смерть, готоваго все перенесть съ невозмутимой твердостью и силой. Широкая полнота рѣчи была особенно подстать хоровому пѣнію. Троякій хоръ стариковъ, мужей и отроковъ славилъ на спартанскихъ праздникахъ любовь къ доблестнымъ дѣламъ. Сократъ, имѣя на глазахъ у себя Пиндара и Софокла, тѣмъ не менѣе положительно говорилъ, что храбрѣйшіе изъ Эллиновъ, Лакедемонцы, отличаются въ то же время и прекраснѣйшими хорами; самъ Пиндаръ хвалитъ ихъ за то, что вмѣстѣ съ воинскою

силой и граціей они лелѣють у себя хоропѣнія и хороводы. Каждому Спартанцу надлежало быть гимнастически и «музычески» *) образованнымъ человѣкомъ, но при этомъ оставаться въ крѣпкой связи съ благоустройствомъ цѣлаго и всегда помнить свое въ немъ мѣсто. Терпандръ находилъ что широкая площадь Спарты блещетъ копьями бодрыхъ юношей, оглашается звонкой пѣснью музы и цвѣтетъ равно правымъ для всѣхъ судомъ; Алкманъ поетъ въ свою очередь, что желѣзу дружно вторитъ тамъ пріятная игра на киѳарахъ.

Ѳивяне, по общему отзыву, были непривычны къ мышленію, неповоротливы умомъ, необузданны нравамъ; дерзки въ счастіи и слишкомъ малодушны въ несчастьи; но эта жизнь почти исключительно однимъ чувствомъ именно и представляла самую пригодную почву для музыки и лирики. И если тамъ даже закономъ повелѣвалось живописцамъ и ваятелямъ въ работахъ своихъ всегда превышать дѣйствительность, то развѣ не обличаетъ это въ народномъ духѣ ту могучую идеальную черту, благодаря которой Пиндаръ и Эпаминондъ вошли въ кругъ знаменитѣйшихъ Эллиновъ. Въ служеніи Музамъ, Эроту, Діонису развилась у нихъ многоподвижная лирика въ совокупности съ игрой на флейтѣ, рѣшительно стяжавшей Ѳивянамъ пальму первенства.

Но лирика могла взойдти на степень свободнаго искусства только тогда, когда единичный человѣкъ вышелъ изъ путъ преданія, служа, какъ органъ цѣлаго, религіи и нравамъ; когда, въ качествѣ самостоятельной личности, онъ началъ свободно высказывать задушевныя свои чувства и тѣмъ ясно проявлять господство духа надъ матерьяльнымъ содержаніемъ и надъ формою. А это мы встрѣчаемъ уже только у Іонійцевъ, давшихъ вообще гораздо болѣе простора индивидуальной жизни и ея движенію. Лирика развернулась здѣсь изъ эпоса съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ поэтъ къ изображенію дѣйствительности сталъ присовокуплять ея впечатлѣніе на душу или свою собственную о ней думу; въ согласіи съ этимъ, къ стиху созерцанія, гексаметру, присоединяется стихъ возврата къ самому себѣ, стихъ вдумчивости, отъ движенія явно склоняющійся къ покою: мы говоримъ о пентаметрѣ, который еще разъ повторяетъ первую половину гексаметра, замыкающуюся мужскою цезурой, и восполняетъ паузами или передышкой на исходной долготѣ оба пониженія или слога, которыхъ онъ лишился такимъ образомъ всерединѣ и вконцѣ, вмѣсто того чтобы, какъ дѣлаетъ гексаметръ, съ середины ринуться опять въ новое движеніе и закончить жаждою дальнѣйшаго еще хода впереди. Оба эти стиха всегда чередовались между собою и отсюда выходила маленькая строфическая группа, которую Шиллеръ мѣтко передалъ въ извѣстномъ двустишіи:

У гексаметра вверхъ восходятъ воды потока,
У пентаметра жъ внизъ падаютъ звучно онѣ.

Этотъ метръ—самая подходящая художественная форма для такого содержанія, гдѣ картины внѣшняго міра приводятся въ тѣсную связь съ внутреннимъ,

*) Не говоримъ музыкально потому, чтобъ не дать повода къ смѣшенію крайне обособленнаго музыкальнаго образованія новыхъ временъ съ гораздо болѣе общимъ, греческимъ.

сопровождаясь на каждомъ шагу отголосками сердца или отзывами вдумчиваго размышленія; онъ какъ нельзя лучше знаменуетъ собой переходъ изъ эпоса въ лирику: это еще не выраженіе духа, самостоятельно овладѣвающаго предметами, или сердца, уходящаго само въ себя и услаждающагося своимъ собственнымъ чувствомъ; въ немъ мелодически звучитъ голосъ души, переполненной, охваченной дѣйствительнымъ міромъ и ищущей поладить съ нимъ полюбовной сдѣлкою. Элегіей называютъ Греки всякое стихотвореніе, сложенное этимъ размѣромъ; кажется, элегія первоначально возникла въ видѣ жалобной пѣсни: вопль скорби, элеге, элеге! (то-есть: скажи увы, увы!) прямо слѣдовалъ за похвалой умершему, которая излагалась болѣе эпически, и потому гексаметромъ. Такія скорбныя пѣсни и у Грековъ, сходно съ малоазійскимъ обычаемъ, сопровождались, не какъ эпосъ, отрывистами звуками киѳары, а напротивъ мягкими и протяжными переливами флейты, которая оттуда именно и вошла въ греческую музыку; на торжественныхъ пирахъ подъ звуки флейтъ декламировались потомъ разныя элегическія стихотворенія. «Возбужденный событіями и обстоятельствами близ-«кой ему современности, говоритъ О. Мюллеръ, пѣвецъ въ кругу друзей и «земляковъ изливаетъ душу подробнымъ описаніемъ того что̀ онъ пережилъ, «откровенною передачей своихъ опасеній и надеждъ, накопившихся у него «укоризнъ и совѣтовъ. И какъ для Грека раннихъ временъ всего ближе къ «сердцу было государство, его община, то отсюда и понятно что направле-«ніе элегіи явилось съ самаго начала политическимъ и воинственнымъ.» По крайней мѣрѣ это направленіе внесъ въ литературу элегикъ Каллинъ.

Въ первой половинѣ 7-го вѣка предъ Р. Х. родному городу Каллина, Эфесу, угрожали не только единоплеменные жители Магнезіи, но еще и вторженіе Киммеріянъ въ малоазійскіе предѣлы; тогда возвысилъ голосъ свой поэтъ:

Долго ли жь сидѣть вамъ въ покоѣ? Когда ободритесь вы духомъ,
О юноши? Не стыдно ли вамъ передъ всѣми сосѣдями
Предаваться такому праздному бездѣлью? Вы думаете, что укромно пріютились на лонѣ мира,
Опомнитесь, война вѣдь ужь наводняетъ цѣлый край.

И тутъ онъ напоминаетъ, какъ славно биться за отечество, за женъ и дѣтей: смерти ни кому не миновать въ урочное время. Кто высоко держитъ копье, кто жмется къ ребру щита мужественной грудью, на того всѣ смотрятъ какъ на башню оборонную, и умретъ ли онъ, останется ль въ живыхъ, всѣ чтутъ его наравнѣ съ героями. Такъ съ эпической наглядностью изложенья сливается здѣсь лирически чувство чести, любовь къ свободѣ и къ родинѣ, и вмѣстѣ дума надъ ожидающей человѣка судьбою.

Во второй половинѣ 7-го вѣка, Тиртей, родомъ изъ Афидиъ въ Аттикѣ, одушевлялъ спартанскую молодежь мужествомъ и жаждою побѣды среди бѣдствій войны съ Мессиной. Онъ указываетъ имъ на волю боговъ, даровавшихъ эту землю Гераклидамъ, на вѣщее слово Феба, обѣщавшаго народу благополучный исходъ, если онъ будетъ изященъ въ рѣчахъ и справедливъ въ поступкахъ. И Тиртей рисуетъ наглядными чертами горе и стыдъ того несчастнаго, который, бывъ изгнанъ изъ родной страны, вынужденъ ходить по̀ міру на чужбинѣ: не гораздо ли славнѣе погибнуть за домашній очагъ? Сколь-

ко бы кто ни былъ быстръ и силенъ, богатъ или властителенъ, объ немъ и не помянутъ впослѣдствіи, если онъ не умѣлъ глядѣть въ глаза кровавой смерти. Общимъ добромъ цѣлаго народа чтится человѣкъ, не покидающій передовыхъ рядовъ въ пылу боя; и положитъ онъ тутъ жизнь свою, по немъ тужитъ старъ и младъ, а воротится благополучно съ побѣдою, всѣ передъ нимъ встаютъ, какъ скоро увидятъ что онъ подходитъ. Какъ подобаетъ истому Эллину, Тиртей находитъ позорнымъ чтобы человѣкъ въ лѣтахъ, павъ въ бою прежде юношей, лежалъ непокрытый съ окровавленными сѣдинами; но тотъ, кто еще цвѣтетъ свѣжей молодостью, какъ прекрасенъ онъ и въ кончинѣ! Слава тому, кому выпадетъ черный жребій смерти въ сраженіи, онъ озарится имъ какъ привѣтнымъ лучомъ солнца.

Но полное проторженіе субъективности наступило во второй половинѣ 7-го вѣка благодаря геніальной натурѣ Архилоха. Попавъ съ самаго начала подъ ударъ житейскихъ бурь, онъ извѣдалъ въ борьбѣ съ ними свои силы, достигъ свободнаго сознанія своей индивидуальности и высказалъ свои настроенія и тяжкіе опыты рѣшительно и безъ малѣйшей оглядки, такъ что своей смѣлостью и неудержимой страстью пришелъ даже въ разладъ съ обычаемъ и закономъ и навлекъ себѣ много непріятностей и бѣдъ, но восторжествовалъ надъ ними своимъ поэтическимъ величіемъ. Сами древніе ставили его и Софокла на ряду съ Гомеромъ; невознаградимою утратой для исторіи человѣческаго духа должно почесть то, что изъ произведеній его сохранились только мелкіе отрывки, не болѣе.

Онъ былъ сынъ одного знатнаго отъ невольницы; отецъ, по разнымъ несчастнымъ случайностямъ, разорился, обѣднялъ и сталъ во главѣ одной колоніи, выселившейся изъ Пароса на островъ Ѳазосъ, который, по словамъ самого поэта, тянется ослинымъ хребтомъ, и весь обросъ дикимъ лѣсомъ, гдѣ нѣтъ ни отрадныхъ полянъ ни луговъ столь желанныхъ для новосельца. Архилохъ пѣлъ гимны богинѣ Деметрѣ, и самъ похвалялся еще тѣмъ, что умѣетъ «красно славить и владыку Діониса, когда молнія вина пронижетъ «ему огнемъ всѣ чувства.» Страстно полюбилъ онъ милую Необулу:

Игриво держитъ она въ рукахъ миртовый вѣнокъ
И прекрасныя розы, а густыя пряди темныхъ волосъ
Осѣняютъ ей волной и плеча и шею.

О, еслибъ коснуться ему только руки ея! Любовь такъ крѣпко охватила сердце, что улетѣло изъ него всякое мужество, и глаза туманитъ мглистая ночь; жалобно стонетъ онъ:

Лежу, терзаясь тоской,
Совсѣмъ бездыханный; нестерпимыми муками сверлятъ меня
До мозга костей всевластные боги.

И Ликамбъ обручилъ съ нимъ свою дочь, но потомъ отказался ее выдать, забывъ свою клятву и то, что уже подалъ ему соли за сговорной трапезой. Сама невѣста принесла уже огонь въ одной рукѣ и воду въ другой. Тогда Архилохъ надумался въ своемъ горѣ: лисица хитра на многое, а ежъ мастеръ на одно, — свернуться въ клубокъ и уколоть. Онъ воспользовался

обычаемъ, дозволявшимъ въ праздникъ виноградпаго сбора самыя дерзкія насмѣшки и выходки, и отомстилъ вѣроломцу такими страшно-язвительными стихами, что отецъ, говорятъ, повѣсился съ отчаянья вмѣстѣ съ своими дочерьми. Во всякомъ случаѣ онъ сдѣлалъ ихъ посмѣшищемъ всего острова. Онъ самъ разсказалъ басню о союзѣ орла съ лисою. Орелъ, подъ личиной дружбы, поѣлъ у лисицы дѣтенышей; та обратилась съ мольбой къ богамъ, заклиная покарать такое вѣроломство, и вотъ когда орелъ однажды похитилъ съ алтаря часть жертвы, онъ унесъ вмѣстѣ съ ней и горячій уголь, отъ котораго загорѣлось его гнѣздо, и онъ погибъ тамъ вмѣстѣ съ своими орлятами.

На Ѳазосѣ поэтъ принималъ участье въ битвахъ жителей съ Ѳракійцами, и, древній Бертранъ де-Борнъ, онъ хвалится двойною службой Аресу и Музамъ. Въ копьѣ для него сытный хлѣбъ, въ копьѣ для него вино, опираясь на копье, онъ выпиваетъ свой кубокъ. Утративъ однажды щитъ, онъ становится выше той прямо солдатской чести Спартанцевъ, которая велитъ имъ воротиться со щитомъ или на щитѣ; онъ радъ что сохранно вынесъ жизнь свою, а новый щитъ ужь найдется для побѣдоноснаго боя. По бѣдствія колоніи тяжко огорчаютъ его, и онъ поетъ жалобную пѣснь друзьямъ, погибшимъ въ волнахъ бурнаго моря. По возвратѣ на островъ Паросъ, онъ палъ въ битвѣ отъ руки Наксянина Калонда. Когда Калондъ хотѣлъ было послѣ этого войдти въ дельфійскій храмъ, жрица остановила его запретомъ: «Ты умертвилъ «служителя музъ,—вонъ изъ святилища!»

Для своихъ сатирическихъ выходокъ, направленныхъ противъ разныхъ личностей и дѣлъ, Архилохъ избралъ наступательный размѣръ ямба и придумалъ состоящій изъ трехъ двойныхъ стопъ триметръ; элегіи же пѣлъ онъ прежнимъ, общепринятымъ размѣромъ; для выраженія серьёзныхъ важныхъ думъ онъ ввелъ въ употребленіе трохаическій тетраметръ: такимъ образомъ размѣръ въ мастерской его рукѣ гибко видоизмѣнялся по настроенію. При этомъ языкъ его не отличается уже старообычной торжественностью, онъ не украшенъ, полными свѣжести и новой знаменательной силы, постоянными прилогами, которые, высказывая напрямикъ даже и низкое, очаровываютъ милѣйшей простотою въ выраженіи самыхъ задушевныхъ чувствъ. Изъ личныхъ состояній души своей почерпалъ онъ близкій къ жизненному обиходу настоящій тонъ, но умѣлъ всегда пріятно округлить обороты энергической своей рѣчи, облечь въ мѣткое всегда слово любую быстролетную мысль и дать ей въ немъ полный мелодическій отголосокъ. Онъ понялъ что дѣла и вещи таковы и есть, какими они чувствуются и мыслятся; онъ училъ все предоставлять верховной волѣ боговъ, унижающей горделивыхъ и подымающей угнетеннаго изъ тяжкой напасти; онъ увѣщевалъ самого себя блюсти мѣру и сохранять равнодушіе:

Сердце, мое сердце, чтó ты такъ мятешься бурею заботъ и печалей?
Ободрись! Смѣло бросься грудью въ отпоръ нéдругу
И самоувѣренно подступай къ его засадѣ!
Но никогда не предавайся слишкомъ громкимъ ликованіямъ, если удастся побѣдить,
Никогда не крушись горемъ сидя дома, въ случаѣ неудачи;
Не радуйся чрезмѣру въ день веселья, да не слишкомъ ропщи и въ черный день,
Всегда помня то теченіе, которое велевластно правитъ всѣми людскими дѣлами.

Къ Архилоху примкнулъ Симонидъ, родомъ изъ Аморгоса (одного изъ Кикладскихъ острововъ); но сатира его была зеркаломъ не отдѣльныхъ только личностей, а всего женскаго пола вообще; онъ производилъ женщинъ отъ животныхъ, называя неряхъ внучками свиней, щеголихъ пріурочивая къ обезьянамъ и т. д.; по его мысли сущее благо для мужа только досужая и вѣрная домохозяйка, которая прямо происходитъ отъ пчелы. — Гиппонаксъ, процвѣтавшій въ Эфесѣ около 540-хъ годовъ мстилъ сатирой ваятелямъ, изобразившимъ его въ каррикатурномъ видѣ, и писалъ яркія картины нравовъ своей родины; ихъ гнусныя и безобразныя черты старался онъ передать въ умышленно-странной и изломанной формѣ, перерывая ритмъ вконцѣ каждаго стиха и замѣняя шестой ямбъ спондеемъ: оттого стихи его и зовутъ хромыми триметрами или холіямбами.

Къ такимъ лирическимъ перелицовкамъ жизни относимъ мы сверхъ-того нѣкоторыя комическія или пародистико-эпическія стихотворенія. Такъ, въ тонѣ героической поэмы, воспѣта напримѣръ исторія дурака Маргита, воображавшаго себя умникомъ,—дурака, который много знаетъ, да только все навыворотъ, котораго до простѣйшихъ въ мірѣ вещей надо доводить утонченнѣйшими средствами; слава, какою піэса эта пользуется у Аристотеля, заставляетъ сожалѣть объ ея утратѣ; ее приписывали даже самому Гомеру. Пересыпáть ямбами гексаметръ чуть ли не первый началъ братъ Артемисіи, Пигръ, слывшій также и авторомъ Ватрахоміомахіи, «Войны мышей съ лягушками». Это не отрывокъ изъ древнѣйшаго звѣросказанія, а просто вымышленная борьба лягушекъ и мышей, съ участіемъ тутъ впрочемъ и Олимпа, переданная въ героическомъ тонѣ Иліады. Въ ней однакожъ мало остроты, да не больше и поэзіи.

Мы видимъ, что Гезіодъ и Архилохъ оба пользуются уже баснею, и вообще находимъ въ Греціи разные остатки стародавняго животнаго эпоса; но они не разработывались здѣсь сами по себѣ, съ живымъ чувствомъ природы; направленный къ человѣчному, умъ Эллиновъ бралъ изъ нихъ только то, что явно подходило къ изображенію людского побыта, устраняя все остальное; даже тѣ вымышленные разсказы о животныхъ, которые вводились иногда въ видѣ подобія, никогда не шли далѣе того что было нужно для разъясненія человѣческихъ отношеній. Это и повело прямо къ баснѣ, которая иначе зовется эносъ, увѣщаніемъ, наставленьемъ. Самосскій невольникъ, Эзопъ, около 570-хъ годовъ предъ Р. Х., былъ, говорятъ, мастеръ на изобрѣтеніе и передачу такихъ наставительныхъ разсказовъ про звѣрей; собственная жизнь его была потомъ изукрашена разными миѳами, и его имя стало носителемъ всѣхъ лучшихъ басень, которыя переходили въ народѣ изъ устъ въ уста.

Отъ Эзопа же идетъ элегическій отзывъ о многотрудности людской жизни:

Помимо смерти какъ же уйдти отъ тебя, о жизнь? Ты вѣдь обильна бѣдами,
И не легко избѣжать ихъ, да не легко и терпѣть.
Чѣмъ поистинѣ украсила тебя природа? Гладь моря,
Земля, звѣзды, два круга — круги солнца и луны;
А за тѣмъ все прочее—только страхъ и горе; кому жь и выпадетъ на долю крупица добра,
Тотъ такъ и жди себѣ въ будущемъ неизбѣжной Немезиды.

Та же меланхолическая тѣнь лежитъ на стихотвореніяхъ Колофонца Мимнерма; чары весны и молодости своей быстролетностью грустно настроиваютъ его лиру, и что-то сантиментальное звучитъ въ его наивной исповѣди, что жизнь цѣнна лишь до тѣхъ поръ, пока можно наслаждаться ею съ полнымъ чувственнымъ пыломъ. Мимнермъ пѣлъ также о политическихъ судьбахъ родного своего города: то была пора, когда малоазійскіе Греки лишились свободы; но поэтъ болѣе обращался съ тоской къ прошлому, нежели возбуждалъ современниковъ къ мужественному отпору въ настоящемъ. Большую часть своихъ элегій посвятилъ онъ любимой имъ флейтщицѣ Наннонѣ, но та предпочла ему соперниковъ помоложе. И вотъ отчего своими мягко-мелодическими звуками онъ подготовилъ позднѣйшее направленіе элегіи, и былъ за то особенно любимъ подъ окончательный исходъ древняго міра. Весь смыслъ его жизни и поэзіи заключался въ знаменитыхъ двустишіяхъ:

Что̀ значитъ жизнь и что̀ радость, безъ Киприіи?
Да умру я въ тотъ мигъ, когда перестанутъ веселить меня
Тайный союзъ любви, сладкій лепетъ и млѣніе нѣжныхъ объятій,
Когда исчезнутъ обаятельныя чары милой юности.

Но онъ же пѣлъ и другое:

Да стоитъ всегда истина
Обокъ съ тобой и со мной! Она вѣдь справедливѣе всего въ мірѣ.

Съ этой мыслью перейдемъ мы къ младшему его современнику, Аѳинянину Солону, который, принадлежа къ величайшимъ и благороднѣйшимъ государственнымъ людямъ всѣхъ вѣковъ, составляетъ собой эпоху не для одной только Греціи, но и для цѣлаго человѣчества. Муза сопровождала въ теченіе всей жизни и его; полезная его дѣятельность тѣмъ лучше принялась у художническаго отъ природы племени, что мысли свои онъ внушалъ ему въ стихахъ: поэзія занимала тогда, какъ и въ трубадурскихъ сирвентесахъ, мѣсто передовыхъ газетныхъ статей нашей эпохи. Солонъ былъ одинъ изъ семи мудрецовъ, которыми началась пора, когда человѣкъ сталъ собственнымъ размышленіемъ доходить до твердыхъ основаній и опредѣленныхъ цѣлей своей дѣятельности, когда свободная мысль стала пріобрѣтать самостоятельность и дѣлаться могучею пружиной жизни. Онъ происходилъ отъ племени Кодра, послѣдняго царя въ Аттикѣ. Вслѣдъ за Кодромъ водворилось господство аристократіи, которая управляла государствомъ съ помощію десяти архонтовъ, выбранныхъ изъ ея среды; такимъ образомъ вся общественная справа велась преимущественно въ интересахъ знати, земледѣльческій людъ былъ угнетенъ и поставленъ въ возроставшую со дня на день зависимость, всѣ участки его были обременены долгами, и онъ былъ на одинъ шагъ отъ полнаго закрѣпощенія. Тщетно старались пособить горю тѣмъ, чтобъ по крайней мѣрѣ оградить несчастныхъ отъ совершеннаго произвола какими-нибудь прочными уставами; вся жесткость вѣковыхъ порядковъ обнаружилась особенно съ тѣхъ поръ, какъ Драконъ свелъ ихъ воедино: тогда стало ясно что законы эти писаны кровію. Власть государства при такихъ условіяхъ естественно упала; казалось что и въ Аѳинахъ, какъ въ другихъ краяхъ, первый

вышедшій изъ ряду человѣкъ могъ захватить господство въ свои руки, лишь бы только принялъ сторону народа противъ аристократіи. Килонъ покусился на это, но приверженцы его были всѣ перебиты у самыхъ алтарей. Эта кровавая вина легла какъ бы заклятіемъ на силы междоусобствующихъ гражданъ; дошло до того, что (слабая относительно) Мегара смогла завладѣть островомъ Саламиной и оттуда запереть всякій сбытъ для аѳинской торговли. Послѣ долгой напрасной борьбы запрещено было подъ смертной казнью даже предлагать отвоеваніе Саламины. Тутъ явился спасителемъ Солонъ. И онъ въ ранней молодости тѣшился конями и охотой, любовью и виномъ, подслащая все это пѣснями; современемъ, пустившись въ дальнія торговыя странствія, онъ пріобрѣлъ знаніе людей и свѣта. Ясный умъ помогъ ему стать выше сословныхъ предразсудковъ, а сердечная теплота внушила ему взяться за дѣло народа какъ за свое собственное. Онъ отважился пробудить чувство чести къ борьбѣ за Саламинъ; въ виду угрожавшей за то смертной казни, онъ притворился помѣшаннымъ; съ шапкой глашатая на головѣ онъ вдругъ вскочилъ на камень передъ собравшейся толпою и въ потрясающей элегіи изобразилъ бѣдствіе и срамъ, до какихъ дошли Аѳины черезъ потерю этого острова. Пятьсотъ гражданъ рѣшились идти за нимъ, чтобъ воротить ее, выслушавъ послѣднія его слова:

Пойдемъ же! прямо къ Саламину!
Отвоюемъ этотъ милый островъ!
Пора намъ сбросить съ себя ярмо позора!

Но теперь надо было установить миръ и совѣтъ внутри. Съ помощью одного прорицателя, Критянина Эпименида, хорошо знакомаго съ древними религіозными обрядами, Солонъ вновь освятилъ всѣ алтари; виновные въ убійствѣ Килоновыхъ приверженцевъ были наказаны за свое злодѣйство, весь городъ принесъ передъ богами повинную, и такъ какъ умы и сердца успокоились и ободрились здѣсь именно благодаря культу Аполлона, то вслѣдъ за тѣмъ Солонъ побудилъ возрожденныя Аѳины идти на помощь утѣсненнымъ Дельфамъ и такимъ образомъ выступить въ качествѣ державы вліятельной и на внѣшнія дѣла. Самъ же онъ, въ своихъ стихотвореніяхъ, восхвалялъ умѣренность передъ жаждою стяжанія, указывалъ на непрочность и ненадежность земныхъ благъ, которыхъ никто не возьметъ съ собой за предѣлы здѣшней жизни, тогда какъ душевная доблесть остается вѣчнымъ сокровищемъ; онъ объяснялъ какъ неспоро все нажитое неправдою, какъ послѣдній исходъ всякаго дѣла уряжается однимъ Зевсомъ, какъ богиня права сперва безмолвно смотритъ на то что́ творится и что́ сдѣлалось, а подконецъ все-таки явится съ возмездіемъ. Онъ говорилъ о необходимости хорошихъ (то-есть правомѣрныхъ) законовъ:

Все учреждается ко благу общему добрымъ уставомъ,
Но въ то же время налагаются имъ узы злодѣямъ;
Онъ сглаживаетъ все терпкое, сдерживаетъ пресыщеніе, подавляетъ нечестье;
Отъ него вянетъ плодучій цвѣтъ злоумышленія,
Онъ смиряетъ лишнюю заносчивость,
Онъ выпрямляетъ всякую кривду,
И ставитъ предѣлъ потоку междуусобной вражды,
Легко возростающему пылу взаимнаго раздраженія;
Благодаря ему все у людей выходитъ обдуманнымъ и ладнымъ.

Народъ требовалъ Солонова единовластія; но онъ предпочелъ путь законности и добровольныхъ соглашеній для государственнаго уряда. Сама аристократія видѣла неотложность перемѣнъ, и Солонъ былъ избранъ въ архонты, съ тѣмъ чтобы водворить миръ между народомъ и знатными и издать необходимые для того законы. По предложенію его немедленно освобождены были всѣ должники, присужденные за неплатежъ въ кабалу заимодавцамъ, и всѣ ссуды выданныя подъ личный залогъ объявлены погашенными; ростъ на долги по имущественнымъ залогамъ былъ пониженъ, и самый возвратъ капиталовъ, перемѣною монетной пробы, облегченъ. Будущность сельскаго сословія обезпечена тѣмъ, что поставленъ предѣлъ разросту аристократическихъ владѣній. Это было снятіе общественныхъ тягостей помимо всякаго насильственнаго переворота. Солонъ говоритъ самъ: «теребимый отовсюда, «я ходилъ какъ волкъ между собаками; поддайся я внушенію партій, рѣки «крови потекли бы со всѣхъ сторонъ». Такимъ же образомъ урядилъ онъ и строй государства. Онъ отмѣнилъ господство знати, узаконенныя преимущества рожденія; посредствующимъ звеномъ между знатью и народомъ поставилъ онъ имовитость, открывающую доступъ къ человѣчному образованію и къ управленію общественными дѣлами. Онъ подѣлилъ народъ на четыре класса, изъ которыхъ три высшіе несли на себѣ по размѣру владѣнія всѣ государственныя тягости и, за предоставленныя имъ права, платили бо̀льшимъ числомъ личныхъ обязанностей и податныхъ взносовъ. Изъ крупнѣйшихъ владѣльцевъ—людей большою частью родовитыхъ, но въ число ихъ могъ теперь поступить и всякій съ увеличеніемъ своей земельной собственности—народъ назначалъ архонтовъ по выбору, а въ помощь имъ приданъ былъ совѣтъ, выбираемый отъ всего народа изъ трехъ высшихъ классовъ. Всѣ должностныя лица были отвѣтственны передъ народнымъ собраніемъ; ему на утвержденіе представлялись всѣ законопроекты, всѣ важныя государственныя мѣры, и въ собраніи каждый неопороченный гражданинъ имѣлъ право свободно говорить о предложеніяхъ совѣта. При архонтахъ, какъ правителяхъ республики, судебною частію завѣдывали выборные народные судьи, постановлявшіе свои приговоры на основаніи смягченныхъ Солономъ законовъ. Архонты, безукоризненно исполнившіе свою обязанность, оставались пожизненно членами ареопага въ качествѣ уголовныхъ судей, блюстителей законовъ и основного государственнаго устава, руководителей общественнаго воспитанія, ревнителей благомыслія и религіозной жизни. Опираясь на совѣтъ и на ареопагъ, государственный корабль, по выраженію Солона, долженъ былъ стоять надежно и неколебимо какъ на двухъ якоряхъ.

Такимъ образомъ сняты были путы съ народныхъ силъ, свобода и порядокъ положены въ твердую основу общественной жизни, права и обязанности приведены въ надлежащее соотвѣтствіе, старина органически связана съ новизной, установлены раздѣленіе государственныхъ властей и совмѣстное ихъ дѣйствіе, — все это благодаря мудрой прозорливости одного великаго ума, хотѣвшаго чтобы самъ народъ добровольно принялъ тѣ новые уставы, которые должны были привести его къ самоуправленію. Солонъ говоритъ:

Я далъ народу силы въ государствѣ, сколько слѣдуетъ,
Ни обдѣливъ, ни надѣливъ его свыше надлежащей мѣры;

Да и для людей властныхъ, чтимыхъ по большому достатку,
Я также придумалъ вполнѣ безобидное положеніе.
Выходитъ, я покрылъ могучимъ щитомъ обѣ стороны,
И не далъ перевѣса ни одной наперекоръ праву.

Вотъ почему, какъ Моисей и какъ Вашингтонъ, занимаетъ онъ блестящее мѣсто во всемірной исторіи, и еслибъ кто вздумалъ попенять ему, зачѣмъ онъ не присвоилъ себѣ единодержавной власти, онъ съ истиннымъ достоинствомъ могъ бы возразить себялюбцамъ:

Если я такъ пощадилъ свое отечество
И не захватилъ въ собственные руки тяжкую принудительную власть
Въ срамъ и поруганіе своей славѣ,
То этого я вовсе не стыжусь; напротивъ, надѣюсь что этимъ именно
Я отличился передъ другими!

Когда жь впослѣдствіи Аѳины все-таки прошли чрезъ Писистратово единовластіе прежде чѣмъ достигнуть самоуправленья, Солонъ предостерегалъ гражданъ, что они сами виноваты, если даютъ ослѣпить себя мишурой словъ, не всматриваясь въ поступки человѣка.

Горе навлекши себѣ низкимъ образомъ собственныхъ мыслей,
Не слагайте напрасно вины на велѣнье безсмертныхъ боговъ.

Въ ямбахъ, проложившихъ дорогу энергіи позднѣйшей аттической рѣчи, защищаетъ онъ свое дѣло, призывая всю землю въ свидѣтели, какъ освободилъ онъ и поля и людей, какъ связалъ силу власти съ справедливостью и написалъ равно льготные для всѣхъ законы. Пусть теперь другой не успокоится до тѣхъ поръ пока не выпахтаетъ себѣ изъ молока масло постояннымъ колыханьемъ, Солонъ безкорыстно сдѣлалъ все что̀ отъ него зависѣло.

Его государственный уставъ былъ и остался для Аѳинъ коренною почвой права, основою ихъ процвѣтанья и величія. Это не дикій только самородокъ, но истинно-художническое созданіе, порожденный духомъ урядъ дѣйствительности, сообразный и съ даннымъ положеніемъ вещей, и съ идеей права; а творцомъ этого мастерскаго произведенія политики былъ мудрецъ, учившійся еще и въ старости, но не хотѣвшій никого назвать счастливымъ вплоть до самой могилы, — онъ былъ также и служитель музъ и обращался къ нимъ съ слѣдующей молитвою:

Вы, чудныя дочери олимпійскаго Зевса и Мнемозины,
Обитательницы луговъ Піэріи, Музы, внемлите мольбѣ моей:
Испросите мнѣ благословенія отъ руки безсмертныхъ,
Да буду я всегда въ почетѣ и доброй славѣ у всѣхъ людей;
Да буду на радость друзьямъ, спицей въ глазу всякому недругу;
Да буду достойно уваженъ первыми и страшенъ послѣднимъ.
Желаю я наслаждаться и вещественными благами, но только не противъ права
Хочу ихъ; за этимъ всегда слѣдуетъ подконецъ наказаніе.
Одно то богатство, которое боги дадутъ человѣку, остается за нимъ,
Остается прочно отъ глубочайшаго корня и до послѣднихъ верхушекъ.

Совсѣмъ не такъ какъ Солонъ относился Ѳеогнидъ Мегарецъ къ политическимъ борьбамъ того времени. Онъ крѣпко держится за старый взглядъ,

что родовитость неразлучна съ благородствомъ духа; онъ желалъ бы отомстить народу за то, что тотъ выгналъ неподатливую знать изъ ея помѣстьевъ; даже крикъ журавля, возвѣщающій людямъ лучшую пору сѣва, напоминаетъ ему что поля его отошли въ надѣлъ другимъ. Онъ не хочетъ и слышать объ участіи поселянъ въ государственномъ дѣлѣ, о бракахъ между лицами высшаго и низшаго сословія.

Выбираемъ же мы, о Кирнъ, барановъ и ословъ для приплода,
Ищемъ же мы кровныхъ жеребцовъ, и случаемъ ихъ
Съ хорошими только самками; а между тѣмъ родовой аристократъ
Не гнушается женитьбой на дочери какой-нибудь дряни, лишь бы взять за ней побольше
денегъ въ приданое.

Выраженія: хорошіе и дурные, благородные и подлые или низкіе, Өеогнидъ употребляетъ и въ нравственномъ смыслѣ и въ смыслѣ сословномъ *), потому что благородство крови и души для него одно. Своимъ застольнымъ товарищамъ, въ элегіяхъ съ аккомпаниментомъ флейтъ, представляетъ онъ картину старыхъ добрыхъ нравовъ. Впослѣдствіи обращали вниманіе на одно только нравственное значеніе его словъ (позабывая сословное), и мы видимъ что Ксенофонтъ называетъ его стихотворенія книгою о человѣкѣ. Но проповѣдываемыя ею мудрость и добродѣтель не столько касаются внутренняго человѣка и освященія задушевныхъ его чувствъ, сколько жизни въ обществѣ и потребныхъ для того сдержанности и смѣтки. Элегіи эти богаты мыслями, и потому ихъ растеребили на остроумныя изреченья; языкъ отличается плавностью и ясностью. Въ такихъ вещахъ, какъ напримѣръ слѣдующія, намъ все-таки предстаетъ образъ древняго міросозерцанья:

Въ справедливости заключены всѣ добродѣтели;
Кто справедливъ, о Кирнъ, тотъ, повѣрь, и благороденъ.

У человѣка ничего нѣтъ лучше здраваго смысла,
Но за то и ничего хуже безсмыслія.

Кирнъ, не дозволяй себѣ никогда слишкомъ заносчиваго слова:
Вѣдь ни одинъ человѣкъ не знаетъ что̀ въ теченіе сутокъ приключится смертнымъ.

На глазъ опытныхъ людей, въ огнѣ оказывается содержанье серебра и золота,
А въ винѣ обнаруживается вся внутренность человѣка.

Честнаго друга Өеогнидъ цѣнитъ на̀ вѣсъ золота, и какъ Спартанцы при звонѣ заздравныхъ чашъ особенно восхваляли счастіе того изъ товарищей, кого ждетъ дома красавица-жена, такъ точно поетъ и онъ:

Кирнъ, нѣтъ ни чего слаще обладанія благородной женою;
Примѣръ этому я, а ты будь свидѣтелемъ, что я сказалъ правду.

Какъ прекрасно отличается это отъ хромыхъ ямбовъ вольнодумца Гиппонакса:

Въ цѣлой жизни жены два дня всѣхъ прочихъ отраднѣй:
День, когда взялъ ты ее, и другой, когда схоронилъ.

---

*) Такое низведеніе благородства на ступень чисто-матерьяльнаго свойства крови очень долго поддерживается сперва самомнѣніемъ знати, а потомъ еще дольше невѣжествомъ толпы

Θеогнидъ умолялъ богиню любви:

Дочь Кипра, утоли мою муку, разсѣй заботы
Гложущія мнѣ сердце, возврати меня прежней радости;
Усыпи во мнѣ снѣдающую тоску, и дай мнѣ
Послѣ наслажденій юности взяться съ бодрымъ духомъ за настоящее дѣло.

А вотъ обращеніе его къ Музамъ и Граціямъ:

Хоръ Музъ и Харитъ, дочери Зевса, вы, пѣвшія
На брачномъ пиру у Кадма великолѣпную пѣсню:
„Чтó прекрасно, то мило, чтó не красно, то и не́ мило!“ *)
Такъ и идетъ съ тѣхъ поръ изъ устъ въ уста это слово безсмертныхъ.

Милетянинъ Фокилидъ сочинялъ свои краткія гномическія стихотворенія въ гексаметрахъ. Но онъ задавался вопросомъ, какая радость въ знатномъ родѣ, если онъ не украшается мудростію мысли и граціей въ выраженіи; и подобно тому какъ Солонъ видѣлъ въ среднемъ сословіи настоящее ядро государства, такъ и Фокилидъ считалъ за лучшее середину, среднее положеніе въ житейскомъ быту.

Вообще же элегическое двустишіе справедливо слыло у Грековъ самою соотвѣтственною формой для краткихъ поговорокъ или изреченій, въ которыхъ они развертывали и округляли какую-нибудь милую картинку или глубокó обдуманную мысль. Эпиграммы ихъ размножились понемногу, такъ же какъ и рѣзные ихъ камни, особенно въ позднѣйшія времена, и запечатлѣли столько же интересныхъ мыслей пріятнымъ словооборотомъ, сколько сейчасъ названный родъ пластики выразилъ ихъ въ своихъ утонченныхъ очертаньяхъ. Остроумія, язвительной колкости, неожиданности тутъ не требовалось; эпиграмма, какъ видно изъ самаго ея названія, была первоначально надписью на памятникѣ или на приносномъ дарѣ; она высказывала духовное значеніе предмета, вещественное возводила въ мысль. Симонидъ Кеосецъ, превосходный притомъ элегикъ, который своей «заплачкою» по мараѳонскимъ героямъ даже перебилъ награду у Эсхила, слылъ вмѣстѣ и лучшимъ эпиграмматикомъ въ эпоху Персидскихъ войнъ; ему принадлежатъ знаменитыя надгробныя надписи, внушавшія и славившія преданность гражданина государству, готовность умереть за родной край. Такъ на Мараѳонскомъ памятникѣ было сказано:

Привѣтъ вамъ, герои битвы, стяжавшіе славу безконечную,
Чудные дѣти Аѳинъ, испытанные въ дѣлѣ всадники!
Положили вы молодую жизнь за зеленѣющую лугами родину,
За досточтимыя племена и отросли всего эллинскаго народа!

На памятникѣ Леонида и трехсотной его дружины въ Θермопилахъ изображено:

Путникъ, какъ въ Спарту придешь, повѣдай тамъ чтó ты здѣсь видѣлъ:
Всѣ заодно мы легли, какъ повелѣлъ намъ законъ.

---

*) Въ противоположность нашему христіанскому воззрѣнію: „Не пó хорошу милъ, а пó милу хорошъ.“ Прим. перев.

МУЗЫКА.

Нераздѣльное еще единство разныхъ художественныхъ средствъ въ слитности слова съ музыкой и плясовымъ движеніемъ, съ душеобличительной игрою жестовъ, — эта общая принадлежность всѣхъ первобытныхъ племенъ, — нашло себѣ истинно-художническую выработку въ хоровой лирикѣ и въ драмѣ Эллиновъ. Ихъ музыка такъ и осталась словопѣніемъ;*) и еще Сократъ говоритъ какъ о чемъ-то очень странномъ, когда мелодію играли на лирѣ или на флейтѣ одну безъ голоса. Имъ чужда была наша гармонія, которая даетъ вѣдь не только извѣстную череду стройныхъ созвучій, но и нѣсколько совмѣстныхъ голосовъ, ведетъ нѣсколько мелодій или напѣвовъ разомъ, объединяя посредствомъ такта ихъ ускоренное или замедленное движеніе и разрѣшая въ удовлетворительное для уха благозвучіе допускаемые иногда при этомъ диссонансы. А между тѣмъ только благодаря гармоніи и возможна инструментальная музыка какъ самостоятельное искусство, только благодаря ей и открываются намъ безсловная и безобразная еще глубина души, неоформленные еще порывы міровыхъ силъ и, въ борьбѣ, равно какъ и въ согласномъ дѣйствіи ихъ между собою,—красоты слагающейся передъ нами новой жизни. Пластическій, дорожившій всего больше наглядностью, смыслъ Эллиновъ, сообщилъ и музыкѣ пластическій отпечатокъ; она шла за словами по пятамъ, чтобъ содержаніе ихъ передать въ звуковомъ образѣ, чтобы чередовой смѣной высокихъ и низкихъ тоновъ еще явственнѣе выставить восходящее и нисходящее движеніе стихотворнаго ритма; она ясно произносила слогъ за слогомъ, не думая играть ни какой роли сама по себѣ, ни на чемъ не останавливаясь, не повторяясь, не возвращаясь назадъ для того чтобы углубиться во что-нибудь особенно; изящные образы поэзіи отнюдь не должны были тонуть въ самовольно катящемся потокѣ звуковъ, а только имъ поддерживаться и выразительно сопровождаться. Эстетическій духъ Грековъ правда воздѣлывалъ также и любилъ музыку для наслажденія ея красотой наравнѣ съ другими свободными искусствами, но онъ никогда не не подѣлялъ ее отъ словъ поэта. Ей надлежало быть опредѣленною формой рѣшительныхъ движеній души, простымъ выраженіемъ настроеній и направленій человѣческаго ума и чувства, которыя сами не лежали уже въ какомъ-то предразсвѣтномъ туманѣ, возбуждающемъ еще только одни чаянія, а напротивъ вполнѣ выступили на бѣлый день самосознательно-дѣятельной жизни. Вотъ почему готовы мы сказать вмѣстѣ съ Амбросомъ: «Музыка не открывала Греку «безпредѣльной области романтическихъ чудесъ, откуда такъ и вѣетъ загадоч-«нымъ ужасомъ или восторгомъ упоенія; нѣтъ, она только ставила передъ нимъ «сцену Софокла или оду Пиндара на полный свѣтъ яснаго эллинскаго дня. Гре-«ческая музыка была тѣмъ же самымъ для поэзіи, чѣмъ полихромія для храма,

*) То есть остановилась на мелодической ступени, никогда не доходя до гармонизаціи.

«для статуи. Какъ полихромія предназначалась къ тому чтобы, скромно подчиняясь зодчеству, только слегка поживлять строевые члены, какъ она «допускалась въ статуѣ не для того, чтобы обманывать призракомъ дѣйствительности, а единственно лишь съ тѣмъ чтобы служить далекимъ (но «все же уясняющимъ) на нее намекомъ; такъ точно и музыка должна была «не поглощать слова поэта, своекорыстно выставляясь впередъ, а только придавать имъ впервые полную звуковую отчетливость и ясность. Пусть изъ «дивнаго, безконечнаго царства тоновъ предстаютъ намъ вереницами видѣнія и облики,—мелодія Грековъ должна была просто тянуться въ своихъ «глубоко-осмысленныхъ предѣлахъ, какъ излучистая струя меандровъ по «архитраву эллинскаго зданія.»

Музыка, какъ воспитательное средство, была въ неразрывной связи съ богослуженіемъ и поэзіей; стихи религіознаго и нравственнаго содержанія передавались въ простыхъ, благородныхъ напѣвахъ, и тѣмъ крѣпче укоренялись въ сердцахъ, тѣмъ болѣе всѣ душевныя движенія привыкали къ спокойному и велемощному оттого ходу. Въ музыкѣ всего ближе осуществлялась сила мѣры, и какъ сопровождавшій ее плясъ былъ противнемъ вѣчнаго хоровода созвѣздій, такъ и она сама должна была все объединять, все стройно уряжать въ природѣ: вотъ почему Пиѳагоръ говорилъ о гармоніи сферъ въ кругооборотѣ свѣтилъ небесныхъ. Благоустройству физической природы долженъ былъ отвѣчать и государственный урядъ, къ чему опять-таки должно было вести искусство звуковъ. Ни что такъ глубоко не западаетъ въ душу, учитъ насъ Платонъ, ни что не держится въ ней такъ прочно какъ ритмъ и гармонія; поэтому хорошая музыка облагороживаетъ, одобротворяетъ слушателя, тогда какъ дурная развращаетъ его и портитъ. Возвышенная, будящая храбрость музыка пригоднѣй для мужчинъ, благонравная и кроткая — для женщинъ. Поэтому пѣсни и ритмы должны стоять такъ же неизмѣнно твердо, какъ государственный законъ. Кто занимается только гимнастикой, а музыку пренебрегаетъ, тотъ постепенно становится дикъ и грубъ; а кто занимается одною музыкой, тотъ станетъ слишкомъ ужь чувствительнымъ и мягкимъ. Чтобы сдѣлаться мужественнымъ, да вмѣстѣ и мудрымъ, необходимо соединять музыку съ гимнастикой. Введеніе новаго лада, то-есть свойственныхъ ему ритмовъ и напѣвовъ, считалось не безопаснымъ для государства: ни гдѣ музыка не измѣнялась безъ того, чтобъ вмѣстѣ съ ней не преобразовались и важнѣйшіе житейскіе порядки. Наконецъ, истинно-музыкальнымъ человѣкомъ, по мнѣнію Платона, можно назвать того, кто не только умѣетъ взять сразу пріятную гармонію и играть на какомъ-нибудь инструментѣ, но кто, какъ прилично настоящему Эллину, во всей жизни своей стройно соглашаетъ слово съ дѣломъ.

Исторія греческой музыки собственно начинается съ Лесбійца Терпандра, современника Архилохова, процвѣтавшаго около 645 г. предъ Р. Х. Отфридъ Мюллеръ, сообразивъ извѣстія о немъ древнихъ, говоритъ: «Терпандръ является какъ бы настоящимъ творцомъ греческаго музыкальнаго «искусства: всѣ роды напѣвовъ, естественно сложившіеся въ разныхъ краяхъ Греціи по внушенію разныхъ музыкальныхъ настроеній, онъ распредѣлилъ на основаніи художественныхъ правилъ и привелъ въ одну связную

«систему, которой постоянно держалась потомъ греческая музыка при всемъ «расширеніи своего объема и при всей перехитренности позднѣйшей ея об-«работки. Одаренный изобрѣтательностью и начавъ собой новую музыкаль-«ную эпоху, онъ не отрѣшился однакожь отъ почвы прошлаго, а напротивъ «воспользовался всѣмъ наличнымъ запасомъ музыкальныхъ элементовъ, дан-«нымъ въ разнообразныхъ напѣвахъ греческихъ и малоазійскихъ, и совоку-«пилъ разбросанные и безрядные эти зачатки въ изящно-стройное цѣлое». Такимъ образомъ и здѣсь мы находимъ опять то же признанное нами положеніе Эллиновъ въ исторіи человѣческаго духа: къ чисто-своенародному воспріимчиво и радушно присоединяютъ они то, что̀ добыто древнѣйшими культурными народами, и заявляютъ эстетическій свой геній какъ въ художественной разработкѣ частностей, такъ и въ уряжающей постройкѣ цѣлой гармонической системы.

Древніе пѣвцы употребляли четырехструнную киоару, которой верхняя струна давала кварту нижней; три интервалла (разстоянія) между ними составляли въ двухъ случаяхъ цѣлый тонъ, и одинъ разъ—полутонъ. Терпандръ, въ подражаніе лидійской пектидѣ, расширилъ этотъ тетрахордъ (четырехструнникъ) до гептахорда,—семиструнной лиры, присоединивъ къ нему три новыя струны такъ, что новая верхняя составляла квинту съ верхней прежняго тетрахорда, а съ нижней—высшую октаву. Возникшій такимъ образомъ простой и гармоническій рядъ звуковъ вошелъ по преимуществу въ употребленіе и назывался діатонической гаммой. Хроматическая гамма, которой приписывали хотя и пріятный, но слишкомъ уже мягкій и оттого вялый характеръ, представляла въ тетрахордѣ одинъ интервалъ въ полтора тона обокъ съ двумя полутонными; а гамма энгармоническая присоединяла къ одному интервалу въ два полныхъ тона два маленькіе, въ четверть тона каждый. Послѣдніе трудно было взять и различить; какъ въ исполнителѣ, такъ и въ слушателѣ требовалась для этого весьма тонкая чуткость уха. Древніе очень хвалятъ живость энгармонической гаммы, придуманной уже послѣ Терпандра Олимпомъ.

Въ предѣлахъ этихъ гаммъ мы находимъ разные опять лады или звукоизводы, происходящіе съ одной стороны отъ повышенія основного тона, съ другой—отъ переноса полуинтервалла къ началу, въ середину, или въ конецъ. Строй дорійскаго лада былъ таковъ: $\frac{1}{2}$, 1, 1, фригійскаго: 1, $\frac{1}{2}$, 1, лидійскаго: 1, 1, $\frac{1}{2}$; основной тонъ былъ всего ниже въ дорійскомъ, и всего выше въ лидійскомъ. Въ промежутки трехъ названныхъ ладовъ вдвинулись потомъ іонійскій и эолійскій, да сверхъ того каждый изъ пяти въ свою очередь еще обставленъ былъ повышеннымъ и пониженнымъ тономъ. Но не однимъ лишь повышеніемъ ладовъ или не однимъ переносомъ полуинтервалла обусловливалось то, въ чемъ Греки видѣли особенное ихъ отличіе; своехарактерность каждаго зависѣла кромѣ того отъ хода ритмовъ и мелодій въ первобытныхъ народныхъ пѣсняхъ. Онъ твердо установился въ простыхъ и строгихъ напѣвахъ, которые поэтому и назывались уставными (или буквально законами, νόμοι). Дорійскій ладъ былъ важенъ и мужественъ, то-есть первоначально выполненныя въ немъ мелодіи носили этотъ именно характеръ, и кто бралъ его себѣ за образецъ, тотъ уже и опредѣлялъ этимъ поэтъ

своихъ композицій. Фригійцы сопровождали служеніе своей Матери боговъ шумными и страстными напѣвами *); высокіе тоны лидійскаго лада всего больше подходили къ женскимъ голосамъ. Припомню здѣсь одно мѣсто изъ своей Эстетики. Разсказываютъ что Пиѳагоръ какъ-то засталъ одного молодого человѣка въ такомъ пылу отъ ревности, музыки и виннаго хмѣля, что тотъ готовъ былъ поджечь домъ своей возлюбленной; тогда философъ будто бы образумилъ его тѣмъ, что велѣлъ одной флейтщицѣ вмѣсто фригійскаго напѣва вдругъ заиграть дорійскій. Едва ли можно бъ было ожидать такого сильнаго дѣйствія единственно лишь отъ того, что та же самая мелодія игралась съ тона d, а не попрежнему съ e; дѣло въ томъ, что дорійской пѣснѣ свойственъ и болѣе медленный темпъ, и болѣе спокойный ритмъ, и не такая скачущая мелодія, какъ у фригійской; да притомъ вмѣстѣ съ музыкальнымъ ладомъ живо предстало душѣ слушателя и мужественно-важное содержаніе: вотъ на чемъ былъ въ самомъ дѣлѣ основанъ описанный эффектъ.

Итакъ художническимъ дѣломъ Терпандра и его времени выходитъ запись народныхъ мелодій, распознаніе опредѣленнаго ихъ характера и постановка древне-эллинскихъ напѣвовъ въ правильную связь съ иноземными,—связь, черезъ которую первые разумѣется обогатились. Терпандръ снабдилъ звуковыми знаками гомеровскіе гексаметры, онъ самъ сочинялъ гимны съ музыкой; по одному уцѣлѣвшему отрывку, вѣско выражающему въ долгихъ сплошь слогахъ возвышенный помыслъ, надо заключать что онъ сопровождался и соотвѣтственнымъ аккомпаниментомъ, что музыкальная идея также проведена была твердо и неуклонно, что это въ своемъ родѣ былъ хоралъ:

Зевсъ источникъ, Зевсъ верховникъ,
Зевсъ пріими ты пѣснь хваленій!

Водворителемъ гроціозности въ греческой музыкѣ Плутархъ называетъ младшаго Олимпа, Фригійца родомъ, получившаго эллинское образованіе и за тѣмъ сильно повліявшаго на поэзію и музыку Грековъ переносомъ въ оба эти искусства мечтательно-шумныхъ пріемовъ своей родины. Для живого выраженія какъ плача, такъ и торжественной радости онъ рѣшительно ввелъ флейту, тогда какъ миѳъ древности надѣляетъ царя Мидаса ослиными ушами за то именно, что онъ предпочелъ ее. Прежніе стихи состояли изъ членовъ, которыхъ арсисъ и тезисъ (подъемъ и спускъ) были равномѣрны какъ въ спондеѣ и дактилѣ гексаметра, или же которыхъ арсисъ былъ вдвое длиннѣй тезиса, какъ напримѣръ въ ямбѣ и трохеѣ; со временъ Олимпа встрѣчаемъ мы и такъ-называемые геміолическіе ритмы ($\acute{-}\smile-$ или $\acute{-}\smile\smile\smile$, $\smile\smile\smile\acute{-}$), которыхъ арсисъ отвѣчаетъ двумъ, а тезисъ — тремъ морамъ; арсисъ требуетъ здѣсь бо̀льшей естественно силы, которая придаетъ огня и порыва самому движенью словъ; такъ образуются живые плясовые ритмы, которые вскорѣ и ввелъ въ Греціи Ѳалетъ Критянинъ. На ряду съ древнедорійскимъ ладомъ Аполлонова культа, онъ нашелъ готовыми у себя дома корибантскіе напѣвы мѣстнаго культа Зевсу, и потому, возсылая въ своихъ пеанахъ моль-

*) Подъ напѣвомъ разумѣемъ мы не одно голошеніе, но и музыку,—вообще мотивъ.

бы и благодаренія богамъ, онъ могъ въ то же время успокоивать душевныя тревоги, а своими плясовыми мелодіями весело сопровождать и даже направлять хороводы и боевыя игры спартанской молодежи.—Сакадъ, одержавшій побѣду въ игрѣ на флейтѣ на пиоійскихъ играхъ въ 590, 582, 518 до Р. X., совокупилъ въ трехъ колѣнахъ одной и той же композиціи лады доріійскій, фригійскій и лидійскій, точно такъ же какъ напримѣръ у насъ дурные тоны чередуются съ мольными, и мѣняется притомъ еще и тактъ.

Подобно тому какъ пластика выполняетъ съ благородной ясностью какой-нибудь единичный обликъ, такъ точно и греческая музыка представляла звуковой образъ того либо другого опредѣленнаго ощущенія души; мелодія оставалась исключительно господствующимъ элементомъ, и въ своемъ полномъ мѣры, ритмически - правильномъ ходѣ, путемъ постепеннаго возбужденія и гармонически успокоивающаго финала, доводила душевныя движенія до главной своей цѣли,—красоты. Содержаніе, основное настроеніе чувства обусловливали собой размѣръ стиховъ; отъ его ритма зависѣлъ потомъ выборъ музыкальнаго лада и употребительный въ послѣднемъ, наиболѣе подходящій къ предмету напѣвъ; индивидуальность художника, дѣйствуя конечно въ предѣлахъ общихъ формъ, наполняла ихъ своеобразнымъ содержаніемъ и тѣмъ самымъ развивала далѣе, вмѣстѣ съ новыми стихоразмѣрами и строфами изобрѣтала и новыя мелодія. Первобытныя же мелодіи, которыя, подобно главнымъ миоическимъ ликамъ, пережили въ своемъ ростѣ длинный рядъ вѣковъ, конечно также не утратились для человѣчества, а нашли себѣ пріютъ въ пѣсняхъ христіанской Церкви и такимъ образомъ опять-таки легли въ основу музыкѣ новѣйшей эпохи.

МЕЛИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Греція была богата народными пѣснями, — пастушьими, корабельными, колыбельными и сопровождавшими дѣтскія игры. До насъ дошли только отрывочные ихъ звуки. Въ художественной же лирикѣ Эллиновъ простое изліяніе чувства, мелодическій прорывъ внутренняго потрясенія, выраженіе индивидуальной задушевности играютъ далеко не такую важную роль, какъ радованіе любою картиною и наклонность къ вдумчивому созерцанью, когда то выводятся на сцену миоическіе облики завѣтной старины, то разнообразныя движенія сердца приводятся къ истинамъ всеобщихъ помысловъ, упокоительно завершаясь тѣмъ или другимъ полновѣснымъ изреченьемъ. Такія эпическія и гномическія дополненія особенно придаютъ силу и блескъ греческой

лирикѣ; въ нихъ такъ и сквозитъ душа, болѣе живущая созерцаніемъ внѣшняго міра, нежели углубленіемъ въ самоё себя, въ недоступныя извнѣ тайники сердца.

По мѣрѣ того какъ подымается въ душѣ то либо другое чувство, по мѣрѣ того какъ оно крѣпнетъ и ростетъ, борется съ ней и наконецъ примираятся, — за напряженіемъ и возбужденіемъ естественно слѣдуетъ ослабленіе и затишье, полюбовная сдѣлка спорящихъ сторонъ. Передавая этотъ ходъ душевныхъ настроеній въ ритмѣ и чередѣ звуковъ, музыка образуетъ замкнутое въ себѣ цѣлое, мелодію; послѣдняя ложится потомъ всеобщею или по крайней общею для извѣстнаго круга основой тѣхъ многоразличныхъ развитій, какія поэзія можетъ дать мысли въ исполненіи, но всякій новый оборотъ неотмѣнно уже долженъ примыкать къ первоначальной мѣрѣ и повторительно воспроизводить ее въ себѣ, а это прямо ведетъ къ строфическому расчлененію стихотворной піэсы, къ складной постройкѣ мелоса или пѣсни. Складная единичная пѣснь выростаетъ всегда изъ народнаго хоропѣнія, но оформить ее какъ слѣдуетъ способно только художническое сознаніе поэта; этимъ выдвигается впередъ и становится живымъ средоточіемъ его личность. Поэтъ однако можетъ и самъ остаться голосомъ цѣлаго народа, пѣть то что на душѣ у всѣхъ, и тогда пѣснь его въ свою очередь станетъ хоровою; или же онъ властенъ передавать свои собственныя чувства и опыты, высказывая ихъ только прямо отъ себя; наконецъ, при стеченіи особенно благопріятныхъ условій, высокая личность можетъ въ выраженіи своихъ собственныхъ думъ явиться вмѣстѣ представительницею народа и въ такомъ случаѣ сдѣлать народный хоръ органомъ своихъ полнозвучныхъ чувствъ и взглядовъ. Такъ было напримѣръ съ Пиндаромъ, но ему предшествовали дорійская и эолійская школы. У Дорійцевъ содержаніе пѣснямъ даютъ общественныя дѣла; поэтъ излагаетъ его художнически и высказываетъ посредствомъ хора, и какъ неприлично было бы влагать въ уста послѣднему то, что не было прочувствовано и продумано собща многими, то вводимое въ пѣсню хора плясовое движеніе, какъ въ постепенномъ развитіи своемъ, такъ и въ возвратѣ къ исходной опять точкѣ, служитъ вмѣстѣ къ живому онагляженію стиха и мелодіи, которые могутъ быть тѣмъ протяжнѣе, что глазъ помогаетъ здѣсь уху ловить ихъ смыслъ; естественный подѣлъ всякаго содержанія на положеніе и противуположенье ведетъ къ расчлененію пѣсни на строфу и антистрофу, а движенію послѣднихъ настаетъ примиряющій конецъ въ эподѣ, который поютъ уже стоя на мѣстѣ, неподвижно. Напротивъ, своебытная лирика Эолійцевъ беретъ одинаковыя мелкія строфы и принизываетъ ихъ одну къ другой; а поэтъ воспѣваетъ то, что волнуетъ его душу, страстныя убѣжденія своей политической партіи или самыя затаенные порывы своего любящаго сердца. Этимъ онъ ближе подходитъ къ нашему побыту, и самостоятельная свобода отдѣльнаго лица торжествуетъ въ немъ, какъ въ Солонѣ или Сократѣ, истинно-человѣческую побѣду.

Итакъ слова, мелодія и плясовое движеніе хора составляютъ въ дорійской пѣснѣ одно нераздѣльное цѣлое. Въ Спартѣ три хора старцевъ, мужей и юношей пѣли стихи:

Мы въ свою пору были полносильные юноши;—
А мы молодцы теперь: хочешь, помѣряться?—
Мы же современемъ будемъ и того удалѣе.

У любого пелопоннесскаго города былъ свой поэтъ хороучитель. Лидіецъ Алкманъ, во второй половинѣ 7-го вѣка нашедшій себѣ въ Спартѣ новое отечество, художнически обработалъ тамъ народный пѣсенный матеріалъ. Онъ прославлялъ боговъ и людей въ своихъ гимнахъ, которые часто давалъ исполнять хорамъ дѣвицъ. Выразительные ритмы въ понятныхъ съ перваго взгляда стихахъ подбиралъ онъ строфами и облагородилъ дорійское нарѣчіе стилистическимъ языкомъ эпоса. Его можно считать самымъ вѣрнымъ передатчикомъ гражданскаго быта Спарты, и, какъ справедливо замѣчаетъ Бернгарди, онъ умѣлъ художнически взять его съ милѣйшей стороны, доходя при этомъ до мельчайшихъ подробностей даже матерьяльныхъ его наслажденій. — Стесихоръ (то-есть хороставъ), около 600-хъ годовъ предъ Р. Х., проложилъ себѣ въ Сициліи новые и высшіе пути; онъ сперва назывался Тисіемъ, но потомъ прозванъ хороставомъ; онъ расширилъ объемъ строфъ и вставилъ между ними эподы. Онъ, по выраженію Квинктильяна, поднялъ на лирѣ всю тяжесть эпической поэзіи: по какому-нибудь частному поводу изъ современной ему жизни онъ заглядывалъ въ прошлое и черпалъ оттуда миѳы для того, чтобы лучше онаглядить или возвеличить свое настроеніе, такъ какъ онъ вообще былъ неохотникъ до спокойныхъ разсказовъ, а больше любилъ останавливаться съ пышною хвалою на тѣхъ именно чертахъ и представленіяхъ, которыя служили его цѣлямъ: для этого онъ былъ готовъ переиначить даже миѳъ. Точно такъ же въ основу своимъ эротическимъ стихотвореніямъ бралъ онъ разсказы про влюбленныхъ, съ единственною цѣлью живописно изобразить чувства и положенія. Около того же времени Аріонъ Лесбосецъ художнически разработалъ въ Коринѳѣ праздничную пѣснь Діонису, такъ-называемый диѳирамбъ, съ ея переходами отъ горя къ шумной радости и съ ея упоеннымъ восторгомъ; ее пѣли киклическіе, то-есть ходившіе вкругъ алтаря, плясовые хороводы. Подобно тому какъ Іона въ одномъ псалмѣ благодаритъ Господа за то, что онъ помогъ ему, уже поглощенному морской пучиной и потомъ извергнутому ею на берегъ словно какимъ-нибудь чудищемъ, а изъ этого возникло потомъ сказанье о дивномъ пребываніи его во чревѣ морского чуда, кита, и о благополучномъ возвратѣ оттуда; такъ точно и Аріонъ, спасенный отъ гибели на морѣ вмѣстѣ со стаею пріязненныхъ музамъ дельфиновъ, воспѣлъ благодарственную пѣснь какъ имъ, такъ и моревладыкѣ Посейдону, а отсюда произошелъ разсказъ, что будто бы именно дельфинъ вынесъ его на спинѣ изъ морской бездны. Живымъ чувствомъ одушевили природу эти лирики; какъ бы въ отплату за то, поэтически-образное выраженіе, понятое иногда буквально, становилось миѳомъ въ свою очередь: такъ напримѣръ Ивиковы журавли были призваны отмстить за смерть поэта. Легко могло бы возникнуть подобное же сказаніе изъ стиховъ Алкмана, которые онъ въ преклонныхъ уже лѣтахъ основалъ на томъ народномъ повѣрьи, что будто бы самки птицы алкіона (видъ зимородка) носятъ на своихъ крыльяхъ устарѣлаго самца (по-гречески керила):

Нѣтъ, милыя, торжественно поющія дѣвы, никогда ужь болѣе
Не носить меня слабымъ членамъ! Ахъ, дайте мнѣ обернуться кериломъ,

Моребагряною вешнею птицей, чтобы мужественно и бодро
Перелетѣть вмѣстѣ съ алкіонами ширь морской пучины!

Прыжокъ съ левкадскаго утеса былъ поэтическимъ символомъ искупляющаго вину освобожденія отъ неодолимой страсти: отсюда разсказъ будто Сафо и дѣйствительно бросилась въ море съ этой именно скалы. Миоородица Эллада по самый конецъ свой увивала жизнь великихъ людей вязями замысловатыхъ сказаній, въ которыхъ отражались ихъ духъ и значеніе.

Отъ исхода 7-го до половины 6-го вѣка цвѣла въ Эоліи субъективная лирика, благодаря одопоэтическому творчеству Лесбійцевъ. Кромѣ борьбы политическихъ партій, и общественная жизнь, и самыя сокровенныя тревоги сердца, находили въ ней себѣ мелодическое выраженіе, особенно намъ близкое по теплотѣ чувства и по наивной свѣжести языка. Горацій въ своей одѣ къ лирѣ говоритъ:

Первый коснулся тебя лесбійскій гражданинъ,
Раздраженный войною; среди треска оружій,
Или закрѣпивъ у влажнаго берега
Свой зыбкій корабль,

Воспѣвалъ онъ Вакха, и Музъ, и Венеру
Со всегда льнущимъ къ ней мальчикомъ,
И съ Ликомъ *), очаровательнымъ своими черными
Глазами и кудрями.

Алкей былъ вождемъ аристократической партіи въ борьбѣ ея съ гражданствомъ, полный силы и огня, хотя безъ глубины и величія. Когда онъ задумалъ воспѣть государственный корабль, бросаемый вверхъ и внизъ бурнымъ моремъ, тревожной душѣ художника предсталъ созданный имъ для этой картины превосходный метръ, гдѣ послѣ повтореннаго ямбическаго восхожденія и дактилическаго спуска, напряженность порыва усугубляется для того, чтобы потомъ изойдти дактилически-быстрымъ и трохаически-медленнымъ, какъ бы затихающимъ послѣ бури, окончаньемъ.

Онъ могъ еще съ нѣкоторымъ основаніемъ направлять свой мечъ и лиру противъ какого-нибудь Мирсила, но нападеній его не избѣгъ и поставленный народомъ во главѣ правленія благородный Питтакъ. Это деньга-человѣкъ, говоритъ Алкей и издѣвается надъ тѣмъ что Питтакъ ужинаетъ въ потемкахъ; онъ ругаетъ его неряхой, пузаномъ, толстолапомъ, тогда какъ этотъ человѣкъ, подобно Солону, водворилъ въ родномъ краѣ спокойствіе, помирилъ хорошимъ государственнымъ урядомъ требованія всѣхъ партій и сложилъ съ себя чрезвычайную власть, какъ скоро городъ пересталъ нуждаться въ верховномъ блюстителѣ. Хотя Питтакъ и говорилъ что трудно остаться благороднымъ человѣкомъ, однако это вполнѣ удалось ему. Ругательствамъ на себя противопоставилъ онъ правило, что должно относиться хорошо не только о пріятеляхъ, но и о врагахъ. Искренно желая общаго примиренія, онъ дозво-

*) Ликъ—любимецъ Алкея.

лилъ воротиться на родину и самому Алкею. Онъ былъ такъ неутомимо дѣятеленъ, что лесбійскія невольницы при размолѣ хлѣба потѣшались пѣсенкой: «Мели, мели, мельница, мелетъ вѣдь и Питтакъ, владыка великой Митилены!»

Алкей неистощимъ на предлоги для вызова къ питью; распустившійся весной цвѣтокъ, лѣтній жаръ, зимній холодъ, все служитъ ему достаточнымъ поводомъ взяться за кубокъ; онъ совѣтуетъ пить среди бѣла дня, пока еще не насталъ слишкомъ скоротечный вечеръ. Побѣду надо праздновать попойкою, да и въ несчастіи попойка прогоняетъ заботы; вино зеркало человѣка, въ винѣ истина. — Свою великую современницу и единоземку привѣтствовалъ онъ стихами:

Сладкоулыбная, чистая, фіалкокудрая Сафо,
Сказалъ бы тебѣ что,—да только нельзя, стыдно.

Вотъ ея отвѣтъ:

Если ты томишься благороднымъ и прекраснымъ желаніемъ,
И не вертится у тебя на языкѣ худого слова,
То зачѣмъ стыду подступать къ тебѣ?
Хорошее ты и говорилъ бы прямо.

Красавица Сафо, какъ зоветъ ее Платонъ, справедливо слыветъ величайшею поэтессой древности. Тогда какъ въ цвѣтущіе дни Аѳинъ Периклъ ставилъ выше всѣхъ ту женщину, о которой всего меньше говорятъ мужчины какъ съ дурной такъ и съ хорошей стороны, — женщины въ Лесбосѣ стояли свободнѣе, выше по образованью, и Сафо была средоточіемъ цѣлаго дѣвическаго кружка, который собирали около нея любовь къ прекрасному, занятія музыкой и стихотворствомъ. Сама она говоритъ:

Люблю свѣтлую усладу великолѣпія, и пусть съ его блескомъ
Теплое, отрадное чувство жизни всегда соединяетъ во мнѣ красоту.

Кто добръ, тотъ кажется ей и прекраснымъ; напротивъ, о необразованной богачкѣ она говоритъ: «Ты безъ свѣта будешь витать въ Гадесѣ и лежать въ могилѣ безъ воспоминанія, потому что не дано тебѣ доли въ піерійскихъ розахъ.» Поэзія Сафо была преимущественно посвящена семейной жизни, и уцѣлѣвшіе отрывки ея сговорныхъ и свадебныхъ пѣсень полны сердечной искренности, нѣжности и силы выраженья. Всѣ произведенія ея дышатъ очаровательнымъ чувствомъ природы. Какъ мило сравниваетъ она нетронутую еще красу невѣсты съ яблокомъ на верху дерева, — выраженіе мысли слагается и ростетъ у насъ передъ глазами:

Такъ медвяное яблоко рдѣетъ высоко на вѣткѣ,
Высоко на самой вершинѣ; знать, забыли его сборщики?
Забыть не забыли, да только не съумѣли достать.

Или когда она уподобляетъ одну дѣвушку гіацинту, растоптанному въ горахъ ногой нéуча-пастуха, такъ что пурпурный цвѣтокъ лежитъ на землѣ весь

измятый, кто не признаетъ въ этомъ какъ бы предвѣстія пѣсень Гёте о фіалкѣ или о шиповникѣ? Вечерняя звѣзда, говоритъ Сафо, сводитъ опять домой все то, что было разсѣяно свѣтлой утренней зарею:

Въ вѣтвяхъ квита-дерева шелеститъ прохлада,
Внизъ по листвѣ трепетной чуть скользитъ дрема.

Сама она извѣдала горе и радость любви и, прибѣгая за украшеніемъ страсти къ Музамъ, высказывала въ благозвучныхъ пѣсняхъ тоску и порывы своего сердца, высказывала и тяжкіе его опыты:

Мѣсяцъ закатился,
Вотъ и семизвѣздье,
Полночь, часъ проходитъ,
Я жъ лежу одна!

Она не въ силахъ болѣе сидѣть за ткацкимъ станкомъ своимъ, ее волнуетъ разымчивая любовь, эта сладкогорькая змѣя, отъ которой ни чѣмъ не оборониться. Эротъ такъ разбушевался въ душѣ ея какъ горный вѣтеръ въ дубравѣ. Она обращается съ мольбою къ Афродитѣ, чтобы излить передъ богиней все что̀ у нея на̀ сердцѣ; и свое желаніе, свое чаяніе, чтобы неподатливый ея милый превратился въ страстнаго любовника, она деликатно и граціозно облекаетъ въ отвѣтъ богини:

Если онъ еще бѣжитъ тебя, то скоро будетъ за тобой гоняться,
Если онъ пока не принималъ подарковъ, то послѣ станетъ дарить самъ,
Если онъ не целовалъ тебя, то вскорѣ расцалуетъ,
Все равно, хочешь ты его поцалуевъ, или нѣтъ!

Страннѣе на нашъ взглядъ ея пылкая страсть къ другимъ женщинамъ: здѣсь видимъ мы такую же смѣсь половой любви съ дружбою, какая водилась въ Греціи между зрѣлыми мужчинами и молодежью. Съ ужасающею силой изображаетъ Сафо свою ревность:

Мнѣ кажется подобнымъ богамъ небеснымъ
Тотъ человѣкъ, что смѣетъ сидѣть съ тобой
Лицомъ къ лицу и вблизи внимать
  Сладкозвучный твой голосъ,

Ловить ту обаятельную улыбку, отъ которой
Сердце такъ и трепещетъ въ груди моей!
Лишь только увижу тебя, ни одинъ звукъ
  Нейдетъ у меня изъ гортани,

Языкъ нѣмѣетъ, и какой-то тонкій огонь
Разливается съ головы до ногъ у меня подъ кожей,
Глаза ничего не видятъ,
  Въ ушахъ жужжитъ,

Холодный потъ такъ и проступаетъ каплями,
Я дрожу какъ въ лихорадкѣ,
Я блѣднѣй пожелклой травы,— еще одинъ мигъ,
  И вотъ вотъ я точно умираю.

Какъ пластически даже и здѣсь онагляжена въ своемъ дѣйствіи сила внутренняго чувства!

Все у Сафо исполнено нѣжной плавности и граціи, одушевленная рѣчь ея вездѣ очаровываетъ благозвучіемъ. Ритмы текутъ одинъ за другимъ легко и мягко, иногда ускоряясь всерединѣ, такъ-какъ трохаическій стихъ, вслучаѣ пересѣчки дактиля, оживляется вдругъ ямбическимъ порывомъ и затѣмъ сводится какъ нельзя пріятнѣе къ концу. Придуманный ею размѣръ слыветъ мастерскимъ не меньше Алкеева, и употребляется еще донынѣ. Выслушавъ одну изъ ея пѣсень, Солонъ, говорятъ, сказалъ, что не хотѣлъ бы умереть не узнавъ ея.

Два другіе лирика, Ивикъ и Анакреонъ, жили во второй половинѣ 6-го вѣка при дворѣ Поликрата Самосскаго, утвердившаго и отстаивавшаго свою власть кровавымъ насиліемъ, пока позорная смерть не положила страшнаго конца всему его блеску и не научила Эллиновъ бояться Немезиды. Ивикъ, родомъ изъ Регіона въ южной Италіи, первоначально образовался по Стесихору, но на ряду съ героями воспѣвалъ особенно пригожихъ мальчиковъ; прославляя ихъ въ хоровыхъ пѣсняхъ и обращаясь при этомъ къ миоамъ древности, онъ предпочтительно выражалъ въ стихахъ своихъ скорбь и страданія любви. Гораздо веселѣе былъ Анакреонъ Теосецъ, ставшій по смерти Поликрата близкимъ человѣкомъ къ Гиппарху аоинскому. Наслажденія виномъ и любовью составляли содержаніе его пѣсень, художественныхъ, разнообразныхъ, іонически-пріятныхъ и мягкихъ; еще и подъ старость сохранялъ онъ остатки кроткаго огня и плѣнительный разгулъ юности. Отъ него уцѣлѣли собственно только отрывки, а дошедшее до насъ подъ его именемъ собраніе пѣсень принадлежитъ позднѣйшему александрійскому времени; стихи въ немъ лишены индивидуальности и однообразны; это счастливо вспавшія на умъ мысли, которымъ приданъ своенравный или щеголеватый оборотъ, иногда игривыя, забавныя, но часто довольно сухія и притомъ не отличающіяся метрическою правильностью. Отфридъ Мюллеръ говоритъ очень мѣтко: «Представленіе Эротовъ въ видѣ шаловливыхъ мальчиковъ, своевольно про-«казничающихъ надъ людьми, чуждо древнему искусству и слишкомъ отзы-«вается эпиграмматическими шутками позднѣйшей литературы и сродствен-«ными тому изображеніями въ пластикѣ, особенно на рѣзныхъ камняхъ: здѣсь «также малютка Амуръ представляетъ самые разнообразные опыты своего «шаловливаго лукавства. Очевидно совсѣмъ не таковъ и тѣломъ и душой «былъ Эротъ настоящаго Анакреона, златокудрый богъ, который не только «что бросаетъ въ поэта пурпурнымъ мячикомъ, но и «разсѣкаетъ его боль-«шущимъ топоромъ, словно кузнецъ, и потомъ купаетъ въ студеномъ зим-«немъ потокѣ».

Сюда же отнесемъ мы и сколіи, то-есть застольные стихи, которые сочинялись навеселѣ и пѣлись гостемъ-поэтомъ подъ звуки лиры. Знаменитъ сколій Каллистрата, котораго ритмъ начинается довольно медленно, но за повтореніемъ первой строки идетъ уже гораздо живѣе и потомъ мало по малу въ послѣднемъ стихѣ сходится къ прекрасному равновѣсію. Онъ хвалитъ юношей, умертвившихъ тирана Гиппарха: они не погибли, они живутъ

вмѣстѣ съ Ахилломъ на островахъ блаженныхъ душъ, слава ихъ несокрушима на землѣ, поэтъ беретъ ихъ себѣ примѣромъ для подражанія:

И я стану носить мечъ въ миртовой вѣтви,
Какъ носили Гармодій съ Аристогитономъ;
Въ прахъ поверженъ ими тиранъ,
И равенство правъ снова возвращено народу!

Такіе странствующіе пѣвцы, какъ Аріонъ, Ивикъ, Анакреонъ, не только соединяли разныя племена Греціи живой духовной связью, но испытывали свои силы въ сродныхъ этимъ племенамъ особенныхъ складахъ поэзіи и подготовили въ будущемъ ихъ общее сліянье. Въ кеосскомъ уроженцѣ Симонидѣ, встрѣчаетъ мы первую поэтическую личность, которая уже вполнѣ свободно владѣетъ всѣми постепенно добытыми художественными средствами и для каждаго рода предметовъ мастерски умѣетъ пустить въ дѣло соотвѣтственную форму, конечно обнаруживая при этомъ скорѣе художнически - образованное дарованіе, нежели творческую силу истинно-геніальной природы. Бывалый и въ житейскомъ обиходѣ, умѣвшій найдтись во всякихъ положеніяхъ, онъ можно-сказать принадлежалъ цѣлой Элладѣ и былъ человѣкъ на всѣ руки. Мы уже говорили объ его эпиграммахъ и элегіяхъ. Сродни послѣднимъ былъ «плачъ по умершемъ», оренось, изливавшій въ сладкихъ звукахъ сердечную печаль и вмѣстѣ старавшійся смягчить ее указаніемъ на законъ природы и необходимость; но Симонидъ отличался сверхъ-того въ диопрамбахъ и плясовыхъ пѣсняхъ, и если въ эпиграммѣ, смотря по содержанію, онъ умѣлъ изложить главную мысль—гдѣ съ величавою простотой, а гдѣ съ остроумною граціей, то съ другой стороны онъ и вообще былъ не прочь вплетать въ свои стихи философскія изреченія и развернуть въ нихъ діалектическую ловкость. Самъ онъ назвалъ поэзію говорящею живописью, и былъ особенно блестящъ въ изящной обрисовкѣ положеній, представляющихъ наглядный образъ чувствъ и помысловъ; таковъ напримѣръ столь же трогательный какъ и граціозный отрывокъ о Данаѣ, которая, бывъ заживо схоронена въ ларцѣ и вмѣстѣ съ новорожденнымъ младенцемъ Персеемъ брошена на жертву бушующему морю, утѣшается счастіемъ своего безмятежно спящаго мальчика. Въ то время начали ставить почетныя статуи побѣдителямъ на боевыхъ играхъ, и если съ этимъ былъ неразлучно связанъ новый успѣхъ пластики, то и лирикѣ суждено было достигнуть высшаго своего совершенства въ почетныхъ пѣсняхъ или величаніяхъ, которыя пѣлъ праздничный хоръ, во славу мужей получившихъ награду на великихъ народныхъ состязаніяхъ. И тутъ Симонидъ всегда умѣлъ связать настоящее съ прошедшимъ и озарить переживаемыя событія свѣтомъ стародавнихъ мифовъ. Онъ вообще любилъ посредствомъ остроумныхъ оборотовъ дать мысли такой блескъ, чтобы она сверкала какъ отшлифованный дорогой камень; такъ напримѣръ о падшихъ подъ Ѳермопилами онъ говоритъ, что имъ достался въ удѣлъ завидный жребій: вмѣсто могилы — алтарь, вмѣсто плача — вѣчная память, вмѣсто печалованія — хвала; надгробная надпись ихъ никогда не поростетъ мхомъ, не затемнится ни какимъ временемъ; въ подземный склепъ ихъ водворилась на всегдашнее житьё слава Эллады.

Если еще и Симонидъ, за излишнюю перехитренность въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подвергся бичующимъ строфамъ родосскаго борца Тимокреона, то у диопрамбиста Лаза, родомъ изъ Герміоны, мы встрѣчаемъ уже чисто-умничающую только виртуозность, когда онъ задается такими задачами, какъ сочиненіе пѣсень безъ буквы *с*. Тонкій вкусъ и блестящая живопись слова отъ Симонида перешли въ наслѣдство племяннику его, Вакхилиду, который между прочимъ сказалъ:

Всякій умудряется отъ своихъ предшественниковъ, — такъ было искони, такъ оно и есть;
Не легко вѣдь найдти путь къ словамъ, никогда еще не сказаннымъ.

А Пиндаръ прямо уже говоритъ о вороньей каркотнѣ записныхъ ученыхъ противъ Зевсова божественнаго орла, и утверждаетъ что мудрому многое извѣстно отъ природы.

Пиндаръ пережилъ Персидскія войны въ лучшіе года своего мужества; среди этой истинно великой поры цвѣлъ и созрѣвалъ онъ духомъ; онъ стоитъ на той высотѣ, гдѣ сошлись бокъ-обокъ два періода и гдѣ генію предлежало связать съ новой жизнью весь богатый добытокъ прошлаго; но положеніе такого художника обусловливается всегда тѣмъ, завершаетъ ли онъ собой старое, или же начинаетъ новую эпоху. Такъ напримѣръ, и Рафаэль и Микель-Анджело принадлежатъ къ порѣ возрожденья и реформаціи, однако они выполняютъ вѣдь только то, что́ начали въ Италіи еще Данте, Джотто и Орканья, то-есть сводятъ къ великолѣпному концу символическое религіозно-церковное искусство, тогда какъ напротивъ Тиціанъ начинаетъ передачу свѣтской дѣйствительности, въ собственномъ смыслѣ слова, а Шекспиръ или Сервантесъ, хотя еще и облитые вечернею зарей средневѣковой романтики, выступаютъ уже вѣстниками новой эпохи. Такъ Эсхилъ открываетъ намъ собой исторію искусства послѣ Персидскихъ войнъ, какъ первоначальникъ драмы, а Пиндаръ замыкаетъ предшествующій періодъ въ качествѣ довершителя лирики. Подобно Гомеру, и онъ является олицетвореніемъ эллинскаго народнаго духа; но Гомеръ исчезаетъ за своимъ созданіемъ, а у Пиндара субъективность и есть именно тотъ родникъ, то самосознательное средоточіе, та душа, которая вездѣ проступаетъ наружу въ его стихотвореніяхъ. Тогда какъ молодое чувство человѣчества радовалось міромъ въ его внѣшнемъ явленіи, и фантазія рисовала образы событій, лирика ушла теперь во внутренній міръ души, чтобы въ немъ найдти коренную основу дѣйствительности, законъ и мѣру всего видимаго,—и вотъ прекрасная чувственная сторона былинъ и сказаній одухотворяется въ выраженіе нравственной истины (становясь уже не цѣлью, а только средствомъ).

Пиндаръ (съ 521 по 441 г. до Р. Х.) родился въ Беотіи, такомъ краѣ, который, какъ напримѣръ Австрія или католически-германскій югъ вконцѣ 18-го вѣка, пѣснями и музыкой внесъ свой посильный вкладъ въ сокровищницу общей культуры; но за всестороннимъ образованіемъ поэтъ отправился въ Аѳины, гдѣ учителемъ его былъ Герміонянинъ Лазъ. Соревнуя Ѳиванкамъ Миртидѣ и Кориннѣ, онъ, по поводу одного гимна, переполненнаго миѳами, услышалъ отъ послѣдней замѣчаніе: «Надо сѣять пригоршней, а не

изъ цѣлаго мѣшка»; юноша научился блюсти мѣру, но такъ какъ его всегда увлекаетъ высокое и какъ онъ самъ всегда болѣе порывистъ нежели вкрадчивъ, то онъ постоянно подобится могучей, выходящей изъ береговъ рѣкѣ, которую отовсюда питаютъ ручьи и горные потоки. Этой полнотою содержанія и мыслей объясняемъ мы себѣ, вслѣдъ за Ульрици, извѣстный образъ у Горація*), а не подразумѣваемъ тутъ неудержной бури вдохновенья, которая Пиндару чужда; его обдуманность плаваетъ по волнамъ какъ лебедь съ спокойнымъ достоинствомъ. Ему отведено было почетное мѣсто въ Дельфахъ, и съ священнымъ авторитетомъ Аполлонова жреца онъ не только пѣлъ гимны небожителямъ, но и вездѣ связывалъ земное и временное съ вѣчнымъ и его всеурядными судьбами. Въ его время пробудилось уже философское мышленіе, но оно не заподозрило въ глазахъ его миѳологію, оно научило его вникать въ глубокій ея смыслъ, все толковать къ лучшему и крѣпко держаться нравственныхъ правилъ. Онъ указываетъ на истину въ преданіяхъ, потому что она находитъ себѣ живой отзывъ во внутреннемъ сознаніи, въ разумѣ, въ совѣсти человѣка; а только подобнаго рода правда и выдерживаетъ искусъ времени.

Грація, все одѣвающая сладкою, очаровательною прелестью,
Все вѣнчающая достоинствомъ, часто обманываетъ смертныхъ
И внушаетъ имъ вѣру въ невѣроятное;
Но грядущіе дни—неподкупные свидѣтели правды.

Постигая, подобно Фидію, внутреннюю сущность боговъ, Пиндаръ также даетъ имъ обликъ, соотвѣтственный образованному времени. Но его радуетъ и жизнь; онъ поетъ веселыя застольныя и плясовыя пѣсни, поетъ диѳирамбы полные огня. Въ плачѣ по умершихъ муза его утѣшаетъ скорбь воззрѣніемъ на сладкій удѣлъ блаженныхъ, надеждою на безсмертіе. Отъ всего этого уцѣлѣли одни отрывки, но всѣ они носятъ на себѣ печать великаго генія, мастерски владѣющаго языкомъ; вполнѣ дошли до насъ его побѣдныя оды, эпиникіи, которыя онъ пѣлъ во славу побѣдъ на Олимпійскихъ и другихъ всенародныхъ играхъ Эллиновъ. Мы видимъ здѣсь, что «стоя на такомъ глядпѣ, который выше всякаго пристрастія», онъ одинаково превозноситъ особенно выдающіяся силы всѣхъ эллинскихъ племенъ, что радушная встрѣча готова ему и въ скромномъ гражданскомъ быту и при дворѣ сильнаго владыки, что онъ ни кому не льститъ, и всѣмъ равно указываетъ на благородное и прекрасное. Но служа истинѣ, какъ прирожденной царицѣ, онъ хотя и беретъ почетную награду за любую свою пѣснь, но при этомъ нерушимо хранитъ свою независимость потому что хочетъ жить для самого себя, а не для кого либо другого. Полный искренной любви къ родинѣ, онъ поетъ: «Златощитныя Ѳивы, мать моя, выше всего въ мірѣ для меня твои желанія»; но когда въ войнѣ за свободу родной городъ вовсе не покрылъ себя честію, тогда Пиндаръ привѣтствовалъ прославленныя Аѳины, «этотъ блестящій столпъ Эллады, достохвальный, вѣнчанный фіалками»; Ѳивяне налагаютъ на него за то взысканіе, а Аѳиняне принимаютъ его съ почетомъ какъ государственна-

---

*) Въ одѣ къ Іулу Антонію.

го гостя. Онъ хотѣлъ принадлежать всей Элладѣ въ совокупности. Какъ золото открываетъ весь блескъ свой очищенное въ огнѣ, такъ и славословная пѣснь должна выказать всякую доблесть въ полномъ ея великолѣпіи.

Слава доблести высится
Какъ дерево, освѣжаемое каплями росы,
Возносясь правдиво-вѣщей пѣснью
Высоко во влажной синевѣ воздуха. *)

Геройская сила остается темною безъ идущаго съ ней обруку пѣвца.

Лучшая цѣль всѣхъ врачебныхъ трудовъ
Отрада облегченія; всякую боль
Унимаютъ вѣщія дочери Музъ,
Смягчительныя пѣсни.
Чуть-теплая вода не нѣжитъ такъ членовъ тѣла,
Какъ пріятно подъ струны арфы звучитъ хвалебная пѣснь.
Долѣе вѣдь всякихъ дѣлъ цвѣтетъ на землѣ жизнь слова,
Когда, осчастливленный милостью Харитъ,
Языкъ почерпнетъ его изъ глубины сердца.

Пѣснопѣніе должно всегда быть на сторонѣ права, счастіе должно быть нераздѣльно съ заслугой, какъ внутренность неразрывна съ внѣшностью.

Первая награда за борьбу—наслажденіе счастіемъ,
Громкая слава—другая;
Кто заслужилъ и съумѣлъ отстоять за собой обѣ разомъ,
Тотъ подлинно стяжалъ прекраснѣйшій вѣнокъ.
Когда богатство вѣнчается доблестью,
Оно творитъ пользу и добро здѣсь и тамъ,
И будитъ въ душѣ глубокій замыселъ гнаться за славой,
Этой лучезарною звѣздой, настоящимъ свѣтомъ для человѣка.

Но все отрадное исходитъ свыше. Божествомъ возвеличиваются смертные. Божіей милостью цвѣтутъ и мудрыя мысли въ сердцѣ. Что такое Богъ? Что такое все? Богъ тотъ, кто все для нась создалъ. Намъ подобаетъ благоговѣть предъ нимъ и умѣрять свои крайніе порывы. Законъ—царь и властелинъ надъ смертными и безсмертными.

Хвалебныя пѣсни Пиндара пѣлись не непосредственно за побѣдами, а иногда при торжественномъ вносѣ побѣдителя въ родной его городъ, иногда на приготовленномъ ему тамъ праздникѣ; сперва совершали ходы ко храмамъ и алтарямъ для принесенія жертвъ, а потомъ устроивали шумный пиръ въ домѣ чествуемаго, такъ что религіозный обрядъ заключался общимъ для всѣхъ разгуломъ. Хвалебная пѣснь исполнялась хоромъ во время шествія или же и послѣ, на пиру. Пиндаръ говоритъ самъ, что подноситъ сладкій плодъ души своей, нектаръ своей пѣсни,

Какъ тесть-хозяинъ щедрою рукой подноситъ кубокъ,
Шипящій пѣнистой росой винограда,

---

*) Въ послѣднихъ двухъ строкахъ дерево и доблесть совершенно слились въ одно представленіе.

На здравіе молодому жениху,—кубокъ, даръ радушія,
Золотой вѣнокъ богатства, истинную красу трапезы,
И чествуя своего зятя, славитъ его передъ друзьями
Достойнымъ зависти изъ-за предстоящаго блаженства брачной любви.

Еще до Пиндара вошло въ обычай, что почетъ отъ побѣдителя переходилъ и на родной его городъ, что въ похвалу ему вплетались миѳы, напоминавшіе о дальней старинѣ; такъ точно англійская сцена еще и до Шекспира допускала двойственность дѣйствія или сплетеніе нѣсколькихъ событій въ одной и той же драмѣ; но искусство обоихъ поэтовъ состояло именно въ томъ единствѣ, которымъ они одушевили это разнообразіе и умѣли достичь въ немъ удовлетворительно-стройной красоты. Мастерство Пиндара въ этомъ отношеніи признано такими людьми какъ Бёкъ, Тиршъ, Диссенъ, Отфридъ Мюллеръ. Всѣ произведенія его писаны на какой-нибудь случай: они всегда идутъ отъ фактическаго, индивидуальнаго, но освящаютъ его печатью всеобщности и возводятъ въ мысль, озаряютъ свѣтомъ беззакатнымъ. Ближайшая цѣль всегда—прославленіе побѣды, но послѣдняя не описывается въ подробностяхъ, а расматривается только въ связи съ жизнью побѣдителя, и вносимыя сюда индивидуальныя, рисующія лицо черты придаютъ пѣснѣ всю прелесть живой, непосредственной правды и обнаруживаютъ сердечное участіе поющаго, его внутреннія ощущенья. А поэтическая его вдумчивость усматриваетъ въ побѣдѣ то ниспосланное богами счастіе, то плодъ личной доблести, то наконецъ обѣ стороны сливаются передъ ней въ одно, такъ какъ вѣдь и любая человѣческая сила все-таки есть даръ небесный. Счастіемъ же и славою наверстывается испытанное прежде страданье, или поэтъ увѣщеваетъ счастливца къ благодаренію богамъ, къ умѣренности, къ мудрости, къ благочестію, чѣмъ тотъ собственно и заслужилъ себѣ великую почесть. Такъ онъ вездѣ указываетъ на нравственный міропорядокъ, истолковываетъ побѣдителю его судьбы, становится ему прорицателемъ въ будущемъ и прошломъ. По такому призванію Пиндара отмѣчать божественное во всемъ человѣческомъ, мы можемъ сопоставить его съ ветхозавѣтными провидцами или съ Дантомъ; подобно имъ, онъ то переноситъ данную дѣйствительность въ высшую сферу однимъ величіемъ своего взгляда при самомъ даже простомъ, какъ будто прозаическомъ къ ней отношеніи, то вдругъ неожиданно изумляетъ смѣлостью символизма своей рѣчи. Какъ Греки въ богатырскомъ своемъ сказаніи вообще видятъ и излагаютъ примѣръ и первообразъ всего человѣческаго бытія, дѣяній и судебъ настоящаго, законъ, прирожденный отъ вѣка, такъ смотритъ на сѣдую старину и нашъ пѣвецъ, и то видитъ въ племенныхъ герояхъ пророчество или образецъ для побѣдоносца, то прибѣгаетъ для украшенія своей пѣсни и къ другимъ еще миѳамъ. Но держится при этомъ не эпическаго изложенія, передающаго дѣло спокойно и въ связи, а лирическаго, слѣдующаго за полетомъ представленій, предполагающаго событія извѣстными и выдвигающаго впередъ только то что́ полезно для его цѣли, но за то ужъ и обливающаго избранное полнымъ блескомъ лучезарной поэзіи. Онъ самъ о себѣ говоритъ:

Я не мраморщикъ, не мастеръ на статуи, предназначенныя твердо стоять на одномъ и томъ же основномъ камнѣ;

Пусть несется моя пѣсня быстро съ легкимъ челнокомъ!

И при другомъ опять случаѣ:

Подъ рукой у меня много еще пернатыхъ стрѣлъ,
Глубоко запрятанныхъ въ колчанѣ,
И ясно звенящихъ для смышленаго,
Но непонятныхъ безъ объясненья для толпы.

Отсюда мы видимъ что безпланность его стихотвореній—только кажущаяся, что онъ иногда умышленно прерываетъ извѣстную череду мыслей и запрядаетъ вдругъ новыя нити, вводитъ совсѣмъ новые образы; но мастерски умѣетъ онъ потомъ свести всѣ ихъ къ концу и открыть въ полнозвучномъ аккордѣ общее согласіе разнородныхъ элементовъ. Конечно, не слѣдуетъ искать у него единства идеи въ какомъ-нибудь прозаическомъ предложеніи, не слѣдуетъ предполагать и какой-либо опредѣленной схемы для расчлененія піэсы; Пиндаръ всегда болѣе идетъ отъ того или другого созерцанія данной дѣйствительности, а планъ и постройку своихъ произведеній всегда творчески изобрѣтаетъ вновь. Взглянувъ на нѣкоторыя побѣдныя оды изъ лучшей его поры, мы найдемъ что основную мысль третьей истмійской пѣсни составляетъ чувство отца, не нарадующагося славными своими сыновьями, въ которыхъ онъ видитъ живое продолженіе своей личной способности на всякое дѣло; и такъ-какъ побѣдитель—Эгипетъ, то Пиндару тѣмъ ближе было нарисовать здѣсь картину, какъ на пиру у Теламона Ираклъ, поднявъ налитый виномъ золотой кубокъ, молитъ боговъ, да пошлютъ они другу его крѣпкаго силой и прекраснаго сына, что̀ тутъ же и подтвердилъ своимъ появленіемъ Зевсовъ орелъ. Въ девятомъ пиоійскомъ гимнѣ Пиндаръ самъ себѣ хотѣлъ бы такой побѣды, какую одержалъ славимый имъ боецъ, а послѣднему онъ желаетъ чтобы пріобрѣтенная на играхъ слава доставила ему счастливое супружество; вотъ почему слѣдуетъ за этимъ миѳъ о любви Аполлона къ родоначальницѣ города, нимфѣ Киренѣ, и упоминаніе о томъ, какъ однажды и другой Киренянинъ добылъ себѣ подругу успѣшнымъ состязаніемъ въ бѣгу. Любимцу боговъ дается въ добрый часъ наилучшій успѣхъ во всякомъ дѣлѣ. Во второй Олимпійской одѣ становится для насъ ясно какъ день, что гдѣ божеская благодать сойдется съ доблестью, тамъ всякое горе претворится въ радость, всякая смута въ согласіе, всякая земная борьба въ небесное счастье. Такъ было съ достославными предками (побѣдителя) Ѳерона, такъ будетъ оно и съ нимъ. Первый пиоическій гимнъ сначала превозноситъ мощь пѣснопѣнія, кротко угашающую даже и молнійный перунъ, убаюкивающую даже и орла на скиптрѣ Зевса; въ противоположность этому ставитъ онъ мучительную тревогу тѣхъ, кто отвернется отъ божественнаго и прекраснаго, какъ сдѣлалъ дикій титанъ Тифей, что̀ лежитъ теперь и стонетъ подъ Этною; поэтъ изображаетъ намъ страшный взрывъ его гнѣва—Этна тогда именно выбрасывала огонь,—но съ обузданіемъ его ярости, весь городъ какъ будто оживаетъ. Такъ точно и побѣдитель Гіэронъ принесъ ему спасеніе, водворивъ въ немъ добрые дорійскіе порядки и рѣшительно одолѣвъ враждебныхъ варваровъ. Хоть онъ теперь и боленъ, онъ подобно Филоктету встанетъ съ постели окруженный славою. Но послѣ такихъ царственныхъ подвиговъ ему надо теперь жить въ мирѣ и спокойствіи души, по склонности своей къ изящному заниматься музыкой и поэзіей, чѣмъ онъ оставитъ по

себѣ благородное имя въ потомствѣ; вѣдь жестокосердый Филаридъ не воспѣтъ до сихъ поръ ни кѣмъ, а привѣтливая доблесть Креза обезсмертила его на вѣки вѣчные. Такъ нашъ гимнъ подконецъ снова возвращается къ своей полноживненной исходной точкѣ, и мы видимъ что великолѣпное это созданье въ сущности посвящено той силѣ гармоніи, которая побораетъ все сопротивное съ строѣ природы, государства, равно какъ и любой единичной души, которая вездѣ несетъ съ собой благодать и спасеніе, которая наконецъ вдохновляетъ насъ въ искусствѣ.

Къ единству идеи присоединяется у Пиндара единство настроенья, благодаря всегдашнему порыванію души къ божеству, благодаря величавому вездѣ паѳосу и паренію фантазіи: вотъ отчего все принимаетъ у него блестящій стиль, на всемъ ложится печать высокаго. Съ смѣлою образностью рѣчи одушевляетъ онъ неодушевленное; полнозвучными словами, мощно вскипающими ритмами умѣетъ онъ и музыкально передать уху значеніе какъ мысли, такъ и образа. Величіе дорійскаго лада всего для него сподручнѣе, но онъ мастеръ владѣть и плясовымъ лидійскимъ напѣвомъ; его стихи, его строфы построены съ искусствомъ поистинѣ удивительнымъ и предполагаютъ въ свою очередь необыкновенную воспріимчивость со стороны слушателя. Эпической основѣ своего діалекта придаетъ онъ чрезвычайное обиліе и достоинство введеніемъ въ нее дорійскихъ звуковъ и формъ. При этомъ музыкальный ладъ подходитъ, какъ нельзя лучше къ мысли стихотворенія и къ способу ея обработки. Гимны, въ дорійскомъ стилѣ, движутся спокойнѣе, объективнѣе и въ самыхъ представленіяхъ; поэтъ углубляется въ свой сюжетъ и, сдерживая порывъ дактилей и хоріямбовъ спондеями, онъ въ то же время наводитъ умъ слушателя на серьёзную думу. Эолійскія его стихотворенія отличаются сравнительно мелкими предложеніями, короткими стихами, легкими ритмами; Пиндаръ отдается въ нихъ болѣе движеніямъ своей собственной души; мысли возникаютъ тутъ какъ бы только невзначай, урывками, и поэтъ яснѣе выступаетъ впередъ съ своей субъективностью, съ своими собственными, личными дѣлами. Въ цѣломъ же, можемъ мы заключить вмѣстѣ съ Бернгарди, у Пиндара преобладаетъ величавая постройка періодовъ, которые очень нарядно облекаютъ полноту членовъ широкими складками. Однако мощное это искусство видимо пригнетаетъ изложеніе, и достоинство выигрываетъ отъ него въ явный ущербъ легкости. Поэтъ часто бываетъ теменъ, многіе образы его слишкомъ изысканы, краски наложены иногда тяжеловато, посредствующія звенья мысли совсѣмъ опущены или едва высказаны въ коротенькихъ предложеньяхъ, переходы круты, неподготовлены, и внутренняя связь часто обозначена лишь намеками, а вовсе не проведена наглядно и ясно.

Таковъ былъ поэтъ, который имѣлъ право сказать о самомъ себѣ, что стезя его идетъ прямо къ солнечному холму Кроніона, что Муза даетъ ему силу, вмѣстѣ съ увѣнчанными побѣдителями, блистать въ Элладѣ какъ и они, благодаря вѣщему пѣснопѣнью; но онъ конечно не вдругъ сталъ такимъ, для этого требовалось довольно долгое развитіе, потому что пути мудрости очень круты и все совершенное пріобрѣтается съ трудомъ. Это именно особенно выставилъ въ своей книгѣ о Пиндарѣ Леопольдъ Шмидтъ. Поэтъ начинаетъ съ юношескаго увлеченія чудеснымъ, съ глубокой религіозности,

съ беззавѣтной отдачи себя во власть миѳа, такъ что у него не доходитъ еще до полнаго соприкновенія мысли съ дѣйствительностью. Самъ объятый весь благоговѣйнымъ изумленіемъ, онъ мало еще вдается въ психологическій элементъ, въ настроеніе боговъ и героевъ, и потому изъ цѣлаго стихотворенія выступаютъ у него съ чарующимъ блескомъ только еще нѣкоторыя удачно выработанныя положенія. Начинали уже чувствовать что въ немъ явился геніальнѣйшій лирикъ, но искусство его выказалось еще не въ совершенной ясности, не въ полномъ торжествѣ. Сначала ему предпочитались другіе; но онъ хочетъ прямо идти жизненнымъ путемъ, хочетъ чтобы пѣснь его всегда опиралась на правду, и потому беретъ себѣ въ образецъ Аякса, хотя бы хитрому Одиссею и удалось однажды стяжать побѣдный вѣнокъ. Чѣмъ надѣлила его судьба, то навѣрно созрѣетъ въ будущемъ. Съ наступленіемъ великой годины Персидскихъ войнъ, когда сама дѣйствительность достигла идеальнаго блеска, когда въ самой исторіи судьба заявила себя нравственнымъ міропорядкомъ, и на дѣлѣ исполнились всѣ чаянія прошлаго, тогда и у поэта радуетъ насъ прославленіе человѣческой доблести и силы, а также тѣсный, равнодольный сплавъ фактическаго съ просвѣтляющимъ элементомъ миѳа и мысли. Наконецъ въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ созданіяхъ преклонныхъ его лѣтъ мудрость и художническій разсчетъ явно берутъ перевѣсъ надъ чувствомъ, надъ фантазіей творчески единящею духовное съ чувственнымъ. Тутъ невольно припоминаются старческія произведенія Гёте. Шмидтъ сравниваетъ одиннадцатую олимпійскую оду съ девятою: «Въ обѣихъ фигура «побѣдителя необыкновенно выдвинута впередъ; но въ первой увлеченный «ею поэтъ окружилъ ее сладкимъ ароматомъ вдохновеннаго чувства, а во «второй вполнѣ зрѣлый уже художникъ выработалъ этотъ обликъ сильными «ударами рѣзца. И тогда какъ тамъ послѣдовательная череда миѳовъ какъ «бы сновидчески подготовляетъ къ блеску олимпійскихъ игръ, изъ котораго «выникнетъ потомъ слава побѣдителя; здѣсь напротивъ миѳы ограничи- «ваются лишь нѣсколькими отрывочными и довольно сухими намеками на «современность». За поэтомъ остался высокій его духъ, задушевное религіозное чувство, и озирая все пережитое и воспѣтое имъ прекрасное, онъ подконецъ глубокомысленно говоритъ:

Что мы такое, дѣти дня? и что мы нѣтъ? Людя—грезы тѣни,
Не болѣе. Но явится ниспосланный богомъ лучъ,
И свѣтло просіяетъ день человѣку,
Вся жизнь его расцвѣтетъ вдругъ наслажденіемъ!

ЗАЧАТКИ ФИЛОСОФІИ; ЭПИЧНО-ВДУМЧИВАЯ ПОЭЗІЯ.

Съ постепеннымъ освобожденіемъ личности, выступило и въ лирикѣ вдумчивое направленіе; элементъ размышленія и внушительнаго увѣта по отношенію къ жизни какъ частнаго лица, такъ и цѣлаго государства, особенно далъ себя знать въ элегіи множествомъ нравоучительныхъ изреченій. Мы видѣли

на ряду съ этимъ, что такіе поэты какъ Алкей и Ивикъ живутъ при дворахъ царей, и намъ необходимо всмотрѣться въ подобное явленіе. Мы знаемъ что сельскій людъ высвободился отъ крѣпостной зависимости—гдѣ путемъ мореходства и торговли, а гдѣ искуснымъ производствомъ ремеслъ въ городахъ, откуда разнообразные товары вывозились за границу на греческихъ судахъ и доставляли гражданамъ годъ отъ года возростающую прибыль. Ихъ кругозоръ и сфера ихъ стремленій расширялись вмѣстѣ съ образованіемъ и съ усиленіемъ въ нихъ чувства самостоятельности; между тѣмъ судъ, а также политическое и религіозное управленіе государствомъ были еще въ рукахъ аристократіи, отличавшейся умѣньемъ носить оружіе, и такимъ образомъ народъ могъ подняться въ правахъ только благодаря тому, если кто-нибудь изъ знатныхъ бралъ его сторону или самъ старался возвысить власть свою передъ другими знатными, опираясь противъ нихъ на гражданъ. Стало-быть и тутъ самостоятельно выдавалась какая-нибудь личность, и мы видимъ что этимъ именно путемъ водворилось во многихъ мѣстахъ демократическое единовластіе, правда — скоропреходящее, такъ-какъ оно держалось на субъективной только даровитости, на духовномъ превосходствѣ одного извѣстнаго лица, такъ-какъ или уровнявшійся съ знатью народъ или же сама податливая на уступки ему аристократія низвергали этихъ единодержавцевъ, какъ скоро они становились ненужны или утрачивали свое вліяніе по собственной винѣ. Но совокупляя въ одной рукѣ силу цѣлаго и столько же заботясь о блескѣ согражданъ, какъ и о своемъ собственномъ, они разумѣется могли ускорять кругооборотъ общественной жизни, предлагать большія задачи художникамъ и поощрять искусство, собирать вокругъ себя поэтовъ и сближать демократическую свободу съ аристократическимъ образованіемъ. Такъ поступали Кипселиды въ Коринѳѣ, такъ въ Аѳинахъ дѣйствовали Писистратъ и его сыновья; да много было такихъ властителей и въ другихъ греческихъ республикахъ начиная съ 8-го вѣка по 6-й. Гдѣ они дѣйствительно были тиранами, какъ напримѣръ Поликратъ въ Самосѣ, тамъ власть ихъ скоро рушилась сама собой; но въ большей части случаевъ временнымъ державствомъ своимъ, которое уравнивало въ правахъ всѣхъ подвластныхъ, они подготовляли переходъ къ законной свободѣ. Такъ и въ новой Европѣ самовластіе государей выиграло благодаря тому, что оперлось противъ знати и духовенства на среднее сословіе и, волею или неволей, пособило послѣднему стать на ноги и выдвинуться впередъ.

Въ Греціи часто прямо призывали великихъ государственныхъ людей устанавлять порядокъ и мирить противоборствующія притязанія; и они рѣшали эту задачу энергично и умно, предоставляя всѣмъ вообще гражданамъ соразмѣрное участіе въ дѣлахъ государства, стараясь практически воспитать ихъ къ доброму и прекрасному, всѣмъ внушая блюсти мѣру, не слишкомъ заноситься въ счастіи и не малодушествовать въ напасти, ставя главной цѣлью всѣхъ стремленій — самопознаніе, умѣнье владѣть собою и довольный, богопреданный образъ чувствъ и мыслей. Мужей, знаменующихъ собой вступленіе сообразительности и силы свободнаго убѣжденія въ число руководственныхъ началъ всемірной исторіи,—мужей, каковы Солонъ, Питтакъ, Віасъ, судья пріэнскій, Ѳалесъ Милетянинъ, напрасно требовавшій для малоазійскихъ Грековъ общесоюзнаго устройства, Клеовулъ Линдскій,—та-

кихъ мужей сами Греки прозвали мудрецами, а дошедшія отъ нихъ вѣскія изреченія: познай самого себя; блюди мѣру; мудрость всего прекраснѣе, надежда всего слаще; начинай медленно, выполняй твердо; что̀ сдѣлаешь хорошаго, считай божьимъ дѣломъ — легли въ основаніе новой этикѣ, такъ какъ постоянно повторяясь, они казались наконецъ законами полносильными для всѣхъ житейскихъ положеній и опытовъ, а слѣдовательно указывающими на одинаковую внутреннюю сущность всѣхъ явленій и вещей. Такимъ образомъ философія Грековъ, характеристически розпясь въ этомъ отъ индійской, начинаетъ не съ жреческаго умозрѣнія въ какомъ-нибудь лѣсномъ скиту, а съ соображающей политической мысли въ самомъ центрѣ общества; она ведетъ не къ отрекшемуся отъ міра страстотерпству, а напротивъ къ міроурядной, мірообразующей дѣятельности; ея цѣлію стало не погруженіе мысли въ неопредѣленное единство, а познаніе дѣйствительнаго въ его необозримой полнотѣ, постиженіе міра какъ космоса, какъ благоустроеннаго цѣлаго, и уразумѣніе вѣчныхъ идей, существа и воли божіей въ законѣ и порядкѣ всего сущаго. Эстетическій смыслъ Эллиновъ и здѣсь идетъ отъ наглядпаго созерцанія, и въ видимой насущности хочетъ найдти откровеніе и проявленіе основныхъ началъ бытія. Реальное не наблюдается еще въ зародышѣ, экспериментація не существуетъ еще какъ искусство, посредствомъ котораго смѣтливый изслѣдователь умѣетъ доспроситься у природы, отвѣтитъ ли и она сама согласно его догадкѣ или предположенію. Надо напротивъ сказать что умъ, обрадованный первымъ проблескомъ своей самодѣятельной мысли, перецѣниваетъ ея могущество, и мнитъ опредѣлить ею природу вещей, развить изъ нея самой законы дѣйствительности, пригнать весь ходъ міра къ соразмѣрности ея формъ и къ ритму ея движеній. Фантазія спѣшитъ навести мостъ отъ единичныхъ явленій къ основнымъ, первоначальнымъ причинамъ; юношескій смыслъ удовлетворяется метафорами и символами, и вдохновенный полетъ души въ царство идеаловъ самъ собою ведетъ ее къ поэтическому выраженію подымающей чувство истины.

По берегамъ и островамъ Малой Азіи торговые обороты давно уже упрочили владычество Грековъ на̀ морѣ, а живой, прогрессивный духъ народа возвысилъ гражданственность, вызвавъ вмѣстѣ съ этимъ ясный взглядъ на жизнь, наблюденіе и природы и человѣка, начала математики и астрономіи, знаніе земель и народовъ. Обруку съ товарами обмѣнивались также и понятія, пріобрѣтались свѣдѣнія древнихъ культурныхъ странъ, Вавилона и Египта; самобытная сила Эллиновъ усвоивала ихъ себѣ какъ добрую пищу, чтобы претворить ее въ свою плоть и кровь и развивать потомъ далѣе. Ѳалесъ, процвѣтавшій лѣтъ за 600 до Р. Х., обнялъ все астрономическое знаніе своего времени, и вмѣсто человѣкообразныхъ боговъ, льющихъ свѣтъ и теплоту съ высоты неба, онъ распозналъ шаровидныя тѣла движущіяся по извѣстнымъ законамъ. У Іонійцевъ изстари шло ученіе, что отецъ богамъ — Океанъ, и они всѣхъ выше чествовали земледержца и землетрясца Посейдона; Ѳалесъ, отстранивъ всякую миѳологическую образность, прямо объявилъ воду за первоисточникъ всего сущаго, подмѣтивъ какъ осѣдаетъ въ ней земля, какъ восходятъ изъ нея въ воздухъ испаренія и порождаютъ грозы. Такимъ образомъ водная стихія стала для него основой всѣхъ вещей, какъ будто одушевленныхъ движущими изнутри силами; божественное стояло не внѣ природы,

а было оживляющею ее силой и единою вездѣ сущностью. Эту именно сущность, какъ неопредѣленное еще безконечное, поставилъ Анаксимандръ на мѣсто воды, и училъ что все частное, особое возникаетъ изъ нея путемъ порожденія и развитія, а потомъ въ нее же опять возвращается; объемля и направляя собою все, безконечное выходитъ безпрерывнымъ круговоротомъ причинъ и дѣйствій. Анаксименъ, наконецъ, замѣтивъ съ своей стороны что человѣкъ живетъ дыханіемъ, призналъ въ воздухѣ жизненное начало, душу человѣка и всего сущаго; онъ говорилъ что всѣ вещи происходятъ изъ него путемъ сгущенія и разрѣженья, а онъ поддерживаетъ общій между ними порядокъ, одушевляетъ ихъ и надъ ними властвуетъ. — Такъ добыты мысли о первосилѣ, о первичномъ веществѣ, о единой основѣ всѣхъ вещей и о необходимыхъ, вездѣ полновластныхъ формахъ движенія и развитія; но совершенно по-эллински онѣ созерцались еще въ такихъ именно предметахъ, которые повидимому представляли то, чего требовалъ отъ началъ вещей умъ человѣческій.

И Пиѳагоръ былъ Іоніецъ съ острова Самоса, но проживъ довольно долго въ Египтѣ прибылъ потомъ въ нижнюю Италію и уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ нашелъ среди тамошнихъ Дорійцевъ, въ Кротонѣ, настоящую почву для своей дѣятельности. Математическія знанія Востока усвоилъ онъ себѣ дотого, что постройкою и доказательствомъ названной по немъ теоремы заслужилъ на вѣки вѣчные славу мастера въ этой наукѣ. Единицей опредѣлялъ онъ точку, двумя — линію, тремя — плоскость, четырьмя — тѣло; линіи и плоскости составляли для него форму вещей вообще, а въ формѣ проявляется сущность; онъ нашелъ что разность и благозвучіе музыкальныхъ аккордовъ обусловливаются числовыми отношеніями; поэтому число и гармонію принялъ онъ за существо, опредѣляющую мощь и законъ міра; послѣдній черезъ это становился космосомъ, а вещи выходили видимыми или слышными изображеніями и проявленіями чиселъ и числовыхъ отношеній, какъ первичныхъ, основныхъ началъ. Онъ пришелъ къ сознанію той истины что все качественное опредѣлено количественно. Единица, какъ первичная всему основа, была для него божественнымъ началомъ, душой міра; двоицу считалъ онъ носительницей той противоположности, которая распространена въ цѣломъ мірѣ, подъ видомъ верха и низа, права и лѣва и т. д.; троица, состоящая изъ единицы и двоицы, была для него единствомъ въ разности, то-есть гармоніей. Пиѳагоръ распредѣлялъ тѣла небесныя по порядку струнъ лиры; землю признавалъ онъ звѣздою изъ звѣздъ, и утверждалъ что всѣ ихъ держитъ въ общей связи, всѣ надѣляетъ тепломъ и свѣтомъ одно общее средоточіе, центральный огонь, поставленный на стражѣ самимъ Зевсомъ: всѣ онѣ движутся вокругъ него и производятъ гармонію сферъ своимъ правильнымъ обращеніемъ. Смѣлая, величавая и предчаявающая истину фантазія доходила у Пиѳагора до того, что числа были для него также и символами духовныхъ качествъ; въ болѣзни и грѣхѣ видѣлъ онъ разгласицу, въ здоровьи и добродѣтели — гармонію. На человѣкѣ лежала нравственная задача гармонически себя выработать и воспроизвести въ государственномъ быту порядокъ природы. Вездѣ долженъ былъ царить законъ. Человѣку надлежало стремиться къ чистотѣ внутренней и наружной, и восходить такимъ образомъ къ единому и къ его гармоніи. Въ Аполлонѣ, дорійскомъ божествѣ чистаго свѣта и гар-

моніи, Пиѳагоръ нашелъ воплощеніе своихъ собственныхъ идей, и примкнувъ къ его служенію, усвоилъ себѣ цѣлый рядъ тѣхъ внѣшнихъ очистительныхъ правилъ, которыя установились на Востокѣ, и особенно были выработаны египетскими жрецами; онъ принялъ также и то египетское ученіе, что душа, не достигшая путемъ нравственной чистоты конечнаго общенія съ Богомъ, возрождается опять для новаго земного странствія въ тѣлѣ животнаго или человѣка. Въ бѣлыхъ ризахъ, съ достоинствомъ жреца, какъ мужъ государства, религіи и науки, выступилъ онъ въ Кротонѣ основателемъ союза, котораго члены должны были вести и направлять народъ. Но послѣдній ниспровергнулъ эту аристократію. Ученіе и слава учредителя однакожь устояли, и впечатлѣніе, оставленное его личностью, отразилось въ чудесныхъ сказаніяхъ, какими она была окружена. Если символической сѣти чиселъ, протянутой имъ черезъ весь духовный и чувственный міръ, было и недостаточно для уразумѣнія послѣдняго, тѣмъ не менѣе высока задача, надъ рѣшеніемъ которой онъ трудился и которую завѣщалъ позднѣйшимъ поколѣніямъ и намъ, — задача найдти общую связь и конечную цѣль вещей въ вѣчномъ единствѣ, въ Богѣ, какъ присущей міру душѣ, признать во всеобщемъ естественномъ и нравственномъ міропорядкѣ непреложный законъ, дающій сдержку и мѣру всей дѣйствительности, и наконецъ привесть жизнь единичнаго лица въ согласіе съ цѣлой жизнію вселенной. Онъ первый назвалъ себя любителемъ мудрости, философомъ, и для объясненія этого слова сравнивалъ человѣческую жизнь съ Олимпійскими играми. И туда, говорилъ онъ, одни спѣшатъ ради славы и вѣнковъ, другіе ради наживы продажей и куплею, а третьи, и притомъ благороднѣйшіе изъ всѣхъ, приходятъ не изъ-за славы и не изъ-за денегъ, а единственно чтобъ посмотрѣть, что тамъ дѣется и какъ; такъ точно и на торжище земной жизни люди сходятся для священной борьбы, — одни съ тѣмъ чтобъ добыть славы и чести своими подвигами, другіе — чтобъ нажить денегъ, и наконецъ третьи, въ самомъ небольшомъ числѣ, — съ тѣмъ чтобы изслѣдовать существо вещей: вотъ эти-то и есть философы.

Ксенофанъ также еще въ молодости покинулъ свой родной іонійскій городъ, Колофонъ, и нашелъ себѣ въ Элеѣ новое отечество; онъ воспѣлъ основаніе этого города. Въ качествѣ рапсода передавалъ онъ то что пережилъ и до чего додумался: пониманіе вещей ставилъ онъ выше всякой людской и конской силы, выше всякихъ побѣдъ на боевыхъ игрищахъ. Основой разумѣнія считалъ онъ единое, которое вмѣстѣ и все. Озирая цѣлое небо въ совокупности, говоритъ Аристотель, онъ первый сталъ учить единству бытія и назвалъ его Богомъ. Въ противоположность измѣнчивому и конечному искалъ онъ непреходящаго и безконечнаго, — искалъ, и нашелъ его не въ матеріи, а въ разумѣ: въ немъ призналъ онъ истинное бытіе. «Куда ни обращалъ я свои мысли, онѣ «всегда возвращались опять къ единому и равному; все сущее, какъ я ни раз-«биралъ его, оказывалось однимъ и тѣмъ же по природѣ.» Такъ дошелъ онъ до идеи единаго, всегда себѣ равнаго, вѣчнаго существа, которое и есть истинное во всемъ бытіе; мысль эта овладѣла имъ вдохновительно: онъ славилъ единаго, который выше всѣхъ боговъ и людей, который все видитъ, все мыслитъ, все слышитъ, безъ труда всѣмъ управляетъ по желанію, а самъ меж-

ду тѣмъ пребываетъ неподвиженъ и незыблемъ: онъ разумъ, мышленіе и вѣчность.

Идею эту развилъ далѣе досточтимый Парменидъ. Этотъ Спиноза древности водворилъ у Эллиновъ то созерцаніе, которое въ Индіи было проведено браманствомъ, — взглядъ, что всякая множественность, всякое развитіе есть только кажущійся призракъ, марево; бытіе же собственно безначально и безконечно, оно чистое единство и чисто духовная только сущность. Понятіе бытія, исключающее небытіе, возникновеніе и исчезновенье, мыслимо только какъ единое; и Парменидъ до такой степени увлеченъ этимъ смѣлымъ упованіемъ въ духовную сущность, что, не умѣя еще понять и объяснить себѣ множество и развитіе въ предѣлахъ единаго бытія, онъ готовъ скорѣе приписать ихъ только мнѣнію, почесть за пустой призракъ, лишь бы въ созерцаніи единаго слѣдовать одной мысленной необходимости, а не видимости, и постигать въ немъ такимъ образомъ «самую сердцевину убѣдительной истины.» Съ энтузіазмомъ находилъ онъ въ этомъ возвышеніи къ сверхчувственному истинное освященіе души, отважное пареніе мыслей, которыя по этому именно и выливались у него въ ритмической формѣ. Кони, начинаетъ онъ, уносящіе человѣка такъ далеко, какъ только могутъ зайдти мысли, примчали его подъ водительствомъ солнечныхъ дѣвъ къ самымъ воротамъ дня и ночи. Вѣчное правосудіе, у котораго хранится отъ нихъ ключь, взяло его за руку и возвѣстило ему что онъ все узнаетъ, — и слово истины, и мнѣніе смертныхъ. Такъ противопоставляетъ онъ міръ мысли міру чувственнаго явленія. Насчетъ послѣдняго высказываетъ онъ гадательно, что свойства вещей можно объяснить себѣ пожалуй противоположностями тепла и холода, эѳирнаго огня и земной ночи, въ размѣрныхъ только смѣшеніяхъ; вѣнцы свѣта и тьмы обнимаютъ другъ друга, а въ средоточіи царитъ всевластная божеская мощь, святая необходимость, которая первымъ божествомъ измыслила Эрота, любовь, единеніе противоположностей. Слѣдуя же путемъ чистой мысли, Парменидъ говоритъ что мышленіе и бытіе одно и то же, единое, безконечное, никогда не возникающее, а вѣчное, ни чего не имѣющее внѣ себя, такъ какъ оно само есть все, постоянно себѣ равное, всегда сущее налицо сполна и разомъ. Вотъ божественное, исключительно истинное бытіе; все въ немъ содержится, въ немъ объединены всѣ противоположности; это — замкнутое и полное въ себѣ цѣлое, ни дать ни взять какъ шаръ.

При всей истинѣ и величіи основного Парменидова воззрѣнія, множественность и постепенность бытія требовали своего права и таки добились его; и здѣсь, какъ обыкновенно, разумъ дѣла, то-есть полный и настоящій его смыслъ, вскрылся ходомъ историческаго развитія. Демокритъ, который много странствовалъ и былъ вообще податливъ на внушенія опыта, придерживался заодно съ Левкиппомъ не столько умственнаго понятія о мірѣ явленій, сколько дѣйствительности послѣдняго, и для объясненія его допускалъ изначальную множественность сущаго, то-есть атомы (недѣлимцы), которые будучи безкачественны сами по себѣ и разнясь только очертаніемъ, положеніемъ и взаимнымъ порядкомъ, производятъ своими соединеніями многоразличныя вещи со всѣми разнородными ихъ свойствами; какъ дѣйствительно сущіе

и полные, они то расходятся, то опять сходятся въ средѣ безсущной пустоты, но движеніе ихъ совершается по разумной необходимости. Эфесянинъ Гераклитъ, прозванный «темнымъ», поднялъ іонійскую философію природы на высшую ступень, положивъ въ основу всему постепенную развивчивость: все текуче, говорилъ онъ, мы есть и вмѣстѣ нѣтъ; въ одну и ту же струю намъ никогда не окунуться дважды. Жизнь—череда непрерывныхъ перемѣнъ, міръ—постоянный огонь, зажигающійся и потухающій въ свою мѣру, всѣ вещи только разные виды и ступени одного и того же процесса; Зевсъ—огонь, міръ—игра его. Единое, порозняясь въ себѣ самомъ, съ собою же опять и соединяется: противоположное вызываетъ сперва ту или другую опредѣленность, отецъ всѣхъ вещей война; но одолѣнное противоборство становится прекраснѣйшею гармоніей. Безконечное постоянно дѣлается конечнымъ, а конечное безконечнымъ, или какъ самъ онъ выражается, говоря хоть и не въ стихахъ, однакожь въ оксиморахъ *) и въ образахъ, и какъ дельфійскій оракулъ не излагая мыслей ясно, да впрочемъ и не затемняя ихъ намѣренно, а ограничиваясь символическими намеками: люди живутъ смертью боговъ, и умираютъ ихъ жизнью (то-есть: что богамъ здорово, то людямъ смерть, и наоборотъ). Мысль, всеобщій и божественный разумъ, логосъ, въ сущности управляетъ всѣмъ; познаніе единаго этого разума — истинная мудрость, отпаденіе отъ него — гордыня и заблужденіе, которыя должно угашать пуще всякаго пожара. Нравственность состоитъ въ пріуроченіи воли ко всеобщему разуму; задушевная природа человѣка — его демонъ, его судьба. Всѣ людскіе законы кормятся вѣдь только однимъ божескимъ; все въ мірѣ одушевлено. «Входите сюда смѣло, и здѣсь боги!» готовы мы воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ.

Позднецвѣтомъ этой первой ступени философскаго мышленія явился Эмпедоклъ, который въ стихотвореніи о природѣ совмѣстилъ ученія своихъ предшественниковъ, и въ то же время, окруженный блескомъ чудеснаго, странствовалъ какъ прорицатель и жрецъ среди сицилійскаго народа, связывая восточныя и въ особенности египетскія созерцанія со взглядами Эллиновъ. Одинъ изъ величайшихъ поэтовъ Рима, Лукрецій Каръ, взявшій за образецъ себѣ Эмпедокла, говоритъ что пѣсни его неслись какъ будто изъ божественной груди; живость изображеній, поэтичное олицетвореніе силъ природы на миѳическій совершенно ладъ, наконецъ высокое пареніе рѣчи, все это чередуется у него съ самымъ яснымъ выраженіемъ мудрости: невольно приходитъ тутъ на мысль сродственный ему по духу Джордано Бруно Поланскій или Германецъ Яковъ Бёме. Вселенная, или все, есть для него вмѣстѣ и единое и многое, вѣчное бытіе раскрывающее себя въ живомъ саморазвитіи, постоянное исхожденіе и вхожденье. Въ любовномъ единствѣ безконечнаго, въ блаженномъ первоначальномъ сферическомъ мірѣ, пробуждается вдругъ рознь и будитъ (убаюканныя любовью) дремлющія силы, подѣляетъ стихіи, которыхъ, какъ корней или основныхъ формъ вещей, Эмпедоклъ первый насчиталъ четыре: огонь, вода, воздухъ и земля; но любовь опять смѣшиваетъ и соеди-

---

*) Оксиморомъ называлась остроумная или затѣйливая мысль, высказанная такъ, что въ ней какъ-будто заключалось явное противорѣчіе.

няетъ порозненное, откуда и произошли организмы, живыя существа, которыхъ вся задача состоитъ въ томъ, чтобы чистотою своей жизни и дѣятельности изъ міра противоположностей подняться опять къ единенію съ Богомъ, этимъ первоисточникомъ, который силою мысли всегда и вездѣ заявляетъ свое владычество,—чтобы такимъ образомъ достигнуть возврата въ усладительное царство единой для всего любви.

Чѣмъ крѣпче народная вѣра держалась за множественность божескихъ обликовъ, происшедшихъ, какъ мы видѣли, изъ первоначальнаго единства отчасти черезъ сопостановку мѣстныхъ культовъ, отчасти же благодаря обаятельной силѣ фантазіи, олицетворившей разныя естественныя явленія и разныя направленія духовной жизни,—тѣмъ рѣзче становился въ противорѣчіе съ этой вѣрою философскій взглядъ, признававшій разумное единство въ коренномъ всему началѣ, стремившійся обезбожить опять природу уразумѣніемъ законовъ ею управляющихъ или постичь въ ней единую и всеобщую душу міра. Философія оказывала сначала мало вліянія на народное сознанье; кружки приверженцевъ ея были очень невелики. Если Пиѳагоръ, а также и Эмпедоклъ, примыкали еще въ ученіяхъ своихъ къ религіи, то Ксенофанъ порицалъ напротивъ тѣхъ поэтовъ, которые дозволяютъ себѣ въ миѳахъ приписывать богамъ дѣла, постыдныя и для людей: кражу, прелюбодѣяніе, взаимные обманы. Онъ говорилъ что, будь у львовъ и быковъ руки, они придали бы своимъ божествамъ тѣла подобныя ихъ собственнымъ, и возставалъ противъ представленія боговъ въ человѣческомъ образѣ какъ нарочно въ то самое время, когда Эллинство готовилось достигнуть высшаго совершенства въ пластикѣ тѣмъ именно путемъ, чтобы въ идеалѣ человѣческаго облика видимо передать единое вездѣ божественное начало во всѣхъ разнообразныхъ его откровеніяхъ. На этотъ-то путь, приведшій къ пластическому совершенству, мы и намѣрены теперь вступить.

АРХИТЕКТУРА.

Въ первичную свою пору Арійцы не знали ни храмовъ, ни образовъ божіихъ; даже еще и пеласгійскому Зевсу поклонялись просто въ додонскомъ лѣсу, въ шумѣ дубовъ прислушивались къ его голосу. Но созерцательный духъ и пластическая наклонность Эллиновъ повели ихъ, какъ скоро они достигли народнаго самочувствія, къ видимой, наглядной передачѣ ихъ внутреннихъ ощущеній. Это случилось бы конечно и въ томъ случаѣ, еслибъ они вовсе не видали у Сирійцевъ и Египтянъ ни какихъ религіозныхъ построекъ и скульптуръ; но точно также напрасно было бы отрицать что зачатки греческаго искусства находились подъ вліяніемъ обоихъ этихъ народовъ; мало этого,—

то что на Востокѣ осталось порознеинымъ, то здѣсь плодотворно соединилось: стили египетскій и ассирійскій, достигли здѣсь взаимнаго сопроникновенія благодаря тому, что два главныя племени Эллиновъ стали развивать ихъ далѣе на своей почвѣ, — Дорійцы египетскій, Іонійцы ассирійскій. Сходныя условія и потребности вездѣ ведутъ существенно одинакій человѣческій духъ къ близко-сродственнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, а потому нѣтъ, разумѣется, ни какой надобности выводить каждую каменную плиту черезъ Финикію прямо отъ пирамидъ. Древесный стволъ по природѣ вѣдь напрашивается въ опору, и Греки конечно обдѣлали бы его художественнымъ образомъ, не имѣй они даже и завѣдомыхъ предшественниковъ по этой части; но изъ-за этого они все-таки не пренебрегли мотивами, которые встрѣтились имъ въ горнокаменныхъ гробницахъ Бенигассана и въ Ниневіи, а напротивъ тотчасъ усвоили ихъ себѣ и положили въ основу своей организующей дѣятельности. Сношенія Іонянъ съ малоазійскими Симитами были вѣдь довольно живы, а что касается Египта, то во времена Псамметиха, когда этотъ край сталъ доступенъ Грекамъ, тамъ именно и принялись опять за простыя старозавѣтныя формы. Но что греческій художественный смыслъ почерпнулъ изъ нихъ не чисто-мѣстные и наружно-символическіе элементы, какова напримѣръ лотосная колонна, а взялъ то что̀ было въ самомъ дѣлѣ хорошо выработано, напримѣръ стоичающійся кверху многогранный столпъ съ четыреугольною капительной плитою (см. I, 183), это именно и доказываетъ эстетическую даровитость Эллиновъ, —даровитость всего блистательнѣе проявившуюся въ томъ что цѣлое зданіе выходитъ у нихъ замкнутымъ въ себѣ организмомъ, гдѣ каждая отдѣльная черта отвѣчаетъ цѣли, ясно высказываетъ своей формою и лежащую въ ней мысль, и ту роль какая назначена ей въ общей связи цѣлаго. Греки впрочемъ и тутъ воспользовались добытками древнѣйшихъ культурныхъ народовъ и довели ихъ начинанія до художественной законченности; вотъ отчего формы ихъ имѣютъ всемірное значеніе; онѣ не только растространялись подражавшими имъ Римлянами, но воспроизводятся и въ новѣйшее еще время. Эта мастерская разработка останется вѣчной ихъ заслугою; они стояли къ восточнымъ племенамъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ Шекспиръ стоялъ къ хроникамъ и новелламъ, откуда заимствовалъ свой матерьялъ: духовное содержаніе, органическиединый въ себѣ строй цѣлаго составляютъ неотъемлемую собственность поэта. «Какъ великолѣпный мраморъ, говоритъ Земперъ, которымъ одѣты берега «и скалы Греціи, при всей однородности сложенія обличаетъ своими прожил«ками, разсѣянными въ немъ раковинами и другими признаками, что онъ со«ставился путемъ постепенныхъ осадковъ, такъ и искусство Эллиновъ от«нюдь не думаетъ скрывать вторичности своего происхожденія; оно также «показываетъ наблюдателю всѣ слои, которые легли въ матерьяльную его «основу, но которые, благодаря чудесной народной метармофозѣ, изъ оса«дочнаго своего состоянія слились въ одинъ сплошной кристально-прозрач«ный сплавъ.»

Человѣкообразному богу нужно и жилище сходное съ человѣческимъ. Врытые рядомъ въ землю древесные стволы поддерживаютъ подъ прямымъ угломъ связывающія ихъ потолочныя балки, а надъ ними широкимъ раструбомъ высится двускатная кровля; этотъ простой горный домъ состав-

ляетъ исходную точку какъ для греческаго, такъ и для этрурскаго храма, и во многихъ элементахъ наступившаго за тѣмъ камнезодчества очевидны отголоски этой первоначальной древесной конструкціи. Послѣдняя однакожь не просто повторялась въ камнѣ, но преобразовывалась по требованіямъ и особеннымъ свойствамъ матерьяла; такъ что позднѣйшій усовершенствованный храмъ въ главныхъ его чертахъ можно уже опять прямо вывесть изъ камнестроительнаго закона. Но дѣло въ томъ что онъ не вышелъ изъ головы изобрѣтателя готовымъ, во всеоружіи какъ Минерва: уцѣлѣвшія до насъ великолѣпныя зданія были результатомъ многовѣковаго роста, во время котораго совокупная дѣятельность цѣлаго народа приняла въ себя много элементовъ съ разныхъ сторонъ и воспроизвела ихъ потомъ своей собственной жизненною силой. Даже столь любимая Азіатами металлическая обшивка стѣнъ не только отзывается намъ въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ о ранней порѣ Греціи, но и иной орнаментъ явно указываетъ на то, что онъ первоначально дѣлался изъ метала или изъ жженой глины въ видѣ приставного украшенія, а потомъ уже перенесенъ на камень и путемъ художественной переработки вполнѣ пріуроченъ къ гармоніи цѣлаго. Одно изъ высокихъ преимуществъ эллинской архитектуры составляетъ та черта, что украшеніе, игравшее у Египтянъ роль приставки или наружной только оболочки, приводила она въ самую живую, тѣсную связь съ ядромъ зданія, такъ что прикраса становилась истинною формой этого ядра и что вслѣдствіе того форма дѣйствительно высказывала внутреннюю сущность. Все непригодное для этой цѣли отметалось, а все пригодное выработывалось напротивъ до совершенной ясности; такимъ образомъ любой данный матерьялъ допускался не иначе какъ лишь съ строгимъ разборомъ и тѣмъ самымъ одухотворялся (осмысливался); слѣдовательно и здѣсь опять своеобразность греческаго искусства состоитъ не въ гонкѣ за болѣе или менѣе запоздалой самодѣльщиной помимо всякой связи съ древнѣйшими культурными племенами, а въ упрощеніи и самомъ естественномъ усовершенствованіи того что́ было завѣщано ими въ преданіи.

Со времени вторженія Доріййцевъ прошло нѣсколько вѣковъ прежде чѣмъ греческія племена успѣли не только пріобрѣсть себѣ прочную осѣдлость, но также и учредить государственный порядокъ въ своихъ городскихъ общинахъ, поставить на мѣсто царей богатырскаго періода съ одной стороны знать, съ другой массу простыхъ гражданъ. Тогда-то, въ 7-мъ вѣкѣ до Р. X., пробудился у нихъ и смыслъ къ монументальнымъ постройкамъ, а въ 6-мъ столѣтіи вполнѣ уже развернулся храмовой стиль, ставшій совершенно мѣроположнымъ для всего вообще зодчества. Въ архитектурѣ, какъ и слѣдовало ожидать, особенною геніальностью отличилось то племя, которое главнѣйшимъ образомъ разработывало всеобщую сторону политическаго быта, государство какъ цѣлое,—именно племя дорійское, тогда какъ Іонійцы даютъ болѣе простора индивидуальному элементу и превосходятъ Дорянъ по другимъ отраслямъ искусства.

Въ законченномъ своемъ видѣ эллинскій храмъ есть окруженный и поддерживаемый колоннами домъ божій, стоящій въ отграниченной отъ сосѣднихъ мѣстъ околицѣ на трехъ большихъ уступахъ поверхъ земли и возвышающійся такимъ образомъ въ видѣ приноснаго дара небу. Для уразумѣнія

формъ его въ подробностяхъ всѣхъ болѣе сдѣлалъ Карлъ Бёттихеръ, изъ Шинкелевской школы, своей книгой о Тектоникѣ Эллиновъ; и я охотно признаю вѣчную заслугу его въ этомъ отношеніи, хотя расхожусь съ нимъ во взглядѣ на происхожденіе и развитіе храмового стиля, опираясь не на идеальную конструкцію, какъ онъ, а на всеобщую исторію культуры и на дошедшія до насъ извѣстія о старобытныхъ деревянныхъ колоннахъ и пирамидальныхъ постройкахъ въ Греціи, и хотя иныя формы кажутся мнѣ знаменательны и сами по себѣ, отнюдь не нуждаясь въ родословномъ для себя выводѣ изъ подражающаго природѣ орнамента. Я ближе указалъ въ своей «Эстетикѣ», какимъ образомъ строительство становится искусствомъ, благодаря тому что стремится выразить въ формѣ цѣлаго и отдѣльныхъ частей понятіе и цѣль, лежащія въ основѣ постройки. Мало того что орнаментъ перестаетъ быть для Грековъ пустою только прикрасою, что онъ пластично онагляживаетъ смыслъ каждой строевой части; даже и совсѣмъ помимо его сама основная форма храма отвѣчаетъ въ своей соразмѣрности условіямъ изящества и энергически-опредѣленно выдвигаетъ впередъ все то, что имѣетъ конструктивную (то-есть прямо лишь строительную) важность.

Если мы начнемъ съ дорійской архитектуры, то колонна, сообразно своему понятію, представитъ намъ вопервыхъ поддерживающей или носящей, вовторыхъ—уютной, дающей просторъ. Вотъ почему стоитъ она вопервыхъ на твердомъ подножіи (базѣ) вотъ почему поднимается вверхъ не съ утолщеніемъ или даже не въ одинаковомъ объемѣ, но напротивъ, замѣтно стончается и легко идетъ навстрѣчу тяжести, которая только одна ее и останавливаетъ, принимая въ себя избытокъ ея напора: оттого голова колонны растекается какъ бы отпрянувшей волной, и образуемая этимъ вздутлость или подушка «эхина» представляетъ тѣмъ большую опорную плоскость для налегающей на нее тяжести; а что послѣдняя дѣйствуетъ на колонну, это обнаруживается легкимъ утолщеніемъ ея всерединѣ, то-есть усиленіемъ въ той именно точкѣ, гдѣ могъ бы погнуть ее чрезмѣрный нагнетъ, точно такъ же какъ съ другой стороны устойчивость ея обезпечена сравнительно бо́льшимъ объемомъ подножія. Такимъ образомъ строгое выполненіе статическихъ законовъ даетъ намъ въ восходящихъ линіяхъ колоннъ наглядный образъ упруго-живой силы, которая какъ бы сама охотно идетъ навстрѣчу тяжести, и хотя ощущаетъ ея гнетъ, однако же несетъ его самоувѣренно и бодро. Колонна замкнута въ себѣ подножіемъ и капителью, и никому въ голову не прійдетъ опасаться чтобы она не ушла въ землю или не вонзилась въ архитравъ; между ею и послѣднимъ лежитъ связующимъ звеномъ и посредствующимъ переходомъ верхняя плита, абака. Для того чтобы сдѣлать ее уютною колоннѣ придана округлость, открывающая и вольную проглядь и свободный проходъ, но не допускающая и мысли чтобы, подобно четырегранными столбамъ, колонны однимъ сближеніемъ могли когда-нибудь сомкнуться въ сплошную стѣну. Далѣе, то что́ лежитъ въ идеѣ круга, постоянно движущая впередъ линія съ постояннымъ же при томъ отношеніемъ къ центру, и потомъ равновѣсіе средобѣжныхъ и средостремительныхъ силъ, составляющее матерію,—все это онагляживается здѣсь тѣмъ, что стержень сверху до низу издороженъ ложками, что 16 или 20 граней обозначаютъ объемъ круга выступами, тогда какъ лежащія между ними бороздки немного углублены

внутрь; благодаря этому тѣмъ болѣе выступаетъ наружу подъемъ колонны въ высоту, и порождается особенно живая игра свѣта и тѣни. Нѣсколько нарѣзокъ или ободковъ обнимаютъ слегка стянутую обыкновенно шейку колонны подъ самой капителью, а тамъ, гдѣ послѣдняя вполнѣ примыкаетъ къ шейкѣ, она крѣпко охватывается кольцами. Орнаментируютъ эхинъ не иначе какъ вѣнкомъ изъ поникшихъ листьевъ, какъ бы совершенно подавленныхъ гнетущею ихъ тяжестью.

Какъ дорійскія колонны всегда стоятъ на одинакомъ основаніи, такъ точно всѣмъ имъ вокругъ храма дается и одинаковый упоръ въ главной соединительной балкѣ или такъ-называемомъ архитравѣ, увѣнчанномъ просто маленькимъ лишь выступомъ; на немъ лежатъ кровельныя балки, идущія съ права на лѣво и съ передняго конца на задній, надъ самыми осями колоннъ, такъ что весь гнетъ упадаетъ на послѣднія. Пространства между балокъ были совершенно полыя, и свѣтъ проходилъ ими свободно внутрь храма; а когда ихъ стали потомъ закрывать каменными штуками или плитами, то даже и при постройкѣ изъ камня все-таки удержали еще тѣ отвѣсные желобки, которые вырѣзывались по концамъ (прежнихъ деревянныхъ) балокъ для облегченія водостока; отъ такихъ желобковъ (погречески — глифовъ) весь этотъ архитектурный членъ былъ названъ триглифомъ, и орнаментъ ясно онагляживаетъ въ немъ настоящаго кровленосца, представляя въ то же время своей напругой вверхъ живой отголосокъ вышеупомянутыхъ ложекъ или бороздъ на колоннахъ; но кромѣ того по одному триглифу помѣстили еще и въ серединѣ каждаго изъ промежуточныхъ метоповъ*). На расчлененномъ такимъ образомъ фризѣ покоится крыша зданія, при чемъ полочка вѣнечнаго гзимза (подкровельнаго карниза) выступаетъ навѣсно впередъ и украшается висячими внизу каплями, тогда какъ ея выкружка, то-есть изгибъ профильной ея линіи, даетъ ей, въ соотвѣтствіе съ капителью колоннъ, характеръ поддерживающаго, подпирающаго члена. Надъ полочкой, по всей долевой сторонѣ зданія идетъ гусекъ, снабженный по угламъ, да мѣстами и на остальномъ своемъ протяженіи, водоточными львиными головами; и такъ-какъ ему нечего болѣе поддерживать, то онъ убранъ вѣнкомъ изъ поднятыхъ, а не повислыхъ уже, листьевъ. По сравнительно-меньшимъ поперечнымъ сторонамъ кровельныя балки, наклоняясь другъ къ другу, сходятся посерединѣ въ тупой уголъ; расположенные по угламъ стѣнъ и одѣланные въ видѣ полуопахала каменные брусья даютъ каждому изъ стропилъ прочную опору, тогда какъ на самомъ верху кровли вполнѣ роскинутое опахало онагляживаетъ собой всю вольнорасцвѣтшую силу зданія.

Стѣна, охватывающая храмъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ колоннады, въ сущности только вѣдь замыкаетъ опредѣленное пространство, а потому она и украшена по образцу ковровъ**); въ промежуткѣ передовыхъ столповъ къ колоннѣ у входа присоединено нѣсколько другихъ колоннъ, и всѣ

*) Метопами назывались поля, ширинки или щиты, отдѣлявшіе одинъ настоящій триглифъ отъ другого.

**) Которыми, какъ мы видѣли, нутреное пространство выдѣлялось отъ внѣшняго въ глубокой еще древности на Востокѣ.

вмѣстѣ онѣ образуютъ портикъ, предсѣніе. Большія врата ведутъ внутрь, въ такъ-называемую целлу или святилище, то-есть въ продолговатый четыреугольникъ, гдѣ кумиръ храмового бога помѣщенъ на концѣ такъ, что онъ прямо предстаетъ взорамъ входящаго, а самъ всегда смотритъ на востокъ. Небольшое отдѣльное пространство позади целлы служитъ казнохранилищемъ и ризницей, гдѣ берегутъ храмовую утварь и разные другіе предметы. Кровельныя стропила скрещиваются надъ целлою; они украшены перевитыми между собой меандрами и поддерживаютъ на вѣсу замыкающія ихъ абаки, въ серединѣ которыхъ сіяетъ обыкновенно звѣзда, что отчасти напоминаетъ сводъ небесный, отчасти же, множествомъ исходящихъ и возвратныхъ потомъ линій, знаменуетъ парящую, самоподдерживающуюся силу. Кровля и снаружи настлана художественнымъ образомъ; штуки плоской черепицы немного приподняты сходящимися ребрами, такъ что онѣ составляютъ треугольникъ, на который желобчатая или выпуклая черепица насажена сѣдломъ; вверху кровли черепица эта сводится въ коньковыя образованія, передъ которыми надъ самымъ гуськомъ выдвинуты акротеры, и тѣ и другіе убранные пальметтами, символомъ вполнѣ свободнаго развива.

Храмы бо́льшихъ размѣровъ требуютъ для кровельныхъ балокъ особыхъ опоръ внутри, и притомъ больше свѣта нежели можетъ дать его одинъ дверной пролетъ; святилища свѣтовыхъ боговъ, въ особенности Зевса, должны имѣть прямо надъ собой сводъ небесный; а это неизбѣжно ведетъ уже къ верховому освѣщенію сквозь крышу, къ такъ-называемому гипетральному (поднебесному) зданію. Тогда и внутри храма идетъ по стѣнамъ колоннада, состоящая обыкновенно изъ двухъ ярусовъ болѣе легкихъ сравнительно колоннъ, которыя поддерживаютъ вверху наклонное со всѣхъ четырехъ сторонъ покрытіе. Въ крытой части или храминѣ стоитъ храмовой кумиръ, расположены приносные дары богомольцевъ; стѣна украшена живописью; а посреди оставлено не крытое пространство, какъ въ домахъ оставлялся безъ кровли внутренній дворъ съ колодеземъ, къ которому примыкали вокругъ жилые покои. Свѣтовое отверстіе можно было прикрывать отъ непогоды намётомъ, а немного углубленная (и покатая) всерединѣ почва устраняла накопленіе дождевыхъ водъ. Середка ротонды Пентеона въ Римѣ раскрыта вѣдь еще и до сего времени!

Въ дорійскомъ зданіи преобладаетъ господство цѣлаго; всѣ частности крѣпко пригнаны одна къ другой и подчинены общему единству. Вполнѣ сообразно народному характеру, іонійскій стиль замѣтно ослабляетъ строгость этой связи; онъ легче, онъ даетъ болѣе самостоятельности отдѣльнымъ частямъ и охотно развиваетъ ихъ подѣляющіе и сопрягающіе члены. Такъ напримѣръ каждая колонна имѣетъ здѣсь сама по себѣ особый подпятникъ (базу): на четыреугольной плитѣ развивается одутлый валъ съ двумя подъ нимъ желобками, раздѣленными всерединѣ полочкой; но въ Аттикѣ желобокъ допущенъ только одинъ, такъ что изгибистый спускъ выступовъ и падинъ постепенно приготовляетъ глазъ къ слѣдующему за тѣмъ подъему стержня: это эластически-мягкая и однакожъ сильно сосредоточенная въ себѣ подставка, которая, если она орнаментована, дважды охватываетъ нижній конецъ колонны—то какъ бы ременными плетешками, то какимъ-нибудь

цвѣточнымъ вѣнкомъ. Этому отвѣчаетъ потомъ и богатая сравнительно капитель. Жесткая верхняя плита дорійской абаки становится здѣсь мягкою подушкой, которая лежитъ на головѣ колонны точно въ облегченіе гнетущей ее тяжести. Но эта подушка или, пожалуй, этотъ толстый коверъ, далеко выступая по бокамъ краями, подвертывается съ обѣихъ сторонъ такъ, что сзади и спереди представляетъ видъ спирали, а если смотрѣть на нее сбоку, то кажется перетянутою всереди. Эти улиткообразные завитки (волюты), внося спиральную линію въ переходное звено между подпирающею колонной и гнетущимъ архитравомъ, знаменуютъ столкновеніе, борьбу обѣихъ этихъ частей своимъ восходящимъ и нисходящимъ движеніемъ, которое наконецъ успокоивается въ серединномъ очкѣ волюты. Въ промежуткѣ волютъ эхинъ украшается такъ-называемымъ яйцеобразнымъ орнаментомъ, гдѣ сильно-выпуклые пригнетенные листья чередуются съ ланцетовидными, вродѣ терній, остріями; подъ этимъ пущена въ видѣ перевязи (скульптурная) нитка бусъ или растительныхъ зеренъ, и шейка колонны иногда убирается еще кромѣ того вѣнкомъ изъ поднятыхъ, прямо-стоящихъ листьевъ. Стержень продороживается (канеллируется) такъ, что вмѣсто остроградныхъ реберъ на немъ выходятъ округлые валики, а узкія бороздки между ними втягиваются зато глубже внутрь. Архитравъ, безъ всякой особенной цѣли, составляется по азіатскому образцу изъ двухъ или трехъ слоевъ узкихъ каменныхъ плитъ. Фризъ остается безъ всякаго расчлененія, предназначаясь весь сплошь подъ связные между собой рельефы, тогда какъ напротивъ въ дорійской постройкѣ по междутриглифнымъ метопамъ удобнѣе располагать отдѣльныя лишь группы, врозницу. Профилеванные обломы антаблемента идутъ вверхъ до самой крыши зданія; въ числѣ ихъ такъ называемые зубцы, или овальныя вырѣзки, напоминающія собой прежнія кровельныя стропила, представляютъ богатую игру свѣта и тѣней; въ размашистыхъ линіяхъ поднимаются надъ ними вѣнечный карнизъ и гусекъ, убранный стоячими листами. По вѣрному замѣчанію Куглера, въ персидской и ликійской архитектурѣ зубчатыя нарѣзки помѣщаются, какъ слѣдуетъ, надъ архитравомъ; если поверхъ его пускали убранный рельефами фризъ, тогда нарѣзки выходили уже чисто-внѣшней декораціей, и въ такомъ случаѣ у Аѳинянъ совершенно опускались, появляясь только тамъ, гдѣ вовсе не было скульптурнаго фриза, какъ напримѣръ на Пандросіонѣ. Повидимому вполнѣ ясно, что благодаря фасадамъ ликійскихъ гробницъ іонійскія формы были напередъ пластически высѣчены въ простомъ камнѣ, а потомъ уже архитектонически воспроизведены изъ мрамора въ Греціи.

Коринѳскій стиль принадлежитъ слѣдующей за тѣмъ эпохѣ; это утонченно-игривое преобразованіе іонійскаго, и въ немъ особенно характерна пластическимъ своимъ выполненьемъ капитель: шейка и эхинъ сливаются здѣсь въ одну цвѣточную чашку; сначала идетъ рядъ поднятыхъ вверхъ аканѳовыхъ листьевъ, а другой рядъ такихъ же листьевъ, повыше, немного свѣшивается надъ первымъ; въ изящной каллимаховской формѣ вѣтви ихъ подползаютъ подъ срѣзанные углы выдающейся абаки, — очень красивый отголосокъ іонійскихъ завитковъ; другіе стебельки переплетаются всерединѣ и поддерживаютъ общими силами цвѣтокъ. Капитель въ видѣ цвѣточной чашки идетъ изъ глубокой древности, она существовала уже и въ Египтѣ; но граціозное вы-

полненіе ея — дѣло эллинской руки. На архитравѣ вмѣсто зубчатыхъ вырѣзокъ появляются болѣе объемистые крагштейны, какъ бы съ тѣмъ чтобъ подпереть кровельный карнизъ.

Какъ дорійскому, такъ и іонійскому стилю надлежитъ однакожъ преодолѣть нѣсколько неудобствъ тому и другому свойственныхъ. Триглифы приходятся надъ самой серединою колоннъ; благодаря этому обстоятельству тотъ именно уголъ, гдѣ встрѣчаются долевая и поперечная стороны зданія, остался бы вѣдь совершенно не занятымъ; но тутъ триглифы слегка уклоняются отъ середины, и вслѣдствіе того метопы справа и слѣва нѣсколько расширяются. Іонійская капитель обращаетъ завитки (волюты) прямо къ зрителю; капитель угловой колонны должна дѣлать это съ двухъ сторонъ, отчего здѣсь сталкиваются двѣ смежностороннія волюты и (за недостаткомъ мѣста для ихъ развитія) по необходимости выгибаются немного впередъ, тогда какъ обѣ внутреннія стороны капители остаются за тѣмъ уже вовсе безъ украшеній.

Если мы взглянемъ теперь на греческій храмъ въ цѣломъ, то увидимъ что въ немъ преобладаетъ горизонтальная линія; она превосходитъ высоту даже и узкой поперечной стороны, болѣе нежели удвоивающейся въ долевой сторонѣ зданія, такъ что на послѣднюю приходится напримѣръ четырнадцать колоннъ, тогда какъ первая снабжается шестью. Колонны, плотныя и сами по себѣ, ставятся довольно тѣсно; промежутки немногимъ превосходятъ ихъ діаметръ, и не болѣе чѣмъ на половину въ крайнемъ случаѣ; высота колоннъ простирается отъ 4-хъ до 6-ти діаметровъ основной ихъ площади, а стоненіе кверху — отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ діаметра, будучи впрочемъ тѣмъ сильнѣе чѣмъ короче колонны. Іонійскія колонны восходятъ отъ осьми до десяти діаметровъ въ вышину; онѣ естественно кажутся отъ того тонкостройнѣе, и соразмѣрно этому просторнѣе размѣщены, при чемъ однакожъ вполнѣ соблюдено равновѣсіе подпорной силы съ давящимъ на нее гнетомъ. Эллинъ держится середины между страшно подавляющей массивностью Египта и совершенно преодолѣвшимъ тяготу пареніемъ средневѣковой готики; онъ вобще дѣйствуетъ не колосальною величиной, а ясностью и изяществомъ формы. Сила и тяжесть выступаютъ у него каждая сама по себѣ явственно и энергично въ колоннахъ и въ архитравѣ, вполнѣ отвѣчающихъ другъ другу и обнаруживающихъ свою противоположность какъ нарочно рѣзкой пересѣчкою подъ прямымъ угломъ; щипецъ кровли сводитъ противоборство этихъ элементовъ къ окончательному примиренію, но онъ завершается въ срединѣ не острымъ, а тупымъ угломъ, что опять доказываетъ господство горизонтальнаго направленья. Единительная эта точка на самомъ верху зданія выходитъ въ самыхъ лучшихъ памятникахъ окончательною цѣлью всѣхъ силъ и всѣхъ линій, на что я указалъ уже и въ «Эстетикѣ» какъ на убѣдительный примѣръ того, какъ Греки умѣли оживить бездушный матерьялъ и придать дѣлу рукъ своихъ видъ созданія силъ вполнѣ свободныхъ. Впечатлѣніе единства и твердой цѣлостности храма еше болѣе усиливается тѣмъ, что всѣ восходящія линіи, какъ колоннъ такъ и антаблемента, идутъ не въ совершенно отвѣсномъ направленіи, а съ легкимъ пирамидальнымъ наклономъ внутри, вплоть до самаго конька крыши; такимъ образамъ не только что каждая колонна стоняется понемногу снизу вверхъ сама по себѣ, но стоненіе кажется навзглядъ еще больше отъ

чуть наклонной ея постановки. Подобный же наклонъ приданъ и стѣнамъ храма за колоннадою, какъ будто бы онѣ едва замѣтно стремились къ тому соединенію, которое наконецъ и настаетъ въ косвенныхъ линіяхъ двускатной кровли; въ триглифныхъ брусьяхъ, да и въ архитравѣ прямой уголъ также не встрѣчается ни гдѣ: нижніе углы всегда остры, а верхніе тупы, потому что и архитравъ, и фризъ слѣдуютъ первоначальному откосу колоннъ во внутреннемъ, сходящемся направленіи. Какъ раскидистая капитель колонны является упругимъ противодѣйствіемъ съуженію стержня въ верхнемъ его концѣ, такъ и мелкіе соединительные обломы вмѣстѣ съ раструбомъ самой крыши представляютъ то впадины, то выступы; но они все же продвинуты на дюймъ или на нѣсколько дюймовъ болѣе внутрь, чѣмъ бы слѣдовало въ томъ случаѣ, стой колонны и антаблементъ въ прямоотвѣсномъ положеніи. Угловыя колонны пускаются при этомъ потолще другихъ, отчего и примыкающія къ нимъ междустолпія выходятъ нѣсколько уже; предназначенныя быть главными носителями, опорами цѣлаго зданія, онѣ показались бы меньше прочихъ, будь онѣ имъ совершенно равны, такъ какъ онѣ вѣдь не выступаютъ на темномъ фонѣ стѣны, какъ всѣ остальныя, а облиты яснымъ свѣтомъ неба со всѣхъ сторонъ одинаково. Далѣе, какъ въ высящихся порознь архитектурныхъ членахъ единство всегда слегка отзовется въ одной общей имъ меженной чертѣ, такъ, съ другой стороны, поддерживающія, охватывающія и гнетущія горизонтальныя линіи базы и антаблемента въ свою очередь обнаруживаютъ всѣ сплошь нѣкоторую вздутлость. Стѣнѣ и колоннѣ данъ, какъ мы видѣли, упоръ во внѣшнюю сторону съ соотвѣтственнымъ наклономъ внутрь, а потому онѣ и не стоятъ горизонтально по ватерпасу: поддерживающая ихъ площадь опускается къ угламъ и напротивъ поднимается къ серединѣ, и дугообразность эта естественно повторяется въ лежащемъ на колоннахъ антаблементѣ; такъ что горизонтальная линія и тутъ не цѣпенѣетъ намертво, но живо приподнимается отъ обоихъ угловъ слегка выгнутой дугою. Всего замѣтнѣе это по узкой сторонѣ зданія на щипцѣ: тамъ, гдѣ всерединѣ его фронтонъ убранъ большими статуями, намъ такъ и кажется что ихъ тяжесть требовала подъ собой легкой противодѣйственной напруги; это съ тонкимъ чутьемъ критика замѣтилъ уже Куглеръ: въ выгнутыхъ немного линіяхъ базы и гзимза (низовыхъ и верховыхъ частей вообще) онъ видитъ умыселъ греческаго искусства отнять у совокупной массы зданія впечатлѣніе давящей тяготы. Самая площадь, на которой возведено сооруженіе, слегка приподнимается къ серединѣ, какъ бы идя навстрѣчу гнету, добровольно поддаваясь ему съ своей стороны. Дыханіе жизни пролито на совокупность цѣлаго, хотя глазъ и неспособенъ поймать эти едва ощутимыя кривизны и выгибы въ собственной, опредѣленной ихъ формѣ.

И здѣсь, тѣмъ эффектнѣе чѣмъ незамѣтнѣй, предстаетъ намъ живой элементъ свободной дѣятельности духа и внутренней индивидуальной силы, до котораго не дойдти ни какимъ логическимъ умозаключеніемъ, котораго не вывесть ни какимъ математическимъ разсчетомъ: онъ подмѣчается только опытомъ и свойственъ всему прекрасному, отрѣшаемому отъ ига необходимости; онъ не нарушаетъ общаго правила, а только какъ бы рѣзвится и играетъ вокругъ него, вызывая у насъ невольное удивленіе и къ дивному чутью формы въ геніи Эллиновъ, и къ технической увѣренности и ловкости ихъ

художников и рабочих мастеров, умѣвших выполнить малѣйшую подробность сообразно требованіям этих едва замѣтных погибов и наклонов. Как мелки они в самом дѣлѣ можно судить потому, что напримѣр выгиб ступеней на узкой сторонѣ Парѳенона составляет ровно лишь $\frac{1}{4}$ фута на 100; выгиб на долевой сторонѣ немного менѣе, а в антабелементѣ он опять еще менѣе чѣм в низовых частях. Наклон колонны, при высотѣ в $34\frac{1}{2}$ фута, не доходит и до полутора дюйма.

По всему этому можем мы назвать зодчество Греков пластическим в противоположность средневѣковому, которое скорѣе живописно; равновѣсіе силы и тяжести отвѣчает в нем гармоніи духа и вещества, и любой член цѣлаго представляет очевидное выраженіе своего понятія, той мысли, которая заключена в нем. Как Греку вообще пріютно и повадно в здѣшнем мірѣ, как даже и в философіи он больше ищет познанія установившагося міроустройства, нежели божественнаго его источника, так и храм его дает нам идеальный образ космоса, благоустроеннаго міра; ни перед зданіем, ни внутри ни что не должно охватывать нас чаяніем духовнаго таинства; его цѣль — проявлять закон природы в отрадной, веселящей душу ясности. Ни какая тоска по небесном не восхищает здѣсь сердца над землею; оттого и строеніе спокойно ширится по земной поверхности, и вмѣсто парящих в высоту башень кровля распускает над храмом свои крылья хранительно-величаво как орел. Сила колонн рѣшительно сдерживается архитравом, который охватывает всѣ их до одной, как государственный закон всѣх сплошь граждан; сам он тяготѣет на колоннах, а онѣ в свою очередь должны нести его, как люди несут иго властной над ними судьбины; но онѣ дѣлают это охотно, добровольно, как бы втайнѣ разумѣя свое предназначеніе. Как пластика торжествует высшую свою побѣду в изображеніи тѣлесной красоты и как у Эллинов внѣшняя общественная жизнь вырабатывается по преимуществу, так точно и зодчество является здѣсь архитектурой внѣшней стороны: послѣдняя видообразуется как нельзя пріятнѣе и блистательнѣй; обступающая дом Божій со всѣх сторон сквозная колоннада поддерживает в то же время пластическія украшенія фриза и фронтоннаго полотна, служащих внѣшним свидѣтельством существа и могущества Божія и вмѣстѣ того особаго значенія, каким запечатлѣн любой храм. Поле фронтона, равно как и метопы, были бы так безотрадно пусты без пластических фигур, что по всей вѣроятности они предназначены под них изначала. Разнообразныя искусства получают в Греціи, каждое, свое особое существованіе, но при этом всѣ остаются в гармоніи и в общей взаимной связи. Так и храмовыя изображенія задуманы с самаго начала вмѣстѣ с храмом, главный архитектурный остов зданія ни гдѣ не терпит от них ущерба; напротив заодно и вмѣстѣ с ним они образуют истинно художественное цѣлое.

Для украшенія построек, кромѣ орнаментальной пластики, употреблялись также золото и краски. Грубый каменный матерьял покрывали штуком и придавали ему свѣтлый цвѣтооттѣнок. Триглифныя дорожки, щиты метопов, служившіе полем для мраморно-рельефных изображеній, расписы-

вались то голубымъ, то краснымъ; ленты и вѣнечные гзимзы разрисовывались меандрами и листвянымъ узоромъ. Контуры при этомъ просто заполнялись красками безо всякихъ переходныхъ тѣней. Іонійская архитектура любила пластически выполнять орнаментъ и въ то же время особо отмѣчала нѣкоторыя линіи позолотою, какъ напримѣръ линіи капители. Нѣтъ нужды воображать себѣ при этомъ какую-нибудь слишкомъ яркую пестроту: это былъ блескъ праздничной ясности, гармонически игравшій вокругъ величавыхъ архитектурныхъ линій,—тотъ блескъ, который съ помощію прозрачной краски придавалъ даже и свѣже-бѣлому мрамору мягкій, теплосолнечный отливъ, обыкновенно сообщаемый ему только временемъ. Наконецъ площадь стѣнъ напрашивалась сама собой на украшеніе живописью внутри и снаружи, и намъ извѣстны цѣлые циклы картинъ, которыми блистали знаменитые храмы и портики.

Увлекшись средневѣковымъ переносомъ готическихъ формъ, и особенно узорчатыхъ разводовъ, изъ церквей на всякую вообще утварь, я утверждалъ въ своей «Эстетикѣ», что будто бы архитектура впервые научаетъ искусство также и въ обдѣлкѣ сосудовъ, всякой утвари и т. д. высказывать путемъ формы и украшенія цѣль и значеніе самой вещи, сливать такимъ образомъ необходимое съ приглядным въ одно цѣлое. Но съ тѣхъ поръ Земперъ*) вполнѣ переубѣдилъ меня, что въ древности дѣло шло совсѣмъ наоборотъ, и что напротивъ того формы, изобрѣтенныя въ ткацкомъ и гончарномъ дѣлѣ, въ производствѣ деревянныхъ и металлическихъ работъ, предшествовали монументальному зодчеству и прямо послужили ему въ пользу. Великое выросло изъ мелкаго; но художественный геній оказался великъ и въ маломъ. Не даромъ говорилъ о греческихъ сосудахъ еще Винкельманъ: «Всѣ формы «ихъ построены на правилахъ изящнаго вкуса и похожи на прекраснаго юно«шу, у котораго любое тѣлодвиженіе граціозно безъ его вѣдома и помимо его «воли; граціозность распространяется здѣсь даже и на ручки сосудовъ. По«дражаніе этимъ формамъ могло бы водворить у насъ совершенно иной вкусъ «и отъ ухищреннаго повести къ природѣ. Красота греческихъ сосудовъ за«виситъ отъ мягкаго изгиба формъ, которыя какъ формы молодого тѣла, «скорѣе только еще ростутъ нежели вполнѣ закончены, какъ бы нарочно «уклоняясь отъ взгляда чтобы онъ не сразу, не вдругъ насыщался слишкомъ «легкимъ обзоромъ совершеннаго полукружія, да и не спотыкался притомъ ни «о какіе углы, не цѣплялся ни за какіе остроконечные выступы». Но гораздо глубже поняли это Бёттихеръ въ своей «Тектоникѣ Эллиновъ» и Земперъ въ сочиненіи «О стилѣ техническихъ и тектоническихъ искусствъ»; они ясно показали, что насъ особенно плѣняетъ здѣсь не одна нѣмая музыка линій или очертаній, но, главное, внутренняя необходимость и органичность цѣлаго видообразованія, въ которомъ дивно сопроникліись свобода и законъ, и гдѣ цѣль произведенія какъ нельзя приглянѣе проявилась въ формѣ. Тутъ важенъ не одинъ профиль вазы, очерченный симметрическими линіями, то сходящимися, то расходящимися въ непрерывномъ своемъ потокѣ; главную

---

*) Авторъ очень основательной книги „О стилѣ въ техническихъ и тектоническихъ искусствахъ“. Тектоникой называется искусство украшать накладною рѣзьбой деревянныя и металлическія вещи.

также роль играетъ ея чрево (пузо) какъ мѣстилище жидкости. Оно держится на ножкѣ, которой для прочнѣйшаго устоя дано широкое основаніе; выходя изъ него ножка съуживается, а потомъ расширяется опять ближе къ чреву. Оттого тонкую ея середину можетъ охватывать зерничатый поясокъ, съ вѣнчикомъ изъ листьевъ, положеннымъ нѣсколько ниже, — нагляднымъ выраженіемъ тяжести, гнетущей на ножку сосуда; тогда какъ напротивъ подъ самой пузовиной развертывается другой вѣнчикъ съ поднятыми вверхъ листьями и обрамливаетъ утробу вазы какъ назрѣвшая почка держитъ въ своей зелени только-что распускающійся цвѣтокъ. Чрево утоняясь кверху, становится шейкою, которой придаютъ потомъ опять болѣе или менѣе широкое устье для вливанія и выливанья. Крышка, которая словно парить надъ устами пьющаго, украшена розой, и листы послѣдней склоняются звѣздообразно къ самому краю сосуда. Если ваза съ ручками, то онѣ свободно выникаютъ изъ ея плечь, какъ бы приглашая васъ за нихъ взяться; въ Варвиковской вазѣ ручки состоятъ изъ лозъ, выдѣлившихся изъ густой виноградной листвы, которая обвила весь этотъ вакхическій сосудъ. Столы, стулья держатся на подвижныхъ ножкахъ; вотъ отчего и даютъ имъ форму звѣриной ноги, которая вѣдь и подпираетъ и движется; но она переходитъ иногда въ арабесковыя растительныя образованія и часто получаетъ въ видѣ капители голову какого-нибудь животнаго. Примѣръ и тутъ взятъ съ Ассирійцевъ, но при этомъ доведенъ до полнаго изящества.

Ископаемые горшки постепенно пріобрѣтаютъ для исторіи человѣчества то же самое значеніе, какое окаменѣлые остатки животныхъ имѣютъ для исторіи природы, и Земперъ не даромъ говоритъ: «Покажите только горшки, выдѣ«ланные какимъ ни есть народомъ, и тогда можно уже сказать вообще ка«ковъ былъ этотъ народъ и на какой ступени образованія стоялъ онъ!» Изобрѣтеніе гончарнаго круга обратило это дѣло у Египтянъ въ холопскую работу; въ Греціи оставалось оно высокоуважаемымъ свободнымъ искусствомъ, и то что создано имъ въ блестящее Перiклово время принадлежитъ къ изящнѣйшимъ произведеніямъ человѣчества: одного этого было бы достаточно чтобы обезсмертить тотъ либо другой народъ навсегда. Отъ подражанія азіатской бронзовой посудѣ съ украшающими ее баснословными животными перешли въ эпоху тиранновъ къ болѣе правильнымъ, строгимъ формамъ, въ которыхъ виденъ пожалуй отзывъ египетскихъ вліяній, а за тѣмъ къ свободной уже красотѣ, которая и живописную отдѣлку и узоры растительныхъ орнаментовъ употребляетъ только въ пользу цѣлаго и, не гонясь за роскошью матерьяла, ищетъ высшаго совершенства въ законченности изящныхъ формъ.

«Ясно,—заключимъ мы вмѣстѣ съ Бёттихеромъ,—какъ высоко надъ чи«стымъ произволомъ какого бы то ни было единичнаго художника стоитъ та«кой законъ, вытекающій изъ самаго существа вещи, изъ тектонической «жизни каждаго члена, входящаго въ составъ ея; ясно, что не односторон«ній ограниченный взглядъ и образъ чувствъ той либо другой отдѣльной лич«ности могъ породить подобный языкъ формъ: онъ долженъ былъ возникнуть «изъ совокупной художественной дѣятельности цѣлаго племени, чтобы стать пол«носильнымъ и общепонятнымъ для каждаго и для всѣхъ. Такъ какъ поня«тіе и форма любой изобразительной части внутренно очищаются и освобо-

«ждаются отъ всего несущественнаго до тѣхъ поръ, пока въ нихъ останется «одно чистое зерно мысли и соотвѣтственная ему схема, то съ самаго уже «начала предстаетъ намъ здѣсь всецѣлая идея зданія, и организація всѣхъ «единичныхъ частей постигнута, выдержана и проведена въ пространствѣ на «основаніи этого идеальнаго стремленья: вотъ почему эллинская постройка «становится вся сплошь какъ бы благоустроеннымъ міромъ, космосомъ. Изъ «этой нутродѣйственной въ Эллинахъ этики происходитъ и та мудрая бережливость на трату мыслей, то ограниченіе всѣхъ средствъ однимъ необходимымъ, къ которому направлены всѣ сосредоточенныя силы ихъ, тотъ постоянный ритмическій возвратъ вмѣстѣ съ извѣстной мыслью и соотвѣтственной ей формы, которая однажды оказалась для нея истинною и полносильною, — однимъ словомъ, та идеальная экономія, которая, переходя «отъ мысли на средства, простирается и на реальный вещественный размѣръ любой постройки и подѣлки. Эта благоустроенность цѣлаго въ художественномъ произведеніи разливаетъ по немъ и ту сродную Эллинамъ цѣломудренновысокую сдержку (Sophrosyne), которая, обокъ съ чарующимъ «созерцаніемъ видимой прелести, порождаетъ въ душѣ зрителя чувство полнѣйшаго удовлетворенія и составляетъ настоящій критерій каждаго архитектурнаго памятника этого народа».

Дорійскія колоніи на западѣ, въ Сициліи и Нижней Италіи, и малоазійскіе Іонійцы на востокѣ выработали противоположность обоихъ архитектоническихъ стилей въ этотъ именно періодъ до Персидскихъ войнъ; взаимодѣйствіе одного стиля на другой начинается уже въ собственной Греціи, гдѣ послѣ персидскихъ войнъ оно достигло совершенства преимущественно въ Аѳинахъ. Уцѣлѣвшія развалины 7-го и 6-го столѣтій обнаруживаютъ стремленіе къ высокому черезъ колосальное, болѣе чѣмъ зданія позднѣйшей поры; стремленіе это проявляется съ дебелою силой и съ тяжеловѣсностью у Дорянъ, съ блестящимъ великолѣпіемъ у Іонянъ. Храмовыя колонны въ Сиракузахъ представляютъ низовой поперечникъ въ $5\frac{2}{3}$ фута при 26-ти футовой высотѣ; въ Селинунтѣ есть одна башнеобразная колонна, съ низовымъ поперечникомъ болѣе чѣмъ въ 10 футовъ, при высотѣ въ 55; 17 такихъ колоннъ по долевой сторонѣ и 8 по узкой обступали исполинское зданіе, 169-ти футовъ въ ширину и 349-ти въ длину. Впослѣдствіи и его долженъ былъ превзойдти Зевсовъ храмъ въ Агригентѣ (Акрагасѣ по-гречески): считая со всходными ступенями, онъ простирался на 175 футовъ въ ширину и на 343 въ длину; колонны его имѣли по 13 футовъ поперечнику; по всей колоннадѣ внутри крышу поддерживали гигантскія фигуры; въ каждую борозду колоннъ можно стать прислонясь какъ въ будку часового. Гораздо менѣе напруги силъ, при гораздо меньшихъ, но зато пріятныхъ пропорціяхъ, представляютъ развалины Коринѳа и Эгины. Удивительнѣйшимъ памятникомъ древнедорійскаго стиля должно признать храмъ Посейдона, самую великолѣпную изъ трехъ развалинъ Посидоніи, нынѣшняго Пестума въ нижней Италіи: это окруженное колоннами гипетральное зданіе, образецъ мужественной энергіи въ твердыхъ и четкихъ формахъ, полный величаваго достоинства. Менѣе старобытенъ, но въ благородномъ также стилѣ храмъ Геры въ Джирдженти: оба эти зданія сооружены конечно уже послѣ Персидскихъ войнъ. Храмъ Зевса въ Аѳинахъ, начатый во второй половинѣ 6-го столѣтія, пред-

ставляетъ въ своемъ уцѣлѣвшемъ еще ступеньчатомъ подножіи явный слѣдъ той легкой подвыси отъ края къ серединѣ, о которой говорили мы выше. Въ Эфесѣ возносился великолѣпный храмъ Артемиды надъ основной площадью въ 225 футовъ ширины и въ 425 длины, съ двумя рядами мраморныхъ колоннъ, въ 60 футовъ вышиною. Начатый въ половинѣ 6-го вѣка, онъ былъ законченъ только около 400-хъ годовъ, а въ 355-мъ сжогъ его славолюбивый Геростратъ,—доказательство, что потолокъ и кровельныя балки внутри были деревянные. Высокія колонны размѣщены были очень широко, по лицевой сторонѣ ихъ насчитывалось всего только восемь; и если въ немъ видѣли одно изъ чудесъ свѣта, то конечно болѣе по смѣлости сооруженія чѣмъ по красотѣ пропорцій. Самосцы построили обширный храмъ Герѣ, а также сооружали удивительныя гати и водопроводы. Такимъ образомъ часть богатствъ, нажитыхъ Іонійцами въ торговыхъ оборотахъ, была во славу городовъ посвящена богамъ, и наоборотъ промышленная дѣятельность ихъ гражданъ въ свою очередь много выиграла отъ храмовыхъ построекъ.

НАЧАЛО И РАЗВИТІЕ ПЛАСТИКИ И ЖИВОПИСИ.

Въ связи съ расцвѣтомъ гражданства поднялась и пластика, какъ произведеніе труда, возникшее изъ презираемой знатью ремесленности, какъ родное также дитя свободы. На Востокѣ вся жизнь уряжена была жреческими уставами, закрѣпостившими фантазію художника завѣтнымъ символическимъ формамъ боговъ; въ Греціи бодрая сила духа сама ставитъ себя мѣрою обычая и нравственности, и свободное поэтическое вдохновеніе создаетъ въ миѳѣ тѣ идеалы, которые пластика одѣваетъ потомъ въ оболочку наглядно-ясныхъ формъ. На Востокѣ полносильна воля единаго владыки; его ратныя дѣла, его побытъ среди мира, становятся задачей изобразительнаго искусства; тогда какъ въ республикахъ Греціи пластика беретъ человѣка со стороны его достоинства и прелести, стремится выставить героевъ сказанія и ихъ знаменательныя судьбы наглядными образцами людской жизни и царящихъ въ ней божественныхъ законовъ. Такъ искусство становится и вѣрнымъ природѣ, и вмѣстѣ идеальнымъ; оно направлено къ чистой красотѣ, и въ ней достигаетъ вершины своего развитія, отрѣшившись отъ узъ старозавѣтныхъ изобразительныхъ пріемовъ и доходя до небывалой законченности путемъ соревнованія какъ индивидуальныхъ талантовъ, такъ и сродственныхъ направленій въ сферѣ искусства вообще *). Пластика ужь не подслужна болѣе

*) Это совершенная противоположность рабскому характеру позднѣйшаго византійскаго искусства, которое перешло наконецъ въ чистую ремесленность именно благодаря тому, что подавило всякій полетъ творческой фантазіи полнѣйшимъ закрѣпощеніемъ себя преданію во всѣхъ даже мелочныхъ техническихъ пріемахъ. Прим. Пер.

архитектурѣ, хотя и остается въ связи съ нею, но именно лишь такъ, что послѣдняя даетъ ей подмостки, мѣстилища, рамы для ея произведеній; исходною точкой пластики является самостоятельный ликъ божества, а вослѣдъ за нимъ идетъ статуя человѣка.

У пластики остается, пожалуй, связь и съ живописью, такъ-какъ одежда или хоть только края ея, а также и волоса, оттѣняются противъ наготы тѣла другой краскою; такъ-какъ оружіе и убранство мраморной статуи часто дѣлаются изъ бронзы, а глазамъ придается блескъ вставкою въ нихъ эмали или дорогихъ камней. Дѣйствительно-одѣтая деревянная фигура послужила вѣдь отправною точкой для расцвѣченной мраморной статуи; но еще и такой великій мастеръ какъ Пракситель называлъ лучшими тѣ изъ своихъ произведеній, которыя прошли черезъ руки живописца Никія, и даже еще Лукіанъ говоритъ о роскоши сочныхъ красокъ, украшающей изваянье. Земперъ приводитъ прекрасное мѣсто изъ Овидія, гдѣ рѣчь идетъ объ Аталантѣ:

Легкій вѣтерокъ игралъ окрыліями сандалій на ея быстрыхъ ногахъ,
Игралъ волосами раскинутыми по спинѣ, будто выточенной изъ слоновой кости,
И узорчатыми вязями, охватывавшими ей подколѣнья;
А дѣвственная бѣлизна тѣла сквозила нѣжнымъ румянцемъ,
Какъ на бѣлыхъ стѣнахъ свѣтлаго покоя
Слегка отливаетъ пурпуромъ багряная за́навѣсь.
(Превращенія, X, 591 — 596.)

Онъ по этому поводу замѣчаетъ: «Такъ Римляне покрывали прозрачно-«багрянымъ отсвѣтомъ даже и то, чему надлежало оставаться бѣлымъ; бѣ-«лизна ложилась въ основу колорита, ни мало не теряя отъ него своей дѣв-«ственности (candor). Этотъ образъ поэтъ какъ будто бы окунулъ въ «античную полихромію; форма насыщена сочными и прозрачными вмѣстѣ «красками, форма съ краскою слились въ одно. Только уборъ, волоса, «узорчатые подколѣнники, выдѣляются изъ мѣстнаго колера и покрыва-«ются цвѣтной эмалью. Такъ и видишь что поэту воображалось про-«изведеніе какого-нибудь пластика.» Роспись обнаженныхъ частей статуи, circumlitio или βαφή, состояла изъ тонкаго слоя смолисто-прозрачной краски, придававшей слишкомъ бѣлому зерну мрамора тонъ жизненной теплоты; платье и уборъ отдѣлывались болѣе густыми втравны́ми (энкаустическими) красками. Алыя губы, вставные глаза при совершенно безцвѣтномъ лицѣ были бы слишкомъ рѣзкимъ, негармоническимъ противорѣчіемъ; но нѣжная глазурь могла привести наготу въ согласіе какъ съ ними, такъ и съ цвѣтной одеждою, не впадая ни въ грубое подражаніе природѣ, ни въ слишкомъ яркую пестроту; пластическая форма не порушалась этимъ, а напротивъ еще выигрывала, всегда удерживая за собой главную роль. Безцвѣтная мраморная статуя такъ же точно произведеніе новѣйшаго времени, какъ отрѣшенная отъ музыки драма и бездрамная симфонія. Безцвѣтные антики для насъ то же самое что Софоклъ въ чтеніи (а не на сценѣ); у Грековъ не были еще вполнѣ раздѣльны ни архитектура съ пластикой и живописью, ни музыка съ поэзіей. Вѣдь и вакхическій праздничный нарядъ, личина или маска, и чередовое пѣніе лицедѣя съ хоромъ показались бы намъ странными, а между тѣмъ это чисто-греческія явленія. Фейербахъ говоритъ: «Можно принять

«золотой уборъ и свѣтлые тоны красокъ за нѣжныя посредствующія звенья «между вѣчнымъ элементомъ въ статуѣ и пестрымъ блескомъ временнаго «явленія, за легкіе переходы изъ таинственнаго храма искусства въ свѣтлую «область дѣйствительности. Они какъ бы открывали художественное созданіе «воображенію зрителя, приманкой пестраго чувственнаго зрѣлища завлекали «и не такъ податливый даже взглядъ къ болѣе глубокому и высшему поэтиче-«скому созерцанію. Разноцвѣтный мостъ Ириды (радуга) соединяетъ свѣт-«лое сѣдалище Олимпійцевъ съ мозаично-пестрою землей.»

Въ восточной древности преобладаетъ природа, въ христіанско-германскомъ мірѣ перетягиваетъ духъ; въ Элладѣ оба элемента являются въ естественномъ равновѣсіи. Египтяне и Ассирійцы не умѣли еще выразить души, жизни внутренней, и потому у первыхъ всего удачнѣе вышли облики животныхъ, въ строгозаконныхъ своихъ очертаніяхъ, а у послѣднихъ—тѣ же облики съ выраженіемъ живоподвижной силы, энергическимъ и тонкимъ, въ принадлежащихъ къ позднѣйшему времени новыхъ куюнджикскихъ находкахъ, особенно въ лошадяхъ и борющихся львахъ. Тамъ свойственное роду всеобщее рѣшительно преобладаетъ надъ индивидуальнымъ, тогда какъ въ новую эпоху послѣднее доходитъ уже до лично-своеобразнаго и причудливаго, требуя конечно соотвѣтственной тому и передачи; въ Греціи же находятъ себѣ характерную выработку именно идеальные типы различныхъ ступеней жизни человѣческой, различныя духовныя направленья: реалистически-портретная вѣрность подчиняется здѣсь формальной красотѣ. Жители Востока обозначаютъ боговъ головами животныхъ на человѣчьемъ туловищѣ; Грекъ научается изображать въ чертахъ лица самую сущность бога, и если онъ иногда связываетъ человѣческое со звѣринымъ, то все же грудь и голова человѣка вынпкаютъ у него изъ туловища животнаго, какъ напримѣръ у Кентавровъ,—такъ что все-таки природа же возводится здѣсь къ духу, а отнюдь не наоборотъ.

Тѣлесная краса раскрывается въ наготѣ фигуры и голова не преобладаетъ надъ прочими частями тѣла, потому что вся совокупность ихъ становится наглядпымъ выраженіемъ души; такъ точно и лобъ не преобладаетъ надъ другими, болѣе чувственными, чертами лица; онъ вполнѣ соединяется съ ними въ греческомъ профилѣ нисходящимъ въ непрерывной прямой линіи носомъ. Если фигуру облекаетъ одѣяніе, то это или простая какая-нибудь мантія, изъ-подъ которой сквозитъ тѣло, которая послушна всѣмъ мотивамъ движенія, отвѣчаетъ въ своей драпировкѣ условіямъ матерьяла и въ то же время выдаетъ смыслъ и характеръ ея носителя. Подвязной передникъ, бывшій главнымъ основаніемъ египетской одежды, отправною точкой какъ для обыкновенной женской юпки, доходившей до бедра, такъ и для шальваръ, — передникъ этотъ давалъ такъ же мало мѣста свободной игрѣ складокъ, какъ и у Ассирійцевъ узкій, длинный ихъ хитонъ; накидка, которою послѣдніе такъ-сказать окручивали тѣло, стала играть главную роль впервые только у Грековъ, когда пластическое чувство красоты такъ сильно развернулось у нихъ въ посолоновскую пору: въ этомъ идеальномъ одѣяніи, въ свободной его драпировкѣ жизнь столько же пріобрѣла отъ искусства, сколько и принесла ему сама; искусство стало второю природой, и изъ нея именно развернулось. И здѣсь также въ Малой Азіи встрѣчаемъ мы болѣе пестраго великолѣпія,

а у Дорійцевъ — болѣе изящной простоты; въ цвѣтущую эпоху Аѳинъ тамъ подживили одежду колоритомъ, но удержали за ней полную пластическую драпировку въ крупныхъ складкахъ, какъ въ дѣйствительной жизни, такъ равно и въ статуѣ. Начавъ въ ранней древности съ испещренныхъ хламидъ на восточный ладъ, перешли сперва при дворахъ тиранновъ къ періоду завитушекъ и красивыхъ складочекъ, а потомъ вмѣстѣ съ разростомъ государственной силы и свободы—къ свободной красотѣ и самобытной своеобразности въ одѣяніи.

Чувство стиля у Египтянъ, каноническая строгость урочныхъ линій и пропорцій, спокойствіе и важное достоинство ихъ лучшихъ произведеній, и чувство природы у Ассирійцевъ, ихъ сильная мускулатура, обиліе движеній и тщательно выполненныхъ подробностей, —все это, разумѣется, повліяло на Грековъ; но при своей самобытной даровитости они довели эти элементы до взаимнаго соприкосновенія, сохранили собственную своеобразность даже и поучаясь отъ другихъ, и развернули ее потомъ въ классическихъ созданіяхъ, далеко оставившихъ за собой все сдѣланное предшественниками. Такъ же точно и новая живопись, начавъ съ византійскихъ преданій, развилась до самостоятельности Ванъ-Эйка и Дюрера, до высокаго мастерства Рафаэля и Микель-Анджело; внѣшнія вліянія и здѣсь, точно такъ же какъ у древнихъ Грековъ, ни мало не послужили въ ущербъ оригинальному величію и дивной законченности отдѣлки.

Первобытной старинѣ довольно было стоячаго камня, какого-нибудь бревна или простой доски для символическаго обозначенія божества. Древнѣйшіе кумиры были рѣзные изъ дерева, размалеванные болваны, одѣтые въ настоящее платье, или же гермы, у которыхъ только головная часть пластически выработывалась изъ столба. Египтомъ вѣетъ на насъ отъ такихъ извѣстій, что боговъ изображали вначалѣ съ сомкнутыми ногами, съ прижатыми къ туловищу руками и съ рѣсницами, опущенными внизъ въ полусонномъ покоѣ. Миѳическій предокъ эллинскихъ художниковъ, Дедалъ, то-есть собственно кумирорѣзецъ, съ перваго же разу совершилъ великій шагъ, начавъ изображать боговъ съ открытыми глазами, на ходу, и съ поднятыми руками: вотъ настоящій смыслъ того преданія, что будто созданныя имъ фигуры ходили и дѣйствовали взаправду. Троянки въ Иліадѣ кладутъ на колѣни деревянному кумиру Паллады новое одѣяніе. Но когда Елена выткала на коврѣ боевыя сцены, когда стѣны дворцовъ сіяютъ бронзою, когда у палаты Алкиноя серебряные псы стерегутъ входъ и золотые юноши держатъ передъ нимъ факелы, когда военныя перевязи, застежки, котлы и кувшины богатырей украшаются звѣрными побоищами и цвѣтами, то это такъ же напоминаетъ намъ Востокъ, какъ и выдѣланный богомъ Гефестомъ щитъ Ахилла, представляющій времена года въ соотвѣтственныхъ трудахъ пахоты, жатвы и сбора винограда, а обокъ съ ними, въ полосахъ, концентрически облегающихъ средоточіе,—пастушескую жизнь и бытъ города какъ въ мирныхъ судебныхъ занятіяхъ, такъ и среди ужасовъ осадной борьбы; фигуры вырѣзаны изъ металлическихъ пластинокъ, выбиты молоткомъ и чеканомъ и прикрѣплены къ щиту взаклёпку. Жанровая передача дѣйствительности встрѣчается также и на египетскихъ гробницахъ; стиль ея вѣроятно былъ асси-

рійско-финикійскій, такъ какъ даже и въ предѣлахъ Италіи находимъ мы на вазахъ и бронзовой утвари тѣ сюжеты и формы, которыхъ происхожденіе открылись намъ недавно въ Ниневіи. Мы узнаёмъ ихъ и въ зачаткахъ греческой живописи, уцѣлѣвшихъ для насъ въ древнедорійскихъ вазахъ, круглосжатой формы, съ черными фигурами по свѣтло-желтой землѣ. Здѣсь, какъ и въ Этруріи, встрѣчаются намъ архитектоническіе орнаменты, выполненные на манеръ арабесковъ, — львы, барсы, олени, лебеди, пѣтухи, сфинксы, грифы, сирены, въ спокойномъ положеніи или въ борьбѣ, женщины, убивающія птицъ простертыми руками, охотничьи сцены: все это свидѣтельствуетъ что въ древнѣйшихъ мастерскихъ Коринѳа были еще въ полномъ ходу и азіатскіе обычаи, и азіатскія формы. Вслѣдъ за гомеровскимъ эпосомъ, въ которомъ народный духъ Эллиновъ достигъ полной юношеской силы, настала новая эпоха и для изобразительнаго искусства: содержаніемъ его сдѣлались теперь богатырскія былины, и съ тѣхъ поръ мы видимъ что пластика и живопись уже не ищутъ, какъ въ Египтѣ и Ассиріи, передать съ трезвой вѣрностью событія настоящаго, сохранить въ памяти исторію царей или непосредственно изобразить бытовую дѣятельность народа, а стремятся онаглядить въ миѳѣ поэтически-просвѣтленный символъ жизни человѣческой, и, устраняя изъ его обликовъ все случайное, выставляя въ нихъ все существенное, дѣлаютъ ихъ болѣе и болѣе идеальнымъ типомъ личныхъ свойствъ, полносильнымъ образцомъ и общимъ достояніемъ всѣхъ и каждаго.

Это сейчасъ же и представляютъ намъ древнеаттическія вазы, съ черными фигурами по красной землѣ: коймы одеждъ, оружіе, узкощельные глаза, обозначены уже цвѣтными штрихами; немного вытянутый, тонкій складъ тѣла, точное повтореніе стоящихъ врядъ лошадей, явный еще недостатокъ въ композиціи, — все это сродни египетскому стилю, но содержаніе взято ужь изъ богатырской былины. Такъ точно Гезіодовскій щитъ Иракла, обокъ со сценами изъ обиходной жизни, содержитъ въ себѣ сверхъ-того и миѳы; но вполнѣ выступаютъ они на знаменитомъ произведеніи 8-го вѣка, на ларцѣ Коринѳянина Кипсела. Ларецъ изъ кедроваго дерева былъ обложенъ пятью полосами рельефныхъ изображеній, отчасти вырѣзанныхъ по дереву, отчасти накладныхъ изъ золота и слоновой кости, и содержаніе ихъ взято изъ гомеровскихъ пѣснопѣній, изъ былинъ о Тезеѣ, Ираклѣ и другихъ богатыряхъ. А что искусство въ слѣдующемъ столѣтіи все болѣе и болѣе освоивалось съ миѳической областью, это доказываютъ Павсаніемъ же сообщенныя извѣстія объ одномъ произведеніи 6-го вѣка: престольное сооруженіе вокругъ старозавѣтнаго Аполлона въ Амиклахъ, изображеннаго въ видѣ бронзовой колонны съ человѣческою головой, поддерживали Горы и Хариты, увѣнчивали Діоскуры на коняхъ, и украшали рельефы изъ разныхъ цикловъ сказанія; Ваѳиклъ, родомъ изъ Магнезіи, руководилъ всѣмъ этимъ дѣломъ около половины 6-го столѣтія.

Пластика, какъ изображеніе личнаго духа, требуетъ свободныхъ художническихъ личностей для успѣшной своей разработки, и соотвѣтственно тому, какъ бы въ нарочитую противоположность съ Востокомъ, въ Греціи съ самаго начала встрѣчаетъ насъ цѣлый рядъ художниковъ, извѣстныхъ поименно, да и сами мы тотчасъ признаемъ или по крайней мѣрѣ разгадываемъ

по чутью своеобразность того или другого мастера въ сохранившихся произведеніяхъ. Въ то время когда гимнастика и праздничныя боевыя игры развиютъ вмѣстѣ и тѣлесную красу и чувство ея оцѣнки, когда начинаютъ процвѣтать торговля и ремесленность, а знаменитые семь мудрецовъ возвѣщаютъ пробужденіе самостоятельной мысли, тогда вдумчивая изобрѣтательность двигаетъ впередъ и технику: даровитые люди отъ скромной почвы ремесла восходятъ теперь до свободнаго искусства, всѣ формы постигаются живѣе и передаются обдуманнѣй. Греческій духъ особенно кипѣлъ теперь на островахъ и стремился обогнать всѣ сосѣдніе народы. Уже въ 7-мъ столѣтіи Вутадъ Коринѳянинъ помѣщаетъ статуи изъ обожженой глины по фронтонамъ храмовъ; Хіосецъ Главкъ открываетъ способъ паять желѣзо, а около 600-хъ годовъ Рёкъ и Ѳеодоръ, Самосцы, выступаютъ въ качествѣ бронзолитцевъ, тогда какъ прежде выбивали каждую отдѣльную штуку молоткомъ и прикрѣпляли ее къ полю взаклёпку. Въ половинѣ 7-го вѣка Меласъ основалъ на островѣ Хіосѣ школу мраморщиковъ, а сто лѣтъ спустя Вупалъ и Аѳенидъ создали тамъ такія значительныя произведенія, что императоръ Августъ перевезъ ихъ послѣ въ Римѣ и разставилъ по щипцу Аполлонова храма на Палатинѣ. Современно имъ прибыли въ Аргосъ и въ Сикіонъ два критянскіе художника, Дипёнъ и Скиллидъ; они работаютъ уже златокостяныя статуи, такъ же какъ и Смилидъ Эгинецъ.

Нѣкоторыя уцѣлѣвшія произведенія даютъ намъ понятіе о тогдашнемъ способѣ изображенья. Это именно два метопа храма въ Селинунтѣ и статуя Аполлона Тенейскаго въ Мюнхенѣ. На одномъ изъ первыхъ представленъ Ираклъ, какъ съ жердью на плечѣ онъ несетъ на ней задорныхъ Керкоповъ, такъ что головки этихъ проказливыхъ душковъ повисли внизъ, а на другомъ— Персей, отсѣкающій голову Медузѣ. Холодная улыбка въ выраженіи, условные завитки волосъ, дебелая мускулатура, профильный оборотъ нижней части туловища и ногъ, тогда какъ грудь и голова взяты спереди, — все это напоминаетъ ассирійскія работы. Фигуры, правда, еще слишкомъ широкі и короткі, а Медуза представлена карикатурнымъ чудовищемъ, высунувшимъ языкъ сквозь ощеренные зубы; но въ заполненіи пространства видны уже смыслъ къ красотѣ и даровитость къ композиціи, а сквозь старозавѣтный схематизмъ проглядываетъ свѣжее чувство жизни и природы. То же находимъ и въ одномъ древнеспартанскомъ рельефѣ. Болѣе удачныя, стройныя пропорціи, болѣе отчетливые контуры представляетъ Аполлонова статуя, которой спокойное положенье, повислыя руки и волнистая, вродѣ парика, прическа волосъ напоминаютъ египетскій пошибъ; но складъ лица при этомъ своебразный, ноги становятся уже свободнѣе, и мертвенная прежде улыбка какъ бы пытается слегка выразить блаженство небожителей и ихъ привѣтливую милость къ людямъ.

Во второй половинѣ 6-го столѣтія художникамъ выпала новая крайне сподручная и поощрительная задача, — изготовленіе почетныхъ статуй побѣдителямъ на общественныхъ играхъ: съ тѣхъ поръ имъ пришлось изображать спокойную величавость божественнаго лика въ полносмысленномъ сочетаніи съ подвигами героевъ. Тутъ надо было вѣрно передать во всей силѣ и гибкости тѣ члены, которые увѣнчались побѣдой въ борьбѣ и бѣ-

ганьи, надо было вырвать у преходящаго, безъ всякой натяжки, изящество и упругую ловкость нагого тѣла, чтобы увѣковѣчить ихъ въ бронзѣ съ полножизненною правдою, онаглядить въ этомъ тѣлѣ, выработанномъ холею и упражненіемъ, гармонію внутренняго человѣка и внѣшняго. Съ духовной стороны къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что глубина чувства какъ нарочно стала раскрываться теперь въ лирикѣ, личное самосознаніе стало заявлять свою силу; вслѣдствіе чего и обликъ божества, оживленный противъ прежняго своеобразнымъ духомъ, долженъ былъ выражать внутреннюю сущность, особаго, опредѣленнаго уже качества. Этическое (свободно-нравственное) значеніе облика требуетъ и со стороны изобразительности перехода за черту старозавѣтныхъ, урочныхъ пріемовъ; и когда сгорѣлъ деревянный кумиръ Деметры въ Фигаліи, то ваятель Онатъ только уже слегка придерживался старообычныхъ очертаній, и пересоздалъ его въ бронзѣ совершенно вновь, по внушенію сонпаго видѣнія, по вдохновительному наитію свыше. Правда, какъ удачно замѣтилъ Бруннъ, что тутъ выработался опредѣленнѣе не собственно еще идеалъ, а только первообразъ или типъ особыхъ божескихъ обликовъ, и потому каждый изъ нихъ непремѣнно отмѣчается еще своими аттрибутами; «богъ какъ будто выведенъ только для того, чтобы «торжественнѣе предъявить благоговѣющему передъ нимъ зрителю свои перуны, свой лукъ, признаки своего могущества. Все точнѣе опредѣляются «для различныхъ боговъ также и другія внѣшнія примѣты,—разныя ступени «возраста, видъ бороды, волосъ, одежды. Но ни въ письменныхъ извѣстіяхъ, «ни въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ, нѣтъ доказательства тому чтобы особыя эти «отличія выработались тогда въ одно цѣлое, въ настоящій идеалъ, изъ «внутренней сущности того либо другого бога.» Идеальный этотъ складъ впервые дался только уже Фидію. Онъ съумѣлъ онаглядить и въ чертахъ лица характеръ и настроеніе любого божества, любого человѣка, тогда какъ до него лицевыя формы оставались неизящны и незначительны, въ выраженіи всегда проглядывала та холодно-мертвенная улыбка, которая съ спокойнаго лика боговъ переходила также и на бьющихся или страдающихъ героевъ. Греческая пластика естественно развивалась не въ томъ направленіи, какъ живопись христіанско-германскаго міра, а въ совершенно противоположномъ. Тамъ главнымъ дѣломъ была тѣлесная красота, здѣсь — душевное выраженіе. Тамъ сперва отлично выработывается все остальное тѣло, прежде чѣмъ попадаютъ на мысль выразить въ лицѣ душу; здѣсь, напротивъ, задушевность чувства поражаетъ насъ и при величайшей недостаточности формъ; поэтому когда лицо давно уже писалось полнымъ значенія и граціи, тѣло остается еще натянутымъ, скуднымъ, неосмысленнымъ въ складѣ и движеніяхъ, и возводится на духовный уровень только уже рукою великихъ мастеровъ. Искусство идетъ отъ природы къ духу въ древности, и наоборотъ отъ духа къ природѣ въ средніе вѣка; слово воплощается въ христіанствѣ, природа одушевляется въ язычествѣ.

Начиная со второй половины 6-го вѣка до начала 5-го находимъ мы нѣсколькихъ именитыхъ мастеровъ: Агелада въ Аргосѣ, изъ чьей школы вышли три главные художника слѣдующей эпохи, боговаятель Фидій, человѣковаятель Поликлетъ и звѣроваятель Миронъ; потомъ встрѣчаемъ Канаха въ Сикіонѣ, Каллона и Оната въ Эгинѣ, Хегія, Критія и Несіота въ Аѳинахъ. Въ письмен-

ныхъ извѣстіяхъ, равно какъ и въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ, племенныя разности проглядываютъ еще и здѣсь. При общей всѣмъ этимъ художникамъ строгости, дорійскіе Эгинеты основательнѣе въ выработкѣ подробностей, а іонійскіе Аѳиняне обнаруживаютъ болѣе смысла къ совокупному эффекту цѣлаго, къ плавности линій, къ щеголеватости. На одномъ древнемъ могильномъ столпѣ въ Аттикѣ вооруженный воинъ Аристіонъ изображенъ просто и хорошо ваятелемъ Аристокломъ: небольшое пространство заполнено мастерски; крупныя, не такъ дѣятельныя массы, и силы дѣйствующія съ бо̀льшимъ напряженіемъ, распредѣлены искусно; и, при легкой сравнительно обдѣлкѣ частностей, дѣйствіе цѣлаго можно назвать удовлетворительнымъ и яснымъ. Женщина, всходящая на колесницу, нѣсколько позднѣйшаго времени, отличается въ своей постановкѣ и въ правильномъ теченіи складокъ своей одежды той наивною граціей, которая нѣжно и полносмысленно сквозитъ изъ-за прежней неразвязности движеній. Очевидный успѣхъ искусства обнаруживаютъ и селинунтскіе рельефы, но безспорно величайшимъ сокровищемъ той интересной поры должно почесть фронтонныя группы съ храма Паллады въ Эгинѣ, находящіяся теперь въ Мюнхенѣ.

Здѣсь представлены двѣ боевыя сцены, до того между собою сходныя, что въ каждой дѣло идетъ о борьбѣ изъ-за сраженнаго бойца, въ каждой отвѣчаютъ другъ другу копейщики, стрѣльцы изъ лука, раненые; всего лучше сохранились фигуры западнаго фронтона, и если одна изъ нихъ погибла, то ее легко возстановить по соотвѣтственной фигурѣ восточной стороны. Посреди спокойно стоитъ сама богиня, въ длинномъ, симметрически драпированномъ одѣяніи, держа въ опущенной правой рукѣ копье, а лѣвою слегка приподнявъ щитъ, какъ бы въ оборону; присутствіе ея ни дать, ни взять — присутствіе всевластнаго въ тиши Промысла. Вправо отъ богини падаетъ сраженный герой, опираясь на правую свою руку.

Словно какъ макъ въ цвѣтникѣ наклоняетъ голову на̀бокъ,
Пышный, плодомъ отягченный и крупною влагой весенней:
Такъ онъ голову набокъ склонилъ, отягченную шлемомъ.
(Иліада, VIII, 306).

Сильное молодое тѣло обдѣлано съ удивительной нѣжностью, невольно трогающей зрителя до глубины души. Съ другой стороны наклоняется къ нему нагой ратникъ, чтобы за ноги оттащить его на непріятельскую сторону. Но подоспѣвшій копейщикъ защищаетъ его отъ такого же наступающаго съ этой стороны противника. Позади каждаго изъ нихъ припало на колѣни по стрѣльцу изъ лука, далѣе — по одному воину, колющему и́зъ-дали длинной пикой, а за тѣмъ по обоимъ концамъ фронтона лежитъ, ногами впередъ, по одному раненому. Пространство заполнено мастерски, но, надо сказать правду, оно вконецъ подчинило себѣ художника и обусловило колѣнопреклоненныхъ пиконосцевъ, которыхъ положеніе нельзя назвать ни естественнымъ, ни цѣлесообразнымъ; тогда какъ, съ другой стороны, начиная отъ угловъ фронтона, постепенно возвышающіяся фигуры ростутъ и ростутъ какъ двѣ напирающія другъ на̀ друга волны́, а тамъ, вдругъ быстро понижаясь, сходятся въ линіяхъ сраженнаго бойца и пытающагося перетащить его воина, припадая къ

самымъ ногамъ богини, которой вся фигура остается вслѣдствіе того свободною, какъ вполнѣ спокойное средоточіе тревожно возбужденной этой группы. Архитектоническою остается и строгая симметрія обѣихъ сторонъ фронтона, какъ ни удачно размѣщены въ частности раненные, стрѣльцы изъ лука, копейщики, какъ ни удовлетворительно оформленъ каждый изъ нихъ самъ по себѣ; всѣ движенія какъ будто уряжены музыкальнымъ тактомъ, и конечно уже не въ пользу свободнаго богатства фантазіи свидѣтельствуетъ то, что по обоимъ фронтонамъ изображены сцены вполнѣ одинаковаго содержанія. Что касается подробностей обдѣлки, она обнаруживаетъ столько же великаго мастерства въ обработкѣ мрамора, сколько и въ естественной передачѣ человѣческаго тѣла: разнообразныя положенія вѣрно и живо схвачены, дѣйствіе мышцъ ясно выставлено во всѣхъ крупныхъ чертахъ, формы опредѣлены отчетливо и бойко. Только въ головахъ не видно изящнаго греческаго профиля и замѣтна еще явная разнохарактерность; носы и подбородки слишкомъ выдаются впередъ, вѣки и губы обозначены слишкомъ сильно, нижняя часть лица несоразмѣрно длинна у всѣхъ фигуръ, и у всѣхъ одна и та же мертвая улыбка. Обокъ съ этой (явною въ лицѣ) духовной неразвязностью, тѣло предстаетъ въ своемъ полномъ гимнастическомъ развивѣ, и натурализмъ частностей представляетъ намъ въ этой дорійской школѣ, сравнительно съ болѣе идеальнымъ стремленіемъ аттической, ту же почти противоположность, какую мы находимъ между ванъ-Эйкомъ и живописцемъ кёльнской соборной иконы, между франконскою и швабскою школой живописи, или между Флоренціей и Умбріей до Рафаэля. Греціи, какъ и Италіи, въ лицѣ первокласныхъ своихъ мастеровъ посчастливилось достичь примиренія и взаимнаго сопроникновенія обоихъ направленій. Задача вышеприведенныхъ группъ — прославить родовыхъ эгинскихъ богатырей, Эакидовъ, въ борьбѣ ихъ противъ Трои. Отецъ гомеровскаго Аякса, Теламонъ *), овладѣлъ Троею въ союзѣ съ Иракломъ, когда тамъ царствовалъ Лаомедонъ; въ то время палъ въ сраженіи одинъ воинъ Оиклъ. Но когда Аяксъ бился потомъ противъ Трои, онъ былъ уже щитомъ Ахейцевъ, настоящею башней въ бою, какъ во время схватки изъ-за тѣла Патрокла, такъ и изъ-за Ахиллесова. Одна изъ такихъ схватокъ изображена на западномъ фронтонѣ; передовымъ бойцомъ со стороны Эллиновъ является здѣсь Аяксъ, такъ же какъ на восточномъ щипцѣ Теламонъ; стрѣлецъ изъ лука тамъ Тевкръ. Въ миѳѣ предстаетъ намъ здѣсь идеальный образъ настоящаго. Служа Персамъ, живописецъ Мандроклъ самосскій написалъ съ натуры ихъ переправу черезъ Геллеспонтъ; Греки же, напротивъ, изображали свои новыя историческія борьбы съ Азіей въ просвѣтляющемъ богатырскомъ миѳѣ; и если мы знаемъ что статуи Эакидовъ нарочно привезены были изъ Эгины въ Саламинъ, да помогутъ онѣ Грекамъ въ битвѣ съ Персами, то конечно и мы дожны видѣть въ нихъ символъ славной побѣды въ войнѣ за независимость.

---

*) Сынъ Эака.

ПЕРСИДСКІЯ ВОЙНЫ. АѲИНЫ ВО ВРЕМЯ ПЕРИКЛА И ИХЪ ПАДЕНІЕ.

Почти вплоть до 500-хъ годовъ Греки постепенно ширились вокругъ собственной Эллады въ колоніяхъ, развертывая ихъ все далѣе и далѣе какъ бы огромнымъ опахаломъ: ими заселились берега Чернаго Моря и Сѣверной Африки, Малая Азія на востокѣ, Южная Италія и Сицилія на западѣ; какъ Іонійцы тамъ, такъ точно Дорійцы здѣсь, нерѣдко опережали метрополію въ искусствѣ и наукѣ. Нападенія, послѣдовавшія теперь со стороны Персовъ на востокѣ и со стороны Карѳагенянъ на западѣ, сосредоточили опять энергію духовной и политической жизни въ собственной Элладѣ, да и сама она достаточно созрѣла для того, чтобъ воспринять въ себя свои внѣшнія пріобрѣтенія, воздѣлывать и вести ихъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Опасность, грозившая народной самобытности, вынудила какъ различныя партіи, такъ и различные города прекратить частныя ихъ усобицы и стать единодушно всѣмъ за общую отчизну; и мужество, съ какимъ противустали они врагу, одушевленіе, съ какимъ добыли они себѣ побѣду, подѣйствовало укрѣпляющимъ и воспламеняющимъ образомъ на людей, которые презрѣли все мелочное и не нарадовались теперь жизнію, услаждаясь вполнѣ заслуженной ими свободой, но не забывая при этомъ благоговѣнія передъ высшими силами; напротивъ, въ низложеніи враговъ видѣли они опредѣленную богами кару заносчивой гордынѣ,—кару, внушавшую умѣренность имъ самимъ; и строгая сдержка, умѣнье владѣть собою въ счастіи и въ несчастіи сдѣлались съ тѣхъ поръ особымъ отличіемъ Эллиновъ отъ варварскихъ народовъ; нравственный міропорядокъ достославно заявилъ свою силу въ великомъ опытѣ собственной ихъ жизни, и изъ того самаго мрамора, который Персы привезли съ собой для сооруженія побѣднаго памятника, въ мастерской Фидія былъ изваянъ ликъ Немезиды.

Аѳины, ставшія передовымъ бойцомъ въ войнѣ за независимость, сдѣлались теперь духовною столицей Грековъ, средоточіемъ ихъ культурной жизни. Государственный уставъ Солона не былъ нарушенъ и Писистратомъ, который напротивъ держался его въ своемъ управленіи; опираясь на массу простыхъ гражданъ, покровительствуя поэзіи и искусству, онъ съ своей стороны, содѣйствовалъ тому, чтобы бывшее исключительнымъ удѣломъ знати гармоническое образованіе становилось доступно всѣмъ. По низверженіи Писистратидовъ, Клисѳенъ споспѣшествовалъ развитію демократіи новымъ расчлененіемъ народа, принятіемъ подзащитныхъ промышленниковъ въ число гражданъ, расширеніемъ представительной думы или совѣта; замѣщеніе высшихъ правительственныхъ должностей рѣшалось уже не выборомъ вслѣдствіе борьбы партій, а жребіемъ между тѣми лицами, для которыхъ искательство такихъ мѣстъ овозможивалось свободнымъ житейскимъ положеніемъ, снисканнымъ уже общимъ почетомъ и хорошимъ образованіемъ. Въ борьбѣ съ сосѣдями, и особенно со Спартой, еще болѣе окрѣпли Аѳины, тогда какъ

родственные имъ Іонійцы Малой Азіи подпали верховной власти Креза, а потомъ Кира. Но персидскій царь Дарій, покоривъ и устроивъ свою собственную монархію, простеръ взоры на Европу, и Аѳиняне тѣмъ именно вступили во всемірную исторію, что, поддерживая мятежъ Іонійцевъ, помогли имъ сжечь городъ Сарды; но пламя сожженнаго за то Персами Милета было для Аѳинянъ грознымъ предвѣстіемъ, и послѣ того какъ персидскій флотъ потерпѣлъ крушеніе передъ Аѳономъ, сухопутное войско непріятеля вступило въ ихъ собственные предѣлы. Аѳиняне разбили его въ геройскомъ бою при Мараѳонѣ подъ начальствомъ Мильтіада. Платонъ въ «Менексенѣ» говоритъ устами Аспазіи: «Противуставшіе силѣ варваровъ при Мараѳонѣ, наказавшіе гордыню Азіи и воздвигшіе впервые памятники побѣды надъ варварами, стали потомъ предшественниками и учителями всѣхъ прочихъ Грековъ въ томъ, что сила Персовъ не неодолима, что напротивъ нѣтъ такихъ безчисленныхъ полчищъ и такихъ богатствъ, которыя не уступили бы доблести. Вотъ почему я утверждаю, что люди эти не только кровные отцы намъ самимъ, но и отцы нашей свободы. Вѣдь только глядя на этотъ подвигъ Эллины отважились въ спасеніе себѣ и на всѣ позднѣйшія битвы, какъ настоящіе ученики Мараѳонцевъ.»

Въ городѣ же было тогда два человѣка съ особеннымъ вѣсомъ,—справедливый Аристидъ и геніальный Ѳемистоклъ, не затруднявшійся въ выборѣ средствъ для возвеличенія своей родины. Онъ провидѣлъ всю опасность новой войны съ Персами; съ удивительной настойчивостью въ теченіе десяти лѣтъ старался онъ сдѣлать Аѳины сильными на морѣ и для этого основалъ портовой городъ у Пирея. Аристидъ считалъ напротивъ главною опорой отечества испытанную при Мараѳонѣ благонадежность сельчанъ и крѣпкую любовь ихъ къ родной почвѣ; когда государству пришлось рѣшить споръ между его системою и Ѳемистокловской, которая видѣла спасенье только въ морѣ, Аристидъ присужденъ былъ къ ссылкѣ остракизмомъ. *) Ловкому сопернику его удалось настроить къ единодушной дѣятельности бо́льшую часть Грековъ, когда несмѣтныя Ксерксовы полчища стали переходить черезъ Геллеспонтъ. Спартанскій царь Леонидъ не отступилъ передъ страшнымъ этимъ нашествіемъ и палъ жертвой за отечество при Ѳермопилахъ; а Аѳинянинъ Ѳемистоклъ посадилъ народъ на суда и одержалъ побѣду при Саламинѣ на бурливыхъ волнахъ моря.

> Дивно звучала
> Боевая пѣснь Грековъ, не обличая въ нихъ ни малѣйшаго страха передъ непріятелемъ,
> Напротивъ возбуждая мужество къ жаркой, неустанной битвѣ:
> „Сыны Эллады, бейте дружно врага!
> „Освободите отечество, и женъ и дѣтей съ нимъ вмѣстѣ,
> „Освободите родныя святилища боговъ, освободите наконецъ
> „И гробы предковъ! Все, все зависитъ отъ этого побоища!“

Такъ говоритъ Эсхилъ, самъ участвовавшій въ сраженіи. Великій царь бѣжалъ, а остатокъ сухопутнаго его войска былъ въ слѣдующемъ году

*) То-есть народнымъ приговоромъ, выражавшимся подачей голосовъ посредствомъ раковинокъ, на которыхъ написано было имя удаляемаго на десять лѣтъ лица.

истребленъ при Платеѣ соединенными силами Эллиновъ. Битвы подъ Мараѳономъ, при Ѳермопилахъ, при Саламинѣ были не только битвами за освобожденіе всей высшей культуры человѣчества, но онѣ осуществили свою идею такъ пластически ясно въ непосредственности изящной жизни Эллиновъ, что сами являются безсмертными художественными созданіями народнаго духа, въ той же типической законченности какъ и лики боговъ.

Аѳиняне пожертвовали своимъ городомъ, но онъ быстро возникъ изъ пепла. Ѳемистоклъ вывелъ длинныя стѣны, соединившія его съ пристанью; Аристидъ заключилъ съ Іонійцами оборонительный и наступательный союзъ, всилу котораго Аѳины стали во главѣ островов и приморскихъ городовъ Малой Азіи. Кимонъ повелъ союзный флотъ къ новой побѣдѣ, и отстроилъ вновь храмы божіи. Самъ Аристидъ предложилъ законъ о томъ, чтобы граждане всѣхъ имущественныхъ разрядовъ пользовались одинаковыми правами: вѣдь именно бѣднѣйшіе, службой на морѣ, спасли и возвеличили государство.

О счастливые жители Аттики,
Искони родныя дѣти блаженныхъ боговъ,
Привольно вкушаете вы чудесный плодъ мудрости
Въ заповѣдной странѣ, никогда не потрясенной чужевластьемъ;
Среди яснаго, чистѣйшаго воздуха
Идете вы пріятной всегда поступью туда,
Гдѣ девять музъ всѣмъ соборомъ
Взростили одно общее имъ дѣтище,
И то дѣтище — прекрасная Гармонія!

Тамъ, изъ прелестнаго ручья Кефисса,
Афродита черпала свѣтлоструйныя волны,
И носимая легкими крыльями Зефира,
Обвѣвала своимъ кроткимъ дыханіемъ поля и луга;
Тамъ, увѣнчивая свои кудри
Гирляндами благоуханныхъ розъ,
Разсылаетъ она своихъ Эротовъ, чтобы, сочетаясь благородной мудрости
И услаждая собою доблесть, они помогали обѣимъ!

Такъ говоритъ въ «Медеѣ» Эврипидъ. Почва Аттики была умѣренно надѣлена отъ природы и требовала трудолюбія со стороны жителей; но чистое небо содѣйствовало ясности ихъ духа, а подвижное море дѣлало его свободнымъ и оживленнымъ. Религіозная связь родовъ не утратила своей силы, но въ гражданскомъ быту всѣ свободные люди слыли равными; со временъ Солона они воспитались въ чувствѣ законности и общественнаго духа; побѣда возвысила ихъ мужество и ободрила на великія предпріятія, не въ ущербъ однакожь благочестію къ богамъ и умѣренности въ поступкахъ. Надежною всему основой легло крѣпкое ядро сельскаго люда и его чливаго правообычая, эта благородная сила мараѳонскихъ бойцовъ; на ней развился потомъ болѣе юркій и расторопный классъ мореходовъ, съ его смѣлой ловкостью, съ бодрою готовностью всегда и во всемъ идти впередъ. Жители Аттики отличались быстрою рѣшимостью на дѣло и бойкой находчивостью въ рѣчахъ; они равно умѣли цѣнить трудъ и сладкіе часы досуга. Они любили бесѣду и охотно приправляли дѣльную рѣчь солью тонкаго остроумія; мысли у нихъ развивались во взаимномъ общеніи, въ многоличномъ разговорѣ; діалектика, расплавляя идеи, придавала имъ текучесть, обдѣлывала ихъ съ разныхъ сто-

ронъ. Отсюда выросли и философія и драма, обѣ благодаря тому, что, когда Аѳины сдѣлались столицей Греціи, они съумѣли разборчиво воспринять и мастерски совокупить все то, чему начало положено было Іонійцами и Дорійцами, каждымъ племенемъ порознь. Такъ, обогативъ свой діалектъ притоками изблизи и издалёка, они выработали въ немъ для Греціи общій письменный языкъ. «Въ формахъ примкнули они къ Дорійцамъ, въ слово«запасѣ къ Іонійцамъ, а синтаксисъ и фразеологію создали изъ своихъ соб«ственныхъ средствъ, основавъ послѣднюю на мѣткихъ, сподручныхъ обра«захъ и на удивительномъ многоразличіи красокъ.» (Бернгарди).

И этотъ завидный народный бытъ, эта истинно-великолѣпная закладка, послужили теперь матерьяломъ для политическаго генія, который быстро повелъ ихъ къ полному цвѣту, къ веледушному завершенію невиданной свободы, который сдѣлалъ Аѳины Элладою Эллады, всеобщею образовательною школой, роднымъ для всѣхъ Эллиновъ пріютомъ художественной красоты. Периклъ сталъ во главѣ стремленія къ совершенному раскрытію свободы. Ареопагъ, поставленный Солономъ на стражѣ правообычая и закона и состоявшій изъ самыхъ уважаемыхъ гражданъ, которые безукоризненно занимали въ государствѣ высшія мѣста,—ареопагъ сдерживалъ натискъ прогрессивнаго движенія и являлся охранителемъ существующаго порядка; но отнынѣ значеніе и авторитетъ за нимъ остались только въ дѣлахъ религіозныхъ, онъ лишился политической опеки надъ гражданскою общиной, которая стала теперь вполнѣ самоуправной. Для того чтобы и бѣднымъ доставить участіе въ государственныхъ дѣлахъ и въ идеальныхъ усладахъ жизни, имъ не только отпускалась поденная дача на посѣщеніе драматическихъ представленій, которыя особенно поднялись благодаря Эсхилу и Софоклу и удивительно содѣйствовали высшему образованію народныхъ массъ; имъ назначена была извѣстная плата за посѣщеніе народныхъ собраній и за отправленіе судейской должности, такъ-какъ крупныя тяжебныя дѣла рѣшались не иначе какъ разбирательствомъ передъ 500-ми, и даже иногда передъ 1000-ю присяжныхъ: только учрежденіемъ такого рода Периклъ обезпечилъ для бѣдныхъ равенство передъ судомъ съ богатыми и знатными, что недавно еще казалось недостижимымъ при разбирательствѣ такихъ тяжбъ одиночнымъ судьей. При этомъ и союзники во всѣхъ важныхъ дѣлахъ должны были искать своего права у аѳинскихъ присяжныхъ. Государственная казна съ острова Делоса перевезена была въ Аѳины, и Периклъ употребилъ бо̀льшую часть ея на то, чтобы повозможности надежнѣе укрѣпить государство и великолѣпнѣе украсить его постройками и изваяньями; въ этомъ усердно помогалъ ему достойный другъ его, Фидій. Союзы аѳинскій и спартанскій еще признавали другъ друга, пока длился миръ, но Периклъ предвидѣлъ военную грозу въ будущемъ и вооружался на этотъ случай.

Величайшіе мыслители того времени пріѣзжали на временное или постоянное житье въ Аѳины, гдѣ самостоятельность и свобода господствующаго духа присоединялись къ народно-поэтической культурѣ. Пробудился живой умъ, изощряясь надъ преданіемъ и рѣшительно заявляя свою силу; научились изворотливо смотрѣть на каждую вещь съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, находить причины для всего на свѣтѣ и наконецъ ставить человѣка мѣрою

всѣхъ вещей. Крѣпкое ядро чести и совѣсти еще сдерживало падкость къ новизнѣ и обращало доставляемыя ею средства къ достиженію великихъ цѣлей отечества; Периклъ былъ современникъ Анаксагору, и какъ этотъ поставилъ единый уряжающій духъ во главу вселенной, такъ и тотъ умѣлъ еще вести народъ, убѣждая и вдохновляя его духовной своей силою. Онъ не спускался до толпы, а самъ поднималъ ее на уровень своихъ высокихъ воззрѣній; свое благодатное великодушіе, свое непоколебимое мужество ставилъ онъ твердой осью, вкругъ которой вращалась многоразлично возбужденная жизнь, находившая въ ней и опору, и силу своего размаха. Невольно благоговѣли передъ торжественной важностью его характера, невольно довѣряли безпредубѣжденной ясности его души, невольно любили его кротость, его сердечное радованіе всѣмъ прекраснымъ. Онъ пренебрегалъ наслажденія нѣгой и роскошью и находилъ въ томъ счастье свое, чтобы трудиться для своихъ согражданъ въ совѣтѣ или съ оружіемъ въ рукахъ; онъ хотѣлъ, чтобы они вполнѣ свободно соглашались съ его идеями, чтобы они видѣли въ немъ живое осуществленіе лучшихъ своихъ мыслей. Периклъ руководилъ государствомъ какъ стратегъ или военачальникъ, какъ главный казначей, какъ блюститель общественныхъ построекъ и художественныхъ предпріятій, какъ довѣренное лицо всѣхъ гражданъ; но отнюдь не ставилъ себя выше равенства, выше общаго закона. Достатокъ, досугъ, образованіе должны были каждому приходиться на долю, но зато каждый обязывался быть дѣятельнымъ и для отечества, какъ для самого себя. Торговля и промышленность, искусство и наука процвѣли при немъ удивительно; своеобразность личной мысли, личнаго вкуса и оригинальнаго образа жизни впервые были признаны обществомъ; какому-нибудь Геродоту или Ѳукидиду именно Аѳины открыли глаза на общую связь всемірной исторіи и на господствующія въ ней нравственныя начала. Всѣ прежніе художественные пріемы и мыслительныя направленія пошли теперь въ дѣло, и изъ частныхъ добытковъ разныхъ эллинскихъ племенъ сложилось національное образованіе. Художники, поэты, ораторы, историки, мыслители стояли въ средѣ общественной жизни, одушевляясь и поддерживаясь ея дыханіемъ и вливаясь опять въ нее же своими произведеніями, примиряя вѣру отцовъ съ новѣйшимъ просвѣщеніемъ болѣе глубокою ея обосновкой, болѣе яснымъ строемъ ея формъ, самосознательно выражая идеи народнаго въ идеальныхъ обликахъ. Все это прекрасное и высокое было постоянной цѣлью Перикла. Онъ былъ первымъ изо всего благороднаго, свободнаго и образованнаго народа, — такое счастіе и такая высота, какія даются лишь немногимъ. Гегель выражается объ немъ такъ: «Нѣтъ «на землѣ величія выше господства надъ волею людей, дѣйствительно обладающихъ волей; потому что такая господствующая индивидуальность должна быть и самою всеобщею, и вмѣстѣ самою живою; смертнымъ рѣдко выпадаетъ на долю подобный жребій, да пожалуй теперь ужь и не выпадаетъ «больше никогда.»

Когда вспыхнула Пелопоннесская война, которой Периклъ не искалъ, но къ которой онъ подготовилъ Аѳины, и когда городъ постигли тяжкіе удары не только со стороны непріятеля, но и въ видѣ страшнаго моровего повѣтрія, тогда подняли голову тѣ партіи, которыя, во благо обществу, «Олимпіецъ» сдерживалъ силою своего духа, и которыя старались уязвить его теперь сна-

чала въ лицѣ Аспазіи, надѣлявшей его всею полнотой домашняго счастья, и въ лицѣ его друзей,—философа Анаксагора и ваятеля Фидія. Съ спокойнымъ мужествомъ противосталъ онъ нагнанной бурѣ, но невольно почувствовалъ себя одинокимъ, когда смерть лишила его самыхъ дорогихъ людей; и хотя народъ снова потомъ предоставилъ его водительству судьбы свои, жизненная сила великаго дѣятеля угасла именно тогда, когда она была всего необходимѣй. Лучшіе изъ гражданъ обступили постель умирающаго и, думая что его уже не стало, начали прискорбно прославлять величіе того, кто возвышенно и мудро какъ Солонъ, прозорливо и смѣло какъ Ѳемистоклъ, безкорыстно какъ Аристидъ, искусстволюбиво какъ Кимонъ, соединялъ и просвѣтлялъ въ лицѣ своемъ всѣ благородныя стремленія прошлаго и былъ вполнѣ свободнымъ вождемъ вполнѣ свободнаго народа. Тогда онъ вдругъ еще разъ открылъ глаза и спросилъ: «Отчего же они умалчиваютъ о лучшей «сторонѣ его дѣятельности, — о томъ что ни одинъ Аѳинянинъ никогда не «одѣвался изъ-за него въ трауръ?» — По смерти его, государство правда разстроилось отъ себялюбія, необузданности и легкомыслія, и ему же ставили потомъ въ упрекъ, что именно онъ разнуздалъ всѣ эти силы, съ которыми одинъ умѣлъ справляться; но какъ было ему держать ихъ въ крѣпкой уздѣ, когда все великое и прекрасное, что имѣлъ онъ въ виду и что осуществлялъ, могло удасться только среди полной свободы? Слава Перикловa времени легла неблекнущимъ вѣнкомъ на чело родныхъ ему Аѳинъ, и если совершенству суждено являться на землѣ лишь ненадолго, тотъ, кто знаетъ настоящую цѣну жизни, всегда выберетъ такъ, какъ выбрали Ахиллъ и Периклъ!

Ни осмотрительный аристократъ Никій, ни бурнопорывистый Клеонъ, всегда готовый низойдти до толпы и льстить минутнымъ страстямъ ея, не смогли замѣнить собой Перикла; не смогъ этого и Алкивіадъ, такъ-какъ при всей геніальности онъ былъ лишенъ нравственнаго достоинства, и себялюбиво хотѣлъ собственнаго блеска и власти. Въ надеждѣ на высокую свою даровитость и на обаяніе своей личности, онъ считалъ для себя дозволительнымъ становиться выше закона; даже и дружба къ нему Сократа не успѣла довести его до вѣрности лучшимъ сторонамъ его собственной души: себялюбіе, легкомысліе, страсть къ блеску и властительству рѣшительно восторжествовали. Онъ былъ бы настоящимъ вождемъ въ крайне смѣломъ покушеніи Аѳинянъ на Сицилію, но его неслыханное легкомысліе подало противникамъ поводъ настоять на томъ, чтобы онъ былъ отозванъ, а онъ съ своей стороны оказался настолько лишеннымъ патріотизма, что предложилъ теперь свои способности на службу Спартѣ противъ Аѳинъ, тогда какъ ихъ войско и ихъ флотъ совершенно погибли при Сиракузахъ, аристократическія крамолы подкапывали конституцію, и среди междоусобной войны нравы замѣтно одичали. Уже іонійскіе союзники стали одинъ за другимъ отпадать отъ Аѳинъ, а Спарта начала сближаться съ Персіей, когда виновникъ всего этого, Алкивіадъ, неожиданно спасъ свое отечество. Въ Аѳинахъ совершился опять внезапный переворотъ, но войско и флотъ, стоявшіе въ Самосѣ, объявились за конституцію и выбрали своимъ вождемъ Алкивіада. Одержавъ побѣду за побѣдой, онъ торжественно вступилъ въ родной городъ, какъ возстановитель его могущества и свободы. Но народъ уже слишкомъ привыкъ быть игрушкою партій, а Алки-

віадъ, по образу всей своей жизни, былъ вовсе не тотъ человѣкъ на которомъ могло бы постоянно сосредоточиться общественное довѣріе; онъ опять лишился предводительства, и безсовѣстный властолюбецъ Лисандръ не нашелъ себѣ равнаго соперника; тогда Аѳины пали передъ оружіемъ Спартанцевъ. Отъ поставленныхъ ими въ городѣ тридцати тиранновъ освободилъ его Ѳрасивулъ, но онъ уже не господствовалъ болѣе надъ союзниками, хотя пріобрѣтенная прежде образованность осталась наслѣдіемъ его и на будущее время, хотя искусство и наука основали себѣ въ немъ надолго прочный и укромный пріютъ.

Спартанцы совсѣмъ выродились, благодаря небывалой у нихъ алчности и падкости къ наслажденьямъ; опираясь на суровое насиліе, они были неспособны править Греками, какъ настоящіе вожди, и позорнымъ миромъ Анталкида съ Персіей прямо уронили національную честь передъ этой державой. Основанная на богобоязни и гражданской доблести, поддерживаемая величіемъ цѣлаго народа республиканская свобода шла къ окончательной своей гибели, и если иногда нѣкоторые отличные люди, каковы напримѣръ были Ѳиванцы Эпаминондъ и Пелопидъ, навремя поднимали свой родной городъ, то неожиданное это возвышеніе было непосредственно связано съ ихъ личностью и съ ними умирало. Никто уже не хотѣлъ жить такъ просто, какъ жилъ Эпоминондъ; богатство и блескъ изъ общественнаго быта перешли теперь и въ частный. Храбрость и ратная честь были прежде свойственны всѣмъ гражданамъ, а теперь явилась солдатчина, образовались постоянныя наемныя дружины; въ рукахъ Хабрія, Эпаминонда и Пелопида война сдѣлалась наукою и ремесломъ; военное искусство выработалось здѣсь точно такъ же, какъ въ 15-мъ вѣкѣ кондотьерами въ Италіи. Монархія, ставшая для Греціи необходимой, какъ нарочно нашлась близко, въ Македоніи.

Заключимъ этотъ краткій историческій обзоръ словомъ Демосѳена. «Встарь было не то что нынѣ. Тогда все принадлежавшее государству было богато и блистательно, а среди гражданъ ни одинъ не отличался отъ другихъ своей внѣшней обстановкой. И теперь еще каждый изъ васъ можетъ убѣдиться собственными глазами, что жилища какого-нибудь Ѳемистокла, Мильтіада и всѣхъ прочихъ великихъ людей прежняго времени, не были ни красивѣе, ни обширнѣй домовъ ихъ согражданъ. Зато сооруженныя въ ихъ пору общественныя постройки и памятники такъ величественны и великолѣпны, что останутся неподражаемыми навсегда: я говорю о пропилеяхъ, объ арсеналахъ, о крытыхъ галереяхъ, о портовыхъ постройкахъ въ Пиреѣ и другихъ общественныхъ сооруженіяхъ въ нашемъ городѣ. Теперь же есть такіе государственные люди, которыхъ частные дома гораздо великолѣпнѣе многихъ общественныхъ зданій, и которые скупили себѣ такія большія имѣнія, что обширностію не сравнятся съ ними поля всѣхъ собравшихся здѣсь судей. Напротивъ, что́ строится теперь на казенный счетъ, то такъ жалко и незначительно, что стыдно о немъ молвить слово».

ПРОЗАИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО. ОРАТОРЫ И ИСТОРИКИ.

Духовная культура Эллиновъ до Персидскихъ войнъ держалась на Гомерѣ, на хоровыхъ религіозныхъ пѣсняхъ, на полныхъ мысли элегикахъ; теперь, когда заявилъ свою силу здравый разсудокъ, когда началось и стало воздѣлываться научное изслѣдованіе, для всей этой области устранили поэтическую форму, которая одна только и развилась вѣдь до сихъ поръ,—устранили ее по той причинѣ, что теперь выдвинулся на первый планъ интересъ истины содержанія. Языкъ обиходной жизни выработался въ письменный, литературный. Прозаическое воззрѣніе отличается своей трезвостью: оно строго подчинено дѣйствительности и направлено къ опредѣленнымъ цѣлямъ; поэтическій же взглядъ—творчески-свободенъ: онъ паритъ надъ міромъ опыта, и силою фантазіи слагаетъ изъ его данныхъ свои идеалы ради красоты и ради склонности наслаждаться ею. Однакожь, какъ архитектура, въ качествѣ свободнаго искусства, развивается сперва на храмоздательствѣ, а за тѣмъ стремится художественно удовлетворять и строевой потребности всякаго другого рода, выполнять и высказывать цѣли будущаго обитателя приглядно и гармонично,—какъ, съ другой стороны, разборчивый вкусъ на сосуды и утварь старается видообразовать ихъ согласно назначенію и вмѣстѣ затѣйливо изукрасить, выразить въ формѣ не только внутренній ихъ смыслъ, но обнаружить въ ней хоть намеками самый духъ народа и эпохи; такъ точно и цвѣтъ поэзіи дѣйствуетъ на прозаическое изложенье: развѣ въ складномъ сочиненіи цѣлаго, въ выборѣ и сочетаніи отдѣльныхъ словъ, а также и во взаимной связи предложеній, не удовлетворяется въ свою очередь идеальный же опять побудъ, и развѣ не выходитъ отсюда само собою искусство прозы? Ораторы, историки, философы Греціи старались урядить тѣ мысли, которыми хотѣли поучать или дѣйствовать практически, по какой-нибудь общей, совокупительной идеѣ, свести ихъ въ одно великое созерцаніе и согласно съ этимъ обработать и языкъ, такъ чтобъ формы рѣчи, по живописному выраженію Отфрида Мюллера, сопровождали мыслительную дѣятельность какъ бы неслышною музыкой и производили на душу одно общее впечатлѣніе, которое такъ же гармонировало бы съ цѣлями прозаической піэсы, какъ настроеніе, въ какое приводитъ насъ изящная постройка, должно быть сообразно съ назначеніемъ ея для житейскихъ цѣлей. Обокъ съ просвѣщеніемъ и развитіемъ здраваго разсудка, на успѣшную воздѣлку прозы сильно повліяли еще живость, легкость, хорошій тонъ и полная свобода обращенія въ обществѣ.—Воздѣлка эта впервые пошла отъ ораторовъ. Даръ слова былъ распространенъ въ Греціи и безъ того, а свобода и гласность жизни воспитывали рѣчь какъ искусство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ хотѣлъ пріобрѣсть и отстоять за собой свое значенье, когда онъ хотѣлъ быть народнымъ вожакомъ. Тройственной задачею человѣка было—хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо дѣйствовать. Уже гомеровскіе богатыри излагали между собой и передъ народными сходками свои взгляды съ такимъ мастерствомъ, что остались въ этомъ от-

ношеніи образцами для слѣдующихъ поколѣній; прирожденной способности много помогли потомъ республиканскіе порядки. Хотя тутъ все-таки давали больше вѣсу содержанію, нежели формѣ; однакожь на ряду съ значеніемъ, какое государственный человѣкъ пріобрѣталъ своимъ характеромъ и дѣлами, отъ него требовалось и умѣнье владѣть словомъ. Политика Аѳинянъ, идя благоупотребляемымъ наслѣдіемъ отъ самого Солона и годъ отъ году разростаясь на практикѣ, видѣла цѣль свою въ утвержденіи народной свободы, промышленности и господства на морѣ и преслѣдовала эту цѣль черезъ Ѳемистокла и Перикла—съ геніальной смѣлостью, черезъ Аристида и Кимона—съ строговзвѣшивающей справедливостью и осмотрительной умѣренностью,—политика эта шла стало быть ритмически-волнообразнымъ ходомъ, который выносилъ наверхъ то одно направленіе, то другое, и такимъ образомъ совмѣщалъ истинно-полезные элементы обоихъ. Уразумѣніе общей задачи государства и ясный взглядъ на особыя потребности и мѣры, вызываемыя минутой, —вотъ что придавало этимъ людямъ такую могучую власть; но даже и послѣ Персидскихъ войнъ въ рѣчахъ ихъ не думали видѣть ни чего иного кромѣ средствъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей; Периклъ, первый, постигъ значеніе гласно сказаннаго слова для образованія и возвышенія народа, для того чтобы выяснить ему политическія обстоятельства и высокую цѣль прекрасной жизни, просвѣтленной поэзіею, пластическимъ искусствомъ и наукой, чтобы оспособить его къ самоуправленію во главѣ обширнаго союза. Любой единичный случай умѣлъ онъ освѣтить идеею, умѣлъ разсмотрѣть вопросы настоящаго съ точки зрѣнія высшихъ началъ и соображаясь съ человѣческимъ предназначеніемъ; умѣлъ этимъ сопряженіемъ частнаго со всеобщимъ прояснить разсудокъ, возвысить духъ слушателей и произвести не на минуту, а надолго, глубокое и художественное впечатлѣніе. Это свидѣтельствуютъ тѣ рѣчи Перикла, которыя младшій другъ его, Ѳукидидъ, передалъ намъ на память для изображенія его характера; это свидѣтельствуетъ Платонъ, говоря въ похвалу ему, что къ счастливой своей натурѣ онъ присоединялъ величіе души и дальнозоркость, не терявшую никогда изъ виду высокой своей цѣли. Съ этимъ согласно и то, что за спокойную его ясность, за божественное его достоинство, народъ прозвалъ Перикла «Олимпійцемъ», и что, стоя на ораторской каѳедрѣ, онъ говорилъ всегда ровнымъ и одинаково сильнымъ голосомъ, рѣдко измѣнялъ выраженіе лица и никогда порывистыми тѣлодвиженіями не бударажилъ складокъ своей одежды. Главнымъ дѣломъ для него было высказать истину и убѣдить въ ней; глубокомысленно молилъ онъ Зевса оберегать его отъ всякихъ безполезныхъ словъ; и не даромъ сказалъ объ немъ комикъ Эвполидъ, что слова его крѣпко вонзались въ сердце какъ пчелиное жало, чему конечно способствовала и мѣткая образность его выраженій вообще; многія изъ его сравненій и метафоръ сохранилъ намъ еще Аристотель.

Съ давнихъ поръ палестра и музыка, въ связи съ поэзіей, служили для воспитанія молодежи, а далѣе развивала взрослаго уже общественная жизнь: теперь же къ тѣлесной гимнастикѣ присоединилась умственная,—діалектика, готовая всегда изворотливость въ мысляхъ и въ рѣчахъ,—и открыты были школы для упражненія ума и дара слова. Это сдѣлано софистами. Названіемъ софистъ, въ отличіе отъ мудреца, отъ философа, обозначали такого

человѣка, который мудрость обратилъ въ профессію, чтобъ не сказать — прямо въ ремесло, который учитъ ей за деньги, что собственно такъ возмущало какого-нибудь Сократа или Платона, смотрѣвшихъ на общеніе философа съ его учениками какъ на союзъ дружбы и любви, заключаемый для достиженія высшихъ цѣлей, для жизни истинно блаженной,—союзъ, который поэтому оскверняется платою; а народъ раздражало здѣсь то, что требуемая софистами дорогая мзда дѣлала уроки ихъ доступными для однихъ богачей и знатныхъ. Ловокъ на слова только тотъ, кто изощрился въ мысли. Поэтому софисты равномѣрно занимаютъ мѣсто и въ исторіи философіи и въ исторіи витійства. Они — представители высвобождающейся теперь субъективности, которая уже не держится благоговѣйно преданія, а съ сомнѣніемъ провѣряетъ всѣ старозавѣтные порядки, мѣритъ вещи на свой собственный аршинъ и предоставляетъ каждому принимать міръ такимъ, какимъ онъ ему кажется; они— представители умственнаго просвѣщенія и такъ-называемаго здраваго разсудка въ противоположность сердцу и фантазіи, дѣйствующихъ въ религіозной сферѣ. Теперь уже не оракулъ и не слово поэта, а собственное разумѣніе должно опредѣлять что дѣлать, и чего не дѣлать; оно хочетъ вполнѣ отрѣшиться отъ предразсудка, отъ суевѣрія,—истина должна всегда доказать ему сама себя. Тутъ все дѣло въ томъ, чтобы любая личность достигала въ дѣйствительности условій, благопріятныхъ, выгодныхъ для нея съ ея точки зрѣнія; все дѣло въ томъ, чтобы отыскать такія основанія, по которымъ пріятная намъ вещь казалась бы удобопріемлемой и для другихъ; тотъ собственно и молодецъ, кто даже и шаткому сравнительно основанію съумѣетъ придать видъ благонадежной силы. То формально-разсудочное образованіе, которое умѣетъ взять любую вещь съ разныхъ сторонъ, умѣетъ говорить за и противъ, а въ сомнительныхъ случаяхъ — выдвинуть впередъ то, что болѣе вѣроятно, — это образованіе опирается на наличный запасъ свѣдѣній о людяхъ и о мірѣ, о законахъ и объ исторіи, а потому всѣмъ такого рода свѣдѣніямъ обучаютъ софисты. Средствомъ для ораторскаго искусства служатъ правильность и красота языка въ примѣненіи къ житейскимъ цѣлямъ и потребностямъ,—стало-быть именно проза. Софисты, первые, стали изучать грамматику и риторику. Какъ заѣзжіе виртуозы очаровываютъ они всю знатную молодежь.

Протагоръ переселился въ Аѳины изъ Абдеры. Въ Сициліи, преимущественно въ Сиракузахъ, вмѣстѣ съ демократіей развилось также и краснорѣчіе, и философы, какъ напримѣръ Эмпедоклъ и Зенонъ, краснорѣчіемъ достигли высокаго почета. Кораксъ и Тисій писали объ ораторскомъ искусствѣ; изъ ихъ школы вышелъ Леонтинецъ Горгій, водворившійся потомъ въ Греціи. Къ блестящимъ его пріемамъ близко подходила и украшенная рѣчь, искусная постройка періодовъ, гдѣ положеніе и противоположеніе, причина и слѣдствіе не только шли параллельно въ равносуставчатыхъ членахъ, но даже и выражались для слуха въ подобнозвучныхъ словахъ; онъ ослѣплялъ своими гладко отточенными антитезами, поражалъ неожиданностью остроумно изящныхъ оборотовъ, увлекалъ цвѣтистою картинностью и поэтическимъ оттѣнкомъ изложенья. Великолѣпная оболочка должна была скрасить у него даже и скудное содержаніе.

Первый изъ Аѳинянъ основалъ ораторскую школу Антифонъ, обучавшій между прочимъ Алкивіада и Ѳукидида. Онъ писалъ рѣчи и для другихъ, а изъ тѣхъ, что́ дошли до насъ подъ его собственнымъ именемъ, мы знаемъ какъ, относительно къ содержанью, онъ умѣлъ и въ обвиненіи и въ защитѣ давать обстоятельствамъ дѣла тотъ или другой оборотъ, то усиливать то ослаблять доводы въ пользу или противъ какого-нибудь факта, а относительно формы—какъ искусно сопоставлялъ онъ мысли, чтобы рѣзче опредѣлить, яснѣе различить и остроумнѣе связать ихъ между собою, какъ симметрично ихъ округлялъ и какъ старался передать самому даже уху взаимное ихъ соотношеніе.—Когда вслѣдъ за тѣмъ Клеонъ сталъ перебѣгать съ мѣста на мѣсто по ораторской каѳедрѣ, откидывать въ сторону мантію и ударять себя по бедрамъ, тогда появились и такъ называемыя ораторскія фигуры, восклицанія, вопросы, нарощенія, внезапные перерывы и тому подобное: сперва внушала ихъ, пожалуй, дѣйствительная страсть, а потомъ въ школахъ учили употреблять ихъ просто съ хитрымъ уже разсчетомъ.

Лисій родился отъ Сиракузанца въ Аѳинахъ и потомъ былъ воспитанъ въ Сициліи, такъ что къ нему вполнѣ привилась изысканная и вылощенная манера Горгія, хотя впрочемъ и безъ надутой пышности его; тутъ, какъ прекрасно разъяснилъ Отфридъ Мюллеръ, постигшая его истинная скорбь, гнѣвъ, глубоко запавшій ему въ душу, побудилъ Лисія однимъ разомъ отдѣлаться отъ всѣхъ шумихъ и выступить настоящимъ мастеромъ въ простой судебной рѣчи. Ему пришлось отомстить одному изъ тридцати тирановъ за убійство Полемарха, и онъ выполнилъ это съ успѣхомъ самымъ рѣшительнымъ. Въ краткомъ введеніи съумѣлъ онъ благопріятно настроить судей, въ ясномъ разсказѣ дѣла наглядно показать весь ходъ его, привести потомъ доводы и опроверженія въ крѣпко-сомкнутомъ строѣ, и закончить все это сильнымъ, потрясающимъ заключеніемъ. Въ качествѣ адвоката, онъ писалъ судебныя рѣчи преимущественно для другихъ. Съ нимъ сопоставляетъ Платонъ Исократа въ своемъ «Федрѣ», предрекая ему великую будущность; и въ самомъ дѣлѣ, хотя и не передъ народною сходкой, однако все же за предѣломъ школьныхъ стѣнъ, Исократъ старался дѣйствовать ко благу и славѣ Эллады своими писательскими произведеньями; но онъ показалъ въ нихъ болѣе благонамѣренности нежели политической мудрости и уже старцемъ наложилъ на себя руку, когда увидѣлъ какъ понятъ былъ Филиппомъ Македонскимъ совѣтъ его стать миротворцемъ между Аѳинами и Спартою и съ ними заодно идти на Персовъ: Филиппъ сокрушилъ при Херонеѣ свободу Грековъ, чтобы вести ихъ противъ Азіи уже полнымъ ихъ владыкой. Не изложеніе дѣлъ передъ судомъ, всегда имѣющее въ виду опредѣленныя только цѣли, но объемистыя торжественныя рѣчи составляли главную силу Исократа, какъ оратора. Когда пускается онъ въ полнозвучную хвалу Аѳинамъ, или выставляетъ Солоновы учрежденія за лучшее средство спасенія и для современной ему поры, когда онъ превозноситъ миръ со всѣми его благами, тогда отъ одной плодучей главной мысли потокъ слова его разливается все шире и шире, тогда въ новыхъ и блистательныхъ оборотахъ умѣетъ онъ еще настойчивѣе повторить все сказанное прежде и округлить въ звучныхъ періодахъ полный составъ своей рѣчи; все разнообразіе развернувшееся изъ зачатковъ ея приступа, подконецъ смыкается опять воедино, и какъ бы ни было

возбуждено ожидапіе слушателя, оно удовлетворяется теперь вполнѣ. Правда, что въ его произведеніяхъ искусственный разсчетъ ощутителенъ сильнѣе вдохновенья; но постоянная гармонія мыслей съ словами, строго взвѣшенное расчлененіе ихъ обильной полноты, и господствующее въ цѣломъ ритмическое благозвучіе, которое даетъ уху чувствовать и взаимное соотношеніе всѣхъ частностей,—все это вмѣстѣ дѣйствуетъ обаятельно и оказало свое вліяніе на Демосѳена и Цицерона, а черезъ нихъ оказываетъ его даже и на краснорѣчіе новѣйшихъ временъ.

Искусствомъ бытописанія или исторіографіи обязаны мы также перикловскимъ Аѳинамъ. Богатый фантазіею духъ Грековъ услаждался цѣлые вѣка миѳосложеніемъ, а раздѣльность ихъ на независимые города и волости представляла имъ настоящій бытъ черезчуръ ужь мелкимъ, противъ поэтически-изукрашенныхъ дѣлъ прошлаго. Когда же болѣе реалистическій взглядъ пробудился въ Іоніи, тогда племенныя сказанія начали передавать въ прозѣ, и рядомъ съ ними составляли родословныя отдѣльныхъ племенъ, повѣсти объ основаніи того либо другого города; съ другой стороны, оживленныя морскія и сухопутныя сношенія открыли новую область для ума въ познаніи земель и народовъ, и ученый Гекатей водворилъ послѣднюю эту отрасль въ литературѣ. Потомъ, когда подъ водительствомъ Аѳинъ Греки отстояли себя въ войнахъ съ Персами, они совершенно уже вдвинулись въ предѣлы всемірной исторіи и нашли въ дѣйствительности такой матерьялъ, который могъ смѣло помѣриться съ миѳами; Геродотъ призналъ въ этихъ событіяхъ новый, великій актъ борьбы между Европою и Азіей, ознаменованной еще въ туманѣ сѣдой древности похищеніемъ Іо, Медеи, Елены, и особенно возникшею изъ-за этого Троянскою войной; и вотъ — изображеніе противоборства Греціи съ Востокомъ положилъ онъ руководящей мыслію въ основу того объемистаго труда, благодаря которому явился отцомъ исторіографіи, такъ-какъ въ своемъ разсказѣ о событіяхъ онъ исходилъ отъ одной общей идеи и онаглядживалъ въ нихъ развитіе и характеръ народовъ. Родной городъ Геродота, Галикарнассъ, сохранилъ греческое общинное устройство и подъ верховною властью Персіи. Рожденный между первою и второй Персидскою войной, онъ измлада всмотрѣлся во всю разность эллинства отъ неэллинства. Дальнія путешествія, которыя изъ любознательности и пытливости простеръ онъ до Египта, Вавилона и черноморскаго побережья, познакомили его съ образомъ мыслей и нравами самыхъ разноплеменныхъ людей. Легло могло статься, что онъ передалъ бы свои опыты и подмѣты порознь въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Но судьба привела его въ средоточіе умственной жизни, въ Аѳины, и какъ гомеровскій геній организовалъ богатырскія пѣсни въ одинъ цѣльный эпосъ, такъ и Геродотъ набросалъ теперь блистательную общую картину, втроствъ въ связный разсказъ о современныхъ ему всемірныхъ событіяхъ описаніе земель и ихъ культуры. Онъ говоритъ о помянутыхъ сейчасъ миѳахъ только для того, чтобы пріурочить къ нимъ борьбы малоазійскихъ Іонянъ съ Лидійцами; сверженіе Креза Киромъ приводитъ его къ Персамъ и Мидянамъ, а войны ихъ съ Вавилономъ и Египтомъ даютъ случай разсказать и объ этихъ странахъ; подробно излагаетъ онъ войну Персовъ съ Эллинами вплоть до рѣшительной битвы при Платеѣ. Свободолюбіе, урядливость, разсудительная смышленность Грековъ восторжествовали надъ несмѣтными ордами восточныхъ

владыкъ и ихъ подручниковъ, надъ пустою пышностью и надъ гордыней ихъ фантастическихъ плановъ, — эта мысль — душа Геродотовой исторіи, въ ней онъ признаетъ судьбы божіи и силу нравственнаго міропорядка, которой неугодна людская заносчивость; она, напротивъ, хочетъ, чтобы человѣкъ зналъ мѣру, она блюдетъ право, помогаетъ разсудительному мужеству и всегда готова его возвеличить. Правда, у него есть слово о ревнивой зависти боговъ, не терпящей чтобы кто нибудь считалъ себя выше ихъ; но въ основѣ этому лежитъ мысль, что человѣкъ съ трудомъ переноситъ счастіе, что возвышеніе родитъ гордость, а пресыщеніе—своевольную строптивость, и что за это постигаетъ человѣка казнь, что дерзновеніе приводится опять въ надлежащую мѣру и смиряется. То же совершенно ясно говоритъ и Эврипидъ:

Золото и счастіе дотого сбиваютъ человѣка съ толку,
Что онъ обращается сердцемъ къ гордости
И готовъ на всякое насильство.

У Геродота это поученіе даетъ Ксерксу его дядя; но оно проходитъ черезъ всю книгу отца исторіи, и всего лучше выступаетъ въ повѣсти про Креза и Солона-мудреца, который ставитъ въ примѣръ счастія передъ утопающимъ въ сокровищахъ царемъ простыхъ, благородныхъ гражданъ, хорошо закончившихъ земное свое странствіе; дѣйствительно, царю вскорѣ пришлось вспомянуть слова Солона на кострѣ, но это воспоминаніе спасло его, и онъ завѣщалъ ихъ Киру въ спасительное наставленье.

Къ этому богобоязненному взгляду у Геродота присоединяется поэтическая радость на все великое и достойное удивленья, на чудеса далекихъ странъ и восточной древности, о которыхъ онъ простодушно передаетъ все что видѣлъ самъ и слышалъ отъ людей, оставляя на разскащикахъ отвѣтственность за тѣ или другія маловѣроятныя вещи. Новѣйшія изслѣдованія и открытія оправдываютъ его болѣе и болѣе, точно такъ же какъ и библейскихъ бытописателей Соломонова вѣка, съ которыми у него такъ много общаго въ простой искренности взгляда и въ глубокомъ благочестіи души. Анекдотическими или новеллистическими разсказами, вплетаемыми въ міровыя происшествія или въ бытовыя картины народовъ, онъ умѣетъ пріятно заинтересовать читателя и въ то же время научить его добру. Вводныя рѣчи, которыми онъ пересыпаетъ свое повѣствованіе, не столько характеризуютъ дѣйствующія лица и ихъ замыслы, сколько выражаютъ собственныя чувства и мнѣнія Геродота по поводу излагаемыхъ событій. Слогъ и тонъ его книги вездѣ напоминаютъ устную рѣчь разсказчика, который обозрѣваетъ богатые свои опыты съ спокойной, неторопливой ясностью, и любитъ обстоятельно изобразить каждую вещь, каждое происшествіе, одно вслѣдъ за другимъ по порядку, свободно сопоставляя отдѣльныя предложенія, ни дать ни взять какъ старые эпики, къ которымъ онъ примыкаетъ и мягкостью своихъ формъ — длинными окончаніями полногласнаго іонійскаго діалекта, въ чемъ такъ удовлетворительно и пріятно проявляется согласіе духа его съ языкомъ. Можно представить себѣ, какъ Греки радовались его исторіей, когда отрывки изъ нея онъ читалъ на народныхъ празднествахъ!

Өукидидъ пережилъ Пелопоннесскую войну, которой всемірную важность разгадалъ онъ при самомъ началѣ; въ ту пору онъ сперва находился въ родныхъ ему Аѳинахъ, потомъ за неудачное предпріятіе противъ Врасида (Бразида) былъ изгнанъ, и наконецъ воротился туда по сверженіи тридцати тиранновъ, съ тѣмъ чтобы, по сдѣланнымъ за все это время записямъ и отмѣткамъ, вполнѣ обработать свой трудъ, который обнимаетъ однакожь только двадцатиодполѣтній періодъ въ осьми книгахъ. Өукидидъ прямой сынъ перикловскаго времени, благонадежной, дѣльной его силы и свободно-озирающаго генія. Онъ весь живетъ въ настоящемъ, весь занятъ человѣческими дѣлами, но онъ имѣетъ въ виду не одно предметное ихъ содержаніе, какъ эпикъ; онъ задается философскимъ вопросомъ насчетъ ихъ причинъ и условій, онъ, какъ драматургъ, выводитъ событія столько же изъ характеровъ и образа мыслей отдѣльныхъ личностей, сколько и изъ общаго положенія вещей; исторія для него трагедія, въ которой двѣ стороны борются на жизнь и смерть, желая, каждая, отстоять и воцарить исключительно свои силы, свои права и свои начала, тогда какъ для блага цѣлаго, для пользы общей всѣмъ родины, надлежало бы имъ сопроникнуться во взаимномъ единствѣ. Өукидидъ почерпаетъ не изъ книгъ, а изъ родника самой жизни: отсюда необыкновенная свѣжесть взглядовъ этого историка; тѣмъ не менѣе онъ разбираетъ степень достовѣрности своихъ свидѣтелей, съ критической строгостью доискивается сущей правды, и вполнѣ заслуживаетъ той похвалы, что едва ли какой періодъ исторіи такъ ясно изложенъ передъ нами въ своихъ поводахъ, своемъ ходѣ и результатѣ, какъ именно тотъ, что описанъ его перомъ. Но это было возможно только благодаря его умѣнью, на ряду съ самымъ тщательнымъ изслѣдованіемъ подробностей, всегда обнимать и мысль цѣлаго, уряжать всѣ частности по одной общей идеѣ, благодаря, наконецъ, тому, что собственной великой душою переживалъ онъ процессъ времени и всѣ судьбы родного края; оттого производимое трудомъ его впечатлѣніе и можно было опредѣлить такимъ мѣткимъ словомъ: «Когда читаешь Өукидида, кажется что говоритъ «не Өукидидъ, а сама исторія.» Объективность эта—чисто-эллинская черта, и своимъ спокойнымъ, безстрастнымъ достоинствомъ книга его напоминаетъ Перикла на ораторской каѳедрѣ и высокую душевную ясность божескихъ ликовъ Фидія.

Въ общественной жизни Грековъ рѣчи государственныхъ людей играли очень важную роль, онѣ сами были историческими силами и событіями; вотъ почему Өукидидъ часто выводитъ главныхъ дѣятелей говорящими, и выводитъ притомъ двоякимъ образомъ: какъ съ тѣмъ чтобы передать дѣйствительно сказанныя вѣскія слова, такъ и для того чтобы вложить въ уста этимъ лицамъ то что, съ ихъ точки зрѣнія, можно было сказать о положеніи обстоятельствъ, объ ихъ цѣляхъ и намѣреньяхъ; при этомъ онъ естественно соединялъ много такого, что на самомъ дѣлѣ представало врознь. Рѣчами, въ которыхъ излагаются помыслы и стремленія государственныхъ людей, партій и цѣлыхъ республикъ, онъ овинословливаетъ вытекающія отсюда дѣйствія, и въ этомъ также опять является драматикомъ; онъ рисуетъ характеры, но такъ, что они высказываются слегка оттѣненными лишь тонами, не выступая изъ предѣловъ единства его стиля. Онъ переносится въ образъ мыслей выводимыхъ имъ на сцену лицъ, и они дѣйствуютъ и говорятъ у

него согласно съ своей внутренней природой. Самъ Отфридъ Мюллеръ признаетъ, что удивительной этой способностью Ѳукидидъ обязанъ отчасти воздѣланному софистами образованію, пріучавшему со школьной скамьи одинаково умѣть говорить за обѣ стороны; мы готовы сказать вслѣдъ за нимъ, что Ѳукидидъ прилагалъ это искусство полезнѣйшимъ и наилучшимъ образомъ: безъ этой способности переноситься въ разные строи мыслей и каждому давать его обосновку и оправданіе, справедливое бытописаніе такъ же невозможно, какъ и истинно-драматическое произведеніе, какъ невозможна и философія, примиряющая борьбу противоположныхъ началъ и преодолѣвающая ихъ полнотою высшей правды.

Словесное изложеніе и у Ѳукидида вполнѣ отвѣчаетъ внутреннему; правдолюбіе ведетъ его здѣсь къ рѣзкимъ, забористымъ выраженіямъ, къ быстрымъ и мѣткимъ очертаньямъ; самое полносмысленное слово занимаетъ у него и главное мѣсто въ предложеніи; предложенія же противостоятъ другъ другу антитетически какъ мысли, какъ живые борцы, выступившія помѣриться силами, да вмѣстѣ и дать ихъ измѣрить; и какъ разныя стремленія идутъ съ разныхъ сторонъ прямо къ своей цѣли, такъ и Ѳукидидъ сводитъ къ одному общему концу разныя обосновывающія предложенія, или же развертываетъ ихъ изъ одной крупной первоначальной мысли, ни дать ни взять какъ зачастую внезапно настаетъ какое-нибудь событіе, а остроумный наблюдатель тщательно разыскиваетъ потомъ условія его въ глубинѣ прошлаго. Такой стиль слова и мышленія предполагаетъ какъ въ авторѣ, такъ и въ читателѣ энергическую напряженность умственной силы: оттого Ѳукидидъ уже не является, какъ Геродотъ, народнымъ, общедоступнымъ повѣствователемъ; онъ пишетъ для тѣснѣйшаго круга образованныхъ людей, которые, начиная съ его времени, выдѣляются изъ толпы уже и въ Элладѣ; онъ уже не дѣйствуетъ, подобно Геродоту, на воображеніе и чувство дивными чудесами дальнихъ странъ и необыкновенною величиной описываемыхъ предметовъ, а полнотою мысленнаго содержанія и богатствомъ внутреннихъ опытовъ обращается къ уму и старается убѣдить разсудокъ. Въ послѣдовательной связи причинъ и дѣйствій, образа мыслей, дѣяній и судебъ, представляетъ онъ жизнь людскую сплошнымъ потокомъ, надъ которымъ и въ которомъ невидимо царитъ божественное, какъ міроуряжающій духъ у Анаксагора. Ѳукидидъ своей книгою достигъ предположенной цѣли: онъ хотѣлъ чтобы она служила не для пріятнаго лишь препровожденія времени, но осталась драгоцѣннымъ памятникомъ навсегда.

Если взять тутъ для сравненія еще и поэтовъ, то Геродота скорѣе можно назвать Гомеромъ исторіи нежели ея Эсхиломъ, хотя ему и обща съ послѣднимъ идея о неизбѣжномъ паденіи строптивой гордыни, и хотя трагикъ въ свою очередь также выбралъ однимъ изъ своихъ сюжетовъ борьбу Персіи съ Греціей. Вся манера у Геродота чисто еще эпическая; только въ лицѣ Ѳукидида впервые предстаетъ намъ изобразитель, выросшій на драматической поэзіи, и по ясной и вѣрной обрисовкѣ характеровъ, по умѣнію развить противоборствующія права, внутреннія конфликты, выдвинуть впередъ чисто человѣческую и нравственную сторону, развернуть и закончить цѣлое на основаніи единства идеи, онъ весь и до мельчайшихъ подробностей можетъ

назваться Софокломъ исторіи. Напротивъ того, при всей тонкости и граціи у Ксенофонта, какъ и у Эврипида, нѣтъ возвышенности и глубины въ основномъ созерцаніи; какъ для перваго исторія, такъ точно для послѣдняго миѳъ, становятся средствомъ блеснуть остроуміемъ, доказать ихъ личныя правила морали и житейской мудрости, вмѣсто того чтобъ наглядно развивать собственныя идеи и поученія исторіи или миѳа. Ксенофонтъ близко стоялъ къ Сократу, и его «Достопамятности» этого философа интересно и привлекательно изображаютъ намъ аттическое общество и его образованность; но содержанія сократовской мысли онъ вѣдь не постигъ: полезное ставилъ онъ цѣлью и мѣрою всѣхъ вещей и отношеній, и даже такія идеальныя блага, какъ дружбу, отечество и религію, цѣнилъ по ихъ выгодности и пріятности для житейскаго обихода, — стало-быть не цѣнилъ, а только унижалъ. Бывъ очевидцемъ смутъ и одичалости демократіи въ Пелопоннесскую войну, онъ выставилъ въ историческомъ романѣ «Киропедія» политическимъ идеаломъ воспитаніе Кира и основаніе персидской монархіи: благомыслящій властитель правитъ у него государствомъ какъ машиной и свыше полагаетъ основы счастію подданныхъ, которыхъ онъ мирно пасетъ, какъ стадо овецъ. Прекрасно замѣтилъ на это Шлоссеръ: «Въ Геродотово время, когда настоящею ду«шой государства была сила и самостоятельность гражданъ, когда частныя «личности, именно потому что онѣ были свободны, сдерживали другъ друга «въ надлежащихъ предѣлахъ, а религія и законъ стояли на стражѣ правовъ и «порядка, подобная мысль конечно ни кому бы не пришла и въ голову, всякій, «напротивъ, нашелъ бы ее до крайности смѣшною.» Шлоссеръ сравниваетъ при этомъ Киропедію съ Телемахомъ Фенелона, который свои полныя чувства личности противопоставляетъ натянутому царедворству и военному славолюбію временъ Людовика XIV. Обѣ книги очень привлекательны своимъ вездѣ выдержаннымъ тономъ спокойнаго достоинства, а также и появленіемъ на сцену многихъ милыхъ фигуръ и гораздо бо̀льшаго числа людей истинно-добрыхъ, чѣмъ сколько встрѣчается ихъ обыкновенно въ житейскомъ быту; ктому же легкое теченіе рѣчи и искусство сопрягать отдѣльныя предложенія въ ясные и полнозвучные періоды, производятъ у Ксенофонта тотъ же самый эффектъ, какой у Фенелона необыкновенная чистота языка, плавная поэтическая проза и допущеніе гомеровскихъ пріемовъ до той степени, въ какой они выносимы для Французовъ при характерѣ ихъ образованія.—Ксенофонтъ дерзнулъ взяться за продолженіе Ѳукидида и написать всеобщую исторію Греціи вплоть до Мантинейской битвы; но, вмѣсто того чтобъ стараться познать и изобразить человѣческую природу, онъ задался мыслію выставить въ полномъ блескѣ превосходство спартанской конституціи и прикрасить самихъ Спартанцевъ разными дипломатическими уловками; онъ хочетъ внушить нравственныя поученія, навязать въ видѣ образца извѣстную форму правленія, а другую указать въ видѣ предостерегающаго примѣра. Онъ повѣствуетъ объ угнетеніи своей родины тиранствомъ Спартанцевъ, не давая даже того щеголеватаго выраженія патріотическому чувству, которое обыкновенно прикрываетъ личиной безпристрастной объективности отсутствіе крѣпкой нравственной основы и величія души.

Совсѣмъ другимъ человѣкомъ представляется намъ Ксенофонтъ въ «Анабасисѣ», гдѣ, безъ всякой задней мысли, въ разсказѣ про борьбу Кира Млад-

шаго и про отступленіе 10,000 Грековъ, онъ рисуетъ простую и ясную картину того что лично пережилъ самъ, говоритъ скромно и съ достоинствомъ о своемъ тутъ дѣятельномъ участіи и, въ безсознательную противоположность къ своей же собственной Киропедіи, наглядно изображаетъ превосходство свободныхъ и самостоятельныхъ Эллиновъ передъ восточнымъ бытомъ вообще и передъ его только свыше руководимыми толпами. Обманомъ и смертоубійствомъ Персы лишаютъ Грековъ ихъ вождей и думаютъ взять этимъ въ руки храбрую ихъ дружину; но изъ среды образованныхъ людей, гдѣ каждый годится въ офицеры, тотчасъ же выходятъ новые, вполнѣ способные начальники, и рѣчь Ксенофонта быстро склоняетъ ихъ къ рѣшенію, проложить себѣ мечемъ путь къ родному краю: онъ собственно—душа этого предпріятія, котораго внѣшнею стороной руководитъ Спартанецъ Хейрисофъ, и съ правдивою простотой записываетъ онъ всѣ дѣйствія, всѣ опыты, всѣ открытія. Здѣсь передъ нами настоящее ядро того, что́ внутренно таилось въ Ксенофонтѣ; оттого и слогъ его здѣсь пріятенъ и ясенъ безо всякихъ лишнихъ прикрасъ.

ФИЛОСОФІЯ ДУХА.

Анаксагоръ Софисты. Сократъ и сократики. Платонъ.

«Кто первый сталъ учить что духъ, какъ въ живыхъ существахъ, такъ «и въ природѣ, есть причина міра и его порядка, тотъ какъ будто среди «бредящихъ одинъ заговорилъ вдругъ наяву»—скажемъ мы вмѣстѣ съ Аристотелемъ про Анаксагора. Онъ, а съ нимъ и философія, послѣ Персидскихъ войнъ переселились изъ малой Азіи въ Аѳины, и Периклъ принадлежитъ къ ближайшимъ друзьямъ мыслителя. Анаксагоръ пришелъ къ сознанію что движущимъ и водообразующимъ началомъ міра долженъ быть разумъ, такъ-какъ принимать случай или слѣпой рокъ за основу всего прекраснаго и добраго—чистое лишь пустословье. Книга его о природѣ начиналась такъ: «Всѣ вещи были вмѣстѣ; пришелъ духъ, и все урядилъ». Подобно своимъ іонійскимъ предшественникамъ онъ былъ твердо убѣжденъ, что въ дѣйствительности ни одна вещь не возникаетъ изъ ничто, и ни одна въ него не обращается, что напротивъ вездѣ происходитъ только перемѣна, порозненіе и сочетаніе сущаго (всегда бывшаго уже налицо), которое само въ себѣ ни множится, ни уменьшается. Такимъ образомъ первоначальное, вещество, считалъ онъ хаотическою смѣсью зародышныхъ сѣмянъ всѣхъ вещей, и зародыши эти называлъ онъ равнодольными (гомеомеріями), такъ-какъ любой изъ нихъ имѣлъ свою долю или часть во всѣхъ другихъ: все было, по его мнѣнію, во всемъ и изо всего могло, пожалуй, возникнуть; только въ каждомъ преобладаетъ одно какое-нибудь свойство, которое и даетъ ему извѣстную особен-

ность. Но равно первичнымъ представлялось Анаксагору и другое начало, которое движетъ веществомъ, проникаетъ безконечную его массу своимъ различеніемъ и урядомъ, которое, въ круговоротѣ противоположностей, то порозняетъ свѣтлое съ темнымъ, плотное съ рыхлымъ, теплое съ холоднымъ, влажное съ сухимъ, то опять приводитъ ихъ въ разнообразнѣйшее между собой взаимнодѣйствіе. Начало это духъ (νοῦς), единое и чистое въ себѣ самомъ, нематерьяльное, но мощное надъ всѣми матерьяльными вещами, безконечное, вполнѣ самобытное и самосильное. Духъ все знаетъ; ставя всему цѣли, онъ умѣетъ и прошлое соотносить съ будущимъ, а прогрессивной своей дѣятельностью осиливаетъ всѣ вещественные элементы. «Въ чемъ есть какая бы то ни было душа, высшая или низшая, все равно,—надо всѣмъ этимъ царитъ духъ, и надъ цѣлою вселенной, которую онъ исперва привелъ въ движеніе. Онъ началъ кругооборотомъ въ небольшомъ объемѣ, потомъ бралъ уже шире, и постоянно будетъ захватывать все болѣе и болѣе. И онъ все знаетъ, и смѣшанное и розное, то что сталось, то что станется и то что есть теперь; все это уряжаетъ духъ, а также вращеніе солнца и звѣздъ небесныхъ. Онъ всячески разумѣетъ всяческое, и является дѣятельнымъ во всемъ живомъ и одушевленномъ, потому что онъ внутренно присущъ всему.»

Такимъ образомъ вольновластный самосознательный духъ признанъ за божественное начало, за основу міропорядка, за причину всего изящнаго, добраго и истиннаго; небо и земля — откровеніе его могущества и мудрости. И отдуши радуясь этимъ сознаніемъ, мыслитель говоритъ, что жизнь лучше небытія, тогда-какъ, напротивъ, меланхоликъ Гераклитъ видитъ во всякомъ рожденіи нѣчто бѣдственное, потому что все рождается только для смерти; да и Парменидъ былъ того мнѣнія, что лучше оставаться схороненнымъ въ лонѣ единаго. Анаксагоръ видѣлъ въ мірѣ свое отечество и находилъ истинное счастье въ созерцаніи небесъ и общаго порядка вселенной. Но Аѳиняне обвинили его въ томъ, что на мѣсто правящаго конями солнобога онъ ставитъ круговращеніе раскаленной каменной массы, что онъ естественно объясняетъ тѣ явленія, которыя у жрецовъ слывутъ чудесными знаменіями небесъ; да онъ и дѣйствительно совсѣмъ разошелся съ миѳико-поэтическимъ взглядомъ на природу, и тогда какъ онъ великъ именно тѣмъ что призналъ духъ движущимъ, видообразующимъ и властительнымъ началомъ, недостатокъ, ограниченность его обнаружились въ той мысли, что будто бы духъ совершенно отдѣленъ отъ природы или матеріи, а эта мысль повергла его въ неизбѣжный дуализмъ (въ догматъ о двуначальности всего сущаго). Найдти въ самомъ духѣ основаніе природы, а въ послѣднемъ — источникъ міра матерьяльнаго и вещества для формъ творческой силы,—найдти такимъ образомъ единство въ различіи и различіе въ самомъ единствѣ, — вотъ что будетъ отнынѣ требовать рѣшенія. Анаксагоръ удалился изъ Аѳинъ въ Лампсакъ, и тамъ въ честь ему соорудили алтарь духа и истины. Сорудили не даромъ. Въ лицѣ Анаксагора философская мысль обрѣла ту истину, что Богъ—духъ,— истину, которая въ видѣ религіознаго откровенія была наслѣдіемъ Израиля: тамъ лучезарный свѣтъ ея возникъ въ совѣсти Авраама и Моисея, а пророки все яснѣе, чище и шире водворяли ее въ народномъ сознаніи. Анаксагоръ не вступилъ еще въ ту нравственную область, которая предстаетъ здѣсь взору духа; но ворота къ ней онъ отворилъ.

Общимъ критеріумомъ (вѣриломъ всѣхъ познаній) поставилъ онъ разумъ и высказалъ достопамятное предложеніе: вещи для каждаго то и есть, за что̀ онъ ихъ принимаетъ. Искони всѣ мудрецы баззавѣтно отдавались предметамъ; теперь, когда первоначаломъ признана была субъективность, признанъ духъ, послѣдній сталъ размышлять о себѣ самомъ и усматривать какъ велика доля воспріемлющей личности въ той картинѣ міра, которая порождается сознаніемъ. Такъ-какъ исторія вообще идетъ впередъ путемъ противоположностей, и любая новая мысль охотно провѣряетъ свою дальнометность тѣмъ, что выдаетъ себя за единственно - полносильную истину, то понятно что теперь и субъективности начали придавать слишкомъ исключительное значеніе, во всемъ видѣли одну ее, и все подчиняли ея власти. Такъ именно повелось софистами. Имя это первоначально означаетъ человѣка обладающаго мудростью, тогда какъ Пиѳагоръ называлъ себя только мудролюбцемъ, философомъ; но при односторонности, до которой скоро дошла софистика, это слово начали употреблять въ смыслѣ выказно́й, безсовѣстной мудрости, у которой одинаково есть доводы и въ пользу и противъ всего на свѣтѣ. Софисты были учителями краснорѣчія, основателями риторики. Но вѣдь рѣчи неизбѣжно предшествуетъ мышленіе; софистамъ надо было упражнять, изощрять и его. Вотъ отчего они явились въ Греціи водворителями чисто-разсудочнаго образованія, и представляютъ нѣчто въ родѣ просвѣтителей, вольнодумцевъ и энциклопедистовъ 18-го вѣка. Субъективность хотѣла вполнѣ заявить свою мощь; поэтому софисты и наружно выступили съ явнымъ стремленіемъ показать себя и надѣлать шуму. Въ человѣкѣ, въ его помыслахъ и цѣляхъ усмотрѣли они нѣчто высшее сравнительно съ природою, и потому обратили все вниманіе на людскія отношенья, на искусство мыслить и говорить; діалектическая ловкость, разсматривающая каждую вещь съ разныхъ сторонъ, сдѣлалась теперь главною цѣлью того образованія, всилу котораго личность должна была не только измѣрять весь міръ на свой аршинъ, но и вообще относиться къ нему по своей прихоти. Какъ воля думаетъ въ чистомъ произволѣ осуществить свободу свою даже и вопреки закону, прежде чѣмъ обыкнетъ находить въ самой себѣ законъ, такъ точно и здѣсь субъективность поставила себя выше исконнаго преданія, выше правилъ религіи и правовъ, которыя казались вѣдь ея же собственнымъ порожденіемъ, и благоразумно-понятый интересъ единичнаго лица прослылъ за коренную основу и послѣднюю цѣль человѣческаго существованія. Софисты вовсе не думали стоять такимъ образомъ за безвѣріе и вольнодумство; они, напротивъ, хотѣли учить мудрости, многоопытному умѣнью въ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ,—вотъ для чего прибылъ въ Аѳины Протагоръ; и самъ рѣшительный противникъ его, Платонъ, влагаетъ въ уста ему слѣдующій отзывъ: добродѣтель вѣдь далеко лучше всего на свѣтѣ, а потому вѣрнѣй держаться, не только въ любой данный мигъ, но и во всю жизнь, того мнѣнія, что ни все пріятное для насъ не хорошо, ни все хорошее не пріятно; а Про́дикъ, у котораго любилъ искать поученія даже и Сократъ, въ своемъ разсказѣ объ Ираклѣ на распутіи изображаетъ какъ добродѣтель и чувственность оспориваютъ другъ у друга душу человѣка, но герой рѣшительно выбралъ у него крутую стезю добродѣтели. При всемъ томъ злоупотребленіе какъ бы само собой напрашивалось къ софистамъ, и дѣло безъ него не обошлось. Если религія и законы

только наше собственное дѣло, то отъ насъ вѣдь зависитъ признавать ихъ или отмѣнить; такимъ образомъ они выходятъ лишь паутиной, уловляющей слабыхъ мухъ и прорываемой сильными осами; вѣра—изобрѣтеніе умниковъ, чтобы легче управлять простаками. Понятно что такая безсовѣстная и самовластная натура, какъ напримѣръ Критіева, пользовалась подобными вещами для того, чтобы только прикрыть собственную гнусность. Такія пагубныя слѣдствія именно и выводила богатая и безбожная молодежь, которая тогда въ Пелопоннесской войнѣ смыкалась въ нечестивыя шайки и союзы, подрывая государственный порядокъ и колебля его ради своихъ личныхъ пользъ.

Въ философскомъ отношеніи важны для насъ Протагоръ и Горгій. Первый, родомъ Абдеритъ, вникалъ, по примѣру Гераклита, въ вѣчно-измѣнчивый потокъ жизни, и выводилъ отсюда то заключеніе, что твердаго, всегда и вездѣ полносильнаго нѣтъ вообще ничего, что человѣкъ всему мѣра,—сущему, посколько оно есть, не сущему, посколько оно для него не существуетъ. Въ этомъ лежитъ та великая по себѣ мысль что, вопервыхъ, истинно только бытіе самосущее, а вовторыхъ—что безъ чувствующей и познающей субъективности нельзя даже и обозначить ничего предметнаго, что безъ нея его какъ будто бы нѣтъ вовсе,—та мысль что каждый человѣкъ, при совмѣстномъ дѣйствіи внѣшнихъ впечатлѣній съ своей личностью, самъ порождаетъ въ себѣ образъ міра, носитъ свой собственный міръ внутри себя. Каждый измѣряетъ вещи потому, какими онѣ ему кажутся, какими пришлись онѣ ему по душѣ.—Сициліецъ Горгій продолжалъ развивать ту діалектику, которою Элеаты выводили на свѣтъ противорѣчія міра явленій, въ доказательство того, что истинную сущность составляетъ не множественное и измѣнчивое бытіе, а единое и вѣчное. Такъ Зенонъ доказалъ положеніе что летящая стрѣла спокойна; что Ахиллъ не можетъ догнать черепахи, такъ-какъ всегда пріидется ему совершить напередъ половину уже пройденнаго ею пути, а у половины всегда опять окажется ея собственная половина: движеніе стало-быть только нѣчто кажущееся. Съ тѣхъ поръ софистика пустилась въ разнаго рода обманныя, уловочныя заключенія, которыя, опершись на какую-нибудь неосторожную уступку, неожиданнымъ изъ нея выводомъ озадачивали спорщика и ставили его въ смѣшное положеніе, а зачастую и прямо основывались на двусмысленности словъ. Нерѣдко ухищренно доказывали положеніе и вслѣдъ за тѣмъ противоположеніе, упражняя этимъ умъ въ формальной логической сноровкѣ. Горгій, посредствомъ очень остроумныхъ доводовъ, подходящихъ уже отчасти къ Кантовскимъ антиноміямъ чистаго разума, старался доказать противорѣчія лежащія въ понятіи самаго бытія, возьмемъ ли мы его со стороны единства или множества, со стороны вѣчности или временнаго теченія, со стороны конечности или безконечности; далѣе проводилъ онъ положеніе, что такъ-какъ мысль и рѣчь не то что̀ предметъ ихъ, не то что̀ есть въ самомъ дѣлѣ, то отсюда слѣдуетъ что послѣдняго нельзя, строго говоря, ни познать, ни передать другимъ. При такихъ условіяхъ конечно оказывалось возможнымъ одно только мнѣніе (а не твердое убѣжденье), и для отдѣльной личности единственною задачей оставалось то, чтобы выяснять другимъ вѣроятность ея собственныхъ догадокъ и заключеній.

Когда духъ пришелъ однажды къ самому себѣ, когда сила размышленія разъ высвободилась изъ-подъ авторитета, тогда тщетно проповѣдовать воз-

вратъ къ исконному преданью; тогда надо въ самомъ разумѣ и въ совѣсти отыскать всеобщую и вседостовѣрную опору, и путемъ свободнаго убѣжденія вести умы къ идеальному, благому и божественному, какъ къ тому, что̀ вполнѣ одобряетъ разумъ; тогда надо возбуждать пытливую мысль противъ всѣхъ предразсудковъ и обыкновенно только на вѣру пріемлемыхъ мнѣній, чтобы каждый своимъ собственнымъ умомъ порождалъ и приводилъ въ себѣ къ сознанію всеобщую истину. Это-то совершенно понялъ, для этого жилъ и за это умеръ Сократъ. Какъ молнія ударило въ его душу слово дельфійскаго бога: «Познай самого себя!» Отъ созерцанія небесъ и природы повелъ онъ философію къ изслѣдованію человѣка, онъ сталъ основателемъ этики, науки о нравственномъ духѣ; какова жизнь, такова и мысль, какова мысль, таковы и поступки — было его поговоркою; истина и добро были для него одно и то же, источникъ ихъ въ одномъ и томъ же божественномъ разумѣ, который проявляетъ себя вездѣ мудростью и благомъ, и котораго существу причастенъ человѣкъ.

Сократъ основательно подготовился изученіемъ предшествовавшихъ философовъ, — Гераклита, Парменида, Анаксагора. Самъ онъ не оставилъ по себѣ ни одного сочиненія; будучи живою личностью познанія, онъ, главное, имѣлъ въ виду, не то чтобъ сообщать готовые уже догматы въ видѣ опредѣленныхъ положеній, но — чтобы пробуждать въ ученикахъ свободное стремленіе къ самостоятельному исканію правды, скорѣе приводить ихъ къ размышленію вопросами нежели наставлять систематическими лекціями, и намъ было бы очень трудно выяснить себѣ его идеи, не дай намъ Аристотель мѣрила для распознанія истинно-сократовскихъ стихій въ популярныхъ и довольно иногда пошлыхъ изображеніяхъ Ксенофонта и въ тѣхъ глубокомысленныхъ разговорахъ, въ которыхъ Платонъ развилъ воззрѣнія своего учителя уже далѣе. Въ виду бездны людскихъ предразсудковъ и непровѣренныхъ мнѣній съ одной стороны, а съ другой — въ виду софистическаго утвержденія, будто мѣрою всѣхъ вещей только субъективныя ощущенія и представленія отдѣльныхъ личностей, Сократъ искалъ и успѣлъ найдти полносильное для всѣхъ, объективное знаніе въ общемъ всѣмъ людямъ разумѣ и въ понятіяхъ которыя онъ образуетъ, когда, исходя отъ частнаго и отъ измѣнчивыхъ явленій, постигаетъ въ нихъ единое и неизмѣнное, познаетъ тѣмъ самымъ дѣйствительность и опредѣляетъ ея понятіе, ея смыслъ. Сократъ положилъ начало научному образованію понятій посредствомъ наведенія и опредѣленья; на этомъ вѣдь основано все знаніе, и истина заключается здѣсь въ томъ, что разумное понятіе нераздѣльно отъ самаго существа вещи, что послѣднее, напротивъ, именно и постигается въ этомъ понятіи. Сколько бы ни рознились, сколько бы ни видоизмѣнялись предметы, Сократъ дошелъ до научнаго сознанія той истины, что въ основѣ ихъ лежатъ постоянные законы и всеобщія формы, всилу которыхъ многія единицы рода всѣ совокупляются въ одно, такъ что въ нихъ можно видѣть только частные примѣры (экземпляры) родоваго понятія, которое всегда остается себѣ равнымъ при всемъ разнообразіи, при всей измѣнчивости вещей. Добыть мыслію эти всеобщія идеи изъ бездны чувственныхъ впечатлѣній и опредѣлить ими сущность всякаго явленія оказалось дѣломъ духа, дѣломъ человѣческаго ума. Божественный разумъ вполнѣ обладаетъ вѣдѣніемъ, для насъ же это предстаетъ задачею, и въ виду ея безконечности Сократъ на-

чалъ скромной исповѣдью: я знаю что ничего не знаю; но къ этому присоединялось у него неустанное стремленье достигнуть знанія. Онъ открылъ начало, онъ отыскалъ путь и вмѣстѣ тотъ новый міръ, которымъ сперва овладѣли Платонъ и Аристотель, а за тѣмъ всѣ свободные изслѣдователи философіи явились только уже продолжателями Сократа. Ему всего ближе къ сердцу были самопознаніе и нравственность. И нравственное было для него разумно, сама добродѣтель была знаніемъ. Будучи весь цѣльнымъ человѣкомъ, весь преисполненъ силой вѣдѣнья, считалъ онъ просто невозможнымъ чтобы кто-нибудь поступалъ вопреки совѣсти, считалъ необходимымъ чтобы сознаніе правды одолѣвало всѣ сопротивныя пожеланія, и великою заслугой его было то, что сущность нравственности онъ призналъ въ разумномъ самообладаніи, въ самосознательномъ образѣ чувствъ и мыслей, потому что истинно добръ только тотъ, кто добро творитъ съ сознаніемъ долга, а не тотъ кто хорошо поступитъ безсознательно. Такимъ образомъ добродѣтель подлинно выходитъ знаніемъ; но дѣло въ томъ что Сократъ слишкомъ мало принималъ въ расчетъ тѣ побуды и наклонности, тѣ направленія воли и сердца, которыя сложились еще до развитія свободнаго самосознанія, и поэтому незамѣтно для себя дошелъ до односторонняго преувеличенія своего начала, полагая что лучше даже и зло дѣлать завѣдомо нежели безъ яснаго сознанья, тогда какъ самъ онъ съ свойственнымъ ему благородствомъ души лучше хотѣлъ терпѣть несправедливость нежели причинять ее, хотѣлъ не только дѣлать добро друзьямъ, но и съ врагами поступать такъ, чтобы они становились друзьями. Невѣжество почиталъ онъ причиной всѣхъ ошибокъ, и ни кто, по его мнѣнію, не дѣлаетъ зла сознательно, такъ-какъ вѣдь оно зло и для самого его виновника. Онъ думалъ что никто не можетъ быть благочестивымъ, патріотомъ и мужественнымъ на дѣлѣ, если не знаетъ что такое благочестіе, любовь къ родинѣ, мужество, и что поэтому долгъ всякаго человѣка мысленно познавать эти понятія; вести къ тому считалъ онъ своимъ призваньемъ.—Тутъ явно обнаруживается перецѣнка мысли, понятія. Умъ, впервые постигнувъ существо мысли, ея формы и законы, думалъ прямо овладѣть въ нихъ всякою реальностью, снискать силу надо всѣмъ дѣйствительнымъ; сама природа вещей, вся своеобразность воли и нравственной дѣятельности были подчинены чисто-логическому элементу, какъ будто бы онъ и вправду охватываетъ собою все.

Самознательно-нравственный образъ мыслей, разумность есть всякая добродѣтель вообще; различныя добродѣтели только частныя формы ея дѣятельности въ разныхъ отношеніяхъ,—учитъ Сократъ далѣе; она основа человѣческаго счастія: въ познаніи и совершеніи добра душа находитъ свое блаженство. Поэтому чувственное удовольствіе и своекорыстіе не имѣютъ для него волеопредѣлительнаго значенія, значенія настоящихъ побудительныхъ причинъ, хотя онъ повидимому и непрочь бы начать съ доказательства, что добро въ то же самое время пріятно и полезно. Всѣ существа желаютъ чтобъ имъ было хорошо,—это можетъ и должна признать даже и идеальная философія; только она не поставитъ счастія въ преходящемъ, внѣшнемъ, кажущемся, а заодно съ Сократомъ найдетъ его въ нравственной самоудовлетворенности, въ нравственно-самосознательномъ совершенствѣ жизни, въ любви.

Въ самопознаніи, говоритъ за тѣмъ Сократъ, душа подмѣчаетъ нѣчто божественное и въ самой себѣ. Мы познаемъ божественный (творческій) разумъ въ порядкѣ міра, въ цѣлесообразномъ строѣ органическихъ существъ, въ высшемъ промышленіи о насъ самихъ; мы возносимся къ нему добродѣтелью и мудростью. Такимъ образомъ знаніе и добро связываетъ онъ съ религіей, и навести людей на путь разума почитаетъ своей божественною миссіей, призваніемъ своей жизни, которому онъ отдался съ религіознымъ рвеньемъ. Изреченіе дельфійскаго оракула, провозгласившее Сократа мудрѣйшимъ, побудило его, послѣ тяжкой духовной борьбы, испытать свою мудрость на мудрости другихъ людей, и такъ-какъ, въ счастливѣйшемъ даже случаѣ, онъ вездѣ встрѣчалъ безсознательный образъ дѣйствій, инстинктивный только угадъ справедливаго, по большой же части одни предразсудки, слѣпой пріемъ мнѣній на вѣру и пустое чванство знаніемъ, то рѣшился наконецъ вступить въ среду народа, съ тѣмъ чтобы всѣхъ и гдѣ бы то ни было наводить на самоизслѣдованіе, возбуждать стремленіе къ разумному познанью. Такъ сдѣлался онъ неутомимымъ образователемъ своихъ современниковъ, который путемъ самопознанія и самовразумленія велъ къ добродѣтели, воздерживая словомъ и примѣромъ отъ гоньбы за наживой и наслажденіемъ, и обращая къ самообладанію и нравственной житейской мудрости. Обаяніе личности его было изумительно; ни кто не равнялся съ нимъ въ геніальности рѣчи, въ умѣньи расшевелить чужой умъ вопросами. Его исповѣдь въ незнаніи основывалась на томъ убѣжденьи, что философская истина не есть что-либо готовое, не догматъ пригодный для передачи другимъ со стороны, но что ее можно породить только свободною самодѣятельностью собственнаго духа. Съ этимъ убѣжденіемъ подступалъ онъ къ людямъ, какъ будто для того чтобы чему-нибудь отъ нихъ научиться, и иронія его заключалась именно въ кажущемся согласіи его съ ихъ мнѣніемъ, какъ будто бы оно было справедливо; но вскорѣ спросами и переспросами, примѣрами и возраженьями онъ доказывалъ всю его неудовлетворительность и скудость, такъ чтобы довесть и другого до чувства его незнанія, до убѣжденія въ необходимости переизслѣдовать истину. Когда онъ разгонялъ такимъ образомъ фантастическій туманъ и приводилъ духъ въ безпокойство и напряженіе, то это сравнивали съ прикосновеніемъ электрическаго угря; какъ отъ потрясающаго удара, изъ среды болѣе или менѣе тяжкихъ сомнѣній въ слушателѣ пробуждалось вдругъ стремленіе къ свѣту и истинѣ, и вотъ это-то состояніе души Сократъ называлъ духовной беременностью. Мало того что, родившись сыномъ ваятеля, камнедѣла, онъ явился искуснымъ обдѣльщикомъ умовъ и душъ; онъ самъ про себя говорилъ, что отъ матери своей, повивальной бабки, занялся искусствомъ помогать духу при разрѣшеніи его отъ бремени мыслію и тутъ же немедленно изслѣдовать, живущъ ли новорожденный плодъ. Въ бесѣдахъ своихъ онъ наводилъ учениковъ на разысканіе истины общими всегда силами.

Такъ, при оригинальности своего ума и при необыкновенной силѣ характера, Сократъ дѣйствовалъ какъ не удавалось это ни кому другому; бѣдный, но ни въ чемъ не нуждаясь, оставался онъ вѣренъ этому призванію и въ то же время не уклонялся отъ своихъ гражданскихъ обязанностей: три раза воиномъ въ полѣ и одинъ разъ старшиной въ совѣтѣ доказалъ онъ на дѣлѣ свое хладнокровное мужество, свое присутствіе духа, — тамъ, выручая изъ

опасности друзей,—здѣсь, твердо противуставъ буйной толпѣ, которая послѣ битвы при Аргинузахъ хотѣла беззаконно осудить военачальниковъ. Веселый съ веселыми, умѣлъ онъ не измѣнять себѣ и среди полнаго разгула, умѣлъ кстати молвить мудрое слово и за чаркою вина. Какъ онъ училъ другихъ углубляться въ ихъ собственную субъективность, такъ точно иногда и самъ, увлекшись какою-нибудь интересною идеей, стоялъ онъ по цѣлымъ часамъ, даже чуть не цѣлые дни или ночи, погруженный въ самого себя и позабывъ весь остальной міръ. Строго различая внутреннее отъ внѣшняго, онъ не могъ уже остаться при самородной гармоніи чисто-эллинскаго изящества: спокойствіе духа пришлось ему отвоевывать у страстей, даже безобразныя черты лица ему пришлось одолѣть и просвѣтлить благороднымъ выраженіемъ. Вотъ почему въ Платоновомъ «Пиру» Алкивіадъ приравниваетъ его къ Силеновской гермѣ, гдѣ подъ неуклюжей оболочкою таится дивный божественный ликъ. Этому же уподобляетъ онъ и его рѣчи: онѣ начинали съ частностей чтобы дойдти до общаго, чтобы открыть высшую истину, глубокій смыслъ въ чемъ-нибудь самомъ даже обыкновенномъ, въ первомъ что̀ попалось на глаза; въ нихъ какъ будто говорилось о кузницахъ, о вьючныхъ ослахъ, объ овощахъ и тому подобномъ, а между тѣмъ внимательному слушателю разрѣшали онѣ загадки жизни человѣческой и открывали единовластный во всемъ божественный разумъ. Вмѣсто естественныхъ оракуловъ, онъ прислушивался къ божью голосу въ своей собственной груди. Вѣдь только о чемъ-то демонскомъ, идущемъ свыше, о божественномъ знаменіи или внутреннемъ голосѣ говоритъ достовѣрно-подлинное преданіе у Платона и Ксенофонта; а городскіе толки и позднѣйшія росказни сдѣлали изъ этого, какъ обыкновенно, генія, демона или кобольда, съ прибавкою къ тому разныхъ чудесныхъ исторій. Голосъ этотъ не совѣсть, самосознательно опредѣляющая истинное и доброе; онъ высказывается объ исходѣ какого-нибудь преднамѣренія, относится стало-быть къ тому, что не можетъ-быть раскрыто умомъ, а познаваемо только опытомъ; онъ слышится лишь въ видѣ предостереженія, такъ что Сократъ, напримѣръ, увѣренъ въ одобреніи голоса, если тотъ ничего ему не говоритъ. Кто внимательно слѣдитъ судьбу свою, тотъ, подобно Фихте и Юнгъ-Штиллингу, легко можетъ усмотрѣть въ ней руководящій перстъ Провидѣнія. И Сократъ, какъ всѣ вообще Греки, вѣрилъ въ непосредственныя заявленія воли божіей относительно человѣческихъ предпріятій; только мѣсто внѣшнихъ знаменій оракула заступило для него знаменіе внутреннее, невольное предчувствіе въ глубинѣ души. Это, какъ объясняетъ К. Ф. Германнъ, было высшею ступенью того индивидуальнаго такта, который для вѣрнаго и прилежнаго наблюдателя мірскихъ дѣлъ и людской жизни становится наконецъ какъ бы невольно побудительной причиною поступковъ; гораздо глубже взялъ это Бунзенъ: онъ припоминаетъ здѣсь еврейскихъ пророковъ и ихъ прозрѣніе силой духа Божія, о чемъ я говорилъ въ 1-й части, стран. 244 — 245, и при этомъ замѣтилъ, что чѣмъ самостоятельнѣй и вмѣстѣ богопреданнѣе сложится извѣстная личность, тѣмъ легче дается ей внутреннее ощущеніе того, что̀ полезно или вредно для жизненной ея цѣли; чувство это, какъ нравственный побудъ, играетъ въ духовномъ человѣкѣ ту же самую роль, какую животный инстинктъ въ тѣлесномъ организмѣ: оно остерегаетъ отъ вреднаго, оно воздерживаетъ отъ того, что хотя

само по себѣ и не предосудительно, однако же неблагопріятно для высшаго развитія души. Мы не должны при этомъ забывать, что живемъ, движемся и существуемъ только въ Богѣ, что, какъ внутренно намъ присный, онъ можетъ открывать въ насъ мощь свою, а мы—его орудія, его органы, и что все великое, всякое дѣло высшаго вдохновенія, творится лишь силами божеской и человѣческой дѣятельности совокупно.

Скажемъ вмѣстѣ съ Гегелемъ: «Сократъ предстаетъ намъ одною изъ «тѣхъ великихъ, вполнѣ цѣльныхъ пластическихъ натуръ, какъ какое-нибудь «законченное произведеніе античнаго искусства, которое само себя возвело «до этой высоты. Кореннымъ началомъ своей философіи достигъ онъ такого «вліянія, которое всесильно еще и теперь въ отношеніи къ религіи, наукѣ и «праву, - тѣмъ именно началомъ, что геній внутренняго убѣжденія должно «считать первою основой всѣхъ дѣлъ и мыслей человѣка.» И для завершенія его жизни Сократу былъ судженъ такой удѣлъ, который далъ ему возможность запечатлѣть ученіе свое жертвенною смертью, доказать современникамъ и потомкамъ ту неустрашимую мощь идеи, какою онъ былъ всегда одушевленъ.

Сократъ самъ говоритъ, что нажилъ себѣ кучу непримиримыхъ враговъ въ тѣхъ личностяхъ, которыхъ подвергалъ своему изслѣдованью и безпощадному иногда обличенью. Вызывая на сомнѣніе въ старозавѣтныхъ взглядахъ, требуя чтобы каждый доходилъ до истины своимъ собственнымъ умомъ, ставя разумъ судьею надъ тѣмъ что̀ благо и справедливо, и признавъ духовную свободу, субъективность средоточіемъ науки и жизненной дѣятельности, онъ не одному конечно Аристофану казался стоящимъ на одинаковой почвѣ съ софистами, а, главное,—первоначальникомъ того новаго образа мыслей, который на мѣсто общенародной вѣры ставилъ пустоту вольнодумнаго просвѣщенія, на мѣсто патріотизма — себялюбіе и страсть къ наслажденьямъ, прикрашивая все это мастерскою ловкостью въ рѣчахъ. Но сколь ни несправедливо подобное сужденіе, надо сказать правду что и настоящій Сократъ былъ представителемъ уже не прежняго греческаго начала: авторитету государства пришлось теперь вѣдаться не съ правообычаемъ, не съ непосредственной дѣятельностью въ рамкѣ туземныхъ порядковъ, не съ безотчетною покорностью законамъ, а съ приговорами внутренняго самосознанія, съ собственнымъ убѣжденіемъ каждаго лица, съ самоопредѣленіями духа всилу его вѣдѣнія. Не удивительно и то, что все существующее еще на законномъ основаніи силится отстоять свое право; и люди, опытные въ политической борьбѣ современности, Англичанинъ Гротъ, Французъ Кузе́нъ, дивятся скорѣй тому, что Сократъ былъ такъ поздно привлеченъ къ отвѣту и что столь незначительнымъ было осудившее его большинство. Вѣдь только Перикловскія Аѳины обладали въ древности уваженіемъ къ личному элементу во всемъ его своеобразіи: демократическій либерализмъ служилъ лѣтъ около тридцати хранительнымъ щитомъ и для Сократа; въ другомъ мѣстѣ его скорѣе бы заставили молчать, а потомъ развѣ ужь только въ 18-мъ столѣтіи онъ могъ бы оставаться на свободѣ. То, напримѣръ, что въ Аѳинахъ должностныя лица выбирались изъ среды соискателей по жребію, благо это овозможивалось общимъ образованіемъ, при чемъ конечно имѣлось въ виду избѣжать вла-

дичества партій, — мѣру эту Сократъ находилъ столь же странною, какъ еслибъ вздумали избирать по жребію, а не по искусству и знанію, врачей, штурмановъ, ремесленниковъ. Когда, по изгнаніи 30-ти тирановъ, въ Аѳинахъ учредилась опять демократическая конституція, тогда именно люди, которые ея домогались въ надеждѣ прочно возстановить прежній бытъ съ его нравами и величіемъ, признали Сократа опаснымъ до того, что рѣшились обвинить его въ проповѣдованіи какихъ-то новыхъ божествъ и въ развращеніи юношества, что заслуживаетъ смертной казни. Хотя Сократъ и принималъ участіе въ старозавѣтныхъ богослужебныхъ обрядахъ, однако же и самъ не могъ отрицать того, что почиталъ боговъ за разныя лишь имена Единаго и что голосъ этого верховнаго божества въ глубинѣ души его сдѣлался для него настоящимъ оракуломъ. Не было также недостатка въ примѣрахъ, что черезъ него молодые люди приходили къ сомнѣнію, путались въ понятіяхъ и сбивались съ настоящаго пути: свобода вѣдь всегда полна опасностей; да ктому же его особенно укоряли тѣмъ, что безсовѣстнѣйшій и даровитѣйшій изъ всѣхъ тирановъ, Критій, былъ прежде его ученикомъ. Изъ защитительной рѣчи Сократа, какъ намъ передалъ ее Платонъ, вполнѣ очевидно, что почти семидесятилѣтній старецъ (Сократъ родился въ 469, а умеръ въ 399 г. до Р. Х.) идетъ навстрѣчу смерти бодро и мужественно; вѣрный себѣ и великому своему дѣлу, онъ глубоко убѣжденъ, что умирая сослужитъ ему лучшую службу, нежели своей дѣятельностью во весь остальной, по необходимости уже недолгій періодъ существованія. Онъ отказывается отъ рѣчи, написанной въ защиту ему Лисіемъ, и съ благородной откровенностью излагаетъ передъ шестью стами безъ малаго присяжныхъ судей весь характеръ своей дѣятельности: какъ всилу высшаго призванія онъ возбуждалъ людей къ самоизслѣдованію, къ мысли, къ разумнымъ поступкамъ, какъ исполненіе этого призванія стало однимъ изъ величайшихъ благъ для Аѳинъ, и какъ онъ не отступится отъ своей задачи, твердо рѣшась болѣе повиноваться волѣ Божіей нежели чьему бы то ни было человѣческому благоусмотрѣнію. Ни одной жалобы, ни одной просьбы къ судьямъ — какъ водилось обыкновенно—не вышло изъ благородныхъ его устъ: онъ говоритъ, напротивъ, что его обязанность научить и убѣдить ихъ самихъ. И не смотря на то приговоръ надъ нимъ произнесенъ только большинствомъ пяти или шести голосовъ, не болѣе. Обвинители предложили смертную казнь, но аѳинскій законъ дозволялъ самому осужденному указать другую карательную мѣру, а судъ потомъ рѣшалъ, которую изъ нихъ принять. Сократово противупредложеніе заключалось въ томъ, чтобы въ награду за его дѣятельность ему назначено было казенное содержаніе въ Пританеѣ, такъ какъ онъ заслужилъ этого въ качествѣ благодѣтеля обществу. Когда онъ такимъ образомъ объявилъ себя достойнымъ высшей почести, это разумѣется должно было показаться насмѣшкою его судьямъ, которымъ онъ съ самаго начала противусталъ съ гордымъ самочувствіемъ и которые только-что произнесли надъ нимъ обвинительный приговоръ; они осудили его на смерть, а не на легкую денежную пеню, которую по просьбѣ и за поручительствомъ нѣсколькихъ друзей Сократъ готовъ бы былъ взнести. Но въ самомъ дѣлѣ, накажи онъ себя ссылкой или заключеніемъ, онъ подвергъ бы вѣдь убѣжденіе и совѣсть чуждому авторитету, онъ слѣдовательно измѣнилъ бы самому себѣ. Онъ не разъ настаивалъ на томъ, что весь

образъ его дѣйствій оправдывался внутреннимъ его голосомъ; и этотъ голосъ не обманулъ его. Онъ высказалъ судьямъ на прощанье, что для добраго нѣтъ бѣдствія ни въ жизни, ни въ смерти, и что боги никогда не оставятъ того дѣла, за которое онъ взялся. Величаво и достославно кончилъ онъ свое земное странствіе, лучезарный какъ солнце на закатѣ. Само собою разумѣется, что онъ долженъ былъ отвергнуть предлагаемый побѣгъ. Бодро выпилъ онъ поданную ему отраву, утѣшивъ напередъ своихъ близкихъ и побесѣдовавъ съ ними о безсмертіи души. Въ предсмертномъ забытьи послышался ему стихъ Гомера объ Ахилловомъ возвращеніи, что онъ достигнетъ Фоіи въ третій день, и, испуская послѣднее дыханіе, онъ сказалъ еще своимъ близкимъ, что они должны принесть пѣтуха Асклепію въ благодарственную жертву за его выздоровленье. Такимъ образомъ смерть была для него возвратомъ на родину, просвѣтленіемъ земного его существа. Виновный передъ судомъ народа, но признанный святымъ передъ всемірнымъ судомъ исторіи, онъ сталъ однимъ изъ полюсовъ ея кругооборота; своимъ ученіемъ и своей мученической смертью явился онъ въ Греціи какъ бы философскимъ предтечею и пророкомъ того, кто четыреста лѣтъ спустя былъ признанъ и оказалъ себя въ Іудеѣ истиннымъ Мессіею.

Разумное познаніе, добро и благополучіе были для Сократа одно и тоже; тогда какъ философскіе ученики его односторонне выдвигали впередъ то либо другое понятіе. Такъ Мегарики, во главѣ которыхъ стоялъ Эвклидъ, особенно воздѣлывали діалектику, какъ полемическое, хитро уловляющее искусство, и припоминая себѣ единое вѣчное бытіе Элеатовъ, называли его Сократовскимъ добромъ, а все прочее почитали за тѣмъ ничтожнымъ. Напротивъ того Киники, прозванные такъ потому, что учили въ Киносаргѣ, борьбищѣ посвященномъ Ираклу, а съ другой стороны слывшіе «собачливыми»*) также и за грубость своихъ пріемовъ,—держались преимущественно за силу характера въ своемъ наставникѣ, за его умѣнье обходить излишнія потребности, и думали что для добродѣтели не нужно много словъ, а надобно одно только дѣло; свобода состояла у нихъ въ томъ, чтобы пренебрегать всей внѣшней обстановкою и снискивать такимъ образомъ внутреннюю независимость и самодовольство, какъ дѣлали напримѣръ Антисоенъ и Діогенъ. Аристиппъ Киренянинъ и его послѣдователи ставили себѣ цѣлью благоденствіе и находили его въ мудромъ наслажденіи жизнью, въ ясности души, для чего познаніе служило имъ лучшимъ средствомъ; они также хотѣли не подчиняться вещамъ, а наоборотъ себѣ подчинить вещи, но только не удаленіемъ отъ міра, не отдачею себя въ жертву добровольной бѣдности съ тѣмъ чтобы переносить ее потомъ, беззаботно и остроумно отшучиваясь; они, напротивъ, старались овладѣть всѣми обстоятельствами, всѣми внѣшними благами для того, чтобы привольно услаждаться ими. Но одному изъ учениковъ Сократа суждено было усвоить себѣ всецѣло духъ наставника и, на основаніи его нравственнаго взгляда на жизнь, путемъ взаимнаго сопроникновенія и дальнѣйшаго развитія іонійской философіи природы и той философіи духа, которая развернулась у Дорянъ въ Великой Греціи, такъ же точно привести чисто-эллинскую фило-

---

*) Кинос по-гречески собака.

софію къ высшему, завершающему единству, какъ іонійскій эпосъ и дорійская лирика прекрасно сочетались въ аттической драмѣ. Ученикъ этотъ былъ Платонъ.

Онъ вмѣстѣ мыслитель и художникъ, и этотъ именно эстетическій пошибъ его произведеній составляетъ ихъ своеобразно-эллинскій характеръ. Отъ поэзіи пришелъ онъ къ философіи, и съ тѣхъ поръ она и сдѣлалась для него высшимъ искусствомъ музъ. Но онъ не только собралъ въ одинъ фокусъ различные лучи греческаго умственнаго образованія, но въ душѣ его отозвалось все глубочайшее и лучшее, что̀ перешло сюда съ Востока, особенно въ религіозномъ отношеніи, и укромно пріютилось въ мистеріяхъ; этимъ міросозерцаніе его очень знаменательно упредило христіанское, такъ что уже и сами Отцы Церкви признавали родственную эту связь и употребили ее съ пользою для воздѣлки христіанской науки. Вѣяніе платоновскаго духа ощутительно намъ у великихъ мыслителей, поэтовъ и художниковъ вплоть до новой даже эпохи, а потому и наша собственная цѣль требуетъ ближайшаго его разсмотрѣнія.

Философія прежде всего представляется Платону любовнымъ воспареніемъ души къ идеалу, влеченіемъ ея къ вѣчному и единому, котораго присутствіемъ скрашивается любая частность; всѣ пріятныя, нравящіяся явленія наводятъ нашъ духъ на то единое, которое лежитъ въ основѣ ихъ многоразличія, на тотъ первообразъ, котораго они слѣпки, отпечатки, то-есть на божественное; при взглядѣ на земную красоту душа чувствуетъ какъ пробиваются и ростутъ у ней крылья, возносящія ее къ небесной родинѣ. Любовь, жажда добра и благополучія, — вотъ вседвижущій по̀будъ безсмертной жизни; красота будитъ и удовлетворяетъ вѣчное влеченье человѣческой души къ божественному. Для чувственнаго человѣка уже одинъ взглядъ на тѣлесную красоту, уже одно сближеніе съ ней составляетъ высшее наслажденіе; въ своихъ дѣтяхъ находитъ онъ продолженіе собственнаго бытія, земное безсмертіе. Человѣкъ духовный не нарадуется прекрасной душѣ изъ-за того, чтобы въ ней и вмѣстѣ съ нею породить высокіе помыслы, благородныя чувства, великіе подвиги, и вознестись надъ всѣмъ преходящимъ; а философъ — настоящій любовникъ, который весь живетъ въ созерцаніи истины и добра и стремится сообщить и другимъ душамъ эту вѣчную свою долю, старается расплодить въ нихъ духовное свое существо и возвести ихъ съ собой къ божественному. Ко вдохновенію любви потому именно и присоединяется діалектика, что истина дается намъ только въ общей бесѣдѣ, что усмотрѣнное вдохновеніемъ развивается и доказывается въ своей справедливости силой яснаго разсудка, опровергающаго все одностороннее и ложное, что наконецъ необходимо постигнуть въ совокупной полнотѣ то понятіе, которое тянется по всему разнообразію частностей. Опираясь на эту внутреннюю основу, письменное изложеніе Платона является противнемъ Сократовскихъ бесѣдъ; это разговоръ, имѣющій въ виду породить знаніе при содѣйствіи самого читателя. И какъ Сократъ училъ, что истинное есть вмѣстѣ и доброе, такъ точно и для Платона идея добра есть цѣль всякой науки, всякаго вѣдѣнія, — цѣль, достижимая для насъ въ томъ только случаѣ, если мы добры сами. Человѣкъ весь долженъ стремиться къ идеальному; философія возноситъ его надъ моремъ чувственныхъ впечатлѣній, сметаетъ съ души земную пыль

и освобождаетъ ее изъ путъ и мрака матеріи; она заставляетъ ее умереть для всего внѣшняго, съ тѣмъ чтобы оживить внутреннее ея существо, заставляетъ ее убить смерть и тѣмъ проложить себѣ путь къ богоподобію. Философія есть вознесеніе наше на небо, къ истинному свѣту вѣчно-сущаго. Она величайшее изъ благъ ниспосланныхъ человѣку Богомъ. На этомъ любовномъ полетѣ вдохновенія, соединенномъ съ тонкою діалектикой и съ нравственнымъ очищеніемъ души, основана высокая, освящающая сила Платонова генія.

Художественная форма и постройка его «Разговоровъ» совершенно драматична. Въ нихъ вводитъ самымъ непринужденнымъ образомъ вступленіе, и часто обрисовывается здѣсь какое-нибудь интересное положеніе, которое тотчасъ же и настроиваетъ къ нимъ душу. Непосредственно изъ жизненной почвы запрядается нить вдумчиваго размышленія, и при этомъ у Платона оказывается настолько творческой силы, что онъ поэтически и вѣрно выводитъ передъ нами живые характеры какого нибурь Сократа, Парменида, Горгія, Алкивіада и Аристофана: съ свѣтлою ироніей, даже можно-сказать съ юморомъ, паритъ онъ надъ всѣми личными противоположностями и рисуетъ ихъ съ этой столько же участливой, сколько и безпристрастной высоты. Языкъ послушенъ у него здѣсь самымъ тонкимъ оборотамъ мыслей и даетъ чувствовать всѣ ихъ соотношенія бездною опредѣлительныхъ частицъ, которыя сопровождаютъ чуть не на каждомъ шагу полносмысленное расчлененье рѣчи. Какъ у Пиндара, часто запрядается у него по нѣскольку нитей вдругъ, преслѣдуется нѣсколько повидимому отдаленныхъ рядовъ мыслей, но подконецъ всѣ они сходятся; какъ у Пиндара, выступаютъ у него на сцену и миѳы, но отнюдь не доисторическія сказанія, а поэтическія картины измышляемыя Платономъ или для символической онаглядки того, чего нельзя доказать въ качествѣ необходимо-разумнаго положенія, но что дóлжно допустить въ видѣ вѣроятной догадки, каковы напримѣръ процессъ мірообразованія, картина загробной жизни, или же наконецъ для того, чтобы предварительно высказать въ поэтическомъ образѣ такія чаянія молодого сердца, которыя созрѣвшій умъ обоснуетъ впослѣдствіи діалектически. Какъ двоякость дѣйствія у Шекспира въ Королѣ Лирѣ и въ Венеціанскомъ Купцѣ, такъ точно и у Платона встрѣчается иногда сама по себѣ независимо вторая, какъ бы добавочная или приставная часть, но въ дѣйствительности и она поддерживается и связывается съ первою все одною и тою же основной мыслью. Такъ напримѣръ картина Сократовой смерти не только служитъ самой подходящей рамою для развиваемой имъ надежды безсмертія, но въ то же время и показываетъ на самомъ дѣлѣ превосходство и одушевительную силу воззрѣній умирающаго философа. Такъ рѣчи о любви въ такъ-называемомъ «Пиру» или Симпосіонѣ Платона напередъ развертываютъ богатый запасъ созерцаній, найденныхъ авторомъ у прежнихъ поэтовъ и мыслителей, а рѣчь Сократа является за тѣмъ далѣе развивающимъ ихъ завершеніемъ, которое принадлежитъ уже собственно ему; похвала же Сократу, въ которую пускается потомъ Алкивіадъ, даетъ конкретный выводъ окончательно-общаго соображенія, превознося, одушевленнаго идеальною любовью, мудреца. «Федръ» построенъ въ видѣ великолѣпныхъ входныхъ воротъ къ слѣдующимъ Платоновскимъ произведеніямъ, съ ясной цѣлью выставить вдохновеніе любви и діалектику въ качествѣ двухъ

сопринадлежныхъ элементовъ всей его философіи. Послѣдняя еще не готова, она только еще слагается, и оттого сравнительно-юношескіе разговоры, каковы, на ряду съ вышеназванными, преимущественно Протагоръ, Горгій, Θеэтетъ, Парменидъ, Софистъ и Филебъ,—всѣ болѣе изслѣдовательнаго, правдоискательнаго характера, и не только носятъ на себѣ самый явный отпечатокъ поэтическаго искусства, но и обнаруживаютъ въ то же время, что діалектика Платона особенно сильна мастерскимъ умѣніемъ выводить полную истину изъ одностороннихъ и недостаточныхъ прежнихъ домысловъ, которые ею опровергаются и при этомъ развиваются дальше; и если послѣднее заключительное слово онъ предоставляетъ иногда имъ же возбужденной и руководимой догадкѣ самого читателя, то все-таки невысказанная идея стоитъ у него отодвинутая лишь на задній планъ, и всѣ лучи соображенія направлены къ ней одной, какъ къ необходимому рѣшителю всѣхъ трудностей и сомнѣній. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ Платонъ даетъ уже вполнѣ готовые выводы; разговорность выходитъ здѣсь скорѣе только внѣшнею уже формою и уступаетъ мѣсто связновыдержанной рѣчи; такъ особенно замѣтно это въ «Тимеѣ», излагающемъ природу съ ея порядками, въ «Республикѣ» и въ «Законахъ», гдѣ нравственныя нормы человѣчества представлены въ частностяхъ и въ цѣломъ.

И Платонъ, подобно Гераклиту, видѣлъ безпрерывное возникновеніе, быстросмѣнный потокъ вещей, но онъ ограничивалъ это одной природою, чувственнымъ и индивидуальнымъ элементомъ, о которыхъ ощущеніе и внутренняя подмѣта даютъ намъ также всегда измѣнчивое лишь свѣдѣніе; но вмѣстѣ съ Сократомъ онъ путемъ поисковъ дошелъ до всеобщаго и неизмѣннаго, до того, что́ стало-быть истинно-суще въ понятіяхъ, объемлющихъ всѣ многоразличныя и измѣнчивыя черты явленій и добываемыхъ нашимъ мыслящимъ разумомъ изъ нескончаемой бездны созерцаній. Львовъ, напримѣръ, множество; они родятся и умираютъ, ростутъ и старѣются, но львиный характеръ вообще, родовое ихъ понятіе постоянно и непреходяще; всѣ они причастны этому понятію, всѣ отъ него получаютъ опредѣленную свою форму (львиный пошибъ), оно настоящее ихъ существо. Вотъ такія-то общія понятія Платонъ и назвалъ идеями; но это не только что наши мысли, и больше ничего; онѣ сами по себѣ сущи и стало-быть существенны; онѣ мысли божественнаго разума (творческія замышленія) и, въ этомъ своемъ качествѣ,—первообразы и образцы вещей, которыя проявляютъ ихъ въ нескончаемомъ многоразличіи, тогда какъ они сами всегда едины и постоянны среди множественности и измѣнчивости преходящихъ созданій. Верховною идеей, обнимающей опять всѣ прочія, представляется идея добра, которая поэтому и есть единое истинное бытіе, проповѣдуемое Элеатами; но оно станетъ совершенно безсодержательнымъ и пустымъ, если мы захотимъ мысленно отвердить его въ себѣ самомъ мимо всякаго различія и движенья: вѣдь такимъ образомъ не было бы ни познанія, ни познаваемости, и божественное осталось бы безжизненно, бездушно и безразумно. Вотъ отчего Платонъ понимаетъ вѣчноединое, какъ опредѣляющее само себя, и эти-то его опредѣленія считаетъ за идеи; каждое изъ нихъ есть само по себѣ нѣчтое единое, но различное отъ всѣхъ другихъ, которыя въ свою очередь суть не то, что̀ оно. Верховная идея — причина и цѣль всякаго бытія и мышленія; было бы нелѣпо отрицать въ ней знаніе, да притомъ же порядокъ и цѣлесообразность

міра прямо вѣдь указываютъ на то, что все основано и управляется не случайностью, а дивнымъ въ соображеніяхъ своихъ разумомъ. Такимъ образомъ божественный разумъ, какъ идея добра, есть единое истинное бытіе; онъ раскрываетъ себя во множествѣ идей, и Богъ творитъ и видообразуетъ міръ единственно потому что онъ всесообщительная доброта, что онъ вѣчно созерцаетъ идею добра, которая и есть его собственная сущность.

Платонъ хотя еще и не развилъ въ опредѣленное ученіе, но уже высказалъ въ видѣ необходимаго созерцанья, что истинное бытіе есть въ себѣ самомъ движеніе, жизнь, душа и духъ; онъ еще не развернулъ діалектически идею добра въ систему идеальнаго міра, но хотѣлъ уже чтобы она была многочленнымъ и единымъ въ себѣ организмомъ; а какъ при этомъ идеальный и нравственный элементъ разумѣлъ онъ вовсе не одною изъ опредѣленностей или не высшимъ даже цвѣтомъ матерьяльнаго, но принималъ его за безусловное, за первоначало всякой реальности, за причину и цѣль самогò естественнаго бытія, то тѣмъ самымъ онъ водворилъ духъ въ его царствѣ, въ его полноправности; и даже вздумай мы послѣ этого приравнять его идеи, какъ первообразы бытія, вѣчнымъ божествамъ Олимпа, мы все-таки должны будемъ оговорить, что онъ самъ уже возставалъ на поэтовъ, которые придали имъ человѣческія страсти и слабости и тѣмъ низвели ихъ на чувственно-земную почву; такъ-какъ вѣдь именно благодаря этому онъ проложилъ путь религіи духа и подготовилъ ее, на сколько могъ. Вмѣстѣ съ І. У. Виртомъ готовы мы видѣть здѣсь доказательство призванія истинной философіи быть религіозно-гадательною силой и вести самую вѣру къ высшей формѣ, къ ново-обновленной жизни на землѣ.

Будучи божественнаго происхожденія, духъ нашъ возвышается надо всѣмъ чувственнымъ и частнымъ, и въ прекрасномъ предметѣ признаетъ саму по себѣ красоту, въ справедливомъ дѣлѣ—саму по себѣ справедливость, въ недѣлимомъ—его родовое понятіе. То, что идеальную истину онъ воспринимаетъ не извнѣ, а развиваетъ изъ своего нутра,—Платонъ, назвалъ это припоминаніемъ; внутреннее возникновеніе того, чтó заложено въ душѣ изначала, представляетъ онъ миоически такъ, что душа, при видѣ воспроизводящаго идею предмета, припоминаетъ себѣ самоё идею, которую созерцала она еще въ первичномъ общеніи своемъ съ Божествомъ. Изъ этого общенія испала она въ чувственный нашъ міръ, и должна опять подняться въ міръ идеальный. Одушевляясь созерцаніемъ этихъ идей, Платонъ видѣлъ въ нихъ совершенство; вещи земного міра представлялись ему только тѣнями, мутящими чистый свѣтъ своихъ первообразовъ, и не смотря на обиліе своей индивидуализаціи (въ вещахъ), идеи не приходятъ у него къ возростающему саморазвитію и самообогащенью. Онѣ лишены дѣятельности и остаются въ иномъ мірѣ, тогда-какъ вѣдь настоящее существо только то, которое на дѣлѣ заявляетъ свою живость, настоящая жизнь только та, которая осуществляетъ собой какую-нибудь идеальную сущность. Противъ такой односторонней преизбыточности идеализма вооружилась Аристотелева полемика: онъ назвалъ пустословіемъ причастность вещей ко всеобщимъ понятіямъ, которыя противопоставлены имъ совсѣмъ готовыми, законченными уже первообразами, и утверждалъ что индивидуальное дѣйствительно, а идея составляетъ внутреннюю сущность всѣхъ дѣйствительныхъ явленій.

Міръ, по словамъ Платона, есть чувственно-ощутимый сколокъ сверхчувственно-идеальнаго первообраза; только послѣдній сущъ подлинно, воистину, явныя же намъ вещи составляютъ нѣчто среднее между бытіемъ и ничтожествомъ: онѣ сущи не сами по себѣ, а только благодаря другому и для другого; то, что въ немъ едино и вѣчно, здѣсь является раздѣльнымъ и возникающимъ лишь для того чтобы прейдти. Я допускаю взглядъ Целлера: одно и то же бытіе созерцается чисто и цѣлостно въ идеѣ, неполно и смутно — въ чувственномъ явленіи; единая идея въ чувственномъ является множественной, явленіе — одинъ лишь оттѣнокъ идеи, только многообразное преломленіе лучей ея въ пустомъ и темномъ по себѣ пространствѣ безпредѣльнаго. Идеѣ не противостоитъ собственно ни какого другого реальнаго начала, но Платонъ не можетъ обойдтись безъ противоположности, которая давала бы подкладку, субстратъ, для оразноображенія идей на самомъ дѣлѣ и была бы причиной преходящаго возникновенія и движенья; онъ называетъ ее «инымъ», говоря что оно не суще, не опредѣленно, только воспріимчиво, что это — материнское лоно и кормилица всякаго возникновенія, нѣчто темное и легкоускользающее въ своей подвижности; это не матерія, не вещество, уже снискавшее себѣ извѣстную форму воспринятіемъ идеи, а только еще бытовозможность матерьяльнаго, — порозненность въ пространствѣ и теченіе во времени, въ отличіе отъ сущаго въ себѣ вѣчнаго бытія. Но Платонъ не выводитъ этого «иного» ни логически изъ идеи, ни предоставляетъ возникновенія его творчеству. Что чистый произволъ всесильной могуты долженъ бы былъ произвесть нѣчто совсѣмъ другое, это отнюдь не давалось греческому воззрѣнію; а начало розни или различія внутри самой идеи могло, пожалуй, быть причиною разнообразія идей, но никакъ ужь не множественности ихъ возникающихъ и преходящихъ явленій. Приписать же явленія одному лишь чувственному ощущенію и смутному представленію души было бы такой идеальной субъективностью, которая всегда оставалась чужда объективному смыслу греко-римской древности; и Платонъ, совсѣмъ наоборотъ, объясняетъ чувственныя представленія души изъ связи ея съ матеріей, чѣмъ она низводится въ земную сферу и позабываетъ вѣчное и всеобщее. Онъ самъ шатокъ въ своихъ мнѣніяхъ о причинѣ матеріи, возникающей и преходящей природы, нашей чувственности вообще; причину эту допускаетъ онъ только для того, чтобы объяснить фактъ возникновенія преходящаго и противолежащей духу естественной необходимости. Когда въ темень этой причины, въ ея мглу, проникнетъ лучезарный свѣтъ идеи, безсущее восходитъ къ бытію и настаетъ все разнообразіе возникающей и измѣнчиво-преходящей жизни, которое и причастно тогда идеямъ; но сами онѣ не получаютъ отъ своего воплощенія ни малѣйшаго прироста, да и душа должна какъ можно скорѣе убѣжать отъ плоти и возвратиться къ своему первоисточнику. Сущность не нуждается въ явленіи; она довлѣетъ сама себѣ: за чѣмъ же тогда явленіе? Платонъ не одолѣлъ дуализма (двуначалія) потому, что не призналъ въ самомъ Богѣ, въ духѣ, природу, то-есть необходимое бытіе, какъ основу свободы и самосознанія, какъ источникъ и матерьялъ творчества. Пространство и время — формы всякой дѣйствительности; идеальное реализуется, усвоивая и отстаивая за собой опредѣленную сферу, одѣйствотворяясь какъ нѣчто постоянное въ послѣдовательной чередѣ жизненныхъ актовъ, развиваясь само

въ себѣ, вырабатывая то, чтó заложено внутри его; оно не является готовымъ исперва, но постепенно себя совершенствуетъ.

Такимъ образомъ, на ряду съ формодатнымъ и существеннымъ бытіемъ идеи, Платонъ предполагаетъ субстратъ возникновенія всего преходящаго, безпредѣльность пространства и движеніе времени, неопредѣленную еще матерьяльность, которая пока ничто, но станетъ чѣмъ-нибудь воспріявъ въ себя идею, и Богъ у него причина тому, что взаимодѣйствіемъ обоихъ возникаетъ міръ преходящаго многоразличія. Благой Богъ, единая мѣра всему сущему, устрояетъ всѣ вещи какъ не льзя лучше своимъ разумомъ; числомъ и мѣрою входятъ порядокъ и опредѣленность въ зыбкое движенье вещества, мысль убѣждаетъ необходимость согласиться съ нею на то, чтобы все стало какъ можно лучше и какъ можно краше и чтобы ходъ природы производилъ именно тѣ облики, какихъ требуетъ внутренняя цѣль. Въ миоической, олицетворяющей понятія картинѣ излагаетъ Платонъ, какъ Богъ сначала образуетъ изъ идеи и матеріи душу міра, начало гармоніи и математическихъ соразмѣрностей, управляющихъ природой; когда подчинится имъ безформная масса, тогда земные элементы выдѣляются, и возникаютъ небесныя сферы; а потомъ уже все это оживляется созданіемъ одушевленныхъ существъ. Преисполненный великолѣніемъ міра, проявляющаго вѣчную мысль Божію, Платонъ говоритъ какъ истый Эллинъ: Послѣ того какъ вселенная пріобрѣла смертныхъ и безсмертныхъ обитателей, она стала чѣмъ-то одушевленнымъ, видимо объемлющимъ все видимое, доступнымъ внѣшнему чувству Богомъ, въ своемъ родѣ единственнымъ, единороднымъ, величайшимъ и лучшимъ, прекраснѣйшимъ и совершеннѣйшимъ, противнемъ умопостигаемаго Божества, никогда не старѣющимъ и не преходящимъ, блаженно довлѣющимъ самому себѣ.

Въ цѣлой чередѣ óбразовъ и миоическихъ разсказовъ Платонъ учитъ о человѣческой душѣ, что она вѣчна по своему качеству, что изъ идеальнаго міра низошла она въ земной, съ тѣмъ чтобы подвергнуться суду по смерти и быть возвеличенной или снова отданной на жертву чувственности, пока она не освободится отъ нея внутренно и не воротится опять на небо. Троесложенъ въ составѣ своемъ человѣкъ: чувственность, сердце или мужество, и духъ – вотъ ступени совмѣщающейся въ немъ жизни; онъ долженъ привести ихъ въ гармонію; разумъ обитаетъ въ головѣ, мужество — въ груди, чувственная похоть — во чревѣ. Но ни удовлетворить своихъ потребностей, ни достичь разумнаго своего назначенія не способенъ человѣкъ самъ по себѣ одинъ; это доступно ему только въ сообществѣ, и человѣчество такъ же какъ и государство — тотъ же человѣкъ, въ бóльшихъ только размѣрахъ. Съ подобною же пластической наглядностью Платонъ говоритъ о народахъ тогдашней исторіи, что одни, какъ напримѣръ торговые и промышленные Финикіяне, предпочтительно заботятся объ удовлетвореніи потребностей и чувственныхъ пожеланій, другіе, какъ напримѣръ сѣверные Ѳракійцы, отличаются и дѣйствуютъ въ особенности мужествомъ, а Эллинамъ принадлежитъ разумное пониманіе; и, въ подобіе тѣлесному организму, расчленяетъ онъ государство на сословія промышленниковъ, мужественныхъ исполнителей и стражей его порядка, и мудрыхъ правителей, вождей и воспитателей народа.

Государство должно быть осуществленіемъ справедливости, гармонически соединяющей въ себѣ три добродѣтели,—мудрость, мужество и умѣренность, которыя опять находятъ своихъ представителей въ отдѣльныхъ сословіяхъ. Мудрые должны властвовать, или властители – быть мудрыми, иначе добра нечего и ждать. Само государство есть художественное созданіе нравственности, и что именно въ искусствахъ неблагопріятно для послѣдней, можно всего лучше распознать по немъ. Все индивидуальное должно служить цѣлому и осуществлять его идею. Платоновское государство представляется, съ одной стороны, послѣдовательно проведеннымъ идеаломъ Эллинства, для котораго человѣкъ весь исчезаетъ въ гражданинѣ: гражданинъ живетъ не для себя, а для общины, и въ благоустройствѣ ея находитъ свое счастіе и свою свободу; даже собственность и воспитаніе всѣмъ общи и публичны, даже бракъ и семья принесены въ жертву государству, и его цѣлями опредѣляются взаимныя отношенія мужчинъ и женщинъ. Съ другой же стороны, благодаря отмѣнѣ частной собственности и введенію опеки цѣлаго надъ всѣмъ единичнымъ, Платонова «Республика» выходитъ первою соціалистическою книгой, первымъ сочиненіемъ, которое рисуетъ полную фантазіи картину такого состоянія людей, гдѣ предполагается отстранить всѣ человѣческія тяготы и нужды и гдѣ общество, путемъ разумѣнія и нравственнаго строя чувствъ и мыслей, должно прійдти къ благоденствію, свободѣ и образованности для каждаго и для всѣхъ. Многія изъ его помысловъ внесены потомъ въ область жизни Христіанской Церковью, предоставившей духовнымъ лицамъ, какъ представителямъ духа, руководить общину. И здѣсь, замыкая собой Эллинство, Платонъ пророчески указывалъ на будущность; духъ его сопровождаетъ насъ въ дальнѣйшемъ ходѣ всемірной исторіи. Цѣль его «Республики» достигнется непремѣнно, но достигнется не въ ущербъ индивидуальной жизни, а именно ея радушной воздѣлкою. Германство ставитъ уже свободную личность отправной точкою и цѣлью государства; Христосъ прямо говоритъ, что законъ существуетъ ради человѣка, а не человѣкъ ради закона. Индивидуальное самоопредѣленіе и свобода, частная собственность какъ органъ личной воли, личная любовь и основанный на ней единый и прочный бракъ съ присущей ему семейностью — вотъ высшіе дары жизни; ихъ не слѣдъ приносить въ жертву величавому складу цѣлаго, только искомому еще общему благу, такъ-какъ вѣдь добро и зло, радость и горе ощутимы исключительно въ душѣ единичныхъ лицъ, изъ которыхъ состоитъ цѣлое. Но для этого предстоитъ учредить такой общій порядокъ вещей и дать силѣ заботливой любви на столько простора, чтобы каждый могъ достичь тѣхъ высшихъ благъ, каждый могъ быть человѣкомъ среди себѣ подобныхъ.

ДРАМА.

А. Ея развитіе и поэтъ вообще.

Когда дикарь, распѣвая слова, сопровождаетъ ихъ пляской и другими движеніями своего размалеваннаго тѣла, то мы видимъ что и на этой чисто-природной ступени быта для выраженія внутренняго чувства искперва совокупно дѣйствуютъ языкъ, пѣвучій тонъ и онагляживающее тѣлодвиженіе, что стало-быть въ общемъ зародышѣ лежатъ здѣсь, только неразвернутыми, зачатки поэзіи, музыки и пластическаго искусства. Первымъ всегда является цѣлое, но еще замкнутое въ себѣ самомъ; органическій дальнѣйшій ходъ есть уже развитіе, то есть самостоятельная развертка единичныхъ членовъ, которые и составятъ потомъ общій опять организмъ. Сопровождаемое музыкой драматическое представленіе знаменуетъ собой заключительный этотъ періодъ, какъ высшую точку и полный расцвѣтъ культуры въ стройномъ согласіи развившихся уже независимо искусствъ. Мало того что для этого надо было, обокъ съ поэзіей, выработаться напередъ музыкѣ и пластикѣ; но и въ самой поэзіи, которая здѣсь преобладаетъ, необходимо было изъ первоначальнаго единства выдѣлиться эпосу и лирикѣ; надо было прежде съумѣть передать событіе, съумѣть высказать внутреннее настроенье, чтобы въ драмѣ сочетать потомъ одно съ другимъ. Драма представляетъ вѣдь событія такъ, какъ выходятъ они изъ задушевной глубины характеровъ,— сердечныя движенья такъ, какъ именно они возбуждаютъ къ дѣлу и какъ притомъ обусловливаются всемірно-исторической обстановкой. Если эпосъ сопоставляетъ характеры и событія бокъ-обокъ или другъ за другомъ вслѣдъ, какъ сопоставлены они на рельефѣ какого-нибудь фриза, то въ драмѣ они стоятъ уже во взаимномъ соотношеніи, подобно фигурамъ группы статуй на замкнутомъ фронтонномъ щитѣ; одно обусловлено здѣсь другимъ, и каждое въ свою очередь развивается изъ другого; одна цѣль управляетъ всѣмъ цѣлымъ, части связаны между собой какъ причины и слѣдствія, воля переходитъ въ дѣло и тѣмъ уготовляетъ себѣ судьбу свою; узлы и развязки стоятъ также въ непрерывной связи, и все художественное созданіе предстаетъ округленнымъ въ себѣ организмомъ. Бесѣда самопредставительныхъ, присутствующихъ на сценѣ личностей, — вотъ что тутъ вполнѣ своеобразно; къ этому привходятъ эпическій разсказъ и лирическое изліяніе внутреннихъ настроеній, служа одной общей идеѣ, опредѣляющей всѣ частности.

Такимъ образомъ и въ Аѳинахъ іонійскій эпосъ, дорійская хоровая лирика и сродные Эоліійцамъ индивидуальные изливы чувствъ, нашли себѣ общую точку соединенія въ созданіи новой художественной формы, когда геній Эсхила, созрѣвшій въ великую годину Греціи, овладѣлъ запасомъ наличныхъ элементовъ и посвятилъ долгую художническую жизнь выработкѣ тѣхъ началъ, до которыхъ дошелъ онъ такъ счастливо и удачно. Софоклъ сильно поддержалъ дѣло драмы и повелъ его далѣе, соперничая съ престарѣлымъ уже

Эсхиломъ; философія научила между тѣмъ постигать первопричину и взаимную связь всего сущаго, а діалектическое краснорѣчіе научило каждую личность отстаивать свое дѣло самосознательно; древнія былины, получивъ болѣе глубокое нравственное значеніе, приспособились къ выраженію господствующихъ въ житейскомъ быту идей, стали зеркаломъ настоящаго; и послѣ того какъ Греки испытали въ само́й исторіи униженіе гордыни и торжество свободнаго духа, сообразительнаго ума, настала пора прославить и въ искусствѣ божественное правосудіе и силу нравственнаго міропорядка. Поэты снова явились наставниками народа, который теперь получалъ отъ нихъ древній миѳъ въ улучшенной уже переработкѣ: въ мудрыхъ, полныхъ смысла рѣчахъ преподавалось ему руководство къ созерцанію судебъ человѣческихъ въ лучезарномъ свѣтѣ Промысла, увѣщаніе къ умѣренности, къ богобоязливой осмотрительности въ поступкахъ.

Подобному тому какъ Средніе Вѣка имѣли свои народныя лицедѣйства въ церковномъ служеніи, свои «мистеріи» (слово это сокращено изъ «министеріумъ», то-есть чинъ всякой вообще службы, и божественной по преимуществу) и свои «моралитеты» (нравоучки), а между тѣмъ настоящее драматическое искусство началось только послѣ реформаціи; какой-нибудь Шекспиръ—здѣсь, Сервантесъ, Лопе и Кальдеронъ — тамъ, порождены лишь духовною борьбой 16-го столѣтія; Гёте и Шиллеръ явились современниками Канта и французской революціи: такъ точно и въ погребальномъ торжествѣ Египтянъ (I, 178), и въ элевзинскихъ таинствахъ признали мы драматическія представленія, происходившія при соучастіи самого̀ народа; а со временъ Солона драматическое искусство стало развиваться изъ служенія Діонису, и только уже послѣ Персидскихъ войнъ выступило оно вполнѣ самостоятельно, выраженіемъ и представителемъ совсѣмъ новаго духа, тщательно воздѣлываемымъ для укрѣпленія и подъема послѣдняго, для услажденія его одной чистой красотой.

Если въ праздникахъ Діониса торжественно изображали ходъ годовыхъ временъ, борьбу цвѣтущей природы съ мертвящими силами зимняго холода, ихъ полное изнеможеніе и за тѣмъ побѣдоносное воскресеніе весны, — все въ видѣ подвиговъ и страданій царящаго въ нихъ бога, а также и въ видѣ символа судебъ и чаяній души человѣческой, то конечно сердца всѣхъ присутствовавшихъ особенно увлекались здѣсь къ теплому соучастію, чтобы въ качествѣ служителей и подружій своего божества раздѣлить съ нимъ его долю и представить ее во внѣшности такъ, какъ они переживали ее внутренно душою. Въ пылу возбужденной фантазіи, женщины и мужчины отождествлялись съ миѳическою дружиной бога, съ менадами и сатирами, переряжаясь въ ихъ о̀бразы, а съ наступленіемъ радостныхъ для бога дней пускаясь во всевозможные переодѣванья и балясничества. Искусство ухватилось за этотъ намекъ. Для исполненія диѳирамба, праздничной пѣсни въ честь Діонису, Аріонъ ввелъ нарочно обученные тому хоры; исторія бога предполагалась общеизвѣстною, но возбуждаемыя ею чувства и помыслы выражались здѣсь и представлялись миѳически въ пѣніи, тѣлодвиженіяхъ и пляскѣ. Такъ-какъ послѣдняя происходила вокругъ сжигаемаго на жертвенникѣ козла, то отсюда, повидимому, все это лицедѣйствіе прозвано было трагедіей, то-есть (буквально) «козлопѣніемъ». Диѳирамбомъ завершилась лирика и началась драма.

Съ Діониса-Вакха эти онагляживающія хоровыя пѣсни были потомъ перенесены и на героевъ, которымъ, вмѣсто свѣтлаго спокойствія блаженныхъ Олимпійцевъ, выпадалъ на долю многоизмѣнчивый жребій, полный борьбы и скорбей, и которые благодаря этому подавали поводъ къ разнообразному и потрясающему выраженію душевныхъ настроеній. Обокъ съ такими художественными хорами безурядно колобродили проказники-сатиры, и праздничное веселье вообще предоставляло полный разгулъ задорнымъ и грубымъ отчасти шуткамъ, допускаемымъ только развѣ маскарадной свободою.

Первый шагъ къ настоящей драмѣ сдѣланъ былъ Ѳесписомъ въ Аѳинахъ, во время Писистрата. Предводитель хора выступалъ у него изъ круга и декламировалъ какой-нибудь разсказъ, а возбуждаемое этимъ настроеніе передавалось въ слѣдовавшей за тѣмъ хоровой пѣснѣ; декламаторъ являлся истымъ лицедѣемъ вслѣдствіе того, что онъ велъ рѣчь не о комъ-либо другомъ и не о событіи изъ прошлаго времени, а излагалъ самолично что-нибудь настоящее или что произошло даже съ нимъ самимъ: онъ представлялъ бога или героя въ присвоенныхъ имъ личинахъ и одѣяніи. Такимъ образомъ зрители имѣли возможность внутренно переживать играемое дѣйствіе, по мѣрѣ того какъ оно выявлялось изъ задушевной глубины; и принимаемое ими въ немъ участіе тутъ же художественно звучало имъ въ хоровомъ пѣніи со всѣми возбужденными въ нихъ ощущеніями и помыслами. Если лицедѣй выступалъ впередъ не одинъ разъ, то конечно уже все въ разныхъ положеніяхъ, послѣдовательно излагавшихъ главныя дѣйствія разсказа; да что́ же мѣшало ему, въ случаѣ надобности, и перемѣнить свою роль? — напримѣръ, въ качествѣ гонца или вѣстника, донести о концѣ, постигшемъ того героя, котораго онъ представлялъ сначала рѣшающимся на подвигъ, а потомъ идущимъ его выполнять?

Другой шагъ ступилъ за тѣмъ Фринихъ, водворивъ прямо діалогъ (двоеличный разговоръ) выводомъ второго лицедѣя, который, противустоя главному герою, развивалъ въ бесѣдѣ съ нимъ ходъ дѣйствія далѣе. Однакожь хоровая пѣснь оставалась еще преобладающей, какъ лирическое изліянье чувствъ послѣ каждой перемѣны положеній; и сила этого поэта чуть ли не главнѣйше заключалась въ томъ, что онъ первый осмѣлился избирать предметомъ даже современныя происшествія, какъ напримѣръ взятіе Персами Милета, при чемъ весь народъ громко разразился жалобами и слезами. Но Фринихъ былъ подвергнутъ за это взысканію: искусство, говорили судьи, должно́ возносить надъ скорбями внѣшней дѣйствительности и вводить слушателей и зрителей въ лучшій, высшій міръ; и, надо сказать, судьи были правы.

Игра сатировъ, отъ которой тѣмъ менѣе хотѣли отступиться въ вакхическихъ празднествахъ, что серьёзная трагедія становилась все вольнѣе въ выборѣ своего содержанія, а между тѣмъ входила еще въ составъ богослужебнаго обряда, — эта веселая игра, около того же времени, нашла себѣ, благодаря Дорійцу Пратину, переселившемуся въ Аѳины изъ Фліунта *), такую же обработку какъ и важная героическая драма; и приключенія, вы-

---

*) Городъ въ Ахайѣ, близъ Сикіона.

ходившія у сатировъ, какъ шальныхъ дѣтей дикой природы, съ героями, особливо напримѣръ съ Иракломъ, всегда готовымъ при случаѣ погулять и пошутить, представляли обильный матерьялъ для разныхъ забавныхъ піэсокъ, которыя присовокуплялись потомъ къ трагедіи въ видѣ дивертисемента.

Вотъ теперь-то явился Эсхилъ и перенесъ центръ тяжести всей драмы на главное дѣйствіе, на поступокъ, вытекающій изъ глубины характера, который самъ себѣ уготовляетъ имъ судьбу. Самосознательный человѣкъ ставитъ себѣ цѣль, которой хочетъ достичь во что бы ни стало, и въ борьбѣ за нее побѣдитъ, или падетъ. Взглядъ драматурга обращенъ уже не въ прошлое, а въ будущее; изображая то, чего еще нѣтъ, что̀ лишь предстоитъ, поэтъ приводитъ насъ въ напряженное состояніе. Такъ самыя раннія изъ уцѣлѣвшихъ произведеній Эсхила, «Персы» и «Данаиды», начинаются не съ передачи окончательнаго исхода дѣла, которой отголосокъ слышится потомъ въ настроеньяхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ напримѣръ въ «Финикіанкахъ» у Фриниха; въ нихъ сперва господствуетъ неизвѣстность ожиданія, жажда узнать что̀-то будетъ или желаніе помощи со стороны, и этимъ съ самаго же начала возбуждаются страхъ и надежда относительно предстоящаго. Бесѣда главнаго лица со вторымъ лицедѣемъ, являвшимся уже въ разныхъ роляхъ, и потомъ бесѣда съ хоромъ, выдвинулись теперь на первый планъ, а хоровыя пѣсни примыкали къ нимъ только въ видѣ подчиненныхъ придатковъ. Настоящее представлялось у Эсхила въ связи съ прошедшимъ, сплошь и рядомъ отражаясь въ миѳѣ, какъ идеальномъ своемъ первообразѣ; да и властительная въ ходѣ людской жизни судьба открылась ему первому, такъ-какъ онъ первый вздумалъ изобразить послѣдствія того либо другого дѣла въ ихъ вліяніи даже на будущія поколѣнья. Оттого и писалъ онъ по три трагедіи, одну вслѣдъ за другой, чтобы связать въ нихъ въ одно цѣлое или столько же дѣйствій какого-нибудь великаго событія, или столько же проявленій одной и той же идеи въ разное время и въ разныхъ кругахъ общества, заканчивая все это, для развеселенія зрителей, какою-нибудь сатировскою игрой.

И у Эсхила та роковая мощь, съ которой приходилось бороться герою, сперва не прямо еще противуставала послѣднему, а давала себя знать въ своихъ дѣйствіяхъ посредствомъ слугъ, вѣстниковъ, гонцовъ. Софоклу принадлежитъ тотъ шагъ впередъ, что у него поставлены лицомъ къ лицу сами противуборствующія силы, и изъ ихъ взаимодѣйствія и рѣчеобмѣна выводятся поступки и судьба главныхъ дѣятелей; необходимымъ дополненіемъ служилъ тутъ уже третій лицедѣй или актёръ. Между этими тремя распредѣлены всѣ роли; извѣстіе о смерти главнаго героя передавалъ тотъ самый, кто его представлялъ. Борьба правъ съ обязанностями, внутреннія столкновенія въ груди человѣка, могли теперь найдти себѣ и полное выраженіе и надлежащее разрѣшенье; хоръ не вмѣшивается болѣе въ ходъ дѣйствія, а только уже сопровождаетъ его своимъ участіемъ, какъ полнозвучный голосъ сердца человѣческаго рода вообще: къ невольному движенью чувствъ присоединяетъ онъ спокойное размышленіе и связываетъ временное съ вѣчнымъ и божественнымъ. Въ мастерскомъ произведеніи преклонныхъ своихъ лѣтъ (Орестіи) Эсхилъ оригинально усвоилъ себѣ и это.

Когда художническій геній доказываетъ свою творческую силу и свободу тѣмъ, что вѣрно хранитъ преданіе и благонадежно связываетъ новое съ стародавнимъ, заявляя себя живымъ членомъ прогрессивнаго развитія всецѣлой культуры, тогда развитіе это пріобрѣтаетъ видъ вполнѣ естественнаго, органическаго; и когда потомъ единичное лицо изливаетъ свои чувства въ выработавшіяся изъ народнаго духа общей дѣятельностью и вполнѣ установившіяся художественныя формы, только слегка видоизмѣняя ихъ изнутри сообразно своей оригинальности, но отнюдь не нарушая ихъ типа, а тѣмъ паче не устраняя ихъ совсѣмъ, тогда созданія искусства пріобрѣтаютъ подобіе уподобляющій ихъ естественнымъ произведеніямъ, въ которыхъ вольное влеченіе побуда всегда вѣдь остается подъ господствомъ закона. Если, кромѣ этого, само содержаніе не только отвѣчаетъ формѣ, но и является притомъ общечеловѣческимъ, имѣющимъ въ своей собственной цѣнности причину и оправданіе для художественной его передачи, то этимъ еще болѣе усиливается то впечатлѣніе необходимости, которое созданія эти несутъ съ собой какъ явный знакъ своего совершенства. Находя все это у великихъ мастеровъ греческой драмы, мы видимъ здѣсь новое подтвержденье тому положенію, что природа у Эллиновъ достигла полной своей законченности, или что у нихъ вполнѣ осуществленъ природный идеалъ.

Драма, какъ была, такъ и осталась, дѣломъ религіознымъ и общественнымъ; потому и стояла она подъ щитомъ и опекой государства. Глава его доставлялъ любой завѣдомо-хорошей драмѣ средства пуедставленія тѣмъ, что вызывалъ кого-нибудь изъ богачей, оказывавшихъ услуги народу добровольными приношеніями, поставить требуемый хоръ и принять на себя всѣ сопряженныя съ тѣмъ издержки. Поэтъ самъ долженъ былъ обучить хоръ и лицедѣевъ, и въ праздникъ Діониса онъ состязался потомъ съ нѣсколькими товарищами представленіемъ трехъ сряду трагедій съ заключительной сатировскою игрой; награда присуждалась десятью судьями, выбранными ото всѣхъ десяти колѣнъ и представлявшими цѣлую общину; поэтъ и поставщикъ хора участвовали въ ней одинаково. Представленіе требовало всевозможной гласности; всѣ граждане должны были имѣть къ нему доступъ: поэтому, мало того что для бѣдныхъ входъ открытъ былъ безплатный,— Периклъ настоялъ еще на выдачѣ имъ поденныхъ денегъ въ вознагражденіе за потерянные для работы часы. Когда обрушились деревянные подмостки для театральныхъ представленій, то въ Аѳинахъ, подъ руководствомъ Эсхила, выстроили на мѣсто ихъ каменное зданіе, что̀ и послужило за тѣмъ образцомъ для прочихъ городовъ. Подъ сидѣнья для зрителей всего охотнѣе употребляли какой-нибудь холмъ, и располагали ихъ уступами въ ширящихся одно надъ другимъ полукружіяхъ. Площадь передъ ними первоначельно составляла кругъ, а въ средоточіи его находилась ѳимела, алтарь, около котораго шли хороводныя пляски хора; для драмы же отрѣзали по ту сторону поперечника нѣкоторую часть круга и протянули эту полосу во всю ширину театра, подвысивъ ее притомъ стѣнами надъ почвою. Она представляла сцену узкую и мелкую, такъ какъ при этомъ имѣлось въ виду чтобы, подобно группѣ статуй во фронтонномъ полѣ храма, фигуры лицедѣевъ стояли и двигались передъ зрителемъ пластически, безъ того живописнаго углубленія заднихъ фоновъ, какое такъ нравится намъ теперь. По задней стѣ-

нѣ устроена была декорація, всерединѣ представлявшая обыкновенно дворецъ или храмъ; иногда же изображала она и дикую пустынь, какъ напримѣръ въ Промеѳеѣ, или какъ въ Аяксѣ — походный шатеръ. Такъ-какъ въ Аѳинахъ у зрителей по правую руку былъ городъ, а по лѣвую тянулись загородныя поля, то уже одинъ выходъ на сцену съ той или другой стороны обозначалъ ясно, кто идетъ изъ чужи, кто изъ родного края. По бокамъ сцены стояли, въ видѣ кулиссъ, высокія трегранныя призмы, называвшіяся періактами; стѣнки ихъ были расписныя, и стоило ихъ только повернуть, чтобы представить зрителямъ другую сторону, которая и показывала перемѣну мѣстъ. Машины иного рода, называемыя экциклема или экзостра, устроивались за главною стѣной посерединѣ; поворотомъ этихъ машинъ растворялись двери, давая возможность заглянуть внутрь дома, храма или шатра. Драма, какъ мы видѣли, возникла изъ хоровой пѣсни и эпическаго повѣствованія; представляемое ею дѣйствіе оставалось преимущественно внутреннимъ: внѣшняя обстановка событій, сраженіе, убійство, укрывались обыкновенно отъ глазъ и предоставлялись устному разсказу вѣстника. Но чтобы пластически онаглядить въ величавомъ живомъ образѣ какія-нибудь потрясающія положенія или совершенные героемъ подвиги, тогда какъ хоръ музыкально передавалъ ихъ душѣ слушателя, раскрывалась вдругъ стѣна сцены, и передъ зрителемъ являлся въ нѣмомъ оцѣпененіи Аяксъ посреди перебитыхъ имъ животныхъ, являлась Клитемнестра, занося убійственный ножъ надъ тѣлами Агамемнона и Кассандры, являлся Эгисѳъ въ минуту, когда онъ приподымаетъ занавѣсъ и на мѣсто Ореста видитъ бездыханный трупъ своей жены. Другія машины давали возможность подымать фигуры изъ глубины, или представлять ихъ парящими въ воздухѣ, и Эсхилъ охотно низводилъ съ неба богинь и боговъ въ крылатыхъ конныхъ колесницахъ, подобно тому какъ и сильныя мѣста его поэзіи нерѣдко впадали въ чудовищность; Софоклъ, напротивъ, привелъ фантастически-чудесный элементъ въ ясную мѣру чисточеловѣческой природы.

Хоръ исполнялъ свои пляски и общія пѣсни вокругъ ѳимелы; но вступая въ бесѣду съ дѣйствующими лицами, онъ всходилъ на помостъ передъ сценою, который ставилъ его больше вровень съ нею. Ближайшее устройство театральныхъ подробностей для насъ впрочемъ не совсѣмъ ясно. Хоръ былъ первоначальною стихіей драмы, и такъ-какъ онъ удерживалъ за собой господствующее положеніе, а лицедѣи привходили въ нему только постепенно, то перемѣны мѣстъ обыкновенно не было; вслѣдствіе чего старались повозможности сократить и время дѣйствія, такъ что послѣднее начиналось передъ самой катастрофой; все предшествующее замѣнялъ разсказъ, и за тѣмъ ходъ дѣла развивался передъ зрителями уже безъ всякаго перерыва.

Диѳирамбный хоръ состоялъ изъ 50-ти человѣкъ ровно; для драмы взято ихъ было 48, съ раздѣленіемъ на четыре части по числу піэсъ (на три трагедіи съ сатировской игрою); Софоклъ, вмѣсто 12-ти, бралъ для каждой трагедіи по 15-ти человѣкъ. Въ хорѣ участвовали свободные только граждане, и это считалось почетною службой, доказательствомъ художническаго смысла участниковъ. Отъ пѣнія и рѣчей одиночныхъ лицъ отдѣляемъ мы пѣсни общія. Онѣ называются пародами, когда хоръ поетъ ихъ

при самомъ входѣ, и стасимонами, когда онѣ поются хоромъ, уже остановившимся на томъ или другомъ опредѣленномъ мѣстѣ театра; первыя нѣчто въ родѣ маршей и сложены въ анапестическихъ ритмахъ, а вторыя сображаются съ ходомъ дѣйствія и составляютъ какъ бы роздыхи, назначенные для размышленья: настроеніе, вызванное любымъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, выражается въ стасимонахъ мелодически, будь то соболѣзнованіе или радость, молитва или благомысленный увѣтъ. Пѣсни расчленены въ строфы и антистрофы, которыя однакожь не повторяются какъ у Пиндара: съ дальнѣйшимъ ходомъ піэсы дается и тѣмъ и другимъ новый метръ, какъ требуетъ того драматическое выраженіе смѣняющихся ощущеній. Метръ остается вездѣ проще Пиндаровскаго; заключительную часть общей пѣсни составляетъ эпода, обыкновенно, но не всегда. Тамъ, гдѣ хоръ вступается въ дѣйствіе, рѣчь ведется каждымъ лицомъ по одиночкѣ, говорятъ ли хористы между собою, или съ актерами на сценѣ, все равно; въ бесѣдѣ употребляютъ они также ямбы или излагаютъ свое мнѣніе и въ другихъ ритмахъ речитативомъ. Если самимъ одиночнымъ лицамъ случится впасть въ лирически - возбужденное настроеніе, то нерѣдко и они переходятъ къ пѣснѣ, или мелодическій изливъ внутреннихъ ощущеній повторяетъ въ музыкальной передачѣ то, что лишь только передъ этимъ выяснилось словесной рѣчью. Хоръ отвѣчаетъ имъ съ живѣйшимъ участіемъ. Такія партіи назывались Коммосъ отъ имени плача по умершемъ, который былъ первоначально отправной ихъ точкою. Изложеніе страстныхъ ощущеній на манеръ аріи, даже и со стороны главныхъ дѣйствующихъ лицъ, было особенно въ ходу у Эврипида, который въ такомъ случаѣ не соблюдалъ уже и возвратнаго порядка строфъ, дозволяя себѣ вполнѣ вольные и разномѣрные ритмы. Кретики, хоріямбы съ ямбическимъ отбоемъ, или съ ямбическимъ же еще и анакрузисомъ (предноставнымъ, предначальнымъ слогомъ), отчего они переходили въ гликонеи; восходящіе анапесты и чередованіе быстро ниспадающихъ дактилей съ спокойными трохеями и спондеями, — вотъ обыкновенные размѣры хоровъ; но противоборство сильно-возбужденныхъ чувствъ особенно рисуютъ дохміи, стихи противоположнаго вида, въ которыхъ какъ нарочно сталкиваются встрѣчныя повышенія, ◡ ́— ́— ◡ (напримѣръ: Готовъ все́ сломить, Стрѣла скокъ назадъ). — Бесѣда, сначала болѣе созерцательнаго нежели драматическаго свойства, велась обыкновенно въ трохеяхъ; но потомъ ихъ приберегали для извѣстныхъ только мѣстъ, и Эсхилъ, а вслѣдъ за тѣмъ Софоклъ, усвоили ей ритмъ шестистопнаго ямба, — стихъ дѣйствія, стремящійся къ опредѣленной цѣли, недалекій отъ обиходнаго говора, и которому цезура посерединѣ придаетъ трохаическое разнообразіе, тогда какъ конецъ его идетъ опять вверхъ и заключается мужественно и твердо. Напримѣръ:

Сила паренья, падая, гибнетъ не вся.

Трагедія выросла изъ хора, и у Эсхила онъ занимаетъ еще болѣе мѣста нежели у Софокла; онъ еще болѣе вплетенъ въ самое дѣйствіе — напримѣръ въ «Персахъ», онъ отстаиваетъ свое собственное дѣло въ «Эвменидахъ», онъ является средоточіемъ драмы въ «Прибѣжницахъ», гдѣ сами Данаиды и несутъ на себѣ всю главную ея тяжесть. Въ «Промеѳеѣ» онъ ужь высту-

паетъ на Софокловскій ладъ въ качествѣ «идеализированнаго зрителя», художественно излагающаго народу тѣ чувства и помыслы, какіе только-что возбудилъ ходъ дѣйствія (Шлегель находилъ въ этомъ все его существо), или же является голосомъ нравственнаго сознанія народа, которое, въ виду взаимнаго противоборства героевъ и представляемаго драмой многосложнаго столкновенія, отстаиваетъ свой безпристрастный взглядъ, и изъ среды заблужденій и розни возводитъ душу къ гармоніи и къ благоговѣнію передъ вышнимъ Божествомъ. Когда потомъ Эврипидъ смѣло противопоставляетъ міру свой субъективный образъ мыслей, сосредоточивая притомъ интересъ на необычныхъ состояніяхъ души и затѣйливыхъ драматическихъ положеніяхъ, тогда онъ влагаетъ въ уста хору свои собственныя воззрѣнія, или же пользуется имъ для того, чтобы скрасить драму такими великолѣпными лирическими выходками, которыя могли бы все-равно занять и любое другое мѣсто: здѣсь хоръ отрѣшенъ уже отъ дѣйствія и удерживается еще только для вида, внѣшнимъ образомъ.

Пѣсни цѣлаго хора также выполнялись въ одинъ голосъ (въ унисонъ), но развѣ только сопровождаясь флейтою, при чемъ музыка просто лишь передавала слова и ритмы. Очень вѣроятно что поэты пользовались при этомъ наличными уже анапестическими, хоріямбическими, гликоническими напѣвами, что имъ приходилось больше только выбирать и распредѣлять, а не вновь сочинять мелодіи, и не каждый разъ съизнова обучать имъ пѣвцовъ. Главнымъ дѣломъ оставалась поэзія; музыка слѣдовала за нею уясняя, оттѣняя, оживляя, но отнюдь не домогаясь самостоятельнаго значенія.

Уже однимъ хоромъ драма возносилась надъ обиходной жизнію въ идеальную сферу искусства; она была частью богослужебнаго праздника, а потому и актёры являлись по праздничному, въ длинноволнистыхъ одеждахъ, блестя золотомъ и багрянцемъ. Какъ представляющимъ боговъ и героевъ, имъ слѣдовало казаться больше обыкновенныхъ людей; вотъ почему ходили они на высокихъ подошвахъ котурна и съ высокимъ уборомъ на головѣ. Мимику лица трудно было бы разглядѣть изъ дали; но и видъ такихъ чертъ, которыя совсѣмъ не отвѣчаютъ характеру, легко могъ бы оскорбить глазъ Грека, столь изощренный на созерцаніе; оттого актеръ надѣвалъ маску, выражающую сущность характера и основного его настроенія въ рѣзкихъ, постоянныхъ чертахъ. Словамъ его надлежало быть внятнымъ для многихъ тысячъ на открытомъ воздухѣ; поэтому онъ долженъ былъ говорить медленно и громко, а притомъ самый уже костюмъ наводилъ его на правило сопровождать рѣчь свою только сильными движеньями и дольше оставаться въ выразительныхъ положеніяхъ. И здѣсь искали такого же впечатлѣнія, какъ отъ пластическихъ фигуръ. Въ подобной постановкѣ Шекспировъ Гамлетъ или Эмилія Галотти Лессинга конечно показались бы очень странны. Но вѣдь поэтическое созданіе и внутренно соотвѣтствовало этой внѣшности. Характеры вырисовывались тамъ не индивидуально, а скорѣй типически; ихъ паѳосъ былъ столько же энергиченъ какъ и полонъ достоинства, ихъ вѣскія мысли высказывались въ полнозвучной рѣчи. Вмѣсто оригинальныхъ личностей и ихъ своеобразныхъ судебъ, греческая драма представляла въ лицахъ общія житейскія истины, и притомъ въ такихъ лицахъ, у которыхъ

самый миѳъ отнялъ уже все черезчуръ-особое и которымъ онъ далъ простой, неизмѣнный пошибъ. Помимо того психологическаго анализа, помимо той бездны его оттѣнковъ, къ какой мы пріучены теперь, у Грековъ любой характеръ всегда оставался болѣе вѣренъ самому себѣ въ крупныхъ монументальныхъ чертахъ, напоминающихъ статую. Если же съ иною личностью совершалась рѣшительная какая-нибудь перемѣна, какъ напримѣръ съ Эдипомъ когда онъ призналъ въ себѣ убійцу Лаія, въ такомъ случаѣ перемѣна маски представляла это еще выразительнѣйшимъ образомъ. Такъ, и поэтическое созданіе и выполненіе его на сценѣ взаимно обусловливались и отвѣчали другъ другу, гармонируя въ цѣломъ; тѣмъ не менѣе мы готовы сказать вмѣстѣ съ Отфридомъ Мюллеромъ: «Греческая трагедія совершенно не «то, что съ теченіемъ времени сдѣлалось изъ нея у другихъ народовъ: «то-есть вовсе не такая картина волнуемой страстями жизни человѣческой, «которая должна отвѣчать оригиналуновозможности въ мельчайшихъ даже «чертахъ; напротивъ, всей своею обстановкою она много рознится отъ обиходной жизни и носитъ на себѣ пошибъ крайней идеальности». Но дѣло въ томъ, что въ миѳѣ она предлагала просвѣтленный образецъ дѣйствительности; сердечное участіе поэта къ общественнымъ дѣламъ родины руководило его въ выборѣ содержанія; каждый намекъ, каждый увѣтъ насчетъ настоящаго понимался всѣми, и трагикъ могъ разсчитывать на самый лучшій успѣхъ, если помогалъ обществу полнѣе сознавать, очищать и облагороживать свое время.

Народъ, образованный уже поэзіей и музыкой, воспитанный къ самоуправленію въ государствѣ, далъ теперь философіи пробудить себя къ самостоятельному мышленію и охотно внималъ урокамъ діалектически-изощренныхъ ораторовъ; мудрено ли что онъ встрѣтилъ своихъ драматурговъ не только съ воспріимчивостью, но и съ полнымъ смысломъ, съ тонкимъ умѣніемъ все обсудить. Чтобы удержать за собой его уваженіе, чтобы удовлетворить его эстетическому чувству, поэты должны были, бодро соревнуя другъ другу, идти все впередъ и впередъ; а между тѣмъ подѣлъ трагедіи съ комедіей, основанный на томъ свойствѣ греческаго духа, которое непремѣнно хотѣло завершить любую форму въ самой себѣ и хранить ее потомъ во всей чистотѣ, вызвалъ въ самой комедіи пародистическую критику противъ всякаго трагическаго грѣха въ цѣломъ или въ частностяхъ; но для того чтобъ остроуміе было мѣтко и потѣшало, необходимо и самому народу всегда держать въ памяти тѣ вещи, которыя имѣетъ оно въ виду. А миѳы, особенно богатые общечеловѣческимъ содержаніемъ и способные трогать сердца слушателей разительными судьбами, возвышать ихъ своимъ величіемъ, какъ нарочно напрашивались въ сюжеты драматургамъ, и каждый хотѣлъ испытать на нихъ свои силы, чтобы соотвѣтственнымъ развитіемъ характеровъ, выясненіемъ новыхъ и плодотворныхъ побудительныхъ причинъ создать возможно совершенное и гармоническое цѣлое. Матеріялъ здѣсь былъ данъ точно такъ же, какъ ваятелю давались религіозное представленіе и камень: надлежало только ясно постичь идею и придать этому умопостиженію такую форму, въ которой оно проявилось бы какъ можно чище и полнѣй. Такимъ образомъ въ дивныхъ поэтическихъ картинахъ предстаютъ намъ царственные домы Ѳивъ и Микены, сѐмьи Эдипа и Агамѐмнона, благодаря тому что до насъ дошли именно

тѣ драмы, которыми въ изображеніи какого-нибудь отдѣльнаго событія тотъ либо другой изъ трехъ величайшихъ трагиковъ одержалъ побѣду надъ остальными.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію ихъ поодиначкѣ, мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о той трагической судьбѣ, которая ясно обнаружится передъ нами при разборѣ этихъ мастерскихъ произведеній поэзіи. Судьба никогда не предстаетъ въ нихъ слѣпымъ, неизбѣжнымъ рокомъ, незаслуженнымъ бѣдствіемъ, и тѣмъ еще менѣе — плодомъ зависти враждебныхъ человѣку боговъ; напротивъ, это—само вѣчное правосудіе, нравственный міропорядокъ; Немезида—сила мѣры, принижающая кичливость, сокрушающая строптивую заносчивость, указывающая предѣлы всякой односторонности, которая затѣетъ играть главную роль, и подчиняющая ее безотмѣнно гармоніи цѣлаго. Нечестивцы, правда, ссылаются всегда на тяготѣющее надъ ними и невольно влекущее ихъ проклятіе; но противъ этого еще вначалѣ Одиссеи высказался относительно Эгисоа самъ богоотецъ Зевсъ: «Безумны жа-«лобы людей на то, что боги посылаютъ имъ напасти, тогда-какъ сами же «они уготовляютъ себѣ гибель вопреки волѣ вѣчныхъ и наперекоръ ихъ «предостереженіямъ». Эсхилъ объясняетъ очень хорошо, какъ одно зло вызываетъ за собой другое, дѣйствуя какъ заразительный примѣръ или какъ прямой отпоръ насильственной мести; однимъ словомъ, онъ объясняетъ то самое, что́ короче выразилъ Шиллеръ:

Въ томъ именно и есть проклятіе злодѣйства,
Что зло оно должно безъ устали рождать.

Но демонъ, зловредствующій изъ рода въ родъ, пока не искупится первоначальный грѣхъ предковъ, является не коварнымъ душегубцемъ, а волей правосудія, насылающей преступленію достойную его кару и не могущей успокоиться до тѣхъ поръ, пока все новые прорывы себялюбиваго и страшнаго настроенія или дикое влеченье природы всегда отплачивать зломъ за зло, не будутъ окончательно побѣждены и, путемъ страданій и покаянія, примирены съ правомъ. Именно Эсхилъ, подобно пророкамъ израильскаго народа, является здѣсь толкователемъ судебъ божіихъ, проповѣдникомъ высшей справедливости, указывающимъ пути Провидѣнія; въ религіозномъ величіи его вообще есть нѣчто ветхозавѣтное, и въ смѣлой его фантазіи есть какой-то словно восточный оттѣнокъ.

Правда, не одна изъ греческихъ трагедій отзывается терпкостью оттого, что въ общей связи цѣлаго герою за́готовь опредѣлена его участь, нерѣдко напримѣръ прорицаніемъ оракула, и хотя онъ самъ собственной виною навлекаетъ себѣ потомъ ударъ судьбы, но мы все-таки вѣдь не знаемъ какъ же было бы ему избѣгнуть своей доли, и видимъ что за нимъ остается лишь одно, — съ достоинствомъ перенесть неизбѣжное. Если, напримѣръ, Лаію, по случаю его женитьбы, суждено погибнуть отъ сыновней руки, то Эдипъ необходимо долженъ убить его. Въ этой необходимости есть нѣчто внѣшне-объективное, что́ столько же сродственно антику, сколько перечитъ субъективности новаго времени. У Шекспира на первомъ мѣстѣ всегда характеръ ли-

ца, оно само уготовляетъ себѣ судьбу свою; необходимость тутъ созданіе свободы,—это я основательно выяснилъ въ своей «Эстетикѣ»*).

«Какъ, съ одной стороны, трудно единичному лицу, да и цѣлымъ народамъ, «вѣрить въ нравственный міропорядокъ, стало-быть въ Бога, когда въ теченіе «многихъ поколѣній на глазахъ у нихъ царили насиліе и несправедливость, «а злодѣйство находило себѣ не только защиту, но чуть прямо не обожаніе, «такъ, съ другой стороны, мощно подымаются у души крылья и возносятъ «ее къ этому вѣрованью, когда строптивая гордость терпитъ на землѣ явное «уничиженье. Вѣчный магнитъ богосознанія снова обрѣтаетъ тогда свою си-«лу, человѣчеству свободнѣе вздохнуть, оно чувствуетъ себя сильнѣй и чи-«ще». Эти слова Бунзена вполнѣ приходятся къ эпохѣ Персидскихъ войнъ, когда Эллины испытали на самихъ себѣ, что Богъ сокрушаетъ гордыню, даруетъ торжество добру, является благимъ помощникомъ свободному и сообразительному духу. Изъ этого опыта, изъ этой живой вѣры вытекла драматическая поэзія; трагики явились провозвѣстниками этого убѣжденія. Какъ прозрѣли они теперь Бога въ исторіи, такъ, думали, и въ прежнемъ миѳѣ должна была открываться его власть; себялюбіе и кичливость грѣховны уже сами по себѣ и вводятъ человѣка въ неисходныя свои сѣти; возмездіе неминуемо, и въ концѣ концовъ всегда торжествуетъ нравственный міропорядокъ.

Аристотель опредѣлилъ трагедію такъ, что она есть изложеніе знаменательнаго и законченнаго событія, но не въ формѣ разсказа, а въ непосредственномъ дѣйствіи и въ устной рѣчи участвующихъ характеровъ, и что, вызывая соболѣзнованіе и страхъ, она тѣмъ самымъ очищаетъ оба эти чувства. Въ послѣднемъ онъ признаетъ главную цѣль ея, а Лессингъ видитъ здѣсь и причину непосредственныхъ ея пріемовъ, такъ-какъ повѣствованіе о прошломъ никогда не затрогиваетъ чувства такъ сильно, какъ созерцанія настоящаго, во очію совершающагося дѣйствія. Выраженіе «каѳарсисъ», очищеніе, можно бы пожалуй принять вмѣстѣ съ Бернейсомъ за врачебно-техническое, означающее устраненіе или облегченіе болѣзни посредствомъ какого-нибудь лѣкарства; но вѣдь уже и языкъ мистерій переносилъ его на душевныя состоянія и разумѣлъ подъ нимъ такое освобожденіе отъ нравственной тяготы, которое разрѣшаетъ самую эту тягость и тѣмъ облегчаетъ пригнетенную душу. Извѣстное сердечное движеніе возбуждается движеніемъ звуковъ въ музыкѣ, направляется ими въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ и само гармонизируется ихъ стройнымъ теченіемъ. Платонъ въ «Софистѣ» называетъ страхъ и надежду смѣсными чувствами, которыхъ выдѣлъ и очищеніе усиливаются съ возростающей разумностью и которыя доходятъ наконецъ до полной чистоты. Въ страхѣ и состраданіи соединены, по мнѣнію Аристотеля, самолю-

*) Мы желали бы чтобъ молодые наши читатели остановили на этой мысли все свое вниманіе. Легко объяснить необходимость изъ свободы, но какъ вывесть свободу изъ необходимости? Отрицать же фактъ свободы, какъ идеальный примыселъ, или какъ одну праздную затѣю нашего воображенія, значитъ порѣшить со всѣмъ творческимъ въ природѣ, въ языкѣ, въ религіи, въ искусствѣ, въ наукѣ и въ практической дѣятельности; а между тѣмъ присутствіе или отсутствіе по крайней мѣрѣ извѣстной доли свободнаго творчества неоспоримо даетъ знать себя во всемъ и вездѣ. Прим. Перев.

біе съ любовью къ ближнему, забота о насъ самихъ съ участіемъ къ другимъ. Кто живетъ въ невозмутимомъ благополучіи, ничего не опасаясь, тотъ легко впадаетъ въ гордость; кто отчаивается въ жизни, тотъ становится малодушнымъ; состраданіе ощущаемъ мы только при видѣ чужихъ напастей и бѣдъ. Необходимо устранять и чрезмѣрность этихъ чувствъ, и полное ихъ отсутствіе; ихъ надо возбудить, но вмѣстѣ и очистить: боязнь передъ любой единичной невзгодой слѣдуетъ возвести въ страхъ передъ небеснымъ правосудіемъ, состраданіе — въ скорбь о бренности людского величія. Аттическая трагедія была религіознымъ торжествомъ, вина искупалась въ ней страданіемъ и гибелью виновнаго, она возвышала потрясенный духъ зрѣлищемъ торжества нравственной идеи. Трепеща передъ неизбѣжной необходимостью, отплачивающей смертью за вину, полный состраданія къ сочеловѣку, испытывающему столь близкія всѣмъ бѣдствія, Грекъ отрѣшался здѣсь равно и отъ тупой самонадѣянности и отъ малодушной трусости, примирялся съ нравственнымъ міропорядкомъ благодаря искусству, которое путемъ напастей и борьбы, путемъ горя и смерти приводитъ наконецъ къ мирной пристани, къ торжеству свободнаго и гармоническаго духа.

Б. Трагедія.

a) Эсхилъ.

Эсхилъ, сынъ Аѳинянина изъ Элевзиса, родился въ 525 г. до Р. X. Въ ранней юности пережилъ онъ сверженіе Писистратидовъ, возстановленіе и окончательную выработку республиканской свободы; 35-ти лѣтъ отроду, въ полной силѣ мужества, онъ бился подъ Мараѳономъ, и вскорѣ потомъ одержалъ побѣду въ драматическомъ состязаніи. Весь вѣкъ свой оставался онъ защитникомъ старозавѣтнаго обычая отцовъ, того духа Мараѳоновцевъ, который вѣрно хранилъ родное свое добро, стоялъ за него до послѣдней капли крови, не стремясь ни къ какимъ безмѣрнымъ замысла. Не неутомимый передовикъ Ѳемистоклъ, влекущій Аѳинянъ на измѣнчивую зыбь морскую, — по душѣ ему былъ Аристидъ, глава земледѣльческаго сословія, «хотѣвшій не только казаться справедливымъ, но и быть имъ,» — изреченіе Амфіарая, тотчасъ же отнесенное народомъ къ Аристидову лицу. Эсхилъ сражался также при Саламинѣ и Платеѣ, и могильная его надпись, которую сочинилъ онъ самъ, молчитъ о поэтической его славѣ, но говоритъ о томъ, что силу его испытали на себѣ Персы и Мидяне.

Въ Эсхилѣ проявилось естественное начало истаго художества вдохновеннымъ пареніемъ и инстинктивной мощью генія, которая творитъ должное, сама того не зная, — какъ уже отзывался объ немъ и Софоклъ. Для него главное—всегда дѣло, то-есть глубина, величіе предмета и содержанія, что-нибудь необыкновенное, что, подчиняя себя формѣ, обнаруживаетъ этимъ всю свою высоту. На сцену у него выходятъ боги и титаны, онъ любитъ гигантскіе характеры, простые, цѣльные, крѣпковольные, которые полновѣсностью въ словахъ и выдержкою на дѣлѣ проявляютъ внутреннюю свою сущность и

тѣмъ самымъ опредѣляютъ свою судьбу. Для этого не нужно многоискусной завязки и хитраго сплетенія борющихся между собою силъ; зато съ самаго начала поэтъ умѣетъ напрячь вниманіе ваше на то чтò будетъ, и достичь цѣли, постепенно усиливая интересъ; при этомъ ходъ дѣйствія непрерывно сопровождаетъ онъ своимъ собственнымъ размышленіемъ.

Планъ всѣхъ трагедій его простъ, но онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ какъ отдѣльные акты одной и той же драмы, чтобы цѣлою чередой дѣйствій довести чрезмѣрную гордость до спутницы ея, вины, показать какъ преступленіе вызываетъ кровавую отместку, какъ и послѣдняя въ свою очередь, переходя во враждѣ всякую мѣру, также подпадаетъ высшему суду, или какъ грѣховность и зломысліе отцовъ пускаетъ ростки и въ дѣтяхъ, пока нравственный міропорядокъ не отстоитъ себя наконецъ изгубленіемъ всего рода нечестивцевъ, если они не преклонятся передъ вѣчнымъ правосудіемъ и не примирятся со святою его волей. Или: одна и та же мысль раскрывается въ различныхъ событіяхъ, прошлое выставляется образцомъ и пророчествомъ настоящаго, и въ исполненіи судебъ выясняется внутренняя связь тѣхъ или другихъ происшествій; такъ что Бернгарди могъ не даромъ признать въ Эсхилѣ основателя поэтической философіи исторіи. При этомъ языкъ его торжественно-важенъ, великолѣпенъ полнозвучными словосочетаньями и смѣлыми образами, то неожиданно привлекающими къ сравненію самые отдаленные предметы, то употребляющими для опаглядненія духовнаго что-нибудь самое обыкновенное. Это напоминаетъ намъ Данта или Шекспира.

Даже въ частностяхъ сродственный образъ мыслей ведетъ къ близко-подходящимъ выраженіямъ: «Смоетъ ли и Океанъ великаго морского бога эту «кровь съ моей руки?» говоритъ Макбетъ, а жена его плачется, что всѣмъ аравійскимъ благовоніямъ не прогнать запаха свѣжей крови. Точно также хоръ въ Орестіи поетъ:

Кто дерзко вторгся въ цѣломудренные брачные покои,
Тому нѣтъ прощенія. Хотя бы всѣ рѣки слились въ одну.
Имъ не смыть проклятія съ рукъ, обагренныхъ убійствомъ:
Тщетно потекутъ соединенныя струи мимо!

Эсхилъ особенно любитъ сплести образъ съ самымъ предметомъ и переходить за тѣмъ отъ одного къ другому; тутъ онъ нерѣдко впадаетъ въ излишество и въ темноту, и надо вообще сказать что кроткая граціозность вовсе ему не дается. Древніе говорятъ объ его ужасающихъ граціяхъ, новѣйшіе—о бронзовой тяжести его котурна, о священной ржавчинѣ старины, дающей языку его особенный отпечатокъ, точно такъ же какъ и отъ сценическихъ его фигуръ вѣетъ запахомъ первобытности. Волнующійся передъ нимъ избытокъ образовъ, такъ же какъ и нисходящее на него свыше религіозное освященіе, отзываются еврейскою поэзіей; а Бернгарди напомнилъ еще по этому поводу о Таабатѣ Шаррана, большой арабской заплачкѣ, гдѣ въ похвалу умершему сказано:

Онъ былъ солнцемъ въ морозъ; а въ палящій зной
Канивулы становился прохладною тѣнью.

Съ этимъ можно сравнить блестящее мѣсто въ «Агамемнонѣ», гдѣ жена привѣтствуетъ воротившагося царя:

Пока свѣжъ корень, зелень осѣняетъ кровлю
И защищаетъ ее отъ палящихъ каникульныхъ жаровъ.
Когда ты возвращаешься къ домашнему очагу, кажется
Будто лѣтній день настаетъ среди зимнихъ морозовъ,
И какъ молодое вино созрѣваетъ по волѣ Зевса въ кисломъ виноградѣ,
Такъ утренній вѣтерокъ прохлаждаетъ тогда зной солнечныхъ лучей.

За исключеніемъ одной трилогіи, послѣдняго и совершеннѣйшаго созданія этого художника, изъ 70-ти его драмъ дошло до насъ только четыре.—Въ старобытной простотѣ плана и стиля трагедіи «Прибѣжницы» предстаютъ намъ первоначальные пріемы трагическаго искусства. Изгнанныя изъ Египта, Данаиды только-что успѣли выйдти на берегъ въ Аргосѣ и прибѣгли къ алтарямъ, моля защитить ихъ отъ неотвязнаго сватовства сыновей Эгипта. Перемѣну въ настроеніи, напряженность въ дѣйствіи производитъ то, что онѣ сперва стараются преклонить на свою сторону царя, что Данай вынужденъ потомъ предложить вопросъ на рѣшеніе народной сходкѣ, и что когда къ этому приступаютъ, является требовать ихъ египетскій бирючь. Отчаявшимся уже изгнанницамъ даютъ наконецъ убѣжище въ Аргосѣ. Все это составляетъ только первый актъ, родъ предварительнаго изложенія, за которымъ въ двухъ другихъ піэсахъ слѣдовалъ дальнѣйшій ходъ дѣла: какъ Данаиды приняли предложенье жениховъ, но сговорились умертвить ихъ въ первую же ночь брака, какъ одна лишь Гипермнестра спасла своего суженаго, Линкея, какъ Афродита защитила ее послѣ передъ судомъ, и какъ она вступила наконецъ на Аргосскій престолъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Великую культурную идею, правообычность въ борьбѣ съ грубой силою, возстаніе женщинъ противъ унизительнаго гнета безлюбовной связи на всю жизнь, право сердца, право дѣвственной чистоты, и наконецъ личную любовь, какъ основу всякой семейности, — вотъ что въ потрясающей душу пѣснѣ возвѣстилъ глубокомысленный поэтъ и своему народу, и человѣчеству. Уцѣлѣвшая эта піэса ни дать ни взять ораторія: боязныя жалобы, теплыя молитвы, благожеланія, высокія думы хора здѣсь главное; начатки внутренняго драматическаго конфликта такъ и остаются въ зародышѣ, какъ напримѣръ въ томъ случаѣ, когда въ груди царя борются между собой доводы въ пользу и противъ допущенія иноземцевъ. Часто повторяется образъ робкихъ голубицъ, укрывающихся отъ коршуна; въ минуту опасности хоръ поетъ:

Ушелъ бы я какъ темный дымъ,
Взвился бы въ стадо Зевсовыхъ облаковъ
И исчезъ бы безслѣдно;
Сухой пылью хотѣлъ бы я безъ крылъ
Взлетѣть на небо и тамъ разнестися прахомъ!

Но тутъ поддерживаетъ его упованіе на Бога. Онъ обращается къ Зевсу, какъ къ отцу, подателю благъ, источнику всякаго спасенія. Стоитъ ему слово молвить, и все совершится; однимъ маніемъ его исполнится то, о чемъ молитъ боязное сердце смертнаго. Онъ — владыка владыкъ, блаженный изъ

блаженныхъ; судьбы его вѣчно праведны и хотя трудно изслѣдимы, но все же однако просвѣчиваютъ сквозь тьму. Одной мысли его довольно, чтобы ниспровергнуть заносчивую мечту людскую, а самъ онъ царитъ въ невозмутимомъ спокойствіи.

«Персы» — относящееся къ времени поэта среднее звено одной трилогіи, гдѣ онъ развивалъ ту основную мысль, что въ борьбѣ Азіи съ Европой побѣда неотмѣнно суждена Эллинамъ, что пророческій миѳъ исполняется теперь въ настоящемъ. Піэса эта поставлена на сцену спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ битвы при Саламинѣ (въ 472 г.), и могла служить для Аѳинянъ увѣщаніемъ твердо ожидать новыхъ Персидскихъ вооруженій. Въ первой изъ трехъ драмъ, «Финей», этотъ сидонскій царевичъ, бывъ освобожденъ отъ Гарпій Аргонавтами, предсказалъ имъ успѣхъ перваго похода Грековъ въ Азію. «Персы» изображаютъ божій судъ, постигшій непомѣрную кичливость. Оставшіеся дома персидскіе вельможи хвалятъ выступившее въ походъ ополченіе, но озабочены полученіемъ объ немъ вѣстей. Ксерксова мать, Аттоса, напугана сновидѣніемъ, и вельможи цѣлымъ хоромъ внушаютъ ей прибѣгнуть за совѣтомъ и помощью къ тѣни Дарія. Тутъ является гонецъ и повѣдываетъ о Саламинской битвѣ; эпическій тонъ его разсказа весь пропитанъ лирическимъ огнемъ самого трагика, — радостью побѣды и любовью къ независимости, а жалобная пѣснь хора останавливается на мысли что теперь разрѣшатся и другія узы тяготѣющія надъ народами. Тогда старая царица приноситъ жертву покойному мужу, и тѣнь Дарія встаетъ,—загробный его голосъ сливается съ горькой жалобой живущихъ и возвѣщаетъ что Ксерксъ за то и претерпѣлъ пораженіе на морѣ, что хотѣлъ стать выше боговъ и смирить влажную стихію: «богъ всегда помогаетъ пасть человѣку, ищущему паденія». Для Персовъ теперь одно спасеніе, — прекратить борьбу съ вольною, богохранимой Элладой. А за нечестивства ихъ надъ храмами пострадаетъ еще и остальное, сухопутное войско.

Чаша не выпита еще до дна;
За ними осталась еще доля тяжкой провинности:
Возмездною жертвой будетъ пролитіе благородной персидской крови
Отъ копья Дорійцевъ на поляхъ Платеи;
И вплоть до третьяго поколѣнія
Могильные курганы будутъ безмолвно вѣщать
Взору прахорожденныхъ,
Что божество караетъ надменность каждаго безъ различія.
Изъ цвѣта киченія всегда вѣдь колосится грѣхъ,
И этотъ колосъ созрѣваетъ до плачевной жатвы.
При видѣ такой кары слѣпой гордости,
Помните Элладу и Аѳины, и не посягайте
На чужія сокровища, да не сорите и собственнымъ своимъ счастьемъ,
Пренебрегая то, чѣмъ надѣлилъ васъ нынѣ Богъ!

Хоръ славитъ Дарія и пріобрѣтенное имъ могущество, которое умѣлъ онъ крѣпко отстоять; а въ противоположность этому является вдругъ бѣглый Ксерксъ, весь въ лохмотьяхъ, и піэса оканчивается жалобными пѣснями то объ немъ, то о падшихъ въ битвѣ. Ни малѣйшей насмѣшки надъ злосчастіемъ враговъ со стороны греческаго поэта, вездѣ напротивъ полное вниманіе къ тому что дано великаго и своеобразнаго самимъ Персамъ; при этомъ — вос-

точный колоритъ въ мягкихъ, полнозвучныхъ ритмахъ и въ блистательныхъ образахъ, а въ лирикѣ — струя мощнаго и глубокаго трагизма. Бернгарди находилъ, что дѣйствіе слишкомъ укорочено здѣсь въ пользу разсказа и размышленія; І. Л. Клейнъ возражаетъ на это, что разсказъ и размышленіе выходятъ только духовнымъ рефлексомъ, внутреннимъ эффектнымъ отраженіемъ самаго дѣйствія, не больше. «Не многосложная фабула, не внѣшняя «подвижность дѣйствія составляетъ драматичность, а постоянное усиленіе «аффектовъ, возростающее напряженіе сценическихъ моментовъ; они-то раз«вернуты здѣсь съ удивительнымъ искусствомъ и съ глубокимъ знаніемъ «всѣхъ постепенностей паѳоса въ такую катастрофу, которая и есть само «дѣйствіе, потому что причина, трагическое матерьяльное событіе, ходъ «историческихъ обстоятельствъ ярко отражены ею въ трагичномъ ихъ эф«фектѣ на ближайшихъ участниковъ.»

Третья драма этой трилогіи называлась «Морской Главкъ», — тотъ самый Главкъ, что повѣдалъ Анѳедоновымъ корабельщикамъ битву при Гимерѣ, выигранную Греками противъ Карѳагенянъ въ самый день Саламинскаго побоища; тогда же вѣдь исполнилось и страшное пророчество Дарія на Платейскомъ полѣ, а потому вѣроятно, что эта піэса заключалась, подобно «Персамъ,» побѣднымъ торжествомъ вслѣдъ за плачемъ по изгибшихъ.— Въ видѣ дивертисемента шла сатировская драма «Огнезажига Промеѳей». Сатиры, никогда не видавшіе еще пламени, хотятъ обнять и расцаловать это чудо; герой громко предостерегаетъ ихъ: «Не тронь, козленокъ, это жжется!» Тутъ начинался бѣгъ съ факелами, и каждый засвѣчалъ свой факелъ у другого, взнакъ того что такъ вотъ плодится и жизнь; вѣдь новая пора духа, новый порядокъ вещей настали опять и теперь, ни дать ни взять какъ въ то время, когда огонь впервые принесенъ былъ Промеѳеемъ. Во всей трилогіи звучитъ побѣдное торжество.

Драма «Семеро противъ Ѳивъ» также обличаетъ воинственный духъ поэта; это—заключеніе трилогіи, которому предшествовали «Лаій» и «Эдипъ», за которымъ слѣдовала сатировская игра «Сфинксъ», въ видѣ дивертисемента. Одна хоровая пѣснь намекаетъ на первоначальную вину Лаія, женившагося противъ воли боговъ; быть-можетъ уже и Эсхилъ указалъ причину этой брако-запретной воли: преданіе гласило что Лаій злоупотребилъ сына Пелопсова, Хрисиппа, для удовлетворенія своей неестественной похоти; если же, вопреки запрещенію, онъ возьметъ себѣ жену, тогда родной сынъ убьетъ его и женится на своей матери. Что Эдипъ сдѣлалъ это по невѣдѣнію, а когда узналъ, то выкололъ себѣ глаза и проклялъ сыновей, — хоръ также о томъ упоминаетъ, указывая этимъ на вторую драму. Эпосъ ничего еще не зналъ объ ослѣпленіи, и у Эдипа сыновья и дочери родятся здѣсь только отъ второго уже брака. Но сыновья смѣются надъ нимъ въ лицо, и за это непочтеніе къ родителю должны враждой изгибнуть другъ отъ друга. Конечно, Эсхилъ овинословилъ здѣсь страшное Эдипово слово, что царство сыновьямъ его подѣлитъ скиѳскій чужакъ. При самомъ началѣ третьей драмы, они перессорились уже за владычество, и Полиникъ вступилъ въ союзъ противъ родного края, позабывъ увѣтъ провидца-пѣвца:

Можетъ ли быть предано тебѣ отечество,
Покоренное твоей дикостью и копьемъ кровавымъ?

Этеоклъ сзываетъ гражданъ къ оборонѣ; твердой его рѣшимости противопоставлены боязныя чаянія хора женъ, которыхъ онъ приглашаетъ къ молитвѣ. Вѣстникъ описываетъ ему, какъ враги, съ хвастливыми знаками на щитахъ и съ дерзкими рѣчами, располагаются передъ семью воротами города; противъ пяти первыхъ по порядку Этеоклъ выставляетъ одного лишь оиванскаго вождя, въ полномъ убѣжденіи что такая заносчивость находитъ на людей только передъ вѣрной напастью. Трудно будетъ устоять противъ благороднаго провидца, Амфіарая: онъ такъ крѣпко чтитъ боговъ; но вѣдь союзъ съ злодѣйствомъ горькоплоденъ *). Полиникъ въ перечетѣ вѣстника названъ былъ седмымъ; противъ него идетъ самъ Этеоклъ съ мрачною отвагой, сознавая что надъ ними обоими страшно тяготѣетъ проклятіе отца; но и оно не слѣпой рокъ, оно только возвѣстило кару ихъ взаимной враждебности; и Этеоклъ спѣшитъ навстрѣчу смерти, не то изъ гнѣва и жажды мщенія противъ брата, не то въ искупленіе своей собственной вины. Здѣсь передъ нами не спокойно-эпическая картина прошлаго событія: въ этой превосходной драматически-военной сценѣ чувствуемъ мы вмѣстѣ съ хоромъ наставшую бѣду отечества, и геройскій порывъ людей, такъ самоотверженно идущихъ на его защиту, побуждаетъ насъ съ усиленнымъ напряженіемъ слѣдить предстоящій за тѣмъ исходъ. Въ характерѣ Этеокла богатырская строптивость смѣшана съ чувствомъ многострадальной судьбины. Но скорбь трагическаго настроенія возвышается мыслью сразиться и славно пасть за родной край; все это освѣщено такъ, какъ будто бы пурпуръ вечерняго солнца просвѣчивалъ сквозь тяжкую мглу грозовыхъ тучъ. Пѣснь хора охватываетъ прошедшее, настоящее и будущее, чтобы обнаружить виновную связь исторіи, сцѣпленіе вины, возмездія и искупленья въ жребіи Лавдакидовъ. Приходитъ вѣсть, что сталь скиоскаго меча подѣлила царство между братьями врагами, и подѣлила такъ, что каждому достался могильный его участокъ; ихъ соединила стекшаяся вмѣстѣ кровь. За раздирающимъ сердце и однакожь дивно-мелодическимъ плачемъ по обоихъ слѣдуетъ запретъ Полиниковыхъ похоронъ, но вмѣстѣ и рѣшеніе Антигоны сестрински посвятиться брату всей душою, не дать тѣла его волкамъ на съѣденіе и торжественно погребсти по обычаю; тутъ половина хора, съ Исменой во главѣ, присоединяется къ трупу Этеокла, а другая провожаетъ Антигону съ Полиникомъ на могилу. Враждебные братья погибли, но городъ спасенъ, и въ самоотверженномъ, благочестивомъ настроеніи жителей царитъ спокойствіе и примиренье.

Въ «Промеоеѣ» Эсхилъ создалъ самое смѣлое и глубокомысленное изъ своихъ произведеній; здѣсь идеальное ядро всей исторіи человѣчества въ нравственномъ ея смыслѣ и въ отношеніи къ Богу, какъ проступокъ, страда и примиреніе, какъ вина, покаяніе и искупленье, представлено подобно тому какъ въ Іовѣ, въ Дантовой Божественной Комедіи или въ Гётевомъ Фаустѣ.

Промеоей, то-есть «предобдумецъ», «предмысленникъ»,—самосознательный сынъ Земли, образецъ или образователь людского рода, представитель духа человѣческаго въ самобытной его силѣ, призванный къ свободѣ въ мысляхъ и дѣй-

*) Амфіарай въ союзѣ съ Полиникомъ, хотя и не одобряетъ его замысла.

ствіяхъ. Нравственная свобода есть самоопредѣленіе и предполагаетъ возможность выбора между добромъ и зломъ; но воля стала своевольствомъ, самочувствіе — себялюбіемъ,—то самое, что еврейскій разсказъ изображаетъ подъ видомъ вкушенія отъ древа познанія добра и зла вопреки заповѣди Божіей, а греческій миѳъ—подъ видомъ самовольнаго и хитраго похищенія огня Промеѳеемъ. Къ сожалѣнію, изъ трехъ драмъ дошла до насъ только середина; но отрывки изъ остальныхъ и намеки въ «Скованномъ Промеѳеѣ» дозволяютъ намъ очеркнуть картину цѣлаго по крайней мѣрѣ относительно идеи и хода.

Драма поступка и вины, «Промеѳей огнехищникъ», изображала вопервыхъ, какъ Зевсъ, одолѣвъ Титановъ, или слѣпыя силы естества, учредилъ новый порядокъ всему сущему. Промеѳей усердно помогалъ ему; онъ молитъ его за людей, когда Зевсъ хочетъ истребить ихъ и создать на мѣсто ихъ новое отродье; но тайкомъ, и даже вопреки волѣ Зевса, онъ опрометчиво и самовольно похищаетъ небесный огонь и съ нимъ приноситъ людямъ основаніе культуры, быторазвитія. Тутъ въ драмѣ намекалось можетъ-быть на кару, но, какъ бы то ни было, Промеѳей все же восторжествовалъ, и хоръ славилъ въ пѣснѣ бракосочетаніе его съ Гесіоной. Человѣкъ, по греческому воззрѣнію, дѣлаетъ зло не ради зла, но считая его за добро; благонамѣренный умыселъ хочетъ осуществиться даже и вопреки закону, какъ будто бы человѣку было суждено тѣмъ именно доказать свой умъ и свою свободу, что онъ избираетъ и другіе пути кромѣ заповѣданныхъ Божествомъ, и силой домогается того, что кажется ему благотворнымъ. Промеѳей хвалится тѣмъ, что онъ благодѣтель людского рода, но въ то же время сознаетъ что преступилъ законъ:

Я погрѣшилъ намѣренно и обдуманно, это правда.

Мѣстомъ дѣйствія первой драмы былъ островъ Лемносъ, вторая переноситъ насъ на Кавказъ. Двѣ гигантскія фигуры, Сила и Крутовластіе, приносятъ безмолвнаго Промеѳея, и не безъ скорби на сердцѣ Гефестъ исполняетъ рѣшеніе приковать его, но онъ не хочетъ нарушить воли отца-Зевса, такъ-какъ это было бы тягчайшею виной. Оставшись наединѣ, Промеѳей зоветъ всю природу въ свидѣтели своего страданія, и она скорбитъ заодно съ героемъ; плачевный голосъ ея звучитъ въ пѣснѣ Океанидъ: приходитъ съ участіемъ самъ водяной дѣдъ, Океанъ, и предлагаетъ Промеѳею помирить его съ Зевсомъ. При этомъ онъ говоритъ:

Опомнись, преобразись на́ново;
Вѣдь и самъ владыка и царь боговъ теперь уже не тотъ.

Но Промеѳей возражаетъ:

Буду пить горькую чашу страданія,
Пока Зевсъ не угаситъ пламени своего гнѣва.

Въ загадочныхъ словахъ, возбуждающихъ наше ожиданіе, намекаетъ онъ что и самому Зевсу предстоитъ пасть жертвою судьбы, но не отвѣчаетъ пока на вопросъ хора: что же именно суждено Зевсу кромѣ вѣчнаго владычества?

Хоръ, соболѣзнуя о Промеоеѣ, желаетъ самому себѣ мира съ богомъ и сердечной покорности.

Не боясь Зевса,
Изъ одного упрямства чтишь ты людей
Слишкомъ высоко, о Промеоей.
Суду смертнаго вовѣкъ не измѣнить
Верховной Зевсовой воли.

Таковъ собственный взглядъ поэта, котораго высокую идею о Зевѣ показываютъ разныя мѣста въ «Прибѣжницахъ», который въ «Агамемнонѣ» говоритъ, что все благо мудрости обрѣтаетъ тотъ кто благочестиво славословитъ Зевса, ведущаго смертныхъ путемъ истины и научающаго ихъ даже путемъ страданій. Мало того: отрывокъ одной утраченной драмы представляетъ Зевса присущимъ міру и въ то же время надъ нимъ властвующимъ:

Зевсъ—земля, Зевсъ—воздухъ, Зевсъ—небо.
Зевсъ—все, и то что̀ надо всѣмъ.

Что Промеоей видитъ въ Зевѣ тирана, ревниво-гнѣвнаго самовластителя, это собственно и знаменуетъ его характеръ; и оно вполнѣ послѣдовательно, такъ-какъ когда человѣкъ отрѣшится отъ Бога волею, онъ теряетъ сознаніе своей единосущности съ нимъ въ любви; кто зажжетъ въ себѣ пламя гнѣва, для того Богъ ужасенъ; для мятежной души, презирающей узы закона, онѣ—путы; кто противится нерушимому въ себѣ нравственному міропорядку, для того онъ—желѣзная цѣпь, и въ этомъ именно казнь за строптивость.

Но своевольство можетъ обнаружиться не только въ прямой борьбѣ съ Промысломъ, но уже и въ томъ что человѣкъ не повинуется призыву Бога, не слушаетъ увѣтовъ и внушеній его благодати. Это мы видимъ на Іо. Посланные во снѣ голоса приглашали ее отдаться любви его, но она ихъ не послушалась и бродитъ теперь въ помѣшательствѣ, — символъ того, что вся жизнь человѣческая—одно тревожное колобродство, если онъ противится водительству Божію. Такъ Іо съ женственно-страдательной стороны восполняетъ дѣятельно-мужскую вину Промеоея; вотъ для чего и свелъ ихъ поэтъ; онъ предсказываетъ ей дальнѣйшія блужданія, но также и примиреніе съ Зевсомъ, которому она наконецъ добровольно отдастся, и тогда священные дубы Додоны опривѣтствуютъ ее славною ему супругою. Отъ этого союза любви родится потомъ въ тринадцатомъ колѣнѣ и спаситель Промеоея, Ираклъ.

Іо уходитъ, а Промеоей остается при гордой своей строптивости, и теперь яснѣе высказываетъ свою мысль насчетъ предстоящей Зевсу доли. Уже свергнуты съ престола многія божества, такъ и его господство не вѣчно. Есть на свѣтѣ двѣ женщины, которыя родятъ одного сына, назначеннаго превзойдти отца; сочетайся Зевсъ съ одной изъ нихъ, онъ породитъ себѣ преемника, который его одолѣетъ. Слова эти услышаны на Олимпѣ, и гонецъ божій, Гермесъ, приходитъ требовать ближайшаго объясненія. Но Промеоей гордо и рѣзко отказываетъ посланцу, съ чьей рабской должностью онъ не промѣнялъ бы своихъ страданій; онъ бросаетъ въ лицо ему дерзновенный стихъ:

Однимъ словомъ: всѣ боги сплошь мнѣ ненавистны.

Напрасно увѣщеваетъ хоръ, что мудры тѣ, кто преклоняется передъ адрастіей, незыблемымъ порядкомъ міра. Тщетно представляетъ Гермесъ, что безумно упорное своевольство: оно не́мощно и грозитъ бо́льшими еще напастьми. Молніей и громомъ раздробитъ Зевсъ каменную скалу и низвергнетъ Промеѳея въ бездну, а если онъ когда опять выйдетъ оттуда, орелъ станетъ ежедневно терзать его печень. Слова Гермеса облекаются далѣе въ таинственность:

И не уповай конца такому бѣдствію,
Пока заступникомъ твоей муки не явится нѣкій богъ,
Готовый сойдти для тебя въ безсвѣтное царство Гадеса
И въ темную бездну Тартара.

Но пусть растреснется весь міръ въ своихъ основаніяхъ, Промеѳей увѣренъ въ несокрушимой силѣ и вѣчности своего духа; онъ остается при своемъ, и въ то время какъ онъ призываетъ въ свидѣтели вѣчную справедливость, эѳиръ, лучезарное солнце, вдругъ разразились землетрясеніе, молнія и громъ, и онъ поглощенъ въ разъяренныхъ стихіяхъ. Дивно-величаво изобразилъ въ немъ Эсхилъ всю крѣпость независимаго духа, олицетворилъ въ немъ тотъ прозорливый изобрѣтательный умъ, который покоряетъ себѣ природу и, жаждя истины, испытуетъ глубины самого божества, но тѣмъ легче позабываетъ зависимость свою отъ безконечнаго, чѣмъ она тѣснѣе, тѣмъ скорѣе соблазняютъ его кичливость и себялюбивое своеволіе, такъ что онъ неизбѣжно подпадаетъ наконецъ Немезидѣ.

Но не дерзость и ея обузданіе, не борьба и неразлучная съ ней отрада составляютъ цѣль исторіи, а примиреніе, любовь, свобода. Это и показываетъ «Освобожденный Промеѳей». Зевсъ прочно утвердилъ свое господство, не насильственное самовластіе, но стройный порядокъ въ обоюду-вольномъ союзѣ силъ природы и духовъ. Собственная гордыня повергла Промеѳея въ мрачную бездну удаленія отъ божества; какъ скоро сломилось закоснѣвшее ячество, онъ опять вышелъ на свѣтъ божій; онъ долженъ самъ хотѣть избавленія, иначе не снимутся съ него узы; раскаяніе—путь къ примиренію, и оно-то изображено въ видѣ орла грызущаго Промеѳею печень, гнѣздо страстности. Но когда въ душѣ «предобдумца» созрѣло болѣе вѣрное понятіе о властительствѣ божіемъ, онъ видитъ на самомъ себѣ подтвержденіе того, что Зевсъ не хочетъ гибели бывшихъ мятежниковъ; хоръ освобожденныхъ изъ тартара титановъ привѣтствуетъ его надеждой и предложеніемъ всякой помощи. Выступаетъ на сцену возлюбленный сынъ Зевса, Ираклъ, подобіе отца на землѣ, герой исполняющій заповѣди божіи добровольной службою, который, очистясь отъ земныхъ накипей добровольнымъ же сожженьемъ на кострѣ, самъ вознесется потомъ къ вершинамъ Олимпа. Гдѣ живы въ людяхъ такіе помыслы, тамъ человѣкъ уже помирился съ богомъ, тамъ законъ уже не цѣпь: оттого орелъ низложенъ Иракломъ, и Промеѳей освобожденъ. Зевсъ хотѣлъ прославить этимъ своего сына, въ которомъ вѣдь уже и другіе писатели, какъ напримѣръ Гёрресъ, признали всегда готоваго на помощь, языческаго спасителя. Но тутъ исполнилось вмѣстѣ и пророчество

Гермеса, что за Промеѳея долженъ принять смерть нѣкій богъ, для того чтобы снялись съ него когда-нибудь оковы. Одинъ изъ безсмертныхъ, кентавръ Хиронъ, былъ неисцѣлимо раненъ въ бою ядовитою стрѣлою, и охотно вызвался сойдти за Промеѳея въ царство мертвыхъ. По этому поводу мы можемъ замѣтить вмѣстѣ съ Велькеромъ и Штуромъ: кентавръ, коне-человѣкъ,—символъ звѣрства въ грубой тварческой природѣ человѣка, которая непремѣнно должна умереть, когда духовно-пробужденный человѣкъ примирится съ своимъ богомъ. Мы можемъ вмѣстѣ съ Ласò (Lasaulx) признать таинственно-пророческій смыслъ въ томъ, что божественный заступникъ человѣчества принесъ себя въ жертву за Промеѳея.

Промеѳей теперь освобожденъ. Онъ покрываетъ голову вѣнкомъ изъ ивовыхъ вѣтвей, чтобы украсить себя въ видѣ жертвы, и вздѣваетъ кольцо на палецъ въ воспоминаніе своихъ узъ, взнакъ союза своего съ богомъ. Какъ самъ онъ предсказалъ, что Зевсъ охотно пойдетъ на встрѣчу тому, кто захочетъ къ нему приблизиться, такъ сошлись теперь божья благодать съ искупленнымъ сердцемъ человѣка, и Промеѳей стоитъ уже за новый порядокъ вещей добровольно и сознательно. Зевсъ намѣренъ вступить въ бракъ съ прекрасною Ѳетидой, богиней мира въ природѣ, — мира, какъ онъ проявляется въ зеркальной морской глади и тиши. Промеѳей указываетъ на нее какъ на одну изъ тѣхъ двухъ женщинъ, про которыхъ онъ когда-то говорилъ. Сынъ, рожденный отъ нея и Зевса, могъ бы явиться богомъ такой религіи, въ которой восточно-пантеистическое служеніе природѣ слилось бы съ вѣрой въ олимпійскія божества, — нѣчто вродѣ тѣхъ смѣсей или сортучекъ, на какія пускались въ александрійскую эпоху. По совѣту Промеѳея, Ѳетиду сочетаютъ Пелею, и сыномъ, переросшимъ отца, выходитъ потомъ Ахиллъ, — идеальный образъ Эллинства въ его юной жизненной силѣ, въ его торжествѣ надъ Азіей и въ его ранней, но навѣки славной кончинѣ. На бракосочетаніе Ѳетиды отправляются Зевсъ и Промеѳей, и великая драма примиренія заканчивается брачною пѣснію, съ намеками на грядущую судьбу Ахилла.

Съ дивной силою затрогиваетъ насъ положительно высказанное Эсхиломъ чаяніе, что господство Зевса не вѣчно: это вѣдь глубокое чувство того, что въ созданномъ фантазіей служеніи Олимпійцамъ не достигнута еще полная истина религіи, нѣтъ высшаго удовлетворенія и примиренія души, которое однако жь неотмѣнно предстоитъ человѣчеству. Такъ и пѣснь Хиндлы въ Эддѣ славитъ Одина величайшимъ изъ боговъ-Альсовъ, но прибавляетъ къ этому:

Прійдетъ нѣкогда другой, еще могучѣе;
Но этого я пока назвать не смѣю.

И провидица въ Вёлоспѣ предрекаетъ «разсвѣтъ божій», когда среди борьбы разнузданныхъ міровыхъ силъ погибнутъ сами боги, изъ очистительнаго огня общаго пожара взойдутъ новое небо и новая земля и, вмѣстѣ съ ликомъ божествъ, воскреснутъ опять усопшіе герои, а за тѣмъ прійдетъ свыше «сильный», который все возьметъ во власть и учредитъ священный законъ міра. Намъ невольно приходитъ на мысль тотъ алтарь невѣдомому Богу, передъ которымъ апостолъ Павелъ въ Аѳинахъ началъ христіанскую

свою проповѣдь. Идея Зевса, въ самомъ уже Эсхиловомъ Промеѳеѣ, изъ безчувственной природной мощи или изъ безграничнаго самовластія, очищаясь болѣе и болѣе, становится закономъ разума, волею любви, которыя и примиряетъ съ собой страдальческое мужество человѣческаго духа; сперва только мстящій, сильный и ревнивый богъ, онъ признанъ подконецъ освобождающимъ и готовымъ подать спасеніе. Припомнимъ себѣ что Зевсъ изначала былъ вѣчнымъ племеннымъ богомъ Эллиновъ, что постепенно возникшія за тѣмъ многія божества располагались вокругъ него, какъ его сродники, дѣти или предки; какъ природа и исторія развиваются изъ хаоса въ космосъ, изъ мрака выходятъ въ свѣтъ, такъ и духовные боги въ ѳеогоніи,—эти идеалы текущей уже эпохи міра, выработываются изъ первобытныхъ силъ природы только во второмъ и третьемъ поколѣніи. Если мы взглянемъ на степени развитія божеской идеи, какъ на послѣдовательную череду личныхъ боговъ, а не какъ на чистыя лишь формы помысла о Богѣ, то увидимъ что Кронъ вытѣсняетъ Урана, Зевсъ — Крона, и что самъ Зевсъ долженъ уступить мѣсто болѣе совершенному выраженію богопонятія. Второю изъ тѣхъ женщинъ, на которыхъ намекалъ Промеѳей, была Метида, то-есть самосознательная мудрость. Зевсъ поглотилъ ее и породилъ изъ своей головы Палладу-Аѳину. Метида не уничтожена, она живетъ у него въ душѣ, возвѣщаетъ ему приговоры рока и различеніе добра отъ зла. Здѣсь явно остается возможнымъ, что сынъ этой небесной мудрости и владыки боговъ, Зевса, учредитъ новое царство высшей истины, глубокаго и надежнѣйшаго мира. Укажу еще на сказанное мною въ первомъ томѣ о пророчествѣ у Евреевъ и о вочеловѣченіи бога у Индійцевъ, а также на главу «Христосъ въ глубокой древности» въ моихъ «Религіозныхъ рѣчахъ и размышленіяхъ для германскаго народа».

По идеальному достоинству всего ближе къ «Промеѳею» «Орестія»; тутъ на наше счастіе уцѣлѣли всѣ три драмы, и трилогія эта самый зрѣлый плодъ Эсхилова поэтическаго генія; она и трилогія Софокла «Эдипъ» — двѣ высшія вершины греческой трагедіи, которыя въ области эпоса можно приравнять только къ Иліадѣ и къ Одиссеѣ. Здѣсь противоборствующія права и силы сходятся ужь непосредственно, бьются на жизнь и на смерть; но мало того, что поверхъ гибели всегда паритъ идея нравственнаго міропорядка,—противоположности развертываются и примиряются здѣсь внутреннимъ и внѣшнимъ образомъ.

Чтобы вымолить у боговъ попутнаго вѣтра для воинства, стало-быть изъ-за политической цѣли, Агамемнонъ принесъ въ жертву собственную дочь, Ифигенію, и тѣмъ вызвалъ жену свою, а ея мать, къ заступничеству и мщенію за семейную обиду. Она умерщвляетъ побѣдителя при торжественномъ его возвратѣ. Вотъ первая трагедія. Убійство требуетъ возмездія, и Агамемноновъ сынъ, Орестъ, отмщая за отца, предаетъ мать смерти. Это вторая трагедія. Кровь матери, въ свою очередь, вопіетъ о мести, и Ореста преслѣдуютъ Эринніи; но, съ другой стороны, онъ выполнилъ вѣдь волю боговъ, и свѣтобогъ борется теперь за него съ демонами ночи; высшее человѣческое судилище опускаетъ въ урну столько же черныхъ камней, какъ и бѣлыхъ; но богиня мудрости произноситъ слово высшаго правосудія, разрѣшающей благодати. Это—заключительная драма примиренія.

И здѣсь, какъ въ «Промеѳеѣ», устранено все прямо внѣшнее и случайное, все возведено въ чистый символъ людской жизни и божескаго промысла, ясно высказано то, что есть навѣки полносильнаго въ историческомъ ходѣ событій, и этимъ достигнута высшая степень идеальности; но послѣдняя выставлена зато въ такомъ дивномъ блескѣ, что ни одно поэтическое созданіе древняго міра нейдетъ далѣе этого по возвышенному великолѣпію. Настоятельно высказываетъ здѣсь Эсхилъ, что не само по себѣ счастіе родитъ изъ цвѣтущаго своего лона бѣду и горе, но что строптивая самонадѣянность ведетъ къ худу, и что зломъ всегда вызывается новое опять зло. Кровь требуетъ крови; какъ поддѣльный металлъ, обтершись отъ употребленія, выдаетъ себя рано или поздно, такъ обличается и вина, никогда не минуя должнаго возмездія. Но къ праведной и богобоязненной жизни всегда благосклонна вѣчная справедливость, и гдѣ добродѣтель выстроила домъ, тамъ и внукъ домохозяина унаслѣдитъ благополучіе. Такъ говоритъ хоръ въ «Агамемнонѣ».

У Гомера, жена Агамненона, Клитемнестра, убиваетъ воротившагося мужа заодно съ Эгистомъ, соблазнившимъ ее на прелюбодѣяніе,—убиваетъ такъ, какъ внезапно бьютъ напримѣръ быка у яслей; но подросшій Орестъ отомстилъ за отца, снова овладѣлъ своимъ царствомъ и тѣмъ заслужилъ почетъ между людьми. Болѣе развившееся чувство требовало за злодѣйскій ударъ искупленія, которое введено было въ обычай культомъ Аполлона; тогда умѣли уже оцѣнить весь ужасъ такого поступка противъ матери. Орестъ долженъ былъ испытать его, и не скоро могъ послѣ этого успокоиться разстроенный его духъ. Такъ поняли дѣло и трагики. И если приходилось выставить Агамемнона средоточіемъ трагедіи, то надлежало чтобы какая нибудь вина и съ его стороны оправдывала преступленіе супруги. Къ этому послужило принесеніе имъ въ жертву родной дочери. Ифигеніей прозывалась первоначально Артемида, а потомъ жрица этой богини, обреченная ей, но спасенная послѣ жертва, и таковою-то, въ качествѣ дочери Агамемнона, она вошла еще въ погомеровскій эпосъ. Но ужасы смертоубійства надъ супругомъ и матерью были немыслимы для Грека безъ подготовки; надо было отыскать ее въ характерахъ, въ нечестіи предковъ. Что Танталъ зарѣзалъ своего собственнаго сына Пелопса, чтобы угостить имъ боговъ, а тѣ снова его оживили, — это было сказаніе малоазійскихъ Семитовъ, относившееся къ приносу въ жертву первороднаго; Грекъ считалъ это преступленіемъ; и тогда какъ у Гомера Атрей, Ѳіэстъ, Агамемнонъ мирно передаютъ скипетръ одинъ другому, братья становятся теперь врагами: Ѳіэстъ соблазняетъ свою невѣстку, а Атрей убиваетъ на обѣдъ отцу двухъ его сыновей; оставшійся въ живыхъ братъ ихъ, Эгисѳъ, вмѣняетъ себѣ въ обязанность выместить пролитую кровью на Атреевомъ сынѣ, Агамемнонѣ. Такимъ именно образомъ трагики переработали миѳы въ выраженіе нравственныхъ идей, въ картину сцѣпленія вины и отплаты; для насъ ясно уже и здѣсь, до какой степени внѣшняя оболочка миѳа была податлива, а далѣе мы увидимъ, какъ каждый трагикъ съ своей стороны оправдывалъ и передѣлывалъ ихъ посвоему. У Эврипида напримѣръ Орестъ примиряется съ богами тѣмъ, что отыскиваетъ Ифигенію въ Тавріи и увозитъ ее оттуда вмѣстѣ съ ликомъ Артемиды, и только уже Гёте удалось дать этому внутреннее развитіе и окончательное завершенье.

Сцена въ «Агамемнонѣ» открывается тѣмъ, что сторожъ вверху городской стѣны жалуется на утомительность своей безсонной службы и утѣшаетъ себя надеждою что свѣтъ сигнальныхъ огней, переходя со скалы на скалу, доведетъ наконецъ до Микенъ желанную вѣсть о взятіи Трои. Вдругъ ярко запылалъ огонь, и сторожъ передаетъ великую новость; но торжество его смущено тѣмъ, что какъ будто не все обстоитъ благополучно въ царскомъ домѣ. Выходитъ на сцену хоръ старцовъ; онъ поетъ какъ двинулось въ походъ войско, и какъ принесли въ жертву Ифигенію, присовокупляя къ плачу по ней мольбу, чтобы восторжествовало доброе дѣло, и скрашивая этой прибавкою невеселую свою пѣснь. Клитемнестра возвѣщаетъ паденіе Трои, а хоръ по этому поводу поетъ о строгихъ судахъ божіихъ, о нечестивомъ поступкѣ Париса, а потомъ переходитъ въ сферу общихъ помысловъ и, какъ еще одинъ изъ слѣдующихъ хоровъ, развиваетъ идеи поэта о судьбѣ. Тутъ упоминается и о тайномъ недовольствѣ народа этой внѣшнею войной, въ которой пало такъ много жертвъ изъ-за царскаго собственно дѣла. Бирючь является подтвердить вѣсть переданную огнями; онъ славитъ счастіе побѣдителей, благодаритъ боговъ за свое собственное спасенье, но говоритъ и о бурѣ разсѣявшей суда на возвратномъ пути. Клитемнестра хвалится своей супружеской чистотой, тогда какъ народу уже извѣстна ея невѣрность, и заявляетъ съ горькой ироніей что ласка стороннихъ мужчинъ такъ же чужда ей какъ и удары мечами; подобно тому какъ впослѣдствіи она, страшно издѣваясь, говоритъ, что конечно Ифигенія привѣтствуетъ теперь отца въ царствѣ тѣней.

Такъ въ самыхъ живыхъ краскахъ передается противоположность великолѣпной внѣшней обстановки и наружнаго счастія съ полнымъ внутреннимъ разстройствомъ и мучительнымъ опасеніемъ; съ одной стороны сильно возбуждается воображеніе, съ другой — не менѣе сильно мысль увлекается въ глубину серьёзной думы, а музыкальный потокъ чувствъ въ хоровой музыкѣ охватываетъ между тѣмъ и эпическій разсказъ, и пластически-ясные облики героевъ.

Но вотъ является самъ Агамемнонъ на вершинѣ благополучія; онъ везетъ съ собой на побѣдной колесницѣ дочь Пріама, Кассандру. Жена торжественно привѣтствуетъ его въ хвалебной рѣчи и велитъ разостлать пурпурные ковры ему подъ ноги, да войдетъ онъ въ чертоги свои какъ подобаетъ богу. Мудрое сердце остерегаетъ его отъ излишней кичливости, но Клитемнестра уговорила мужа вступить на гордый путь. Потомъ она зоветъ идти за нимъ и Кассандру. Вѣщая дѣва, убранная жреческой повязкою, до сихъ поръ молчала; но тутъ она разразалась отрывистыми стенаньями, которыя чередуются съ рѣчью хора; она чуетъ кровь, она видитъ тѣни зарѣзанныхъ дѣтей, она видитъ какъ жена накидываетъ на голову мужу сѣть въ купальнѣ и безжалостно его умерщвляетъ: пала жертва, и быстро близится ударъ неизбѣжной судьбы! Она оплакиваетъ свой собственный скорбный жребій, что горьче доли пойманнаго соловья, и переходитъ потомъ въ равномѣрный ритмъ триметровъ, чтобы все изложить ясно и тутъ же предсказать конецъ новаго злодѣянія и кару, которую воздастъ ему Орестъ. Сладко умереть достославной смертью; а ей что пользы даже и бѣжать?—родной городъ ея сожженъ въ пепелъ, всѣ близкіе перебиты до еди-

наго; она мужественно войдетъ въ домъ, гдѣ суждено ей умереть, но умереть не безъ мести. На прощанье она говоритъ:

Охъ, эта жизнь людская! Улыбнись ей счастіе,
Глядишь, какая-нибудь тѣнь разсѣетъ его въ прахъ; а не посчастливься,
Всю картину сотретъ одинъ взмахъ губки,—и кто тогда о тебѣ подумаетъ?
Далеко не такъ горько мнѣ первое, какъ вотъ именно это!

Вильгельмъ Гумбольдтъ совершенно правъ: «Нѣтъ ничего въ цѣлой древ«ности возвышеннѣе этой сцены; она столько же трогаетъ, сколько и по«трясаетъ.»

Раздался смертный вопль Агамемнона; хоръ рѣшается вступиться за царя. Входитъ Клитемнестра, хвалится своей хитростью и сбрасываетъ съ себя личину, которая теперь больше не нужна: жертва исходитъ кровью, все кончено, Агамемнонъ самъ выпилъ чашу проклятія, которую подносилъ другимъ; оскорбившій права дома жертвоприношеніемъ дочери, привезшій въ домъ къ женѣ наложницу, простертъ теперь рядомъ съ ней во прахѣ, а она, подобно лебедю, спѣла предсмертную свою пѣснь. Съ жуткимъ, невольнымъ трепетомъ должна была Клитемнестра чаять и себѣ грознаго возмездія, но все еще нагло и надменно хвастаетъ она удавшимся убійствомъ, и чудовище предстаетъ намъ во всей страшной возвышенности, «блистая ужасомъ, щеголяя кровью «мужа, какъ царской багряницей.» (Клейнъ.) И Эгисоъ хвалится злодѣйствомъ, въ которомъ участвовалъ онъ изъ кровомщенія. Хоръ намѣренъ на него напасть; но Клитемнестра воздерживаетъ его увѣтомъ, что довольно уже страданій и горестей, что и безъ того постигъ ихъ тяжкій ударъ судьбы. Такимъ образомъ Эсхилъ, точно такъ же какъ Шекспиръ въ леди Макбетъ, даже и въ ней спасаетъ еще человѣчность; и когда хоръ поетъ скорбную пѣснь по Агамемнонѣ, она присоединяетъ къ ней желаніе, чтобы прекратились наконецъ отместныя убійства: тогда она готова покорно нести всѣ грядущія судьбы.

Въ «Тризницахъ» Эсхилъ преимущественно изображаетъ возмездіе. Все дѣйствіе происходитъ здѣсь около Агамемновой гробницы, и вмѣсто блеска первой трагедіи, надъ сценою тяжело легла теперь мрачная грусть. Тревожные сны не даютъ покоя мужеубійцѣ. Дочь ея, Электра, должна принести жертву у гроба отца; но и она, и хоръ призываютъ духъ усопшаго на помощь дѣтямъ противъ матери, и вотъ является на сцену сынъ Орестъ, котораго самъ Аполлонъ вызвалъ къ мести. Онъ выдаетъ себя за чужака, принесшаго извѣстіе о смерти Ореста, и убиваетъ сперва обрадовавшагося этому Эгисоа, а за тѣмъ, послѣ короткихъ переговоровъ, но сильнѣйшей внутренней борьбы, и мать. Хоръ не одинъ разъ высказывалъ надежду, что карающая справедливость готовитъ теперь искупленіе всѣхъ ужасовъ, что кровь потечетъ во благо и что раздастся наконецъ примирительная пѣснь. Но Орестъ страшно мятется духомъ, онъ чувствуетъ всю противуестественность свершеннаго имъ мщенія; изъ материнской крови возстаютъ Эринніи передъ внутреннимъ его созерцаньемъ, и преслѣдуемый ими онъ спѣшитъ ко храму Аполлона, ища разрѣшиться отъ грѣха.

Заключительная драма, «Эвмениды», выводитъ опять на сцену самихъ небожителей, а поприще взаимной борьбы вѣчныхъ правъ и вѣчныхъ силъ,—

это собственная грудь человѣка. Аполлонъ снялъ кровную вину, Эринніи заснули передъ его храмомъ, святилище религіи даровало Оресту миръ и покой; но едва онъ вышелъ оттуда, тѣнь Клитемнестры снова пробуждаетъ демоновъ мщенія; свѣтобогъ выгоняетъ ихъ изъ своего храма, но они заявляютъ притязаніе на жертву. Въ этомъ спорѣ Аполлонъ предложилъ богиню мудрости въ Аѳинахъ посредницей, и къ ея-то алтарю обращается молитвенно Орестъ, считая себя въ правѣ приблизиться къ ней съ чистымъ сердцемъ; Эринніи, съ своей стороны, изображаютъ себя въ страшно-прекрасной пѣсни безпощадными кровоместницами, неусыпными и неизбѣжными стражницами закона. Аѳина вызываетъ самоё совѣсть къ рѣшенію: приводитъ избранныхъ Аѳинянъ къ присягѣ на судейскую должность и тѣмъ самымъ основываетъ ареопагъ. Обѣ стороны, Аполлонъ и Эринніи, защищаютъ каждая свое дѣло; но первый, къ нашему удивленію, мало налегаетъ на то, что́ должно́ окончательно порѣшить споръ: поэтъ болѣе чувствовалъ нежели ясно сознавалъ, что все дѣло въ умыслѣ, съ какимъ совершенъ тотъ либо другой поступокъ; впрочемъ это достаточно разъяснено и въ характерѣ Ореста, и въ изложеніи самого дѣйствія. Тутъ произошла борьба двухъ правомѣрныхъ началъ: голосъ природы и крови имѣетъ вѣдь также силу, какъ и государственный порядокъ; оттого судьи опускаютъ въ урну одинаковое число камней и за, и противъ. Аѳина, какъ олицетвореніе божественной мудрости и благости, оправдываетъ Ореста. Эринніи не довольны рѣшеніемъ, но Аѳина обѣщаетъ имъ божескія почести въ подгородной священной рощѣ; тамъ должны онѣ оберегать край, чтобы не приключалось ни какого вреда ни полямъ, ни людямъ, чтобы господствовали урожай, здоровье и всякое благоденствіе, чтобы не было въ городѣ ни усобицъ, ни убійствъ, и народъ жилъ въ любви и согласіи. «Потому что восторжествовалъ «слововластитель Зевсъ, и побѣдный вѣнецъ всегда будетъ принадлежать намъ «въ борьбѣ доблести.» Такъ богини мести, Эринніи, превратились въ Эвменидъ, благожелательницъ; вѣдь благожелателенъ всегда и добръ голосъ совѣсти въ человѣкѣ, даже и тогда когда онъ караетъ его скорбію и тѣмъ возстановляетъ въ немъ опять правду. Послѣ всѣхъ ужасовъ піэса заключается всеобщимъ примиреньемъ, среди блеска свѣточей и радостнаго торжества по поводу новоучрежденнаго богослуженія.

Для Эсхила трагедія эта была вмѣстѣ и политической исповѣдью, дѣломъ пламеннаго патріотизма. Надо было отстоять ареопагъ, котораго верховную опеку Эфіальтъ и Периклъ принесли въ жертву народному совершеннолѣтію. Эсхилъ вступился за права его. Аѳина учредила ареопагъ блюстителемъ и стражемъ всего края; благоговѣйная робость должна воздерживать отъ зла; народъ долженъ благоденствовать, равно далекій отъ тиранніи и отъ необузданной вольницы; кому все ни по чемъ, тому трудно оставаться справедливымъ. Вотъ почему ареопагъ долженъ быть высокимъ и спасительнымъ оплотомъ, какого нѣтъ ни гдѣ кромѣ Аѳинъ, и который слѣдуетъ чтить святыней. И хоръ, съ своей стороны, поетъ о томъ, что страхъ зачастую впользу человѣку и держитъ его на пути къ добру; а кто вздумаетъ играть правомъ, тотъ разшибется о твердую скалу его. На почвѣ равномѣрности и здоровья души процвѣтаетъ всѣмъ желанное благополучіе.

Аѳины увѣнчали эту драму, и мы готовы приписать ей долю вліянія на то, что ареопагъ остался въ качествѣ уголовнаго суда и сохранилъ за собой

религіозное освященіе. По крайней мѣрѣ трагедія особенно налегала на это, и слѣдовательно была не столько голосомъ партіи, сколько примирительнымъ заключеніемъ тогдашней конституціонной борьбы. Во всякомъ случаѣ она — зеркало современнаго ей движенья, и надо сказать что нарочитость (тенденція) вполнѣ разрѣшалась здѣсь въ художественномъ просвѣтленіи дѣйствительности. Поэтъ вскорѣ потомъ отправился въ Сицилію, гдѣ, подобно Пиндару, онъ еще и прежде встрѣчалъ себѣ почетный пріемъ; умеръ онъ въ Гелѣ.

Приведемъ къ концу нѣсколько изреченій изъ потерянныхъ драмъ Эсхила:

Металлъ служитъ зеркаломъ красотѣ, а вино — духу.

Божество обыкновенно всего ближе къ убитому скорбью.
Кому пошлетъ оно страданіе,
Тому въ утѣху остается любимое дитя горя, слава

Гдѣ сила сочеталась съ правомъ,
Такой союзъ могучѣй всѣхъ другихъ.

б) Софоклъ.

Софоклъ приходитъ къ Эсхилу какъ Рафаэль къ Микель-Анджело: къ подавляющей силѣ глубокодумія, къ парящей возвышенности, къ демоническому величію характеровъ присоединяется выработанная насквозь гармонія благородной души и обусловленной ею благородной формы, чувство красоты особенно заявляющее себя въ постройкѣ цѣлаго, въ композиціи, наконецъ — такое благозвучіе, въ которомъ все между собой согласно. Средина въ умѣніи сочетать достоинство съ граціей, въ надлежащей мѣрѣ разверстки противоположностей, никогда не проявлялась такъ удивительно и совершенно, какъ въ положеніи Софокла между Эсхиломъ и Эврипидомъ. Между Эсхиломъ, этимъ мараѳонскимъ бойцомъ, который глубоко чтитъ старозавѣтное преданіе и волю единичнаго лица рѣшительно подклоняетъ цѣлому, и между Эврипидомъ, который, воспитавшись у софистовъ, ставитъ субъективность личнаго духа превыше всего и, въ угоду единичности, всегда готовъ поступиться цѣлымъ, стоитъ Софоклъ, благозвучный голосъ Перикловa времени; дойдя школою гимнастики и музыки до полной ясности и свободы мысли, онъ поддерживаетъ личность въ согласіи съ общенародными чувствами, такъ что она руководитъ послѣднія, сама на нихъ опираясь. Пригожимъ пятнадцатилѣтнимъ юношей стоялъ онъ въ челѣ хоровода пѣвцовъ, славившихъ Саламинскую побѣду. Когда двѣнадцать лѣтъ спустя (въ 468 г.) онъ впервые состязался съ Эсхиломъ за награду по трагедіи, борьба эта имѣла культурно-историческое значенье; и съ тѣхъ поръ какъ Кимонъ, возвратясь съ подручными вождями изъ ѳракійскаго похода, рѣшительно объявилъ его нарождающимся геніемъ, онъ ни разу не былъ побѣжденъ Эврипидомъ, ни разу не былъ поставленъ ниже обоихъ своихъ соперниковъ. Какъ близкій Периклу человѣкъ, онъ занималъ одно изъ начальническихъ мѣстъ въ войну съ Самосомъ. Вплоть до глубокой старости, до 90 лѣтъ, любимецъ музъ сохранилъ не только способность радоваться всѣмъ прекраснымъ, но и геніальную силу творчества. Религіозный въ глубинѣ

души, онъ додумывался до нравственныхъ основъ народной вѣры, не разлагая миѳа въ его образности, и девизомъ его можно почесть слѣдующую строфу хора въ «Эдипѣ царѣ»:

Да будетъ удѣломъ моей жизни,
Всегда хранить благочестивую чистоту
Слóва и дѣла, неизмѣнную вѣрность тѣмъ вѣчнымъ правамъ,
Что нисходятъ съ высотъ, чадами эѳирнаго свѣта;
Они не рождены ни кѣмъ-либо изъ земныхъ существъ, ни человѣкомъ;
Олимпъ — отецъ имъ. Никогда
Не уснутъ они въ забвенія:
Въ нихъ мощно живетъ, не старѣясь, само божество.

Адольфъ Шёлль кажется окончательно рѣшилъ вопросъ о томъ, что драматическіе поэты въ Аѳинахъ состязались не иначе какъ цѣлыми трилогіями, и тогда конечно ужь вовсе нельзя было бы назвать прогрессомъ, если бы Софоклъ въ самомъ дѣлѣ выступилъ съ тремя піэсами безо всякой связи и внутренняго соотношенія; но недоразумѣніе Суиды, «что онъ первый на«чалъ ставить драму противъ драмы при состязаніи», основано лишь на томъ, что онъ гораздо болѣе округлялъ въ цѣлое каждую драму поодиночкѣ, болѣе сосредоточивалъ дѣйствіе, которое предшественники его разбивали на три части, и тѣмъ самымъ придавалъ любому отдѣльному произведенію болѣе богатства и разнообразія. Если за тѣмъ піэсы и являлись розными по событіямъ, какъ напримѣръ въ трилогіи, которая до насъ дошла, то все же и у Софокла, и у Эврипида онѣ связывались всегда общей основною мыслію, выходили разнообразными рѣшеніями одной и той же задачи. Перипетія, тотъ именно поворотъ судьбы, который герой самъ себѣ уготовилъ, та перемѣна счастія, которая постигаетъ цѣлый родъ, лежитъ теперь не въ одной уже середней драмѣ, къ которой первая относится какъ излагающій приступъ, а третья какъ заключеніе: у Софокла есть она для каждой трагедіи, о каждой можно сказать, что говоритъ у него Менелай въ одномъ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ:

Такъ, вмѣстѣ съ могучимъ колесомъ бога,
Постоянно круговращается жизнь моя, такъ измѣняется она видомъ,
Ни дать ни взять ликъ мѣсяца, что не устоитъ
Въ одномъ объемѣ и очеркѣ даже и въ теченье двухъ ночей:
Сперва слабый и тусклый, съ новолунія
Замѣтно ростетъ онъ красотой, день-ото-дня полнѣетъ и полнѣетъ;
А когда явится во всемъ лучезарномъ блескѣ,
Начинаетъ опять чезнуть, и—глядишь—обратился ужь въ ничто.

Софоклъ былъ именно мастеромъ многосложной драмы: онъ выводитъ на сцену различные характеры въ столкновеніи ихъ обязанностей, или же представителями взаимно перечащихъ другъ другу правъ и убѣжденій, и развиваетъ изъ этого борьбу, въ которой крайнія противуположности сокрушаются одна о другую, и отсюда возникаетъ сознаніе необходимой между ними органической связи, ихъ гармоніи, въ видѣ окончательнаго рѣшенія задачи или въ видѣ примиренія очищенной души и со стороны воли, и со стороны знанія. Такимъ образомъ сюжетъ драмы развертывается черезъ взаимнодѣйствіе личностей и ведомыхъ ими рѣчей; одна положительно вліяетъ на другую, и сама испытываетъ

ся вліяніе, что и составляетъ истинный драматизмъ. Поэтому Софоклъ далъ возможный просторъ діалогу, бесѣдѣ, а эпическій разсказъ ограничилъ донесеніями вѣстниковъ, лирику—сравнительно рѣдкими изліяніями возбужденныхъ чувствъ и, потомъ, раздумчивыми пѣснями хора въ промежуточныхъ пріостановкахъ дѣйствія. Вмѣсто очерка характеровъ, которые, оставаясь всегда одинаково вѣрны простой своей величавости, излагаютъ передъ нами свое существо и заранѣе уготовляютъ себѣ жребій, мы видимъ теперь полную картину души, испытывающей на себѣ вліянія внѣшняго міра и оттого измѣняющейся въ настроеніяхъ, благодаря отношенію къ другимъ приходящей въ особенныя положенія и раскрывающей въ нихъ всю свою своеобразность; фактическую же сторону трагедіи поэтъ обусловливаетъ движеніями души и воли, основывая внѣшнее на внутреннемъ, поступки на образѣ чувствъ и мыслей. Послѣ этого мы въ правѣ сказать вмѣстѣ съ Отфридомъ Мюллеромъ, что изъ поэтовъ древняго міра Софоклъ всѣхъ глубже проникъ внутрь человѣка, въ сокровенные тайники его души. Въ ней собственно и происходитъ у него драматическое дѣйствіе: мы изучаемъ здѣсь духовную природу и ея законы. Главное для Софокла человѣческій элементъ во всеобщей его полносильности; онъ никогда не бьетъ на выходящее изъ ряда вонъ, фигуры его сохраняютъ родовой пошибъ, онъ идеализируетъ ихъ только тѣмъ, что отнимаетъ у свойствъ характера все чисто-случайное и завершаетъ ихъ вполнѣ сообразно ихъ сущности: къ этому относится и его собственное изреченіе, что онъ представляетъ людей такими, какими они быть должны, а Эврипидъ такими, какими они обыкновенно бываютъ въ дѣйствительности. Но когда онъ захочетъ изобразить въ нихъ какое-нибудь направленіе души съ полною энергіей, онъ возноситъ его выше всякой абстракціи и придаетъ ему животрепещущее выраженіе, надѣляя его рѣзко-выдающимся колоритомъ и дополнительными чертами, характеристическими какъ нельзя болѣе. Антигона представляетъ у него принципъ любви, но вѣдь строго и твердо, съ нѣкоторою даже терпкостью; отважная Электра, подстрекающая къ матереубійству, изныває тъ однако въ слезахъ по братѣ; Аяксъ, столь ужасный, столь бѣшеный въ гнѣвѣ, когда затронута военная его честь, является полнымъ задушевности къ женѣ, къ дѣтямъ, къ товарищамъ, полнымъ теплаго естественнаго чувства; да и строптивая самонадѣянность Эдипа, наконецъ, развѣ не обращается потомъ въ сокрушительный ужасъ надъ самимъ собою? При этой явной двусторонности, сами характеры отражаютъ однако единство въ различіи, полную гармонію цѣлаго, симметричность всего склада. Они не до такой степени индивидуальны, не такъ богато надѣлены какъ у Шекспира или у Гёте; они въ поэзіи подпару и сродни пластическимъ фигурамъ Поликлета или Скопаса.

Наконецъ и въ выраженіи Софоклъ столько же далекъ отъ вычурнаго и надутаго, какъ и отъ пошлаго; языкъ образованнаго общества возвышаетъ онъ только благозвучіемъ ритмовъ и стремится болѣе къ отчетливо-граціозному изложенію мысли, нежели къ темной или фантастичной образности. Онъ не нанизываетъ предложеній только внѣшней пристановкою одного къ другому; въ связи ихъ, какъ въ свою очередь Платонъ, онъ всегда умѣетъ тонко обозначить ихъ взаимную зависимость и различную степень соотношенья. Хоры его—дивные памятники лирическаго искусства; онъ великъ въ сплошномъ потокѣ кра-

снорѣчія, но особенно великъ въ разговорѣ, гдѣ стихи или четы стиховъ отвѣчаютъ другъ другу ударъ за ударомъ. Зольгеръ справедливо замѣтилъ на этотъ счетъ: «У Эсхила дѣйствующія лица обыкновенно бросаютъ другъ въ «друга всей своею косной тяжеловѣсностью, всѣми чудовищными взрыва-«ми своихъ страстей; у Эврипида играютъ они иногда безъ мѣры софизма-«ми или обмѣномъ ничтожныхъ, мелочныхъ увертокъ; у Софокла все вни-«маніе ихъ обращено на тѣснѣйшую связь дѣла, которую они и передаютъ «въ полносмысленной краткости, охотно выражаясь такъ, что въ душѣ упор-«наго противника остается жало тайнаго сомнѣнья. Поэтому я готовъ упо-«добить Эсхиловскія рѣчи дикимъ камнямъ, бросаемымъ пращею, Эврипидов-«скія — ловко перекидываемымъ мячамъ, а Софокловскія—острымъ и мѣт-«ко нацѣленнымъ стрѣламъ».

Такимъ образомъ все у Софокла отвѣчаетъ дѣлу, любая отдѣльная черта согласована съ цѣлымъ произведеніемъ, вполнѣ подчинена ему и приведена въ мѣру изящной формы. Вотъ откуда происходитъ та сладость, за которую древніе прозвали его аттической пчелой. Шлегель нашелъ у него же самого живое подобіе его поэзіи, — заповѣдную рощу темныхъ богинь судьбы, облеченную тѣмъ не менѣе во всѣ весеннія прелести благодатнаго юга, съ зеленѣющими лаврами, маслинами и виноградными лозами, съ безпрерывными перекатами соловьиныхъ пѣсенъ. — Однакожъ капля горькой полыни подмѣшана къ медвяному вину поэзіи, которымъ Софоклъ угощаетъ насъ изъ прекрасно вышлифованнаго кубка. Ни одна изъ отдѣльныхъ его драмъ далеко не представляетъ уже въ такой ясной отчеканкѣ ту величавую связь вины съ ея искупленіемъ, которая въ трилогіи Эсхила оправдываетъ вѣчную справедливость въ ходѣ исторіи и обличаетъ нравственный міропорядокъ въ совершеніи судебъ; характеры его нерѣдко замкнуты въ кругъ такихъ обстоятельствъ, которыя просто суждены имъ свыше, такъ-какъ они вовсе не зависятъ отъ воли этихъ личностей, и мы не пережили, не видали передъ собой обосновки ихъ какими бы то ни было предшествовавшими поступками; онъ любитъ показать какъ напрасно человѣкъ борется съ своимъ рокомъ, и иронія поэта, такъ же какъ и иронія судьбы, проявляется обыкновенно въ томъ, что герой, желая избѣжать послѣдней или какъ-нибудь повернуть ее, тѣмъ именно себѣ ее и навлекаетъ. Въ насъ родится глубоко-потрясающее чувство ничтожности всѣхъ конечныхъ стремленій, всего конечнаго знанія передъ безконечнымъ и божественнымъ; намъ остается одно, — покорность волѣ вѣчнаго рока; набожный Софоклъ чтитъ въ ней нѣчто священное, и однакожъ намъ все-таки мнится слышать жалобу Гётева арфиста къ небеснымъ силамъ:

Вы сами вводите насъ въ жизнь,
Сами даете бѣдняку впасть въ провинность;
А за тѣмъ покидаете его на жертву страданію,
Такъ-какъ вѣдь нѣтъ на землѣ вины, которая осталась бы неотмщенной.

Правда, Шнейдевинъ считалъ полносильнымъ для всякой трагедіи слѣдующій помыслъ: «Смертнаго, какъ бы хорошъ онъ ни былъ, не удержитъ отъ прегрѣ-«шеній даже и собственная бдительность надъ каждымъ его шагомъ, ему не

«въ пользу и самое остроумное познаніе справедливаго, если онъ лишенъ «при этомъ любви боговъ.» Но не даромъ возстаетъ противъ этого Клейнъ: «Такая формула вконецъ сокрушаетъ трогическое начало, хоть и думая пре«вознести его. Она высказываетъ основную мысль трагики отчаянія, а не «трагики примиренья съ Богомъ, — мысль, стоящую въ полномъ противо«рѣчіи не только съ тѣмъ чистымъ понятіемъ о Богѣ, какое выработали «философія и религія духа, но и съ Эсхиловскою трагикой, внушающей нѣ«что совсѣмъ противоположное: Никогда любви боговъ не лишится смертный, «который живетъ идеей добра и по ней дѣйствуетъ. Вѣдь чѣмъ же и сни«скать эту любовь, если не дѣятельнымъ стремленіемъ къ правдѣ и добру, «то-есть къ тому, что̀ божественно?» Софоклъ впрочемъ не впадаетъ въ трагику отчаянья, но вдается слишкомъ часто въ трагику грустной покорности, сколь ни трогательно - прекрасною умѣетъ онъ ее изобразить. Примиреніе лежитъ у него больше въ формальномъ изяществѣ цѣлаго и частностей, въ гармоніи, которая изъ гармонической души поэта бросаетъ просвѣтляющій блескъ на все, а не то чтобы оно совершалось въ самомъ дѣйствіи и въ душѣ дѣйствующихъ лицъ путемъ очищенной страсти и осмысленіемъ слѣпого рока, въ которомъ выяснилась бы наконецъ воля верховной справедливости и любви. Судьба стоитъ *надъ* земнымъ міромъ, объективно; человѣкъ правда заслуживаетъ себѣ свою судьбу поступками; но такъ какъ онъ могъ бы поступать совсѣмъ иначе и испытать отъ другихъ совершенно иное, то главное тутъ и остается загадкою, которая неразрѣшима на этой точкѣ зрѣнія, и которую только уже въ христіанскомъ мірѣ Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ одолѣли тѣмъ, что отправною точкой взяли именно характеръ, его внутреннюю природу, складъ и самоопредѣленіе, и отсюда развили всѣ его дѣйствія и попущенія, такъ что онъ самъ уготовляетъ себѣ свой жребій, какъ правильное слѣдствіе своей воли и дѣятельности, и необходимость выходитъ для него стало-быть изъ свободы. Вмѣсто словъ оракула, которымъ всегда подобалъ должный почетъ, намъ говорятъ теперь:

Въ твоей груди судьбы твоей звѣзда.

Начнемъ съ лучшаго изъ Софокловыхъ произведеній, которое создалъ онъ въ полной зрѣлости своихъ силъ и, вѣроятно, передъ смертью еще разъ переработалъ, — съ трилогіи изъ ѳиванскихъ былинъ. Такъ-какъ даже еще и за послѣднее время въ «Эдипѣ царѣ» хотѣли видѣть трагедію судьбы, въ худшемъ смыслѣ этого слова, выдавали ее за картину фатализма грубаго и неразумнаго, то я съ самаго же начала упомяну о томъ, что впервые у Софокла Лаій вступаетъ въ бракъ наперекоръ заповѣди боговъ и что такимъ образомъ поэтъ возводитъ овиисловку этого миѳа далѣе; когда, не смотря на то, у Лаія и Іокасты родится сынъ, черезъ котораго и угрожаетъ имъ справедливая кара за ихъ преступленіе, тогда они хотятъ устранить ее подкинутіемъ младенца, дѣтоубійствомъ: развѣ не заслужили они постигшаго ихъ жребія? Эдипъ спасенъ, воспитанъ царемъ Коринѳскимъ; тотъ усомнился въ его происхожденіи, и Эдипъ прибѣгаетъ къ оракулу, который, не давъ ему положительнаго отвѣта, ограничивается предостереженіемъ, чтобы онъ особенно берегся убить отца и жениться на матери. Онъ самонадѣянно думаетъ избѣжать этого тѣмъ, что не возвращается опять въ Коринѳъ, и, вопреки сомнѣнію на-

счетъ отца, вопреки данному предостереженью, убиваетъ въ пылу гнѣва какого-то неизвѣстнаго и женится на одной царицѣ, тогда какъ оба эти лица, судя по лѣтамъ, могли быть его родителями. Драконъ (то-есть баснословный змѣй) фикійской горы у трагиковъ превратился въ сфинкса, а Софоклъ съ свойственной ему замысловатостью прибавилъ къ этому отъ себя, что чудовище предлагало трудныя загадки и проглатывало тѣхъ кто ихъ не рѣшалъ, но что само оно ринулось въ бездну, когда Эдипъ назвалъ разгадкою всѣхъ загадокъ— человѣка. «Разрѣшавшій труднѣйшія загадки» остался загадкой для самого себя. Однакожь онъ не неповиненъ: онъ, правда, хотѣлъ добра, хотѣлъ избѣгнуть преступленія, но въ слѣпой самонадѣянности, полагаясь на свой собственный умъ-разумъ, поступалъ рѣзко, опрометчиво. Тяжкія грѣхи его конечно неумышленны; оттого поэту нельзя было вывесть ихъ изъ его воли, и оттого они являются свершенными до начала трагедіи, а послѣдняя излагаетъ за тѣмъ постепенное сознаваніе ихъ виновнымъ; и тутъ въ самой потрясающей душевной борьбѣ предстаетъ намъ нравственное стремленье къ правдѣ объ руку съ самодовольнымъ ослѣпленіемъ. Подобное же мастерство очевидно и въ строѣ драмы, въ томъ какъ все въ ней исподоволь разъясняется, какъ съ каждымъ шагомъ впередъ божественное водительство оправдывается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ думаетъ самовольно обойдти его уставы. Еще Шиллеръ назвалъ это произведеніе трагическимъ анализомъ: въ немъ заготовь на лицо все то, что вѣдь только уже развивается впослѣдствіи; но именно путемъ, какимъ идетъ это развитіе, характеръ и опредѣляетъ свою участь.

Моля о помощи, располагаются старики и дѣти передъ царскимъ чертогомъ: Эдипъ долженъ спасти народъ отъ губительной язвы, и онъ отправилъ уже посла въ Дельфы узнать о причинѣ нагрянувшей бѣды. Приходитъ отвѣтъ: умерщвленіе Лаія осталось забытымъ, неискупленнымъ. Эдипъ, проклиная убійцу, грозитъ ему, если онъ тотчасъ же не покинетъ страны, — грозитъ съ такой полной самоувѣренностью, какая прилична только человѣку, чувствующему себя совершенно чистымъ и неповиннымъ, а не тому, у кого на совѣсти кровь убитаго имъ незнакомца. Когда призванный для разъясненія вопроса знахарь Тиресій сначала отказывается отвѣчать, а потомъ велитъ Эдипу покинуть предѣлы края, тогда послѣдній обрушивается съ неистовымъ гнѣвомъ на вѣдуна и на вѣдовство, не хочетъ уже знать какъ низко упалъ онъ, и не понимаетъ словъ, прямо указывающихъ смертоубійцу въ немъ самомъ, а обвиняетъ зятя своего, Креона, во властолюбивомъ заговорѣ съ Тиресіемъ. Раздоръ съ Креономъ взялась укротить Іокаста: прорицаніямъ боговъ, говоритъ она, вѣрить нечего; вѣдь и Лаій долженъ былъ пасть отъ руки сына, но дитя забросили въ пустынныя горы, а царь былъ убитъ разбойниками на перекресткѣ трехъ дорогъ. Слова, сказанныя въ успокоеніе ему, какъ искра зажгли пылкую душу Эдипа: развѣ не въ то самое время умертвилъ онъ незнакомца на перекресткѣ трехъ дорогъ въ Фокидѣ? Посылаютъ въ поле за пастухомъ, бывшимъ тогда при Лаіѣ: окажется, говоритъ Эдипъ, что Лаій умерщвленъ разбойниками, тогда ясно что убилъ его не одиночный человѣкъ. Приходитъ гонецъ изъ Коринѳа съ вѣстью о кончинѣ тамошняго царя и съ приглашеніемъ къ Эдипу по немъ наслѣдовать. И Эдипъ и Іокаста только что вздохнули-было вольнѣе, сообразивъ что ему ужь не доведется теперь убить отца и что стало-быть пророчество утра-

титъ свою силу, какъ вдругъ въ разговорѣ съ вѣстникомъ у послѣдняго срывается словцо, что Эдипъ вовсе не сынъ Полива, а дитя, покинутое въ Ѳиванскихъ горахъ, что подтверждаетъ по настоянію Эдипа и вызванный пастухъ, которому на руки Лаій передалъ своего ребенка; онъ тутъ же и признаетъ въ Эдипѣ Лаіева убійцу. Но Эдипъ не можетъ видѣть безъ ужаса, что онъ загубилъ душу отца, что онъ сынъ и мужъ, отецъ и братъ въ одно и то же время; Іокаста повѣсилась съ отчаянья, а онъ надъ бездыханнымъ ея трупомъ выкололъ себѣ глаза. Онъ совершилъ вѣдь все то, чего старался избѣгнуть, именно вслѣдствіе горделивой увѣренности что для этого достаточно одной его воли. Онъ произноситъ приговоръ самому себѣ и требуетъ чтобъ его оставили одинокимъ въ горахъ, какъ отверженнаго изгнанника; тѣмъ самымъ признаетъ онъ нравственный міропорядокъ, и въ этомъ заключается примиреніе.

Смерть Эдипа Софоклъ изображаетъ примѣнительно къ сказанію своей родины: царь-мученикъ, искупившій вину свою страданіемъ, находитъ себѣ послѣдній пріютъ въ лѣсу Эринній, въ Колонѣ, близъ Аѳинъ, гдѣ сами силы судьбы встрѣчаютъ его радушно и даютъ ему успокоеніе. Такъ-какъ онъ мимовольно совершилъ неслыханные ужасы, такъ-какъ онъ тяжко за нихъ поплатился, то справедливый богъ долженъ теперь поднять его, говоритъ хоръ; вѣдь для всякой вины обокъ съ Зевсомъ сидитъ на небесномъ престолѣ милосердіе. Аѳины, принимая къ себѣ отверженца, обрѣтаютъ въ его гробѣ спасительное прибѣжище и становятся достославною обителью справедливой и кроткой человѣчности. Эдипъ, явившійся въ рукѣ судьбы орудіемъ кары за грѣхи родителей, чудесно уносится отъ земныхъ предѣловъ. Страданіе есть водительство свыше; всякое бремя, всякая напасть обращаются во благо тому, кто умѣетъ какъ должно переносить ихъ. Вмѣстѣ съ жаждою смертнаго покоя, какою дышетъ вся трагедія, раздается и та жалоба на горе и неудовлетворительность земной жизни, которая, не смотря на всю веселость Эллиновъ, на ихъ довольство настоящимъ и общественной дѣятельностью, слышна именно у глубочайшихъ геніевъ, у Гомера, Пиндара, Эсхила, у Гераклита, Парменида и Платона. Силѣнъ, пойманный въ садахъ Мидаса, на вопросъ о цѣнѣ жизни, по древнѣйшему еще преданію, мрачно отвѣчалъ: всего лучше не родиться совсѣмъ, а если ужь родился — умереть какъ можно скорѣе. Среди бѣдствій войны, при общей распущенности нравовъ, не задолго до паденія роднаго города и его независимости, престарѣлый Софоклъ воспользовался этой мыслью въ одномъ хорѣ:

Кто жаждетъ себѣ богатой и обильной доли
Въ жизни и не умѣетъ ограничиться
Надлежащей мѣрою,
Тотъ просто слѣпецъ! И я
Покажу ему это ясно своей пѣснью.
Ахъ, темныя тучи
Собираются надъ убѣленной головой,
Темныя и бѣдоносныя.
Кто слишкомъ горячо любитъ жизнь,
Тому никогда не дается чистая радость;
Онъ не знаетъ послѣдняго утѣшителя.
А вѣдь изъ темной мглы Гадеса выйдетъ же подконецъ судьба;

Безъ свадебныхъ пѣсень, безъ пляски и звука лиръ,
Подступаетъ къ намъ смерть,
Избавительница отъ всякаго горя.

Не родиться бы тебѣ вовсе, человѣкъ,—
Вотъ великое, первое слово;
Но если ужь ты увидѣлъ свѣтъ,
Право всего лучше какъ можно скорѣй
Уйдти опять туда, откуда пришелъ ты.
Вѣдь пока длится молодость,
Полная легкомысленнаго безразсудства,
Кто избѣгнетъ тогда нежданныхъ бѣдъ?
Не обуреваютъ ли насъ всякія напасти?
Убійство, раздоръ, кровопролитіе, борьба,
Ненависть и зависть! А подконецъ
Ждетъ опозоренная, угрюмая, одинокая,
Недужная и дряхлая старость,
Окруженная
Несгодой отовсюда.

Эдипъ, ведомый дочерью Антигоной, находитъ конецъ своимъ странствіямъ въ рощѣ Эвменидъ. Съ ужасомъ смотритъ на него тамъ хоръ, колонскіе старцы; всѣ сомнѣваются, можно ли ему будетъ тутъ остаться, пока не принялъ его ласково Тезей, обѣщая ему защиту. Но въ то время какъ онъ нетерпѣливо ожидаетъ смертнаго покоя, жизнь хочетъ снова увлечь его въ свой круговоротъ. Сыновья Эдипа, предоставившіе отца на волю судьбы и еще ожесточившіе его горе, сами перессорились изъ-за владычества; изгнанный братомъ Полиникъ снаряжаетъ походъ на Ѳивы, и Креонъ является оттуда захватить Эдипа, такъ-какъ, по слову оракула, съ нимъ-многострадальцемъ неразрывно связана побѣда. Эдипъ не хочетъ за нимъ слѣдовать, Креонъ похищаетъ у него дочерей, и уже готовъ наложить на самого старца руку насилія, какъ вдругъ по призывному кличу хора, подоспѣваетъ на помощь Тезей, выручаетъ мученика и отнимаетъ у Креона плѣнницъ. Является и Полиникъ, не съ раскаяніемъ и сыновней любовью, но полный своекорыстнаго желанія преклонить на свою сторону отца противъ родного города и родного брата. Эдипъ отказываетъ въ этомъ и, проклиная нелюбье дѣтей своихъ, говоритъ что оно скоро приведетъ ихъ ко взаимной гибели. Конечно, нельзя видѣть въ немъ христіанскаго страдальца, платящаго за зло добромъ, но также и не безчеловѣчнаго отца, губителя собственнымъ дѣтямъ. Онъ вѣренъ своему первоначальному характеру, и требуетъ возмездія за всякую противъ него вину. Антигона представляетъ собой высшее начало: она увѣщеваетъ отца съ братомъ къ миру и любви; но и Полиникъ, въ свою очередь, не хочетъ этого спасительнаго исхода. Эдипа призываетъ въ вѣчность подземный громъ; ясновидящій слѣпецъ самъ ведетъ богатырскаго царя Тезея въ то убѣжище, откуда онъ уносится безболѣзненно, чудесно. Плачь дочерей смолкаетъ передъ хоромъ, который говоритъ что Эдипъ обрѣлъ блаженный конецъ, заслуживъ его пережитымъ страданіемъ, что для искупленія цѣлыхъ тысячъ достаточно, пожалуй, и одной души, если только она подойдетъ къ нимъ съ чистымъ сердцемъ. Послѣднее относится къ Антигонѣ, и обѣщаніе, данное ею брату похоронить его, ея отбытіе въ Ѳивы съ тѣмъ чтобы, если можно, помѣшать братоубійственной борьбѣ, связываютъ эту трагедію съ послѣдующей.

Этеоклъ и Полиникъ оба пали подъ копьемъ одинъ другого; последнему, за то что онъ привелъ къ родному городу непріятельское войско, новый царь, Креонъ, отказываетъ въ погребальной почести, въ могильномъ покоѣ. Антигона требуетъ отъ сестры своей, Исмены, чтобы, не смотря на то, она помогла ей схоронить его; но Исмена подчинилась произвольному запрету государства; Антигона отъ нея отрекается и хочетъ исполнить этотъ долгъ одна. Хоръ славитъ побѣдоносное избавленіе города, а Креонъ объясняетъ ему, какъ необходимо для охраны общественнаго порядка карать за нападеніе на родину и какъ важно поддержать во всей силѣ этотъ спасительный законъ. Но Антигона видитъ въ Полиникѣ не врага, а только брата, и говоритъ:

Я создана быть соучастницей въ любви, а не въ ненависти.

Ей неизбѣжно приходится избрать одно изъ двухъ,—повиновеніе Богу, или людямъ; она дѣйствуетъ по совѣсти, и открыто признается въ своемъ поступкѣ. Она беретъ его на себя одну, отстраняя сестру, которой хотѣлось бы теперь раздѣлить ея участь. Не съ мольбой или жалобой, а опираясь на нравственное свое убѣжденье, подступаетъ она къ Креону:

Я не считала твоего запрещенія такимъ могучимъ,
Чтобы человѣческое его слово стояло выше
Неизмѣнныхъ, хоть и неписанныхъ, правъ небесныхъ;
Вѣдь не съ нынѣшняго и не со вчерашняго дня живутъ они,
А отвѣка, и никто не видалъ откуда они взялись.
Развѣ не обвинили бы они меня когда-нибудь на судѣ божіемъ
За страхъ передъ людскимъ благоусмотрѣньемъ?
Что мнѣ должно умереть, это я, право, давно уже знала
И безъ твоей повѣстки; а если смерть
Возьметъ меня ранѣе, по-моему тѣмъ лучше для меня.

Креонъ велитъ замуровать Антигону, чтобы поддержать въ силѣ свой уставъ,—велитъ даже и тогда, когда собственный сынъ его проситъ за нее, какъ за свою невѣсту, и напоминаетъ ему что онъ въ-правѣ миловать, что надо принять въ расчетъ и чувство ею руководившее, что самый голосъ народа склонился на ея сторону изъ-за преданной ея любви. Такимъ образомъ Креонъ оскорбляетъ святыню совѣсти и семейной связи, упорствуя въ своемъ самовольствѣ и отстаивая внѣшній порядокъ въ ущербъ высшему. По наружности онъ остается все тѣмъ же, остается въ живыхъ и попрежнему царемъ, но внутренно онъ надломленъ и наказанъ утратой своего собственнаго семейства: сынъ сходитъ въ могилу за невѣстою, мать — за сыномъ. Къ нему относятся слова хора:

О человѣкъ, первая основа счастія—
Быть мудрымъ. Никогда не забывай
Благоговѣнія передъ волей боговъ. Страшнымъ ударомъ
Платится дерзкій за дерзкое слово,
И тяжко искупая вину свою,
Научается мудрости подъ старость.

Хотя и съ благороднымъ дерзновеніемъ, Антигона все-же погрѣшила однако противъ мірского устава. Хоръ поетъ ей:

Воистину благочестивъ долгъ любви;
Но и къ власти имущаго власть
Не слѣдъ оказывать неуваженія:
Тебя сбилъ съ пути природный позывъ твоего сердца.

Грустно разстается она съ жизнію, не услышавъ свадебной своей пѣсни, не увидѣвъ свадебнаго веселья, не испытавъ ни брачнаго счастія, ни радости ходить за собственными дѣтьми; но душу ей подымаетъ мысль, что священное осталось для нея священнымъ, что она нарушила законъ только изъ благочестія. Она отдаетъ себя на судъ богамъ. Найдутъ они ее неправою, она скорбно повинится въ своемъ проступкѣ; но если виноваты ея противники, то да не постигнетъ ихъ кара жесточе той, какую они сами ей налагаютъ. Противопоставленные другъ другу моменты идеи взаимно уничтожаются, но порождаютъ въ насъ сознаніе, какъ необходима гармонія правъ сердца, голоса совѣсти, съ общественными порядками и съ государственнымъ закономъ. А надъ страданіемъ и гибелью одушевительно подымаетъ и насъ, какъ самоё Антигону, тотъ нравственно-свободный духъ, который скорѣе готовъ пожертвовать земною жизнію нежели измѣнить своему вѣчному началу, и который этимъ прямо доказываетъ свою неодолимую для смерти мощь. Вся эллинская древность не представляетъ ничего великолѣпнѣе Софокловой Антигоны, ни по глубинѣ и ясности религіозно-нравственнаго сознанія, ни по драматически-художественному совершенству. Поэтъ, создавшій это произведеніе, имѣлъ полное право вложить въ уста своему хору хвалебныя пѣсни величію человѣческаго характера и всепобѣждающему могуществу любви.

Тотъ же самый сюжетъ, который Эсхилъ обработалъ въ «Тризницахъ», —возмездіе, совершаемое Орестомъ надъ Клитемнестрою и Эгисѳомъ, въ отместку за отца,—Софоклъ, съ своей стороны, изобразилъ въ Электрѣ, показавъ намъ все это событіе не столько на дѣлѣ, сколько въ зеркалѣ ея дѣвственно-геройской души: какъ она высказываетъ хору и болѣе уступчивой сестрѣ своей, Хрисоѳемидѣ, свою, жгучую, снѣдающую скорбь о неотмщенной смерти отца, о преступной жизни матери, и какъ все болѣе и болѣе укрѣпляется въ чувствахъ ненависти и негодованія тѣмъ гнетомъ, который должна выносить; какъ потомъ, обманутая хитрой вѣстью о смерти Ореста, она изъ братниной руки принимаетъ урну съ мнимымъ его прахомъ, и отъ самаго горестнаго состоянія, неожиданно распознавъ дорогія черты, вдругъ переходитъ къ живѣйшей радости, а за тѣмъ начинаетъ спокойно внушать брату мысль о необходимомъ возмездіи. Поэтъ не скрылъ при этомъ, до какой степени терзается и сама Электра безмѣрностію своихъ чувствъ, не скрылъ что та безпощадная ненависть, съ какою она день и ночь сосетъ кровь изъ сердца родной матери, гложетъ и ея собственное сердце. Если ни она, ни братъ не содрогаются отъ ужаса передъ матереубійствомъ, то это уже шагъ назадъ въ нравственномъ отношеніи, и надо думать что въ слѣдовавшей за тѣмъ драмѣ дѣло не обошлось для нихъ безъ горя и смятенія души, и что мира и спокойствія достигли они только новыми опять борьбами. «Бей разомъ вдвойнѣ!» кричитъ Электра, когда Орестъ занесъ мечъ надъ Клитемнестрою; о, насколько человѣчнѣе, насколько женски-благороднѣй вопросъ ея

у Эсхила, когда хоръ внушаетъ ей молить у гроба отца, да явится судія и мститель, чтобы воздать убійствомъ за убійство: «Да полно благочестиво ли молить объ этомъ боговъ?»

Такъ-какъ въ «Аяксѣ» нѣтъ ближайшей рѣчи ни о ссорѣ за Ахиллово оружіе, ни объ ея рѣшеніи, а все это предполагается уже извѣстнымъ, то я думаю что оно составляло сюжетъ первой, вступительной драмы; конецъ трагедіи также не представляетъ надлежащаго примиренія и указываетъ на необходимость болѣе основательной разверстки между спорящими вождями. Могучая сила героя увлекаетъ его къ той заносчивой дерзости, которая ставитъ себя выше благодатныхъ внушеній, выше помощи боговъ, и ни какъ не хочетъ уступить перваго отличія дивному уму Одиссея, а требуетъ предпочтенія своей тѣлесной крѣпости; встрѣтивъ отказъ, онъ впадаетъ въ бѣшенство неудержной мести, рѣшается перебить всѣхъ сплошь соперниковъ, всѣхъ судей, и послѣ этого выходитъ вполнѣ естественнымъ дѣломъ, когда богиня мудрости проявляетъ безумное самоослѣпленіе его въ томъ, что замѣсто вождей онъ страшно избиваетъ стада скотины. Благородная природа его не можетъ перенесть позора, который онъ навлекъ этимъ своему достоинству, и онъ осуждаетъ самъ себя, бросаясь на свой собственный мечъ. «Благороднымъ, говоритъ онъ, надо или славно жить, или славно погибнуть.» Смертью искупилъ онъ вину свою, зато и удостоенъ почетнаго погребенія. Въ его пользу ходатайствовалъ при этомъ самъ Одиссей, со сродными ему умомъ и человѣчностью. Вѣдь онъ уже и въ первой сценѣ говорилъ:

Мнѣ жаль его,
Подавленнаго неудачей, хотя онъ и питаетъ ко мнѣ злобную вражду;
Онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ страшно-горькой необходимостью
Тутъ у меня въ виду не столько онъ, сколько мой собственный жребій:
Всѣ мы, живущіе на землѣ, не болѣе вѣдь
Какъ призраки, какъ мимолетныя тѣни.

Богиня отозвалась на рѣчь его такъ:

Помня это, никогда не пророни
Слова дерзости противъ насъ безсмертныхъ,
И не надмевайся пустымъ чванствомъ, если досталось тебѣ больше силы,
Больше всякаго богатства нежели другимъ.
Потому что съ теченіемъ дня нисходитъ и опять восходитъ
Всякое дѣло рукъ человѣческихъ, да пожалуй и самъ онъ; но къ благочестивому
Милосерды боги, злого же они ненавидятъ.

Словопреніе по поводу Аяксовыхъ похоронъ во второй половинѣ драмы немного отзывается позднѣйшимъ аттическимъ краснорѣчіемъ и охотой до судебныхъ разбирательствъ; въ первой половинѣ сильный и потрясающій элементъ удивительно переплетенъ съ трогательно-кроткимъ; прощальныя слова Текмессы къ Аяксу какъ будто бы звучатъ гомеровскою Андромахою. Сыну своему Аяксъ желаетъ походить на отца, но быть счастливѣй. Ребенокъ живетъ теперь еще «безжальной» жизнію, то-есть беззаботной, безсознательной; обвѣянный дыханіемъ весны, неженчко матери, пусть грезитъ онъ себѣ грезу юности, пока настанетъ ему часъ, показать недругамъ каковъ онъ. И въ то са-

мое время какъ Аяксъ призываетъ Эриний на многовиновныя головы враговъ, ему вспоминаются родные ручьи и поля, его вскормившія; онъ обращается къ красному солнцу съ привѣтомъ и съ послѣдней просьбою, да возвѣститъ онъ далеко отсутствующимъ родителямъ его раннюю кончину.

Въ «Филоктетѣ» Одиссей представленъ безсовѣстнѣйшимъ хитрецомъ, а сынъ Ахилла (Неоптолемъ) выведенъ съ нимъ обруку честнымъ и открытымъ малымъ. Филоктета, давно покинутаго въ одиночествѣ съ мучительной болью отъ раны, приходится теперь вызвать къ войску подъ Троею, такъ-какъ для взятія города необходимъ онъ самъ и его лукъ. Вмѣсто того чтобы сказать ему всю правду, его дотого опутываютъ обманами, что онъ не вѣритъ наконецъ и правдѣ, которой охотно бы послужилъ; хитрость какъ будто наконецъ удается: послѣ сильнаго припадка болѣзни, страдалецъ, засыпая отъ изнеможенія, самъ кладетъ свой лукъ въ руки Неоптолему; но этотъ, вѣрный голосу совѣсти, ставитъ правду выше всѣхъ расчетовъ хитраго ума и не только что возвращаетъ опять лукъ Филоктету, но хочетъ вмѣстѣ и сдержать обѣщаніе, которое далъ собственно лишь для виду. Выяснить и разрѣшить эту путаницу, къ которой привели людскія измышленья, можетъ только одинъ богъ; и вотъ является Ираклъ съ окончательнымъ подтвержденіемъ той истины, что Филоктетъ угодитъ стрѣлой въ Париса и найдетъ себѣ подъ Троею исцѣленіе и славу, что побѣдитель можетъ достигнуть небеснаго наслѣдія, только выстрадавъ его себѣ тяжкою борьбой. Шёлль напоминаетъ при этомъ, что подконецъ Пелопоннесской войны, когда изъ политики совсѣмъ улетучилась нравственность, поэтъ могъ очень кстати изложить передъ народомъ печальный опытъ, какъ неправда и предательство, чѣмъ съ большимъ соединены они дарованіемъ и умомъ, тѣмъ болѣе мутятъ всѣ общественныя связи и лишаютъ практическую дѣятельность всякаго разума. Но для Аѳинъ не совершилось ни какого чуда (подобнаго явленію Иракла въ трагедіи), котораго быть-можетъ ожидалъ Софоклъ отъ Алкивіадова возвращенія, да притомъ и Алкивіадъ былъ вскорѣ опять изгнанъ. Въ драмѣ съ большимъ искусствомъ психологическаго развитія поэтъ внесъ точку поворота въ глубину Неоптолемовой души, изобразивъ какъ послѣдняя находитъ опять самоё себя въ своей прирожденной вѣрности; какъ хитроуміе Одиссея, такъ и враждебный къ людямъ нравъ страдальца Филоктета необходимо было сокрушить для того, чтобы устоялъ въ своей чистотѣ и силѣ нравственный міропорядокъ, чтобы онъ не осуществлялся обманомъ и не разстроивался строптивостью. Часто упоминаемый тѣлесный недугъ очень разумно изображенъ такъ, что онъ кажется чѣмъ-то второстепеннымъ передъ душевнымъ страданіемъ и что именно въ борьбѣ съ нимъ заявляетъ себя сила духа.

«Трахинянки», которыхъ приличнѣе бы, пожалуй, назвать Деянирой или Смертью Иракла, на мой взглядъ представляютъ переходъ къ Эврипидовской манерѣ, и не столько своимъ Прологомъ (Введеніемъ), который, какъ давно уже доказалъ Акстъ, набранъ безъ всякой нужды стороннею рукой изъ разныхъ лоскутковъ піэсы, сколько бо́льшею вольностью въ постройкѣ трагедіи, предвосхищеніемъ, въ болѣе индивидуальной характеристикѣ, идей и ощущеній позднѣйшей эпохи, но безъ удовлетворительной вполнѣ выдержки. Что страсть и близорукость приводятъ именно къ тому, чего не хотѣли допу-

стить, что дѣйствія ихъ идутъ наперекоръ ихъ умыслу,—это чисто-эллинская идея; но страданія изъ-за любви—тема уже романтической поэзіи, и—средневѣковаго эпоса, всего прежде. Ираклъ нѣкогда умертвилъ кентавра Нѐсса, когда тотъ осмѣлился посягнуть на юную подругу его, Деяниру; а умирающій далъ ей коварный совѣтъ собрать кровь, отравленную смертоносной стрѣлою, и приготовить изъ нея любовное зелье. Ираклъ надолго отлучился изъ отечества; драма начинается тоскливою тревогой по немъ Деяниры. Приходитъ вѣсть о возвратѣ его съ побѣдою, и въ числѣ захваченныхъ имъ добычъ вводятъ новую любимицу его, очаровательную Іолу, изъ-за которой онъ разрушилъ стѣны Эхаліи. Деянира не сердится на мужа, сама испытавъ надъ своимъ сердцемъ всемогущую власть бога любви; тѣмъ менѣе негодуетъ она на Іолу, которую Ираклъ воспламенилъ непреодолимой страстію. Но она напитываетъ приворотнымъ зельемъ одежду и посылаетъ ее Иракду въ привѣтственный даръ; едва выпустивъ ее изъ рукъ, она уже тревожится сомнѣніемъ, не хотѣлъ ли кентавръ отомстить ея супругу; и вотъ, изъ устъ сына ея, Гилла, мы узнаемъ что одежда прильнула къ Ираклову тѣлу крѣпко какъ камень и пожигаетъ его страшнымъ огнемъ. Деянира убиваетъ себя съ отчаянія на брачномъ ложѣ. Приносятъ Иракла, терзаемаго муками; онъ хочетъ отомстить женѣ, погубившей его, какъ онъ думаетъ, своимъ злобнымъ коварствомъ; но сынъ открываетъ ему истину. Онъ сознаетъ что обѣщанные ему отнынѣ покой и радость знаменуютъ предстоящую смерть, и велитъ сыну сложить для него погребальный костеръ на горѣ Этѣ. Но ни гдѣ не выдвинуто впередъ то, что нарушеніемъ брачныхъ узъ онъ заслужилъ свое страданіе, и — что̀ уже совершенно оскорбляетъ наше чувство,—распоряжаясь передъ смертью насчетъ своихъ домашнихъ дѣлъ, онъ требуетъ чтобъ сынъ его Гиллъ, взялъ за себя Іолу, лежавшую прежде въ отцовскихъ объятіяхъ. Также не выяснено и очищеніе въ снѣдающемъ огнѣ, черезъ которое достигаетъ онъ небесной доли. Но общій смыслъ Софокловской трагедіи высказанъ въ заключительномъ словѣ хора:

Много труда и муки, ужасовъ и страданій, но во всемъ этомъ Зевсъ, и только одинъ Зевсъ!

в) Эврипидъ и другіе трагики.

Въ субъективности, въ личномъ духѣ, опирающемся на самого себя и поставившемъ свой разумъ, свою совѣсть мѣрою какъ собственныхъ мыслей и дѣйствій, такъ равно законовъ и преданія, признаемъ мы основу новой и уже высшей жизни, нежели какова была греческая; начало это относилось къ ней сперва какъ разлагающая стихія и нарушило тотъ изящный организмъ правообычая и государственнаго строя, въ которомъ мощь цѣлаго урядительно царила надъ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, — царила, одушевляя его собою. Свобода всегда начинается опасностью зайдти въ чистый произволъ, пока не навыкнетъ владѣть собой, опредѣлять или держать себя согласно праву. Сократъ и Платонъ находили источникъ правды во всеобщемъ разумѣ; софистическое образованіе почитало, напротивъ, справедливымъ и хорошимъ то, что казалось соотвѣтственно представленіямъ и ощущеньямъ любого единичнаго

человѣка. Себялюбіе заступило мѣсто самоотверженной любви къ родинѣ. На почвѣ поэзіи этотъ прорывъ субъективности совершился въ лицѣ Эврипида, и оттого произведенія его представляютъ явную двоеобразность, смотря по тому, взглянемъ ли мы на нихъ со стороны паденія національнаго искусства, или со стороны зачатковъ новаго міроваго періода; отсюда объясняется сильное вліяніе этого поэта на драматическую литературу послѣдующихъ вѣковъ, а равно и то, что онъ такъ же достоинъ расточаемыхъ ему похвалъ, какъ и порицаній, которыя на него падаютъ, если критикъ вздумаетъ разсматривать его съ той же точки зрѣнія какъ Эсхила и Софокла,—чѣмъ между прочимъ грѣшилъ еще Аристофанъ. У двухъ старшихъ трагиковъ видимъ мы органическое завершеніе Эллинства, у него же, напротивъ, среди старозавѣтныхъ нормъ обнаруживается стремленье къ новому, которое не переходитъ однако за предѣлъ незрѣлыхъ порываній и попытокъ, часто впадая въ заблужденіе, почти въ уродливость, и достигаетъ соотвѣтственной ему формы только черезъ 2000 лѣтъ въ драмѣ Шекспира, Кальдерона и Мольера, Лессинга, Гёте и Шиллера.

Эсхилъ и Софоклъ были соучастниками исторической борьбы въ средѣ общественной жизни; они выросли и воспитались въ великую пору Греціи, и сами испытавъ въ дѣйствительности торжество нравственнаго міропорядка, осторожнаго и сообразительнаго генія, сами видѣвъ счастіе въ союзѣ съ подзаконною свободой, они изображали это со всей силою народной вѣры, глубокомысленно, ясно и изящно, въ религіозныхъ и патріотическихъ миѳахъ дальней старины, въ зеркалѣ богатырской былины. Словамъ ихъ внималъ готовый на подъемъ энергическій народъ, въ жизни, и въ искусствѣ напряженно внимательный къ цѣлому; высокое образованіе, утонченные нравы, возросшіе на почвѣ здоровой природной способности, сами предлагали поэтамъ великолѣпныя фигуры для просвѣтляющаго изображенія; и когда борьба партій и племенъ дошла до враждебныхъ столкновеній, Софоклъ изъ глубины своей гармонической души призывалъ ихъ къ гармоніи, наглядно представляя взорамъ согражданъ, какъ крайнія противоположности разбиваются одна о другую, когда хотятъ не совмѣстнаго дѣйствія, а каждая стремится совершенно затереть и исключить свою соперницу. Но Эврипидъ, родившись въ самый день Саламинской битвы на этомъ именно островѣ, выросъ уже на субъективномъ разсудочномъ образованіи, и, созерцательный отъ природы, тѣмъ охотнѣе ушелъ въ глубь своихъ ощущеній и помысловъ, чѣмъ менѣе внѣшній міръ посмерти Перикла могъ представить ему отраднаго. Онъ первый въ области искусства оперся самъ на себя, какъ сдѣлали это потомъ философы и ученики ихъ, стоики и эпикурейцы.

> Мнѣ далось лучшее на землѣ,—счастіе досуга.
> Такъ буду же я жить самъ про себя! Радоваться великимъ
> И тѣшится малымъ, не равно ли это пріятно?

Эти слова его Іона—выраженіе его собственной поэтической души. Чѣмъ болѣе онъ замѣчалъ начинавшуюся безрядицу и разгромъ Эллинства, чѣмъ грознѣе распространялся упадокъ правообычая и государства, тѣмъ сомнительнѣе для его раздумчиваго ума становилось господство вѣчной справедливости,

котораго онъ требовалъ, но въ ходѣ вещей не узнавалъ: такъ часто зло торжествовало на глазахъ его, а доброе и благородное безнаказанно попиралось ногами. Ученикъ Анаксагора, другъ Сократа утратилъ беззавѣтную вѣру въ народныя божества, и терялся, сбивался съ толку надъ исторіей, надъ царящимъ въ ней духомъ, когда видѣлъ что кто силенъ и хитеръ, кто все считаетъ для себя дозволеннымъ, тотъ всегда одержитъ верхъ надъ честною душой, которой боязно и стыдно нарушать законы. Въ уста своей Федрѣ влагаетъ онъ слова:

Въ долгія, долгія ночи часто раздумывала я о томъ,
Чтò такъ страшно разстроило всю жизнь человѣка.

Онъ не всилахъ повѣрить, чтобы кто-нибудь по природѣ или съ сознаніемъ предпочиталъ добру худое, и не можетъ однакожь не видать что̀ происходитъ въ дѣйствительности:

Струи священныхъ рѣкъ текутъ назадъ,
Вся правда, все на свѣтѣ извратилось;
Среди людей господствуетъ обманъ,
И вѣрности нѣтъ даже межъ богами;
Исчезло уваженье къ клятвѣ, самый стыдъ
Покинулъ Эллиновъ и улетѣлъ на небо!

Иногда ему, пожалуй, и вспоминается изреченіе Θеогнида, что божьи мельницы мелютъ хоть и не скоро, да зато мелко, и тогда онъ совѣтуетъ нечестивцамъ подумать о концѣ, нужды нѣтъ что въ первый гонъ они опередили другихъ на ристалищѣ; тогда онъ надѣется что истинно благородный человѣкъ все-таки напослѣдокъ получитъ заслуженную награду, и видитъ въ многосложной плетеницѣ исторіи вышнюю судьбу, ведущую подконецъ къ спасенью. Но вскорѣ опять прорывается у него сомнѣніе:

Есть боги, ну тогда завидный жребій
Правдиваго ждетъ человѣка;
Если жь нѣтъ,—тогда изъ-за чего, скажите, биться?

При такомъ шаткомъ настроеніи, онъ, разумѣется, не могъ подобно Эсхилу и Софоклу отправлять пророческое призваніе и истолковывать людямъ судьбу ихъ, раскрывать пути Промысла, возвѣщать Божіи суды; и тогда какъ оба его предшественника придавали провидцамъ стараго времени свой собственный глубокій взглядъ, выводя ихъ провозвѣстниками истины,— вольнодумно-образованный Эврипидъ любитъ напротивъ-того указать на ложь и обманъ всякой ворожбы и бичуетъ дурачество всѣхъ тѣхъ, кто въ полетѣ птицъ, въ трескѣ пламени ищетъ добраго совѣта по людскимъ дѣламъ и предсказаній о грядущемъ. Кто снискалъ благоволеніе боговъ, тотъ обладаетъ самымъ лучшимъ провидчествомъ; лучшій провидецъ—умъ, здравомысленная смѣтка.

Эврипидъ ясно видѣлъ противорѣчія миθологіи и чувствовалъ что они не могутъ долѣе удовлетворять прогрессивныхъ требованій духа; поэтому онъ то пытается изложить чудесныя сказанія въ аллегорическомъ или въ естественномъ смыслѣ, то прямо съ ними борется, но — странно сказать — въ

произведеніяхъ, стоящихъ на той же самой почвѣ *). Мы служимъ богамъ, что бы они такое ни были, говоритъ онъ; онъ могъ уже соорудить алтарь невѣдомому Богу, и заставить молиться передъ нимъ престарѣлую царицу Трои—конечно наперекоръ взглядамъ ея времени:

Зевсъ, кто бы ни былъ ты, высокій, неисповѣдимый,
Духъ ли человѣка, природная ль необходимость, все равно,
Къ тебѣ теперь взываю; ты, шествуя путемъ покоя
Невозмутимаго, ведешь судьбы людскія къ настоящей цѣли.

Онъ прямо высказываетъ свое сомнѣніе и порицанье, когда вымыслы фантазіи грѣшатъ противъ здраваго смысла, или естественные символы—противъ требованій нравственности;—но гдѣ же суевѣріе такъ страшно согрѣшало передъ божественнымъ началомъ, какъ грѣшитъ самъ Эврипидъ, когда Гера и Ирида безъ всякой на то причины доводятъ у него Иракла до такого бѣшенства, что онъ безпощадно убиваетъ жену и ребенка; когда, изъ зависти и мести, его Афродита губитъ презрѣвшаго служеніе ей чистаго юношу тѣмъ, что воспламеняетъ любовью къ нему мачиху, а та убиваетъ сама себя и при смерти оговариваетъ цѣломудреннаго пасынка; или, когда его Артемида, въ отплату за то, хочетъ умертвить одного изъ Афродитиныхъ любимцевъ и, какъ бы въ успокоеніе людямъ, высказываетъ ужасную вещь, что они должны грѣшить, коль скоро хотятъ того сами боги? Правда, эти боги обратились для поэта въ одни только имена; но если онъ думалъ побороть вѣру въ нихъ, то долженъ былъ не навязывать имъ новоизмышленныхъ злодѣяній, а просто оставлять ихъ въ сторонѣ и изображать совершеніе судебъ въ самомъ ходѣ событій и въ горнилѣ человѣческой совѣсти. Хотятъ боги дѣйствительно стоять выше насъ, говоритъ онъ въ «Іонѣ»,—они должны подавать намъ безупречный примѣръ своими поступками; это значитъ, что мы не можемъ принять за истинный урокъ со стороны боговъ то, что не отвѣчаетъ практическому разуму**). Надо признать плодомъ меланхолической покорности судьбѣ то, что подъ старость, въ своихъ «Вакханкахъ», Эврипидъ опять уже предостерегаетъ отъ вольномысленнаго просвѣщенія:

Чему научили насъ благочестивые отцы, что искони
Освящено временемъ, того не ниспровергнуть ни какимъ мудрованіемъ,
Какъ бы ни былъ высокъ измыслившій его человѣческій умъ.

Это значитъ—дѣлать прямо невозможнымъ всякій религіозный прогрессъ въ человѣчествѣ и попрежнему ставить хрупкую скорлупу на одинъ уровень съ вѣчнымъ зерномъ правды. Зерно это мы находимъ въ нѣкоторыхъ хоровыхъ пѣсняхъ той же трагедіи:

Поздно приходитъ (съ своимъ рѣшеніемъ) могучая власть боговъ, но приходитъ наконецъ вѣрно,
И караетъ гордыню людей, если, поблажая безумной мечтѣ,

---

*) Явленіе это повторяется впрочемъ во всѣхъ переходныхъ эпохахъ исторіи.
**) То-есть наличной степени развитія сродной человѣку нравственной нормы.

Они не благоговѣютъ передъ божественнымъ, полные нелѣпаго киченья.
О умъ человѣческій, никогда не думай превознестись выше нравообычая и закона!
Вѣдь гораздо легче вѣрить что сила остается за божественнымъ, за правомъ,
Которое всегда существовало, во весь долгій вѣкъ нашей земли,
И которое создано силой природой;
Вѣчно мило намъ прекрасное.

Гдѣ смиренномудріе смертныхъ неуклонно обращено
Къ божественному,
Тамъ вся жизнь течетъ безпечально.
Гнаться за мудростью для меня высшее наслажденіе:
Но поистинѣ ни что такъ не содѣйствуетъ
Благополучной жизни человѣка, какъ если день и ночь
Онъ отдается святынѣ и душою чтитъ боговъ,
Устраняясь отъ всего, что несовмѣстно съ правомъ.
О, явись же къ намъ право, явись вооруженное мечомъ!

Эврипидъ умѣетъ притомъ и остроумно занять остроумное свое время, умѣетъ даже и избалованный вкусъ озадачить блестящими эффектами, умѣетъ ослѣпить глаза великолѣпной оперной обстановкой; даже и сердца, одичавшія въ усобицахъ, умѣетъ онъ потрясти ужасами своей сцены, когда будто мелькомъ проходитъ замыслы убійства и предательства какъ нѣчто слишкомъ обычное, почти не стоющее вниманья; онъ умѣетъ наконецъ привесть душу въ млѣніе и въ восторгъ надъ прелестію нѣжно-мягкихъ ощущеній. Аристотель недаромъ назвалъ его самымъ трагическимъ изо всѣхъ поэтовъ. Но обокъ съ настоящей трогательностью есть у него и ложная, возбуждаемая нищенскими лохмотьями, невинными дѣтьми, слезливыми изліяніями чувства въ распущенныхъ ритмахъ, уже необходимыхъ тогда для виртуозности актеровъ, какъ какая-нибудь бравурная арія теперь. И не только на ряду съ измѣнчивымъ потокомъ сердечныхъ чувствъ, но можно-сказать въ самомъ его руслѣ, поэтъ допускаетъ такую бездну размышленій, что кажется будто вся драма служитъ ему только средствомъ для того, чтобы изложить народу просвѣщающее свое ученіе настолько же убѣдительно, насколько вмѣстѣ и пріятно. Тутъ у него Тезей обсуждаетъ одинъ разъ съ опванскимъ вѣстникомъ сравнительныя преимущества республиканской и монархической формы государства; тутъ онъ силится внушить народу свое личное миролюбіе. Зачастую попадаются здѣсь общія мѣста; но при этомъ не надо забывать, что сентенціи его опошлились только уже впослѣдствіи, что сверхъ-того многія изъ нихъ по всей вѣроятности—просто чужія вставки. Вся тогдашняя пора переходила вѣдь отъ созерцанія и полнаго имъ довольства къ дѣятельному размышленію, и Эврипидъ училъ своихъ современниковъ отступаться отъ предразсудковъ, различать внутреннее отъ внѣшняго, признавать свободную душу и въ рабѣ, ставить благородство духа выше знатнаго рожденія, и никогда не упускать изъ виду, что земныя блага даны намъ на короткій только срокъ и что суетно на нихъ расчитывать:

Не надежны сокровища, надежна чистая, великая душа;
Она одна вѣчна, она одна превозмогаетъ страданіе.

Обокъ съ бездною истинъ, которыя поэтъ влагаетъ въ уста своимъ дѣйствующимъ лицамъ, какъ задушевныя свои убѣжденія, онъ съ сродною ему изворотливостью ума и рѣчи заставляетъ ихъ защищать и злые умыслы,

представлять убѣдительные навидъ доводы въ пользу очень нехорошихъ дѣлъ или искусно показывать ихъ только лицевой стороною. Сюда принадлежитъ пресловутая сентенція:

Языкъ клялся, но сердце было нѣмо.

Сюда же относится любимая поговорка Цезаря:

Ужь если преступать велѣнія закона,
Такъ всего лучше — изъ-за трона,
Храня завѣтъ добра тѣмъ строже въ остальномъ.

Въ рѣчахъ и возраженіяхъ, которыми обмѣниваются въ защиту своего дѣла разныя дѣйствующія лица и стороны, Эврипидъ вполнѣ удовлетворяетъ страсти большинства къ судебнымъ тяжбамъ и показываетъ при этомъ какъ хорошо воспользовался онъ уроками софистовъ въ краснорѣчіи. Мастерски расчлененныя свои рѣчи онъ начинаетъ размышленіями общаго характера, за этимъ идетъ у него блестящее изложеніе предмета, потомъ ясное развитіе доводовъ въ его пользу и наконецъ обращеніе къ внутреннему чувству, затрогивающее душу заживо. Намъ кажется это болѣе риторскимъ нежели поэтическимъ пріемомъ. Вотъ почему Квинктиліанъ и совѣтовалъ начинающему оратору изучать Эврипида прежде всѣхъ другихъ поэтовъ. И такую же изворотливость ума, какъ въ длинныхъ разъясненіяхъ, бойкій этотъ талантъ обнаруживаетъ и въ рѣзкихъ, короткихъ, тонко заостренныхъ словцахъ и отповѣдяхъ, гдѣ не только стихъ отвѣчаетъ стиху, но нерѣдко противникъ перебиваетъ говорящаго на серединѣ и обращаетъ мысль его прямо на него же самого. Разговорный языкъ не такъ цвѣтистъ и силенъ какъ у предшественниковъ, но зато утонченъ и свѣтлоструенъ; противуполагающее расчлененье мыслей и изящество оборотовъ замѣняетъ въ немъ смѣлые образы; онъ ближе къ художественной прозѣ нежели къ лирической высокопарности. Бернгарди, вслѣдъ за Аристофаномъ, назвалъ Эврипида ораторомъ и правоизобразителемъ охлократіи (черневластія), а поэзію его — достославнымъ ея памятникомъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ аѳинскій народъ, съ тѣхъ поръ что перестал руководить имъ урядливый духъ Перикла, раздѣлился на партіи, подобно тому какъ единичныя лица отважились идти наперекоръ цѣлому, подобно тому какъ легкая на вспышки и своевольная въ рѣшеніяхъ толпа стала игралищемъ своихъ измѣнчивыхъ настроеній, такъ точно и въ драмѣ Эврипида мы не видимъ уже строго-художественной мудрости великихъ его предмѣстниковъ, она уже не предстаетъ намъ замкнутымъ въ себѣ идеальнымъ организмомъ, а выводитъ самые разнородные элементы одинъ вслѣдъ за другимъ; у него являются, независимо отъ цѣлаго, съ самостоятельною силой, прекрасныя мѣста, блестящія частности, иногда дивныя и обаятельныя, ни дать ни взять — какой-нибудь Алкивіадъ. Эврипидъ вноситъ въ драму богатѣйшее содержаніе, обильнѣйшую смѣну разнообразныхъ дѣйствій, но происшествія больше слѣдуютъ у него одно за другимъ нежели выходятъ одно изъ другого; надлежащая вниословная связь или слаба, или ея даже нѣтъ вовсе; множественность не связана внутреннимъ единствомъ идеи, которая вела бы ее къ цѣли какъ властная надъ нею мощь вышней

судьбы. Онъ любитъ озадачивать неожиданнымъ, какъ самъ говоритъ одинъ разъ про Менелая:

Онъ ревностно ища не находилъ,
А тутъ безъ поисковъ нашелъ какое счастье!

или, какъ онъ повторяетъ вконцѣ нѣсколькихъ своихъ драмъ:

Судьбы боговъ разнообразны въ своемъ явленіи,
Многое творится неожиданно по волѣ безсмертныхъ;
То, о чемъ ты мечталъ, не настаетъ,
Божество же находитъ путь и къ невозможному.

Такъ въ «Гекабѣ» изображаетъ онъ не только смерть ея сына, Полидора, и мщеніе какимъ она платитъ за нее, но (уже безъ всякой необходимости) и жертву Поликсены. Въ «Орестѣ» судебному разбирательству подвергнуто не только убійство имъ матери, сюда привлекается (безъ всякой опять нужды) и только-что воротившійся на родину Менелай; такъ-какъ онъ побоялся стать за племянника, то впослѣдствіи Пиладъ и Орестъ замышляютъ въ отместку ему умертвить Елену и овладѣть дочерью его, Герміоною; но подконецъ Елена возносится къ богамъ, а Герміона выходитъ за мужъ за Ореста. Въ «Финикіанкахъ» выведена не только борьба Этеокла съ Полиникомъ, но тутъ же вставлена и жертвенная смерть юнаго Менекея для спасенія Ѳивъ; послѣ побѣды надъ непріятелемъ Эдипъ остается еще въ живыхъ, а Антигона одинаково готова и сопровождать его на чужбину, и хоронить своего брата наперекоръ Креонову запрещенію. Мы не видимъ возможности исполнить и то и другое, но видимъ что изъ античной простоты Эврипидъ переходитъ къ бо̀льшему разнообразію и богатству содержанія новой драмы, не будучи еще всилахъ художнически осилить весь этотъ матерьялъ. Онъ уже затѣваетъ полусказочную игру или интригу и въ серьёзной драмѣ, онъ передѣлываетъ миѳы посвоему, субъективность его самовольничаетъ надъ даннымъ содержаньемъ, его фантазія изъ нормальнаго и освященнаго преданіемъ переноситъ насъ на почву особеннаго и необычнаго; онъ не можетъ предполагать этого общеизвѣстнымъ, да не умѣетъ болѣе широкимъ планомъ изложенія и тщательною овнпословкой сдѣлать свои примыслы ясными и вѣроятными по самому ходу дѣйствія; онъ прибѣгаетъ здѣсь къ наивно-противохудожественной уловкѣ предпослать піесѣ прологъ, въ которомъ какой-нибудь богъ или человѣкъ разсказываетъ всѣ предположенія слѣдующей за тѣмъ драмы. Послѣ этого онъ пускаетъ въ ходъ механику своихъ плановъ, даетъ цѣлую вереницу изліяній страстныхъ чувствъ, завязываетъ узелъ, перепутывая или усложняя дѣйствіе, и вмѣсто того чтобъ предоставить этой путаницѣ разрѣшиться собственными средствами, выводитъ на сцену какое-нибудь божество, которое съ высоты своего машиннаго полета приводитъ все это въ порядокъ своими откровеніями нежданныхъ тайнъ, увѣтами, велѣніями и предреканьями. Сначала осторожный и умѣренный, онъ потомъ все беззавѣтнѣе пускаетъ въ ходъ внѣшнія эти средства. Хоръ утрачиваетъ первоначальное свое значеніе, однако все еще употребляется въ дѣло, то играя роль наперсника при главномъ лицѣ, то заполняя своимъ пѣніемъ

междудѣйствія, вродѣ нашихъ музыкальныхъ антрактовъ, что даже и въ самомъ благопріятномъ случаѣ развѣ только прикрашиваетъ дѣйствіе подобіемъ миѳическихъ арабесковъ.

У Эврипидовыхъ характеровъ нѣтъ по большой части существеннаго содержанія, нѣтъ той полновѣсной силы и крѣпости, которая сама уготовляетъ себѣ судьбу; безъ выдержки и послѣдовательности, они часто выходятъ просто носителями разнаго рода страстныхъ ощущеній, которыя доводятся въ нихъ до послѣдней крайности. Лишь немногіе, какъ Ипполитъ, Медея, Ифигенія, живутъ и умираютъ вѣрно своей природѣ; а, напримѣръ, благородный другъ Пиладъ готовъ умертвить Елену единственно за то, что мужъ ея не пособилъ Оресту; Федра, которая ни какъ не хочетъ признаться въ роковой страсти своей къ пасынку, предпочитая невольно выдать ее только со смертью, чтобы не навлечь стыда ни мужу, ни себѣ,—эта самая Федра унижается за гробомъ до того, что губитъ клеветой невиннаго, письменно оговоривъ его въ томъ самомъ, въ чемъ онъ рѣшительно отказалъ ей. Эврипидъ индивидуализуетъ болѣе своихъ предмѣстниковъ, онъ хочетъ придать характерамъ бо̀льшую также многосторонность, хочетъ сдѣлать ихъ интереснѣе; подъ рукой у него обильнѣйшій запасъ мотивовъ; онъ покидаетъ старозавѣтные типы, но не умѣетъ еще возвысить въ идеалъ дѣйствительность свободнаго характера, а только низводитъ древнихъ героевъ до вседневнаго уровня, надѣляетъ ихъ низкими правилами, пошлыми замыслами, выдаетъ какъ нарочно ихъ слабыя и дурныя стороны. Такъ разоблачаетъ онъ этихъ богатырей отъ прежняго величія, и древняя былина становится у него нравственною картиной настоящаго; поэтъ говоритъ въ своихъ драмахъ объ интересахъ современной ему эпохи, и съ утонченнымъ ея образованіемъ стоятъ въ удивительномъ противорѣчіи суровыя дѣла давней старины. Первобытная гармонія утрачена, драма потеряла тотъ идеальный типъ, которымъ она переносила насъ въ область иного міра; но она не дерзаетъ еще взяться прямо за непосредственную жизнь и развернуть ея поэзію, а только переодѣваетъ ее въ старозавѣтныя формы; и съ точки зрѣнія послѣднихъ, — драма неоспоримо падаетъ.

Страсть для Эврипида главное, и онъ низводитъ насъ въ глубины сердца, но на первый разъ это по большой части—бездны, болѣзненныя заблужденія души, взрывы слишкомъ пылкихъ ея движеній, тогда какъ весь чистый міръ истинной задушевности раскроютъ намъ только грядущіе уже вѣка. Этому направленію въ глубь внутренняго чувства вполнѣ отвѣчаетъ то, что Эврипидъ съ особенной любовью развиваетъ далѣе нововведеніе, котораго починъ принадлежитъ Софоклу: средоточіемъ драмы становятся у него женщины. Онъ былъ человѣкъ строгихъ нравовъ и высказалъ то прекрасное изреченіе, которое какъ будто заготовь открываетъ намъ проглядь въ христіанско-германскій міръ и бытъ:

Блаженна жизнь человѣка, для котораго прекрасно расцвѣло
Супружеское счастіе; а кому оно не улыбнулось,
Тому выпалъ на долю тяжкій жребій и у себя дома, и вгостяхъ.

Два раза былъ онъ горько оскорбленъ супружеской невѣрностью, и конечно на этомъ основаны тѣ выходки его противъ прекраснаго пола, за которыя

15*

онъ прослылъ отъявленнымъ женоненавидцемъ. Однакожь знаменитое свое изреченье, что женщинамъ не слѣдовало бы вовсе и быть, а лучше бы мужчинамъ пріобрѣтать себѣ сыновей просто за дары, набожно приносимые во храмы, самъ онъ пародировалъ въ піэсѣ «Киклопъ,» сказавъ устами Са́тира: Ахъ, еслибъ женщинъ никогда не существовало — кромѣ для одного только меня! Онъ много передумалъ надъ общественнымъ положеніемъ женщинъ, надъ незавиднымъ ихъ состояніемъ; въ трилогіи, отъ которой къ сожалѣнію уцѣлѣлъ одинъ лишь конецъ, предпринялъ онъ изобразить женщину во всѣхъ противоположностяхъ нравственнаго ея значенья: въ «Критянкахъ» — вѣроломную кокетку, въ «Алкмеонѣ» — довѣрчиво-преданную жену, въ «Телефѣ» — мужественно энергичную женщину, въ «Алкестѣ» — женски-любящую, готовую на всякія жертвы и достойно прославленную. Можно даже сказать что онъ, подобно Гёте, призналъ уже въ благородныхъ женщинахъ носительницъ идеальности; любимыми фигурами его были чистыя дѣвы, охотно жертвующія собой для общаго добра или разрѣшающія всѣ путы заблужденій ясностью души и зраводуміемъ. Правда, въ Федрѣ выводитъ онъ любовь, ослѣпленную до бѣшенства, но какъ поэтично и вмѣстѣ какъ нравственно касается онъ ея сначала, когда безмолвная, снѣдаемая горемъ Федра тоскливо жаждетъ смерти и, перекликаясь въ пѣсняхъ съ кормилицей и хоромъ, намекаетъ только урывками на то, что такъ страшно волнуетъ ей душу:

Ахъ, черпнуть бы мнѣ глотокъ чистаго питья
Изъ студеныхъ струй ключевой воды!
Отдохнуть бы мнѣ на цвѣтистомъ лугу
Въ тѣни осокоря.

Уйдти бы мнѣ въ лѣсъ, въ высокій боръ!
Погналась бы тамъ за ланью быстрою,
Бросила бъ ей въ бурокудрое руно
Копье свое ѳессалійское!

Артемида, хранительница моря соленаго
И ристалищъ утоптанныхъ копытомъ скакуновъ,
О, дорваться бы мнѣ до полей твоихъ
И гордо смирить тамъ коня генетскаго!

Все это изъ-за того, что сердцемъ рвется она къ Ипполиту, славному охотнику, конесмирителю, другу дикой природы. Но она краснѣетъ, что этимъ себя выдала, и закутываетъ лицо въ покрывало. Только когда кормилица стала улажать ее, что необходимо ей жить для того, чтобъ не покинуть кровныхъ дѣтей своихъ во власть пасынка, не удержалась она отъ скорбнаго стона при Ипполитовомъ имени, и тутъ ужь невольно открыла свою тайну, но съ тѣмъ чтобы ни кто другой ея не узналъ. Кормилица берется склонить Ипполита на любовь къ мачихѣ; но когда онъ съ ужасомъ отказывается, Федра тотчасъ же рѣшилась предпочесть смерть своему позору: ни мужъ, ни дѣти не должны терпѣть отъ нея стыда.

Въ «Медеѣ» Эврипидъ рисуетъ огневыми красками оскорбленную, покинутую жену, которая предпочла Ясона родству и отечеству, а теперь отвергнута и изгнана въ чужой землѣ, потомучто онъ захотѣлъ новаго брач-

наго союза; страсть ея доходитъ до демонически-ужаснаго раздраженія: какъ будто бы покоряясь своей долѣ, посылаетъ она соперницѣ отравленный свадебный вѣнокъ; въ душѣ у ней происходитъ самая потрясающая борьба между ненавистью и местью къ мужу и между материнскимъ чувствомъ къ ихъ общимъ дѣтямъ; она убиваетъ въ нихъ отраду своей жизни и самыя тѣла ихъ увозитъ у мужа на запряженной драконами колесницѣ: пусть казнится онъ за нарушеніе союза съ нею, пусть не дастся вѣроломцу полное счастіе. Но и поступки Ясона въ свою очередь оправдываны тѣмъ, что женитьбою на эллинской царевнѣ онъ хотѣлъ основать благонадежный и благочестивый домъ, къ которому должна была примкнуть съ своими дѣтьми и чужестранка Медея; тѣмъ не менѣе всѣ разсчеты предусмотрительнаго благоразумія сокрушаются о демоническую силу страсти, опирающейся изначала на право взаимной любви, и надобно сказать, что постепенный ходъ этой страсти къ преступленію изображенъ въ самомъ дѣлѣ рукой мастера.

Уже Федра назвала любовь что ни есть сладкимъ и вмѣстѣ что ни есть горькимъ на свѣтѣ, и, вопреки мнѣнію Бунзена, Эврипидъ вовсе не смотрѣлъ на нее какъ на чувственную только страсть, обнаруживающуюся кознями; напротивъ ни одинъ Грекъ не высказалъ такъ сердечно глубокаго чувства общенія двухъ душъ, переживающаго и время и могилу. Жена, вѣрная и цѣломудренная въ любви, лучшая краса дома для мужа: неизреченною усладой проникается онъ весь при входѣ, и блаженствомъ при выходѣ. Андромаха почитаетъ съ своей стороны невѣрностью отдаться по кончинѣ Гектора другому мужу, потому что то сердце любитъ не истинно, которое любитъ не навсегда. Въ восторженномъ упоеніи любви, Эвадна, надѣвъ на себя весь брачный нарядъ, бросается въ пылающій костеръ своего милаго Капанея. «Съ тобою одной мнѣ и жизнь и смерть», говоритъ Адметъ Алкестѣ; онъ будетъ скорбѣть по ней пока останется на землѣ, онъ нерушимо сохранитъ вѣрность той, которая предсошла ему въ могилу, которой образъ услаждаетъ его во снѣ, которая будетъ постоянно ждать его за гробомъ и подготовлять тотъ домъ, гдѣ суждено имъ жить неразлучаясь навѣки. Тутъ какъ будто слышатся отголоски не то древне-индійскаго эпоса, не то новѣйшей германской поэзіи.

Присовокупимъ къ этому, что изъ окружавшаго его упадка нравовъ Эврипидъ стремится къ естественной простотѣ, и тогда онъ предстанетъ намъ сантиментальнымъ поэтомъ явившимся въ эпоху наивной еще поэзіи; Тикъ не безъ основанія говоритъ, что по произведеніямъ его разлита утренняя заря полной чаянія романтики, и хвалитъ при этомъ освѣжительное чувство лѣса въ «Ифигеніи таврической» и лазурно-голубое, свѣтлое начало его «Іона». Отношеніе духа къ природѣ, то, какъ благотворно она дѣйствуетъ на него своей нетронутой еще свѣжестью, какъ привольно онъ погружается въ здоровыя ея струи и возводитъ ее къ божественному началу, — отношеніе это быть можетъ нигдѣ такъ великолѣпно не передано, какъ у Эврипида, когда его естестволюбецъ Ипполитъ, подошедъ къ лику Артемиды, говоритъ ей:

Тебѣ, владычица, приношу этотъ свѣжій вѣнокъ,
Только-что сплетенный изъ цвѣтовъ нетронутаго ни кѣмъ луга,
Куда никогда еще не гонялъ стада пастухъ,

Гдѣ никогда не звенѣлъ топоръ, гдѣ только одна пчела
Кружитъ жужжа надъ вешними цвѣтами полянъ заповѣдныхъ и священныхъ,
Гдѣ раздольно царитъ невинность, напояя землю росой ключевою.
Кто живетъ не по чужой указкѣ, кто отъ природы
Надѣленъ мудрымъ смысломъ и мѣрою во всемъ и на все,
Тотъ властенъ рвать здѣсь цвѣты вѣночные, а недобрый и не подходи близко.
Примижь, дорогая царица, отъ благочестивой руки
Вѣнокъ для убранства волосъ твоихъ золотистыхъ!

Такъ-какъ для общей характеристики уже приняты были въ соображеніе различныя драмы Эврипида, а я пишу не исторію греческой литературы въ собственномъ значеніи, но хочу изобразить всемірный ходъ искусства и фантазійную жизнь человѣчества; то довольно будетъ нѣсколькихъ еще замѣчаній о дошедшихъ до насъ семнадцати трагедіяхъ этого поэта. Часто встрѣчаются въ нихъ намеки на современныя событія, и Отфридъ Мюллеръ справедливо замѣтилъ, что Эврипидъ смотритъ уже на миѳъ не какъ на основу и на предвозвѣстіе настоящаго, а пользуется имъ только для того, чтобы угодить Аѳинянамъ восхваленіемъ ихъ народныхъ героевъ и униженіемъ героевъ враждебной стороны. Такъ было напримѣръ въ «Ираклидахъ». Въ «Іонѣ» родоначальника Іонянъ ему понадобилось возвеличить въ сына Аполлонова. Аѳинянка Креуза родила его отъ бога, подкинула и вышла потомъ за мужъ за Ксуѳа; бракъ остается безплоденъ, супруги прибыли въ Дельфы, и богъ открываетъ Ксуѳу, что первый попавшійся ему при входѣ храмовой мальчикъ, Іонъ, и есть настоящій его сынъ; Креуза рѣшается извести его, но онъ выливаетъ отравленное вино въ жертву богу и самъ хочетъ теперь умертвить незнакомую ему мать; сцена, гдѣ они узнаютъ другъ друга, превосходна, завязка и развязка удачны вообще. Въ «Троянкахъ» величаво и благородно выдержано лицо Кассандры; предвѣщанія ея открываютъ суды божіи надъ Греками за нечестія, свершенныя ими при раззореніи города; какъ ни злосчастны побѣжденные, побѣдителямъ счастливится не больше ихъ. Провидица срываетъ съ головы своей вѣнки: не невѣстою, а Эриннією введетъ она въ домъ Агамемнона. Въ «Электрѣ» Эврипидъ попалъ уже на мѣщански-трогательную драму: героиня, царская дочь, отдана замужъ за земледѣльца, но онъ ей не прикасается: поэтъ предназначилъ ее въ жены Пиладу. Когда явился Орестъ и узналъ ее, они пригласили Клитемнестру подъ предлогомъ что Электра мучится въ родахъ. Поэтъ только уже по совершеніи матереубійства впервые говоритъ о томъ, что въ поступкѣ этомъ есть ужаснаго. «Андромаха» — неудачный сборъ всякой всячины, безъ единства идеи, безъ единства цѣли.

Въ «Киклопѣ» даетъ онъ сатировскую драму: Сатиры, наловленные великаномъ, составляютъ хоръ, и освобождаются подконецъ Одиссеемъ; извѣстный расказъ Одиссеи драматизованъ здѣсь очень бойко и свѣжо. Но теперь нѣтъ уже ни какой необходимости, чтобы четвертая (къ трилогіи) піэса принадлежала къ вакхическому кругу, лишь бы только она заключала примирительно и потѣшно весь спектакль. Такова напримѣръ «Алкеста». Принесеніемъ себя въ добровольную жертву супруги царя Адмета поэтъ достигаетъ истинно-высокой трогательности; вдругъ приходитъ къ спасенному ею мужу въ гости богоподобный Ираклъ, встрѣчаетъ у него отличное угощеніе, наслаждается его виномъ, и, признательный Адмету за то что тотъ воздержал-

ся сразу опечалить его вѣстію о своемъ горѣ, нисходитъ въ преисподнюю и, къ общей радости, выноситъ оттуда усопшую. Здѣсь противна однакожь ненужная перебранка у Адмета съ роднымъ отцомъ по поводу того, что отецъ не хотѣлъ умереть за сына вмѣсто жены его. Веселымъ характеромъ отличается еще и «Елена»,—прелюдія будущихъ интрижныхъ піэсъ и фантастическихъ комедій. Героиня никогда не отдавалась Парису, а постоянно проживала въ Египтѣ тѣмъ временемъ, какъ онъ возилъ съ собой подъ Трою ея призракъ. Теперь хочетъ на ней жениться египетскій царь, какъ вдругъ Менелай является туда съ доставшимся ему призракомъ, который тутъ же и исчезаетъ; сопернику естественно желалось бы отдѣлаться отъ незванаго мужа; чтобы выручить послѣдняго изъ бѣды, его выдаютъ за гонца привезшаго извѣстіе о гибели Менелая на морѣ; Еленѣ предоставляется вполнѣ снаряженный корабль для совершенія на немъ заупокойной жертвы, а она пользуясь этой оплошностью уходитъ вмѣстѣ съ мужемъ. — Фантастическая также драма, «Вакханки», знаменита изображеніемъ Менадъ, которыя, упившись до изступленія, думаютъ что дѣйствительно совершаютъ все что имъ воображается. Однакожь месть бога за отказъ ему въ поклоненіи возмущаетъ насъ своей жестокостью, тѣмъ болѣе что тутъ нѣтъ нигдѣ и помина о глубокихъ религіозныхъ идеяхъ мистерій Діониса, и что въ виду неистовствъ дикаго опьянѣнія противники его выходятъ не совсѣмъ неправы.

«Ифигенія въ Авлидѣ» переведена и критически оцѣнена Шиллеромъ. При всей шаткости и противорѣчивости въ обрисовкѣ характеровъ, ходъ дѣйствія вообще хорошъ, душевная борьба Агамемнона трогаетъ сердце, остроумно подготовлено заступничество Ахилла за неизвѣстную ему прежде личность, которая привлекаетъ его высокимъ благородствомъ своей души, въ особенности прекрасно проведена противоположность между требованіями общественнаго блага и семейной любовью въ рѣчахъ Агамемнона и Клитемнестры. Она не говоритъ о духѣ мести, который водворится въ домѣ самимъ главою его и отцомъ,—какъ сдѣлала бы непремѣнно у Эсхила; она спрашиваетъ, каково будетъ у ней на душѣ при видѣ осиротѣвшихъ мѣстъ гдѣ сиживала Ифигенія, какъ пуста, полна только жалобой, будетъ комната гдѣ она жила; она спрашиваетъ, какъ можетъ Агамемнонъ надѣяться себѣ радостнаго возврата, какъ можетъ онъ ожидать, со стороны другихъ дѣтей, ласки и объятій, когда онъ отнялъ у нихъ сестру! Ифигенія съ кроткой нѣжностію чувства слезно умоляетъ пощадить молодую жизнь ея, тогда какъ только-что передъ этимъ поэтъ въ немногихъ чертахъ изобразилъ намъ ее во всей свѣжей юношеской веселости:—такъ сладко вѣдь смотрѣть на свѣтъ краснаго солнца, такъ ужасна должна быть смертная ночь! Но потомъ и она постигаетъ наконецъ отцовское слово, что Элладѣ необходимо быть независимой, необходимо наказать варваровъ за неслыханную дерзость. Весь народъ устремилъ взоры на Ифигенію: ей будетъ онъ обязанъ тѣмъ, что никто ужь болѣе не осмѣлится похищать изъ Греціи женщинъ.

Я умру щитомъ своей родины, а имя мое будетъ жить
Въ лучезарномъ блескѣ славы, за то что я освободила народъ эллинскій.
Да изъ-за чего и дорожить мнѣ всего больше жизнію?
Ты родилъ меня не для одного себя, а для всѣхъ, для цѣлаго народа.

Принесите жь меня въ жертву, разрушьте Трою,—мнѣ будетъ это
Вѣчнымъ памятникомъ! вотъ мой бракъ, мои дѣти, моя слава.
Да покорится чужеземецъ народу Эллады, но народъ Эллады, матушка,
Да не послужитъ онъ чужеземцу никогда: вѣдь они рабы, а мы вольные!
— — — Иду даровать тебѣ спасительное торжество побѣды,
Моя родина!
Увивайте жь мнѣ голову цвѣтами,
Вѣнокъ идетъ къ этимъ волосамъ!
Прощай, свѣтоносецъ день, и ты,
Сіяющій лучъ Зевса! Дивно раскрывается передо мной
Другая жизнь, иной жребій.
Прости же, прости, отрадный свѣтъ!

Въ Тавріи за спасенной Ифигеніей черта кротости сохранена благодаря тому, что она не сама приноситъ человѣческія жертвы, а только ихъ освящаетъ; дружба Ореста съ Пиладомъ и сцена, въ которой братъ съ сестрой узнаютъ другъ друга, выполнены хорошо; но благородный характеръ героини впервые созданъ лишь талантомъ Гёте, онъ первый перенесъ конфликтъ въ глубину собственной ея души и разрѣшилъ его съ внутренней и съ внѣшней стороны силою любви и истины, чисто человѣчно. «Ифигенія» его—дѣло мастера и въ нравственномъ и въ эстетическомъ отношеніи; на ней вполнѣ наглядно видимъ мы то, какъ начинъ, положенный Эврипидомъ, долженъ былъ художественно завершиться спустя тысячелѣтія.

Три великіе трагика были не только что поэты; они въ то же время ежегодно занимались обученіемъ актёровъ и хоровыхъ пѣвцовъ, и при тѣхъ своеобразностяхъ формы и стиля, какія каждый изъ нихъ установилъ самъ для себя, въ ихъ семьяхъ сложилось родъ художническаго преданія: племянники, сыновья и внуки пускали потомъ на всенародное состязанье непредставленныя еще піэсы умершихъ мастеровъ, а также, примыкая къ ихъ манерѣ, выступали за тѣмъ и съ своими собственными произведеніями. Эсхиловцы Эвфоріонъ и Филоклъ даже одерживали иногда верхъ надъ Софокломъ и Эврипидомъ; не мéньшимъ уваженіемъ пользовались сынъ Софокла Іофонъ и внукъ знаменитаго трагика, Софоклъ же, а равно и какой-то Эврипидъ младшій. Названнымъ сейчасъ драматикамъ должна была уступить поэтическая семья Каркина. Іонъ Хіосецъ, Неофронъ Сикіотъ и Ахей Эретріянинъ переселились въ Аѳины, гдѣ разъ навсегда пустила корни оригинальная сцена, возбуждавшая всеобщее удивленіе; здѣсь вступили они въ соперничество съ туземными талантами. Агаѳонъ отважился въ своемъ «Цвѣткѣ» впервые драматизировать сюжетъ чисто собственнаго вымысла; онъ отличался кроткою граціей и антитетически - заостренными торжественными оборотами рѣчи. Выработка техники и языка, распространеніе піэсъ первыхъ мастеровъ даже и путемъ письменной литературы, страсть народа къ драматическимъ представленіямъ, вызвали теперь на свѣтъ и диллетантизмъ; среди художничающей молодежи вошло въ моду написать въ свою очередь трагедійку, и конечно эти эпигоны произвели не мало очень хорошихъ вещей; но дѣло въ томъ что тутъ все-таки не обнаружилось никакого шага впередъ, никакого своеобразнаго сценическаго пріема. Аристофанъ недаромъ подшучиваетъ надъ чирканьемъ ласточекъ въ заповѣдной рощѣ музъ. Извѣстно что и сиракузскій тираннъ Діонисій часто состязался въ Аѳинахъ за трагическій вѣнокъ. Какъ на поэ-

товъ для чтенія, Аристотель указываетъ на Херемона и Өеодекта; послѣдній былъ особенно мастеръ на спорныя и блестящія рѣчи, первый — на размалевку изображеній, на сладострастныя описанія женской красоты, на пеструю смѣсь эпическихъ элементовъ съ лирическими: органическое цѣлое уже разложилось и пошло на дробную прелесть частностей.

B. Комедія.

АРИСТОФАНЪ.

Трагедія поэтически высказываетъ важность жизни, серьёзную ея сторону; путемъ страданія и смерти ведетъ она къ возвышенію надъ обоими, къ торжеству нравственнаго духа и верховной необходимости. Комедія, напротивъ, даетъ полный разгулъ призрачному и произвольному, и видитъ въ жизни игру случая и минутнаго настроенья,—игру стало-быть безумную, противорѣчащую сама себѣ; дурачества дурачатъ другъ друга, противорѣчія другъ же о друга и разбиваются, глупости отдаются на посмѣяніе, и въ то время какъ онѣ такимъ образомъ сами себя упраздняютъ, передъ нами яснѣе выступаетъ существенная разумность человѣческой природы, которая не нарадуется сама собой, переходя отъ всякой смуты и напряженности къ веселому раздолью. Насчетъ подробнаго разъясненія комическаго элемента и комедіи дозволю себѣ указать на свою «Эстетику».

И комедія, въ свою очередь, также опять примыкаетъ къ богу вина, но не къ сочувствію умирающей и воскресающей природѣ, не къ глубокомысленнымъ мистеріямъ, а къ веселому пиру винограднаго сбора, заключавшемуся потѣшными пѣснями цѣлой вереницы ряженыхъ, при чемъ носили въ рукахъ символы порожденія, задорно дразнили стоявшую вокругъ толпу, издѣвались надъ ходячими тогда исторіями и личностями. Это былъ въ особенности дорійскій обычай, и Мегара по преимуществу славилась тѣмъ, что тамъ при этомъ случаѣ умѣли немногими мѣткими словами и тѣлодвиженіями передать въ смѣшномъ видѣ любой характеръ и мастерски импровизировать сцену въ народномъ вкусѣ. Дорійскія колоніи въ Сициліи развили эти зачатки далѣе, и одинъ талантъ высшаго разряда, врачъ и философъ Эпихармъ, современникъ Саламинской битвѣ, поднялся въ Сиракузахъ до настоящаго художества. Тамъ выстроили благообразный театръ, и представляли на немъ забавныя происшествія изъ сказаній о богахъ и герояхъ, а также и прямо изъ житейскаго обихода, при чемъ нѣкоторыя фигуры, какъ напримѣръ вѣщунъ, поваръ, врачъ, подхлебникъ, скоро сдѣлались любимыми и оттого постоянно повторялись. Обокъ съ этимъ болѣе или менѣе фантазійнымъ родомъ представленій шелъ другой, котораго основателемъ былъ Софронъ: столько же вѣрный природѣ, сколько и полный прониц, давалъ онъ въ своихъ Мимахъ мастерскіе характерные очерки, которые, хотя и въ разговорной формѣ, предназначались однакожь не для сцены и писались не въ стихахъ. Платонъ ставилъ ихъ очень высоко.

Въ Аѳины, въ Солоново еще время, пересадилъ зачатки комедіи Сусаріонъ изъ Мегары; но только уже послѣ Персидскихъ войнъ пріобрѣла она, вслѣдъ

за трагедіей, художественную форму, тогда какъ демократія дала ей въ ту же пору богатѣйшую почву для свободнаго развитія. Благодаря ей въ поэзію вошла аттическая тонкость разговора, бѣглый огонь остротъ, и сама она стала какъ бы вогнутымъ зеркаломъ нравовъ и исторіи, отражавшимъ образъ времени хоть и въ умаленномъ до смѣшного видѣ, но тѣмъ не менѣе явственно и вѣрно, такъ-какъ дѣйствительное схватывалось ею съ безпощадной бойкостью, и именно самыя характерныя его черты силой генія доводились до идеальной карикатуры. Матерьяломъ для комедіи служила общественная жизнь, вопросы дня обсуждались въ ней при каждомъ удобномъ случаѣ, общественные характеры, государственные люди, художники и ученые, все выводилось на сцену, всѣ недостатки предавались осмѣянію. Необузданный разгулъ праздника Вакху и усвоенная ему изстари маскарадная вольница и кутерьма дѣлали сносными и въ комедіи самыя балаганныя выходки, самыя грубыя, циническія насмѣшки; а между тѣмъ позади всего этого паясничества стояла серьёзная мысль великихъ поэтовъ, пользовавшихся имъ не для одного увеселенія народа, но вмѣстѣ и для его просвѣщенія, умѣвшихъ пролагать дорогу тому, что̀ сами они считали за справедливое и святое. Кипучая пѣна расходившейся веселости, бьющая черезъ край индивидуальная жизненная полнота, выливалась здѣсь безъ удержу шумно-игривымъ потокомъ, своевольно услаждаясь сама собой, сбросивъ всякое стѣсненіе и хохоча просто до упаду.

Сцена была та же что̀ и для трагедіи, съ тою только разницей, что комики представляли на состязаніе всегда по одной лишь піэсѣ; обычные три актера вывосили ее на себѣ и здѣсь, разумѣется мѣняя роли въ случаѣ надобности. Кромѣ личины или маски, карикатурно выдававшей черты извѣстныхъ личностей, если только онѣ выводились на сцену, костюмъ состоялъ изъ шутовской пестрополосой куртки съ такими же панталонами и съ разными непристойными привѣсками подъ толстымъ животомъ и подъ коротенькою епанечкой; хоры осъ, птицъ, козъ получали въ дополненіе къ человѣчьему облику фантастическія примѣты того или другого животнаго, какъ напримѣръ огромное жало, перья и т. д. Хоръ состоялъ изъ 24-хъ лицъ; пѣсни его были далеко не такъ значительны какъ въ трагедіи, но тѣмъ важнѣе была «парабаса», родъ вставочной піэсы, въ которой хоръ обращался со сцены къ зрителямъ и въ своемъ пѣніи и рѣчахъ выступалъ прямымъ представителемъ автора, излагалъ его эстетическіе или политическіе взгляды и дѣлалъ разнаго рода серьёзныя или забавныя предложенія. Планъ и строй комедіи вообще очень простъ и распущенъ: тутъ дается просторъ всякой выходкѣ, какая пріидетъ въ голову, и если сами піэсы кипѣли намеками не имѣвшими никакой связи съ сюжетомъ, то перерывъ ихъ «парабасою» уже тѣмъ болѣе придавалъ цѣлому характеръ чисто-фантастической игры или шутки, которую поэтъ шутилъ и съ своимъ собственнымъ произведеніемъ и съ публикой.

Пляска комическаго хора, «кордаксъ», была такова, что ни одинъ Аѳинянинъ не могъ участвовать въ ней трезвый и безъ маски, если не хотѣлъ прослыть отъявленнымъ безстыдникомъ. Женщинъ и дѣтей на представленіяхъ не бывало. Чувственная, даже можно-сказать скотская природа чело-

вѣка, вся грязь положеній и рѣчей, выступали безъ малѣйшей сдержки въ комедіи, тогда какъ вездѣ почти и всегда вольность прикрывается на театрѣ видомъ наружнаго благоприличія. Нельзя не подивиться вмѣстѣ съ Отфридомъ Мюллеромъ, какъ напротивъ въ тогдашнихъ Аоинахъ съумѣли поставить высокую цѣль и вдохнуть благородство даже самому грубому и непристойному фарсу. Къ этому присоединялись дивная красота формы въ языкѣ, граціозная прелесть легкоподвижныхъ ритмовъ и, мѣстами, гдѣ было оно кстати, самое высокое поэтическое пареніе. Народъ живо еще помнилъ недавно представленныя трагедіи, ни одинъ намекъ не пропадалъ для него даромъ, и пародистическій вводъ страстныхъ стиховъ и переносныхъ выраженій въ потокъ самой незатѣйливой навидъ обиходной рѣчи смѣшилъ не менѣе тѣхъ колосальныхъ словосочетаній, которыя авторъ самъ придумывалъ для того, чтобы вмѣстить въ нихъ колосальныя же и нелѣпости. Сколь ни безцеремонно относится поэзія къ богамъ и людямъ, все же однако, и не смотря ни на какіе личные споры, вездѣ преобладаетъ тутъ основной тонъ веселой шутки или игры, которая безпощаднымъ своимъ остроуміемъ какъ будто бы только освѣщаетъ смутную эту грезу, но въ самомъ дѣлѣ старается возвести зрителей безъ желчи и горечи на точку зрѣнія высшихъ государственныхъ интересовъ.

Современникъ Эсхила, Кратинъ, подражая трагической его дѣятельности, сталъ для «древней» этой комедіи тѣмъ творческимъ геніемъ, который придумалъ и установилъ и содержаніе ея и форму. Къ сожалѣнію намъ осталось отъ него не много болѣе однихъ очерковъ послѣдней піэсы его, «Винной фляги». Передъ этимъ истымъ мараоонновцемъ, Аристофанъ былъ уже питомцемъ утонченнѣйшаго образованія, такъ что Кратинъ дѣйствительно могъ спросить объ немъ: кто ты словотолкъ до послѣдней тонкости, неутомимый низатель сентенцій, эврипидоаристофанщикъ? Когда молодой поэтъ отозвался о старшемъ, что поэзія его совсѣмъ утонула уже въ винѣ, старикъ вывелъ самъ себя на сцену и заставилъ подругу своей юности, Комедію, жаловаться, что онъ къ ней охладѣлъ и пристрастился теперь къ госпожѣ Флягѣ. Она требуетъ развода съ нимъ; тутъ поэтъ образумился, поднялся опять со всей прежнею силой, и, какъ изъ фляги полной пѣнистаго вина, брызнуло изъ него такой обильной струей комизма, что друзья принуждены были заткнуть ему ротъ, не то, разливомъ своихъ стиховъ, онъ, чего добраго, потопилъ бы пожалуй все вокругъ себя. Спорившія за него соперницы также наконецъ примирились. — На ряду съ этимъ смѣлымъ комикомъ Персій ставитъ гнѣвнаго Эвполида, бичевавшаго — говоритъ онъ — упадокъ своего времени горькою сатирой. Кратесъ блисталъ болѣе обдуманнымъ планомъ своихъ піэсъ. Но чтобы пріобрѣсть наглядное понятіе объ аттической комедіи, съ насъ довольно и одного величайшаго изъ комиковъ, Аристофана.

Онъ единственный въ своемъ родѣ геній, а потому и понять его можно только изъ его времени, котораго онъ былъ и ораторомъ и вмѣстѣ судьею, — сынъ свободы, явившійся какъ нарочно въ тотъ мигъ, когда она обращается въ необузданность и своевольство, сама себя подрывая, — безпощадный шутникъ, потѣшающійся надъ этимъ безумнымъ самоуничтоженьемъ. Когда столкнутся одна съ другой двѣ разныя эпохи міра, тутъ-то и настаетъ са-

мая пора для комики, для преобладающей дѣятельности юмора *). Такъ, борьба протестантства съ католичествомъ вызываетъ какихъ-нибудь Фишарта и Мурнера; такъ, противоположность средневѣковой поры съ эпохой новаго времени является исходной точкой для Рабелѐ и Сервантеса. Грецiя воспиталась и выросла на религiозно-художественномъ образованiи, на преобладанiи цѣлаго государства надъ всякой отдѣльной личностью, которую любовь къ отечеству побуждала служить ему возможно лучшею и дѣятельною опорой; когда одиночныя эти лица развились до свободной самостоятельности, они оставались еще нѣкоторое время подъ упрочившимся у нихъ прежнимъ господствомъ, и урядливый духъ Перикла еще руководилъ ихъ съ убѣждающею силою; но вскорѣ обнаружились себялюбивыя стремленья, разсудочный смыслъ взялъ верхъ надъ завѣтнымъ преданiемъ, личныя похоти смѣло пошли наперекоръ обычаямъ и нравамъ, народъ (составлявшiй прежде одно цѣлое) раздробился въ безсвязную толпу, отдѣльныя личности и партiи захотѣли каждая собственнаго значенiя и господства, мѣсто вѣрности, добросовѣстности, заступили сила и ухищренiе, сердечныя чувства одичали среди усобицъ, и беззавѣтный произволъ погибъ наконецъ жертвою своей же полной разнузданности. Правда, что субъективность, то-есть самосознательный разумъ и собственная совѣсть каждаго, стала новымъ и высшимъ началомъ будущаго, и, въ этомъ именно качествѣ, Сократъ силится высвободить ея истину изъ путаницы множества разныхъ заблужденiй и постепенно возводить къ ней весь народъ; но плодъ отъ древа познанiя добра и зла привелъ и тутъ ко грѣхопаденью, и только уже позднѣйшему потомству суждено было узрѣть Спасителя. Разумѣется, и Аристофанъ видѣлъ передъ собой на первыхъ порахъ вездѣ только одинъ упадокъ, и понятно что сердце у него лежитъ больше къ вѣку благороднѣйшихъ стремленiй, къ достославнымъ днямъ Персидскихъ войнъ; идеалъ, за который онъ ратуетъ и котораго не находитъ въ настоящемъ, это — добросовѣстное величiе тогдашнихъ Мараѳонскихъ бойцовъ, ихъ строгая подчиненность, сила и полная одушевленiя надежда на боговъ небесныхъ. Низойдти съ подобной высоты, самому истребить у себя прекраснѣйшiй цвѣтъ жизни, кажется ему неслыханной глупостью, и онъ смотритъ на всю эту кутерьму, какъ на совершенное, само себя подрывающее безумiе, которое тѣмъ самымъ и комично. Комедiя его потѣшается надъ общественными недугами, надъ сутяжничествомъ, надъ страстью къ войнѣ, надъ успѣхами черневластiя и вольномысленнаго просвѣщенья, надъ упадкомъ прежнихъ нравовъ, прежней вѣры, прежняго художества; но выводимыя ею личности такъ привольно угнѣздились въ самыхъ своихъ заблужденiяхъ, онѣ такъ безупречно вѣрны своему дурачеству, что даже и среди сплошной гибели цѣлаго богатаго и блистательнаго мiра, мы невольно ликуемъ вмѣстѣ съ поэтомъ при видѣ несокрушимой энергiи человѣческой природы, и готовы уповать вмѣстѣ съ нимъ, что все это не болѣе какъ лишь одно смутное сновидѣнiе, что человѣчество стряхнетъ съ себя его блазнь, пробудится къ новой опять жизни и сохранитъ свое прежнее величiе. Вотъ этимъ-то глубокимъ патрiо-

---

*) Но для полнаго, блестящаго разгула юмора и комики, необходима толпа досужихъ зрителей этой борьбы, подготовленныхъ широкимъ общимъ образованiемъ. Прим. перев.

тизмомъ Аристофанъ шагнулъ далеко за грань пустого шутовства, которымъ упрекали его въ былые годы; тѣмъ менѣе заслуживаетъ онъ недавно на него взведеннаго, крайне дерзкаго обвиненія въ такой безсердечности и безсовѣстности, что будто бы онъ нарочно превознесетъ вдругъ священное и высокое единственно лишь для того, чтобы тѣмъ глубже затоптать ихъ въ грязь черезъ минуту; это впрочемъ былъ какъ бы рѣшительный отпоръ другому воззрѣнію, которое дѣлало его сухимъ проповѣдникомъ морали, политическимъ прорицателемъ, и выдавало комическія его преувеличенія за настоящіе приговоры исторіи, позабывая при этомъ и комика и его искусство. Въ самомъ Аристофанѣ живетъ вѣдь свободная субъективность, возносящееся надъ настоящимъ, парящее надъ противоположностями самобытное сознаніе: оттого ясны для него и недостатки прошлаго. Его здравый смыслъ также видитъ въ миѳахъ бездну противорѣчій, видитъ какъ недостаточны для воплощенія божественной идеи людскія слабости боговъ; но такъ-какъ идея эта жива въ собственномъ его сердцѣ, то онъ дозволяетъ себѣ трунить надъ тѣми слабостями и всегда готовъ отдать на посмѣяніе одну пустую шелуху: онъ не могъ бы однако этого сдѣлать, не будь самъ онъ сыномъ новаго образованія. Онъ осмѣиваетъ послѣднее въ Сократѣ, въ Эврипидѣ, но вѣдь при этомъ не надо забывать и тонкой его ироніи надъ трубнымъ звукомъ и чудовищно-тяжелымъ словоизверженіемъ Эсхила, не забывать что на потѣху Аѳинянамъ выставлялось и тупоуміе Стрепсіада въ школѣ мыслителей, гдѣ онъ думалъ діалектикой отдѣлаться отъ уплаты долговъ, а намѣсто того только навлекъ себѣ побои. Или: развѣ всадники не напрашиваются сами на насмѣшку неистовыми порывами своей ярости, когда не могутъ сдѣлать противъ Креона ничего кромѣ повторенія все одной и той же брани:

Прочь его, распроканалью, пса-душегубца всего сословія всадниковъ,
Его, мытника, навозную яму, его, пса съ ненасытною глоткой Харивды,
Каналью, десять разъ и сто разъ каналью:
Вѣдь канальей бываетъ этотъ каналья чуть не тысячу разъ въ день!

Надъ подобной защитой добраго стараго права народъ смѣялся такъ же громко, какъ и надъ тѣмъ совѣтомъ относительно новомодной политики, какой слуга даетъ колбаснику, чтобы сдѣлать его вполнѣ способнымъ правителемъ:

Это ничего не значитъ! Дѣлай все попрежнему,
Мѣшай все зря, кроши словно сѣчка, начиняй демократію
Какъ колбасу всякой всячиной, и приправляй себѣ народъ по вкусу
Сладкой поливою кухмистерской болтовни;
Всѣми прочими свойствами демагога ты обладаешь вѣдь и безъ этого —
Широкой собачей глоткой, худородствомъ, площаднымъ остроуміемъ:
Ну, право, у тебя есть все, что необходимо для государственнаго управленія.

Такъ юморъ выставляетъ всѣ смѣшныя стороны любой вещи, сращиваетъ шутку съ дѣломъ и освобождаетъ себя и другихъ изъ-подъ гнета современной напасти, ведя правду и добро къ веселому торжеству, путемъ разложенія всего ничтожнаго и превратнаго на свѣтѣ. Стоитъ забыть эту двусторонность Аристофана, и тогда мы сочтемъ пожалуй за явное противорѣчіе взаим-

но дополняющія другъ друга сужденія о немъ двухъ нѣмецкихъ философовъ,— сужденія, которыя однако сопринадлежны между собою. Зольгеръ толкуетъ о замѣчательной терпкости поэта и не знаетъ ни чего столь потрясающаго, какъ выставленные имъ великіе образцы того демагогическаго безумства, въ которомъ извело само себя превосходнѣйшее государство цѣлой древности; Гегель, напротивъ, полагаетъ, что, не прочитавъ его, едва ли можно имѣть понятіе о томъ, что именно у человѣка на сердцѣ, когда онъ какъ свинья услаждается погорло въ помояхъ. Правда, идеаломъ для Аристофана не будущность, не съ точки зрѣнія слагающейся новизны осмѣиваетъ онъ недостатки прошлаго; это было бы возможно въ томъ только случаѣ, еслибъ новизна успѣла уже выдвинуться на свѣтъ положительной своей стороною: такъ, въ эпоху Сервантеса Донъ Кихотъ вызываетъ невольный смѣхъ слѣпой вѣрностью вполнѣ отжившему рыцарству; Аристофановъ идеалъ лежитъ въ только-что исчезающемъ передъ нимъ прошломъ, въ дняхъ высокихъ стремленій Эллинства достигнуть своей вершины; стремленія эти живы въ его собственной душѣ, и все, что перечитъ имъ, представляется ему сумасбродствомъ и дурачествомъ. Тутъ пластическій смыслъ Эллина снова заявляетъ себя въ образности остротъ и шутокъ: легкомысленные прожектёры хлопочутъ у него надъ воздушными за́мками (не въ переносномъ только смыслѣ), философы (дѣйствительно) парятъ въ облакахъ, и мы готовы согласиться съ догадкой Иммермана, что матерьялы для поэта подготовляло здѣсь народное остроуміе, толкуя о томъ какъ больно осы жалятъ въ судахъ, какіе туманы напустило новѣйшее умозрѣніе, какъ земледѣльцамъ остается добыть миръ развѣ только съ неба; что Аристофанъ съ свойственной ему геніальностью бралъ это за отправную точку для своихъ произведеній, что образность принималъ онъ часто въ дословномъ смыслѣ и этимъ съ разу переносилъ зрителей въ міръ фантазіи, строя его такъ, какъ будто бы онъ былъ реальный, такъ что всякая безумная затѣя осуществлялась въ немъ всесторонно и вполнѣ. Колосальная перелицовка эта совершенно выводитъ насъ изъ круга обычнаго; тѣмъ не менѣе воображаемый міръ, возникающій подъ волшебнымъ жезломъ поэта, раскрываетъ собой тайну настоящей дѣйствительности, — такъ отчетливо и ярко выступаетъ передъ нами внутреннее ея существо. Мы должны однакожь присовокупить къ этому вмѣстѣ съ Геттнеромъ: «Юморъ аристо- «фановской комедіи — чисто субъективенъ; это брыжжущія вверхъ ракеты, «но фейерверкеръ безотлучно позади; искры не сами собой вспыхиваютъ, а «зажигаются. Одною ногой стоимъ мы здѣсь на дѣйствительной почвѣ, дру- «гою — на почвѣ міра наизнанку, и юморъ заключается именно въ томъ, что «подъ шумокъ комической потѣхи намъ и въ голову не прійдетъ спросить, «какія черты геніальной карикатуры принадлежатъ самому поэту, и какія «дѣйствительному его первообразу. Сочиненіе при этомъ сплошь очень про- «извольно и безсвязно.» Аристофанъ выражаетъ собой произволъ, царившій тогда въ государственномъ быту, выражаетъ полный разгулъ субъективности, и только вѣдь житейская вольница могла привести къ такой безграничной свободѣ искусства. Разнузданность настроенія и содержанья подрываетъ конечно и строгость виносложной связи, предоставляя цѣлому расплываться въ обиліи частностей гораздо болѣе чѣмъ обыкновенно допускалъ это художественный смыслъ Грековъ. Кто усомнится въ отзывѣ Гёте, что поэзія безъ свое-

вольной рѣзвости не мыслима, тотъ по крайней мѣрѣ у Аристофана найдетъ полное подтвержденіе этому словцу. Гёте же навѣки запечатлѣлъ его прозвищемъ: баловень Грацій, напомнивъ при этомъ извѣстную эпиграмму Платона, что Граціи, долго и тщетно искавъ себѣ постояннаго пріюта, нашли его наконецъ у Аристофана въ головѣ. «Среди побѣдъ и пораженій въ самомъ виду непріятеля, говоритъ Иммерманъ, комедія его смѣло выступала съ своими шутками, и вотъ отчего производитъ она на насъ впечатлѣніе самой громкой побѣдной пѣсни эллинскаго духа, сознающаго даже и въ крайнихъ переломахъ все свое величіе, всю свою самобытность».

Молодой поэтъ постановку двухъ первыхъ своихъ піэсъ поручилъ хоионачальникамъ изъ близкихъ ему знакомыхъ; это были: соціальная комедія про братьевъ Честона и Негодяйкина, и политическая — «Вавилоняне», въ которой онъ обнаружилъ плутни демагоговъ съ иноземными посольствами. Въ 425-мъ году появились дошедшіе до насъ «Ахарняне». Человѣкъ добраго стараго времени, Дикеополидъ, жаждетъ насладиться покоемъ сельской жизни и для этого заключаетъ самъ за себя лично отдѣльный миръ съ Спартою, который приносятъ ему навернутымъ на винныхъ флягахъ; онъ выбираетъ миръ на тридцать лѣтъ: — отъ пятилѣтняго слишкомъ пахнетъ дегтемъ и смолою, то-есть починкою кораблей для новой опять войны. И вотъ онъ справляетъ уже со всѣми домочадцами сельскій праздникъ Вакху, какъ вдругъ приходятъ дюжіе, задорные угольщики изъ села Ахарны и хотятъ побить его каменьемъ. Онъ обѣщаетъ до послѣдней капли крови отстаивать миръ противъ войны и обращается за помощью къ Эврипиду, котораго рабочая комната расположена тутъ же въ верхнемъ ярусѣ декораціи, и выпрашиваетъ у него главныя трогательныя средства его трагедій,—лохмотья Телефа, баночку съ губкой для слезъ, плетушку съ поблекшими листьями капусты и запасъ щегольскихъ фразъ. Послѣ этого онъ произноситъ рѣчь, и ему удается успокоить опасенья хора. Является торговый людъ изъ Мегары и Ѳивъ и дѣлаетъ дѣла съ Дикеополидомъ; въ полномъ удовольствіи устроиваетъ онъ кружечный праздникъ, тогда какъ сосѣдъ его, Ламахъ, снаряжается на войну; этому отчищаютъ ржавое копье въ то самое время, какъ у Дикеополида усердно повертываютъ на огнѣ вертелъ. Впослѣдствіи воителя приносятъ израненнаго на носилкахъ, а миролюбца, навеселѣ отъ вина, водятъ между тѣмъ подъ руки молодыя дѣвушки. Все вмѣстѣ составляетъ очень забавный призывъ къ миру еще на самыхъ первыхъ порахъ Пелопоннесской войны.—«Всадники», піэса удостоенная награды въ слѣдующемъ году, гораздо уже злѣе и полемичнѣе. Аѳинскій народъ олицетворенъ въ видѣ стараго барина, у котораго рабами полководцы Никій и Демосѳенъ, а кожевникъ изъ Пафлагоніи, демагогъ Клеонъ, настоящій хозяинъ въ домѣ. Другіе противопоставляютъ ему одного колбасника, съ тѣмъ чтобы грубостью и подлой лестью, мнимыми прорицаніями оракуловъ и самымъ низкимъ подхлебничествомъ, онъ перещеголялъ Клеона и забралъ въ руки къ себѣ власть. Это удается; колбасникъ сажаетъ стараго барина въ котелъ, переваривaетъ его въ молодого,—и вотъ представитель народа выходитъ оттуда во всей бодрости силъ, истымъ Мараѳоновцемъ, самъ дивясь своей прежней дури и распоряжаясь дѣлами какъ слѣдуетъ.

Комедія «Облака», при представленіи ея въ 423-мъ году, рѣшительно провалилась. Но поэтъ, назвавшій ее въ «парабасѣ» умнѣйшею своей піэсой,

справедливо говоритъ, что тутъ обойдены всѣ пахабныя выходки, всѣ пустыя балясы: серьёзное содержаніе сквозитъ здѣсь подъ игрой самой остроумной шутливости; противоположность того времени съ прошлымъ схвачена въ самой ея глубинѣ, и начало субъективности воплощено въ лицѣ Сократа, разумѣется — спѣшимъ прибавить — съ отрицательной только его стороны, то-есть не съ той, что оно положило основаніе новой самосознательной нравственности вопреки обычаю старины, а со стороны разлагающаго его дѣйствія на искони завѣтное преданье. Комику въ носители новой идеи нужна была всѣмъ извѣстная личность, и онъ твердой, вѣрною рукой обрисовалъ намъ внѣшній побытъ Сократа, но сдѣлалъ его въ то же время и комическимъ идеаломъ всякаго раздумчиваго мудрованія, всякой діалектики: подобно Анаксагору, на мѣсто правящаго колесницей Солнобога онъ долженъ поставить тотъ изначальный вихрь, которымъ вращаются небесныя тѣла; подобно всѣмъ софистамъ онъ долженъ давать грамматическіе уроки и обучать искусству, какъ слабые доводы возводятся въ сильные, какъ можно и худому дѣлу дать перевѣсъ надъ правымъ. Противъ такого-то разсудочнаго лишь образованія, которое ставитъ личное свѣдѣніе и личную прихоть на мѣсто вѣры и испытанныхъ порядковъ старины, вооружается комикъ и стоитъ за отцовскіе правообычаи, за воспитаніе гимнастикой, музыкой, поэзіей и религіей, потому что это-де именно воспитаніе выростило и возвеличило народъ, а то просто губитъ его въ легкомысленныхъ умозрѣніяхъ, въ своеволіи страстей и въ бездѣльномъ шелопайствѣ. Эта внутренняя суть и цѣль піэсы побудили автора при передѣлкѣ ея вывести на сцену сторонниковъ какъ праваго, такъ и неправаго дѣла, съ тѣмъ чтобы каждый изъ нихъ защищалъ передъ народомъ свое убѣжденіе. Первый напоминаетъ чливость прежней жизни, пользу прежняго воспитанія, которое и теперь могло бы приводить молодежь на путь истины:

Тогда скоро бы увидѣли тебя на гимнастическомъ поприщѣ здоровымъ опять и бодрымъ,
А не ловкимъ на языкъ, не сыплющимъ на площади школьными фразами, какъ молодежь въ наше время;
Ты не далъ бы оглушать себя лаемъ клеветы въ судоразбирательствахъ надъ мошенниками-нищими,
А гулялъ бы въ рощѣ Академа подъ мирною тѣнью маслины,
Увѣнчавъ чело тростникомъ, обруку съ благонравнымъ другомъ,
Вдыхая на привольномъ досугѣ запахъ плюща, съ серебристымъ тополемъ надъ головою,
Среди усладительной весны, когда вязъ, тихо шепча листвой, склоняется къ явору.

Но противникъ доказываетъ выгоды машенничества, всѣ пріятности раздольной сладострастной жизни среди мальчиковъ и женщинъ, за игрою въ кости, за виномъ и балагурствомъ,—доказываетъ что нечего дорожить добрымъ именемъ съ тѣхъ поръ какъ всѣ преспокойно живутъ себѣ худою славой; тутъ защитникъ праваго дѣла сбрасываетъ съ себя мантію и скрывается въ толпѣ.

Хоръ составляютъ облака, символы туманныхъ призраковъ и химеръ, выходящихъ изъ головы философа, который самъ виситъ подъ ними въ плетушкѣ; поселянинъ Стрепсіадъ приходитъ въ «мыслильню» брать уроки въ искусствѣ какъ отвертеться ловкой рѣчью отъ долговъ, которые онъ надѣлалъ изъ-за своего сына, играющаго роль барченка. Всевозможныя насмѣшки надъ

учеными, придуманныя или народнымъ остроуміемъ или самимъ поэтомъ, чередуются здѣсь съ скучными длиннотами. Старику какъ-то не дается наука, онъ посылаетъ сына въ училище, и счастливъ донельзя, когда наконецъ всѣми неправдами успѣваетъ сбыть съ рукъ заимодавцевъ; но когда сынъ начинаетъ муштровать и его, когда онъ даетъ ему пощечины, да притомъ еще доказываетъ что такъ оно и быть должно, старикъ не можетъ долѣе вытерпѣть и осердчавъ поджигаетъ домъ Сократу. Тутъ Облака совсѣмъ выходятъ изъ своей роли; вмѣсто того чтобъ гасить пожаръ, они пускаются въ проповѣдь о богобоязни.—Впослѣдствіи, Аристофанъ, если и упоминалъ о Сократѣ, то больше только какими-нибудь намеками, и трунилъ надъ дружбой его съ Эврипидомъ; въ Платоновомъ «Пиру» принадлежитъ онъ къ тѣснѣйшему кругу мудреца: вѣдь общею цѣлью обоихъ было то, чтобы свободой мысли и настоящимъ образованіемъ разоблачать призраки порождаемые мнимымъ.

Съ тѣхъ поръ какъ союзники по всѣмъ важнымъ дѣламъ должны были отыскивать своего права въ Аѳинахъ, и присяжные сидѣли въ судахъ цѣлыми сотнями, выслушивая обвинительныя и защитительныя рѣчи и получая отъ казны вознагражденіе за ущербъ по своимъ собственнымъ дѣламъ, у Аѳинянъ развилось настоящее судонеистовство, которое поэтъ часто каралъ своей насмѣшкой. Годъ спустя послѣ «Облаковъ» появились «Осы». Подъ этой маской онъ выводитъ старыхъ судонеистовцевъ, которые въ полночь бѣгаютъ уже по чужимъ домамъ, чтобы захватить съ собой товарища на утреннее засѣданье; но сынъ одного изъ такихъ стариковъ велитъ стеречь его какъ сумасшедшаго. Отецъ и сынъ изображаютъ потомъ въ длинномъ спорѣ свѣтлыя и темныя стороны судейской должности, и подконецъ устроивается для старика частный судъ на дому, и въ тяжбѣ между двумя собаками забавно пародируется процессъ демагога Клеона съ полководцемъ Лахесомъ, да кстати и все вообще аѳинское судопроизводство. То, что послѣ этого сынъ вводитъ отца въ новомодную жизнь знатныхъ кружковъ города, и старикъ распускается тамъ не въ мѣру,—это ужь очень мало идетъ къ цѣлому и совсѣмъ лишено драматическаго движенья. Оно похоже на вторую половину «Мира», поставленнаго на сцену передъ самымъ почти миромъ Никія. Начало полно безподобнаго юмора: на навозномъ жукѣ, замѣсто Пегаса, поселянинъ Тригей летитъ на небо по богиню мира; но разгнѣванные боги ушли оттуда, а богиня лежитъ запрятана въ глубокой ямѣ, тогда какъ Война хочетъ истолочь города́ въ огромной ступѣ; по счастью нѣтъ ужь больше налицо ни аѳинской толчеи (Клеона), ни спартанской (полководца Врасида): обѣ онѣ незадолго передъ тѣмъ изгибли. На длинномъ канатѣ вытягиваютъ изъ ямы Миръ вмѣстѣ съ Плодоносіемъ и праздничнымъ весельемъ, и Тригей возвращаетъ ихъ опять на землю. Пахабныя шутки слѣдующихъ за тѣмъ сценъ не всилахъ придать имъ ни какого драматизма, и комично здѣсь развѣ только еще то, какъ Тригей дѣлаетъ изъ копій подпорки для винограда, и пытается, не льзя ли употребить броню хоть вмѣсто стульчака; жертвоприношеніе Миру и бракъ селянина съ Плодоносіемъ слишкомъ ужь растянуты.

Ближайшая изъ дошедшихъ до насъ комедій, «Птицы», появилась спустя только уже семь лѣтъ, въ 414-мъ. Этому предшествовала пора, когда мо-

лодой Алкивіадъ совсѣмъ обворожилъ Аѳинянъ, когда планъ завоевать Сицилію расширился въ міровладыческую грезу; и вотъ два дѣйствующихъ лица, Оболтушкинъ и Доброчаевъ, то-есть хитрый на вылумки прожектёръ и легковѣрный добрякъ, представляютъ вмѣстѣ все аѳинское гражданство. Но оба они покидаютъ городъ, потому что имъ здѣсь какъ-то не понутру: только - что началось слѣдствіе по дѣлу объ изувѣченіи Гермовъ и о нарушеніи мистерій; все пришло въ тревогу отъ скрытныхъ доносовъ, служившихъ орудіемъ страстямъ партій и разнымъ тайнымъ союзамъ въ городѣ и возбудившихъ столько же пустой заносчивости съ одной стороны, какъ и суевѣрной боязни съ другой; и это мрачное настроеніе, эти ужасныя нечестія, вмѣстѣ съ страхами народа что религіи грозитъ крайняя опасность, — вотъ что составляетъ темный фонъ этой забавнѣйшей изъ комедій, гдѣ сознающій полную свободу свою духъ уносится изъ этой кутерьмы настоящаго въ царство грезъ и воздушныхъ зáмковъ. На это справедливо указали Курціусъ и Шпитцеръ. Аристофанъ далекъ здѣсь отъ горькой сáтиры, отъ личной полемики, онъ самъ привольно услаждается созданіями своего юмора; но это не дастъ намъ права, вмѣстѣ съ Шлегелемъ и другими, видѣть въ воздушномъ, нестропёромъ произведеніи одно только балясничество безъ мысли и безъ цѣли: будь оно совсѣмъ безсодержательно, развѣ могло бы оно блистать однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ, богатыхъ измышленій въ мірѣ фантастично-чудеснаго. Надо, видите, создать новыя, невиданныя Аѳины, и поэтъ переноситъ ихъ на воздухъ въ видѣ заоблачнаго царства птицъ, включая и самого себя въ предѣлы осмѣиваемаго имъ міра, ставя серьёзное свое убѣжденіе на одну доску съ воздушными зàмками, строимыми сумасбродныхъ прожектерствомъ: его собственный воздушный зáмокъ хоть развеселитъ по крайней мѣрѣ народъ прекрасною картиной. Алкивіадъ, въ свое отсутствіе послѣ начала сицилійскаго похода, подвергся осужденію и бѣжалъ; поэтому я не могу согласиться съ Зюверномъ, что будто Аристофанъ хотѣлъ аллегиризовать эту именно черту и, въ бракѣ Оболтушкина съ Царской Властью, выставить цѣль Алкивіадовой затѣи въ предостереженіе согражданамъ; да не могу и вмѣстѣ съ Каппегисеромъ усмотрѣть здѣсь совѣта народу, что Алкивіада слѣдуетъ избрать властителемъ.

Оба помянутые Аѳиняне ищутъ и находятъ гдѣ-то въ отдаленныхъ горахъ птицу Терея, ýдода, древнюю родню свою по миѳологіи, прося указать имъ доброе мѣсто для жительства; они замѣчаютъ что живется у него сносно, и Оболтушкинъ развиваетъ передъ созванными птицами геніальную идею построить городъ между небомъ и землёй и потребовать отъ людей и боговъ за взаимное сообщеніе ихъ между собою пошлины и признанія, такъ-какъ вѣдь птицамъ собственно принадлежитъ верховное господство, чтò и доказывается міровымъ яйцомъ, на которомъ перистая ночь сидѣла до тѣхъ поръ, пока изъ него не вылетѣлъ крылатый Эротъ, всепорождающая любовь; птицы же часто сопутствуютъ богамъ или являются знаменными ихъ животными, онѣ напоминаютъ людямъ смѣну годовыхъ временъ, онѣ предвѣщаютъ имъ всякое добро и вездѣ оказываютъ пользу: все это съ неподражаемымъ остроуміемъ проведено ораторомъ, а потомъ и въ «паравасѣ». Два друга поѣли какого-то корешка, отъ котораго у нихъ выросли перья, и вотъ начинается стройка города. Приходитъ ужь и нищій поэтъ воспѣть его, пѣвца выпрова-

живаютъ снабдивъ кожаною фуфайкой; а предсказателя съ книгой прорицаній, астролога съ его математическимъ скарбомъ, сборщика податей и продавца законовъ прогоняютъ въ плети прежде чѣмъ они успѣли войдти. Безпутному сыну дается наставленіе озаботиться напередъ о старикѣ-отцѣ; парящій въ темныхъ облакахъ на крыльяхъ бури диоирамбный поэтъ хочетъ обрости настоящими перьями, его наряжаютъ птицей, но безпощадно осмѣиваютъ; лицемѣра, лазутчика, доносчика, крючкотворца также прогоняютъ плетью. Городъ въ самомъ дѣлѣ долженъ выйдти новымъ, такимъ,

Гдѣ царятъ мудрость, любовь, всякое приволье,
Гдѣ живетъ хоръ Харитъ, гдѣ пріютился покой
Съ вѣчно-яснымъ своимъ ликомъ.

Вмѣстѣ съ Кёхли указываемъ мы на серьёзность этого отверженія всѣхъ гнусныхъ продѣлокъ и продѣльщиковъ: дѣло идетъ о полномъ перерожденіи государства, которое въ видѣ воздушнаго за́мка игриво рисуетъ передъ нами поэтъ.—Люди признаютъ надъ собой главенство птичьей породы, сами боги шлютъ къ нимъ пословъ. Ихъ обгоняетъ Промеоей съ извѣстіемъ, что до боговъ не доходитъ съ земли жертвенное благоуханіе и на небѣ ужь просто не втерпёжъ. Пусть Оболтушкинъ сватается на Василіи, то-есть Царской Власти, которая хранитъ Зевсовъ перунъ, все оберегаетъ и уряжаетъ своимъ могуществомъ,—мудрые совѣты, добрые уставы, благочиніе, право и общее благоденствіе. Являются Посейдонъ и варварскій богъ Триваллъ вмѣстѣ съ Иракломъ. Бурный гнѣвъ послѣдняго вскорѣ уступаетъ мѣсто извѣстной его прожорливости, и всѣ трое соглашаются на требованіе птицъ выдать имъ прекрасную дѣву, Власть Царскую. Торжественно вступаетъ съ своей невѣстою хитрый на выдумки Аөинянинъ, и піэса заключается общимъ ликованьемъ. Прежнія чувственныя представленія боговъ не удовлетворяютъ болѣе ума Эллиновъ, поэтъ прямо и выдаетъ ихъ, но надѣется на чувство внутренняго благочестія, на самосознательную силу духа и на нравственность, что какъ истинныя, задушевныя власти, они положатъ основаніе новому царству, въ которомъ, столько же «крылодушные», какъ и перелетныя птицы, Аөиняне, прійдутъ наконецъ къ общему порядку. Царство это волшебный жезлъ поэта вызвалъ по крайней мѣрѣ въ видѣ прекраснаго марева, оно паритъ передъ нами на окрыленныхъ ритмахъ, которые такъ и обдаютъ слушателя дивнымъ благозвучіемъ; все тутъ эөирно-легко и ясно, все гармонично какъ нельзя болѣе.

Надежда не сбылась, и въ годину напасти, когда у Аөинъ было отнято демократическое устройство, поэтъ жалуется (411 г.) въ «Лисистратѣ», что нѣтъ въ цѣломъ краѣ ни одного настоящаго человѣка, ни одного избавителя, и выражаетъ общую жажду мира тѣмъ, что наконецъ и женщины вступаютъ у него въ тайный союзъ, овладѣваютъ городской крѣпостью и отказываютъ мужщинамъ въ своихъ ласкахъ до тѣхъ поръ пока тѣ не положатъ конца междоусобію; но при этомъ общественныя дѣла остаются уже совсѣмъ на заднемъ планѣ, а впередъ выдвигается половая чувственность,—иногда здорово и свѣжо, по большой же части крайне безстыдно. Такъ точно опять и въ «Праздникѣ Өесмофорій» (Өесмофоріинцахъ) дано очень ма-

ло мѣста какъ хору и «паравасѣ», такъ и политикѣ. Женщины на этомъ своемъ праздникѣ составляютъ заговоръ противъ общаго врага ихъ, Эврипида; строго критикуя послѣдняго, а также и слишкомъ изнѣженнаго Агаѳона, поэтъ бичуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ растлѣніе женскихъ нравовъ гораздо сильнѣе нежели дѣлалъ это трагикъ. Эврипидъ хочетъ сначала, чтобы за него вступился нѣжный товарищъ его, Агаѳонъ, переодѣвшись въ женское платье, но у того не достаетъ на это духу, и онъ готовъ только распѣвать свои сладкослюнныя пѣсенки; тогда трагикъ переряжаетъ женщиной старика-тестя своего, Мнесилоха; тотъ беретъ не себя защиту зятя, но высказывается такъ неосмотрительно, что у женщинъ родилось подозрѣніе, и онѣ обличаютъ въ немъ мужчину. Онъ вырываетъ у одной изъ нихъ ребенка и бѣжитъ укрыться къ алтарю, но мнимое дитя оказалось куклою, и притомъ спеленутою виннымъ мѣхомъ; подъ карауломъ скиѳскаго солдата долженъ онъ стоять у позорнаго столба, а Эврипидъ является выручать его въ разныхъ роляхъ своихъ драмъ, говоря ихъ подлинными или перелицованными въ шутку словами, тогда какъ Мнесилохъ съ своей стороны всегда играетъ тутъ соотвѣтствующую личность. Но напрасно Менелай старается преклонить къ себѣ свою Елену, напрасно Эхо жалобно перекликается съ Андромедою, а Персей ищетъ освободить ее отъ оковъ; только когда Эврипидъ приходитъ переодѣтый сводней, и сопровождающая его молодая Флейтщица соблазняетъ караульнаго уйти съ ней, онъ освобождаетъ наконецъ друга и улепетываетъ самъ. Планъ набросанъ хорошо, выполненъ увлекательно, и комедія, въ качествѣ литературной, могла бы почесться лучшею, еслибъ шесть лѣтъ спустя Аристофанъ не превзошелъ себя самъ въ своихъ «Лягушкахъ». Богъ трагической сцены, Діонисъ, съ грустью видитъ какъ опустѣло по смерти Софокла и Эврипида поле драматической поэзіи и рѣшается вызвать поэта изъ преисподней. Но это вѣдь не бездѣлица, и вотъ онъ идетъ въ сопровожденіи слуги къ Ираклу, напередъ освѣдомиться какъ нисходятъ въ адъ; въ разговорѣ между ними забавно осмѣяны живые еще трагики. Одѣвшись львиной шкурой и вооружась палицей, Діонисъ переправляется на лодкѣ черезъ озеро въ преисподней, въ глубинѣ котораго лягушки квакаютъ лебединую свою пѣснь; онъ идетъ черезъ луга, гдѣ торжественно кружатъ хороводы посвященныхъ. Далѣе испытываетъ онъ вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ разныя забавныя приключенія, пока дошелъ наконецъ до Плутона, гдѣ въ то самое время Эврипидъ настоятельно требуетъ чтобы Эсхилъ уступилъ ему свой тронъ. Софоклъ далекъ отъ такихъ притязаній; миролюбивый тамъ, какъ и на землѣ, онъ обнимаетъ Эсхила, дружески жметъ ему руку и охотно предоставляетъ ему почетное сѣдалище. Пусть Эсхилъ состязается напередъ съ Эврипидомъ; онъ предъявитъ свои права только тогда, если послѣдній одержитъ побѣду. «Подымается споръ кудластыхъ рѣчей, споръ бѣшено разметавшій гриву» — такъ буквально характеризуетъ его хоръ; выступаетъ впередъ Эсхилъ.

Потрясая густою гривой самородныхъ волосъ, осѣняющей плечи,
Угрюмо супитъ онъ брови, и съ ревомъ извергаетъ сплоченныя балками слова,
Выламывая ихъ съ гигантской яростью
Будто коморы изъ корабельнаго днища.

Въ отпоръ ему бьетъ слогоизную свою дробь выглаженный языкъ Эврипида, столбами подымая пыль мелко-избитой болтовни: сейчасъ видно что

онъ лоскутникъ театральной сцены, сынъ богини того рынка, гдѣ торгуютъ зеленью. Діонисъ совѣтуетъ имъ поуспокоиться: пусть и Эсхилъ не трещитъ на первыхъ же порахъ какъ дубъ, охваченный пожаромъ; споръ надобно рѣшить по всѣмъ правиламъ угоднаго музамъ искусства. Эсхилъ, обращаясь съ мольбой къ Деметрѣ, говоритъ, что онъ достоинъ элевзинскаго посвященія, а Эврипидъ взываетъ съ своей стороны:

О эѳиръ, моя пища, живое подспорье легкоязычію!
И ты разсудокъ, ты носъ, орудіе тонкаго чутья!
Пособите мнѣ втоптать въ грязь все что нагородилъ здѣсь мой противникъ!

Эсхилъ такъ и вырываетъ съ корнемъ слова изъ первобытнаго лѣса рѣчи; Эврипидъ хочетъ въ свою очередь блеснуть остроумными, гладко отточенными стихами и противопоставляетъ могучему сопернику свои краснорѣчивыя изображенія дѣйствительной жизни. Въ Эсхилѣ олицетворены нравственное чувство, мужественная возвышенность, строгое искусство, величіе мараѳонскаго времени; онъ отстаиваетъ ихъ передъ софистическимъ образованіемъ, передъ картинами чувственной страсти, передъ изображеніемъ пошлаго и гнуснаго, передъ слезливостью Эврипида, а также и передъ изнѣживающимъ и растлительнымъ вліяніемъ его на народъ. Настоящій поэтъ превозносится какъ нравственный воспитатель своего народа, какъ учитель взрослаго поколѣнія. Форма слова должна отвѣчать величію помысловъ. Эврипидъ критикуетъ приступы Эсхиловскихъ піэсъ; Эсхилъ безпощадно разбираетъ и осмѣиваетъ скучные его прологи и его чисто-механическія божества. Эсхилъ хвалится тѣмъ, что вносилъ въ область искусства все народно-изящное, тогда какъ Эврипидъ — говоритъ онъ — обиралъ для своихъ хоровъ пѣсни и мелодіи распутницъ. Онъ велитъ принести большіе вѣсы, чтобы повѣрить стихи того и другого на вѣсъ, и ядреность словъ, полнота содержанія всегда доставляютъ ему вѣрную побѣду; подконецъ онъ ставитъ самого Эврипида со всею его семьей на одну чашку вѣсовъ, и перетягиваетъ ихъ всѣхъ однимъ своимъ стихомъ, который кладетъ въ другую чашку. Діонисъ готовъ отдать справедливость тонкому Эврипидову остроумію, но сердце говоритъ ему за Эсхила; онъ беретъ его съ собой въ верхній міръ, а передъ Эврипидомъ извиняется пародіями его же собственныхъ сентенцій. Софоклу предоставляетъ онъ занимать тронъ тѣмъ временемъ пока высокій духъ и благородное искусство Эсхила водворятся опять на родинѣ, утѣшая, подкрѣпляя, радуя каждаго и всѣхъ.

Великолѣпная эта комедія была дана на сценѣ подконецъ Пелопоннесской войны. Въ политическомъ отношеніи проповѣдуетъ она примиреніе всѣхъ партій, требуетъ всеобщей амнистіи и прочнаго мира съ сосѣдями. Изъ Эсхиловыхъ устъ слышимъ мы слѣдующій замѣчательный намекъ на Алкивіада:

Не слѣдъ ростить и воспитывать въ государствѣ молодого льва,
Но если ужъ онъ выращенъ, надо подчиниться его нраву.

Это поэтическое созданіе было торжественнымъ погребеніемъ, посмертнымъ судомъ и апоѳеозой драматическаго искусства въ свободныхъ Аѳинахъ, было достойнымъ его заключеніемъ.

Позже, послѣ паденія Аѳинъ и освобожденія ихъ Ѳрасивуломъ, Аристофанъ, по поводу попытокъ возстановить прежнее величіе, написалъ еще въ высшей степени шутливую піэсу «Народная сходка женщинъ». Женщины сходятся тайкомъ въ народномъ собраніи, переодѣтыя въ мужчинъ и съ накладными бородами, чтобы настоять на предоставленіи имъ правительства; такъ какъ на этотъ только опытъ не пускались еще въ Аѳинахъ, то предложеніе ихъ было принято, и онѣ тотчасъ же осуществляютъ соціалистическій планъ общаго пользованія женами и имуществомъ; за этимъ слѣдуетъ веселый пиръ и начинаются притязанія дурныхъ собой и старыхъ на молодыхъ и пригожихъ того и другого пола. — Еще одно произведеніе старческихъ его лѣтъ показываетъ намъ поэта на переходѣ къ Средней уже комедіи: тутъ выводятся ужь не аѳинская республика и не народная жизнь, а общечеловѣческія мысли и отношенія; драматическое дѣйствіе и рѣзкая характеристика уступаютъ мѣсто вдумчивому созерцанію и аллегоріи. Богъ богатства, Плутосъ, вѣдь слѣпъ; оттого земныя блага и распредѣлены такъ неровно, оттого они чаще бываютъ въ дурныхъ рукахъ чѣмъ въ хорошихъ. Теперь хотятъ возвратить ему зрѣніе; но Бѣдность говоритъ, что это—опасная затѣя, объясняя кстати, какъ именно она возбуждаетъ умъ, укрѣпляетъ силы, ведетъ къ разнымъ изобрѣтеніямъ и успѣхамъ культуры. Слѣпца однакожь излѣчиваютъ, и вотъ — добрые люди разбогатѣли, мошенники пришли въ совершенную нищету, но зато и молитвъ къ богамъ шлется гораздо меньше, и Гермесъ (разсыльный боговъ на землѣ) проситъ уже мѣста у новаго властителя. Коегдѣ замѣтны здѣсь личные намеки, но вообще рисуются ужь не единичныя особи, а цѣлыя сословія, цѣлые людскіе классы.

Этимъ именно и отличалась такъ-называемая «Средняя» комедія въ пасмурные дни отжива аѳинской независимости вплоть до господства Македонянъ. Никто уже не хотѣлъ взять на себя постановку хора, въ поэзіи утратилось всякое идеальное пареніе, сюжеты и мотивы брались изъ ходячихъ въ городѣ исторій, вращаясь въ тѣсномъ кругу того либо другого званія, — философовъ, риторовъ, гетѣръ или поваровъ; шпильки остроумія кололи одну только внѣшность; занимались перерядкой древнихъ миѳовъ, перелицовкой древне-поэтическаго языка; пускались въ широкія картинныя изображенія; тщательность художественной выработки, которая одна ведетъ къ прочному совершенству, замѣняли многописаніемъ, въ погонѣ только за новизной, и находили достойную себѣ награду въ одобреніи того дня, который старались чѣмъ-нибудь развлечь и позабавить. Аѳины утратили уже великое политическое существованіе, ограничиваясь однимъ чисто-литературнымъ; они пробавлялись своими воспоминаніями, блистали щегольскою образованностью, и школьные споры философовъ или риторовъ теперь заступили въ нихъ мѣсто политическихъ партій и взаимнаго соревнованія государственныхъ людей. Вотъ почему, на ряду съ безразсудствами частной жизни и съ особенно смѣшными чертами нравовъ, сюжетомъ для комедіи выбирали предпочтительно извѣстныхъ стихотворцевъ и ученыхъ. Въ числѣ драматурговъ переходной этой поры слѣдуетъ назвать двоихъ сыновей Аристофана, Кратина младшаго, Анаксандрида, который первый ввелъ въ комедію любовную повѣсть, Алексида и Антифана, чьи піэсы насчитывались просто сотнями.

ПОСТРОЙКИ ЭТОГО ВРЕМЕНИ.

Архитектурный стиль сложился еще прежде и выработался вмѣстѣ съ коренными государственными уставами; а около этой эпохи начали его самосознательно употреблять въ дѣло и придали ему художественное завершеніе. Постройки остаются въ связи съ произведеніями скульптуры, и по мѣрѣ того какъ послѣднія становятся свободнѣе и духовнѣе,—одушевляются вліяніемъ жизни и поддерживающія или обрамливающія ихъ архитектоническія массы, такъ что совокупное цѣлое выходитъ замкнутымъ въ себѣ организмомъ со всей пластической полнотой и ясностью. Вещество не производитъ здѣсь впечатлѣнія свойственной ему тяжести и неподатливо-грубой косноты, оно вполнѣ уже осилено формою, которая является самоуставной мѣрою упругой его силы; строевые члены, сложившіеся какъ бы каждый самъ по себѣ для онагляд-ки своего собственнаго назначенія и своей цѣли, внѣдрены строго и вмѣстѣ крѣпко въ цѣлое, которое въ свою очередь развертывается и украшается ихъ богатою полнотой и блескомъ. Законченность достигается именно тѣмъ, что въ Аѳинахъ духъ Іонянъ овладѣваетъ строгими и важными дорійскими формами, отнимаетъ у нихъ сродную имъ тяжеловатость, смягчаетъ всѣ жесткія стороны нечувствительными переходами, и къ величію присовокупляетъ граціозность, не наружно только съ помощью красивыхъ орнаментовъ, но и ритмическою соразмѣрностью самыхъ массъ и коренныхъ формъ; нарядность остается вездѣ полною смысла, совершенно идущей къ дѣлу, да и оставъ зданія выходитъ приглядынымъ; и то и другое вмѣстѣ, соглашая благородное величіе съ свѣтлою торжественностью, насыщаютъ душу усладительнымъ чувствомъ красоты. Тѣмъ не менѣе іонійскіе эти пріемы сводятся къ строгому порядку, къ выдержанной законности. Пентелійскій мраморъ представляетъ самый пригодный и сподручный для построекъ матерьялъ; онъ точно такъ же идетъ навстрѣчу зодческому генію, какъ греческій языкъ шелъ навстрѣчу поэту.

Ѳемистоклъ устремилъ всю заботу на укрѣпленіе Аѳинъ, только что возникавшихъ тогда изъ-подъ пепла послѣ торжества надъ Персами; уже Кимонъ къ необходимымъ этимъ сооруженіямъ присовокупилъ изящныя постройки. Перенесши въ Аѳины прахъ Тезея, онъ возвелъ ему дорійскій храмъ, въ 45 футовъ шириной, въ 104 длиной, съ колоннами вокругъ, по 6-ти на поперечныхъ сторонахъ и по 13-ти на долевыхъ; стонченіе колоннъ къ верху было самое легкое, ихъ высота не составляла и полныхъ шести діаметровъ. Во всемъ видна рѣшительная энергія и чистѣйшая соразмѣрность. «Совершенство это-«го зданія, говоритъ Вордсвортъ, таково, что невозможно оцѣнить его впол-«нѣ сразу; могучія и однакожъ дивно-граціозныя формы просто изумитель-«ны, и при миловидности того сочнаго медожелтаго оттѣнка, который мра-«моръ принялъ теперь послѣ цѣлыхъ тысячелѣтій, можно подумать что храмъ «сложенъ не изъ суровыхъ горнокаменныхъ плитъ, а возникъ изъ золотыхъ «лучей аѳинскаго солнечнаго заката».—Периклъ украсилъ Акрополь; какъ

далеко сіяющая глава Эллады, Акрополь долженъ былъ и глазу открываться изъ-дали. Новый храмъ дѣвственной Аѳины, Парѳенонъ, явился самымъ совершеннымъ зданіемъ цѣлой древности. Внутреннее святилище, целла, было гипетральное сооруженіе, расчлененное двумя рядами колоннъ; поперечныя стороны замыкались наружи портиками, а все вмѣстѣ было окружено колоннадой, такъ что цѣлое, простираясь на 100 футовъ въ ширину, на 225 ф. въ длину и, до верху щипца, на 59 ф. въ вышину, представляется въ своихъ формахъ и размѣрахъ еще легче и стройнѣе Тезейона. Здѣсь вполнѣ проведены тѣ чуть-замѣтные наклоны и выгибы всѣхъ линій, которые придаютъ постройкѣ видъ свободной жизненности; здѣсь господствуетъ та точная соразмѣрность, которая связываетъ относительныя величины всѣхъ частей между собою и съ цѣлымъ по закону такъ-называемаго «Золотого правила» вслѣдствіе которaго изъ любыхъ двухъ неравныхъ частей мѣньшая всегда содержится къ бо̀льшей ка̀къ бо̀льшая къ цѣлому. Имена зодчихъ, Иктина и Калликрата, намъ извѣстны, и если первый написалъ книгу объ этомъ храмѣ, то это можетъ служить достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, что онъ художнически-сознательно постигъ и произвелъ въ дѣло сущность того самаго, что̀ прежде открыто было только чувствомъ и инстинктомъ красоты. Это полное согласіе знанія съ умѣньемъ показываетъ намъ здѣсь, точно также какъ у Софокла и у Фидія, до какой степени высоты дошла въ Периклово время дружная встрѣча двухъ разныхъ эпохъ образованія. Къ-сожалѣнію въ 1687 г. Парѳенонъ былъ отчасти разрушенъ пороховымъ взрывомъ; но и того что уцѣлѣло отъ него вполнѣ достаточно, чтобы представить намъ дорійское храмоздательство въ прекраснѣйшемъ его цвѣтѣ. Пропилеи изящно связывали его съ іонійскимъ стилемъ. Толстыя стѣны укрѣпляли скалу Акрополя, куда ведетъ одинъ только входъ: высокія великолѣпныя ворота должны были служить и надежною обороной въ военное время, и достойнымъ украшеніемъ твердыни въ мирное. Мнесиклъ такъ превосходно разрѣшилъ новую эту задачу, что даже еще нѣсколько вѣковъ спустя Павсаній повторяетъ отзывъ о томъ древнихъ очевидцевъ: что та чудная пора ничего не создала чудеснѣе. Широкая лѣстница вела вверхъ къ самымъ Пропилеямъ, этому блестящему предсѣнію святынь и твердынь Акрополя. И съ наружной и съ внутренней стороны шесть дорійскихъ колоннъ поддерживали архитравъ и щипецъ, какъ у храмового входа, съ тою только разницей что всерединѣ между третьей и четвертой колоннами оставлено было широкое пространство, обозначавшее воротный пролетъ. Позади обѣихъ этихъ колоннъ стояли съ каждой стороны по три іонійскія; путь шелъ между ними, а онѣ поддерживали софитъ сѣни, которой великолѣпіе было настоящей гордостью Аѳинъ. Затѣмъ слѣдовала стѣна съ пятью воротами, мѐньшими по бокамъ и большими всерединѣ, въ соотвѣтствіе междустолпіямъ портика, завершавшаго зданіе внутри. Входный портикъ, а также и ворота, возвышались на пятиступенной подводкѣ; къ верху велъ по наклонной плоскости одинъ только середній ходъ. Обращенная наружу дорійская сила и нарядно-мягкія іонійскія формы внутри смѣнялись между собой самымъ удачнымъ образомъ и взаимно уясняли свое эстетическое значеніе. Поднимающемуся къ крѣпости представали еще, выдаваясь прямымъ угломъ отъ входнаго портика, два небольшихъ храмовидныхъ зданія: одно, посвященное богинѣ Безкрылой Побѣды, которая должна была безот-

лучно пребывать здѣсь, а другое, назначенное подъ живопись; между угловыми выступами ихъ стѣнъ расположено было по три колонны. Боковыя эти постройки замыкали въ твердые предѣлы пространство передъ воротами и, своей сравнительно-мѐньшею величиной, подготовляли зрителя къ громадной высотѣ и мощи средневоротнаго сооруженія.

Перикломъ же построенъ еще Одѐонъ для музыкальныхъ состязаній. Но только уже по смерти его приступили къ возстановкѣ того древнѣйшаго святилища, которымъ обведено было мѣсто битвы Посейдона съ Аѳиною за покровительственную власть надъ городомъ, тотъ родникъ, который трезубцемъ выбилъ онъ изъ каменной скалы, ту маслину, которую выростила здѣсь богиня, и наконецъ могилу Кекропса. Водный богъ, какъ демоническій герой края (какъ сила черноземная), назывался въ Аѳинахъ Эрехѳеемъ, а ходила за нимъ рȯсная нимфа Пандрососъ. Градозаступницѣ Аѳинѣ, Эрехѳею и нимфѣ Пандрососъ предназначено было одно общее святилище, съ отведеннымъ каждому божеству особымъ придѣломъ; все же оно вмѣстѣ должно было заключать въ себѣ и вышеназванныя чудодивные останки. Стиль этого храма, Эрехѳейона, іонійскій. На восточномъ краѣ подпертый шестью колоннами щипцовый навѣсъ образуетъ портикъ или предсѣніе; и въ одинаковую съ нимъ ширину идутъ къ западу стѣны южной стороны и сѣверной, безъ колоннъ и та и другая. За портикомъ до самой середины храма шелъ придѣлъ Паллады Поліады (то-есть градозаступницы). Западный конецъ храма также замыкался стѣной, оживленной однакожь четырьмя полуколоннами между наугольныхъ столповъ стѣнъ сѣверной и южной, и увѣнчанной фронтономъ или щипцомъ; три окна продѣлано было въ междуколоньяхъ. На западныхъ углахъ сѣверной и южной стороны выступаетъ по сѣни, обозначающимъ входъ въ другую половину храма, въ пространство за Палладинымъ святилищемъ; сѣверная сѣнь—портикъ изъ четырехъ іонійскихъ колоннъ, южная—Пандросіонъ, небольшая постройка, которой потолокъ держится на шести женскихъ фигурахъ, Каріатидахъ, четыре съ передняго фаса и двѣ съ боковыхъ. Эти статуи съ корзинчатою капителью, также какъ и подводка на которой онѣ стоятъ, вышиною футовъ въ восемь; постановка ихъ благородно спокойная, какъ требуетъ того архитектоническая сдержанность; въ нихъ пластически онаглядѣна сама вольно подпирающая сила колонны. Колонны храма отличаются стройной тониною: высота ихъ у восточнаго входа $8\frac{3}{5}$ діаметра, съ сѣверной стороны — $9\frac{1}{2}$; промежутки въ первомъ случаѣ составляютъ 2 діаметра, въ послѣднемъ — 3. Свѣтлопривольный пошибъ іонійскаго стиля художественно проведенъ во всѣхъ деталяхъ съ особенной ясностью и изяществомъ; передъ нами здѣсь та же законченность что̀ и въ Парѳенонѣ, и успѣшно рѣшена задача свести къ единству разнообразіе. Завитки колоннъ украшены были бронзой и дорогими камнями. Нѣкоторыя изъ вполнѣ или по частямъ уцѣлѣвшихъ аѳинскихъ капителей болѣе поздняго времени представляютъ и дальнѣйшее еще развитіе декоративнаго склада. Завиточный глазокъ становится уже розеттою, нижній ободъ выбивается вередииѣ между завитковъ цвѣтоносными стеблеизгибами, или даже самыя подушки капителей являются въ видѣ цвѣточныхъ чашечекъ, а завитки — въ видѣ раскрывшихся цвѣтовъ; правда, архитектоническая осмысленность

переходитъ такимъ образомъ въ миловидную, но ничего уже не значущую игривость.

Элевзинское святилище выступало своеобразною опять задачей. Пропилеи, наподобіе аоинскихъ, вели здѣсь черезъ два притвора къ храму посвященія. Тутъ надо уже было создать чисто-нутреное сооруженіе; вѣдь глубокая искренность сердца, чаянія и упованія души въ таинствахъ самой Эллады были отзвукомъ восточной древности и предзвучіемъ христіанства. Обведенный сплошною стѣной квадратъ, болѣе чѣмъ въ 2000 футовъ пространствомъ, и освѣщаемый только отверзтіемъ въ покрышѣ, раздѣлялся четырьмя рядами дорійскихъ колоннъ, стоявшихъ однѣ надъ другими въ два яруса, на пять участковъ или кораблей, но не въ направленіи отъ входа, а съ права на лѣво, впоперечь. Внутри храма было и подземное пространство, гдѣ нестоненные къ верху стержни колоннъ подпирали потолокъ, служившій въ то же время поломъ верхнему святилищу.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, дорійскіе же храмы были сооружены въ Великой Греціи, въ Рамнунтѣ, Суніонѣ, Ѳорикѣ. Зевсовъ храмъ въ Олимпіи напоминалъ собою Парѳенонъ, напоминалъ его и построенный Иктиномъ храмъ Аполлону въ Вассахъ, котораго полая крыша держалась внутри на колоннахъ іонійскаго пошиба. Однимъ человѣческимъ поколѣніемъ позже того ваятель Скопасъ пустилъ въ ходъ всѣ три ордена колоннъ въ храмѣ Паллады, въ Тегеѣ. Здѣсь обнаруживается уже господство субъективности, нарушающей архитектоническую строгость и распоряжающейся преданіемъ по собственному произволу; и невольно припоминаемъ мы себѣ Эврипида съ его поэзіей въ противоположность изящному своимъ мѣрнымъ единствомъ Софоклу и полному важнаго достоинства Эсхилу. Большіе іонійскіе храмы, съ двойными иногда портиками, украшали Милетъ, Пріэну и Магнезію. Гдѣ и употреблялись еще теперь дорійскія формы, какъ напримѣръ въ Немеѣ, онѣ выходили уже стертыми, и мѣсто іонійской капители заступалъ богатый, многорядный листовой вѣнокъ коринеской. Онъ отличался особенною красотой въ хорагическомъ памятникѣ Лисикрата, на которомъ стоялъ треножникъ, доставшійся этому хорагу при одномъ музыкальномъ состязаніи; на четыреугольномъ подножіи высится стройная круглая постройка, изъ стѣны которой выступаютъ шесть коринескихъ полуколоннъ, поддерживающихъ трехдольный архитравъ, мастерски украшенный скульптурой фризъ и вѣнечный карнизъ съ фигурными изразцами. Толстая мраморная плита образуетъ плоскій куполъ вверху этого сооруженія; украшенная висячею листвой, поддерживаетъ она всерединѣ подставку для чаши треножника, охваченную со всѣхъ сторонъ обдѣлкой изъ стоячихъ аканоовыхъ листьевъ, которая то съуживается, то ширится, роскошно поднимаясь вверхъ.

ПОЛНЫЙ РАСЦВѢТЪ ПЛАСТИКИ.

Прежде чѣмъ достигнуть высшей ступени всякой пластики въ образцовомъ мастерѣ ея для всѣхъ вѣковъ, въ Фидіи, надлежало добиться выраженія души и вполнѣ свободной живой тѣлесности, которыхъ, какъ мы знаемъ, не было еще вовсе въ связанно-величавомъ и типическомъ образованіи предъидущаго періода. Это именно и совершено тремя художниками, которыхъ посредствующую дѣятельность зорко подмѣтилъ Бруннъ и которыхъ опредѣлилъ онъ характеръ, тщательно вникнувъ въ дошедшія до насъ сужденія древности и прилежно изучивъ сохранившіяся воспроизведенія нѣсколькихъ работъ ихъ руки. Первый изъ нихъ, Каламидъ аѳинскій, отличался и въ колосальныхъ и въ тонкихъ работахъ, въ изображеніяхъ боговъ и героевъ, но особенно былъ знаменитъ своими лошадьми. Въ передачѣ животныхъ дошелъ онъ до полной свободы и до вѣрнаго природѣ изящества; къ одной изъ его четверень Пракситель придѣлалъ новаго возницу, для того чтобы великолѣпіе благородныхъ коней долѣе не подавляло собой человѣка. Боги и богини еще сохраняли у него отчасти строгомѣрную робость его предшественниковъ, но обдѣлка была уже мягче и плавнѣе, и особенно хвалятъ его дѣвственныя фигуры, которыхъ чистое цѣломудріе и безсознательно благородную улыбку Лукіанъ наиболѣе превозноситъ въ Сосандрѣ; душевная грація согрѣвала твердыя черты, спокойную благочинность статуи и дѣлала ее живымъ образомъ только-что развертывающейся почки искусства, какъ замѣчается нѣчто подобное въ картинахъ Перуджина или Франчіи. Другой мастеръ, Пиѳагоръ изъ Регіона, проводилъ послѣдовательно и тонко вѣрную природѣ выработку тѣла преимущественно въ бронзовыхъ статуяхъ борцовъ или атлетовъ; поверхности оживлены у него жилами и сухожильями, и вольноподвижные члены сходятся въ одинъ общій строй цѣлаго, потому-что дѣятельность каждаго вліяетъ на другія и на нихъ отзывается, да притомъ и выраженіе лица вполнѣ отвѣчаетъ положенью тѣла. Глядя на хромого его Филоктета, всякій какъ будто невольно ощущалъ боль язвы героя; пораненную ногу надо было бережно приподнять, перенесть всю тяжесть тѣла на здоровую и отчасти на руку, опертую на посохъ, какъ мы видимъ по геммамъ дошедшимъ до нашего времени. Атлетовъ-побѣдителей надлежало отличить разными позами, смотря по разнородности борьбы.

Это направленіе завершилъ Беотіецъ Миронъ, ученикъ Агелада аргосскаго, ставшій потомъ лучшимъ звѣроваятелемъ цѣлой древности. Духовное величіе боговъ, обаятельная прелесть женщинъ ему не давались, но онъ мастерски изображалъ подвижную жизнь тѣла въ ея силѣ и свѣжести, въ моментъ крайняго ея напряженья. Смотрите какъ Дискоржецъ его гнетъ колѣно, подаетъ туловище впередъ, а самъ откинувъ голову впивается взоромъ въ дискъ, который занесъ правою рукою: развѣ не натянутая это пружина, какъ разъ готовая рвануться и соскочить? не видна ли по всему

тѣлу игра мышцъ въ этомъ равновѣсіи сопротивныхъ силъ и направленій? а это равновѣсіе не вноситъ ли даже и въ величайшую подвижность тотъ моментъ покоя, который необходимъ для пластики и который настаетъ вѣдь такъ же вѣрно, какъ вѣрно напримѣръ то, что, при качаніи маятника, въ высшей достижимой для него точкѣ, прежде чѣмъ ему пойдти въ другую сторону, силы размаха и тяготѣнія дѣйствуютъ съ одинаковою напругой? Скоробѣжецъ Мирона хватается съ крайнимъ усиліемъ за вѣнокъ, вся дѣятельность истощилась въ мигъ побѣды, кажется послѣднее дыханіе выходитъ изъ его устъ. Поэтому всѣ мягкія части у него подтянулись, воздухъ изъ легкихъ вытѣснился вверхъ, и надобно буквально понимать тотъ похвальный о немъ отзывъ, что онъ весь какъ будто бы дышалъ жизнію. Миронъ, первый, успѣлъ подмѣтить и передать, что движеніе наружныхъ членовъ вызываетъ къ сочувственному содѣйствію также и внутреннія органы,—легкія и сердце; въ напряженіи лица умѣлъ онъ сосредоточенно выразить ту возбужденность цѣлаго организма, которая изъ одного даннаго момента развивается во всѣхъ его частяхъ, тѣмъ самымъ проявляя этотъ моментъ во всей его полнотѣ и силѣ. Подобной же естественности особенно удивлялись въ коровѣ его рѣзца, дивномъ произведеніи искусства, стоявшемъ на Пниксѣ (площади для народныхъ сходовъ) въ Аѳинахъ. Миронъ изображаетъ не духовную сущность, не идею сюжета, не какой-либо внутренно-созерцаемый идеалъ; онъ мастеръ оформить данное явленье по всѣмъ требованіямъ его понятія и вполнѣ раскрыть душу какъ первоначало тѣлесной жизни въ разнообразіи характерныхъ движеній; онъ мѣтко схватываетъ самую суть извѣстнаго рода дѣятельности, ловя ее всегда на высшей точкѣ развитія. «Онъ постоянно имѣлъ въ «виду тѣлесныя только силы; но, придавая художественную форму строго-«законнымъ дѣйствіямъ ихъ на цѣлый организмъ, онъ долженъ былъ стать «выше случайностей любой данной дѣйствительности и творить облики, пол-«ные необходимости»; — онъ представлялъ идеалы, типы дѣятельностей. Живымъ образцомъ Миронова искусства можетъ служить мраморный рельефъ Конесмирителя изъ виллы Адріана въ Британскомъ Музеѣ; противопостановка движеній лошади и человѣка превосходна, форма въ высшей степени отчетлива и уступитъ развѣ только идеальной граціи работъ Парѳенона. Метопы Тезеева храма, на которыхъ изображены битвы Тезея и Иракла, особенно торжества человѣка надъ животными, также передаютъ съ мастерскою смѣлостью борьбу сопротивныхъ силъ между собою, какъ, начикý рѣшительной побѣды которой-нибудь изъ нихъ одной, онѣ какъ будтобы приходятъ на минуту въ полное равновѣсіе, или какъ именно одна уже видимо преодолѣваетъ другую; тутъ замѣтно то же самое пристрастіе и къ труднымъ положеніямъ и къ выводу на сцену звѣрей, которое, какъ мы знаемъ, свойственно Мирону, такъ что метопы эти принадлежатъ пожалуй ему или по крайней мѣрѣ его ближайшимъ послѣдователямъ. Два фриза этого храма даютъ намъ въ симметрической композиціи оживленныя картины схватокъ Грековъ съ варварами между спокойно сидящихъ на престолѣ покровительныхъ божествъ, или полную энергіи борьбу Лапиѳовъ съ Кентаврами, — опять-таки одолѣніе звѣрски-суровыхъ силъ человѣческою культурой.

Сейчасъ названные художники, хотя и дѣти предъидущей эпохи, уже испытали на себѣ вліяніе новаго времени, наставшаго после Персидскихъ

войнъ; но Фидій былъ сынъ этой именно славной годины: въ его отроческія лѣта произошелъ великій мараѳонскій бой, въ своей юности онъ вѣроятно самъ сражался при Саламинѣ и Платеѣ; воспламененный высокимъ энтузіасмомъ, онъ выросъ тогда вмѣстѣ съ Аѳинами; возмужавъ, онъ снискалъ себѣ потомъ дружбу Перикла и сталъ руководящимъ геніемъ художественныхъ его предпріятій; уже старцемъ, возвеличилъ онъ въ Олимпіи общенародное святилище всѣхъ Эллиновъ изображеніемъ верховнаго ихъ божества, и наконецъ былъ похищенъ первыми же бурями, которыя стали угрожать прекрасному расцвѣту родного края. Противники Перикла старались поразить его въ лицѣ лучшихъ его друзей, Анаксагора, Фидія и Аспазіи; великій ваятель умеръ въ темницѣ до окончательнаго приговора по взведенному на него обвиненію, но и до начала Пелопоннесской войны. «Создавая своего Зевса и «свою Аѳину, этотъ мастеръ не имѣлъ въ виду ни какой отдѣльной человѣ«ческой личности, которой онъ желалъ бы ихъ приравнять; а въ глубинѣ «души его виталъ первообразъ красоты, и погружаясь въ его созерцаніе ге«ній художника руководилъ его искусство и рѣзецъ для осуществленія этого «первообраза въ видимомъ матерьялѣ.» Такъ отзывался уже Цицеронъ. Что Фидій творилъ въ энтузіасмѣ поэтическаго вдохновенія, — это говорила вся сплошь древность, и дѣйствительно только такимъ образомъ возможно было создать идеальный ликъ, ясное осуществленіе идеи, познаваемой однимъ духомъ духовной сущности, — и создать притомъ такъ, чтобы явленіе было не подставнымъ только намекомъ на сверхчувственное содержаніе, но чтобы послѣднее само видѣлось, само сквозило въ естественныхъ формахъ. Здѣсь духъ строитъ себѣ тѣло, извѣстныя направленія душевной жизни проявляются въ извѣстныхъ чертахъ лица; ихъ-то схватываетъ художникъ, ихъ-то выставляетъ и проводитъ онъ во всей чистотѣ, какъ сдѣлала бы сама органическая природа, дѣйствуй она безъ помѣхи,—такъ что онъ собственно завершаетъ то что̀ въ ней заложено; съ этимъ характерно-значительнымъ соглашаетъ онъ и все остальное, сводитъ цѣлое въ общую гармонію; яснаго осуществленія своей мысли достигаетъ онъ стало-быть не въ произвольныхъ, а въ естественно-необходимыхъ формахъ, въ выразительной полнохарактерной красотѣ. Отъ Фидія идетъ изреченье, что по когтю виденъ левъ, то-есть что своеобразность цѣлаго одушевительно сквозитъ въ любомъ отдѣльномъ членѣ. Но божественное вѣдь необходимо уже всецѣлостно: дѣвственная Паллада—миролюбивая богиня мудрости и вмѣстѣ воинственная градозаступница, всемогущій Зевсъ — вмѣстѣ и многомилостивый отецъ боговъ и человѣковъ; и первый признакъ законченности идеальнаго созданія то, чтобы эта всецѣлостность выступала въ немъ наглядно. Такую именно печать въ области пластическаго искусства положилъ на произведенія свои впервые только Фидій; его можно назвать Гомеромъ пластики, между прочимъ и въ томъ смыслѣ этого слова, что основная черта его художественности не лиризмъ, а эпичность, что онъ изображалъ не столько боговъ, выражающихъ возбужденныя душевныя настроенья, сколько вышнія могущества, водительствующія съ спокойной ясностію духа и со всевластной волею судьбами народовъ и отдѣльныхъ лицъ, и равно царящихъ въ природѣ какъ и въ исторіи. — Къ поэтической изобрѣтательности, свободной отъ всякихъ путъ, но далекой и отъ всякого произвола въ своемъ умѣньи находить для любой

сущности соотвѣтственный всегда обликъ, и поэтому всегда создававшей что-нибудь объективно-истинное, присоединялась у Фидія отчетливая обформка, которая, одинаково чуждаясь и терпкой сухости и преувеличенной полноты, облекалась въ очаровательную грацію, такъ что возвышенность и величіе его созданій сіяли въ то же время и чистѣйшею красотой. Не даромъ говорится въ одной древней эпиграммѣ: только такой волопасъ какъ Парисъ могъ передъ Палладой Фидія подать яблоко Афродитѣ Праксителя.

Въ числѣ юношескихъ его работъ первое мѣсто занимаютъ приносные дары изъ персидской добычи: ликъ Аѳины въ Платеѣ, группа боговъ и героевъ, окружающихъ Мильтіада, которую Кимонъ поставилъ въ Дельфахъ, и колосальный, чуть ли не въ 60 локтей вышиною, ликъ Паллады Поборницы на аѳинской твердынѣ: ея шлемъ и наконечникъ копья изъ-дали сверкали ясною звѣздой подходившимъ съ моря корабельщикамъ.

При жизни Перикла средоточіемъ Фидіевой дѣятельности въ Аѳинахъ былъ Парѳенонъ. Вопервыхъ, изъ золота и слоновой кости изваялъ онъ статую Паллады для внутренности храма, и въ ней удалось ему вполнѣ онаглядить ея понятіе. Дѣвственная богиня задумана имъ въ ратномъ вооруженіи, но также и въ свѣтломъ величіи мирно-благодатной градозаступницы; стоячій ликъ, въ 40 футовъ вышиной, уже одною величиной своей производилъ возвышенное впечатлѣніе. Голову покрывалъ золотой шлемъ, а грудь—эгида съ изображеніемъ Медузы изъ слоновой кости; по членамъ ея волнами спускалась длинная одежда; въ лѣвой рукѣ было у ней прислоненное къ плечу копье, щитъ стоялъ у ногъ ея, а правою рукой держала она побѣду (Нике), какъ богиня побѣдодавица. Щитъ украшался рельефнымъ изображеніемъ битвы боговъ съ Гигантами и Грековъ съ Амазонками, даже по ранту сандалій была пущена борьба Кентавровъ съ Лапиѳами, — вездѣ стало-быть картины торжества высшей духовной могуты надъ грубой естественной силою, или своенародной даровитости и образованія надъ чудовищнымъ и чужимъ. На подножіи статуи виднѣлось рожденіе Пандоры въ присутствіи двадцати божествъ, собравшихся нарочно съ тѣмъ, да надѣлитъ ее каждое соотвѣтственнымъ природѣ своей подаркомъ, — ее, «Всеодаренную», какъ высказываетъ и самое ее имя, ее, истую первоженщину, эллинскую Еву; такимъ образомъ сама богиня приняла въ себя свойства всѣхъ другихъ боговъ и, какъ идеалъ и духъ-покровитель города, стала для него источницей всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ. Она — олицетвореніе мудрости и, въ этомъ качествѣ своемъ, родилась прямо изъ головы Зевса; это — мысль въ ея нестарѣющемъ вовѣки могуществѣ, въ ея самодовлѣющей возвышенности; это не многотрудная гоньба за искомымъ еще только вѣдѣніемъ, а уже полное, усладительное имъ обладаніе. Сообразно этому создалъ Фидій и черты ея лица: лобъ у ней не столько широкъ, какъ высокъ, расширенъ болѣе къ верху нежели къ низу, глазъ раскрытъ умѣренно, и взглядъ выражаетъ не мечтательную думу богини любви, не гордость царицы боговъ, Геры, но свѣтлую и ясную проницательность; носъ тонокъ и неподвижно твердъ, подбородокъ выступаетъ смѣло, въ щекахъ нѣтъ вовсе чувственнаго сладострастія, волоса не слишкомъ изобильны; строгость и простота соблюдены во всемъ и здѣсь. Въ этомъ ликѣ Эллины увидѣли воплощеннымъ то понятіе, какое имѣли

они о богинѣ; они признали въ немъ свои темныя дотолѣ предчаянія о настоящемъ ея существѣ, признали что художникъ открылъ имъ въ немъ и опагладилъ ихъ собственную вѣру; и всѣ послѣдующіе вѣка держались за основныя черты данныя Фидіемъ, сколько въ частностяхъ ни пріобрѣтали эти позднѣйшія работы своеобразія, благодаря новымъ мотивамъ для постановки облика, благодаря преобладанію то воинственнаго, то мирно-художественнаго выраженія, благодаря оттѣнку строгаго цѣломудрія или напротивъ мягкой кротости въ чертахъ. Вотъ отчего и теперь еще, при любой новой находкѣ головы какого-нибудь бога, мы ни намигъ не сомнѣваемся, кому она принадлежитъ,— Зевсу, Аполлону или Гермесу, Аѳинѣ, Герѣ или Афродитѣ; мы такъ же освоились съ чертами ихъ лица, какъ съ лицами близкихъ намъ знакомыхъ. Здѣсь опять ясно предстаетъ великая объективность эллинскаго племени, проявляющаяся равно въ единичномъ обликѣ какъ и въ цѣломъ ходѣ искусства. Боги не произвольныя какія-нибудь представленія, а олицетворенія самого божественнаго начала въ различныхъ направленіяхъ его существа и дѣятельности, всеобщія силы природы и духа вмѣстѣ; и для изображенія духовнаго содержанія, то-есть понятія ихъ, найдены здѣсь тѣ именно формы, которыя отвѣчаютъ имъ въ самой природѣ: — обликъ человѣческій, какъ естественный обликъ духа вообще, а въ частности — черты лица, передающія какъ разъ то жизненное направленіе и то характерное свойство, которыя приходится выразить; черты эти въ дѣйствительности встрѣчаются только порознь, искаженныя или сдавленныя въ своемъ развитіи, а здѣсь онѣ выступаютъ чисто и вполнѣ; всѣ прочія подлажены къ нимъ какъ нельзя лучше, и цѣлое сведено въ одинъ общій изящный организмъ. Такимъ образомъ субъективность художнической фантазіи искала выразить въ мысляхъ и формахъ не столько что-нибудь свое, свое собственное измышленіе, сколько старалась овладѣть тѣмъ что̀ было дѣйствительно въ народномъ духѣ или въ мірѣ внѣшнихъ явленій, дабы въ союзѣ съ этимъ матерьяломъ создать произведеніе общепонятное, полносильное для всѣхъ и навсегда. И если разъ удавалось попасть въ цѣль, удовлетворительно осуществить художественный замыселъ, то впослѣдствіи крѣпко держались за данный образецъ; ни одинъ новый геній не старался его переиначить, потому что это значило бы портить; онъ лучше бралъ какую-нибудь другую идею, близко ему сродную, Скопасъ напримѣръ — идею Аполлона, Пракситель — идею Афродиты, чтобы показать на ней силу своего творчества. Но достигнутый однажды идеалъ оставался уже потомъ неизмѣннымъ, и вотъ отчего въ теченіе какихъ-нибудь пяти вѣковъ пластическія работы являются въ такомъ дивномъ превосходствѣ, лики боговъ въ такомъ великолѣпіи, и подобно созданіямъ Божіимъ въ природѣ сохраняютъ свой первоначальный типъ.

Если теперь мы обратимся опять къ Пароенону и отъ внутренности его перейдемъ къ внѣшности, то увидимъ что оба фронтонныя поля требовали заполненія ихъ группами статуй, и что Фидій избралъ для этого два важнѣйшіе для Аѳинъ момента изъ жизни богини. Со входной стороны изобразилъ онъ ея рожденіе. Не такъ, чтобы она какъ кукла наполовину выникала изъ головы сидящаго на срединномъ престолѣ Зевса, но какъ, по Гомеровскому гимну, она вдругъ чудесно стала обокъ съ нимъ совершенно уже взрослая; противъ нея Промеоей, который, по словамъ аттической былины,

размахивалъ при этихъ рóдахъ своимъ повивальнымъ молотомъ; справа и слѣва другіе еще олимпійскіе боги, а за ними—по одну сторону Ирида, по другую Побѣда (Нике), которыя спѣшатъ возвѣстить рожденіе Аѳины силамъ природы и земскимъ богатырямъ, сидящимъ или лежащимъ въ мѣру все болѣе понижающихся окраинъ щипца; въ одномъ углу его выдаются бурныя головы коней Солнца, везущихъ или привѣтствующихъ наставшій для всего міра новый день, тогда какъ на другомъ концѣ кони Ночи медленно спускаются въ волны моря. На противоположной сторонѣ храма представлено торжество богини надъ Посейдономъ, высокочтимымъ у Іонійцевъ богомъ морей, съ которымъ она боролась за покровительство городу. Посейдонъ своимъ трезубцемъ вышибъ изъ скалы родникъ, а Аѳина мигомъ выростила маслину, которая виднѣлась всереди фронтона; недовольный бросается Посейдонъ къ своей колесницѣ, везомой Гиппокампами, а торжествующая Аѳина идетъ напротивъ радостно къ своимъ конямъ; къ ней примыкали сельскія божества Элевсиса, къ Посейдону разновидныя силы воды, какими онѣ являются въ ключахъ, рѣкахъ и въ открытомъ морѣ.—Другое, также двойственное, скульптурное украшеніе показываетъ дальше какъ богиня пользуется и въ войнѣ и въ мирѣ тѣмъ владычествомъ, которое досталось ей въ удѣлъ. Щиты метопъ, заполняющіе по всей наружной сторонѣ храма пространства между триглифами поддерживающими кровельный карнизъ, представляли группы бойцовъ: битвы Лапиѳовъ, друзей племеннаго аѳинскаго богатыря, Тезея, съ дикими конелюдьми, Кентаврами, битвы Аѳинянъ съ Амазонками, часто встрѣчающіяся намъ съ этихъ поръ по той понятной причинѣ, что онѣ представляли художнику сподручную противоположность мужскихъ и женскихъ тѣлъ, мужскихъ и женскихъ одѣяній, да притомъ напоминали Грекамъ тотъ чуждый, азіатско-варварскій элементъ, котораго напоръ былъ такъ же славно отраженъ и древле, какъ т перь въ Персидскую войну; тутъ наконецъ изображалась взаключенье и послѣдняя, то-есть Греки въ единоборствѣ съ Персами. Всей этою борьбой заправляла Аѳина, она ниспосылала побѣду своему народу, носителю благороднаго правообычая. За колоннами, обступавшими храмъ вокругъ, по верхостѣнью его шелъ подъ крышей фризъ, и такъ-какъ онъ являлся уже какъ бы подъ охраной упомянутыхъ сейчасъ изображеній ратнаго мужества, то Фидій украсилъ его сплошной и связной картиною мирной, религіозно-праздничной жизни, прославленіемъ Аѳинъ на службѣ ихъ богинѣ, представленіемъ панаѳинейской торжественной процессіи, совершаемой каждые четыре года, въ память соединенія всѣхъ единоплеменныхъ родовъ и общинъ, изъ города къ Акрополю и храму, при чемъ обнаруживалось все богатство народа. Съ передней стороны сидѣли на престолахъ боги, ожидая шествія; по другую поперечную сторону шествіе это готовилось въ путь; по долевымъ сторонамъ, правой и лѣвой, оно развертывалось и представлялось въ полномъ движеніи: старцы, мужи и юноши, женщины и дѣвы, въ колесницахъ, на конѣ, пѣшкомъ, каждая фигура сама по себѣ прекрасная, каждая выходитъ самостоятельной личностью, такъ что это неистощимое богатство столько же наивныхъ какъ и граціозныхъ мотивовъ въ изобрѣтательной душѣ мастера приводитъ въ невольное изумленье, а между тѣмъ всѣ до единаго облики исполнены одной общей мысли о богослужебномъ торжествѣ, всѣ совнѣдрены воликому цѣлому, всѣ въ немъ растворились!

Когда Парѳенонъ сталъ христіанской церковью, а потомъ турецкою мечетью, надо думать что среднія группы фронтонныхъ полей пали жертвою пыла вѣроревнителей; кумиръ богини внутри храма погибъ изъ-за драгоцѣнности составныхъ его частей, простоявъ около 800 лѣтъ сохраннымъ. Венеціане, отнявъ у Турковъ Аѳины въ 1687 году, постарались лишить поврежденный взрывомъ храмъ всѣхъ лучшихъ, еще уцѣлѣвшихъ въ немъ, украшеній; коней Аѳины переломали при самомъ снятіи. Въ 1801 г. лордъ Эльгинъ увезъ бо́льшую часть статуй, метоповъ и фриза,—похищеніе, спасшее однакожь для Европы эти сокровища и сдѣлавшее ихъ общимъ достояніемъ всего образованнаго міра. Рисунки французскаго живописца Каррея 1672-го года представляютъ фронтонныя группы въ томъ видѣ какъ онѣ были за 15 лѣтъ до раззоренія, и даютъ намъ основаніе судить объ нихъ. Для оцѣнки аттической пластики въ Фидіевы времена служатъ памятники хранящіеся въ Британскомъ Музеѣ и составляющіе величайшее его сокровище. Повторимъ слова Даннекера: «Они какъ будто бы вылѣплены съ самой природы, но кто «видывалъ такую природу, гдѣ и когда?» Дѣло въ томъ что Фидій, съ зоркостью провидца, подмѣтилъ самую изящную и величавую сторону дѣйствительности и ее-то именно взялъ для себя исходной точкою, чтобы воспроизвесть безъ ущерба, безъ малѣйшей порухи случайностью ту вѣчную суть, которая ясно открылась духовному его взору; онъ проявилъ единство божественнаго помысла и индивидуальной жизни во взаимно-соотвѣтственной гармоніи всѣхъ рѣшительно частей. Что̀ за упругость, что̀ за живоподвижность въ каждой мышцѣ этого привольно-отдыхающаго юнаго богатыря, Тезея! Что за мягкіе изгибы линій представляетъ обликъ рѣчного бога, Илисса, который устремленъ вверхъ и остается однакожь пригвожденнымъ долу! какъ будто бы волна хлынула съ головы его и заструилась позади! въ его позѣ, въ его формахъ идеалъ олицетворенія рѣки данъ навѣки нерушимо! Какъ могучи остатки груди Посейдона! Какъ дивно сочетались величіе съ миловидностью въ группѣ Сестеръ Ро́сницъ, изъ которыхъ одна опирается на лоно и грудь другой, а роскошные члены ихъ обволнены складками широкихъ одеждъ, которыя то красиво крутятся, то расплываются! Изъ работъ поздноцвѣта греческой художественности Винкельманъ заключалъ о великолѣпіи ея вообще; но въ виду созданій Фидіевой школы намъ невольно̀ бросается въ глаза, что передъ спокойной ихъ возвышенностью и полножизненной опредѣленностью формы восхваляемые обыкновенно памятники того поздноцвѣта, каковы напримѣръ Венера Медицейская и Аполлонъ Бельведерскій, выходятъ какъ-то холодноваты, манерны и слишкомъ вылощены; другіе же, какъ напримѣръ Фарнезскій Геркулесъ и Лаокоонъ, слишкомъ ужь напружены, такъ что напоминаютъ собой мышцевые препараты. Увидавъ одну лошадиную голову изъ парѳенонскихъ изваяній, Гёте назвалъ ее окаменѣлымъ прототипомъ лошади, какою вышла она прямо изъ рукъ природы; такъ же можно сказать и о людяхъ Фидіева рѣзца: они именно таковы, какими сложила бы ихъ божественная, творческая сила природы, не облекай она многоизмѣнчивую жизнь въ многоизмѣнчивую же форму мягкой плоти, а придавай духу постоянный и вполнѣ законченный обликъ въ твердой бронзѣ или мраморѣ.

Сочиненіе фронтонныхъ скульптуръ представляетъ, по самому существу дѣла, двѣ симметрическія стороны и одну серединную точку, къ которой обѣ

онѣ относятся; фигуры не только что обрамлены архитектурными линіями, совокупность ихъ и безъ того выходитъ замкнутымъ въ себѣ цѣльнымъ дѣйствіемъ, котораго высшая точка именно и лежитъ посереди, откуда движеніе идетъ къ краямъ постепенно убывая или слабѣя. Свойственная Эгинетамъ не совсѣмъ развязная строгость отступаетъ здѣсь передъ свободой личной жизни, но послѣдняя сдерживается общимъ порядкомъ, господствующимъ въ любой изъ этихъ группъ. Каждая фигура отличается сильнымъ и тонкимъ выполненіемъ, и столько же въ честь божеству, какъ и въ удовлетвореніе чтущему красу художнику совершенно отдѣланы даже и тыловыя стороны фигуръ, обращенныя къ стѣнѣ храма. Если здѣсь мы сплошь видимъ передъ собой геній Фидія какъ въ измышленіи цѣлаго и частностей, такъ и въ руководительствѣ исполненіемъ, то напротивъ метопы носятъ на себѣ нѣсколько инаковый пошибъ, и не всѣ они равны по изобрѣтенію, замыслу и оконченности. На каждой плитѣ есть мѣсто для немногихъ только фигуръ, и что всего лучше если два расходящіеся облика дадутъ здѣсь волю діагональнымъ линіямъ въ противоположность отвѣсной и горизонтальной обрамовкѣ, что ихъ слѣдуетъ пустить выпуклымъ горельефомъ и обдѣлать поэнергичнѣе, — это конечно указалъ самъ великій мастеръ, а за тѣмъ, давъ нѣсколько образцовъ, предоставилъ своимъ товарищамъ и ученикамъ самостоятельно выполнять уже собственныя ихъ сочиненія. Чрезвычайно мастерской работы и весь какъ бы въ одинъ отливъ вышелъ фризъ, исполненный барельефомъ; это сплошной рядъ фигуръ, наподобіе того какъ сопоставляются дѣйствующія лица, какъ слѣдуютъ одно за другимъ событія въ эпосѣ, тогда какъ на фронтонномъ полѣ онѣ напротивъ сосредоточены, и обѣ стороны взаимно противодѣйствуютъ другъ другу. Какая спокойная величавость, какое благородство формы въ группахъ боговъ восточной стороны, ожидающихъ шествія! всѣ они между собой различны, и всѣ одинаково полны достоинства. Какъ степенно-важны эти старики, какъ стыдливо и граціозно выступаютъ справа и слѣва этѣ дѣвушки, предносячи шествію жертвенную утварь и пріостанавливаясь иногда то поодиночкѣ, то попарно, тогда какъ идущіе за ними съ жертвенными животными мужщины изображены кто въ спокойной, кто въ болѣе оживленной, кто наконецъ въ напряженной дѣятельности! Далѣе слѣдуютъ дароносцы и флейтщики, потомъ ристатели съ ихъ упряжными колесницами и приспѣшнымъ людомъ, и всадники величаво скачущіе на коняхъ; между тѣмъ какъ на западной сторонѣ только готовятся еще къ шествію, совѣтуются, толкуютъ, надѣваютъ оружіе, укрощаютъ снаряжаемыхъ коней. Нѣтъ во всемъ этомъ ни чего тяжелаго, однообразнаго, натянутаго, вездѣ видны индивидуальная жизнь и первобытная свѣжесть мотивовъ, подмѣченныя у самой дѣйствительности и столько же достойныя удивленья, какъ и тонкое чутье стиля въ художникѣ, умѣвшее воспользоваться каждымъ изъ нихъ на настоящемъ его мѣстѣ, каждый пріурочить къ ритму цѣлаго. Глядя на это, словно читаемъ пѣснь Гомера; такъ все вѣрно природѣ и вмѣстѣ такъ все идеально. Но если мы представимъ себѣ опять въ мысли совокупность цѣлаго, и храмъ, и фронтонныя группы, и боевыя сцены метоповъ, и торжественное шествіе, то увидимъ что одна и та же идея проявляется какъ лучь свѣта въ разныхъ переливахъ, увидимъ что тутъ всесторонне раскрывается передъ нами сущность племенной богини Аѳины и въ наружномъ ея обликѣ и въ дѣятельности, что

народъ смыкается вокругъ нея и въ мирѣ и въ войнѣ, и все это предстаетъ въ такой гармоніи, въ такомъ дивномъ совершенствѣ, что общій голосъ древности только можетъ быть подтвержденъ судомъ новѣйшей эпохи, и что Фидій, по величію мысли, по богатству изобрѣтательной фантазіи и столько же по силѣ вдохновенья, какъ и по тщательной правдивости исполненія, долженъ быть признанъ первымъ пластикомъ всѣхъ народовъ и временъ. А между тѣмъ только уже старцемъ пришлось ему потрудиться надъ дѣломъ, которому суждено было увѣнчать всѣ его произведенія. Надо было создать ликъ того божества, которое считалось у Эллиновъ богомъ по преимуществу, верховнымъ и для всѣхъ общимъ, — и создать притомъ въ общенародномъ святилищѣ, въ Олимпіи. Фидій работалъ обыкновенно изъ бронзы и мрамора, но Зевса, какъ и Палладу Дѣву (Пароеносъ), произвелъ онъ изъ слоновой кости и золота. Древнѣйшіе храмовые кумиры рѣзались изъ дерева и облекались въ настоящія одежды. Религіозное чувство требовало чего-нибудь подходящаго: Фидій выбралъ для одежды золото, благороднѣйшій изъ металловъ, блестящій какъ солнце, никогда не ржавѣющій, всѣхъ болѣе сообразный съ вѣчной юностью и лучезарнымъ величіемъ боговъ; а для тѣла — слоновую кость, которая, подходя матовымъ лоскомъ къ бѣлизнѣ кожи, столько же отличаетъ отъ блеска золота, сколько и горитъ жаромъ его отраженья. Но техника представляла тутъ особенныя трудности. Сначала была вылѣплена изъ глины модель статуи, а послѣ отлита по ней форма и разнята на нѣсколько частей, которыя за тѣмъ тщательно воспроизведены были каждая на отдѣльной пластинкѣ слоновой кости. Потомъ сплоченъ изъ дерева съ металлическими скрѣпами оставъ колосса, нѣчто вродѣ костяка; на него уже по снятымъ съ модели формамъ статуя наносилась сперва въ глинѣ, а за тѣмъ обкладывалось подготовленными изъ слоновой кости частями, которыя охватывали ядро внѣшней оболочкою, крѣпко на немъ утверждались и окончательно проходились подпилкомъ. Между глиняным наслоемъ и деревяннымъ оставомъ въ колоссахъ оставалась полость; нуженъ былъ впослѣдствіи особенный уходъ за тѣмъ, чтобы не лопнуло или не ссохлось дерево, чтобъ не потрескалась глина: на потомствѣ Фидія лежала эта обязанность въ Олимпіи. Часто идетъ рѣчь о смазкѣ статуи масломъ; это преимущественно относилось къ ядру; вѣроятно и глиняный пластъ подъ слоновой костью съ самаго начала смачивался не водою, а, какъ наша оконная замазка,—масломъ, что̀ и не давало ему трескаться.

Павсаній, который подконецъ второго вѣка предъ Р. Х. написалъ путешествіе по Греціи, родъ Путеводителя, сначала говоритъ объ этой статуѣ такъ: «Богъ, сдѣланный изъ золота и слоновой кости, сидитъ на престолѣ. «На головѣ у него вѣнокъ, подобный вѣтвямъ маслины. На правой его рукѣ «стоитъ богиня побѣды, также изъ слоновой кости и золота, держа повязку, «и съ вѣнкомъ на головѣ. Въ лѣвой рукѣ бога скипетръ, сіяющій всевоз- «можными цвѣтами. Сидящая на скипетрѣ птица — орелъ. Изъ золота же «сдѣланы и подошвы у бога, и все его одѣяніе. Одежда выложена фигурами «животныхъ и лиліями.»

Далѣе Павсаній говоритъ о величинѣ изваянія, не опредѣляя точно его мѣры. Извѣстно, что целла храма служила колосальной этой статуѣ какъ бы только рамою; поднимись богъ на ноги, говорили древніе, онъ прошибъ

бы головою потолокъ. По новѣйшимъ вычисленіямъ высота храма составляла 68 футовъ, высота потолка внутри—46; статуя была конечно нѣсколько футовъ ниже; обыкновенно принимаютъ, что подножіе возвышалось на столько же, сколько величина бога теряла отъ сидячаго положенія, что сидя онъ вмѣстѣ съ подножіемъ имѣлъ болѣе 40 футовъ въ вышину и былъ бы не ниже того стоя; но на подножіи онъ не могъ бы выпрямиться во весь ростъ. Что самъ онъ былъ представленъ побѣдителемъ и побѣдодавцемъ, это узнаемъ мы изъ Павсаніева описанія, изъ того что у него былъ вѣнокъ на головѣ, а на рукѣ богиня побѣды (Нике). А то что идею бога Фидій не высказалъ только намекомъ въ символическихъ аттрибутахъ, но прямо онаглядилъ ее въ истинно художественныхъ формахъ, это, кромѣ разныхъ отзывовъ греческихъ писателей, мы знаемъ изъ воспроизведенія головы Зевса въ одномъ ватиканскомъ бюстѣ найденномъ въ Отриколи, знаемъ это изъ собственной его исповѣди, что Гомеръ внушилъ ему созданіе божественнаго лика. Онъ напоминалъ при этомъ о тѣхъ стихахъ Иліады, гдѣ мать Ахилла, Ѳетида, умоляетъ Зевса прославить ея дѣтище, а отецъ боговъ обѣщаетъ исполнить ея просьбу; тамъ сказано:

Вотъ знакъ согласія темными Зевсъ помаваетъ бровями,
Кудри струей благовонной взвились на безсмертной главѣ, —
И отъ вершины до пятъ содрогнулся Олимпъ многохолмный.

Брунпъ относительно этого мѣста замѣчаетъ: «Приведенныя слова даютъ «образъ Зевсова могущества не въ общихъ лишь чертахъ, а напротивъ «вполнѣ конкретно (обстоятельно). Поэтъ положительно называетъ брови и «головные волосы. Содроганіе Олимпа, въ которомъ идея этого могущества «предстаетъ намъ во всей ея высотѣ, есть только слѣдствіе того легкаго «движенья бровей и кудрей, которымъ онъ возвѣстилъ свою волю. Имъ «стало-быть присуща была сила произвесть такое дѣйствіе. Въ этихъ именно частяхъ прежде всего и воплотилась у Фидія идея Зевса, а съ ними, «какъ основными формами, надлежало привести потомъ въ гармонію все «остальное». Разсмотримъ отрикольскій бюстъ съ этой точки зрѣнія. Линіею бровей лобъ совершенно опредѣленъ въ надглазномъ пространствѣ, а съ дальнѣйшимъ его построеніемъ въ неразлучной связи волоса. Брови пущены плоской дугою, сильнѣе выгнутою во внѣшнюю сторону (къ вискамъ); къ глазу дуга подходитъ ближе, а наружу простерлась далѣе обыкновеннаго: тѣмъ легче и явственнѣй должно быть движеніе этихъ бровей при малѣйшей хмурости лба надъ ними. Лобная кость сильно выступаетъ противъ нихъ впередъ, какъ скала о которую разбиваются бурныя волны, какъ могучее выраженіе ни чѣмъ не сокрушимой воли; за тѣмъ середняя выпуклость восходитъ въ верхолобье, отражающее свободно и ясно божественную премудрость; а волоса, спустившіеся по бокамъ волнистой львиною гривой, приподнялись надъ самымъ челомъ, какъ бы возбужденные электрическимъ токомъ, такъ что они продляютъ профильную черту лба въ высоту и много содѣйствуютъ выразительности цѣлаго. Къ ясности этого лица не подошли бы склоченныя кудри въ мелкихъ завиткахъ, а его энергическая дѣйственность не согласима опять и съ мягкими, приглаженно-прямыми волосами.

Отъ этого вдвойнѣ выразительнаго и однакожь столь единостройнаго чела идетъ потомъ непрерывной линіей носъ, съ хребтомъ довольно широкимъ; слегка выдавшіяся ноздревыя крылья немного приподняты, вздуты. Линіи опредѣляющія носовой хребетъ, продляясь въ бровяхъ, связываютъ этимъ верхнюю часть лица съ нижнею. Глаза глядятъ спокойно и величаво въ даль, передъ ними открыта вселенная. Выражаютъ они только свѣтлую ясность. И это именно поведетъ сообразительный обзоръ нашъ далѣе. Въ приведенныхъ выше гомеровскихъ стихахъ рѣчь идетъ не объ одномъ лишь всемогуществѣ. У Гомера колебатель Олимпа вмѣстѣ и многомилостивъ, любовно податливъ на мольбы; но даже и милость его держится на такой необъятной силѣ, что отъ легкаго движенія кудрей его дрожитъ вся божія гора. Такимъ точно и задумалъ его Фидій: онъ всемогущъ, но не ужасенъ, а напротивъ кротокъ и многомилостивъ. Зевсъ для Эллиновъ учредитель и неусыпный стражъ какъ нравственнаго міропорядка, такъ и законовъ природы; онъ подчинилъ закону дикія титаническія могуты́ и самъ стоитъ блюстителемъ свободы; первоначальный свѣтобогъ, онъ среди яснаго эѳира бросаетъ иногда молнію и устрашаетъ громомъ. Эти естественныя и духовныя стихіи взаимно сопроникаются въ лицѣ его, и художникъ постигъ общее ихъ средоточіе, вывелъ ихъ оттуда въ міръ явленій и слилъ все это въ одно прекрасное цѣлое. Такимъ образомъ уста бога слегка пріоткрыты кроткой улыбкою, цвѣтущая щека сіяетъ вѣчной молодостью безсмертныхъ, и какъ волосы придаютъ больше выраженія челу, такъ и борода возвышаетъ силу энергическаго подбородка; охватывающія его кудри курчавѣе головныхъ, съ которыми онѣ хотя и рознятся, однакожь непосредственно сливаются, опять-таки соединяя верхнюю и нижнюю половины лика. Глядя на этотъ бюстъ, вы невольно поражены первичной его могучестью, производящей чуть не уничтожающее впечатлѣнье, и въ то же время подняты и одушевлены необыкновенной ясностью его выраженія. Вы видите передъ собой Зевса, могучаго и въ страшномъ своемъ проявленіи, вы чувствуете въ глубинѣ души что оно пожалуй и опять можетъ повториться; но онъ смотритъ на васъ съ улыбкой милосердія, привѣтно-успокоительнымъ взоромъ, и въ архитектонически-твердой, благородной соразмѣрности его чертъ отражается вамъ прочно водворенный имъ всеобщій міропорядокъ. Въ немъ видимо есть наклонность къ страшно-могучимъ дѣйствіямъ, но, уравновѣшиваясь привольно-здоровымъ спокойствіемъ его щекъ и бороды, она смягчается въ выраженіе свѣтлой важности, а съ другой стороны придаетъ возвышенность и достоинство милостивой улыбкѣ всеублажающаго бога. Различныя стороны божественной сущности всѣ здѣсь налицо, но не сопоставленныя внѣшнимъ образомъ, а во взаимнодѣйствіи другъ на́ друга, подобно тому какъ и различные музыкальные тоны всѣ сочетаются въ одинъ общій аккордъ. Вотъ эта-то совокупная всецѣлость, вполнѣ единящая разнообразіе, собственно и завершаетъ собой идеалъ; она — высшее торжество искусства, на ней и только на ней одной лежитъ печать истины и красоты. Благодаря ей, даже и самимъ Грекамъ сдавалось, что Фидій присовокупилъ новый, небывалый моментъ къ религіи.

Въ культѣ Зевсу сохранялась между тѣмъ и идея единаго бога въ томъ именно отношеніи, что все приписываемое прочимъ божествамъ чтилось

одинаково и въ немъ, что моля ихъ о какой-нибудь милости взывали вмѣстѣ и къ нему. Какъ верховный блюститель олимпійскихъ игръ, онъ, подобно Гермесу, завѣдываетъ всякимъ тѣлеснымъ упражненіемъ. Онъ наравнѣ съ Деметрою властительно охраняетъ земледѣліе, и маслину наравнѣ съ Палладой. Своими прорицаніями возвѣщаетъ онъ судьбу какъ Аполлонъ, подобно ему и музамъ вдохновляетъ онъ пѣвцовъ и художниковъ, подобно ему является прибѣжищемъ для кающихся, отвращаетъ пагубную силу проклятій, очищаетъ отъ грѣховъ. Какъ Посейдонъ посылаетъ онъ судамъ попутный вѣтеръ, какъ Аресъ и Аѳина руководитъ онъ ходомъ битвъ и даритъ побѣдою. Въ качествѣ освободителя, многомилостивый Зевсъ призывается наравнѣ съ Діонисомъ. Въ семейномъ быту царитъ онъ покровителемъ брака подобно Герѣ, онъ даруетъ дому благоденствіе и бережетъ стада какъ Гестія; онъ — глава всѣмъ союзамъ и товариществамъ, онъ самъ верховный гостепріимецъ, богъ общаго веселья и всякаго дружества. Онъ охраняетъ собственность и блюдетъ межевые знаки какъ Гермесъ. Подобно Эринніямъ и судьямъ преисподней онъ блюдетъ за ненарушимой святостію клятвъ, онъ богъ вѣрности и государственнаго порядка; самъ нося скипетръ власти въ рукѣ своей, онъ царитъ надъ твердынями и въ народныхъ сходкахъ, онъ такой же щитъ городу какъ и Паллада Аѳина. Онъ завершитель всего къ лучшему. Вотъ почему Аратъ поетъ объ немъ въ тѣхъ стихахъ, на которые оперся и апостолъ Павелъ въ своей аѳинской проповѣди: Зевсомъ полны всѣ улицы и рынки, полны море и пристани; вездѣ нуженъ намъ Зевсъ, и сами мы его отродіе. Не даромъ училъ вѣдь ужь и Гезіодъ: Кроніонъ живетъ въ эѳирѣ, и въ корняхъ земныхъ и въ человѣкѣ. Какъ Пиндаръ славилъ его дивнымъ художникомъ вселенной, какъ величаво постигалъ существо его Эсхилъ, мы уже видѣли это прежде. А Фидій былъ вѣдь современникомъ ихъ, и ни кому не уступалъ въ глубокомысліи и силѣ вдохновенья. Какъ именно Зевсъ раскрываетъ существо свое въ могуществѣ и дѣятельности, какъ собраны вокругъ него всѣ другіе боги, въ видѣ частныхъ проявленій его идеи, въ видѣ обстановки его величія, это Фидій изобразилъ въ украшеніяхъ Зевсова престола. Онъ былъ роскошно отдѣланъ золотомъ и дорогими камнями, слоновой костью и чернымъ деревомъ; убранъ множествомъ картинъ и рельефовъ. Перечисляя ихъ и приблизительно опредѣляя имъ мѣсто по Павсанію, постараемся вникнуть также въ ихъ значеніе и въ общую ихъ связь съ основною идеей цѣлаго созданія.

Престолъ держался, вмѣсто ножекъ, на четырехъ столбахъ, украшенныхъ рельефами пляшущихъ Побѣдъ: здѣсь, въ Олимпіи, Зевсъ по преимуществу славился вѣдь какъ побѣдоносецъ и побѣдодавецъ. На половинной высотѣ ножекъ, между поломъ и сѣдальною доской, отъ одной ножки къ другой шли поперечины, лежавшія подобно фризу на стѣнкѣ, которая подходила къ нимъ снизу, такъ что основаніе трона не представлялось пустымъ оставомъ, а имѣло видъ несокрушимой массивной прочности. Сѣдальная доска держалась на подпертыхъ колонками маховыхъ крыльяхъ, а поручни трона опирались на сфинксовъ. Оба заднія столба его подпимались выше, образуя спинку, и почти въ головахъ бога поддерживали, одинъ—трехъ Горъ, а другой—трехъ Харитъ. Мы уже видѣли, какъ и Ѳеогонія представляла Зевса отцомъ Горъ и Грацій, чтобы указать въ немъ основателя прочнаго міропорядка и даятеля

всякой граціи въ свободномъ развивѣ жизни. Грація не знаетъ никакого стѣсненія, Горы, напротивъ, — дочери Ѳемиды — правоуставницы, — блюдутъ строгій законъ на небѣ и на землѣ. Свобода и порядокъ, эти великія начала всякой жизни, эти коренныя условія всякой красоты, какъ замысловато изображены они двумя группами вголовахъ бога, какъ глубокодумно выставлена природа его даже и въ красивомъ убранствѣ заспинныхъ столбовъ!

Каждый изъ поручней опирался на сфинкса, а съ боковъ, на крыльяхъ подъ сѣдальною доской, изображена была гибель Ніобидъ. Тутъ предстаетъ намъ серьёзная сторона жизни и велемощные суды карающаго божества. Сфинксъ-загадчикъ былъ для Эллиновъ символомъ загадочности существованія; кто не рѣшитъ загадки, того онъ проглатываетъ: оттого сфинксы и держали въ когтяхъ ѳиванскихъ дѣтей. Но загадка должна была разрѣшаться для человѣка въ созерцаніи и чествованіи божества, на которомъ, по слову Эсхила, окончательно успокоивается всякое помышленіе. Самонадѣянность же, которая мечтаетъ стать превыше вѣчныхъ силъ, какъ Ніоба, безъ мѣры возгордившаяся своимъ материнскимъ счастіемъ, находитъ себѣ кару во всеуравнивающемъ правосудіи отца боговъ и низводится въ надлежащіе предѣлы. Аполлонъ и Артемида, поражая Ніобидъ своими стрѣлами, являются исполнителями карающей справедливости небесъ и на дѣлѣ доказываютъ свою неизбѣжную, дальномѣткую силу.

Но богъ не только что отмститель за неправду, онъ, по существу своему, любовь, и оттого въ дальнѣйшихъ за тѣмъ рельефахъ онъ превозносится какъ вышній покровитель, всегдашній помощникъ и побѣдодавецъ. На поперечинахъ престольныхъ ножекъ спереди, вправо и влѣво у ногъ Зевса виднѣлись восемь фигуръ въ такихъ положеніяхъ, которыя означали восемь разныхъ видовъ олимпійскихъ игръ, и въ числѣ ихъ стоялъ Фидіевъ любимецъ, Пантаркъ, облекавшій себѣ юношескую голову побѣдною повязкой. Борьбы въ Олимпіи были потѣшныя состязанія, учрежденныя по преданью въ память богатырскихъ подвиговъ на службу культуры; а потому на поперечинахъ другихъ сторонъ изображены были битвы Тезея и Иракла съ Амазонками, которыя, какъ намъ уже извѣстно, слыли вообще представительницами варварской чужеземщины. Подъ поперечинами приняли мы (вмѣстѣ съ Брунномъ и Овербекомъ) существованіе междуножныхъ стѣнокъ, про которыя Павсаній говоритъ, что онѣ не допускали внутрь престола; другіе полагали что престолъ былъ обведенъ ими сплошь, но въ такомъ случаѣ онѣ вредили бы и виду базы, и эффекту цѣлаго. Онѣ были свѣтло-синяго цвѣта и давали тѣмъ яснѣе выступать блестящимъ дорогими камнями и золотомъ конструктивнымъ частямъ трона со всѣмъ ихъ рельефнымъ убранствомъ, служа сами какъ бы живописной только завѣсой, прикрывавшей внутреннюю пустоту. На нихъ также нарисованы были группы человѣческихъ фигуръ, и, по способу древней живописи, контуры просто заполнены красками безъ всякихъ моделлирующихъ оттѣнковъ. По словамъ Павсанія тутъ насчитывалось девять такихъ группъ, и такъ-какъ переднія стороны, гдѣ живопись заслонялась бы непремѣнно скамьею и ногами бога, были просто выкрашены въ синій цвѣтъ, то на каждую изъ прочихъ сторонъ приходилось по три группы. Здѣсь три раза является Иракль. Онъ, любимый сынъ Зевса, какъ бы намѣстникъ его

на землѣ, чтимый у всѣхъ за избавителя и спаса, учредилъ, по словамъ преданія, игры въ торжественную память своихъ подвиговъ и трудовъ, самъ измѣрилъ состязательное поприще, самъ посадилъ дикую маслину для изготовленія побѣдныхъ вѣнковъ. Такъ ему и подобало занять на каждой сторонѣ середину: въ одномъ мѣстѣ снимаетъ онъ съ Атланта тяготу небесной тверди, что́ служитъ высшимъ доказательствомъ необъятныхъ его силъ и вмѣстѣ символомъ несущей и поддерживающей природу божеской мощи; въ другомъ—бой его съ немейскимъ львомъ, очищеніе міра и огражденіе человѣка отъ дикихъ чудищъ; наконецъ—и освобожденіе прикованнаго Промеѳея. Тутъ заступалъ онъ мѣсто Зевса-избавителя, снимающаго съ человѣка всѣ путы закона, какъ скоро онъ отступится отъ своевольной строптивости и согласитъ свой образъ мыслей и чувствъ съ нравственнымъ міропорядкомъ. За тѣмъ идутъ три другія группы: Тезей съ Пейриѳооемъ, Ахиллъ съ Пенѳесилеею, и Аяксъ съ Касандрой. Тутъ первые являлись образцомъ дружбы, которая играетъ вѣдь такую важную роль во всей жизни греческой, которой щитомъ и блюстителемъ былъ лично самъ Зевсъ; Ахиллъ, поддерживая умирающую Амазонку Пенѳесилею, представлялъ образецъ любви, которая становится даже и выше чувства своенародности, тогда-какъ преступное посягательство Аякса на Касандру въ самомъ храмѣ изображало собой необузданную страсть, а напоминаніемъ послѣдовавшей за тѣмъ гибели вызывало къ сдержкѣ и наглядно представляло бога блюстителемъ, страшно мстящимъ за святыню. Наконецъ три послѣднія группы, состоявшія изъ женскихъ фигуръ, распредѣляемъ мы опять по одной на каждую сторону: Эллада и Саламина съ корабельнымъ носомъ въ рукѣ, то-есть дорогая Зевсу страна Эллиновъ, освобожденная по его волѣ битвой при Саламинѣ, такъ что историческіе подвиги Грековъ сближались здѣсь съ миѳическимъ ихъ первообразомъ, какъ пророчество съ исполненьемъ. Далѣе шли Гипподамія и ея мать, въ воспоминаніе о счастіи Пелопса, который мало того что далъ имя свое Пелопоннесу, но при первомъ колесничномъ ристаніи на Олимпійскихъ играхъ получилъ еще въ награду Гипподамію. Въ заключеніе всего являлись двѣ Геспериды съ золотыми яблоками, служащими и въ миѳѣ Иракла и въ другихъ случаяхъ отрадною подконецъ наградой за стойко-выдержанную борьбу, за горькій и тяжелый подвигъ жизни, и цѣнимыми какъ особенно щедрый даръ небеснаго благоволенія.

Подножная скамейка передъ трономъ держалась на львахъ; цари животныхъ были употреблены на службу царю боговъ, чья собственная голова своимъ характеромъ напоминала впрочемъ львиную; по бокамъ этой скамьи видиѣлось торжество Тезея надъ Амазонками, «первый геройскій подвигъ Аѳинянъ противъ чужаковъ», какъ пояснительно прибавляетъ тутъ отъ себя Павсаній.

Наконецъ подножіе или база, на которой стоялъ тронъ, была украшена вереницею боговъ, изваянной по мраморному фону. Всѣ они собрались вкругъ престола верховнаго божества, являясь какъ бы излученіями его свѣта, раскрытіемъ его единства, олицетвореніемъ разнообразныхъ его свойствъ и способовъ откровенія: по краямъ были изображены Солнце и Мѣсяцъ, направляющіе свои колесницы къ серединѣ рельефа, потомъ съ разныхъ сто-

ронъ Аполлонъ съ Артемидой, Аѳина съ Ираклонъ, Посейдонъ съ Амфитритою, Гермесъ съ Гестіей, одна Харита и рядомъ съ нею по всей вѣроятности Гефестъ, наконецъ Гера съ самимъ Зевсомъ; и всѣ они устремили взоръ на средоточіе цѣлой картины, богиню красоты, Афродиту, только-что народившуюся изъ морскихъ волнъ и сопровождаемую богомъ любви, Эротомъ, и богинею Пейѳо, то-есть убѣждающимъ умъ и сердце краснорѣчіемъ. Такимъ образомъ и здѣсь не было праздной, безцѣльной сопостановки: всѣ боги были приведены въ живое отношеніе къ одному и тому же событію, къ нарожденію богини красоты; а красота, самородная гармонія духовнаго съ чувственнымъ, была вѣдь основнымъ понятіемъ всего греческаго быта. И Зевсъ, какъ богъ въ числѣ другихъ боговъ, также являлся на ступеняхъ сѣдалища того Зевса, къ которому какъ первоединому уже возвращались тогда опять всѣ образованные Эллины.

Глубинѣ и богатству содержанія не уступала роскошь внѣшней обдѣлки,— лучезарный блескъ золота, кроткій матовый лоскъ слоновой кости, сверкающіе дорогіе каменья, гармонія красокъ вообще. Ансельмъ Фейербахъ справедливо назвалъ подобныя созданія гимнами пластики. Видъ ихъ долженъ былъ охватывать всю душу зрителя съ увлекающею силой громозвучной мелодіи; величіе бога властительно царило надо всѣмъ, и ослѣпительный блескъ пестрой обстановки, при ближайшемъ разсмотрѣніи, весь выяснялся для ума въ художественное воплощеніе одной общей идеи, подобно тому какъ отдѣльныя слова какого-нибудь стихотворенія постепенно выступаютъ съ своимъ значеніемъ въ разныхъ строфахъ изъ сплошного вначалѣ разлива гармоничныхъ звуковъ. Одна греческая эпиграмма выразила это такъ:

Если на землю самъ Зевсъ не сошелъ, показать ему ликъ свой,
Фидій всходилъ на Олимпъ, чтобы ближе узрѣть его тамъ.

Восемь вѣковъ простояло это великое созданіе. Когда рушилась независимость Эллиновъ, они передали побѣдившимъ ихъ Римлянамъ свое образованіе и искусство, и римскій полководецъ, Пауллъ Эмилій, признавался самъ, что вступивъ въ святилище Олимпіи онъ испыталъ такое потрясающее впечатлѣніе, какъ будто бы увидѣлъ лицомъ къ лицу самого бога. Калигула въ своемъ безуміи хотѣлъ, чтобы на мѣсто головы Зевса статуѣ приставили снимокъ съ его собственной головы и перевезли ее потомъ въ Римъ; но рабочіе отозвались что богъ не допустилъ ихъ приступить къ дѣлу. Въ 408-мъ году по Р. Х. Олимпійскія игры прекратились окончательно; вѣроятно тогда и погибла статуя среди общаго пожара, истребившаго весь храмъ. У Грековъ считалось несчастіемъ не увидать Зевса Олимпійскаго хоть одинъ разъ въ жизни. Лицезрѣніе его слыло у нихъ волшебнымъ средствомъ противъ всякой напасти. Намъ вспоминаются при этомъ слова Гётева отца: «Кто разъ побывалъ въ Неаполѣ, тотъ никогда не можетъ стать совершенно несчастнымъ». Таково одушевительное дѣйствіе истинно-прекраснаго; оно убѣждаетъ насъ въ дѣйствительномъ существованіи того гармоническаго совершенства, котораго одинъ видъ наполняетъ сердце утѣшительною надеждой, что оно наконецъ и вездѣ выйдетъ съ полнымъ торжествомъ изъ среды всякаго противорѣчія, всякой мути и недоумѣнія.

Изъ учениковъ Фидія даровитѣйшимъ былъ повидимому Алкаменъ, и первый самостоятельно пошелъ по стопамъ учителя въ созданіи новыхъ божескихъ идеаловъ, напримѣръ Ареса, Гефеста, Асклепія. На фронтонномъ полѣ олимпійскаго храма была его работы битва Тезея съ Кентаврами. Но Фидій особенно любилъ Агоракрита, которому помогалъ и дѣломъ и совѣтомъ въ изваяніяхъ богоматери Кибелы и знаменитой Немезиды рамнунтской. Колотъ славился храмовыми работами изъ золота и слоновой кости. Ликій, изъ школы Мирона, создалъ прекрасную облую группу боговъ и героевъ, смотрящихъ на единоборство Ахилла съ Мемнономъ. Кресиладъ установилъ пластическій идеалъ одного дѣйствительнаго лица, Перикла; по словамъ Плинія, и эта статуя заслужила себѣ прозвище Олимпійца, доказавъ какъ искусство умѣетъ еще болѣе возвысить даже и великихъ по характеру людей. Онъ отважился, въ состязаніе съ Фидіемъ и Поликлетомъ, выставить свою Амазонку; его воинственная дѣва, отличаясь желѣзной силою, выражала вмѣстѣ съ этимъ нѣжную скорбь: поднявъ лѣвую руку, она жалобно смотрѣла на рану, нанесенную ей подъ самую грудь. — Каллимахъ отличался крайне тщательною отдѣлкой своихъ произведеній начисто. Димитрій въ своихъ портретныхъ изваяніяхъ старался выдвинуть характеристическія черты въ каррикатурномъ больше смыслѣ, нежели приводить ихъ въ изящную гармонію съ цѣлымъ. Остается сомнительнымъ, кому изъ этихъ художниковъ слѣдуетъ приписать нѣкоторыя уцѣлѣвшія работы, каковы напримѣръ мастерскія каріатиды Пандросіона, или еще столь привлекательныя, и въ полуразрушенномъ своемъ видѣ, изваянія послѣпобѣдной жертвы въ храмѣ Ники, которыхъ упруго-молодыя формы такъ и сквозятъ изъ-подъ изящно-драпированныхъ одеждъ, или наконецъ боевыя сцены между Эллиновъ и варваровъ, изображенныя передъ тѣмъ же храмомъ.

На ряду съ аѳинскою школой блистала аргивская; тутъ первымъ мастеромъ явился, бывшій нѣкогда соученикъ Фидія, Поликлетъ. Для него главнымъ дѣломъ была краса формы, къ которой онъ стремился чисто изъ-за нея самой: онъ умѣлъ открыть самыя пріятныя пропорціи человѣческаго тѣла, и благодаря именно этому одно изъ произведеній его сдѣлалось законоуставною нормой, — канономъ для всѣхъ соревнителей и послѣдователей. Вотъ почему онъ любилъ давать своимъ фигурамъ спокойную постановку, но такъ, чтобы онѣ при этомъ казались сколько-возможно подвижными; отсюда его основное правило, что вѣсъ тѣла долженъ лежать на одной ногѣ, а другая, свободная отъ всякой тягости или даже немного приподнятая, должна играть совершенно вольно. Онъ особенно прославился тѣмъ, что въ Амазонкѣ мастерски умѣлъ слить мягкость женскихъ формъ съ мужески-напряженною энергіей, въ отрокѣ надѣвающемъ побѣдную повязку, въ копѣйщикѣ впервые выходящемъ на службу, удачно сочеталъ силу съ выраженіемъ нѣжной юности. Бронзовый молящійся отрокъ (Адорантъ), — эта истинная краса Берлинскаго Музея, — можетъ дать понятіе о томъ, какъ просто и искренно при помощи вѣрно-обдуманныхъ пропорцій и ритмической плавности въ линіяхъ умѣлъ Поликлетъ создать «образъ совершенно чистаго земного бытія въ его благороднѣйшей безпритязательности». Но, по стопамъ Фидія, онъ рѣшился надѣлить Зевса олимпійскаго достойною его супругой въ лицѣ Геры аргосской, и успѣлъ прочно установить ея идеалъ. Богиня сидѣла на тронѣ, а сбоку у

нея стояла Геба, работы Па́вкида. Ея ноги покоились на львиной кожѣ; въ правой рукѣ держала она скиптръ, въ лѣвой, какъ богиня брака, — гранатовое яблоко, символъ плодучести; чело ея вѣнчалось діадемой, убранной фигурами Горъ и Грацій. Въ одномъ изъ чудесъ искусства, въ Юнонѣ виллы Людовизи, обладаемъ мы позднѣйшимъ воспроизведеніемъ великолѣпной этой головы. Художникъ вѣроятно началъ съ большихъ кругло-открытыхъ глазъ свое изображеніе волеглядной Геры, но и онъ умѣлъ привесть величіе въ полную гармонію съ пріятностью. По вѣрному замѣчанію Шиллера: «Не граціей собственно, да и не достоинствомъ вѣетъ на насъ отъ этого ли«ца; оно выражаетъ ни то, ни другое, потому что выражаетъ оба свойства «разомъ. Въ одно и то же время женственное божество требуетъ себѣ отъ «насъ поклоненія, а богоподобная женщина воспламеняетъ въ насъ пылкую «любовь; мы совсѣмъ готовы отдаться небесной прелести, но тутъ грозно «останавливаетъ насъ небесная самоудовлетворенность. Въ самомъ себѣ по«коится и живетъ весь этотъ обликъ, это вполнѣ замкнутое въ себѣ созда«ніе». У Гомера и у Виргилія богиня является дѣйствующей, и слова ея часто полны сильной страсти; для уразумѣнія существеннаго ея характера должны мы прибѣгнуть къ этому пластическому роскрытію ея природы въ спокойномъ состояніи, и тогда, читая Гомера, мы не упустимъ изъ виду, что богиня брака не даромъ такъ настаиваетъ на святости и нерушимости закона, на чистотѣ въ житейскомъ быту, не даромъ такъ гнѣвно преслѣдуетъ и караетъ Тро́янъ ставшихъ за брако-рушителя Париса; а съ другой стороны мы уже благоговѣйно взглянемъ на строгую возвышенность ея облика, опасаясь да не обратится въ судъ намъ великое слово, царящее на гордоодутлыхъ ея устахъ. У Поликлета мы видимъ вѣчно-женственный элементъ, какимъ проявляется онъ въ прекрасной душѣ, съумѣвшей помирить долгъ со склонностью; мы видимъ у него ту граціозную полножизненность зрѣлой дѣвы, которая, будучи проникнута степеннымъ и твердымъ образомъ мыслей и чувствъ, именно и дѣлаетъ супругу Зевса блюстительницей нравственнаго закона. Какъ, по образцу Гомера, Фидій смягчилъ въ Зевсѣ типъ первичной мужеской силы выраженіемъ милости, такъ въ свою очередь Поликлетъ придалъ женской красотѣ черту важнаго достоинства, воодушевивъ ее духовнымъ благородствомъ. Эмиль Браунъ припоминаетъ здѣсь то мѣсто у Гомера (Иліада XVI, 440), гдѣ Гера уговариваетъ Зевса не пожелать, вопреки волѣ судебъ, спасенія и помощи любимцу его Сарпедону, такъ-какъ всякій произвольный шагъ съ его стороны можетъ порушить въ основаніи цѣлый міропорядокъ: вѣдь, глядя на него, и другіе боги также захотятъ пожалуй своевольничать. Браунъ такъ описываетъ бюстъ богини: «Въ божественныхъ «пѣснопѣніяхъ поэта Гера, вполнѣ отдаваясь бурнымъ страстямъ, уподобляет«ся бушующему морю; тогда какъ напротивъ въ мраморѣ характеръ ея рас«крытъ съ такимъ спокойствіемъ, которое наполняетъ благоговѣйнымъ «безмолвіемъ каждое чувствующее сердце. Строгость взгляда ея смягчена «роскошнымъ цвѣтомъ женской прелести. Послѣдняя проявляетъ всю див«ную свою особенность. Тотъ сплавъ совсѣмъ противоположныхъ свойствъ, «которому изумлялись мы въ лицѣ Зевса и который представляетъ недо«ступно - божескій элементъ вмѣстѣ и такъ привлекательнымъ своей ми«лостью, въ идеалѣ Геры очевидно добытъ не упорною борьбой какъ тамъ, а

«сложился путемъ прирожденнаго развитія. Всѣ части развертываются здѣсь «гармонически, какъ листы цвѣтка у насъ передъ глазами, и ни гдѣ не «встрѣчаемъ мы этому благородному разросту ни помѣхи, ни препятствія».

Изъ памятниковъ пелопонесскаго искусства уцѣлѣли не многіе, но зато превосходные остатки. Метопныя плиты храма Олимпійскаго,—дѣвушка смотрящая внизъ со скалы, Праклъ одолѣвающій быка на островѣ Критѣ, всѣ отличаются здоровой свѣжестью и энергической жизненною правдой. Одинъ внутренній фризъ Аполлонова гипетральнаго храма въ Вассахъ, что въ Аркадіи, выстроеннаго Иктиномъ по окончаніи Пароенона, находится теперь въ Британскомъ Музеѣ. По сѣверной долевой сторонѣ изображенъ былъ бой Кентавровъ по случаю свадьбы Пейриоооя, а по другимъ сторонамъ — битва Амазонокъ; всерединѣ западной стороны, прямо насупротивъ входа, являлись взору благіе помощники, Аполлонъ и Артемида. Мы готовы сказать вмѣстѣ съ Любке, что ни гдѣ оба эти любимые сюжета тогдашняго искусства не были разработаны съ такимъ обиліемъ фантазіи, съ такой геніальной изобрѣтательностью, съ такимъ пламеннымъ пыломъ, какъ именно здѣсь. Какъ будто бы пожирающій огонь междоусобной войны, которая уже раздирала тогда Грецію, такъ и пронизывалъ эти пластическія фигуры. Общая тема борьбы, побѣды и пораженія выполнена здѣсь съ удивительнымъ разнообразіемъ въ неожиданныхъ и смѣлыхъ оборотахъ. Порывистыя, рѣзкія движенія, развѣвающіяся одежды, даютъ силѣ и страстности такое первенство надъ граціей, какого не допустила бы болѣе изящная сдержка Аоинянъ. Лапиоъ, пораженный мечемъ въ грудь, кусаетъ нанесшаго ему ударъ Кентавра въ зашеекъ, и упершись на переднія ноги, высоко лягаетъ задними прямо въ щитъ другому врагу. Въ противоположность озлобленію бьющихся мужщинъ выведена боязливая робость похищаемыхъ и отстаиваемыхъ женщинъ. Тамъ какой-нибудь Грекъ силится опрокинуть Амазонку за волосы съ несущагося впередъ коня, а здѣсь въ самомъ пылу боя героиня глубоко тронута гибелью юноши, беззащитно падающаго жертвой поразившихъ его ранъ, такъ что она простираетъ свое оружіе въ оборону отъ занесеннаго надъ нимъ бердыша другой Амазонки. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ здѣсь уже и индивидуальные психологическіе мотивы, напоминающіе намъ эврипидовскую трагедію.

Эпическое спокойствіе, торжественно-бодрая веселость утратились уже и для пластическаго искусства среди ужасовъ Пелопоннесской войны, и какъ въ дѣйствительной жизни мѣсто народнаго величія и преданности государству заступили видныя личности съ ихъ частными пользами и страстями, такъ и въ божествахъ Зевсѣ, Аоинѣ, Герѣ воплощались уже не правосудно-уряжающія силы всемірной и общественной жизни; напротивъ, и въ самихъ богахъ отражалось тревожно-взволнованное чувство съ его личной любовью, съ его своекорыстнымъ одушевленіемъ, и пластика, принявъ въ себя лирическій элементъ, тѣсно примкнула теперь къ трагедіи. Не утративъ своей божеской высоты, эти облики подходятъ ближе къ человѣку, и на мѣсто златокостяныхъ или бронзовыхъ колоссовъ появляются не такъ большія мраморныя изваянія, въ которыхъ, благодаря тонкому изяществу формъ, преимущественно сквозитъ душа изъ-подъ тѣлесной оболочки, и которыя, не измѣняя художественной мѣрности и просвѣтляющей задачѣ искусства, предпочти-

тельно выражаютъ глубину чувствъ въ полнотѣ веселья или скорби. Греки — народъ-пластикъ до такой степени, что даже общій переворотъ духа и нравовъ, за которымъ слѣдовалъ упадокъ въ исторіи и въ поэзіи, доставилъ ваятелямъ новое только содержаніе для великолѣпныхъ произведеній, — что даже тотъ субъективный, индивидуальный, задушевный принципъ, который самому Сократу удалось поставить въ новый законъ жизни только для самого себя, а ужь вовсе не для народа, — принципъ, которому онъ принесъ себя въ жертву, не сдѣлавшись оттого спасающимъ преобразователемъ общества, — что даже этотъ принципъ, здѣсь въ предѣлахъ пластики, выработался до полной красоты, и если не сохранилъ слѣдующему за тѣмъ вѣку прежняго процвѣтанія, то все же породилъ новый цвѣтъ, также въ своемъ родѣ великолѣпный. Одинъ только геній пластиковъ былъ достаточно силенъ для того чтобы совладать и съ новымъ матерьяломъ, тотчасъ же найдти для него образцовую, общепризнанную міромъ форму, и при всемъ томъ остаться въ предѣлахъ чисто-эллинскаго характера. Это было нѣчто вродѣ того, какъ еслибы напримѣръ Эврипидъ ухитрился противопоставить Софокловской Антигонѣ не свою Ифигенію, а Гётеву.

Это младшее поколѣніе художниковъ надѣлило постояннымъ, потому что сроднымъ существу ихъ, обликомъ сравнительно-юнѣйшихъ уже боговъ, Аполлона, Вакха, Діониса, Афродиту, Эрота; въ мраморъ воплощались теперь идеалы душевныхъ состояній. Божества эти сами полны, одушевлены и ублажены дарами, какіе посылаются отъ нихъ смертнымъ. Художникъ идетъ отъ того взгляда, что часто возвращающіяся, привычныя настроенія или страсти становятся постояннымъ пошибомъ въ вызываемыхъ ими лицеизмѣненіяхъ или лицеизводахъ; власть ихъ надъ душою представляется всегдашнею, проникающею въ глубь самаго ея существа, и если характеръ, какъ ядро и ось духа имѣетъ близкое сродство съ костякомъ и воплощается въ твердыхъ частяхъ тѣла, то напротивъ внутреннія чувства и душевныя состоянія проявятся въ складѣ мягкихъ, подвижныхъ частей, которыя и облекутся въ прелесть плавно-сливающихся линій, тогда какъ постановка фигуры обнаружитъ нерѣшительнымъ ея спокойствіемъ, что послѣднее или только-что вышло изъ предшедшаго ему движенія или готово въ него перейдти.

Что художникъ при этомъ вовсе не отступается отъ передачи цѣлаго въ извѣстномъ духовномъ направленіи и что каждому изъ отдѣльныхъ боговъ присуща вся божественность сполна, — это подтвердитъ нашъ обзоръ всѣхъ главныхъ произведеній; мы невольно угадываемъ это и въ Парисѣ Эвфранора, о которомъ древніе говорятъ, что въ немъ изображенъ вмѣстѣ и судья богинь и похититель Елены, и Ахиллоубійца: то-есть онъ представленъ былъ такимъ, что красота его могла увлечь сердце Елены, но вмѣстѣ и такимъ смѣлымъ, что рука его не дрогнула пустить смертельную стрѣлу въ самаго могучаго изъ богатырей, вмѣстѣ и такимъ умнымъ, что можно было ждать отъ него вѣрнаго суда о преимуществахъ богинь между собою; выраженіе характера держалось до поры до времени въ такой равновѣсной готовности, чтобы при случаѣ проявить то либо другое свойство, благо всѣ одинаково были на лицо. Нѣчто подобное художнику удалось представить и въ лицѣ

Алкивіада, вѣтренаго соблазнителя женщинъ, геніальнаго полководца, любимаго за дарованія Сократова ученика.

Великими мастерами этой эпохи были Скопасъ и Пракситель. Скопасъ, переселившійся въ Аѳины съ острова Пароса, процвѣталъ до середины 4-го столѣтія. Онъ создалъ идеалъ Аполлона, изобразивъ какъ, полный вдохновенія, поднявъ вверхъ увѣнчанную голову и ударяя въ звонкую лиру, богъ, въ длинноволнистой одеждѣ, управляетъ хороводомъ Музъ. Онъ—богъ вѣдѣнія, энтузіасмъ его самосознательно-ясенъ; онъ не погруженъ въ себя полусонно-грезя какъ Діонисъ, но всегда бодръ внутреннимъ пареніемъ, полонъ мужественно-юныхъ силъ. Напротивъ того, богъ войны, Аресъ, являлся у него въ порывѣ дикой боевой храбрости, а сгорая любовію къ Афродитѣ, такъ что сродная ему воинственность смягчалась кроткимъ выраженіемъ овладѣвшаго имъ сердечнаго чувства. Такъ въ виллѣ Людовизи представленъ онъ сидящимъ; какъ въ этой статуѣ, такъ и въ одномъ ватиканскомъ Аполлонѣ позволительно угадывать копіи съ Копасовыхъ произведеній. Онъ же изобразилъ Афродиту совершенно нагою, и разложилъ существо любви въ одной группѣ на любовь, томленье и страстное желаніе, что́, при тонкихъ разнооттѣнкахъ въ выраженіи Эрота, Гимероса и Паѳоса, предполагаетъ въ немъ и глубокое пониманіе чувства, и высокую зрѣлость художественнаго замысла. Знаменита была его Вакханка, которая, вся отдавшись упоенію, въ одеждахъ наотлетъ, съ разметанными въ безпорядкѣ волосами, воплощала собой вдохновенную богомъ хмѣля, неудержимую, неистовую страсть; преимущественно въ виду этого его произведенія сложился отзывъ, что подъ рѣзцомъ Скопаса мраморъ оживаетъ, одушевляется. Однимъ изъ превосходнѣйшихъ его созданій была группа морскихъ божествъ, приносящихъ Ахиллу оружіе отъ Гефеста, или — какъ я готовъ согласиться съ Отфридомъ Мюллеромъ—провожающихъ его на острова блаженныхъ: Посейдонъ и Ѳетида съ героемъ посерединѣ, окруженные Нереидами, Тритонами и бездною морскихъ чудовищъ, въ которыхъ художественная фантазія олицетворяетъ игру перекатныхъ волнъ, соединяя формы коней, львовъ и быковъ съ рыбьими, какъ мы видимъ это на одномъ большомъ рельефѣ Мюнхенской Глиптотеки и на помпеянскихъ фрескахъ. «Божественная высота, мягкая грація, богатырская величавость, строптивая сила и роскошный преизбытокъ «энергической естественной жизни соединены такъ гармонически въ самомъ «сюжетѣ этого произведенія, что одна уже попытка представить себѣ по«добную группу въ духѣ древняго искусства должна наполнять насъ чув«ствомъ удовольствія». Очень вѣроятно что Скопасъ первый перенесъ на изображеніе морскихъ существъ характеръ формъ и движеній, сродный вакхической области, вслѣдствіе чего Тритоны приняли видъ Сатировъ, Нереиды—видъ морскихъ Менадъ, и весь рой ихъ явился одушевленнымъ внутренней жизнію и какъ бы упоеннымъ ея преизбыточной силой.

Тимоѳей, Леохаръ и Бріаксидъ трудились вмѣстѣ съ Скопасомъ надъ Мавзолеемъ, то-есть надгробнымъ памятникомъ, который царица Артемизія соорудила въ 353-мъ г. до Р. Х. въ Галикарнассѣ покойному супругу своему, Мавзолу. На могучемъ фундаментѣ возвышался портикъ (крытая колоннада), огибавшій вокругъ четыреугольный каменный склепъ; онъ увѣнчивался сту-

пеньчатою пирамидой, на верху которой стояла четвероконная колесница съ Мавзоловой статуей. Мраморные львы и статуи всадниковъ украшали фундаментъ, а фризъ надъ колоннами на протяженіи съ лишкомъ 400 локтей представлялъ боевыя схватки пѣшихъ и конниковъ, мужчинъ и Амазонокъ. Еще въ 12-мъ столѣтіи Эвстахій удивлялся этому памятнику, какъ чуду свѣта; но въ 1402-мъ году Іоанниты застроили на томъ же мѣстѣ крѣпостцу изъ его развалинъ, послѣ того какъ онъ былъ разрушенъ землетрясеньемъ. Часть рельефныхъ его плитъ перешла въ Генуу, часть въ Лондонъ, а новѣйшія раскопки Ч. Ньютона дали еще богатую добычу Британскому Музею. Колоссальная статуя Мавзола была вся почти возстановлена изъ обломковъ; голова отличается индивидуальностью, нагота и одежда обдѣланы мягко и величественно. Колосальная женская фигура мощной красоты, но къ сожалѣнію безголовая и безрукая, конечно представляла Артемизію. Нѣсколько превосходныхъ женскихъ головъ обнаруживаютъ то болѣе полныя формы, то напротивъ молодыя нѣжныя черты. Рельефы далеко не равноцѣнны; лучшіе достойны смѣлаго Скопасова замысла, и нарядная богатая драпировка развѣвающихся одеждъ прямо указываетъ на аттическую школу. Другіе совсѣмъ не такъ изящны, не безъ погрѣшностей въ рисункѣ, да и обдѣланы гораздо поверхностнѣй. Не такъ какъ въ прежнемъ храмовомъ ваяніи, на монументальныя работы смотрѣли теперь уже не какъ на богослуженіе; въ нихъ разсчитывали на декоративность, на эффектъ. Любке дѣлаетъ тутъ характерное для совершившагося поворота замѣчаніе: «Въ эпоху Фидія особенно усерд-«ствовали къ такимъ великимъ предпріятіямъ, и высота помысловъ, стро-«гость художественнаго чувства удовлетворялись только тщательнѣйшею, «всестороннею выработкой каждой фигуры, отъ первой до послѣдней. Во «время Скопаса художники полагали свою славу не столько уже въ монумен-«тальныхъ трудахъ, сколько въ тѣхъ одиночныхъ произведеніяхъ, которыя «были обязаны своимъ происхожденіемъ не всѣмъ равно близкой идеѣ обще-«народнаго культа, а больше порывамъ субъективнаго вдохновенія».

Отъ Бріаксида идетъ художественный замыселъ (концепція) бога преисподней, сохранившійся намъ въ одномъ бюстѣ Ватиканскаго дворца. Онъ братъ Фидіеву Зевсу, но свѣтлая ясность послѣдняго опасмурена здѣсь тучею торжественной важности, хотя впрочемъ не мрачной, а съ выраженіемъ тихаго спокойствія той необходимости и того мира, какихъ ждетъ себѣ за гробомъ душа, освободившаяся отъ земныхъ козней и мытарствъ. Леохаръ создалъ Ганимеда взносимаго орломъ, который, какъ говорили уже и древніе, видимо чуетъ, кого именно держитъ онъ за грудь когтями, и къ кому, распустивъ крылья, несетъ прекраснаго юношу. Самъ Ганимедъ радостно глядитъ на небо и простираетъ туда руку, полный надежнаго желанья. «Скорѣй, къ груди твоей, вселюбящій отецъ!» вотъ что влагаетъ въ уста ему Гёте при видѣ одной изъ копій этой статуи.

Пракситель Аѳинянинъ былъ величайшій пластическій лирикъ древности, лучшій выразитель граціи въ утонченнѣйшей мраморной работѣ, которая одною уже формой передаетъ всю прелесть, всю роскошь нѣжной юности и очаровательной женственности въ ихъ чисто-просвѣтленномъ видѣ, но отнюдь не расплываясь въ чувственномъ, а только ясно и вполнѣ изливая въ

немъ свою душу. Какъ оно и всего свойственнѣе статуѣ, любая изъ его фигуръ обыкновенно представляется цѣлымъ замкнутымъ въ себѣ міромъ, довлѣющею сама себѣ, блаженною въ своей собственной сущности; онъ готовъ облегчить даже и ту ногу, на которую она опирается, прислоняя фигуру къ чему-нибудь спиной или подставляя опору ей подъ руку, что даетъ статуѣ тѣмъ бо̀льшую возможность принять выраженье отрадно-мечтательнаго спокойствія. Отецъ Праксителя, Кефисодотъ, былъ отличнымъ художникомъ въ идеальномъ стилѣ аттической школы, и Фридрихсъ полагалъ, что ему бы можно было приписать изящно-благородную женщину съ ребенкомъ на рукахъ, эту Мадонну язычества въ мюнхенской Глиптотекѣ, въ которой обыкновенно видятъ Левкоѳею съ маленькимъ Вакхомъ или Мать-землю съ первороднымъ человѣкомъ: фигура эта полна вызвышенности и задушевности; подъ роскошною, но простою и ясною драпировкой одеждъ рисуются благородные члены ея тѣла. Самъ Пракситель любилъ больше наготу. Такъ обнажилъ онъ и Афродиту, представивъ богиню въ тотъ моментъ, когда послѣдняя часть одеждъ выпадаетъ у ней изъ лѣвой руки на урну, а правою она стыдливо прикрываетъ срамоту; художникъ овиновловилъ обнаженіе предстоящимъ богинѣ купаньемъ, и Бруннъ несправедливо говоритъ, будто «вмѣстѣ съ одеждой упало и высшее духовное пониманіе Афродиты»; этому противорѣчитъ уже разсказъ, что рядомъ съ нею Пракситель помѣстилъ изображенье Фрины, дабы тѣмъ лучше показать различіе богини отъ простой женщины. Какъ любовь воспламеняется красотой, такъ конечно и богиня любви должна сіять блескомъ прелести, должна сама чувствовать усладу, какою надѣляетъ она другихъ; образъ ея тогда лишь вполнѣ законченъ, когда согласно понятію о ней онъ вмѣстѣ и влечетъ и услаждаетъ, когда онъ вмѣстѣ и побѣда и самоотданіе. Существо ея — чисто душевнаго характера, и требуетъ иного выраженія нежели духовная Паллада; послѣдней необходимо одѣяніе, тогда какъ вся прелесть Афродиты только и открывается намъ тѣмъ, что передъ нами обнажены и стройная шея, и полная грудь, и пухлыя бедра, и весь мягкій сплавъ очаровательныхъ ея формъ, которыя кладутъ на нее печать чисто-женственной своеобразности, вполнѣ отличной отъ мужского склада. Взоръ ея съ какимъ-то млѣющимъ желаніемъ устремленъ невѣдомо куда, ея глазъ, полуприкрытый нижнимъ вѣкомъ, будто плаваетъ нѣжась въ своей влагѣ; она счастлива тѣмъ что даритъ счастіе, но блаженна и сама своимъ обаятельнымъ, чарующимъ привѣтомъ. Еще болѣе чѣмъ передъ превосходнымъ воспроизведеніемъ въ Мюнхенской Глипто̀текѣ, смутно постигаемъ мы передъ Афродитою Милосской—эллинскимъ оригиналомъ, драгоцѣннѣйшимъ изъ сокровищъ Лувра—какъ могло удаться великому мастеру сліяніе женской красоты съ высотою этой богини. Формы ея крупны, выраженіе исполнено величія; какъ цвѣтокъ изъ чашечки подымается чудесный верхъ тѣла изъ среды ниспадающихъ по бедрамъ одеждъ. Она задумана торжествующей, держала ли она въ поднятой рукѣ яблоко, какъ всего вѣроятнѣе потому, что этотъ плодъ былъ гербомъ острова, имѣвшаго его форму и прозваннаго его именемъ, или же самодовольно глядѣлась въ свѣтлый щитъ Ареса, съ которымъ составляла можетъ-быть группу. Нагая Афродита Праксителя стала безцѣннымъ сокровищемъ Книдянъ, а для жителей острова Ко̀са изваялъ онъ одѣтую. Статуя Эрота посвящена была въ Ѳеспіи. Воспроизведенія въ Ватиканѣ и въ Неа-

полѣ даютъ понятіе о томъ, какъ онъ былъ задуманъ: юношей въ томъ періодѣ развитія, когда любовь пробуждается въ стремленьи къ идеалу, когда онъ весь объятъ поэзіей этого настроенія; голова слегка наклонена, на гладкомъ челѣ царитъ уже глубокая дума, меланхолическая улыбка играетъ около устъ; въ чертахъ его мы читаемъ ту сладкую мечту, которая паритъ передъ его душою. Нѣжный крылатый юноша, мѣтко угождающій стрѣлой въ сердца, довольно пригожъ для того, чтобы въ свою очередь вызывать любовь, которую самъ онъ ощущаетъ.

Испытавъ его власть на себѣ, открылъ намъ здѣсь бога художникъ;
Образъ его онъ нашелъ въ своей же любящей груди.

Праксителю же обязаны мы идеаломъ молодого Діониса. Увѣнчанный плющомъ, набросивъ шкуру молодого оленя (неблюя), опирался онъ на свой завѣтный жезлъ или тирсъ; формы его были почти женственно - мягки. Легкій, ублажающій хмелекъ наполняетъ бога своей вдохновительной, горегонной силой, а въ глазахъ у него между-тѣмъ что-то грустное, какъ веселая пора сбора винограда совпадаетъ съ грустью по блекнущей зелени; богъ изступленной радости природою царитъ и посреди тѣхъ мистерій, которыя внушаютъ упованіе на лучшую жизнь по смерти. Сидячая статуя Вакха, но къ сожалѣнію безъ головы, сохранилась намъ отъ памятника Ораситу (320 г.). Изъ дружинной ватаги бога, изо всего отродья негодныхъ козолюбцевъ сатировъ и фавновъ, художническій смыслъ Праксителя создалъ привлекательнѣйшій образъ чувственнаго приволья въ лицѣ того юноши, у котораго отъ животности осталось только заостреное ухо, который, отдыхая на лѣвой ногѣ, слегка подалъ назадъ правую, лѣвою рукой оперся на лядвею, а въ правой, спокойно облокотивъ ее на древесный стволъ, держитъ флейту, — какъ будто бы еще вслушивается въ отзвукъ той музыки, которую сейчасъ только исполнялъ; это—«живой образъ сельскаго лѣтняго покоя во всей его ясности», говоритъ Штаръ (Stahr), замѣтившій въ искусствѣ Праксителя небывалый прежде вносъ подсмотрѣнныхъ у природы полужапровыхъ мотивовъ. То-же видимъ и въ его отрочески-тонкомъ Аполлонѣ, который, спокойно прислонясь къ дереву и поигрывая стрѣлою, смотритъ на вползающую къ нему ящерицу: любой Грекъ очень хорошо зналъ, что красивое это животное стоитъ въ близкой связи съ богомъ прорицаній.

Такъ Пракситель дѣйствительно былъ склоненъ изображать чисто-человѣческій элементъ въ полномъ обаяніи и счастьи юности; но было бы черезчуръ смѣло предполагать, что онъ вовсе неспособенъ къ потрясающему изображенію напасти и гибели, которыя обрушиваются иногда на пышно цвѣтущую жизнь, хотя и правда что Ніоба повидимому ближе подходитъ къ характеру Скопасовой художественности. Уже въ римскую эпоху знатоки колебались между обоими, и кто сталъ бы утверждать, что авторъ Вертера не могъ вмѣстѣ написать и Ифигеніи, поэтъ Фауста не могъ также воспѣть Германа и Доротеи? Притомъ до насъ дошли здѣсь только одни воспроизведенія, однѣ копіи. Вѣдь основная мысль греческой трагедіи та именно и есть, что величіе и счастіе ведутъ къ гордости и тѣмъ подготовляютъ себѣ неизбѣжные удары рока, но что вмѣстѣ съ этимъ изначальная высота природы заявляетъ

себя и среди гибели: не окаменѣла ли тутъ передъ нами одна изъ Софокловскихъ драмъ? Ніоба, запосчиво похвалившись своими семью сыновьями и семью дочерьми передъ Летоною, у которой всего было только двое дѣтей, Аполлонъ и Артемида, вдругъ видитъ что стрѣлы послѣднихъ сразили весь родъ ея, и съ горя каменѣетъ. Изъ невидимой дали сыплются стрѣлы-отместницы. Нѣсколько убитыхъ лежитъ уже на концѣ группы; одинъ изъ сыновей, припавъ на колѣни, хватается за рану рукой; меньшой хочетъ спрятаться къ своему пѣстуну; всѣ другія дѣти спѣшатъ на средину, къ матери. Между ними есть двѣ группы, каждая изъ брата и сестры: одна сестра, совсѣмъ позабывъ о собственной опасности, старается укрыть падающаго брата своей одеждой, тогда какъ тотъ, упершись лѣвою рукой въ большой камень, отважно смотритъ въ даль какъ бы съ вызовомъ на бой; напротивъ другая сестра, пораженная сама, съ тихой, скорбною покорностью опустилась какъ скошенный цвѣтокъ къ ногамъ брата, который ищетъ оборонить ее отъ вторичной стрѣлы обвернутою вкругъ руки одеждою;—тамъ братъ, здѣсь сестра, оба пали и оба охраняютъ своего спутника, но и въ невредимой еще фигурѣ каждой группы, и въ сраженной на смерть, половая своеобразность выявляется вполнѣ. Такъ дѣйствуютъ здѣсь заодно свобода индивидуальности и симметрическій распорядокъ. Если уже и во всѣхъ этихъ фигурахъ страсть умѣряется изяществомъ, то преимущественно въ лицѣ матери сдерживается она силой самообладанія. Возвышенный ея образъ очертанъ граціознымъ контуромъ, а въ поднятой вверхъ рукѣ, въ глядящей къ небу головѣ видно все величіе царицы; материнская любовь внушила ей дерзновенное слово, и всилу той же самой любви привлекаетъ она теперь подъ свою защиту младшее дитя. Олицетворенной скорбью смотритъ она на небо, какъ будто бы еще отстаивая у боговъ свои права, но чувствуетъ мощь вѣчной справедливости и съ достоинствомъ умѣетъ принять судьбу свою. Такъ же далекая отъ строптивости, какъ и отъ сокрушающаго вконецъ страданья, она задумана въ тотъ самый мигъ, когда слезы готовы прорваться у ней потокомъ, но она еще властна сдержать себя, и скорбь становится ей искупленіемъ. Mater dolorosa (скорбящей богоматерью) античнаго искусства назвалъ ее Фейербахъ, а по замѣчанію Велькера идеальность состоитъ здѣсь именно въ томъ, что разнообразныя движенія души взаимно ограничиваютъ и смягчаютъ другъ друга въ цѣлую совокупность одного глубоко-гармоническаго дѣйствія.

Торсъ одного упавшаго на колѣни мальчика, котораго отбитыя руки поднимались въ молебно-оборонительной позѣ, названъ былъ Иліонеемъ по имени младшаго сына Ніобы и пріуроченъ къ этой группѣ. Овербекъ считаетъ его Троиломъ. Обходящему вокругъ его зрителю онъ представляется изящнымъ отовсюда; фигура его очеркнута самыми нѣжно-изгибистыми линіями, и онъ во всякомъ случаѣ подлинное произведеніе какого-нибудь мастерского греческаго рѣзца.

Фризъ хорагическаго памятника Лисикрату служитъ явнымъ свидѣтельствомъ того, какъ дорожили Греки въ своихъ миѳахъ идеею, и какъ съ точки зрѣнія различныхъ искусствъ придавались ей и разные совсѣмъ облики; я объяснилъ уже въ своей «Эстетикѣ», что изъ сравненія гомеровскаго гимна съ этимъ изваяніемъ можно понять особую своеобразность поэтической

и пластической передачи. Если тамъ Діонисъ уведенъ и закованъ въ цѣпи морскими разбойниками, но узы его падаютъ, корабль залитъ потоками вина, весь опутанъ виноградными лозами, самъ богъ оборотился въ рыкающаго льва, а разбойники прыгаютъ за бортъ и превращены въ дельфиновъ, то, замѣтьте, есть ли во всемъ этомъ хоть одинъ моментъ, который разомъ могъ бы онаглядить цѣлое, какъ оно передается здѣсь въ разсказѣ? Для того чтобъ изобразить могущество и величіе бога во всей ихъ нерушимости, да вмѣстѣ выставить и казнь постигшую нечестивцевъ, ваятель, напротивъ, остается на сушѣ, край морского берега. Прислонясь къ камню на утесѣ, молодой Діонисъ беззаботно играетъ себѣ со львомъ, который добирается до винной чаши; по бокамъ, здѣсь спокойно сидитъ отдыхающій Сатиръ, а тамъ собратъ его достаетъ новаго питья изъ большого жбана, тогда какъ другіе сбиваютъ съ ногъ нападающихъ разбойниковъ, жгутъ ихъ свѣточами, сѣкутъ тирсами и прогоняютъ въ море, двое уже въ волнахъ его, и уже съ дельфиньими головами вмѣсто прежнихъ; вся борьба обработана съ свѣжимъ юморомъ какъ забавная сатировская драма, въ противоположность невозмутимому счастію вѣчно-блаженнаго божества.

Мы не знаемъ, кто создалъ идеалъ Гермеса, но онъ дошелъ до насъ вполнѣ сохраннымъ въ бронзѣ и мраморѣ отъ позднѣйшей эпохи и неоспоримо принадлежитъ той порѣ, о которой ведемъ мы рѣчь. Его члены, закаленные гимнастикой, тощѣе полныхъ юношеской силы членовъ Аполлона или женственно пухлыхъ членовъ Діониса; рѣзкія черты лица обнаруживаютъ въ немъ не идеальное вдохновенье, а смѣтливость зоркаго наблюдателя; не повелительнаго слова владыки, а остроумной, діалектически-ловкой рѣчи ждемъ мы отъ этихъ тонкихъ губъ съ ихъ лукавой улыбкою. Мы не знаемъ кто создалъ ронданиновскую маску Медузы, но думаемъ, вмѣстѣ съ Геттнеромъ, что она принадлежитъ этому же періоду. Тутъ удалось художественно разрѣшить гнусность прежней каррикатуры. Благородная изначала природа не теряетъ свойственной ей красоты даже и среди порывовъ одичалаго своеволія, даже и среди предсмертныхъ страховъ; мы видимъ передъ собой лицо, охваченное боязнью смерти въ самый мигъ беззавѣтнаго наслажденія; съ несказанно-грустнымъ выраженіемъ устремленъ гаснущій взоръ въ неопредѣленную даль; губы, охвативъ темную надь рта, такъ и ловятъ послѣднія дыханія исчезающей жизни; змѣи вьются по волосамъ какимъ-то зловѣщимъ головнымъ уборомъ, и зритель невольно прикованъ къ этому печальному образу, какъ къ лику заходящаго въ тучу солнца. — Надо еще упомянуть о колосальномъ мраморномъ львѣ, стерегущемъ при Херонеѣ могилу тѣхъ Эллиновъ, которые не захотѣли пережить свою независимость и свободу.

Скажемъ взаключеніе вмѣстѣ съ Вейсе, что кореннымъ ядромъ содержанія, смысла и значенія миѳологіи вездѣ можетъ быть одинъ только пережитый людьми опытъ мощнаго владычества и дѣйствія духовныхъ силъ, изъ котораго возникаетъ весь нравственный порядокъ жизни миѳоздательныхъ народовъ, ихъ государство и гражданское общество, ихъ наука и искусство; —одинъ только пережитый опытъ творческихъ дѣлъ божественной многолюбовной воли, которою Создатель проникаетъ въ духъ народовъ, оплодотворяя его къ порожденію тѣхъ формъ нравственной жизнедѣятельности, какія

мы дѣйствительно находимъ у нихъ на лицо. Вотъ почему пластическіе идеалы боговъ, которыми вообще говоря завершается миѳологія и въ которыхъ идеи о божественномъ началѣ не только просвѣчиваютъ символическими намеками, но осуществляются наглядно и вполнѣ ясно, завѣренные печатью высшей красоты, — эти пластическіе идеалы служатъ намъ и свидѣтельствомъ и памятникомъ нравственнаго образованія, какъ самихъ художниковъ, такъ и породившаго ихъ общества, и конечно не будетъ преувеличеньемъ сказать, что мы видимъ въ нихъ эстетическую выработку единенія божественной природы съ человѣческой. Относительно всѣхъ божескихъ идеаловъ вообще дозволимъ мы себѣ повторить классическій отзывъ Гёте о Зевсѣ Фидія: «Когда художественное созданіе разъ на лицо, когда оно предстало «міру въ своей идеальной дѣйствительности, оно дѣйствуетъ продолжитель«но, дѣйствуетъ въ высшей степени сильно. Вѣдь духовно развиваясь изъ «совокупности разнообразныхъ силъ, оно принимаетъ въ себя все превос«ходное, все достойное любви и уваженья, и одушевляя собой человѣческій «обликъ возвышаетъ человѣка надъ нимъ самимъ, раскрываетъ передъ нимъ «всю сферу его жизни и его дѣйствій, и ставитъ его божествомъ для на«стоящаго, въ которомъ тутъ же совмѣщено и прошлое и будущее. Вотъ «какія чувства охватывали зрителей Юпитера олимпійскаго, какъ мы можемъ «выяснить себѣ изъ описаній, замѣтокъ и свидѣтельствъ самихъ древнихъ. «Богъ здѣсь вочеловѣчился, чтобы вознести человѣка къ Богу. Люди видѣ«ли передъ собой высшее достоинство и невольно восторгались высшею кра«сотой».

Чарующая эта сила овладѣла и Римлянами, когда они стали міровластительнымъ народомъ, такъ что они принялись усердно собирать въ своемъ городѣ родъ Пантеона эллинскихъ божествъ; эта чарующая сила ослабляла руку и побѣдоносныхъ Германцевъ и иконоборствовавшихъ христіанъ; большая часть прекрасныхъ ликовъ истреблена только низкой корыстью да естественными бѣдствіями; эту чарующую силу чувствовалъ и епископъ Хильдебертъ реймсскій вначалѣ XII-го вѣка, когда онъ пѣлъ про тогдашній Римъ:

> Сами небожители дивятся здѣсь небесной красотѣ,
> Желая уподобиться этимъ произведеніямъ искусства.
> Природа не смогла создать лика боговъ такимъ,
> Какимъ съумѣлъ создать его человѣкъ.
> Да, они живы, божественные эти образы и чтутся благоговѣйно,
> Больше изъ-за дивнаго искусства, нежели изъ-за божескихъ своихъ силъ

ЖИВОПИСЬ ЭТОГО ВРЕМЕНИ.

Древніе ощущали пластически, христіанскій міръ ощущаетъ живописно; и въ готическомъ и въ натуралистическомъ стилѣ средневѣковыхъ ваятелей, даже у самого еще Микель-Анджело, замѣчаемъ мы живописный пошибъ; напротивъ картины Грековъ отличались пластическимъ характеромъ. Пла-

стика — объективна, живопись — субъективна, потому что она передаетъ вещи не такъ какъ онѣ есть, но такъ какъ онѣ являются въ человѣческомъ глазѣ, взятыя и отраженныя съ извѣстной лишь точки зрѣнія; выраженіе углубленнаго въ себя внутренняго чувства, какъ оно сосредоточивается во взглядѣ, перевѣшиваетъ здѣсь ту тѣлесную красу, которой пластикъ достигаетъ только равномѣрнымъ разливомъ жизни по всему облику. Чувство природы у Грековъ не столько постигало взаимодѣйствіе предметовъ между собою, связывающее ихъ въ одно органически-одушевленное цѣлое, сколько хваталось напротивъ за какую-нибудь частность, чтобы подробно разработать ее въ подобіе той или другой человѣческой чертѣ или олицетворить въ человѣческомъ образѣ. Вѣдь сознается же и самъ Отфридъ Мюллеръ, которому такъ хотѣлось бы поставить античную живопись на одну доску съ пластикой, что тотъ многовѣщій сумеречный свѣтъ, какимъ затрогиваютъ намъ душу изящные пейзажи, представлялся Грекамъ, по духовному ихъ направленію, чѣмъ-то вовсе даже неподлежащимъ художественной разработкѣ. То же почти говоритъ и Лотце: «Цвѣты все-таки были гораздо цѣннѣе въ «вѣнкѣ, украшавшемъ человѣческую голову, нежели на кустѣ, носившемъ «ихъ въ тиши безлюдья, и тотъ отзывъ, который вложенъ Платономъ въ «уста Сократу, что не деревья научаютъ его чему-нибудь, а люди, конечно «выражаетъ чувство общее всѣмъ Эллинамъ, для которыхъ человѣческое «общество стояло несравненно выше всякаго погруженія въ красы природы. «Ни живопись, ни поэзія не смотрѣли у нихъ слишкомъ благосклонно на «пейзажъ; тамъ гдѣ изображеніе игривой природы можетъ уяснить чувства «человѣческія, мы видимъ что поэты, начиная уже съ Гомера, способны «мастерски обрисовать ее въ немногихъ мѣткихъ чертахъ; но она была «бы для нихъ просто ни чѣмъ, не достигай краса ея полной своей жизненности въ настроеніи услаждающагося ею человѣка. Слова, которыми Го«меръ поистинѣ прекрасно и глубокотрогательно заключаетъ свое краткое «описаніе звѣздной ночи: «и сердечно радуется ей пастухъ» — эти слова «передаютъ намъ коренной завѣтный звукъ греческаго чувства, для котора«го не только все великолѣпіе небесное вращалось вокругъ твердо-стоящей «земли, но и всѣ блага земныя предназначались единственно лишь въ при«красу человѣческому существованію». Древніе стояли и жили въ такой близкой связи съ природою, что не могли ни ощущать къ ней новѣйшаго сантиментальнаго влеченія, ни искать въ возвышеніи надъ ней — безконечности и свободы собственнаго духа. Отъ нихъ не ускользали ни миловидныя, ни возвышенныя ея черты; но ни въ поэзіи, ни въ живописи они никогда не изображаютъ пейзажа собственно изъ-за него, удивляя насъ однако яснымъ постиженіемъ предметовъ въ единичныхъ словахъ, которыми обозначаютъ ихъ какъ будто мимоходомъ, обстоятельно же излагаютъ одни только людскія дѣла и похожденія. Природа живетъ у нихъ въ глубинѣ души, но они ни мало надъ ней не раздумываются.

Даже и историческому изображенію Греки не давали никакого выдвигающаго фона, они не знали перспективно-углубленной группировки, а выводили на сцену свои фигурыповозможности ясно и цѣликомъ, ставя ихъ другъ подлѣ друга, какъ въ рельефахъ, и скорѣе избѣгая ракурсовъ, нежели ища ихъ; одинъ и тотъ же ясный день долженъ былъ озарять всѣ сплошь облики,

никакихъ особыхъ свѣтовыхъ или тѣневыхъ массъ не кидалось на цѣлыя группы, предметы не связывались между собою никакими переброспыми отраженіями; напротивъ Квинктиліанъ положительно говоритъ: когда художники изображаютъ на одной доскѣ нѣсколько предметовъ, то они раздѣляютъ ихъ такими промежутками, чтобы на тѣла не падало ровно никакихъ тѣней. Никакихъ чаръ свѣтотѣни, никакого пасмурнаго или яркаго утренняго или вечерняго освѣщенія не изливается на картину, чтобы придать ей особый, прямо говорящій душѣ, тонъ. Сочиненіе, рисунокъ совершенно подходятъ къ рельефу и поистинѣ превосходны; но тѣнь служитъ только для моделлировки и округленія формъ въ предѣлахъ контура, не болѣе. Красокъ не много, и притомъ вовсе не чувствуется то вліяніе, какое одна изъ нихъ испытываетъ отъ сосѣдства другой. Онѣ лежатъ рядомъ не слитными, и холодный блескъ воска или фреска на гладкой поверхности стѣны дѣйствуютъ здѣсь почти такъ же какъ гладкій лоснящійся листъ вѣчно-зеленаго дерева юга въ сравненіи съ густой и оттѣнистой зеленью сѣверной листвы. Пластичность перевѣшиваетъ стало-быть неразвившійся еще живописный элементъ.

До Персидскихъ войнъ упоминается только о просто раскрашенныхъ контурныхъ рисункахъ (очеркахъ). Но послѣ нихъ живопись въ композиціи и рисункѣ соперничаетъ силой мысли и характеристикой съ ваяніемъ. Первымъ великимъ мастеромъ явился Полигнотъ; переселенецъ въ Аѳины съ острова Ѳазоса, онъ былъ представителемъ собственно кимоновской эпохи. Въ Тезейонѣ, обще съ Микономъ, писалъ онъ между прочимъ и рельефные сюжеты, — битвы Аѳинянъ съ Амазонками и Кентавровъ съ Лапиѳами. Въ портикѣ Книдянъ въ Дельфахъ онъ изобразилъ въ цѣломъ рядѣ группъ, на отдѣльныхъ доскахъ, разрушеніе Трои и сошествіе Одиссея въ преисподнюю. Его стѣнопись въ картинницѣ передъ Пропилеями представляла всерединѣ судъ Грековъ надъ нечестивымъ поступкомъ Аякса съ Касандрою, далѣе влѣво—Астіанакса умерщвляемаго Неоптолемомъ, раззореніе стѣны Эпейемъ, похороны павшихъ Троянъ, а вправо — слезно вопящихъ Троянокъ и наконецъ Нестора снаряжающаго суда къ отплытію. Такая же композиція дошла до насъ на одной вазѣ, и по ней мы видимъ, какъ замысловато художникъ вывелъ на сцену все объемистое это дѣйствіе въ цѣлой чередѣ многозначительныхъ и характерныхъ притомъ группъ. Онъ былъ мастеръ высказывать крупныя мысли въ крупныхъ формахъ на обширномъ пространствѣ. Аристотель хвалитъ его наравнѣ со старшими трагиками за живопись «эѳоса», то-есть характера въ его сущности и нравственномъ настроеньи. Онъ ограничивался еще очень простыми средствами: употреблялъ всего четыре краски для заполненія контуровъ; подъ складками одеждъ, тѣлоочертанія обозначались у него для большей видимости тонкими линіями. На Полигнота можемъ мы смотрѣть какъ на Джотто или на Орканью древности. На ряду съ нимъ братъ Фидія, Пане́нъ, написалъ въ аѳинской живописной галереѣ битву подъ Мараѳономъ; и это опять была картина прогрессивной, постепенно усиливающейся жизни: слѣва Мильтіадъ возбуждалъ на бой, далѣе начиналась схватка, за тѣмъ слѣдовала побѣда, рѣшенная появленіемъ боговъ и героевъ, и наконецъ справа изображалось бѣгство Персовъ къ кораблямъ. И здѣсь, ни дать ни взять какъ въ пластикѣ, очевиденъ эпическій характеръ. Діонисій Галикарнасскій говоритъ: «Стѣнописныя картины были совершенны по ри-

«сунку, пріятны по сопостановкѣ красокъ, и во всемъ далеки отъ такъ-на-«зываемыхъ мелочныхъ прикрасъ.»

Вникновеніемъ въ законъ перспективы и примѣненіемъ его къ сценической декораціи живопись во второй половинѣ 5-го вѣка обязана Агаѳарху, тогда какъ съ другой стороны Аполлодоръ заслужилъ прозвище «тѣневого живописца», потому что первый ввелъ постепенности свѣта и тѣни въ колоритѣ и старался посредствомъ моделлировки придать тѣлу видъ округлости. Съ тѣхъ поръ, говоритъ Плиній, возникаетъ слава живописной кисти, и во время Пелопоннесской войны особенно іонійская школа въ Малой Азіи переходитъ отъ стѣнной живописи къ тавлейной или дощатой и прежде всего ставитъ себѣ цѣлію вѣрное подражаніе природѣ, обманъ чувствъ, такъ что напримѣръ Зевксисъ соблазняетъ птицъ своими гроздьями винограда и колосьями, а Парразій обманываетъ и самого Зевксиса написанною имъ завѣсой. Главнымъ дѣломъ становится не передача характера высокихъ личностей, а умѣнье пріятно или трогательно выразить какое-нибудь состояніе души или особенное положеніе, точь въ точь какъ у Эврипида; а это даетъ уже мѣсто жанру и въ содержаніи и въ замыслѣ. Подобно Венеціанцамъ, Зевксисъ ищетъ передать въ отдѣльныхъ фигурахъ, въ увѣнчанномъ цвѣтами Эротѣ, въ нагой Еленѣ, въ Атлетѣ, изящество, грацію и силу человѣческаго тѣла спокойнымъ развитіемъ его членовъ; тогда какъ Парразій превосходитъ соперника въ психологической наблюдательности и умѣетъ выбрать тончайшую линію для обрисовки самыхъ тонкихъ внутреннихъ ощущеній. «Имѣя при этомъ въ виду, что для всѣхъ главныхъ особенностей выраже-«нія, аффектовъ и дѣйствій греческое искусство выработало себѣ опредѣ-«ленныя формы передачи въ минахъ лица, въ постановкѣ и движеніи, напо-«добіе постоянной терминологіи въ словѣ, мы конечно вправѣ догадываться «что, всилу всей художественной своеобразности Парразія, онъ оказалъ въ «этомъ рѣшительное вліяніе и на другихъ.» (Брунпъ). Полигнотъ былъ такой же идеалистъ, какъ въ наше время Корнеліусъ, и изображалъ постоянный характеръ личности болѣе въ крупныхъ, неизмѣнныхъ его чертахъ; Зевксисъ и Парразій были напротивъ реалисты, подобно нынѣшнимъ французскимъ мастерамъ: они открыли тайну настоящей живописной обдѣлки, слѣдя за выраженіемъ индивидуальности даже и въ мимолетнѣйшихъ ея движеніяхъ. И здѣсь опять видимъ мы примѣръ тому, какъ часто въ исторіи новое настаетъ въ противоположность старому, и какъ потомъ изъ упорной ихъ борьбы возникаетъ высшее, опосредствованное единство, которое и прійдется намъ привѣтствовать въ лицѣ Апеллеса, Филоксена и другихъ. Уже у Тиманоа замѣчаемъ мы стремленіе не только что потѣшить глазъ, но вмѣстѣ возбудить и душу: изображая жертвоприношеніе Ифигеніи, онъ вызывалъ участіе и скорбь, но отцу героини закуталъ между тѣмъ голову, чтобы въ лицѣ его не выдать какъ-нибудь такого выраженья, которое легко могло перейдти за черту изящества; дополнить недосказанное его кистью предоставлялъ онъ самой возбужденной фантазіи зрителя.

Въ то же время, и до самой эпохи Александра Великаго, живопись процвѣтала въ сикіонской школѣ, гдѣ, опираясь на Поликлетову пластику, правила искусства преподавали научнымъ образомъ и довели до совершенства

рисунокъ. Какъ на настоящаго учителя, Эвпомпъ указывалъ здѣсь не на другихъ художниковъ, а на природу. За расположеніе и композицію особенно хвалили Меланѳія. Павсій славился своими цвѣточными картинами, писанными энкавстическимъ способомъ, то-есть вощаными красками, которыя для лучшаго сліянія разогрѣвались потомъ еще разъ на картинѣ. Ему удавались уже раккурсы, какъ видно изъ того, что онъ спереди изобразилъ жертвеннаго быка, идущаго прямо на зрителя.

У Ѳиванца Никомаха встрѣчаемъ мы идеальное опять направленіе, обращенное на героевъ и боговъ; а единоземецъ его, Аристидъ, особенно отличается глубиною чувства, пишетъ ли онъ молящагося или больную; онъ вообще умѣетъ мастерски изобразить всякое душевное состоянье, вызванное извѣстнымъ положеніемъ и, въ своихъ историческихъ картинахъ, — возбудить особенное участіе передачею психологическихъ отношеній: такъ напримѣръ, представляя разгромъ города, онъ среди ужасовъ опустошенія изображаетъ младенца беззаботно ловящаго грудь матери, тогда какъ она, видя близкій уже конецъ свой, боится одного, чтобъ дорогой ребенокъ не всосалъ съ молокомъ вѣрную смерть, какъ скоро ея самой дѣйствительно не станетъ. Въ знаменитой Альдобрандиніевской Свадьбѣ думали распознать Эхіонову «картину новобрачныхъ»; композиція развернута ясно, и превосходно передано выраженіе стыдливости съ одной стороны и пламеннаго вожделѣнія съ другой: чувства эти такъ и сквозятъ въ каждой фигурѣ. Напротивъ, Эвфраноръ былъ чистѣйшій натуралистъ; самъ онъ мѣтко отличалъ свой колоритъ отъ нѣжнаго іонійскаго извѣстнымъ отзывомъ, что Тезей Паррасія выращенъ на розахъ, а его собственный—на говядинѣ; въ передачѣ дѣйствій онъ особенно билъ на внѣшнюю ихъ сторону, болѣе на тѣлесное напряженье, нежели на духъ, какимъ обусловливалось и руководилось то либо другое дѣйствіе. Но при этомъ онъ стремился къ величавому достоинству, тогда какъ Пикій придавалъ своимъ фигурамъ видъ совершенной тѣлесности и искалъ всегда значительныхъ сюжетовъ, которые давали бы художнику благопріятные мотивы въ изобиліи.

Если мы обратимъ вниманіе на живопись вазъ этой поры, то за первую ея половину найдемъ и здѣсь великое эпическое богатство, сцены богатырскихъ былинъ или боевыхъ упражненій, красныя фигуры на черномъ фонѣ, отличающіяся вначалѣ терпкой строгостью, потомъ все болѣе и болѣе свободныя и изящныя, такія, какими мы воображаемъ себѣ Полигнотовы, говорящія много при всей ограниченности своихъ средствъ, схватывающія самую суть дѣла и ясно ее высказывающія. Далѣе находимъ мы здѣсь грацію, спокойную сопостановку нѣсколькихъ фигуръ, съ тѣмъ чтобы выразить извѣстное внутреннее чувство въ пріятномъ или трогательномъ положеніи, — нѣчто близкое къ лирическому направленію пластики и живописи, наставшему вслѣдъ за Пелопоннесскою войною. Здѣсь многое такъ превосходно по мотивамъ и замыслу, что нельзя не признать въ немъ если не прямого воспроизведенія, то по крайней мѣрѣ живого отголоска великихъ художественныхъ созданій, и во всякомъ случаѣ нельзя не увидать тутъ народа, жившаго созерцаніемъ по преимуществу, нельзя не увидать такой поры, когда художественность и чутье къ изящному — распространились даже и въ кругу

ремесленнаго люда. Опираясь на свой миѳъ, Греки и тутъ провели бездну поэтическихъ мыслей въ обстановку своей повседневности, они запечатлѣли ими домашнюю даже утварь.

Переходя наконецъ къ чекану монетъ, мы найдемъ что вначалѣ онъ отличался строгостью и простотою, болѣе свободныхъ формъ достигъ въ богатыхъ городахъ Сициліи, а въ 4-мъ вѣкѣ развился, какъ тамъ, такъ и въ собственной Элладѣ, до полнаго совершенства, замысловатостью и отчетливостью своихъ изображеній, умѣщавшихся, разумѣется, на самомъ тѣсномъ пространствѣ.

ФИЛИППЪ И ДЕМОСѲЕНЪ.

Теперь погибла уже въ Греціи необходимая основа античной свободной общины, — равенство образованья, строгость нравовъ, общественный духъ и готовность каждаго единичнаго лица жертвовать своими видами для цѣлаго. Ѳивы поднялись навремя не народной силою, а доблестью двухъ великихъ дѣятелей, и по смерти Эпаминонда и Пелопида не смогли удержаться на достигнутой при нихъ высотѣ; прежнія братства или товарищества существовали уже не для патріотической дѣятельности, а для роскошныхъ складчинныхъ пирушекъ. Попытки Платона и Діона преобразовать тиранію Діонисія старшаго и младшаго во льготную для народа и опредѣленную закономъ царскую власть не удались особенно по непрактичности Платонова идеализма: вмѣсто немедленной организаціи государства, какъ бы слѣдовало, философъ настаивалъ на томъ, чтобы властитель изучилъ напередъ мудрость, исправился и сталъ добродѣтельнымъ лично самъ. Тимолеонъ, такъ же всегда готовый къ бою какъ и побѣдоносный, столько же счастливый какъ и благородный, освободилъ Сицилію и отрекся отъ царскаго вѣнца, разрушилъ крѣпостной за̀мокъ и выстроилъ на мѣсто его судебную храмину; но къ сожалѣнію граждане совершенно уже отвыкли сами вести собственныя свои дѣла; отдавшись исключительно наживѣ и наслажденію, они не могли обойдтись безъ верховнаго владыки. И вотъ онъ явился для всей Греціи въ лицѣ македонскаго царя.

Македонцы были въ сущности тѣ же Эллины; цари ихъ слыли за Ираклидовъ и имѣли доступъ къ греческимъ общенароднымъ празднествамъ; по берегу моря процвѣтали у нихъ греческія колоніи, благодаря своимъ постояннымъ связямъ съ нутренымъ краемъ, и были средоточіемъ высшей образованности въ то время, какъ у самихъ Македонянъ крѣпко держалось еще преданіе древне-богатырскихъ временъ, и воинственное рыцарство всегда было готово на помощь царю и совѣтомъ и дѣломъ; къ нему примыкали поселяне, въ качествѣ вольныхъ собственниковъ; и въ важнѣйшихъ случаяхъ считалось необходимымъ общее ихъ согласіе, какъ согласіе народа у Гомера. Всѣ расчитывали на

личное мужество, на личныя способности царя. Со времени Персидскихъ войнъ Македоняне завѣдомо стояли уже въ тѣсной и живой связи съ Элладой. При дворѣ царя ихъ Архелая нашелъ себѣ ласковый пріемъ Эврипидъ, а Зевксисъ расписывалъ дворцовые его покои; тамъ были въ ходу искусство и наука, и Платонъ отзывается объ Архелаѣ такъ: «Обращеніе съ мудрыми сообщаетъ мудрость самимъ властителямъ.» Аминтасъ II продолжалъ идти тѣмъ же путемъ, а Филиппъ озадачилъ уже и самихъ Аѳинянъ величавостью своихъ пріемовъ и блестящимъ образованіемъ. Племенамъ, на которыя распространилъ онъ свою власть, этотъ государь предоставилъ заправлять всѣми внутренними дѣлами по ихъ собственнымъ обычаямъ и законамъ, но стремился стать во главѣ Грековъ и для этого всѣ средства считалъ дозволенными, — будь то подкупъ, насиліе или хитрость, все равно. Юношей жилъ онъ въ Ѳивахъ и взялъ себѣ Эпаминонда въ образецъ своей организаторской и ратной дѣятельности; онъ составилъ войско, въ которомъ связалъ въ одно готовое къ бою и подлинно неодолимое цѣлое всѣ своеобразности Македонянъ, Ѳессалійцевъ, Грековъ въ видѣ тяжелой и легкой конницы, сомкнутой фаланги и подвижной, разсыпной пѣхоты. Когда Фокійцы расхитили дельфійскій храмъ и вели потомъ десятилѣтнюю войну за награбленныя тамъ сокровища, когда священные вѣнки стали украшать головы распутницъ, то это не только подвергло осмѣянію вѣру предковъ и распространило тотъ софистическій взглядъ, что религія нужна единственно лишь для обузданія черни, но вмѣстѣ и послужило предлогомъ царю Филиппу выступить защитникомъ святыни и водворителемъ мира въ Греціи. Даже такіе честные люди какъ Фокіонъ могли тогда видѣть единственное спасеніе для края только въ полюбовной сдѣлкѣ съ Филиппомъ. Осмотрительность, мужество, неутомимая дѣятельность, съ какими онъ преслѣдовалъ свою цѣль, пока не одолѣлъ Ѳивянъ и Аѳинянъ и не заставилъ провозгласить себя верховнымъ вождемъ Греціи, возбудили удивленіе даже и со стороны его враговъ. Когда, бывъ назначенъ главнымъ военачальникомъ противъ Персовъ, онъ приказалъ внести въ народное собраніе свой собственный ликъ на ряду съ ликами двѣнадцати божествъ, его поразила Немезида, и кинжалъ убійцы какъ нарочно напомнилъ ему о его смертности.

Въ борьбѣ противъ него греческое краснорѣчіе показало въ лицѣ Демосѳена всю роскошную свою силу. Свойственное древнимъ природное величіе соединялось у этого человѣка съ законченнымъ искусствомъ, и онъ бралъ не выточеною школьною фразой, а глубокимъ вникаіемъ въ суть дѣла, обширнымъ знаніемъ политическихъ отношеній и людей. Государственный дѣятель его пошиба явился какъ народный витія наставникомъ народа, подобно великимъ поэтамъ; только онъ представлялъ идею не въ миѳической оболочкѣ, въ угоду сердечному чувству и фантазіи, но указывалъ въ ходѣ современной ему исторіи нравственный міропорядокъ и прояснялъ взглядъ слушателей на дѣйствительность. Этотъ свѣтски-реальный элементъ, эта острота разсудка отличаетъ его отъ высокихъ пророческихъ фигуръ, которыя ободряли и утѣшали израильскій народъ съ религіознымъ вдохновеніемъ, научая его познавать пути Божіи, тогда какъ по любви къ родному краю и по великодушію онъ приходится имъ неоспоримо сродни. Осиротѣвъ въ ранней порѣ жизни, этотъ юноша, у котораго духъ переросъ тѣло, былъ вынужденъ необходимою заботой о собственныхъ дѣлахъ приняться за воздѣлку своихъ способностей;

на ряду съ ораторами изучалъ онъ преимущественно Ѳукидида и тѣмъ самымъ почерпнулъ идеалъ своей политики въ Перикловскихъ Аѳинахъ, —идеалъ такого государства, которое самосознательная мысль ведетъ однимъ только убѣжденіемъ, котораго интересъ каждый гражданинъ считаетъ личнымъ своимъ дѣломъ, готовый положить за него жизнь. Свой голосъ, свою дикцію и мимику выработалъ онъ съ большимъ трудомъ, поучаясь у актеровъ, такъ какъ эстетическій вкусъ Аѳинянъ придавалъ очень высокую цѣну внѣшности. Чрезвычайная живость его изложенія напоминаетъ собой драматическую поэзію, такъ же какъ потрясающій паѳосъ — трагедію, и какъ всегда готовое остроуміе, какъ способность рѣзко обрисовать любой характеръ — комедію; его манера обращаться къ слушателямъ, къ противникамъ, предлагать имъ вопросы и отвѣчать потомъ съ ихъ же точки зрѣнія, представлять все какъ бы сущимъ налицо, стоящимъ передъ глазами, приводить документы въ видѣ личныхъ свидѣтельствъ, — все это сообщало его слогу ту же непреодолимую увлекательность, какую Ланге или Гёце находили у драматурга Лессинга. Молодымъ тридцатилѣтнимъ человѣкомъ Демосѳенъ началъ свое общественное поприще съ того, что, разгадавъ предначертанія Филиппа въ самомъ ихъ зародышѣ, онъ совѣтовалъ противодѣйствовать имъ. Аѳиняне изстари унаслѣдовали обязанность стоять впереди всѣхъ за греческую свободу, и съ ними заодно, говорилъ онъ, должны подняться на защиту общаго отечества всѣ Эллины. Для этого нужны не одни только народные приговоры, но и самыя дѣла; для этого не достаточно наемниковъ, должно взяться за оружіе самимъ гражданамъ, и деньги, назначаемыя на религіозныя торжества, должны пойдти на спасеніе Эллинства. Удивительно какъ Демосѳенъ всегда умѣетъ воспламенить души къ высокимъ цѣлямъ и въ то же время подробно вникнуть въ предлежащія обстоятельства, изыскать лучшіе способы и мѣры къ достиженію этихъ цѣлей. Но тогдашнія Аѳины были гораздо болѣе настроены къ мирной наживѣ и наслажденію, чѣмъ къ усиленному напряженью, къ самопожертвованію на пользу отечества; изящества не любили уже въ той простотѣ, мудрости не любили уже съ той дѣятельною энергіей, какъ въ эпоху Перикла, и потребовалось много времени и много единичныхъ успѣховъ для того, чтобы народъ поднялся на высоту Демосѳенова воззрѣнія и предпочелъ славную гибель безславной жизни. Онъ хотѣлъ чтобы Аѳины, спасая самихъ себя, спасли вмѣстѣ и всю Грецію; онъ побудилъ своихъ согражданъ въ рѣшительный мигъ отстранить всѣ частные интересы, забыть всѣ оскорбленія и соединиться съ утѣсненными Ѳиванцами; единеніе всѣхъ Грековъ для общей независимости и чести, эта всеэллинская идея лежала у него на сердцѣ какъ ни у кого другого, и онъ неустанно говорилъ о необходимости ея осуществленія. Добро безпечныхъ всегда достается расторопнымъ,—это хорошо знаетъ Филиппъ; въ виду такого человѣка, мало слѣдовать за событіями, надобно опережать ихъ, чтобы не выпустить изъ своихъ рукъ. «Мнѣ сдается, Аѳиняне, сказалъ онъ однажды, какъ будто какое-то божество, видя какъ дурно идутъ у насъ дѣла и стыдясь за Аѳины, нарочно «внушаетъ Филиппу неустанную его дѣятельность. Потому что удовлетворись «онъ своими досельными захватами и поуспокойся хоть навремя, вѣдь многіе изъ васъ пожалуй и примирились бы съ такимъ состояніемъ, которое «нанесетъ однакожь стыдъ и позоръ нашему отечеству; но такъ какъ онъ

«безпрерывно затѣваетъ что-нибудь новое и стремится захватить все боль-«ше и больше, онъ быть-можетъ и пробудитъ васъ ото сна, если вы не вко-«нецъ еще замерли».

Главнымъ ораторомъ македонской партіи былъ Эсхинъ, который изъ актеровъ и переписчиковъ вышелъ неослабнымъ трудомъ въ государственные люди; изложеніе его отличается удивительно-тонкимъ расчетомъ, но у него менѣе нравственнаго достоинства и живости чѣмъ у Демосѳена. Онъ задумалъ оспорить у послѣдняго, въ Александрово уже время, присужденный ему народомъ гражданскій вѣнокъ, и для этого, судя по исходу дѣлъ, изобразилъ весь вредъ, какой нанесла государству воинственная его политика. Это мастерское въ своемъ родѣ нападеніе закончилъ онъ словами: «О вы, земля и солн-«це, о вы, добродѣтель, разумъ и образованіе, вслу которыхъ мы разли-«чаемъ добро отъ худа, я сдѣлалъ съ своей стороны что́ могъ!» Это вѣдь такъ и отдаетъ Эврипидомъ, тогда какъ напротивъ молитва, которою Демосѳенъ началъ свою защиту, живо напоминаетъ Софокловскую вѣру въ нравственный міропорядокъ. Онъ хочетъ, чтобы о дѣятельности его судили не по независящему отъ насъ исходу, а по тому убѣжденію, на которомъ она была основана; даже и послѣ Херонейской битвы онъ все-таки готовъ поздравить Аѳинянъ съ тѣмъ, что они пошли тогда путемъ чести, (а не малодушной уступчивости). «Что́, спрашивалъ онъ, долженъ былъ говорить и предлагать въ «Аѳинахъ такой совѣтчикъ какъ я, зная что, вплоть до самаго того дня какъ «я взошелъ на ораторскую каѳедру, отечество всегда боролось за честь и «славу, всегда домогалось высшей изъ наградъ, зная что городъ нашъ про-«лилъ болѣе крови своихъ гражданъ, потратилъ болѣе сокровищъ за общее «благо, нежели какой-либо изъ греческихъ городовъ принесъ въ жертву за «свое существованіе? Развѣ не видалъ я, что Филиппъ, съ которымъ вели «мы борьбу, готовъ былъ за власть и первенство дать вышибить себѣ глазъ, «раздробить ключицу, изувѣчить руки и ноги, пожертвовать чуть не всѣми «своими членами, лишь бы только жить потомъ остальными въ славѣ и по-«чести? И конечно, никто не осмѣлится утверждать, что естественно было «человѣку, рожденному гдѣ-то въ ничтожной и безвѣстной Пеллѣ, глубоко «и крѣпко питать въ душѣ великіе помыслы и стремиться къ господству «надъ Элладой, а что вамъ, урожденцамъ Аѳинъ, гдѣ вы ежедневно видите «памятники своихъ предковъ, живо напоминающіе ихъ веледушіе, подобало «напротивъ унизиться до того, чтобы добровольно пожертвовать Филиппу не-«зависимостью отечества! Нѣтъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что будто «вы погрѣшили предпринявъ борьбу за свободу и спасеніе всѣхъ Эллиновъ, «клянусь вамъ именемъ предковъ, выдержавшихъ первый натискъ подъ Ма-«раѳономъ, именемъ противоставшихъ врагу при Платеѣ, именемъ тѣхъ кто «бился на морѣ при Саламинѣ и Артемизіонѣ, именемъ множества другихъ «героевъ покоящихся въ общественныхъ гробницахъ и похороненныхъ госу-«дарствомъ, которое удостоило всѣхъ ихъ одинаковой почести,—всѣхъ оди-«наковой, Эсхинъ, а не однихъ только тѣхъ, кому посчастливилось въ бою «и кто остался побѣдителемъ! И государство было справедливо. Потому «что всѣ они исполнили долгъ храбрыхъ, а то либо другое счастіе далось «каждому по волѣ божества».

Эти вдохновенныя слова Демосѳена были достойной надгробной рѣчью Элладѣ и ея независимости.

АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОТЕЛЬ.

«У азіатскихъ народовъ нѣтъ недостатка ни въ духовной дѣятельности, «ни въ художественномъ умѣньи, а между тѣмъ малодушно живутъ они въ «подданничествѣ и въ рабствѣ, тогда какъ энергическіе и легкоподвижные «Эллины, живучи свободно и поэтому хорошо управляясь, только соеди«нись они въ одну державу, могли бы тогда властвовать надъ всѣми варва«рами». Это написалъ Аристотель, величайшій изъ ученыхъ древности, приглашенный Филиппомъ воспитать его сына, который, обладая блистательнѣйшими дарами героя и властителя, считалъ себя избраннымъ выполнить на дѣлѣ эти слова. Воспитатель вызвалъ на свѣтъ удивительныя способности питомца, такъ что впослѣдствіи тотъ могъ самосознательно совершить все то, къ чему предназначала и влекла его природа. Молодой человѣкъ жилъ душой въ юношескомъ вѣкѣ своего племени, и какъ Македоняне остались еще вообще довольно близки къ богатырскому быту, то Иліада тѣмъ легче могла предложить ему въ поэтическій образецъ Ахилла,—образецъ, который онъ и старался всегда осуществить. Полная фантазіи философія исторіи проходитъ мѣроположно черезъ всю его дѣятельность. Ученіе Аристотеля о веледушіи въ Никомаховской Этикѣ не только знаменуетъ собой высшую точку античной нравственности, какъ бы въ противень тому что̀ Павелъ Апостолъ пишетъ къ Коринѳянамъ о любви христіанской, но оно очевидно все задумано по отношенію къ Александру Великому и старается воодушевить его, держа передъ нимъ зеркало высокаго идеала. Между самоунижающимся и не знающимъ цѣны себѣ малодушіемъ, которое не считаетъ себя достойнымъ даже и заслуженнаго имъ добра, боязно воздерживается отъ прекрасныхъ подвиговъ и добровольно отрекается отъ благъ внѣшняго міра, и между гордыней, которая въ безразсудной надменности, безъ всякой внутренней высоты, ставитъ себѣ преувеличенную цѣну, а потомъ оканчиваетъ всегда посрамленіемъ, стоитъ золотою серединой веледушіе, которое и оказывается и считаетъ себя достойнымъ всего высокаго и прекраснаго. Истинно-веледушный человѣкъ долженъ быть добръ и благороденъ, иначе онъ не достоинъ славы и чести, этихъ наградъ добродѣтели; вѣдь высшее изъ внѣшнихъ благъ это—честь, оттого мы и воздаемъ ее богамъ небеснымъ, а веледушный человѣкъ живетъ въ чести́ и относится къ ней какъ слѣдуетъ. Веледушіе настоящая краса добродѣтелей: оно и возвышаетъ ихъ, и само не можетъ безъ нихъ обойдтися. Оттого и трудно быть веледушнымъ, что это невозможно безъ

истиннаго благородства чувствъ, что лишь добро и изящество въ самомъ дѣлѣ достойны славы. Веледушному свойственно величіе во всякой добродѣтели, —превосходство какъ въ мужествѣ, такъ и въ чувствѣ правды. Видя себѣ почетъ отъ добрыхъ людей, онъ радъ этому, но всегда въ мѣру, какъ чему-то по праву ему принадлежащему, даже какъ чему-то меньшему того, чего онъ заслуживаетъ, такъ-какъ вѣдь и почетъ не достаточная еще награда совершенной добродѣтели. Почетомъ отъ перваго встрѣчнаго и изъ-за какой-нибудь малости онъ просто пренебрежетъ. Также точно и бранью, которая не можетъ справедливо на него обрушиться. Онъ презираетъ обиды и не помнитъ причиненнаго ими зла. Онъ умѣренно относится къ богатству и сильной власти, не слишкомъ торжествуетъ въ счастіи и не слишкомъ скорбитъ въ несчастьи. Но счастіе придаетъ веледушію новыя силы. Высокій родъ, могущество и богатство значительно выдвигаютъ насъ передъ прочими, и чѣмъ болѣе кто надѣленъ внѣшними благами, тѣмъ болѣе бываетъ онъ почтенъ. Но подлинно только вѣдь добродѣтель даетъ право на почести, а безъ добродѣтели, даже и при завидныхъ дарахъ счастья, не находимъ мы ни настоящей имъ оцѣнки, ни веледушія; да трудно и носить счастіе съ достоинствомъ, не имѣя достоинства въ душѣ. Далѣе, одно изъ свойствъ веледушнаго человѣка состоитъ въ томъ, что онъ не подвергаетъ себя опасности изъ-за бездѣлицъ; но въ важныхъ дѣлахъ не постоитъ ни за чѣмъ, въ крайнемъ случаѣ не пощадитъ даже собственной жизни, потому-что не дорожитъ ею самой въ себѣ. Онъ скорѣе готовъ благотворить нежели принимать благодѣянія, не любитъ ни о чемъ просить, но самъ охотно оказываетъ услуги; онъ гордъ съ высокопоставленными лицами и снисходительно привѣтливъ къ менѣе осчастливленнымъ судьбой. Онъ рискуетъ своей силой только изъ-за чего-нибудь важнаго, рискуетъ рѣдко, но всегда имѣя въ виду великую и достохвальную цѣль. Правда для него выше всякаго призрачнаго блеска, онъ откровененъ и въ словѣ и въ дѣлѣ, и въ ненависти и въ любви. Онъ отнюдь не захочетъ жить по волѣ другого, развѣ по волѣ своего искренняго; льстецъ вѣдь чистый наемникъ, и одинъ низкій человѣкъ можетъ быть льстецомъ; а веледушный за похвалами не гонится. Притомъ онъ смотритъ не столько на пользу, какъ на красоту. Онъ въ полной мѣрѣ щедръ, и щедръ охотно. Онъ любитъ блескъ на широкую руку и тамъ гдѣ онъ приличенъ, то-есть чтобы и дѣло стоило потраченныхъ издержекъ и издержки достойно отвѣчали дѣлу; потому-что все величаво-прекрасное удивительно, будь то сооруженіе храма, устройство народнаго праздника или брачнаго торжества. Но самъ онъ вполнѣ безкорыстенъ, и приносимыя имъ жертвы подобны тѣмъ вкладнымъ дарамъ, которые благоговѣйно ставятся въ храмы божіи. Къ Александру же должно отнести и слѣдующее мѣсто въ Аристотелевой «Политикѣ»: Между отличнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ таже разница, что между прекраснымъ въ искусствѣ и въ природѣ: тамъ въ одномъ совмѣщено то, что̀ здѣсь разнесено по частямъ на многое. Но если кто-нибудь одинъ на столько превосходитъ другихъ доблестью и мощью, что мощь и доблесть всѣхъ прочихъ нейдутъ тутъ и въ сравненіе, то на него нельзя уже смотрѣть, какъ на одну изъ частей государства, потому что въ отношеніи къ нему было бы несправедливостью равнять его въ правахъ съ другими, далеко ему не равными. Подобный человѣкъ долженъ по настоящему слыть какъ бы божествомъ меж-

ду людьми. Законы даются только для тѣхъ, кто равенъ между собой по рожденію и могуществу; для него же законъ не писанъ, онъ самъ себѣ законъ. Да смѣшна была бы и затѣя связать его законами; онъ отвѣчалъ бы на это тѣмъ же самымъ чѣмъ Антисѳеновъ левъ, когда зайцы вздумали требовать передъ нимъ равноправности всѣмъ животнымъ. Его не смогли бы ни низвергнуть, ни прогнать, да не покусились бы и управлять имъ; вѣдь это было бы все равно какъ если бы кто захотѣлъ повелѣвать Зевсомъ. Остается за тѣмъ одно, какъ оно естественно и бываетъ, — покориться ему доброй волею, чтобы подобный человѣкъ сталъ пожизненнымъ царемъ въ государствѣ.

Александръ предоставилъ греческимъ городамъ управленіе ихъ частными дѣлами, но, какъ блюститель мира внутри, какъ предводитель и глава союза, онъ сосредоточилъ силы ихъ противъ внѣшнихъ враговъ; онъ явился исполнителемъ общенароднаго приговора—довести до желаннаго конца завѣтную борьбу Европы съ Азіей, рѣшивъ ее побѣдоносно для Эллады. Къ ясному взгляду на жизнь и къ государственной мудрости отца присоединялась у него страстность, оргіастическая черта матери, такъ же какъ къ образованію по Гомеру привзошло образованіе аристотелевское. Онъ приноситъ жертву въ храмѣ Протесилая, который первый изъ Ахейцевъ ступилъ на троянскій берегъ и первый палъ подъ ударами врага; онъ устроиваетъ бѣгъ взапуски вокругъ Ахиллесовой могилы, кладетъ на нее вѣнокъ и громко говоритъ, что завидуетъ тому герою, который былъ храбрѣйшимъ изъ богатырей и нашелъ себѣ такого дивнаго пѣвца въ Гомерѣ. И, какъ истый герой Иліады, бросается онъ на единоборство прежде всѣхъ уже при Граникѣ, или при Иссѣ и Арбелѣ устремляетъ личныя свои нападенія туда именно, гдѣ стоитъ Персидскій царь, и самъ гонится за нимъ по горнымъ дебрямъ чтобы захватить его собственноручно, или, взобравшись первый на́ стѣну, одинъ одинёшенекъ соскакиваетъ въ городъ Малловъ *), или наконецъ идетъ по пустынѣ впереди всего войска и выливаетъ въ жгучій песокъ сосудъ принесенной ему воды, потому что не достанетъ же ея на всѣхъ воиновъ. А когда по взятіи Газы онъ прокалываетъ защитнику города, Батиду, ступни, привязываетъ обнаженное тѣло храбраго къ своей колесницѣ и влачитъ его за собой, какъ Ахиллъ Гектора, среди ликующаго войска, тогда и у насъ готова сорваться съ устъ укоризна Гомера: «страшныя въ мысляхъ дѣла затѣвалъ онъ». Александръ чувствовалъ себя въ живой связи съ миѳомъ, съ полнымъ фантазіи вѣрованіемъ прадѣдовъ: чтобы отмстить за сожженіе Аѳинъ онъ велѣлъ Аѳинянкѣ Ѳаидѣ бросить зажженный свѣточь въ чертоги Персеполя и принесъ въ искупительную жертву всѣхъ Милетинцевъ, оказавшихся потомками тѣхъ Бранхидовъ, которые выдали Ксерксу храмъ Аполлона и потомъ ушли за царемъ въ глубь Азіи; Александръ считалъ себя призваннымъ совершить надъ дѣтьми за вину отцовъ кару оскорбленнаго ими бога; и даже, когда, разгорячась виномъ, онъ бросилъ смертоубійственный дротикъ въ Клита, вѣрнаго товарища, нѣкогда спасшаго жизнь ему, онъ закуталъ себѣ голову передъ

---

*) Племя приганіской Индіи, на берегу рѣки Гидраота.

гнѣвнымъ Діонисомъ, который будто бы навелъ его на этотъ дикій поступокъ въ кару за опустошенье Θивъ.

Но полнаго блеска своего поэзія войны достигаетъ въ побѣдоносномъ его походѣ благодаря тому рѣдкому условію, что съ личною геройскою отвагой въ немъ соединялась смѣтливая зоркость полководца, что онъ составлялъ свои планы съ предусмотрительностью геніальнаго мастера, что умѣлъ вести и оживлять массы своимъ духомъ, умѣлъ быстро употребить въ дѣло каждый родъ оружія смотря по его своебразности, и однако оставлялъ при этомъ полный просторъ обнаруженію индивидуальнаго мужества и сноровки. Несмѣтныя разбитыя имъ полчища, отдаленные края, которые онъ покорялъ чуть не на лету, непреодолимое обаяніе собственной его личности,—все это дѣйствовало на воображеніе Эллиновъ, и созданія послѣдняго въ миѳѣ и въ искусствѣ померкли теперь передъ дивною дѣйствительностью. «Александръ «озадачиваетъ фантазію болѣе нежели всякая другая личность древняго міра «безпримѣрнымъ развитіемъ всего того, что составляетъ энергическую силу, «возьмемъ ли мы его какъ отдѣльнаго бойца или какъ организующую голову «и предводителя вооруженныхъ полчищъ; онъ озадачиваетъ не однимъ вѣдь «только бурнымъ пыломъ, какой Гомеръ приписывалъ Аресу, но вмѣстѣ и «тѣмъ благоразумнымъ, методическимъ, всеосиливающимъ соображеніемъ, «какое Гомеръ олицетворилъ въ Аѳинѣ». Такъ говоритъ даже и Гротъ, который вообще смотритъ на героя больше съ точки зрѣнія спеціальнаго эллинскаго республиканства*), чѣмъ со всемірноисторической, и въ противоположность свѣтлому Дройзенову образу уже черезчуръ накладываетъ тѣни, такъ что въ виду этихъ двухъ крайностей Шлоссерова умѣренная оцѣнка окажется чуть ли не всего вѣрнѣе. Вѣдь нельзя же упустить здѣсь изъ виду и того, что всѣ походы Александра неоспоримо распространяли культуру. Вездѣ основывалъ онъ города, пріюты греческаго образованія, которое изъ этихъ средоточій разливалось и на сосѣдство; онъ проложилъ новые пути обмѣну и товаровъ и мыслей, онъ расширилъ людской кругозоръ и относительно торговыхъ предпріятій, и относительно взглядовъ на природу. Только тутъ открылись глазамъ Грековъ Египетъ, Вавилонъ, Персія и Индія со всею ихъ давнею культурой; то, что добыли эти края, могло только теперь вполнѣ влиться въ общій потокъ образованія. Завоевательный походъ былъ вѣдь вмѣстѣ и ученою экспедиціей; онъ, подобно снаряженному для открытій путешествію, долженъ былъ изучить разныя земли и моря и ближе ознакомить другъ съ другомъ народы; воина вездѣ сопровождали художники и ученые. Тутъ мы конечно видимъ вліяніе Аристотеля, но Александръ сталъ выше своего пѣстуна, собственно ему принадлежащею идеей человѣчества. Онъ хотѣлъ не то чтобъ покорить Грекамъ Азію, но именно связать и слить ее съ Европой. Какъ разсѣкъ онъ Гордіевскій узелъ, такъ точно онъ разрушилъ сперва мечомъ завѣтныя перегородки между народами, а потомъ хотѣлъ совокупить ихъ въ одну міровую державу, и быть не завоевателемъ Азіи, а скорѣе ея царемъ. Онъ заявилъ это и во внѣшнихъ пріемахъ, обходясь съ своими Македонцами и въ полѣ и за чаркою вина какъ съ равными, а между тѣмъ

*) Аристократичнаго по самому существу.

нося персидское платье и допуская по восточному земные себѣ поклоны, или празднуя великое брачное торжество между народами, когда онъ самъ взялъ въ супруги Даріеву дочь, Статиру, и поженилъ своихъ воиновъ на прекраснѣйшихъ изъ Персіянокъ. Многіе были недовольны этимъ, желая властвовать надъ варварами, но отнюдь не соединяться съ ними. Тѣмъ съ бо̀льшимъ жаромъ привязался Александръ къ Гефестіону, раздѣлявшему его мысли на этотъ счетъ, и въ то же время гнѣвно отшатнулся отъ другихъ своихъ сподвижниковъ и, въ порывѣ самовластія, обрекъ смерти всѣхъ тѣхъ, кто дерзнетъ касаться его славы и противиться его замысламъ. Греки не возвысились еще до того, чтобы уважать въ человѣкѣ просто человѣка; только идея человѣчества, объемлющаго всѣ народы какъ равноправныхъ своихъ членовъ, могла положить начало истинно-гуманной культурѣ, тогда какъ эллинство носило въ себѣ зерно пагубы уже и тѣмъ, что свою общинную свободу возвело на основѣ рабства, и что вслѣдствіе того варварскій образъ чувствъ и мыслей выступалъ тамъ бокъ о̀бокъ съ изящнымъ нравообычаемъ. Александръ же, съ своей стороны, подготовилъ почву для христіанства, которое впервые послѣ незапамятнаго раздѣла племенъ возстановило первообразъ человѣка и человѣчества. Государственный бытъ греческихъ городовъ распался или уже готовъ былъ рушиться; тутъ-то Александръ и открылъ для любой отдѣльной личности новую жизненную сферу, и въ Азіи эти эллинскіе выходцы стали сѣменемъ богатаго будущностью броженія, тогда какъ у себя дома они дѣйствовали бы только какъ разъѣдающая тля; тѣ силы, которыя загубили бы себя въ домашнихъ усобицахъ, бывъ пересажены на свѣжую почву, пустили тамъ побѣги, обильные цвѣтомъ и плодомъ. Народы научились понимать другъ друга и обрѣли въ греческомъ языкѣ сподручный органъ взаимныхъ сношеній для того общаго образованія, которое должно было закончить древній міръ и стать исходною точкой новой жизни.

Но Александръ заплатилъ дань человѣческой слабости именно тогда, когда заявилъ притязаніе на божескую почесть, когда для водворенія общечеловѣческой идеи самъ сталъ дѣйствовать безчеловѣчно, и съ Филотомъ, съ Парменіономъ поступилъ какъ восточный деспотъ, а вовсе не по свободному и благородному обычаю Эллиновъ. Живя сердцемъ и душой въ древнебогатырскомъ мірѣ, онъ пожалуй и дѣйствительно считалъ себя прямымъ потомкомъ боговъ; его подвиги, его удачи, явное благоволеніе къ нему небесъ утверждали и его и народъ въ этой мысли; слылъ же вѣдь и Платонъ за сына Аполлонова, да и вообще въ духѣ того времени лежало стремленье увидѣть передъ собой наглядное осуществленіе единства божеской природы съ человѣческой, признать въ Богѣ общаго отца, а въ людяхъ дѣтей его. Азіатскіе народы, какъ и Египтяне, искони привыкли воздавать царямъ своимъ божескую почесть; Александръ примѣнился къ этому съ политическими видами, побудивъ Аммонова оракула привѣтствовать въ немъ сына Зевса. Но чувство неограниченнаго могущества и безпрерывнаго счастія вскружило тогда голову и ему, величіе и его увлекло къ гордынѣ: переступивъ за предѣлы Греціи, онъ сталъ позабывать ту мѣру, которая съ Солоновыхъ временъ была отличіемъ истиннаго гречества, и зараза охватила его душу. Не то чтобы, изнѣженный сладострастіемъ, онъ закутился до смерти; нѣтъ, онъ постоянно былъ готовъ на всякое тѣлесное и умственное напряженіе, у него

всегда доставало силъ на выполненіе обширнѣйшихъ плановъ: но льстецы постепенно замѣнили ему друзей, и если вскорѣ потомъ Греки унизились до такой степени, что обоготворяли лица, стоявшія невпримѣръ ниже Александра, то все же онъ далъ случай Каллисоену пасть мученикомъ за прямодушіе и человѣческое достоинство, и недавно еще — поводъ германскому историку Шлоссеру отозваться объ немъ въ томъ смыслѣ, что онъ могъ бы спасти и осчастливить міръ, будь судьбѣ когда-либо угодно, чтобы спасеніе приходило отъ богатыхъ и сильныхъ земли; всегда, напротивъ, пастухъ, сынъ плотника, нѣсколько бѣдныхъ рыбаковъ исцѣляютъ тѣ язвы человѣчества, которыя нанесены ему жестокою гордыней велемощныхъ.

Только въ вѣкъ Колумба кругозоръ образованныхъ народовъ росширился вдругъ настолько же, какъ при Александрѣ и черезъ него; естественно — замѣтимъ мы вмѣстѣ съ В. Гумбольдтомъ — «что міръ объектовъ предсталъ «тогда субъективному творчеству съ одолѣвающею, перевѣшивающею силой», естественно что главною задачею ума явилось теперь эмпирическое изслѣдованіе фактовъ въ области природы и исторіи, стараніе осилить изобильный этотъ матерьялъ, урядить его систематически и возвести къ первоначаламъ бытія и мысли, слѣдовательно вообще основать для человѣчества науку въ настоящемъ ея значеніи. И какъ нарочно родился во время подходящій для того геній, всеобъемлющій Аристотель,—il maestro di color che sanno, «учитель свѣдущихъ», какъ назвалъ его черезъ полторы тысячи лѣтъ Дантъ.

Платономъ-художникомъ окончательно завершилось народно-эллинское философствованіе; ученикъ его, достигнувъ самостоятельности, начинаетъ и по формѣ и по содержанію новое, космополитское, общечеловѣческое познаніе; какъ Александръ переступаетъ онъ за грань своеобразнаго гречества, чтобы основать всемірную державу. И природу и государство, и формы мысли и формы поэзіи, и чувственное и сверхчувственное, все вовлекаетъ онъ въ кругъ своихъ наблюденій, являясь вездѣ и эмпирикомъ и умозрителемъ въ одно и то же время. Прекрасное, какъ добро въ совершенной своей формѣ, было всего выше для Платона; Аристотель, напротивъ, стремился къ истинѣ, къ вѣрному уразумѣнію каждой вещи по ея видоразличію; для него главное—предметы въ ихъ дѣйствительности, реальное въ особомъ его свойствѣ; онъ не гонится за блескомъ и за прелестью изложенія, которое, исходя отъ единства идеи, подчиняетъ и совчиняетъ всѣ явленія ея ритмическому и гармоническому развитію. Онъ неутомимый собиратель фактовъ и высказанныхъ когда бы и кѣмъ бы то ни было ученыхъ положеній; за тѣмъ приступаетъ онъ къ критическому ихъ разслѣдованію, самъ выдвигаетъ впередъ трудности, сомнѣнія, старается ихъ разрѣшить, и опираясь на разнообразіе всѣхъ данныхъ, пріидти къ заключеніямъ насчетъ началъ, причины и цѣли міробытія. Ни кто ни прежде, ни послѣ него не имѣлъ такъ постоянно въ виду познать, существуетъ ли вещь въ самомъ дѣлѣ, что̀ она такое собственно, какъ именно она существуетъ и для чего. Мысль его такъ и снуетъ между всеобщими истинами разума и частными предметами опыта, восходя отъ послѣднихъ къ первымъ и выводя потомъ изъ первыхъ послѣдніе, такъ что это смыканіе единаго со многимъ, то, что̀ зовется научнымъ доказательствомъ, и есть собственно душа всей его дѣятельности, — дѣятельно-

сти, которую онъ не только что совершаетъ, но тутъ же тотчасъ и изслѣдуетъ, сводитъ въ правила и тщательно описываетъ; онъ — отецъ логики, какъ науки о методическомъ мышленіи и познаніи, и его особенно занимаетъ составленіе умозаключеній; понятіями же и сужденіями интересуется онъ настолько, насколько они входятъ элементами въ силлогизмъ. Трезвый въ своемъ наблюденіи, утонченно-точный въ своихъ видоразличеніяхъ и оцѣнкахъ любой вещи, онъ противостоитъ какъ реалистъ поэтическому идеалисту Платону, но онъ остается на одной съ нимъ основѣ, которую заложилъ Сократъ: идея — истинное бытіе и для него, только онъ смотритъ на нее не какъ на образецъ стоящій превыше всѣхъ чувственныхъ явленій, но осуществляетъ ее въ нихъ самихъ, видитъ присность единаго во многомъ. Сущность для Аристотеля не всеобщее лишь понятіе, а всегда что-нибудь единичное; для него существенъ именно субъектъ, какъ носитель всеобщихъ опредѣленностей; духъ для него не продуктъ, а производитель тѣхъ всеобщихъ помысловъ, тѣхъ вѣчныхъ истинъ, которыя путемъ познанія онъ себѣ выясняетъ, отчетливо сознаетъ. Аристотель не уходитъ въ подземный міръ идей, онъ хочетъ освоиться, осмотрѣться въ здѣшнемъ мірѣ, познать и во вселенной и въ человѣкѣ разумность, какъ нѣчто божественное, верховное, раскрыть особенный видъ цѣлесообразности въ каждомъ безъ изъятія существѣ: не даромъ Свида назвалъ его письмоводцемъ природы, обмакивающимъ прямо въ духъ перо свое.

Стародавній споръ о преимуществѣ Платона или Аристотеля рѣшилъ еще Рафаэль въ своей «Аѳинской школѣ»: въ средоточіи картины написалъ онъ рядомъ обоихъ философовъ,—Платона уже старцемъ, указывающимъ правою рукой на небо, — Аристотеля зрѣлымъ мужемъ, устремившимъ твердый и ясный взоръ къ землѣ. Такъ же почти характеризуетъ ихъ и Гёте въ своей «Исторіи Цвѣтоученія» (Geschichte der Farbenlehre), — слишкомъ мало извѣстномъ сокровищѣ, гдѣ въ развитіи одной частной науки отражается весь ходъ человѣческаго образованія: «Платонъ относится къ міру какъ блажен-«ный духъ, заблагоразсудившій пробыть въ немъ нѣсколько времени. Онъ «хочетъ не столько узнать его, сколько дружелюбно сообщить ему, что онъ «принесъ съ собой и въ чемъ міръ такъ нуждается. Онъ проникаетъ въ глу-«бины больше для того, чтобы наполнить ихъ существомъ своимъ, нежели «для того чтобы ихъ изслѣдовать. Его постоянно тянетъ въ высь, гдѣ онъ «жаждетъ возсоединиться съ своимъ первоначаломъ. Все что онъ ни гово-«ритъ относится къ единому вѣчно-цѣлому, благому, истинному, прекрас-«ному, что желалъ бы онъ пробудить въ каждой груди, въ каждомъ сердцѣ. «Аристотель, напротивъ, стоитъ къ міру въ отношеніи домостроительнаго «хозяина. Будучи разъ здѣсь, онъ здѣсь долженъ дѣйствовать и строить. «Онъ освѣдомляется о почвѣ, чтобы отыскать надежный кряжъ. Онъ намѣ-«чаетъ обширнѣйшій фундаментъ для своего зданія, свозитъ отовсюда ма-«терьялы, разбираетъ ихъ въ строгомъ порядкѣ, кладетъ наконецъ послѣ-«довательно звеньями, и такимъ образомъ восходитъ правильною пирамидой «вверхъ, тогда какъ Платонъ рвется въ небо подобно обелиску, возносится «подобно острому языку пламени».

Если мы останемся на минуту при Гётевскомъ образѣ, то Богъ будетъ у насъ вершиной, а матерія основою пирамиды Аристотелевой системы. Но такъ

какъ онъ вообще гораздо выше въ изслѣдованіи одиночнаго, частнаго, нежели во всеединящемъ развитіи органическаго цѣлаго, то по всѣмъ его сочиненіямъ вездѣ проходитъ двойственность (дуализмъ) содержанія и формы, Бога и міробытія. Если онъ въ одномъ мѣстѣ и положительно говоритъ, чтъ Богъ, какъ вѣчная жизнь и дѣятельность, есть вмѣстѣ источникъ, причина и цѣль всему, что Онъ все собой наполняетъ, что на этомъ началѣ держатся и небо и природа; то онъ все же нигдѣ не указалъ того, какимъ образомъ единичныя существа выходятъ или созданіемъ или самообособленіемъ единаго, онъ всетаки разумѣетъ Бога чисто опредѣляющею силою и дѣйственностью и противопоставляетъ ему опредѣляемое, только еще возможное и имъ лишь приводимое въ дѣйствительность, какъ вѣчную матерію, какъ основу природы. Полная дѣйствительность, завершонное въ себѣ существо, которое обрѣло цѣль своей дѣятельности, правда, упраздняетъ собой противоположность формы и матеріи, но все же сами по себѣ это два совсѣмъ разныя начала: форма— опредѣляющее, а матерія—тотъ вещественный субстратъ, который, только принявъ форму, становится чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ. Совнѣдреніе формы съ матеріей, видообразованіе того что̀ прежде было неопредѣленно, развитіе того что̀ прежде было лишь одной способностью, осуществленіе того что̀ прежде было только еще возможно, совершается посредствомъ движенія, и достигнутое этимъ завершеніе бытія, — вотъ и присущая всему процессу и руководящая имъ цѣль,—послѣднее, что̀ вмѣстѣ выходитъ первымъ и начальною основой. Первопричиной же всякаго движенія — вѣчный двигатель, недвижимый самъ въ себѣ, но все къ себѣ притягивающій, такъ-какъ онъ именно то совершенство, то добро, которое всему желательно, а потому любовь и стремленіе къ нему и вызываютъ движеніе, развивчивость бытія во всемъ сущемъ.

Сущность божія — благо, совершенство, постигающее и познающее себя въ вѣчной своей дѣятельности; Богъ есть разумъ, содержащій и созерцающій въ себѣ всякую истину, вѣдѣніе его—необходимо самосознаніе. Познающее и познаваемое въ немъ одно и то же; Богъ есть духъ, жизнь, блаженство, Онъ вѣчно покоенъ въ созерцаніи своихъ собственныхъ совершенствъ. Къ этому возвышенному понятію сходится какъ къ вершинѣ вся Аристотелева метафизика. Она изслѣдуетъ основные моменты, присущіе всяческому бытію, и ставитъ по преимуществу на видъ слѣдующія четыре начала: матерію и форму, движеніе и цѣль; она хочетъ всеобщаго не о̀бокъ съ частнымъ, а въ немъ самомъ, она хочетъ единаго непосредственно во многомъ. Всеобщій разумъ разумѣетъ самъ себя, оттого онъ субъективность, постигающая себя единичность, и поэтому лицо. Аристотель первый научный основатель деизма; но такъ-какъ онъ разумѣетъ Бога, только какъ чистую мыслительность, которой воля и знаніе не направлены ни на что другое, а только вѣчно созерцаютъ его же самого̀, такъ-какъ онъ устраняетъ изъ него начало природы, возможное, матерьяльное, развивчивое и не выводитъ частную жизнь во всемъ ея обиліи изъ его собственно существа и воли, а только ставитъ его какъ бы все притягивающимъ къ себѣ магнитомъ, то единое и является у него опять лишь о̀бокъ со многимъ, и вся дѣятельность божескаго разума, какъ справедливо замѣтилъ Целлеръ, выходитъ безусловно-однообразнымъ мышленіемъ самой себя, безъ малѣйшей перемѣны и безъ всякаго развитія. Только когда

единое есть вмѣстѣ и духъ и природа, энергія опредѣляющаго и воспріимчивость опредѣляемаго, неистощимый родникъ всего преизбытка безсознательной жизни и вмѣстѣ ясность сознанія, самовѣдѣнія, только когда Богъ во всемъ сущемъ развертываетъ свою собственную безконечность и вмѣстѣ постигаетъ себя надо всѣмъ въ своей вѣчной сущности,—только тогда разрѣшаются всѣ трудности, восполняются всѣ недостатки и пробѣлы, которые остались еще и у Аристотеля. У него на мысли полная истина, когда онъ дѣлаетъ человѣка причастнымъ божественному духу, когда видитъ въ единомъ разумѣ одинъ и тотъ же общій законъ, властвующій надъ вселенною, надъ человѣкомъ и надъ государствомъ и ведущій все къ единому добру, когда онъ указываетъ на тѣсную связь всѣхъ, даже и самомельчайшихъ вещей между собою, которою всѣ онѣ совокуплены въ одно цѣлое; мало этого, онъ задается еще вопросомъ, представляетъ ли вселенная благое и лучшее, несетъ ли она въ себѣ божественное, какъ вполнѣ самостоятельное, отрѣшенное отъ вещей существо, или же это божественное только и заключается въ порядкѣ вещей, только именно и есть что міропорядокъ естественный и нравственный, и присовокупляетъ къ этому въ видѣ дальнѣйшаго за тѣмъ вопроса настоящій отвѣтъ: Или ужь не находится ли оно во вселенной и такъ, и эдакъ? какъ напримѣръ бываетъ это въ войскѣ, гдѣ представителями добра являются вмѣстѣ и порядокъ и полководецъ, да послѣдній притомъ попреимуществу, такъ-какъ вѣдь не порядокъ же творитъ полководца, а наоборотъ творится имъ самъ.

Что Аристотель ввелъ своего питомца именно въ глубину этого чистаго мышленія, что онъ развязалъ, освободилъ этимъ его духъ и развилъ его до полнаго самообладанья, это положительно доказывается письмомъ, которое герой написалъ философу изъ Азіи, спрашивая его, зачѣмъ онъ обнародовалъ тѣ метафизическія разысканія, которыя они проходили съ нимъ вдвоемъ? Аристотель отвѣчалъ: они и изданы, да пожалуй и нѣтъ; въ самомъ дѣлѣ они и донынѣ остаются запечатанною книгою, которую распечатать можно только самодѣятельною умственною работой.

Если мы обратимся теперь къ природѣ, то найдемъ что Аристотель изучалъ вселенную въ ея совокупности и что труды его передаютъ намъ весь итогъ пріобрѣтенныхъ дотолѣ познаній въ области какъ органическихъ, такъ и неорганическихъ существъ, пріумноженный удивительнымъ обиліемъ собственныхъ его изслѣдованій и молнійными проблесками геніальныхъ мыслей. Ни что не маловажно на его взглядъ, въ самой незначительной свиду вещи чудесно раскрывается творческая сила къ несказанной радости изслѣдователя. Особенно должно назвать здѣсь его естественную исторію животныхъ, обогащенную, говорятъ, Александровыми походами; съ какой утонченной точностью Аристотель анатомировалъ рыбъ Средиземнаго моря, въ этомъ съ удивленіемъ убѣдились даже еще и въ наши дни Іоаннъ Мюллеръ и Зибольдъ на своихъ собственныхъ работахъ. Мѣтко отличилъ великій мыслитель все естественное отъ искусственнаго или издѣльнаго тѣмъ, что первое всегда движется и развивается изъ самого себя, содержа въ себѣ и свою основу и цѣль; будь форма статуи присущимъ камню внутреннимъ началомъ, тогда была бы природой и статуя. Понятіе всему присной, нутродѣйственной цѣлесообразности было однимъ изъ величайшихъ добытковъ его

глубокаго ума. Присущій міру разумъ тѣмъ именно и заявляетъ свою мощь, что каждое существо образуется согласно своему понятію, что всѣ частности происходятъ изъ одного внутренняго единства, что цѣлое существуетъ прежде своихъ частей, что любое развитіе и расчлененіе совершается всегда изъ-за чего-нибудь лучшаго и высшаго, и что являющееся подконецъ было собственно и первоначальнымъ, которое только своимъ осуществленіемъ порождаетъ дѣйствительное существо. Богъ и природа ни чего безъ цѣли не дѣлаютъ. Такимъ образомъ Аристотель мыслитъ природу движимою и формуемою изнутри; все для него одушевлено, и въ движеніи отвѣка бывшемъ и вовѣки будущемъ состоитъ вся жизнь міра, постепенное преодолѣваніе матеріи формою, все высшая и высшая выработка на дѣлѣ разумныхъ предначертаній. И чуть ли не на этой мысли постепенно восходящаго развитія сошлись теперь и философія и естествовѣдѣніе, чтобы протянуть другъ другу руку на новый опять союзъ, чтобы основать новую философію природы.

Какъ Богъ самъ въ себѣ единъ, такъ и мірозданіе является всеединымъ цѣлымъ, которое неподвижный Двигатель вѣчно приводитъ въ движеніе. Сферическое небо обнимаетъ землю; всегда однообразно круговращаясь и состоя изъ одного лишь вещества, эѳира, небо неподвижныхъ звѣздъ есть неизмѣнное и неразвивчивое, но одушевленное и единое въ себѣ существо, которому подобны и расположенныя подъ нимъ слоями сферы пяти планетъ, солнца и мѣсяца. Отъ неба исходитъ движеніе для нашей земли, этого царства бытія, столько же измѣнчиваго, сколько и различнаго. Самыя планеты, несмотря на то что онѣ возмущаются въ своемъ движеніи силою взаимныхъ вліяній, все еще принадлежатъ къ божественнѣйшему во всемъ видимомъ; онѣ безстрадны и сами въ себѣ закончены, а потому не даромъ чествовались какъ божества въ то стародавнее время, которое всѣ вообще первосущности принимало за особенныхъ боговъ. Посрединѣ сферъ небесныхъ лежитъ наша земля; здѣсь единое распадается уже на четыре стихіи, — землю, воду, воздухъ и огонь, которыя не какія-либо неразложимыя вещества, а просто лишь коренныя формы матеріи, какъ твердое, жидкое, газообразное и, наконецъ, какъ свѣтъ и теплота. Здѣсь, вмѣсто вѣчнаго бытія, царитъ вѣчная развивчивость въ непрерывномъ кругооборотѣ то возникающихъ, то чезнущихъ, постоянно измѣняющихся формъ. Мы приводимъ здѣсь эти представленія, потому что, исходя отъ Аристотеля, они господствовали еще и въ средневѣковую эпоху.

Рядомъ съ этимъ мы уже находимъ у него заключеніе отъ красоты и необъятности міра къ духовному творчеству, ставшее намъ такъ близко знакомымъ изъ одного утраченнаго Аристотелева сочиненія, откуда сохранилъ намъ его Цицеронъ въ доказательство золотого тока его рѣчи: «Еслибъ «въ глубинѣ земли водились существа, постоянно обитающія въ жилищахъ, «украшенныхъ статуями, картинами и всѣмъ тѣмъ, что дается въ изобиліи «такъ называемымъ счастливцамъ; еслибъ существа эти, узнавъ о власти «и могуществѣ боговъ, вышли сквозь земныя расщелины изъ сокровенныхъ «своихъ обиталищъ въ тѣ мѣста, гдѣ живемъ мы люди; еслибъ они вдругъ уви«дѣли землю море и сводъ небесный, опознали объемъ тучъ и силу вѣтровъ, «съ изумленіемъ увидали солнце въ его величіи, красотѣ и свѣтоисточномъ

«дѣйствіи; еслибъ, наконецъ, когда наступившая ночь одѣнетъ землю тем«ной своей пеленою, они узрѣли звѣздное небо, видоизмѣнчивый мѣсяцъ, «восходъ и закатъ созвѣздій и ихъ неизмѣнный, отвѣка уряженный путь: то «они навѣрно сказали бы что есть боги и что все это великолѣпіе — ихъ «созданіе». Здѣсь передъ нами, въ формѣ мысли, то же самое, что 103-й псаломъ Евреевъ возвѣщаетъ въ формѣ чувства. — Сама неорганическая природа только матерьялъ и средство для души, которая, какъ организующая жизненная сила, формодатна, движуща; осуществляя самоё себя, производитъ она организмы, которыхъ она же вѣдь и внутренняя сущность и вмѣстѣ съ этимъ цѣль. Аристотель различаетъ три степени душевной сущности, изъ которыхъ однако высшая всегда содержитъ въ себѣ и низшія. Душа растенія только питаетъ, видообразуетъ тѣло, поддерживаетъ его и плодитъ; организмъ животнаго уже находитъ себѣ общее средоточіе въ сердцѣ, дѣлается чрезъ то способнымъ къ самодвиженію, и душа его вмѣстѣ съ этимъ становится ощущеніемъ, самочувствіемъ; въ человѣкѣ же доходитъ она до самосознанія и является въ одно и то же время тѣлозиждущею жизненною силой, пріимчивымъ чувствомъ и мышленіемъ. Разумный духъ нашъ конечно страдателенъ, поскольку онъ испытываетъ на себѣ вліянія извнѣ, принимаетъ впечатлѣнія внѣшняго міра; но онъ дѣятеленъ, поскольку обработываетъ ихъ мыслію и развертываетъ изъ самого себя великія истины идей, возводитъ ихъ въ свѣтъ сознанія. Духъ, это—божественный и безсмертный въ насъ элементъ. Но хотя Аристотель и нашелъ въ душѣ единительную связь между чувственностью и разумомъ, понялъ ее какъ микрокозмъ, даже призналъ человѣка за средоточіе и цѣль всего творчества, призналъ что мысль божественнаго разума въ человѣкѣ именно приходитъ въ здѣшнемъ мірѣ къ сознанію; однакожь онъ и тутъ впадаетъ опять въ дуализмъ, допуская духъ сообщаться съ душой какъ бы особой только калиткою и усматривая общность божескаго съ человѣческимъ исключительно въ одномъ лишь разумѣ, а не во всецѣлой жизни.

Какъ разумъ и добро властительно царятъ во вселенной и въ душѣ человѣка, такъ должны они осуществляться его дѣйствіями и въ нравственности единичныхъ лицъ, и въ государствѣ съ его законнымъ порядкомъ. Человѣкъ изначала существо политическое, государственное, и способенъ достигнуть своего назначенія исключительно лишь въ общественномъ быту. Назначеніе это—благополучіе, а послѣднее состоитъ въ сообразной съ природою дѣятельности человѣка, которая находитъ себѣ цѣль въ полной и совершенной жизни. Человѣкъ свободенъ, властенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; цѣнность ихъ вся зависитъ отъ образа мыслей и чувствъ, изъ какого они выходятъ; разумность въ томъ и состоитъ, что безъ нея нельзя быть нравственно хорошимъ, да наоборотъ нельзя быть и разумнымъ безъ нравственности. Добродѣтеленъ тотъ, кто поступаетъ съ разумнымъ сознаніемъ, кто дѣлаетъ надлежащее завѣдомо что оно хорошо. Надлежащее же есть истинная мѣра между крайностями излишества и недостатка, высшая средина между «слишкомъ мало» и «черезчуръ», какъ напримѣръ мужество въ отношеніи къ безумной отвагѣ и трусости, щедрость въ отношеніи къ расточительности и скупости. Каждое единичное лицо есть членъ цѣлаго, народа или государства, и въ этомъ смыслѣ добро состоитъ въ томъ, чтобы честно служить закону

цѣлаго, дѣйствовать въ видахъ общей пользы. Вотъ почему хороши всѣ ведущіе къ тому государственные строи, монархія, аристократія, демократія, смотря по особому характеру и степени образованія народовъ; но дурны всѣ тѣ учрежденія, гдѣ одинъ или многіе или всѣ ставятъ себялюбіе на мѣсто общаго блага и законовъ. Потому что настоящимъ владыкою все-таки же вѣдь долженъ быть законъ. Мыслитель считаетъ наилучшимъ тотъ государственный строй, въ которомъ единство монархіи неразлучно съ подобающимъ почетомъ и вліяніемъ отличнѣйшихъ гражданъ и съ живымъ участіемъ всѣхъ вообще въ государственныхъ дѣлахъ, — пророческое слово, истинное прозрѣніе въ будущность, которое служитъ намъ новымъ доказательствомъ того, что разумный прогрессъ въ исторіи всегда только осуществляетъ современемъ заранія предвидѣнія идеи.

Но высшимъ идеаломъ для Аристотеля представлялась уже не политическая жизнь; всего отраднѣе, всего лучше кажется ему мыслящее созерцаніе. Какъ войну ведемъ мы только изъ-за мира, такъ отдаемся мы и дѣламъ только имѣя въ виду благополучный досугъ; любовь къ мудрости доставляетъ благороднѣйшую усладу, дивную по ея прочности и чистотѣ. Если духъ дѣйствительно то, что̀ есть божественнаго въ человѣкѣ, то и жизнь въ идеяхъ должны мы признать за божественную. Если сообразное съ природой каждаго существа для него всего выше и пріятнѣе, то и для человѣка всего выше духовная жизнь; она же и благополучнѣйшая. Но, въ качествѣ смертныхъ и людей, мы не должны устремлять мысли только на человѣческое и смертное, но жить по возможности въ безсмертномъ и дѣлать все сообразное тому высшему началу, которое присуще намъ внутренно.

До насъ дошло нѣсколько Аристотелевыхъ стихотвореній. Одна эпиграмма хвалитъ учителя его, Платона, за то что онъ своей жизнію указалъ человѣку путь, какъ сдѣлаться вмѣстѣ и хорошимъ и благополучнымъ. Это соединеніе внутренняго со внѣшнимъ до такой степени въ греческомъ и въ Аристотелевскомъ вкусѣ, что вслѣдъ за знаменитымъ стихотвореніемъ на смерть Гермія атарнейскаго мы сообщимъ еще и другое, приписываемое одними Аристотелю, другими—Эсхилу; но которое мы съ своей стороны болѣе наклонны счесть произведеніемъ философа, нежели трагика.

КЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

О добродѣтель, такъ трудно дающаяся смертнымъ,
Лучшая награда всего жизненнаго подвига!
Изъ-за прелести твоей, о дѣва,
Сама смерть слыветъ въ Элладѣ завидной долею,
Завидною долей—борьба съ нуждой и опасностью.
Такой безсмертный плодъ полагаешь ты
Въ сердце человѣка, что онъ дороже золота,
Дороже славныхъ предковъ и отрадной дремоты успокоенія.
Въ угоду тебѣ отродье Леды, и Ираклъ, отпрыскъ Зевса,
Много потерпѣли, стремясь подвигами
Къ величавой твоей красотѣ!
Жаждя тебя Ахиллъ и Аяксъ сошли въ темный Гадесъ,
И твой же миловидный обликъ похитилъ теперь
Атарнейскаго гражданина изъ-подъ блеска солнечныхъ лучей.

За это его, славнаго дѣлами,
Да превознесетъ на вѣки вѣковъ пѣснь Музъ,
Дочерей Мнемозины,
Въ жертвенную прикрасу Зевсу гостепріимцу и въ честь неизмѣнной дружбѣ.

КЪ СЧАСТІЮ.

Богиня счастія, ты, начало и конецъ міра,
Осуществляешь совѣтъ мудрости,
Свиваешь вѣнокъ славы дѣламъ человѣческимъ,
Порождаешь больше радостнаго чѣмъ горькаго;
Отъ золотыхъ твоихъ крыльевъ льется сіяніе улыбающейся прелести,
Любой даръ изъ твоей щедрой руки восхищаетъ радостью,
Скорбящимъ отыскиваешь ты пути къ исцѣленію отъ горя,
О, милое, высокое божество, ты вносишь яркій свѣтъ во мглу ночи!

АЛЕКСАНДРЪ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЕГО ВРЕМЕНИ. ЛИСИППЪ, АПЕЛЛЪ.

Александрово желаніе найдти себѣ Гомера не осталось безъ исполненія; хотя ни кто изъ современныхъ поэтовъ далеко не доросъ до такого героя какъ онъ, тѣмъ не менѣе неодолимое впечатлѣніе его личности и его подвиговъ возбудило творчество народной фантазіи и стало для нея источникомъ былинъ, которыя нашли себѣ письменную редакцію въ романѣ такъ-называемаго Каллисѳена еще въ Александріи, а изъ прозаической этой формы воскресли потомъ къ новой жизни въ средневѣковой поэзіи Востока и Запада, когда съ одной стороны Фирдуси въ Персіи, съ другой—Лампрехтъ въ Германіи воспѣли историческій его эпосъ, о чемъ еще придется намъ говорить впослѣдствіи. Но пластика въ обширномъ смыслѣ заявила себя и здѣсь ближайшимъ выраженіемъ эллинства; она одна съумѣла дать подходящую форму содержанію настоящаго. Музыканты и актеры сопровождали завоевателя въ походахъ; онъ вездѣ возилъ съ собою Иліаду и лучшія произведенія драматурговъ Аттики, а въ ваятелѣ Лисиппѣ, въ живописцѣ Апеллѣ, въ рѣзчикѣ по камню Пирготелѣ нашелъ такихъ художниковъ, которые успѣли такъ удовлетворительно передать духъ героя въ чертахъ его лица и въ формахъ тѣла, что онъ самъ желалъ быть воспроизводимымъ только ими и по ихъ созданіямъ. Уже Винкельманнъ былъ тѣхъ мыслей, что на Александра должно смотрѣть какъ на необходимый элементъ исторіи искусства, такъ-какъ онъ по собственному побужденію былъ величайшимъ поощрителемъ художествъ, какого когда либо встрѣчалъ міръ, и котораго щедростью пользовались всѣ современные ему артисты. Правда, онъ поощрялъ искусство какъ

царь, желавшій отъ него прославленія и давшій первый толчекъ къ тому, что отъ религіозной области оно постепенно свернуло на путь свѣтско-историческаго изображенья. Но вѣдь идеалы греческихъ боговъ были уже созданы, и тамъ, гдѣ для новыхъ храмовъ требовались новые кумиры, художники оставались вѣрны тому, что было разъ навсегда доведено до совершенства, развѣ только дозволяя себѣ придать статуѣ или болѣе внушительную величину, или болѣе живую постановку. Вѣра въ этихъ фантазіею созданныхъ боговъ угасла между образованными людьми того времени, которые то видѣли въ нихъ нѣчто въ родѣ цвѣтовыхъ лучепреломленій божественнаго въ многоразличныхъ его формахъ, то считали ихъ за аллегоріи естественныхъ процессовъ и различныхъ настроеній сердца, то за обоготворенныхъ людей. Такъ Плиній сообщаетъ довольно знаменательнымъ образомъ, что Лисиппъ изваялъ четверню съ Солнобогомъ, причемъ на первомъ планѣ ставитъ коней, а не того кто ими управляетъ; такъ Апеллъ придалъ Александру аттрибуты Зевса, и тогда какъ прежде для изображенія боговъ брали во всей ихъ чистотѣ характерныя черты общечеловѣческой природы, вездѣ проводя ихъ вполнѣ гармонически, теперь напротивъ идеализировали и возводили въ божескій ликъ просто уже данные человѣческіе типы; великолѣпный бюстъ Александра въ Капитоліи, просвѣтленный выраженіемъ Аполлоновскаго торжествующаго вдохновенія, носилъ лучезарный вѣнецъ солнца вокругъ волнистыхъ кудрей своихъ. Обокъ съ этимъ заявляетъ свою силу чисто разсудочная сообразительность, и тутъ мы встрѣчаемъ первую аллегорію въ греческомъ искусствѣ. Лисиппъ изображаетъ Кера, то-есть благопріятный мигъ, не только что нѣжнымъ крылатымъ юношей, сидящимъ на каткомъ шарѣ съ развѣвающимися напереди волосами и съ оголеннымъ затылкомъ, чѣмъ все еще лишь непосредственно онагляживается его понятіе; но и даетъ ему при этомъ въ руки вѣсы и бритву, напоминающія собой пословицы, что счастье колеблется на бритвенномъ лезвеѣ, что вѣсы его рѣдко приходятъ въ прочное положеніе; а это уже такія отношенія, которыя не предстаютъ вѣдь ни глазу, ни ощущенію въ самой формѣ вещей, и пріурочены къ нимъ отовнѣ, какъ чистый плодъ человѣческой сообразительности. Имѣй мы передъ глазами только подобныя явленія, тогда пришлось бы повести рѣчь о начинающемся упадкѣ художества; но въ другихъ сферахъ встрѣчаемъ мы для новаго содержанія и вполнѣ соотвѣтственную ему форму, и какъ здѣсь одно другимъ совершенно покрывается, то все вмѣстѣ и удовлетворяетъ насъ полной законченностью и изяществомъ въ мастерскихъ произведеніяхъ, хотя конечно уже не такихъ, какими славились времена Перикла, но которыя не уступаютъ имъ по своей цѣлесообразности. Богатырство осуществилось въ лицѣ Аласкандра съ такой силою, что оставило за собой миѳическія сказанія стародавней эпохи; для пластики, въ идеалѣ Иракла нашло оно себѣ готовый образецъ. Великія личности выступили теперь знаменательно впередъ особенностью своей мысли и воли; и вотъ индивидуальный элементъ стали уже брать во всей его оригинальности и возводить до его собственнаго идеала; портретное искусство съумѣло не только что увѣковѣчить облики славныхъ людей настоящаго, но одушевляясь впечатлѣніемъ дѣлъ и жизни богатырей духа прежнихъ вѣковъ, воспроизводило ихъ изъ своей творческой фантазіи съ такой индивидуальною правдой, что мы даже и теперь еще готовы

смотрѣть на нихъ какъ на личныхъ своихъ знакомцевъ: припомните только бюстъ Гомера, извѣстный чуть не всякому.

Обширныя пространства пройденныя Александромъ Великимъ, отдаленные края которые онъ покорилъ, громадныя полчища которыми онъ дѣйствовалъ, производили вѣдь впечатлѣніе внѣшняго величія, превосходящаго всякую обыкновенную мѣру; а это само собою повело искусство къ колосальности, которая даже совсѣмъ помимо внутренняго значенья, необходимо дѣйствуетъ одною уже массой. Искусство стало притомъ служить средствомъ для проявленія царской пышности, и тутъ конечно вступило уже на опасный для себя путь. Правда, Александръ отринулъ планъ Динократа, затѣявшаго превратить Аѳонскую гору въ его статую, которая ногами стоя въ морѣ, а головой касаясь облаковъ, должна была на правой рукѣ держать цѣлый городъ, а изъ жертвенной чаши въ лѣвой изливать цѣлую рѣку. Но костеръ Гефестіона и погребальная колесница самого Александра показали явно, до какой степени восточная пышность и роскошь удалились отъ простого изящества и впали въ преизукрашенность, употребляя искусство на одинъ лишь пустой блескъ. На фундаментѣ костра, въ 600 квадратныхъ футовъ пространствомъ, поднималось пять ярусовъ на подобіе ассирійскихъ уступчатыхъ пирамидъ; каждый ярусъ, въ 40 футовъ вышиною, былъ одѣтъ изваяніями и драпировкой; фундаментъ украшался преимущественно корабельными носами, первый ярусъ—колосальными свѣточьми, отъ подножія которыхъ драконы поднимались вверхъ къ орламъ, парившимъ тамъ надъ пламенемъ, второй ярусъ—большимъ фризомъ представлявшимъ охоту, третій—битвами Кентавровъ, четвертый—группами львовъ и быковъ, пятый — оружіемъ македонскимъ и азіатскимъ. Высоко наверху стояли посреди оружія фигуры Сиренъ, и въ ихъ полой внутренности спрятаны были пѣвцы, голосившіе похоронную пѣсню. Все это стоило около 12-ти милліоновъ рублей, и все было предано огню только для того, чтобы сжечь трупъ Гефестіона какъ можно пышнѣе.

Какъ Аристотель, кромѣ дѣйствительности, изучалъ еще и прежнихъ философовъ, такъ Лисиппъ, кромѣ природы, изучалъ также значительнѣйшихъ мастеровъ предъидущей эпохи, не будучи собственно ученикомъ ни котораго изъ нихъ въ частности. Рядомъ съ стремленіемъ къ естественной правдѣ, къ пріятности формы и къ эффектной красотѣ, онъ сохранялъ ту полностильную основательность въ обдѣлкѣ, которая старается всему дать надлежащій вѣсъ. Художническій его характеръ, который вполнѣ выяснилъ І. Овербекъ, былъ какъ разъ соотвѣтственъ эпохѣ Лисиппа. Онъ продолжалъ тѣ пріемы пелопоннесскаго искусства, которыхъ первымъ мастеромъ явился Поликлетъ; онъ работалъ единственно изъ бронзы, вызывающей не столько къ плавной гармоніи идеальнаго видообразованія и женской красоты, сколько къ передачѣ мужской силы въ отчетливой характеристикѣ и въ тщательномъ выполненіи деталей. Съ любовью входилъ онъ во все индивидуальное и въ его точную опредѣленность, но единственно лишь съ тѣмъ чтобъ выставить одну существенную его сторону; онъ соблюдалъ это даже и въ своихъ животныхъ, въ умирающемъ львѣ или въ конѣ навострившемъ ухо и поднявшемъ переднее копыто вверхъ, не говоря объ его Александрѣ, скачущемъ

на Буцефалѣ (Вукефалѣ) съ развѣвающимися волосами и съ обнаженнымъ въ рукѣ мечемъ, гдѣ для монументальнаго выраженія характера художникъ отлично воспользовался той мгновенной подробностью, что при стремительномъ переходѣ черезъ Граникъ съ головы героя слетѣлъ шлемъ. Умѣнье схватывать эти мгновенныя, но при всемъ томъ не случайныя черты, а напротивъ завершающія собой цѣлый побытъ извѣстной личности, стяжало Лисиппу ту славу «творца живыхъ созданій», которая приписана ему Проперціемъ.

Кȧнонъ Поликлета былъ вполнѣ объективенъ, такъ-какъ для установленія пропорцій между разными частями тѣла онъ взялъ средній размѣръ греческихъ юношей; оттого фигуры его стали казаться приземистыми и коренастыми, съ тѣхъ поръ какъ Лисиппъ усвоилъ изваяніямъ нормальныхъ людей тонко-стройную рослость склада и сдѣлалъ мѣроположнымъ для своихъ преемниковъ то что̀ было ему лично по душѣ. Образцомъ для нихъ сталъ его Апоксіоменъ, борецъ, очищающій себѣ руку отъ пыли скребницей; по уцѣлѣвшей въ Римѣ копіи съ него видно, что даже и не такъ полная грудь можетъ представляться могучею, когда стоитъ на очень высокихъ бедрахъ, а голова при этомъ замѣтно уменьшена; постановка фигуры взята въ моментъ наступающаго отдыха, но еще на полномъ ходу движенья; она уже не такъ тихо-спокойна сама въ себѣ какъ статуи прежней эпохи, а поэтому возбудительнѣе дѣйствуетъ и на зрителя, который однако въ то же время чувствуетъ себя удовлетвореннымъ гармоніею цѣлаго.

Пластическимъ представителемъ богатырства вообще Лисиппъ сдѣлалъ Иракла и окончательно установилъ его идеалъ, — стройный костякъ облеченный крѣпкими мышцами, воловій зашеекъ и небольшая, энергически выразительная голова. Его подвиги и труды, торжества надъ людьми и звѣрями, Лисиппъ изобразилъ въ группахъ, которыхъ рельефные отголоски дошли вѣроятно и до насъ. Фигура героя въ одиночку являлась всегда спокойною, опирался ли онъ локтемъ на колѣно, какъ извѣстный тарентинскій колоссъ, а лѣвою рукою поддерживалъ озабоченную голову, изображался ли въ томъ положеніи когда Эротъ похитилъ у него оружіе, или — какъ представлялъ его такъ восхищавшій всѣхъ нѣкогда настольникъ—онъ сидѣлъ на каменной скалѣ, съ палицею въ лѣвой, съ кубкомъ въ правой рукѣ, съ яснымъ лицомъ обращеннымъ кверху, правда небольшой размѣрами, но полный величавой возвышенности для всякаго мало-мальски одареннаго чутьемъ. Въ этомъ видѣ могъ онъ послужить образцомъ и для ватиканскаго торса; между тѣмъ Аѳинянинъ Гликонъ воспроизвелъ въ мраморѣ другую статую, которая изображаетъ героя стоящимъ оперщись на палицу и обдумывающимъ многотрудную жизнь свою съ понуренной головой, тогда какъ рука держитъ уже награду безсмертія, золотое яблоко Гесперидъ. Причина, почему мышцы здѣсь черезчуръ выпуклы, можетъ отчасти заключаться и въ томъ, что бронза вообще требуетъ болѣе рѣзкой и сильной обформки нежели мраморъ, а копировщикъ, выбравъ этотъ новый матерьялъ, не догадался обдѣлать статую сообразно его условіямъ.

Въ портретномъ изваяніи Александра Лисиппъ съумѣлъ слить въ одно цѣлое мягкость шеи и мечтательность взгляда съ мужественнымъ и львино-

образнымъ характеромъ; статуя, представлявшая его съ копьемъ въ рукѣ и съ лицомъ обращеннымъ кверху, носила надпись слѣдующаго содержанія:

Къ небу возводитъ онъ взоръ, какъ будто бы шлетъ ему слово:
Да будетъ земля вся моей; ты же, Зевсъ, надъ Олимпомъ царп.

Онъ представилъ царя среди конной его дружины на монументѣ въ честь падшимъ при Граникѣ, а въ другой разъ вывелъ его въ схваткѣ со львомъ, гдѣ Кратеръ подоспѣваетъ къ нему на помощь. Онъ же нашелъ возможность вложить въ извѣстныя по преданію черты Сократа всю духовную характеристику этого единственнаго въ своемъ родѣ лица; мало того, онъ отважился изобразить и индивидуализировать семерыхъ мудрецовъ по ихъ достопамятнымъ изреченіямъ и далъ горбатой спинѣ Эзопа отозваться въ непригожихъ его чертахъ, но такъ, что изъ-подъ всей тѣлесной невзрачности сквозитъ однакожь тонкое превосходство духа и игривое остроуміе.

Братъ Лисиппа, Лисистратъ, гнался болѣе за наружнымъ сходствомъ и, снимая гипсовые слѣпки съ живыхъ личностей, отдѣлывалъ ихъ потомъ до послѣднихъ мелочей. Димитрій также болѣе старался о сходствѣ нежели объ изяществѣ. Одному изъ сыновей Лисиппа, Вѣду, многіе гадательно приписываютъ статую молящагося отрока въ Берлинскомъ музеѣ; благородная, полная жизненной правды и въ высшей степени нѣжная, она одно изъ тѣхъ сокровищъ, по которымъ мы можемъ отчасти судить, какъ много мы утратили въ произведеніяхъ восхваляемыхъ самой древностью. Эвтихидъ создалъ богиню города Антіохіи въ видѣ Фортуны (Тихе). Городъ лежитъ на берегу Оронта и, живописно господствуя надъ окрестностью, тянется вверхъ по горѣ; это сельское отчасти впечатлѣніе художникъ взялъ себѣ отправною точкой и представилъ молодую женскую фигуру, въ зубчатой коронѣ и съ колосьями въ правой рукѣ, сидящею привольно и мирно на утесѣ, едва облокотившись лѣвою рукой и слегка обернувшись въ эту сторону; у ногъ ея съ радостнымъ движеніемъ выникаетъ изъ воды верхняя часть тѣла рѣчного бога. Обороту самой богини вполнѣ отвѣчаютъ и изящно-роскошныя складки ея одеждъ. Все вмѣстѣ возбуждаетъ истинно усладительное чувство, и невольно припоминаются здѣсь сообщенныя нами выше Аристотелевы стихи къ Счастію. О прекрасномъ воспроизведеніи этой группы въ Ватиканѣ Бруннъ говоритъ, что едва ли кто способенъ устоять передъ очаровательною его граціей; но онъ не находитъ здѣсь ни религіозной важности, ни торжественнаго достоинства древнихъ божескихъ ликовъ. Впрочемъ это вѣдь не входило ни въ задачу, ни въ цѣль художника; не высокую духовную идею задумалъ онъ изобразить, а хотѣлъ только пластически передать пріятное естественное впечатлѣніе, и олицетворить его удалось ему безподобно.

Изъ дошедшихъ до насъ мастерскихъ портретныхъ статуй этого времени должно назвать Латеранскаго Софокла, который предстаетъ намъ воплощеніемъ Перикловской эпохи или Софокловской поэзіи въ ея глубокомысленной ясности, въ ея полномъ граціи достоинствѣ; комиковъ Менандра и Посидиппа съ ихъ спокойно-самоувѣренной постановкой, съ челомъ, на которомъ видимо бродятъ умныя мысли, и съ легкою ироніей вокругъ устъ; и на-

конецъ—двухъ великихъ противниковъ, ораторовъ Эсхина и Демосеена, изъ которыхъ первый чувственно полонъ, веселъ и великолѣпно драпируется своей мантіей, послѣдній же напротивъ смотритъ почти съ какою-то затаенной горечью; глубоко-серьёзное выраженіе лица показываетъ въ немъ навыкъ переносить скорби жизни; одежда на немъ обдѣлана съ строгой простотой. Надпись подъ статуей гласила:

Будь Демосеенъ такъ могучъ, какъ былъ онъ разсудкомъ обиленъ,
О, не подпалабъ вовѣкъ Греція власти чужой.

Живопись достигла при Александрѣ высочайшей славы своей въ древности. Іоніецъ родомъ, воспитанный въ Сикіонѣ, Апеллъ соединилъ элементъ мысли и рисунка съ очарованіемъ и небывалымъ еще блескомъ красокъ. Ему одному свойственною прелестью особенно отличалась его Афродита, выходящая изъ морскихъ волнъ. Онъ отважился даже изобразить грозу и достигъ при этомъ чарующей глазъ эффектности. Онъ былъ превосходный портретистъ и съумѣлъ писать Александра Великаго настоящимъ носителемъ всемірно-исторической мысли, давъ ему однажды въ правую руку перуны Зевса, помѣстивъ его въ другой разъ, вѣнчаннаго побѣдой, между Діоскуровъ, представивъ его, наконецъ, ѣдущимъ на тріумфальной колесницѣ, къ которой прикованъ цѣпями демонъ войны; не столько его подвигами, какъ понятіемъ о немъ, міровымъ его значеніемъ характеризовалъ онъ героя; живописецъ мысли, онъ соединялъ чувство формальной красоты и гармоническаго настроенія съ истинно-философскимъ взглядомъ, подобно современному намъ Каульбаху. Онъ обращался къ миѳологіи не изъ-за религіозныхъ цѣлей, а для того чтобы символически онаглядить силы природы или нравственнаго порядка. Преобладавшая въ ту пору рефлекція не разъ увлекла и его къ холодной аллегоріи; такъ написалъ онъ напримѣръ Клевету въ видѣ выходящей изъ себя женщины, которая съ факеломъ въ рукѣ притаскиваетъ къ какому-то вислоухому человѣку юношу, поднимающаго обѣ руки въ свидѣтельство своей невинности; блѣдная, испитая Ненависть смотритъ на это ухмыляясь, а Раскаяніе, въ видѣ женщины въ траурѣ, со стыдомъ глядитъ на нагую Правду. Апеллъ былъ столько же прилеженъ, какъ любезенъ и остроуменъ. Отъ него идетъ изреченіе: ни дня безъ какой-нибудь черты! И дѣйствительно, одною тонко-проведенною чертой онъ разъ заявилъ о себѣ Протогену; этотъ съумѣлъ подвоить черту оттѣнкомъ другой краски, а Апеллъ раздѣлилъ ее потомъ еще тоньше въ третій разъ. Протогенъ былъ самъ корабельнымъ живописцемъ, и мы знаемъ что Аристотель указалъ ему первый на Александровы подвиги, какъ на достойные безсмертной славы.

Плиній превозноситъ еще третьяго живописца, Филоксена, и положительно говоритъ, что его картина битвы Александра съ Даріемъ не уступитъ ни какому другому въ этомъ родѣ произведенію. Похвала эта вполнѣ подобаетъ той прекрасной помпейянской мозаикѣ, которую мы гадательно признаемъ за копію съ этой картины и которая во всякомъ случаѣ можетъ служить доказательствомъ какъ высоко стояла у Грековъ историческая живопись. Композиція здѣсь мастерская въ высшей степени. Александръ побѣдоносно напираетъ во главѣ своей вѣрной дружины и прокалываетъ персидскаго вождя,

подъ которымъ только-что упала лошадь и которому въ этотъ мигъ одинъ изъ приближенныхъ подавалъ свою. Подлѣ стоитъ колесница Дарія, и съ скорбнымъ ужасомъ видитъ царь паденіе своего полководца, сокрушившее гордый полетъ его надеждъ. Возница взмахиваетъ уже бичемъ, чтобы скорѣе вывезть своего владыку изъ пыла побоища. Единство въ роковой встрѣчѣ противоположностей, удачный выборъ рѣшительной минуты, драматически-живое дѣйствіе, выпуклость главныхъ фигуръ, энергичность выраженія, самоувѣренная смѣлость рисунка, все здѣсь гармонически ведетъ къ подлинно неизгладимому впечатлѣнію. Нѣтъ боевой (батальной) картины лучше этой, и лишь немногія выдержатъ съ ней сравненіе; всемірно-историческое значеніе сюжета проявляется здѣсь не со стороны, а въ самихъ вѣрныхъ природѣ мотивахъ каждаго облика и внутреннихъ его ощущеній, которыя, при всей своей силѣ, остаются однакожь въ предѣлахъ безупречной красоты. Колоритъ вездѣ одинаково свѣтелъ и ясенъ. Нѣтъ ни пейзажнаго фона въ глубинѣ, не замѣтно ни какой особенности въ тонахъ свѣта и воздуха; фигуры рѣзко выступаютъ на бѣломъ ровномъ грунтѣ, по большей части въ одной даже плоскости, и только самымъ крайнимъ изъ нихъ данъ легкій перспективный раккурсъ: эта рельефная манера напоминаетъ намъ еще и здѣсь, что пластика была въ Греціи первенствующимъ, верховоднымъ искусствомъ. Это чисто-эллинская картина, и въ отношеніи къ ней отзывъ Гёте никогда не утратитъ своей истины: «Ни современникамъ, ни потомкамъ не подсилу достойно истолковать такія чудеса искусства, и послѣ «всѣхъ уяснительныхъ разборовъ и изслѣдованій мы всегда должны будемъ «воротиться подконецъ къ одному, — къ простому и чистому удивленію.»

ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА.

Плутархъ говоритъ объ Александрѣ Великомъ: Всѣмъ указалъ онъ считать за отечество весь міръ, станъ за городскую крѣпость, добрыхъ людей за родичей, а за чужаковъ однихъ только негодяевъ. Вслѣдъ за тѣмъ стоикъ Зенонъ высказалъ мнѣніе, что мы уже не дѣлимся болѣе по городамъ и волостямъ, живя каждый на особомъ своемъ правѣ, что всѣхъ людей должны мы почитать за земляковъ и согражданъ, да будетъ у насъ одна жизнь и одинъ порядокъ, какъ въ соединенномъ стадѣ, что̀ мирно пасется на общемъ выгонѣ. Прежде сами греческія общины не крѣпко держались другъ за друга и часто впадали въ усобицы, а теперь пробудилось сознаніе сопринадлежности даже и между тѣми народами, которые видѣли другъ въ другѣ враговъ и варваровъ; они научились понимать другъ друга и, въ живыхъ сношеніяхъ, обмѣниваться между собой и произведеніями своихъ странъ и добытками своей

культуры; въ душахъ возникла идея человѣчества, и то общее участіе, та помощь, которыя были такъ щедро оказаны со всѣхъ сторонъ городу Родосу при постигшемъ его землетрясеніи, заявили на дѣлѣ что вмѣстѣ съ этою идеей оживало день-ото-дня болѣе чувство человѣчности. Новооснованные или распространенные противъ прежняго города, возникшіе въ качествѣ военныхъ постовъ или торговыхъ рынковъ на всемъ обширномъ поприщѣ македонскихъ походовъ, всѣ сдѣлались гнѣздами греческаго образованія и бойкой общинной жизни; Александрія въ Египтѣ, Антіохія на Оронтѣ, Селевкія на Эвфратѣ, Тарсъ, Пергамъ, Родосъ соревновали между собою въ качествѣ главныхъ пріютовъ новаго бытоwразвитія, и по всѣмъ краямъ извѣстнаго тогда міра закишѣли не одни воины, а также ремесленники и купцы, художники и ученые, преимущественно изъ тѣхъ двухъ народовъ, которые были передовыми представителями симитскаго и арійскаго духа, — изъ Евреевъ и Эллиновъ.

Этолійцы и Ахеяне пытались-было устроить городскіе союзы подъ главенствомъ одного общаго предводителя; но дни республиканскаго рвенія къ общественному дѣлу прошли, человѣкъ уже не уходилъ весь въ гражданина, частная жизнь стала на ряду съ общественной, каждый заботился больше о своихъ личныхъ дѣлахъ, добивался своихъ собственныхъ цѣлей, а монархія взяла на себя управленіе и оборону всего государства черезъ своихъ чиновниковъ и постояннаго войска, стала пещись и о матерьяльныхъ интересахъ и объ умственныхъ. Отъ города перешли не только къ государству, но и къ такой системѣ государствъ, которая опиралась уже не на естественное свойство народностей, а основывалась на завоеваніи и на договорахъ. Зачатки новой міровой эпохи уже выказались, хотя и въ грубомъ еще видѣ. Второе послѣ Александра поколѣніе увидѣло на ряду съ Греціей царства Лагидовъ въ Египтѣ, Селевкидовъ въ Сиріи, державы Понтскую, Виѳинскую и Пафлагонскую, къ которымъ вскорѣ присоединились Римъ и Карѳагенъ на западѣ, и во всѣхъ первопомянутыхъ странахъ греческій языкъ служилъ общепонятнымъ средствомъ взаимныхъ сношеній; своебытная культура каждаго изъ различныхъ народовъ слилась съ эллинской, и впервые, поверхъ національнаго образованія, явилось на землѣ образованіе человѣчное.

Дройзену принадлежитъ заслуга, что въ своей Исторіи Эллинизма онъ поставилъ на видъ положительный прогрессъ этого періода, тогда какъ прежде зачастую видѣли въ немъ только упадокъ и разложеніе прекраснаго быта древности. Исторія шла не ко всесвѣтной державѣ, а къ общенію между народами, и общеніе это дѣйствительно открылъ имъ Александръ. Ни семьѣ его, ни его военачальникамъ не удалось поддержать монархіи въ цѣломъ ея составѣ; одинъ возставалъ на другого, себялюбіе домогалось своихъ пользъ и силою и хитростью, то заключая, то нарушая союзы; но чѣмъ разнузданнѣе и безбожнѣе люди слѣдовали своимъ страстямъ, тѣмъ болѣе становились они только слѣпымъ орудіемъ въ рукѣ Промысла; сколько ненависть и борьба ни возрождались всегда снова, цѣлію былъ все-таки миръ между народами, подготовка почвы для жизни новой, болѣе возвышенной. Димитрій Поліоркетъ можетъ служить намъ типомъ той эпохи; этотъ новый Алкивіадъ, полный геніальной энергіи въ войнѣ, богатый умственнымъ образованіемъ, нена-

сытный властолюбецъ, билъ всегда на что-нибудь необыкновенное; ныряя внизъ и вверхъ среди бурныхъ волнъ того времени, онъ умѣлъ и въ счастіи и въ несчастіи становиться средоточіемъ наличныхъ обстоятельствъ, весь отдаваясь тому или другому мгновенію и измѣняясь зато вмѣстѣ съ нимъ; онъ развивалъ свою личность, услаждался ею съ безпредѣльной дерзостью, и пронесся быстро какъ метеоръ, на страхъ и удивленье всему міру.

Старые порядки подгнили, и общій упадокъ нравовъ доказываетъ окончательную гибель прекраснаго національнаго гречества. Женщины, начавшія выходить изъ прежняго загона, были просто распутницы, обращавшія богатство ума и образованія на службу похоти, и къ стыду мужчинъ пріобрѣли этимъ вліяніе на судьбы народовъ; тѣмъ не менѣе онѣ способствовали своему полу снискать подобающій ему почетъ и положеніе въ житейскомъ быту. Нельзя видѣть безъ грусти какъ опадаетъ съ дерева древняго человѣчества прекрасный, самородный его цвѣтъ, но нельзя въ то же время не признать, что племенное, національное приносится въ жертву человѣчному, естественное — духовному. Природа на Востокѣ, по берегамъ Нила и на Гангѣ, существенно опредѣлила собой культуру, исторію, религію и искусство; въ зависимости отъ нея развился до степени изящной гармоніи и духъ Эллиновъ, — развился въ ея формахъ и подъ ея мѣрноложнымъ вліяніемъ. Теперь же онъ сталъ освобождаться отъ нея, познавать ее, овладѣвать ею. На мѣсто безсознательнаго историческаго развитія, является теперь отчетливое, сознательное. Языческія государства теряютъ религіозное свое основаніе, но зато религія отрѣшается отъ политическихъ цѣлей, и становится возможною всесвѣтная религія духа, Христіанство; во время Персидскихъ и Самнитскихъ войнъ апостолъ Павелъ не могъ бы конечно проповѣдывать ни въ Аѳинахъ, ни въ Римѣ. — Юношеская жизнь фантазіей, оригинальность творческаго искусства, для Греціи неоспоримо прошли; но развѣ не выполнила она племенной своей задачи, развѣ не создала она богамъ идеальныхъ обликовъ, развѣ не отразила она просвѣтленной жизни въ эпосѣ, лирикѣ, драмѣ, согласно органическимъ законамъ развитія? Теперь настала пора вывесть все добытое великолѣпіе изъ своеземной тѣсноты въ постоянно расширяющійся кругъ дѣйствія, настала пора надежно упрочить это безцѣнное достоянье, собрать его воедино, пересмотрѣть, привести въ порядокъ. Гомеръ и Софоклъ, Геродотъ, Ѳукидидъ и Демосѳенъ, Платонъ и Аристотель создали такъ много мастерскихъ произведеній по части поэзіи, исторіи, краснорѣчія и философіи; накопился богатый запасъ такихъ вещей, которыя заслуживали распространенія и изученія у всѣхъ народовъ. Насталъ, правда, періодъ чистаго воспроизводительства, подражанія, учености; но имъ не слѣдъ пренебрегать, онъ напротивъ достоинъ всякаго почета, потому что выполнилъ задачу свою добросовѣстно, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширилъ кругозоръ, совокупилъ воедино духовный добытокъ всѣхъ культурныхъ государствъ древности, положилъ основы знанію природы, разныхъ народовъ и земель. Правда, письменность взяла рѣшительный перевѣсъ надъ живымъ словомъ, и занесенное въ книги превзошло мѣру умственной самодѣятельности, творческой силы тогдашнихъ людей; но объемъ свѣдѣній возросъ вмѣстѣ съ обширнымъ распространеніемъ ихъ сферы дѣйствія, и образованные люди всѣхъ странъ сблизились между собою и стали трудиться въ одномъ общемъ стремленіи,

на пользу одно общаго всѣмъ знанья. Настала пора размышленія, рефлекціи; а это повело къ тому, что человѣчество образумилось.

Вольномысленное просвѣщеніе, распространившееся со временъ софистовъ, подорвало у образованныхъ людей старую вѣру въ боговъ созданныхъ фантазіей, и надо сказать правду что политеизмъ отнюдь не вязался съ философскимъ воззрѣніемъ на сущность божественнаго начала, что онъ долженъ былъ наконецъ уступить единобожной религіи. Пока послѣдней еще не явилось, мы правда видимъ, что въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, на ряду съ сомнѣніемъ господствуетъ сила суевѣрій, что мысль и чувство то разрозненны, то въ явной борьбѣ, что сердце легко доступно всему темному, таинственному, чужедальнему, и что вслѣдствіе этого въ душахъ царитъ то броженіе и недовольство, какими всегда знаменуются болѣзненные роды новаго времени, новаго, невиданнаго начала. И не должна ли была живо ощутиться потребность въ спасеніи, неодолимая тоска по немъ, передъ ниспосланіемъ его жаждущему міру? Предвѣстія его можно распознать въ привлекательныхъ и въ отталкивающихъ формахъ, въ разныхъ перерядахъ. Единеніе безконечнаго съ конечнымъ, духовнаго съ чувственнымъ видимъ мы художнически выполненнымъ въ пластическихъ идеалахъ Олимпійцевъ; не существеннымъ общеніемъ воли и любви, а только въ чувственномъ образѣ, одѣйстворяется идея богочеловѣчности, когда сперва геройскій и державный геній Александра объявляетъ себя сыномъ божіимъ и божествомъ, а впослѣдствіи преемникамъ его въ Египтѣ, въ Сиріи воздаются божескія почести; мы видимъ не одно лишь искаженіе правды, а настоящую уже мерзость въ томъ, что Димитрій Поліоркетъ въ Аѳинахъ водворяется съ своими распутницами въ святилище дѣвственной Паллады, и народъ привѣтствуетъ его гимномъ какъ единое истинное божество, которое торжественно приходитъ въ сопровожденіи друзей своихъ, блистая прекраснымъ, улыбающимся лицомъ что солнце между звѣздами. Далѣе тутъ говорится такъ:

О сынъ вышняго бога, сынъ Посейдона
И Афродиты!
Вѣдь другіе боги видно безъ ушей,
Или уже они слишкомъ далеко,
Да пожалуй ихъ и вовсе нѣтъ, по крайней мѣрѣ они объ насъ не заботятся;
Тебя же видимъ мы здѣсь на лицо;
Ты не камень, не деревяшка, ты живъ навѣрное:
Такъ тебѣ мы и помолимся!

Если такимъ образомъ людей возводили въ божества, то далеко ли было до того, чтобы и въ божествѣ видѣть только человѣка, — какого-нибудь стародавняго властителя, который заслужилъ себѣ всеобщій почетъ. Это и сдѣлалъ Эвгемеръ въ своихъ священныхъ записяхъ, гдѣ онъ изобразилъ какой-то островъ Панхею, лежащій будто бы на Чермномъ морѣ; тамъ, видите, открылъ онъ надписи, доказывающія совершенно ясно что Зевсъ и другіе боги были такіе же люди, не болѣе; а божеской почести достигли они отчасти благотворными своими изобрѣтеніями, отчасти принудительною силой; Зевсъ будто бы пять разъ побѣдоносно прошелъ весь свѣтъ и приносилъ жертвы одному только Эѳиру.

Александръ переступилъ грань политеизма иначе: въ Египтѣ жертвовалъ онъ Аммону, а въ Вавилонѣ—Белу, и тѣмъ самымъ показалъ что почитаетъ ихъ единосущными съ Зевсомъ. Греки ознакомились съ богами другихъ народовъ и, судя по сродственнымъ въ нихъ чертамъ, по одной общей идеѣ лежащей въ ихъ основаніи, стали принимать ихъ за разныя только имена и воплощенія одного и того же божественнаго начала. Такъ Птолемей Сотеръ перенесъ Зевса-Гадеса изъ Синопа въ Александрію, а египетскіе жрецы подтвердили съ своей стороны что это и есть Сераписъ, Озирисъ царства мертвыхъ; ему пріобщили Изиду, посвятили культъ Озириса, выстроили великолѣпный храмъ, и Греки называли его еще то Геліосомъ, то Діонисомъ; такъ-какъ во всѣхъ богахъ одинъ и тотъ же богъ, и небо—голова его, море — тѣло, земля — его стопа, а солнце — дальнозоркій глазъ. При этомъ начали играть миоами и искали въ нихъ опорныхъ точекъ для связи новой исторіи съ незапамятною стариной. Благодаря всюду проникающимъ Евреямъ, во всѣ эти представленія входило почитаніе единаго духовнаго Бога, и ученики Платона, Аристотеля естественно могли признавать въ немъ то самое, что учители говорили о верховномъ благѣ, о всеустрояющемъ разумѣ. Философія водворила въ Греціи монотеизмъ и тѣмъ заготовь проложила путь истинной вѣрѣ. Мы и теперь еще можемъ отъ души сочувствовать гимну стоика Клеанеа:

Зевсъ, глава безсмертныхъ, многоименный, отецъ вселенной,
Которую вѣчнымъ могуществомъ ведешь ты по своему закону,
Привѣтъ тебѣ отъ меня! Намъ подобаетъ призывать тебя:
Мы прямое твое отродье, насъ однихъ на всей землѣ
Надѣлилъ ты безцѣннымъ даромъ повторять твое слово.
За это и славитъ тебя пѣснь моя, и будетъ хвалить всегда и вовѣки.
Велѣнію твоему слѣдуетъ небо, и всѣ свѣтила
Вращаются радостно и охотно, какъ направитъ ихъ твоя власть.
Въ неприкосновенныхъ рукахъ твоихъ неугасимый лучъ молніи,
Который мещешь ты какъ слугу, какъ гонца-огненосца;
Передъ нимъ трепещетъ природа, но его же огнемъ
Возжигаешь ты и тотъ общій духъ, который все живитъ
И во всемъ лучезарно блещетъ, и въ великомъ и въ самомалѣйшемъ.
Такъ живешь ты и царски властвуешь во всемъ! Безъ тебя
Ни одно дѣло не совершится ни на твердой основѣ земли,
Ни въ эѳирномъ царствѣ неба, ни въ глубинѣ морской,
Ни одно, кромѣ безумныхъ дѣлъ, совершаемыхъ самовольно злыми.
Но ты даже и худо умѣешь обратить во спасеніе,
Устрояя безрядное, разрѣшая ненависть въ любовь,
Съ тѣмъ чтобы и самое зло пріурочить къ общему строю блага,
Чтобы во всемъ жилъ и властвовалъ единый духъ.
Закона его между смертными убѣгаютъ только творящіе злое;
Несчастные! они жаждутъ вѣчныхъ благъ,
А между тѣмъ не хотятъ слушать и чтить общезаконной воли Бога;
По повинуйся они ей, тогда и они наслаждались бы благополучіемъ.
Утративъ же однажды прекрасное, мечутся они изъ стороны въ сторону:
Однихъ вѣчно подстрекаетъ къ борьбѣ любостяжаніе,
У нихъ только и заботы, какъ бы побольше нажить золота;
Другіе постоянно ищутъ покоя и лелѣятъ свою плоть, —
Всѣ стремясь къ противоположному съ немощнымъ всегда рвеніемъ.
Ты же Зевсъ, всеподатель, молніевержецъ, облеченный темной мглою,
Отврати, отврати людей отъ горькаго самообольщенія,
Изжени его изъ душъ и дай намъ нашу часть въ совѣтѣ мудрости,
Которымъ ты устрояешь и благоустрояешь все сущее,
Чтобы, сами пользуясь почетомъ, мы воздавали честь и тебѣ,

Вѣчно славословя дѣла твои, какъ подобаетъ людямъ:
Вѣдь когда же доводилось богамъ и смертнымъ
Единогласно хвалить что-либо высшее твоего вседержительнаго закона?

Дройзенъ такъ рисуетъ въ цѣломъ свѣтлую сторону этого времени: «Можно положительно утверждать, что духовные интересы никогда такъ «не были распространены прежде, никогда не были такъ живы, такъ полны «лично-важнаго и общезначительнаго содержанія; они сдѣлались общимъ до«стояніемъ всего эллинистическаго міра. При совокупномъ обзорѣ этой эпохи, «изъ-за темныхъ образовъ междоусобій, разрушенія, кровожаднаго деспо«тизма, низкихъ придворныхъ происковъ, не забудьте и свѣтлыхъ ея сто«ронъ,—блеска вновь расцвѣтающихъ городовъ, отраднаго великолѣпія много«различнѣйшихъ художественныхъ произведеній, тысячи совсѣмъ новыхъ «усладъ, которыми жизнь обогатилась и украсилась, въ томъ числѣ и тѣхъ «высшихъ потребностей, которымъ старается удовлетворить все возростаю«щій обмѣнъ столько же исполненной вкуса, сколько и многосторонней ли«тературы, — и это на всемъ пространствѣ, которое охватилъ тогда элли«низмъ. Представьте себѣ эти толпы діонисовскихъ художниковъ съ ихъ «веселою бродячею жизнью, праздники и потѣшныя игры древнихъ и но«выхъ городовъ Греціи, занесенные на дальній Востокъ и собирающіе къ «себѣ участниковъ общаго торжества со всѣхъ рѣшительно концовъ обра«зованнаго міра. Вплоть до новыхъ поселеній по Оксу и Яксарту Грекъ «вездѣ встрѣчаетъ родныхъ и земляковъ; негоціантъ посылаетъ къ вежѣ «Серовъ за товаромъ для рынковъ Путеоли или Массиліи, и смѣлый Это«ліецъ ищетъ счастія на берегахъ Ганга или въ Мероэ. Ученые изслѣдыва«ютъ отдаленные края, отдаленное прошлое и чудеса природы; впервые рас«крываются теперь цѣлыя минувшія тысячелѣтія, срочныя теченія свѣ«тилъ, языки и литературы все новыхъ и новыхъ опять народовъ, которыхъ «горделивые Греки считали прежде варварами, чьи древніе памятники вы«зывали въ нихъ одно неосмысленное удивленье; въ постоянномъ свѣтѣ «звѣздъ наука впервые находитъ мѣру для земныхъ разстояній, она опредѣ«ляетъ ею самыя дальнія пространства, обозрѣваетъ и приводитъ въ систему «главныя формы или очертанія земли; она пытается связать и помирить между «собой доисторическія воспоминанія Вавилонянъ, Египтянъ, Индѣйцевъ, «пытается вывесть изъ нихъ новые результаты; всѣ эти разобщенные по«токи постепеннаго народосложенія, отчасти уже изсякшіе, отчасти зате«рявшіеся въ пустынѣ безъ опредѣленныхъ береговъ, сливаются теперь въ «одинъ обширный водоемъ эллинистической образованности и науки и со«храняются въ людской памяти уже на вѣки вѣковъ.»

Самъ Дройзенъ признаетъ здѣсь и темныя стороны. Нѣтъ уже той свѣжей, саморослой жизни, какая была прежде, нѣтъ того бодраго художественнаго творчества, нѣтъ того тихаго, но глубокаго жизнеобщенья съ божествомъ, нѣтъ въ душахъ того религіознаго мира; свѣтъ полонъ искуственныхъ, поддѣльныхъ положеній, произвольныхъ или затѣйливо придуманныхъ только формъ, преднамѣренность, рефлекція заступаютъ мѣсто юношескаго дыханія поэзіи, историческаго права и правообычая. «Пора естественнаго «государства изжита въ самомъ корню, какъ нѣчто подобное совершилось и

«въ исторіи земной планеты; первая гранитная скорлупа человѣчества рас-«палась и раздробилась въ своихъ могучихъ, твердыхъ формахъ,—начинаетъ «образовываться почва для обильнѣйшаго жизнеразвитія впереди. Человѣ-«чество добыло себѣ такую мощь духа, отъ которой оно уже не отступится, «какимъ безчисленнымъ треволненіямъ ни подвергались бы народы и госу-«дарства; этотъ идеальный добытокъ навсегда противосталъ теперь чисто-«естественному существованію народовъ и охватилъ собой все мѣстное, все «чисто-національное, хотя онъ и самъ еще подвластенъ дикимъ порывамъ «сбитаго съ толку внутренняго чувства». Передъ нами еще не совсѣмъ готовая жизнеродная почва, но по крайней мѣрѣ на лицо уже всѣ необходимыя условія новаго фасиза всемірной исторіи; вмѣстѣ съ Луттербекомъ можемъ мы назвать весь этотъ періодъ жертвенной порою, такъ-какъ народы древняго міра обрекаютъ на исгубленіе все лучшее что у нихъ есть, да воскреснетъ человѣчество къ новой, высшей жизни.

ПОСТРОЙКИ И ИЗВАЯНІЯ.

(Жанръ. Историческое искусство въ Пергамѣ. Родосская школа.)

Основаніе новыхъ городовъ Александромъ и его преемниками доставило зодчимъ случай не только постройкою храмовъ, дачъ, дворцовъ и театровъ доказать вездѣпримѣнимость греческихъ формъ и пересадить ихъ въ дальніе края Востока, но и достигнуть при этомъ разнообразныхъ общихъ эффектовъ въ планѣ цѣлаго и истинно-роскошной отдѣлки внутреннихъ пространствъ. Особенно блистали постройками Александрія и Антіохія. Греческое искусство стало теперь бить на величавость многосложныхъ сооруженій въ ихъ общемъ составѣ, на живописный общій эффектъ нѣсколькихъ построекъ въ совокупности, тогда какъ въ прежнее время оно заботилось только о пластически-изящной выработкѣ каждаго сооруженія въ одиночку. Ассирійцы положили начало этому направленію въ своихъ замкообразныхъ постройкахъ, гдѣ на общемъ террассированномъ фундаментѣ палаты и жилые покои властителей, а равно и храмы въ честь боговъ, всѣ примыкали въ разнообразной группировкѣ къ одному главному архитектоническому колоссу, высившемуся въ видѣ башни или пирамиды; Эллины выработали теперь гораздо художественнѣй всѣ частности и стали приводить ихъ въ совокупную, гармоническую связь: и здѣсь, черезъ сліяніе Запада съ Востокомъ, Александръ положилъ начало небывалой прежде новизнѣ,—поэзіи пространства, соединенію роскоши и пышнаго величія съ ясностью и красотой размѣровъ.

Дорійская архитектура въ своемъ строгомѣрномъ характерѣ и тѣмъ еще заявила себя истымъ выраженіемъ своебытнаго эллинства, что теперь всего менѣе могла быть употреблена въ дѣло, что стремленіе произвести эффектъ сравнительно-тонкими и далеко разставленными колоннами, что гоньба за игриво-богатымъ изукрашеніемъ, угрожали ей неминуемымъ упадкомъ; тогда-какъ, напротивъ, іонійскій и, еще болѣе, развернувшійся изъ него коринѳскій стиль, гораздо легче приспособлялись къ потребностямъ времени, и поэтому особенно пошелъ въ ходъ послѣдній. Очень вѣрно подмѣтили, что ровный и совсѣмъ гладкій фризъ безъ пластическихъ украшеній никуда здѣсь не годится, и потому напримѣръ фризъ Зевсова храма въ Аизани пущенъ слегка изгибистою волной, съ выникающими изъ него, повислыми листами, а въ промежуткѣ ихъ богато убранъ цвѣтами и звѣздами. Въ Пестумѣ, по близости Посейдонова храма, есть нѣсколько (дорійскихъ) развалинъ этого времени, въ которыхъ мягкость утолщеній и прикрасъ плохо вяжется съ масивною тяжелиною. Пріятнѣе навидъ остатки іонійскихъ и коринѳскихъ сооруженій въ Малой Азіи и въ Аѳинахъ, напримѣръ колосальный храмъ Зевсу, построенный здѣсь Антіохомъ Эпифаномъ. Особеннаго рода постройкой 2-го столѣтія предъ Р. Х. представляется еще осьмиугольная Вѣтровая башня, внутри которой находились водяные часы, по бокамъ снаружи часовыя солнечныя стрѣлки, а вверху на кровлѣ подвижной Тритонъ, указывавшій прутомъ на рельефную фигуру того именно вѣтра, какой дулъ въ ту минуту; фризъ украшенъ осемью летящими на крыльяхъ фигурами, въ которыхъ замысловато и вѣрно олицетворены вѣтры. Соединенный съ башнею водопроводъ держится на столпахъ связанныхъ круглыми арками; но послѣднія не сложены однако сводомъ, а всѣ высѣчены изъ цѣльныхъ каменныхъ глыбъ: италійская форма свода принята здѣсь не въ строительномъ (конструктивномъ) значеніи, она только со вкусомъ употреблена въ декоративномъ смыслѣ.

Стремленіе эпохи къ колосальному и пышному въ связи съ любимою тогда наукой, механикой, нашло особенный случай заявить себя въ громадныхъ корабляхъ, какіе Гіеронъ II строилъ въ Сиракузахъ, а Птолемей Филопаторъ въ Александріи. Они приводились въ движеніе четырьмя тысячами гребцовъ, сидѣвшихъ въ нѣсколько рядовъ другъ надъ другомъ; храмы смѣнялись тутъ банями, залы — садами и бесѣдками, башни — колоннадами въ египетскомъ и греческомъ стилѣ; полъ и стѣны были украшены мозаичной и лѣпной работою. Расточительная роскошь владыкъ шла объруку съ умѣньемъ художниковъ, всегда готовыхъ осуществить эти сказочныя грезы восточной фантазіи съ находчивостью греческаго чутья и смысла.

И тутъ опять пластика оказывается настоящимъ искусствомъ Эллиновъ, потому что она одна разрѣшаетъ съ удивительнымъ мастерствомъ даже совсѣмъ новыя для нея задачи. Пора идеальнаго творчества конечно уже прошла, но при созданіи божественныхъ ликовъ въ главномъ держатся разъ добытаго для нихъ типа, не уклоняясь однакоже вполнѣ и отъ господствующей наклонности къ громадному и театральному. Мѣсто эпическаго спокойствія заступаетъ драматичная подвижность; въ произведеніи не льзя уже по забыть художника, какъ онъ прежде позабывалъ себя въ немъ самъ; субъективность тѣснится на первый планъ и въ помыслѣ и въ исполненіи, вездѣ

выставляютъ на видъ индивидуальное, вездѣ гонятся за напряженностью положенья и вездѣ замѣтна преднамѣренность, художникъ выказываетъ свою удаль, и созданіе его дѣйствуетъ на зрителя патологически-возбудительно, тѣмъ болѣе что и содержаніе часто берется изъ трагедіи. Въ Антіохіи, въ Александріи властители хотятъ озадачить внѣшнею пышностью, искусство должно служить имъ для мгновеннаго пораженія толпы блескомъ празднествъ и церемоній, а не то чтобы работать въ тиши для вѣчности. Тѣмъ не меньше создаются однакожь произведенія достигающія совершенства въ своемъ родѣ, и цѣлый свѣтъ дивовался ими до тѣхъ поръ, пока подлинники предъидущаго періода не познакомили насъ съ чѣмъ-то еще высшимъ; но тутъ не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ паденіи, напротивъ слѣдуетъ признать то, что изо всѣхъ искусствъ именно одна пластика осталась великою, несмотря на громадный переворотъ совершившійся въ ту эпоху.

Частная жизнь, какъ мы видѣли, стала теперь на ряду съ общественной, которая нашла особыхъ себѣ представителей въ постоянномъ войскѣ и въ чиновникахъ (т. е. гражданскихъ должностныхъ лицахъ); поэтому искусству выпала новая задача производить не такъ крупныя работы про домашній бытъ, въ угоду знатокамъ, и искать содержанія для нихъ въ сферѣ повседневнаго и навзглядъ обычнаго, но возводя его на степень красоты (въ перлъ созданія), выявляя и его значеніе и его цѣнность: такимъ образомъ жанръ предстаетъ намъ уже и въ антикѣ. Мы читаемъ у древнихъ объ одномъ живописцѣ, Пирикѣ, который писалъ брадобрѣйни и кухонныя сцены, объ Антифилѣ, который съ блестящимъ свѣтовымъ эффектомъ изобразилъ мальчика, вздувающаго огонь, о другихъ, возбуждавшихъ невольный смѣхъ своими потѣшными каррикатурами. Отъ пластики дошли до насъ кое-какіе остатки, напримѣръ, въ нѣсколькихъ воспроизведеніяхъ, Мальчикъ-гусарь Халкедонянина Воэоа: мальчуганъ такъ смѣло и сильно вцѣпился въ гуся, что наивность и свѣжесть этого изваянія всегда способна развеселить васъ. Какъ удивительно выражена противоположность старости съ юностью въ другомъ мальчикѣ, который, играя маскою Сатира, почти совершенно изчезаетъ за нею, когда хочетъ приставить ее къ своему ребяческому личику! Какъ весь погруженъ въ свое занятіе тотъ Капитолійскій отрокъ, что̀ старается вынуть занозу изъ ступни! «Основной мотивъ, схваченный художникомъ въ этомъ дѣйствіи, приводитъ «всѣ суставы нѣжнаго и благороднаго тѣла въ мягкое напряженіе, которое «даетъ богатый и совершенный образъ той гибкости, какою надѣлена костная «и мышечная система въ человѣкѣ». (Эмиль Браунъ). Сюда же отношу я и мальчика съ дѣвочкой, цалующихся обнявшись; они обыкновенно слывутъ за Эрота и Психею, но такъ-какъ при нихъ нѣтъ ни какихъ аттрибутовъ божества, то они могутъ быть изображеніемъ и нѣжнѣйшей братской любви; назову еще прелестнаго маленькаго Эрота на выгнутой спинѣ дельфина въ Неаполѣ. Конечно, переходъ къ сладострастному и соблазнительному сталъ неизбѣженъ, когда иные художники, чтобы слить красоту мужескаго тѣла съ прелестями женскаго и чтобы представить типъ мужеженственнаго начала восточной миѳологіи въ Гермафродитѣ, вздумали придать тѣлу дѣвушки мужской членъ.

Въ Пергамской школѣ совершился переходъ отъ миѳично-идеальнаго къ исторически-реальному стилю въ искусствѣ. Древніе мастера любили сим-

волически передавать современное первообразомъ его изъ богатырской былины; теперь захотѣли прославлять геройскіе подвиги настоящаго прямо уже въ нихъ самихъ. Встарину всѣмъ чужеродцамъ, напримѣръ Троянамъ или Амазонкамъ, придавали тѣ же самыя формы тѣла, тѣ же самыя черты лица что и Грекамъ, означая иноземность ихъ только одеждой и аттрибутами; теперь глазъ болѣе изощрился на особенности различныхъ націй, и когда Кельты или Галлы среди бродячихъ походовъ своихъ по Малой Азіи вторглись и въ Элладу, и когда имъ вездѣ предшествовалъ неописанный страхъ, пока они не были разбиты на̀ голову царями Эвменомъ и Атталомъ, тогда въ какомъ-нибудь приносномъ дарѣ правда можно еще было выставить битву боговъ съ Гигантами или Аѳинянъ съ Амазонками, но уже брались также аналогіи и изъ Персидскихъ войнъ; иногда дѣло прямо изображалось такъ, какъ оно было, а тутъ естественно хотѣлось распознать врагоѵъ въ лицо, вспомнить какими казались они страшными и какъ однакожь были потомъ преодолѣны. Плиній говоритъ что четыре художника—Исигонъ, Пиромахъ, Стратоникъ и Антигонъ, — пластически изобразили битвы Аттала и Эвмена противъ Галловъ; изъ этихъ группъ дошли до насъ два подлинника,—умирающій боецъ въ Капитоліи и воинъ въ виллѣ Людовизи, который лѣвою рукой поддерживаетъ еще только-что-убитую жену, а правой вонзаетъ мечь себѣ въ сердце. По этимъ произведеніямъ Бруннъ мастерски выслѣдилъ пріемы художниковъ. Надо было создать типъ варварскихъ тѣлъ, то-есть не опредѣленныя какія-нибудь личности, а такія фигуры, въ которыхъ проявлялись бы всѣ особенныя примѣты племени; задача эта не могла быть рѣшена непосредственною наглядкой (копировкой), тутъ требовалась художественная критика, тонкая разборчивость ума; изъ большого числа особей надлежало выдѣлить и подобрать тѣ общія имъ черты, которыми отличались онѣ отъ Эллиновъ, и этотъ плотскій характеръ слить съ соотвѣтственнымъ ему душевнымъ выраженіемъ въ одно исторически-вѣрное цѣлое. Художники отъ творчества идеальныхъ характеровъ перешли къ созданію національныхъ, а историческое искусство въ Римѣ на этомъ именно и основало свое развитіе; не даромъ послѣдній царь Пергамскій завѣщалъ державу свою Римлянамъ. Уже Винкельманъ мѣтко различилъ созданія прежняго идеальнаго стиля отъ этихъ новѣйшихъ изваяній: «Тѣ фигуры, какъ высокій герои-«ческій эпосъ, возводятся отъ правдоподобія за черту правды къ чудесно-«му; эти же—ни дать ни взять исторія, въ которой излагается одна прав-«да, но всегда лишь въ отборныхъ мысляхъ и словахъ.» Тѣла обоихъ воиновъ обнаруживаютъ больше дюжести или дебелой массивной силы нежели гибкій, выправленный въ палестрѣ, утонченный культурой Грекъ; кожа у нихъ тверже, похожѣе на звѣриную, истрескавшаяся и шероховатая свидѣтельствуетъ она о суровомъ небѣ и о суровомъ трудѣ; въ лицѣ постоянная плавность линіи греческаго профиля перерывается рѣзкими падинами или изломами; короткіе, взъерошенные волоса можемъ мы вслѣдъ за Діодоромъ уподобить сбитой конской гривѣ; усы на гладкомъ впрочемъ лицѣ, а также и кольцеобразный ожерелокъ на умирающемъ, прямо выдаютъ въ нихъ Галловъ. Относительно душевнаго выраженья вѣрною примѣтой варвара служитъ отсутствіе въ немъ всякой сдержки, беззавѣтная самоотдача всѣмъ порывамъ страстей; оттого выраженіе это патетически-потрясающе: здѣсь

оно — героизмъ отчаянія, готовый лучше умертвить самого себя и жену чѣмъ достаться во руки непріятелю, отстаивающій съ строптивою отвагой свою независимость даже и въ виду неминуемой смерти; — тамъ оно — скорбь паденія передъ врагомъ, тогда какъ кровь рѣкой течетъ изъ смертельной раны воина, а самъ онъ, рухнувши на щитъ, упирается еще правою рукой въ землю. Мы видимъ людей въ полномъ разгарѣ ихъ душевнаго движенія, съ рѣшимостью или достичь цѣли или погибнуть въ упорной борьбѣ; но какъ пришло І. Овербеку въ голову сказать, что тутъ нарочно обойдена даже и малѣйшая черта возвышеннаго духовнаго порыва? Нѣтъ, художникъ оставилъ и за врагомъ силу геройской воли во всей ея несокрушимости, и созданія эти конечно не производили бы на насъ такого глубоко-потрясающаго дѣйствія, не проявляйся въ варварѣ благородство человѣческой природы. Вотъ почему я и не отступлюсь отъ прежняго сужденія своего въ «Эстетикѣ»: черты умирающаго бойца выражаютъ не одно тѣлесное страданіе, да и не одинъ страхъ смерти, а ту внутреннюю духовную скорбь, которая сокрушаетъ его потому, что онъ не можетъ болѣе участвовать въ рѣшительной борьбѣ своихъ собратій, чувствуя въ каждой жилѣ тѣла полное разслабленіе; другой, напротивъ, собираетъ еще разъ всѣ силы, чтобы въ послѣднюю минуту независимости отстоять ее за собой навсегда: это не самоубійство изъ безумнаго отчаянія, а высокая жертвенная смерть въ трагедіи историческаго процесса.

До сихъ поръ мы не говорили еще о родосскомъ искусствѣ. Хотя островъ этотъ, какъ и вся остальная Греція, изстари не обходился безъ храмовъ и изваяній, но съ самобытнымъ, вѣчно достопамятнымъ творчествомъ вступилъ онъ въ ходъ развитія пластики только теперь, когда, сохранивъ свои республиканскіе порядки, онъ сталъ главой союза, вродѣ нѣмецкой Ганзы, сдѣлался гнѣздомъ всемірной торговли и могъ соперничать съ богатствомъ и блескомъ дворовъ сосѣднихъ властителей: подобнымъ же образомъ мы видимъ что и въ Венеціи живопись расцвѣла вполнѣ только уже послѣ Рафаэля. Ученикъ Лисиппа, Харесъ линдскій, основалъ тамъ школу и очень угодилъ богатымъ купцамъ Родоса своимъ умѣньемъ возбуждать общее удивленіе драгоцѣнностью матерьяла или бросающеюся въ глаза величиной эффектныхъ произведеній. Изъ числа родосскихъ колоссовъ особенно выдавалось изваяніе Солнобога, которое хотя и не стояло растопыривъ ноги надъ входомъ въ городскую пристань, такъ что подъ нимъ будто бы проходили суда не наклоняя мачтъ и не спуская парусовъ, однакожь дѣйствительно возвышалось болѣе чѣмъ на 100 футовъ въ живоподвижномъ положеніи, пока не было обрушено землетрясеніемъ черезъ 54 года послѣ его постановки. Объ одномъ родосскомъ ваятелѣ, Аристонидѣ, Плиній говоритъ, что своимъ кающимся Аоамадомъ онъ произвелъ такое же сильное впечатлѣніе какъ прежде Силаніонъ умирающею Іокастой; послѣдній подмѣшалъ будто бы серебра къ бронзѣ для придачи блѣднаго оттѣнка лицу, а первый подбавилъ къ ней желѣза, чтобы лучше обозначить румянецъ стыдливости,—и то и другое полуживописные уже фокусы, которыми сама себя выдаетъ неспособность высказаться однимъ совершенствомъ формы и которые бьютъ прямо на натуралистически-разительный эффектъ.

Я прежде указалъ на то, какъ Гомеръ и эпическій стиль вообще повліяли на пластику временъ Перикла, какъ Скопасъ и Праксптель дали пластическую форму настроенію чувства, лирикѣ, и какъ наконецъ въ Ніобѣ созданъ былъ противень Софокловской трагедіи. Драматизмъ, патетичность замѣтили мы потомъ въ пергамскихъ произведеніяхъ, и теперь находимъ ихъ особенно въ родосскихъ. Во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ предъ Р. X. не было уже, правда, великихъ трагиковъ; однакожь въ каждомъ значительномъ городѣ непремѣнно существовалъ театръ, и обокъ съ новыми драматическими попытками на немъ давались и произведенія старыхъ поэтовъ, какъ у насъ теперь даютъ Шекспира. Особенно любили тогда Эврипида, и его трогательныя изліянія субъективной страсти, его риторское обиліе представляли актерамъ достаточно поводовъ выказать всю ихъ виртуозность. Здѣсь же находили для себя сюжеты и мотивы пластическіе художники; при этомъ они являлись въ качествѣ дополнителей, наглядно представляя не видимую на сценѣ, а только разсказываемую катастрофу въ какой-нибудь группѣ, которая выводила дѣйствующія лица въ самый моментъ трагической развязки, когда ихъ постигалъ ударъ судьбы. Тутъ мы конечно стоимъ уже на послѣднемъ рубежѣ пластики. Въ этотъ моментъ высшаго напряженія противодѣйствующихъ другъ другу силъ группа разсчитывалась вѣдь только на одну опредѣленную точку зрѣнья, съ которой она и была вполнѣ ясна; разсматриваемыя же со всякаго другого мѣста, фигуры заслоняли одна другую, и цѣлое становилось неясно: тутъ естественно привходилъ живописный элементъ, проявлявшійся и во взаимодѣйствіи разныхъ фигуръ между собою; ни одна изъ нихъ не была уже самодовлѣющимъ, замкнутымъ въ себѣ міромъ, а значила что-нибудь только въ отношеніи къ другой. Притомъ пластика всегда способна уловить только одно мгновеніе; трагическое же, напротивъ, есть прекрасное, развивающееся именно въ процессѣ, дѣйствіе, которое приходитъ къ гармоніи путемъ разрѣшенія противоположностей, представляетъ въ гибели виновныхъ искупленіе вины и тѣмъ самымъ возноситъ насъ надъ страданьемъ. Но если передъ нами выставятъ одну лишь катастрофу безъ того что́ къ ней привело, то мы увидимъ потрясающій судъ, не видя въ то же время его справедливости, увидимъ страданіе, въ которомъ не замѣтно искупленья; то очищающее страсти и то примирительное дѣйствіе, которое можно назвать высшимъ освященіемъ искусства, мы ощутили бы только тогда, когда торжествующій духъ вознесся бы надъ тѣлесною болью и надъ временной гибелью въ область своей вѣчной свободы. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ патетическое и театральное заступаетъ мѣсто трагическаго; мы не возвышены, а только потрясены, и вынуждены дополнять запоздалымъ размышленіемъ то произведеніе искусства, которое понастоящему должно было бы непосредственно онаглядить передъ нами свою идею.

Знаменитѣйшее изъ созданій этого рода, пользовавшееся великимъ почетомъ еще и въ древности, дошло до насъ: это именно Лаокоонъ. Всѣ опорныя точки даны для него какъ разъ въ ту именно эпоху, а во времена Тита (къ которымъ относили его иные) не оказывается, какъ выяснилъ Велькеръ, ни какихъ. Плиній говоритъ намъ, что надъ нимъ трудились три родосскіе художника, — Агесандръ, Аоиподоръ и Полидоръ. Образцомъ для нихъ была Софоклова трагедія, а не Виргиліева Энеида. Въ драмѣ изображалась

кара судьбы постигшая жреца Аполлонова, Лаокоона, за то что въ заповѣдной рощѣ божества онъ вопреки его увѣту совершилъ прегрѣшеніе: въ то время какъ онъ хотѣлъ приносить жертву, вдругъ явились крылатые змѣи и обвили его вмѣстѣ съ дѣтьми, въ грѣхѣ зачатыми и рожденными; а такъ-какъ это событіе поколебало у народа вѣру въ добрый Лаокооновъ совѣтъ относительно деревяннаго коня, угрожавшаго такимъ бѣдствіемъ Троѣ, то злополучная смерть его повлекла за собой и погибель этого города. Лишись онъ жизни за то, что ко благу отечества успѣлъ проникнуть хитрый замыселъ враговъ и хотѣлъ помѣшать его исполненію, смерть его была бы не трагической, а просто возмутительной, и самый миоъ былъ бы безправственъ. Положимъ что для Грека общая связь цѣлаго была совершенно ясна изъ драмы, но ваятели все-таки представили вѣдь только страшный конецъ, не выказавъ тутъ же и справедливости ниспосланнаго бѣдствія, и Лаокоонъ не возвышается духомъ какъ мученикъ надъ горечью принимаемаго страданья; мы видимъ передъ собой именно лишь судорогу боли отъ тѣхъ ядовитыхъ ужаловъ, какими онъ внезапно пораженъ. Да и взаимная любовь между отцомъ и сыновьями оттѣнена совсѣмъ не такъ, чтобы она могла насъ сколько-нибудь успокоить; насъ успокоиваетъ только хорошо разсчитанная соразмѣрность композиціи, проливающая на всю группу какую-то кроткую, тихую грусть, или какъ посвоему обсуждаетъ это Фишеръ: Лаокоонъ терпитъ такія ужасныя муки, что выраженія воли, превозмогающей всѣ физическія и нравственныя страданія, должно искать здѣсь не столько въ той или другой отдѣльной чертѣ, сколько въ порушенномъ благородствѣ всякой формы и всякаго движенія, въ чисто-формальной сторонѣ и въ успокоивающемъ глазъ и чувство кругооборотѣ всѣхъ линій цѣлой группы, что̀ незримо изливаетъ на нее видимый однакожь духъ цѣломудренной граціи. Смягчительно дѣйствуетъ здѣсь и то, что одинъ изъ сыновей хотя уже и обвитъ по ногѣ змѣемъ, но еще не уязвленъ, что онъ самъ еще не страждетъ, а только съ боязнью и жалостью смотритъ на отца, и это въ ту минуту, когда чувство боли дошло у послѣдняго до крайности, а сынъ по другую его руку уже отстрадалъ и представляетъ образъ того тихаго мира, которой вскорѣ охватитъ и прочихъ. Такъ же почти говоритъ Фейербахъ: «На сыновьяхъ затихаетъ крикъ ужаса, «и оттого эта группа вышла не оглушительнымъ унисономъ, а стройнымъ «трезвучіемъ греческой пластики». Не слѣдъ, по примѣру нѣкоторыхъ новѣйшихъ археологовъ, видѣть въ этомъ мраморѣ одну только физическую боль: Винкельманъ читалъ въ скорбныхъ глазахъ его взглядъ, призывающій вышнюю момощь и вмѣстѣ горькое состраданіе отца; Шнаазе признавалъ въ немъ глубокое и благородное художественное произведеніе, да и Гёте уже предостерегалъ не розпить и здѣсь завѣтнаго единства природы и не отрицать въ Лаокоонѣ живого соучастія духовныхъ его силъ.

Превосходна пирамидальная постройка группы, превосходно еще и то, что змѣи обвили не грудь и туловище отца и сыновей, что̀ превратило бы тѣла ихъ въ какія-то одутлистыя массы и производило бы въ насъ тягостное чувство удушенія, а опутали имъ только ноги и руки, и такъ-какъ они соединяютъ отдѣльныя фигуры линіями, противоположными устремленнымъ вверхъ формамъ послѣднихъ, то связаны здѣсь только органы движенія, и благодаря этому среди ужаснѣйшей борьбы водворяется необходимый для пластики

моментъ сдержки и покоя. Въ то же время роковая гибель является неизбѣжною. Въ этомъ смыслѣ назовемъ мы вмѣстѣ съ Гёте группу эту отвержденною молніей, окаменѣлою волной, и подивимся великому мастерству съ какимъ заразъ онагляжено передъ нами такое обиліе патетическихъ мотивовъ, — и онагляжено съ сокрушительнымъ могуществомъ, недоступнымъ для передающаго только исподоволь поэтическаго описанія. Лицо правда истерзано невыносимой болью, и моментальное напряженіе чрезмѣрно выпучило мышцы въ судорогѣ предсмертной борьбы. Бруннъ очень мѣтко разъяснилъ что искусство и рѣзецъ постоянно слѣдятъ здѣсь вдоль за мышечнымъ волокномъ, передавая его съ большимъ анатомическимъ знаніемъ въ этомъ именно направленіи, но что они слишкомъ выставляютъ напоказъ это знаніе мастера, теряютъ изъ вида мягкость утонченныхъ переходовъ, оставляютъ жирокожную оболочку въ сторонѣ, тогда какъ въ натурѣ она всегда соединяетъ мелкія частности въ крупныя сравнительно массы и не выказываетъ, а даетъ только подозрѣвать, скрытную дѣятельность тѣхъ либо другихъ отдѣльныхъ мышцъ. Тутъ замѣтна уже поаристотелевская пора чисто-анатомическаго изученія. И какъ вообще ни удивителенъ прекрасно обдуманный планъ художниковъ, какъ ни отлично исполненіе его въ частяхъ, Бруннъ справедливо замѣчаетъ: «Величайшею похвалой художественному «произведенію всегда будетъ то, что оно заставляетъ насъ позабыть лич«ность художника и предстаетъ намъ вполнѣ свободнымъ созданіемъ, иде«ею, которая сама изъ себя по одной внутренней необходимости облеклась «плотью,—предстаетъ чѣмъ-то возникшимъ самобытно, а не сдѣланнымъ.»

Къ Лаокоону присоединяемъ мы такъ-называемую группу фарнезскаго Быка. Въ Римъ привезли ее съ острова Родоса; въ мраморѣ она выполнена Аполлоніемъ и Таврискомъ изъ Траллеса въ Каріи. Въ основаніи его лежитъ Эврипидова трагедія Антіопа. Антіопа родила отъ Зевса Амфіона и Зеѳа и претерпѣла потомъ много мукъ отъ Диркеи, жены царя Лика, такъ что вынуждена была бѣжать въ горы Киѳеронскаго хребта. Тамъ отыскала ее Диркея и велѣла двумъ молодымъ пастухамъ привязать бѣглянку на рога дикому быку; но юноши оказались дѣтьми Антіопы, узнали родную мать, и то что угрожало ей загнанной постигло теперь самоё Диркею. На двухъ выступахъ скалы Амфіонъ и Зеѳъ силятся смирить быка, который бѣсится и рвется между ними, и прикрѣпить къ рогамъ его Диркею; а та, упавъ посереди подъ взмахнутыя вверхъ переднія ноги разъяреннаго звѣря, тщетно молитъ пощадить ее. Антіопа, стоя позади животнаго, смотритъ на это спокойно. И здѣсь передъ нами катастрофа безъ всякой опять предшествующей мотивировки, судъ не овинословленный ни чѣмъ. Чувственное проявленіе и здѣсь превосходно, и сила, съ какою юноши держатъ еще въ рукахъ своихъ могучаго великолѣпнаго быка, подавляетъ въ насъ мысль о томъ, что въ ближайшій за тѣмъ мигъ разнузданная его ярость страшно уничтожитъ одно человѣческое существованіе. Быкъ, занимающій середину цѣлаго, показываетъ что за отличные звѣроваятели были Греки. Моментъ высшаго напряженія, самый страшный, взятъ удачно. Велькеръ говоритъ: «Это какъ «будто мина, сейчасъ готовая взлетѣть: съ величайшимъ искусствомъ груп«па захвачена словно силою въ тотъ самый моментъ, когда ей предстоитъ «развернуться во всей своей неудержной дикости.» Вполнѣ вѣрно еще и слѣ-

дующее сужденіе того же знатока: «Группа Быка собственно уже переходитъ за грань ваянія; потому-что на первый взглядъ она всегда производитъ сначала впечатлѣніе какой-то сбитой, взгроможденной массы, и походитъ на маленькую башню, выстроенную на четыреугольномъ подножіи, «или вообще на конусъ. Но когда вы начнете ее разсматривать, удивительно какъ съ любой точки зрѣнія, которую ни займете вы обходя кругомъ, «она представитъ вамъ однѣ только изящно-связныя линіи и дастъ съ каждой стороны особый видъ, какъ нѣчто цѣлое, которое можно пожалуй принять за самостоятельное сочиненье. При этомъ не льзя конечно отрицать, «что послѣ того какъ трагедія вызвала на сцену ужасающіе образы древней «былины, искусство устремило все свое вниманіе уже не на величіе и глубину «идей, а на необычайность внѣшнихъ явленій, и что въ созданіяхъ его надо съ «тѣхъ поръ искать не философскаго, а художественнаго лишь содержанья. «Въ этомъ отношеніи Лаокоона и фарнезскаго Быка можно признать близкими родными: въ обоихъ звѣрская сила страшно перемогаетъ силу человѣка, который черезъ нее испытываетъ на себѣ божественную справедливость; но благодаря поразительной чудесности неравной этой борьбы и «благодаря красотѣ расположенія, нашъ ужасъ переходитъ въ изумленіе, соболѣзнованіе—въ невольное удивленье, мастерство исполнителя торжествуетъ надъ грубоватостью содержанія, и совершенство художнической руки «оправдываетъ смѣлый ея выборъ.»

Любке вѣрно отнесъ къ родосскому искусству два другія произведенія,—умирающаго Александра и группу Борцовъ во флорентинскихъ Уффиціяхъ. Бюстъ перваго производитъ на насъ впечатлѣніе какъ будто бы большой поэтической заплачки по юномъ богатырѣ, котораго неумолимый рокъ вырываетъ среди всѣхъ его замысловъ, которому оттого такъ и мучительно разстаться съ непоконченной еще жизнью. Борцы высятся изящно съ любой стороны, и сплетшіеся члены ихъ въ то же время ясно отдѣлились другъ отъ друга; мигъ послѣдняго рѣшенія напрягаетъ всю силу ихъ до крайности, и вниманье зрителя не менѣе того напряжено.

Монеты обдѣлывались больше ремесленнически; но въ рѣзьбѣ по камню искусство этой эпохи создало много превосходныхъ вещей. Геммы (рѣзныя камни) употреблялись и на украшеніе нарядной посуды. Мелкіе рельефы рѣзали не только въ глубь для печатей, но и выпукло надъ поверхностью камней (Камеи), и всего охотнѣе выбирали для того разноцвѣтные по слоямъ ониксы или сардониксы, такъ что изображаемый предметъ выступалъ свѣтло на темномъ сравнительно грунтѣ. Или при рѣзьбѣ подобныхъ камней ловко пользовались этимъ природнымъ ихъ свойствомъ для живописнаго оживленія пластическихъ формъ. Отличнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ камеевъ представляютъ Птолемея II и его жену.

На ряду съ жанровою живописью, о которой говорено выше, характерны были тѣ сценическіе эффекты, какіе производилъ Ѳеонъ. Такъ онъ выставилъ изображеніе тяжеловооруженнаго воина, но сначала за занавѣсомъ, который поднимали только тогда, когда трубачъ подавалъ сигналъ къ нападенью. Напротивъ, Тимомахъ шелъ по стопамъ преждепомянутыхъ трагическихъ пластиковъ, и умѣлъ съ поэтическою чуткостью выбрать всегда настоящій

моментъ, воспользоваться техническими добытками прежнихъ мастеровъ при исполненіи и соединить мысль композиціи и характерное выраженье лицъ съ эффектнымъ колоритомъ. Такъ написалъ онъ Аякса, приходящаго въ себя послѣ неистовства, въ какомъ перебилъ онъ стадо,—Медею при видѣ своихъ невинно-играющихъ дѣтей, которыхъ собирается она предать смерти,—Ифигенію готовую принесть въ жертву Ореста и узнающую что это ея братъ. На рисункахъ вазъ этого времени видимъ мы образцы роскошнаго стиля. Онѣ по большой части открыты были въ Апуліи, гдѣ вѣроятно и дѣланы. Художники старались записать весь сосудъ, а потому одно и то же событіе часто подѣляли на разныя сцены; группы располагались рядами одна надъ другой и обвивались вокругъ растеніями въ видѣ арабескъ или какимъ-нибудь линейнымъ узоромъ; спокойствіе и сразуобозримая ясность композиціи теряются въ загромождающемъ избыткѣ подробностей. Между трагическихъ и комическихъ картинъ часто встрѣчаемъ мы сцены неземныя, изъ мистерій.

Я не разъ уже высказывалъ что субъективный, личный духъ, входя самъ въ себя, долженъ былъ упразднить ту самородную гармонію, въ какой первоначально стоялъ онъ съ природою въ Элладѣ, что субъективная свобода, которая ищетъ высшаго приговора въ собственной совѣсти, рѣшительно загубила жизнь античной общины, хотѣвшей чтобы человѣкъ весь исчезалъ въ гражданинѣ, совершенно подчинялся цѣлому; что прогрессъ мысли, философское самовразумленіе должны были подточить ту форму вѣры, которая, разсматривая божественное сквозь призму фантазіи, развернула его во множество разныхъ обличій. Набожность, благочестіе не были вѣдь источникомъ нравственныхъ заповѣдей, а только ими же и предписывались; поэтому болѣе чистое правоученіе должно было противорѣчить древнимъ богамъ, по сколько они являлись только идеалами природы, противорѣчить миоамъ, гдѣ они олицетворялись и дѣйствовали какъ чисто-естественныя силы. Вотъ отчего, какъ ни великолѣпно было эллинство, человѣческій прогрессъ перешагнулъ завѣтную его грань. Отсюда дѣлается понятною вся состоятельность полномысленнаго слова Шнаазе: «Греческая исторія съ этой стороны «является словно великою трагедіей. Эллада какъ Ахиллъ должна умереть «во цвѣтѣ юности послѣ истинно богоподобныхъ дѣлъ, какъ Эдипъ и Орестъ «должна она исполнить бывшія ей прорицанія, должна изъ повиновенія бо-«гамъ нарушить священные законы міра, и такимъ образомъ пасть безъ «вины виноватою. Предчувствіе этой судьбы никогда и не покидало благо-«родныхъ Грековъ, темной тѣнью лежало оно на ясномъ и отрадномъ ихъ «быту. Оно породило уже вѣдь и тѣ богатырскіе облики, и оно же опять зву-«читъ въ жалобныхъ пѣсняхъ трагическаго хора, даже въ вакхическомъ ве-«сельи Аристофановой комедіи. Также и въ пластикѣ очевидно опять скорб-«ное это чувство. Въ раннихъ ея произведеніяхъ проявляется оно мертвенно-«строгимъ спокойствіемъ покорности судьбѣ, въ позднѣйшихъ, даже при со-«зданіи такихъ обликовъ, которые какъ будто бы только и живутъ что услаж-«деніемъ и силой, ихъ тихія прекрасныя черты дышатъ какою-то жалобой, «сокровенною тоской или подавленною страстью. Правда, боги эти предста-«ютъ въ блаженномъ спокойствіи, съ чувствомъ полнаго самодовлѣнія и не-«знанія ни какихъ нуждъ; но все же въ нихъ ощутителенъ намъ оттѣнокъ

«той внутренней жажды, которая нападаетъ и на насъ среди всей полноты «жизненнаго наслажденія,—неутолимой жажды чего-то высшаго, неземного. «И эта именно черта затаенной грусти придаетъ божескимъ ликамъ древ-«нихъ печать высокаго освященія, безъ которой изящныя ихъ формы но-«сили бы только характеръ плѣнительной чувственности; въ одной этой скво-«зящей здѣсь чертѣ болѣе живого благочестія нежели въ многахъ всей безчи-«сленной вереницы боговъ Олимпа: въ ней отражается тотъ полный жажды «взглядъ, который изъ среды прекраснаго, но скоротечнаго существованія «всегда устремленъ къ высшему, въ ней есть предчувствіе того что ихъ бо-«гатоодаренной жизни все-таки недостаетъ еще верховнаго освященія.»

НОВАЯ КОМЕДІЯ И ИДИЛЛІЯ. АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. СТОИЧЕСКАЯ, ЭПИКУРЕЙСКАЯ, СКЕПТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Мы разсмотрѣли органическій ходъ поэзіи Грековъ въ своебытномъ ея развитіи: какъ изъ зерна религіозной народной пѣсни, которая, подобно пѣснямъ Ведъ, заключала въ себѣ еще нераздѣльно разновидныя поэтическія формы, она выработала вопервыхъ объективный богатырскій эпосъ, потомъ субъективную лирику, и завершилась наконецъ въ драмѣ взаимнымъ соприкосновеніемъ обѣихъ этихъ стихій. Такъ-какъ человѣкъ въ Элладѣ былъ гражданиномъ по преимуществу, то и въ поэзіи ея слышался намъ голосъ религіозной и политической жизни; а когда эта жизнь утратила всю свою самобытность и независимость, чтобы цѣликомъ пойдти на общечеловѣческое образованіе, тогда послѣдній геніальный поэтъ Греціи, Аристофанъ, справилъ тризну по своеобразной этой поэзіи съ такимъ бодрымъ и веселымъ духомъ, который ясно обличалъ въ немъ полную увѣренность въ ея безсмертіи. Уже у Эврипида мы замѣтили, какъ возникло начало новой міровой эпохи и на первыхъ порахъ только разрушило гармоническій, самородный строй прежняго искусства. Много времени потребовалось ему на то, чтобы найдти соотвѣтственную его сущности изящную форму. Но Муза, улыбавшаяся Грекамъ съ колыбели, сопровождала ихъ и въ переходной этой порѣ, и подарила имъ прежде всего еще новую комедію и идиллію.

Частная жизнь заступила мѣсто общественной, а вслѣдствіе того, какъ въ изобразительномъ искусствѣ, такъ и въ комедіи, появился жанръ. Аристофанъ былъ единственъ въ своемъ родѣ; теперь же мы видимъ передъ собой начало такой всеобщей комедіи, которая продолжается потомъ у всѣхъ народовъ, постепенно входящихъ въ кругъ нововозникшаго человѣческаго образованія. Вмѣсто фантастически - идеальныхъ картинъ всѣ хотятъ теперь возможно-вѣрнаго отраженія быта и нравовъ настоящей эпохи,

вмѣсто миѳа— какого-нибудь интереснаго событія изъ области семьи, и характеры становятся носителями общечеловѣческихъ уже качествъ и всегда снова повторяющихся направленій, недостатковъ и добродѣтелей; мѣсто роковой судьбы заступаетъ случай, интрига, и все дѣло теперь въ томъ, какъ бы не поддаться интригѣ, какъ бы перехитрить ее, и какъ бы употребить случай въ свою пользу. Разсудокъ беретъ верхъ надъ фантазіей. Всѣ требуютъ извѣданнаго опытомъ, реальнаго, правдоподобнаго, и хотятъ въ то же время чтобы оно возвышалось надъ обыкновеннымъ, чтобы оно завлекало и удовлетворяло, проявляясь въ интересныхъ положеніяхъ, въ постепенно затягивающемся и развязывающемся узлѣ содержанья, въ ходѣ возростающихъ помѣхъ и трудностей, которыя потомъ забавно приводятся къ концу. Языкъ близко держится обиходной рѣчи; прежнее пареніе уступаетъ мѣсто плавной ясности, утонченной остротѣ. Идеальная возвышенность вообще исчезла вмѣстѣ съ хоромъ; сценою сталъ рынокъ или улица, играли все еще подъ открытымъ небомъ, и вся жизнь, на южный ладъ, шла болѣе передъ домомъ нежели внутри его: поэзія дома еще не раскрылась. Средоточіемъ индивидуальной судьбы является любовь, главнѣйшая пружина семейности: на ней вѣдь долженъ основаться, ею одушевиться весь домашній бытъ. Эротизмъ и здѣсь опять входитъ въ греческую поэзію; но, при недостаточной еще выработкѣ внутренняго чувства и при низкомъ положеніи женщины, онъ слишкомъ исключительно чувственъ и имѣетъ въ виду почти только однѣхъ гетеръ; любовь не составляетъ необходимаго внутренняго условія брака, а стоитъ еще внѣ его. И здѣсь опять только уже христіано-германскій міръ впервые далъ высшему началу соотвѣтственную форму и въ жизни и въ искусствѣ; но появленіе его среди этого поздпецвѣта греческой поэзіи, и притомъ не въ одной лишь драмѣ, а также въ идилліи, въ элегіи, въ эпосѣ, все - таки было свѣжимъ зародышемъ, который указывалъ на будущій разростъ.

До какой степени господства дошла рефлекція, это свидѣтельствуетъ бездна поговорокъ, уцѣлѣвшихъ намъ отъ комиковъ; все это выраженія житейскаго опыта, знакомства со свѣтомъ, а не правила практическаго разума, которыя заповѣдываютъ должное безусловно, какъ высшій, неотмѣнный уже законъ. Въ основаніи лежитъ здѣсь философія Эпикура: хотятъ сами жить и давать жить другимъ; тогда какъ Ѳеофрастовы «Характеры», обрисовывая различныя направленія ума и сердца, представляютъ науку въ художественномъ изложеніи. Что касается до постоянныхъ характеровъ комедіи, они взяты съ типовъ тогдашняго аѳинскаго общества: отцы обыкновенно брюзгливы, скупы, строги, или же черезчуръ женоугодливы, и тогда уже снисходительны къ сыновьямъ, предоставляя имъ полную волю выбѣситься; матери—или кротки и разсудительны, или же напротивъ самовластны и крайне горды своимъ богатствомъ; юноша всегда расточителенъ и легкомысленъ, но при этомъ добродушенъ и милъ; вѣтреная дѣвушка привлекательна, тщеславна, испорчена, себялюбива, или же способна еще къ благороднымъ чувствамъ и къ исправленію; далѣе идетъ льстецъ или подхлебникъ, который очень любитъ поѣсть не трудясь и готовъ на все за хорошее угощеніе; храбрецъ на словахъ, который хвастаетъ передъ чужими блескомъ своихъ военныхъ подвиговъ, проматываетъ добычу съ безпутными дѣвками, а въ сущности ни отваженъ, ни остеръ; служанка, соблазняющая барышень предаться удовольствіямъ

чувственной любви, сводникъ и рабопродавецъ, наживающійся отъ падкой на любовь эту молодежи, и наконецъ рабы, изъ которыхъ иной постоянно вызываетъ общій смѣхъ своей грубостью и тупоуміемъ, но другіе зато часто орудуютъ всей интригою, держа нить ея въ своей рукѣ, помогаютъ молодому барину своимъ пронырствомъ и, какъ записные потѣшники, трунятъ насчетъ всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ піэсы. Роли эти играли всегда въ маскахъ, представлявшихъ къ вящшему увеселенію публики всѣ характеристическія черты въ каррикатурномъ видѣ.

«О жизнь, и ты, Менандръ, кто изъ васъ обоихъ подражалъ другому?» такъ замысловато выразился о Менандрѣ критикъ Аристофанъ. Поэтъ процвѣталъ въ Аѳинахъ при Александрѣ Великомъ и его преемникахъ. Онъ былъ гораздо утонченнѣе своихъ собратій по искусству, и одного изъ нихъ Филемона, угождавшаго во всемъ вкусу толпы, онъ озадачилъ разъ вопросомъ: «Не ужели ты не краснѣешь, побѣдивъ меня?» Рядомъ съ ними называютъ еще и другихъ комиковъ, но до насъ дошли только мелкіе отъ нихъ отрывки, а оглянуть піэсы ихъ въ цѣломъ, относительно построенія, намъ можно будетъ только тогда, когда прійдетъ очередь говорить о римскихъ подражателяхъ имъ, Плавтѣ и Теренціи; потому что именно комедіей аттическая образованность распространилась и на Римъ. Уцѣлѣвшіе остатки представляютъ много близкаго съ Эврипидомъ. Одно Менандрово словцо Гёте взялъ девизомъ для своей автобіографіи: «Кто не ободранъ, тотъ вѣкъ останется неучемъ». И Филемонъ, въ духѣ своего времени, говорилъ: «Ты человѣкъ, знай это, и никогда не забывай.» А вотъ еще одинъ отзывъ Менандра же: «Что за милая вещь человѣкъ, когда онъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ.»

Въ новой комедіи становится очевиднымъ, что мѣсто своенародной первичности, одушевляемой религіозными и политическими идеями, заступила теперь богатая опытомъ, остроумная, сластолюбивая цивилизація большихъ городовъ. Но въ такое именно время и зарождается обыкновенно во многихъ душахъ тоска по утраченной природѣ и мечта о золотой порѣ невинности и счастія, предшествовавшей всякой культурѣ и чуждой всякой исторической борьбы; она переноситъ воображаемый этотъ бытъ на сельское сословіе, и чѣмъ безсодержательнѣе выходитъ картина подобнаго быта, тѣмъ легче мягкой сантиментальности вложить въ нее свои собственныя ощущенія, свои шаловливыя затѣи, и тѣмъ тщательнѣе старается она принарядить ихъ щеголевато-выглаженною формой. Это встрѣчаемъ мы и въ пастушеской поэзіи подконецъ средневѣковаго рыцарскаго образованія, и позже у Геснера. Но Грекамъ судьба и тутъ послала такого поэта, который среди искусственныхъ отношеній ученаго времени умѣлъ подслушать чистый еще голосъ природы и художнически завершилъ народныя пѣсни сицилійскихъ пастуховъ, такъ что ему удалось нарисовать свѣжую картину жизни и быта нижнихъ сословій съ окружающею ихъ естественной, привольной обстановкою. То былъ Ѳеокритъ Сиракузянинъ, жившій отчасти здѣсь, отчасти при александрійскомъ дворѣ, въ первой половинѣ 3-го столѣтія. Изъ устъ народа слышалъ онъ разсказы о пастухѣ Дафнидѣ и о томъ, какъ трогательно онъ умеръ, крѣпко храня вѣрную любовь, или о киклопѣ Полифемѣ и его уха-

живаніи за морскою нимфой Галатеей; изъ народныхъ устъ занялъ онъ и ту поэтическую форму, гдѣ одинъ часто повторяющійся стихъ звучитъ какъ бы постояннымъ припѣвомъ сквозь цѣлое стихотвореніе, гдѣ два соревнующіе пѣвца выражаютъ въ соотвѣтственныхъ одна другой строфахъ и въ параллелизмѣ изящныхъ оборотовъ свои обоюдныя чувства и созерцанія. При этомъ онъ держался дѣйствительности и, въ своихъ небольшихъ картинкахъ или идилліяхъ, не столько описывалъ пастуховъ, судовщиковъ, мужщинъ и женщинъ изъ простолюдства, сколько давалъ высказываться имъ самимъ, охотно примыкая къ мимамъ Сицилійцевъ, то-есть къ драматизованнымъ сценамъ изъ народной жизни, которыя были у нихъ въ большомъ ходу. Основной тонъ его поэзіи эпически-объективенъ, но порой онъ вводитъ въ него лирическое изліяніе или же перекличную пѣсню, а порой представляетъ вамъ угадать изъ этой переклички дальнѣйшій ходъ исторіи. Человѣкъ у него всегда впереди, онъ не любитъ широко расписывать внѣшнія явленія, природу онагляживаетъ онъ выраженіемъ внутренняго чувства или даетъ вамъ смотрѣть на нее глазами дѣйствующихъ лицъ стихотворенія. Онъ беретъ дѣйствительность съ здоровымъ, можно-сказать дюжимъ, реализмомъ, и трактуетъ ее то съ веселою ироніей, то съ истинной любовью къ сельской жизни, открывая послѣднюю двору и городу, какъ дѣлаютъ Фоссъ, Хебель, Кобелль и лучшіе разскащики деревенскихъ повѣстей; онъ служитъ для нихъ образцомъ и тѣмъ, что мастерски пользуясь мѣстнымъ говоромъ вольнѣе оттѣняетъ всѣ особенности выраженья. Вотъ отчего есть нѣчто освѣжительно-милое въ своеобразной его поэзіи, вдается ли онъ самъ въ грустный тонъ соболѣзнуя бѣдному Дафниду, или сквозь крайнюю неуклюжесть молодого циклопа все-таки даетъ проглянуть трогательной сердечности, или наконецъ, въ Адоніасусахъ (т. е. женщинахъ, празднующихъ Адонису), доставляетъ намъ случай непосредственно пережить египетское торжество благодаря стрёкоту участвующихъ въ немъ болтливыхъ Сиракузянокъ. Напротивъ, очень неважна попытка его воспѣть Иракла въ героическомъ стилѣ, и даже отвратительнымъ кажется намъ его ласкательство, когда, превознося царя Птолемея II-го, онъ уподобляетъ его Зевсу за то, видите, что и онъ женатъ на родной сестрѣ. Онъ великъ въ тѣсной сферѣ, въ малой области. Обокъ съ вѣрнымъ чутьемъ природы и онъ, съ своей стороны, вводитъ въ поэзію любовь, присоединяя къ чувственности сердечность и сообщая иногда плутовски-веселый оттѣнокъ меланхолической тоскѣ, неразлучной съ усладами взаимной страсти.

Ни одинъ изъ двухъ его преемниковъ не сравнялся съ Ѳеокритомъ; оба они сантиментальны, «Біонъ болѣе риториченъ, а Мосхъ болѣе описателенъ.» У нихъ сейчасъ замѣтна искусственность, тогда какъ у Ѳеокрита слышится еще естественный звукъ чисто-эллинской поэзіи.

Настоящею задачей того времени было вѣдь также широкое распространеніе добытой прежде образованности и литературы, и задача эта выполняется на первыхъ порахъ тѣмъ, что греческій языкъ разлился по всей державѣ Александра и сталъ единительною связью, средствомъ общенія между народами; на немъ понимали другъ друга всѣ образованные безъ различія племенъ, хотя племенное начало и придавало общему языку тотъ или другой діалектическій

оттѣнокъ, такъ что напримѣръ въ Малой Азіи рѣчь была мягче и пѣвучѣе, въ Египтѣ — жестче и широковѣщательнѣй. Языкъ этотъ такъ и назывался «общимъ» (κοινή), въ смыслѣ всѣмъ доступнаго просторѣчія. Внутри, разумѣется, дѣйствовалъ вездѣ своенародный духъ; восточная мысль одѣлась въ европейскую оболочку, а отъ Грековъ преимущественно заняли здѣсь только то, что было необходимо и пригодно для вседневнаго употребленія. Но недоставало чутья чувственной силы и символичности въ словахъ и оборотахъ, составъ предложеній расшатался и обезритмѣлъ. *) Народы, употреблявшіе этотъ языкъ, прослыли эллинствующими, и отсюда весь этотъ періодъ названъ временемъ Эллинизма. Такіе города какъ Антіохія, Сидонъ, Тарсъ, Эфесъ, Родосъ вмѣняли себѣ въ честь ученыя занятія; изъ числа царскихъ дворовъ особенно отличались этимъ пергамскій и александрійскій. Оба призывали ученыхъ, учреждали большія книгохранилища и соперничали одинъ передъ другимъ въ тщательномъ изслѣдованіи природы. Средоточіемъ научной дѣятельности стала преимущественно александрійская библіотека, такъ-какъ въ ней нашли себѣ главную опору познаніе и критика языка и его памятниковъ подъ именемъ грамматики, и такія отличные умы какъ Аристофанъ и Аристархъ основали настоящую школу, проложили первый путь для ученой оцѣнки великихъ поэтовъ Греціи и для установки чистаго ихъ текста. Палаты и портики, окружавшіе вблизи царскаго дворца и библіотеки храмъ, посвященный Музамъ, получили отъ того названіе Музея, и здѣсь предоставленныя дворомъ средства вполнѣ обезпечили досужее сожительство лучшимъ знатокамъ разныхъ наукъ для свободнаго обмѣна производимыхъ ими разысканій. Ни кого конечно не удивитъ, что такое покровительство учености поощрило вмѣстѣ и всезнайство и многописаніе, что дѣло не обошлось безъ ученаго самодурства и школьныхъ перебранокъ; безпощадный Тимонъ тогда уже говорилъ о многочисленной стаѣ, откармливаемой въ музейскомъ курятникѣ, о толпѣ книгомарателей, готовыхъ спорить и вздорить безъ конца, пока ихъ не вылѣчатъ отъ словеснаго поноса. Нельзя также отрицать что вѣчно-молодая природа была теперь замѣщена препаратами, что не живой духъ, а книги стали источникомъ мудрости, и что вслѣдствіе того бездна взошло чахлаго и сухого; но нельзя, съ другой стороны, не признать что математика, естествознаніе, землевѣдѣніе и народовѣдѣніе мощно двинулись впередъ, что съ основательной разборчивостью прекраснѣйшіе и лучшіе плоды греческой литературы сбережены были для современниковъ и для потомства, и что самое уразумѣніе ихъ было облегчено множествомъ пояснительныхъ толкованій. Александрія взяла на себя роль посредницы между древнимъ и новымъ міромъ. Въ своей собственной поэзіи Александрійцы оставались чисто-учеными, или мѣсто природы и искусства у нихъ совершенно заступила искусственность; они просто любили фокусы, — цѣлыя стихотворенія безъ буквы С, или напримѣръ въ видѣ крыльевъ, топоровъ, яицъ, или сплошь составленныя изъ стиховъ Гомера: это напоминаетъ намъ

---

*) Наглядный и еще усиленный примѣръ этому можно вездѣ видѣть и теперь на такъ-называемыхъ классическихъ „семинаріяхъ“: тамъ говорятъ погречески и полатыни, но конечно для Грековъ и Римлянъ многое осталось бы тутъ совершенно непонятнымъ, — и притомъ именно со стороны языка. Прим. перев.

«Пегницкихъ пастушковъ» въ Германіи *). Форма выростаетъ здѣсь не изъ существа вещи, а набирается изъ готоваго запаса со стороны; но она всегда академически правильна, выглажена и вытянута въ струнку. И когда сердце не внушало уже краснорѣчія, когда не стало уже вольныхъ народныхъ сходокъ, тогда школьное упражненіе принялось подбирать различные обороты рѣчи, — вопросы, восклицанія, обращенія, повторенія и т. д., въ видѣ особаго рода фигуръ для прикрасы пышныхъ риторскихъ словоизверженій.

Стихотворецъ Ликофронъ, писавшій не для народа, а для ученыхъ, далъ имъ въ своей трагедія «Александра» цѣлый изборникъ рѣдкихъ словъ, причудливо-странныхъ образовъ, отдаленныхъ намековъ; онъ окуталъ свои миѳологическія и историческія свѣдѣнья въ такую изысканную темноту, въ такую умышленную загадочность, что кому давалось понять его, тотъ въ правѣ былъ дивиться не одному автору, но и своей собственной смѣтливости, своимъ собственнымъ познаньямъ. — Гимнамъ Каллимаха Мансо произнесъ рѣшительный конечно приговоръ: они обнаруживаютъ не исполненную благочестія къ богамъ душу, а только память набитую ученостью, которая рада найдти какой бы то ни было предметъ чтобы свалить на него подавляющее ее бремя. Однакожь и Каллимахъ былъ вполнѣ правъ, когда отсовѣтовалъ своимъ современникамъ вступать обработкою большихъ эпическихъ сюжетовъ въ соперничество съ Гомеромъ и указывалъ имъ на болѣе мелкія изображенія. Вѣдь Аполлоній въ стилѣ героическаго пѣснопѣнія такъ прилежно изучилъ великіе древніе образцы, что держался ихъ даже во всѣхъ прилогахъ и уподобленіяхъ, а между тѣмъ въ «Походѣ Аргонавтовъ» естественный токъ стиховъ замѣнила у него риторская искуственность, художественную композицію — прозаическая основательность путеописанія, которое слѣдитъ за героемъ по пятамъ и, совершенно въ духѣ того времени, скорѣе даетъ картину земель, народовъ и нравовъ и ученый подборъ миѳическихъ преданій, нежели воскрешаетъ передъ читателемъ облики отжившей старины и онагляживаетъ въ ихъ судьбахъ и подвигахъ свойственный имъ характеръ и окружающую ихъ внѣшнюю обстановку. И какъ скуденъ онъ въ особенности тамъ, гдѣ касается мѣстностей Одиссеи! Поэтомъ онъ является собственно только въ третьей пѣснѣ. Здѣсь съ выступленіемъ на сцену Медеи открылось передъ нимъ новое поприще, здѣсь врывается въ эпосъ романтика любовной страсти и чаровства, здѣсь Аполлоній даетъ намъ какъ бы прелюдію фантастической средневѣковой поэзіи вплоть до Аріоста; здѣсь онъ новъ даже и въ сравненіяхъ: при взглядѣ на Язона сердце Медеи млѣетъ сладкимъ желаньемъ,

Какъ роса на листочкахъ розъ чахнетъ отъ утренняго солнца.

Правда, когда приходится ему изобразить душевныя волненія Медеи, онъ изъ вольнаго простора природы тотчасъ же переноситъ насъ въ комнату:

Какъ на хоромной стѣнѣ солнце играетъ трепетнымъ блескомъ,
Отраженное чистой водой, только что влитой въ ведро
Или въ тазъ металлически-ясный, и быстро лучъ свѣта дрожитъ

---

*) А также разныхъ итальянскихъ и французскихъ штукарей 16го и 17-го вѣка.

Въ шаткой подвижной струѣ, повинуясь ея колыханью,
Такъ въ груди дѣвы колеблется сердце тревожнымъ сомнѣньемъ.

Боги у Аполлонія становятся уже чисто-механическимъ приборомъ; поэтъ не вѣритъ въ нихъ; ихъ вмѣшательство замѣнили разныя волшебныя средства, что естественно роняетъ и человѣческое величіе: герои не живые уже характеры, а просто «чуть-замѣтныя тѣни, сотканныя изъ учено-книжнаго воздуха», какъ мѣтко окрестилъ ихъ Бернгарди.

Даже и въ любовной лирикѣ Александрійцы развѣ только на минуту разстаются съ своей ученостью, она проглядываетъ даже и въ шаловливыхъ анакреонтическихъ пѣсенкахъ, она и элегію украшаетъ примѣрами изъ былинъ и исторіи. Тутъ однакожь сліяніе прошлаго съ настоящимъ пожалуй еще умѣстно, тутъ чувство созвучно съ наблюденіемъ. Гермесіанаксъ собралъ вмѣстѣ всю череду знаменитыхъ богатырей духа, начиная съ Гомера и Орфея вплоть до своихъ друзей, чтобы показать какъ могуча власть любви и надъ поэтами и надъ мудрецами, при чемъ онъ съумѣлъ очень тонко и граціозно охарактеризовать ихъ. А. В. Шлегель называетъ его стихотвореніе рапсодіей прелестныхъ эпиграммъ, и признаетъ этотъ рядъ художественныхъ мелочей достойнымъ вѣнка изящной и нѣжно-поэтической живописи. Картины древнихъ трагедій, говоритъ онъ, предстаютъ намъ въ своемъ богатомъ и величественномъ расчлененіи монументами сооруженными на вѣчность; Пиндаровская поэзія часто выводитъ какой-нибудь высокій обликъ въ простыхъ и общихъ очертаніяхъ то мирно покоящимся передъ нами, то проносящимся мимо въ страшномъ блескѣ; а эти Гермесіанаксовы образы, по ихъ беззаботной полножизненности, можно всего ближе уподобить рельефнымъ работамъ, а по тщательной отдѣлкѣ — рѣзнымъ камнямъ древности. Вообще надля греческой антологіи, для сборника изящныхъ эпиграммъ, потомство нашло богатѣйшій матерьялъ именно въ александрійской эпохѣ. Тонкая разборчивость, образованный вкусъ заявили себя здѣсь въ пониманіи людей и вещей на практикѣ, а поэтическаго таланта достало еще для того, чтобы затѣйливо и пріятно выразить любой помыслъ въ неожиданномъ словооборотѣ, въ удачномъ, мѣткомъ образѣ, въ хорошо размѣренномъ стихѣ.

Наконецъ сама ученость стала содержаніемъ, а наученіе — цѣлью поэзіи, и вотъ мы встрѣчаемъ такія дидактическія стихотворенія, благодаря которымъ астрономія, ботаника, медицина становятся тѣмъ доступнѣе общему образованію, что въ нихъ пріятно проглядываетъ удовольствіе, находимое въ такихъ свѣдѣніяхъ самимъ поэтомъ. Особенно прославился Аратъ своей дидактической поэмой о звѣздномъ небѣ и признакахъ вёдра или ненастья: высокое содержаніе облечено у него въ форму старобытнаго достоинства и простой силы; описательная часть поддерживается благородными размышленіями и украшается миѳами. О другихъ трудахъ этого рода Александръ Гумбольдтъ отозвался такъ: «Наружный видъ и нравы животныхъ изобража-«ются въ нихъ съ граціей и часто съ такой точностью, что новѣйшее естество-«вѣдѣніе можетъ распознать здѣсь свои роды и даже виды. Но ни въ одномъ «изъ подобныхъ стихотвореній нѣтъ внутренней жизни, нѣтъ вдохновеннаго «взгляда на природу, нѣтъ именно того, благодаря чему внѣшній міръ почти «безотчетно увлекаетъ фантазію затронутаго имъ поэта». — Обращенная къ

природѣ размышляющая поэзія нашла себѣ наконецъ въ баснѣ такой предметъ, который давался ей необходимой дѣятельностью повседневной жизни, и Бабрій открылъ здѣсь настоящій кладъ, когда подслушанные у народа разсказы въ этомъ родѣ передалъ холіямбическими стихами въ небольшихъ картинкахъ, полныхъ искренней сердечности и простодушнаго лукавства. — Другіе облекали въ стихъ свои географическія и историческія познанія, какъ Хёрилъ еще въ блистательную пору Аоинъ пытался изложить Персидскія войны въ эпосѣ; но Греція до того сроднилась съ идеализаціей дѣйствительности въ поэтическомъ миоѣ, что не могла сверхъ-того создать еще и поэзію исторіи: начало этому положилъ только уже Шекспиръ, и дальнѣйшіе вѣнки на этомъ поприщѣ принадлежатъ будущимъ геніямъ!

Чѣмъ тѣснѣе поэзія соединялась съ ученостью, чѣмъ болѣе проникалась она отчетливымъ размышленіемъ (рефлекціей), тѣмъ болѣе отрѣшалась отъ музыкальнаго элемента души и отъ музыкальнаго аккомпанимента; ея не нужно было пѣть, даже не нужно было произносить вслухъ, ее надлежало читать про себя, втихомолку. Зато пріобрѣла болѣе самостоятельности музыка. И здѣсь, послѣ Пелопонесской войны, субъективность пѣвца заявила себя прямо и сдѣлалась вскорѣ виртуозностью, которая, чтобы выказать свою прыть, не служила какъ прежде искусству, а напротивъ сама взяла его въ услуженіе. Диопрамбъ, надъ которымъ Аристофанъ подшучивалъ, что воздушный блескъ его, темный какъ сизая сталь, улепетываетъ и невѣсть куда на своихъ размашистыхъ крыльяхъ, — диопрамбъ сталъ какимъ-то неудержимымъ потокомъ быстросмѣнныхъ ощущеній, и его пѣлъ уже не хоръ, а одиночный пѣвецъ, сопровождая всегда живыми тѣлодвиженіями и живописною игрой на инструментѣ. Александръ Великій постоянно держалъ при себѣ пѣвцовъ и пѣвицъ, которые блистали также и при дворахъ его преемниковъ. Простую прежде мелодію замѣнили теперь пестрыя фіоритуры, «неслыханное кишѣнье звуковъ», какъ говоритъ комикъ Перикратъ. Въ музыкѣ также полюбили теперь внушительныя массы и кудреватые росчерки, преизбытокъ всяческихъ прикрасъ. Вольный разгулъ фантазіи въ безпредѣльномъ царствѣ звуковъ, общепонятное выраженіе различныхъ настроеній и движеній души въ ихъ неизрекамыхъ порывахъ изъ темноты къ свѣту и къ гармонической ясности, ликующее торжество нескончаемой услады, что̀ дастъ совсѣмъ уже безсловная инструментальная музыка, — все это осталось вполнѣ чуждо смыслу Грековъ; отъ природы направленные къ пластикѣ, къ опредѣленности наглядной формы въ созерцаніи, они тѣшились одною только мелодіей стихотворныхъ произведеній. Искусство развить гармонію, которая вводитъ даже и диссонансы съ тѣмъ, чтобы потомъ отрадно разрѣшать ихъ, которая въ борьбѣ, въ соперничествѣ и въ согласіи различныхъ мелодій представляетъ образъ міроздавія и съ естественной и съ исторической его стороны, и дѣлаетъ его какъ бы всегда вновь слагающимся организмомъ, съ его неустаннымъ всегда стремленіемъ, его многотрудною работой и умѣньемъ примирить все чудное разнообразіе живыхъ силъ, — это симфоническое искусство осталось невѣдомо даже и генію Грековъ, а тѣмъ менѣе далось имъ осуществить его на однихъ лишь инструментахъ. Въ александрійскую эпоху они пытались эффектно пустить въ ходъ и особые звукооттѣнки разныхъ инструментовъ, и многоголосіе въ большихъ оркестро̀выхъ партіяхъ; но какъ

скоро покидали простую мелодію, то никогда не доходили дальше стрекчущей ухо или хаотической смѣси египетскихъ, малоазійскихъ и эллинскихъ напѣвовъ.

Если мы ограничимся исключительно тѣмъ, что̀ было возможно и необходимо въ ту эпоху, то, кромѣ вышеупомянутыхъ зачатковъ филологіи, намъ прійдется въ заключеніе коснуться еще нѣсколькими словами и другихъ наукъ. Вопервыхъ не льзя достойно восхвалить успѣховъ чистой математики, равно какъ и приложенія ея къ механикѣ и астрономіи. Не даромъ Эвклидъ сказалъ своему государю, что въ геометріи нѣтъ особаго пути и для царей; проложенной имъ дороги держатся вѣдь и донынѣ; ясность и опредѣленность уряжающаго художническаго духа изъ области фантазіи очевидно перешли теперь въ область разсудка. Подобную же славу заслужилъ себѣ Архимедъ въ стереометріи и въ механикѣ; то что̀ изобрѣтено имъ для постройки колосальныхъ судовъ и для обороны родного его города, какъ напримѣръ безконечный винтъ и другія орудія, которыя научилъ онъ употреблять, которыхъ основалъ теорію,—все это принадлежитъ къ вещамъ, безъ которыхъ не вообразима теперь практическая жизнь со всѣми ея работами. Аполлоній, родомъ изъ Перги, написалъ мастерскую книгу о коническихъ сѣченіяхъ. Начало плоской и сферической тригонометріи древнихъ положилъ Гиппархъ, самый точный наблюдатель свѣтилъ небесныхъ, величайшій астрономъ древности, чей геніальный взглядъ научилъ опредѣлять положеніе странъ и городовъ по небеснымъ явленіямъ.—Эратосѳенъ воспользовался совокупностью знаній своего времени и всѣми опытами, какіе представляла Александрія, средоточіе тогдашней міровой торговли, чтобы явиться творцомъ научной географіи, систематическаго землевѣдѣнія и народовѣдѣнія.— Поливій, попавшій въ Римъ заложникомъ, въ своей исторіи того времени умѣлъ уже стать на точку зрѣнія вѣчнаго города, къ которому перешло теперь міродержавство, и сдѣлался первоначальникомъ такъ-называемаго прогматизма, который не только передаетъ событія, но и разыскиваетъ причины ихъ въ положеніи вещей и въ людскихъ характерахъ, а также старается прослѣдить ихъ дѣйствія на цѣлое и тѣмъ дѣлаетъ исторію наставницей политики. Онъ основательно вникаетъ въ фактическое содержанье, но его трезвый разсудокъ вездѣ только и видитъ дѣло одного разсудка, а оттого онъ мелко плаваетъ тамъ, гдѣ вопросъ зайдетъ о нравственныхъ силахъ, о религіи и пламенномъ одушевленьи.

Происшедшій въ цѣлой жизни переворотъ былъ естественно сознанъ философіей; ея распространившееся вліяніе отчасти возмѣщало утрату народной религіи; въ ней искали и находили утѣшеніе среди страшнаго разгрома отечества, его независимости и свободы. Тотъ живой умозрительный побудъ, который добивается истины ради одного лишь познанья, правда, закончился для древности вмѣстѣ съ своенародной жизнью Эллиновъ въ лицѣ Платона и Аристотеля, и практическій интересъ взялъ теперь верхъ надъ теоретическимъ; захотѣли согласить человѣка въ немъ самомъ независимо отъ всего внѣшняго, помирить его на самодовольствѣ его собственнаго сознанія, обрѣсти непоколебимое счастіе въ спокойствіи души; вотъ что стало теперь цѣлью философіи и тѣмъ самымъ доставило этикѣ первенствующее

положенье; логика и физика сдѣлались лишь вспомогательными науками. Новыя системы оперлись, правда, на Сократа, который первый поставилъ задачею философамъ познаніе самого себя и добродѣтель, а у Платона и Аристотеля, равно какъ у древнѣйшихъ еще мыслителей, взяли то что подходило къ ихъ собственному взгляду, но воспроизвели все это съ своей точки зрѣнія, уже не вникая въ вещи ради ихъ самихъ и не развивая своей мысли съ діалектической послѣдовательностью. Для Платона и Аристотеля нравственность осуществлялась въ государствѣ; теперь мораль совсѣмъ отрѣшается отъ политики, единичное лицо уходитъ само въ себя, чтобы въ безконечности и свободѣ собственнаго духа возвыситься и надъ всѣми внѣшними отношеніями, и надъ природой, и за тѣмъ, позабывъ предѣлы народностей, признать во всѣхъ рѣшительно людяхъ одинаковый разумъ, одинаковое назначеніе. Верховное благо, истинное счастіе, видятъ только въ жизни согласной съ природою; но природа человѣка двояка,—всеобща или разумна, и особна (индивидуальна) или чувственна; вотъ почему изъ одного общаго корня выростаютъ два разныя, дополняющія другъ друга, міросозерцанія, двѣ философскія школы, стоическая и эпикурейская, которыя хотя и противоположны въ частностяхъ, однако сходятся въ окончательныхъ результатахъ и выставляютъ одинъ общій идеалъ мудреца. Для стоика разумная дѣятельность есть цѣль, а миръ и счастіе души—неизбѣжное ея слѣдствіе; эпикуреецъ видитъ цѣль въ благополучіи, но онъ можетъ достигнуть его только добродѣтелью и благоразуміемъ, а непоколебимость и самодовольство души въ чистомъ ея существѣ, это — единеніе личности со всеобщей истиною, правдой.

Зенонъ, родомъ изъ Киттіона на островѣ Кипрѣ, основалъ въ 300-мъ году предъ Р. Х. свою школу, которая прозвана Стоею по имени того портика въ Аѳинахъ, гдѣ онъ обучалъ; люди разныхъ странъ явились его послѣдователями и продолжателями, въ томъ числѣ Клеанѳъ и Хриссипъ. Мужественно примкнули они къ Киникамъ, которые хотѣли сдѣлать человѣк независимымъ, освободивъ его отъ всѣхъ потребностей, въ сущности излишнихъ, и надѣливъ самообладаніемъ; разумъ ставили они выше всего, видя въ немъ первоисточникъ и законъ міра; въ согласіи съ нимъ всякій достигаетъ своего назначенія,—добродѣтели и мудрости. И достоинство человѣка и его благополучіе состоятъ въ разумности, въ его образѣ мыслей, чувствъ и дѣйствій; зловредно и пагубно только дурное, отвлекающее отъ разумнаго пути, тогда какъ мудрецъ остается внутренно свободнымъ даже и въ оковахъ, и никакая напасть не въ силахъ возмутить душевнаго его спокойствія. Быть добродѣтельнымъ значитъ стать выше чувственности, обуздать свои страсти, покорить волю свою разуму, сердцемъ и душою отдаться долгу; всѣ внѣшнія блага имѣютъ условную только цѣну передъ добродѣтелью, или же просто ничего не значатъ. Но для познанія того что разумно намъ потребна наука, и истину находимъ мы въ понятіи, постигающемъ чувственный опытъ и пріурочивающемъ его разуму, приводящемъ его въ согласіе съ нимъ. Разумъ господствуетъ и во вселенной; онъ—Богъ или Провидѣніе, законъ всѣхъ рѣшительно вещей. И стоики не противопоставляютъ ему матеріи, въ качествѣ другого начала; божество, по мысли ихъ, есть вмѣстѣ и всеобщая коренная матеріальная сила, отъ которой исходитъ все сущее, оно же и душа

міра, которая все собой живитъ; первоосновный разумъ раскрывается въ безднѣ разумныхъ жизнезародышей и есть вмѣстѣ порядокъ ихъ частнаго развитія въ непрерывной цѣпи причинъ и дѣйствій. Стоики примыкаютъ здѣсь къ Гераклиту, который также вѣдь видѣлъ въ разумѣ, въ логосѣ, единый общій законъ, а на міръ смотрѣлъ какъ на вѣчно-текущее развитіе, нѣчто въ родѣ огненнаго процесса; подобно ему и они считаютъ каждую особь за членъ и моментъ цѣлаго. Богъ для нихъ—единство міра, а міръ —раскрывшееся божество; они переходятъ за дуализмъ, за двуначаліе, но отожествляютъ разумъ съ природою, Бога съ міромъ, и такимъ образомъ теоретически не способны уже отстоять свободы человѣческой, и самъ Богъ подвластенъ у нихъ необходимости и неизбѣжному ея року. Міръ является прямымъ осуществленьемъ божества; его цѣлесообразность, доброту и изящество стоики сводятъ въ систему оптимизма, гдѣ даже и все сопротивное, все дурное, какъ именно противочленъ хорошаго, имѣетъ свое значенье или въ концѣ концовъ должно быть все-таки подслужно добру. Они совѣтуютъ подчиняться общему ходу дѣлъ на свѣтѣ, такъ какъ настоящая свобода — покорность божеству; но нравственное мужество поддерживаетъ ихъ противъ ударовъ рока, а въ случаѣ нужды они требуютъ отъ человѣка рѣшимости разстаться съ жизнію и предпочесть недостойному существованію добровольно избранную смерть. Относительно религіи стоики основывались на томъ благородномъ началѣ, что самая лучшая служба божеству воспитывать себя его познаніемъ и поступать какъ должно. Имъ болѣе хотѣлось пріурочить свои убѣжденія къ народной вѣрѣ и преобразовать ее въ этомъ смыслѣ, нежели совсѣмъ обезвѣрить простодушную толпу; поэтому въ Зевсѣ видѣли они единое и безконечное существо, чьи различныя наименованія, силы и откровенья чествуются въ лицѣ множества боговъ, чей велемощный духъ проявляетъ себя и въ великихъ людяхъ, которые не даромъ слыли изстари за богоподобныхъ героевъ. При этомъ они широко и произвольно пользовались аллегорическимъ толкованіемъ; знаменія и чудеса принимали за естественныя предвѣстія грядущаго, высказывавшіяся въ общей связи всѣхъ вещей на свѣтѣ, а въ пророчествахъ искали даже доказательства божественному промыслу. Стало-быть, они оставались еще въ путахъ суевѣрнаго воззрѣнья на природу, тогда какъ напротивъ Эпикуръ видѣлъ въ познаніи естественныхъ причинъ всего сущаго единственный путь къ освобожденію людей отъ страховъ суевѣрія и боязни смерти.

Философія, по Эпикуру, должна вести къ счастію. Этимъ онъ примыкалъ къ сократику Аристиппу, который за верховное благо считалъ удовольствіе. Нѣтъ существа, которое не искало бы радости и не бѣжало страданій; но благоразумный человѣкъ всегда съумѣетъ отказать себѣ въ удовольствіи, сопряженномъ съ дурными послѣдствіями, и купить возможно бо́льшую утѣху цѣною возможно ме́ньшаго страданія. Оттого мудрецъ и не ищетъ счастія въ мимолетныхъ усладахъ чувствъ, тѣмъ болѣе что чрезмѣрность ихъ въ распутствѣ легко причиняетъ страшный вредъ, да и душа постоянно тревожится напоромъ вожделѣній; онъ ищетъ благополучія въ себѣ самомъ, въ чистой и непреходящей духовной радости. Къ прочному и настоящему довольству ведетъ только добродѣтель. Она дѣлаетъ насъ независимыми отъ внѣшностей, и ставитъ насъ на наши собственныя ноги. Нѣтъ ничего лучше бодрой и веселой

бѣдности, и чѣмъ умѣреннѣе будемъ мы жить, тѣмъ скорѣй добьемся беззаботнаго и безстраднаго существованія. Кто только гонится за средствами жизни, никогда не пользуясь ими въ спокойствіи, тотъ рѣшительно не достигаетъ цѣли.

Вѣрнымъ указателемъ истины Эпикурейцы считали ощущенье, прямое свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ; такъ-какъ индивидуальное, особное ставили они на первомъ мѣстѣ и всего выше, то и нашли для себя самый подходящій взглядъ на природу въ Демокритовомъ ученіи объ атомахъ, которое основывало и бытіе вселенной и всякое въ ней развитіе на недѣлимыхъ и самостоятельныхъ сущностяхъ. При этомъ они предоставляли полное господство случаю: изъ разнообразныхъ сочетаній силъ природы возникнетъ же иногда, думали они, и что-нибудь цѣлесообразное, прочное *). Они отвергали всякое сверхъестественное вмѣшательство въ независимый ходъ природы и особенно старались освободить сердца отъ страха передъ властью народныхъ боговъ, вооружаясь противъ миѳическихъ представленій и видя въ божествахъ только идеалы блаженной жизни, вѣчно услаждающіеся своимъ высокимъ преимуществомъ безъ малѣйшей заботы о земныхъ напастяхъ и бѣдахъ. Душа человѣка состоитъ, по ихъ мнѣнію, изъ тонкихъ атомовъ эѳира, которые при смерти возвращаются опять въ небеса, точно такъ же какъ тѣло въ свою очередь становится землею; смерть не можетъ быть зломъ уже и потому, что съ нею прекращается всякое ощущеніе, что она приноситъ съ собой полную безстрадность, и кто сознаетъ это, тому нечего бояться мнимыхъ адскихъ мукъ.

Борясь противъ изнѣживающаго сладострастія и противъ гнета тиранніи, стоики обрѣтали въ силѣ нравственной воли ту внутреннюю свободу, которая дѣлала ихъ независимыми отъ всего внѣшняго; духъ находилъ себѣ полное удовлетвореніе въ томъ, чтобы познавать и дѣлать разумное; оно составляло непоколебимую твердыню его покоя. Возвышенность эта была настоящимъ его величіемъ и вмѣстѣ необходимымъ шагомъ къ полной нравственности, точно также какъ отрѣшеніе отъ природы у Израильтянъ на религіозной почвѣ привело къ поклоненію духовному Божеству; темною же стороной такого направленія вышла самодовольная гордость добродѣтелью, апатія, которая проявляла себя больше подавленіемъ чувственныхъ побужденій, нежели руководящей надъ ними властью, и при этомъ совершенной безжалостностью къ другимъ. Эпикурейцы отчасти восполняли недостатки стоической школы: хотя и поблажая своимъ эвдемонизмомъ наклонности того времени къ вялому чувственному довольству, они все-таки смягчали нравственныя требованія извѣстной кротостью, а между тѣмъ также отводили человѣка отъ внѣшняго міра, сосредоточивали его на самомъ себѣ, и, какъ прекрасно говоритъ Целлеръ, «учили искать высшаго благополучія въ изящной человѣчности удовлетвореннаго самимъ собою сердца». Они проповѣдывали

*) Что устоитъ передъ напоромъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, котораго не выдержать другимъ менѣе прочнымъ сочетаніямъ. Ученіе это, вооруженное средствами новѣйшей науки, было еще недавно пущено опять въ ходъ Дарвиномъ съ блистательнымъ на первыхъ порахъ успѣхомъ. Прим. перев.

сострадание и благоволеніе ко всѣмъ; имъ казалось отраднѣе оказывать благодѣянія нежели принимать ихъ. Государство считали они почти только учрежденіемъ для охраны единичныхъ лицъ, не болѣе, но за то въ дружбѣ находили для послѣднихъ то добровольное жизнеобщеніе въ античномъ вкусѣ, которое позднѣйшія времена представляютъ уже только въ полной самоотдачѣ лица любви и семейству.

Стоики съ эпикурейцами сходятся еще и въ томъ, что выставляютъ новый идеалъ человѣчества, и притомъ именно нравственный, давая въ образѣ мудреца осуществленіе своихъ правилъ и завершеніе всей жизненной дѣятельности. Мудрый дѣлаетъ должное, поступая какъ велитъ познаніе добра; убѣжденіе его непоколебимо-твердо; равнодушный, спокойный, счастливый внутри себя, онъ—владыка своихъ пожеланій и совершенно независимъ отъ внѣшностей; ни какая блажь не пріютится въ немъ; онъ одинъ свободенъ, потому что властенъ самъ располагать собою; онъ счастливъ, потому что достигаетъ своей цѣли съ покойною душой; онъ истинный богачъ, потому что ни въ чемъ не нуждается и всѣмъ умѣетъ пользоваться какъ слѣдуетъ; онъ настоящій царь, которому все должно служить, настоящій поэтъ и единственный жрецъ, такъ-какъ онъ возвѣщаетъ слово истины и чтитъ Бога благочестіемъ поступковъ; въ немъ осуществляется разумъ, онъ витаетъ какъ богъ среди смертныхъ, подобясь Зевсу въ блаженномъ житіи. Вотъ идеалъ, представлявшійся тогда образованнымъ Грекамъ; мы можемъ поставить его на ряду съ упованіемъ Іудеевъ на Мессію, и если ему суждено было охватить человѣчество религіознымъ пыломъ и повести въ самомъ дѣлѣ къ возрожденію, онъ не долженъ былъ остаться философской только догмою, но явиться личнымъ образцомъ. И если нѣкогда тамъ второй Исаія видѣлъ именно въ страданіи и смерти залогъ спасающей любви, то развѣ Платонъ не сказалъ также объ истинно-праведномъ, что не совершивъ ни какой неправды, онъ приметъ видъ ея, да завѣрится передъ нами вполнѣ его праведность; что онъ будетъ закованъ въ цѣпи, бичуемъ, пытанъ, ослѣпленъ, и наконецъ, претерпѣвъ всѣ страданія, посаженъ еще на колъ?

Къ свободному успокоенію духа въ самомъ себѣ стоики и эпикурейцы стремились и положительнымъ, и догматическимъ путемъ: опираясь на опредѣленныя начала и имѣя ихъ постоянно въ виду, они выбирали изъ прежнихъ ученій все что казалось для того пригоднымъ; другіе мыслители шли къ той же цѣли отрицательной и критической дорогою, подвергая сомнѣнію всякое познаніе дѣйствительности и находя достовѣрность только въ равнодушіи сознанія, ушедшаго само въ себя совершенно. Скептическое это направленіе, которому начало положилъ Пирронъ, развилось научнымъ образомъ въ аѳинской Новой Академіи, благодаря вопервыхъ Карнеаду. Тутъ ссылались на обманы внѣшнихъ чувствъ, на противорѣчія въ человѣческихъ представленіяхъ и въ ученіяхъ философовъ, чтобы доказать что во всякомъ одобреніи или порицаніи надо держаться только своего внутренняго чувства, отказаться отъ всякихъ рѣшительныхъ мнѣній вообще, довольствоваться только вѣроятнымъ, смотрѣть на міръ безъ всякой страстной возбужденности, не тревожиться многоподвижной его игрою и сосредоточиваться въ самомъ себѣ. И софистическая и сократо-платоновская діалектика обѣ нашли себѣ здѣсь про-

должателей, и надо сказать правду, ученіе другихъ школъ подверглось у скептиковъ остроумной критикѣ, ясно указаны были трудности лежащія въ тѣхъ самыхъ проблемахъ, которыя считались прежде порѣшеными силою какого-нибудь догматическаго приговора. Такимъ образомъ противъ стоиковъ, которые вездѣ видѣли одно только цѣлесообразное и считали этотъ міръ за лучшій изъ міровъ, были выдвинуты темныя стороны дѣйствительности, тяготы и горе земной жизни, при чемъ ставился вопросъ, какъ согласить все это съ благимъ Промысломъ; или, въ явное противорѣчіе съ моралью этой школы пускали иногда въ ходъ то злоупотребленіе, какое большинство людей дѣлаетъ изъ своего разума, то слишкомъ обычное торжество разсчетливой кривды надъ правдою, какое замѣчается въ общемъ ходѣ мірскихъ дѣлъ. Все это должно было вести къ тому, чтобъ человѣкъ не ослѣплялъ себя самъ гадательными предположеніями, не связывалъ себя ни какими безусловными заповѣдями или правилами, не подчинялся господству ни какихъ внѣшностей, но стоялъ бы на все готовый, опираясь только на самого себя и на свободу своего духа.

Эти философіи александрійской эпохи конечно не могутъ сравниться съ классическими созданіями прежнихъ мудрецовъ, ни по творческой силѣ мысли, ни по научной разработкѣ, какъ поэты того времени не могутъ сравниться съ Гомеромъ, Пиндаромъ и Софокломъ. Но какъ много было тутъ зародышей новой жизни, указывавшихъ на будущность, это мы увидимъ не только во вліяніи приведенныхъ сейчасъ ученій на Римъ, это можетъ уяснить намъ и одинъ взглядъ на Эммануила Канта, который въ Критикѣ Чистаго Разума также разобралъ вопросъ о критеріумѣ истины и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно отстаивалъ первенство этики, первенство разума практическаго. А Кантъ вѣдь краеугольный камень нынѣшней философіи.

РИМЪ.

КОРЕННЫЯ ЧЕРТЫ РИМЛЯНСТВА.

Другіе съумѣютъ, пожалуй, мягче выковать животрепетную мѣдь,
Изваять изъ мрамора одушевленные лики,
Съумѣютъ краснѣе говорить въ судахъ, точнѣе измѣрить
Пути небесные и предсказать восходъ любого свѣтила;
Ты же, Римлянинъ, помышляй объ одномъ: —державно править народами,
Подвизайся въ искусствѣ водворять вездѣ благонадежный миръ
Щадя покорныхъ и оружіемъ низлагая строптивыхъ.

Такъ говоритъ Виргилій. Если Лира Аполлона — символъ эллинства, то мечь и вѣсы можемъ мы признать эмблемой римскаго народа. Силой оружія добился онъ сперва главенства въ союзѣ своего племени, потомъ водительства надъ Италіей и наконецъ господства надъ Землею. Непрерывная борьба партій внутри держитъ силы его въ постоянномъ напряженіи, но какъ и борьба эта всегда руководится чувствомъ права, такъ что противоположныя стороны доходятъ обыкновенно до полюбовныхъ сдѣлокъ на почвѣ законности, а народъ между тѣмъ шагъ за шагомъ подвигается впередъ, то на повѣрку выходитъ что всѣ подслужны здѣсь идеѣ цѣлаго, всѣ готовы обратить совокупную свою силу на любого внѣшняго врага и распространять свои порядки далѣе и далѣе. Свѣтлая юность человѣчества уступаетъ здѣсь мѣсто мужеской важности, надъ фантазіей рѣшительно преобладаетъ уже разсудокъ, практическій реализмъ овладѣваетъ дѣйствительностью чтобы воспользоваться ею въ своемъ интересѣ, на свой ладъ, а не для того чтобы свободно претворять ее по идеалу. Римлянинъ подчиняетъ себѣ природу и поручаетъ ей выполненіе своихъ цѣлей, всегда практическихъ, тогда какъ Грекъ утѣшался тѣмъ, что влагалъ въ ея силы и явленія, свой собственный образъ. Римлянинъ убѣжденъ что міръ существуетъ только для него, онъ овладѣваетъ странами посредствомъ меча и плуга, и заставляетъ народы работать на себя, какъ на ихъ хозяина, но даетъ имъ вмѣстѣ долю и въ своемъ правѣ,

въ своей культурѣ. Если Грекъ стремится къ добру въ формѣ изящнаго, въ естественной гармоніи духовнаго съ чувственнымъ, то для Римлянина нравственное должно отождествиться съ полезнымъ. Величіе, раскрытіе могучей природной силы — вотъ настоящая сущность римлянства; вмѣсто граціи преобладаетъ у него достоинство, характерная степенность; самодержавный духъ его смотритъ только на то что для него почетно и прилично дѣльной его энергіи; онъ умѣетъ преодолѣть самъ себя и даже самоубійственно разстаться съ жизнію, броситься на освобождающій мечь, когда грозитъ ему неизбѣжно рабство.

Теперь государство стало уже рѣшительно выше всего. Отечеству принадлежатъ всѣ сплошь силы, но зато оно и награждаетъ всякую дѣятельность могуществомъ и славою. Искусство воздѣлывается для украшенія общественной жизни и въ отраду жизни частной; наука воздѣлывается лишь поскольку она тожественна съ практической мудростью, поскольку она учитъ опредѣлять вещи мѣрою и вѣсомъ, оспособляетъ душу владѣть собою и вести за собой другихъ. Поэтому Римляне далеко не такъ оригинальны въ пластикѣ и въ живописи какъ въ архитектурѣ, гдѣ явнѣе могутъ выказаться и энергія ихъ характера и двойственное его направленіе къ монументальному и полезному, которой созданія отличаются особенно цѣлесообразностью и великостью, отражая въ себѣ какъ въ зеркалѣ общенародныя римскія свойства. Поэзія подвига далеко оставляетъ за собой подвиги поэзіи, и своеобразнѣе вольнаго творчества по этой части цвѣтетъ назидающая, правоучительная сторона. Сама римская исторія есть тысячелѣтняя драма непрерывной работы надъ государствомъ. На общей его почвѣ стоятъ противоположности инстинкта движенія, раціональной мысли, съ тѣмъ консервативнымъ, охранительнымъ чувствомъ, которое религіозно держится преданія, связанное имъ по рукамъ и по ногамъ. Но оба ясно чуютъ свою сопринадлежность между собою, чуютъ что свободою и порядкомъ въ постоянныхъ полюбовныхъ сдѣлкахъ обусловлена вся человѣческая жизнь, и оттого ни одна партія не старалась вконецъ извести другую, какъ это бывало въ Греціи, и никогда заносчивая фантазія въ своемъ увлеченіи творчествомъ не играла формами государства, испытывая все разныя новизны и потомъ истощаясь въ этихъ опытахъ, какъ водилось въ Аѳинахъ; напротивъ, съ истинно-спартанской твердостью держались здѣсь даннаго, потому что оно было хорошо и на дѣлѣ оказалось полезнымъ, и одинъ только законъ, одно добытое разъ право считали настоящимъ оружіемъ и какъ бы рукоятью для того, чтобы пріобрѣтать за тѣмъ другія выгоды и договариваться насчетъ дальнѣйшихъ мѣропріятій. Это органическое развитіе одного изъ другого, эта благонадежная обосновка и этотъ осмотрительный прогрессъ, при сродномъ Римлянамъ чувствѣ права, сдѣлали изъ государства и его исторіи дивное художественное произведеніе, оставшееся въ области политики классическимъ образцомъ для потомства. Не даромъ говорилъ уже и старшій Катонъ, что государственное устройство Рима — дѣло не одного человѣка и не одного поколѣнія, а цѣлаго народа и многихъ сряду вѣковъ. И если встрѣчаются порой и здѣсь крайніе порывы своекорыстія и страсти, то не надо при этомъ терять изъ виду, что въ Римѣ всегда тѣсно вязались между собой элементы соціальный, политическій и религіозный, и что напримѣръ плебей требовалъ

не одного лишь освобожденія отъ долгового кабальничества, но и доли въ верховномъ управленіи съ тѣмъ патриціемъ, который отстаивалъ отъ небывалыхъ притязаній со стороны унаслѣдованныя изстари святыни.

Пластически-формальный духъ, возбуждавшій удивленіе наше у Грековъ, свойственъ и родному имъ племени въ Италіи, но тутъ онъ весь обращенъ на выработку формъ государства и права. Расчлененіе общественной жизни, опредѣленіе правъ единичныхъ лицъ, семейства и народа, совершаются здѣсь подъ рукою законодателей съ такою же отчетливой ясностью, какъ мраморъ обдѣлывался подъ рѣзцомъ эллинскихъ художниковъ. Крѣпко и строго держится здѣсь каждый за свое, но не меньше уважаетъ и принадлежащее другому. Народный сходъ, сенатъ, исполнительные сановники самосильны каждый въ своей сферѣ, посвоему; дружное энергическое дѣйствіе всѣхъ властей къ пользѣ общей на томъ именно и основано, что каждая изъ нихъ въ отведенной ей области имѣетъ и свою собственную волю, и свою мощь. На Востокѣ нигдѣ не было проведено точныхъ границъ между религіею, нравственностью и правомъ, одинъ и тотъ же законъ равно охватывалъ всѣ три сферы и вездѣ слылъ заповѣдью боговъ. Греки начали понимать государство человѣчнѣе, Солонъ впервые организовалъ его руководясь соображающей мыслью, и если Гераклитъ такъ прекрасно постигъ ту истину что всѣ человѣческіе законы питаются однимъ божескимъ, то все же разработка этихъ законовъ была дѣломъ не жреческаго верховодства, а гражданской мудрости и совѣщательной общинной свободы. Тѣмъ не менѣе нравственность и право поглощались еще государствомъ безостаточно; его цѣлямъ должно было служить все частное, не имѣя само по себѣ ни какого права. Римляне также признавали нравственный міропорядокъ въ Божествѣ, но чутко различали за тѣмъ внутреннее отъ внѣшняго, помыселъ отъ осязательно-воплощеннаго дѣйствія или поступка: только надъ послѣднимъ — судья человѣкъ, только послѣдняго властенъ онъ принудительно требовать. На этомъ основаніи установили они тѣ нравственныя нормы, безъ которыхъ не можетъ существовать человѣческое общежитіе, — учредили правомѣрный порядокъ, и опредѣлили сообразно природѣ и цѣли предмета взаимныя отношенія между лицами и отношенія личности къ вещамъ. Они сознали необходимость формулировать и ясно высказать то, что должно имѣть силу и поддерживаться въ обществѣ, и поняли что рѣшительно дѣйствовать слѣдуетъ только противъ посягающаго на эти нормы поступка, а отнюдь не противъ внутренняго образа мыслей и чувствъ. Право есть народная заповѣдь, jus, и оно поэтому естественно стоитъ подъ охраной государственной власти. «Если форма должна «служить къ дѣйствительной охранѣ нравственныхъ отношеній и духа который «живетъ въ нихъ, то ей необходимо быть твердой какъ щитъ и острой какъ «мечъ; великое умѣнье Римлянъ состояло въ превосходной выковкѣ этого «всеоружія праву.» (Блунчли). Опредѣливъ точно и мѣтко что каждому принадлежитъ по праву относительно пріобрѣтенія, обмѣна и утраты имуществъ, а также сущность договоровъ и взаимныхъ обязательствъ между лицами, они требовали въ случаѣ какихъ бы то ни было тяжбъ, чтобы истецъ обосновалъ и формулировалъ свой искъ, а отвѣтчикъ свое возраженіе безъ малѣйшаго уклона отъ уставной нормы. Судопроизводство съ весьма раннихъ поръ поставлено было въ тѣсную связь съ писаннымъ закономъ, и

право отъ того упрочилось, тогда какъ съ другой стороны оно постоянно подвергалось легкому преобразованію сообразно потребностямъ прогрессивной жизни, благодаря ежегодно возобновлявшемуся оглашенію тѣхъ коренныхъ началъ, какими главные судьи предполагали руководиться въ своихъ приговорахъ. Такимъ образомъ умственною работой въ теченіе многихъ сряду вѣковъ мысль права была впервые осуществлена Римлянами во всемірной исторіи; они первые ввели въ силу положительныя нормы права въ собственномъ смыслѣ, то-есть безъ примѣси всякихъ нравственныхъ и политическихъ мотивовъ; они первые оказывали пріобрѣтеннымъ правамъ безусловное признаніе и уваженье. И у нихъ новый этотъ принципъ выступилъ сначала въ своей односторонности, но одна голая правомѣрность и неограниченное вліяніе ея на людскія дѣла скоро нашли себѣ противовѣсъ въ религіи и въ правахъ. Отецъ напримѣръ былъ въ правѣ продать сына: на то онъ и хозяинъ, чтобы распоряжаться всѣмъ по усмотрѣнію, чтобы наказать даже смертію въ случаѣ нужды; но нравообычай требовалъ выслушать напередъ мнѣніе семейнаго совѣта, а божеское правосудіе и духъ семьи властвующій надъ нею какъ верховный геній, не допустили бы безнаказанно своевольнаго насилія ни надъ кѣмъ изъ ея членовъ, и проклятіе жрецовъ, ожидавшее своевольника, не осталось бы безъ исполненья. Мало по малу все содержаніе имущественныхъ и общежительскихъ отношеній приведено было у Римлянъ судебными приговорами въ ясное сознаніе и въ образцовую опредѣленность, и благодаря именно тому что все рѣшалось у нихъ по существу дѣла и всѣ основныя начала проводились съ разсудительнѣйшей послѣдовательностью, они нашли не одну только классическую форму права, но и то что̀ присуще ей по внутренней необходимости, то-есть настоящее его содержаніе. Форма эта коротка въ обрѣзъ и ясна; въ ней нѣтъ и тѣни той задушевной символики, въ которой Гриммъ указалъ милую поэтичность германскаго права, но которую совершенно устранилъ всему отдающій свое римскій смыслъ, такъ-какъ тутъ гораздо умѣстнѣе трезвый разсудокъ.

Римскій языкъ сравнительно съ греческимъ обнаруживаетъ и въ своихъ звукахъ и въ своихъ формахъ болѣе силы нежели пріятности, болѣе опредѣленности въ согласныхъ чѣмъ полноты и звонкой мягкости въ гласныхъ, болѣе вѣскаго достоинства нежели обаятельно-игривой легкости и непарадующагося собой творческаго богатства; по коренному своему характеру этотъ языкъ обреченъ достигать совершенства не въ поэзіи, а въ художественной прозѣ. Удареніе сохраняло въ немъ свою силу по смыслу и значенію слоговъ; измѣреніе ихъ продолжительностью выговора, обусловленная стеченіемъ нѣсколькихъ согласныхъ долгота, какъ были такъ всегда и остались ученою лишь прикрасою и наложили на стихотворство даже и наружно печать подражанія эллинству; настоящее же великолѣпіе латинскаго языка проявлялось въ количественной строгомѣрности прозы (numerus), въ многоизмѣнчивомъ звукопаденіи отдѣльныхъ словъ, въ періодологически-расчлененномъ совчиненіи предложеній. Гласность всей римской жизни, необходимость для всякаго государственнаго дѣльца преклонять свободный народъ силою рѣчи къ своимъ цѣлямъ и замысламъ, опять-таки благопріятствовали развитію риторическаго элемента. Дѣловой могутѣ и силѣ, простой разсудительности отчетливаго языка говорящій подчинился точно такъ же какъ и

государственному закону, производство новыхъ словъ было ограничено; сосредоточенная сила и полносмысленная краткость предложенія господствуютъ надъ любымъ изъ составныхъ его словъ, а соотношеніе ихъ между собою, вліяніе одного на другое, ясно выступаютъ во флекціи, въ окончаніи, — склоняется даже неокончательная форма глагола, если сама она берется въ дѣйствительномъ (активномъ) смыслѣ; формы вообще просты и выразительны, и логическій порядокъ царитъ обокъ съ свободной могутою рѣчи, съ оттѣненіемъ силы каждаго слова въ общей ихъ послѣдовательности, тогда какъ отдѣльныя слова, начинаясь и оканчиваясь по большой части согласными, стоятъ конечно болѣе рѣшительнымъ особнякомъ нежели у Грековъ. Здѣсь нѣтъ того обилія частицъ, которымъ говорящему такъ удобно слегка оттѣнить малѣйшее свое настроенье; оно возмѣщается разстановкой словъ, складомъ предложеній, силой выговора, и сама энергическая пышность языка соблазняетъ на риторскую декламацію. Рѣчь рано закрѣпилась письменностью, и въ этомъ письменномъ языкѣ господствуетъ не чувственно-живой и всегда свѣжій приливъ изъ нарѣчныхъ (діалектическихъ) источниковъ, а разъ навсегда установившееся преданіе. Языкъ этотъ Римлянинъ властительно утвердилъ органомъ общественной справы и законодательства, носителемъ космополитской своей культуры, школьнымъ языкомъ будущности. Въ Греціи напротивъ діалекты, эти признанныя разнорѣчія народной молви, всегда сохраняли неотъемлемыя свои права, постоянно освѣжали собой языкъ письменный, и даже употреблялись писателями на выборъ для художественнаго изложенія смотря по свойству предмета. Въ Греціи, вполнѣ естественнымъ порядкомъ, выработываются сначала поэтическія формы, за ними идетъ проза; притомъ эпосъ, лирика и драма цвѣтутъ другъ вслѣдъ за другомъ въ соотвѣтственномъ эстетической мысли органическомъ развитіи; въ Римѣ, напротивъ, мы видимъ короткій золотой вѣкъ художественной культуры, когда проза пріобрѣтаетъ краски поэзіи, а поэзія — блескъ риторства, и какъ художественное стихотворство вообще подражательно примыкаетъ къ Грекамъ, то оно тотчасъ же и хватается за послѣдній цвѣтъ эллинской литературы, за драму, за новую комедію, чтобы пересадить ее на латинскую почву; эпосъ мысли предшествуетъ здѣсь эпосу подвига, Лукрецій — Виргилію. Ни одинъ поэтическій разскащикъ Римлянъ не дастъ ни чего равноцѣннаго исторіи Тарквиніевъ у Ливія, ни одинъ изъ поэтическихъ ихъ характеровъ не подойдетъ къ историческимъ у Тацита, къ его Тиберію или Агриколѣ. И тогда какъ въ прозѣ Геродота ясно отзывается Гомеръ, а въ прозѣ Ѳукидида, Демосѳена и Платона очевидно предшествіе драматиковъ; въ Римѣ классическая проза Цицерона и Цезаря старѣе выработки поэтической формы Августова времени. Тотъ же прирожденный смыслъ, который требовалъ въ общественномъ быту формулированнаго права, повелъ въ искусствѣ къ ясности и порядку, къ правильному изяществу; частное бралось въ особой его опредѣленности, но подчинялось общимъ законамъ изложенія, которое какъ изсѣченная въ камнѣ надпись должно отличаться и монументальнымъ достоинствомъ и отчетливою красой кристалла. Сказать своеобразно самое обыкновенное — вотъ по Горацію настоящая задача поэта; онъ долженъ выяснить значеніе вещи для души новыми, замысловатыми и наглядными притомъ чертами. Художническая надумка (рефлекція) пересиливаетъ здѣсь не-

посредственные звуки изящной природы. Въ Греціи мы видѣли естественно-органическое развитіе, въ Римѣ видимъ произвольность подражательнаго искусства *). Греческая поэзія опиралась на личную декламацію стихотворца или на живое слово актёра и пѣвца; въ Римѣ начали писать собственно ужь для читателей, и то, что̀ дѣлалось для распространенія литературныхъ произведеній записными чтецами, далеко уступало фабричному производству книгъ черезъ диктовку писцамъ изъ грамотныхъ невольниковъ, благодаря которымъ книжная торговля того времени могла до чрезвычайности удешевить свои товары.

И религія свидѣтельствуетъ въ свою очередь, до какой степени въ Греціи преобладали эстетичность, красота формы, а въ Римѣ элементъ цѣлесообразности, телеологичность. Тамъ боги — пластическіе идеалы; фантазія вырабатываетъ ихъ въ своеобразные характеры, въ живыя совершенно лица, и раскрываетъ ихъ существо и дѣятельность въ замысловатыхъ миѳахъ, одухотворяющихъ природныя черты, онагляживающихъ помыслы, въ любомъ историческомъ событіи сплетающихъ божеское съ человѣческимъ. На этомъ собственно основанъ народный эпосъ. Въ Италіи его нѣтъ. Тѣмъ крѣпче держатся здѣсь за внутреннюю суть божественнаго, за numen, котораго разныя божества суть только разныя названія, означающія многоразличныя проявленія одного и того же начала, его отношенія къ людскимъ дѣламъ, его разнородныя отправленья; и хотя эта связь человѣческаго съ божественнымъ, эта religio **), это примкновеніе всего земного къ небесному, это постоянное руководительство свыше всѣмъ сущимъ на землѣ, и не даетъ ни богамъ, ни людямъ достигнуть того свободнаго и самодовлѣющаго изящества, котораго прелесть очаровываетъ насъ въ Элладѣ, она однакожь приноситъ съ собой истинную богобоязненность и освящаетъ весь кругъ жизни символическими богослужебными обрядами. Боги открываютъ свою волю относительно людскихъ замысловъ; явленія природы понимаются, наблюдаются и толкуются какъ знаменія, предвѣщанія. Видимое своимъ обнаруженіемъ предостерегаетъ насчетъ незримаго въ немъ генія; чувство духовнаго присутствія вѣчной силы и необходимаго ея содѣйствія лежитъ въ глубинѣ души, и, весь погружаясь внутрь себя, Римлянинъ при жертвоприношеніи оболокаетъ голову, тогда какъ Грекъ свободно устремляетъ взоръ кверху. Тѣмъ не менѣе мы все еще стоимъ въ предѣлахъ естественности, и потому образъ въ символѣ еще перевѣшиваетъ его смыслъ, суевѣріе къ внѣшнему идетъ обокъ съ настоящею вѣрой во внутреннее, духъ связанъ еще формулами и завѣтнымъ уставомъ, и та же прирожденная способность и сила, которая законно урядила и опредѣлила въ правѣ всю сплошь человѣческую жизнь, повела и въ религіи къ установленію такихъ обрядовъ, которыхъ точнымъ и ненарушимымъ соблюденіемъ думали сдѣлать доброе дѣло и не

---

*) Если это справедливо относительно Рима со стороны художественнаго развитія, то нельзя не согласиться, что народы, обреченные характеромъ и историческими судьбами на подражаніе, всѣ должны болѣе или менѣе страдать неестественностью и произвольностью развитія, говоря уже и вообще. Прим. перев.

**) Religio, религія буквально значитъ связь.

только особенно угодить богамъ, но даже и совсѣмъ преклонить ихъ на свою сторону—однимъ словомъ повела къ тому самодовольному ханжеству, которое изъ языческаго Рима перешло еще и на христіанскій. Практическая религіозность, съ одной стороны, и олицетвореніе понятій, съ другой, пожалуй напомнятъ намъ здѣсь Иранъ и Авесту, тогда какъ напротивъ миоологическое творчество вполнѣ развернулось въ Индіи и въ Греціи. Но когда Римъ велевластно вступилъ во всемірную исторію, онъ усвоилъ себѣ и обильный запасъ греческихъ богосказаній, но скорѣе въ видѣ блестящей прикрасы для художественнаго наслажденія, нежели съ дѣйствительною въ нихъ вѣрою. Основа же была вѣдь первоначально общая; выработавшіяся на ней у родственныхъ сосѣдей религіозныя представленія Римляне присоединили теперь къ своимъ собственнымъ, не оформленнымъ изящно, божествамъ; въ свой Пантеонъ собрали они даже и боговъ Востока, и могли это сдѣлать тѣмъ скорѣй, что сперва подъ оболочкой разныхъ божествъ видѣли всегда одно и то же божественное начало, такъ что, собственно говоря, въ культѣ представлялся для народа тотъ же самый пантеистическій монотеизмъ, какой образованные люди нашли въ стоической философіи.

Благодаря своей тѣсной связи съ религіей, патріархальный элементъ семьи сохранился въ Римѣ гораздо болѣе нежели въ Элладѣ. Женщины всегда были и остались въ бо́льшемъ почетѣ, настоятельницами дома, оберегательницами его чести и благочинія. Свобода связывающей себя навсегда любви сдерживалась въ Римѣ, какъ и въ Іудеѣ, строгостью закона. Передъ распущенностью семейной жизни въ Греціи, Римъ представлялъ рѣшительный прогрессъ въ нравственномъ смыслѣ. Различные рода́ были связаны между собой общими святынями, общимъ богослуженьемъ; каждый домъ освящался Пенатами, каждый родъ—однимъ общимъ ему Ларомъ, то-есть предержащимъ творческимъ геніемъ. Патриціями назывались тѣ изначала полноправные граждане, которые основали государство; они считали религіознымъ своимъ долгомъ хранить духовную и тѣлесную чистоту, поддерживать государство въ точномъ исполненіи божескихъ и человѣческихъ законовъ и управлять имъ въ этомъ смыслѣ далѣе. Сначала въ ихъ рукахъ было и жречество; имъ принадлежало нарочитое извѣдываніе воли боговъ, безъ чего нельзя было ни достичь, ни отправлять ни одной гражданской должности. Такимъ образомъ патриціи считали себя по рожденію причастными какому-то освященію свыше; они были представителями государственной религіи, авторитета, преданія, и борьба съ ними плебеевъ имѣла въ виду не одинъ только доступъ къ военнымъ и мирнымъ должностямъ, не однѣ только соціальныя льготы: это была притомъ борьба мысли и здраваго разсудка съ преимуществами крови и жреческими установленіями. Патриціанство само по себѣ повело бы къ мертвому церковно-государственному застою, а плебейское начало, также въ свою очередь одно, — къ порушенію всѣхъ узъ религіозныхъ, къ чистодоговорному быту общества; ихъ взаимодѣйствіе другъ на друга обусловило собой историческій прогрессъ, и когда признаны были и равноправность сословій и законность браковъ между ними, тогда древніе рода́ вмѣнили себѣ въ долгъ честь по прежнему заявлять на дѣлѣ свой патріотизмъ и свое геройское мужество, и постоянной доблестью своихъ членовъ удерживать за собой государственное управленіе, хотя уже и не по праву рожденія, а путемъ сво-

бодныхъ выборовъ. Это благородство духа и помысловъ обокъ съ благородствомъ крови именно и возвеличило такъ Римъ.

Какъ государство въ Римѣ было выше всего, и его сила и величіе покупались цѣною безусловнаго подчиненія единичнаго лица цѣлому, подведеніемъ привольнаго избытка индивидуальной жизни подъ гнетущую строгость общей цѣли и общихъ законовъ всего народа, такъ и изъ числа изобразительныхъ искусствъ достигло у нихъ первенствующаго значенія именно то, которое вышло изъ народнаго духа въ его всецѣлости и доставило ему полнѣйшее символическое выраженіе. Скажемъ вмѣстѣ съ Шнаазе, что не одно антикварское предубѣжденіе заставляетъ насъ любоваться даже и простой каменной кладкою Римлянъ, гдѣ обнаружится она наголо̀; и тутъ мы видимъ характеристическое выраженіе смысла и чутья формы: доброчинность, простыя, спокойные, цѣлесообразные, пріемы римскаго побыта предстаютъ намъ здѣсь въ своей массивной оболочкѣ Римляне сообразуются всегда съ свойствомъ матерьяла, будь то тесаный камень или кирпичъ, и начинаютъ уже дѣйствовать его собственной природою, показывать какова она на дѣлѣ. Самое благопріятное впечатлѣніе тщательности и вмѣстѣ силы производитъ та сѣтчатая каменная кладка, гдѣ горизонтальныя и основныя клѣти плитъ охватываютъ внутреннее заполненіе, котораго равномѣрныя составныя части поставлены на ребро, такъ что всѣ сплошь линіи пересѣкаются діагонально; необыкновенность этого распорядка поражаетъ въ то же время и его смѣлостью. Еще характеристичнѣе выходитъ сводъ, соединеніе въ одну сплошную дугу цѣлаго ряда клинообразно-стесаныхъ камней, при чемъ боковыя линіи сходятся къ одному общему вверху центру, поддерживая одна другую во взаимномъ напряженіи. Эта полная силы связь, эта энергія, сообщаемая каждому изъ единичныхъ членовъ строгимъ совчиненіемъ его цѣлому, вполнѣ отвѣчала римской натурѣ и давала въ то же время возможность соединять сплошнымъ покрытіемъ даже отдаленныя другъ отъ друга стѣны совершенно помимо балокъ или какихъ бы то ни было подставныхъ опоръ. Только теперь величавые строительные замыслы стали выполняться въ соотвѣтственныхъ имъ обширныхъ размѣрахъ, но и тутъ изящество всегда примѣнялось на чисторимскій ладъ къ цѣлесообразности. Какъ къ дичку туземныхъ своихъ нравовъ Римляне привили греческое образованіе, такъ и греческія колоннадныя формы присовокупили они къ могучему ядру своихъ арокъ и столповъ; они сознавали всепригодность культурныхъ добытковъ эллинства, хотя и переводя ихъ вначалѣ на свои болѣе дебелые и величественные пріемы. Въ пластикѣ Римляне конечно были только подражателями, они не создали новыхъ божескихъ идеаловъ, но вмѣсто миѳическаго и типическаго элемента реализмъ ихъ требовалъ вѣрной и теплой передачи дѣйствительности, личнаго характера въ портретѣ, въ историческомъ изображеніи. Религіозная пластика Египтянъ нашла себѣ окончательное завершенье въ Греціи; въ Римѣ же съ рѣшительнымъ успѣхомъ велось далѣе то художническое воспроизведеніе свѣтской и исторической жизни, какое замѣтили мы въ Ниневіи и Персеполѣ, велось съ явнымъ правда примкновеніемъ къ александрійской эпохѣ и лучшимъ ея мастерамъ. Однакожь чувству формы у Италійцевъ суждено было расцвѣсть вполнѣ только по освѣженіи и одушевленіи этого народа Германцами и христіан-

ствомъ, но и тогда не иначе какъ съ помощью древности, благодаря Леопарду да Винчи, Микель-Анджело и Рафаэлю.

Посредническая роль Рима между національно-греческой культурой и позднѣйшимъ человѣчествомъ даетъ наконецъ своеобразное значеніе и самой его литературѣ. Воспроизведенія ея стали какъ бы переходнымъ мостомъ, который открылъ намъ доступъ къ подлинникамъ и ихъ пониманію; они сдѣлали общимъ достояніемъ то, что̀ было всепригоднаго у Грековъ. Важность, придаваемая этими воспроизведеніями образу мыслей и чувствъ, ихъ сердечное участіе къ содержанію, и космополитскій пошибъ всего римскаго образованія вообще ставили труды Римлянъ гораздо ближе къ средневѣковымъ понятіямъ нежели совершеннѣйшее по формѣ, но своебытнѣе замкнутое въ себѣ эллинство, и вотъ почему эти именно труды могли стать школою для позднѣйшихъ поколѣній, пока не созрѣли наконецъ новые дѣятели, вступившіе въ состязаніе съ самими Греками.

Моммсенъ справедливо говоритъ: «Только развѣ жалкое узкосердіе вздумаетъ презирать Аоинянина за то, что онъ не съумѣлъ устроить своей общины подобно Фабіевцамъ и Валеріевцамъ, или же Римлянина за то, что онъ не научился ваять какъ Фидій и поэтизировать какъ Аристофанъ. Италіецъ рѣшительно отрекся отъ произвола, чтобы воспользоваться свободою, и сдѣтства навыкалъ повиноваться отцу, чтобы умѣть за тѣмъ повиноваться государству. Пусть единичное лицо и терпѣло ущербъ отъ такой безусловной подчиненности, пусть пропадалъ изъ-за нея въ зародышѣ лучшій цвѣтъ человѣческой жизни; за то оно пріобрѣло такое отечество и такое теплое къ нему чувство, какихъ никогда не извѣдалъ Грекъ, и достигло трудами и борьбой такого національнаго единства, которое поставило его наконецъ владыкой и надъ расщепавшимся помелочи эллинскимъ племенемъ и надъ цѣлою землею».

ДРЕВНІЕ ИТАЛІЙЦЫ.

Склоны Альповъ спускаются долу круче и глубже на югѣ нежели на сѣверѣ, и изъ области вѣчныхъ снѣговъ путникъ быстро переходитъ все къ богатѣйшей и роскошнѣйшей растительности, которая по отрадному побережью синихъ озеръ очаровываетъ его вѣчною уже зеленью, украшенной притомъ цвѣтами и плодами. Обширная равнина, омываемая рѣкою По, смотритъ настоящимъ садомъ. Потомъ отъ лигурійскаго берега тянется къ востоку цѣпь Апенниновъ, чтобы дальше повернуть на югъ и раздѣлить весь полуостровъ на два побережья, западное и восточное, а внутри края обрамить собой разные особняки и придать цѣлому многоразличную череду суровыхъ

хребтовъ, миловидныхъ долинъ, луговъ и пашень, пустреныхъ полосъ и открытыхъ приморій. Отдѣляясь однимъ только узкимъ проливомъ, примыкаетъ къ полуострову сходная съ нимъ по характеру Сицилія; подобно тому какъ здѣсь бушевала Этна, въ Италіи и теперь еще дымитъ Везувій, и рядомъ съ известковыми скалами Апеннинов высятся сопки, а потухшіе жерла или кратеры обратились въ водоемы окаймленныхъ лѣсомъ озеръ. Берегъ далеко не такъ бухтистъ какъ эллинскій, и человѣка такъ не манитъ съ одного острова на другой, не тянетъ такъ къ мореплаванью, какъ въ Греціи; за то Италія богаче на плодоносныя рѣчныя долины. Небо ясно, воздухъ благодатно теплъ, и природа, требуя прилежнаго труда, не только щедро за него вознаграждаетъ, но и радуетъ сердце своей прелестью.

Въ средней Италіи развилась своеобразная національная культура. Равнину къ сѣверу рано заняли Ретійцы и Галлы; поздно завоевана она Римлянами, да и потомъ сначала опять уступлена ими Германцамъ. На югѣ раскинулись греческія поселенія и проложили путь на западъ прогрессу всемірной исторіи и всемірнаго образованія. Италійцы, овладѣвшіе здѣшнимъ краемъ, оттѣснивъ и покоривъ прежнихъ обитателей, были отраслью арійскаго корня. Я выше уже говорилъ (I, 267—288), что органическій языкъ, религіозныя идеи онагляженныя въ явленіяхъ и событіяхъ природы, патріархальный обычай, скотоводство, хлѣбопашество, домостроительство, знакомство съ металлами были общимъ достояніемъ первоарійцевъ, и напомню здѣсь только о значительномъ уже наслѣдіи, какое каждое изъ племенъ взяло съ собой на дорогу, когда они подѣлились и вышли изъ прародины разными потоками; три направились въ Европу: первымъ былъ потокъ Кельтскій, второй заключалъ въ себѣ еще нераздѣльно Германцевъ и Славянъ, а третій—Грековъ и Италійцевъ, точно такъ же какъ въ Азіи остались еще нѣкоторое время въ общей связи Иранцы съ Индійцами и успѣли нажить довольно много новаго и во внѣшнемъ и во внутреннемъ быту прежде чѣмъ разойдтись на особые народы. Ager ἄγρος (пашня), hortus χόρτος (садъ), vinum οἶνος (вино), oliva ἐλαία (маслина, елей), одинаковыя эти слова указываютъ на то, что Италійцы и Эллины до подѣла между собою знали уже пахотныя поля и сады, винодѣліе и воздѣлку маслинъ; и Моммсенъ замѣчаетъ по этому поводу, что въ хлѣбопашествѣ заключалось у нихъ тогда первоначальное зерно народной жизни и что въ связи съ этимъ домъ и постоянный очагъ, въ отличіе отъ пастушьяго шалаша и переноснаго огнища, былъ воплощенъ и идеализованъ въ богинѣ Вестѣ или Гестіи. Колоніи Самнитовъ такъ и идутъ вслѣдъ за рабочимъ воломъ; жнецы — Сикулы и пахари — Оски (Opsci) были племенными прозвищами изстари. Середнее пространство дома, гдѣ стоятъ брачная постель и очагъ и надъ которымъ въ кровлѣ есть отверстіе, остается существеннѣйшею частью дома и впослѣдствіи, когда оно уже было не единственною въ немъ горницей и къ нему примыкали разные другіе покои. Въ одеждѣ подобная сорочкѣ туника и плащеобразная тога отвѣчаютъ тому, что̀ носили и Греки. Общимъ у тѣхъ и другихъ оружіемъ было одинаково копье. Судъ, пеня, возмездіе (crimen и κρίνειν, poena и ποίνη) свидѣтельствуютъ о началѣ правообразованія и судебныхъ порядковъ. Итакъ первыя задачи, ставимыя человѣку земной жизнію, были рѣшены обоими народами собща. Правда, новѣйшія языкоизслѣдованія особенно выдвигаютъ впередъ

сродство греческаго съ Санскритомъ и древнеиталійскихъ нарѣчій съ кельтскимъ языкомъ, что даетъ поводъ предполагать болѣе раннее отдѣленіе италійской вѣтви и относить разныя ближайшія сходства съ греческимъ на счетъ частыхъ сообщеній между Греками и Италійцами. Во всякомъ случаѣ послѣдніе уже переселились въ Европу въ то время, когда Эллины жили еще въ Малой Азіи; и подобно тому какъ впослѣдствіи Греки порозпились опять на племенную противоположность строгихъ и упорныхъ характеромъ Дорійцевъ и легкоподвижныхъ, остроумныхъ Іонійцевъ, такъ и Италійцы въ свою очередь еще ранѣе отдѣлились отъ нихъ по особенности своей природы. Послѣдніе ближе стояли къ дорійскому характеру, только еще крѣпче держались подчиненія единичнаго лица государству, и послѣднее было еще болѣе ихъ жизненнымъ призваніемъ, еще болѣе царилъ у нихъ страхъ передъ Богомъ въ народѣ и страхъ передъ отцомъ въ семьѣ, и узы крови еще тѣснѣе соединяли между собой родичей. Италійское племя развѣтвилось къ востоку и къ западу отъ Апеннинскихъ на двѣ главныя отрасли, Латинянъ и Умбровъ; изъ послѣднихъ Марсы и Самниты продвигались все дальше къ югу; Латинянъ же мы опять-таки можемъ сравнить съ Іонійцами, какъ наиболѣе одушевленныхъ прогрессивнымъ стремленіемъ исторіи: союзный глава ихъ, Римъ, сомкнулъ вокругъ себя весь этотъ народъ въ одно свободное государство, а національное единство и патріотизмъ не только ободрили Италійцевъ на счастливую борьбу съ напиравшими на нихъ Кельтами, Греками и Пунійцами, но и сдѣлали ихъ владыками всего тогдашняго міра.

Божественное, это вѣдь добро и свѣтъ, которыхъ безконечность открывается во всеобъемлющемъ небѣ: вотъ тотъ изначально-арійскій взглядъ, который остался коренной основою и религіи Италійцевъ; къ небу пріурочиваютъ они потомъ и землю и подземное царство, тѣмъ болѣе что сами призваны были къ земледѣлію. Въ богахъ особенно выдвигаютъ они впередъ ихъ отеческое или материнское значеніе; Юпитеръ у нихъ отецъ небесный. Черезъ всю римскую литературу проходитъ та мысль, что онъ единый, вѣчный, всемогущій, всеоживляющая душа міра; это и дѣлаетъ наконецъ Юпитера Капитолійскаго представителемъ всего язычества въ совокупности. Его могучая воля проявляется самовозвѣщеніемъ, карою, благодатью въ молніи, громѣ и дождѣ. По мѣрѣ того какъ народъ становится воинственнымъ, онъ усматриваетъ въ немъ побѣдодавца; преимущественно же прививается къ нему, чистому и благому, идея всякой правды и вѣрности. Время полнолунія, когда день и ночь спорятъ другъ съ другомъ ясностью, слыветъ Jovis fiducia, т. е. порукой постояннаго его присутствія и благодати; его именемъ клянутся давая обѣщаніе, и вѣрность данному слову, уваженіе права и справедливости, эти главныя свойства Италійцевъ, входятъ въ кругъ священныхъ обязанностей его богослуженія. Онъ первоисточникъ всего міра духовъ, геній всѣхъ геніевъ или животворныхъ силъ духовныхъ, властительно присущихъ всѣмъ вещамъ. Изъ этого міра духовъ исходятъ всѣ человѣческія души и въ него же опять возвращаются; какъ Маны, духи слывутъ привѣтливыми и добрыми, какъ Лары они — владыки, какъ Пенаты — блюстители внутренняго обихода, хранители дома и семьи. Незримо обвитаютъ они и оживляютъ собой всю видимую природу. Ту повадность, ту пріязненность, съ какими германское народное повѣрье смотритъ на ключевыхъ, горныхъ, полевыхъ и

домовыхъ духовъ, находимъ мы также и здѣсь; и если легкій переходъ божествъ изъ одной формы въ другую напоминаетъ намъ періодъ Ведъ, когда они только что еще слагались, то съ другой стороны эта италійская старина, съ полузабытымъ и полусказочнымъ своимъ преданіемъ, изъ котораго возстановили ее Гартунгъ и Преллеръ, напоминаетъ преимущественно тѣ черты германской миѳологіи, которыя выяснилъ намъ Яковъ Гриммъ: по крайней мѣрѣ на мой взглядъ, одно всегда помогаетъ уразумѣть другое.

Обокъ съ Ю-питеромъ стоитъ, какъ женственное, воспріимчивое начало, Ю-нона. Она высвобождаетъ жизнь изъ темнаго материнскаго лона, какъ свѣтъ проторгается изъ ночной мглы; оттого и посвящено ей новолуніе. Діанусъ или Янусъ и Діана первоначально то же слово, что Діовисъ и Діуно, отъ корня див, свѣтить, блистать; однако у Италійцевъ являются они на ряду съ тѣми также еще и въ лицѣ Солнца и Луны. Восходъ и закатъ солнца означаютъ всякое вообще начало и всякій вообще конецъ, всякій входъ и всякій выходъ; этимъ именно и заправляетъ Янусъ: всѣ пути жизни, всѣ двери и ворота въ его вѣдомствѣ; онъ начинаетъ годъ, оплодотворяетъ зерна для самостоятельнаго всхода новой жизни, а потому и онъ славословится какъ первый и послѣдній, какъ богъ боговъ. Діана, проявляющаяся въ свѣтѣ мѣсяца, чествовалась на ряду съ нимъ въ лѣсахъ, по берегамъ озеръ, какъ женственная природа, сочетаваемая небесному могуществу. Храмъ ея—союзная святыня Латинянъ. Когда къ Юпитеру присоединяютъ Юнону и Минерву, тогда въ лицѣ этой троицы природа и духъ стоятъ по правую и лѣвую руку небеснаго отца, какъ единаго всему начала. Мини е, mens, то-есть мысль, составляетъ корень имени Минервы, этой дѣвственной богини, которая, подобно Аоинѣ, въ лицѣ своемъ представляетъ силу думы и изобрѣтательности.

Мы привыкли видѣть въ Марсѣ только войнобога Римлянъ, не болѣе; но Преллеръ справедливо говоритъ, что онъ и весь кругъ его первоначально принадлежатъ жизни природы, что онъ богъ мужески-сильнаго естественнаго побуда, обнаруживающагося весной и вдохновительно ведущаго людей на новые пути жизни. Чѣмъ буредухъ Воданъ былъ для Германцевъ, чѣмъ Индра для Индійцевъ, такимъ же своеобразно племеннымъ божествомъ сталъ для Италійцевъ Марсъ. Имя его указываетъ на слово mas, мужъ (самецъ), и такъ какъ онъ сопровождалъ свой народъ на переходахъ по лѣснымъ чащамъ Апеннинновъ, то ему посвящены были волкъ и дятелъ: одинъ, какъ хищный звѣрь, отвѣчалъ воинственному пылу бога,—другой, какъ символъ пріютнаго лѣснаго затишья, напоминалъ мирное въ немъ существо. Порождающій весенній духъ проявлялся въ посвященномъ ему мѣсяцѣ, Мартѣ, и тогда какъ Саліи пускались передъ нимъ въ боевой плясъ, народъ приносилъ ему въ жерству первины, а въ случаѣ какой нибудь бѣды обѣщалъ богу въ искупленіе такъ-называемую «священную весну», то-есть всѣ сплошь произведенія ближайшей весны, и всякой полевой плодъ, скотину, и человѣка; первые приносились ему въ самомъ дѣлѣ, а дѣтямъ давали подрости, и тогда, какъ обреченныхъ богу, высылали ихъ вонъ изъ края искать себѣ новаго отечества. Преданіе говоритъ что они уходили, ведомые дятломъ и рабочимъ воломъ, заселяя такимъ образомъ страну все далѣе и далѣе. Сабинцы зо-

вутъ Марса преимущественно копьеносцемъ, Квириномъ, отъ слова quiris, копье; и если въ Римѣ, еще при царяхъ, Янусу Квирину, на ряду съ Юпитеромъ и Марсомъ, посвящалась знатная часть военной добычи, и если племенной герой Латинянъ, Ромулъ, вскорѣ слился съ сабинскимъ Квириномъ, то и здѣсь мы видимъ какъ изъ-за религіознаго сознанія пробивается опять чутьё, что во всѣхъ этихъ образахъ чествуется одно и то же существо, только подъ особыми именами разныхъ его дѣятельностей.

Фавнъ (отъ faveo, благоволю) слыветъ добрымъ, привѣтливымъ; это кроткая сторона Марса, властвующая въ горахъ и лугахъ и осамобыченная тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе выработался изъ него богъ войны въ ту войнообильную пору. Фавнъ, какъ оплодотворитель, называется еще Луперкомъ, волкогономъ, въ двоякомъ смыслѣ оберегателя стадъ и отженителя зимней ночи, которой волкъ былъ символомъ, спускаясь вмѣстѣ съ нею съ холодныхъ высотъ и совершая подъ ея покровомъ свои страшныя хищенія. Вѣщій голосъ Фавна слышится человѣку въ природѣ, въ таинственномъ шорохѣ лѣсовъ. Какъ лѣшаго, зовутъ его Сильваномъ и надѣляютъ разными сказочными аттрибутами, какъ германское сказаніе изукрашаетъ имп своего Рюбецаля (Рѣпочета) или своихъ дивьихъ людей. На старозавѣтномъ праздникѣ Луперкалій двѣнадцать молодцовъ опоясывались шкурами принесенныхъ въ жертву козловъ, и одѣтые такимъ образомъ по-божьему бѣгали всюду въ городѣ, разнося съ собой искупительную благодать жертвы и плодотворную силу наступающей весны. Добрая богиня, привѣтница, волкопрогонница (Бона Деа, Фавна, Луперка)—вотъ опять различныя прозвища жены Фавна, ни дать ни взять какъ Гриммъ призналъ въ Хольдѣ, Фрейѣ, Берхтѣ, то-есть благопривѣтной, вольной, свѣтлой, все одно и то же существо. Ее зовутъ также Майею, множительницей (major, magis), и празднуютъ первый день посвященнаго ей мѣсяца, Maія. Матерински и вмѣстѣ дѣвственно изображаетъ она собой ту чистоту, какую вѣрная жена сохраняетъ и въ брачномъ союзѣ; ночныя торжества, празднуемыя ей женщинами исключительно, дошли только уже при императорахъ до безпутнаго разгула. Въ качествѣ пѣвучей и вѣщей, называли ее Карментидой. Журчаніе ручьевъ было для древнихъ Италійцевъ таинственною пѣснью (carmen), чарующимъ голосомъ божественныхъ пѣвицъ, Карме́нъ или Каме́нъ, родныхъ сестеръ геликонскимъ Музамъ. У Сабинцевъ богиня слыла Вакуною; истый женскій противень Квирина, она была воинственна, расположена къ охотѣ, щедро расточала дары природы и любви, подобно ему. Впослѣдствіи подъ разными именами стали понимать разныхъ боговъ, и такимъ образомъ разрослась мало по малу внѣшняя оболочка политеизма, тогда какъ въ глубинѣ души все-таки жила мысль о единствѣ всего божественнаго, и въ многоразличныхъ обликахъ темно чуяла его откровенье.

Бога паствы называли Палесомъ; святыня его на Палатинскомъ холмѣ въ Римѣ идетъ изъ глубочайшей древности, когда кочевья первобытныхъ пастуховъ лѣтомъ подымались на́ горы, а зимой спускались въ низины. Празднества Палесу, Палиліи, служили къ очищенію передъ богомъ и людей и скота: какъ и въ Германіи, народъ думалъ раздѣлаться съ зимой и со всею прошлогодней нѐчистью прыгая черезъ огонь, взгнетенный треніемъ двухъ

чурокъ, — обычай, вездѣ прямо указывающій на первоарійскія еще времена. Румипъ и Румина тѣ же Фавнъ и Фавна, въ значеніи кормящихъ грудью; но и дождебогъ Юпитеръ, напояющій землю молокомъ изъ облаковъ, такъ же призывался подъ именемъ Румина. Жена Марса символически изображалась въ видѣ волчицы, но слыла кроткою и благодатною, такъ что давалась сосать и человѣческимъ дѣтямъ; оттого и представляли ее подъ смоковницей, носящей сладкій и многосѣмяшный плодъ, растительнымъ изображеніемъ существеннаго ея свойства. А кормимыхъ ею дѣтей Римляне признали за племенныхъ своихъ героевъ и сочинили сказаніе про волчицу, питавшую Ромула и Рема. Пастухъ Фавстулъ, это—Фавнъ, нашедшій малютокъ и передавшій ихъ потомъ Луперкѣ, женѣ своей.

Чѣмъ болѣе, при поступательномъ ходѣ исторіи, въ нравственномъ міропорядкѣ, въ судьбахъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ, признавали и чтили власть божественнаго Промысла, чѣмъ могущественнѣе становился здѣсь Юпитеръ, тѣмъ болѣе отступали на задній планъ божества лѣсовъ и полей, обращаясь теперь въ демоновъ, въ существа второстепенныя, подобно тому какъ Ираклъ и Персей въ Греціи, а Зигфридъ въ Германіи, изъ боговъ солнца превратились въ солнечныхъ богатырей, или просто перешли въ сказку.

Не мудрено было попасть на мысль объ особой богинѣ цвѣтовъ или весны въ роскошномъ, цвѣтистомъ ея убранствѣ, олицетворить въ ней силу женской прелести и любви, и на послѣднемъ этомъ основаніи чествовать её какъ блюстительницу согласія, учредительницу государственныхъ союзовъ. Древніе Италійцы называли ее то Феронiей, то Флорой, посвятили ей розу и справляли весело и радостно весенніе ея праздники, которые и теперь еще отзываются въ привѣтномъ бросаніи пучками цвѣтовъ среди разгульной потѣхи римскаго карнавала. Ее называли также и Венерой, то-есть красавицей; по культу она близко соприкасалась съ родственною ей Афродитой; подобно этой, и ее чествовали потомъ какъ побѣдоносную, какъ породительницу всего сущаго, а въ сказаніи объ Энеѣ сдѣлали родоначальницей римскаго народа. Лукрецій, вначалѣ своей поэмы «О природѣ вещей», взываетъ къ ней какъ къ самой творческой природѣ:

О мать Энеадовъ, услада людей и боговъ,
Прелестная Венера! ты, которая подъ кружащими свѣтилами неба
Наполняешь жизнью и судоносное море и плодородную землю,
— Отъ тебя вѣдь зародилось все что дышитъ,
Все что смотритъ на лучи всходящаго солнца;
Передъ тобой, богиня, бѣгутъ вѣтры, исчезаютъ облака небесныя;
Лишь только ты появишься, источница-земля взрощаетъ цвѣты подъ твоей стопою,
Тебѣ улыбаются зыбкія равнины моря,
И ясное небо блещетъ тебѣ лучезарнымъ сіяніемъ.
Какъ скоро вешній день покажется въ красѣ своей,
И свободно повѣетъ плодотворнымъ дыханіемъ Фавоній,
Первыя возвѣстятъ появленіе твое птицы воздушныя
Пѣснью отъ сердца, потрясеннаго твоею же силой.
Рѣзвыя стада заскачутъ по веселымъ нажитямъ,
Переплывая на пути быстрые потоки: послушное власти красоты,
Все охотно слѣдуетъ за тобой, куда ты ни поманишь.
Тутъ-то благодаря тебѣ, нѣтъ живой груди, которая не трепетала бы сладостной любовью,
И въ морѣ, и въ горахъ, и въ быстринѣ рѣкъ,

По вѣтвистымъ укровамъ птицъ, по лугамъ и полямъ зеленымъ:
Ты виной того вожделѣнія, которымъ все вѣчно плодится изъ рода въ роды.

Когда подъ названіемъ Мимнерміи или Мемиміи (memini, помню), Венера преимущественно означаетъ сладкую тоску любви, грустно-отрадную думу сердца, тогда она и по имени выходитъ двойникомъ германской Фрау Минне (Млѣющей Любви). Цвѣтъ однакожь скоро вянетъ, скоро проходитъ пора весны, смерть притаилась среди полнаго разгула жизни, и вотъ почему Лубентина, носительница вожделѣнія, подобно красѣ-дѣвицѣ Корѣ, также становится Персефоною, богиней смерти, и съ веселымъ служеніемъ ей сливается невольная скорбь по мимолетномъ цвѣтѣ земного существованія. Но кончина только вѣдь переходъ къ новой жизни; неистребима творческая сила любви, и оттого напруженный символъ всякаго порожденія не только служилъ въ домѣ сѣдалищемъ для новобрачной, но и носился какъ предохранительный талисманъ отъ всякой злоумышленной порчи, ставился въ садахъ и даже на гробницахъ покойниковъ, и чествовался у очага цѣломудренными Весталками, блюстительницами живоноснаго огня. Наивность эта показываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, до какой степени человѣчество стояло еще на ступени первобытной природы.

Въ водѣ Италійцы видѣли больше живительную стихійную силу ключей и рѣкъ, но фантазія ихъ не очень вдохновлялась моремъ къ созданію миѳологическихъ обликовъ; и въ этомъ отношеніи позаимствовались они впослѣдствіи богатствомъ Грековъ, надѣливъ родного своего Нептуна и образомъ и принадлежностями ихъ Посейдона. Видѣли чудную божественную мощь и внимали голосу ея особенно въ ключѣ, гдѣ вода бьетъ изъ темной глуби струей съ неистощимою можно-сказать силой. Рѣчному богу, требовавшему также своей жертвы, торжественно бросали въ струи Тибра вмѣсто людей 24 тростниковыя чучелы. — Старозавѣтный огнебогъ назывался Вулканомъ. Въ немъ олицетворяли благотворную и вмѣстѣ пагубную природу пламени, культуру и искусство неразрывно соединенныя съ огнемъ. Жертвенный огонь, возносящій къ богамъ дары человѣка, послужилъ, какъ доказано Прёйнеромъ, главною основой для Гестіи или Весты Грекоиталійцевъ: поэтому и взывали къ ней при началѣ или при концѣ всякаго жертвоприношенія. Съ жертвенникомъ, съ алтаремъ сливался очагъ, и очажный огонь, какъ средоточіе семьи и дома, былъ посвященъ этой богинѣ по преимуществу: она властительная въ немъ сила, и служеніе ей отправлялось въ Римѣ съ особенной набожностью. У очага мѣстились домашніе духи; добрые эти геніи были души предковъ, не покидавшія никогда своихъ, любовно ихъ оберегая. Чистѣйшая изъ всѣхъ стихія требуетъ конечно и чистѣйшихъ жрицъ: Весталкамъ предоставлено блюсти ее на очагѣ государства, на алтарѣ отечества, да не угаснетъ на немъ никогда этотъ символъ жизни.

Что земледѣльцы поклонялись божеству въ образѣ посѣва, жатвы и общей кормилицы земли, это разумѣется само собою. Богъ Сатурнъ и богиня Опсъ стоятъ рядомъ, какъ мужское и женское начала, и самыя имена ихъ прямо указываютъ на посѣвъ и на обиліе; Опсъ та же Церера, источница, та же Теллусъ, земля. Такъ-какъ материнское лоно земли становится

и могилой человѣка, то оба эти божества царятъ также и въ подземномъ мірѣ: богиня называется здѣсь матерью Ларъ, Акка Ларенція; а когда хлѣбное зерно лежитъ въ землѣ и сила природы засыпаетъ назиму, тогда Сатурнъ слыветъ Консомъ, то-есть скрытнымъ, и говорятъ, отъ этой скрытности (latere) происходитъ даже имя самаго Лаціума. Почти во время нашихъ святокъ, въ зимній солоноворотъ, праздновали древніе Италійцы возвратъ своего бога изъ преисподней; онъ приносилъ съ собой всѣ дары золотого вѣка; радость и свобода царили на этомъ праздникѣ, уравнивавшемъ между собою всѣхъ людей; тутъ дарили другъ другу свѣточи, символы вновь возникающаго свѣта, какъ и мы зажигаемъ для дѣтей елку, хотя и не помня уже древне-языческаго обычая. Изъ Сициліи пришелъ сюда и водворился въ Римѣ миѳъ Деметры и культъ матери ищущей и находящей утраченную свою дочь; къ Церерѣ при соединились Либеръ и Либера, какъ въ Греціи къ Деметрѣ—Діонисъ и Персефона. Либеръ — богъ вольности, освободитель, котораго благодать празднуется особенно въ весельяхъ винограднаго сбора. Землебога звали также Дисъ, то-есть богачъ, заключающій въ своихъ нѣдрахъ всѣ сокровища; а какъ земля кроетъ въ себѣ также и мертвыхъ, то въ этомъ смыслѣ его называли Оркомъ, объемлющимъ. Какъ жнецъ или косецъ Сатурнъ, смерть также вѣдь снимаетъ жатву и убираетъ людей въ свое царство на вѣчный покой. Перевозчика душъ, Харона, Этруски, какъ и новогреческая народная пѣсня, обратили въ безпощаднаго хищника, который увлекаетъ съ собой души, хотятъ ли онѣ того или нѣтъ. Подземнымъ богамъ въ сѣдой древности приносились человѣческія жертвы; еще и въ дни ясной уже исторіи ублажали гнѣвъ ихъ чьею-нибудь добровольной смертью, которая и отклоняла отъ народа или войска угрожавшую имъ бѣду, а врага обрекала на вѣрную гибель. Какъ въ первобытныя времена (а у негритянскихъ владыкъ еще и нынѣ) жена, рабы, конь хозяина слѣдовали за нимъ въ могилу, такъ думали сначала и въ Италіи, что свѣжая могила требуетъ безотмѣнно кровавой тризны: на этомъ утвердился обычай боевыхъ поединковъ на смерть при погребальномъ торжествѣ. Могилу обсаживали цвѣтами, миртами, розами, фіалками или лиліями, и наклонны были полагать, что усопшіе продолжаютъ жить въ нихъ тѣлесно и обнаруживаютъ душевное свое настроеніе. Къ концу года и древніе Италійцы справляли день всѣхъ усопшихъ, присоединивъ къ нему праздникъ семейной любви, такъ-называемыя Каристіи; въ память мертвыхъ всѣ живые отказывались отъ взаимной вражды и ссоры, примирялись между собой, сближались въ чувствѣ общаго единенія и желали другъ другу всякаго добра и счастья.

Такъ-какъ въ Италіи не существовало ни какихъ миѳовъ о подвигахъ и страдахъ боговъ, то естественно не могло быть и ни какихъ переносовъ изъ просвѣтляющихъ судебъ небожителей на человѣческія событія и личности, которыя ихъ сколько-нибудь напоминаютъ,—не могло быть того, что обыкновенно ведетъ къ богатырской былинѣ. Древніе Сабинцы называли небеснаго бога Dius Fidius, богомъ вѣрности, и Semo Sancus, святымъ геніемъ. Его побѣдоносная борьба съ тьмою осталась въ памяти изъ миѳа первоарійской старины; поэтому онъ вообще слылъ побѣдителемъ, и ему посвящалась всякая добыча, а Геракломъ назывался онъ, кажется, какъ хранитель усадебной собственности (отъ hercere, ἕρχειν, огораживать). Когда имя

Юпитера сдѣлалось всеобщимъ (то-есть названіемъ бога вообще), отъ него отдѣлился Semo Sancus или Dius Fidius, какъ богъ клятвы: Me Dius Fidius и Mehercule были равнозначащими формулами присяги. Мы знаемъ арійское сказаніе (I, 275) про небеснаго бога, который отвоевываетъ у враждебнаго демона похищенныхъ этимъ коровъ; здѣсь передавали ее въ видѣ борьбы Геркулеса съ Какомъ. Послѣдній, огнедышащее чудище, вродѣ древняго тучезмѣя, угналъ у Эвандра нѣсколько головъ скота и спряталъ ихъ въ пещеру; но ихъ ревъ (то-есть громъ) выдаетъ похищенныхъ; Геркулесъ является на зовъ, убиваетъ Кака палицей и освобождаетъ скотъ. Первоначальный смыслъ былъ уже явно затемненъ, одно изъ прозвищъ бога сдѣлалось героемъ. Культъ ему распространился по всей Италіи, и когда сталъ здѣсь извѣстенъ греческій Иракль, то созвучіе слова и идеи послужило поводомъ объединить обѣ личности, и миѳическій блескъ одной перенесть на другую. Мы знаемъ также, что эпоха первоарійскаго общенія видѣла въ первыхъ лучахъ солнечнаго цвѣта, проглянувшихъ изъ ночной мглы или изъ-за темной грозовой тучи, юныхъ витязей, поспѣшающихъ на бѣлыхъ коняхъ; Италійцы рано ознакомились съ эллинскою обработкой этого миѳа, и сказанія Римлянъ славятъ дѣятельную помощь, оказываемую витязями въ пылу битвъ, славятъ даруемую ими побѣду. Всего знаменательнѣе то, что сказанія ровно ни чего не знаютъ о собственной жизни этихъ сыновей небеснаго бога, а только принимаютъ ихъ въ такомъ именно отношеніи къ исторіи и ходу людскихъ дѣлъ.

Не эстетично на нашъ вкусъ, но тѣмъ не менѣе естественно, что древніе пастухи и земледѣльцы Италіи представляли главу своего союза, Альбу, и ея колоніи или соединенныя съ ней общины, въ видѣ бѣлой свиньи съ семьей 30-ти поросятъ. Огонь, разведенный середь лѣса, поэтичнѣе изображаетъ домашній очагъ первыхъ поселенцевъ при основаніи Лавиніума; и если орелъ раздуваетъ пламя своими крыльями, а волкъ носитъ къ костру дрова, то символическія животныя Юпитера и Марса явно знаменуютъ благоволеніе этихъ боговъ; лиса, окунающая хвостъ въ воду съ тѣмъ чтобъ потушить огонь,—rutulus, то-есть рыжутка,—является символомъ племени Рутуловъ, которое противодѣйствовало латинскому союзу изъ Ардеи. Какъ солнечный богатырь Самсонъ пустилъ лисицъ съ зажжеными хвостами въ поля филистимлянскія, такъ и италійскіе пахари олицетворили пожаръ хлѣбныхъ полей въ образѣ лисы, которую мальчишка поймалъ въ курятникѣ и, навязавъ ей на хвостъ пукъ соломы, зажегъ его и выгналъ лису въ поле.

Свѣтобогу поклонялись на открытой горной выси; но и роща, прочисть (lucus) въ лѣсной глуши, также бывала святилищемъ. Только ликовъ божіихъ не знали вовсе; служеніе богамъ рано пріурочилось къ извѣстнымъ деревьямъ, – къ дубу Юпитера, къ лавру Аполлона, къ маслинѣ Минервы: такъ говорятъ, будто Ромулъ сложилъ военную добычу передъ старымъ дубомъ на Капитолійскомъ холмѣ. Точно такъ же и животныя становились символомъ того бога, чьи свойства онагляживали они чѣмъ-нибудь въ глазахъ дѣтскаго еще чувства природы. Такимъ образомъ змѣя, обновляющаяся съ перемѣной кожи, была символомъ жизнероднаго генія, который вѣченъ среди быстросмѣнной череды явленій. Иногда же ставили въ честь богу памятный камень, копью придавали значеніе бога войны. Это безобразное чество-

ваніе небожителей напоминаетъ тацитовскихъ Германцевъ, и поздніе потомки считали его чистѣйшимъ богослуженіемъ. Неоспоримо вѣрно замѣчаетъ Преллеръ: «У древнихъ не было, правда, того ландшафтнаго смысла природы, какой выработался у насъ искусствомъ и поэзіей, но у нихъ было «больше чувства къ демоническому ея началу, открывающемуся въ тиши «лѣсовъ, среди горныхъ утесовъ, на берегу журчащихъ источниковъ, и такъ «сильно дѣйствующему на всѣ воспріимчивыя сердца. Тамъ слышался имъ «яснѣе чѣмъ гдѣ-либо голосъ божій, и рѣдко подобныя урочища оставались «безъ религіознаго освященья». Въ голосахъ и явленіяхъ природы вѣра искала провозвѣстія божественной воли; рокомъ, fatum, называется то, что послѣдняя такимъ образомъ высказываетъ и ниспосылаетъ. Молнія, настиженіе или встрѣча какого-нибудь животнаго,—волка, зайца, лошади или змѣи, —особенно крикъ и полетъ птицъ, считались знаменательными, и человѣкъ не только старался истолковать себѣ любой подобный случай, и распорядиться сообразно тому своими поступками, но и нарочно наблюдалъ знаменія прежде чѣмъ предпринять какое-либое важное дѣло; auspicium называли случайную примѣту, augurium — умышленное наблюденіе. Разумѣется, и тутъ все зависѣло отъ того, какъ кто относился къ знаменію. Когда Цезарь, сходя съ корабля на египетскій берегъ, нечаянно упалъ, онъ схватился обѣими руками за землю и воскликнулъ: «А! таки попалась ты мнѣ, Африка!»

Мы знаемъ по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, что у Арійцевъ, какъ и у Симитовъ, человѣческія жертвы были первоначально средствомъ ублажить разгнѣванныхъ боговъ, искупить жизнь отъ лежащей на ней вины и грѣховности, пока люди не достигли сознанія что для Бога достаточно самопреданія его волѣ, достаточно жертвы собственнаго себялюбія. Такъ точно и въ исторіи Италійцевъ, съ глубочайшей древности вплоть до христіанской эпохи, видимъ мы рядъ человѣческихъ жертвъ, хотя случаи эти постепенно становятся все рѣже и необычнѣе. Мы упоминали о священной веснѣ и о бросаемыхъ въ Тибръ соломенныхъ чучелахъ; въ праздники мира и союза латинскихъ Ферій вѣшали впослѣдствіи маски на деревья вмѣсто череповъ прежнихъ кровавыхъ жертвъ.

ЭТРУСКИ.

Этруски принадлежатъ и до сихъ поръ къ загадкамъ всемірной исторіи. Однако мы можемъ принять за вѣрное, что къ концу 2-го тысячелѣтія предъ Р. Х. съ сѣвера нахлынули Разены и покорили умбрійскихъ Италійцевъ въ Тосканѣ вплоть до Тибра, но не столько принесли имъ культурныхъ элементовъ, сколько сами отъ нихъ приняли, хотя и составили господствующую въ средѣ ихъ аристократію, которая противустояла подданнымъ въ крѣпко замк-

нутомъ родосемейномъ союзѣ. Многое, на что въ Римѣ смотрѣли какъ на этрурское, признано въ новѣйшее время первобытно-италійскимъ. Вначалѣ богатый гласными языкъ, исключилъ потомъ бо́льшую часть ихъ, и сталъ терпокъ и суровъ благодаря происшедшему отъ того скученію согласныхъ; онъ все еще не довольно объясненъ: его относили то къ симитской, то къ арійской вѣтви, и въ немъ есть, пожалуй, элементы обѣихъ; присутствіе арійскихъ корней неоспоримо, но они могли прійдти отъ Италійцевъ; флекціи притуплены и порушены; кажется, будто въ стародавній туземный языкъ вторглось чуждое начало и совершенно съ нимъ перемѣшалось. «Строители башенъ и твердынь», Тиррены, Тирсены, Этруски въ Греціи и Италіи были Пеласги, которыхъ характеръ отличается еще нераздѣльной эллино-италійской стариной; чуждый элементъ внесли Разенны. Каменныя круглыя городища по высямъ горъ общи всей сплошь Италіи и сродственны киклопскимъ стѣнамъ Греціи; это городки, служившіе защитой отъ непріятеля живущимъ вокругъ общинкамъ и всему ихъ достатку, да вмѣстѣ и крѣпкимъ средоточіемъ ихъ гражданской и религіозной жизни. Такія общины стояли у Этрусковъ подъ управленіемъ главы, лукумона, и были связаны между собой довольно впрочемъ слабымъ союзомъ. Городская жизнь, торговля и промышленность развились подъ вліяніемъ Пунійцевъ и Грековъ. Золотыя монеты съ вычеканенными вглубь четверокрылыми львами, изображенія на бронзовыхъ пластинкахъ людей, придушающихъ птицъ и другихъ животныхъ, или же людей съ рыбьимъ туловищемъ, ясно указываютъ на вавилонскіе типы, все равно были ли они привозные, или дѣланы здѣсь на мѣстѣ по восточнымъ образцамъ. Письмена, а также и глиняные сосуды съ черными рисунками, оказываются напротивъ того — греческаго происхожденія; греческія поселенцы прибережныхъ городовъ перенесли туда вмѣстѣ съ своей техникой и свои миоы, а Этруски заимствовали изъ нихъ многіе облики въ свои собственныя произведенья.

Италійскую троицу, — Юпитера, Юнону и Минерву, — находимъ мы также и у Этрусковъ, подъ именами: Тина или Тинія, Купра, Менрва. Тина, сродственно греческому Δίσ, Δήν, тотъ же богъ небесный, вседержитель. Вертумномъ первоначально прозывался онъ въ Этруріи какъ великій движитель и воротило (vertere), многоразлично открывающій себя въ солоповоротѣ, въ чередной смѣнѣ дневныхъ и годовыхъ временъ, въ круговомъ ходѣ всей вообще жизни. Рано чествовался въ Римѣ ликъ или совѣтъ двѣнадцати боговъ подъ именемъ «соприсутственныхъ», consentes; кумиры ихъ стояли при входѣ съ форума на Капитолій. Ихъ же встрѣчаемъ и у Этрусковъ, какъ владыкъ наличнаго міропорядка, подъ именемъ Эзовъ и Эзаръ, напоминающимъ сѣверныхъ Эзировъ или Азовъ. Грозоученіе жрецовъ не только различало перуны Зевса, метаемые имъ по собственному произволу, отъ тѣхъ, которые посылаетъ онъ въ видѣ важнѣйшихъ знаменій съ совѣта двѣнадцати божествъ, но еще и отъ тѣхъ, которые блещутъ только съ согласія боговъ сокровенныхъ. Это уже таинственныя власти судьбы, представляющія тотъ вѣчный порядокъ, который лежитъ въ основѣ самого времени, возникающихъ и исчезающихъ въ немъ преемственно различныхъ мірозданій.

Вѣра въ духовъ приняла въ Этруріи такую форму, что каждому человѣку придано было по два генія, одинъ свѣтлый и добрый, другой темный и злой,

одинъ — хранитель и помощникъ, другой — искуситель и пагубникъ. Окрыленные, въ мужескомъ или женскомъ образѣ, везутъ они колесницу жизни, или же появляются въ смертный часъ, оспоривая другъ у друга душу умирающаго, кто изъ нихъ успѣетъ захватить ее въ свое царство. Смерть уже не опускающій факелъ юноша, какъ у Грековъ; ей приданъ страшный видъ дикаго полузвѣрообразнаго демона, который безпощадно машетъ своимъ тяжкимъ молотомъ, и то сторожитъ у воротъ преисподней, то вдругъ появляется среди живыхъ и незапно разрываетъ связи любви и дружбы. Когда воображеніе Этрусковъ обнаруживаетъ особенную силу и изобрѣтательность въ наглядной передачѣ мукъ вѣчно-осужденныхъ грѣшниковъ, то какъ при этомъ не вспомнить что Дантъ, Оркапья, Микель-Анджело тоже были Тосканцы? Поэтическое чувство природы древнихъ Италійцевъ, чуявшее въ голосахъ и явленіяхъ внѣшняго міра вѣщую волю божества, окоснѣло въ жреческомъ ученіи Этрусковъ до темноты рабскаго и порабощающаго суевѣрія. Они любили скучныя церемоніи и числовую игру въ совершенно произвольную символику. Отличая разные виды молніи, они придумали для каждаго изъ нихъ особаго рода ублаженія, и вѣрили что могутъ заклясть грозу или дождь. Патриціанскіе жрецы слыли знатоками по этой части и, толкуя случайныя явленія въ смыслѣ верховной воли боговъ, разумѣется управляли толпою. Особенно привели они въ систему искусство предрекать будущее по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, а черезъ нихъ ворожба перешла и въ Римъ, гдѣ такъ-называемые гаруспики (буквально—святовидцы) обыкновенно были изъ Этрусковъ. Мѣсто дѣтства настоящаго здѣсь заступило старческое, и какъ бы въ насмѣшку надъ собой сами Этруски пустили въ ходъ разсказъ, что тайное это вѣдѣніе открыто имъ эдинымъ сѣдовласымъ ребенкомъ, котораго селянинъ выпахалъ когда-то изъ земли и который, сообщивъ имъ свои тайны, тотчасъ же потомъ и умеръ.

Цвѣтущая пора этрурскаго государства совпадаетъ съ эпохой основанія Рима и съ временемъ его царей; республика начала противъ Этрусковъ ту борьбу, которая уже въ половинѣ 4 го вѣка предъ Р. X. сломила ихъ могущество и постепенно ихъ покорила. Послѣ этого «жирные Этруски», находясь подъ римскимъ владычествомъ, только вдоволь предавались чувственнымъ наслажденіямъ и своимъ суевѣрнымъ ученьямъ. До сихъ поръ мы такъ же мало знаемъ поэтическую сторону ихъ жизни, какъ и художественную поэзію.

Канальныя сооруженія, прорытыя въ горахъ штольны для спуска воды изъ озеръ, очень толстыя стѣны находимъ мы по всей Италіи, не у однихъ Этрусковъ. Стѣны эти представляютъ различные виды киклопской постройки, сообразно свойству матерьяла: апеннинскій известнякъ ломался неправильными глыбами, туфъ и пеперинъ Лаціума и Этруріи легко добывались въ формѣ плитъ. Воротныя стѣнки наклонялись одна къ другой тѣмъ же способомъ что и въ Греціи и смыкались потомъ вверху большою цѣльною плитой, если не сводились прямо въ острый уголъ; впослѣдствіи начали соединять отвѣсные столпы стѣнъ полукружіемъ изъ клинчатыхъ камней, вытесанныхъ такъ что швы ихъ обозначались радіусами, идущими изъ общаго средоточія дуги. Не старѣе этого времени и своды, встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ египетскихъ гробницахъ; во всякомъ случаѣ за Италійцами остается честь замысловатаго

ихъ употребленія. Замочный камень, держащійся посерединѣ на вѣсу и однакожъ напрягающій и подпирающій своимъ гнетомъ цѣлый составъ арки, отличался особенно выдающеюся величиной, а также украшался очень прилично человѣческой головою, какъ напримѣръ на воротахъ въ Вольтеррѣ, гдѣ подобнымъ же образомъ украшены и оба основные камня свода. Этруски изобрѣли этотъ техническій пріемъ, а въ Римѣ и въ новые потомъ вѣка онъ былъ художественно разработанъ.

Каменный склепъ на правильномъ фундаментѣ и поверхъ его насыпной курганъ были и въ Этруріи древнѣйшею формой могильнаго памятника. Въ одномъ изъ нихъ, близъ Кьюзи, продѣланы нутреные ходы, а снаружи — одѣтый камнемъ обводный ровъ. Такъ-называемая Кукумелла огорожена стѣною въ 600 футовъ окружности; посереди кургана возвышается башня, а рядомъ съ ней стоитъ другая, кеглеобразная и поменьше. На четыреугольной плитѣ конусъ посерединѣ и каменные столбы по угламъ, кажется, было здѣсь старозавѣтною формой могильнаго помятника, какъ мы видимъ это по такъ-называемой гробницѣ Гораціевъ и Куріаціевъ. Безо всякаго, напротивъ, основанія поставили въ связь съ Этрусками Нурагены острова Сардиніи, кеглеобразныя каменныя башенки съ каморою внутри. О могильномъ памятникѣ Порсены Плиній со словъ Варрона говоритъ, что неподалеку отъ города Клузіума онъ подымался на 50 футовъ въ вышину квадратомъ, котораго стороны были въ 300 футовъ длиною; на этой постройкѣ возвышалось пять пирамидъ, одна посерединѣ и четыре по угламъ; онѣ имѣли 75 футовъ въ основаніи, вдвое столько въ высоту, и всѣ были соединены какъ шляпой, бронзовымъ кругомъ, обвѣшаннымъ бубенчиками и цѣпями. Но если, какъ увѣряютъ, на послѣднемъ стояли опять-таки пирамиды, а на общей покрышкѣ этихъ высились еще другія, то въ этомъ очевидно уже сказочное преувеличеніе, которымъ позднѣйшая народная фантазія думала возвеличить давнымъ давно разрушенный памятникъ. Горнокаменныя гробницы съ изсѣченными въ скалѣ фасадами представляетъ во всей Италіи пока одна только Этрурія; это—прямое указаніе на восточный обычай. Лицевая сторона обыкновенно выдвинута немного впередъ и оперта на цоколь, боковыя линіи справа и слѣва нѣсколько наклонены другъ къ другу, и все пространство фасада, котораго ширь превосходитъ слишкомъ вдвое высоту, увѣнчивается карнизнымъ тябломъ почти столько же высокимъ; круглые штабики, настельныя плиты различной толщины, голькели и клювообразные выступы соединены здѣсь, при живомъ разнообразіи угловатыхъ и округлыхъ формъ, въ одно очень благовидное цѣлое. Всереди нижняго тябла два столбовидные выступа обозначаютъ фальшивую дверь; и они слегка наклонены другъ къ другу, но надъ мнимой дверью снова раздаются въ вышину и, описавъ небольшую арку, замыкаютъ раму пролета окончательно. Окрестности Витербъ богаты такого рода памятниками. Позднѣйшіе, находящіеся вблизи Норкіи, представляютъ воспроизведеніе лицевой стороны этрурскаго храма.

А его мы знаемъ по Витрувіеву описанію. Исходною для него точкою послужило очевидно горнокаменное жилье, съ сквознымъ предсѣніемъ, котораго потолокъ держится на стволахъ древесныхъ, и съ глухими (то-есть не проходными уже) покоями внутри. Планъ его былъ почти квадратный,

только немногимъ больше въ ширину чѣмъ въ глубину; предсѣніе было такъ же велико, какъ и святилище. Тамъ стояли колонны въ два ряда, по четыре въ каждомъ, и сквозь три ихъ промежутка виднѣлись двери трехъ придѣловъ или целлъ; такъ какъ середняя была больше боковыхъ, то и среднее междустолпіе было шире. По правилу, высота колоннъ должна была равняться семи ихъ поперечникамъ и трети ширины всей вообще постройки; междустолпія, которыя у Грековъ не многимъ превосходили толщину колоннъ, здѣсь простирались на всю высоту ихъ стержня. Выступныя балки поддерживали раструбистую кровлю, щипецъ подымался вверхъ круче нежели въ Греціи, но такъ же украшался пластическою работой. Здѣсь слѣдовательно нѣтъ ни продолговатаго четыреугольника, ни сквозной вокругъ колоннады, ни стройнаго цѣлаго, а есть двѣ части,—целлы и предсѣніе или портикъ, который составляютъ тонкія широко размѣщенныя подпоры. Витрувій называетъ эту форму храма пригнетенною, раздавшеюся въ ширь, тяжелою и вмѣстѣ натянутой. Капитель колоннъ была похожа на дорійскую; ей въ видѣ подножія отвѣчалъ вздутый валикъ на круглой плитѣ; стержень былъ не выжелобленъ. Впослѣдствіи, подъ вліяньемъ Грековъ, архитравъ поверхъ колоннъ украшался триглифами и зубцами. По кровельнымъ угламъ ставились фигуры животныхъ; вообще все зданіе было унизано орнаментомъ изъ обожженой глины и бронзы, такъ что деревянный остовъ былъ одѣтъ имъ весь сплошь. Но когда храмъ строился и изъ камня, въ немъ по прежнему держались старозавѣтныхъ формъ, не заботясь, по примѣру Грековъ, остроумно приноровить ихъ къ новому матерьялу, такъ чтобы онѣ казались возникшими прямо изъ его особенностей. Тутъ нѣтъ того художественнаго смысла, который умѣетъ согласить внутренность со внѣшностью и возвысить до красоты то, что въ сущности только цѣлесообразно; неприглядная основная форма и прилѣпленная къ ней декорація оставались чужды другъ другу; раздѣльность портика и трехъ целлъ, посвященныхъ высшимъ божествамъ, — Тиніи, Купрѣ и Менрвѣ,—напоминаетъ неразрѣшенную и въ государственномъ быту противоположность между кастою господствующей знати и порабощеннымъ народомъ.

Бронза и жженая глина были вообще самымъ обычнымъ матерьяломъ этрурской пластики и ея безчисленныхъ произведеній. Крышки глиняныхъ сосудовъ представляли человѣческую голову, а ручки ихъ — наши руки, и все вмѣстѣ выходило какъ-то странно и неуклюже. Жженую глину обыкновенно расписывали, а бронзу любили золотить. Нѣсколько дошедшихъ до насъ статуй, Марсъ изъ Тоди въ Ватиканскомъ музеѣ, мальчикъ-гусарь въ Лейденѣ, ораторъ во флорентинскихъ Уффиціяхъ и Химера тамъ же, обнаруживаютъ, правда, техническое мастерство; въ нихъ ясно виденъ слѣдъ греческаго вліянія, но онѣ все-таки лишь ремесленно воспроизводятъ отголоски идеальнаго и свободнаго искусства. Приплющенное очертанье головы, широкоплечая дебелость туловища, коротко остриженные волосы, все это взято прямо изъ жизни; одежда прикрываетъ фигуру тяжелыми складками; тщательно передаются даже морщины лица и характеръ индивидуальнаго выраженья: цѣлое производитъ впечатлѣніе сухости и трезвости. Формы животныхъ обозначены рѣзко; свирѣпое свойство Химеры выражено хорошо: изъ львинаго туловища выникаетъ козья шея съ такой же головою,

а хвостъ оканчивается змѣей, которая впилась въ рогъ этой козы. Вообще Этрускамъ легко дается выраженіе чудовищнаго, страшнаго, возбуждающаго ужасъ. Каменные алтари, саркофаги, могильные столбы украшены рельефами, въ которыхъ рѣзкая мускулатура всегда какъ-то мрачныхъ фигуръ, одежда съ широкими условными складками, профильное положеніе ногъ при лицевомъ поворотѣ туловища, напоминаютъ восточные зачатки искусства, да пожалуй могутъ быть и независимо отъ нихъ той первоначальной его ступенью, которая одинаково встрѣчается вездѣ. Въ позднѣйшую эпоху рельефъ становится выпуклѣй, и фигуръ выводится несравненно больше; пробуждается смыслъ къ живописному расположенію, хотя на пропорціи все еще не обращено ни какого вниманья, что̀ особенно поражаетъ въ портретныхъ фигурахъ, покоящихся на крышкахъ гробницъ. Рѣзные камни и выпуклая декоративная пластика отличаются хорошею работой; въ нихъ также замѣтенъ отзывъ ассирійскаго стиля, но восточное здѣсь у мѣста, и строгость формы умѣряетъ притомъ его излишества. До насъ дошли еще превосходные образчики оружейныхъ издѣлій.

Прекраснѣйшія изъ вазъ, найденныхъ въ этрурскихъ гробницахъ, идутъ сплошь изъ греческихъ фабрикъ, отъ аѳинскихъ гончаровъ. Этруски подражали имъ, но никогда не умѣли достигнуть ихъ совершенства; рѣзкая пестрота и мягкость никогда не сливаются здѣсь въ энергическую грацію. Они любили стѣнную живопись, какъ доказываютъ гробницы, и въ позднѣйшую пору усвоили себѣ рельефный стиль расположенія вполнѣ развернутыхъ фигуръ цѣлыми послѣдовательными рядами; но въ движеніяхъ господствуютъ у нихъ преувеличенность и натяжка; часто бываетъ сомнительно, съ умысломъ ли придано фигурамъ комическое выраженіе, или ненарочно. Промежутки охотно заполняются растеніями, на которыхъ сидятъ птицы. Рисунки представляютъ по большой части веселыя сцены жизни, пляски, боевыя игры и пиршества, — это быть-можетъ картины счастія въ противоположность другимъ, изображающимъ судъ надъ мертвыми, злыхъ демоновъ и муки осужденныхъ. Контуры просто заполнены свѣтлыми и пріятными красками безо всякихъ впрочемъ оттѣнковъ. Музыканты съ двойными флейтами являются и на погребальномъ торжествѣ, и при веселыхъ плясках; на войнѣ мѣсто флейты заступаетъ труба. Особеннаго вниманія заслуживаютъ рѣзные вглубь рисунки на металлическихъ этрурскихъ зеркалахъ. Послѣднія обыкновенно круглы или овальны, обрамлены арабесками и снабжены красивыми рукоятьми; иногда ихъ держатъ человѣческія фигуры. Изображенія на оборотной сторонѣ заимствованы то изъ туземнаго богоученія, то изъ эллинскихъ миѳовъ, которые однакожь переводятся на этрурскій ладъ: изъ Полидевка выходитъ Пультуке, изъ Александра—Эльхфентре, изъ Діониса—Фуфлунсъ. Само собою разумѣется что издѣлія эти очень неодинаковаго разбора: рядомъ съ неуклюжею и поверхностной работой встрѣчаются вещи, очаровывающія мастерствомъ художнической руки, которая граціозно передаетъ смѣлость положеній, заполняетъ пространство ритмическими линіями и смыкаетъ фигуры одушевленной группы чувствомъ тѣснаго соотношенія, какъ напримѣръ на удивительномъ зеркалѣ, представляющемъ свиданье Діониса съ его матерью, Семелой. Тутъ нельзя не признать руки греческаго художника; тѣмъ не менѣе она уже подслужила здѣсь тому новому элементу, который достигнетъ

полнаго своего расцвѣта только почти черезъ 2000 лѣтъ, въ эпоху Возрожденія.

РИМЪ ВЪ ЭПОХУ ЦАРЕЙ.

Посереди Италіи течетъ Тибръ черезъ вулканическую холмистую долину; котловидныя озера по базальтовымъ ея окраинамъ обличаютъ жерла прежнихъ сопокъ, а изъ глубины ея высоко поднялся и великолѣпною размашистою линіей протянулся Альбанскій хребетъ, господствуя надъ мѣстностью и глядя съ одной стороны на̀ море, съ другой — на Апеннины. По скатамъ его размѣстились древнѣйшія осѣдлыя поселенія Латинянъ; тамъ стояла и Альба, главный городъ союза ихъ. На одинъ день пути отъ устьевъ Тибра, изъ болотистой низины возвышается нѣсколько смежныхъ холмовъ. Судоходство удобно до этой мѣстности, и легко могла родиться мысль заложить здѣсь крѣпостцу для охраны добра окрестныхъ земледѣльцевъ,—городокъ, гдѣ они безопасно могли бы производить мѣну и продажу, могли имѣть свои общія святилища. Дѣйствительно, въ 8-мъ вѣкѣ предъ Р. X. водворилась на одномъ холмѣ латинская община, на другомъ сабинская, и изъ этихъ двухъ поселеній, Рамновъ и Тиціевъ, возникъ Римъ, вскорѣ усилившійся третьею еще общиной—Луцеровъ, перешедшихъ изъ покоренной Римлянами Альбы. Какъ иногда въ одномъ великомъ человѣкѣ воплощается духъ цѣлаго народа и всемірно-историческое его значеніе, такъ въ одномъ этомъ городѣ воплотилась можно-сказать вся древняя Италія. Ни одна мѣстность въ мірѣ не могла представить такого подходящаго фона для великихъ, важныхъ историческихъ картинъ, какъ эти близко-смежные холмы, эта долина съ ея волнистыми возвышеніями и падями вплоть до горной цѣпи, опоясывающей ее въ туманно-ясной дали такъ разнообразно и величественно.

Центромъ тяжести въ государствѣ было и оставалось всегда земледѣліе, но обокъ съ сельскими усадьбами быстро развилась городская жизнь, и Моммсенъ доказалъ это не только изъ торговаго договора, заключеннаго Римомъ при самомъ учрежденіи республики съ Карѳагенцами, но также и изъ тѣхъ древнихъ установленій и законовъ, всилу которыхъ обруку съ возростающею свободой во всѣхъ сношеніяхъ шелъ самый строгій исполнительный процессъ. Народная община ставила надъ собой пожизненнаго владыку, который какъ первый между равными управлялъ всѣмъ по закону, требуя себѣ безусловнаго повиновенія; такъ же безусловно распоряжались и должностныя лица, которыхъ назначалъ онъ по разнаго рода дѣламъ. Но законодательная власть принадлежала мірскому сходу, котораго согласіе было необходимо для всякой отмѣны существующаго обычая. Владыка имѣлъ при себѣ совѣтъ, называемый сенатомъ, изъ отцовъ или старшинъ тѣхъ родовъ, которые поль-

зовались искони полными правами граждань. Гражданство было вмѣстѣ и воинство. Но все болѣе и болѣе росла непринадлежащая къ нему толпа вольныхъ людей, которые размножались въ Римѣ, не участвуя ни въ государственномъ управленіи, ни въ жреческихъ должностяхъ; воеустройство, привлекшее къ ратной службѣ этихъ неграждань и давшее имъ вмѣстѣ съ оружіемъ доступъ къ начальственнымъ мѣстамъ, неизбѣжно предоставило имъ и участіе въ правахъ политическихъ. Устройство это связано съ именемъ Сервія Туллія; подобно Солоновымъ уставамъ, оно имѣло въ виду примирить существующій порядокъ съ требованіями прогрессивной жизни, уравновѣсить долю правъ съ долею лежащей на каждомъ повинности и соразмѣрить обѣ эти доли съ поземельнымъ владѣніемъ, такъ что ни кто не былъ исключенъ, а между тѣмъ и старинные граждане не утратили своихъ преимуществъ, такъ-какъ имъ принадлежала въ собственность большая часть земли. Всѣ теперь были приняты въ мірской, народный сходъ, но подѣленные почти на 200 участковъ; платящимъ высшую подать предоставлено было при этомъ больше голосовъ, а какъ съ нихъ и начиналось голосованіе, то, при согласіи между собой, они всегда могли рѣшить дѣло какъ хотѣли. Изъ богатыхъ составлена была конница, и зажиточные перваго класса должны были вполнѣ вооружаться на свой счетъ. Въ четырехъ округахъ набирались всѣ четыре класса; къ пятому отнесены были неосѣдлые, дававшіе отъ себя рабочій и подставной людъ. Собранный такимъ образомъ народъ представлялъ вмѣстѣ и ополченіе, и какъ различные роды оружія были распредѣлены закономъ для войны, такъ разные участки народа пріурочивались къ цѣлому и въ мирномъ положеніи, располагаясь порядно одинъ за другимъ не только что на бой, но и на работы для гражданской общины. Въ ту пору когда въ Греціи возникла тираннія, благодаря стремленіямъ даровитыхъ личностей сломить обыкновенно заодно съ народомъ власть аристократіи, а потомъ удержать господство за собой,—тогда и въ Римѣ затѣяла нѣчто подобное семья Тарквиніевъ; но затѣя эта, какъ оно по большой части бывало и въ Греціи, кончилась ихъ паденіемъ и изгнаньемъ. Въ то самое время когда изъ Аѳинъ вынуждены были удалиться Писистратиды, обратился въ республику и Римъ: мѣсто пожизненныхъ царей заняли два ежегодно избираемые консула. При царяхъ Римъ сдѣлался уже главой латинскаго союза.

Какъ съ развитіемъ городской жизни стало формулироваться право, такъ равномѣрно и въ религіозной области появился цѣлый рядъ уставовъ, которые сказаніе приписываетъ Нумѣ и которые уже отецъ церкви Тертулліанъ сравниваетъ съ іудейскими законами. Не существовало еще божескихъ кумировъ, но уже были для нихъ установлены жрецы обокъ съ корпораціей или товарнществомъ птицегадателей и съ особенными братствами для различныхъ богослуженій, которыхъ старозавѣтные обряды должны были нерушимо блюстись во всей чистотѣ. Понтифексы, то есть Мостники, были люди свѣдущіе въ числѣ и мѣрѣ, которые вели государственный мѣсяцесловъ и которымъ рано поручена была запись какъ историческихъ событій, такъ и законовъ. Ихъ набольшій сталъ мало по малу въ самый центръ религіозной жизни, и такъ-какъ послѣдняя проникала весь бытъ своими обрядами, то онъ разумѣется пріобрѣлъ важное значенье, хотя, какъ всякой другой жрецъ, не имѣлъ вовсе политическаго могущества, и хотя любой молельщикъ и

жертвоприносецъ самъ прямо становился передъ божествомъ, не нуждаясь для того ни въ какомъ посредникѣ. Пѣсни, игры, пляски придавали богослуженію свѣтлый характеръ; луковицы и чучелы заступили мѣсто прежнихъ человѣческихъ жертвъ; часто давались богамъ священные обѣты. — Прежде всего требовалась внутренняя и наружная чистота; при отправленіи религіознаго торжества особенно заботились избѣжать всякихъ дурныхъ предзнаменованій и строго соблюдать всѣ тѣ обряды, которые были разъ признаны спасительными въ этомъ отношеніи, какъ будто бы съ ними неразлучно были связаны божья благодать и успѣшный исходъ во всякомъ дѣлѣ. Скоро были собраны воедино молитвенныя формулы, которыми слѣдовало призывать подъ особенными именами божество во всѣхъ случаяхъ жизни, отъ рожденія вплоть до могилы; имена эти давались по приписываемымъ богу дѣйствіямъ: такъ напримѣръ къ Вагитану (крикуну) обращались съ тѣмъ чтобъ онъ отверзъ новорожденному уста для перваго вскрика, къ Леванѣ (подъемщицѣ) для того чтобы поднять новорожденнаго съ земли, чѣмъ именно отецъ и признавалъ въ немъ свое дѣтище, къ Унксіи (помазчицѣ) — чтобы она смазала дверныя петли, которыя не должны пронзительно визжать, когда новобрачная вступаетъ въ домъ избравшаго ее мужа. Тутъ началось уже повидимому то олицетвореніе понятій, которое играло въ Римѣ столь же важную роль какъ и у Иранцевъ въ Персіи: соорудили храмъ Чести и Доблести, обокъ съ Бранелюбіемъ поставили Страхъ и Ужасъ, поклонялись какъ небеснымъ силамъ Свободѣ и Счастію, Надеждѣ и Кротости, Благочестію и Чистотѣ Нравовъ.

Но уже и при царяхъ послѣдовали важныя нововведенія. Усвоеніемъ культа Аполлону и соединенныхъ съ нимъ освященій, прорицаній и очистительныхъ жертвъ пересаженъ былъ въ Римъ первый отпрыскъ греческаго образованія. Вскорѣ по основаніи своемъ городъ обведенъ былъ валомъ. Тарквиніи, не хуже какого-нибудь Поликрата, занимали народъ постройками, которыя проливали блескъ на ихъ правленье. Изъ нихъ доселѣ еще привлекаетъ взоры cloaca maxima (главный водоотводъ) очень полезное и удачное сооруженіе для осушки болотистой тогда низины, — большой каналъ почти въ 300 футовъ длины, въ 12 полаго пролета и въ 15 вышины, крытый сводомъ и мастерски расчитанный. Изъ красивыхъ построекъ особенно отличался Капитолійскій храмъ, сооруженный по этрурскому образцу въ честь Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ; человѣкообразные лики этихъ божествъ были поставлены въ новое святилище или носились вокругъ него при торжественныхъ ходахъ.

До насъ дошла изъ глубочайшей древности пѣснь такъ-называемыхъ Арвальскихъ братьевъ. Въ божествѣ чтили они хранителя пахотныхъ полей Рима и, раздѣленные на нѣсколько группъ, совершали вокругъ алтаря священную пляску, моля небо о мирѣ и благодати.

Enos, Lases, iuvate.
Neve luerve, Marmar, sins incurrere, in pleores!
Satur furere, Mars,
Limen sali, sta berber!
Semunis alternei advocapit concios,
Enos, Marmor, iuvato,
Triumpe, triumpe!

Намъ, о Лары, помогите!
Язвѣ, о Марсъ-Марсъ, не дай пожрать многихъ!
Будетъ тебѣ яриться, Марсъ,
Домой, за порогъ, и сдержи бичъ свой!
Каждый въ свой чередъ да призоветъ всѣхъ боговъ небесныхъ!
Намъ, Марсъ-Марсъ, помоги:
Слава тебѣ, слава!

Катонъ въ своей книгѣ «о началахъ» говоритъ, что у предковъ было въ обычаѣ славить великихъ людей за столомъ хвалебными пѣснями. Пѣсни эти пѣли отроки подъ звукъ флейты, а не рапсодъ подъ струнный инструментъ; отсюда слѣдуетъ что онѣ были не эпическаго, а лирическаго свойства, были коротки, хоральны, подобны приведеннымъ сейчасъ стихамъ, которыхъ безфантазійная сухость вполнѣ объясняетъ намъ то обстоятельство, почему старобытные Римляне мало уважали своихъ стихотворцевъ. Такимъ же характеромъ отличались и заплачки; онѣ не могли содержать въ себѣ большихъ своеобразныхъ подробностей, ни историческихъ воспоминаній уже по одному тому что пѣлись хоромъ плакальщицъ *). Догадка, случайно брошенная сперва Перизоніемъ и выработанная послѣ Нибуромъ, относительно существованія у Римлянъ эпическихъ пѣсней, изъ которыхъ возникли потомъ разсказы ихъ древней исторіи, — догадка эта оказалась несостоятельной, такъ такъ на дѣлѣ не нашлось ни малѣйшаго слѣда такихъ пѣсенъ, и онѣ тѣмъ менѣе могли быть созданіемъ плебеевъ, что имена богатырей сѣдой древности всѣ принадлежатъ патриціанскимъ родамъ. Но съ другой стороны полу-миѳическая, былинная эта исторія вовсе и не романъ, наболтанный Римлянамъ Греками, какъ утверждалъ А. В. Шлегель. Правда, нѣкоторыя черты и анекдоты заимствованы и повторены изъ греческаго преданія, и все вмѣстѣ подверглось литературной обработкѣ; но первичный матерьялъ, который имѣли подъ рукой уже самые ранніе лѣтописцы, такъ тѣсно примыкаетъ къ вѣрѣ, обычаю и мѣстности, что онъ можетъ быть только своеземнымъ произведеніемъ. Швеглеръ сообразилъ очень вѣрно, что у Римлянъ не было ровно ни какихъ условій необходимыхъ для народнаго эпоса, вродѣ гомеровскаго, и замѣчаніями его только дополняется нашъ намекъ на то, что подобный эпосъ всегда предполагаетъ богато-развитую миѳологію. «Жители нутреного города, не испытавшіе ни странствій, ни похожденій, не «плававшіе по морямъ и не богатые былиннымъ матерьяломъ, ограничиваясь «земледѣліемъ и скотоводствомъ, защищая свои поля и свой насущный «хлѣбъ въ безпрерывныхъ схваткахъ съ сосѣдними племенами, находясь «подъ господствомъ тяжко-суевѣрнаго культа, стѣснявшаго и сердце ихъ и «умъ, воспитываясь въ строгихъ узахъ обычая и религіозныхъ представленій, вращаясь въ предѣлахъ твердо расчлененнаго общества, безъ особенныхъ отъ природы дарованій къ искусству и поэзіи, будучи народомъ трезвымъ, практическимъ, пріобрѣтательнымъ, наклоннымъ больше къ рефлекціи, сомкнувшись изначала въ правомѣрное государство, держащееся на

*) Въ хоровой пѣснѣ все содержаніе готово заранѣе, и здѣсь нѣтъ уже простора личной поэтической импровизаціи, какую мы встрѣчаемъ напримѣръ въ корсиканскихъ заплачкахъ. Прим. перев.

«общеньи правъ и обреченное на развитіе права по преимуществу, — какъ «могли эти Римляне взростить у себя былинную поэзію, которая возникаетъ «вѣдь только у племенъ, отъ природы богатыхъ фантазіей, отважно ввѣряю«щихся бурливому морю и готовыхъ идти завоевательно въ какую бы то ни «было безвѣстную даль?» Сложившаяся изстари повѣсть о древнѣйшемъ Римѣ конечно не чисто историческое преданіе, а поэтическій разсказъ, но разсказъ своеобразный до такой степени, что онъ чрезвычайно характеристиченъ для фантазійной жизни самого народа. Это порожденіе разсудочнаго взгляда на вещи, это стихъ, сложенный Римлянами, хоть и безъ ритма, продавнее былое, чтобы истолковать себѣ его на свой ладъ. Швеглеръ называетъ его собраніемъ цѣлесловныхъ (этіологическихъ) миѳовъ; онъ весь выросъ на дѣйствительномъ основаніи, на основаніи правовыхъ и государственныхъ преданій, онъ взбѣжалъ какъ плющъ по обычаямъ, святынямъ, памятникамъ сѣдой старины, онъ развился изъ дѣйствительныхъ именъ и фактовъ. Имѣя въ виду объяснить происхожденіе не природы, а государства, онъ воспользовался для этого зачатками естественнаго миѳа и возвелъ основателей государства въ сыновъ божіихъ. Онъ давалъ такимъ образомъ удовлетворительное объясненіе, которое поэтому считалъ за истину какъ самъ стихослагатель, такъ и любой слушатель; тутъ не было ни умышленнаго обмана, ни поддѣлки; одна подробность постепенно присоединялась къ другой, и все вмѣстѣ составило то содержаніе, которое писатели старались потомъ связать въ одно цѣлое, придумывая въ свою очередь мотивы и сопрягающія звенья какъ для установленія во всемъ единства, такъ и для того чтобы разъяснить себѣ наличность данныхъ и со стороны ея происхожденія, и со стороны ея внутренняго значенья. Мы видимъ здѣсь только наивное употребленіе гипотезы, такое дѣйствіе фантазіи, которое играетъ извѣстную роль во всѣхъ рѣшительно зачаткахъ науки. Народъ, желающій основательно овиннословить свой побытъ, онаглядить себѣ свое собственное существо, не можетъ сдѣлать этого съ самаго начала въ формѣ (исчерпывающаго) понятія, онъ дѣлаетъ это въ образѣ, въ такой исторіи, которая творчески совчиняетъ чаяніе съ воспоминаніемъ и даетъ всему этому опредѣленный какой-нибудь обликъ. Уже Вико подмѣтилъ у всѣхъ корневыхъ народовъ свойственный имъ пріемъ мыслить въ поэтическихъ характерахъ, въ живыхъ лицахъ; такъ и въ Ромулѣ олицетворены общія свойства градоздателя. Но тѣсная связь религіознаго элемента съ воинственнымъ требовала первоначальника и для религіи; и вотъ имя Нумы, основателя богослуженія, ясно напоминаетъ своимъ звукомъ numen, то-есть божество; а то, что религія не произвольный людской вымыселъ, но откровеніе свыше, — это выражено любовной связью Нумы съ нимфою Эгеріей. Фактъ, что Римъ произошелъ изъ соединенія двухъ общинъ, наводитъ на мысль присовокупить къ Ромулу, главѣ Рамновъ, царя Тиціевъ, Тація; все племя олицетворено въ племенномъ богатырѣ. Порожденный Марсомъ и восхищенный потомъ въ грозѣ и бурѣ къ богамъ небеснымъ, Ромулъ конечно не существовалъ въ этомъ видѣ; но устранить изъ его образа всѣ миѳическія черты, значитъ отнять у него существенное, утратить идею изъ-за того чтобы вылужжить ничтожный самъ по себѣ фактъ. Намъ извѣстенъ обычай первоарійской старины умыкать невѣстъ, похищать ихъ; обычай этотъ сохранился и у старобытныхъ Римлянъ;

потомки стали искать къ нему повода и нашли его въ томъ, что первые, пришедшіе изъ Лаціума, Римляне похитили себѣ Сабинянокъ, а это послужило вмѣстѣ и символомъ тѣснаго сочетанія обоихъ племенъ. Освободителя отъ насильственнаго самовластья Тарквиніевъ преданіе окрестило именемъ Брута, значащаго «безумный»; древній герой должно-быть притворился юродивымъ, чтобы обмануть тирана: отсюда сказанія о сокровенномъ его умѣ; тутъ совершенно позабывается невозможность для него стать начальникомъ конницы, еслибъ Тарквиній не довѣрялъ ему или считалъ его просто дуракомъ; но для насъ это именно обстоятельство и есть вѣрный признакъ миѳической подмѣски. Что Тарквиніи происходятъ изъ этрурскаго города Тарквиніи, что Сервій Туллій рожденъ отъ рабыни, — это также выведено лишь изъ именъ. Но рабынѣ въ очажномъ огнѣ явился, видите, геній царскаго дома, Ларъ; одѣвшись невѣстою, сѣла она, по совѣту самой царицы, у огня и, бывъ дотолѣ дѣвой, зачала отъ бога это дѣтище: миѳъ очевидно вышелъ изъ той идеи, что въ царѣ воплотился истый духъ Рима, и что необходимо было такое высшее освященіе, коль скоро имени Сервія понадобилось придать смыслъ сына рабыни.

Если надъ частными родовыми святынями и надъ особенными службами имъ Тарквиніи поставили вѣру въ божескую троицу Юпитера, Юноны и Минервы, какъ общую государственную религію, и соорудили на Капитоліи въ честь ихъ храмъ, то это было такимъ важнымъ дѣломъ, которое вызвало разногласіе между ними и старозавѣтнымъ жречествомъ; противоборство послѣдняго нашло себѣ представителя въ Аттѣ Навіи. Царь смѣется надъ искусствомъ узнавать будущее по полету птицъ и спрашиваетъ, есть ли возможность исполнить то, что̀ онъ про себя задумалъ; авгуръ производитъ свои наблюденія и отвѣчаетъ утвердительно. Тогда царь предлагаетъ ему перерѣзать бритвою оселокъ, такъ-какъ онъ задумалъ именно это. И жрецъ выполняетъ сказанное.—Религіозная связь съ Греціей и пріобрѣтеніе для Рима книгъ сивиллинскихъ прорицаній также принадлежатъ времени Тарквиніевъ; но способъ этого пріобрѣтенія поэтически изукрашенъ.

Характерную сторону богатырской былины Римлянъ составляетъ то, что въ ней мы находимъ не осадокъ такихъ миѳовъ, которые первоначально изображали естественныя явленія подъ видомъ личныхъ подвиговъ и судебъ, то-есть не прямой отголосокъ естественной поэзіи; напротивъ, она главнымъ образомъ исторична, прикрѣплена къ памятникамъ, къ быту, къ обычаямъ, *) фантазія не свободно-игрива здѣсь въ своемъ творчествѣ, она хочетъ только объяснить данное, и притомъ не въ поэтической формѣ: въ прозѣ обиходной жизни выработываетъ она свои повѣсти и характеры. И никогда не надо забывать, что римскій народный духъ мѣтко и вѣрно изобразилъ себя въ сказаніи, что созданные фантазіей образы предковъ дѣйствовали вдохновительно на подростающія поколѣнья, что истинно-римскимъ чувствомъ были одушевлены тѣ мужи, которые держали руку на огнѣ за отечество и защищали какой-нибудь мостъ до послѣдняго его разрушенья, или готовы были заполнить

*) То-есть, она — былина въ строгомъ смыслѣ. Прим. перев.

собственнымъ тѣломъ ту бездну, которая раскрывалась передъ родиной, — то истинно римскимъ чувствомъ были одушевлены тѣ женщины, которыя скорѣе разставались съ жизнію, чѣмъ съ цѣломудріемъ и съ чистотою брака, — и въ этомъ отношеніи вполнѣ справедливо замѣчаніе Гёте: Если Римляне были довольно велики для того чтобы придумать такія вещи, то и мы должны быть на столько велики чтобы имъ вѣрить.

РЕСПУБЛИКА ДО НАЧАЛА МІРОДЕРЖАВСТВА.

Тарквиніи были изгнаны аристократіей стараго, коренного гражданства, — патриціями; два погодно избираемые консула, замѣнившіе пожизненнаго царя, были скорѣе исполнителями чѣмъ руководителями сената, составлявшаго постоянное верховное правительство. Законодательная власть, выборъ должностныхъ лицъ, рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ принадлежали всему народу, собранному въ вышесказанномъ порядкѣ и расчлененіи. Порядокъ этотъ привлекъ и новыхъ гражданъ, то-есть плебеевъ, къ участію въ тяготахъ войны и мира, и борьба ихъ за совершенную равноправность, за всеобщую избираемость, за допущеніе ихъ браковъ съ патриціями, наполняла на первыхъ порахъ всю внутреннюю исторію Рима и шла вровень съ разростомъ государства вовнѣ. Въ лицѣ народныхъ трибуновъ созданъ былъ законный органъ борьбы за политическое устройство, и къ голосованію по мѣрѣ достатка присоединилась законодательная дѣятельность всѣхъ вообще гражданъ безъ различія. Сколько бы ни препирались между собой партіи, внѣшняя война всегда возвращала ихъ къ сознанію общаго единства. Гордое самочувствіе не дозволяло никакихъ переговоровъ съ непріятелемъ, пока враждебное войско стояло на римской землѣ. Въ дни крайней опасности диктатору вручалась на короткое время безусловная власть надъ всѣми. Кто безукоризненно отправлялъ какую-нибудь высшую должность, тотъ по праву поступалъ въ сенатъ, который постоянно дополнялся такимъ образомъ голосами изъ среды народа: въ него принимались умнѣйшіе, храбрѣйшіе, опытнѣйшіе, благонадежнѣйшіе люди, и не даромъ показался онъ Грекамъ собраніемъ царей. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій городъ представлялъ рѣдкое и великолѣпное поистинѣ зрѣлище могучаго и возростающаго въ свободѣ народа, который управлялъ самъ собой посредствомъ благороднѣйшихъ и лучшихъ своихъ согражданъ. То эстетическое впечатлѣніе, какое производитъ сама римская жизнь строгостью нравовъ, готовымъ на смерть мужествомъ, восторженнымъ патріотизмомъ и чувствомъ славныхъ побѣдъ, — образъ мужей, непосредственно и лично представляющихъ собой народный геній, такихъ людей какъ Цинциннатъ, Камиллъ, Курій, Фабриції, Аппій Клавдій и многіе другіе, — вотъ чѣмъ наверстывался не-

достатокъ цвѣтущаго искусства; всемірноисторическое величіе Рима основано на той односторонности, съ какою государство захватываетъ всѣ сплошь силы и выдвигается впередъ исключительно само.

Римъ сталъ не только главою Латинскаго союза, онъ завоевалъ уже и Вейи у Этрусковъ, когда вторженіе Галловъ испепелило городъ до тла, но остановилось передъ твердыней Капитолія и было наконецъ отбито. Сабеллы, Самниты, Умбры, Этруски, одни за другими, были вынуждены силою меча соединиться подъ водительствомъ Римлянъ, которые заправляли внѣшними дѣлами, присоединяли къ своимъ легіонамъ союзниковъ, въ видѣ небольшихъ отрядовъ, закладывали въ ихъ землѣ крѣпости и занимали ихъ своимъ гарнизономъ, но при этомъ давали доступъ къ праву римскаго гражданства ихъ общиннымъ старшинамъ. За мечомъ завоевателя шелъ слѣдомъ плугъ земледѣльца,—поселеніе римскихъ гражданъ на томъ участкѣ земли, который побѣжденные должны были предоставить побѣдившимъ вмѣсто дани; быть и слыть хорошимъ земледѣльцемъ Римлянинъ всегда вмѣнялъ себѣ въ большую честь. Вѣрность исконному обычаю, любовь къ порядку, которыя сродны сельчанину, всегда столь зависимому отъ естественныхъ законовъ, оказали здѣсь сильное вліяніе на постоянство и непрерывность политическаго развитія. Предпріятія Римлянъ противъ греческихъ колоній въ южной Италіи повели къ еще болѣе тѣсному сближенію съ эллинствомъ; но его мирному присоединенію предшествовала геройская борьба на жизнь и смерть съ Пирромъ, царемъ Эпирскимъ, однимъ изъ преемниковъ Александра Великаго; паденіе этого государя было вѣрнымъ предзнаменованіемъ того, что міродержавство переходитъ къ Римлянамъ.

Архитектоническими произведеніями этого времени были храмы, строимые полководцемъ по обѣту данному въ минуту опасности и выполнявшіеся въ этрурскихъ еще формахъ, а особенно великолѣпныя общеполезныя сооруженія, на которыя со временъ Аппія Клавдія очень цѣлесообразно тратилась государственная казна, которую прежде только берегли безъ всякой пользы. У подножій Капитолія устроили торговый рынокъ еще цари; республика постепенно удалила оттуда лавки и обвела Форумъ (городскую площадь) портиками; онъ сталъ средоточіемъ общественной жизни Рима, здѣсь воздвиглась и ораторская каѳедра. Началась уже постройка великолѣпныхъ водопроводовъ, переносившихъ съ горъ черезъ долину въ городъ цѣлые потоки ключевой воды; могучіе столпы соединены арками и подымаются то выше, то ниже смотря по неровностямъ земли, чтобы доставить вполнѣ ровное русло бѣгущей надъ ними чистой влагѣ. Начали уже устилать большими каменными плитами широкія военныя дороги изъ столицы въ провинціи. Начали сооружать почетныя ворота, которыми ввозили тріумфаторовъ, на вѣковую память изъ камня; боковые столпы и здѣсь соединялись сводчатою аркою, а все вмѣстѣ замыкалось вверху горизонтальнымъ тябломъ. Прекрасный саркофагъ изъ усыпальницы Сципіоновъ служитъ намъ живымъ свидѣтельствомъ декоративнаго употребленія въ дѣло греческихъ уже формъ. Произведеніе это относится къ началу 3-го вѣка предъ Р. Х. Верхостѣнье украшено доріійскимъ триглифнымъ фризомъ съ розеттами въ метопахъ; подъ гзимзомъ пущены зубчики, а самъ онъ идетъ волнистою линіей, то выдаваясь, то впадая внутрь, и увѣнчиваясь по угламъ іонійскими волютами.

Изъ самнитской добычи былъ отлитъ колосальный ликъ Юпитера; городскую площадь начали украшать статуями знаменитыхъ людей; до насъ дошла капитолійская волчица, замѣчательная по своимъ выразительно-строгимъ формамъ. Живопись въ храмѣ Благоденствія (Salus), кисти Фабія Пиктора, возбуждала и впослѣдствіи удивленіе всѣхъ знатоковъ, а что она дѣйствительно могла быть его достойна, равно какъ и изстари славныя, картины въ Ардеѣ и Ланувіумѣ, это можетъ засвидѣтельствовать намъ такъ-называемая «фикоронская циста», красивый бронзовый ларчикъ, выполненный, судя по надписи, въ Римѣ Новіемъ Плавціемъ. Бока украшены изображеніями изъ похода Аргонавтовъ,—живая, ясная композиція въ тонкомъ рисункѣ и съ граціозной подвижностью фигуръ; заимствованный изъ Эллады сюжетъ переданъ съ эллинскимъ чувствомъ изящества и показываетъ какъ одушевительно дѣйствовало оно своимъ повѣвомъ на греческія колоніи въ нижней Италіи, какъ оно простерлось и до Рима.

Римская литература начинается довольно характеристично законами десяти таблицъ, историческими записями; сказанія, возникшія теперь о незапамятной старинѣ, передавались уже въ прозѣ; краснорѣчіе принялось здѣсь прежде нежели поэзія. Изъ Этруріи вошли сюда пантомимныя пляски, выполняемыя подъ звуки флейтъ. И у Латинянъ и у Самнитовъ въ дни виноградняго сбора былъ въ обычаѣ самый разгульный маскарадъ, который повелъ къ импровизированной комедіи, и нѣкоторыя характерныя ея маски сдѣлались уже постоянными, какъ напримѣръ Маккъ — арлекинъ, тупоумный слуга, Папъ—добрый отецъ, Букконъ—обжора. Перемолвка (діалогъ) съ двойнымъ хоромъ составляли также и форму тѣхъ «фесценнинскихъ стихотвореній», въ которыя рано вошелъ элементъ нескромныхъ свадебныхъ шуточекъ. Италіецъ вообще любилъ бойкій, остроумный разговоръ, вызывающее словцо съ мѣткимъ на него отвѣтомъ, да, правда, былъ и мастеръ на эти вещи; отсюда развился сатурническій размѣръ, весь подвластный ударенію (акценту), ямбически восходящій въ первой половинѣ и трохаически нисходящій — во второй, такъ что двѣ части совершенно противоположны между собою. Онъ прилагался тогда ко всему; такъ его мы находимъ и на вышеупомянутомъ саркофагѣ побѣдителя Самнитовъ, Луція Сципіона:

Здѣсь легъ Корнелій Луцій   Сципіонъ *) Брадатый;
Онъ, кровный Гнея сынъ,   и сильнымъ былъ и мудрымъ,
Въ немъ доблесть и пригожесть   обокъ шли другъ съ другомъ;
Эдилемъ бывъ сначала   сталъ консулъ, цензоръ послѣ,
Тавразію, Сизавру,   Самній покорилъ онъ.

Насталъ поворотъ для всемірной исторіи, когда Риму пришлось перешагнуть черезъ Мессинскій проливъ и въ Сициліи начать борьбу съ Карѳагеномъ. Финикіяне или Пунійцы были въ древности народомъ мореходцевъ и купцовъ; для того чтобъ безпрепятственно пріобрѣтать себѣ богатства и

---

*) Въ латинскомъ произношеніи этого имени главное удареніе падаетъ на первый слогъ.

ими пользоваться, они платили подати то въ Мемфисъ, то въ Ниневію, но всю котловину Средиземнаго Моря оцѣпили своими колоніями, и когда метрополія пала передъ Александромъ Великимъ, Карѳагенъ на берегу сѣверной Африки сталъ средоточіемъ всемірной торговли. Древніе роды переселились туда изъ Тира на житьё, плодоносный Ливійскій край былъ завоеванъ наемными ихъ дружинами, Карѳагенцамъ стали подвластны южная Испанія, Сардинія, Сицилія. Государствомъ управляли богачи. Вмѣсто средняго земледѣльческаго класса, какой существовалъ въ Римѣ, мы находимъ здѣсь крупныхъ негоціантовъ, воздѣлывающихъ свои помѣстья руками рабовъ, а за тѣмъ толпу живущей изо-дня-въ-день голи. Покоренныхъ сосѣдей, подвластныя колоніи Карѳагенцы выжимали насколько было можно, между тѣмъ какъ Римъ всегда старался соединить ихъ въ одно цѣлое, такъ что Моммсенъ уподобляетъ прочное римское союзничество киклопской стѣнѣ, которая выдержала напоръ даже и какого нибудь Ганнибала и могла быть разрушена только камень за камнемъ, не иначе; а напротивъ карѳагенскій союзъ распался какъ паутина, едва непріятельское войско вступило въ Африку. Сицилія, находясь всерединѣ между Римомъ и Карѳагеномъ, стала поводомъ къ рѣшительной борьбѣ Аріійцевъ съ Симитами за господство на Средиземномъ Морѣ,—борьбѣ, долго ведомой Эллинами съ перемѣнныимъ успѣхомъ и побѣдоносно законченной Римлянами. Съ изумительной энергіей создали послѣдніе военный флотъ и проникли до самыхъ стѣнъ Карѳагена; но здѣсь положили имъ преграду огромныя каменныя плиты, и отчаянное мужество до того воспламенило осажденныхъ, что отъ обороны они перешли къ наступленію. Слишкомъ двѣнадцать лѣтъ тянулась потомъ безславно эта война, пока со стороны Карѳагенянъ не выступилъ одинъ великій человѣкъ, Гамилькаръ Барка, а со стороны Римлянъ не двинулась народная сила, которая, въ лицѣ имовитыхъ своихъ гражданъ, настроила опять кораблей и отдала ихъ въ полное распоряженіе истощенному уже государству. Общественная доблесть оказалась сильнѣе одиночнаго генія. Карѳагенъ вынужденъ былъ уступить Сицилію. Среди мира Римляне завладѣли еще Сардиніей и Корсикой, и обратили въ зависимую отъ нихъ область верхнеиталійскую равнину, гдѣ издавна хозяйничали Галлы, такъ что сѣверною границей республики сдѣлались теперь Альпы. Римъ освободилъ Адріатическое Море отъ иллирскихъ морскихъ разбойниковъ, и за это съ благодарностью и торжествомъ допущенъ былъ Греками къ ихъ національнымъ играмъ и мистеріямъ, — первое всенародное свидѣтельство въ пользу того, что онъ успѣлъ привить къ своему быту греческую образованность. Началось это съ знатнѣйшихъ родовъ, хотѣвшихъ замѣстить умственною аристократіей аристократію крови и отличиться по крайней мѣрѣ любовью къ искусству и наукѣ послѣ того какъ всѣ граждане пріобрѣли равныя права. Впервые принялись здѣсь изучать чужой языкъ не для однихъ только житейскихъ сношеній, а именно ради образованія.

Римская держава достигла теперь естественной своей мѣры, простершись на всю Италію и на прилегающіе къ ней острова; но древность не знала еще такой системы государствъ, которой члены находились бы между собой въ равновѣсіи, развивали каждый свои собственныя силы и давали всей ея совокупности пользоваться плодами общаго труда; между двумя равно могущественными народами тогда еще неизбѣжно возникалъ вопросъ, кому гос-

подствовать и кому повиноваться; что стало-быть у Рима съ Кароагеномъ состоялось собственно только перемиріе, это Гамилькаръ Барка видѣлъ очень хорошо, но не могъ внушить того же взгляда и торгашамъ родного своего города. Впрочемъ они дозволили ему завоевать для Кароагена новое царство въ Испаніи и создать тамъ такую военную силу, которая могла бы въ случаѣ нужды перенести борьбу на Италійскій полуостровъ. Превосходившій еще великаго отца, сынъ и наслѣдникъ его, Ганнибалъ, величайшій полководецъ и политикъ всей семитской древности, перешагнулъ Альпы и былъ столько же удивителенъ изумляющей смѣлостью нападенія, сколько и выдержаннымъ упорствомъ обороны; но Кароагенъ такъ мало доставлялъ ему вспомогательныхъ средствъ, что Римляне справедливо прозвали войну эту ганнибаловской. Союзники ихъ бились съ иноземцами за общую свою отчизну, и римскій сенатъ, римскій народъ стояли настолько же выше Кароагена, насколько Ганнибалъ превосходилъ любого изъ ихъ вождей. Послѣ пораженія Римлянъ при Каннахъ, сенатъ благодарилъ разбитаго полководца за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи отечества и не искалъ послѣдняго исхода въ смерти. Фабій смогъ пріостановить успѣхи побѣдителя только расчитанною медлительностью, а Марцеллъ—спокойной осторожностью. Тутъ оказался несостоятельнымъ ведшійся изстари обычай, что два ежегодно смѣняемые консула завѣдывали вмѣстѣ и войскомъ и правленіемъ; въ помощь имъ потребовался одушевленный и одушевляющій человѣкъ, и вотъ любимецъ народа и боговъ небесныхъ, юноша Сципіонъ, получилъ верховное начальство въ Испаніи, чтобы отмстить за смерть своего отца и спасти государство. Онъ отнялъ этотъ край у Пунійцевъ, перенесъ войну въ Африку, побѣдилъ самого Ганнибала и могъ бы тогда же разрушить Кароагенъ, еслибъ, какъ эллински-образованная личность, онъ не чувствовалъ справедливаго отвращенія отъ всякой ненужной жестокости, отъ истребленія стародавняго, насиженнаго гнѣзда культуры. Онъ принялъ подъ верховное покровительство Рима нумидійскихъ владѣтелей, и Кароагенъ остался богатымъ торговымъ городомъ безъ всякой политической силы. Но Ганнибалъ придалъ новый демократическій видъ прогнившему уже строю государства, и когда денежные аристократы потребовали у Римлянъ его изгнанія, онъ постарался вооружить Малую Азію противъ исконнаго врага, и тѣмъ самымъ привлекъ взоры и могущество послѣдняго къ восточнымъ краямъ свѣта. Тамъ, обокъ съ плотно сомкнутымъ въ себѣ Египтомъ Птолемеевъ, лежало обширное, слабообъединенное царство Селевкидовъ. Кароагенскій выходецъ прибѣгъ къ царю Антіоху III-му въ Эфесъ и начерталъ ему планъ войны противъ Рима; но выполненіе предоставлено было не Ганнибалу; Сципіонъ явился въ Малой Азіи, и битва подъ Магнезіей дала Римлянамъ возможность устроить тамъ всѣ отношенія по ихъ собственной волѣ, что они и сдѣлали преимущественно въ пользу греческихъ приморскихъ городовъ. Дружившихъ имъ Атталидовъ въ Пергамѣ поставили они такимъ образомъ, что, по желанію Рима, тѣ могли служить противовѣсомъ какъ Сирійцамъ, такъ и Македонянамъ.

Рѣшительно важны для всемірной культуры были отношенія ихъ къ Греціи. Бывши еще въ Италіи, Ганнибалъ заключилъ союзъ съ Македонцами, а Римляне сошлись съ эллинскими городами; но царь Филиппъ мало сдѣлалъ для Кароагенянъ, и когда потомъ онъ вздумалъ покорить себѣ слабѣйшія

державы, какъ большія рыбы проглатываютъ мелюзгу, то Римъ изъявилъ готовность вступиться за союзные ему Аоины, и Титъ Квинктій Фламиній, человѣкъ греческаго опять образованія, разбилъ Македонянъ, и хотя оставилъ государство ихъ въ видѣ оплота противъ сѣверныхъ варваровъ, однако т ржественно объявилъ греческіе города независимыми. Конечно, онъ не могъ надѣлить ихъ граждапъ силой самоуправленія, и скоро Римлянамъ пришлось взять въ собственныя руки поддержаніе у нихъ порядка и спокойствія. И Эллада стала теперь римскою провинціей. Побѣда, одержанная при Пиднѣ Луціемъ Эмиліемъ Пауллом противъ Персея македонскаго, доставила Римлянамъ міродержавство. Ихъ велевластный голосъ раздавался въ Испаніи, въ сѣверной Африкѣ, въ Малой Азіи. Когда «богъ и блестящій побѣдодавецъ», какъ самъ себя величалъ Антіохъ, получилъ сенатскій приказъ отступиться отъ всѣхъ своихъ завоеваній и попросилъ сроку подумать объ этомъ требованіи, посолъ Гаій Попиллій провелъ около него кругъ своимъ жезломъ, требуя чтобы онъ высказался рѣшительно прежде чѣмъ переступитъ за его черту, и царь долженъ былъ покориться. Сообразно географическому положенію Италіи въ центрѣ Средиземнаго моря Римъ сталъ средоточіемъ исторіи всего древняго міра.

Что Карѳагенъ былъ разрушенъ, а не обращенъ въ римскій провинціальный городъ, это можно назвать дѣломъ жестокосердой суровости и объяснить себѣ только тѣмъ незабытымъ еще страхомъ, какой нѣкогда навелъ на Римлянъ Ганнибалъ, и который внушалъ старшему Катону такія опасливыя подозрѣнія насчетъ богатствъ и цвѣтущей торговли древняго соперника, что въ одномъ только истребленіи его онъ видѣлъ обезпеченіе Рима отъ опасности. Карѳагенъ погибъ съ геройскимъ величіемъ; Семиты выступаютъ въ полной своей славѣ, обрекая себя сами на жертвенную смерть; Тиръ и Іерусалимъ могутъ служить другимъ тому примѣромъ. Младшій Сципіонъ нехотя выполнилъ дѣло разрушенія, и глядя на охватившее Карѳагенъ огненное море онъ раздумывалъ въ благородной душѣ своей объ измѣнчивости счастія, какъ истый Грекъ, вспомнилъ о Немезидѣ, и проговорилъ другу своему Лелію гомеровскіе стихи:

День неизбѣжно прійдетъ пагубный для Иліона;
Тутъ же падетъ самъ Пріамъ и народъ царя-копьевержца.

Римское гражданство могло вѣдать свои собственныя дѣла, сенатъ умѣлъ управлять всею Италіей, но лишь высшее духовное образованіе замѣчательныхъ личностей способно было улаживать и уряжать міровыя отношенія точно такъ же въ дали какъ и вблизи; и если греческая культура содѣйствовала побѣдамъ своихъ первыхъ усыновленниковъ,—Сципіоновъ, Фламинія и Эмилія Паулла, то надо сказать, что примѣръ такихъ людей вызывалъ ревностное подражаніе, что богатая духовная жизнь становилась потребностью для Римлянъ и что очень кстати приходились завоевателямъ сокровища греческой литературы и искусства. Быстро шла эллинизація, и Катонъ, этотъ Римлянинъ стараго закала, все-таки долженъ былъ выучиться по-гречески, хотя уже и дряхлымъ старикомъ. Начался подѣлъ образованныхъ отъ необразованныхъ, основанный главное на томъ, что для благовоспитанности тре-

бовалось изученіе иноземнаго языка и иноземной литературы; греческій языкъ первый игралъ ту роль, какую заняли потомъ въ новой Европѣ латинскій и французскій. Катонъ выгналъ, правда, изъ Рима философа Карнеада, который умѣлъ съ одинаковымъ искусствомъ превознесть и справедливость и несправедливость; но римскіе ораторы все-таки шли съ тѣхъ поръ въ науку къ греческимъ. Сколько ни предостерегалъ онъ сына своего, Марка, отъ развратной и наглой сволочи, съ которою впервые познакомился въ Аѳинахъ; но самъ вынужденъ былъ приняться за чтеніе иностранныхъ книгъ, когда захотѣлъ сдѣлать выборку всего полезнаго и необходимаго изъ наличной массы свѣдѣній и соображеній, и изложить коротко и ясно, чѣмъ долженъ быть порядочный человѣкъ, какъ человѣкъ и гражданинъ, въ войнѣ и мирѣ, въ земледѣліи и въ занятіяхъ по судебной части. Онъ совѣтовалъ всегда обдумывать дѣло до тѣхъ поръ, пока слова придутъ уже сами собою. Онъ написалъ исторію Рима отъ начала города до своего времени.

Если въ глубокой древности изъ Греціи перешелъ въ Италію культъ Аполлона съ его примирительными и освятительными обрядами, то въ эпоху, о которой мы говоримъ теперь, распространилось здѣсь вакхическое тайнослуженіе съ его оргіями, и изъ Пессинунта перевезли въ Римъ тотъ священный камень, который служилъ символомъ фригійской Матери боговъ; оскопленные жрецы ея торжественно вступили въ Римъ съ дикимъ восточнымъ гвалтомъ, и тутъ обнаружилось вполнѣ ясно, какой заразой угрожаетъ древней вѣрѣ и древнему строгоправію общеніе съ прогнившей уже цивилизаціей чужихъ земель. Греческая образованность принесла съ собой свѣдѣніе о миѳахъ греческихъ; ими стали украшать туземныхъ боговъ, но это были однѣ стихотворныя блестки; ни кто не принималъ ихъ съ религіознымъ благоговѣніемъ, всѣ видѣли въ нихъ только свѣтлую игру воображенья: божескіе лики изъ храмовъ Греціи пошли на украшеніе римскихъ загородныхъ домовъ.

Едва побѣжденъ былъ Ганнибалъ, какъ крылатымъ шагомъ
Приблизилась къ суровому народу Квиритовъ Муза въ ратной одеждѣ.

Такъ выражался Порцій Лициній; а Горацій говоритъ:

Но завоеванная Эллада сама завоевала опять дикаго побѣдителя
И принесла искусство въ Лаціумъ.

Римляне перехватили нить поэзіи именно на томъ, чѣмъ въ Греціи закончилось тогда органическое развитіе; они начали переводить трагедіи и комедіи. Историкъ Ливій сказываетъ, что въ 390-мъ г. предъ Р. Х., по случаю одного мороваго повѣтрія, въ числѣ разныхъ способовъ ублажить гнѣвъ боговъ небесныхъ, были введены и сценическія игры; но это были только пляски подъ музыку, этрурскіе балеты; полтораста лѣтъ спустя, вольноотпущенникъ изъ Тарента, Ливій Андроникъ, ставилъ на сцену греческія драмы въ латинскомъ переводѣ; онъ же перевелъ Одиссею сатурническимъ стихомъ. Вслѣдъ за тѣмъ Гней Невій родомъ изъ Кампаніи, попыталъ силы въ народно-италійской литературѣ: онъ разсказалъ въ сатурническихъ стихахъ первую пунійскую войну, драматизировалъ нѣкоторыя туземныя былины, напри-

мѣръ юность Ромула, и придалъ высшую форму простонародной комедіи, вложивъ въ нее съ аристофановскою бойкостью остроумныя выходки даже противъ побѣдителя при Замѣ и другихъ римскихъ вельможъ. Пакувій и Энній умѣли только знакомить народъ съ эллинскими миѳами по Эврипиду и другимъ позднѣйшимъ трагикамъ; Аттій бралъ правда сюжеты изъ древней римской исторіи, но вырабатывалъ ихъ точь въ точь по піэсамъ аттическихъ драматиковъ, а Плавтъ и Теренцій прямо уже пересадили въ Римъ новую камедію. Напомню сдѣланную ей прежде характеристику, и прибавлю здѣсь только одно, что въ Римѣ различались comoedia palliata и togata; такъ-какъ первую играли въ греческихъ, а вторую въ римскихъ одеждахъ. Актеры были вольноотпущенники или рабы, а отнюдь не граждане.

Греческая драма послѣ Александра поразительно быстро повернула отъ политической жизни къ частной и стала изображать общечеловѣческія черты въ жанровомъ характерѣ; принявшись обработывать ее для Римлянъ, Плавтъ и Теренцій явились первоначальниками той космополитской камедіи, которая по содержанію и формѣ плодится и держится у всѣхъ культурныхъ народовъ до сихъ поръ. Плавтовы «Менехмы» воскресли въ «Комедіи Ошибокъ» Шекспира, его «Копилка» обновилась въ Мольеровомъ «Скупцѣ», его «Алтынникъ» ожилъ въ «Кладѣ» Лессинга. Если комическія піэсы и различаютъ на характерныя и интрижныя, то лучшія изъ нихъ все же вѣдь и то и другое вмѣстѣ: характеры выражаются и развиваются въ поступкахъ, а дѣйствіе цѣлаго напрягается и созрѣваетъ къ развязкѣ только благодаря противоборствующимъ цѣлямъ и ухищреніямъ отдѣльныхъ лицъ. Причуды и странности, свойственныя извѣстнымъ возростамъ, сословіямъ, направленіямъ, берутся съ смѣшной ихъ стороны, гдѣ онѣ впадаютъ уже въ дурачество и противорѣчіе, выдавая и упраздняя себя этимъ сами; такъ что тутъ забавно возстановляется гармонія нормальнаго бытія и торжество здраваго человѣческаго смысла. Плавтъ любитъ притомъ выставить такую односторонность въ преувеличенномъ еще видѣ и расписать какого-нибудь хвастуна, грубіана, проныру, дурака, подхлебника возможно-яркими красками, такъ что они обращаются уже прямо въ какихъ-то уродовъ и предаются безпощадному осмѣянію; Теренцій, напротивъ, отнюдь не выходитъ изъ обычнаго круга жизни, всегдашній людской обиходъ и повседневныя ихъ дѣйствія становятся смѣшны у него сами по себѣ: ясно, что со всей ихъ хитрою расчетливостью, со всѣмъ прилагаемымъ къ нимъ рвеніемъ, они изъ одного затрудненія только съумѣли бы угодить въ другое, еслибъ вся эта путаница не развязывалась вдругъ игрою случая, о которой они и не помышляли, и которая одна склоняетъ вѣсы на сторону справедливости. У Плавта мы помираемъ со смѣху надъ другими; у Теренція мы говоримъ заодно съ поэтомъ: «Я—человѣкъ, ни что человѣческое мнѣ не чуждо» *, и намъ при этомъ кажется, какъ будто мы смѣемся сами надъ собой.

Макцій Плавтъ былъ родомъ Умбріецъ, и снискивалъ себѣ пропитаніе работой на толчейной мельницѣ, когда началъ писать свои піэсы; Теренцій, 50-ю годами моложе, родился въ Карѳагенѣ, и жилъ сначала рабомъ, а послѣ вольноотпущенникомъ въ Римѣ, челядинцемъ дома Сципіоновъ, такъ что

* Изреченіе, заимствованное имъ у Менандра.

рано зародилась молва о томъ, будто побѣдитель Кароагена и другъ его Лелій принимали участіе въ сочиненіи Теренціевыхъ комедій, что̀ пожалуй и справедливо въ томъ отношеніи, что черезъ нихъ онъ узналъ и научился передавать образованіе высшихъ сословій въ Римѣ, не говоря уже о томъ что приноравливалъ къ ихъ вкусу свои сочиненія. Оба комика были собственно переводчики-поэты, подобно придворнымъ германскихъ эпикамъ Среднихъ Вѣковъ; но своеобразность ихъ видна въ выборѣ оригиналовъ и въ способѣ ихъ обработки. Плавтъ былъ самороднѣе, дебелѣй, свѣжѣе, забавнѣе; немного будничный и трезвый Теренцій отличался мѣрою, ясностью и разсудительной мотивировкой; у Плавта само приключеніе перевѣшиваетъ всѣ возникающіе по его поводу хитрые замыслы и расчеты, онъ больше говоритъ воображенію, какъ дѣлаютъ потомъ англійскіе и испанскіе комики; тогда какъ напротивъ Теренцій служитъ предвозвѣстникомъ французскаго направленія. Послѣдній держался преимущественно Аоинянъ, и изъ нихъ Менандра; а Плавтъ воспроизводилъ Малоазіатовъ, Дифила и Филемона; Горацій пріурочиваетъ его къ сицилійской школѣ Эпихарма, да и самъ онъ въ прологѣ своихъ «Менехмовъ» говоритъ, что онъ не столько аттичничаетъ, сколько сицилійствуетъ. Піэсы Плавта чрезвычайно разнятся между собою, — тутъ можно найдти образчики всѣхъ видовъ новой греческой комедіи; всѣ Теренціевы отмѣчены однѣми и тѣми же чертами. У перваго мы встрѣчаемъ фантастически-забавныя вещи обокъ съ хорошо обдуманными интрижными піэсами, трогательныя семейныя драмы на ряду съ такой безпутной пошлостью, что сынъ съ отцомъ волочатся напримѣръ за одною и той же дѣвкой, или что любовница перваго ублажаетъ несговорчиваго отца, завлекая его въ свои сѣти и отдаваясь ему безъ склонности; онъ любитъ позабавить публику грязью своихъ шутокъ, но иногда вѣетъ у него весенней свѣжестью задушевнаго чувства, и личная любовь принимаетъ платоническій оттѣнокъ, когда Агорастоклъ, при видѣ прелестной Кароагенянки, говоритъ:

Безсмертные боги, создавали ли вы когда что-нибудь прекраснѣе ея
Въ своемъ всемогуществѣ? Чѣмъ доля ваша лучше моей,
Если вы и чувствуете себя безсмертнѣе меня въ ту минуту,
Когда верховное благо проникаетъ мнѣ прямо въ душу путемъ глазъ?

Съ самосознательнымъ благородствомъ открывалась Кароагенянка сестрѣ:

Духъ любви украшаетъ меня больше нежели блескъ золота;
Золотомъ надѣляетъ счастіе, добрымъ духомъ — природа.
Пусть лучше слыву я слишкомъ доброй, чѣмъ слишкомъ счастливой.
Наряднѣй пурпура для женщины стыдливый румянецъ,
И скромность дороже въ насъ золота.
Дурнымъ сердцемъ грязнится любой нарядъ,
А напротивъ и рубище скрашивается прелестью добрыхъ нравовъ.

Плавтъ пересаживаетъ иноземный сюжетъ на римскую почву и дѣлаетъ его картиной римскаго нравообычая. Римскій образъ мыслей обнаруживается у него въ похвалахъ благородству, которое готовъ онъ всегда возвеличить даже и въ душѣ раба,—обнаруживается въ томъ нравственномъ негодованіи, передъ которымъ всякой сводникъ—негодяй и которое дѣлаетъ развратныхъ

шалуновъ или пустыхъ хвастунишекъ предметомъ безпощадной сатиры. Теренцій рисуетъ свои картины нравовъ съ какимъ-то художническимъ привольемъ, не возлагая на себя обязанностей строгаго судьи; но онъ любитъ показать зависимость людского положенія отъ собственныхъ поступковъ человѣка, дѣла такъ у него и идутъ какъ они ведутся, и вещи, учитъ онъ, таковы и есть, какими мы съумѣемъ ихъ взять. Хремесъ говоритъ у него отцу, который самомучительски тоскуетъ по бѣжавшемъ сынѣ:

Вы не знали другъ друга понастоящему:
Ты никогда не показалъ ему, какъ много ты его любишь;
Онъ не довѣрялъ тебѣ, какъ слѣдуетъ отцу.

Дальше онъ замѣчаетъ:

Отечество, родные, друзья, богатство, знатность, что все это значитъ?
Они—благо для тѣхъ, кто умѣетъ ими пользоваться,—зло для тѣхъ, кто не умѣетъ.

Эпическій характеръ античной поэзіи обнаруживается у обоихъ комиковъ въ томъ, что они охотно останавливаются на отдѣльныхъ картинахъ жизни, такъ что эта идиллическая, эта жанровая черта становится для нихъ иногда главнымъ дѣломъ; напримѣръ, когда въ своемъ «Стихѣ» Плавтъ сначала описываетъ вѣрныхъ женъ въ отсутствіи мужей, а подконецъ изображаетъ подробно и мастерски невольничью пирушку, почти совсѣмъ позабывая при этомъ ходъ дѣйствія. Плавтъ вообще любитъ пускаться въ подробности, но не надоѣдаетъ ими, а напротивъ всегда умѣетъ поддержать интересъ и забавляетъ своимъ неистощимымъ остроуміемъ, игрою словъ, по большой части удачной. Послѣ него латинская рѣчь хотя и выработалась письменно въ величавыхъ и отчетливо-ясныхъ формахъ, но за то на нихъ и отвердѣла, замерла; при немъ она сохраняла еще развивчивость въ устахъ народа, а между тѣмъ достигла уже возможности выражать духовное содержанье; и этимъ живымъ пока языкомъ Плавтъ владѣлъ съ смѣлой вольностью и съ настоящимъ искусствомъ. Не даромъ наше время усвоило себѣ, вслѣдъ за Ритшелемъ, отзывъ одного древняго писателя, что Музы, вздумай онѣ говорить полатини, заговорили бы непремѣнно Плавтовскимъ языкомъ. Онъ допускаетъ вліяніе удареній на стихоразмѣры, онъ чувствуетъ и употребляетъ въ пользу силу аллитераціи; ямбы, трохеи и другіе ритмы смѣняются у него смотря по смыслу и по настроенью чувствъ; все движется легко и плавно. Онъ близко подходитъ къ Аристофану, тогда какъ Теренцій подчиняетъ метру только обиходный прозаическій языкъ высшаго общества; насчетъ послѣдняго нельзя не согласиться съ сужденіемъ Цезаря и теперь:

Тебя тоже не даромъ причисляютъ къ лучшимъ,
Ты, полуменандръ, блюститель чистаго разговорнаго тона!
Только еслибъ къ тонкой живописи присоединялась у тебя и мощь,
Чтобы комическая сила выигрывала отъ того, какъ у Грековъ,
А не падала бы, принижаясь бѣдная къ землѣ!
Вотъ, Теренцій, одно, чего я не нахожу въ тебѣ, къ своему прискорбію.

И Плавтъ и Теренцій обработывали и передѣлывали для Римлянъ по ихъ вкусу греческія піэсы. Теренцій при этомъ особенно ограничивалъ выраже-

ніе чувства и размышленія, а зато расширялъ самое дѣйствіе выводя на сцену то, на что въ подлинникѣ намекалось только разсказомъ, или заимствуя цѣлыя сцены изъ другихъ драмъ, или наконецъ совокупляя нѣсколько піэсъ въ одну, чтобы усложнить завязку и усилить напряженіе; правда, двойныя нити идутъ у него тогда бокъ-обокъ, не сращиваясь между собой какъ слѣдуетъ. Положеніе дѣла разъясняетъ обыкновенно съ самаго начала прологъ, но иногда излагается оно и въ ходѣ разговора, какъ понастоящему всегда быть должно́.

Если для ближайшей характеристики мы окинемъ теперь бѣглымъ взглядомъ нѣсколько піэсъ, то у Плавта, вопервыхъ, встрѣтятся намъ двѣ трогательныя семейныя драмы, обѣ мастерской отдѣлки. «Плѣнники» — прямое подражанье Анаксандриду *). У Этолійца Гегіона одинъ изъ сыновей давно уже былъ похищенъ, другой недавно попалъ въ плѣнъ на войнѣ. Чтобы выручить послѣдняго покупаетъ онъ двухъ Элейцевъ, и въ числѣ ихъ, самъ того не подозрѣвая, сына своего Тиндара, который росъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, Филократомъ, хотя и въ званіи раба, но сверстникомъ ему и другомъ. Тиндаръ выдаетъ себя за барина, съ тѣмъ чтобы мнимый рабъ тотчасъ воротился на родину, выкупилъ плѣнника и скорѣе доставилъ его домой. Появленіе одного Элейца обличаетъ этотъ хитрый замыселъ, и отецъ ссылаетъ Тиндара въ наказаніе на работы въ горныхъ рудникахъ; но Филократъ возвращается между тѣмъ съ другимъ братомъ, чтобы вымѣнять на него вѣрнаго раба и въ награду отпустить его на волю. Въ заключеніе отецъ, разумѣется, признаетъ Тиндара. Серьёзное само по себѣ дѣйствіе исполнено комическихъ положеній и пересыпано остроумными шутками. — Въ «Пунійцахъ» предстаютъ намъ вопервыхъ двѣ дѣвушки, попавшія къ работорговцу, но еще цѣломудренно-чистыя; одну изъ нихъ любитъ молодой человѣкъ въ Калидонѣ и старается хитростью выманить ее у сводника. Юноша Агорастоклъ самъ въ дѣтствѣ еще былъ разбойнически уведенъ изъ Кароагена. Является дядя его, Хамъ; онъ долженъ пособить ему въ интригѣ противъ сводника и объявить себя отцомъ двухъ дѣвицъ; онъ дѣлаетъ это и узнаетъ въ нихъ своихъ дочерей, а въ возлюбленномъ одной изъ нихъ — своего племянника. Превосходно изображено все счастіе нежданной этой встрѣчи; вѣрно и изящно переданъ въ старомъ Кароагенянинѣ, у котораго на мысляхъ всегда только Богъ да торговыя дѣла, столь близкій къ іудейству семитскій характеръ. Одинъ изъ его монологовъ и нѣсколько словъ въ сторону такъ и оставлены были Плавтомъ на пунійскомъ языкѣ, что̀ во время пунійскихъ войнъ представляло особеннаго рода интересъ для Римлянъ. Подлинникъ могъ быть сочиненъ въ Сициліи, гдѣ Греки съ Кароагенцами жили вперемѣшку.

Въ «Менехмахъ» и въ «Амфитріонѣ» комичность основана на смѣшеніи лицъ, очень между собою схожихъ. Въ послѣдней піэсѣ Юпитеръ и Меркурій принимаютъ видъ оивскаго полководца и его слуги, такъ что эти наконецъ сами уже не знаютъ, то ли они дѣйствительно, чѣмъ себя чувствуютъ.

*) Греческій комикъ конца IV-го вѣка. Отъ 65-ти піэсъ его до насъ дошли только заглавія 30-ти и нѣсколько отрывковъ. Онъ самъ уничтожилъ комедіи, не удостоенныя наградъ.

Въ первой два близнеца были разлучены въ раннемъ дѣтствѣ; одинъ, не помня ни происхожденія своего, ни семьи, живетъ теперь въ Эпидамнѣ; другой пускается искать пропавшаго, и невѣроятно здѣсь только одно то, что когда заѣзжаго чужака прямо называютъ по имени и повидимому хорошо знаютъ, это не наводитъ его на естественную мысль, что конечно его приняли за брата. Шекспиръ распространилъ, но вмѣстѣ и пародировалъ этотъ сюжетъ придавъ обоимъ братьямъ сверхъ-того и близнецовъ-невольниковъ; Мольеръ съ самымъ шаловливымъ юморомъ превратилъ Амфитріона въ одно изъ отличнѣйшихъ созданій французской комики. Его «Скупой» тѣмъ разнится отъ «Копилки» Плавта, что у послѣдняго бѣднякъ находитъ кладъ и до такой степени теряетъ отъ того голову, что самъ руками выдаетъ вору свое сокровище постоянной переноскою его съ мѣста на мѣсто, съ тѣмъ чтобы какъ можно лучше схоронить. «Хвастливый воинъ» начинается парадною сценой изложенія; потомъ въ теченіе цѣлаго акта идетъ потѣха надъ однимъ изъ слугъ героя, и наконецъ самъ онъ попадаетъ въ просакъ собственной виной: купивъ себѣ привозную красотку, онъ уступаетъ ее прежнему ея любовнику, понадѣявшись на то, что въ него безъ памяти влюблена сосѣдка; но въ домѣ у ней надъ нимъ подшутили еще безпощаднѣе чѣмъ веселыя Виндзорянки надъ Фальстафомъ. Къ числу превосходнѣйшихъ піэсъ принадлежитъ «Корабельный канатъ»: сводникъ потерпѣлъ кораблекрушеніе съ одной красавицей, которую онъ хотѣлъ увезть у ея милаго; она бѣжитъ укрыться въ храмъ Венеры и находитъ тамъ защиту у старика, который узнаетъ въ ней дочь свою и выдаетъ ее за любящаго ее молодого человѣка. Въ «Тринуммѣ» (Алтынникѣ) Аоинянинъ Хармидъ, отлучаясь надолго, поручилъ другу своему Калликлу заботу о сынѣ, дочери и обо всемъ своемъ имѣніи. Старикъ Мегаронидъ хочетъ усовѣстить Калликла, находя что онъ задаромъ купилъ домъ у молодого человѣка, попавшаго въ крайность изъ одной легкомысленной доброты; но онъ съ радостью узнаетъ, что въ домѣ зарытъ кладъ и что своей покупкою Калликлъ имѣлъ въ виду только спасти его для ввѣреннаго ему семейства. Одинъ богатый юноша любитъ дочь Калликла и готовъ взять ее за себя безъ приданаго, но братъ не хочетъ выдать сестру безо всего, и рѣшается лучше пожертвовать послѣднимъ своимъ достояньемъ. Тогда Калликлъ прибѣгаетъ къ хитрости, беретъ сумму изъ зарытаго клада, и условливается съ однимъ проходимцемъ (за алтынъ), чтобъ тотъ принесъ ее отъ имени Хармида, какъ вдругъ неожиданно воротился самъ Хармидъ и, забавно повстрѣчавшись тутъ съ мнимымъ своимъ посланцемъ, привелъ къ благополучному концу все дѣло. Псевдолъ и Эпидикъ — два раба, которые въ піэсахъ того же имени запрядаютъ нити своихъ козней и достигаютъ самымъ забавнымъ образомъ цѣли затѣянныхъ интригъ благодаря счастливому случаю; одному изъ нихъ удаются его шашни именно вслѣдствіе того, что онъ стороной предостерегаетъ надуваемаго имъ старичка противъ направленныхъ на него замысловъ, а самъ между тѣмъ бьется объ закладъ что успѣшно обдѣлаетъ свое дѣло. Здѣсь комизмъ и интересъ піэсы лежатъ уже въ характерахъ и стремленіяхъ, какъ у Теренція, тогда какъ обыкновенно Плавтъ сосредоточиваетъ ихъ въ положеніяхъ и въ ходѣ событій.

Въ Теренціевой «Андросянкѣ» Памфилъ любитъ уроженку съ острова Андроса, Гликерьюшку, а отцу непремѣнно хочется женить его на дочери

Хремеса. По совѣту хитраго раба, Дава, молодой человѣкъ притворяется что отъ женитьбы онъ не прочь: рабъ увѣрилъ его, что отецъ не получилъ еще рѣшительнаго согласія отъ Хремеса, а послѣдняго можно-де обработать такъ, что онъ пожалуй и откажетъ. Но, чтобъ навести сына своего пріятеля на путь истины, Хремесъ тѣмъ не менѣе готовъ отдать за него дочь, и хитрость раба только еще болѣе содѣйствовала къ тому, что бракъ сдѣлался повидимому совершенно неизбѣжнымъ, не явись тутъ на помощь случай и не обнаружь, что и возлюбленная Памфила такая же гражданка, меньшая Хремесова дочь, которую-онъ давно считалъ пропавшею. Вся піэса много выиграла въ интересѣ завязки тѣмъ, что Теренцій къ первоначальному плану Менандра придалъ возлюбленнаго еще и другой дочери. Точно такъ же упоминаніе о безстыжемъ солдатѣ и блюдолизѣ въ другомъ греческомъ подлинникѣ даетъ поэту поводъ вывесть обѣ фигуры на сцену, и этимъ усилить интересъ дѣйствія, основаннаго на томъ, что попеченію и охранѣ одного молодого человѣка, который слыветъ за скопца, ввѣряютъ именно любимую имъ дѣвушку; но къ сожалѣнію мы встрѣчаемъ здѣсь только разсказъ о томъ, какъ она вынуждена была уступить грубой силѣ, а не о томъ, какъ онъ умѣлъ овладѣть сердечной ея привязанностью. Изо всѣхъ піэсъ его особенно отличается разнообразіемъ, тонкостью и вѣрностью характеристики комедія «Братья». Тутъ живо онагляжена противоположность между старобытной строгостію сельскихъ нравовъ и легкомысліемъ новомодной жизни горожанъ. Одного изъ юношей иго жесткой дисциплины не предохранило отъ разныхъ крайностей, какъ скоро онъ вообразилъ себя на свободѣ; а другой, напротивъ, хотя и подался по слабости характера на легкомысленные поступки, однако тѣмъ не менѣе остался добръ и милъ въ глубинѣ души: ясно, какъ несостоятельна въ концѣ концовъ вся человѣческая мудрость, тогда какъ тутъ же, съ другой стороны, потѣшаетъ насъ лицо стараго суроваго селянина, который вдругъ вздумалъ любезничать и превзойдти въ этомъ отношеніи даже крайне привѣтливаго горожанина. Ставъ на межѣ слишкомъ распущенныхъ и слишкомъ строгихъ нравовъ, поэтъ выводитъ передъ нами пеструю картину жизни и быта своего времени.—Теренцій вообще любилъ покончивать заблужденія молодости хорошимъ и степеннымъ бракомъ. Грубыя шутки замѣнилъ онъ изящными оборотами, бурлескъ — замысловатостью. Тогда какъ Плавтъ вводилъ въ свою комедію какъ можно больше римскихъ элементовъ, онъ первый началъ прямо воспроизводить Грековъ. Народъ сначала не взлюбилъ его, и не разъ уходилъ изъ его «Тещи» поглазѣть на какихъ-нибудь канатныхъ плясуновъ; но Теренцій попалъ въ тонъ высшаго круга и, благодаря этому, все-таки прославился, ставъ первоначальникомъ правильно-эллинизирующей поэзіи для космополитски-образованнаго слоя римскаго общества.

Комедія процвѣтала не въ одномъ Римѣ, но и въ другихъ италійскихъ городахъ, какъ въ видѣ простонародной мѣстной потѣхи, такъ и примыкая къ греческой литературѣ. Развились также далѣе и старобытныя импровизированныя представленія въ постоянныхъ характерныхъ маскахъ: поэты не ограничивались тутъ однимъ планомъ, какъ бывало встарь, а писали уже и весь текстъ піэсы. Шутки эти оставались въ рукахъ римской молодежи; представленіе ихъ не считалось безчестнымъ ремесломъ, а слыло любительскимъ спектаклемъ для собственной забавы участниковъ. Ихъ главнымъ гнѣздомъ,

ихъ твердыней сдѣлался теперь городъ Ателла, разрушенный въ ганнибаловскій походъ вмѣстѣ съ Капуей, и онѣ съ тѣхъ поръ стали зваться Ателланами. Это разъяснилъ впервые Моммсенъ; прежде думали что Ателланы пришли въ Римъ изъ Ателлы; напротивъ, римское глумленіе искало себѣ для постоянныхъ ролей постоянной сценической обстановки, и тутъ конечно нельзя было выбрать мѣстности, находившейся въ близкой связи съ Римомъ, а надо было взять городъ, или враждебный, или собственно вовсе уже не существующій.

Эннія, говоритъ Квинктиліанъ, чтимъ мы какъ рощу, освященную древностью. Я уже назвалъ его въ числѣ трагиковъ, но онъ собственно былъ эпикъ, и его геній, его знаніе, прославленіе имъ отечественной исторіи впервые открыли въ немъ народу типъ высшаго поэтическаго призванія и снискали его личности большой почетъ. Онъ родился въ 239-мъ году предъ Р. Х. въ калабрійскомъ городѣ, Рудіяхъ, получилъ право гражданства и жилъ въ Римѣ до 169-го. Онъ первый ввелъ гексаметръ въ латинскую поэзію, какъ Клопштокъ въ нѣмецкую, и придалъ высшій размахъ изложенію и языку, хотя форма у него еще и не выработалась. Его переводы естествофилософскихъ и миѳологическихъ стихотвореній пришлись по вкусу Римлянамъ, вообще наклоннымъ къ поучительному и открыли имъ сферу греческихъ идей. Великодушнымъ его современникамъ было по душѣ то, что онъ связывалъ былины стараго времени съ геройскими подвигами настоящей эпохи и въ повѣствованіе о послѣднихъ вводилъ даже и Олимпійскихъ боговъ. Онъ воспѣвалъ Сципіона, онъ перелагалъ въ стихи римскія лѣтописи, то сжато и сухо, то подробно и изукрашенно. Онъ началъ уже съ миѳа объ Энеѣ. Стóитъ замѣтить то обстоятельство, что греческіе писатели, занимавшіеся начатками италійской исторіи, вовсе не знали римской народной былины о рожденіи и дѣтствѣ Ромула и Рема; а напротивъ, любили примыкать происхожденье италійскихъ городовъ къ кругамъ эллинскихъ миѳовъ. Энній соединялъ чуждое съ своеземнымъ. Гомеръ ничего еще не зналъ о странствіи Энея въ Италію; въ его время Энеады властвовали еще надъ оставшимися по разрушеніи Трои гражданами этого города близъ горы Иды, какъ предрекъ это въ Иліадѣ (XX, 306) Посейдонъ, умилосердясь надъ благочестивымъ героемъ. Вѣтвь Дардана не должна погибнуть, хотя вѣтвь Пріамова и навлекла себѣ гнѣвъ боговъ:

Будетъ отнынѣ Эней надъ Троянами царствовать мощно,
Онъ, и сыны отъ сыновъ, имущіе поздно родиться.

Съ этимъ согласны и другіе древніе писатели, между прочимъ Софоклъ. Впослѣдствіи же тѣ мѣстности, которыхъ имя напоминало какъ-нибудь Энеево, считали себя основанными этимъ героемъ; вскорѣ привели его въ прямую связь и съ святилищами его матери, Афродиты, а когда потомъ принялись сопоставлять эти мѣстности, то въ Александрійскую эпоху онѣ сдѣлались уже опорными точками для сказанія о цѣломъ переселеньи. У Римлянъ повѣрье о происхожденіи ихъ изъ Трои является въ первую Пунійскую войну. Начало его Отфридъ Мюллеръ и Клаузенъ отыскали въ Сивиллинскихъ оракулахъ. Эти прорицанія вѣщихъ жрицъ съ горы Иды перешли сперва въ Кумы, а оттуда, при царяхъ, въ Римъ. Все обѣщанное ими Энеадамъ, покровительство

божіе, распространеніе державы, владычество надъ народами, тогда отнесено было къ Риму; въ немъ увидѣли новый Иліонъ, и въ иныхъ особенныхъ случаяхъ обращались то къ тому, то къ другому изреченію Сивиллъ, чтобы по немъ заранѣе вывѣдать объ успѣхѣ предпринятаго дѣла или истолковать себѣ какое-нибудь событіе. Швеглеръ указываетъ прежде всего на то, что по словамъ сказанія Эней основалъ не Римъ, но Лавиніумъ; а это вѣдь былъ городъ Ларъ, религіозный центръ древняго Лаціума, гдѣ имѣли своихъ представителей и римскіе Пенаты, гдѣ приносили отъ себя жертвы даже консулы и диктаторы. И вотъ, въ похвалу Энею пѣсни преимущественно славятъ спасеніе имъ святынь троянскихъ; и если ужь хотѣли связать Лавиніумъ съ кѣмъ-либо изъ гомеровскихъ героевъ, то конечно ближе всего съ нимъ. Мы воротимся еще къ былинѣ про Энея по поводу Виргилія, а здѣсь для насъ важно было замѣтить только то, что Энній ввелъ ее въ римскую литературу, посвоему связалъ ее съ туземнымъ преданіемъ, и такимъ образомъ поэтически изложилъ непрерывную нить римской исторіи отъ богатырскихъ временъ до своихъ собственныхъ.

Какъ въ поэзіи, такъ точно и въ архитектурѣ, туземное соединилось здѣсь съ греческимъ. Римлянамъ свойственно было стремленіе къ цѣлепригодному и вмѣстѣ къ колосальному, могучему,—желаніе подѣйствовать и самымъ веществомъ, выказать столько же самый матерьялъ, какъ и конструктивное значеніе постройки; они перешли къ кладкѣ изъ тесаныхъ плитъ и къ сооруженію сводовъ, присовокупили къ этому выработавшіеся у Грековъ ордена и замысловатые орнаменты, и успѣли лучше ихъ самихъ,—которые, какъ урожденные пластики, всегда имѣли въ виду единичное, микрокозмическое*),—перенять у восточнаго искусства и развить далѣе умѣнье распорядиться большимъ пространствомъ и свести къ одному общему архитектоническому впечатлѣнію совокупное дѣйствіе разныхъ сопринадлежныхъ между собой построекъ; міровая мысль Александра Великаго нашла, благодаря имъ, исполненіе себѣ въ міровой же такъ-сказать архитектурѣ; съ своеобразностію собственнаго ихъ творчества соединили они всепригодность греческаго искусства и распространили удачную эту смѣсь по всей землѣ, докуда отдавался звукъ державнаго ихъ слова.

Какъ ворота были стѣннымъ отверзтіемъ, замыкавшимся вверху аркой, такъ и римскіе водопроводы высятся въ видѣ массивныхъ стѣнъ, пробитыхъ арочными пролетами; а отсюда пошелъ уже и общій пріемъ Римлянъ расчленять и оживлять стѣну обширныхъ зданій аркадами: стѣна какъ бы дѣлится такимъ образомъ на столпы, связанные полукружнымъ сводомъ. Да и тамъ, гдѣ остается она сплошною, въ храмовой оградѣ напримѣръ, тамъ выдвигаютъ по крайней мѣрѣ, въ качествѣ архитравныхъ опоръ, полуколонны или пилястры передъ нею. Колонна — вольная опора по самой своей сущности, то-есть она столько же поддерживаетъ гнетъ, сколько и даетъ свободы пространству (не замыкаетъ его шири, не застѣняетъ прогляди); стоя же вплоть передъ стѣной или выступая изъ нея только вполовину, она утрачиваетъ по-

*) То-есть всегда хотѣли, чтобы любая часть сама по себѣ представляла нѣчто цѣлое, законченное.

слѣднее свое значенье, однакожь не становится чисто-декоративною, потому что все-таки поддерживаетъ еще антаблементъ и, въ этомъ своемъ качествѣ, входитъ теперь въ связь съ сводчатою аркой: она выдается изъ (стѣнного) столпа, и на капители колоннъ покоится горизонтальный гзимзъ, находящій среди ихъ новую себѣ поддержку въ консоли, которая художественно завершаетъ верхній замочный камень соединительнаго свода. Но величайшую важность пріобрѣлъ сводъ для внутренности зданія. Одинъ каменный вѣнецъ возводится надъ другимъ чтобы сомкнуть противостоящія стѣны коробовымъ сводомъ, а не то — круглыя или многоугольныя постройки увѣнчиваются куполомъ; противолежащія точки квадратнаго остава связываютъ діагоналями крестоваго свода, а въ опору имъ даютъ толстыя колонны передъ самою стѣной, такъ что послѣдняя несетъ на себѣ какъ бы только гнетъ междустолпной части. Въ декоративномъ отношеніи держатся еще, правда, старозавѣтныхъ формъ; капители и гзимзы дѣлаютъ такіе же какъ и въ прежнихъ архитравахъ, куполъ расчленяютъ подобно горизонтальному потолку, такъ что кассеты становятся все мельче къ серединѣ, и предоставляютъ позднѣйшей эпохѣ видоизмѣнить убранство соединительныхъ частей такимъ образомъ, чтобы онѣ затѣйливо онаглядживали собой переходъ отъ перпендикулярно-подпирающей массы къ выростающему изъ нея сводчатому покрытію, какъ это дѣлаютъ потомъ кубовидная романская капитель и окружающія готическій столпъ пристрѣлины. Тѣмъ не менѣе величественный эффектъ вполнѣ достигается уже и этимъ. Мы не можемъ въ этомъ случаѣ отказать Римлянамъ въ художественной фантазіи, какъ дѣлаетъ Куглеръ, и не присоединимся къ нему въ отзывахъ, подобныхъ напримѣръ слѣдующимъ: «Римъ слишкомъ внѣшнимъ образомъ усвоилъ себѣ формы этрурскаго «и греческаго преданія», такъ-какъ многое вѣдь тутъ было обще всѣмъ этимъ народамъ и развилось изъ одного общаго имъ основанія; или: «Формы эти «преимущественно употреблялись для декоративныхъ только цѣлей», потому что напротивъ того именно у Римлянъ выдвигаются впередъ конструктивное значеніе и самый матерьялъ; или, наконецъ: «Что они слишкомъ «мало понимали тонкое вѣяніе жизни»,—тогда какъ самъ Куглеръ, какъ бы въ противорѣчіе съ собою, очень вѣрно говоритъ: «Римское зодчество пред«ставляетъ такія обширныя, богатыя и разнообразныя комбинаціи, какихъ «никогда не существовало до тѣхъ поръ; оно расчленяетъ массу архитекто«ническаго тѣла такъ, что при этомъ обнаруживается величайшая конструк«тивная сообразительность, дѣйствующая здѣсь съ безусловной силою есте«ственнаго закона; оно облекаетъ эту массу въ тѣ формы эстетическаго «преданія, которыя слывутъ символами его изначально-художественной цѣли, «и придаетъ имъ особенный типъ, стоящій въ ритмическомъ соотношеніи съ «цѣлымъ зданіемъ.»

То развитіе въ декоративную пышность и преизбыточность, какое привело греческую архитектуру отъ іонійскаго стиля къ коринѳскому, было для Римлянъ гораздо сподручнѣе замкнутаго въ себѣ доризма, который слишкомъ опредѣленно высказывалъ своебытно-эллинскій элементъ. Употребленіе въ дѣло дорогихъ разноцвѣтныхъ породъ мрамора побудило оставлять стержни колоннъ совсѣмъ гладкими, безъ ложекъ. Гзимзу давали болѣе выступа, всѣ кривыя раскидывались шире, выпуклѣй, щипецъ подымался выше, при-

красы скучивались въ гораздо бо́льшемъ числѣ. Это уже конечно не тонкій, полный всегда мѣры вкусъ Грековъ; тутъ проявлялся одушевлявшій Римлянъ смыслъ къ величавому развитію массивности и къ полному наружному блеску.

Своеобразную форму получилъ римскій храмъ. Этрурскій былъ квадратенъ и раздѣленъ поперекъ на двѣ равныя доли, предсѣніе и целлы; римскій принялъ, напротивъ, продолговатую площадь греческаго, и святилище, какъ слѣдуетъ, перевѣшивало въ немъ портикъ. По греческій храмъ былъ доступенъ со всѣхъ сторонъ и отовсюда окруженъ колоннами; а въ римскомъ ступени вели только къ портику, да и здѣсь были обрамлены боковыми стѣнками, тогда какъ вездѣ, кромѣ этого, святилище возвышалось на отвѣсномъ цоколѣ и оставалось недоступно; путь къ нему былъ нарочито указанъ, въ чемъ также выражался строго-повелительный римскій характеръ. Вмѣсто украшенія идущимъ вокругъ перистилемъ, стѣна храма была расчленена сама и отмѣчена въ качествѣ носительницы покрытія тѣмъ признакомъ, что архитравъ и вѣнечный гзимзъ надъ нимъ какъ бы опирались на полуколонны или плоскія пилястры, выступавшія изъ толщи стѣны. Такъ точно и греческая религія развернулась въ своихъ миѳахъ привѣтливо и ясно наружу, а римская плотнѣе заперлась внутри души. Это сосредоточеніе и углубленіе души въ самоё себя нашло себѣ соотвѣтственное выраженье въ круглыхъ сводчатыхъ постройкахъ, какія повелись въ Италіи отъ храма Весты; стѣны его окружали горѣвшій въ срединѣ священный огонь. Но и въ четыреугольныхъ целлахъ кумиръ бога стоялъ въ полукруглой нишѣ, смыкавшейся дугообразно надъ самой его головой.

Кромѣ храмовъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ еще палаты или храмины на рыночной площади, служившія потребностямъ правосудія и торговыхъ сдѣлокъ, а въ случаѣ дурной погоды ютившія подъ своимъ кровомъ и народное собраніе. Онѣ называются «базиликами,» то-есть царскими, по имени такой же палаты въ Аѳинахъ, гдѣ судилъ царственный архонтъ, архонтъ-базилёйсъ или василевсъ; своеобразныя по плану, онѣ напоминаютъ ту колоссальнѣйшую изъ всѣхъ залъ, которая построена была въ Ѳивахъ для Рамсеса Великаго; потому что и тамъ, поддерживаемый гигантскими колоннами, средній корабль высится надъ двумя примыкающими къ нему боковыми пространствами. Римская базилика снабжена колоннатымъ предсѣніемъ или портикомъ и двускатной кровлею наподобіе храмовъ; внутри покрытіе средняго пространства поддерживается съ правой и лѣвой стороны двумя рядами колоннъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ; а боковыя храмины пущены въ два этажа, такъ какъ на архитравѣ нижней колоннады лежатъ соединяющія его съ наружною стѣной потолочныя балки и образуютъ полъ второго яруса, съ котораго сквозь верхнюю колоннаду видно открытое донизу среднее пространство. Послѣднее замыкается полукруглою нишей, и площадь передъ нею подвышена на нѣсколько ступенекъ, такъ что судья могъ творить судъ на виду у всѣхъ, и слова оратора всѣмъ могли быть слышны. Такимъ образомъ Римляне успѣли придать внутренности цѣлепригодное и эстетически благовидное расчлененіе.

Форумъ (народная площадь) въ Римѣ, какъ и въ другихъ италійскихъ городахъ, окруженъ былъ храмами, базиликами, портиками и подобился боль-

шой непокрытой парадной залѣ; прекрасная площадь св. Марка въ Венеціи можетъ служить намъ приблизительнымъ тому образчикомъ.

О тріумфальныхъ аркахъ, амфитеатрахъ, баняхъ и усыпальницахъ поговоримъ мы при обозрѣніи позднѣйшихъ развалинъ.

БОРЬБА РЕСПУБЛИКИ СЪ МОНАРХІЕЙ.

«И слышалъ Іуда про Римлянъ, что очень они могучи и охотно берутъ «подъ защиту всѣхъ прибѣгающихъ къ нимъ, крѣпко храня дружбу и вѣр-«ность; что они вели войны великія, разумомъ и твердостью пріобрѣли и «удержали за собой многія земли; что разбили и прогнали многихъ сильныхъ «царей и преодолѣли всѣхъ, кто имъ противился. Съ друзьями же и союз-«никами держатъ они добрый миръ, и всѣ края страшатся ихъ могущества. «И такова ихъ добродѣтель, что ни одинъ изъ нихъ не хочетъ царствовать; «правитъ же ими совѣтъ, и ежегодно избираютъ они начальника, которому «всѣ повинуются, и нѣтъ между ними тщеславія, зависти, ни раздора.» Отрадно слышать прекрасное это свидѣтельство въ пользу Римлянъ изъ первой книги Маккавеевъ; но какъ въ естественномъ организмѣ, съ достиженіемъ вершинной точки жизни, настаютъ уже признаки разложенія, такъ было и съ Римомъ. Оказалось, что народному собранію на форумѣ не только затруднительно, но просто невозможно рѣшать прямой подачей голосовъ запутанные міровые вопросы, повелѣвать вмѣстѣ Востокомъ и Западомъ; а между тѣмъ Римляне не дошли еще до того, чтобы и союзникамъ и подвластнымъ предоставить участіе въ государственномъ самоуправленіи, дать имъ представителей въ сенатѣ; во всей греко-римской древности городская община была и осталась государствомъ; въ ея предѣлахъ способное и дѣльное гражданство могло управлять собою и пользоваться свободой; но для цѣлаго народа, для міровой державы форма эта была слишкомъ ужъ тѣсна. Это, да еще невольничество, именно и загубило величіе Рима. Что воспитаніе было въ рукахъ рабовъ и что нравственность знатной молодежи отъ того портилась, это ясно намъ уже изъ комедій. Самъ старшій Катонъ разводилъ рабовъ на продажу, и Крассъ пріумножилъ свое богатство, торгуя невольниками, которыхъ онъ напередъ подготовлялъ въ чтецы, комнатные слуги и земледѣльцы. Рабы отучили гражданъ собственноручно воздѣлывать поля и доставили возможность богачамъ болѣе и болѣе расширять свои помѣстья; такимъ образомъ они существенно содѣйствовали уничтоженію средняго сословія, которое сильно принизила и раззорила Ганнибаловская война. Хлѣбъ стали привозить на римскій рынокъ изъ Сициліи, изъ Африки; хозяйство мелкихъ землевладѣльцевъ, которыми государство именно поднялось, при-

шло въ совершенный упадокъ; земля перешла въ руки немногихъ богачей, а эти, по примѣру Кароагенцевъ, стали воздѣлывать ее и выжимать ея соки невольничьимъ трудомъ. Деньги сдѣлались главной силою, и если Пирръ нѣкогда восхищался добровольной бѣдностью и неподкупностью Римлянъ, то теперь пришлось имъ выслушать отъ Югурты жесткій, но справедливый укоръ: «Продажный городъ! съ тобой давно бы можно покончить, найдись лишь «хорошій покупщикъ.» Должностныя мѣста доставались теперь только тѣмъ, кто умѣлъ привлечь къ себѣ падкую на наслажденія толпу денежными дачами, зрѣлищами и потѣхами. А должностныя лица умѣли потомъ вознаграждать себя за всѣ эти издержки въ провинціяхъ; и кто разъ похозяйничалъ гдѣ-нибудь съ полномочіемъ военачальника, тому трудно уже было потомъ подчиниться наравнѣ съ прочими общему порядку дома. Вмѣстѣ съ сокровищами Востока перешли въ Римъ его сластолюбіе, его роскошь, его правственный развратъ. Катонъ сильно возставалъ противъ этого, понимая ясно, что республика, вродѣ римской, не могла же вѣдь устоять надолго, когда за какую-нибудь вкусную рыбу платили дороже чѣмъ за рабочаго вола. Сильно-чувственная природа Римлянъ отдалась теперь наслажденію, разсудочность ихъ ликовала среди изысканной роскоши, которой мысль о дорогомъ и рѣдкомъ придавала еще особый интересъ; ни что однако такъ не говоритъ въ пользу металла, изъ котораго былъ отлитъ этотъ народъ, что какой-нибудь Лукуллъ смогъ тѣмъ не менѣе побѣдить Митридата, что Цезарь могъ испить до дна чашу всѣхъ чувственныхъ наслажденій, заслужить имя мужа всѣхъ женъ и жены всѣхъ мужей и послѣ этого все-таки взять въ руки міровладычество.

Чтобы помочь наступившимъ бѣдамъ и предотвратить грозящія родному края опасности, благородный другъ человѣчества, Тиберій Гракхъ, хотѣлъ ограничить долю частныхъ лицъ въ пользованіи государственнымъ имуществомъ и съизнова передѣлить земли; онъ палъ жертвою своего дѣла отъ руки аристократовъ, но геніальный братъ его, Гай, продолжалъ это предпріятіе съ бо̀льшею еще энергіей и страстностью, раздвинувъ планъ преобразованія гораздо шире: онъ предложилъ даровать всѣмъ италійскимъ союзникамъ право полнаго гражданства и повести въ большихъ размѣрахъ переселеніе въ иноземныя провинціи; онъ далъ новое устройство судамъ, учредилъ раздачу на казенный счетъ хлѣба бѣднымъ, и съ великодушной смѣлостью сталъ лично въ средоточіи всѣхъ этихъ мѣръ народнымъ вождемъ, вродѣ Перикла, стремясь сдѣлаться главой демократическаго государства путемъ постояннаго переизбранія въ трибунатъ. Но при тогдашнемъ положеніи Рима требовался уже вооруженный реформаторъ, и по неимѣнію военной силы Гракхъ палъ; прямымъ наслѣдникомъ его явился Цезарь, когда успѣлъ составить себѣ надежные легіоны въ Галліи. Такъ-называемая «союзническая война» силой вынудила то, что Гракхи предлагали дать Италійцамъ добровольно, и конечная судьба Рима впервые постучалась въ его ворота́, когда Цимбры и Тевтоны вторглись въ предѣлы республики. Марій побѣдилъ ихъ и сталъ, благодаря этому, во главѣ плебеевъ; но, какъ политику, ему было далеко до аристократа Суллы, который явился вмѣстѣ и львомъ и лисицею, да притомъ стяжалъ себѣ лавры въ Африкѣ и при Черномъ Морѣ. Въ прежнее время народъ и войско было все одно, воинъ былъ тѣмъ же граждани-

номъ; теперь обокъ съ праздношатающеюся и жаждущею наслажденій толпою гражданъ, организовалось военное сословіе, постоянное войско, послушное только своему вождю. Настало въ Римѣ страшное междоусобіе, господство ужасающаго терроризма; съ одной стороны свирѣпѣла дикая жажда мести, съ другой дѣйствовалъ холодный расчетъ. Сулла, одолѣвъ противниковъ и спасши городъ отъ разрушенія, которымъ угрожали ему Сабеллы, по крайней мѣрѣ возстановилъ спокойствіе и общественный порядокъ; онъ урѣзалъ права народнаго собранія, въ которомъ верховодила расходившаяся чернь, и возвысилъ значеніе и преимущества сената; теперь для заправленія внутренними дѣлами въ другихъ городахъ черезъ своихъ же общинныхъ выборныхъ возникли такъ-называемые муниципалитеты, тогда какъ государственныя дѣла окончательно рѣшались въ столицѣ, и приговору Рима, какъ государственному закону, должны были подчиняться всѣ городскія общины. По древности осталась чужда мѣра созывать вмѣстѣ выборныхъ отъ городовъ и областей; учрежденіе свободнаго народовластія въ государствѣ суждено было міру новому, Германцамъ.

Ни гражданство Рима, ни сенатъ не были уже способны къ самоуправленію державою, обнимавшею со всѣхъ сторонъ Средиземное море; Катону оставалось только закутаться въ свою добродѣтель и броситься на мечь, если онъ не хотѣлъ пережить свободы. Риму былъ необходимъ властитель въ виду тѣхъ партій и смутъ, изъ которыхъ вышелъ заговоръ Катилины, расчитанный на пожаръ и кровопролитіе, вышли тѣ дикія неистовства, въ какія пускался Клодій съ своими шайками. На первый разъ протянули другъ другу руку два аристократа,—одинъ, храбрый воинъ, смиритель морскихъ разбойниковъ, побѣдитель Митридата, Помпей, — другой, первый римскій богачъ, Крассъ; къ этому союзу, вслу своей смѣтливости и волерѣшимости, приступилъ и глава демократовъ Гаій Юлій Цезарь. Пока Помпей, герой Востока, выказывалъ съ аристократической важностью свое величіе и изнашивался въ столицѣ, Цезарь бился и побѣждалъ на Западѣ. Быстро покорилъ онъ Галлію и твердо умѣлъ отстоять ее, отбросилъ Аріовиста съ Германцами за Рейнъ, перешелъ потомъ эту рѣку и сдѣлалъ ее рубежомъ римской державы, наконецъ перелетѣлъ даже въ Британнію; все это не только приковало къ нововзошедшей звѣздѣ его глаза народа въ то самое время какъ блескъ его соперниковъ потускнѣлъ, но и доставило ему въ готовомъ къ бою и восторженно преданномъ начальнику войскѣ надежное средство овладѣть единодержавіемъ, да вмѣстѣ выказало и всю геніальность государственнаго мужа, который, стремясь къ собственному величію, не терялъ изъ виду и общихъ пользъ, преслѣдуя свои личныя цѣли—трудился вмѣстѣ и для цѣлаго, и потому именно стяжалъ лавръ побѣды, что его страстный замыселъ совпадалъ какъ нарочно съ ходомъ всемірной исторіи. И со всемірноисторической точки зрѣнія Моммсенъ доказалъ, что Цезарь не только окончательно завершилъ римскую державу къ сѣверу и западу, но и пріобрѣлъ новую, нетронутую еще почву эллинской культурѣ и италійскому племени. Одно изъ преимуществъ генія составляетъ то, что средства его въ свою очередь становятся опять цѣлями; вооружаясь собственно самъ для себя, Цезарь возвелъ въ то же время твердый оплотъ противъ угрожающихъ вторженій Германцевъ, чѣмъ обезпечилъ римскому міру спокойствіе, и вмѣстѣ пріобрѣлъ сво-

ему народу близкій и прекрасный край, удобнѣйшій для колонизаціи и особенно важный въ томъ смыслѣ, что обновленное имъ государство стало на болѣе широкія основанія. Такимъ образомъ цивилизація древняго міра не только добыла себѣ новую почву, но выиграла еще и необходимое время чтобы укорениться на Западѣ. «Къ тѣсному кругу средиземноморскихъ государствъ «примкнули теперь народы середней и сѣверной Европы, жители береговъ «Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, къ древнему міру примкнулъ новый, ко-«торый испытывалъ съ тѣхъ поръ вліянія перваго и въ свою очередь влі-«ялъ на него самъ. Аріовистъ былъ вѣдь на одинъ шагъ отъ того, чтó впо-«слѣдствіи удалось Теодериху. Случись это, едва ли бы наша (западная) «цивилизація стояла къ греко-римской ближе чѣмъ, напримѣръ, къ индій-«ской и ассирійской. Если существуетъ мостъ, ведущій отъ былого велико-«лѣпія Эллады и Италіи къ величавѣйшему строю новой всемірной исторіи, «если западная Европа романизована вся живьемъ, а германская окласснчена «школой, если имена Ѳемистокла и Сципіона звучатъ намъ совсѣмъ не такъ, «какъ имена Асоки и Сальманáссара, если Гомеръ и Софоклъ интересуютъ «не однихъ только литературныхъ ботаниковъ, какъ Веды и Калидаса, но «цвѣтутъ въ нашемъ собственномъ саду,—то виною всему этому Цезарь».

Онъ надѣялся быть снова консуломъ, и тогда перестроить государство и управлять имъ въ мирѣ и согласіи; но какъ Римъ добылъ себѣ господство мечомъ, такъ и блистательнѣйшему представителю своего народа, суждено было достигнуть власти только силой. Помпей удалился въ лоно сенаторской аристократіи, а она потребовала чтобъ Цезарь распустилъ свое войско; но въ станъ къ нему явились народные трибуны, и онъ рѣшился взять отвагой, перешелъ Рубиконъ, покорилъ въ два мѣсяца всю Италію, одолѣлъ противни-ковъ въ Испаніи, и, уже консуломъ, законнымъ главой государства, двинулся въ Грецію, и побѣдилъ Помпея въ битвѣ при Фарсалѣ. Въ Египтѣ задержа-ли его не однѣ только чувственныя прелести и очаровательныя рѣчи Клео-патры, да и не опасная междоусобная война; по очень вѣроятной догадкѣ Гизебрехта, онъ преимущественно изучалъ тамъ монархію Птолемеевъ, пересозданную греческимъ геніемъ на старыхъ основаніяхъ. За тѣмъ еще одна побѣда при Тапсѣ*), и вотъ онъ торжественно вступаетъ въ Римъ. Съ возложеніемъ на него всѣхъ важныхъ государственныхъ должностей, онъ со-средоточилъ въ рукахъ своихъ власть монарха и пользовался ея правами подъ именемъ императора.

И приверженцы, и противники его были равно изумлены, когда онъ на-чалъ не съ ссылокъ, не съ конфискаціи и раздачи имѣній, а съ того, что употребилъ военную силу для возстановленія порядка и общественной безо-пасности, когда онъ постарался примирить партіи кроткимъ образомъ дѣй-ствій, расположить къ себѣ всѣ сердца, и этимъ упрочить свою побѣду: для него главнымъ дѣломъ всегда было цѣлое. Какъ Карлъ Великій примыкалъ къ нему, какъ Наполеонъ I къ Карлу Великому, такъ самъ онъ примкнулъ къ Сервію Туллію, и сталъ, подобно древнимъ царямъ, неограниченнымъ

*) Въ сѣверовосточной Африкѣ.

верховникомъ и повѣреннымъ своего народа. На ряду съ нимъ заявляло свою волю народное собраніе, и законодательство зависѣло отъ его согласія; сенатъ изъ правительствующаго сталъ опять только совѣщательнымъ учрежденьемъ. Всѣ основныя свои распоряженія Цезарь предлагалъ на утвержденіе народу, а сенатъ онъ обратилъ въ государственный совѣтъ, призвавъ въ него значительныхъ людей отовсюда. Государство заступило теперь мѣсто города. Старшины римской общины вѣдали собственно только дѣла столицы, а надъ государствомъ уже не властвовали; здѣсь важнѣйшіе города получили опять свою самобытность, здѣсь управлялъ Цезарь самъ и черезъ своихъ сановниковъ. Онъ урядилъ финансы, онъ не давалъ провинцій въ жертву столичному городу, и поставилъ ихъ въ положеніе правомѣрныхъ членовъ государства; хлѣбныя раздачи, служившія для партій орудіемъ смутъ, обратилъ онъ въ первую мѣру общественнаго призрѣнія, для обезпеченія бѣдныхъ отъ крайней нужды. Этому же содѣйствовало и правильно-ведомое выселеніе, служившее съ тѣмъ вмѣстѣ къ романизаціи внѣиталійскихъ областей. Онъ старался положить предѣлъ безпутному мотовству, упадку семейной жизни, поднять и обезпечить мелкое землевладѣніе и его трудъ, насколько было можно достигнуть этого силою внѣшнихъ распоряженій. Онъ совершенно отмѣнилъ кабалу за долги изъ уваженія къ той заповѣди человѣческаго достоинства, которая предоставляетъ заимодавцу имущество несостоятельнаго должника, но отнюдь не его свободу.

При подѣлѣ двухъ племенъ, Греки взяли на себя развитіе искусства, науки, духовнаго образованія, Римляне — развитіе права и государства; Александръ предложилъ эллинскую культуру всему міру древности, а Цезарь далъ ей теперь римскую державу въ постоянный и благонадежный пріютъ. Правда, будучи тѣхъ лѣтъ, когда Александръ завоевалъ уже Азію, онъ сѣтовалъ, глядя со вздохомъ на его ликъ, что самъ ни чего еще не сдѣлалъ для безсмертья, но зрѣлымъ мужемъ славный Римлянинъ поверстался зато съ Эллиномъ юношей. Поэтическій идеализмъ, пылъ вдохновенія всегда оставались ему чужды, онъ былъ полнѣйшій реалистъ: самосознательная ясность и трезвость разсудка преобладали у него надъ страстью и руководили природной его энергіей. Въ немъ воплотился и сосредоточился весь римскій характеръ. Такъ былъ онъ вмѣстѣ воиномъ и героемъ; полный личнаго мужества, самъ онъ бился въ сраженіяхъ, гдѣ такъ геніально начальствовалъ какъ полководецъ; онъ все дѣлалъ вполнѣ и цѣликомъ, умѣлъ всегда воспользоваться побѣдою и, по примѣру своего народа, покорилъ себѣ весь міръ. Но при этомъ онъ былъ политикъ по преимуществу, урядитель государственнаго строя, вождь народа, подобясь съ этой стороны величайшему лицу англійской исторіи, Кромвелю, превосходя его конечно гармоническимъ образованіемъ, но не обладая зато тѣмъ религіознымъ духомъ, который сдѣлалъ изъ послѣдняго — дисциплинатора свободы. Ясная трезвость ума дозволяла Цезарю вполнѣ владѣть самимъ собою во всѣхъ обстоятельствахъ, она давала ему то присутствіе духа, ту всегдашнюю находчивость, которыя вездѣ вели его къ торжеству; но она надѣляла его и самоограниченіемъ, строгимъ чувствомъ мѣры, такъ что онъ никогда не впадалъ въ самообожаніе. Какъ римскій духъ вообще, и духъ Цезаря былъ направленъ къ полезному; но при этомъ онъ умѣлъ величаво и прекрасно выполнить то, что отвѣчало его цѣли. Все не-

ловкое, половинчатое, неуклюжее было ему противно; подобно тому какъ въ своей наружности обращалъ онъ вниманіе на достоинство и грацію, какъ носилъ всегда лавровый вѣнокъ для прикрытія лысины, такъ точно въ рѣчахъ и на письмѣ располагалъ онъ свои мысли въ строгомъ и опредѣленномъ порядкѣ, какъ легіоны въ сраженіи; и въ знаменитомъ донесеніи его о побѣдѣ veni, vidi vici (пришелъ, взглянулъ, побѣдилъ) полновѣсныя сами по себѣ слова были складно и ловко связаны однимъ и тѣмъ же начальнымъ слогомъ. Это согласіе внутренняго со внѣшнимъ придаетъ всему ходу его жизни какой-то благонадежно-величавый стиль, сообщаетъ всему существу его классическій пошибъ; это печать Эллинства, доставшаяся теперь въ удѣлъ Риму. Естественный идеалъ древности проявляется и въ Цезарѣ; онъ естественный человѣкъ въ зрѣлой порѣ мужества,—человѣкъ, который въ радостной полнотѣ силъ и чувствъ услаждается и властительно располагаетъ своимъ существованіемъ, но все-таки живетъ только во внѣшнемъ, весь отдается внѣшности; въ счастливомъ и стройномъ раскрытіи своей силы онъ достигаетъ такого самоудовлетворенія, которое конечно плѣняетъ насъ своей дивной ясностью, но зато и обрекаетъ его ограничиваться однимъ временнымъ, не допуская порыва и подъема въ вѣчное, происходящихъ именно отъ недовольства духа земнымъ міромъ. Въ чувствѣ пресыщенія Цезарь говорилъ не разъ, что онъ достаточно пожилъ и для удовлетворенія природы, и для славы; на него никогда не находила грусть о томъ, что онъ смогъ учредить только благоустроенное воевластіе, а не благородную вольно-народную державу, никогда не раскаивался онъ въ томъ, что для достиженія великой цѣли не брезгалъ иной разъ и неправедными средствами, и что никогда не уважалъ самъ семейной чистоты, этой первой основы нравственной жизни народовъ. Но ни свыше, ни извнѣ не могло прійдти и дасться міру спасеніе; оно могло возникнуть только изнутри, чрезъ возрожденіе воли и черезъ новое духовное начало самой жизни: оттого-то идеалъ нравственной души, воплотившійся вскорѣ послѣ Цезаря и представшій въ Евангельскихъ писаніяхъ какъ первообразъ и образецъ человѣчества, оттого-то Сынъ человѣческій, пришедшій не господствовать, а служить, и принесшій себя въ жертву за братьевъ, и сталъ Спасителемъ и Господомъ грядущихъ вѣковъ, а Цезарь только славно заключилъ собой древность.

Такимъ образомъ въ великой державѣ, обступившей Средиземное Море, Римъ игралъ первую роль относительно политики, Греція — относительно умственнаго образованія. Не только что высшія сословія искали себѣ Эллиновъ въ наставники, даже и низшіе классы вошли въ непосредственное соприкосновенье съ толпами малоазійскихъ рабовъ; суевѣріе, сектаторство, восточные звѣздочеты или астрологи, вѣщія жрицы Изиды распространялись вмѣстѣ съ эпикурейскою или стоическою философіей, вмѣстѣ съ Іудеями, принесшими въ Александрію и потомъ въ Римъ исповѣданіе единаго духовнаго Бога. При общемъ упадкѣ жизни среди междоусобныхъ войнъ, всѣ искали себѣ опоры или утѣшенія. Настало такое время, когда безвѣріе царило обокъ съ суевѣріемъ и живо ощущалась необходимость въ полномъ религіозномъ обновленіи, — время, когда образованный считалъ всѣ религіи за ложь, народъ—всѣ за истину, политикъ во всѣхъ видѣлъ одну пользу; а между-тѣмъ и образованному въ глубинѣ души становилось жутко, такъ что какой-ни-

будь Сулла, разграбившій среди вольнодумныхъ шутокъ Дельфійскій храмъ, въ минуту опасности прижималъ къ губамъ похищенный имъ золотой образокъ Аполлона; потѣшались надъ авгурами, что они не могутъ видѣть другъ друга безъ смѣха, а между тѣмъ участвовали съ ними во всѣхъ церемоніяхъ, какъ будто бы отъ этого зависѣло общее спасенье. Государствомъ не удовлетворялись уже вполнѣ многіе; благороднѣйшія души и умы искали себѣ отрады въ искусствѣ или въ наукѣ. Еще Сципіоны стали во главѣ республики благодаря своему духовному образованію; но и у нихъ пробуждалось стремленіе ставить свою личность на мѣсто государства, и развѣ не монархическая это черта, что когда у побѣдителя при Замѣ потребовали отчета передъ народнымъ собраніемъ, онъ перервалъ сужденіе объ этомъ гордыми словами: Сегодня годовщина моей побѣды надъ Ганнибаломъ, такъ лучше пойдемте въ Капитолій, и возблагодаримъ за нее боговъ! Необходимы были образованность и краснорѣчіе для того, чтобы пріобрѣсть и удержать за собой вліяніе въ сенатѣ, на форумѣ, въ обществѣ, и оттого мы видимъ, что всѣ почти значительные люди занимаются науками. Даже такой человѣкъ, какъ Сулла, сочиняетъ комедіи и поручаетъ Лукуллу выгладить слогъ своихъ достопамятностей, писанныхъ на греческомъ языкѣ; онъ привозитъ въ Римъ сочиненія Аристотеля и полагаетъ ихъ въ основаніе обширной библіотекѣ. Въ свою очередь Лукуллъ посвящаетъ Музамъ большую палату и книжныя залы своего дворца и входитъ въ близкія связи съ философами и художниками; домъ его становится роднымъ пріютомъ для посѣщающихъ Римъ ученыхъ Эллиновъ. Помпей особенно старается распространить естественныя познанія; вызывая на судъ къ себѣ царей, онъ самъ навѣщаетъ въ болѣзни философа Посидонія и содержитъ цѣлый штатъ проживающихъ Грековъ, обязанный описывать и воспѣвать его дѣла. Чтобы оратору быть верховодомъ, ему необходимо стоять въ уровень съ своимъ временемъ и хорошо знать его жизнь; политическій духъ Римлянъ задавался этой цѣлью и въ наукѣ, и въ образованіи. Надо смыслить то, о чемъ хочешь говорить; а учиться слѣдуетъ въ видахъ господствованія и власти. Званіе оратора понимаютъ въ томъ высокомъ смыслѣ, что онъ наставникъ, совѣтникъ, руководитель народа; но для возбужденія душевныхъ чувствъ и страстей, для управленія ими по желанію не пренебрегаютъ и искусственными театральными средствами, берутъ уроки у актёровъ, и оттого изложеніе вообще получаетъ оттѣнокъ риторства, который, за весьма немногими изъятіями, распространился на всю римскую литературу; мыслитель, поэтъ, историкъ не передаютъ дѣла просто, ради одного дѣла и истины, да и сами не высказываются безъ преднамѣренія: у нихъ всегда въ виду какая-нибудь цѣль, они непремѣнно хотятъ вызвать извѣстное настроеніе, произвести тотъ или другой эффектъ.

Женщины отнюдь не отставали отъ мужчинъ и даже давали иногда тонъ имъ самимъ. Невольно вспоминаешь салоны французскихъ дамъ 18-го столѣтія, читая какъ Цицеронъ относитъ чистоту и утонченность языка, своеобразно-римскую его выработку, «урбанность» или столичную вѣжливость, къ тѣмъ кружкамъ значительныхъ женщинъ Рима, въ которыхъ лелѣялось остроуміе вмѣстѣ съ умѣньемъ прилично держать себя и вести. Онъ приводитъ между прочимъ отзывъ оратора Красса, что когда говоритъ теща его,

Лелія, ему какъ будто слышится рѣчь Плавта; ей приписываетъ онъ починъ въ свѣжей силѣ и естественной свободѣ слова; Лицинію хвалитъ за нѣжную ея грацію, а объ Корнеліи, дочери Сципіона и матери Гракховъ, говоритъ, что сыновья, воспитанные ея рѣчью, сдѣлались ораторами именно благодаря ей, что особенно младшій изъ нихъ всѣхъ превосходилъ краснорѣчіемъ, былъ полонъ увлекающаго огня, мудръ въ мысляхъ и обиленъ словомъ. Нѣкоторыя изъ писемъ Корнеліи перешли потомъ и въ литературу. Душа самого римскаго общества слышится въ словахъ Цицерона, когда онъ говоритъ, что нѣчто особенно высокое и прекрасное выходитъ изъ того, если научное образованіе присоединится къ силѣ необыкновенныхъ талантовъ, и что величайшіе люди Рима находили въ наукахъ дѣйствительную опору для практической доблести и для совершенія подвиговъ всемірно-историческаго значенья. «Но «даже и не имѣй мы въ виду такой высокой награды, ищи мы въ подобныхъ «занятіяхъ одного лишь услажденія, то вы и въ этомъ случаѣ признали бы «духовный отдыхъ такого рода за лучшій и благороднѣйшій. Вѣдь всѣ прочіе «далеко не всегда подходятъ къ мѣсту и ко времени; эти же занятія пита-«ютъ юность, подаютъ отраду старости, украшаютъ въ счастіи, служатъ «прибѣжищемъ и утѣхой въ несчастьи, услаждаютъ въ домашнемъ быту, да «не мѣшаютъ и вчужѣ; они сопутствуютъ намъ въ ночи, въ дорогѣ, въ сель-«скомъ уединеніи».

Столкновеніе стараго образованія съ новымъ, строгихъ нравовъ съ необузданностью, общедумія съ своекорыстіемъ, вызвало въ Римѣ особенный родъ поэзіи, въ которомъ Римляне дѣйствительно своеобразны,—вызвало Сатиру. Слово это значитъ поэтическую смѣсь, всякую всячину въ многоразличныхъ стихоразмѣрахъ; первоначально это былъ поэтически-импровизированный текстъ къ пантомимнымъ пляскамъ. Луцилій, товарищъ Сципіона и Лелія, вышколенный погречески, но тѣмъ не менѣе Римлянинъ до конца ногтей, написалъ цѣлый рядъ житейскихъ картинъ, въ которыхъ вѣрно отразилъ свое время, обличалъ съ патріотически-безпощаднымъ рвеніемъ, увѣщевая и коря, язвы семьи и государства, безъ боязни называлъ дѣла и лица прямо по имени, бичевалъ своимъ рѣзкимъ остроуміемъ негодяевъ и глупцовъ, и противопоставлялъ имъ достоинство добродѣтели, любви къ родному краю. Не стѣсняясь ни формой, ни содержаніемъ, онъ всего чаще изливался въ небрежныхъ гекcаметрахъ, которые на позднѣйшихъ искусственныхъ поэтовъ конечно должны были производить то же впечатлѣніе, какое на современныхъ Нѣмцевъ производятъ вирши Ганса Закса напримѣръ; но какъ душевно радуетъ ихъ Гёте своей художественной выработкою и мастерскимъ употребленіемъ этого народнаго размѣра, такъ и Горацій для своей шутливой болтовни съумѣлъ найдти въ этомъ стихѣ ближайшій подходъ къ разговорному тону. Преемникъ порицаетъ смѣшенье языковъ и слишкомъ небрежное скорописаніе своего предшественника, который разсылалъ свои стихи въ видѣ открытыхъ писемъ, но зато довѣрялъ имъ все, что видѣлъ и передумалъ въ худой и въ добрый часъ, такъ что сочиненія его были какъ бы подробнымъ дневникомъ, въ которомъ старое житье-бытье излагалось въ его совокупности. Сатира Луцилія была для Рима конечно только менѣе художественною замѣной Аристофановской комедіи Аоин. Тутъ Римляне являлись вполнѣ самобытными, и при этомъ кстати будетъ напомнить, что уже въ

двѣнадцати таблицахъ существовалъ законъ относительно насмѣшливыхъ стихотвореній.

Въ эпосѣ созерцательнаго размышленія, или въ дидактической поэзіи, Титъ Лукрецій Каръ съ перваго же раза достигъ у Римлянъ такой высоты, что создалъ превосходное произведеніе,—лучшее, что̀ въ этомъ родѣ дошло до насъ отъ классической древности. Поэтъ (съ 99 по 55 до Р. X.) жилъ еще памятью той великой поры, когда Ганнибалъ боролся съ Сципіономъ; но настоящее было уже пасмурно и грозно, уже свирѣпствовала разъ междоусобная война, завѣтная сила и крѣпкій обычай старины были уже сломаны, а спокойствіе новаго порядка еще не установилось. Грустно смотритъ онъ въ глубь жизненной разладицы, и въ словахъ его какъ будто слышится жутко-скорбное настроеніе людского рода, когда всѣмъ безпокойнымъ умамъ и ослѣпленнымъ сердцамъ онъ съ глубокою тоской указываетъ выходъ изъ мірскихъ напастей и конецъ всѣмъ треволненіямъ въ покоѣ смерти. Онъ самъ нашелъ себѣ утѣшеніе въ философіи, но кубокъ чистой истины не по вкусу вѣдь толпѣ, и вотъ онъ умащаетъ края сосуда медомъ поэзіи, да опорожнитъ его народъ себѣ на здоровье. Съ гордымъ самочувствіемъ истаго Римлянина онъ сознаетъ что пѣснь его, выходящая изъ глубочайшихъ тайниковъ души, такъ же относится къ обыкновеннымъ виршамъ какъ пѣснь лебедя къ крику журавлей. Онъ въ правѣ начать (IV-ю книгу своей поэмы) такъ:

Пойду по нетронутымъ еще полямъ Піэридъ,
Куда никто не ступалъ до сихъ поръ ногою; поищу не отвѣданныхъ еще ключей
И зачерпну въ нихъ освѣжительной влаги, нарву новыхъ цвѣтовъ
И сплету прекрасный вѣнокъ себѣ на голову,
Вѣнокъ, какимъ прежде ни чьего чела не украшала Муза.
Сначала хочу я повѣдать о вещахъ великихъ, возвышенныхъ,
И постараюсь освободить души отъ путъ суевѣрія,
Потомъ изольюсь свѣтлой пѣснью на предметы самые темные,
И рѣчь моя распространитъ на все это обаятельную прелесть Музъ.

Образцомъ ему служатъ не Александрійцы, его современники, а великіе мастера свободной прежде Греціи; въ поэтическомъ изображеніи моровой язвы соперничаетъ онъ съ историческою ея картиной у Ѳукидида, и превознося Эмпедокла, ставитъ дивное отечество его, Сицилію, вмѣстѣ съ огнедышащею Этной, въ подножіе тому памятнику, который воздвигаетъ въ честь ему.

Лукрецій видитъ, какъ люди неустанно гонятся за счастіемъ и, при всемъ томъ, никогда его не находятъ; сокровища, почетныя мѣста только еще больше тревожатъ душу, лихорадка не отступаетъ и передъ пурпурнымъ одѣяломъ, и у журчащаго ручья въ лѣсной тѣни можно найдти такое же пушистое ложе, какъ и на златотканой перинѣ великолѣпныхъ покоевъ. Дѣло не во внѣшней обстановкѣ, а въ томъ, что̀ внутри насъ самихъ, дѣло въ чувствѣ и помыслѣ, съ какими человѣкъ принимаетъ вещи; утѣшеніе и счастіе пріобрѣтаются только разумомъ, правильнымъ познаніемъ міра и вѣрною оцѣнкой его золъ и благъ.

Если въ самомъ дѣлѣ страхи людей и грызущія ихъ заботы
Не боятся ни звука оружія, ни свирѣпыхъ копій,
А напротивъ смѣло вступаются въ дѣла царей и владыкъ;
Если имъ не внушаютъ благоговѣнія ни блескъ золота,
Ни великолѣпныя пурпурныя одежды,
Какъ же сомнѣваться въ томъ, что единственный хозяинъ тутъ разумъ,
Хотя вся жизнь людская и пригнетена еще сплошь густою тьмой?
Вѣдь какъ ребятишки всего трусятъ и трепещутъ въ потемкахъ,
Такъ точно и мы готовы бояться середи бѣла дня всего,
Что на повѣрку выходитъ не ужаснѣе тѣхъ пугалъ,
Какими мечты воображенія морочатъ мальчишекъ въ сумракѣ.
Необходимо стало-быть одно:—прогонять эти душевные страхи и потемки
Не солнечными лучами, не свѣтлыми стрѣлами дня,
А созерцаніемъ природы и силой разума.

Пріятно смотрѣть съ берега, какъ другой борется на жизнь и нá смерть
Среди волнъ бушующаго моря;
Не потому, чтобъ любо было услаждаться чужимъ бѣдствіемъ,
Нѣтъ! а всегда отрадно видѣть, отъ какихъ ты самъ свободенъ золъ;
Пріятно также смотрѣть на страшныя схватки
Въ большихъ сраженіяхъ, когда самъ ты внѣ всякой опасности;
Но еще того слаще витать въ тѣхъ свѣтлыхъ храмахъ,
Которые такъ надежно сооружены ученіемъ мудрецовъ.
Оттуда съ высоты можешь ты взирать на другихъ,
Какъ они блуждаютъ, ища пути жизни и не находя его,
Какъ борются между собой остроуміемъ, спорятъ за высшее достоинство,
Трудясь безъ устали денно и нощно для того,
Чтобы достичь наконецъ вершины счастія, чтобы овладѣть господствомъ.

Проклятіе суевѣрія, страхъ передъ богами, которые сами не что иное, какъ порожденные этимъ страхомъ мороки, вѣра въ разныя примѣты и знаменія, задерживающая насъ на каждомъ шагу какою-нибудь мнимою преградой и не признающая самобытной силы ни за однимъ естественнымъ явленіемъ, а все ставящая въ какую-то жуткую, устрашительную связь съ человѣкомъ и его судьбою, полное порабощеніе души наружнымъ обрядамъ, отъ которыхъ, по словамъ жрецовъ, зависитъ и милость неба, и всякое благополучіе, все это тяготѣло нѣкогда надъ духомъ поэта, и онъ видитъ, что подъ тѣмъ же гнетомъ задыхается еще народъ; какъ самъ онъ выбился на свободу, такъ, съ ревностью реформатора, хотѣлось бы ему сорвать повязку и съ другихъ, хотѣлось бы имъ открыть глаза на истину всего сущаго. Духъ его, какъ оно и сродно Римлянину, всегда вооруженъ съ головы до ногъ; для него дѣло жизни побороть ложныхъ боговъ, не представлявшихъ того нравственнаго идеала, которому бы можно было вполнѣ довѣриться; надо же когда-нибудь положить конецъ ребяческой боязни, передъ вѣщими знаменіями въ шелестѣ древесной листвы и въ полетѣ птицъ, въ молніи и въ дуновеніи того либо другого вѣтра; все это должнó исчезнуть передъ разумнымъ вникаціемъ въ ненарушимый порядокъ природы и въ дѣйствительный законъ самихъ вещей. И освободившійся духъ Лукреція еще очевидно взволнованъ недавней внутренней борьбой, отголоскомъ только-что выдержанной бури, откуда и та лихорадочная возбужденность, съ какою онъ усиливается ввести, даже неволею вогнать въ пристань другихъ. Подъ словомъ religio (религія) разумѣетъ онъ закрѣпощеніе души суевѣрію, понятіе же религіи, какъ настоящей вѣры, онъ выражаетъ словомъ pietas, благочестіе. Такъ онъ говоритъ:

Благочестіе не въ томъ, чтобы, окутавши голову,
То и дѣло подходить къ священнымъ камнямъ и ко всѣмъ возможнымъ алтарямъ,
Бросаться наземь съ распростертыми руками
Передъ ликами боговъ, орошать ихъ жертвенники
Кровью четвероногихъ, давать обѣтъ за обѣтомъ,
А въ томъ, чтобы съ спокойнымъ духомъ мысленно озирать все.

Вездѣ гдѣ Лукрецій срываетъ завѣсу, какою людскія представленія прикрыли дѣйствительность, вездѣ гдѣ самъ онъ съ священнымъ ужасомъ созерцаетъ жизнь въ ея безконечности, природу—въ ея самосильной свободѣ, и возвышаетъ голосъ противъ обмана жрецовъ, противъ суетныхъ мечтаній толпы,—тамъ онъ поэтъ въ полномъ смыслѣ слова, тамъ пламя истины выбивается у него прямо изъ возвышеннаго самосознанія, и неодолимое влеченье сердца нудитъ его возвѣстить эту истину другимъ, тамъ мысли его проникнуты теплотою чувства,—мысли, такъ сильно расширившія кругъ понятій его народа.

Тѣмъ именно и привлекла его къ себѣ эпикурейская философія, что объясняла всѣ явленія природы естественнымъ образомъ и на мѣсто всѣхъ чудесъ и знаменій ставила одно — законъ.

Жизнь людская лежала позорно простертою на землѣ,
Подъ гнетомъ подавляющаго суевѣрія;
Высунувъ голову изъ пространствъ небесныхъ,
Оно ужасало смертныхъ страшнымъ своимъ ликомъ.
Тогда выступилъ одинъ Грекъ и, первый, отважился
Посмотрѣть прямо ему въ очи, первый противустать ему;
Ни упроченная слава боговъ, ни молнія, ни грозные раскаты грома
Его не устрашали; напротивъ, они только еще больше возбуждали его духъ
Къ доблестнымъ усиліямъ сбить тяжкіе запоры съ воротъ природы
И освободить ее. Мужественная сила духа одолѣла,
Побѣдоносно шагнулъ онъ за огненные предѣлы міра
И прошелъ мыслящимъ умомъ всю безконечность.

Такимъ образомъ Эпикуръ для него лучшее изъ благъ, дарованныхъ человѣчеству Аѳинами, и онъ не нахвалится имъ вдоволь. Какъ пчела кружилъ Лукрецій надъ цвѣтами эпикуровскаго духа, чтобы собрать и ухитить золотыя изреченія мудрости. Душевные страхи отженены, раздвинуты предѣлы міра, освѣтился мракъ, открылась наконецъ мирная пристань, чувству готово сладкое утѣшеніе, и благополучная жизнь ожидаетъ насъ, если мы только чисты сердцемъ. Но при этомъ нельзя не пожалѣть, что вся философія природы у Эпикура сводилась на одинъ механистическій атомизмъ, которымъ думалъ онъ объяснить и жизнь и вселенную, предполагая для этого несмѣтное число мельчайшихъ частицъ вещества, крутимыхъ слѣпымъ вихревымъ движеніемъ, безъ всякой индивидуально-образующей силы, безъ всякой руководящей мысли во всей этой сумятицѣ. Тщетно искусство поэта старается возвести въ перлъ созданія этотъ прозаически-сухой взглядъ, предметъ слишкомъ неблагодаренъ, и тѣмъ чуднѣе выступаютъ великолѣпные образы, которые пересаживаетъ на эту почву Лукрецій, будто чужеземные какіе-то цвѣты. Таково напримѣръ знаменитое изображеніе Ифигеніи, какъ стояла она въ жертвенной повязкѣ:

Онѣмѣла отъ страха, подломились у ней колѣни.
И въ ту пору ни къ чему не послужило ей то,
Что она первая назвала царя отцомъ-батюшкой!
Трепещущую подхватили ее подъ руки и повели
Прямо къ алтарю, не съ тѣмъ, чтобъ по совершеніи священнаго обряда
Воротиться оттуда съ звонкими брачными пѣснями;
Нѣтъ, именно только созрѣвъ для брака,
Пала она, чистая, закланной жертвою кровопроливца отца,
Да ниспошлется благопріятное отплытіе предводимому имъ флоту.
Вотъ до какихъ ужасовъ доводило людей суевѣріе!

Но не менѣе трогательна и та естественная картина, какъ корова, у которой отняли для принесенія въ жертву теленка, ищетъ своего сосунка по лугамъ и кустарникамъ, оглашаетъ жалобнымъ ревомъ лѣсъ, тщетно возвращается не одинъ разъ заглянуть опять въ свое стойло, и съ тѣхъ поръ не по душѣ ей ни какая пажить, ни какая рѣка; ни что не способно разсѣять тоски ея: такъ крѣпко лежитъ сердце къ своему родному.—Но хотя въ основу и положено ученіе объ атомахъ, поверхъ ея широко разливается потокъ жизни: вѣтры и облака, землетрясенія, грозы и огнедышащія горы, растенія и животныя, все это, или своимъ величіемъ, или своей граціозностью, даетъ поэту случай къ замысловатымъ думамъ и къ животрепещущимъ изображеніямъ. За тѣмъ обращается онъ къ людямъ, къ золотому вѣку невинности и къ исторической уже борьбѣ; онъ описываетъ, какъ человѣкъ вышелъ изъ лѣсной чащи, какъ начались культура, гражданственность, развитіе искусства. Далѣе воспѣвается могущество любви, губительная сила страстныхъ увлеченій, и въ противоположность тому блестящему бѣдствію, какое при всемъ великолѣпіи земного бытія долженъ испытывать человѣкъ, внутренно безпокойный, превозносятся боги Эпикура, идеалы блаженнаго спокойствія.

И здѣсь мы приходимъ опять къ тому же: для поэта, какъ и для философа, механистическое ученіе о естествѣ, служитъ только средствомъ для достиженія извѣстной (заранѣе предвзятой) цѣли, именно—спокойствія души, примиренія внутренняго чувства; правильное познаніе должно вести къ преодолѣнію страха, къ хладнокровной безмятежности. Послѣдній врагъ, котораго остается побороть здѣсь, это—смерть; страхъ смерти, грозные ужасы преисподней, омрачаютъ жизнь человѣку, покапливаютъ ее гробовымъ оттѣнкомъ, отравляютъ охоту къ чему бы то ни было, не даютъ вполнѣ чистыхъ удовольствій. Но адъ, какъ особое какое-то мѣсто, — плодъ нашего воображенія; адскія муки всѣ налицо уже здѣсь, въ страстяхъ и прегрѣшеньяхъ человѣка: жадный до власти честолюбецъ развѣ не катаетъ всю свою жизнь Сизифова камня? коршунъ, терзающій сердце Титію *), развѣ не его же собственная похоть? рѣшето Данаидъ, это — душа, ненасытимая ни какимъ чувственнымъ наслажденіемъ и всегда вновь жаждущая его, какъ Танталъ. Смерть не зло, скорѣе можно жизнь назвать бѣдствіемъ: въ нее судьба бросаетъ человѣка нагимъ и безпомощнымъ, какъ моряка послѣ

*) Великанъ Титій, сынъ Юпитера и Элары, дочери царя Орхоменскаго, былъ обреченъ на терзаніе коршунами за то, что дерзнулъ полюбить Латону.

крушенія на безвѣстныя скалы, такъ что не даромъ первый звукъ его—вопль скорби, какъ и прилично созданію, котораго ждетъ въ будущемъ столько бѣдъ, для котораго ключъ удовольствія всегда отравленъ хоть каплей горечи, для котораго змѣя притаилась и подъ цвѣтами. Какъ ночной сонъ освѣжительнѣе денной муки, такъ и смерть освобождаетъ насъ отъ житейской борьбы и ея заботъ. Что̀ за тѣмъ далѣе произойдетъ на свѣтѣ, этого мы не почувствуемъ, точно такъ же какъ не ощущали грозныхъ войнъ, бушевавшихъ въ нашемъ отечествѣ прежде чѣмъ мы родились. Здѣсь слышится мало того, что голосъ человѣка, недовольнаго въ смутную пору общимъ положеніемъ вещей; нѣтъ, неудовлетворительность, ненадежность, тщета всего земного изображается такъ, то это напоминаетъ Будду, а не то—извѣстную хоровую пѣснь старца Софокла. Смерть, заключаетъ Лукрецій, — законъ природы; пасть ея зіяетъ равно на Землю и на Солнце. Все круговращается въ быстро-измѣнчивой чередѣ. Бытіе одно вѣчно, вѣчна совокупность всего сущаго; все видимое нами небо—только частица его безконечности, какъ человѣкъ только частица Земли. Нынѣшній складъ вселенной произошелъ изъ другого и перейдетъ опять-таки въ другой. Человѣкъ нѣмѣетъ передъ природою, которая обращается къ нему съ такой рѣчью:

Что́ съ тобой, смертный, что ты заливаешься такими горькими слезами?
Что ты такъ скорбишь и оплакиваешь смерть?
Развѣ ужь больно сладка была прежняя жизнь твоя?
Развѣ, какъ изъ треснувшаго горшка, не вытекли изъ нея всѣ радости,
И не прошла она вполнѣ безусладно?
Зачѣмъ же не встаешь ты изъ-за стола, гость, сытый жизнью по горло?
Зачѣмъ, о безумецъ, не встрѣчаешь ты хладнокровно предстоящій тебѣ надежный покой?
Если-жь не пошло тебѣ въ прокъ все, чѣмъ ни услаждался ты прежде,
Если надоѣла тебѣ жизнь, къ чему желать продленія того,
Что также пойдетъ опять прахомъ, не принося ни какой отрады?
Не лучше ли самому покончить съ жизнію и съ мученьемъ?
Потому что я право ужь не знаю, что́ бы еще пріискать и выдумать
Для твоего удовольствія: вѣчно вѣдь все идетъ на одинъ и тотъ же ладъ.

Фридрихъ Великій писалъ однажды къ д'Аламберу: «Когда я сильно озабоченъ, я читаю третью книгу Лукреція, и нахожу въ ней утѣшеніе; это «конечно только пальятифъ (болеутолительное средство), но для душевныхъ «болѣзней другихъ лѣкарствъ у насъ нѣтъ.» Ихъ можно отыскать, если признаешь источникъ жизни въ духѣ и возмешь поглубже вопросъ поэта:

Не всѣ ли мы, наконецъ, произошли отъ небесныхъ сѣмянъ?
Не одного ли отца мы дѣти?

Лукрецій изложилъ свое міровоззрѣніе въ шести пѣсняхъ; все сочиненіе озаглавилъ онъ: «О природѣ вещей.» Языкъ его вполнѣ отвѣчаетъ его историческому мѣсту: это — переходъ отъ древняго, архаистическаго способа выраженія къ классичности, установленной Цезаремъ и Цицерономъ. Онъ былъ такъ же далекъ отъ миологической учености Александрійцевъ, какъ и отъ строгой правильности внѣшнихъ формъ; для него главное дѣло — мысль, и она часто тянется у него изъ одного стиха въ другой; благозвучіе и жесткость часто смѣняются безъ надлежащей соразмѣрности, гексаметры не столько изящны, сколько ядрены и увѣсисты, но они размашистѣе нежели

у его предшественниковъ. Ему трудно выработать латинскій языкъ для изложенія философскихъ предметовъ; теплая свѣжесть еще не созрѣла у него до равномѣрной ясности и ходкости, но она очень идетъ къ первобытному чувству: тонъ подымается и падаетъ вмѣстѣ съ внутреннимъ настроеньемъ. Превосходное Лахманово изданіе подало одному Французу и одному Нѣмцу поводъ подробно высказаться о Лукреціи; еще прежде выразилъ глубокое уваженіе къ нему Гёте по поводу перевода его Кнебелемъ Можно, вмѣстѣ съ Ш. Мартà, пожалѣть, что чистое нравственное чувство и пылкое воображеніе Римлянина взяло отправною себѣ точкой не идеальное міросозерцаніе какого-нибудь Платона, что ненависть къ суевѣрію заставила его пожертвовать прекраснѣйшими истинами, и что онъ уничтожилъ кумиры, а живого Бога не нашелъ. Но тогда мы должны будемъ присовокупить вмѣстѣ съ Ф. А. Меркеромъ: Тѣмъ именно, что онъ принялъ за вѣчныя путеводныя звѣзды природу и разумъ и хотѣлъ признанія ихъ въ этомъ качествѣ ото всѣхъ, онъ и сдѣлалъ изъ своей поэмы безсмертный памятникъ высоты человѣческаго духа; вѣдь каждое значительное стремленіе, направленное къ чистому свѣту истины, должно быть непреходяще, если только человѣчество дѣйствительно шло по этому пути въ своемъ ни чѣмъ неудержномъ поступательномъ ходѣ.

Виргилій поетъ о своемъ великомъ предшественникѣ и путепроложникѣ:

Блаженъ ты, природы вещей изыскатель успѣшный,
Ты поборолъ всякій страхъ и грозу непреклоннаго рока,
Жуткій плескъ жадныхъ волнъ Ахерона, тебя вѣдь и тотъ не смущалъ.

А Овидій предвозвѣстилъ ему въ свою очередь:

Развѣ тогда какъ настанетъ небу конецъ и съ землею,
Пѣсень твоихъ, о Лукрецій, дивные звуки замрутъ.

Ни одинъ изъ его современниковъ не равнялся съ нимъ глубиной и богатствомъ мыслей; напротивъ тогда именно и составились союзы мелкихъ стихотворцевъ, старавшихся выказать себя взаимной перепpавкою своихъ стиховъ и восхваленіемъ своихъ произведеній; тѣсная связь, въ какую Римъ вступилъ тогда съ Востокомъ, литературно отразилась на нихъ тѣмъ, что они стали ревностно подражать ученымъ Александрійцамъ. Какъ эти жили исключительно въ своихъ книгахъ и заботились не объ общественныхъ дѣлахъ, а воспѣвали только свои личныя радости и скорби, такъ точно и одинъ Римлянинъ, не написавъ ожиданныхъ стиховъ къ своей милой, могъ извиниться передъ нею тѣмъ, что отлучась въ деревню не имѣлъ подъ рукой своей библіотеки, такъ точно и эти стихотворцы любили выказать свои знанія хотя бы даже и намеками на самыя отдаленныя вещи. Греческіе школяры, съ своей стороны, охотно брали въ учебное пособіе сочиненія александрійскихъ схоластовъ и заставляли учениковъ, по ихъ образцу, въ замѣнъ пустого содержанія пробавляться нарядными фразами и при этомъ играть въ самыя затруднительныя формы. Даже и вышедшій изъ этихъ сферъ настоящій поэтъ, Катуллъ, корпѣлъ надъ переводомъ Каллимаха и наполнялъ свои эпическіе и элегическіе опыты обширными описаніями и самыми вычурными образами: такъ напримѣръ трогательный плачъ о кончинѣ брата, умершаго въ Троѣ, напоминаетъ

ему жену одного изъ Грековъ, нѣкогда бившихся подъ этимъ городомъ; глубину тоскующей въ разлукѣ любви ея онъ уподобляетъ глубинѣ того отводнаго канала, которыйИраклъ прорылъ у Фенея для осушки непроходимыхъ болотъ, въ то самое время какъ онъ только-что управился съ стимфальскими птицами. Благодаря этимъ стихотворнымъ школамъ въ римскую литературу вошли риторическія сноровки для наверстанія скудости внутренняго чувства, изящные словообороты, внѣшняя правильность и вылощенность формы въ замѣнъ ничтожнаго по себѣ содержанія. Изъ пустой игры въ искуственныя ощущенія, Катулла вырвали пламенная любовь и глубокое горе, причиненное ему одною остроумной и сладострастной женщиной; зато настроеніе его сдѣлалось съ тѣхъ поръ язвительно и всегда готово было обличить гниль и въ личностяхъ и въ общественныхъ дѣлахъ. Форма и содержаніе совершенно покрываютъ у него другъ друга въ тѣхъ мелочахъ, которыя и самъ онъ называлъ бездѣлушками, но которыя были настоящими стихами на случай,— плодомъ мгновеннаго напора чувства, непосредственнымъ изливомъ затронутой души, всегда полнымъ наивной свѣжести и, смотря по свойству предмета, то остроумно-тонкимъ, то выставляющимъ дѣло въ ясномъ образѣ и увѣковѣчивающимъ его печатью генія. Смотря также по содержанію піэсъ, употреблялъ онъ ямбы и холіямбы, одиннадцатисложные трохеи съ дактилемъ во второй стопѣ, гликонеи и сафическія строфы. Онъ истинно великъ въ этихъ мелочахъ, изображаетъ ли онъ какъ его милая подставляетъ любимцу-воробью свои нѣжныя губки, поддразнивая его на укусъ, или какъ она наплакала себѣ докрасна глаза, когда птички ея вдругъ не стало, или же направляетъ пестроперую стрѣлу прямо въ сердце невѣрной; привѣтствуетъ ли на озерѣ Гардѣ свой родной, любезный Сирміонъ, нещечко изъ всѣхъ въ мірѣ острововъ, безцѣнную жемчужину между всѣми полуостровами; нападаетъ ли съ безпощадной насмѣшкой на любимцевъ Цезаря и при возвышеніи ихъ повторяетъ какъ Катонъ, что пришла наконецъ пора смерти, или же, напротивъ, вызываетъ весело и беззаботно услаждаться жизнію:

Давай жить съ тобой, Лесбія, и давай любить,
Не ставя ни въ грошъ говоръ
Строгихъ старикашекъ.

Пусть солнца заходятъ и опять восходятъ:
Для насъ же, какъ только закатится короткій свѣтъ жизни,
Настанетъ безпробудная навѣки ночь.

Дай же ты мнѣ тысячу и сто еще поцѣлуевъ,
Дай другую тысячу и другую сотню къ тѣмъ;
Мало!—новую еще тысячу и новую опять сотню.

А накопится этихъ тысячъ многое множество,
Мы такъ все переворошимъ, чтобы и самимъ не знать имъ счету,
Да чтобъ не обзавидовалъ кто недобрый и вчужѣ,
Сообразивъ, какая бездна тутъ жаркихъ поцѣлуевъ!

Онъ доходилъ впрочемъ до площадной брани, въ сердцахъ на то, когда его самого думали ославить безпутнымъ, судя по одному вольнословію его стиховъ. Онъ говоритъ:

Цѣломудренъ долженъ быть самъ благочестивый поэтъ;
А для стишковъ его это вовсе не нужно:
Они вѣдь только тогда и солоны, только тогда и милы,
Когда вольнословны и беззастѣнчивы,
И когда могутъ возбудить сладострастную похоть,
Конечно не въ мальчикахъ, а въ тѣхъ зрѣлыхъ моховикахъ,
Которымъ тяжко шевельнуть заматерѣлыми членами.

Для задушевныхъ лирическихъ звуковъ нашелъ онъ себѣ въ Сафо настоящій образецъ. Не ея ли тономъ отзывается то, что онъ говоритъ о своей невѣрной Клодіи *).

Ни кого не любя душой, она всѣхъ (обожателей) истощаетъ
До полусмерти,
И не спрашиваетъ уже по прежнему о моей любви,
Которая, по ея милости, погибла какъ цвѣтокъ
Край-поляны, задѣтый невзначай
Мимошедшимъ плугомъ.

Иное прямо взято у этой стихотворицы, напримѣръ хоры юношей и дѣвицъ при свадебномъ шествіи, изъ которыхъ я сообщу только два мѣста. Употребленный здѣсь образъ цвѣтка усвоенъ Аріостомъ въ нѣсколькихъ изящныхъ строфахъ и новой поэзіи.

ДѢВИЦЫ.

Гесперъ, есть ли на небѣ звѣзда ужаснѣе этой?
Ты готовъ вырвать родную дочь изъ объятій матери,
Тогда какъ та, бѣдная, упирается, не хочетъ покинуть материнскихъ объятій,
Ты готовъ выдать чистую дѣвушку пламенному юношѣ, который только того и жаждетъ?
Помилуй! да вѣдь и непріятель, взявши городъ, не сдѣлаетъ ни чего хуже такой напасти.

ЮНОШИ.

Гесперъ, горитъ ли на небѣ звѣзда отраднѣе этой?
Ты утверждаешь своимъ сіяніемъ слаженный заранѣе брачный союзъ,
Союзъ, о которомъ заготовь уговорились мужчины и родители,
Но который сомкнется только тогда, когда ты взойдешь на небо.
Что дали намъ боги желаннѣе счастливаго этого часа?

ДѢВИЦЫ.

Какъ цвѣтокъ ростетъ притаившись, укрытый садовой изгородью,
Не вѣдомый стаду, не тронутый острымъ плугомъ;
Его лелѣютъ Зефиры, его оживляетъ солнце и питаетъ роса освѣжительной влагой;
Его добиваются мальчики, да не меньше того и дѣвочки.
Но лишь завянь онъ надломленный или неосторожно помятый,
Не захотятъ его мальчики, дѣвочки тоже не взлюбятъ:
Такъ и дѣвушка, пока нетронута,—сокровище для всѣхъ своихъ близкихъ;
Но осквернитъ она свое тѣло и утратитъ цвѣтокъ цѣломудрія, —
Не станетъ мила ни парнямъ, ни юнымъ подружкамъ.

---

*) Которую онъ вездѣ называетъ Лесбіей. Клодія была жена Квинта Метелла Целера, сперва друга, а потомъ злѣйшаго врага Цицерона.

ЮНОШИ.

Какъ одинокая лоза, взбѣжавъ на пустой полянѣ,
Никогда высоко не подымется, никогда не дастъ сочныхъ гроздій,
И тонкимъ стеблемъ своимъ до того поникнетъ къ землѣ,
Что вершинка ея сойдется опять съ корнемъ;
На нее не захотятъ взглянуть ни сельскіе парни, ни бычки молодые.
Но случись ей стать въ тѣсный союзъ съ вязомъ-деревомъ *), —
Приглянется она тогда и бычкамъ, и поселянамъ.
Такъ точно вянетъ и старѣетъ ни кѣмъ не тронутая дѣвушка.
А соединись она вôвремя брачнымъ союзомъ, —
Станетъ дорога мужу, да притомъ меньше въ тягость и отцу съ матерью.

Теодоръ Гейзе, которому нѣмцы обязаны удобочитаемымъ переложеніемъ Катулла, говоритъ о своемъ любимомъ писателѣ: «Свободная душа, теплое «живое сердце, открытое всякому впечатлѣнію и готовое тотчасъ отвѣчать «ему даже до чрезмѣрности, отдающееся съ безпредѣльнымъ самозабвеніемъ «ближайшему, какъ будто бы все было едино, неистощимое, безумное, не«удержное въ любви и въ ненависти, но вѣрное и среди всѣхъ колебаній «страсти крѣпко держащееся за якорь внутренняго чувства правды, за чув«ство того, что̀ угодно богамъ; — и такой-то вотъ человѣкъ былъ притомъ «избраннымъ любимцемъ Музы, онъ служилъ ей по преимуществу, онъ ей «безусловно довѣрялъ; во имя ея онъ потѣшался, боролся, нечествовство«валъ; ея силою успокоивалъ самовольно навлеченныя себѣ скорби: неуже«ли подобная личность не заслуживаетъ вполнѣ нашего вниманія?»

Два трагика начала этой эпохи, Пакувій и Аттій, были повидимому больше переводчики и риторы нежели самобытные поэты; ни они, ни Азиній Полліонъ, ни Варій и Овидій въ эпоху Августа не довели трагедію у Римлянъ до своенароднаго процвѣтанія. «Римляне были трагики всемірной исторіи, они «нерѣдко выводили на сцену потрясающую судьбу заключенныхъ въ оковы «и томимыхъ въ тюрьмѣ царей; они играли роль желѣзной необходимости въ «отношеніи къ другимъ народамъ, — роль всеобщихъ раззорителей, пока «среди сплошь покорнаго имъ міра не возвели изъ развалинъ одинокій мав«золей своему собственному достоинству и своей собственной свободѣ. Имъ «не было дано трогать сердца умѣреннымъ выраженіемъ душевныхъ страда«ній и пройдти бережной рукой всю музыкальную скалу чувства. Естествен«но что и въ трагедіи, перескакивая всѣ переднія ступени, всегда стреми«лись они къ крайностямъ то стоическаго героизма, то чудовищной ярости «преступныхъ пожеланій. Отъ прежняго величія осталось у нихъ только «строптивое презрѣніе къ боли и смерти, когда приходилось наконецъ рас«плачиваться ими за жизнь, переполненную безпутнымъ наслажденіемъ.» (А. В. Шлегель). Тріумфальныя шествія, звѣриныя травли, побоища гладіаторовъ предпочитали они серьёзной драмѣ; да когда ее и допускали, то интересъ представленія бралъ у нихъ верхъ надъ смысломъ къ поэтическому содержанію; великіе актёры, каковъ напримѣръ былъ Росцій, достигали и денегъ и почестей; всѣ взоры были устремлены на великолѣпіе одеждъ и декорацій. Старымъ піэсамъ Ливія Андроника сообщали привлекательность

*) Вкругъ него обвиться.

тѣмъ, что въ одной проводили по сценѣ до 600 лошаковъ, а въ другой выставляли 3000 золоченыхъ щитовъ и исполняли настоящія битвы. Поэзія прежнихъ Ателланъ слилась съ Мимомъ Грековъ въ тѣ бытовыя картины, гдѣ разговоръ вмѣстѣ съ пляскою и музыкой служилъ для передачи разныхъ сценъ столичной жизни, ея вычуръ и затѣй. Всадникъ Лаберій отличался въ подобныхъ вещахъ въ молодые годы; Цезарь просьбами и настояніемъ склонилъ его снова выступить актеромъ и поэтомъ уже подъ старость; Лаберій оправдывался по этому случаю въ прологѣ, который оканчивается такъ:

Чтó принесу съ собой на сцену? Красоту, приличіе,
Мужественную силу духа, прелесть голоса?
Какъ цѣпкій сельдерей, опутывая дерево,
Отнимаетъ у него жизнь, такъ и меня,
Понемногу осѣтивъ, извела старость; подобно гробу,
Я ношу одно только имя того, чѣмъ я нѣкогда былъ.

Изъ относящихся къ тому же времени Мимовъ Публія Сира дошло до насъ много нравственныхъ изреченій и въ томъ числѣ не мало превосходныхъ; напримѣръ:

Прощай охотно, крѣпко помня то, что ты и самъ вѣдь не безгрѣшенъ.

Кто о своей заботѣ говоритъ, знай — не тяжка его забота;
Печаль же горькая мертвитъ, и говорить пройдетъ охота.

Заспорилъ о словахъ, о шелухѣ;
Глядишь, — зерно и правда изъ-подъ рукъ пропали.

Хоть тонокъ волосокъ, — есть тѣнь и отъ него.

Живи ты такъ по всякій день,
Какъ будто бъ это былъ день смертный.

Истинно-классическими Римляне сдѣлались теперь въ прозѣ. Если уже и въ общественномъ кругу, благодаря особливо даровитымъ женщинамъ, высшее образованіе повело къ чистотѣ и утонченности, къ ясности и граціозности рѣчи, то, съ другой стороны, для мужчинъ присоединилось къ этому изученіе греческихъ образцовъ, Демосѳена и Исократа, Ксенофонта и Ѳукидида, и вслѣдствіе того, въ политическихъ и судебныхъ рѣчахъ, а также и въ историческомъ описаніи, гдѣ—при простомъ разсказѣ и самомъ незатѣйливомъ складѣ предложеній, гдѣ—при стараніи связать причины и слѣдствія въ періодологическую полноту и равномѣрную округлость и развернуть ходъ своихъ мыслей съ помощью ловкихъ восклицаній и вопросовъ въ энергическое изліяніе душевныхъ чувствъ, — Римляне стали теперь обращать почти столько же вниманія на звукопаденіе словъ, на благозвучіе въ частности и на ритмическую оживленность въ цѣломъ, какъ и на внутреннюю отдѣлку содержанія, силясь очаровать ухо, чтобы вполнѣ овладѣть чувствами и представленіями слушателя. Въ этой гармоніи внутренней стороны со внѣшнею ихъ могучая и великолѣпная проза дошла до такой степени совершенства, что духъ народа и языка нашелъ въ ней свою настоящую, то-есть наиболѣе ему сродную, художественную форму. При наплывѣ въ столицу республики такой бездны чуждыхъ элементовъ, тамъ привыкли различать въ языкѣ первоначально сложившійся и органически выросшій кряжъ отъ по-

выхъ примѣсей, и чистоту римской рѣчи, какъ слово столичной образованности (урбанности, urbanitas), противополагали вульгарному, простонародному говору. Иные, однакожь, какъ напримѣръ ораторъ Гортензій, старались дать ходъ и послѣднему; но подобно тому какъ въ то же самое время, противъ малоазійской порчи греческаго языка, за его аттическую чистоту и строгость взялась особенно родосская школа, такъ точно въ Римѣ Цезарь и Цицеронъ потщились самосознательно уберечь настоящее римское нарѣчіе и дали ему притомъ окончательно художественное завершенье. По правилу Цезаря, какъ морякъ избѣгаетъ подводной скалы, такъ точно ораторъ и писатель должны избѣгать всякаго сколько-нибудь страннаго, необычнаго слова, будь оно обветшалое или нововыкованное, все равно. Имъ же были отверждены нѣкоторыя дотолѣ шаткія еще флекціи (формоизводы), а равно и правила правописанія; Цицеронъ же въ цѣлой верениицѣ сочиненій, писемъ, ученыхъ разсужденій и рѣчей, далъ удивительный образецъ стилистическаго совершенства, обращая при томъ величайшее вниманіе на строй предложеній, на звукопаденіе и на самый тщательный выборъ словъ. Такой же чистоты и строгости придерживался Катуллъ въ сферѣ поэзіи, какъ относительно выраженія, такъ и относительно стихоразмѣра. Эта римская классичность вовсе уже не такъ наивно-первична и самородна какъ Гомеровская, Софокловская, Платоновская; она—плодъ тщательнаго изученія, сознательнаго умысла, энергической воли, и если мы готовы отдать справедливость особымъ ея преимуществамъ, то все же нельзя при этомъ не согласиться, что подъ господствомъ даннаго ей твердаго закона языкъ неизбѣжно долженъ былъ омертвѣть. То, что̀ было органическою (живоносной) формою для настоящаго, то было принято за полносильную навсегда норму, и неминуемо обратилось въ тотъ внѣшній формализмъ, которымъ въ столь многихъ отношеніяхъ запечатлѣнъ романскій характеръ. Пора Цезаря и Цицерона, съ примыкающимъ къ ней поколѣніемъ поэтовъ, составляетъ весь короткій золотой вѣкъ римской литературы.

Цезарь написалъ свои Записки о походахъ въ Галліи и о междоусобной войнѣ въ томъ же самомъ духѣ, въ какомъ онъ дѣйствовалъ или въ какомъ говорилъ передъ народомъ и передъ войскомъ, то-есть почерпая прямо изъ великой своей природы, которою онъ всегда умѣлъ владѣть вполнѣ, благодаря никогда не покидавшей его самосознательности. Откровенно и ясно, полное дѣловитой силы, движется живымъ потокомъ его изложеніе, безъ всякихъ искусственныхъ прикрасъ, прямо идя къ цѣли и представляя вѣрное зеркало не однихъ только событій, но и само́й Цезаревой души. Фридрихъ Шлегель говоритъ, что у него и умъ былъ «императорскій», то-есть именно такой, какой необходимъ герою для подвиговъ и побѣдъ, безъ всякихъ впрочемъ лишнихъ придатковъ. «Этой императорской смѣтливостью и силой, «прибавляетъ онъ далѣе, Комментаріи Цезаря превосходятъ даже величай-«шія историческія произведенія художественныхъ Грековъ; они превосхо-«дятъ ихъ также своимъ римскимъ величіемъ, той сродной Римлянамъ и «особливо свойственной семьѣ Церазя урбанностью и тѣмъ веселымъ собе-«сѣдническимъ тономъ, которыми проникнуты они насквозь».

Изъ другихъ историковъ назову я Корнелія Непота и Саллюстія. Первый написалъ простымъ и непринужденнымъ слогомъ жизнь знаменитыхъ людей

Греціи и Рима, въ видѣ поучительнаго и занимательнаго чтенія для юношей; второй посвятилъ себя изображенію поры нравственнаго упадка и внутреннихъ смутъ, начиная съ разрушенія Карѳагена вплоть до Цезарева владычества, и кромѣ отрывковъ этого обширнаго труда до насъ дошли еще монографіи о Катилинѣ и Югурѳѣ. Изложеніе его остроумно и изыскано. Событія выводитъ онъ изъ характеровъ, а послѣдніе ставитъ въ зависимость отъ условій общественнаго быта; онъ подражаетъ сжатому слогу и мужественной силѣ Ѳукидида, но любитъ при этомъ сентенціи, заостряемыя до загадочной иногда краткости, а также стародавнія слова и обороты; онъ старается и въ цѣломъ и въ частяхъ напрячь по возможности ожиданіе читателя и за тѣмъ вдругъ удовлетворить его озадачивающимъ образомъ, старается наконецъ отточить иныя свои предложенія въ настоящія эпиграммы. Вождемъ и властителемъ въ жизни смертныхъ признаетъ онъ духъ, побуждающій человѣка проходить житейское поприще не беззначительно и не незамѣтно какъ животныя. Но слава богатствъ и красоты ослѣпительна и мимолетна, тогда какъ добродѣтель блещетъ вѣчнымъ сіяніемъ. Владычество легко удержать за собой въ силу тѣхъ же самыхъ правилъ, какими было оно первоначально достигнуто; но тамъ, гдѣ мѣсто дѣятельности заступила лѣнь, гдѣ самообладаніе и справедливость вытѣснены сластолюбіемъ и произволомъ, тамъ вслѣдъ за добрыми нравами исчезаетъ и благоденствіе, народъ вмѣстѣ съ внутреннею силой и достоинствомъ теряетъ и свободу, а господство отъ менѣе способнаго лица всегда готово перейдти тогда къ способнѣйшему. Съ этой точки зрѣнія Саллюстій мастерски рисуетъ картину того, какъ всеобщая порча нравовъ и дурное управленіе аристократіи внушили Катилинѣ замыселъ овладѣть государствомъ помощью поджоговъ и убійствъ, съ тѣмъ чтобъ грабежемъ нажиться самому и обогатить своихъ приверженцевъ; превосходно противопоставлены одинъ другому и охарактеризованы своими рѣчами Катонъ и Цезарь.

На искусствѣ прозы, на стилѣ, доведенномъ до художественнаго совершенства самой природою латинскаго языка, основано величіе и всемірно-историческое значенье Цицерона. Онъ не былъ ни глубокъ, ни своеобразенъ какъ мыслитель, ни стоекъ какъ характеръ вообще, да не отличался и какъ политикъ знаніемъ общаго положенія тогдашнихъ дѣлъ и самостоятельною силой духа; Катилину громилъ онъ только на словахъ, и, не находя ни гдѣ сподручныхъ провозвѣстниковъ своей славы, онъ не переставалъ превозносить свое консульство и стихами и прозою, по-гречески и по-латини, такъ чтобы не опустить ни какого вида похвалы самому себѣ. Онъ продолжалъ еще восклицать: «Мечъ, сторонись передъ тогою»! тогда какъ давно уже все было въ рукахъ полководцевъ, и самъ онъ долженъ былъ наконецъ назвать себя осломъ за то, что стоялъ противъ нихъ заодно съ сенатомъ. Когда потомъ разладили между собой Цезарь и Помпей, онъ не зналъ, къ кому изъ нихъ пристать и что дѣлать: позже онъ славилъ кротость и мудрость Цезарева управленія, но хвалилъ потомъ не менѣе и его убійство, ошибочно провидя въ этомъ возстановленіе свободы, и вскорѣ былъ вынужденъ оплакивать бѣдствія отечества. Онъ былъ такимъ же плохимъ вожакомъ народа, какъ Брутъ и Кассій; онъ съумѣлъ только возвысить свой ревнительный голосъ противъ Антонія и навлекъ себѣ этимъ изгнаніе со стороны тріумвировъ,

которые дѣйствовали, пока онъ говорилъ. По своимъ всестороннимъ образованіемъ онъ обратилъ на себя взоры Римлянъ, и благодаря этому былъ въ своихъ рѣчахъ верховоднымъ учителемъ народа. Свѣдущій въ правѣ римскій адвокатъ прошелъ эстетическую школу въ Греціи, научился у философовъ сноровкѣ привязывать къ каждому особенному случаю разсмотрѣніе всеобщей идеи, у драматурговъ — пускать въ ходъ то потрясающій паѳосъ, то игривое остроуміе; и такимъ образомъ онъ умѣлъ изложить привлекательно и со вкусомъ даже и самую сухую вещь; высказанное ораторомъ тщательно переработывалъ потомъ писатель, и все, что онъ писалъ, пріобрѣтало тотъ риторскій пошибъ, который именно такъ нравился Римлянамъ; поучая, онъ былъ въ то же время мастеръ возбудить чувство и занять умъ. Самъ онъ обращалъ больше вниманія на то, какъ онъ писалъ, нежели на то, что писалъ; но что онъ обезсмертилъ себя могуществомъ рѣчи, это первый высказалъ съ беззавистливою похвалой такой великій знатокъ и судья, какъ Цезарь, отозвавшись объ немъ, что къ соотвѣтственному выраженію мыслей Цицеронъ присоединилъ богатый и полный стиль, что, какъ творецъ и мастеръ этого стиля, онъ принесъ честь имени и достоинству римскаго народа, и что этотъ лавръ дороже любого тріумфальнаго шествія, такъ-какъ гораздо славнѣе раздвинуть предѣлы римскаго ума, нежели предѣлы римской державы.

Въ ту пору, когда союзъ Помпея съ Цезаремъ отодвинулъ на задній планъ вліяніе сената и трибуны, Цицеронъ встосковался по тѣмъ невозвратнымъ временамъ, когда можно было безопасно нести общественную службу или проводить свой досугъ съ достоинствомъ; и тутъ-то онъ предпринялъ теоретически обдумать существенный характеръ оратора и его искусство. Онъ слѣдовалъ здѣсь примѣру величайшихъ греческихъ мыслителей: примкнулъ относительно предмета къ Аристотелю, но привнесъ сюда собственный многоразличный опытъ, а также и воспоминанія изъ римской исторіи, а относительно формы хотя и не достигъ ни граціозности Платоновыхъ характеристикъ, ни его искусства діалектически порождать мысль, однако все же умѣлъ придать своимъ ученіямъ достойную и привлекательную обстановку тѣмъ, что верховодами своего «разговора» сдѣлалъ двухъ лучшихъ ораторовъ прежняго времени, присоединилъ къ нимъ еще стараго воина, одного остроумнаго собесѣдника и двухъ искателей знанія помоложе, живо обрисовалъ всѣ эти личности, и изъ сельской тишины очаровательной дачи у Альбанскихъ горъ искусно и ловко переводилъ вниманіе говорящихъ на многоподвижную жизнь римскаго форума. Въ лицѣ Антонія и Красса противопоставилъ онъ другъ другу два направленія: въ одномъ изъ нихъ ораторъ вполнѣ руководится своимъ сердцемъ, краснорѣчіе основано на природномъ дарѣ и его упражненіи, оно само—родъ добродѣтели, получающей свой вѣсъ отъ личности говорящаго; тогда какъ въ другомъ выступаютъ на первый планъ философское образованіе, обиліе дѣловыхъ, фактическихъ познаній, сознательное и художественное обладаніе всѣми средствами языка и изложенья. Въ первой бесѣдѣ постепенно возникаетъ передъ нами идеальный образъ оратора, соединяющаго въ себѣ оба направленья; во второй изслѣдуется обработка предмета, въ третьей — форма и устное изложеніе. Даже и самый

безпощадный критикъ Цицерона, Теодоръ Моммсенъ *), сознается, что тутъ удачно и съ большимъ вкусомъ слиты воедино учебникъ и книга для чтенія; то же слѣдуетъ сказать и о литературноисторическихъ толкахъ про знаменитыхъ ораторовъ, которые Цицеронъ влагаетъ въ уста друзьямъ своимъ, Бруту и Аттику. Разговоры о государствѣ (республикѣ) составляютъ переходъ къ философскимъ сочиненіямъ, которыя Цицеронъ писалъ въ преклонныхъ лѣтахъ, и стараются провести ту мысль, что въ римскомъ государственномъ строѣ осуществленъ идеалъ, къ которому стремились греческіе мыслители.

Цицеронъ измлада занимался философіей, чтобы съ ея помощью пріобрѣсти и общія точки зрѣнія, и діалектическую ловкость, необходимыя для ораторскаго поприща. Когда Цезарь сталъ во главѣ республики, Цецерону хотѣлось быть Аристотелемъ этого Александра и уяснить ему въ одномъ посланіи понятія о правительствѣ; но онъ скоро убѣдился, что при организаторскихъ идеяхъ новаго властителя фразы его не поведутъ ровно ни къ чему. Тогда онъ писалъ друзьямъ своимъ, что обладаетъ двумя средствами поддержать себя,—знакомствомъ съ благороднѣйшими науками и славой величайшихъ дѣлъ: одно не отнимется у него заживо, другое—даже и по смерти; наклонность его къ философіи возростаетъ съ каждымъ днемъ, какъ оттого, что съ годами человѣкъ болѣе и болѣе созрѣваетъ для мудрости, такъ и вслѣдствіе современныхъ напастей, когда ни что другое не способно было освободить духъ отъ тяжкихъ скорбей и заботъ.

Мы прежде видѣли какъ сама греческая философія, при упадкѣ свободы народной жизни, вся ушла въ глубь отдѣльной личности, которая искала въ ней и нашла себѣ необходимое утѣшеніе и опору, и какъ философскія системы, при всемъ ихъ разнообразіи, тѣмъ не менѣе стремились къ одной цѣли,—къ душевному спокойствію и самоудовлетворенности мудреца. Различія въ отправныхъ точкахъ и въ дальнѣйшемъ за тѣмъ ходѣ ученій значительно посгладились взаимной борьбою школъ; какъ догматики, такъ и скептики сошлись между собой въ томъ убѣжденіи, что для жизни необходимы опредѣленныя начала, а во всемъ прочемъ слѣдуетъ искать только вѣроятнаго, и что въ главномъ согласны всѣ значительнѣйшіе мыслители, а остальное можно выбирать себѣ изъ различныхъ системъ, смотря по собственному чувству правды каждой личности. Но въ этомъ-то именно и нуждались, этого-то и желали Римляне, ставившіе цѣлью своихъ изученій не познаніе, а самое дѣло; и собственно подъ ихъ вліяніемъ Греки подготовили тотъ эклектицизмъ, который былъ пересаженъ въ Римъ Цицерономъ. Правда какъ между политическими верховодами, Помпеемъ и Цезаремъ, такъ же точно колебался онъ и между разными системами безъ самобытной умозрительной силы и безъ особенной проницательности, выбирая изъ нихъ то, что было всего сподручнѣе для практической жизни и наиболѣе отвѣчало внутреннему чувству, такъ-какъ вѣдь нравственныя понятія (то-есть ихъ основныя нормы) отъ природы лежатъ въ человѣческой душѣ и, подобно мысли о Богѣ,

*) Безпощадный до несправедливости. Прим. Перев.

одинаково находятся у всѣхъ народовъ безъ всякаго съ ихъ стороны уговора или предварительнаго соглашенія. Онъ считалъ себя свободнымъ вслѣдствіе того, что жилъ день за день безъ твердыхъ, коренныхъ убѣжденій, и высказывалъ всякій разъ то именно мнѣніе, которое въ ту пору казалось ему вѣроятнѣйшимъ; онъ могъ писать такъ много и такъ быстро единственно благодаря тому, что переработывалъ греческія книги и дѣлалъ изъ нихъ выписки. Труды его—плохой источникъ для древнѣйшей греческой философіи, и не отличаются ни строгостью, ни послѣдовательностью его собственнаго мышленія; но дѣло въ томъ, что школьныя задачи Цицеронъ переноситъ прямо въ жизнь, старается сблизить мораль школы со свѣтскими взглядами, открыть ей доступъ въ сердце блескомъ риторскаго изложенія и такимъ способомъ не только пріобрѣсти, но и распространить человѣчное образованье. Эпикурейцы, стоики, академики излагаютъ у него одинъ за другимъ свои воззрѣнія на высшее благо, на добродѣтель и на счастіе, или на сущность боговъ небесныхъ. Потомъ онъ говоритъ общедоступнымъ образомъ о разныхъ отдѣльныхъ вопросахъ практической философіи, то вооружаясь противъ страха смерти, то давая совѣты, какъ преодолѣвать скорбь и овладѣвать страстями, чтобы достичь хладнокровія и спокойствія души, то стараясь доказать что путь добродѣтели есть вмѣстѣ и прямая дорога къ счастію. Онъ смѣется надъ суевѣріемъ, надъ ворожбою, и учитъ за то вѣрѣ въ единаго духовнаго Бога и его промыслъ, вѣрѣ въ безсмертіе души. Онъ рисуетъ картину человѣческихъ обязанностей и добродѣтелей, смягчая стоическую строгость свѣтскимъ опытомъ, отводя извѣстную долю правъ, извѣстный просторъ пріятному и полезному, но всегда возвращаясь опять къ тому, что и достоинство и благонадежность всего этого зависятъ отъ тѣсной связи его съ добромъ. Здѣсь, какъ впрочемъ и вездѣ, онъ обиленъ на примѣры изъ римской исторіи. Въ двухъ небольшихъ, но превосходныхъ сочиненіяхъ онъ даетъ намъ наконецъ заглянуть въ глубину своей души, когда, старцемъ уже и самъ, онъ влагаетъ въ уста дряхлому Катону свои взгляды на эту послѣднюю пору жизни и доказываетъ, что человѣкъ долженъ совмѣщать въ себѣ мудрость преклонныхъ лѣтъ съ духовной силой юности, или когда передаетъ другу свои помыслы о дружбѣ вообще и заставляетъ Лелія превозносить ея счастье и убѣждать со всей сердечной теплотой, какъ прекрасенъ союзъ на добро двухъ сочувственныхъ между собою душъ, тѣсно связанныхъ взаимной любовью.

Правда, Цицеронъ не много сдѣлалъ для прогресса философіи, но не мало—для распространенія философскаго образованья, и такъ-какъ сочиненія его читались уже и Отцами Церкви, а потомъ опять читались и перечитывались во всѣ Средніе Вѣка и вначалѣ новой эпохи, сообщая новымъ народамъ свѣдѣнія о древности, и служа, обокъ съ церковнымъ авторитетомъ и препирательствами школы, руководствомъ человѣчнаго образованія, то они сдѣлались необходимымъ звеномъ въ цѣпи всемірно-исторической культуры и служатъ новымъ доказательствомъ той посреднической роли, какую Римъ занялъ между національной мудростью и національнымъ искусствомъ Грековъ и между общечеловѣческимъ образованіемъ.

Намъ хотѣлось бы упомянуть еще о величайшемъ римскомъ ученомъ, котораго Цезарь поставилъ во главу столичной библіотеки, именно—о Маркѣ

Теренціи Варронѣ. Кромѣ обширнаго труда о древностяхъ религіозныхъ и свѣтскихъ, кромѣ множества серьёзныхъ разсужденій, онъ писалъ и сатирическіе очерки обиходной жизни, бойко перемѣшивая въ нихъ прозу и стихи. Изъ писемъ Цицерона узнаемъ мы вообще, до какой степени были распространены въ то время и талантъ и искусство превосходнаго изложенія, до чего общедоступно сдѣлалось въ тогдашнемъ Римѣ высшее человѣческое образованіе благодаря вмѣстѣ и школѣ и жизни, и какой литература получила величавый отпечатокъ вслѣдствіе того, что первостепенные государственные люди принимали въ ней дѣятельное участіе.

Единеніе съ Греціей дало себя знать въ архитектурѣ употребленіемъ мрамора въ тѣхъ великолѣпныхъ храмахъ, которые около половины 2-го вѣка предъ Р. Х. Квинтъ Метеллъ Македонскій соорудилъ Юпитеру и Юнонѣ на одномъ общемъ, окруженномъ колоннадою, дворѣ, и которые онъ убралъ эллинскими изваяніями. Блестящая перестройка капитолійскаго храма Юпитера Суллою осталась при первоначальныхъ этрурскихъ еще формахъ. Высокія личности, домогаясь власти, старались теперь снискать благорасположеніе народа не только что устройствомъ игръ, но и сооруженіемъ для нихъ особыхъ зданій. Ядро театровъ сначала возводилось изъ дерева, но роскошно одѣвалось дорогими металлами, слоновой костью и коврами, а покрывалось намётами. Театръ Метелла Скавра вмѣщалъ 80,000 человѣкъ, стѣна сцены была украшена 360-ю мраморными колоннами и 3,000 бронзовыхъ статуй. Куріонъ соорудилъ двойной театръ, котораго полукружія примыкали одно къ другому, такъ что въ каждомъ изъ нихъ сцена представлялась въ противоположномъ направленіи; по выполненіи такимъ образомъ въ одно и то же время двухъ разныхъ драмъ, стѣны сценъ оставляли па мѣстѣ, а сидѣнья съ зрителями повертывали громаднымъ механизмомъ и смыкали въ одинъ обширный амфитеатръ, посреди котораго давались за тѣмъ боевыя игры. Первый каменный театръ въ Римѣ выстроилъ Помпей. Цезарь соперничалъ съ нимъ и въ этомъ отношеніи; онъ началъ колосальную перестройку Большого Цирка (Circus maximus), существовавшаго со временъ царей, и повелъ ее въ размѣрѣ соотвѣтственномъ столицѣ міра, такъ что въ немъ могли теперь помѣститься 250,000 зрителей. Форумъ украсился новыми базиликами, и неподалеку отъ него Цезарь приступилъ къ устройству новаго еще форума, окруживъ портиками храмъ Венеры, праматери рода Юліевъ, къ которому онъ самъ принадлежалъ, а позади портиковъ расположилъ покои. Для народныхъ сходокъ должны были служить такъ-называемые Юліевскіе Затворы, — площадь близъ Марсова поля, также обнесенная портиками. Еще и нынѣ радуетъ насъ въ Тиволи превосходная развалина храма Весты, — изящное, обставленное колоннами, круглое зданіе поверхъ крутого утеса надъ оврагомъ, куда съ шумомъ и пѣною ниспадаетъ рѣка Аніо; еще и нынѣ привѣтствуемъ мы у Аппіевой дороги гробницу, воздвигнутую богатѣйшимъ изъ Римлянъ, Крассомъ, женѣ его, Цециліи Меттелѣ, — на четвероугольной подводкѣ большой башнеобразный каменный цилиндръ, съ сильновыступающимъ карнизомъ, подъ которымъ фризъ украшенъ черепами жертвенныхъ быковъ между цвѣточными вязями; еще и нынѣ мы видимъ, что пекарю Эврисаку сооруженъ былъ памятникъ какъ бы изъ воспроизведенныхъ въ камнѣ хлѣбныхъ мѣръ, съ которыми онъ такъ много во-

зился при жизни и которыя то наставлены одна на другую въ видѣ колоннъ, то расположены рядомъ для образованія главныхъ линій, обрамливающихъ собой разныя украшенія.

Древнеиталійскій жилой домъ имѣлъ всередине главное и общее всѣмъ помѣщеніе, атріумъ, къ которому примыкали вокругъ отдѣльные покои; оно походило на внутренній дворъ и заключало въ себѣ очагъ, такъ что въ покрышѣ устроено было дымовое отверстіе, а подъ нимъ углубленіе для пріема дождевой воды. Римляне сохранили основную эту форму; атріумъ превратился въ перистиль около непокрытаго средоточія, вокругъ него расположены были залы, переходы вели къ новымъ параднымъ дворамъ и великолѣпнымъ покоямъ; а въ городскихъ чертогахъ одинъ этажъ громоздился при этомъ на другой, все выше и выше. Въ планѣ садовъ и дачъ (виллъ) фантазія развертывалась блестящею игрой въ архитектоническія формы и въ мѣстоположенія, очень ловко приноровляясь къ свойству сельской природы.

Уже и покореніе Нижней Италіи познакомило Римлянъ съ произведеніями эллинскаго рѣзца, а когда потомъ завоеватели стали привозить съ собой изъ взятыхъ штурмомъ городовъ божескіе лики, то вслѣдъ за тѣмъ возникло стремленіе украшать изваяніями и тріумфы побѣдоносныхъ полководцевъ. Вскорѣ одинъ изъ противниковъ Ганнибала, Марцеллъ, могъ похвалиться тѣмъ, что научилъ своихъ согражданъ цѣнить чудеса греческаго изящества, которыхъ они прежде не понимали: онъ вывезъ изъ Сиракузъ превосходныя произведенія не только для того чтобы украсить ими свой торжественный въѣздъ въ Римъ, но чтобы и убрать храмы, портики и площади не варварскимъ оружіемъ и не кровавою добычей, а изящными, сердце радующими статуями. Старый медлитель Фабій правда возражалъ на это: Оставимъ лучше Тарентинцамъ ихъ разгнѣванныхъ боговъ. Но подростающее поколѣніе возмужало подъ вліяніемъ греческаго уже духа, и когда Фламининъ, Луцій Сципіонъ, Эмилій Пауллъ, Метеллъ Македонскій и Муммій торжествовали свои тріумфы надъ Македоніей, Малой Азіей и Элладой, то за ними тянулись цѣлыя сотни возовъ со статуями и картинами, рельефами и вазами въ украшеніе родному городу; а послѣ Цезарева господства даже такой бывалый путешественникъ, какъ Страбонъ, не только находилъ монументальныя постройки Рима дотого величественными, что жилой городъ казался передъ ними какъ бы только привѣскомъ, но еще добавилъ къ тому слѣдующія подробности: «Когда вступишь на древній форумъ и посмотришь «какъ все здѣсь идетъ одно къ другому, когда увидишь горделивыя сѣни бази- «ликъ, храмы, Капитолій и дивныя произведенія искусства, которыя стоятъ «тамъ, а также въ Палаціумѣ и въ колоннадѣ Ливіи, тогда легко позабу- «дешь все, что когда-либо видѣлъ прежде въ другихъ мѣстахъ».

Такъ пробудился и образовался у Римлянъ художественный смыслъ, и съ того времени всѣ высокопоставленные люди старались украшать свои городскія жилища, галереи и дачи произведеніями пластики; они сдѣлались любителями искусства, и какой-нибудь Лукуллъ пользовался своимъ богатствомъ для блестящихъ закупокъ по этой части, тогда какъ другіе, занимая правительственныя должности въ провинціяхъ, просто вымогали себѣ подарки или же пріобрѣтали много отличнаго за самыя небольшія суммы, какъ дѣлалъ напримѣръ Верресъ въ Сициліи. Онъ былъ знатокъ и энтузіастъ, тогда какъ

противникъ его, Цицеронъ, хотя самъ выдаетъ себя за профана, однако тѣмъ не менѣе можетъ служить доказательствомъ, дочего распространено было въ Римѣ художественное образованіе: стиль различныхъ ораторовъ характеризуетъ онъ сравнивая ихъ съ пластиками, и при этомъ вполнѣ расчитываетъ на то, что читатели поймутъ его. Красота для него — благовидность цѣлесообразнаго, и онъ думаетъ, что сущность вещи необходимо должна проявиться въ изяществѣ ея формъ; искусство, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ глубины человѣческой природы, и если оно въ свою очередь не тронетъ и не порадуетъ послѣднюю, оно не стòитъ ровно ни чего; онъ считаетъ заслуживающею похвалы и покровительства ту теплую любовь, съ какою греческіе города привязаны къ превосходнымъ произведеніямъ искусства. Вообще писатели такъ часто опираются на пластику, что, по прекрасному разъясненію К. Ф. Германна, не льзя отказать Римлянамъ въ глубокомъ художественномъ смыслѣ, и очень знаменателенъ разсказъ о томъ, какъ впослѣдствіи Тиберій, увлекшись статуей Лисиппова Апоксіомена (борца, соскребающаго съ себя пыль), прежде выставленной Агриппою для публики, перенесъ было ее въ свои покои, но потомъ былъ вынужденъ возвратить ее общему достоянію, такъ-какъ народъ ни какъ не хотѣлъ съ ней разстаться. Изъ созданій Фидія колосальные лики боговъ и скульптуры Парѳенона правда остались на первоначальномъ своемъ мѣстѣ, но превосходныя бронзовыя и мраморныя изваянія какъ его великаго рѣзца, такъ и руки Скопаса, Праксителя, Лисиппа съ ихъ многочисленными учениками, всѣ перешли въ Римъ, и мы можемъ смѣло утверждать, что этимъ они были спасены для потомства, хотя правда рѣдко въ подлинникѣ, но по крайней мѣрѣ въ копіяхъ и въ томъ послѣдственномъ вліяніи, какое они здѣсь произвели. Когда греческія державы начали рѣшительно приходить въ упадокъ, и искусству понадобилось стороннее покровительство, Римляне великодушно предложили ему свою помощь и такимъ образомъ формально приняли на себя роль посредниковъ между Элладою и новою Европой.

Но заслуга ихъ ограничивалась не этимъ исключительно; они вызвали вторичный цвѣтъ греческаго искусства и достигли, благодаря все-таки ему, своебытныхъ историческихъ и мастерскихъ портретныхъ изваяній. Подобно тому какъ Гомеръ, тризвѣздіе трагиковъ, Сафо и Алкей стали образцами для ихъ стихотворцевъ, подобно тому какъ ихъ ораторы и историки старались подражать Демосѳену и Ѳукидиду и тѣмъ самымъ взяли верхъ надъ Александрійцами, такъ точно великій характеръ ихъ ощутилъ особенное влеченіе въ пластикѣ къ благородству формъ и высокой граціи Фидія и Праксителя, и созданія этой классической поры сдѣлались образцовой нормою для новыхъ возникшихъ теперь произведеній. Развѣ Эмилій Павлъ не воскликнулъ съ изумленіемъ въ Олимпіи: Вотъ истинный ликъ Зевса, какого именно воспѣвалъ Гомеръ? Подъ римскимъ вліяніемъ, и преимущественно въ Аѳинахъ, развернулся тотъ вторичный цвѣтъ пластики, которому мы обязаны многими изъ самыхъ удивительныхъ вещей, украшающихъ наши музеи. Хотя поэтическая и философская производительность угасла въ Аѳинахъ вмѣстѣ съ свободой, но они еще сохранили въ памяти свое прежнее духовное образованіе и сдѣлались для Римлянъ высшею школой. Насколько же именно пластика была настоящимъ проявленіемъ сущности греческаго характера, видно

изъ того, что она даже и теперь,—и замѣтьте притомъ она одна,—смогла произвести такъ много блестящаго. Не создается, правда, новыхъ идеаловъ, не вырабатывается новыхъ мыслей въ самостоятельныя формы, но въ отношеніи къ содержанію, замыслу и передачѣ аттическая школа остается вѣрна своему первобытному идеальному направленію. Свѣжее созерцаніе природы правда замѣнилось теперь изученіемъ прежнихъ мастеровъ, но прекрасное и величавое прекрасно и величаво и воспроизводится свободною рукой; особые мотивы, избираемые для однажды открытыхъ и сохраняемыхъ потомъ типовъ героя или божества, примышляются сообразно этимъ типамъ, ритмъ движенія размѣренъ очень хорошо, техническая выработка просто доведена до совершенства, линіи полны жизни, мягки и нѣжны въ переходахъ. Конечно, сравнительно съ образцами, произведеніямъ этимъ недостаетъ одного,—печати оригинальности, того вѣянія первобытной и самозабывчивой услады творчествомъ, которое изъ души геніальнаго художника переходитъ безсознательно и неумышленно въ самое его произведенье. Мѣсто наивности заступила теперь постоянная оглядка мастера на самого себя, да и на зрителя его работы, и блескомъ, эффектностью или очаровательностью внѣшней формы пытается онъ наверстать ту неподражаемую, тихую, самодовлѣющую высоту и цѣломудренность, которая и генію дается лишь тогда, когда онъ ищетъ только удовлетворить собственному вдохновенію и создать прекрасное единственно лишь потому, что въ немъ лежитъ полное завершеніе истины.

Къ кругу этихъ художниковъ принадлежатъ Аполлоній и Гликонъ Аѳиняне, отъ которыхъ уцѣлѣли два изображенья Геркулеса, — знаменитый Ватиканскій торсъ, работы перваго, и фарнезская колосальная статуя, руки второго. Оба изобразили героя отдыхающимъ, одинъ—въ сидячемъ положеніи, другой—стоящимъ и опирающимся на палицу. Послѣдній кажется погруженъ въ скорбную думу о тяготахъ существованія; напротивъ, туловище перваго даетъ намъ нѣкоторый поводъ представлять себѣ утраченный къ сожалѣнію ликъ его просвѣтленнымъ радостью побѣды, хотя впрочемъ то обстоятельство, что онъ сидитъ на утесѣ, прямо еще пріурочиваетъ его землѣ, тогда какъ Винкельманнъ принималъ этого героя за вознесеннаго уже на Олимпъ супруга Гебы. Извѣстно что Микель-Анджело, когда помутились у него глаза, услаждался осязаніемъ энергической напруги мышцъ этой здоровенной спины и груди. Статуя, возвышенно задуманная въ своей совокупности, мягко и удивительно плавно выполнена во всѣхъ частяхъ. Гликонъ въ своемъ изваяніи умалилъ голову, а грудь и плеча развернулъ какъ можно шире, чтобы произвесть впечатлѣніе увѣсистой, неодолимой могуты; по словамъ Винкельманна, мышцы лежатъ здѣсь будто сжатыми холмами, такъ-какъ художникъ хотѣлъ выразить крайнюю упругость ихъ волоконъ, давъ имъ положеніе натянутаго лука; мнѣ, напротивъ, кажется, что онъ оставилъ во всегдашнюю принадлежность и за покоящимся героемъ ту напряженную игру мышцъ, въ какую онѣ были приведены усильной борьбою, что пожалуй напоминаетъ тѣхъ послѣдователей Микель-Анджело, которые переносили смѣлыя позы и могучія формы своего учителя даже и на фигуры, не представлявшія къ тому ни внѣшнихъ поводовъ, ни внутреннихъ причинъ.— На Квириналѣ въ Римѣ стоятъ два Конеукротителя; сила ртачащихся коней и сдерживающихъ ее юношей выражена въ колосальномъ размѣрѣ такъ же

живо, какъ и величественно, и оказываетъ, именно благодаря этому размѣру, полное свое дѣйствіе; стародавнія надписи, правда, ошибочно называютъ ихъ работами Фидія и Праксителя, но мы можемъ допустить, что образцомъ для нихъ служило панаѳинейское конное шествіе на фризѣ Парѳенона; служащая имъ опорою броня указываетъ на римскую эпоху. Каріатида Ватикана, которая такъ спокойно и охотно несетъ лежащій на ней гнетъ,— удачное воспроизведеніе дѣвъ, подпирающихъ потолокъ Пандросіона.

Прямою противоположностью этимъ богатырскимъ обликамъ является настоящій перлъ нѣжности и граціи,—Клеоменова Медицейская Венера. Она, правда, лишена божественнаго величія и представляетъ воплощенный образъ едва распускающейся дѣвичьей красоты, тогда какъ та же самая поза и постановка встрѣчаются намъ съ болѣе цѣломудреннымъ характеромъ у Венеры Капитолійской, во всей полнотѣ и силѣ женскаго развитія. Постановка эта далеко не простодушна: взоръ съ вожделѣніемъ устремленъ въ даль, и вокругъ устъ играетъ оттѣнокъ чувственнаго наслажденія. Сродни ей по утонченности Венера, присѣвшая въ купальнѣ; она любуется отраженіемъ своимъ въ водѣ; «гибкія формы нѣжнорасчлененнаго тѣла богини какъ «бы нарочно собраны художникомъ въ тѣснѣйшее по возможности простран- «ство, для того чтобъ передъ духовнымъ окомъ зрителя онѣ разрѣшались въ «тѣмъ полнозвучнѣйшую гармонію.» (Э. Браунъ). Не менѣе граціозна и выходящая изъ купальни Афродита — въ Ватиканѣ же; она кротка, мила, счастлива сама собой, какъ освѣженный утренней росой цвѣтокъ. Такъ Праксителевъ идеалъ даетъ отъ себя все новыя и новыя завязи.

Дремлющая Аріадна Ватикана, выполненная мастерски въ широкомъ стилѣ, соединяетъ опять божественную величавость съ пріятностью, какъ бы нарочно противополагая богатыя складки одеждъ благородной плавности линій своихъ членовъ. Къ невѣстѣ Діониса можно присовокупить луврскую Мельпомену, живой образъ Софокловой трагедіи по возвышенному достоинству ея фигуры и тихой кротости ея лица, начальницу того хоровода музъ, который такъ многодумно и вмѣстѣ такъ свѣтло и радостно встрѣчаетъ насъ не только въ ватиканской Ротондѣ, но даже и въ копіяхъ съ этого изваянія.

Діана въ Версалѣ — безподобное изображеніе Артемиды охотницы, которая является здѣсь однако покровительницей лани, простирая лѣвую руку надъ самой ея головой, тогда какъ правая хватается за стрѣлу въ колчанѣ, и взоръ ея обращенъ не на гонную дичь, а совсѣмъ въ другую сторону, гдѣ надо предполагать настоящаго преслѣдователя; такому двойственному направленію отвѣчаетъ и то, что сама она только-что сдержала въ ту минуту быстрый бѣгъ свой, а между тѣмъ въ отлетѣ одеждъ видѣнъ еще слѣдъ успѣшнаго движенья. Эта обильная драматизмомъ жизнь дѣлаетъ ее достойною сестрой бельведерскаго Аполлона, хотя онъ можетъ-быть и предстаетъ намъ еще совершеннѣе въ своемъ поразительномъ великолѣпіи. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что онъ обращается опять къ самому себѣ отъ только-что одолѣннаго противника, и неостывшій боевой пылъ разрѣшается у него при этомъ въ свѣтлое торжество побѣды. Винкельманнъ предполагалъ здѣсь низложеннаго богомъ пиѳійскаго змѣя, а Фейербахъ—Эринній, которыхъ онъ прогоняетъ изъ своего святилища; судя по одной бронзовой статуэткѣ графа Строганова

вѣроятно, что въ лѣвой рукѣ у него была эгида, все равно, идетъ ли тутъ дѣло, какъ думалъ Стефани, объ изгнаніи Ахеянъ изъ Трои, или, какъ полагалъ Визелеръ, объ отраженіи Ареса язвоносца; во всякомъ случаѣ Аполлонъ блещетъ какъ солнце изъ-за грозовой тучи, и хотя у него нѣтъ того спокойствія, какое подобало бы храмовому лику, хотя онъ живописно расчитанъ только на одну извѣстную точку зрѣнія, однакожь онъ все-таки достоинъ гимна, который воспѣлъ въ честь его Винкельманнъ и въ которомъ между прочимъ сказано: «Созданіе это художникъ совершенно построилъ на «идеалѣ, допустивъ въ него на столько именно вещества, сколько было нуж«но для выполненія его замысла. Ростъ его превышаетъ человѣческій, и во «всей постановкѣ видно наполняющее его величіе. Вѣчная весна облекаетъ «прекрасную мужественность зрѣлыхъ лѣтъ пригожествомъ юности и игра«етъ съ кроткой нѣжностью въ гордомъ строѣ его членовъ. Здѣсь нѣтъ ни«чего смертнаго, ничего требуемаго человѣческой скудостью; ни жилы, ни «сухожилья не распаляютъ этого тѣла лишнимъ жаромъ. Съ вершины пол«наго самоудовлетворенія возвышенный взглядъ его какъ бы уходитъ въ «безконечность, далеко за предѣлъ одержанной побѣды; презрѣніе царитъ «на его губахъ и вплоть до гордаго чела простерся оттѣнокъ негодованія, «которымъ вздуты его ноздри. Но миръ, парящій на этомъ челѣ въ блажен«номъ спокойствіи, ни сколько этимъ не нарушенъ, и глазъ его полонъ той «же сладости, какою онъ обыкновенно блещетъ среди Музъ.» Такъ предстаютъ намъ въ полномъ ихъ своеобразіи гомеровскій Аполлонъ первой пѣсни Иліады въ самомъ началѣ эллинскаго искусства, и Аполлонъ Бельведерскій въ самомъ его заключеніи.

Что и въ Малой Азіи трудились подъ римскимъ вліяніемъ даровитые пластики, это мы знаемъ изъ надписей; а отъ одного изъ нихъ дошла до насъ вмѣстѣ съ именемъ мастера даже и замѣчательная работа:—мы говоримъ о боргезскомъ гладіаторѣ Агасіада. Это—отпрыскъ реалистическаго направленія. Гладіаторъ сильно выпадаетъ впередъ, простираетъ лѣвую руку для отбоя, а вооруженную мечемъ правую заноситъ назадъ, чтобы тѣмъ крѣпче поразить всадника, съ которымъ онъ бьется. Въ статуѣ нѣтъ идеальнаго содержанія, и потому она ничего не говоритъ душѣ, но это—мастерское анатомическое произведеніе, и не даромъ въ одномъ роскошномъ французскомъ изданіи положена она въ основу изученія пластической анатоміи; сообразительность и техническое искусство художника достигаютъ впрочемъ того эффекта, какой хотѣли они произвести.

Тутъ ужь не далеко было до того, чтобы великіе пластики сами переселились въ столицу міра и основали школу тамъ на мѣстѣ. Такимъ образомъ Помпей привлекъ въ Римъ Пасителя, который, по примѣру Фидія, работалъ и златокостныя статуи. Есть основанія приписать отрикольскій бюстъ Зевса именно его мастерской. Преемниками ему были Стефанъ и Менелай; послѣднему принадлежитъ въ виллѣ Людовизи группа Матроны съ Юношей, которую называли, то Орестомъ и Электрою, то Пенелопою и Телемахомъ, пока Отто Янъ не указалъ въ ней Меропу, узнающую сына своего, Эпита: этотъ, какъ извѣстно, явился вдругъ ізчужи, чтобы наказать Полифонта, убійцу его отца и потомъ мужа матери. Эврипидъ и, въ подражаніе ему, Энній

обработали этотъ сюжетъ драматически. Группа согрѣта чувствомъ и выполнена очень тщательно. Другой мастеръ, Аркесилай, сработалъ для Цезаря статую Венеры Породительницы, праматери Юліевъ; она была одѣта, но такъ, что платье, какъ будто мокрое, плотно прильнувъ къ тѣлеснымъ очертаніямъ, ниспадало потомъ въ обильныхъ складкахъ, какъ мы видимъ это на такъ-называемой Флорѣ въ Неаполѣ. Очарованіе любви сливалось съ благородной скромностью въ этомъ изваяніи, дошедшемъ до насъ по крайней мѣрѣ въ снимкахъ. Аркесилай же, первый, по примѣру александрійскихъ поэтовъ, сталъ низводить всепобѣждающаго Эрота древности въ шаловливыхъ мальчугановъ и представлять его смирителемъ звѣрей, львовъ, дельфиновъ, газелей,—веселая игра фантазіи, потѣшающая насъ и донынѣ въ разныхъ отголоскахъ.

У Римлянъ было стародавнимъ обычаемъ выставлять въ атріумѣ восковыя личины предковъ и воздвигать заслуженнымъ гражданамъ статуи. Тутъ прежде всего требовались вѣрность природѣ, жизненная правда, индивидуальность; надо было въ точности передать даже одѣяніе, броню или тогу. Природный Грекъ Клеоменъ могъ еще дозволить себѣ держаться Гермесова типа при изображеніи римскаго оратора, такъ-называемаго Германика, но личная особенность сильно выдвинута уже и здѣсь.

Собственно же римское ваяніе отличается тою характерной чертой, что оно идетъ не отъ внутренняго созерцанія, не отъ мысленно-добытой идеи человѣка, съ тѣмъ чтобы, передавая послѣднюю, брать изъ дѣйствительнаго только то, что̀ именно подходитъ къ той идеѣ; напротивъ, оно непосредственно примыкаетъ къ дѣйствительности, и ее старается возвысить въ свойственный ей идеалъ. Такимъ образомъ портретное и историческое искусство Римлянъ выходитъ, соотвѣтственно всему характеру ихъ, реалистичнымъ. Изъ эпохи, о которой мы говоримъ, дошли до насъ прекрасныя произведенія, напримѣръ стоящій ликъ Помпея въ палаццо Спада,—можетъ быть тотъ самый, у подножія котораго Юлій Цезарь палъ подъ кинжалами убійцъ,—и потомъ Цезарь въ мирномъ одѣяніи, въ Берлинѣ. Намъ передано имя одного римскаго художника, Копонія, сработавшаго Помпею для тріумфальнаго памятника четырнадцать статуй побѣжденныхъ имъ племенъ. Тутъ надо было схватить особенный пошибъ каждаго народа. Изящною такого рода работой предстаетъ полная грусти женская фигура въ Лоджа де Ланци во Флоренціи,—величавая въ формахъ, благородная и трогательная по выраженію: въ ней готовы мы признать плѣнную Туснельду, представительницу Германіи.

ЗОЛОТОЙ ВѢКЪ АВГУСТА.

По смерти Цезаря настали новыя поголовныя изгнанія, новыя междоусобья, пока наконецъ не достигъ единовластія наслѣдникъ его, Октавіанъ, и утратою свободы римская держава не купила себѣ хоть по крайней мѣрѣ спокойствія. Уже смолоду рѣшился онъ не отступать ни передъ какимъ злодѣйствомъ, если оно казалось необходимымъ для выполненія его замысла; а потому его умѣренность и благоразуміе доставили ему впослѣдствіи заслуженную побѣду надъ слишкомъ страстнымъ Антоніемъ, и на мѣсто той восточной деспотіи, къ которой тотъ стремился вмѣстѣ съ Клеопатрою въ Египтѣ, Октавіанъ, дѣйствуя съ запада, учредилъ европейскую монархію въ Цезаревомъ смыслѣ, которая правда совокупляетъ всѣ отрасли верховной власти въ одной рукѣ, но зато благотворно заботится о цѣломъ и поддерживаетъ порядокъ противъ всякаго безчиннаго своеволія, конечно ужь не съ помощью гражданской силы, но посредствомъ постоянныхъ войскъ, посредствомъ скоро зазнающейся солдатчины, и къ сожалѣнію все это подъ личиною свободы, съ сохраненіемъ однѣхъ прежнихъ формъ безъ наполняющаго ихъ содержанія, что̀ разумѣется съ каждымъ днемъ болѣе пріучаетъ къ лицемѣрству. Опираясь на такого способнаго военачальника и благороднаго патріота какъ Агриппа, на такихъ высокообразованныхъ государственныхъ мужей какъ Мессала и Меценатъ, управлялъ теперь Августъ—то-есть «возвышенный», какъ гласило почетное его прозвище—городами и провинціями черезъ своихъ префектовъ, настаивалъ вездѣ на судѣ и расправѣ, заботился о торговлѣ и промыслахъ, не давалъ областей на жертву нѣсколькимъ фамиліямъ знати или спѣшившимъ нажиться столичнымъ выскочкамъ, и обратилъ сенатъ въ думу значительныхъ людей съ совѣщательнымъ голосомъ, одобряющимъ императорскія постановленія, и съ распорядительною при ней управой или коммиссіей, которой готовые къ услугамъ его таланты онъ употреблялъ для правительственныхъ своихъ цѣлей. Римское гражданство не могло же вѣдь само управлять всемірной державою, да не подумало созвать и выборныхъ изъ провинцій; строгость нравовъ, трудолюбіе, самоотверженная преданность общему дѣлу,—все это исчезло съ тѣхъ поръ какъ Римляне привыкли жить на счетъ покоренныхъ народовъ; въ погонѣ за наживою и наслажденіемъ, толпа охотно подчинялась чужой власти и сама шла на встрѣчу порабощенію; бѣдные требовали только хлѣба да потѣшныхъ игръ, а богатые желали одного,—оставаться въ покоѣ, блистать и плавать по горло въ роскоши. Все добытое образованіе служило лишь къ тому, какъ бы придумать новое соединеніе чувственныхъ наслажденій съ духовными, какъ бы еще возвысить степень наслажденья; это называлось тогда житейскою философіей и превозносилось какъ тотъ трезвый реализмъ, который умѣетъ приноровиться ко времени вмѣсто того чтобъ гнаться за идеальными мечтами; этимъ думали покорить себѣ вещи, а отнюдь не покориться наоборотъ имъ.

Хотя мысль о міроединствѣ и не осуществилась въ той степени, какъ задумалъ ее Меценатъ, хотѣвшій одинаковыхъ для всѣхъ провинцій гражданскихъ правъ, податей и законовъ, тѣмъ не менѣе на мѣсто римскаго національнаго образованія водворилась вездѣ космополитская культура, порожденная или опосредствованная александрійствомъ; все своенародное, а также и всякая самобытная изобрѣтательность подчинились теперь въ литературѣ ученой славѣ и должны были примкнуть къ общепринятому школьному правилу. По мѣрѣ того какъ внѣшняя дисциплина замѣняла внутреннюю сдержку нравовъ, и распоряженія правительства заступали мѣсто самоопредѣленія народнаго, угасало также чувство собственнаго достоинства и свободы во всѣхъ душахъ, привыкавшихъ подчиняться полносильнымъ для всѣхъ правиламъ и подобострастнымъ, даже раболѣпнымъ формамъ. Уже не общественная жизнь, а служба государямъ привлекала теперь даровитыя личности, выдвигая ихъ впередъ, доставляя имъ занятіе и знаки почета; но за то онѣ должны были и угождать всѣмъ ея требованіямъ, приноровлять къ нимъ свой образъ чувствъ и мыслей. Такъ точно было и въ литературѣ: поэтамъ и ученымъ оказывалось покровительство по мѣрѣ того какъ они примыкали къ новому порядку вещей, по мѣрѣ того какъ они становились украшеніемъ престола, и не общенародный голосъ, а утонченные придворные кружки давали уже теперь господствующій тонъ. Соразмѣрность и гладкость скоро взяли перевѣсъ надъ своеобразностью жизненнаго содержанія, и если, не смотря на то, Римляне все таки стояли гораздо выше Александрійцевъ, то это потому, что они писали не для одной школы, но и для высшаго общества, что родной ихъ городъ былъ міровладыкою и что завѣтное народное чувство высказывалось теперь хотя и не торжествомъ свободы, но все же гордымъ сознаніемъ господства и величія, — потому, наконецъ, что Греки того времени проложили имъ путь сообщенія съ древнѣйшими мастерами искусства, которыхъ они и брали себѣ въ образецъ. Энеида должна была стать для Римлянъ тѣмъ же, чѣмъ Иліада и Одиссейя были для Эллиновъ; это, разумѣется, было невозможно, и она блеститъ только заимствованнымъ свѣтомъ какъ мѣсяцъ передъ солнцемъ, но блеститъ все же гораздо яснѣе и полнѣй нежели звѣзда какого-нибудь Аполлонія Родосскаго: она озаряла вѣдь всю длинную наступившую за тѣмъ ночь и подготовила въ будущемъ новый восходъ солнца

Свобода слова перестала руководить общественную жизнь; краснорѣчіе ушло съ одной стороны въ правовѣдѣнье, которое стало приводить въ порядокъ и систематически разработывать древнія правопреданья, а съ другой стороны—въ школьное риторство, упражнявшееся въ пустыхъ декламаціяхъ и съ каждымъ днемъ болѣе сообщавшее свой пошибъ какъ прозѣ, такъ и поэзіи; чувство возбуждалось только вопросами и восклицаньями, разсудокъ удовлетворялся подборомъ словъ, замысловатымъ складомъ и оборотомъ рѣчи, мѣрное паденіе и благозвучіе пріятно щекотали слухъ; дѣло было не въ истинѣ, а въ эффектѣ. Цицеронъ уже сказалъ, что исторія Рима требуетъ для себя оратора, и самъ напросился на вызовъ со стороны Аттика, чтобы онъ, спаситель отечества, достойно и восхвалилъ его потомкамъ. Тутъ выступилъ на сцену Ливій и описалъ въ патріотическомъ духѣ дѣла давно-минувшихъ дней, съ той завѣдомою цѣлью чтобъ изложеніемъ своимъ

возбудить и юношей и мужей на новые подвиги; онъ не столько дорожилъ правдою событій, сколько блескомъ повѣствованія; оттого самыя потрясающія и славныя преданія были ему всего больше по душѣ. Такъ онъ успѣлъ создать вполнѣ національное произведеніе, котораго обаяніе длится и донынѣ. Историческій разсказъ о настоящемъ времени начали теперь пріурочивать къ лицу монарха, и свободные пріемы какого-нибудь Полліона или Лабіэна уступили мѣсто подобострастію, не смотря на то, что по примѣру Цезаря Августъ не хотѣлъ еще стѣснять свободы сужденія и слова. Такіе Греки, какъ Діодоръ и Страбонъ, нашли въ Римѣ и обильный матерьялъ и достаточную широту взгляда для своихъ историческихъ и землеописательныхъ сочиненій.

Настоящій блескъ придала эпохѣ Августа поэзія. Стихотворный языкъ въ гордомъ своемъ размахѣ, великолѣпіи и благозвучіи былъ такъ же доведенъ до совершенства Виргиліемъ, какъ ораторская проза Цицерономъ; та легкость, тотъ изящный тонъ общественной бесѣды, которымъ удивляемся мы въ письмахъ послѣдняго, не менѣе обнаружились и въ удобномъ, повидимому столь небрежномъ, и однакожь такъ правильно размѣренномъ, складѣ Гораціева и Овидіева гексаметра, тогда какъ Виргилій употребленіемъ хоріямбическихъ и анапестическихъ словъ придавалъ своему стиху, съ самаго начала и до любимой имъ мужской цезуры въ четвертой стопѣ, восходящее теченіе, ниспадавшее только уже послѣ: гексаметръ его въ этомъ отношеніи подобенъ коню, котораго всадникъ вмѣстѣ и пришпориваетъ и тутъ же подбираетъ; гомеровскій же—это конь на полной волѣ, движущій своими гибкими членами какъ ему слюбится. Новому формальному направленію, болѣе податливому къ индивидуальной жизни, приходилось еще однако бороться съ общенароднымъ вкусомъ, который цѣнилъ въ прежнихъ стихотворцахъ величіе завѣтной старины и предпочиталъ ядреную ихъ силу и самородную свѣжесть царедворскому лоску и прикрасамъ учености. Но надо сказать правду, молодые художественные поэты были обязаны окончательнымъ своимъ торжествомъ не одной только благосклонности императора, Мецената и Азинія Полліона; они заслужили его своимъ талантомъ, своимъ умѣньемъ цѣнить достоинство равномѣрной выработки и чистаго совершенства формы, и тѣмъ духомъ, въ какомъ они пользовались этими преимуществами.

Публій Виргилій Маронъ родился въ 70 г. до Р. Х. неподалеку отъ Мантуи. Въ Римѣ и въ Неаполѣ получилъ онъ поэтическое и философское образованіе и началъ потомъ въ тиши сельской жизни усвоивать своей родинѣ пастушескую пѣснь Ѳеокрита, когда раздача земель воинамъ, побѣдившимъ при Филиппахъ, выгнала его изъ отчины. Но именно это и свело его съ Азиніемъ Полліономъ, съ Октавіаномъ, и хотя онъ послѣ этого еще разъ долженъ былъ уступить силѣ, однако его собственность была ему вторично возвращена, и самъ онъ вошелъ въ пріятельскій кружокъ Мецената. Тѣмъ не менѣе онъ охотно удалялся съ своей Музою изъ Рима въ Тарентъ или въ Неаполь и думалъ завершить свой эпосъ въ путешествіи по Греціи, какъ вдругъ постигла его преждевременная смерть (въ 19 г. до Р. Х.). Это былъ незлобиво-благородный человѣкъ съ дѣвственно-чистой душою, такъ что ему особенно удавалось изображеніе сердечныхъ чувствъ, и онъ охотно убѣ-

галъ отъ смутъ своего времени въ идеализированный бытъ природы, что̀ и сообщило его поэзіи тотъ оттѣнокъ сантиментальности, благодаря которому онъ такъ нравился одной изъ слѣдующихъ эпохъ міра. Въ творческой силѣ изобрѣтенья и въ свѣжей наглядности изложенія онъ конечно уступаетъ тѣмъ великимъ поэтамъ, къ числу которыхъ отнесъ его однакожь приговоръ вѣковъ за художественность его языка и композиціи. Къ сожалѣнію искусственная поэзія его вовсе не завершеніе народнаго пѣснопѣнья, не идеализиція непосредственной живой дѣйствительности; оттого и ищетъ онъ прекраснаго въ необычайномъ и наверстываетъ чистую поэзію риторствомъ; оттого прямое, настоящее выраженіе дѣла замѣняется у него изукрашенными перифразами и метафорами; такъ, напримѣръ, вмѣсто воды онъ пьетъ бьющую ключемъ влагу, вмѣсто хлѣба вкушаетъ даръ Цереры, смотритъ въ воздушныя высоты и дышетъ небомъ, или покоится подъ каменной тѣнью, и извлекаетъ изъ жилъ кремня сѣмя дремлющихъ искръ. Онъ не изобрѣтателенъ на сравненія и заимствуетъ ихъ по большой части у Грековъ; но рисунокъ и колоритъ у него силенъ и блестящъ, такъ что они сверкаютъ какъ дорогіе камни на роскошно-драпированномъ одѣяніи, въ которое полнозвучный его стихъ облекаетъ фигуры. Кто знаетъ разницу между выросшимъ органически и рукодѣльнымъ, тотъ не поколеблется въ выборѣ между Гомеромъ и Виргиліемъ, и едва сможетъ постичь странное мнѣніе Іоанна Мюллера, будто величайшею заслугой Гомера была подготовка Виргилія; но онъ охотно согласится съ тѣмъ, что и рукодѣльное вышло у послѣдняго превосходно, что поэтъ создалъ много истинно-прекраснаго благодаря своему соображенію, образованью и труду.

Десять Виргиліевыхъ идиллій, не смотря на всѣ подражанія свои въ частностяхъ, далеко отходятъ отъ наивныхъ картинъ жизни, рисуемыхъ Ѳеокритомъ; ими начинается та сантиментальная пастушеская поэзія, которая дѣлаетъ пастушій бытъ только оболочкою для чувствъ самого поэта и для отношеній высшаго общества; такъ въ Дафнидѣ аллегоризованъ у него Цезарь, а въ Титирѣ Виргилій изображаетъ свое собственное положеніе. Замѣчательнѣе другихъ вышла четвертая эклога, гдѣ поэтъ въ высокопарныхъ стихахъ воспѣваетъ царство мира, которое по предсказаніямъ сивиллинскихъ пѣсенъ должно наступить теперь въ качествѣ новой эпохи человѣчества; возвращается опять на землю Астрея, дѣвственная богиня справедливости, и съ нею Золотой Вѣкъ, съ небесныхъ высотъ нисходитъ новое рожденіе. Полліонова новорожденнаго сына привѣтствуетъ Виргилій какъ это любимое дѣтище небеснаго отца, ставшее причастнымъ божественной жизни и предназначенное властвовать надъ свѣтомъ, какъ князь мира; терніе принесетъ теперь виноградныя гроздья, змѣя утратитъ свой пагубный ядъ, домашній скотъ будетъ безбоязненно пастись рядомъ со львами. Здѣсь поразительно сходство съ мессіанскими надеждами и съ ветхозавѣтными картинами пророковъ; чаяніе новаго времени исполнилось, поэтъ былъ провидцемъ: только не сынъ Полліона, а Сынъ Маріи утолилъ духовную жажду человѣчества.

Земледѣліе было основой римскаго величія и римскихъ нравовъ; самъ Виргилій былъ однимъ изъ представителей той здоровой народной силы, которая все еще приливала въ столицу изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ селъ; и

потому не льзя не назвать удачнымъ его выборъ, когда онъ взялся за обработку предмета, столько же національнаго, какъ и сочувственнаго ему лично, и сталъ сочинять Георгики, поэму въ четырехъ пѣсняхъ о сельскомъ хозяйствѣ. Многолѣтній прилежный трудъ потраченъ имъ на эту поэму, которая просто удивительна по блеску и благозвучію языка. Любовь къ дѣлу и истинно-человѣчныя чувства согрѣваютъ и оживляютъ это произведеніе; собственные опыты и взгляды присоединяетъ онъ здѣсь къ тому, что̀ предлагали ему въ этомъ родѣ книги Александрійцевъ, и не мудрено что онъ превзошелъ такіе образцы. Если и приходится пожалѣть о томъ, что онъ съ самаго начала даетъ слишкомъ много правилъ и описаній, вмѣсто того чтобъ представить намъ селянина въ его измѣняющейся по временамъ года дѣятельности, то все же очаровательныя красы природы и счастіе мирной жизни въ союзѣ съ нею изображены съ большимъ чувствомъ и съ граціей; миоическіе образы являются здѣсь не въ видѣ изысканнаго украшенія, а какъ цвѣтъ изъ молодыхъ стеблей сами нарождаются изъ предмета. Поэтъ заговоритъ о разведеніи скота и лошадей и, потомъ увлекшись, начинаетъ воспѣвать бои быковъ и ристанія коней на поприщѣ; веселье виноградпаго сбора вдохновляетъ его тамъ, гдѣ онъ говоритъ о винодѣліи; Италія, мать обильныхъ посѣвовъ, для него вмѣстѣ и великая мать истинныхъ мужей, а превознося хвалами свою родину онъ упоминаетъ не только о плодоносіи ея нивъ, но и о красотѣ смѣло восходящихъ горныхъ высей съ синими озерами посреди нихъ. Глубокодумно погружается онъ въ затаенную жизнь и дѣятельность пчелъ, онъ чуетъ въ ней владычество всеприсущей души міра.

Божествомъ проникнуты насквозь:

Всѣ земли и моря, и само глубокое небо;
Изъ него почерпаютъ при рожденіи тончайшіе зачатки жизни
Полевые и лѣсные звѣри, люди и всѣ породы животныхъ,
И въ него же потомъ опять разрѣшаются.
Тутъ нѣтъ мѣста для смерти: все живое снова
Воспаряетъ къ свѣтиламъ, подъ высокій сводъ небесъ.

Съ тѣхъ поръ поэтъ не переставалъ стремиться къ высшей своей цѣли,— къ тому чтобы создать своему народу національный эпосъ. Но для этого недоставало первоначальной богатырской былины, которая сохранилась бы въ пѣсни народной, а то, что какъ будто бы намекаетъ на нѣчто подобное, выведено уже послѣ изъ нравовъ и богослужебныхъ обрядовъ старины. Тутъ кстати подошло преданіе о связи Рима съ Троей посредствомъ Энея, и такъ-какъ Юліи, Цезарь и Августъ, производили родъ свой отъ Энеева сына Іула, выставляя себя такимъ образомъ законными державцами по праву наслѣдія, то Виргилій и рѣшился съ этой современной точки зрѣнія воспѣть начатки Рима и его исторіи, съ тѣмъ чтобы отразить настоящее въ минувшемъ и возвысить, просвѣтлить одно другимъ. Такъ явился онъ первымъ великимъ мастеромъ искусственнаго эпоса и, въ этомъ качествѣ, — образцомъ для множества послѣдователей. Онъ стоитъ не на почвѣ живого преданія, онъ не играетъ роли благозвучныхъ устъ для передачи того, что̀ перечувствовалъ и пересозерцалъ съ нимъ весь народъ, онъ не геній, организаторски распоряжающійся богатымъ матерьяломъ законченныхъ уже событій

и характеровъ; напротивъ, и матерьялъ, и средства передачи ему пришлось напередъ добыть себѣ изученіемъ, и какъ ни искусно онъ владѣетъ ими, тѣмъ не менѣе бросается въ глаза, что онъ привноситъ всегда готовую уже форму къ содержанію и только наполняетъ ее послѣднимъ, а не то чтобы форма органически выростала изъ содержанія; да притомъ его собственное образованіе такъ далекò отъ нравовъ и настроеній, которыя приходится ему изображать, что не можетъ не выходить явнаго разлада между нимъ и его предметомъ. Мы готовы согласиться съ Бернгарди, что въ поэмѣ есть своего рода особенная прелесть благодаря именно тому, что эпикъ переноситъ читателя въ какое-то сумеречное освѣщеніе и, стоя среди утонченнаго, политически устроеннаго общественнаго быта, не позабываемаго ни на одинъ мигъ, создаетъ цѣлый миѳическій міръ въ пустыхъ пространствахъ фантазіи, — міръ роскошно слагающійся изъ своеземныхъ и греческихъ стихій и управляемый силами чудеснаго; но для всякаго гомеролюбца эллинскій поэтъ все-таки останется и выше и вѣрнѣй природѣ, и порицательный отзывъ Гегеля навсегда пребудетъ справедливъ: «Весь эпосъ у Виргилія озаренъ обык«новеннымъ деннымъ свѣтомъ, и древнее преданіе, былина, всѣ волшебства «поэзіи входятъ у него съ прозаическою ясностью въ рамку сообразительнаго «разсудка; въ Энеидѣ мы видимъ тотъ же самый пріемъ, что и въ Ливіевой «римской исторіи, гдѣ древніе цари и консулы говорятъ точно такими же «рѣчами, какія во времена историка записной ораторъ произносилъ на рим«ской площади или пожалуй даже въ школѣ риторовъ». Если, не обладая творчествомъ миѳородной фантазіи, ни соотвѣтственною ей простодушною вѣрой, Виргилій все-таки допускаетъ въ свою поэму міръ гомеровскихъ боговъ, то вѣдь онъ и выходитъ у него одною лишь наружной прикрасой чудеснаго или аллегорическою механикой, а оттого и люди превращаются въ механическія куклы, которыя ведутся судьбой извнѣ, вмѣсто того чтобъ изнутри самимъ располагать собою. И однакожь поэтъ очень хорошо знаетъ, что каждый уготовляетъ себѣ счастье или напасть своими собственными дѣлами, и что судьба идетъ этимъ исключительно путемъ, что Зевсъ — единый для всѣхъ владыка! Именно Эней и теряетъ всѣхъ болѣе въ своемъ человѣческомъ значеніи отъ того, что все дѣлаетъ по приговору боговъ и по ихъ велѣнію. Виргилію надлежало бы выводить событія изъ характера героя, раскрыть передъ нами его душевныя борьбы, его намѣренья, и этимъ овипословить то, чтó происходитъ. Право, не даромъ тѣнь Дидоны отвертывается съ безмолвнымъ презрѣніемъ, когда повстрѣчавшись съ ней въ преисподней, Эней клянется отверженной, что покинулъ ее только по волѣ боговъ и совсѣмъ не думалъ своимъ отбытіемъ причинить ей столько тяжкой печали.

У Гомера излилась въ поэмѣ вся душа, а личность его между тѣмъ совершенно скрылась за произведеніемъ, которое оттого именно такъ и объективно, оттого такъ и развертывается передъ нами будто живое естественное созданіе; искусственный поэтъ Виргилій всегда напротивъ остается на первомъ планѣ своей повѣсти: онъ весь въ настоящемъ, и только для него вызываетъ на сцену прошлое, не переносясь самъ въ ту эпоху, которую поетъ; онъ озираетъ всю исторію своего народа и отражаетъ ее въ своемъ произведеніи, и такъ-какъ при этомъ онъ полонъ патріотизма, то ему и удается поэма, въ самомъ дѣлѣ національная. Онъ говоритъ о зачаткахъ,

постоянно въ видахъ будущаго развитія, на которое и намекаетъ, то въ предсказаніяхъ и въ изреченіяхъ боговъ, то въ чудесныхъ видѣніяхъ. И поэтъ, и его созданіе, проникнуты чисто-римскимъ духомъ: онъ поетъ вѣдь оружіе и того мужа, который будучи вмѣстѣ благочестивъ и отваженъ, принимается за такое многотрудное дѣло, какъ основаніе римской державы. Эней, пришелецъ изчужи, несущій съ собой міръ греческихъ былинъ, къ которому онъ самъ принадлежалъ первоначально, является представителемъ Эллинства и его образованія, и, подобно ему, встрѣчаетъ въ Италіи — гдѣ благосклонный пріемъ, а гдѣ и явное сопротивленіе; но такова ужь воля исторіи, чтобы римская міровая культура возникла изъ соединенія искусства и науки Грековъ съ завѣтною туземной стариной, при чемъ остались бы однако сохранны и имя и языкъ Латинянъ. На этомъ вѣдь мирится и Юнона, когда говоритъ Юпитеру:

Дозволь просить тебя за Лаціумъ, за достоинство твоихъ же присныхъ:
Не дай туземному племени Латинянъ измѣнить свое имя,
Не дай имъ обратиться въ Троянъ и назваться Тевкрами,
Или отступиться отъ языка и одежды народной.
Да живутъ, цѣлые вѣка, въ полной силѣ италійской доблести,
И Лаціумъ, и царскій родъ Альбы, и славная римская отрасль.

А Зевсъ объявляетъ въ свою очередь, что чужаки должны сдѣлаться Латинами, принять ихъ законы и нравы. — Мало того что вся поэма отзывается постоянными намеками на Цезаря и Августа, какъ Энеевыхъ потомковъ; Виргилій указываетъ даже на настоящую середину римской исторіи, на борьбу съ Карѳагеномъ, во встрѣчѣ Энея съ Дидоною и потомъ въ разлукѣ его съ нею, и Римлянину невольно вспоминался Ганнибалъ при восклицаніи умирающей царицы:

Вы же, Тирійцы, преслѣдуйте родъ и племя Энея вѣчной враждою!
Посвятите эту ненависть моему праху вмѣсто всякихъ приношеній!
Да не будетъ никогда дружбы и союза между двумя народами!
Да возникнетъ изъ тлѣна костей моихъ безпощадный мститель,
Чтобы истреблять огнемъ и мечомъ дарданскихъ выходцевъ
Теперь и во вѣки вѣчные, пока достанетъ на то силъ!
Молю, да сразятся въ борьбѣ берегъ съ берегомъ, волна съ волной,
И войско противъ войска; да борются между собой они сами и позднѣйшіе ихъ потомки!

Эней сходитъ въ преисподнюю къ отцу Анхизу, и тотъ показываетъ ему души великихъ людей, которые родятся нѣкогда Римлянами, даже душу раноумершаго благороднаго Марцелла, котораго дядя его, Августъ, назначалъ себѣ въ наслѣдники; Анхизъ приглашаетъ къ его погребенію, недавно пережитому тогда поэтомъ:

Несите ему лилій
Цѣлыми пригоршнями! Я самъ усѣю путь ему пурпурными цвѣтами,
Чтобы хоть сколько-нибудь порадовать душу правнука
И исполнить родственный долгъ къ нему хотя и ничтожнымъ приношеніемъ!

На щитѣ, который Вулканъ куетъ для Энея, представлены подвиги Римлянъ изъ эпохи царей и республики и все обрамлены по краямъ изображе-

ніемъ битвы при Акціумѣ. Такъ Виргилій умѣетъ возбудить сердечное участіе современнаго ему поколѣнія, озаряя свѣтомъ настоящаго незапамятную старину. Но онъ не только что проводитъ своей поэмою соединяющія нити между ними, онъ и самъ выдвигаетъ впередъ свою субъективность, постоянно выражая свое личное удивленіе или свой ужасъ передъ тѣмъ что описываетъ; размышленій своихъ не влагаетъ онъ въ уста ни дѣйствующимъ лицамъ, ни зрителямъ, а прямо восклицаетъ самъ:

О сердце человѣческое, ты не вѣдаешь ни судьбы, ни будущности,
Ты неосмотрительно, не знаешь ни въ чемъ мѣры, и при этомъ такъ строптиво въ дни счастія!

Съ этимъ въ тѣсной связи то, что о чемъ бы онъ ни говорилъ, онъ все старается преувеличить до крайности, охотно называетъ и людей и дѣла ихъ гигантскими, и такимъ образомъ приходитъ къ той искусственной возвышенности, отъ которой до смѣшного одинъ шагъ; она, какъ извѣстно, и напросилась на пародію. Настроеніе у него патетическое какъ у Тасса, далекое отъ той ироніи, съ какою напримѣръ Аріостъ въ такую же созрѣвшую эпоху обращается со сказаніемъ, — лишенное на бѣду и той жизнерадной веселости, съ какою поэтическая фантазія играетъ даже и тяготами реальнаго бытія; римская степенность, торжественная важность Виргилія не допускаютъ вовсе шутки, не допускаютъ той кроткой улыбки на дѣла и мытарства людскія, какая играетъ на устахъ Гомера или Гёте.

Виргилій хочетъ соединить въ Энеидѣ двойной образецъ Иліады и Одиссеи, въ первой половинѣ своей поэмы дать Риму нѣчто равноцѣнное съ Иліадою, а во второй—съ Одиссеей. Такъ представляетъ онъ намъ своего героя среди бури на морѣ и приводитъ его въ Карѳагенъ, гдѣ онъ самолично, какъ Одиссей у Феаковъ, разсказываетъ свою исторію. Картина паденія и пожара Трои написана мастерски, но странствія и похожденія Энея вовсе не оригинальны, и то, что мы сами переживаемъ въ Одиссеѣ, какъ напримѣръ ослѣпленіе Полифема, обаятельныя пѣсни Сиренъ и плаваніе между водоворотомъ Харибды и грознымъ утесомъ Скиллы, разсказывается здѣсь только по наслышкѣ, изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Зато романтическій элементъ, котораго зачатки видѣли мы у Аполлонія Родосскаго, здѣсь развернулся уже въ полномъ цвѣтѣ: злосчастная любовь Дидоны и добровольная смерть ея обнаруживаютъ намъ въ поэмѣ живописца душевныхъ чувствъ, хорошо знакомаго съ сердцемъ женщины. Путь въ преисподнюю ведетъ Энея въ самыя ея нѣдра, тогда какъ къ Одиссею тѣни только выносились изъ глубины. Эней ломаетъ въ рощѣ при Авернскомъ озерѣ золотую вѣтвь, передъ которой отворились ворота Орка. Входъ окруженъ миѳическими чудовищами, — Горгонами и Гарпіями, — а также и аллегорическими фигурами Заботы, Голода, Раздора, Сна и Смерти. Харонъ перевозитъ его черезъ Ахеронъ, и Эней достигаетъ сначала общаго притвора, гдѣ помѣщены души дѣтей и павшихъ на войнѣ, а въ миртовомъ лѣску—жертвы несчастной любви, каждая съ кинжаломъ въ сердцѣ. За тѣмъ расходятся пути въ Тартаръ и въ Элизіумъ. Блаженные живутъ у Плутона и Прозерпины, а далѣе въ глубинѣ стоитъ, охваченная огненнымъ потокомъ Флеге-

тона, твердыня адскаго судьи; оттуда прямой спускъ въ бездну, гдѣ казнятся злодѣи, тогда какъ блаженные, подъ лучезарнымъ небомъ вѣчной весны, услаждаются счастливымъ покоемъ или отрадами духовной дѣятельности. Картина эта пріобрѣла важность для послѣдующаго времени, и особенно для Данта; Виргилій совмѣстилъ въ ней чаянія своей собственной души съ образами и воззрѣніями цѣлой древности.

Вступая на почву Лаціума, мы должны отказаться отъ прелести и богатства греческихъ миѳовъ. Поэтъ нашелъ здѣсь только скудный запасъ туземныхъ сказаній; но зато онъ изучилъ отечественныя древности, и добытыя имъ воззрѣнія на природу, обычаи и нравы съумѣлъ такъ мастерски втростить въ свое поэтическое созданіе, что Нибуръ охотно отдавалъ ему въ этомъ именно полную справедливость. У него нѣтъ характеровъ, отвержденныхъ преданіемъ и голосомъ народной пѣсни, нѣтъ событій, выработавшихся до идеальнаго значенія; но къ немногому, что нашлось здѣсь налицо, поэтъ привнесъ свой великій даръ организаціи, свою замѣчательную урядливость, и съумѣлъ выполнить подробности изложенія по образцу Иліады. Царь Латинъ благоволитъ къ пришельцу и готовъ бы выдать за него дочь свою, Лавинію; но царица уже просватала ее за рутульскаго князя Турна, и потому мало того что послѣдній стоитъ всѣми силами противъ чужеродныхъ вторженцевъ, въ поэму входитъ здѣсь вторично мотивъ любви, хотя и не развертываясь такъ широко какъ въ первой половинѣ. Эней обращается за помощью къ Эвандру, водворившемуся тамъ, гдѣ современемъ возникнетъ Римъ, и въ то самое время какъ Эвандръ даетъ ему сына своего, Палланта, съ дружиною, въ станъ Троянцевъ грозно вторгается Турнъ. Двое юношей, Низъ и Эвріалъ, которыхъ душевное благородство и тѣсная дружба высказались еще прежде по случаю боевыхъ игръ, отправляются передать вѣсть объ этомъ Энею; смерть ихъ составляетъ трогательный эпизодъ, въ которомъ вдумчивая сердечность Виргилія обнаруживается опять въ полномъ блескѣ. Новый романтическій элементъ предстаетъ намъ въ полуамазонкѣ Камиллѣ и геройской ея гибели. Молодой Паллантъ падаетъ отъ руки Турна, послѣ того какъ отецъ боговъ утѣшилъ заранѣе плакавшаго по немъ Геркулеса словами:

> Каждому назначенъ его день; срокъ жизни для всѣхъ кратокъ и невозвратенъ;
> Но доблести дана мощь увѣковѣчивать славу подвигами.

Вслѣдствіе этого Энею приходится отомстить за друга, какъ за Патрокла отомстилъ Ахиллъ, и миръ не можетъ наступить до тѣхъ поръ пока не состоится единоборство у Энея съ Турномъ. Этотъ предвидитъ судьбу свою, но лучше готовъ умереть, чѣмъ постыднымъ бѣгствомъ выдать городъ иноземцу.

> Развѣ такъ страшно умереть? Сжальтесь надо мной хоть вы, о Маны,
> Если ужъ отвратилась отъ меня воля боговъ небесныхъ!
> Да сойду къ вамъ съ чистой, неповинною душой,
> Не недостойнымъ великихъ своихъ предковъ!

Побѣдой Энея надъ Турномъ оканчивается поэма; въ ней довольно указаній на то, что Эней женится теперь на Лавиніи и будетъ жить въ мирѣ

съ Латинами, и конечно такой народный эпосъ, какъ Иліада, почерпавшій прямо изъ потока всѣмъ знакомыхъ былинъ, могъ завершиться погребеніемъ Гектора; но искусственный поэтъ, который напередъ знакомитъ еще своихъ читаталей съ излагаемымъ предметомъ, обязанъ все рѣшительно свести къ концу: вѣдь даже и въ Одиссеѣ, послѣ казни надъ женихами, присовокуплено заключеніе мира съ народомъ (какъ подробность, не входившая въ кругъ общеизвѣстнаго). Виргилій оставилъ Энеиду неоконченной; намъ нѣтъ нужды ссылаться при этомъ на то, что 58 гексаметровъ у него не додѣланы или, какъ показалъ Герцбергъ, что въ поэмѣ есть нѣсколько пропусковъ и кое-гдѣ замѣтны временныя подпоры, очевидно предназначенныя къ сломкѣ по завершеніи цѣлаго; — мы прямо можемъ предположить, что еще нѣсколько пѣсенъ должны были привести къ наглядному и гармоническому концу, хотя послѣдній настолько уже предуказанъ и подготовленъ, что Энеида и въ настоящемъ своемъ видѣ не производитъ отрывочнаго впечатлѣнія.

Виргилій не только имѣлъ рѣшительное вліяніе на свое время и на позднѣйшихъ поэтовъ; сочиненія его сдѣлались вскорѣ учебной книгою, руководствомъ для юношескаго образованія въ цѣлой имперіи; уже въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. начали подбирать изъ его стиховъ и полустишій цѣлыя піэсы, «Центоны». Самъ блаженный Августинъ не стыдился слезъ, пролитыхъ имъ надъ Дидоною, а нравственная чистота Виргиліевой поэзіи обезпечила ей мѣсто и въ преподаваніи христіанской эпохи, которая принимала четвертую его эклогу за предвозвѣстіе Мессіи и ставила языческихъ сивиллъ на ряду съ пророками Евреевъ; въ одномъ средневѣковомъ гимнѣ Павлу, апостолу язычниковъ, говорится:

Приведенный къ мавзолею Марона,
Онъ оросилъ его горючею слезой
И сказалъ: что сдѣлалъ бы я изъ тебя,
Застань я тебя въ живыхъ,
О, величайшій изъ поэтовъ! *)

Признаніе Виргилія предвозвѣстникомъ Мессіи, говоритъ Теодоръ Крейценахъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ объ исторіи поэта въ средневѣковую эпоху, повело вначалѣ этого періода къ примиренію съ классическими занятіями, а подконецъ его оно служило символической прикрасою для готоваго уже новаго міросозерцанія. При Каролингахъ и еще больше при Оттонахъ пользовался онъ чистымъ, радушнымъ уваженіемъ и служилъ образцомъ стиля и манеры для изложенія на латинскомъ языкѣ сюжетовъ изъ туземныхъ былинъ, чему доказательствомъ служитъ Вальтгарій.**) Полная ума и силы средневѣковая лирика также часто отзывается Виргиліемъ. Дворская поэзія эпохи крестовыхъ походовъ, нашла въ Энеидѣ основу рыцарскаго эпо-

---

*) Ad Maronis mausoleum
Ductus fudit super eum
Piae rorem lacrimae:
Quem te, inquit, redidissem,
Si te vivum invenissem,
Poetarum maxime!

**) Или Вальтеръ Аквитанскій, эпическая пѣснь первой половины 10-го вѣка.

са, воинскія приключенія, дальнія странствованія, любовныя повѣсти; за такіе романическіе элементы ухватились Бенуá во Франціи и вслѣдъ за нимъ Генрихъ фонъ-Вельдеке въ Германіи; великая политическая цѣль героя совершенно уже исчезла и́зъ виду, а сердечныя дѣла подробно живописались въ духѣ миннезенгерства, и эти своего рода Энеиды давали теперь тонъ. По значеніе Виргилія возросло еще больше, когда на него взглянули какъ на пѣвца римской міровой державы (четвертой монархіи по Даніилову видѣнію), которой продолженіе видѣли въ христіанско-германской имперіи, полагая притомъ, что ей принадлежитъ свѣтскій мечъ, тогда какъ мечъ духовный подобаетъ Папѣ; въ этомъ смыслѣ Дантъ ввѣрилъ себя Виргиліеву водительству среди хаоса земныхъ мытарствъ въ предѣлахъ ада и у Горы очищенія, и не только назвалъ его наставникомъ своимъ въ пѣніи, но и вообще сдѣлалъ представителемъ человѣческой мудрости, разума въ свѣтской жизни; тогда такъ милая ему Беатриче, душа въ религіозномъ своемъ просвѣтленіи, отворяетъ въ Божественной Комедіи двери неба и посвящаетъ въ духовныя таинства блаженной жизни, истинъ христіанскаго ученія. Мало того,—стихотвореніями Виргилія пользовались на ряду съ библіей для того, чтобы, развернувъ ихъ, первый случайно попавшій на глаза стихъ принять за оракулъ. Вѣщій поэтъ обернулся въ устахъ народныхъ волшебникомъ; изъ Неаполя, гдѣ онъ погребенъ близъ Позилиппо, шло про него сказаніе какъ про богатыря, совершающаго дивы дивныя сколько для блага города, столько и для спасенія римской державы; наравнѣ съ Аристотелемъ долженъ онъ служить свидѣтельствомъ тому, что ни какая мудрость не оградитъ человѣка отъ одураченія женщиной: онъ, видите, влюбился въ императорскую дочку, и та подымаетъ его къ себѣ ночью въ корзинѣ будто бы для свиданія, но оставляетъ потомъ на воздухѣ вплоть до бѣлá дня; точно также какъ прекрасная Филлида дотого смиряетъ неприступнаго философа, что тотъ становится на четвереньки и возитъ ее на собственномъ хребтѣ. Эти фантастическіе вымыслы уступили опять мѣсто высокой оцѣнкѣ поэта при обновившемся изученіи древности; ревностные чтители ставили ея на ряду съ Гомеромъ, онъ сталъ образцомъ романскаго искусственнаго эпоса для Тасса и Камоэнса; но оказалъ вліяніе и на религіозно-эпическую поэзію Германцевъ, на Мильтона и Клопштока, въ его стилѣ упражнялся молодой Шекспиръ, многія изъ его пѣсней облекъ въ новую одежду молодой Шиллеръ. Ближайшее знакомство съ эпическимъ народнымъ пѣснопѣніемъ у Грековъ, Германцевъ и Индійцевъ впервые дало намъ вѣрное мѣрило для настоящей его оцѣнки. Только Платонъ и Аристотель оставались подобно ему въ непрерывной дѣйственности на позднѣйшія поколѣнья, да и они въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ дѣйствовали только въ преданіяхъ Отцовъ Церкви или въ переводахъ; тогда какъ Виргилій постоянно сохранялъ подлинный видъ свой и, благодаря именно этому, пользовался значеніемъ въ качествѣ великаго мастера формы.

Эпикъ Виргилій слыветъ для насъ голосомъ римскаго народнаго сознанія въ Августову эпоху; лирикъ и сатирикъ Горацій Флаккъ (65 — 8 до Р. Х.) представляетъ собой такое лицо, которое, въ космополитскую пору распаденія общественной жизни и нравовъ, удаляется въ свою собственную геніальную субъективность, ни къ чему особенно не пристаетъ, и сохраняетъ, услаждаясь ею, свою независимость и взабыль, и въ шутку. Отецъ его былъ

вольноотпущенникъ изъ Венузіи, въ южной Италіи; замѣтивъ таланты сына, онъ отправился съ нимъ въ Римъ и, кромѣ школьнаго образованія, самъ старался воспитать его къ знанію свѣта и нравственности на примѣрахъ добра и зла, чести и позора, представляемыхъ наблюденіемъ житья-бытья и опытомъ. Почерпая греческую мудрость и художественность у самаго источника, въ Аѳинахъ, въ то время когда Брутъ собиралъ на Востокѣ борцовъ для республиканскаго дѣла, Горацій поступилъ офицеромъ въ его армію; но при Филиппахъ увидѣлъ всю несостоятельность своихъ юношескихъ грезъ, да лишился притомъ и своего наслѣдія, доставшагося побѣдителямъ. «Смѣлая, безунывная бѣдность» подстрекнула его дарованіе; онъ началъ поэтическое свое поприще эподами, чередуя въ нихъ по примѣру Архилоха короткій стихъ съ длиннымъ, и то вызывая добрыхъ гражданъ выселиться и поискать себѣ новаго отечества, чтобы основать новое государство, то отводя душу въ горькихъ личныхъ выходкахъ, даже съ веселымъ юморомъ влагая въ уста городскому ростовщику похвальное слово сельской жизни. Здѣсь передъ нами тотъ зародышъ, откуда потомъ вышло двойственное направленіе сатиры и лирики. Горацій явился защитникомъ новой поэтической школы, сошелся съ Виргиліемъ, а черезъ него — съ Меценатомъ, которому особенно понравились человѣчный образъ мыслей, остроуміе и любезность поэта, такъ что онъ сталъ ему просто другомъ, и Горацій не даромъ привѣтствовалъ его отъ души и въ началѣ и въ концѣ своего поэтическаго поприща. Онъ самъ видѣлъ какъ нельзя яснѣе, что если призванъ къ поэзіи, то гораздо больше благодаря своему художественному смыслу, остроумію и вкусу, нежели высшему вдохновенію и самобытному паренію души; онъ съумѣлъ ограничить себя извѣстнымъ предѣломъ и, вмѣсто того чтобъ отваживаться на сомнительныя попытки съ обширными сюжетами, удовольствовался близкой къ прозѣ, низшей областью, но за то достигъ здѣсь небывалой высоты, доведши оригинальную у Римлянъ сатиру до истинно художественнаго совершенства. Оставшись при сродномъ ей разнообразіи содержанья, при способѣ изложенія, непринужденномъ какъ импровизація или вполнѣ свободный разговоръ, онъ всегда полагалъ ей въ основу какую-нибудь опредѣленную мысль, чтобы объединить цѣлое, и достигалъ, повидимому непреднамѣренно, но между тѣмъ всегда съ хорошо обдуманнымъ планомъ, своей цѣли. Онъ не сухой правоучитель, онъ умѣетъ высказать истину смѣясь, съ ироніей надъ самимъ собой включаетъ онъ въ осмѣиваемый имъ міръ и свою собственную личность; свободно услаждаясь комизмомъ, онъ рисуетъ безобразія и дурачества своего времени, и всегда приправляетъ судъ свой не крѣпкимъ итальянскимъ уксусомъ, а тонкою аттическою солью. То начинаетъ онъ съ разсужденія, съ тѣмъ чтобы поэтически онаглядить потомъ свою мысль примѣрами, анекдотами, баснями; то разсказываетъ какую-нибудь ходячую исторію или дѣлаетъ насъ слушателями живой бесѣды, гдѣ иногда самъ трактуетъ съ знаменитымъ правоучителемъ о правахъ сатиры или съ извѣстнымъ гастрономомъ о духѣ поваренваго искусства, иногда заставляетъ Одиссея спрашивать совѣта у Тирезія, какъ бы ему воротить опять свой прежній достатокъ, и при этомъ кладетъ въ ротъ старому провидцу картину подбиранія чужихъ наслѣдствъ, иногда наконецъ объясняетъ публикѣ свои отношенія къ Меценату, выводя при этомъ въ забаву читателю навязчиваго болтуна. Самымъ веселымъ образомъ, съ остроуміемъ и юмо-

ромъ внушаетъ онъ намъ мысль, что всему есть своя мѣра, что цѣль жизни сама жизнь и что безумно терять ее изъ виду вѣчно заботясь лишь о средствахъ; что мы должны прощать другимъ мелкія бородавочки, чтобъ они не скандализовались нашими большими желваками, что здравымъ разумомъ и человѣчностью мы должны преодолѣвать въ себѣ внутреннее недовольство, для того чтобъ свѣтъ былъ для насъ хоть сколько-нибудь выносимъ, такъ какъ вещи вѣдь таковы и есть, за что мы сами ихъ принимаемъ. Какъ очаровательно рисуетъ онъ счастіе спокойнаго довольства въ противоположность тревожному и опасному всегда блеску въ образѣ деревенской и городской мышей, и какъ мило благодаритъ могущественнаго своего друга за возможность наслаждаться сельской жизнію, когда пріѣзжаетъ въ свое собинское помѣстье или когда, стремясь туда изъ Рима, восклицаетъ:

Когда увижу васъ, сельскія поля? Когда отведу я душу
Сладкимъ забвеніемъ мытарствъ многотрудной жизни,
То зарывшись въ книги древнихъ, то отдавшись надосугѣ полудремотному отдыху?

Тутъ Горацій истинно геніаленъ, тутъ бьетъ свѣжій ключъ его собственной души; напротивъ въ лирикѣ, къ которой онъ обратился послѣ сатиръ въ зрѣлые уже годы, видно по большой части только мастерство образованнаго человѣка владѣть формою: его увлекаетъ не внутреннее чувство, а больше соображеніе, что можно вѣдь стяжать новый еще вѣнокъ и здѣсь, и онъ садится за работу очевидно съ мыслію написать по греческимъ образцамъ на тотъ или другой мотивъ, въ свою очередь, латинское стихотвореніе. Коренное правило Горація—прежде всего беречь собственную свободу, ни чему не поддаваясь, ни чему слишкомъ не дивясь,—это правило прямо противоположно лирическому настроенію, сердцу, до того переполненному какимъ-нибудь однимъ чувствомъ, что предметъ его ставитъ оно рѣшительно выше всего, что оно вполнѣ ему отдается и, забывая само себя, изливаетъ свою скорбь и свое блаженство въ мелодіяхъ, дрожащихъ еще ритмомъ внутренняго движенія души, такъ-какъ послѣдняя освобождается отъ овладѣвшихъ ею чувствъ именно вѣдь только въ пѣснѣ и незримо паритъ надъ этимъ своимъ изливомъ, гармонизируя его звучныя струи. У Горація нѣтъ той наивной непосредственности, которая очаровываетъ насъ въ народной пѣснѣ и безъ которой настоящей пѣсни собственно и не существуетъ; въ этомъ смыслѣ Гёте былъ въ полномъ правѣ отрицать въ его одахъ присутствіе какой бы то ни было поэзіи. Тутъ нѣтъ даже непринужденно-смѣлаго полета мысли, и Горацій, въ противоположность Пиндару, съ лебединою его пѣснью, уподобляетъ себя пчелѣ, собирающей медъ съ многоразличныхъ цвѣтовъ и прилежно трудящейся по мелочи; а тамъ, гдѣ случится ему подняться выше, вы чувствуете, какихъ это стоило ему усилій. Не даромъ и самъ онъ такъ хвалитъ золотую средину, но надо сказать правду,—срединимъ этимъ путемъ дальше посредственности не уйдешь. Конечно, мы готовы признать тонкій расчетъ самосознательнаго искусства и ту необыкновенную словочуткость, съ какою Горацій умѣлъ усвоить себѣ легчайшіе размѣры греческихъ одъ, сближая ихъ съ достоинствомъ латинской рѣчи частымъ употребленіемъ спондеевъ; въ выраженіи онъ ядренъ, точенъ, гибокъ и ясенъ, но вмѣстѣ плавенъ и благозвученъ;

его образы подобраны и выполнены съ удивительнымъ вкусомъ, а мысли блещутъ какъ отшлифованный алмазъ. Въ любовныхъ стихотворенiяхъ рѣдко доищетесь вы у него задушевнаго источника; они больше чувственны нежели сердечны, въ нихъ скорѣе видна только игра воображенiя; отъ другихъ этого рода римскихъ стихотворенiй отличаются они тѣмъ, что никогда не впадаютъ въ пошлость, никогда не раздражаютъ вожделѣнiя: Горацiй умѣетъ владѣть собой и въ любви. Онъ охотникъ до Сократовской бесѣды за чарою вина и хвалитъ его свойство окрылять притомленную душу мужествомъ и надеждою; онъ любитъ осушить кубокъ съ единомысленными друзьями за благо отечества. На одахъ первой книги лежитъ явственно печать подражательнаго изученiя, такъ что онѣ отчасти замѣняютъ намъ утраченную эолiйскую лирику. Во второй книгѣ яснѣе выступаетъ мiросозерцанiе поэта: жить въ скромномъ довольствѣ для самого себя, оставаться хладнокровнымъ и въ свѣтлые дни и въ черные, хранить душевное спокойствiе даже и среди бури,—вотъ истинная мудрость; отъ себя никакъ вѣдь не уйдешь, злодѣйка забота взбирается на коня позади всадника и кружитъ около корабельныхъ парусовъ, ни гдѣ насъ не покидая. Предоставимъ же будущее волѣ небесъ, поспѣшимъ воспользоваться каждою отрадною минутой; смерть скоро постучится ногой въ двери, не минуя ни царскихъ чертоговъ, ни хижины нищаго. Мнѣ не нужно ни раззолоченныхъ потолковъ, ни царскаго дворца:

Достоянiе мое—честная душа
Да богатая поэтическая жила:
И вотъ, несмотря на мою бѣдность,
Глядишь, ищетъ меня иной богачъ;
Ничего больше не молю я себѣ у боговъ небесныхъ,
Ничего не вылещаю у вельможи-прiятеля,
Довольный и передовольный своимъ сабинскимъ уголкомъ.

Третья книга одъ начинается нравственно-патрiотическими пiэсами, которыя славятъ истый римскiй характеръ и ставятъ его въ образецъ настоящему; такъ-какъ нравы должны быть полнымъ осуществленiемъ законовъ, сила должна соединяться съ мудростью, строгiй чинъ и благочестiе должны царить и въ хижинахъ и въ чертогахъ. Жизнь простая — жизнь счастливая, почетно и сладостно умереть за родной край.

Правдивый и вѣрный своимъ убѣжденiямъ
Не поколеблется въ твердой душѣ своей
Ни строптивостью зломысленныхъ сограждан,
Ни грознымъ видомъ тиранна,
Ни южнымъ вѣтромъ, страшно обуревающимъ Адрiю,
Ни могучей дланью молнiевержца Зевса;
Распадись даже въ дребезги весь мiръ,
Безтрепетно встрѣтитъ онъ его развалины.
Окрыленные этой силой духа Поллуксъ и неутомимый Геркулесъ
Достигли твердыни звѣздъ небесныхъ,
Гдѣ, возлегши за трапезой между нихъ,
И Августъ смачиваетъ пурпурныя уста свои сладкимъ нектаромъ.

Поэта укоряли за это обоготворенiе императора; но вѣдь Олимпiйцы сдѣлались для него одною уже поэтической прикрасой, и онъ конечно былъ въ

правѣ величать ихъ именемъ властителя, давшаго наконецъ землѣ желанный миръ. Горацій отстаивалъ независимость свою и передъ Августомъ, устранивъ очень ловко, и не одинъ разъ, излишнія притязанія со стороны гордаго владыки. Даже и покровителю своему, Меценату, отказываетъ онъ въ просьбѣ воспѣть Августовы подвиги и за тѣмъ продолжаетъ:

По волѣ Музы, славлю я очаровательную пѣснь Ликимнія,
Славлю звѣздносвѣтлый взоръ владычицы
Славлю ея сердце, всегда готовое
Отвѣчать равною любовью на любовь!

По желанію Августа онъ сочинилъ торжественно-простую пѣснь по случаю юбилея римской державы; въ ней между-прочимъ сказано:

Прекрасный Солнобогъ, на свѣтозарной колесницѣ
Ты приносишь день и уносишь, всегда являясь другимъ
И тѣмъ же опять снова! О, да не увидишь ты вовѣки ни чего,
Чтò превзошло бы Римъ своимъ величіемъ!

Напротивъ, нѣкоторыя позднѣйшія пѣсни въ честь пасынковъ императора явно отзываются усильною работою; онѣ изданы были вмѣстѣ съ другими еще одами въ видѣ четвертой книги уже послѣ того какъ поэтъ окончательно распростился съ лирикой не безъ гордаго сознанія, что онъ воздвигъ себѣ памятникъ, который простоитъ до тѣхъ поръ пока безмолвная весталка будетъ восходить вслѣдъ за жрецомъ по ступенямъ Капитолія. Гораціева лирика—надуманная, рефлективная поэзія; мы вполнѣ согласны въ этомъ съ Тейффелемъ, но отнюдь не согласимся откинуть ее какъ соръ, какъ ненужный балластъ прошлаго; кромѣ многихъ истинно-прекрасныхъ мыслей и мѣткихъ образовъ, ее спасетъ отъ подобной участи и граціозная поэтическая бесѣда вродѣ слѣдующей:

ГОРАЦІЙ.

Пока я былъ милъ тебѣ,
Пока никто такъ крѣпко не обнималъ
Этой бѣлой молодой шейки,
Я былъ блаженнѣе самогò Персидскаго царя.

ЛИДІЯ.

Пока ты не пылалъ еще къ другимъ,
Пока Лидія не уступала въ сердцѣ твоемъ Хлоѣ,
Пока имя Лидіи было тебѣ дорого,
Я считала себя выше римской Иліи.

ГОРАЦІЙ.

Мной владѣетъ теперь Ѳракіянка Хлоя,
Мастерица пѣть и играть на киѳарѣ;
За нее готовъ я умереть,
Если судьбамъ угодно, чтобы она пережила меня.

ЛИДІЯ.

Огнемъ взаимной любви
Пожигаетъ меня сынъ Турійца Орнита, Каландъ;
Я готова умереть за него вдвойнѣ,
Если судьбамъ угодно, чтобы онъ меня пережилъ.

ГОРАЦІЙ.

Ну, а если воротится прежняя любовь
И свяжетъ разлученныхъ крѣпкимъ, желѣзнымъ игомъ?
Если будетъ забыта бѣлокурая Хлоя,
И дверь моя снова растворится для отвергнутой Лидіи?

ЛИДІЯ.

Будь онъ краше звѣзды небесной,
А ты—легче пробки
И бурливѣй своенравнаго Адрія,
Съ тобою хотѣла бъ я жить, съ тобой умереть бы я рада!

Гофманнъ-Пеэрлькампъ предлагалъ удалить изъ Гораціева текста нѣсколько странныхъ, иногда слишкомъ трезвыхъ уже строфъ; но вѣдь если поэтъ говоритъ, напримѣръ, о молодомъ орлѣ, поднимаемомъ съ гнѣзда унаслѣдованною силой и юношеской отвагою, сравниваетъ съ нимъ Друза, который далъ почувствовать всю силу римской руки Винделикамъ, и тутъ же, упомянувъ объ этомъ народѣ, замѣчаетъ какъ бы въ скобкахъ:

Откуда съ незапамятной поры
Ведется у нихъ обычай
Вооружать правую руку амазонскимъ бердышемъ,
Я въ точности еще не разслѣдовалъ, да не нужно намъ всего и знать—

то помоему едвали мыслимо чтобы переписчикъ смастерилъ такую вставку, а гораздо вѣроятнѣе, что самъ Горацій задѣлъ тутъ кстати какое-нибудь ни къ чему не приведшее современное разысканіе; въ одахъ вообще не надо совершенно позабывать сатирика, и какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, очень дозволительно предполагать ироническіе намеки. Не сюда же ли принадлежитъ и testis mearum centimanus Gyges sententiarum, то-есть свидѣтель самоосмѣянія ученой превыспренности? Мнѣ по крайней мѣрѣ пріятно было видѣть, что ученый Голландецъ С. Карстенъ также подмѣтилъ съ своей стороны, что у Горація, къ возвышеннымъ звукамъ оды, проказникъ-Сатиръ примѣшиваетъ иногда свой лукавый смѣхъ. Поэтъ говоритъ, напримѣръ, о томъ, какъ, увѣренный въ своемъ безсмертіи, онъ возносится прямо къ небесамъ аполлоновскимъ лебедемъ, и тутъ же прибавляетъ:

Вотъ ужь обростаютъ у меня голени жесткою кожей,
И сверху я превращаюсь въ бѣлую птицу,
А по плечамъ и по пальцамъ
Такъ и пробивается вездѣ легкій пушокъ.

Не ужели писатель съ такимъ вкусомъ какъ Горацій не понималъ безвкусія живописи этихъ подробностей, обращавшей высокое въ смѣшное? Это просто шутка надъ поэтической заносчивостью; и вотъ такая-то именно смѣсь забавнаго съ серьёзнымъ придаетъ своеобразный юмористическій оттѣнокъ многимъ изъ его піэсъ.

Съ этой точки зрѣнія представится намъ не скачкомъ, а шагомъ органическаго развитія, переходъ къ Посланіямъ, въ которыхъ Горацій, какъ пожилой уже человѣкъ, бесѣдуетъ съ нами задушевно и созерцательно о разныхъ вопросахъ жизни и искусства. Они отличаются отъ близко-сродственныхъ имъ сатиръ въ особенности тѣмъ, что въ послѣднихъ онъ идетъ отъ образовъ міра явленій, чтобы показать до какой степени они превратны и смѣшны въ глазахъ правды и разума,—мысль развивается здѣсь на основѣ изображенія; тогда какъ, напротивъ, въ Посланіяхъ мысль у него всегда на первомъ планѣ, поэтъ начинаетъ именно съ нея, а за тѣмъ только уже опагляживаетъ ее разсказами и примѣрами. Онъ вполнѣ созналъ самого себя, онъ собираетъ плоды своей зрѣлой думы и опыта, и тутъ же умно и непринужденно передаетъ ихъ людямъ единомыслящимъ; легкій оттѣнокъ ироніи отстраняетъ здѣсь всякую сухость, и на почвѣ игриваго остроумія, среди самой занимательной бесѣды, развивается поученіе, какъ человѣкъ долженъ внутренно очищаться отъ страстей и предразсудковъ, становиться независимымъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній, не подчиняться свѣту, а наоборотъ подчинять его себѣ, и находить въ душевномъ спокойствіи настоящее и прочное свое счастье. Напрасно ищутъ этого счастія въ дали; оно лежитъ въ довольномъ собою сердцѣ, которое, признательно пользуясь каждою удѣляемою свыше свѣтлою минутой, живетъ въ самомъ себѣ и для себя. Въ Посланіи Горацій создалъ совсѣмъ новый родъ поэзіи, гдѣ послѣдняя удачно сливается съ философіей и гдѣ общая мысль не только что выражается съ мѣткостію поговорки, но сверхъ того постоянно поддерживается личностью говорящаго. Одно довольно длинное посланіе къ Августу отстаиваетъ напримѣръ права современныхъ поэтовъ противъ панегиристовъ прежнихъ писателей и говоритъ о томъ, какъ драматическая поэзія исчезаетъ теперь въ страсти къ зрѣлищамъ: цѣлые часы тянутся по сценѣ безконечные ряды боевыхъ колесницъ и кораблей, заморскихъ животныхъ и невиданной, чудной утвари; среди драматическаго представленія вдругъ съ крикомъ требуютъ замѣны его кулачнымъ боемъ или медвѣжьею травлей, потому что этимъ услаждается толпа; даже всадники увлекаются роскошной обстановкой и рукоплещутъ актёру прежде чѣмъ успѣлъ онъ вымолвить слово, только уже при одномъ видѣ багряно-фіолетовой его мантіи! Подробно излагаетъ Горацій взгляды свои на поэзію въ Посланіи къ Пизонамъ, и этимъ отчетомъ о своей дѣятельности заканчиваетъ свой урочный трудъ. Въ сужденіяхъ его нѣтъ вовсе систематической строгости, и — что очень знаменательно для автора—они больше даютъ правилъ насчетъ сочиненія стиховъ, нежели объясненій, какъ они происходятъ. Горацій знаетъ, что вся сила его въ тонкомъ вкусѣ, въ критической разборчивости; какъ оселокъ не рѣжетъ самъ, а между тѣмъ изощряетъ желѣзо, такъ и онъ рѣшился не писать болѣе стиховъ, но наводить другихъ на истинный путь въ искусствѣ, а этотъ путь видитъ онъ въ подра-

жаніи Грекамъ и въ прилежной долголѣтней обточкѣ каждаго произведенія. Правда, онъ вѣрно замѣчаетъ одинъ разъ:

Много толковали о томъ, природою ли создается удачное стихотвореніе,
Или искусствомъ? Мнѣ кажется, ни прилежный трудъ не много значитъ безъ дарованія,
Да не больше того и грубая, невоздѣланная способность:
То и другое нуждается въ обоюдной помощи, въ дружномъ между собой содѣйствія.

Но самъ онъ говоритъ не о природѣ, а только объ искусствѣ, о томъ, чему можно научить и научиться въ поэзіи. Тутъ, какъ истый Римлянинъ, на первый планъ выдвигаетъ онъ пользу, и выражается при этомъ такъ:

Поэты имѣютъ въ виду то пользу, то удовольствіе,
Или же хотятъ высказать полезное вмѣстѣ съ пріятнымъ.
Вполнѣ достигнетъ цѣли тотъ, кто соединитъ пріятное съ полезнымъ,
Услаждая и въ же время поучая читателя.
Мало того, чтобъ стихи были прекрасны, они должны быть трогательны,
И невольно вести душу слушателя, куда захотятъ.

Тѣмъ, что̀ требуется здѣсь отъ поэзіи,—соединеніемъ трогательнаго съ прекраснымъ,—отличаются римскія Элегіи. Подражая Мимнерму, который въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ удалился отъ общественной жизни въ глубь собственной души и внутренняго ея побыта, они соперничали съ Александрійцами въ изукрашеніи себя блестками миѳологической учености, но при этомъ далеко превосходили ихъ истиннымъ чувствомъ и страстностью. То, что̀ началъ въ этомъ родѣ Катуллъ, впослѣдствіи завершено Тибулломъ, Проперціемъ и Овидіемъ.

Въ Альбіи Тибуллѣ (52—17 до Р. Х.) Горацій хвалитъ то, что боги надѣлили его красотой и любезностью, хорошимъ достаткомъ и умѣньемъ наслаждаться земными благами. Онъ рано лишился отца и выросъ подъ вліяніемъ сестры и матери; это пожалуй содѣйствовало тому, что изъ него вышелъ самый женственный латинскій стихотворецъ; его нѣжное сердце стремилось не къ оружію, а къ миру сельской жизни и къ сладкой любовной мечтательности, къ постоянному колебанію души между страдою и радостью. Поэтическая его природа постепенно высвобождается изъ путъ школьной учености, и тогда пѣснь его отражаетъ въ себѣ всѣ волненія внутренняго чувства, всѣ переходы отъ страстнаго желанія къ грусти покорнаго самоотреченья. Онъ начинаетъ всегда съ наличныхъ настроеній души, но вскорѣ тоска любви или воспоминанія прошлаго вызываютъ передъ нимъ цѣлую толпу образовъ, и онъ мастерски умѣетъ расположить ихъ, онаглядить, усилить ихъ впечатлѣніе миѳическими сценами и фигурами, а потомъ тихо воротиться опять къ изліянію задушевнаго чувства. Такъ, занемогши вдругъ на островѣ Корфу, поетъ онъ скорбь уединенія, которая живо напоминаетъ ему часъ разлуки съ милой, и онъ тужитъ по той золотой порѣ, когда люди не пускались еще за̀ море, а наслаждались благополучнымъ сожительствомъ на лонѣ общей матери природы; теперь подобная отрада ждетъ вѣрно-любящія сердца развѣ только въ поляхъ Элизіума, которымъ поэтъ тутъ же противопоставляетъ ужасы Тартара, такъ-какъ послѣдніе готовы вѣдь для тѣхъ,

кто дерзнетъ посягнуть на его милую; а она пусть не забудетъ его пока онъ воротится, и въ восторгѣ отъ предстоящаго свиданія онъ ликуетъ своей уповающей душой. — Группе принадлежитъ честь разъясненія той подробности, что тибулловскія элегіи къ Деліи и къ Немезидѣ всегда составляютъ нѣчто цѣлое и лирически развертываютъ ходъ какой-нибудь сердечной исторіи, въ первомъ случаѣ — задушевнѣе, во второмъ — страстнѣе. Тибуллъ прекрасно воспользовался дошедшими до насъ поэтическими любовными письмами пріятельницы своей, Сульпиціи, чтобы изобразить по нимъ въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, какъ любовь молодой дѣвушки одолѣваетъ преграды, разлучившія ее съ мужщиной, неравнымъ ей ни по уму, ни по общественному положенію, и какъ наконецъ, вышедши за него замужъ, она празднуетъ день рожденія своего возлюбленнаго. Поэтъ изливаетъ собственныя свои чувства къ дѣвушкамъ изъ круга тѣхъ вольныхъ пташекъ, которымъ тѣлесныя свои прелести удалось возвысить образованіемъ, остроуміемъ и художническими талантами, и которыхъ расположенія могъ искать не только богачъ съ помощью подарковъ, но и бѣднякъ съ помощью ума и стиховъ; послѣдній былъ даже въ правѣ надѣяться, что милая отдастся ему вполнѣ и до гроба. Эта потребность исключительной и прочной притомъ связи смягчаетъ и у Тибулла, и у Проперція то, что есть въ нихъ безнравственнаго; тогда какъ Овидій, этотъ Донъ Хуанъ на одихъ словахъ, совершенно лишенъ такой задушевной искренности чувства. Тѣ желаютъ, чтобы цѣпи Вулкана навѣкъ сомкнули ихъ съ возлюбленной; для нихъ только она одна и прекрасна, и Тибуллъ, напримѣръ, говоритъ о своей милой:

Ты утѣха мнѣ въ страданіи, ты свѣтильникъ мнѣ въ темнѣйшую ночь,
Ты замѣняешь мнѣ цѣлый міръ въ одиночествѣ.

Мужественнѣе, энергичнѣе мягкаго Тибулла пламенный Проперцій; но и у него чаяніе ранней смерти омрачаетъ радость свѣтлаго существованія, высшее чувственное наслажденье неразлучно у него съ скорбью и расплывается въ унылую грусть. У обоихъ образъ и мысль сами собой округляются въ двустишіе, а обширнѣйшій періодъ расчленяется въ нѣсколько двустишій; у Тибулла ритмы кротче и спокойнѣе, у Проперція они богаче противоположностями и размашистѣй; его смѣлая власть надъ языкомъ въ своей полнозвучной гармоніи напоминаетъ гордую Виргиліеву пышность; и сочиненіе и метрическая форма вполнѣ выражаютъ духъ поэта, который возбужденная страсть увлекаетъ къ противоположнымъ ощущеніямъ и представленьямъ, и который все-таки пускается потомъ въ изображеніе этой страсти, овладѣваетъ ею, слѣдя за ней по пятамъ, и самосознательно онагляживаетъ ее миѳическими образами, оказывающими ему для поэзіи задушевнаго чувства почти ту же услугу, какую объективному эпику оказываютъ заимствуемыя изъ природы сравненія. Любовь къ отечеству, величіе Рима наполняютъ его грудь; древности, богатыри родного края, столица съ ея храмами и художественными произведеніями, или могилы падшихъ при Филиппахъ и струи Рейна, обагренныя кровью убитыхъ воиновъ, — вотъ что составляетъ фонъ любовныхъ его пѣсенъ, появляясь въ разныхъ свѣтооттѣнкахъ его душевнаго настроенія. Хотя блескъ красокъ и затмеваетъ при этомъ рисунокъ,

однакоже поэтъ все-таки умѣетъ живо изобразить предметъ въ немногихъ единичныхъ чертахъ: напомню только про Скопасова мраморнаго Аполлона, «дышащаго пѣснью на безмолвной лирѣ»; поэтъ, запоздавъ къ своей Цинтіи, извиняется передъ ней тѣмъ, что былъ на освященіи новопостроеннаго храма, и вотъ мелодическіе его звуки какъ будто сами собой принимаютъ формы великолѣпнаго зданія. Не даромъ Гёте связалъ съ его именемъ свои собственныя Римскія Элегіи. Личный опытъ доказалъ Проперцію всю искусительную, растлѣвающую силу золота; онъ убѣжденъ что Римъ погибнетъ жертвой своихъ богатствъ, онъ противополагаетъ нравственному упадку въ настоящемъ воспоминаніе прошлаго величія, перехитреной и подрумяненной новизнѣ — картину чистой природы:

Смотри, какими роскошными цвѣтами одѣвается земля сама собой,
Какъ привольно разростается дикій плющъ,
Какъ красиво высится земляничное дерево по глубокимъ оврагамъ,
Какъ мило бѣжитъ ручеекъ, извиваясь по неровной почвѣ,
Какъ ярко берега убираются пестрыми камешками,
Какъ простыя пѣсни птицъ слаще всякаго искуственнаго пѣнія.

Оттого онъ и повѣряетъ лѣсу, повѣряетъ одинокой скалѣ имя своей возлюбленной; онъ хотѣлъ бы отдохнуть съ ней на мхѣ росистыхъ пещеръ и забыть въ ея объятіяхъ всѣ царства міра съ ихъ великолѣпіемъ. Любовь уязвила его сердце, она же должна и исцѣлить его, какъ копье Ахиллеса; сердце это навѣки принадлежитъ одной, да будетъ же далека отъ нихъ обоихъ гнусная безпутствомъ невѣрность, да снесутъ его и въ могилу прямо изъ дому обожаемой имъ женщины.

Прекрасно умереть среди любви, но прекрасно и заживо наслаждаться любовью!
О, еслибъ только я одинъ пользовался твоею!
Пока есть еще время, станемъ же вкушать отрадный плодъ жизни!
Цалуй ты меня хоть всегда, мнѣ и то все будетъ мало.
Видишь какъ плаваютъ въ винѣ нашихъ кубковъ
Опавшіе съ вѣнковъ листья розъ;
Такъ и насъ, занесшихся теперь надеждами безконечной любви,
Можетъ наутро-же охватить лоно смерти.

Піэса «Тѣнь Корнеліи къ Пауллу» прозвана еще и въ древности царицею Элегій; на нашъ взглядъ, въ ней неясно положеніе: покойница обращается съ рѣчью то къ загробнымъ судьямъ, то къ мужу и дѣтямъ; но характеръ ея обрисованъ мастерски: гордое достоинство римской матроны, сохранившей чистоту, отъ факела свадебнаго шествія до факела, зажегшаго погребальный костеръ, и вступающей благороднымъ членомъ въ кругъ достославныхъ своихъ предковъ, тѣсно слилось здѣсь съ нѣжностію къ мужу и дѣтямъ, и поэтъ дѣйствительно изображаетъ настоящую семейную жизнь въ превосходной картинѣ.

Проперцій знаетъ, что его пѣсни останутся несокрушимымъ памятникомъ для его возлюбленной: вѣдь одна полная любви ночь дала ему отвѣдать блаженства боговъ и сдѣлала его безсмертнымъ. Нескончаемо сіяніе славы, добытой могуществомъ генія.

Я домогался великаго, и конечно похвальна такая смѣлость;
При стремленіи къ высокой цѣли, довольно уже и того—хотѣть:
Вѣдь кто недостанетъ до главы божественнаго лика, чтобы увѣнчать ее,
Кладетъ же вѣнокъ по крайней мѣрѣ хоть къ ногамъ.

Публій Овидій Назонъ (съ 43-го предъ Р. Х. до 16-го по Р. Х.) — совершенно уже питомецъ императорскаго времени; остроумный, легкомысленный, чувственный, безъ всякаго нравственнаго содержанія, сластолюбивый, неспособный владѣть собою и потому навлекшій себѣ кару отъ самовластительной руки. Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ него государственнаго человѣка; но уже въ риторской школѣ онъ началъ пописывать стихи, а вскорѣ и совсѣмъ посвятилъ себя Музамъ. Первыя стихотворенія его, «Героиды», то-есть любовныя письма героинь, Пенелопы къ Одиссею, Елены къ Парису, и т. д.,суть метрическія упражненія въ декламаціи, не больше; и даже обнародованныя молодымъ писателемъ три книги любовныхъ элегій отзываются только вообще короткимъ обращеніемъ его съ записными вольницами, представляя мало индивидуальныхъ, лично пережитыхъ положеній, при чемъ даже и миѳологическіе намеки заимствованы по большой части у другихъ элегиковъ. Но вы невольно удивляетесь въ нихъ игривой легкости производительнаго таланта, невольно увлекаетесь быстро-смѣнной чередою ритмовъ; роскошные образы обступаютъ васъ со всѣхъ сторонъ, остроты сыплются какъ искры; вы заняты пріятно, безъ малѣйшаго напряженія, но зато никогда вполнѣ и не удовлетворены; Овидій не одушевляетъ чистой красотою, онъ только даетъ пикантное, интересное, плѣнительное; онъ даже не требуетъ отъ васъ усилія совокупить нѣсколько двустишій въ одинъ періодъ, а скорѣй готовъ разорвать каждый стихъ въ коротенькія предложеньица; поэтому его слогъ назвали постояннымъ стаккато и замѣтили что стиховъ его почти нѣтъ возможности медленно читать. Онъ убѣжденъ что красота просто несовмѣстна съ цѣломудріемъ; «прекрасное неразлучно съ волокитствомъ»; и ему самому по вкусу любая дѣвушка, все равно, блондинка ли она или брюнетка, молоденькая или постарше, да зато посмѣтливѣй; онъ готовъ ухаживать за всѣми въ цѣломъ городѣ; наслажденіе брачною любовью кажется ему до того дозволеннымъ и обезпеченнымъ, что не представляетъ уже настоящихъ удовольствій. И это бездушное легкомысліе, изъ-за чувственности ни чего не знающее о любви сердцемъ, доводитъ его иногда до отвратительныхъ вещей или до ироническихъ шутокъ надъ своей собственной поэзіей. Женщина для него источникъ сладчайшей муки, но если счастливая его любовь должна внушать намъ какое-нибудь сочувствіе, то намъ слѣдуетъ забыть что у него въ виду одно лишь чувственное наслажденье. Пусть воинъ падетъ на полѣ битвъ, пусть купецъ тонетъ себѣ въ морѣ, для себя и для безпутныхъ своихъ тварищей Овидій желаетъ одного:

Да будетъ мнѣ дано, утомленному Венериной игрой,
Испустить духъ среди любовныхъ наслажденій;
А другъ, который со слезами проводитъ меня до могилы,
Пусть скажетъ на прощаніе: Вотъ смерть, приличная его жизни!

Въ «Искусствѣ любить» Овидій привелъ въ цѣлую систему обращеніе съ безпутницами; въ двухъ пѣсняхъ учитъ онъ мужчинъ, какъ пріобрѣтать ихъ

расположенье, а въ третьей пѣсни — дѣвицъ, какъ добывать и привязывать къ себѣ любовниковъ. Это—галерея поэтическихъ картинъ, которыя сами по себѣ маленькія художественныя созданія, и такъ какъ цѣль всѣхъ стремленій естественно отнесена къ самому концу, то насъ все-таки могутъ потѣшать усилія овладѣть любимымъ предметомъ, борьба съ хитростями, помѣхами и опасностями, и та веселая отвага, съ какою идетъ на все это извѣстное лицо, не щадя любезныхъ сторонъ своего характера; и чѣмъ торжественнѣе и важнѣе, при изяществѣ своихъ выглаженныхъ словооборотовъ, Овидій умѣетъ взять тонъ учителя, тѣмъ больше чувствуемъ мы (вмѣстѣ съ превосходнымъ его переводчикомъ, Герцбергомъ) тонкую иронію, которая пародируетъ тяжеловѣсную форму дидактической поэмы. Напротивъ, все безсердечіе автора выступаетъ опять нагoлò въ «Лѣкарствѣ отъ любви», которое состоитъ вовсе не въ нравственномъ самовозвышеніи надъ страстью, а въ совѣтѣ гораздо низшаго качества: человѣкъ, соскучась какою-нибудь любовной связью или замѣтивъ, что она обходится ему слишкомъ дорого, долженъ освободиться отъ нея тѣмъ, чтобъ самому огадить себѣ наслажденіе или чрезмѣрнымъ его излишествомъ, или же постояннымъ представленіемъ въ умѣ всѣхъ отрицательныхъ и положительныхъ недостатковъ любимой дѣвицы.

Въ ту пору какъ Овидій отражалъ въ своихъ стихотвореніяхъ сладострастіе и похотливость современниковъ и сдѣлался любимцемъ знатной молодёжи, онъ успѣлъ два раза жениться и дважды развестись; послѣ этого третій бракъ съ одной вдовой и наступающая старость кажется положили мало по малу предѣлъ безпутной его жизни и навели его на другіе сюжеты для стихотворчества. Онъ предпринялъ два обширнѣйшія произведенія. Одно изъ нихъ—оконченный только вполовину праздничный мѣсяцесловъ, въ которомъ, начиная съ перваго января и до послѣдняго числа іюня, онъ воспѣваетъ всѣ дни, ознаменованные религіознымъ торжествомъ или какимъ-нибудь историческимъ воспоминаніемъ, и пересказываетъ какъ священныя легенды, такъ и былины царскаго времени, приплетая къ этому, безъ знанія однакожъ дѣла, разныя астрономическія замѣчанія и обработывая миѳы о созвѣздіяхъ. Мастерство изложенія не покидаетъ его ни на шагъ и здѣсь; мы обязаны ему передачею драгоцѣнныхъ народныхъ повѣрій, и исторія Брута съ Лукреціей въ его двустишіяхъ ни чѣмъ не уступитъ риторско-прозаическому тексту ея у Ливія. Другой обширный его трудъ составляютъ Метаморфозы. Здѣсь снизалъ онъ на одну нить множество передаваемыхъ греческою миѳологіей превращеній, — боговъ въ людей, а людей въ животныхъ, деревья и цвѣты; такимъ образомъ съ свойственными ему легкостью и умѣньемъ онъ выставилъ здѣсь въ пріятной и цвѣтистой обдѣлкѣ цѣлый рядъ картинъ изъ древнихъ сказаній, начиная съ сотворенія міра и до апоѳеозы Цезаря включительно. Миѳологія стала для него просто уже игрой воображенія; съ преданіями ея обходится онъ почти какъ Аріостъ съ средневѣковыми былинами, вездѣ являясь даровитымъ поэтомъ и занимательнымъ разсказчикомъ, такимъ притомъ плавнымъ и художественнымъ, что онъ смѣло могъ ожидать отъ этого произведенія прочной себѣ славы. Смыслъ всей поэмы раскрываетъ намъ у него Пиѳагоръ, когда говоритъ о душескитаніи и

указываетъ на тотъ постоянный кругооборотъ, въ которомъ одно и то же существо облекается все въ новыя и новыя формы.

Овидій вдругъ сосланъ былъ Августомъ въ Томы, къ Черному Морю, около устьевъ Дуная. Кажется ему довелось быть свидѣтелемъ преступнаго разврата среди самой императорской семьи, и вина искушенія на грѣхъ приписана была соблазнительному сладострастію его эротическихъ стихотвореній. Послѣднія восемь лѣтъ своей жизни поэтъ изливался тамъ въ жалобахъ, которыя подъ именемъ «Скорбныхъ пѣсенъ» собралъ въ пяти книгахъ еще при Августѣ, и подъ именемъ «Посланій съ Понта» въ четырехъ книгахъ при Тиберіи. Тутъ не нужно ему было выдумывать содержанія, оно представлялось въ томъ, что́ онъ терпѣлъ; но сначала онъ поетъ не для самого себя, не для того чтобъ этимъ изліяніемъ души возвыситься надъ своей скорбью и очиститься ею внутренно: въ трудахъ его очевиденъ умыселъ вызвать состраданіе, чтобы смягчили его ссылку или прекратили ее совсѣмъ; они разсчитаны на гласность, и если при этомъ невольно трогаетъ насъ полное любви воспоминаніе о женѣ поэта, если онъ ярко описываетъ мрачную зиму сѣвера и опасность жизни среди дикихъ Сарматовъ, то все же не льзя не сказать что въ цѣломъ слишкомъ преобладаютъ здѣсь риторическія общія мѣста; онъ громоздитъ сравненіе на сравненье съ цѣлью высказать, что страданія его безчисленны какъ раковины въ морѣ, какъ цвѣты изгороди изъ дикихъ розъ, какъ маковыя зерна, какъ рыбы въ водѣ и птицы въ воздухѣ; онъ не щадитъ миѳологическихъ образовъ и сентенцій и утомляетъ монотоннымъ повтореніемъ и варьяціями на одну и ту же тему въ неистощимой болтовнѣ, не находя ни малѣйшей отрады во благахъ ума и сердца, которыми надѣлены смертные, не видя себѣ надежной опоры ни въ поэтической своей силѣ, ни въ славѣ; напротивъ, онъ всегда готовъ унизиться до подобострастнѣйшей лести передъ владыками и дѣйствительно производитъ жалкое впечатлѣніе заросшаго тиной ключа, которому самъ себя уподобляетъ. Замѣчательны посланія, въ которыхъ онъ разсказываетъ свою жизнь, старается оправдаться передъ Августомъ и оплакиваетъ свою разлуку съ Римомъ:

> Когда въ душѣ возникнетъ прискорбный образъ той ночи,
> Которою закончилась жизнь моя въ вѣчномъ городѣ,
> Когда вспомню я эту ночь разлуки со всѣмъ, что для меня такъ дорого,
> И теперь еще слеза катится у меня изъ глазъ.

Поэты того времени не разъ упоминаютъ о товарищѣ своемъ, Галлѣ, который въ элегіяхъ славилъ свою милую Ликориду, но за чаркою вина неосторожно говорилъ объ Августѣ, и предпочелъ добровольную смерть ссылкѣ. Слабѣйшія произведенія, приписываемыя Тибуллу, Виргилію, показываютъ ясно, до чего были распространены въ образованныхъ кругахъ ловкое стихотворчество и александрійская ученость, которою прикрашивались и преутончались скудныя по себѣ чувства, и какъ дѣйствительные поэты отличались полною вкуса сдержкой въ этомъ именно отношеніи.

Августъ превратилъ Римъ изъ кирпичнаго въ мраморный; имъ и, по его примѣру, вельможами и богачами сооружены были храмы, театры, бани,

тріумфальныя ворота, дворцы, и въ виду всѣхъ этихъ построекъ Витрувій написалъ свою превосходную книгу о зодчествѣ, единственный такого рода трудъ, дошедшій до насъ отъ древнихъ и рѣшительно повліявшій на эпоху Возрожденія. Полководецъ и зять Августа, Агриппа, воздвигъ великолѣпную ротонду, которая еще въ древности прозвана была Пантеономъ (Всебожницей), потому ли что напоминала собой небесный сводъ, или потому, что вокругъ Юпитера Мстителя собраны были шесть другихъ главныхъ божествъ Рима, Юлій Цезарь въ томъ числѣ. Мысль формы здѣсь такъ же проста, какъ благородно и величаво исполненіе; въ основѣ лежитъ шаровидное очертанье: круговая обводная стѣна, въ полупоперечникъ вышиною, накрыта сводчатымъ полушаріемъ, котораго верхняя часть отверзта для наружнаго свѣта. Потолокъ украшенъ постепенно съуживающимися вверхъ полями, стѣна подѣлена на два яруса, изъ которыхъ верхній расчлененъ пилястрами, а нижній коринескими колоннами и нишами для кумировъ. Все это производитъ впечатлѣніе того философскаго монотеизма, который благодаря особенно стоикамъ и въ связи съ Юпитеромъ Капитолійскимъ сдѣлался тогда религіознымъ сознаніемъ большинства образованныхъ людей, совмѣстивъ въ себѣ точно такъ же всѣхъ сплошь боговъ, какъ Римъ совокупилъ всѣ народы. По окончаніи постройки, увѣнчанная круглою аркой дверь была снабжена ведущимъ къ ней портикомъ съ коринескими колоннами, поддерживающими двускатную кровлю; прямолинейная форма портика была непосредственно примкнута къ круглому зданію; внѣшность развилась не изнутри, точно такъ же какъ греческая культура только извнѣ привзошла къ быту Римлянъ.

Въ пластикѣ пошелъ особенно въ ходъ тотъ портретный пріемъ, который, тепло и вѣрно схватывая жизнь, возводилъ ее до собственнаго ея идеала; его прежде всего примѣнили къ Августу и членамъ его семьи. Кромѣ мужскихъ статуй назовемъ и нѣсколько женскихъ, — сидячую Агриппину въ Капитоліи, и матрону съ дочерьми изъ Помпейи, у которыхъ прекрасно выражены благородное достоинство, цѣломудренная скромность, и замѣчательна мастерская обдѣлка одеждъ. Напротивъ чуть ли не геніально-сладострастный характеръ гетеры воплощенъ въ утонченномъ ликѣ Афродиты Каллипиги (Прекраснозадой); она обращена къ намъ спиной и приподняла лѣвою рукой одежду съ «пухлыхъ персиковъ» своего зада, которымъ видимо любуется ея повернутая черезъ правое плечо голова. Къ этой же порѣ принадлежатъ пожалуй разныя превосходныя фигуры Вакха и его цикла, знаменующія собой тѣ времена. Какъ благодаря Октавіану и Антонію Римъ и Александрія явились двумя противоположностями, спорившими за міродержавство, то стали пластически изображать соотвѣтственныхъ другъ другу рѣчныхъ боговъ Тибра и Нила по образцу, данному для такихъ спокойно-лежащихъ фигуръ Фидіемъ: съ головы до ногъ мягко и плавно текутъ у нихъ всѣ линіи очертанья. У ватиканскаго Нила особенно миловиденъ еще контрастъ крошечныхъ мальчугановъ, которые, знаменуя подъемъ и паденіе его водъ, карабкаются вверхъ и внизъ по громадному его тѣлу.

Рельефный стиль Римлянъ размѣщаетъ фигуры тѣснѣе эллинскаго, а также показываетъ ихъ не въ одинъ только профиль, а и съ разныхъ другихъ точекъ зрѣнія, иногда прикрывая однѣ другими и располагая ихъ больше по

живописнымъ нежели по пластическимъ началамъ. Такимъ представляется онъ и на двухъ большихъ камняхъ, въ честь Августа. На одномъ Августъ сидитъ на престолѣ рядомъ съ Ромою (богиней Рима) и принимаетъ Тиберія и Германика, сходящихъ съ тріумфальной колесницы; тогда какъ съ другой стороны оперлись на тронъ богиня изобилія и богъ моря, а земля возвышаясь надъ ними, увѣнчиваетъ императора; внизу видны воины, водружащіе побѣдный знакъ, и подлѣ нихъ—плѣнные мужчины и женщины. На другомъ рѣзномъ камнѣ внизу сѣтуютъ побѣжденные народы, всереди сидитъ на престолѣ въ видѣ Юпитера Тиберій между Друзомъ и Германикомъ, между Кліо и Полигимніей, а надъ ними обоготворенный Августъ возносится на крылатомъ конѣ къ Цезарю и Энею. Здѣсь двуслойный камень обдѣланъ такъ, что изъ сравнительно-свѣтлаго верхняго слоя, вырѣзаны фигуры, а темный нижній составляетъ фонъ. Такой фонъ дѣлали также изъ синяго стекла, покрывая его бѣлою непрозрачною поливой, изъ которой рѣзались фигуры, а въ промежуткѣ ихъ синяя подкладка совершенно обнажалась; это мы видимъ на знаменитой Портландской вазѣ. Подобнаго рода композиціи, расположенныя въ восходящихъ одинъ надъ другимъ рядахъ, напоминаютъ своимъ стилемъ Гомерову апоѳеозу Архелая Пріэнскаго, которая большимъ или меньшимъ утолщеніемъ различныхъ фигуръ явно уже стремится къ переспективному эффекту и соединяетъ пластическій элементъ съ живописнымъ.

По части стѣнной живописи древнія свидѣтельства говорятъ, что художникъ Лудій первый ввелъ архитектонически-расположенные арабески, отличавшіеся изящною игрою линій, а въ промежуткѣ ихъ движущіяся и переходящія одна въ другую формы растеній, животныхъ и людей, и потомъ въ серединѣ стѣны—сельскіе даже виды на мѣсто изображеній изъ круга былинъ, а не то такъ и на ряду съ этими изображеніями. Подобнаго рода вещи находимъ мы въ баняхъ Тита, также въ Геркуланумѣ и въ Помпеѣ, и скажемъ здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ въ заключеніе нашего обзора античной живописи. Развалины Помпеіи доказываютъ, что уже и постройки этого провинціальнаго города, среди прекраснаго отъ природы мѣстоположенья, стремились къ свѣтлой декоративной полнотѣ черезъ соединеніе позднегреческихъ формъ съ римскими. Внутреннія пространства украшались живописью съ такимъ пестрымъ, праздничнымъ блескомъ и однакожъ такъ замысловато и привольно, что изображенія не кидались назойливо въ глаза, а между тѣмъ вездѣ призывали взоръ къ наслажденію. Стѣнной цоколь обыкновенно покрытъ темною, часто даже черною краской, которая мѣстами переходитъ въ мелкіе зеленые арабески, обрамленные краснымъ очеркомъ; послѣдніе служатъ какъ бы прелюдіей къ той яркой краснотѣ, какою обыкновенно одѣта средняя стѣнная площадь, но которая замѣняется иногда голубымъ, зеленымъ или желтымъ колеромъ. Справа и слѣва часто возвышаются за тѣмъ отъ полу до потолка воздушные архитектурные рисунки, въ зеленоватыхъ и желтоватыхъ тонахъ; да и арабесковые или представляемые въ дѣйствительномъ своемъ видѣ люди и животныя носятъ не естественный имъ цвѣтъ, а дѣлаются то голубыми, то зелеными, смотря по тому грунту, къ какому они должны служить необходимымъ для глаза оптическимъ дополненіемъ. Извѣстное пространство всерединѣ стѣнной площади обрамливается цвѣтными же линіями, въ видѣ полотна подъ картину, и для него избирается такой грунтовой тонъ,

который проглядываетъ какъ въ заднемъ планѣ, такъ и въ одеждахъ, а между тѣмъ на столько же откалываетъ отъ цвѣта всей стѣны, на сколько является и ближайшимъ къ нему отливомъ: такъ напримѣръ совершенно черный цвѣтъ стѣны переходитъ тутъ въ зеленый, ярко-красный смягчается въ розовый или въ блѣдновато-желтый; обрамливающія линіи представляютъ цвѣтъ стѣны попеременно съ грунтовымъ тономъ картины, такъ что служатъ переходомъ къ послѣднему, и на него, по разъясненію Гетнера, слѣдуетъ смотрѣть какъ на проводника всѣхъ красокъ въ картинѣ, какъ на оцвѣченную среду, сквозь которую видятся глазу всѣ предметы; мѣстныя цвѣта ихъ преломляются въ этой средѣ или ужь во всякомъ случаѣ отливаютъ ею, и нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы не примыкалъ къ ней или не дѣйствовалъ на глазной нервъ дополнительно: вотъ почему зеленый съ краснымъ и желтый съ фіолетовымъ — тѣ обычныя противоположности, которыя разрѣшаются здѣсь въ гармонію. Наконецъ, самая верхняя часть стѣны — свѣтло-колерная, часто совершенно бѣлая, и живопись на ней расцвѣчена гораздо легче и свѣтлѣй.

Изъ дошедшихъ до насъ стѣнописныхъ изображеній и мозаикъ мы видимъ что у Грековъ и Римлянъ пластичность, рельефность преобладали надъ рисункомъ; линейной перспективы у нихъ мало, а воздушной не видно и совсѣмъ; тѣнь служитъ для лѣпки или моделлировки фигуръ, но всѣ онѣ освѣщены одинаково; нѣтъ такихъ частей картины, которыя откалывали бы отъ другихъ особенными свѣтовыми или тѣневыми массами, еще менѣе замѣтна игра свѣтотѣни: нигдѣ не разлито по цѣлой картинѣ своеобразнаго освѣщенія вечерней или утренней поры, нигдѣ веселая ясность или печальная пасмурность не вызываютъ соотвѣтственнаго настроенья. Зато краски постоянно подбираются по ближайшему сродству, какъ онѣ требуютъ другъ другу во взаимное дополненіе, и въ то же время всѣ сводятся на одинъ тонъ смотря по своей силѣ и свѣтовому дѣйствію; а эта полная гармонія въ свою очередь пріятно дѣйствуетъ на глазъ, слегка возбуждая его и вмѣстѣ успокоивая. Законъ стиля въ искусствѣ требуетъ прежде всего красоты, а не естественной иллюзіи *); все частное подчиняется и совнѣдряется основному тону цѣлаго произведенья, дѣйствительное измѣняется гдѣ это необходимо, смотря по гармоніи цѣлаго: цѣль и дѣло эллинской фантазіи—не поддѣлываться донельзя подъ данныя явленія внѣшняго міра, а только изящно осуществлять естественный идеалъ.

Для исторической живописи много служитъ неистощимымъ запасомъ матерьяла и въ Помпейѣ; геніальность замысла, ясность композиціи при совершенно подходящемъ ритмѣ линій, часто заставляютъ насъ предполагать здѣсь воспроизведеніе мастерскихъ созданій искусства, которыя, до изобрѣтенія гравировки и ксилографіи, этимъ именно путемъ и размножались, подобно тому, какъ до изобрѣтенія печати, стихотворенія только переписывались. Но тутъ встрѣчаются сцены и изъ домашней жизни, изображенія животныхъ, сельскихъ мѣстностей и затишій,—все это однако въ смыслѣ простыхъ видовъ, безъ притязаній на вызовъ того или другого настроенія. Осо-

*) То-есть, не обмана чувствъ строжайшимъ соблюденіемъ всѣхъ мелочныхъ подробностей природы, даже и не существенныхъ, а чисто случайныхъ.

бенно милы мальчуганы-геніи, эти живописные Эроты александрійской поэзіи: съ рѣзвой подражательной шаловливостью берутся они то за подвиги героевъ, то за обыкновенныя людскія дѣла, и подчасъ очень забавны своимъ искреннимъ юморомъ. Тутъ находимъ мы даже торговку, продающую въ клѣткѣ крылатыхъ мальчиковъ: «Купите, дескать, божковъ любви!» Поэзія водяного міра и очаровательныя формы волнъ безподобно переданы въ Нереидахъ и разныхъ морскихъ животныхъ. Порхающія плясуньи восхитительно изображаютъ полную веселья жизнь; «летучія какъ мысль и выполненныя какъ бы рукою самихъ Грацій» — такъ отзывался объ нихъ уже Винкельманъ.

Въ садахъ Мецената найдена картина, которая, по первому своему владѣльцу, прозвана была Альдобрандиніевской Свадьбою. Композиція развернута на подобіе рельефа въ трехъ разныхъ группахъ: слѣва готовится баня, справа поется уже свадебная пѣснь; всрединѣ сидитъ на брачномъ ложѣ и безъ покрывала новообрученная; старшая подруга отъ души ее уговариваетъ, а младшая хочетъ натереть ее благовоннымъ масломъ; позадь ложа на порогѣ сидитъ, нетерпѣливо ожидая, молодой. Тутъ нечего думать ни о какой миѳологической сценѣ; это картина прямо житейская, но такъ чисто и благородно, такъ искренно и нѣжно она задумана и выполнена, что ничего подобнаго ей не представляетъ вся любовная поэзія Римлянъ; только Шекспирова Юлія въ одномъ изъ своихъ монологовъ выразила словами, подходящими къ формамъ и краскамъ этой картины, поэзію брачной ночи, обусловленную чистотою и вмѣстѣ сердечнымъ влеченіемъ двухъ душъ.

ОТЪ АВГУСТА ДО АДРІАНА.

Римъ долженъ былъ испытать самовластіе прежде чѣмъ прочно водворился тамъ монархическій порядокъ. Мѣсто народа заступили въ столицѣ знатная чернь и чернь низкая; обѣ равно падкія къ наслажденіямъ, равно безнравственныя и ненадежныя; лестью и подлымъ страхомъ вызвали онѣ безумную мечту всемогущества въ своихъ владыкахъ, которые скоро стали дозволять себѣ все что приходило имъ въ голову. Пасынокъ Августа, Тиберій, сначала такой дѣльный полководецъ и администраторъ, домогаясь трона, дошелъ сперва до хитраго лицемѣрія, а потомъ, видя низкое раболѣпство Римлянъ,—до презрѣнія къ людямъ вообще; подъ старость его злодѣянія и безпутства обратились въ смертельную муку ему самому, и онъ испыталъ на себѣ весь ужасъ страшнаго союза сластолюбія съ жестокостью. А сластолюбіе и жестокость оффиціально поддерживались и развивались въ самой

массѣ народа неблагопристойными зрѣлищами и кровавыми травлями не только что звѣрей, но и людей. Постоянныя опасенія тирановъ вызывали шпіонство и предательскіе доносы, которые въ свою очередь увлекли правителей къ своекорыстному злоупотребленію власти. Зараза распространялась сверху внизъ и снизу вверхъ. Новые императоры обыкновенно заявляли намѣреніе слѣдовать правилу Цезаря, что мысль и языкъ должны быть свободны; но едва какое-нибудь самостоятельное проявленіе жизни приходилось имъ не по душѣ, какъ они съ яростью возставали противъ цѣлаго умонастроенія и старались задавить его тѣмъ, что вырѣзывали языки и сожигали книги. Ужасъ беретъ смотрѣть, какъ какой-нибудь сумасбродный Калигула или совершенно тупоумный Клавдій разъигрываютъ бога на землѣ, какъ убійца матери и жены, Неронъ, торжественно празднуетъ свои оргіи, заставляетъ рукоплескать себѣ какъ пѣвцу на сценѣ и даже при смерти тужитъ еще о томъ, какого міръ теряетъ въ немъ великаго художника; возмутительно видѣть, что сенатъ вмѣняетъ благороднымъ людямъ въ достойное казни преступленіе, если они не приносятъ жертвъ какой-нибудь развратницѣ или не молятся всенародно за благозвучіе императорскаго голоса. Съ тѣхъ поръ какъ отвратительный Сеянъ, ставшій главнымъ сыщикомъ у Тиберія для того чтобы повелѣвать имъ, расположилъ преторіанскій лагерь около Рима, солдаты прямо продавали тронъ любому изъ членовъ Августовой фамиліи. Тогда же наконецъ, когда на него вступилъ такой отличный воинъ, какъ Веспасіанъ, такой кроткій человѣколюбецъ какъ Титъ, то вошло въ обычай что правитель самъ заживо избиралъ себѣ преемника и поставлялъ такимъ образомъ во главу государства способное къ великому призванію лице, не ограничиваясь при этомъ ни урожденцами Рима, ни даже Италіи: въ числѣ подобныхъ избранниковъ особенно высоко стоялъ Испанецъ Траянъ; они, по выраженію Тацита, дали міру рѣдкостное счастіе думать что хочешь, и говорить что думаешь; они сдѣлали сенатъ государственнымъ совѣтомъ, призвавъ въ него самыхъ дѣльныхъ сановниковъ, самыхъ видныхъ гражданъ изъ всѣхъ областей, и на дѣлѣ осуществили то, о чемъ Аполлоній Тіанскій говорилъ Веспасіану: «Какъ, благодаря добродѣтели отличнаго государственнаго человѣка, народ-«ная власть сама собой переходитъ въ руки этого лучшаго изъ всѣхъ, такъ «точно и царская власть, если она во всемъ блюдетъ только общую пользу, «сама собой становится народнымъ правленіемъ». Правда, и дарованная свобода, и благоденствіе цѣлаго все-таки оставались привязаны къ единому лицу, а не были уже общенароднымъ дѣломъ. Тѣмъ не менѣе античная культура прочно укоренилась въ покоренныхъ странахъ Европы, вещественное благосостояніе поднялось въ провинціяхъ, и здѣсь, какъ впрочемъ и во многихъ мѣстностяхъ Италіи, даже въ нѣкоторыхъ римскихъ семьяхъ, были люди, державшіеся далеко отъ столичнаго разврата. Личный духъ искалъ наверстать утрату общественной жизни внутреннимъ самовозвышеніемъ въ мудрости и добродѣтели, и упорная борьба его съ судьбой была, по признанію Сенеки, зрѣлищемъ, достойнымъ боговъ небесныхъ, когда, напримѣръ, Аррія, вонзивъ кинжалъ себѣ въ сердце, подаетъ его потомъ осужденному на смерть мужу и говоритъ: Петъ, право не больно! или когда Тразеа отворяетъ себѣ жилы по приказу Нерона и Сената, и кровь свою приноситъ въ жертву Зевсу-Освободителю.

Всемірноисторическій судъ своему вѣку произнесъ Тацитъ. Онъ припоминаетъ какъ одна мать казнена была за то, что дерзнула оплакивать смерть сына, какъ кровожадный Домиціанъ услаждался муками жертвъ своей ярости, какъ свободомысленныя сочиненія не только приносили смерть писавшимъ, но навлекали свирѣпства и противъ самыхъ книгъ, какъ сожигались на форумѣ памятники достославныхъ геніевъ. «Вѣдь мечтали же, продолжаетъ «онъ, извести этимъ огнемъ голосъ римскаго народа, независимость сената, «сознаніе и совѣсть человѣчества, послѣ того какъ изгнали напередъ учи«телей мудрости, удалили отъ себя всякое истинное искусство, какъ нароч«но чтобы ни что доброе не становилось поперекъ дороги. Да, великій пока«зали мы примѣръ терпѣнія, и какъ прошлыя времена видали передъ собой «крайній предѣлъ свободы, такъ мы съ своей стороны вдоволь насмотрѣлись «рабства, когда тайные соглядатаи отняли у насъ даже возможность гово«рить и слушать другъ друга. Вмѣстѣ съ языкомъ мы утратили бы, пожа«луй, и воспоминаніе, будь столько же въ нашей власти позабыть, какъ и «молчать. Только теперь становится опять возможнымъ перевести дыханіе. «Но хотя съ самого начала благодатной этой поры Нерва успѣлъ соединить «двѣ несовмѣстныя прежде вещи, царскую власть съ свободою, и хотя Тра«янъ съ каждымъ днемъ болѣе счастливитъ насъ своимъ правленіемъ, и об«щественное благо стало уже не одной желанною надеждой, но нашло себѣ «положительное исполненіе; все же однако, по слабости человѣческаго су«щества, лѣкарства дѣйствуютъ не такъ быстро какъ болѣзни, и подобно «тому какъ тѣла медленно ростутъ и гораздо скорѣе чезнутъ, такъ не«впримѣръ легче задушить таланты и умственное движеніе, нежели оживить «ихъ вновь. Вѣдь есть пріятная сторона и въ бездѣльи, и противная, нена«вистная вначалѣ, праздность становится подконецъ люба.»

Мы можемъ къ этому прибавить, что простообычіе въ жизни какого-нибудь Веспасіана или Траяна такъ же благопріятно дѣйствовало на народъ, какъ прежде далеко разносило заразу то безстыдство, съ какимъ Неронъ открыто погрязалъ въ своихъ порокахъ; можемъ прибавить еще и то, что государство держало теперь чиновниковъ своихъ на жалованьи, вмѣсто того чтобъ давать имъ наживаться въ провинціяхъ, и что на казенный же счетъ основывались учебныя заведенія, равно какъ и учрежденія для призора бѣдныхъ, больныхъ и сиротъ; благотворительность была признана за человѣческую обязанность, и дѣлались первыя попытки организовать ее.

Въ своихъ «Лѣтописяхъ» Тацитъ изобразилъ постепенный развратъ народа и разростъ тираническаго произвола, отъ Тиберія до смерти Нерона; въ «Исторіяхъ» же разсказалъ онъ потомъ какъ изъ смутъ военнаго переворота и гражданской усобицы возвысилась монархія Веспасіана и его преемниковъ. Послѣднія написаны въ эпически-плавномъ стилѣ, а первыя съ такимъ ожесточеніемъ противъ распространившагося зла, что каждая его фраза заостряется въ кинжалъ мести, и едва сдерживаемый пылъ гнѣва просвѣчиваетъ молніями даже въ фактическомъ изложеніи. Въ благородной душѣ своей несетъ онъ идеалъ добродѣтели, свободы, человѣческаго достоинства и противопоставляетъ его съ мрачной грустью всей низости настоящаго; этотъ идеалъ былъ осуществленъ въ лучшую пору республики, и послѣ того трудно

было принудить себя къ покорности неумолимо-злой судьбѣ. Впечатлѣніе величественно, но трагически-горько; мы видимъ, какъ старый римскій духъ борется на жизнь и смерть во взаимодѣйствіи характеровъ и отношеній; самый языкъ, «въ постоянномъ колебаніи между поэтическимъ порывомъ и «свинцовымъ вѣсомъ мыслей, обиленъ диссонансами, полонъ мрачнаго, пе«чальнаго разложенья». Тацитъ стремится душой къ свѣту среди тьмы, онъ жаждетъ спасительной руки Провидѣнія, не сознавая, что спасеніе уже настало. Онъ ободряетъ себя жизнію нѣсколькихъ превосходныхъ людей въ частности, и въ этомъ именно смыслѣ пишетъ мастерскую біографію Агриколы. Въ своей «Германіи» предлагаетъ онъ растлѣнной римской цивилизаціи образецъ здороваго отъ природы народа, съ неповрежденными еще нравами; съ истинно-геніальнымъ взглядомъ подмѣчаетъ онъ у тогдашнихъ Германцевъ коренныя черты чувства личной независимости, душевной чистоты, вѣрности, уваженія къ женщинѣ; онъ отводитъ себѣ душу въ свѣжемъ этомъ воздухѣ, но тѣмъ не менѣе онъ далекъ отъ всякаго чаянія, чтобы они дали притокъ новой жизни для всего людского рода. Онъ знаетъ восточныя пророчества о томъ, «что изъ Іудеи выйдетъ міровладыка», но онъ переноситъ смыслъ ихъ на Веспасіана и Тита, говоря что Іудеи напрасно прилагаютъ себѣ такое высокое назначеніе; отъ него оставалось совершенно скрытымъ, что нравственнымъ возрожденіемъ, религіей духа и любви, воплощенными въ лицѣ Христа Іисуса, человѣчество будетъ спасено и взойдетъ на высшую ступень жизни; Іисусъ для него нечестивый мечтатель, мятежникъ, справедливо понесшій смертную казнь, и приверженцы его, за ненависть свою къ людямъ, вполнѣ заслужили преслѣдованія со стороны Нерона; чувство сожалѣнія къ нимъ является у Тацита только при мысли, что они пали жертвами не общаго блага, а жестокости отдѣльнаго лица. Какъ въ государствѣ Римлянъ призракъ республиканскихъ формъ оставался еще обокъ съ своеправнымъ самовластіемъ, такъ и въ религіи внѣшніе обряды служенія древнимъ богамъ существовали на ряду съ безвѣріемъ и кощунствомъ надъ ними; а въ то же самое время лишенная нравственной опоры, безсовѣтная толпа суевѣрно прибѣгала то къ ходившимъ по міру нищимъ жрецамъ Изиды, то къ халдейскимъ звѣздочетамъ, ища у нихъ разгадки своего жребія. Для болѣе глубокихъ умовъ стоическая философія, за то и гонимая тиранами, замѣняла религію вѣрою во всевластную мощь божества, убѣжденіемъ что истинное счастіе независимо отъ внѣшняго міра и что все заключается въ силѣ души, въ спокойствіи совѣсти и въ добродѣтели. Тацитъ былъ вынужденъ къ прискорбному сознанію, что цезаризмъ сталъ просто необходимостью для Рима. Противъ того какъ Римъ завоевалъ и разгромилъ весь тогдашній свѣтъ, онъ влагаетъ въ уста коледонскому вождю, Калгаку, слѣдующее выраженіе: «Грабежъ, убійство, уводъ плѣнныхъ—это слыветъ у васъ владычествомъ, «и обратить край въ пустыню по вашему значитъ водворить миръ». Онъ вѣритъ въ добродѣтель и свободу, которыя умирающій Брутъ назвалъ, говорятъ, пустыми призраками, но не чаетъ чтобъ онѣ когда-нибудь восторжествовали въ Римѣ; раболѣпство и порча нравовъ преградили путь всякой милости боговъ; поэтому и нѣтъ теперь спасительнаго божества, есть только карающее, какъ самъ онъ говоритъ во вступленіи къ «Исторіямъ»: «Никог«да еще такія страшныя бѣдствія римскаго народа и такія вѣрныя провозвѣ-

«стія не доказывали явнѣе того, что на душѣ у боговъ вовсе не благоденствіе наше, а одно лишь мстящее наказаніе».

Въ литературномъ смыслѣ, вѣкъ, слѣдовавшій за Августомъ, назывался серебрянымъ. Болѣе и болѣе выдвигаются впередъ риторическое, субъективное, интересное, и мѣсто простоты и естественности заступаетъ искусственность поэтической прозы и прозаической поэзіи, такъ-какъ совершенно изгладилось ясное отличіе двухъ разныхъ родовъ рѣчи. Уже Бернгарди поставилъ на видъ то обстоятельство, что гнетъ деспотизма наложилъ печать безмолвія на лучшія именно силы, или заставилъ ихъ говорить не иначе какъ съ затаенной злобою. «Всѣ понимаютъ необходимость особенной уловки лучшихъ писателей, въ ущербъ ясности, намекать немногими чертами на возможно бо́льшее, и никто не дивится тому, что съ горько-раздраженной краткостью они даютъ только угадывать затаенную свою мысль и этимъ возбуждаютъ сочувствіе читателей; скорбь подстрекаетъ ихъ къ эпиграмматической игрѣ контрастами, къ язвительнымъ, колкимъ остротамъ. Чѣмъ талантливѣй и богаче мыслями сочинитель, чѣмъ болѣе онъ расчитываетъ на догадливость чуткой публики, тѣмъ охотнѣе склоняется онъ къ многозначительному афоризму, передавая въ разныхъ его цвѣтооттѣнкахъ задушевныя свои убѣжденія». Красорѣчіе давно уже потеряло рѣшительную свою силу въ общественныхъ дѣлахъ, и гдѣ не совсѣмъ еще замолкло передъ самовластіемъ, тамъ напыщенно или мишурно изукрашало подлую лесть пустыми фразами и словами. При этомъ оно сдѣлалось еще школьнымъ упражненіемъ въ декламаціи и здѣсь занималось обработкой спорныхъ вопросовъ въ двѣ разныя стороны, составленіями разныхъ совѣтовъ и увѣщаній, при чемъ поддѣльный пылъ изложенія становился тѣмъ преувеличеннѣй, а фразы тѣмъ шумнѣе и наряднѣе, чѣмъ безсодержательнѣй было дѣло и чѣмъ менѣе было оно по душѣ; не смотря на то рукоплесканія товарищей или праздныхъ зѣвакъ со стороны удовлетворяли тщеславіе. Но стройно расчлененный и сомкнутый періодъ распался на одиночныя предложенія, которыя безъ всякой связи между собой, или слѣдовали одно за другимъ, или одно другому противополагались. Петроній говоритъ о риторахъ того времени: «Они учили играть легкими и пустыми звуками какъ гремушкой, они отняли у плоти слова живой нервъ: чтожь мудренаго что у него подкосились ноги? Въ то время какъ Софоклъ и Эврипидъ всегда умѣли пріискать подходящее къ случаю выраженіе, никто не думалъ еще упражнять молодежь въ пустой декламаціи; ни Платонъ, ни Демосоенъ также не знавали подобныхъ продѣлокъ. Истинно величавый и — позволимъ себѣ такъ выразиться — цѣломудренный слогъ не блещетъ ни пестротой, ни надутостью, онъ возвышается естественной красотою. Напыщенная и безобразная болтовня нашего времени пришла къ намъ отъ Азіатовъ, и этой модою, какъ моровымъ повѣтріемъ, заразилась вся наша молодежь». Далѣе онъ говоритъ, какъ самимъ родителямъ хочется, чтобы сыновья ихъ скорѣй принялись за дѣло, дающее почетъ и деньги, что основательное знаніе тутъ ни при чемъ, и что потому именно наставники стараются только выучить мальчиковъ искусству щекотать слухъ пустозвонными фразами, не больше. И Тацитъ съ своей стороны противопоставляетъ тогу древнихъ ораторовъ съ ея простою и величественною драпировкой пестрымъ и кокетливымъ нарядамъ ны-

ператорской эпохи; онъ возстаетъ противъ адвокатовъ, которые выходятъ кривляясь какъ актеры съ своими опрометчивыми мыслями и съ своимъ площаднымъ языкомъ, да — мало этого — еще и хвастаютъ тѣмъ, что рѣчи ихъ можно, пожалуй, пѣть и представлять въ пантомимахъ: вѣдь не даромъ говорятъ теперь про ораторовъ, что они граціозно выражаются, а про плясуновъ на сценѣ, что они краснорѣчиво танцуютъ!

Этому пустому и напыщенному словоизверженію, которое такъ вполнѣ отвѣчало оффиціальному Риму съ его раболѣпнымъ обожаніемъ вѣнчанныхъ неистовцевъ, съ лицемѣріемъ выказной свободы и религіи, именно и противустали смѣло мужественные и сильные умы, а это тѣмъ болѣе навело ихъ на рѣзкій, сжатый, часто умышленно-темный способъ выраженія; и произведенія ихъ сохранились для потомства, тогда какъ всѣмъ прочимъ пришлось удовлетвориться мимолетнымъ одобреніемъ современниковъ. Образчикомъ манеры большинства можетъ кажется служить романъ, написанный Курціемъ Руфомъ про Александра Великаго; безъ соблюденія истины и живой дѣйствительности, которыя составляютъ главную цѣль исторіи, онъ подобралъ тутъ все чудесное, преувеличенное и изукрасилъ его такими патетическими блестками, что оно читается словно низаныя вирши. Сенека стоитъ въ главѣ другаго направленія. Будучи стоическимъ философомъ, проповѣдникомъ самодовлѣющей добродѣтели, и вмѣстѣ податливымъ на все свѣтскимъ человѣкомъ, привязаннымъ къ богатству и пышности, онъ считалъ возможнымъ дѣйствовать на пользу добра, льстя пороку и угождая Нерону и матери его, Агриппинѣ; какъ воспитатель, онъ не могъ конечно измѣнить природы Нерона, но во всякомъ случаѣ даровитому юношѣ нуженъ былъ совсѣмъ другой руководитель, который внушалъ бы ему нравственное достоинство сколько ученіемъ, столько же и примѣромъ; Сенека искупилъ грѣхи свои смертію, съ благороднымъ хладнокровіемъ нанесши ее себѣ самъ по волѣ тиранна. Стало-быть, и въ образѣ его мыслей, и въ самой его жизни, противоположности такъ близко соприкасались между собой, что очень немудрено понять, почему слогъ его вращается въ контрастахъ и постоянно вдается въ эпиграмматическія антитезы, почему мысль его самодовольно облекается въ пышную риторскую одежду и однакожь такъ плотно ее натягиваетъ, что она то требуетъ съ нашей стороны усиленнаго вниманія своей загадочною темнотой, то озадачиваетъ неожиданнымъ разрѣшеніемъ трудности въ одномъ затѣйливомъ словооборотѣ. Философскія его сочиненія принадлежатъ къ области морали; его трактаты и его посланія разнятся другъ отъ друга только своимъ объемомъ: это обращенныя къ извѣстнымъ лицамъ изслѣдованія, поучительныя, увѣщательныя, или утѣшительныя, гдѣ онъ умѣетъ ловко смягчить, смотря по индивидуальностямъ и по отношеніямъ, всѣ рѣзкости того или другого школьнаго начала. Одинъ изъ просящихъ у него совѣта знаменательно сравниваетъ свое положеніе съ морской болѣзнью: тяжкое чувство, слѣдующее за пресыщеніемъ и крайней возбужденностью среди всякаго рода удовольствій, смѣсь головокруженія съ какою-то отвратительною тошнотой, — все, къ чему приходитъ душа, отдающаяся безъ всякой сдержки житейскимъ треволненіямъ, все это не могло конечно не ощущаться современниками Сенеки.

Впрочемъ онъ можно-сказать сводитъ общій итогъ всей мудрости древнихъ. Юпитеръ для него единый богъ, творецъ и владыка всего бытія, создатель, душа и руководитель міра; его волею опредѣляется судьба, все живетъ въ немъ и имъ, по его милости; цѣлое онъ самъ и есть, присный во всѣхъ частностяхъ, поддерживающій и самого себя и все сущее. Богъ всегда близокъ къ намъ, онъ въ насъ, и съ нами неразлучно; онъ есть добро, а связь, соединяющая насъ съ нимъ,—добродѣтель; мы сознаемъ его въ своемъ собственномъ разумѣ. Все совершающееся существенно коренится въ міропорядкѣ; человѣку подобаетъ владѣть собой и предаваться волѣ божіей. Повиноваться Богу значитъ быть свободнымъ; лучше добровольно ему слѣдовать, нежели вынуждаться къ тому поневолѣ. Провидѣніе мудрый пѣступъ и воспитатель, оно наказываетъ изъ любви; и для тѣхъ, кто уповаетъ на него, все обращаетъ оно въ пользу. Благодать хочетъ только спасти и исправить наказаніемъ, она всегда прощаетъ обратившихся. Богъ посылаетъ дождь и вёдро праведнымъ и неправеднымъ, такъ и человѣкъ долженъ благотворить человѣку безъ различія: не свободный или рабъ, не гражданинъ или чужеземецъ, а именно человѣкъ какъ человѣкъ долженъ быть предметомъ благоволенія; надо оказывать помощь врагамъ, и съ ними обращаться кротко. Все человѣчество слѣдуетъ считать за одно и то же тѣло, котораго члены связываетъ общая любовь.

Если мы находимъ въ такихъ мысляхъ не только близкое сродство съ христіанствомъ, но даже и выраженія, напоминающія слова апостола Павла, то сходство это выступаетъ еще яснѣе, когда Сенека говоритъ: Ни кто изъ насъ не безвиненъ; всѣ мы погрѣшаемъ, одинъ такъ, другой иначе; человѣкъ строптивъ и наклоненъ къ запретному отъ природы; только борьба съ заблужденіемъ и грѣхомъ ведетъ къ истинѣ и добродѣтели. Такъ всегда было, такъ всегда и будетъ; пороки мѣняются, а порочность остается та же; съ приливомъ и отливомъ жизни всплываютъ наверхъ только иные грѣхи. Но сознаніе грѣха есть уже начало спасенія. Мы должны входить въ самихъ себя, испытывать себя сами и внимать суду совѣсти; потому что въ насъ живетъ святой духъ, блюститель и стражъ доброты и злобы. Но для выхода изъ погибели намъ необходима сторонняя помощь. Поэтому изберемъ себѣ благороднаго человѣка, да будетъ онъ намъ образцомъ и хранителемъ, и станемъ помышлять о немъ такъ, какъ будто бы онъ видѣлъ все что́ мы ни дѣлаемъ. Сенека называетъ такими образцами Катона, Лелія; но какъ вѣрно сообразилъ онъ, что нравственный идеалъ долженъ воплотиться въ дѣйствительную личность для того, чтобы спасти человѣчество! Что это совершилось во Христѣ, онъ конечно еще не зналъ, сколько ни было толковъ о его сближеніи съ апостоломъ Павломъ какъ во времена Отцовъ Церкви, такъ опять и въ наши дни. Что онъ иногда согласенъ съ нимъ, это доказываетъ только, что Христіанство вовсе не чуждо естественнаго разума, что оно напротивъ приняло въ себя лучшее познаніе древняго міра и присоединило глубокое убѣжденіе мудрецовъ всѣхъ временъ къ благовѣстію своему нищимъ и недостойнымъ; но при этомъ не надо терять изъ виду и разностей: самодовольная гордость добродѣтелью у стоиковъ совсѣмъ не то, что христіанское смиреніе сердца передъ Богомъ; въ глазахъ Сенеки мудрецъ, переносящій удары судьбы, становится предметомъ удивленія для самого

даже бога; праведный человѣкъ, по его мнѣнію, превосходитъ божество, такъ какъ добродѣтель его не врожденное ему свойство, а дѣло собственной его воли. Путь къ свободѣ, говоритъ Сенека, открытъ каждому: этотъ путь — добровольная смерть; но — какъ справедливо возражаютъ противъ такой мысли — развѣ сдѣлаться самоубійцею не значитъ бѣжать съ поста, ввѣреннаго на службѣ земного бытія, развѣ это не вопіющее противорѣчіе съ пресловутой независимостью отъ всего внѣшняго, съ требуемою стоиками покорностью передъ міровымъ закономъ и передъ волей божества?

Отъ земной жизни Сенека возводитъ наконецъ взоръ и къ будущей: какъ всемірная римская держава навела его на мысль о несущественности всѣхъ племенныхъ, національныхъ предѣловъ и о признаніи въ человѣкѣ человѣка, такъ точно и во временномъ бытіи видитъ онъ только лишь преддверіе вѣчнаго. Какъ въ утробѣ матери мы созрѣваемъ для земной жизни, такъ точно здѣшняя жизнь подготовляетъ насъ къ будущей. Тѣло только вѣдь гостинница, мы въ этомъ мірѣ странники, заѣзжіе, и блага его даны намъ на короткій срокъ. Уже и здѣсь наши помыслы часто возносятся отъ земного, а смерть завершаетъ освобожденіе души отъ узъ плоти; день смерти — день рожденія для вѣчности. Умирающій только предшествуетъ живымъ и идетъ за тѣмъ, озаряемый высшимъ уже свѣтомъ; тогда открывается духу вольная проглядь въ самое нутро́ вещей. Будущее состояніе обусловлено для каждаго его нравственнымъ достоинствомъ. Великій миръ вѣчности, это — святое общеніе всѣхъ добрыхъ между собою, блаженное сожительство съ тѣми, кого любили мы и здѣсь.

Для умственнаго образованія какъ современниковъ, такъ и потомства, имѣлъ важное значеніе Плиній старшій, который въ своей «Естественной Исторіи» собралъ изъ 2,500 писателей цѣлую энциклопедію, полный кругъ общеобразовательныхъ наукъ и всѣхъ пріобрѣтенныхъ дотолѣ свѣдѣній. Достоинство этого труда въ разныхъ отдѣлахъ его не одинаково, смотря по источникамъ, которыхъ придерживался авторъ; для древней исторіи искусства онъ просто неоцѣнимъ, и безъ его посредства едва ли бы даже могла состояться подобная исторія. И онъ старается въ своемъ слогѣ соединить краткость и опредѣленность съ пышностію звучныхъ фразъ и изложить съ чувствомъ даже и то, что́ само по себѣ сухо. Стремленіе его обнять всю совокупность знаній осталось неудачной попыткою, потому что онъ не совладалъ съ собраннымъ во множествѣ матерьяломъ; но все же онъ смѣло могъ выдавать свое предпріятіе за новое и великое, а племянникъ его имѣлъ полное право назвать этотъ трудъ многосодержательнымъ и ученымъ, не уступающимъ самой природѣ по разнообразію. Рвеніе къ наукѣ поддерживалось у него серьёзнымъ и благороднымъ образомъ мыслей и чувствъ, презрительно смотрѣвшимъ на низость, сластолюбіе и жестокость того времени. Богъ былъ для него естествомъ вещей, единымъ безконечнымъ бытіемъ, одушевленной всецѣлостію сущаго; люди подѣлили божество на части и пришли наконецъ къ обоготворенію слѣпого счастія или случая; они молятся и все приписываютъ Фортунѣ, или готовы полагаться въ своихъ дѣйствіяхъ на знаменія и ворожбу, въ которыхъ между тѣмъ вѣрнаго только одна ихъ недостовѣрность.

При Траянѣ, Плиній младшій и Квинктиліанъ возвратились къ большей простотѣ слога, благодаря изученію Цицероновскаго краснорѣчія; однакожь утонченная искусственность преобладаетъ еще и у нихъ надъ естественностью и непосредственною правдой чувства. Квинктиліанъ своимъ «Руководствомъ къ словесному изложенію» явился можно-сказать возстановителемъ хорошаго вкуса, Плиній показалъ его на дѣлѣ въ своей перепискѣ съ единомышленнымъ кружкомъ образованныхъ друзей; прозу его «Писемъ» хотѣлось бы уподобить одамъ Горація. Ни у одного Римлянина не было болѣе чутья къ разнообразію красотъ природы. То, что пишетъ онъ къ Тациту объ изверженіи Везувія, разрушившемъ Помпею и стоившемъ жизни любознательному дядѣ его, Плинію старшему, то, что сообщаетъ онъ Траяну изъ Малой Азіи о христіанахъ, одинаково значительно по формѣ и по содержанію. Мы видимъ что новое ученіе и новая жизнь распространяются не только въ городахъ, но уже и въ селахъ, что послѣдователи его воспѣваютъ о Христѣ какъ о Богѣ, что они торжественно соединяются не для преступныхъ цѣлей, но для чистой и благочестивой жизни; Плиній тѣмъ не менѣе винитъ ихъ въ опасномъ для государства суевѣріи за то, что они не хотятъ приносить жертвъ передъ ликомъ императора. Траянъ вовсе не желалъ, чтобы ихъ разъискивали или вѣрили тайнымъ на нихъ доносамъ; однакожь, объявись они сами всенародно и будь уличены въ своемъ заблужденіи, онъ повелѣвалъ наказывать ихъ какъ нарушителей государственнаго закона, если они не обратятся опять къ почитанію отеческихъ боговъ.

На историческомъ поприщѣ Веллей Патеркулъ старался въ изящныхъ сентенціяхъ представить всю необходимость деспотизма и оправдать съ дворской стороны то, что заклеймилъ вѣчнымъ позоромъ Тацитъ. Флоръ написалъ краткій очеркъ развитія Рима, пышно обрисовывая событія только массами; Шлоссеръ называетъ его манеру попыткою свести исторію на эпиграммы. Светоній написалъ опять гораздо проще свои біографіи императоровъ; онѣ указываютъ на существованіе сборниковъ поденныхъ новостей и анекдотовъ, разсылавшихся изъ Рима по провинціямъ въ видѣ фёльетона, обокъ съ офиціальными извѣстіями, игравшими роль государственной газеты.

Воинственность и практическая выработка, равно какъ и наука права,— эта коренная основа римскаго государства, — все еще сохранились въ своей силѣ; а сельское хозяйство нашло себѣ теперь пріятнаго прозаическаго излагателя, подобно тому какъ предъидущій періодъ породилъ національное стихотвореніе объ этомъ предметѣ, Виргилія. Вообще господствовала въ настоящее время проза. Довольно, правда, писалось и стиховъ выходившими изъ риторскихъ школъ риомоплетами, которые выказывали свою ученость и свое умѣнье владѣть языкомъ надъ перезбитыми уже греческими миѳами, и сверхъ-того приглашали на публичныя чтенья, сдѣлавшіяся модою, однимъ изъ любимыхъ препровожденій времени, а съ другой стороны бременемъ и мукой, часто вызывавшими насмѣшки сатириковъ. Но среди напастей той эпохи, откуда было взять сатирикамъ веселый юморъ какого-нибудь Горація? Въ виду всѣхъ тогдашнихъ мерзостей трудно было не писать сатиръ, но ужасы деспотизма и безнравственности переходили мѣру забавнаго; поэтамъ оставалось одно,—взяться за безпощадно-карающій бичъ, и если кому

«стихъ не давался отъ природы, то его порождала горечь раздраженія», какъ признается самъ Ювеналъ. Предшественникомъ его былъ Персій. Подъ домашнимъ кровомъ и въ школѣ, его мать, а потомъ Тразеа и стоикъ Корнутъ, сохранили благородную душу его во всей чистотѣ, незапятнанною пороками свѣта, но за то и зналъ онъ свѣтъ только изъ книгъ; единственно лишь тамъ, гдѣ Персій коснулся литературы, даетъ онъ намъ дѣйствительную, а не вычитанную картину, и смѣло нападаетъ на раздутое словоизверженіе въ стихахъ Нерона, нашептывая его перу, что царь Мидасъ игралъ роль критика искусствъ даже и съ ослиными ушами. Впрочемъ онъ, правда, съ одушевленіемъ возстаетъ за добродѣтель противъ всего низкаго, но нейдетъ въ этомъ далѣе однѣхъ общностей, и не развивая ни чего индивидуальнаго и живодѣйственнаго, только противопоставляетъ требованія стоической философіи безразсудству и порочности людей, вѣчно проповѣдывая все одно и то же, что свобода и счастіе даются только мудрому. Какъ Горацій, онъ охотно облекаетъ свои сатиры въ форму разговора, но собесѣдникомъ является у него не какой-нибудь опредѣленный характеръ, а фигура совершенно абстрактная; и мѣсто игривой ироніи, вполнѣ не принужденной разговорчивости заступаютъ изысканная краткость, тяжеловѣсная темнота, терпкое, шероховатое, обрывистое изложеніе. Образъ мыслей его однако благороденъ, и христіане могутъ находить нѣчто близкое ихъ собственному духу въ томъ, что онъ напримѣръ возстаетъ противъ обычая людей заявлять богамъ даже преступныя свои желанья, или просить ихъ о здоровьи въ то время, когда сами подрываютъ послѣднее безпутнымъ кутежомъ,—возстаетъ противъ нелѣпой мысли ублажить безсмертныхъ совершеніемъ разныхъ обрядовъ и дорогими подарками.

> Лучше принесемъ богамъ то, чего даже и при громадномъ богатствѣ
> Не въ состояніи предложить имъ изжившійся сынъ пресловутаго Мессалы, —
> Принесемъ чистое сердце и священный миръ въ глубинѣ души,
> Принесемъ жизнь, пропитанную нравственнымъ чувствомъ!

Персій умеръ еще молодымъ человѣкомъ при Неронѣ; Ювеналъ достигъ преклонныхъ лѣтъ. Изгнанный Домиціаномъ за насмѣшки надъ тѣмъ, что актеры и танцовщицы распоряжаются почетными мѣстами, дожилъ онъ до лучшихъ дней при Траянѣ, когда открылась возможность свободно говорить. Онъ ставитъ свои бытовыя (жанровыя) картинки обокъ съ историческими картинами Тацита, но послѣдній въ своей прозѣ является болѣе высокимъ поэтомъ нежели онъ, и имѣетъ на своей сторонѣ то преимущество, что изображаетъ характеры въ ихъ собственныхъ дѣлахъ и жизнь — въ процессѣ развитія, тогда какъ Ювеналъ, разсматривая бытъ со стороны, обличаетъ грѣхи современности съ риторскимъ жаромъ и рвеніемъ, даже съ какимъ-то злорадствомъ обдаетъ ихъ щелокомъ своей насмѣшки. Сравнительно съ Персіемъ онъ много выигрываетъ знаніемъ жизни и тѣмъ, что onaгляживаетъ ее въ бездвѣ частныхъ подробностей; но сама жизнь была не такова, чтобы возбуждать ту любовь, какою дѣйствительность просвѣтляется обыкновенно въ блескѣ поэзіи; было бы вѣдь вопіющей ложью золотить то растлѣніе и ту гниль, которыя могутъ вызвать только нравственное негодованіе и омерзенье: а потому рѣзкими чертами и яркими красками рисуетъ намъ Ювеналъ страшный

развратъ своего народа, и смѣлою рукой клеймитъ кровожадное чело какого-нибудь Домиціана, безстыжую наглость Мессалины или Нерона. Онъ не брезгаетъ прикасаться къ грязи, и невинный взоръ отвертывается съ чувствомъ невольнаго оскорбленія, когда сатирикъ разворачиваетъ передъ нимъ трясину пороковъ и засматривается въ ея бездонную глубину; но онъ примиряетъ насъ съ собой опять, когда начнетъ высказывать свои собственныя мысли въ многозначительныхъ и мѣрныхъ стихахъ, которые, благодаря ясной своей формѣ, вошли у образованныхъ людей въ поговорки или пословицы, когда онъ говоритъ, что только добродѣтель способна облагородить человѣка и что преступно предпочитать чести жизнь или вообще жертвовать такими благами, которыя одни даютъ цѣну всему существованью; когда разумъ и слезу сочувствія называетъ онъ высшими дарами неба, да сострадаютъ люди другъ другу и помогаютъ по мѣрѣ силъ; когда онъ показываетъ, какъ безумны по большой части людскія желанія, и за тѣмъ продолжаетъ:

Моли себѣ здоровой души въ здоровомъ тѣлѣ,
Проси себѣ того мужественнаго духа, который не боится смерти,
И долговѣчность принимаетъ за добровольный даръ природы,
Который готовъ переносить всевозможныя тягости,
Не знаетъ гнѣва, ни чего рѣшительно не желаетъ
И ставитъ претерпѣнныя Геркулесомъ испытанія и подъятые имъ труды
Выше всѣхъ чувственныхъ наслажденій, выше пировъ и пуховиковъ Сарданапала.
Я говорю о томъ, что́ ты можешь дать самъ себѣ.
Одна только добродѣтель ведетъ къ спокойной, безмятежной жизни;
У кого въ душѣ мудрость, тотъ обойдется и безъ божества:
Мы вѣдь сами, Фортуна, дѣлаемъ тебя богинею и возводимъ на небо.

Состояніе общества съ одной стороны, а съ другой обычный риторскій пріемъ остроумно выражать свои мысли въ мастерски-отточенныхъ антитезахъ, — вотъ что вызвало Марціала на поприще ѣдкихъ эпиграммъ. Если Греки привязывали въ эпиграммѣ мысль къ предмету, словно какую-нибудь надпись, съ беззлобивою граціей, имѣя въ виду нераздѣльно съ образомъ только тутъ же высказать и его смыслъ, то у Римлянъ со временъ Эннія встрѣчаемъ мы наклонность сосредоточивать въ немногихъ мѣткихъ словахъ свои житейскіе взгляды и чувствованія и пускать въ ходъ свое остроуміе въ коротенькихъ стишкахъ, какъ противъ отдѣльныхъ личностей, такъ и противъ общественныхъ отношеній. Это же въ сущности дѣлалъ Марціалъ, и сборникъ его эпиграммъ живьемъ выводитъ передъ нами весь побытъ и обиходъ тогдашняго Рима; это—сатиры въ умаленномъ размѣрѣ, но онѣ охотно валандаются въ грязи, ставятъ цѣлью своихъ мѣткихъ стрѣлъ всѣхъ кокетокъ съ поддѣльными волосами и зубами, всѣхъ молодыхъ плѣшивцевъ и плѣшивицъ, а между тѣмъ раболѣпно бросаются къ ногамъ богачей и вельможъ, расточаютъ лесть передъ какимъ-нибудь Домиціаномъ. Легкомысліе стиховъ своихъ старается онъ оправдать точно такъ же, какъ и многіе изъ его послѣдователей: «Похабенъ и задоренъ стихъ, а жизнь между тѣмъ праведна и благочестива.» Но онъ умѣлъ, какъ выяснено еще Лессингомъ, въ немногихъ словахъ возбудить ожиданіе, наперечь его и потомъ неожиданно удовлетворить, быть короткимъ въ обрѣзъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнымъ, наконецъ — всегда представлять вещи такъ, чтобъ смѣшная сторона ихъ выступала прямо и непосредственно.

Поучительное и морализирующее направленіе привело Ѳракійца Федра къ его баснѣ. Онъ переложилъ Эзопа въ ямбическіе стихи и присовокупилъ къ тому разные анекдоты и придуманныя имъ исторіи,—все это очень просто, незатѣйливо, но безъ естественной свѣжести и безъ граціозной полноты *).

Между эпиками отличается племянникъ Сенеки, Луканъ, одушевленный древнеримскимъ патріотизмомъ, но при всемъ пылѣ и пареніи, какъ замѣтилъ уже Квинтиліанъ, значительный больше риторической нежели поэтической своей стороною. Онъ написалъ подъ именемъ «Фарсаліи» историческую поэму о междоусобной войнѣ, загубившей свободу Рима. Безъ изобрѣтательной фантазіи пересказываетъ онъ событія, стараясь только усилить дѣйствіе исторической правды блестящими описаніями и страстною декламаціей, стараясь изложить въ полнозвучныхъ рѣчахъ побужденія и намѣренія своихъ героевъ, а также и свои собственные помыслы. Начало этой войны было, по его мнѣнію, слѣдствіемъ разврата, который добродѣтель и умѣренность въ желаніяхъ замѣстилъ мало по малу себялюбіемъ и неудержной падкостью къ наслажденьямъ, а сама война явилась образчикомъ того чудовищнаго распаденія природы, какое неминуемо грозитъ ей, когда расторгнутся узы порядка, связывающія весь міръ. Неустанно стремящуюся энергію Цезаря уподобляетъ онъ молніи; Помпей передъ нимъ только уже тѣнь великаго имени, дерево съ обнаженными вѣтвями, которое если и защищаетъ отъ зноя, то только однимъ стволомъ, а не зеленою листвой. Самъ Луканъ высказываетъ свои убѣжденія преимущественно устами Катона и Брута; свободомысліе его, а равно и ревность за поэтическую свою славу навлекли этому юношѣ смертный приговоръ со стороны Нерона. Силій Италіецъ переложилъ разсказъ Ливія о Ганнибаловской войнѣ въ гекзаметры подражая Виргилію, и вывелъ при этомъ на сцену и олимпійскія божества «какъ балетныхъ плясуновъ въ междудѣйствіяхъ», мѣшая безъ толку и вкуса реальное съ чудеснымъ, тогда какъ напротивъ у Лукана Катонъ не хочетъ совѣтоваться съ оракуломъ Юпитера Аммона, потому что Богъ вездѣ вѣщаетъ намъ непосредственно черезъ разумъ и совѣсть: «Юпитеръ, говоритъ онъ, то, что ты всегда видишь и чѣмъ ты самъ движешься.» — Изъ подражаній миѳической поэзіи Грековъ дошли до насъ «Аргонавтика» Валерія Флакка, «Ѳиваида» Стація и его же отрывокъ «Ахиллеиды»; отъ нихъ многословной болтовни, отъ напыщеннаго употребленія въ дѣло все однихъ и тѣхъ же искусственныхъ средствъ, не вѣетъ на насъ ни какой поэтической оригинальностью; гораздо лучше мелкія импровизаторскія изліянія, гдѣ преизбытокъ словъ держится на болѣе свѣжемъ чувствѣ и воззрѣніи; Стацій собралъ ихъ вмѣстѣ подъ общимъ заглавіемъ «Лѣсовъ».

Риторская надутость дошла до высшей своей точки въ десяти трагедіяхъ, которыя прикрылъ щитомъ своего имени Сенека, но которыя, какъ намъ кажется, не были вовсе предназначены для сцены и писаны въ Нероново время разными лицами только для чтенія. Отправно́ю точкой служатъ для

---

*) Которая такъ мила, напримѣръ, у Лафонтена и у нашего Крылова.

Прим. перев.

нихъ Софоклъ и Эврипидъ, но онѣ преимущественно выбираютъ самые ужасные сюжеты, ищутъ трагизма въ отвратительно-страшномъ, высоты — въ чудовищномъ, трогательности—въ раздирающемъ, и дѣлаютъ изъ идеальныхъ характеровъ какія-то гигантскія маріонетки, влагая имъ въ уста непомѣрные взрывы ярости и натянутыя, черезчуръ ученыя декламаціи. Стройное художественное созданіе Грековъ грубою рукой передѣлано здѣсь для такой публики, которая привыкла къ гладіаторской рѣзнѣ, и наперекоръ совѣту Горація, Медея умерщвляетъ здѣсь дѣтей своихъ на сценѣ. Эллинскіе трагики, среди страданій и гибели, возносили душу торжествомъ нравственнаго міропорядка, а у Римлянъ мѣсто вины и искупленія заступаетъ даже не слѣпой рокъ, а какое-то безсмысленное озлобленіе или враждебность силъ небесныхъ; мѣсто художественной овипословки заступаетъ внезапность ошеломляющихъ эффектовъ и контрастовъ; языкъ природы и чувства замѣняется наружнымъ изяществомъ, риторическими фигурами, затѣйливыми словооборотами и шпильками изысканнаго остроумія. Именно послѣднее и могло служить ближайшимъ намекомъ на манеру Сенеки и вмѣстѣ съ разсыпанными вездѣ сентенціями стоической философіи повести къ выпуску подъ его именемъ этихъ несценическихъ драмъ его школы. Такъ напримѣръ Атрей намѣренъ совершить злодѣйство, которому позавидуетъ даже самъ сраженный имъ братъ: ни какое потомство его не одобритъ, но ни какое и не пропуститъ молчаніемъ. Послѣ того, какъ онъ зарѣзалъ дѣтей Оіэста и подалъ ихъ отцу на столъ, солнце правда покидаетъ путь свой и доставляетъ этимъ хору случай выказать астрономическія познанія, пѣть о томъ, какъ смутились теперь знаки зодіака, но ни какого нравственнаго возмездія мы не видимъ; напротивъ, Атрей громко хвастаетъ, что онъ досталъ теперь головой до звѣздъ небесныхъ, и тѣмъ все и покончено! «Казни должны быть разныя: смерть назначена для счастливцевъ, а несчастный пусть себѣ живетъ!» — говоритъ тираннъ Ликъ въ одной трагедіи. «Онъ сдѣлаетъ это — но слишкомъ было бы долго; онъ ужь дѣлаетъ, — нѣтъ, ужь совсѣмъ сдѣлалъ!» говоритъ Амфитріонъ про Геркулеса. «Этого ожидаетъ жестокая смерть, которую, когда прійдется ему умереть, многіе узнаютъ, но которая не знаетъ сама себя», поетъ хоръ. Такое эпиграмматическое риторство въ частностяхъ и нарочно-заостренные контрасты въ цѣломъ, въ самомъ построеніи піэсъ, повліяло на французскую трагедію, а раздутая напыщенность нашла себѣ отголосокъ у Лоэнштейна и Грифіуса *).

Интереснѣйшимъ изъ стихотворныхъ произведеній серебрянаго вѣка былъ впрочемъ комическій романъ, дошедшій до насъ въ отрывкахъ подъ названіемъ «Сатирикона»; авторомъ его считаютъ обыкновенно Неронова дворецкаго, Петронія; книга во всякомъ случаѣ принадлежитъ этой эпохѣ и такъ превосходно отражаетъ въ себѣ господствовавшее тогда въ высшемъ обществѣ соединеніе всѣхъ искусствъ и наукъ со всѣми похотями и пороками, что Шлоссеръ напоминаетъ по ея поводу о Петрѣ Аретинѣ у Итальянцевъ, о Вольтеровой «Дѣвѣ Орлеанской» у Французовъ и о Тюммелѣ у Нѣмцевъ, «съ тою конечно разницей, что нравы и климатъ принуждаютъ

---

*) Нѣмецкихъ трагиковъ 17-го вѣка.

послѣдняго выставлять легкомысліе своихъ правилъ не въ такой полной наготѣ»; зато Гейзе, въ своемъ нѣмецкомъ переводѣ Сатирикона, путемъ оправдательныхъ и защитительныхъ примѣчаній, зашелъ гораздо далѣе Петроніева вопроса: «Кто жь не знаетъ, что̀ обыкновенно дѣлается съ хорошенькими дѣвицами?» и выставилъ скотскую чувственность довольно уже нагол́о. Самъ поэтъ разсказываетъ романъ свой въ прозѣ, художественно вырабатывающей легкую плавность и утонченность обиходнаго языка, и при этомъ возвышаетъ прелесть изложенія еще тѣмъ, что придаетъ рѣчи своихъ главныхъ фигуръ различные оттѣнки: Энкольпій говоритъ со всѣмъ разборчивымъ вкусомъ свѣтскаго человѣка, Эвмольпъ—напыщеннымъ языкомъ ритора и школяра, а Трималькіонъ—рѣчью выскочки изъ простонародія, который приноситъ съ собой въ Римъ нижнеиталійскій діалектъ съ забавной примѣсью греческихъ и латинскихъ элементовъ. Часто проза смѣняется стихами: то возбужденное настроеніе души требуетъ поэтическаго изліянія, то слышимъ какъ бы нѣчто въ родѣ лекціи, при чемъ проглядываетъ кажется умыселъ на пародію. Весь романъ вращается на одномъ хорошенькомъ мальчикѣ, въ котораго влюблены многіе мужщины и женщины; происходящія отсюда сцены Петроній вырисовываетъ съ видимымъ удовольствіемъ и пускается въ подробное описаніе низкой чувственности, которая становится намъ противною, доходя до противоестественныхъ вожделѣній; но не льзя не удивляться при этомъ мастерству поэта выводить наружу весь комизмъ положеній и исчерпывать его до дна. Съ какимъ-то оттѣнкомъ юмора паритъ онъ надъ характерами и событіями; улыбаясь беретъ свѣтъ такимъ, каковъ онъ есть, и потѣшается съ высоты своего генія надъ затрудненьями, которыми люди опутываютъ себя сами, благодаря превратности или безмѣрности своихъ затѣй. Сластолюбіе является здѣсь безъ прикрыши, со всей своей наглой дерзостью, и тутъ же мы видимъ иронію не только надъ нею, но и надъ всѣми вообще житейскими стремленьями, такъ-какъ въ глазахъ пресыщеннаго, но геніальнаго поэта, вся жизнь представляется огромною комедіей. Петроній вплетаетъ въ свой романъ повѣсть о Матронѣ эфесской, которая хочетъ умереть вслѣдъ за мужемъ въ могильномъ его склепѣ, и при этомъ не только увлекается новою любовью къ видному собой рядовому, но и дозволяетъ повѣсить на крестъ тѣло покойнаго мужа взамѣнъ преступника, похищеннаго въ то самое время какъ солдатъ любезничалъ съ нею вмѣсто того чтобъ стоять на часахъ! Всего геніальнѣе описанъ пиръ Трималькіона; тутъ передъ нами мало что весь утонченный кутежь Римлянъ: пресыщеніе хватается даже за такія странныя возбудительныя средства, какъ напримѣръ то, что хозяинъ пира для вящшаго увеселенія своихъ охмѣленныхъ гостей велитъ справлять вокругъ стола свое собственное погребенье; и при этой необычайной потѣхѣ невольники поднимаютъ такой неистовый шумъ, что пожарные, приня̀въ весь этотъ гвалтъ и оглушительную музыку за пожарную тревогу, врываются въ залу съ ведрами заливать предполагаемый огонь

Я напередъ обозрѣлъ литературу, потому что она всего лучше передаетъ намъ характеръ времени. Архитектура при ближайшихъ преемникахъ Августа осталась безъ всякихъ перемѣнъ, только новыхъ построекъ производилось не много; три прекрасныя колонны съ антаблементомъ и вѣнечнымъ

карнизомъ по южную сторону Форума принадлежали храму Діоскуровъ; Порта Маджоре, огромныя двойныя ворота, образуютъ точку соединенія двухъ водопроводовъ, сооруженныхъ при Клавдіи. Большой пожаръ при Неронѣ послужилъ поводомъ къ великолѣпной отстройкѣ и очистилъ просторъ для Золотого Дома, обширнаго сооруженія середи города, съ дворцами и виллами, садами, прудами и колоннадами; по низверженіи Нерона народная ярость разрушила все это въ прахъ.

Такъ-какъ благодаря Веспасіану и Траяну военная и политическая сила Римлянъ стала опять на ноги и обнаружилась столько же въ организаціи, сколько и въ управленіи міровой державы, то естественно что постройки ихъ знаменуютъ самую блестящую эпоху собственно-римской архитектуры. Вальяжная крѣпость и массивность составляютъ коренную ея основу и производятъ отвѣчающее тому общее впечатлѣнье; масса расчленяется столпами и арками, оживляется колоннами и украшается множествомъ пластическихъ орнаментовъ, которые заступаютъ мѣсто живописи особенно теперь, когда зодчество выдвигаетъ впередъ свои собственные матерьялы; стѣны одѣваются рельефами, іонійскіе завитки соединяются съ многосложнымъ лиственнымъ вѣнкомъ коринѳской капители, карнизы, потолки увиты и усѣяны бездною, то сравнительно простыхъ, то арабесчато-пестрыхъ, изваянныхъ изъ мрамора орнаментовъ, такъ однакожь что любая частность подчинена общему направленію линій цѣлаго и въ этомъ соблюдается исполненная вкуса мѣра. Ваятельная роскошь напоминаетъ риторическій блескъ рѣчи, въ основѣ которой лежитъ всегда вѣское содержаніе, какъ напримѣръ у Виргилія, у Тацита, у Сенеки. Самою величественною изъ всѣхъ римскихъ руинъ представляется амфитеатръ Флавіевъ, который уже и древніе подъ именемъ Колизея (Колоссеумъ, то-есть громадина) причисляли къ семи чудесамъ свѣта. Овальная площадь въ 270 футовъ длины и въ 170 футовъ ширины, назначенная для звѣриной травли, была обнесена вокругъ уступами, восходящихъ на 120 футовъ вверхъ, сѣдалищъ, такъ что на нихъ могли помѣститься 80,000 зрителей; сидѣнья поддерживались сводами, которые съ наружной стороны высятся одни надъ другими въ нѣсколько этажей, а внутренность была увѣнчана вверху колоннадою. Все это обведено снаружи оградой въ полтораста футовъ вышины; основная ея линія описываетъ эллипсисъ въ 600 футовъ длиной и около 500 футовъ шириною. Могучая массивность зданія расчленяется однако тѣмъ, что стѣна подѣлена широкими карнизами на четыре яруса, изъ которыхъ въ трехъ нижнихъ продѣлано 80 аркадныхъ пролетовъ; толстые стѣнные столпы соединены полукруглыми дугами и оживлены выступающими полуколоннами, — дорійскими въ нижнемъ, іонійскими въ среднемъ, и коринѳскими въ верхнемъ этажѣ: онѣ покоятся на постаментахъ вплоть до самаго выступа стѣнныхъ аркадъ, и поддерживаютъ расчлененный горизонтальный карнизъ надъ ними. Въ четвертомъ ярусѣ стѣна пробита тамъ и сямъ окнами, украшенными по бокамъ парою коринѳскихъ пилястръ и увѣнчанными вверху богатымъ гзимзомъ. Всѣ архитектоническія формы одѣланы съ дебелой могутой въ духѣ цѣлаго, орнаментъ вообще простъ и въ широкомъ стилѣ; въ аркахъ средняго яруса помѣщались бронзовыя и мраморныя статуи. Зданіе заложено Веспасіаномъ и окончено Титомъ. Въ честь побѣды его надъ Іерусалимомъ, между Ко-

лизея и Форума посвящена ему тріумфальная арка; косяки этихъ сводчатыхъ воротъ обрамлены полуколоннами, а на платформѣ поверхъ аттика въ бронзовой четверконной колесницѣ ѣхалъ тріумфаторъ. Въ баняхъ Тита, у Эсквилинскаго холма, найденъ Лаокоонъ и открыта та арабесковая стѣнная живопись, которая послужила Рафаэлю и его школѣ образцомъ для росписи лоджій въ Ватиканѣ. Капитолійскій храмъ былъ отстроенъ вновь.

Военныя дороги Траяна были отмѣчены тріумфальными арками; изъ нихъ римская имѣла по бокамъ главнаго проѣзда всерединѣ двое мéньшихъ воротъ; четыре могучія колонны одинаковой высоты поддерживали архитравъ, надъ которымъ полуярусный аттикъ замыкалъ цѣлое сооруженье. Вышина боковыхъ арокъ отвѣчала капители столповъ, поддерживавшихъ сводъ главнаго проѣзда; по два медальона съ рельефами и скульптурный фризъ заполняли стѣнныя поля справа и слѣва отъ середнихъ воротъ; рельефами былъ украшенъ аттикъ, а столпы его убраны статуями. Между Капитоліемъ и Квириналомъ Траянъ заложилъ новый форумъ, окруженный пятирядной базиликой, храмами и портиками, съ тріумфальною аркой въ видѣ входныхъ воротъ и съ колонною въ честь императора посерединѣ; все это сливалось въ одинъ живописный эффектъ и составляло великолѣпнѣйшую изъ всѣхъ римскихъ построекъ: главнымъ зодчимъ былъ Аполлодоръ Дамаскинецъ. Въ 4-мъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія Амміанъ Марцеллинъ повѣствуетъ о вступленіи въ Римъ сына Константина; онъ ведетъ его къ Капитолію и къ Колизею, и говоритъ потомъ о Траяновомъ форумѣ: «Внѣ себя отъ изумленья, остановился онъ на этомъ сооруженіи, единственномъ во всей поднебесной, достойномъ удивленія самихъ боговъ, и озирая глазомъ и умомъ стройную красоту гигантскихъ этихъ построекъ, невольно долженъ былъ сознаться, что великолѣпія ихъ не описать, да никогда уже болѣе и не достигнуть».

Превосходныя портретныя статуи и бюсты дошли до насъ изо всего этого столѣтія, — лики мужщинъ и женщинъ, императоровъ и частныхъ людей: мужщины, то въ изукрашенныхъ броняхъ, то одѣтые въ мирную тогу, — Титъ, напримѣръ, въ видѣ, говорящаго къ войску, главнаго вождя; нагія статуи, обдѣланныя больше вродѣ греческихъ героевъ, назывались ахилловскими; другія идеализованы тѣмъ, что имъ приданы были постановка и аттрибуты какого-нибудь божества. Въ отношеніи храмовыхъ кумировъ соблюдались еще старозавѣтныя формы; еслижъ надо было изобразить олицетворенныя понятія чести, добродѣтели, согласія, цѣломудрія, справедливости, то брали для этого одѣтую женскую фигуру и вмѣстѣ съ простой и достойной постановкою придавали ей нѣсколько замысловатыхъ аттрибутовъ. Когда приходилось представить тотъ или другой народъ, тогда прибѣгали къ племенному типу и къ національному одѣянію; города, по примѣру Эллинизма, олицетворяли тѣмъ, что смотря по грамматическому роду имени брали мужскую или женскую фигуру и знаменательно выражали въ ней какую-нибудь отличительную особенность положенія или быта. Такъ на подножіи одного памятника Тиберію виннообильный Тмолъ являлся діонисовскимъ юношей съ виноградною лозой, воинственная Кивиро—амазонкою, жреческая Мирина въ длинной одеждѣ, съ покрываломъ на головѣ и съ аполлоновскою лавровою вѣтвью. Сотнями статуй убраны были не только городскія площади, колодцы, пор-

тики и театры, но также чертоги и сельскіе дома богатыхъ Римлянъ; вѣдь въ одномъ маленькомъ домикѣ провинціальнаго городка, Помпейи, открыто было двѣнадцать крупныхъ изваяній, и десять поменѣе. Ни добыча художественныхъ произведеній на войнѣ, ни покупка греческихъ оригиналовъ далеко не покрывали запроса; пришлось вновь воспроизводить любимыя созданія, и такъ какъ они должны были служить для возвышенія жизненнаго блеска, то особенно выбирали предметы полные свѣтлой граціи, какіе создавались Праксителемъ и лучшими изъ его преемниковъ. Венера, Бахусъ, съ сопровождающимъ ихъ подружіемъ, отвѣчали настроенью того времени; фавническій (дико - проказливый) элементъ этой поры отражался въ пляшущихъ, напивающихся и высыпающихся отъ хмеля Фавнахъ; могучій образъ одного изъ послѣднихъ въ мюнхенской Глиптотекѣ, подлинно-мастерское созданіе, Штаръ называетъ закованнымъ въ мраморъ символомъ нероновскихъ оргій; но древнее искусство умѣло достойнымъ его образомъ разрѣшать такую дерзостную задачу, и отяжелѣвшая до безчувствія распущенность пьянаго смягчена и облагорожена столько же величавостью формъ, сколько и сдержанностью въ выраженіи. Неронъ самъ любилъ чудовищное и поблажалъ ему: Зенодоръ долженъ былъ изваять его ликъ величайшимъ колоссомъ въ древнемъ мірѣ; онъ стоялъ передъ Золотымъ Домомъ, и по умерщвленьи Нерона былъ передѣланъ въ солнобога, а за тѣмъ въ портретъ императора Коммода, приставкою къ тому же туловищу каждый разъ новой головы.

Въ монументальной скульптурѣ слѣдуетъ отмѣтить тріумфальныя арки Тита и Траяна, а также и колонну въ честь послѣдняго; вѣрная передача исторіи обнаруживаетъ здѣсь реалистичность Римлянъ въ отличіе отъ идеалистическаго просвѣтленія жизни въ миѳѣ Эллиновъ: изсѣченный на камнѣ разсказъ о Траяновомъ походѣ противъ Даковъ всего лучше оправдываетъ наше сближеніе Рима съ Вавилономъ, такъ-какъ раскопки въ ассирійскихъ дворцахъ открыли намъ вполнѣ сродственныя этому изображенія. На фризѣ арки Тита изваяно жертвенное шествіе тріумфатора; но и животныя и люди больше только сопоставлены другъ съ другомъ нежели задуманы въ одномъ общемъ движеніи; все это трезво и сухо, даже безъ малѣйшаго стремленія къ богатству граціозныхъ мотивовъ и къ изяществу формъ мастерскихъ созданій Фидія и его школы въ Парѳенонѣ. Зато справа и слѣва внутри арки видимъ мы какъ воины въ мирныхъ одеждахъ выносятъ добычу изъ храма іерусалимскаго, а императоръ, сіяя побѣдой, ѣдетъ на четвероконной колесницѣ, окруженный гражданами и воинами, при чемъ всѣ фигуры тѣснятся въ живописномъ распорядкѣ, полныя жизненной свѣжести, энергично и вмѣстѣ изящно. Тѣ изваянія, которыя съ тріумфальной арки Траяна Константинъ перенесъ на свою, представляютъ императора въ его полководческой, судейской и жреческой дѣятельности, а также и на охотѣ; тутъ невольно припоминается Персеполь; или же они даютъ намъ сцены изъ его войнъ, напримѣръ одно кавалерійское дѣло, полное огня и страстнаго движенія, гдѣ, не смотря на путаницу линій при множествѣ почти совсѣмъ прикрывающихъ другъ друга фигуръ, на насъ отрадно дѣйствуютъ сила, выразительность и красота формы. Гораздо суше и ремесленнѣе выполненъ рельефъ, спирально обвивающій снизу до верху стержень почетной колонны, въ 90 футовъ вышиною,

подѣленный на 114 разныхъ композицій съ 2,500-ми фигуръ и представляющій походъ противъ Даковъ; самъ императоръ является здѣсь въ многоразличныхъ своихъ отправленіяхъ, какъ ораторъ, вождь, побѣдитель, то ведущій переговоры съ послами, то отбирающій отъ плѣнныхъ показанія, то обороняющій женщинъ, а рядомъ съ этимъ изображены съ подробностью газетнаго отчета разбивка и съемка лагеря, наведеніе мостовъ, бой въ открытомъ полѣ и около той либо другой крѣпости, которая иногда берется штурмомъ, иногда предается разрушенію. Этотъ рельефъ безцѣненъ для познанія римскаго военустройства, но, при многихъ частныхъ превосходствахъ, онъ въ художественномъ смыслѣ вовсе не приглядень: тутъ нигдѣ не удовлетворяетъ взора округленная какъ должно композиція; надо просто быть птицей, чтобы облетая все восходящіе въ высь круги наслаждаться изображеньями; отъ нихъ и контурная линія самой колонны проведена какъ будто бы дрожащею рукой. Статуя императора вверху колонны словно возносилась отъ земли къ богамъ небеснымъ и грѣшила противъ эстетическихъ требованій излишнимъ удаленіемъ отъ зрителя.

Нероново появленіе на сценѣ въ качествѣ театральнаго пѣвца и его пѣснь подъ звуки лиры на страшномъ римскомъ пожарѣ кстати напоминаютъ мнѣ сказать нѣсколько словъ о римской музыкѣ. Мы мало объ ней знаемъ; даже Амбросъ не открылъ никакихъ ближайшихъ указаній относительно мелодіи и компоновки. Простыя времена республики знали только прямолинейную трубу и кривой рогъ для военныхъ сигналовъ, свирѣль и двойную флейту для пировъ и для аккомпанимента религіозныхъ хоровъ и плясокъ, а также и хвалебныхъ пѣсенъ въ честь древнимъ героямъ. Музыка оставалась только предметомъ наслажденія, а не была какъ у Грековъ средствомъ для юношескаго образованья; музыкальную потѣху доставляли по закону исключительно рабы, вольноотпущенники, иноземцы. Драмѣ въ эпоху императоровъ придавался музыкальный аккомпанименть, что сближало комедію съ водевилемъ, а трагедію съ героическою оперой; сладострастные балеты исполнялись подъ звуки, которые Квинктиліанъ называетъ женственными и непристойными, что вызвало у одного изъ Отцовъ Церкви странное на первый взглядъ мнѣніе, будто дѣвицѣ вовсе не слѣдуетъ и знать, что такое флейты и свирѣли. Къ греческой игрѣ на лирѣ привзошли оглушительные звуки систръ и бубенъ изъ египетскаго и малоазійскаго богослуженія. Императорское время обнаруживаетъ такой же энтузіазмъ большого свѣта къ пѣвцамъ и танцовщицамъ, къ киоаристамъ и флейтщицамъ, какой мы видимъ въ новѣйшихъ столицахъ. Неронъ размѣщалъ своихъ музыкантовъ по всему сплошь театру, чтобы производить побольше оглушительной трескотни, и занимался введеніемъ какихъ-то громадныхъ водяныхъ органовъ въ ту самую пору какъ послѣдовало его паденіе.

АДРІАНЪ И АНТОНИНЫ.

Уже и въ золотомъ вѣкѣ Цицеронъ и Ливій, Виргилій и Горацій были родомъ не Римляне, а переселились въ столицу изъ сѣверной и южной Италіи; въ серебряный вѣкъ Римъ выручали особенно западныя провинціи, Галлія и Испанія, гдѣ классическое образованіе развилось на почвѣ свѣжей народной силы; одна Испанія дала имперіи не только Траяна, но также еще Сенеку, Квинктиліана, Колумеллу, Лукана и Марціала. Римляне или вообще западники имѣли на своей сторонѣ перевѣсъ въ теченіе цѣлаго полустолѣтія; теперь, со времени Адріана, онъ наоборотъ достался Эллинизму или точнѣе основанной на греческихъ началахъ всемірной культурѣ Востока; въ литературѣ греческій языкъ пошелъ болѣе въ ходъ нежели латинскій, и Востокъ началъ рѣшительно заявлять свое вліяніе. Но въ Римъ стекались не только что лучшіе таланты, но также и самые безсовѣстные пройдохи; фокусники и гетеры со всѣхъ концовъ свѣта обдѣлывали тамъ свои дѣлишки обокъ съ риторами и софистами изъ Греціи, съ халдейскими ворожеями, съ египетскими жрицами и съ торговцами изъ Іудеевъ; все степенно-простое, все національно-замкнутое, чѣмъ для насъ запечатлѣна античность, все это исчезло въ такой чудовищной смѣси всѣхъ возможныхъ стихій; кругъ зрѣнія расширился, правда, до мірового сознанія, но зато не стало творческой силы духа, съ тѣхъ поръ какъ сгибъ необходимый ея носитель, здоровый нравственный характеръ. Блистательнѣйшимъ представителемъ этого времени былъ Адріанъ. У него на все есть способность: онъ и лихой охотникъ и страстный любитель искусствъ, воинъ и свѣтскій остроумецъ, музыкантъ и записной ученый; привѣтливый и вмѣстѣ недовѣрчивый, путешествуетъ онъ по своей имперіи и на конѣ и пѣшкомъ, увлекаясь любознательностью все увидѣть собственными глазами, увлекаясь и желаніемъ ко всему приложить свою руку; въ немъ соединяются суевѣрная мечтательность и все пронизирующая софистика, сластолюбивое распутство и строгая правительственная дѣятельность; какъ стоикъ готовъ онъ переносить, что ни пошлется ему судьбой, какъ эпикуреецъ готовъ насладиться всѣмъ чѣмъ только можно; но во всемъ онъ дилеттантъ, а не мастеръ; раздражительная душа его слѣдуетъ быстросмѣннымъ впечатлѣніямъ и прихотямъ, и какъ неограниченная власть даетъ полнѣйшій просторъ его личному произволу и онъ лишенъ нравственнаго самообладанія, то суетность и своенравіе доводятъ его иногда до злодѣйствъ, и среди всего наружнаго величія, неудовлетворенный въ глубинѣ души, онъ медленно чахнетъ и послѣ долгой, мучительной борьбы съ смертью прощается съ жизнію въ слѣдующихъ выглаженныхъ стишкахъ:

Animula vagula blandula,
Hospes comesque corporis,
Quae nunc abibis in loca
Pallidula rigida nudula,
Nec ut soles dabis jocos.

Душка моя, ластушка переметная,
Гостья, подруженька тѣла,
Въ какiе края отлетаешь ты,
Мертвенькiе, холодные, голенькiе!
Тамъ ужь не попрежнему будетъ тебѣ не до шутокъ!

Ни кто на свѣтѣ не строилъ такъ много и въ столь различныхъ мѣстностяхъ, какъ Адрiанъ. Болѣе дюжины городовъ, которые онъ возстановилъ или основалъ совершенно вновь, назывались на Востокѣ по его имени, Адрiанополемъ; въ Египтѣ заложенъ былъ Антиноэ, а къ Аѳинамъ пристроенъ цѣлый великолѣпный кварталъ, который на въѣздной аркѣ наименованъ не Тезеевымъ, а Адрiановымъ городомъ. Тамъ довершилъ онъ также храмъ Зевсу. Въ какую бы провинцiю ни заѣзжалъ императоръ, — путь его непремѣнно обозначался сооруженiемъ базилики или водопровода, гимназiи (палестры), бань или театра; обстоятельство, что онъ строилъ храмы и оставлялъ ихъ иногда безъ имени и безъ кумировъ, даетъ намъ понятие о томъ, какъ мало истинной вѣры было въ этой страсти къ постройкамъ. Съ Адрiаномъ соперничалъ одинъ частный человѣкъ, богатый краснобай Иродъ Аттикъ; онъ старался увѣковѣчить себя въ разныхъ городахъ Грецiи великолѣпными сооруженьями, а потомъ надумался, что вѣдь когда-нибудь распадутся и они: поэтому, чтобы обезпечить себѣ безсмертiе, онъ хотѣлъ наконецъ прорыть Коринѳскiй перешеекъ. Возвратясь изъ дальнихъ странствiй, Адрiанъ устроилъ себѣ художественный музей въ своей виллѣ близъ Тибура: онъ возвелъ тамъ среди прiятной и разнообразной природы храмы и галереи въ египетскомъ и эллинскомъ стилѣ, чтобы не только сохранять въ памяти, но и имѣть передъ собой въ воспроизведенiяхъ на виду, все что ему особенно полюбилось, чтобы имѣть возможность ежедневно посѣщать свою Темпейскую долину, свою Академiю; мастерскiя созданiя пластики и живописи всѣхъ временъ въ подлинникахъ и въ копiяхъ украшали сады и палаты. Въ Римѣ Адрiанъ ревниво сжилъ со свѣту великаго зодчаго, Аполлодора *), и его собственный дилеттантизмъ начерталъ планъ и руководилъ исполненiе двойственнаго храма Венеры и Ромы. Снаружи онъ былъ возведенъ въ коринѳскомъ стилѣ и обставленъ двумя рядами колоннъ; внутри же перегороженъ на двѣ части, и передъ поперечною стѣною сидѣли на тронѣ въ нишахъ тыломъ другъ къ другу статуи обѣихъ богинь, изъ которыхъ одна была обращена лицомъ къ восточному, другая—къ западному входу. Почти квадратныя целлы крыты сводомъ, но внутренность, благодаря перегородкѣ, лишена всякаго перспективнаго дѣйствiя и не имѣетъ никакой органической связи съ наружностью. Величественнѣе тотъ мавзолей, который Адрiанъ воздвигъ себѣ на берегу Тибра: на четыреугольной подводкѣ въ 320 футовъ ширины возвышается нѣсколькими уступами круглая башня въ 226 футовъ поперечника, съ кеглеобразною крышей, на верху которой находилась огромная кедровая шишка, восточный символъ жизнеобновленiя. Все одѣто было мраморомъ и богато убрано, между прочимъ и статуями; отсюда-то сброшенъ былъ барбериніевскiй Фавнъ, когда въ Средніе Вѣка башню вздумали обратить въ крѣ-

*) Ему принадлежатъ великолѣпныя римскiя постройки Траянова времени.

ность; уцѣлѣвшая еще нижняя ея половина — нынѣшній за́мокъ св. Ангела (Сантанджело).

Въ виллѣ Адріана найдены милая и тонкая голубиная мозаика работы Соза и группа двухъ Кентавровъ съ Эротами на спинѣ; конелюди очень тщательно выполнены изъ чернаго мрамора; младшій несетъ свою ношу съ бойкимъ самодовольствомъ, а старшій вздыхаетъ подъ божкомъ любви, связавшимъ ему руки: его гнетутъ узы страсти, неразлучной съ горечью, тогда какъ молодость смѣло уповаетъ на блаженство взаимнаго чувства. Аристей и Папій сработали эту хорошо-задуманную композицію. Къ эпохѣ Адріана можно кажется отнести и миловидную группу Эрота съ Психеею, хранящуюся въ Капитолійскомъ Музеѣ; нѣжный ритмъ линій и плѣнительно-чистое выраженіе тутъ еще лучше исполненья, такъ что мы готовы признать здѣсь копію съ какого-нибудь прекраснаго греческаго образца. Художественный вкусъ Адріана былъ старовѣрнаго характера: онъ предпочиталъ Катона Цицерону, Эннія Виргилію, и велѣлъ сработать для Аѳинъ колосальнаго златокостянаго Зевса, въ подражаніе чему Иродъ Аттикъ заказалъ такого же Посейдона на Коринѳскій перешеекъ; что дорогой матерьялъ тратился здѣсь впрочемъ съ безтолковой роскошью, видно изъ нелѣпаго его распредѣленья: кони были сдѣланы изъ золота, а подковы изъ слоновой кости; верхняя часть тѣла морскихъ чудищъ была золотая, а рыбьи хвосты къ ней — костяные же. Въ другихъ случаяхъ императоръ билъ на величавость формъ и на широту стиля; но ни первымъ, ни послѣднему не доставало выражавшагося въ нихъ прежде духа; они были чистой лишь копировкою. Въ глубь старины ступили даже одинъ шагъ за Фидія: показалась особенно торжественной строгая неразвязность, скованность древнѣйшихъ храмовыхъ изваяній, и вотъ бросились вдругъ на нее, взяли за образецъ египетскія статуи и выработали себѣ старовидную, архаистическую манеру, которая прикидывается искреннею и наивною, но обокъ съ изысканною простотой и терпкостью, съ щепетно-натянутымъ убранствомъ, тутъ же выдаетъ себя слишкомъ легкою и вольною отдѣлкой подробностей, какъ напримѣръ въ боевыхъ сценахъ на одеждѣ дрезденской Паллады.

Вполнѣ согласно съ римскимъ характеромъ, послѣдній идеалъ античнаго искусства оперся рѣшительно на портретъ, но старался слить его съ божескими типами Эллиновъ. Таковъ былъ ликъ Антиноя. Этотъ виѳинскій юноша, любимчикъ императора, сопровождалъ его въ Египетъ. Онъ утонулъ въ Нилѣ жертвою магическихъ причудъ Адріана. Императоръ занемогъ, и ему, видите, понадобилась душа, которая охотою пошла бы на́ смерть за его выздоровленіе. Народное повѣрье, что остальное время жизни добровольно принявшаго смерть идетъ всегда на пользу другому, встрѣчаемъ мы еще у Алкесты и Адмета, оно отзывается въ юбилейномъ гимнѣ у Горація, и ясно высказано въ одной могильной надписи, гдѣ жена говоритъ мужу:

Пусть то, что ранняя смерть отняла у моей молодости,
Благое божество приложитъ къ твоему вѣку!

Въ любовной тоскѣ по Антиноѣ, Адріанъ возвелъ его за преданность къ нему въ ликъ боговъ, и вотъ, по желанію императора, во многихъ мѣстахъ со-

оружали ему алтари и храмы, учреждали въ честь его жреческія общины, жертвоприношенія и оракуловъ. Что тогдашній языческій міръ подался такъ охотно на мечтательную прихоть Адріана, доказываетъ яснѣй всего, до чего простиралось тогда легковѣріе и какое религія имѣла ничтожное значенье. Но тутъ же очевидны были потребность искупленія и чаяніе истины въ томъ, что принесеніемъ въ жертву неповиннаго и препобѣждающею смерть любовью дѣйствительно суждено было совершиться спасенію человѣчества; хотя съ другой стороны Отцы Церкви были въ полномъ правѣ укорять язычниковъ, что они создали себѣ новаго бога изъ непотребнаго мальчика, въ угоду императору, такому же человѣку какъ и они сами. До насъ дошло нѣсколько превосходныхъ изображеній Антиноя; онъ является египетскимъ Агаѳодемономъ, т. е. добрымъ геніемъ, Гермесомъ, Аполлономъ, Адонисомъ, Ганимедомъ, всего чаще Діонисомъ, такъ-какъ именно на послѣдняго указываютъ полныя, мягкія формы тѣла и очевидная связь съ мистеріями. Члены Антиноя отличаются ядреною полнотой, широкая грудь особенно выпукла, а также размашистъ и черепъ; волоса на головѣ гладкіе и вьются только по концамъ, глаза лежатъ глубоко, брови едва приподняты легкою дугою, носъ пригнанъ къ линіи греческаго профиля, щеки и губы пухлыя. Чувственная прелесть соединена съ мечтательнымъ выраженіемъ, сила съ мягкостью. Волоса осѣняютъ лобъ темнымъ облакомъ и по сіящему молодостью лицу разлитъ оттѣнокъ грусти, признакъ смертоноснаго червя, подтачивающаго цвѣтъ жизни въ свѣжемъ его развитіи; среди наслажденія этимъ образомъ, душа чувствуетъ недовольство и невольно погружается въ печаль; такъ часто злоупотребляемое слово «міровая грусть» находитъ себѣ здѣсь полное примѣненіе. Знаменитую группу въ Ильдефонсѣ Фридрихъ Тикъ назвалъ обреченіемъ Антиноя на смерть. Здѣсь гаситъ онъ факелъ, въ такомъ же почти положеніи, какъ ящероубійца-Аполлонъ,—обвивъ рукой плечо стоящаго рядомъ съ нимъ Адріанова генія, который поднимаетъ вверхъ факелъ жизни императора.

«Будь возможность довести искусство до прежней его высоты, Адріанъ «былъ именно тотъ человѣкъ, у котораго достало бы для этого и познаній и «рвенія; но духъ свободы исчезъ тогда со свѣту, а съ нимъ вмѣстѣ изсякъ «и источникъ возвышенныхъ помысловъ и славы». Эти слова Винкельмана можно отнести не къ одному искусству, но и къ жизни вообще, гдѣ точно такъ же Антонинъ Благочестивый и Маркъ Аврелій философъ, при всей способности къ дѣламъ, при всѣхъ благонамѣренныхъ стремленіяхъ, могутъ только поддержать въ ходу государственную машину, а не привить совсѣмъ изжившемуся народу свѣжесть и силу самодѣятельнаго и этимъ именно преуспѣвающаго и благоденствующаго организма. Адріановы заботы объ искусствѣ продолжали еще дѣйствовать и при нихъ, но уже слишкомъ явны стали признаки упадка. Рельефы одного памятника Антонину смѣшиваютъ реальное съ миѳологическою символикой и обличаютъ какъ расчитанную на показъ выставку предметовъ, такъ и усильное изученье со стороны художниковъ. Колонна въ честь Марка Аврелія съ пластическимъ изображеніемъ Маркоманнской войны—прямой сколокъ съ Траяновой, но представляетъ менѣе силы, свѣжести и строгой мѣры въ замыслѣ и въ выраженіи; фигуры еще болѣе скучены одна на другую, принадлежности скопированы еще суховатѣе, страны свѣта обозначены какъ на ландкардѣ; всего извѣстнѣй тутъ изображеніе

дождя, которымъ тучевидный Юпитеръ освѣжаетъ Римлянъ, тогда какъ въ то же время онъ разстроиваетъ ихъ враговъ бурей съ страшнымъ градомъ. На портретныхъ бюстахъ Марка Аврелія и Луція Вера художники хотятъ множествомъ выемокъ разбить курчавые волосы въ небольшія легкія пряди, но производятъ впечатлѣніе не мягкости, а напротивъ мертвеннаго, кораллообразнаго подѣла. Лучшимъ созданіемъ того времени остается бронзовая конная статуя Марка Аврелія, которую Микель-Анджело поставилъ на Капитолійской площадкѣ такъ, что передомъ она обращена къ всходящему по лѣстницѣ зрителю. Конь, тяжеловѣсной породы, напоминающей фризскую, спокойно ступаетъ впередъ, неся на себѣ всадника, который сидитъ на немъ скорѣе ученымъ школяромъ, нежели воиномъ, подымаетъ вверхъ благословляющую руку и, въ простомъ военномъ плащѣ, съ своимъ мирнымъ, добрымъ лицомъ, вѣрно передаетъ характеръ императора во всей его достолюбезности,—такимъ, какимъ онъ предстаетъ въ «Размышленіяхъ», обращенныхъ Маркомъ Авреліемъ къ самому себѣ.

Это—философски-назидательная книга, имѣвшая предшественникомъ себѣ руководство, которое, въ поученіе и утѣшеніе образованнымъ людямъ своего времени, написалъ со словъ вольноотпущенника Эпиктета Арріанъ. Онъ же романическимъ разсказамъ объ Александрѣ Великомъ противопоставилъ исторію, основанную на дѣльныхъ разысканьяхъ. Эпиктетъ вооружается противъ изувѣрнаго мечтательства и противъ губительнаго для нравственности безвѣрія ученіями стоиковъ, которыхъ чрезмѣрная жесткость смягчается у него, какъ и у Марка Аврелія, человѣколюбіемъ, а излишнее самодовольство—оттѣнкомъ душевной преданности Божеству. Негодованіе противъ порока уступаетъ здѣсь участію къ духовно и тѣлесно обдѣленнымъ,—участію, которое и въ преступникѣ видитъ только ослѣпленнаго несчастливца; республиканская строптивость и готовность на борьбу съ чѣмъ бы то ни было уступаетъ у него мѣсто долготерпѣнію и самоотверженности, которыя смотрятъ на все совершающееся, какъ на нѣчто неизбѣжное, но укрѣпляются твердымъ убѣжденіемъ, что счастіе и несчастіе не зависятъ отъ внѣшнихъ благъ, а лежатъ въ собственной душѣ человѣка, въ его понятіи о вещахъ, и что въ нашей совершенно волѣ обратить всякое положеніе въ почву нравственной дѣятельности, и любой житейскій случай—въ образовательное средство для характера. Намъ невольно вспоминаются и буддизмъ и христіанство, когда Маркъ Аврелій взываетъ къ своей душѣ, чтобы она не пеклась о чуждомъ и постороннемъ, а вразумлялась сама въ себя, отрѣшала свое истинное *я* отъ всякихъ внѣшнихъ приростей и, неодолимо замкнувшись въ твердыню безстрастнаго разума, находила спокойствіе и благополучіе въ ней одной. Кто ограничится самъ собою и станетъ въ независимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, кто разъ навсегда предастся волѣ Божіей, въ томъ угаснутъ всѣ муки желаній и похотей, тотъ все обратитъ себѣ на пользу. Такъ же точно и Эпиктетъ велитъ во всемъ блюсти волю Вышняго; мірскія вещи, говоритъ онъ, дѣло второстепенное,—подбирай ихъ какъ раковинки, не больше; да мы собственно и не теряемъ ни чего, намъ принадлежащаго, а только возвращаемъ Богу Божіе, лишаясь какого-нибудь драгоцѣннаго намъ блага; вѣдь и душа наша жаждетъ воротиться къ своему первоисточнику, откуда единственно ниспосылается ей сила устоять противъ всякой житейской напасти.

Что такое жизнь людская? спрашиваетъ императоръ: сонъ и дымъ, который съ каждымъ днемъ проходитъ и уходитъ,—такая шаткая, ничтожная, что не мудрено не придавать ей большой цѣны. Одно способно насъ руководить въ ней,—философія. Замѣтимъ здѣсь вмѣстѣ съ Целлеромъ, что послѣдняя была уже не свободною дѣятельностью ни въ чемъ не нуждающагося духа, какъ у древнихъ, да не была также и познаніемъ въ смыслѣ цѣли; она сдѣлалась средствомъ для удовлетворенія нравственной и сердечной потребности, а теперь предназначалась служить опорою для жаждущихъ помощи, утѣшеніемъ для сердецъ сокрушенныхъ ничтожествомъ земной обстановки; главный мотивъ ея—забота человѣка о спасеніи своей души, о нравственномъ его благѣ; философъ, какъ говоритъ Эпиктетъ, врачъ, къ которому обращаются не здоровые, а больные; онъ, по словамъ Марка Аврелія, служитель и священникъ Божій, посланный людямъ, да наставитъ блуждающихъ и да покажетъ имъ, какъ можно быть благополучнымъ, даже не имѣя права ни чего на свѣтѣ назвать своимъ; не человѣкъ, говоритъ опять Эпиктетъ, назидаетъ васъ на доброе, самъ Богъ вѣщаетъ его устами, и кто ни во что не ставитъ словъ его, сопротивляется прямо Божеству. При всей близости подобныхъ изреченій къ новозавѣтнымъ правиламъ, не слѣдуетъ терять изъ виду что впервые вѣдь только христіанство поставило любовь основой нравственности и признало въ ней коренной источникъ бытія; стоикъ же все еще исключительно занятъ самимъ собой, своимъ душевнымъ спокойствіемъ, и способенъ высказать такое напримѣръ, жестокосердое слово:«Не заботься, что сынъ твой выйдетъ дуренъ отъ того, что ты его не наказываешь; лучше ему быть негодяемъ, чѣмъ тебѣ тревожить себя и терпѣть отъ того горе.» Прекрасно звучатъ слова Марка Аврелія: «Чти Бога въ груди своей добродѣтелью, въ любой данный мигъ помни мѣсто свое, какъ человѣкъ, и смотри на конецъ жизни съ той спокойной ясностью, которая удовлетворяется помышленіемъ о томъ, что согласно природѣ.» Но слишкомъ часто мы замѣчаемъ здѣсь, что мудрость и добродѣтель смѣшиваются съ ученіями о мудрости и добродѣтели, зачастую слышимъ слово книги и школы вмѣсто собственнаго опыта и собственнаго мышленія; мы охотно согласимся съ авторомъ, когда великихъ мыслителей и поэтовъ онъ ставитъ выше сильныхъ міра и завоевателей, но когда онъ къ тому прибавляетъ: «Александръ Великій и его конюхъ, какъ скоро они умерли, обратились въ одно, воспринятые ли опять въ ту же творческую природу вселенной или разсѣянные въ тѣ же атомы», —то здѣсь онъ теряетъ изъ виду, что Александръ и теперь еще присущъ намъ своими дѣлами и ихъ слѣдствіями.

Научные труды въ области философіи преимущественно относились къ Платону и Аристотелю, которыхъ старались объяснить и постичь въ согласіи ихъ основныхъ мыслей; назовемъ здѣсь Аристотелева толкователя, Александра Афродисійца. Скептики, напротивъ, хотѣли вывесть изъ противоборства разныхъ мнѣній невозможность какого бы то ни было твердаго убѣжденія, тѣмъ болѣе что любой доводъ самъ вѣдь требуетъ опять доказательства, да притомъ разность мыслящихъ субъектовъ, и даже измѣнчивыя настроенія и состоянія одного и того же лица, влекутъ за собой и разнообразіе во взглядахъ. Энесидемъ, и въ особенности Секстъ Эмпирикъ, сопоставили мысли минувшихъ вѣковъ только для того, чтобы успокоить самоотверженный духъ сознательнымъ отреченіемъ отъ всякой истины. Въ то же время, по-

добно нашимъ виртуозамъ, разъѣзжали тогда по свѣту риторы и софисты услаждавшіеся громомъ звонкихъ фразъ и трескучихъ умозаключеній, равно какъ и всѣми земными благами, тогда какъ съ другой стороны размножились опять киники, выставлявшіе на показъ свою независимость отъ всѣхъ нуждъ; щеголяя нищенскими лохмотьями, становились они выше всѣхъ общественныхъ приличій и накидывались на другихъ людей съ своими язвительными нравоученіями, пока имъ не затыкали ротъ какою-нибудь подачкой. Противъ этихъ обезьянъ мудрости, этихъословъ въ львиной шкурѣ, ославившихъ философію, Лукіанъ направилъ свою насмѣшку.

Въ лицѣ Лукіана Самосатскаго завершился вообще блистательно процессъ саморазложенія античнаго духа. Все суета, думуетъ онъ вмѣстѣ съ Саломономъ, и ставитъ себѣ задачею доказать это самымъ потѣшнымъ образомъ; все житье бытье своего времени трактуетъ онъ съ обдуманною ироніей, нарочно все беретъ съ смѣшной стороны и дѣлаетъ ее цѣлью своего мѣткаго остроумія. Отличаясь геніальностью своихъ выходокъ, легкой изобрѣтательностью, плавностью и бойкостью изложенья, онъ справедливо названъ былъ Вольтеромъ древняго міра, и точно такъ же предшествуетъ его паденію, какъ Вольтеръ французской революціи. Для него нѣтъ ни чего святого, какъ и для послѣдняго, если только онъ можетъ посмѣяться и заиять, но подобно Вольтеру онъ также очищалъ житейскую атмосферу и дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ просвѣтительно. Разговоры его занимаютъ середину между сократовской бесѣдою и комедіей; лучшіе изъ нихъ развиваютъ какую-нибудь забавную исторію, живо обрисовывая характеры. Въ своихъ разговорахъ между богами онъ какъ будто бы становится на сторону той слѣпой вѣры, которая всѣ примыслы фантазіи считаетъ за чистую монету реальности; нарочно, какъ Эйленшпигель, принимаетъ онъ все символическое въ буквальномъ смыслѣ и потомъ изливаетъ насмѣшки здраваго смысла надо всѣмъ, что есть антропоморфическаго въ миѳахъ; но послѣдніе—чистыя лишь басни и въ его собственныхъ глазахъ, онъ даже и не подозрѣваетъ глубокаго ихъ смысла, ихъ идеальнаго содержанія, точно такъ же какъ не дается ему сущность христіанства, въ которомъ онъ видитъ только мечтательство и торгъ легендарнымъ скарбомъ, или ужъ во всякомъ случаѣ такое простосердечіе, которое дается въ обманъ любому прошлецу. Самая веселая пародія на язычество—Лукіановъ «Зевсъ Трагѣдъ», сначала принаряжающійся эврипидовскими поэтическими фразами, а потомъ созывающій на сходку боговъ; здѣсь разсаживаются они по цѣнѣ металла, изъ котораго сдѣланы: золотые варварскіе боги выше, а за ними костяные, бронзовые, мраморные; кумиры, какъ и въ идолослуженіи, идутъ у него за самыя божества. По Олимпу въ великомъ смятеніи: эпикуреецъ Дамидъ отрицаетъ всѣхъ боговъ, и намѣренъ вступить объ этомъ въ формальный споръ со стоикомъ Тимокломъ. Боги собираются смотрѣть на диспутъ и, не будучи въ силахъ ни чего сдѣлать для своего защитника, хотятъ, по совѣту Юпитера, по крайней мѣрѣ помолиться за него небу. Геніальности этой затѣи вполнѣ соотвѣтствуетъ тотъ оборотъ, что послѣ цѣлаго ряда опроверженій его доводовъ, стоикъ все-таки провозглашается со стороны народа побѣдителемъ, послѣ такого безподобнаго умозаключенья: «Если есть алтари, то должны непремѣнно существовать боги: иначе вѣдь не нужно алтарей; но алтари есть, стало-быть есть и боги!»—Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Лукіанъ

ухитряется перещеголять чудесные разсказы вѣрующихъ въ колдовство и привидѣнія, равно какъ и всѣ дива баснословныхъ путешествій. Или изображаетъ намъ по собственному наблюденію самыхъ колосальныхъ проходимцевъ своего времени. Тамъ, какой-то Александръ родомъ изъ Авонитоха, приручилъ къ себѣ змѣю и потихоньку зарылъ въ землю бронзовые доски съ надписью, что скоро долженъ явиться Эскулапъ собственною особой. И вотъ городъ Авонитохъ воздвигаетъ храмъ въ ожиданіи этого случая; мошенникъ забирается въ него съ своей змѣей и смѣло выдаетъ ее за бога; тотчасъ устроиваютъ новоявленному богослуженіе, а тотъ пускается ужь и въ прорицанія, за которыми присылаютъ къ нему даже изъ Рима. Напрасно Лукіанъ старался обличить фокусника; намѣстникъ Понтскій объявилъ наотрѣзъ, что еслибъ даже пророкъ и былъ уличенъ въ обманѣ, то все-таки, по причинѣ его связей со знатью, наказать его нѣтъ ни какой возможности. Александръ ославилъ простому народу своихъ противниковъ богоотступниками, то-есть христіанами или эпикурейцами, и исключилъ обѣ эти секты изъ своихъ мистерій, въ которыхъ одна пригожая Римлянка представляла у него богиню луны и нисходила къ нему съ неба, чтобы онъ цѣловалъ и обнималъ ее сколько душѣ угодно. Онъ пользовался божескими почестями до самой своей кончины, а оракулъ его дѣйствовалъ еще и впослѣдствіи. Или: еще другой проходимецъ, Перегринъ Протей, не ставя ни во что истину, перемѣнилъ роль философа на роль изувѣра, сталъ вдругъ жить, какъ мученикъ, одними только добровольными даяніями христіанъ, а потомъ выступилъ вдругъ опять стоическимъ демагогомъ среди язычниковъ, пока наконецъ не обратился всенародно къ публикѣ, торжественно приглашая ее на самосожженіе его въ Олимпію. Тамъ самъ онъ сказалъ надгробное себѣ слово, объявляя что хочетъ теперь увѣнчать залотую жизнь золотымъ вѣнцомъ; кто жилъ какъ Ираклъ, тотъ долженъ и умереть по-иракловски; онъ будетъ благодѣтелемъ человѣчества еще и тѣмъ, что покажетъ ему какъ надобно презирать смерть. Съ плачемъ взывали къ нему всѣ предстоящіе: Сохрани ты себя для Эллады! Другіе, напротивъ, требовали, чтобъ онъ выполнилъ свое намѣреніе. Тутъ онъ задрожалъ и поблѣднѣлъ, однакожь оправился и таки прыгнулъ въ огонь. Индійская міробоязнь, стоическое презрѣнье къ жизни обращаются здѣсь въ комедію, или, какъ замѣтилъ Грегоровіусъ, неоспоримый героизмъ дѣла становится ужаснѣйшею каррикатурой благодаря смѣшной его безсодержательности и пустотѣ, благодаря мученичеству напоказъ, какъ будто бы только изъ-за спора; но каррикатура выходитъ уже просто дьявольщиной, когда видишь что вокругъ этого огня стоятъ цѣлыя толпы жадныхъ зрителей, когда ей рукоплещутъ съ хихиканьемъ умѣющіе только остроумничать Лукіаны. Шарлатанствамъ такого рода Лукіанъ охотно противопоставляетъ потомъ своего добродѣтельнаго и умнаго вмѣстѣ Демонакса; но какъ у этого героя, такъ и у самого автора, остроумія больше нежели мудрости; и не въ однихъ также бесѣдахъ между героями обнаруживаетъ онъ свою наклонность къ соблазнительнымъ и развратнымъ картинамъ: въ этомъ сродни ему какъ сластолюбивый переводчикъ его, Виландъ, такъ и пѣвецъ «Дѣвы Орлеанской», Вольтеръ.

Надъ чѣмъ потѣшается Лукіанъ, то Плутархъ хотѣлъ бы лучше отстоять, и въ рѣшительно отжившей формѣ уберечь по крайней мѣрѣ внутреннее со-

держаніе и ядро истины, когда въ Платоновскомъ еще духѣ онъ мыслію о божествѣ освобождается отъ страха всѣхъ житейскихъ напастей, символически истолковываетъ язычество и въ образахъ его старается удержать смыслъ, во многихъ богахъ—единое божественное начало. Словно предвѣстіемъ гибели естественной религіи звучитъ разсказъ его о томъ, какъ въ царствованіе Тиберія таинственный голосъ взывалъ на морѣ къ корабельщикамъ, повелѣвая имъ распространять молву по всѣмъ краямъ, что не стало уже великаго Пана. Всей душой привязанъ еще Плутархъ къ великолѣнію древности, и тогда какъ Лукіанъ предаетъ осмѣянію современныхъ ему проходимцевъ, онъ наоборотъ выставляетъ на диво слѣдующимъ поколѣніямъ героевъ стараго времени. Ни мыслитель, ни историкъ-изслѣдователь не найдутъ у него достаточной основательности и строгой критики; онъ философствуетъ назидательно и мѣшаетъ подлинные факты съ анекдотическимъ и былиннымъ матерьяломъ, изукрашая дѣйствительность театрально и риторически, но тѣмъ именно онъ и производитъ на юные умы такое обаянье, и восторгъ его передъ красою и величіемъ древности простеръ отчасти свое дѣйствіе и на новое время.—Любовь къ древнему быту сопровождала и Павсанія въ путешествіи его по Греціи, которой художественные памятники онъ намъ описалъ. Врачебное искусство — въ Галенѣ, астрономія — въ Птолемеѣ, нашли себѣ великихъ ученыхъ, передавшихъ потомству всѣ добытки античной культуры по этимъ отраслямъ.

Лукіанъ и Плутархъ писали по гречески; у латинскихъ писателей Адріанова времени архаистичность заявляетъ себя тѣмъ, что они выбираютъ забытыя слова и фразы изъ авторовъ доцицероновскаго періода и украшаютъ ими свое сухое изложенье. Изъ Африки распространилось потомъ вліяніе одной новой школы, которая непомѣрныя затѣи распущенной фантазіи облекала въ бездну чудовищныхъ предложеній, гдѣ варварская форма словъ шла обокъ съ крайнимъ преизбыткомъ самыхъ ярко-пестрыхъ образовъ,—школы, которая и въ прозѣ старалась щекотать слухъ частымъ употребленіемъ аллитерирующихъ * и риомующихъ выраженій. Апулей, родомъ изъ Мадавры, пишетъ такъ вовсе не шутя; но гдѣ онъ дѣлаетъ это въ своемъ комическомъ романѣ, тамъ крайне пестрый его слогъ представляется какъ бы умышленною пародіей, и это напоминаетъ намъ какого-нибудь Фишарта, у котораго людскія дурачества коверкаются и пляшутъ передъ нами, наряженныя въ такіе же словообороты и вычуры. Греція давно уже имѣла свои новеллы или повѣсти, подъ названіемъ «Милетскихъ сказокъ»; къ этому присоединились теперь разсказы о колдуньяхъ и привидѣніяхъ. Волшебное превращеніе человѣка въ осла и то что пережилъ онъ въ этомъ образѣ было старою уже баснеи, которою воспользовался еще Лукіанъ для одной сатирической картины нравовъ; Апулей провелъ ее далѣе, и его оборотень-оселъ заслужилъ себѣ отъ признательныхъ читателей почетное прозвище «Золотого». Онъ такъ серьёзно входитъ во всю дурь суевѣрія и колдовства, какъ будто бы этотъ міръ нелѣпыхъ грезъ былъ дѣйствительный, и кстати рисуетъ картину своего гніющаго, безстыднаго времени, которая была бы просто отвратительной, не будь именно ея гнус-

---

* Созвучныхъ по началу, тогда какъ риомующіе созвучны по концу.

ность предметомъ осмѣянія для комики. Молодой Луцій путешествуетъ по Ѳессаліи и слышитъ какъ два странника спорятъ между собой изъ-за росказней о колдовствѣ; онъ узнаетъ, что жена его кунака въ Ипатѣ настоящая волшебница, заводитъ съ ея горничной любовную связь и добивается этимъ возможности подсмотрѣть какъ та раздѣвается, намазывается какимъ-то снадобьемъ и вылетаетъ изъ окна въ видѣ сычихи; ему хочется испытать такое же превращеніе на себѣ самомъ, но горничная подала ошибкой не ту банку, и Луцій вдругъ превратился въ осла. Возлюбленная утѣшаетъ его тѣмъ, что колдовство пройдетъ, какъ скоро онъ поѣстъ розановъ; она хочетъ принесть ему ихъ на слѣдующее же утро, но въ ночь приходятъ разбойники, навьючиваютъ мнимаго осла загра6ленными сокровищами и гонятъ его въ свою пустынную пещеру. Не разъ сильно подстегиваемый Луцій видитъ по дорогѣ розаны, но то не можетъ ихъ достать, то смущается мыслью, что снятіе колдовства въ ту минуту дѣло для него опасное. Изъ романической обстановки разбойничьей пещеры помогаетъ онъ одному жениху спасти похищенную у него невѣсту, за что тотъ предоставляетъ ему свободный выгонъ, но на бѣду онъ послѣдовательно попадаетъ въ руки мельникамъ, хлѣбопекамъ, солдатамъ и странствующимъ попамъ, пока наконецъ привлекаетъ къ себѣ общее удивленіе у одного кондитера за свою ловкость въ глотаніи вина и сладкихъ печеній. Онъ прикидывается очень смышленымъ и понятливымъ, штуки его показываютъ уже за деньги, одна знатная дама дотого въ него влюбляется, что рада дѣлить съ нимъ его ложе. Хотятъ видѣть повтореніе постыдной сцены этой на театрѣ, но оно кажется уже чрезмѣрно и ослу; онъ бѣжитъ отъ своего хозяина, встрѣчаетъ процессію въ честь богоматери Реи, съѣдаетъ розу изъ вѣнка верховнаго жреца, становится опять человѣкомъ, посвящаетъ себя Изидѣ и Озирису, и тутъ мы узнаемъ вмѣстѣ съ нимъ, что въ таинствахъ этихъ божествъ нѣтъ собственно никакой сокровенной тайны. Многое изъ пережитаго осломъ перешло въ уста народа и попало въ Декамеронъ Боккаччіо. Явственный смыслъ цѣлаго романа тотъ, что человѣкъ скотинится, отступаясь отъ разума и предаваясь суевѣрію и безпутству; въ видѣ противня этой картинѣ, старуха передаетъ похищенной дѣвушкѣ въ разбойничьей пещерѣ миѳъ про Амура и Психею, разумѣется уже въ чисто-сказочномъ характерѣ. Перводревнѣйшая основа миѳа та, что Солнобогъ начинаетъ удаляться отъ земныхъ предѣловъ, какъ скоро увидитъ его въ полномъ блескѣ утренняя заря; процессомъ нравственнаго углубленія или перехода, заря становится мало по малу душой, а солнце божественной любовью; Психея осчастливлена Эротомъ, но она должна довольствоваться невидимымъ и сдерживать неумѣстное любопытство. Введенная въ соблазнъ завистливыми сестрами, зажигаетъ она лампадку, съ тѣмъ чтобы умертвить супруга, котораго сестры описывали ей чудовищемъ, и вдругъ видитъ его во всей красотѣ; но капля горячаго масла падаетъ на плечо спящаго, онъ просыпается и исчезаетъ, а Психея должна теперь въ тяжкомъ невольничествѣ перенести цѣлый рядъ испытаній, пока будетъ спасена и, соединясь опять съ Эротомъ, достигнетъ безсмертія. Пластическія произведенія свидѣтельствуютъ намъ, что поэтическій этотъ миѳъ былъ уже въ ходу и въ болѣе отдаленной древности; онъ изображаетъ собой невинность, паденіе, покаяніе и спасеніе души подъ водительствомъ любви божіей; я самъ пытался возста-

новить и обновить его въ своей книгѣ: «Богъ, душа и міръ». Заключимъ вмѣстѣ съ Розенкранцемъ: «Идеальная романтика этихъ метаморфозъ души «противопоставлена гротесковой сатирѣ превращенія человѣка въ звѣрный «образъ: настоящая магія не искусство ѳессалійскихъ колдуній, а чары за«душевной и чистой любви, которая сохраняетъ свою вѣрность и въ бѣдствіи, «которая дѣйствительно возноситъ насъ на небо».

ПАДЕНІЕ ИМПЕРІИ И ИСКУССТВА ВЪ 3-МЪ И 4-МЪ ВѢКѢ.

Національный духъ, нравственный характеръ уже совсѣмъ покинули государственное тѣло, и если они видны еще въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностяхъ, то послѣднія все-таки совершенно немощны противъ общаго разложенія и распаденья цѣлаго, у котораго исчезаетъ даже здоровая физическая сила. Такъ какъ всю рѣшительно тяжелую работу должны нести на себѣ одни рабы, то свободные естественно приходятъ въ разслабленную изнѣженность, и недостаетъ той крѣпкой народной опоры, которая съ бодрымъ духомъ и дюжею мощью исправляетъ поденный свой урокъ и постоянно вводитъ свѣжіе соки въ высшіе слои утонченнаго образованія. Ратная служба вся возложена на армію, набираемую въ провинціяхъ и изъ варваровъ; она охраняетъ составъ государства и извнѣ. Въ то же время идетъ систематическая разработка римскаго права, и ученые правовѣды, какой-нибудь Папиніанъ, Павлъ и Ульпіанъ, являются совѣтниками императора. Но, на тронѣ, суровыхъ, грубыхъ солдатъ смѣняютъ сластолюбивые и жестокіе развратники, а личности лучшихъ свойствъ, какова напримѣръ благородная Маммея, способны остановить порчу развѣ только на одно мгновеніе. При этомъ древній міръ противоборствуетъ двумъ стихіямъ, предназначеннымъ обновить его,—Германцамъ, готовымъ влить ему живоносный притокъ новой неиспорченной еще крови, и несущимъ богобоязненное мужество, чувство личной самостоятельности и душевную чистоту навстрѣчу другой стихіи, христіанству, за которое радостно хватались всѣ жаждавшіе помощи и утѣшенія бѣдняки и угнетенные, и которое разливало на души искупительную мощь свою въ глубокой тиши. Не дивную ли картину представляетъ то, какъ, наверху оффиціальный Римъ празднуетъ свои оргіи, снѣдаемый среди блеска внутреннимъ недовольствомъ, а внизу, въ подземныхъ катакомбахъ, откуда ломали камень для стройки города, собираются христіане молить Бога Духа духомъ и истиной, видѣть другъ въ другѣ братьевъ и взаимно оказывать другъ другу ту любовь, которой торжествующую надъ смертью силу открылъ имъ Христосъ и которая есть коренное начало всякой жизни; презрѣнные или отвергнутые міромъ, они блаженны въ душѣ своей; гоненія только еще больше

выявляютъ ихъ вѣрность, готовую на всякія жертвы силу вѣры, и тѣмъ еще пріумножаютъ число исповѣдниковъ. Новыя эти стихіи, ихъ сущность и постепенный разростъ изложимъ мы подробнѣе впослѣдствіи; здѣсь довольно будетъ напомнить, что онѣ существовали въ то самое время, когда, вся недостаточность народной религіи обнаружилась въ томъ тревожномъ стремленіи, съ какимъ безвѣріе, не находя ни какой опоры въ самомъ себѣ, хваталось то за тѣ, то за другія формы культа, суевѣрно прислушивалось къ бреднямъ звѣздочетовъ и ворожей и давалось въ обманъ заклинателямъ мертвыхъ и волшебникамъ. Со времени покоренія Египта, останавливались съ новыми опять чаяніями передъ таинственной символикой его боговъ и надѣялись прочитать разгадку жизни въ загадочныхъ іероглифахъ; вдругъ императоры Каракалла и Коммодъ торжественно пристали къ служенію Изиды, которая была отожествлена съ Цererою и Прозерпиной, а также и съ великою богиней Фригійцевъ; въ ней видѣли материнскую природу, женственное вещество обокъ съ мужескою, солнечною силой, или же всѣ вообще божескія личности сводили въ «одну, которая все», какъ величаютъ Изиду надписи. Ея жрицы привлекали къ себѣ толпу дивными цѣленьями, а люди съ болѣе глубокимъ чувствомъ искали по слѣдамъ богини въ ея таинствахъ какого-то утраченнаго блага, но вмѣстѣ и духовнаго успокоенія посредствомъ чувственныхъ впечатлѣній, бродя сперва среди ужасовъ непроглядной ночной тьмы, а потомъ, среди образовъ блаженныхъ душъ, переходя къ отрадному разсвѣту. Гораздо возбужденнѣе и диче были сирійскія богослуженія, совершаемыя съ оглушительною музыкой и бѣшеною пляской ватагами бродячихъ скопцовъ. Но могущество божіе всего охотнѣе стали опять видѣть въ солнцѣ, и какъ императоръ правилъ на землѣ, такъ оно царило на небѣ; Sol invictus, то есть непобѣдимое солнце, вотъ—богъ, неодолимо выходящій изъ ночной тьмы и изъ зимней непогоды, богъ небесныхъ воевъ, владыка міра, сливающійся опять съ Юпитеромъ. Когда истощенный развратомъ жрецъ Солнобога въ Эмесѣ, Геліогабалъ, взошелъ на тронъ императоровъ, тогда и въ Римѣ стали покланяться черному коническому камню, который былъ посвященъ этому божеству, даже приносили ему въ жертву дѣтей какъ древнимъ Ваалу и Молоху, чтобы ворожить по внутренностямъ несчастныхъ. Мало того, что мать императора, Соэмида, предсѣдательствовала въ женскомъ сенатѣ, установленномъ этикетомъ двора,—онъ велѣлъ выбрать коня своего въ консулы; самъ Геліогабалъ явился каррикатурою Нерона. Но всего болѣе былъ распространенъ персидскій культъ Митры (Миѳраса), родъ свѣтослуженія, котораго таинства призывали къ личному участію въ преодолѣніи смерти и тьмы и въ переходѣ къ блаженному бытію вслѣдъ за этимъ испытаньемъ. (См. Томъ I, стран. 441—442). Около 300-хъ годовъ по Р. Х. Діоклеціанъ думалъ еще искоренить христіанство, лишивъ его исповѣдниковъ покровительства закона; двадцать пять лѣтъ спустя Константинъ пріобрѣлъ побѣду и верховную власть тѣмъ, что самъ къ нимъ присоединился.

На тріумфальной аркѣ Септимія Севера, конца 3-го столѣтія нашей эры, равно какъ и на мѣньшихъ воротахъ въ честь его, антаблементъ вздулся зобомъ надъ колоннами, вся архитектоника ушла въ декоративность, а между тѣмъ пластическія работы все-таки поражаютъ безвкусіемъ: такъ, напримѣръ, четыре ряда рельефовъ одинъ надъ другимъ неуклюже запол-

няютъ собой квадратное тябло стѣны. Сынъ его, Каракалла, построилъ великолѣпныя бани, которыхъ могучія развалины принадлежатъ къ обширнѣйшимъ въ Римѣ руинамъ. Провинціи начали самостоятельнѣе относиться къ столицѣ, и поэтому въ разныхъ африканскихъ и азіатскихъ постройкахъ мы видимъ теперь кое-что своеобразное, какъ напримѣръ богато изукрашенную четырехпролетную тріумфальную арку въ Тевестѣ, въ Нумидіи, или двуярусное сооруженіе въ Ламбесѣ, съ полукруглыми арками поверхъ порталовъ и оконъ. Когда Оденатъ и Зиновія, подъ руководительствомъ философа Лонгина, управляли оазиснымъ городомъ Пальмирой въ Сиріи, они украсили свою столицу периптеральнымъ храмомъ Солнобогу, внутри окруженнаго колоннами двора, и двойнымъ колоннаднымъ ходомъ со статуями и тріумфальными арками, пересѣкавшимъ городъ на протяженіи 3,500 футовъ. Среди роскошнаго великолѣпія здѣсь господствуютъ еще крупныя, спокойныя линіи архитектуры, тогда какъ въ храмахъ и дворахъ Геліополя (Бальбека) все обратилось въ пеструю смѣсь цѣлой плетеницы нишъ, такъ что остатки этихъ зданій относятся къ антику, какъ рококо къ стилю Возрожденія. То же должно сказать о фасадахъ, высѣченныхъ по утесамъ Петры въ Аравіи; круглыя формы чередуются здѣсь съ угловатыми, во фронтонахъ дѣлаются безъ толку пролеты, изъ разнообразныхъ стилей выходитъ настоящій винегретъ. На Западѣ встрѣчаемъ мы развалины Трира, амфитеатры въ Веронѣ, Полѣ, Нимѣ и ворота въ Отёнѣ (Autun), съ двумя большими арками посерединѣ и съ двумя меньшими по сторонамъ; все это увѣнчано верхнимъ ярусомъ, котораго столпы связаны полуциркульными дугами, а впереди нихъ стоятъ еще колонны, поддерживающія архитравъ, какъ мы видимъ это въ Колизеѣ и въ постройкахъ временъ Возрожденія. Во дворцѣ, который Діоклеціанъ соорудилъ себѣ въ Спалатро, стѣны убраны колоннами, связанными цѣлымъ рядомъ арокъ вмѣсто замѣняющаго ихъ иногда прямого антебламента; то самое, что́ здѣсь было только декоративно, христіанское искусство примѣнило потомъ въ базиликѣ на конструктивный уже ладъ. Главная зала бань и среднее пространство базилики этого императора въ Римѣ великолѣпно покрыты смѣлымъ крестовымъ сводомъ, котораго дуги покоятся на мощныхъ стѣнныхъ колоннахъ; Микель Анджело перестроилъ эту залу въ церковь Ма́рія-дельи-анджели. Тріумфальная арка Константина вышла прямо изъ Траяновой. Могильный памятникъ дочери его, Констанціи, посвященъ ей и донынѣ въ видѣ церкви: это—круглое зданіе, котораго куполъ и подкупольная стѣна покоятся на колоннахъ, соединенныхъ арками и окруженныхъ сводчатымъ обходомъ, надъ которымъ высоко подымается среднее сооруженье. Подробности исполнены грубою рукой; замыселъ цѣлаго выходитъ уже изъ предѣловъ античнаго воззрѣнія и принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые нашли себѣ дальнѣйшее развитіе въ христіанствѣ.

Изваянія, особенно императоровъ и императрицъ, обличаютъ постепенный упадокъ пластики. Какая-нибудь Юлія Соэмида велитъ изобразить себя нагою, какъ Венера; другія воспроизводятъ въ камнѣ даже и парикъ, такъ что головной уборъ можно снимать со статуи и мѣнять по произволу; тутъ принимается въ соображеніе и цвѣтъ: тѣло дѣлаютъ изъ бѣлаго, одежду—изъ чернаго мрамора. Кто, впрочемъ, видѣлъ бюстъ Каракаллы хоть одинъ разъ, тотъ никогда его не забудетъ; художникъ сотворилъ здѣсь Тацитов-

скій судъ и безпощадно заклеймилъ злодѣя. «На этой головѣ, говоритъ «Буркгардтъ, римское искусство какъ бы замерло отъ ужаса; съ тѣхъ «поръ оно едва ли создало хоть одинъ образъ, столь исполненный высокаго «чувства жизни.» Историческія изображенія Константинова времени на тріумфальной его аркѣ показываютъ, до какого ребячества доходитъ одряхлѣвшее искусство. Для служенія Изидѣ, въ статуяхъ ея воспроизводили внѣшнимъ образомъ архитектоническое спокойствіе египетскаго стиля, что сообщало имъ манерную натянутость. Общую кормилицу, мать-природу, представляли очень непригладно многогрудою Діаной. Все должно было выражаться единичнымъ обликомъ, которому придавалась съ этой цѣлью бездна аттрибутовъ. Таково напримѣръ было изображеніе вѣчнаго времени, первоначала всѣхъ вещей, подъ именемъ Эона: здѣсь львиная голова должна означать силу, орлиныя крылья—быстроту, змѣиное туловище — скидываніе кожи и самообновленіе; смѣсный этотъ образъ держитъ въ рукѣ жезлъ для измѣренія времени, ключъ, потому что онъ даетъ доступъ къ сокровенному, кисть винограда, потому что благодаря ему зрѣютъ плоды; пѣтухъ призываетъ къ бдительности, клещи и молотокъ — къ работѣ; «все это очень символично и замысловато, говоритъ Фёйербахъ, но въ сущности только вѣдь чудовищно.» Служеніе Миорѣ было преимущественно въ ходу у легіоновъ; оттого по всей Европѣ разсѣяны его святилища, особливо вездѣ встрѣчающійся рельефъ поверженнаго наземь быка и юноши во фригійской шапкѣ, который попираетъ его колѣнами и умерщвляетъ кинжаломъ; прежнія богини, приносящія быковъ въ жертву, представляли художественные мотивы для подобной композиціи, выполнявшейся иногда тщательно, по большой же части — ремесленнической рукою.

Какъ будто бы съ тѣмъ чтобъ изготовить могильный памятникъ для самой себя, пластика со временъ Антониновъ обратилась къ ваянію саркофаговъ или гробницъ, такъ какъ тогда именно вошло въ обычай, вмѣсто сожиганія мертвыхъ, ставить ихъ въ каменныхъ гробахъ въ могильный склепъ. Рельефное убранство стѣнокъ саркофага рѣдко представляетъ сцены изъ жизни усопшаго; тутъ преобладаетъ миоико-символическій элементъ; даже сраженіямъ и тріумфамъ сообщается такой характеръ, что они выражаютъ борьбы земного существованія и побѣду въ нихъ вообще, напоминая намъ битвы Амазонокъ, этотъ любимый предметъ древней греческой пластики, и наводя на мысль, что сколько ни плоха здѣсь зачастую работа, мы все-таки имѣемъ передъ собой въ иныхъ группахъ воспроизведеніе прежнихъ мастерскихъ созданій, такъ-какъ изъ круга миоическихъ изображеній древности нарочно выбирались и передавались теперь тѣ, которыя относятся прямо къ судьбѣ человѣка, то-есть къ его жизни, кончинѣ и безсмертію. Такъ Луна и Эндиміонъ указываютъ на спокойный сонъ и на блаженное за тѣмъ пробужденье; въ похищеніи Персефоны человѣкъ является добычей смерти, но съ тѣмъ чтобы существовать еще за гробомъ и снова потомъ ожить; миоъ Діониса также напоминаетъ возрожденіе, побѣдное торжество послѣ борьбы и страданій; Алкеста и Адметъ, Эротъ и Психея утѣшаютъ скорбь разлуки надеждою на новое опять свиданье и на возсоединеніе уже навсегда. Полная мѣры красота нѣкоторыхъ изъ подобныхъ произведеній рѣшительно указываетъ тутъ на присутствіе какого-нибудь классическаго образца, тогда какъ, напротивъ,

въ другихъ новая глубокая мысль видимо борется еще съ формою, не находя себѣ вполнѣ удовлетворительнаго и приглядпаго выраженья; при этомъ она иногда воспользуется удачно тѣмъ или другимъ готовымъ обликомъ, и тогда фигуры эти стоятъ совсѣмъ особнякомъ среди загроможденной или неуклюжей обстановки. И подобно тому какъ Александръ Северъ пріобщилъ ликъ Іисуса Христа къ статуямъ Олимпійцевъ въ своемъ домѣ, такъ точно памфиліевскій саркофагъ въ Капитоліи представляетъ намъ сперва рожденіе человѣка, какъ Промеоей лѣпитъ его изъ глины, а Паллада Афина сажаетъ на голову ему душу въ видѣ бабочки; рядомъ съ этимъ геній тушитъ факелъ у покойника, а Гермесъ уводитъ душу, здѣсь одѣтую уже дѣвушку съ бабочкиными крыльями; за тѣмъ слѣдуетъ искупленіе,—Ираклъ нацѣливаетъ лукъ на коршуна, терзающаго грудь скованному Промеоею; далѣе идутъ четыре стихіи,—земля съ рогомъ изобилія, огонь въ видѣ Вулкановой кузни, вода въ лицѣ Посейдона и воздухъ въ видѣ вѣтрового демона, а между ними—союзъ любви въ видѣ цалующихся Эрота и Психеи; наконецъ въ углу стоитъ дерево, подъ нимъ мужская и женская фигуры, точь въ точь Адамъ и Эва въ раю, а третій человѣкъ, подобно Иліѣ, возносится на огненной колесницѣ къ небу, такъ что тутъ очевидно соединены библейское изображеніе съ эллинскимъ для наглядной передачи однѣхъ и тѣхъ же мыслей.

Въ литературѣ угасло творчество. Появлялись на латинскомъ и греческомъ языкѣ описательныя дидактическія поэмы объ астрологіи и географіи, объ охотѣ, рыболовствѣ и птицеловствѣ, безъ поэтическаго достоинства и безъ всякаго вліянія на жизнь. Греки вдавались при этомъ въ безсмысленную перехитренность. Трудно ожидать какого-бы то ни было остроумія въ томъ, когда напримѣръ какой-нибудь Леонидъ такъ прилаживаетъ свои эпиграммы, чтобы отъ каждой получалась одна и та же сумма, если всѣ буквы принять за цифры и всѣ между собой сложить; и нельзя не пожалѣть о мученическомъ шутовствѣ какого-нибудь Нестора изъ Ларанды, который пишетъ новую Иліаду такимъ образомъ, что въ каждой изъ 24-хъ пѣсень исключаетъ одну за другой по одной буквѣ алфавита, какъ будто бы ея и не существовало! Мы обязаны благодарностью такимъ труженикамъ какъ Аопней и Стобей за ихъ сборники, ихъ аноологіи, которыя сберегли намъ столько прекраснаго изъ классической эпохи. У Римлянъ мѣсто эпоса заступили льстивыя дворскія стихотворенья. Подъ самый конецъ Клавдіанъ нашелъ для себѣ благодарный сюжетъ въ подвигахъ Стилихона, а въ «Похищеніи Прозерпины» онъ далъ послѣдній отголосокъ миоической поэзіи, воспользовавшись наслѣдіемъ Виргилія и Овидія для блистательныхъ описаній; душа его вдохновлялась еще какъ бы послѣдней вспышкою древне-римскаго духа. Въ лирикѣ сладострастная живопись указываетъ въ «Ночномъ праздникѣ Венеры» на африканскую школу; содержаніе ничтожное; любовь, пробуждающая весной природу, влечетъ къ свободному наслажденію и сердца людей:

Кто никогда не любилъ, полюби завтра, а кто любилъ, тотъ и завтра опять люби!

Авзоній, изъ Бордо, испытывавшій по очереди свои силы, какъ школяръ, во всѣхъ мелкихъ родахъ поэзіи, пропѣлъ Германіи поэтическій привѣтъ древняго міра въ удачнѣйшей изъ всѣхъ своихъ идиллій, «Мозель». Зеленѣ-

ющіе виноградниками холмы, увѣнчанные виллами утесы Рейна и Мозели восхитили Авзонія, и онъ не нахвалится зеркальной ясностію здѣшнихъ водъ; поучительно-сухой, когда примется за топографію края или за зоологическое описаніе рыбъ, онъ снова освѣжаетъ насъ своимъ радушіемъ къ трудолюбиво-бодрому народу, своимъ чутьемъ къ прелести лѣтняго вечера, когда заря погасаетъ въ великолѣпной долинѣ, а верхи горъ еще облиты багряно-теплымъ блескомъ солнца, небо отражается въ струяхъ и съ берега на берегъ перекликаются голоса взаимнаго привѣта. Ему подарили въ невольницы алеманискую дѣвушку, а та стала повелительницей его сердца; онъ предпочитаетъ красоту и миловидность нѣмецкихъ женщинъ, ихъ бѣлокурые волосы и голубые глаза—прелестямъ Римлянокъ, и воспѣваетъ розы и лиліи, цвѣтущія на лицѣ его Биссулы.

СЛІЯНІЕ ВОСТОКА СЪ ЗАПАДОМЪ ВЪ АЛЕКСАНДРІИ.

Борьба язычества съ христіанствомъ. Новоплатоники.

Не одни скептики сомнѣвались въ возможности для человѣческаго разума познать истину; стоическій догматизмъ въ свою очередь искалъ опереться на религіозный авторитетъ и надѣялся на ниспосланіе отъ Бога силы для достиженія добродѣтели и полнаго вразумленія. Весь міръ уповалъ найдти источникъ истины въ высшемъ откровеніи; человѣчество чаяло и чувствовало необходимость новаго начала жизни, а что оно явилось во Христѣ, это скорѣе постигали дѣтски-простыя души нежели высоко-ученые умы. Послѣдніе влекло къ себѣ все темное, загадочное, * и подобно тому какъ толпа стремилась къ восточнымъ богослуженіямъ, такъ они старались изслѣдовать жреческую мудрость Египтянъ, Персовъ и Индійцевъ. Отреченіемъ отъ міра, умерщвленіемъ чувственности, неустаннымъ размышленіемъ надъ самимъ собой думали погрузиться въ божественное начало. Сліяніе египетскихъ и симитскихъ идей съ религіозными взглядами Арійцевъ началось уже въ мистеріяхъ; орфики пріобщили Орфея, будто бы нисходившаго за супругой въ преисподнюю, къ лику богатырей, какъ героя торжествующей надъ смертью любви, и сдѣлали его носителемъ желаннаго откровенія. Въ уста ему вложили эпическую пѣснь о походѣ Аргонавтовъ, въ которой однако мало говорилось о путевыхъ приключеніяхъ, и очень много о глубокой мудрости пѣвца, о чарующей силѣ его пѣсень. Въ

* Какъ въ наше время влечетъ ихъ все очевидное, — очевидное впрочемъ на первый только взглядъ, и представляющее бездну загадочнаго и темнаго, когда глубже въ него вникнемъ. Прим Переводч.

гимнахъ, связанныхъ съ его именемъ, исключено все миѳическое, а славятся первичная природа, верховное разумѣніе, въ цѣлой безднѣ прилоговъ, возводящихъ всякое божество ко всеединству и упраздняющихъ всякую личную опредѣленность. То Парки, то непроглядная Ночь, являются водительницами всего сущаго, матерями, счастливящими вселенную, то Афродита, то наконецъ Зевсъ. Тамъ между прочимъ говорится:

Богиня природа, мать всего сущаго, мать всѣхъ изобрѣтеній,
Небесная мощь, изначала высшая, царица,
Всѣмъ славно властвующая въ неисчерпаемой безднѣ созданій,
Первоверховница, святая, одушевительница боговъ, конецъ безконечный,
Отецъ самой себѣ, безъ иного отца, въ радостной полнотѣ первичной силы,
Плодоносная созрѣвница, разложительница созрѣвшаго,

и такъ далѣе, все въ подобныхъ же призывахъ вплоть до самого конца:

Вѣковѣчная жизнь и непреходящая мудрость,
Ты вѣдь все и есть, потому что одна ты творишь все окружающее!

Какъ мистеріи привѣтствовали уже и въ Діонисѣ спасительнаго провозвѣстника новой эпохи, такъ и Египтянинъ Ноннъ воспѣлъ теперь въ мечтательно-порывистомъ тонѣ эпосъ о Вакхѣ, о его подвигахъ и страданіяхъ, съ тѣмъ чтобы въ блестящихъ фантазіей картинахъ еще разъ вывесть древній миѳическій міръ на борьбу съ новою религіей, которая потомъ и надъ нимъ самимъ одержала столь рѣшительную побѣду, что онъ съ подобнымъ же словообиліемъ воспѣвалъ теперь Христа, его величіе и чудеса его, чѣмъ, по замѣчанію Бернгарди, евангеліе явилось перелитымъ въ звенящую мѣдь, какъ бы нарочно въ противень прославленію Вакха.

Стихотворныя прорицанія Сивиллъ представили александрійскимъ Іудеямъ, а впослѣдствіи и христіанамъ, случай прикрѣпить къ нимъ свои собственныя надежды и взгляды на жизнь людскую. Первые говорятъ о паденіи римской державы, о погибели египетскаго идолослуженія, о побѣдѣ и сліяніи всѣхъ благочестивыхъ въ поклоненіи истинному Богу; послѣдніе разсказываютъ рождество, жизнь, смерть и воскресеніе Христа Іисуса въ видѣ пророческаго предвозвѣстія, и ждутъ рѣшительной борьбы, которая должна подѣлить добрыхъ со злыми и завершить собой царствіе Божіе. Новоплатоники пользовались, напротивъ, божественными изреченіями Халдеевъ, чтобы изъ толкованія ихъ выводить свою собственную мудрость, или же излагать ее въ одинаковой съ ними формѣ, или наконецъ освящать высокочтимымъ Зороастровымъ именемъ.

По эпосу, съ которымъ Греки такъ художнически-прекрасно вступили на литературное поприще, и котораго коренной ладъ остался навсегда въ основѣ ихъ поэзіи,—эпосу еще суждено было найдти себѣ болѣе чистый отголосокъ и вмѣстѣ окончательно завершить свой путь переходомъ въ прозу. Музей разсказываетъ исторію Геро и Леандра, внезапную вспышку ихъ любви при первой встрѣчѣ юноши съ жреческою дѣвой, силу страсти, переносящей смѣлаго пловца черезъ Геллеспонтъ, и ту усладительную ночь, которая была

наградой его мужеству, пока буря на возвратномъ пути не погубила его въ разъяренныхъ волнахъ и Геро не соединилась съ нимъ добровольной смертью. Стихи благозвучны, и въ вѣнокъ гомеровскаго языка поэтъ вплетаетъ цвѣты александрійскаго краснорѣчія; онъ даетъ обильную красками картину, которая и содержаніемъ и обдѣлкой переводитъ насъ въ романтику.

Тутъ же совершился и переходъ отъ эпоса къ роману. Эпосъ былъ идеальною картиной богатырской молодости народа (народнаго молодечества), передачею всемірной исторіи въ свѣтѣ божескаго міроправленія, какъ его представляла себѣ фантазія, сила души, преобладавшая еще въ великихъ людяхъ и въ ихъ подвигахъ; и религія, и житейская мудрость находили себѣ тогда выраженіе въ поэзіи. Со временъ Александра Великаго частные интересы порознились отъ общественныхъ, человѣкъ уже не уходилъ въ гражданина весь цѣликомъ, правители взяли на себя заботу о всеобщемъ, учредился механизмъ государственнаго управленія, а единичное лицо отдавалось надосугѣ своему промыслу, занятію, удовольствію, или искало свободы и мира внутри себя. Такимъ образомъ и поэзія обратилась мало-по-мало къ частной жизни, и формами его явились новая комедія и идиллія. Внѣшній бытъ сталъ прозаиченъ и поэзія начинаетъ уходить въ задушевное чувство или открывать для себя внутренній міръ; содержаніемъ ея становится исторія сердца, любовь, какъ поэтическая сторона индивидуальной жизни. Это собственно переступаетъ границы античнаго идеала и находитъ себѣ классическое выраженіе только уже въ христіанскія времена; попытки же такого рода подконецъ древней эпохи знаменуютъ именно переходъ къ христіанству. Поэзія проявляетъ себя не только въ художественномъ замыслѣ и въ способѣ обработки, но и въ самомъ изобрѣтеніи сюжетовъ; она притомъ весьма послѣдовательно обращается къ языку прозы, чтобы съ одной стороны отвѣчать прозаическимъ отношеніямъ дѣйствительности, а съ другой сообщать этимъ вымыслу и внѣшній видъ реальной правды. («Эстетика», Ч. II, стран. 538—547). Подобно тому какъ миѳъ становится сказкою, какъ у Овидія былина о богахъ и герояхъ обращается въ интересную потѣху воображенія, такъ точно отголоски миѳовъ могли еще отзываться и въ сказкахъ, называемыхъ Милетинскими, которыя подали въ Малой Азіи первый примѣръ прозаической передачи любовныхъ повѣстей; вѣдь и глубокомысленный миѳъ про Эрота и Психею дошелъ до насъ только въ новеллистической этой формѣ. По крайней мѣрѣ въ тѣхъ любовныхъ повѣстяхъ, которыя Парѳеній Никейскій собралъ для римскаго стихотворца Галла, миѳическіе и новеллистическіе элементы идутъ обруку, — послѣдніе именно въ смыслѣ новизны, интереснаго происшествія, заимствованнаго изъ частной жизни. Сюжетомъ служатъ по большой части соблазны дѣвицъ и преступныя страсти, и любовь всегда почти является только съ чувственной своей стороны. Авторомъ эротическихъ разсказовъ называютъ одного ученика Аристотелева, Клеарха; другіе подобные разсказы переведены были еще во времена Суллы на латинскій языкъ. Формою любовныхъ писемъ пользовались для правоописаній и для передачи житейскихъ картинъ, и любовныя интриги вплетались деже въ тѣ фантастическія путешествія, которыя Лукіанъ осмѣивалъ въ своихъ «Правдивыхъ исторіяхъ», предшественницахъ всѣхъ на свѣтѣ Мюнхгаузіадъ. Формальный романъ написалъ вполовинѣ 2-го вѣка нашей эры Сиріецъ Ямвлихъ, подъ загла-

віемъ: Вавилонскія исторіи. Онѣ дошли до насъ въ извлеченіи и повѣствуютъ какъ Гармъ, царь вавилонскій, влюбляется въ Синониду, а та презираетъ его и остается вѣрна своему супругу, Роданесу; козни и гоненія, какимъ подвергаются за это они оба, ведутъ ихъ многократно къ разлукѣ и чудесному потомъ возсоединенію, пока послѣ цѣлаго ряда похожденій дѣло не оканчивается тѣмъ, что осужденнаго на смерть Роданеса снимаютъ со креста и самого избираютъ въ цари Вавилона. Здѣсь идеальный элементъ любви проявляется въ вѣрности, и желаніе двухъ личностей принадлежать другъ другу вполнѣ, единственно и исключительно, находить счастіе только другъ въ другѣ, становится душой романа и главною пружиной всѣхъ событій, развивающихся то благодаря противодѣйствію обстоятельствъ, то въ борьбѣ съ искушеніями или съ силой. Лучшія изъ дошедшихъ до насъ произведеній этого рода относятся къ 4-му столѣтію. Ахиллъ Татій *) изображаетъ тепло, тонко и вдумчиво, какъ любовь внезапно воспламеняется при первой встрѣчѣ, и первая ступень ея та, что любящіеся взаимно воспринимаютъ другъ въ друга образъ свой глазами; дальнѣйшія ступени — пожатіе руки, поцалуй, когда сливаются воедино внутренніе жизненные токи; но полный органическій союзъ встрѣчаетъ себѣ помѣху: любовники бѣгутъ, должны нерѣдко разлучаться, и только уже сохранивъ вѣрность другъ другу среди затруднительнѣйшихъ положеній, соединяются они наконецъ съ согласія родителей для взаимнаго услажденія своими личностями, такъ много вынесшими другъ для друга. Разсказъ исполненъ подконецъ напряженной живости; но вначалѣ бѣгство не овинословлено ни чѣмъ, изобрѣтеніе вообще скудно и странно до крайности: любовникъ напримѣръ два раза видитъ умерщвленіе своей милой,—но въ первый разъ это была невольница въ ея платьѣ, а въ другой—ее слѣдовало принести въ жертву, но одинъ сострадательный человѣкъ ухитряется вынуть изъ нея для вида овечьи внутренности, предсказываетъ по нимъ будущее, и этимъ ее спасаетъ. Мысль, что постоянство и вѣрность способны превозмочь всѣ опасности и находятъ себѣ подконецъ награду, проведена хорошо въ томъ отношеніи, что именно сохраненіе Левкиппою дѣвственной чистоты и освобождаетъ ее напослѣдокъ отъ напастей. Изложеніе конечно риторское, сыплющее остротами и цвѣтами краснорѣчія; притомъ, какъ истый Александріецъ, авторъ любитъ щеголять ученостью. Нѣсколько проще разсказы Ксенофонта Эфесскаго и Харитона Афродисійца. Къ совершенной идилліи приводитъ насъ Лонгъ. Дафнидъ и Хлоя — дѣти двухъ сосѣднихъ между собой семей; пасутъ они стадо всегда вмѣстѣ, мало-по-малу возникаетъ въ нихъ любовь и проявляется крайне наивнымъ образомъ, пока наконецъ выходитъ наружу, что они подкидыши знатныхъ родителей; тогда они женятся, но и въ новый свой бытъ переносятъ прежнее радованіе природой, прежнюю наклонность къ задушевной жизни въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу. Рай невинной любви ихъ лежитъ оазисомъ среди развращеннаго міра, который хотя и вліяетъ на него извнѣ, однакожь самая невинность молодыхъ супруговъ становится для нихъ ангеломъ-хранителемъ. Авторъ не умѣетъ еще, правда, все развить изъ внутренней личности героевъ, и поступаетъ иной разъ

*) Въ романѣ: Любовь Клитофона и Левкиппы.

на манеръ старинныхъ живописцевъ, которые, вмѣсто того чтобъ открывать любовь въ душевномъ выраженіи, просто прималевываютъ къ любящимся крылатаго божка любви. Впрочемъ весь романъ ясно-граціозенъ, и оказалъ свое вліяніе не на одну пастушескую поэзію Испанцевъ и Итальянцевъ; можно отнести сюда и Бернарденъ де-Сенпьерра съ его Павломъ и Виргиніей, да кстати еще напомнить, какъ въ разговорахъ съ Эккерманомъ старецъ Гёте восхищался очаровательно-милой ясностью Лонгова изложенія.

Лучшимъ изъ древнихъ романовъ выходитъ Геліодорова повѣсть про Ѳеагена и Хариклею. Авторъ, говорятъ, былъ впослѣдствіи епископомъ; но трудъ его съ такимъ сердечнымъ участіемъ останавливается на египетскомъ жречествѣ и потомъ на праздникѣ и оракулѣ въ Дельфахъ, что мнѣ кажется, онъ написалъ это будучи еще язычникомъ, хотя уже и окруженный христіанской атмосферой. Композиція соображена съ удивительно-художественнымъ смысломъ. Разсказъ тотчасъ же переноситъ читателя въ самую среду событій, и съ каждымъ шагомъ ихъ впередъ для насъ выясняется все предшествовавшее. Прекрасная дѣвственная жрица озабочена уходомъ за однимъ раненымъ юношей; вокругъ нея, на нильскомъ берегу, мы видимъ остатки пира, тутъ же рядомъ кровь и трупы, а въ дали шайку разбойниковъ. Грекъ, помогающій влюбленнымъ спастись, находитъ въ пророкѣ Каласиридѣ не только что отца разбойничьяго атамана, но и спутника обрученной четы, сопровождавшаго ихъ изъ Дельфъ. Тамъ въ Дельфахъ, воспитана однимъ жрецомъ Хариклея. У темнокожей царицы Эѳіоповъ висѣла въ брачной опочивальнѣ картина Андромеды, и оттого, вся въ послѣднюю, ослѣпительной бѣлизны, вышла родившаяся у нея дочь; опасаясь подозрѣній со стороны мужа, она велѣла подкинуть ребенка съ драгоцѣнными примѣтами, по которымъ можно бы узнать его въ случаѣ нужды, и какой-то проѣзжій Дельфіецъ взялъ дѣвочку къ себѣ на воспитаніе. При храмѣ Аполлона увидѣлъ и полюбилъ ее отличный юноша, Ѳеагенъ, потомокъ Ахилла, приведшій изъ Ѳессаліи процессію богомольцевъ на праздникъ въ Дельфы. Оракулъ указываетъ Хариклеѣ на Эѳіопію, гдѣ должны исполниться ея судьбы, и влюбленные не хотятъ вполнѣ принадлежать другъ другу до тѣхъ поръ, пока она не отыщетъ своихъ родителей. Благородство душъ соотвѣтствуетъ у нихъ блеску юношеской прелести: среди всѣхъ возможныхъ соблазновъ, въ разлукѣ или вмѣстѣ, хранятъ они чистоту и вѣрность и непоколебимо проходятъ сквозь всѣ угрожающія имъ бури съ силою и ясностію воли, съ спокойнымъ упованіемъ на Божество. Изъ пагубныхъ сѣтей сладострастной Арсаки, жены персидскаго сатрапа въ Египтѣ, избавляетъ ихъ вторженіе Эѳіоповъ, къ которымъ попадаютъ они въ плѣнъ. Ихъ положено принесть въ побѣдную жертву, но тутъ-то и узнаютъ, кто они такіе, что приводитъ въ то же время къ окончательному устраненію предразсудка, будто кровавыя человѣческія жертвы угодны Божеству. Прославленіе дѣвственности, сознаніе что помимо плоти можно согрѣшить однимъ сердечнымъ вожделѣніемъ, предпочтеніе, отдаваемое женской красотѣ передъ мужскою,—это и многое еще другое знаменуетъ разсвѣтъ новой уже поры. Авторъ тѣмъ именно и хочетъ показать чудодѣйственность высшей силы, что она повергаетъ человѣка въ крайнія напасти съ цѣлію обратить страду испытуемаго въ блаженство, слезы его въ смѣхъ. Картина очень разнообразна и богата поэтическими положеніями; обри-

совка характеровъ въ связи съ ихъ судьбой начата здѣсь удачно, и изображеніе душевныхъ состояній соперничаетъ съ живописью мѣстностей и нравовъ. Только слишкомъ часто пускаются въ ходъ пророческія сновидѣнія. Изложеніе мѣстами растянуто, но вообще говоря изящно, безъ перехитреннаго щегольства. Тассъ воспользовался Геліодоровымъ сочиненіемъ для своей Клоринды, Сервантесъ—для Персилеса и Сигизмунды, а Кальдеронъ прямо поставилъ его на сцену. Закончимъ изреченіемъ, въ которомъ высказался основной взглядъ Ѳеагена: «Быть-можетъ, для того чтобъ уповать на благоволеніе «вышнихъ силъ достаточно если мы сами не знаемъ за собой ничего худого; «хорошо однакожъ убѣдить въ этомъ и людей, съ которыми живешь, и идти «съ вольной и смѣлой бодростью путемъ измѣнчивой этой жизни».

Какъ Востокъ и Западъ, какъ двѣ міровыя эпохи перешли другъ въ друга, это собственно сознaлось въ философіи; вѣдь она—жизнь времени, постигнутая въ мысли, естественное стремленіе человѣчества понять само себя. *) Органически развилась, научно выработалась она впервые только въ Греціи; а потому и въ александрійскихъ школахъ преобладалъ конечно греческій духъ, и такъ-какъ именно въ Платонѣ онъ нашелъ національно-классическое себѣ выраженіе, то этотъ философъ и сдѣлался центромъ, изъ котораго выходили, вкругъ котораго вращались новыя ученія. Вѣдь и онъ уже высказалъ въ восторженныхъ словахъ высокое влеченіе души къ сверхъестественному и божескому; а теперь философъ явился жрецомъ, которому надлежало освобождать души изъ сѣтей мірского и временнаго мытарства, очищать отъ чувственныхъ накипей и вести къ вѣчности. Чѣмъ яснѣе скептицизмъ показалъ шаткость человѣческаго мышленія и изслѣдованія, тѣмъ неизбѣжнѣе жажда истины требовала божественнаго откровенья; чѣмъ болѣе вдумывались въ безконечное Божество, какъ въ непостижимое, не вмѣстимое въ предѣлы понятія, тѣмъ пламеннѣе возбуждался человѣкъ отдаться ему совершенно, извѣстись въ любви къ нему, слиться съ нимъ воедино. Вотъ почему мы находимъ здѣсь нѣчто подобное индійству, буддистское отвращеніе отъ міра смутнаго, многострaднаго, разрозненнаго бытія, — настоящую Сансару, и вступленіе въ Нирвану, въ блаженный покой нераздѣльно-единаго и вѣчнаго, браманское углубленіе духа въ самого себя, которое постигаетъ божество въ сокровеннѣйшихъ своихъ нѣдрахъ и пріобщается ему въ тиши чистаго созерцанія. Пророческое озареніе свыше, откровеніе Бога посвятившимъ себя ему провидцомъ, давно было знакомо Іудейству, и то что греческой философіи далось подконецъ только медленнымъ трудомъ,—единство и духовность Бога,—то для Іудеевъ было искони-вѣчнымъ наслѣдіемъ религіозной истины.

Съ самаго основанія города Евреи стали селиться въ Александріи и сближаться съ греческой образованностью, которой они принесли съ своей стороны все высшее, что было до тѣхъ поръ порождено семитствомъ, священныя свои книги,—Моисея, Пророковъ и Псалмы. Въ положеніяхъ филосо-

* Противники философіи считаютъ это стремленіе за пустую, несбыточную затѣю; но вѣдь и они не могутъ отринуть его естественности, не поставивъ человѣческому пониманію совершенно произвольныхъ уже границъ. Прим. перев.

фовъ нашли они много сходнаго съ своимъ, и стараясь отыскать такихъ сходствъ болѣе и болѣе, путемъ объясненія и аллегорическаго толкованія книгъ своихъ они незамѣтно внесли въ нихъ много такого, чему научились только у Грековъ, а потомъ обратно пришли къ мысли, что язычники въ прежнія времена сами почерпали изъ нихъ Откровенія и что Платонъ былъ тотъ же Моисей, только говорившій аттической рѣчью. Первоначальнымъ достояніемъ ихъ были святость Божества и возвышенность его надъ міромъ; въ соприкосновеніи съ Персами и ихъ вѣрою въ духовъ у Евреевъ послѣ вавилонскаго плѣна далѣе выработалось представленіе объ ангелахъ, какъ посланцахъ Ягве (Іеговы), какъ посредствующихъ силахъ между нимъ и людьми; Премудрость Божія, которую такъ часто славили и превозносили поэты, была олицетворена какъ истеченіе божескаго величія, какъ духъ его, разлитый по всему созданью, а потомъ признана за одно и то же со всепроницающимъ, всезиждущимъ, міровымъ разумомъ стоиковъ, такъ что для обозначенія ея само собой напрашивалось греческое имя логосъ (слово и разумъ вмѣстѣ).

Съ другой стороны еще Пиѳагоръ связалъ Эллинство съ Египтомъ, и все то, что развилъ изъ этихъ зачатковъ философскій духъ Греціи, Египтяне легко могли теперь снова перенести въ нихъ обратно и за тѣмъ распознать чуть не то же самое въ мудрованіяхъ своихъ жрецовъ. Естественно что Пиѳагоръ, при жреческомъ достоинствѣ своей личности, чтился какъ освященный свыше провозвѣстникъ истины, и что фантазія его учениковъ возвела наставника даже въ сына божія и чудотворца; какъ сами Александрійцы связывали теперь еврейскія, персидскія и вавилонскія идеи съ греческими, такъ, думали, что дѣлалъ уже и онъ, что и онъ конечно побывалъ въ Іерусалимѣ, у Маговъ, и у Халдеевъ. Пиѳагоровскій союзъ для осуществленія и поощренія мудрости и добродѣтели возобновленъ за вѣкъ до Рождества Христова ѳерапевтами въ Египтѣ, эссенянами въ Палестинѣ. Они предоставляли все свое имущество роднымъ и близкимъ, полагая, что кто обладаетъ духовнымъ богатствомъ, тому незачѣмъ искать внѣшняго, и посвящали себя созерцательному общежитію въ цѣломудріи и нищетѣ. Духъ считали они чистымъ, божественнымъ, а матерію—нечистью, источникомъ всякаго зла; такимъ образомъ тѣло становилось для души темницей, откуда освобождаетъ ее только смерть; вотъ почему душа должна заготовь умирать здѣсь для всего чувственнаго. Они воздерживались отъ мясной пищи, отъ вина, отъ брака, отвергали рабство и требовали всеобщаго человѣколюбія; они уповали духовнымъ житіемъ сподобиться прозрѣнія во внутреннюю суть вещей, въ божественныя силы, и пріобрѣсть мощью духа магическое на нихъ вліяніе. Помыслъ о Богѣ никогда не долженъ былъ покидать души человѣческой, чествовала ли она его въ славословіяхъ, или посвящала себя изученію и объясненію книгъ Завѣта. Филонъ говоритъ: «Они молятся по два «раза въ день, на утренней зарѣ и подвечеръ; при восходѣ солнца они про«сятъ себѣ истинно-добраго дня, то-есть да взойдетъ небесный свѣтъ ду«шамъ ихъ, а при закатѣ молятъ, чтобы душа, освободившись отъ бремени «чувствъ и внѣшняго міра, погрузилась въ сокровеннѣйшее свое святилище «и прозрѣла истину.»

Современникъ апостоловъ Павла и Іоанна, Филонъ, всѣхъ талантливѣе и подробнѣе связалъ въ одно цѣльное міросозерцаніе, повліявшее и на выработку христіанскихъ ученій, греческую философію съ ветхимъ завѣтомъ, который онъ считалъ за божественное откровеніе. Моисей для него всѣхъ выше, но Пиѳагоръ и Платонъ въ свою очередь также святые люди Божіи, * и религіозную истину готовъ онъ равномѣрно видѣть въ миѳахъ и поэтахъ Грековъ. Въ его аллегорическомъ толкованіи какъ ихъ, такъ и самой Библіи, господствуетъ сообразительность фантазіи, но безъ критики; его философіи недостаетъ послѣдовательной связи, научной доказательности: онъ упустилъ изъ виду взаимныя противорѣчія различныхъ ея элементовъ. Онъ именуетъ Бога безконечнымъ, и исключаетъ изъ него всѣ конечныя опредѣленія; потому что измѣнчивость міра нисколько не похожа на Божію вѣчность, зависимость и сложная природа твари совсѣмъ не то что его тожественная простота, свобода и самодовлѣтельность; онъ чище единицы, онъ безкачественъ; мы не можемъ познать, каковъ онъ, мы знаемъ только, что онъ есть, онъ — сый (то-есть всегда бывшій, сущій и вовѣки будущій), онъ Іегова (Ягве). А между тѣмъ Филонъ крѣпко держится и за то, что Писаніе говоритъ о Іеговѣ, видитъ въ Богѣ вседѣйственную первосилу, и сущность его характеризуетъ всемогуществомъ и добротой. Онъ превыше міра, и совершенное не должно оскверняться соприкосновеніемъ съ несовершеннымъ, съ матеріей; вотъ почему Богъ дѣйствуетъ на міръ посредствующими существами, для уясненія себѣ которыхъ Филонъ пользуется какъ религіозными представленьями объ ангелахъ и демонахъ, такъ и ученіемъ Платона объ идеяхъ или воззрѣніемъ стоиковъ на божественныя мысли, какъ на зародышныя силы вещей. Этихъ духовныхъ посредниковъ считаетъ онъ вѣстниками и намѣстниками Божьими, міроурядными понятіями, столпами и нерушимыми связями вселенной; это лучи первичнаго свѣта Божія, свойства его сущности, законы его природы, но также опять и особыя личности. Это постоянное колебаніе между двумя взглядами, между миѳикой и діалектикой, между формами представленія и понятія, именно и характеризуетъ Филона, равно какъ и его вѣкъ. То же находимъ мы и въ его ученіи о логосѣ. Въ немъ, въ божественномъ разумѣ, Филонъ видитъ совокупное единство всѣхъ силъ и всѣхъ идей, а слѣдовательно и главнаго посредника между Богомъ и міромъ, провозвѣстника его воли, слово и орудіе, имн же онъ создалъ все, и наконецъ первосвященника, предстателя за всѣ твари. Логосъ — божественное самосознаніе, единство всего міра божескихъ мыслей, и потому воистину первородное вѣчнаго существа и первообразъ всякаго созданія: такъ и характеризуетъ его Филонъ; а далѣе именуетъ закономъ Божіимъ, связью, протянутою съ одного конца міра на другой и все собой держащею, движущею и единящею, и тутъ узнаемъ мы въ немъ опять Платонову душу міра и мірозиждущій, всеоживляющій разумъ стоиковъ. Но когда за тѣмъ онъ называетъ логосъ образомъ и перворожденнымъ сыномъ Божіимъ, даже самимъ Богомъ, а въ другой разъ — первочеловѣкомъ, то здѣсь снова выступаетъ олицетвореніе, какъ уже и прежде у Іудеевъ объипостасены были духъ Божій и Премудрость (I, 259).

* Подобный же взглядъ встрѣчаемъ потомъ еще и у Іустина Мученика. Прим. перев.

Всякая жизнь, всякая форма, весь порядокъ въ мірѣ исходятъ отъ дѣйственнаго разума Божія; матерія противостоитъ ему, какъ нѣчто безформное, безрядное, ничтожное, и только дѣйствіемъ духовныхъ силъ видообразуется по числу и мѣрѣ. Въ человѣкѣ духъ и матерія соединены какъ душа и тѣло; но тѣлесная оболочка собственно вѣдь зло, могила и гробъ духа; она посредствомъ чувственной похоти всегда силится низвести его во тьму, въ тлѣнность преходящаго. Надо стало-быть умереть для плоти, грѣха и конечности, и путемъ любви и справедливости къ людямъ, путемъ благочестія къ Божеству, вознестись къ вѣчному. Для этого на помощь намъ нисходитъ благодать, само ея неослабное влеченіе и пробуждаетъ жажду къ ней въ нашемъ сердцѣ, оно даетъ намъ силу на добро. Чѣмъ глубже вникнемъ мы въ самихъ себя, тѣмъ яснѣе станетъ намъ наше собственное ничтожество, тѣмъ лучше мы сознáемъ необходимость самооткровенія Божія для того чтобъ намъ сподобиться узрѣть Бога. Но онъ дается намъ самъ, если мы отъ себя отступимся; кто отвратитъ помыслы отъ преходящаго, въ томъ прочно водворится вѣчное. Конечному не обнять безконечнаго, но если оно отвергнется само себя, то совершенно растворится въ безконечномъ и будетъ все видѣть въ его свѣтѣ; разсудочное самосознаніе человѣка исчезаетъ въ божественномъ, такъ что однимъ божескимъ разумомъ движется пророкъ, онъ звучитъ этимъ разумомъ какъ струны инструмента и ничего отъ себя не говоритъ, а высказываетъ только слово Господне.

Немного позже Филона выступилъ религіознымъ преобразователемъ между язычниками Аполлоній Тіанскій, новопиѳагореецъ жреческаго чина, въ бѣломъ льняномъ одѣяніи; задачей философіи ставилъ онъ распространеніе истиннаго богопознанія и благочестія и ходилъ проповѣдуя изъ края въ край, изъ храма въ храмъ. Отъ него дошло до насъ мѣткое изреченіе: «Если ты бѣденъ—будь мужемъ, а если богатъ—будь человѣкъ». Въ народныхъ богахъ видѣлъ онъ подручниковъ Единаго, силы, которыми Онъ дѣйствуетъ на міръ; вышній Богъ не требуетъ ни какой вещественной жертвы, не требуетъ даже и громкихъ молитвъ, а одного только духовнаго поклоненія. Человѣкъ божественнаго существа отъ природы, и становится богомъ черезъ добродѣтель и мудрость; душа безсмертна и, по мѣрѣ своего нравственнаго состоянія, она переходитъ въ тѣла подходящихъ къ ней свойствами созданій, пока не освободится отъ узъ чувственности и плоти и не достигнетъ духовнаго бытія. Вести ее къ такому освобожденію Аполлоній называлъ своимъ божественнымъ призваньемъ; для этого онъ совѣтовалъ воздерживаться отъ мясной пищи, отъ вина, отъ любовныхъ наслажденій, особенно же — блюсти чистоту сердца, справедливость, и благочестіе; потому что главное дѣло въ образѣ чувствъ и мыслей: освященіемъ воли пріобрѣтается и мудрость, прозрѣвающая бывшее и будущее. При Неронѣ Аполлонія подвергли уголовному суду за то, что, когда императоръ охрипъ отъ простуды, тотъ не хотѣлъ приносить жертвъ и молитвъ за возстановленіе его голоса. На вопросъ Тигеллина, отчего не боится онъ Нерона, Аполлоній, говорятъ, отвѣчалъ: «Оттого что Богъ, давшій ему казаться страшнымъ, меня надѣлилъ безстрашіемъ».—Въ другой разъ навлекъ онъ себѣ преслѣдованіе при Домиціанѣ и былъ допрошенъ въ его присутствіи. Замѣтивъ, что онъ не удостоиваетъ тиранна ни однимъ взглядомъ, обвинитель велѣлъ ему устремить

взоръ на высочайшее лицо; тогда Аполлоній поднялъ глаза къ небу. Въ своей оборонѣ онъ опирался на волю пославшаго его божества: если бы оно назначило кого-нибудь на престолъ, а нынѣшній правитель вздумалъ бы умертвить того человѣка, послѣдній воскресъ бы изъ мертвыхъ, да исполнится судьба его, опредѣленная свыше. Потомъ оправдательную свою рѣчь онъ обратилъ въ нападеніе на льстецовъ и лжедрузей, которые окружаютъ и портятъ властителей, на стаю доносчиковъ, всегда готовыхъ подкопаться подъ другихъ чтобы самимъ возвыситься, и кончилъ увѣщаніемъ къ императору оставить гоненія и осушить текущія вездѣ слезы. Не знаемъ, какъ избавился онъ отъ бѣды; вѣровавшіе въ него говорили, будто оковы сами упали съ его рукъ и онъ свободно прошелъ сквозь запертыя двери темницы. Вообще личность его обставилась цѣлымъ кругомъ сказаній. Не мудрено, что онъ молвилъ нѣсколько пророческихъ словъ насчетъ обстоятельствъ того времени, напримѣръ насчетъ воцаренія Веспасіана, что онъ успокоилъ многія встревоженныя души, что̀ называлось тогда изгнаніемъ бѣсо̀въ, что больные находили у него исцѣленіе; самъ онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что въ природѣ все существуетъ и совершается духовными только силами, и что духъ мудраго можетъ непосредственно влiять на эти силы. Впослѣдствіи стали говорить, что онъ будто останавливалъ землетрясенія и воскрешалъ мертвыхъ. На него смотрѣли какъ на сына Божія и разсказывали что онъ бывалъ въ Вавилонѣ, водился съ индійскими браманами и разумѣлъ языки всѣхъ племенъ. Нельзя, кажется, утверждать чтобы Филостратъ, романически описавшій жизнь его въ 3-мъ вѣкѣ по старымъ источникамъ, умышленно выставилъ его образъ въ противень лицу Христа; но очень можетъ быть что Евангелія не остались безъ вліянія на это сочиненье. Какъ изъ образной рѣчи или притчи слагается разсказъ о чудесахъ, мы очень ясно видимъ примѣръ этому на слѣдующемъ: въ одномъ, едвали подлинномъ, письмѣ своемъ Аполлоній объ индійскихъ мудрецахъ говоритъ: Они живутъ на землѣ, да пожалуй и не живутъ на ней, они ограждены безо всякихъ оплотовъ, и не обладаютъ ни чѣмъ, кромѣ всего; — а одинъ жизнеописатель, основываясь на этомъ, повѣствуетъ, что они парятъ въ воздухѣ, живутъ на холмѣ, огражденномъ волшебною силой, и насыщаются безо всякой пищи. Народъ, падкій на чудеса, всегда готовъ и увидѣть передъ собой чудо. Мы кстати припоминаемъ, что императоръ Адріанъ также будтобы открывалъ слѣпымъ очи, что, даже по разсказу самого Тацита, Веспасіанъ снизойдя на просьбу дотронуться до одного хромца, совершенно исцѣлилъ его этимъ прикосновеніемъ: воображеніе больного творитъ мнимое чудо тамъ, гдѣ оно фактъ; или же это просто миѳическое выраженіе, употребленное для наглядной передачи впечатлѣнія той или другой личности, для уясненія той или другой мысли.

Что человѣчество нуждается въ спасеніи и примиреньи, это ощущали всѣ, а гнетъ тиранновъ-императоровъ могъ разумѣется только усилить это чувство. Противоположность между добромъ и зломъ расширилась въ противоположность вѣчнаго съ конечнымъ, духа съ матеріей; преодолѣть эту рознь, возстановить единство, стало цѣлью общихъ стремленій. Приверженецъ Платона, Плу̀тархъ, ратуетъ противъ смѣшенія чувственныхъ образовъ, священныхъ животныхъ съ единымъ божествомъ, чистымъ и благимъ духомъ, къ которому онъ однакожъ присовокупляетъ первичное начало противоположно-

сти или коренного зла, называемое у Египтянъ Тифономъ, у Персовъ Агриманомъ, у философовъ «инобытнымъ» или отрицательнымъ. Отъ него исходитъ все дисгармоническое (разгласное), все противоразумное. Но божественные разумъ и мощь проникаютъ и одушевляютъ собой вселенную, и мы должны превозмогать въ себѣ смутныя, дикія влеченья и примыкать къ порядкамъ того разума. Подъ вышнимъ Богомъ стоитъ цѣлый міръ боговъ, вопервыхъ солнце и звѣзды, за тѣмъ демоны, посредники между Богомъ и человѣкомъ и слуги единаго Промысла, властвующаго надо всѣмъ. Наше познаніе Божества есть самооткровеніе его намъ свыше; если душа принесетъ на встрѣчу ему чисто-дѣвственную любознательность, тогда божественная мысль озаритъ ее какъ молнія, и въ этомъ соприкосновеніи сподобится она освященія правды.

Нуменій Апамейскій высказалъ въ послѣдней половинѣ 2-го столѣтія, что у Пиѳагора и Платона, у брамановъ и маговъ, у Іудеевъ и Египтянъ, вездѣ находитъ онъ одну и ту же древнюю мудрость. Богъ — единое, вѣчное, неподвижное бытіе; душа должна отвращаться отъ ничтожнаго, разрозненнаго, тревожнаго чувственнаго міра, искать въ полной внутренней тиши богопознанія и сдѣлаться этимъ сопричастницей самого божескаго существа.

Чувство отчужденія отъ Бога въ мірѣ неправды и быстротлѣнности и стремленіе соединиться съ Божествомъ есть также и глубочайшій нервъ новоплатонической школы (Неоплатонизма). Самъ Плотинъ говоритъ намъ: «Когда отъ плотской жизни я пробуждаюсь къ самосознанію, когда, покидая «все другое, я погружаюсь внутрь себя, тогда я соединяюсь съ Божествомъ». Сродство этого взгляда съ христіанскимъ очевидно, и Целлеръ справедливо замѣчаетъ, что безъ этого и борьба ихъ не была бы такъ упорна: «обѣ сто-«роны имѣли одну и ту же цѣль, возсоединеніе съ Богомъ отшатнувшагося «отъ него человѣка; и оттого именно онѣ такъ непримиримо и враждуютъ «между собою, что хотятъ достичь этой цѣли существенно различными сред-«ствами, съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, одна—путемъ философскаго «умствованія, другая—путемъ религіозной вѣры, одна—возвышеніемъ че-«ловѣка въ сверхчеловѣческую божественность, другая—нисхожденіемъ Бо-«жества во всѣ глубины человѣческой слабости». Мы однакожь должны присовокупить къ этому, что новоплатоники обращались къ умственной аристократіи, а христіанство напротивъ къ народу, къ утѣсненнымъ и къ бѣднякамъ; мы должны еще присовокупить къ религіозной вѣрѣ нравственный образъ чувствъ и мыслей, душевное возрожденіе, а нисхожденіе Божества дополнить коренною его причиною, то-есть тѣмъ, что сущность Бога есть любовь, и что царство его состоитъ въ раскрытіи и осуществленіи послѣдней, тогда какъ неоплатонизмъ — прямой возвратъ къ самопогруженію человѣка въ спокойствіе единаго, ни дать ни взять какъ у Индійцевъ. Такъ говоритъ и Порфирій: «Современникъ нашъ, великій мудрецъ Плотинъ, какъ будто бы краснѣлъ того, что его *я* облечено въ тѣло; оттого онъ и не рѣшился ничего повѣдать о своемъ происхожденіи. Онъ былъ бодрый, дѣятельный, чистой души человѣкъ, всегда стремившійся къ божественному, которое онъ любилъ всѣмъ сердцемъ; онъ готовъ былъ на все, чтобы подняться изъ горькаго омута и убѣжать отъ кровавой земной жизни». Плотинъ прожилъ большую часть 3-го столѣтія. Тебя только поджидалъ я, сказалъ онъ, умирая,

только-что вошедшему пріятелю, чтобъ попытаться возвести божественное въ насъ къ божественному во всецѣломъ.

Истинное бытіе здѣсь, какъ и у Платона, сверхчувственное, идеальное; чувственное и матерьяльное есть только продуктъ душевной дѣятельности, только ея внѣшнее явленіе, ея тѣнь: вотъ почему отъ этого призрака слѣдуетъ восходить къ его сути. Первичная же суть есть единое, безконечное, всесовершенное само въ себѣ. Оно само въ себѣ и пребываетъ, тогда-какъ отъ него исходитъ потокъ всяческаго бытія, какъ свѣтъ разливается отъ солнца, теплота отъ огня; это — средоточіе, котораго сила постоянно всему присуща, откуда и происходитъ то влеченіе, которымъ все опять приводится къ нему, къ истинному добру. Первосущность эта сама по себѣ ни мышленіе, ни воля, такъ-какъ вмѣстѣ съ мышленіемъ ставится вѣдь уже разница между мыслимымъ и мыслящимъ, а воля непремѣнно уже чего-нибудь желаетъ; сущность, напротивъ, довлѣетъ сама себѣ и вполнѣ себѣ тожественна, но при этомъ есть основа всякаго воленія и мышленія, или всякаго духа; духъ первое, что вытекаетъ изъ единства, его свѣтъ и зеркало, и въ мыслящей своей дѣятельности онъ составляетъ одно съ мыслимымъ; опредѣляя самъ себя и вмѣстѣ познавая другое, порождаетъ онъ идеи, міръ мыслей, въ которомъ все прекрасно и блаженно, благодаря гармонической связи и взаимному соприкосновенію. Среднее звено между духомъ и тѣлеснымъ міромъ явленій, имъ произведеннымъ, составляетъ душа міра, въ которой всѣ частныя души возникаютъ и живутъ, какъ представленія въ сознаніи. Она освѣщена разумомъ породившаго ее духа, но въ тоже время обращена къ матеріи. Послѣдняя не что иное, какъ ничтожество и пустота, на которую только падаетъ отблескъ дѣйствительнаго, дробясь при этомъ изъ единства временно и пространственно на множество. Такимъ образомъ у Плотина мы видимъ постоянное пониженіе и истеченье; единое всего выше, за нимъ слѣдуетъ духъ, а душа міра образуетъ второй уже кругъ около центра; все это вмѣстѣ составляетъ истинное бытіе, а міръ явленій, міръ конечнаго и плотскаго, есть только тѣнь его, его призракъ, въ которомъ угасаетъ высшій свѣтъ. Матерія не положительное начало обокъ съ духомъ, и не условіе его осуществленія, а тьма, какъ отсутствіе свѣта, который однакожь все-таки бросаетъ на нее отблескъ и этимъ призракомъ производитъ марево бытія. Когда какая-нибудь душа такъ вполнѣ поддастся обману, что приметъ скоропреходящее чувственное за дѣйствительность, тогда она отвернулась отъ своего первоисточника и подпала власти недобраго, злого, безсущнаго.

Тѣмъ не менѣе міръ явленій — отблескъ вѣчнаго первообраза и для Плотина, и эллинская его созерцательность не нарадуется на его красоту. Тѣло — произведеніе душевной силы, стало-быть чувственное есть лишь отраженіе сверхчувственнаго, котораго гармонія отзывается и въ немъ, даже возстановляясь изъ разноголосицъ, какъ въ драмѣ гармонія выходитъ изъ борьбы дѣйствующихъ лицъ. Мудрость Божія обнаруживается въ порядкѣ міра, говоритъ онъ въ виду крайняго міропрезорства со стороны гностиковъ; все хорошо въ своемъ мѣстѣ, и на смѣнѣ между возникновеніемъ и гибелью основана вся жизнь органической природы. Что̀ вытекаетъ изъ хода естества, то принимаемъ мы за необходимое, и если оно кажется намъ зломъ, то это или

кара за вину или можетъ почесться бѣдствіемъ развѣ лишь для того, кто не научился находить счастіе въ одной добродѣтели и все обращать себѣ во благо. Кто не хочетъ господства злыхъ, тотъ мужественнымъ подвигомъ сдѣлай невозможной тиранію!

Склонность къ чувственному низводитъ иную душу въ міръ плоти, и предайся она скотской и растительной жизни, то конечно должна будетъ возродиться потомъ въ видѣ свирѣпаго тигра, прожорливой свиньи, перелетной пташки или грезящаго про себя растенія, пока не подымется опять въ какую-нибудь высшую область. Та истина, что нравственное состояніе человѣка обусловливаетъ его будущность, онагляжена здѣсь по представленіямъ Востока. Но настоящею, жизненною задачей души остается возвращеніе къ сверхчувственному міру; ей дóлжно очиститься отъ страстей и похотей и направить всѣ помыслы къ вѣчному. Этому способствуютъ музыка, любовь и философія. Добродѣтель настоящій путь и для знанія; она показываетъ намъ Бога, а гдѣ ея нѣтъ, тамъ свѣдѣніе о немъ — пустой звукъ. Богъ — наше истинное существо, потому углубленіе въ самихъ себя и ведетъ насъ отъ внѣшняго міра къ Богу. Одно знаменитое изреченіе Плотина Гёте, какъ извѣстно, усвоилъ нѣмецкой поэзіи:

Wär' nicht das Auge sonnenhaft,
Wie könnten wir zur Sonne blicken?
Wär' nicht in uns des Gottes eigne Kraft,
Wie könnt uns göttliches entzücken?

Не будь глазъ солнцеемокъ,
Какъ могли бы мы смотрѣть на солнце?
Не будь въ насъ силы Божіей,
Какъ могли бы мы восхищаться божественнымъ?

Итакъ, всякому, кто хочетъ созерцать Бога и прекрасное, надо сдѣлаться богоподобнымъ и прекраснымъ самому!

Въ тѣснѣйшемъ единеніи души съ первосущностью должна однакожь исчезать всякая разность между созерцающимъ и созерцаемымъ; вдохновенный, восхищенный Богомъ теряетъ свое сознаніе, душа становится свѣтомъ въ свѣтѣ Божіемъ, и въ восторгѣ, какъ бы отъ упоенія и любви, погружается она въ спокойствіе Единаго; въ минуты блаженнаго самозабвенія непосредственно ощущаетъ она Божество. Здѣсь поражаетъ насъ тотъ же самый недостатокъ что̀ и у Индійцевъ: первосущность понимается только какъ неизмѣнно-единое, а не какъ самостоятельнодѣйственный духъ неистощимой любви, въ которомъ стало-быть не исчезаетъ и наша самость; напротивъ, именно свободно отдаваясь этому духу, она возрождается и возвышается.

Стремленіе неоплатонизма къ религіозному преобразованію язычества посредствомъ философіи еще рѣшительнѣе обнаружилось въ школѣ Плотина, у Порфирія и у Сирійца Ямвлиха. Исцѣленіе и спасеніе души для Порфирія прямо цѣль науки, философъ у него душевный врачъ; мы должны вживаться въ предметъ познанія, въ вѣчное. Все въ духѣ, — и чувственное, и сверхчувственное; оно только возбуждается и приводится къ сознанію соприкосновеніемъ души со внѣшнимъ міромъ или углубленіемъ ея внутрь себя.

Порфирій полагаетъ, что любовь къ Богу не совмѣстна съ любовію къ плоти и ея похотямъ, а потому и хочетъ освободить духъ отъ путъ чувственности; человѣкъ долженъ воздерживаться отъ мясной пищи и не обрекать духовныхъ силъ во власть матеріи порожденіемъ новой жизни (дѣторожденіемъ), учитъ онъ ни дать ни взять какъ Будда, и если подобно послѣднему онъ самъ видитъ что большинство на это не пойдетъ, то требуетъ чтобы по крайней мѣрѣ мудрецъ духовнаго сана свято соблюдалъ его правило, потому что душа такого человѣка — истинный храмъ Божій, и настоящее богослуженіе — добродѣтельный образъ чувствъ и мыслей, неразлучный съ богопознаніемъ. Но если уже и Плотинъ упускалъ изъ виду, что Единое само въ себѣ душа и духъ, и придавалъ послѣднимъ на ряду съ той первоосновой полную самостоятельность, то школа его простерла олицетвореніе началъ, ихъ существенныхъ опредѣленій и соотношеній, еще далѣе, чтобы добыть себѣ метафизическую подводку для множества народныхъ боговъ; она признавала видимыя божества въ свѣтилахъ и вѣрила во внутреннее соотношеніе духовныхъ силъ, въ ихъ взаимное сочувствіе, а затѣмъ и въ магическія дѣйствія при взаимной наклонности, замѣчаемой въ сродственныхъ между собой существахъ, вѣрила наконецъ въ предсказанія, основанныя на внезапномъ проблескѣ внутренней связи отдаленныхъ вещей съ близкими, настоящаго съ грядущимъ. Порфирій прикрѣпилъ къ восточной вѣрѣ въ ангеловъ и духовъ свое ученіе о добрыхъ и злыхъ демонахъ, и послѣднимъ также далъ верховнаго владыку въ лицѣ князя преисподней. Императоръ Юліанъ видѣлъ въ Солнобогѣ Геліосѣ посредника между видимымъ и сверхчувственнымъ; онъ былъ для него одно съ Зевсомъ, Діонисъ же — естественная сила, а Аоина — промыслъ надъ всѣми истеченіями его вышней могуты. Впослѣдствіи Юліанъ нашелъ промыслъ и источникъ разума въ матери боговъ, Кибелѣ, а мірозиждительный разумъ въ Атидѣ, и думалъ, что миѳологическій разсказъ нарочно выбираетъ нелѣпицу, чтобы побудить насъ къ исканію скрытаго за ней таинственнаго смысла; credo quia absurdum est, вѣрю въ это, потому что оно нелѣпо, сказалъ вѣдь и христіанинъ Тертулліанъ.

Самъ Юліанъ былъ въ восторгѣ отъ эллинской древности, отъ ея искусствъ и философскихъ ученій; а христіанство противустояло ему уже не въ первичной своей простотѣ и чистотѣ, оно сдѣлалось государственною религіей и принялось за гоненіе язычниковъ, тогда какъ его учители и исповѣдники враждовали между собой за догматы и искали спасенья въ томъ или другомъ уставномъ опредѣленіи. Тогда онъ взялъ сторону угнетенныхъ, въ надеждѣ спасти и возстановить погибающій міръ язычества. Онъ снова отперъ храмы боговъ; но когда выступилъ первосвященникомъ съ мечтами о торжественныхъ шествіяхъ и гимнахъ какъ въ былыя времена, никто не шелъ на зовъ его съ масломъ для лампъ, съ виномъ для жертвенныхъ возліяній; онъ посылаетъ съ вопросомъ въ Дельфы, и узнаетъ что пиоія уже нѣма. Онъ понялъ, чѣмъ возвеличились христіане,—своимъ религіознымъ мужествомъ, благочестивымъ житіемъ, братскою любовью ко всѣмъ, даже къ чужакамъ и бѣднымъ; это же старался онъ внушить и своимъ, самъ учредивъ заведенія общественной благотворительности. Онъ запретилъ христіанамъ преподаваніе свободныхъ искусствъ, такъ-какъ учители не могли вѣдь ограничиваться однимъ словообъясненіемъ, а должны были усвоить себѣ и духъ древнихъ класси-

ковъ. Во вкусѣ Лукіана шутилъ онъ надъ собраннымъ къ Юпитерову столу ликомъ обоготворенныхъ цезарей, равно какъ и надъ мнѣніемъ Константина, что крещальною водой можно очиститься отъ всѣхъ на свѣтѣ прегрѣшеній. Что онъ былъ истиннымъ питомцемъ античнаго духа, это ясно доказываютъ слѣдующія слова: «Я не сознаю въ себѣ ни одного отличнаго качества, кромѣ того, что я свободенъ отъ мечты будто бы мнѣ удалось достигнуть въ чемъ нибудь высшей уже ступени, и что сообразно съ этимъ я и уряжаю свою жизнь. Вотъ почему прошу и друзей своихъ не требовать и не ожидать отъ меня ничего слишкомъ великаго, а скорѣе во всемъ полагаться на Бога. Будемъ мы такъ поступать, то не я выйду виноватъ, если случится иногда и такое, чему бы не слѣдовало быть; а если все пойдетъ благополучно, я попрежнему буду скроменъ и признателенъ, и никогда не присвою себѣ чужой заслуги, а припишу, какъ подобаетъ человѣку, все совершившееся добро божеству, самъ возблагодарю его за это и внушу друзьямъ своимъ обратить свою благодарность къ единому Богу». Но онъ не понялъ прогрессивнаго духа исторіи, передъ которымъ безсильны всѣ попытки возстановить отжившее. Учитель его, Ливаній, съ торжествомъ спросилъ одного христіанина: «Ну что дѣлаетъ теперь сынъ плотника»? — «Гробъ для васъ и для вашихъ надеждъ», отвѣчалъ тотъ. Когда копье паронскаго всадника пронзило грудь Юліана, душу его могла страшно повернуть мысль: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ»!

Какъ сатировская игра къ трагедіи, такъ къ борьбѣ Юліана съ христіанствомъ примыкаетъ поэтическая его выходка противъ напитка, введеннаго теперь новыми племенами, народами будущности, Кельтами и Германцами. Вотъ его эпиграмма въ переводѣ:

Кто и откуда ты, небывалый Діонисъ? Клянусь истиннымъ Вакхомъ,
Не знаю тебя, знаю только Зевсова сына,
Отъ котораго такъ же вѣетъ нектаромъ, какъ отъ тебя несетъ псиной;
Кельтъ варитъ тебя изъ колосьевъ, не вѣдая виноградныхъ гроздъ.
Зовись ты лучше Деметріемъ, не Діонисомъ, яшное отродье,
Побратимъ какой - нибудь булки, а только ужъ не сынъ Семелы, нѣтъ!

Въ Александріи и религія и философія Грековъ кончились мученической смертью высокой и чистой дѣвы жреческаго сына, благородной Гипатіи, которую самъ даже христіанинъ Синесій называлъ матерью, сестрою, наставницей, блаженной и божественной душой. Властолюбивый епископъ Кириллъ завидовалъ славѣ ея мудрости и толпѣ преданныхъ ей слушателей; онъ фанатизировалъ противъ нея монаховъ и простой народъ; въ 415 мъ году, постомъ, ее вытащили на улицѣ изъ колесницы, безжалостно умертвили и трупъ ея въ одной церкви розняли устричными раковинами по частямъ. Романъ Кингсли «Гипатія» превосходно изобразилъ эту женщину и ея время.

Прекрасно распорядилась судьба, избравъ Аѳины, эту Элладу въ сердцѣ Эллады, послѣднимъ пріютомъ для эллинства и связавъ послѣднюю дѣятельность его съ Платономъ, этимъ великимъ представителемъ греческаго генія. Тамошняя высшая школа, обокъ съ суетными затѣями софистовъ, произносившихъ свои пошлыя рѣчи по театрамъ и вступавшихъ тамъ въ публичныя

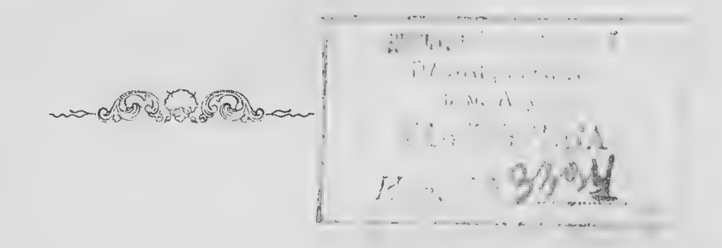
состязанія, постоянно воздѣлывала серьёзную науку; нераздѣльное съ домомъ и садомъ Платона учрежденіе Академіи просуществовало до 529-го года, когда оно было закрыто императоромъ Юстиніаномъ, и тогда же предписано философамъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ покинуть предѣлы имперіи или же принять христіанскую вѣру. Семеро изъ нихъ выѣхали въ Персію, гдѣ думали найдти платоновское царство подъ державой Сассанидовъ; но увидѣвъ народъ безъ нравственности, безъ всякаго высшаго образованья, старались воротиться какъ-нибудь домой. Царь Хозрой включилъ въ одинъ изъ государственныхъ договоровъ условіе, чтобы они до конца жизни могли спокойно пребывать въ Греціи, не отступаясь отъ своихъ убѣжденій.

Эти аѳинскіе новоплатоники нашли себѣ общее средоточіе въ лицѣ Прокла (412—458), закончившаго собой систематически античное духовное образованіе. Въ этомъ удивительномъ человѣкѣ какъ-будто бы совокупились еще разъ всѣ направленія и всѣ силы эллинства. Религіозный по природѣ, онъ далъ посвятить себя во всѣ мистеріи, и не пропускалъ ни одного дня и ни одной ночи безъ совершенія какого-нибудь обряда; онъ полагалъ, что философъ долженъ служить божеству не одного какого-либо города или народа, а быть жрецомъ, іерофантомъ всего міра; онъ вѣрилъ въ свои сны, онъ исцѣлялъ болѣзни своей молитвою, и благочестіе его не разъ награждалось восторженными состояніями, въ которыхъ онъ, закрывъ глаза, видѣлъ духъ свой озареннымъ лучами божественнаго свѣта. И при этомъ онъ былъ тончайшій діалектикъ, такой логическій систематикъ, который всѣмъ великимъ помысламъ греческихъ философовъ и всѣмъ божествамъ различныхъ племенъ указывалъ ихъ мѣсто въ общемъ процессѣ развитія Единаго, вѣчной жизни и вѣчнаго духа, и раскинулъ по всему, какъ естественному, такъ и идеальному, міру сѣтъ трехчленнаго своего понятія. Онъ неоспоримо схоластикъ, съ той стороны что Гомеръ и Платонъ имѣютъ для него авторитетъ откровенной истины, что онъ намѣренъ только истолковать ихъ и ссылается при этомъ на свидѣтельство божескихъ произреченій въ оракулахъ; но онъ въ то же время и мистикъ, черпающій свои созерцанія изъ глубины собственной души, и при всемъ смиреніи передъ Богомъ онъ провозвѣстникъ свободы, съ отрицаніемъ которой стала бы излишнею всякая философія. Чародѣйствомъ воображенія понятія и отношенія ихъ между собой превращаются и у него въ личныя духовныя силы, и въ поэтическомъ вдохновеніи поетъ онъ высокопарные гимны всѣмъ богамъ, изображая существо ихъ въ изящныхъ прилогахъ и въ намекахъ на миѳологію, моля небо о ниспосланіи свыше мудрости и всеединящей любви.

Основная идея его философіи—воззрѣніе на жизнь, какъ на вѣчное истеченіе и втеченіе: Богъ существенъ самъ въ себѣ, все изъ него развертывается и все въ него возвращается; оттого онъ есть во всемъ, онъ вездѣприсущъ, и онъ же надо всѣмъ, пребывая тѣмъ не менѣе въ самомъ себѣ; онъ все изъ себя творитъ, познаетъ все сотворенное и съ нимъ вмѣстѣ самого себя. Богъ въ своемъ единствѣ вѣчно-троиченъ: онъ въ одно и то же время сущность, жизнь и духъ. Потому что вѣдь изъ единства исходитъ безконечность, но встрѣчаетъ въ немъ и предѣлъ себѣ; оттого ограниченіе, неопредѣленно-безконечное и смѣшанное изъ обоихъ или опредѣленное бытіе—вотъ необходимыя

формы сущности. Проклъ знаетъ изъ Платона, что духъ и жизнь не мыслимы безъ движенія и противоположенья; но онъ идетъ дальше Платона, Аристотеля и Плотина, ставя въ самой вѣчной сущности начало розни и основу матеріи, то что̀ онъ называетъ неограниченнымъ, неопредѣленнымъ еще безконечнымъ, долженствующимъ однакожь вспну могучаго вліянія единства подвергнуться опредѣленію. Сущность стало-быть есть сила опредѣленія, безконечная опредѣлимость и вмѣстѣ опредѣленное бытіе; изъ этой первой тріады выходитъ вторая, именно жизнь, гдѣ преобладаетъ безконечное обиліе, тогда какъ въ третьей, напротивъ, духъ изъ дробнаго порозненія возвращается опять къ единству, совокупляетъ въ себѣ все жизненное разнообразіе; и въ жизни и въ духѣ есть единительно-опредѣляющая сила, есть также неопредѣленная безконечность или возможность опредѣлимаго еще бытія, есть наконецъ бытіе, опредѣленное двумя этими началами: только то, что̀ въ сущности является подъ формой понятія, въ жизни выступаетъ подъ видомъ обилія природы, а въ духѣ,—подъ видомъ самосознанія. Тріады эти, которыя Проклъ именуетъ богами, составляютъ вмѣстѣ одно цѣлое и открываютъ намъ собой Божество. Все есть во всемъ, говоритъ онъ: въ сущности есть и жизнь и мышленіе, такъ-какъ первая вѣдь причина послѣднихъ; жизнь заключаетъ въ себѣ сущность, а духъ и существенъ и вмѣстѣ живъ.

Эту основную схему идеи Проклъ находитъ за тѣмъ рѣшительно во всемъ и утомляетъ читателя, неутомимо указывая во всѣхъ возможныхъ вещахъ однѣ и тѣ же всеобщія формы, вмѣсто того чтобъ уразумѣвать и воспроизводить конкретное въ его характеристической особенности. Онъ признаетъ необходимость матеріи для осуществленія жизни и духа; она для него не зло, но существуетъ не сама собой, а только ради добра, и одушевляется божественными силами, которыя все творятъ хорошимъ на своемъ мѣстѣ. Зло обязано своимъ происхожденіемъ единственно лишь винѣ тварей, и все недоброе въ мірѣ есть или слѣдствіе погрѣшеній, или результатъ общаго хода вещей, служащій опять-таки къ исправленію или воспитанію человѣка. Вѣчная сущность души одѣйствотворяется во временномъ; своимъ вступленіемъ въ плотскій міръ она естественною своей стороной подчиняется общей связи вещей въ природѣ и необходимости ея теченія, но своей духовной стороной, какъ самосознательная воля, стоитъ она подъ рукой Промысла и есть свободный (отъ плоти) членъ нравственнаго міропорядка. Любовь ведетъ къ истинѣ путемъ изящнаго, истина открываетъ нашему взору сверхчувственное, а вѣра придаетъ всему этому высшее освященіе, перенося самую душу въ вѣчное и дозволяя ей въ тиши внутренняго чувства находить чрезъ углубленіе въ себя единое, божественное,—находить и вполнѣ съ нимъ сливаться.



2p.